

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

~~9147~~
~~B293~~ A K N16753.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARY

РУССКАЯ СТАРШИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1871 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

ЗАПИСКИ

АНДРЕЯ ТИМОФЕЕВИЧА БОЛотова.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЧАСТИ VIII—XIV.

LIBRARY

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головина, Владимирская, № 15.

1871.

Handwritten markings, possibly a signature or initials, located in the upper center of the page.

343620

STANFORD LIBRARY

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ
АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ

ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

1738—1793.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печати

В. Головкина

Владимірская, д. № 15.

1871.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ VIII.

1760—1761.

(соч. 1800, переп. 1801 г.).

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И ПРЕБЫВАНІЯ МОЕГО ВЪ КЕНИГСБЕРГѢ.

Письмо 83-е *).

Любезный пріятель! Въ послѣднемъ нашемъ письмѣ вы требуете отъ меня того, что хотѣлъ-было я и самъ сдѣлать, а именно, чтобъ описать вамъ такимъ же образомъ исторію прусской войны нашей и въ 1760 году, какъ описывалъ я вамъ ее относительно до 1759 года, и говорите, что вы довольны были-бъ, если-бъ пересказалъ я вамъ о томъ хотя вкратцѣ; а мнѣ инако и сдѣлать не можно, ибо въ противномъ случаѣ завело-бъ меня сіе въ великое пространство и удалило слишкомъ отъ собственной исторіи.

Итакъ, приступая къ сему дѣлу, скажу вамъ, что между тѣмъ какъ мы помянутымъ образомъ въ Кѣнигсбергѣ въ мирѣ и въ тишинѣ жили, и время свое проводили въ однихъ забавахъ, утѣхахъ и увеселеніяхъ разныхъ, а я занимался чтеніемъ, переводами и науками, война продолжалась въ Европѣ по прежнему, и пламень ея, воспылая съ начала весны, не преставаъ горѣть до самой глубокой осени и, къ несчастію человѣческаго рода, не въ одномъ еще мѣстѣ, но во многихъ и разныхъ странахъ и областяхъ.

Въ послѣднемъ моемъ о сей войнѣ пись-

мѣ къ вамъ *), рассказалъ я уже, какія дѣланы были повсюду страшныя приуготовленія. Всѣ союзныя державы хотѣли въ кампанію сію напрячь всѣ силы свои къ преодолѣнію наконецъ отгрызающагося отъ нихъ всячески короля прусскаго, и тѣмъ паче, что казалось, будто бы счастье за нѣсколько времени обратилось къ нему спиною, и онъ съ самаго того времени, какъ въ минувшій годъ мы его сперва подъ Пальцигомъ, а потомъ подъ Франкфуртомъ поколотили, терпѣлъ несчастье за несчастьемъ и всюду неудачи; а сей готовился паки отъ всѣхъ враговъ своихъ отъѣдаться и недовестъ себя до погибели совершенной. Такимъ же образомъ рассказалъ я вамъ тогда-жъ и о томъ, какіе разные планы дѣланы были для сей кампаніи и который изъ нихъ принять и почтенъ за лучшій.

Итакъ, весна застала всѣ воюющія державы готовыми опять драться и со изощренными паки другъ на друга мечами. Всѣ прусскія области окружены были со всѣхъ сторонъ многочисленными и сильными непріятельскими арміями, и королю прусскому потребно было все его знаніе, проворство и искусство къ тому, чтобъ умѣть оборонить себя и защитить земли

*) Ноябра 7 дня 1800 г.

*) Въ VII части № 79.

свои отъ толь мно́гихъ непріятелей. Со стороны нашей готовилась надвинуть на него, какъ страшная и темная громовая туча, огромный наша армія. Со стороны Шлезіи готовился впасть въ его земли славный и искусный цесарскій генералъ Лаудонъ, съ многочисленнымъ и сильнымъ корпусомъ. Въ Саксоніи стояла противъ его главная и многочисленная цесарская армія и самъ главный и хитрый ея командиръ графъ Даунъ. Тамъ, даждь, угрожала его имперская армія и владѣтельный герцогъ Виртенбергскій съ особымъ корпусомъ, а съ стороны отъ Рейна, многочисленная и сильная французская армія, а сзади и отъ сѣвера озачивали его по прежнему шведы, а наконецъ со стороны Пруссіи, Помераніи и Данцига опять мы, готовившіеся въ сіе лѣто уже порядочно и съ моря и съ сухого пути осадить приморскую его крѣпость Кольбергъ и снаряжающіе къ тому многочисленный флотъ, со множествомъ транспортныхъ судовъ для перевоза сухопутнаго войска. Словомъ, со всѣхъ сторонъ восходили тучи грозныя и готовились нагрянуть на прусскія области, съ тѣмъ ящею надеждою о хорошемъ успѣхѣ, что король прусскій всѣми предсѣдовавшими кампаніями и многочисленными уронами ослабленъ былъ уже очень много, и въ сей годъ не въ состояніи уже былъ выставить противъ непріятелей вездѣ многочисленныя и такія же хорошія войска, какія были у него прежде. И какъ бѣда и опасность не съ одной, а съ разныхъ сторонъ ему угрожала, то принужденъ былъ и послѣдніе остатки войскъ своихъ раздѣлить на разные, хотя небольшіе куски и выставить оныя противъ помянутыхъ многочисленныхъ армій. Итакъ, противъ насъ поставилъ онъ брата своего принца Гейнриха, съ нарочитымъ корпусомъ; противъ Лаудона, въ Шлезіи, поставилъ генерала Фукета, съ небольшимъ корпусомъ; противъ Дауна и главной цесарской арміи сталъ самъ съ лучшими и отборнѣйшими своими войсками, а противъ имперцовъ и французовъ поручено было защищаться

принцу Фердинанду Брауншвейгскому, а въ Помераніи, противъ шведовъ и насъ поручено было генералу Вернеру съ небольшимъ числомъ войска отгрызаться.

Вся Европа думала и не сомнѣвалась почти, что въ лѣто сіе всей войнѣ конецъ будетъ, и что король прусскій никакъ не въ состояніи будетъ преобороть такіа, со всѣхъ сторонъ противъ его усилія. И если-бъ союзники были-бъ единодушнѣе и согласнѣе, если-бъ поменьше между собою переписывались, пересылались и всѣ переписки и пересылки сіи поменьше соединены были съ разными интригами и обманами, если-бъ поменьше они выдумывали разныхъ военнымъ дѣйствіямъ плавовъ и поменьше дѣлали обѣщаніевъ другъ другу помогать, если-бъ не надѣялись они сихъ взаимныхъ другъ отъ друга вспоможеній и подкрѣпленій, а всѣ бы пошли сами собою прямо и со всѣхъ сторонъ вдругъ на короля прусскаго, то можетъ быть и дѣйствительно-бъ ему не устоять, но онъ бы палъ подъ симъ бременемъ и погибъ. Но судьбѣ видно угодно было, чтобъ быть совсѣмъ не тому, что многіе думали и чего многіе ожидали, а совсѣмъ тому противному, и потому и надобно было пронзойтить разнымъ несогласіямъ, обманамъ, интригамъ, своенравіямъ и упрямствамъ, и прочимъ тому подобнымъ дѣйствіямъ страстей разныхъ и быть причиною тому, что и сіе лѣто пропало почти ни за что. И хотя въ теченіи и онаго людей переморено и перебито множество, крови и слезъ пролиты цѣлыя рѣки, домовъ разорено и честныхъ и добрыхъ людей по міру пушено многія тысячи, но всѣмъ тѣмъ ничего не сдѣлано, но при концѣ кампаніи остались почти всѣ при прежнихъ своихъ мѣстахъ и король прусскій не только благополучно отъ всѣхъ отгрызся. но получилъ еще на концѣ нѣкоторыя выгоды.

Кампанія началась и въ сіе лѣто очень рано, и открылъ ее Лаудонъ нападеніемъ на Шлезію и на стоящаго тамъ противъ его генерала Фукета; и сіе учинено съ толкимъ счастіемъ и успѣхомъ, что помянутый прусскій генералъ не только

былъ разбитъ, но со всѣмъ корпусомъ своимъ взятъ въ полонъ. А вскорѣ послѣ того получена въ Шлезіи цесарцами и другая выгода и взята славная и крѣпкая прусская крѣпость Гладъ, чего никто не ожидалъ, а всего меньше король прусскій.

Лаудонъ, которому велѣно было дожидаться напередъ пришествія къ прусскимъ границамъ нашей (арміи) и тогда уже, а не прежде, начинать свои дѣйствія, и который соскучивши дожидаясь насъ тщетно до самаго мая, симъ дѣломъ поспѣшилъ; и получивъ сію удачу, восхотѣлъ-было и далѣе еще счастьемъ своимъ воспользоваться и до прибытія еще нашей арміи взять и самый главный шлезскій городъ Бреславль. Но какъ сіе не такъ скоро и легко ему одному можно было сдѣлать, какъ онъ думалъ, то и принужденъ былъ отъ сей крѣпости отойти со стыдомъ и разстроилъ самымъ тѣмъ все дѣло.

Принудило его къ тому пришествіе принца Гейнриха, который, стоячи противъ насъ и видя армію нашу поворачивающуюся очень гнѣвно и неповоротливо и далеко не такъ къ Бреславлю поспѣвашему, какъ надлежало: оставивъ насъ однихъ шествовать по волѣ тихими стопами, полетѣлъ съ корпусомъ своимъ для освобожденія Бреславля отъ осады. А какъ въ самое то же время дошелъ до Лаудона слухъ, что и самъ король съ арміею своею туда же шелъ и уже приближался, то, какъ ни старался онъ принудить городъ къ сдачѣ и какъ ни угрожалъ бомбардированіемъ и устрашиваніями коменданта, что, буде не сдастъ города, то не пощадится ни одинъ ребенокъ въ брюхѣ; но сей, давъ славный тотъ отвѣтъ, что ни онъ не брюхатъ, ни солдаты его, не склонился никакъ на сдачу города и принудилъ тѣмъ Лаудона, недождавшись арміи нашей, приближающейся уже къ городу, оставить осаду и ретироваться въ горы. А сіе и произвело, что походъ и нашей арміи и все поспѣшеніе оной сдѣлалось тщетно и она принуждена была остановиться на томъ

мѣстѣ, гдѣ извѣстіе о томъ ее застало, и въ разсужденіи пропитанія своего пришла въ великое нестроеіе, ибо вся надежда была на великіе и огромные прусскіе магазины въ Бреславлѣ, которыми цесарцы овладѣть и ими нашу армію прокормить надѣялись.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило въ этомъ краю, то въ другомъ, а именно Саксоніи, происходила другая потѣха. Тамъ Даунъ и король прусскій долгое время стояли другъ противъ друга, и старались только одинъ другого перехитрить и обманывать. Первому не хотѣлось никакъ допустить короля прусскаго соединиться съ братомъ его, принцомъ Гейнрихомъ, а самому урваться и поспѣшить къ Лаудону, дабы, соединившись съ нимъ и съ нашею арміею, ударить уже вдругъ на короля; а сему хотѣлось не допустить Дауна до сего соединенія, и потому, какъ скоро онъ услышалъ, что сей, получивъ извѣстіе о начальныхъ успѣхахъ Лаудона, пошелъ къ нему на вспоможеніе, какъ для удержанія его вдругъ обратился назадъ и совсѣмъ неожиданнымъ образомъ осадилъ саксонскій столичный, и цесарцами тогда защищаемый, прекрасный и обширный городъ Дрезденъ, и привеза изъ соседственныхъ своихъ областей тяжелую артиллерію, началъ оной најесточайшимъ образомъ и такъ сильно разстрѣливать и бомбардировать, что въ одинъ день пущено въ оный 1400 бомбъ и ядеръ, отъ которыхъ сей прекрасный городъ такое претерпѣлъ разореніе, что и по нынѣ еще не можетъ отъ того совершенно поправиться и раны свои и до нынѣ еще чувствуетъ. Вся Европа сожалѣла о бѣдствіи сего города и тѣмъ паче, что всѣмъ было извѣстно, что осада сія предпріята была единственно для остановленія пошедшаго въ Шлезію Дауна и что въ самомъ городѣ не было королю нисколько нужды. Но ему и удалось самымъ тѣмъ перехитрить Дауна, ибо какъ скоро до сего дошелъ слухъ о сей осадѣ и такомъ разореніи города, то вернулся онъ назадъ для защищенія и освобожденія го-

рода отъ осады, что въ непродолжительное время и произвелъ, и принудилъ короля такимъ же образомъ со стыдомъ оставить осаду Дрездена, какъ Лаудонъ оставилъ осаду Бреслава.

По окончаніи сего неудачнаго предприятия, которое было послѣднее изъ несчастныхъ, оборотился король прусскій къ Шлезии и пошелъ прямо къ намъ, ибо слухъ до него дошелъ, что наша армія находилась уже въ самомъ сердцѣ любезной его Шлезии и за милою только отъ Бреслава, почему и хотѣлъ онъ всячески поспѣшить и, соединившись съ принцомъ Гейнрихомъ во что-бы ни стало, ударить на насъ всею силою. Но не успѣлъ онъ въ сей славный и дальній походъ выступить, какъ Даунъ въ тотъ же часъ отправился въ слѣдъ за нимъ и, догнавъ, пошелъ съ нимъ рядомъ, дѣлая ему въ шестви возможныхъ препятствій и затрудненій. И такъ шли обѣ арміи въ такой близости другъ къ другу рядомъ и такъ неопереживая и неотставая другъ отъ друга, что всякому, незнающему того, показалось бы, что это одна армія.

Между тѣмъ, нашему графу Салтыкову приходило съ арміею его ѣсть нечего, а какъ услышалъ онъ, что идетъ на него самъ король прусскій, и что Даунъ идетъ, хотя съ нимъ рядомъ, но ничего не дѣлаетъ и къ баталіи его не принуждаетъ, былъ тѣмъ крайне недоволенъ и говорилъ, что когда невозпрепятствовали цесарцы ему перейти чрезъ рѣки Эльбу, Шпре и Боберъ, то не помѣшаютъ ему перейти и Одеръ, соединиться съ принцомъ Гейнрихомъ и напасть на него всею соединенною силою. „Королю, говорилъ онъ далѣе: стбитъ только сдѣлать марша два форсированныхъ и употребить обыкновенныя свои хитрости, какъ онъ и явится предъ нами; но я прямо говорю, что, какъ скоро король перейдетъ чрезъ Одеръ, то въ тотъ же часъ пойду я назадъ въ Польшу“.

Таковыя угрозы принудили Дауна, для остановленія короля прусскаго, дать

ему баталію и онъ, улуча такое время, что королю случилось стать лагеремъ въ одномъ мѣстѣ не очень выгодно, назначился напасть на него на разсвѣтѣ и атаковать вдругъ съ четырехъ сторонъ его лагерь. Самъ Даунъ хотѣлъ атаку вести спереди, Лесію назначено было атаковать правое, а Лаудону лѣвое крыло.

Всѣ распоряженія были къ тому уже сдѣланы въ тайнѣ и цесарцы такъ несумнѣвались о хорошемъ успѣхѣ, что, хвастаясь, говорили уже, что король у нихъ теперь ровно какъ въ мѣшкѣ, и имъ стбитъ только мѣшокъ сей сжать и завязать; но, по особливому несчастію ихъ, король узналъ какъ о намѣреніи ихъ, такъ и о самомъ помянутомъ хвастовствѣ, и самъ въ тотъ же день за ужиномъ, говоря, что цесарцы въ томъ и не погрѣшаютъ, однако онъ надѣется сдѣлать въ семъ мѣшкѣ дыру, которую имъ трудно будетъ заштопарить.

А всходствіе того, тотчасъ по наступленіи ночи, и велѣлъ онъ сдѣлать всѣ приуготовленія къ баталіи и расположилъ тотчасъ планъ оной. Онъ приказалъ въ лагерѣ своемъ поддерживать обыкновенныя огни и поджигать ихъ крестьянамъ, а гусарамъ, чрезъ каждыя четверть часа, кричать и пускать сигналы, дабы всѣмъ тѣмъ сокрытъ отъ непріятеля свой походъ и намѣреніе; самъ тотчасъ со всею арміею вышедши изъ лагера и отойдя въ удобнѣйшее мѣсто, построилъ армію къ баталіи и сталъ, сидячи на барабанѣ, спокойно дожидаться утра. Но что всего курьезнѣе было, то точно такой же обманъ для скрытія шествія своего употребили и цесарцы. и что симъ образомъ обѣ арміи въ потемкахъ ночью шли къ тому мѣсту, гдѣ судьбою назначено быть великому кровопролитію, другъ о другѣ ничего не зная и не вѣдая.

Итакъ, не успѣло начать разсвѣтать, какъ Лаудонъ, которому поручено было напасть на короля съ лѣваго фланга съ тридцатью тысячами человекъ войска, вдругъ усматриваетъ пруссаковъ тамъ

гдѣ онъ ихъ всего меньше найдить думалъ, и съ ужасомъ примѣчаетъ, что предъ нимъ стоитъ вся королевская армія въ готовности къ сраженію, и которой вторая линія тотчасъ вступила съ нимъ въ бой и какъ пушечною пальбою съ батареей, такъ оружейнымъ огнемъ его встрѣтила. Лаудонъ, хотя и не оробѣлъ въ семь случаевъ, но, построивъ въ скорости весь корпусъ свой треугольникомъ, атаковалъ самъ пруссаковъ съ возможною храбростію; но какъ онъ былъ слишкомъ слабъ противъ оныхъ, то, по двучасномъ сраженіи и потерявъ до нѣсколькихъ тысячъ убитыми и въ полонъ попавшими, и оставивъ пруссакамъ въ добычу 23 знамя и 82 пушки, принужденъ былъ оставить мѣсто баталіи королю прусскому, и съ такимъ искусствомъ ретировался назадъ чрезъ рѣчку, тутъ случившуюся, что король прусскій расхвализъ самъ сію ретираду и говорилъ, что онъ во всю войну не видалъ ничего лучшаго противъ сего маневра Лаудонна, и что наилучшимъ днемъ жизни его есть тотъ, въ который хотѣлось ему разбить его.

Сраженіе сіе, бывшее 4-го августа, продолжалось хотя недолго и было хотя только съ одною частію цесарской арміи, но послѣдствія имѣло великія. Даунъ, хотя атаковать поутру пруссаковъ, удинился, не нашедъ ни одного изъ нихъ въ прусскомъ лагерѣ и не понималъ, куда они дѣлись и что объ нихъ подумать; но какъ разбитіе Лаудона сдѣлалось извѣстно, то сіе разстроило и смутило всѣ его мысли и намѣренія, и онъ въ скорости не зная, что ему начать и дѣлать. Что-жъ касается до короля, то онъ ни минуты почти не сталъ медлить, но, забравъ всѣхъ раненыхъ и полоненныхъ, также и въ добычу полученныхъ пушки, пошелъ въ тотъ же самый день далѣе къ Бреславлю и въ сторону нашей арміи, и дошедъ до Пархвица, по близости котораго мѣста стоялъ тогда графъ Чернышовъ съ двадцатью тысячами россіянъ и прикрывалъ рѣку Одеръ.

Совсѣмъ тѣмъ, и несмотря на сію

побѣду, находился король прусскій въ страшномъ положеніи. Всѣ провіантскія фуры были у него порожними и провіанта осталось не болѣе, какъ на одинъ день; но что того еще хуже, то въ скорости и взять его было негдѣ. Изъ ближайшихъ магазиновъ одинъ былъ въ Бреславлѣ, а другой въ Швейдницѣ, но пройти къ первому мѣшали ему мы, а особливо помянутый графъ Чернышовъ съ своимъ корпусомъ, а для прохода къ Швейдницу надлежало напередъ драться со всею соединенною австрійскою арміею и побѣдить оную, но что не могло еще быть достовѣрно.

Итакъ, при обстоятельствахъ сихъ, находился король въ великомъ смущеніи и не зная что дѣлать, но по счастью, мы избавили его сами скоро отъ сей напасти. Главнымъ командирамъ нашей арміи вздумалось что-то, безъ всякой особенной причины, перейти назадъ чрезъ рѣку Одеръ, и въ предлогъ къ тому говорили они, что, не получая пять сутокъ никакого извѣстія о цесарцахъ, заключали, что они либо совсѣмъ разбиты, либо пресѣчена съ ними совершенно коммуникація, а чрезъ сіе и очистили ему путь къ Бреславлю. Одинъ только Чернышовскій корпусъ находился за рѣкою Одеромъ и дѣлалъ помѣшательство, но и онъ былъ скоро удаленъ и король употребилъ къ тому особливую хитрость. Написано было подложное письмо будто отъ короля къ принцу Гейнриху, въ которомъ увѣдомлялъ онъ его о своей побѣдѣ надъ цесарцами и о намѣреніи перейти чрезъ рѣку Одеръ для атакванія россіянъ, причемъ напоминалъ онъ ему о сдѣланіи движенія, о которомъ у нихъ было условлено. Письмо сіе вручено было одному мужику и дано наставленіе, какъ ему поступить, чтобъ русскіе его поймали и письмо сіе перехватили. Хитрость сія имѣла успѣхъ наиболѣе дѣйствительнѣйшій. Чернышовъ не успѣлъ прочесть сего письма, какъ перешелъ тотчасъ чрезъ рѣку Одеръ и высвободилъ чрезъ то короля изъ наипаснѣйшаго и такого положенія, въ какомъ онъ никогда

еще не находился; и король никогда такъ весель не бывалъ, какъ въ сей разъ. Онъ могъ уже тогда соединиться съ принцемъ Гейнрихомъ и предпринимать далѣе что ему было угодно; и съ сего времени пошло ему опять вездѣ счастье.

Отступление нашей арміи произвело то, что и Даунъ, не имѣя уже надежды соединиться съ нею и боясь, чтобъ онъ и самъ не былъ отрѣзанъ отъ Богеміи, за полезнѣйшее счелъ отступить назадъ и подвинуться къ горамъ. Король прусскій послѣдовалъ за нимъ по стопамъ и старался вездѣ и всячески ему вредить и войско его обезпокоивать, а симъ образомъ и проходили они другъ за другомъ весь сентябрь мѣсяцъ, и сраженія происходили только маленькія и ничего незначущія.

Между тѣмъ какъ происходило сіе въ Шлезіи, возгремѣлъ военный огонь и въ Помераніи. Флотъ нашъ, подъ командою адмирала Мишукова и состоящій изъ двадцати семи военныхъ линейныхъ кораблей, фрегатовъ и бомбардирныхъ галіотовъ, въ мѣсяцѣ августѣ приплылъ подъ Кольбергъ и крѣпость сія осаждена была какъ имъ, такъ и пятнадцатью тысячами сухопутнаго войска; а къ нашему флоту присоединилась еще и шведская эскадра, состоящая изъ шести линейныхъ кораблей и двухъ фрегатовъ. Генералъ Демидовъ, привезшій восемь тысячъ сухопутнаго войска на корабляхъ, высадивъ оное, соединился съ главнымъ корпусомъ, и осадивъ городъ сей съ трехъ сторонъ, началъ оный и съ моря и съ сухого пути бомбардировать и утѣснять оный всѣми возможными образами. Бомбардированіе сіе производилось съ такимъ усиліемъ, что въ теченіе четырехъ дней брошено было въ него болѣе семисотъ бомбъ, не считая каркасовъ или зажигательныхъ ядеръ. Но крѣпость сія была не такова слаба, чтобъ можно было ею овладѣть однимъ таковымъ бомбардированіемъ и немногимъ осаждающимъ войскомъ; и комендантъ прусскій оборонялся и въ сей вторичный разъ на мужественнѣйшимъ образомъ и, несмотря

на все разореніе, производимое въ городѣ бомбами и ядрами, не сдавался никакъ, докогда не прибылъ на сиекуръ къ нему генералъ Вернеръ съ пятью тысячами войска и не напалъ совсѣмъ нечаянно на неожиданно того совсѣмъ нашихъ россіянъ. Неожиданность сего нападенія произвела толкнй страхъ и ужасъ на осаждающихъ, что они, оставя пушки, палатки и весь багажъ, разбѣжались врознь и чрезъ самое то сдѣлали и сіе вторичное покушеніе на Кольбергъ неудачнымъ и обратившимся къ крайнему стыду нашему. Самый флотъ, увидѣвъ разбѣжавшихся сухопутныхъ солдатъ и власно какъ опасаясь, чтобъ прусскіе гусары и ему чего не сдѣлали, заблагоразсудилъ также осаду и бомбардированіе оставить и съ стыдомъ отплыть въ море.

Что-жь касается до Вернера, то онъ, сдѣлавши тутъ свое дѣло, послужившее ему къ великой чести и славѣ, обратился потомъ къ шведской Помераніи и надѣлалъ и тамъ еще множество дѣлъ, обратившихся во вредъ его непріятелямъ шведамъ.

Такимъ же образомъ посчастливилось королю прусскому и въ Саксоніи и тамъ, гдѣ нападалъ на области его герцога Виртенбергскій съ своимъ и имперскимъ войскомъ. Сей сначала имѣлъ хорошій успѣхъ, захватилъ многія мѣста, принудилъ платить себѣ военную контрибуцію и выгналъ пруссаковъ изъ всей почти Саксоніи; но какъ дошло дѣло до сраженія съ пруссаками подъ командою генерала Гильзена, то былъ такъ несчастливъ, что потерялъ баталію и далъ себя побѣдить пруссакамъ, а чрезъ нѣсколько времени потомъ, и еще разбитъ былъ принцемъ Цвейбрикскимъ.

Что-жь касается до французской арміи, подъ командою дюка де-Броглю, то сія въ сей годъ была счастливѣе. Она, безъ всякаго большого сраженія, а единственными движеніями, принудила пруссаковъ выйтти за Рейнъ и оставить многіе города и провинціи во власти французовъ.

Симъ окончу я сіе письмо, достигшее

до своихъ предѣловъ, а въ послѣдующемъ за сямъ расскажу вамъ достальное о военныхъ дѣйствіяхъ, бывшихъ въ теченіи сего года. Я емь и проч.

Письмо 84-е

Любезный пріятель! Какъ въ предсѣдующемъ моемъ письмѣ не успѣлъ я вамъ пересказать всѣхъ военныхъ происшествій, бывшихъ въ теченіи 1760-го года, то расскажу вамъ теперь прочія.

Изъ пересказаннаго вамъ тогда означается само собою, что какъ ни велики были со всѣхъ сторонъ военныя приуготовленія и какъ жарко-было ни началась кампанія, однако вся она, противъ всякаго думанья и ожиданія, прошла въ однихъ только маршахъ и контра-маршахъ, въ хожденіяхъ непріятелей другъ за другомъ и въ примѣчавіяхъ всѣхъ взаимныхъ движеній. Три только осады, и всѣ три неудавшіяся, ознаменовали наиболѣе сіе гѣто, а именно: бреславская, дрезденская и кольбергская. Наконецъ окончилось уже и гѣто, и приближающееся холодное и дурное время заставляло какъ цесарцевъ, такъ и россиянь, помышлять и о зимнихъ своихъ квартирахъ. Для обонхъ главныхъ командировъ оныхъ была та мысль несносна, что они съ превеликими своими арміями ничего важнаго въ дѣло гѣто не сдѣлали. Они стыдились даже самихъ себя. А какъ присовокупилось къ тому и столь невыгодное Дауново стояніе въ горахъ, что всякій подвозъ къ нему былъ чрезвычайно отяготителенъ, впередъ же податься, за стояніемъ передъ нимъ и неотставаніемъ ни на пядень отъ него короля прусскаго, было ему никакъ не можно, — и другого не оставалось, какъ ретироваться въ Богемію; то стали выдумывать тогда всѣ способы, чѣмъ бы отманить прочь короля оттуда и отвлечь въ другую сторону, и признали къ тому наилучшимъ средствомъ то, чтобъ нашему графу Салтыкову отправить отъ себя легкой корпусъ прямо къ столичному прусскому городу Берлину и овладѣть онимъ, и отъ сего-то произошло та славная берлинская экспе-

диція, о которой мнѣ вамъ рассказать осталось и которая падѣла тогда такъ много шума во всемъ свѣтѣ, но послужила намъ не столько въ пользу и славу, сколько во вредъ и безчестье.

Преклонить къ предпріятію сему нашего упрямаго и своенравнаго графа Салтыкова, господину Дауну неиннако, какъ великаго труда стоило, и онъ не прежде на то согласился, какъ получивъ обѣщаніе, чтобъ и цесарцы съ другой стороны послали-бъ туда такой же корпусъ. Итакъ, отъ сихъ отправленъ былъ въ оную Ласси съ пятнадцатью тысячами австрійцевъ, а отъ насъ графъ Чернышовъ съ двадцатью тысячами. Самъ же графъ Салтыковъ взялся прикрывать всю сію экспедицію издали, а графу Ферморю поручено было, съ знатною частію арміи, итти въ слѣдъ за нимъ, и какъ подкрѣплять всю экспедицію издали, такъ и дѣлать наиглавнѣйшія съ нею распоряженія.

У насъ, въ теченіе сего гѣта и около самаго сего времени въ особенности, какъ-то прославился бывший совѣтъ до того неизвѣстнымъ, нѣмчинъ, генерал-майоръ графъ Тотлебенъ, командовавший тогда всѣми легкими войсками и приобрѣтшій въ короткое время отъ нихъ и отъ всей арміи себѣ любовь всеобщую. Всѣ были о храбрости, расторопности и счастіи его такъ удостовѣрены, что надѣялись на него, какъ на ангела, сосланнаго съ небесъ для храненія и защищенія арміи нашей. Какъ сему нѣмчину случилось не только бывать, но и долгое время до того живать въ Берлинѣ, и ему какъ положеніе города сего, такъ и всѣ обстоятельства въ немъ были коротко извѣстны, то поручено было ему въ сей экспедиціи передовое, и въ трехъ тысячахъ человекѣхъ состоящее войско, съ которымъ онъ и отправленъ былъ напередъ.

Послику главною цѣлью при сей экспедиціи было полученіе превелкой въ Берлинѣ добычи, и оною, сколько съ одной стороны мы, а того еще болѣе цесарцы прельщались, то походомъ сямъ съ обѣихъ сторонъ дѣлаво было возможнѣйшее успѣ-

шеніе, такъ что и сами цесарцы шли во весь походъ, противъ обыкновенія своего, безъ разстаговъ и въ десять дней перешли до трехсотъ верстъ; но какъ много зависѣло отъ того, кто войдетъ въ сей городъ прежде, то наши были въ семъ случаѣ проворнѣе, и Тотлебенъ такъ поспѣшилъ, что, отправившись изъ Лейтена, что въ Шлезіи, въ шестой день, а именно въ полдни 3-го октября, съ трехтысячнымъ своимъ изъ гренадеръ и драгунъ состоящимъ корпусомъ, явился предъ воротами города Берлина, и въ тотъ же часъ отправилъ въ оный трубача съ требованіемъ сдачи оного.

Сей превеликій столычнй королевскій городъ, не имѣющій вокругъ себя ни каменныхъ стѣнъ, ни земляныхъ валовъ, и всего меньше сего посѣщенія ожидавшій, имѣлъ въ себѣ только 1,200 человекъ гарнизоннаго войска, и потому къ оборонѣ находился совсѣмъ не въ состояніи. Комендантомъ въ ономъ былъ самый тотъ же генералъ Роховъ, который, за два года предъ тѣмъ, имѣлъ уже такое-жъ посѣщеніе отъ австрійцевъ. Совсѣмъ тѣмъ, случившіеся тогда въ Берлинѣ—старикъ фельдмаршалъ Левальдъ, раненый генералъ Зейдлицъ и генералъ Кноплохъ присовѣтовали ему обороняться и были такъ усердны, что изъ единого патриотизма взяли собственными особами защищать маленькіе шанцы, сдѣланные предъ городскими воротами. Итакъ, всѣ, кто только могъ, и самые инвалиды, и больные похватали оружіе и приготовились къ оборонѣ. Тотлебенъ, получивъ отказъ, велѣлъ тотчасъ сдѣлать двѣ батареи и стрѣлять по городу. Стрѣльба сія продолжалась съ двухъ часовъ пополудни по шестой часъ, и хотя брошено въ сіе время въ городъ до трехсотъ гаубичныхъ бомбъ и каркасовъ, изъ которыхъ инны доставали даже до самаго королевскаго дворца, однако всѣмъ тѣмъ не произведено никакого пожара и не сдѣлано вреда дальняго, кромѣ поврежденія нѣсколькихъ домовъ и кровель па оныхъ. Въ вечеру же, въ 9 часовъ, началась опять жестокая стрѣльба и бомбан-

дированіе, и 150 человекъ гренадеръ приступали къ Галльскимъ и Котбузскимъ воротамъ и маленькимъ предъ ними окопамъ и хотѣли взять оныя приступомъ, но были каждый разъ сильнымъ огнемъ изъ ружей отбиваемы. Все сіе продолжилось за полночь; послѣ чего, и во все 4-е число стояли спокойно, а между тѣмъ, сего числа подоспѣлъ къ Берлину на помощь прусскій генералъ принцъ Евгенийъ Виртенбергскій съ 5,000-ми бывшаго въ Помераніи войска и, оправившись, атаковалъ тотчасъ маленький Тотлебеновъ корпусъ и принудилъ его отойти нѣсколько далѣе до Копеника.

Тутъ является потомъ графъ Чернышовъ со всѣмъ своимъ достальнымъ корпусомъ и соединяется съ Тотлебеномъ. Сей генералъ, услышавъ о дѣлаемомъ сопротивленіи, хотѣлъ-было уже итти назадъ, и преклонить его къ тому, чтобъ итти къ Берлину, стоило великаго труда находившемуся при немъ французскому комисіонеру, маркизу Монталамберту. Но какъ сему удалось наконецъ его къ тому уговорить, тогда оба они съ генераломъ Тотлебеномъ пошли впередъ, а пруссаки, увидѣвъ сіе, начали тотчасъ подаваться назадъ. Между тѣмъ, подоспѣлъ въ городъ другой еще прусскій корпусъ, состоящій изъ 28-ми баталіоновъ и находившійся подъ командою генерала Гильзена, и пруссаки въ городѣ сдѣлались такъ сильны, что могли оборонить ворота городскія. И еслибъ подержались они хотя нѣсколько сутокъ, то спасся бы Берлинъ, ибо король самъ летѣлъ уже къ нему на вспоможеніе, и у нашихъ, равно какъ и у цесарцевъ положено уже было въ военномъ совѣтѣ итти назадъ. Но, по счастью нашему, прусскіе начальники испужались приближающейся къ тамошнимъ предѣламъ и уже до Франкфурта, что на Одерѣ, дошедшей нашей арміи, и генерала Панина, идущаго съ нарочитымъ корпусомъ для поддержанія чернышевскаго и не надѣялись съ 14-ю тысячами человекъ прусскаго войска въ состояніи быть оборонить отверстій со всѣхъ сторонъ городъ,—и опасаясь под-

вергнуть его отъ бомбандированія разоренію, а въ случаѣ взятія приступомъ грабежу, заблагоразсудили со всѣмъ войскомъ своимъ ретироваться въ крѣпость Шпандау, а городъ оставить на произволъ судьбы своей.

Сія судьба его не такъ была жестока, какъ того думать и ожидать бы надлежало. Городъ, по отшествіи прусскихъ войскъ, выслалъ тотчасъ депутатовъ и сдался немедленно Тотлебену на договоръ, который поступилъ въ семь случаѣ далеко не такъ, какъ бы ожидать надлежало; но нашедъ въ немъ многихъ старинныхъ друзей своихъ и вспоминая, какъ они съ нимъ тутъ весело и хорошо жилали, заключилъ съ городомъ не только весьма выгодную для его капитуляцію, но поступилъ съ нимъ уже слишкомъ милостиво и снисходительно. Въ особенности же, поспѣшествовалъ непомѣрной благосклонности къ сему городу нѣкто изъ берлинскихъ купцовъ, по имени Гоцковскій, странный и рѣдкій человекъ, и сущій выродокъ изъ купцовъ. Будучи очень богатъ и употребляя богатство свое не во зло, а въ пользу отечеству своему, сдѣлался онъ при семъ случаѣ охранительнымъ духомъ сего столчнаго города. Онъ настроилъ весь городской магистратъ, во-первыхъ, къ тому, чтобъ сдаться намъ, росіянамъ, а не пришедшимъ также уже царцамъ, ибо отъ сихъ, какъ главныхъ своихъ неприятелей, не ожидалъ онъ никакой пощады. — Во-вторыхъ, какъ онъ послѣ Кюстринской или Цорндорфской баталіи, всѣмъ попавшимся тогда въ прусскій плѣнъ російскимъ офицерамъ оказалъ отрицательное великодушіе и всѣхъ ихъ не оставилъ и подкрѣплялъ своимъ достаткомъ, то сдѣлался онъ черезъ то во всей російской арміи извѣстнымъ, а сіе приобрѣло ему и отъ тогдашнихъ нашихъ начальниковъ въ Берлинѣ дружбу, а особенно отъ главнаго командира, графа Тотлебена, а сею и воспользовался онъ найдѣтельнѣйшимъ образомъ къ пользѣ города. — Всѣ берлинскіе жители и знакомые и незнакомые, воспринимали къ нему при-

бѣжище, и онъ ежечасно являлся съ просьбами и представленіями, какъ обо всемъ обществѣ, такъ и за частныхъ людей, и для подкрѣпленія просьбъ своихъ не жалѣлъ ни золота, ни камней, ни другихъ драгоценностей и не поставляя всего того на счетъ города.

Тотлебенъ требовалъ съ города четыре милліона талеровъ контрибуціи, и при всѣхъ представленіяхъ былъ сначала немолчимъ. Онъ ссылался на полученное имъ отъ графа Фермора точное повелѣніе — выбрать неотмѣнно сію сумму и не новыми негодными, а старыми и хорошими деньгами. Всѣ берлинскіе жители пришли отъ того въ отчаяніе, но наконецъ удалось купцу сему чрезъ пожертвованіе великихъ суммъ изъ собственнаго своего капитала, требуемую сумму уменьшить до полутора милліона, да сверхъ того, чтобъ дано было войскамъ въ подарокъ 200 т. талеровъ, также добиться и до того, чтобъ и вся оная небольшая и ничего почти незначущая сумма, принята была вмѣсто старыхъ и новыми маловѣсными и тогда ходившими обманными деньгами. Съ сими радостнымъ извѣстіемъ полетѣлъ Гоцковскій въ ратушу, гдѣ собравшійся магистратъ принялъ его какъ своего ангела-хранителя, и назначенныя въ подарокъ войску деньги, также полмилліона контрибуціи, были тотчасъ заплачены, а въ милліонѣ взяты со всего купечества векселя.

Купецъ сей въ такомъ кредитѣ былъ у нашихъ русскихъ, что они ни съ кѣмъ не хотѣли имѣть дѣла, кромѣ его. Онъ денно и ночью былъ на улицѣ, доносилъ о всѣхъ безпорядкахъ, дѣлаемыхъ чиновниками, препятствовалъ всякому несчастію и утѣшалъ страждущихъ. Отъ Фермора дано было повелѣніе, чтобъ всѣ королевскія фабрики сперва разграбить а потомъ разорить, и между прочими были именно упомянуты такъ-называемый Лагергаусъ, съ которой становилось сукно на всю прусскую армію, также золотая и серебряная мануфактура, и 10-е число октября назначено было для сего разоренія. Годковскій узнаетъ о

томъ въ полночь, бѣжить безъ памяти къ Тотлебену, употребляетъ все возможное и представляетъ ему, будто-бы сіи, такъ-называемыя королевскія фабрики, не принадлежатъ собственно королю и доходъ отъ нихъ будто бы не отсылается ни въ какую казенную сумму, а употребляется весь на содержаніе Потсдамскаго сиротскаго дома. Тотлебенъ уважаетъ сіе его представление, заставляя Гоцковскаго засвидѣтельствовать сіе письменно, и утвердить присягою, — а сіе и спасло сіи фабрики, и избавило ихъ отъ повелѣннаго Ферморомъ разоренія.

Спмъ образомъ зависѣло отъ одного Тотлебена тогда причинить королю прусскому неописанный и ничѣмъ ненаградимый убытокъ. Берлинъ находился тогда въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, наполненъ былъ безчисленнымъ образомъ наипрекраснѣйшихъ зданій, былъ величайшимъ мануфактурнымъ городомъ во всей Германіи, средоточіемъ всѣхъ военныхъ снарядовъ и потребностей и питателемъ всѣхъ прусскихъ войскъ. Тутъ находилось въ заготовленіи несмѣтное множество всякихъ повозокъ, мундировъ, оружія и всякихъ военныхъ орудій и припасовъ, и многія тысячи человекъ занимающіеся приуготовленіемъ оныхъ; было множество богатѣйшихъ купцовъ и жидовъ, и первые можно-бъ было всѣ разорить и уничтожить, а послѣдніе могли-бъ заплатить огромныя суммы, еслибъ Тотлебенъ не такъ былъ къ нимъ и ко всѣмъ берлинцамъ снисходителенъ.

Какъ цесарскій генералъ Ласси пришелъ къ Берлину позднѣе Тотлебена, то сей и не хотѣлъ никакъ уступить ему главнаго начальства надъ городомъ, и Ласси съ великою досадою и негодованіемъ смотрѣлъ на столь снисходительныя поступки Тотлебеновы. Онъ оттѣснилъ силою російскій караулъ отъ Гальсеныхъ воротъ и, поставивъ свой, требовалъ во всемъ соучастія, угрожая въ противномъ случаѣ протестовать противъ капитуляціи. Чернышовъ принявъ сію ссору и приказавъ опростать австрійцамъ трое воротъ и подѣлиться

съ ними тѣми деньгами, которыя назначены въ подарокъ войскамъ и дать имъ 50 т. талеровъ.

Тотлебенъ принужденъ былъ принимать на себя разныя личины и играть различныя роли. Публично дѣлалъ онъ страшныя угрозы и произносилъ клятвы и злословія, а тайно изъяснялъ благосклонное расположеніе, которое и подтверждалось дѣломъ. Всѣ жестокія повелѣнія Фермора были на большую часть отвращены и неисполнены. Но требованія цесарцевъ были еще жесточе; между прочимъ, хотѣли они, чтобъ подорванъ былъ берлинскій цейггаусъ, славное и великолѣпное зданіе посреди города и лучшихъ улицъ находящееся. Отъ сего произошелъ бы ужасный вредъ всему Берлину, и Тотлебену какъ того ни нехотѣлось, но онъ принужденъ былъ на то согласиться и отправлено уже было 50 человекъ россіянъ на пороховую, неподалеку отъ Берлина находившуюся мельницу, за порохомъ. Но неизвѣстно уже, какъ то случилось, что тамъ весь порохъ загорѣлся и мельницу взорвало вмѣстѣ со всѣми солдатами и цейггауса подорвать было уже нечѣмъ; итакъ, довольствовались тѣмъ, что весь его опорожнили: что можно было взять съ собою, то взяли, другое переломаю, иное сожжено, а другое побросано въ воду, а притомъ разоренъ былъ королевскій литейный домъ, монетныя сбруи и машины, пороховыя мельницы и всѣ королевскія фабрики, и забраты вездѣ, гдѣ ни были, казенныя деньги, коихъ число простиралось до 100 т. талеровъ.

Далѣе приказано было отъ Фермора берлинскихъ газетировъ наказать прогнаніемъ сквозъ строй за то, что писали они объ насъ очень дерзко и обидно, и назначенъ былъ къ тому уже и день и часъ, и поставленъ уже строй. Но Гоцковскій, вмѣшавшись и въ сіе дѣло, умѣлъ его такъ перевернуть, что они приведены были только къ фрунту и имъ сдѣланъ былъ только выговоръ — и тѣмъ дѣло кончено.

Далѣ повѣщено было всему городу, чтобъ всѣ жители, подѣ жестокимъ наказаніемъ, сносили все свое огнестрѣльное оружіе на дворцовую площадь. Сіе произвело новое всему городу изумленіе и новое опасеніе, но Гоцковскій произвелъ то, что и сей приказъ былъ отмѣненъ и для одного только имени принесено на площадь нѣсколько сотъ старыхъ и негодныхъ ружей и по переломаннхъ казаками брошены въ рѣку; а тоже сдѣлано и съ нѣсколькими тысячами пудовъ соли. Другое повелѣніе Фермора относилось до взысканія особой контрибуціи съ берлинскихъ жидовъ, и чтобъ богатѣйшихъ изъ нихъ, Ефраима и Ицига взять въ аманаты, но Гоцковскій умѣлъ сдѣлать, что и сіе повелѣніе было неисполнено.

Въ условіяхъ капитуляціи положено было, чтобъ ни одному солдату не брать себѣ квартиры въ городѣ, но цесарскій генералъ Ласси, оказывающій себя при всѣхъ случаяхъ непримиримѣйшимъ врагомъ пруссакамъ, поднялъ на смѣхъ сіе условіе и съ нѣсколькими полками своего корпуса взялъ квартиры себѣ въ городѣ, совсѣмъ противъ хотѣнія россіянъ. И тогда начались обиды, буянства и наглости всякаго рода въ городѣ.

Солдаты, будучи недовольны ѣствами и напитками, вынуждали изъ обывателей деньги, платье, и брали все, что только могли руками захватить и утащить съ собою. Берлинъ наполнился тогда казаками, кроатами и гусарами, которые посреди дня вламывались въ дома крали и грабили, били и уязвляли людей ранами. Кто опаздывалъ на улицахъ, тотъ съ головы до ногъ былъ обдираемъ и 282 дома было разграблено и опустошено. Австрійцы, какъ сами говорили берлинцы, далеко превосходили въ семь рукоемствъ нашихъ. Они не хотѣли слышать ни о какихъ условіяхъ и капитуляціи, но слѣдовали національной своей ненависти и охотѣ къ хищенію, чего ради принужденъ былъ Тотлебенъ ввести въ городъ еще больше россійскаго войска и нѣсколько разъ даже стрѣлять по хищ-

никамъ. Они вламывались, какъ бѣшеные, въ королевскія конюшни, кои, по силѣ капитуляціи, охраняемы были россійскимъ карауломъ. Лошади изъ нихъ были повытасканы, кареты королевскія ободраны, оборваны и потомъ изрублены въ куски. Самые гошпитали, богадельни и церкви пощажены не были, но повсюду было граблено и разоряемо, и жадность къ тому была такъ велика, что самые саксонцы, сіи лучшіе и порядочнѣйшіе солдаты, сдѣлались въ сіе время варварами и совсѣмъ на себя были непохожи. Имъ досталось кватировать въ Шарлоттенбургѣ, городѣ за милою отъ Берлина отлежачемъ и славномъ по королевскому увеселительному дворцу, въ ономъ находящемся. Они съ лютою и звѣрствомъ напали на дворецъ сей и разломали все, что ни попалося имъ на глаза. Найдрагоценнѣйшія мебели были изорваны, изломаны, исковерканы, зеркала и фарфоровая посуда перебита, дорогіе обои изорваны въ доскутки, картины изрѣзаны ножами, полы, панели и двери изрублены топорами и множество вещей было растаскано и расхищено; но всего болѣе жалъ было королю прусскому хранимаго тутъ и прекраснаго кабинета рѣдкостей, составленнаго изъ однихъ антикъ или древностей и собраннаго съ великими трудами и коштами. Бездѣльники и онѣи не оставили въ покоѣ, но всѣ статуи и все перековеркали, переломали и перепортили. Жители шарлоттенбургскіе думали-было откупиться, заплативъ контрибуціи 15 т. талеровъ, но они въ томъ обманулись. Всѣ ихъ дома были выпорожены, все, чего не можно было унести съ собою, переколono, перебито и перепорчено, мужчины избиты и изранены саблями, женщины и дѣвки изнасилничаны и нѣкоторые изъ мужичиъ до того были избиты и изранены, что испустили духъ при глазахъ своихъ мучителей.

Такое-жъ зло и несчастіе претерпѣли и многія другія мѣста въ окрестностяхъ Берлина, но все болѣе отъ цесарцевъ, нежели отъ нашихъ русскихъ, ибо сіи

дѣйствительно наблюдали и въ самомъ городѣ столь великую дисциплину, что жители берлинскіе, при выступаніи нашихъ и отъѣздѣ бывшего на время берлинскимъ комендантомъ бригадиру Бахману, подносили чрезъ магистратъ 10,000 талеровъ въ подарокъ, въ благодарность за хорошее его и великодушное поведеніе; но онъ сдѣлалъ славное дѣло, — подарка сего не принявъ, а сказавъ, что онъ довольно награжденъ и тою честью, что нѣсколько дней былъ комендантомъ въ Берлинѣ.

Впрочемъ, вся сія славная берлинская экспедиція далеко не произвела тѣхъ пользы и выгоды, какихъ отъ ней ожидали, но сдѣлалась почти тщетною и пустою. Еслибъ, по ожиданію многихъ, по занятію войсками нашими Берлина, всѣ союзныя арміи и самая наша двинулась внутрь Бранденбургіи и въ оной и даже въ окрестностяхъ Берлина располагалась на зимнія квартиры, то король былъ бы окруженъ со всѣхъ сторонъ и доведенъ до крайности, и войнѣ-бъ чрезъ то положенъ былъ конецъ; но какъ союзники, такъ и наши, не имѣли столько духа, но напротивъ того, услышавъ, что король, узнавъ о семъ занятіи Берлина, тотчасъ съ войскомъ своимъ полетѣлъ къ нему на помощь, такъ сего испужались, что разсмыслись въ одинъ мигъ всѣ, какъ дождь, отъ Берлина въ разныя стороны. Наши сѣвши убраться за рѣку Одеръ и соединиться съ главною арміею; цесарцы направили стопы свои въ Саксонію, чтобъ соединиться съ Дауномъ, а шведы, посѣщавшіе-было также къ Берлину, возвратились обратно въ Померанію, такъ что король, пришедъ къ Берлину, не нашелъ тутъ уже никого, а одни только слѣды опустошенія и разоренія и усилъ еще потомъ, возвратясь къ пошедшему между тѣмъ въ Саксонію Дауну, подраться съ цесарцами и какъ у нихъ побить нѣсколько тысячъ народа, такъ и самъ потерять столько-жъ. Большая, славная и почти безпримѣрная баталія сія, единая во все теченіе лѣта, произошла въ Саксоніи, при мѣстечкѣ Тор-

гау или Сиплицѣ и совсѣмъ была сначала потерянная королею; но нечаянная удача генерала его Цитена, и обстоятельство, что Даунъ былъ раненъ и долженъ былъ команду препоручить генералу Одонелю, доставило ему наконецъ побѣду, безъ дальнихъ однако для его выгоды, кромѣ того, что онъ удержалъ за собою Саксонію, и всѣ воюющія съ нимъ державы вышли изъ его предѣловъ.

Такимъ образомъ окончилась въ сей годъ кампанія, достопамятная наиболѣе одними только маршами и контра-маршами, да упомянутою теперь торговскою баталіею, а въ прочемъ не принесшая ни союзникамъ дальнихъ выгоды, ни изнурившая короля прусскаго. Онъ остался при тѣхъ же границахъ, въ какихъ былъ съ начала весны, и всѣ труды, убытки и люди потеряны были по пустому; а сими окончу я и сіе письмо, дабы въ послѣдующемъ говорить уже о иномъ и обратиться паки къ своей исторіи, между тѣмъ остаюсь вашъ и прочее.

Письмо 85-е.

Любезный пріятель! Возвращаясь опять къ описанію моей собственной исторіи, скажу вамъ, что между тѣмъ, какъ все упомянутое въ послѣднихъ моихъ обоихъ письмахъ въ Шлезіи, Саксоніи, Помераніи и Бранденбургіи происходило, мы, живучи въ Кёнигсбергѣ, такъ какъ прежде мною было упоминаемо, помышляли только о увеселеніяхъ и только что досадовали, что не присылались такъ долго курьеры съ извѣстіями ни о взятѣ городовъ, ни о сраженіяхъ, ни о побѣдахъ, какими мы во все лѣто ласкались. Наконецъ, какъ обрадовались мы, услышавъ, что наши пошли въ Берлинъ и оный взяли. Мы думали, что отъ сего и Богъ знаетъ что послѣдуетъ; но сколь же взгоревались опять, когда услышали, что войски наши опять сей городъ покинули, что занятіе онаго не послужило намъ ни въ какую пользу и что наши и сами насилу ушли оттуда. Намъ стыдно даже самихъ себя было при

семь извѣстїи, а особливо потому, что мы слишкомъ уже зарадовались овладѣніемъ Берлиномъ.

Вскорѣ послѣ того и около самаго того времени, какъ пошелъ мнѣ двадцать третїй годъ, а именно 11 октября (1760) поражены мы были другимъ всего меньше ожидаемымъ и всѣхъ насъ неописанно поразившимъ извѣстіемъ, что императрица, прогвѣвавшись на нашихъ предводителей войскъ и генераловъ за то, что они въ минувшую кампанію такъ мало ревности и усердія оказали, и чрезъ то подвигли союзниковъ ея къ неудовольствію и недовѣрку на себя, вознамѣрилась сдѣлать перемѣну, и на мѣсто графа Салтыкова опредѣлила старика фельдмаршала, графа Александра Борисовича Бутурлина, главнымъ командиромъ ея арміи. Сіе извѣстіе привело насъ всѣхъ въ изумленіе и мы долго не хотѣли вѣрнѣ, чтобъ могло сіе быть правдою. Характеръ сего престарѣлаго большого боярина былъ всему государству слишкомъ извѣстенъ и всѣ знали, что неспособенъ онъ былъ къ командованію не только арміею, но и двумя или тремя полками, и что всѣмъ и всѣмъ несравненно былъ хуже Салтыкова; а когда и сей едва-едва годился воевать противъ такого хитраго и искуснаго воина, каковъ былъ король прусскїй, то чего можно было ожидать отъ Бутурлина, который уже и до того служилъ болѣе всѣмъ единымъ посмѣшищемъ? Словомъ, всѣ дивились тому и говорили, что никакъ людей на Руси уже не стало, и всѣ утверждали, что лучше бы поручить армію послѣднему какому-нибудь генералъ-майору, нежели сему старику, даромъ, что онъ былъ фельдмаршалъ, до котораго чина дослужился онъ по линїи. Единая привычка его часто подгуливать и даже пить иногда въ кружку съ самыми подлыми людьми, наводила на всѣхъ и огорченіе, и негодованіе превеликое. А какъ сверхъ того былъ онъ неучъ и совершенный во всемъ невѣжда, то всѣ отчаявались и не ожидали въ будущую кампанію ни

малѣйшаго успѣха, въ чемъ дѣйствительно и не обманулись.

Впрочемъ, сколько негодовали мы на сего новаго главнаго всѣмъ намъ командира, столько сожалѣли о прежнемъ честномъ и праводушномъ старикѣ, графѣ Салтыковѣ. Сей, хотя также былъ не слишкомъ знающимъ, но все гораздо уже лучше Бутурлина и ежели что портилъ, такъ отъ единаго своего упрямства и своенравія, при многихъ случаяхъ даже непростительнаго. Онъ былъ отлученъ только отъ арміи, а не отставленъ, и ему велѣно было жить въ городѣ Мариенбургѣ.

Между тѣмъ, продолжали мы въ Кѣнигсбергѣ жить по прежнему и самую осень препровождаютъ въ увеселенїяхъ обыкновенныхъ. У генерала нашего были то и дѣло балы, а въ исходѣ ноября опять маскарадъ превеликій, на которомъ я опять затанцовался до совершенной усталости; а сверхъ того имѣли мы около сего времени и другую забаву: прислана была къ намъ въ Кѣнигсбергъ—для выпорожненія и у насъ и у многихъ кѣнигсбергскихъ жителей кармановъ и обобранія у всѣхъ излишнихъ денегъ—казенная лотерея. До сего времени не имѣли мы объ ней никакого и понятія, а тогда узнали ее довольно-предовольно и за любопытство свое заплатили дорого. У многихъ изъ нашей братїи, а особливо охотничковъ, любителей и желавшихъ вдругъ разбогатѣть, не осталось ни рубля въ кармаѣ, а нельзя сказать, чтобъ и я не сдѣлался вкладчикомъ въ оную. Рублей пять, шесть и до десяти проигралъ и я, и послѣ тужилъ объ нихъ чисто-сердечно, ибо на сумму сію могъ бы я купить себѣ превеликое множество шингъ; но по счастью скоро опамятовался и терять болѣе деньги понапрасну пересталъ.

Въ половинѣ декабря былъ у насъ, по причинѣ случившагося какого-то праздника, опять у генерала нашего превеликій маскарадъ и я протанцовалъ и на ономъ до самаго четвертаго часа и до

такой усталости, что насилу могъ дойти до квартиры.

Въ сію осень какъ-то въ особливости я зарѣзвился и затанцовался впрахъ, власно какъ предчувствуя, что всѣмъ такимъ забавамъ и увеселеніямъ скоро уже конецъ долженствовалъ воспослѣдовать, какъ и дѣйствительно, не успѣли мы отъ оваго еще выснагаться и отдохнуть, какъ получаемъ совсѣмъ неожиданное и такое извѣстіе, которое до крайности всѣхъ насъ перетревожило, а именно, что мы вскорѣ получимъ себѣ новаго и незнакомаго командира и что прежняго, тоестъ Корфа, угодно было императрицѣ опредѣлить въ Петербургъ, на мѣсто умершаго Татищева, генераломъ-полицеймейстеромъ, а смѣнить его и нами тутъ въ городѣ командовать велѣно было генералу-поручику Суворову, отцу того, который впоследствии такъ много прославилъ себя въ свѣтѣ.

Всѣ мы, хотя и не очень были довольны Корфомъ, какъ по чрезвычайно крутому его нраву и бранчивости непошрной, такъ и потому, что онъ неслишкомъ былъ и милостивъ и благодѣтеленъ во всѣмъ намъ, русскимъ, а особливо подкомандующимъ, и никто изъ насъ не видалъ отъ него никакого добра вромѣ однихъ ругательствъ и браней, и потому всѣ не столько его любили, сколько ненавидѣли, и самого его въ тайнѣ бранили; однако, съ одной стороны сдѣланная уже къ нему привычка, а съ другой стороны незнаніе новаго командира и его характера, и обстоятельство, что изъ знающихъ иные его хвалили, а иные нѣтъ, вообще же, всѣ отзывались объ немъ, что онъ человекъ особливаго характера, сдѣлало то, что намъ его (Корфа) уже нѣкоторымъ образомъ и жаль стало.

Извѣстіе о семъ получено нами уже въ исходѣ 1760 года и за немногіе дни до Рождества Христова, и генералъ нашъ, получивъ оное, тотчасъ отправился по нѣкоторымъ надобностямъ и дѣламъ къ фельдмаршалу въ Мариенбургъ, взявъ съ собою и г. Чонжина, который въ сіе время былъ уже коллежскимъ ассес-

соромъ, который чинъ доставилъ ему генералъ нашъ.

Сія отлучка сихъ обонхъ особъ доставила намъ сколько-нибудь свободу и отъ трудовъ отдохновеніе, и я, писавши къ приятелю своему большое письмо, говорилъ, что мнѣ впервые еще удалось тогда препроводить цѣлую половину дня на своей квартирѣ, но за то, какъ самый праздникъ, такъ и святки, были у насъ нѣсколько скучноваты. Чтoby пособить тому сколько-нибудь и замѣнить отсутствіе генерала, то вздумалось одному изъ сотоварищей нашихъ, а именно, старшему изъ тѣхъ обонхъ юнкеровъ, господъ Олинныхъ, о которыхъ упоминалъ я прежде, случившемуся около сего времени быть имяннинникомъ, дать намъ на другой день праздника добрую вечеринку, или паче порядочный балъ, но только въ миниатюрѣ. Была у насъ тутъ и музыка, было много и женскаго пола, было множество танцевъ и наконецъ ужинъ; и хозяинъ нашъ, будучи у насъ первымъ петиметромъ и любочестіемъ до безумія зараженный, неупустилъ ничего, чѣмъ бы насъ какъ можно лучше угостить и позабавить. Мы собрали на праздникъ сей всѣхъ своихъ друзей и знакомцевъ, и какъ подъ предлогомъ, что г. Олинъ праздновалъ день своей женитьбы, хотя онъ отъ роду еще женатъ не былъ, нашли способъ пригласить для танцевъ и многихъ изъ тамошнихъ жительницъ и чрезъ то сдѣлали балъ свой нешуточнымъ, но порядочнымъ, а что всего лучше, то все происходило на немъ съ благочиніемъ и порядкомъ, то завеселились и затанцовались мы на ономъ впрахъ и, какъ говорится, до самаго положенія рпзъ. Никто же изъ всѣхъ столько не веселился при семъ случаѣ, какъ я и отъѣзжающій уже съ генераломъ другъ мой, адъютантъ его, г. Балабинъ. Мы были почти главныя особы на ономъ, и какъ во все сіе празднество господствовала вольность, откровенное дружество и повѣренность, то былъ онъ намъ, да и самому мнѣ, во сто разъ приятнѣе всѣхъ праздниковъ и баловъ губернаторскихъ.

Всгдѣ за сею нашею пирушкою получили мы и другое, и въ особенности мнѣ, весьма неприятое извѣстіе. Наславно было повелѣніе отъ фельдмаршала, чтобъ всѣмъ оставшимся отъ полковъ въ Кѣнигсбергѣ третѣимъ баталіонамъ — итти немедленно къ полкамъ своимъ, и чтобъ при семъ случаѣ неотмѣнно собрать и смѣнить всѣхъ отлучныхъ и отправить съ ними въ полкамъ ихъ. Для меня повелѣніе сіе было тѣмъ важнѣе, что въ числѣ сихъ баталіоновъ считался баталіонъ и нашего полку, а въ числѣ помянутыхъ отлучныхъ и самъ я, и какъ посему касалось повелѣніе сіе и до меня собственню и пришло къ намъ предъ самою смѣною губернаторовъ, то наводило оно на меня великое сумнѣніе, и я боялся, чтобъ сія разстройка не сдѣлалась мнѣ наконецъ предъсудительною.

Губернаторъ нашъ провѣзидъ къ фельдмаршалу до самаго наступленія новаго 1761 года, который день былъ у насъ достопамятенъ тѣмъ, что получили мы въ оный новый годъ, новую зиму и новаго губернатора, ибо и сей прѣехалъ къ намъ въ самый нерамный день сего года и остановился тутъ же у насъ въ замкѣ, гдѣ старій губернаторъ опросталъ для его тотчасъ весь верхній и лучшій этажъ, а самъ перешелъ въ прежній нижній, и старался угостить его вслѣсскн. Мы встрѣчали его всѣ, и онъ показался намъ остренькимъ, неглупымъ и такимъ старичкомъ, которой былъ самъ о себѣ, несмотря, хотя былъ очень, очень не изъ пышныхъ.

Первые дни сего года прошли въ признаніи единыхъ поздравленій съ прѣздомъ ото всѣхъ и всѣхъ и въ ранжированіи собственныхъ своихъ домашнихъ дѣлъ, и настоящая смѣна и сдача губерніи воспослѣдовала не прежде какъ 5-го января, и какъ сей день былъ для меня въ особенности достопамятенъ, то опишу я его подробнѣе.

Всѣмъ намъ повѣщено было еще съ вечера, что на утріе будетъ происходить смѣна у губернаторовъ и чтобъ мы къ тому готовились и находились каждый

при своемъ мѣстѣ. А не успѣли мы въ тотъ день собраться въ канцелярію, какъ и пришли въ оную губернаторы, и старій, въ провожаніи множества всякаго рода чиновниковъ, и повелъ новаго по всѣмъ канцелярскимъ комнатамъ и представлялъ ему всѣхъ своихъ подкомандующихъ, рассказывая, кому поручено какое дѣло и кто чѣмъ занимался; а при семъ случаѣ, натурально, дошла и до меня очередь.

Я хотя нимало не сомнѣвался въ томъ, что не останусь никакъ безъ рекомендаціи отъ стараго губернатора новому, однако оказанная мнѣ отъ прежняго при семъ случаѣ милость превзошла всѣ чаянія и ожиданія. Онъ, возвращаясь съ нимъ изъ заднихъ канцелярскихъ комнатъ, нарочно для меня въ моей остановился и новому губернатору съ слѣдующими словами меня представилъ: «Сего офицера я въ особенности вашему превосходительству рекомендую». За симъ и пошли исчисленія и похвалы всѣмъ моимъ способностямъ, качествамъ и добрымъ свойствамъ, и могу сказать, что всѣ онѣ были не только не забыты, но еще и увеличены. Однимъ словомъ, я самъ не зналъ до сего времени, что поведеніе мое было ему такъ тонко и коротко извѣстно. Состояніе, въ какомъ я тогда находился, не могу я никакъ описать, а только скажу, что всю ту четверть часа, въ которую принужденъ я былъ слышать себѣ отъ всѣхъ бывшихъ тутъ безпрерывныя и на прерывъ другъ предъ другомъ производимыя похвалы, горѣлъ какъ на огнѣ и самъ себя почти непомнилъ отъ смѣшенія неожиданности, удивленія и удовольствія.

Новый губернаторъ не успѣлъ о имени моемъ услышать, какъ спросилъ меня, кто мой отецъ былъ? И какъ я ему сказалъ, то увѣрялъ меня, что онъ родителя моего зналъ довольно и спрашивалъ меня потомъ о нѣкоторыхъ, до фамиліи нашей касающихся обстоятельствахъ, и у какой нахожусь я тутъ должности? На сіе послѣднее отвѣчать мнѣ не было времени ибо тотчасъ голосовъ въ пять ему было,

отвѣтствовано и вкупѣ сказываемо, какъ я нуженъ и прилеженъ, и прочее и прочее. Сколько казалось, то было ему очень непротивно все сіе слушать, а особливо увѣренія всѣхъ о томъ, что я охотникъ превеликій до науки, до рисованья и до читанья книгъ, которыя у меня, какъ они говорили, не выходятъ почти изъ рукъ. Онъ самъ имѣлъ къ тому охоту и любопытство его было такъ велико, что онъ восхотѣлъ посмотрѣть нѣкоторыя лежавшія у меня на столѣ книги. Тогда сожалѣлъ я, что не было тутъ никакихъ иныхъ, кромѣ лексиконовъ, ибо прочія, всѣ тутъ бывшія, отослалъ я на квартиру, и еслибъ зналъ сіе, то могъ бы приготовить къ сему случаю наилучшія. Совсѣмъ тѣмъ губернаторъ и всѣ тѣ пересмотрѣлъ и говорилъ со мною объ нихъ столько, что я могъ заключить, что онъ довольно обо всемъ свѣдуешь.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, и новый губернаторъ удостоивалъ меня особливимъ своимъ благоволеніемъ, глаза всѣхъ зрителей обращены были на меня и всѣ радовались и поздравляли меня потому съ приобретеніемъ себѣ уже нѣкоторой отъ сего новаго начальника милости. И какъ едва ли ему кто-нибудь иной былъ столько расхваленъ, какъ я, то сіе самого меня очень веселило, а притомъ доставило мнѣ ту пользу, что какъ скоро дни чрезъ два послѣ того доложили ему обо мнѣ, что мнѣ слѣдуетъ итти въ походъ вмѣстѣ съ баталіономъ, то онъ тотчасъ приказалъ меня оставить и написать обо мнѣ къ фельдмаршалу особое представленіе, которое тотчасъ было написано и съ первою почтою отправлено.

Новый нашъ губернаторъ началъ правленіе свое представленіемъ всѣмъ кѣнигсбергскимъ жителямъ такого зрѣлища, какого они до того еще не видывали и которое ихъ всѣхъ удивило; ибо какъ на другой день принятія его должности случилось быть празднику Богоявленія Господня, то восхотѣлъ онъ показать бываемыя у насъ въ сей день водоосвященія надворъ Φ и я, со всѣми обрядами и

процессію, введенными при томъ въ новеніе. Итакъ, выбрано было п города, на рѣкѣ Прегелѣ, наилучшее такое мѣсто, которое могло-бы жено и видимо быть множайшимъ чествомъ народа, и сдѣлана обмытая и — сколько въ скорости могло — украшенная іорданъ. По берегамъ рѣки и острова поставлены всѣ случившіяся тогда въ гороски и баталіоны съ распущенными знаменами и въ наилучшемъ убранствѣ въ близости подлѣ іордана поставлено было нѣсколько пушекъ. Всѣ сія приготовления привлекли туда несмѣтно жество зрителей. Не только всѣ и берега рѣки и рукавовъ ея, но окны и даже самыя кровли ближнихъ и хлѣбныхъ шпиклеровъ, ны были людьми обоого пола, а было и по всѣмъ улицамъ, по коиттиту надлежало процессіи отъ і болѣе версты отъ сего мѣста удала Процессія сія была навеликозвѣстна и архимандритъ, въ богатыхъ своихъ захъ и драгоценной шапкѣ, со ствомъ духовенства, производил пруссаковъ зрѣлище достойное люства, а какъ присутствовалъ при самъ губернаторъ со всѣми чиновниками и отъ самой церкви провозпѣшкомъ, несмотря на всю отдаленность желаніе видѣть новаго губернатора привлекло туда еще болѣе народа елику же, при погруженіи кресводу, производилась какъ изъ пленныхъ на берегу пушекъ, такъ фридрихсбургской крѣпости шечная пальба, а потомъ и троекъ бѣглый огонь изъ мелкаго ружья войсками, то и сіе сдѣлало въ еще болѣе впечатлѣнія и всѣ кѣнигсскіе жигели смотрѣли на все сіе бливымъ удовольствіемъ. Губернаторъ непреминулъ въ сей день угостить лучшихъ людей обѣдомъ. Но многи народа не полюбился только онъ инымъ своимъ видомъ и простотою ды, ибо относительно до сего не было въ немъ ни малѣйшей пыши

великобѣпія такого, какое привыкли они всегда видѣть въ Корфѣ.

Баталіонъ нашъ выступилъ вскорѣ послѣ того въ походъ, а я, оставшись тутъ, началъ мало по малу привыкать къ новому правительству, которое сопряжено было со многими переменами и между прочимъ съ тѣмъ, что всѣ мы пригуждены уже были вставать ранѣе и вмѣсто того, что прихаживали въ канцелярію часу въ восьмомъ и въ девятомъ, приходилъ въ нее уже въ четыре часа по-утру. Что-жъ касается до губернатора, то, будучи онъ разумнымъ, дѣловымъ, а притомъ крайне трудолюбивымъ человекомъ, вставалъ такъ рано, что въ два часа пополуночи бывалъ уже всегда одѣтъ и можно было его всякому видѣть; а по всему тому хотѣлъ, чтобъ и канцелярскіе были поприлежнѣе противъ прежняго. Новость сія гг. товарищамъ моимъ не весьма нравилась, но къ чему не можно привыкнуть? Сперва былъ о томъ превеликій ропотъ и негодованіе, но скоро всѣ мы къ тому привыкли и довольны были тѣмъ, что, по крайней-мѣрѣ, послѣ обѣда не сидѣли мы уже въ канцеляріи, и въ праздники имѣли болѣе свободы.

Другая и не менѣе важная переменна съ нами была та, что мы лишились обновеннаго губернаторскаго стола, которыми до того времени пользовались, и должны были помышлять уже о собственномъ своемъ пропитаніи и вмѣсто того, что хаживали гурьбою прямо изъ канцеляріи за готовый для насъ и сытный столъ въ комнатахъ губернаторскихъ, должны были расходиться уже по квартирамъ, ибо новый нашъ губернаторъ, будучи далеко не таковъ богатъ, какъ Корфъ, не разсудилъ для насъ имѣть особый столъ и гдѣмъ наче, что и самъ имѣлъ у себя очень, очень умѣренный.

Обстоятельство сіе было для всѣхъ насъ, а особливо для холостыхъ и одинокихъ, весьма чувствительно; ибо для живущихъ тутъ съ женами и имѣвшихъ и до того домашніе столы, было сіе сносите и мы должны были либо заводиться всѣмъ и

всѣмъ, и варить себѣ ѣсть дома, либо ходить обѣдать въ трактиры, либо приказывать приносить къ себѣ изъ оныхъ. И какъ сіе послѣднее было хотя убыточнѣе, но съ меньшими хлопотами и затрудненіями сопряженное, то рѣшился я, относительно до себя, избрать сіе послѣднее, и отходя поутру изъ квартиры, приказалъ человѣку сходить въ ближній трактиръ и заказать для себя обѣдъ. Но какъ удивился я, пришедъ въ полдни домой и найдъ у себя столъ уже набранный и чело-вѣка своего, спрашивающаго: прикажу ли я подавать кушанье? Я неиннако думалъ, что онъ хотѣлъ итти за нимъ въ трактиръ, и потому сталъ-было напоминать ему, чтобъ онъ не простудилъ мнѣ кушанье; но какъ удивился еще того болѣе, когда онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я того не опасался, что кушанье близко и что добродушные мои старички-хозяева не успѣли о томъ услышать, что я расположился посылать за обѣдами своими въ трактиръ, какъ руками и ногами тому воспротивились и, не допустивъ его до того, приготовили обѣдъ мнѣ сами и хотять, чтобъ я о томъ ни мало не заботился, но что обѣдъ будетъ для меня всегда готовъ, въ какое бы время я ни пришелъ изъ канцеляріи, и что хотять сіе дѣлать даромъ, безъ всякой заплаты и изъ единой благодарности за то, что я стою у нихъ смирно, что не видятъ они отъ меня никакого себѣ зла и неудовольствія, и во все время стоянія моего у нихъ, жили въ совершенномъ спокойствіи и отъ всѣхъ обидъ въ безопасности. При-знаюсь, что таковое добродушіе хозяевъ моихъ поразило меня до крайности, и какъ чрезъ минуту послѣ того взошли ко мнѣ на верхъ и оба старички-хозяева и тоже изустно мнѣ повторили, то сколько ни отговаривался я, что не хочу ихъ тѣмъ отягощать, и сколько ни совѣстился, что причину имъ тѣмъ убытокъ, но, видя ихъ кланяющихся и неотступно того просящихъ, принужденъ былъ на то согласиться и сдѣлать имъ сіе удовольствіе, чѣмъ они крайне были и довольны.

И съ того време- валь и ужн-
2*

пывалъ я уже всегда дома и обѣдъ для меня былъ действительно всегда готовъ, и хотя столы мои и не были уже таковы пышны и изобильны, какъ у губернатора, но во вкусѣ и въ снотости ничего въ нихъ не доставало. Всегда имѣлъ я у себя три вкусныхъ блюда: супъ, какой-нибудь соусъ и жаркое, а по воскреснымъ днямъ даже и пирожное, а потомъ и кофе и все это бывало всегда такъ хорошо и вкусно сварено и приготовлено, что я не только снѣлъ, но еще и довольнѣе во все время былъ, нежели прежними обѣдами губернаторскими.

Наконецъ насталъ день отъѣзда въ Петербургъ нашего бывшаго губернатора, день, который встрѣчали мы съ особыми чувствованіями и въ который можно было видѣть, кто какъ въ нему расположенъ былъ и кто жалѣлъ или разовался о его отбытіи. Наканувъ того дня ходили мы все къ нему прощаться. Боже мой! съ какою ласкою и съ какими изъявленіями своего благопріятства, переплывавъ, опустивъ онъ насъ отъ себя. Со всемъ нѣмъ насъ не оставилъ онъ переговорить что-нибудь, и мнѣ совѣтовалъ онъ въ особенности продолжать хорошее мое поведеніе и стараться жить добродѣтельно. Сія минута сдѣлала мнѣ его вѣздѣр милѣй передъ прежнимъ и я хотѣлъ бы уже и всегда быть въ его командѣ, еслибъ онъ всегда таковъ добръ и хорошъ былъ. Советамъ тѣмъ и каковъ онъ не былъ, но я не могу на него жаловаться, а обязанъ ему еще благодарностию. Многие изъ нашихъ рождали на него, для чего благодарилъ онъ всѣхъ ихъ или-нибудь на память о себѣ при отъѣздѣ, но я дозволенъ былъ и добрыхъ словамъ, а сверхъ того далъ онъ намъ всѣмъ порядкомъ аттестаты за своею рукою и печатью, который хотя мнѣ и не пригоденъ въ жизнь мою никакой пользы, но я храню его у себя и по нынѣ, какъ нѣкакой памятникъ тогдашнему моему служенію. Имѣлъ съ нимъ, проводилъ мы тогда и общаго нашего друга, адъютанта его, господина Балабина и раз-

стались съ нимъ, утирая текуція изъ глазъ слезы дружества.

Проводивъ его, стали мы по прежнему жить и я по прежнему ходить ежедневно въ канцелярію и отправлять прежнюю должность. Впрочемъ, какъ я, такъ и все не сомнѣвались ни мало, что на представленіе, сдѣланное обо мнѣ, воспослѣдуетъ отъ фельдмаршала благопріятный отвѣтъ; почему ни мало я и не собирался къ отъѣзду изъ Кенигсберга, но вдругъ воспослѣдовало совѣщаніе тому противное и всего меньше нами ожидаемое.

Черезъ недѣлю по отъѣздѣ Корфа, пришло наконецъ повелѣніе обо мнѣ отъ фельдмаршала, и повелѣніе такое, которое и прямо тогда всемъ душею моею. Въ немъ, неупомяная обо всѣхъ тѣхъ необходимыхъ о казнихъ писано было въ представленіи обо мнѣ, сказано только, что буде я въ арміи быть неспособенъ, то оставить меня дозволяется, а буде человекъ молодой и въ арміи быть можетъ, то отправить бы меня съ баталіономъ.

Какъ повелѣніе сіе было не совсѣмъ позитивное, а было нѣкоторымъ образомъ двойное, то и не вдругъ получилъ я рѣшительный отвѣтъ, но дѣло осталось еще на перекутъ, и я болѣе двухъ недѣль находился еще въ совершенной неопредѣленности, что со мною сдѣлать и отправятъ ли меня или удержатъ? И какъ всѣмъ нашимъ канцелярскимъ янкамъ не хотѣлось со мною разстаться, то все они, а паче всѣхъ помянутый ассессоръ Чонжинъ, во все сіе время вслѣдствіи старался склонить генерала нашего къ тому, чтобъ меня неопускать, но къ несчастію нашему былъ онъ такого характера, что его трудно было къ чему-нибудь убѣдить. Онъ хотя и внималъ всѣмъ его представленіямъ о необходимости надобности во мнѣ, и что все она безъ меня какъ безъ рукъ будутъ и хотя и самому ему не хотѣлось меня отпустить, но повелѣніе было отъ фельдмаршала и повелѣнія сія почиталъ онъ все свято; итакъ, самъ не зная, что ему дѣлать и какое найти средство въ семъ случаѣ; а посему на все вопрошанія мои

у помянутого ассессора, не могъ я добиться никакого толку. Правда, хотя я и самъ не имѣлъ никакой причины спѣшить получениемъ рѣшительнаго повелѣнія, но какъ не было у меня ни лошадей, ни всего прочаго, нужнаго къ походу, и всѣмъ тѣмъ надлежало запасаться, то веволя заставляла меня добиваться толку, дабы неупустить къ приуготовленію всего того способнѣйшаго времени.

Мнѣ присовѣтовали наконецъ сходить самому къ генералу и стараться добиться отъ него чего-нибудь одного, и я послѣдовалъ саму совѣту; и чтобъ имѣть болѣе времени съ нимъ о томъ поговорить, то избралъ въ одинъ день утреннее и такое время, когда онъ только-что всталъ и одѣлся, и у него никого еще не было. Было сіе часу въ третьемъ пополудни, когда я пришелъ къ нему въ покои. Онъ былъ уже совершенно одѣтъ и тотчасъ велѣлъ меня къ себѣ пустить, какъ скоро ему обо мнѣ доложили. Я напелъ его ходящаго взадъ и впередъ по одной пространной, но одною только свѣткою освѣщенной комнатѣ, и какъ онъ меня спросилъ — что я? то сказалъ я ему прямо, что я пришелъ къ нему требовать рѣшительнаго повелѣнія—что мнѣ дѣлать? собираться ли ѣхать къ полку или нѣтъ? Но онъ, будучи превеликимъ политикомъ и не хотя, какъ думать мнѣ можно было, меня оскорбить формальнымъ повелѣніемъ, не сказавъ мнѣ ничего точнаго въ отвѣтъ, завелъ со мною такіе балы и раздабары, что проговорилъ со мною болѣе получаса о разныхъ матеріяхъ, а при всемъ томъ о главномъ дѣлѣ не сказалъ мнѣ ни того ни сего, и я вышелъ отъ него въ такой же находясь неизвѣстности, въ какой былъ прежде. То только могъ я примѣтить, что ему хотѣлось, чтобъ я и остался, но чтобъ сдѣлалось это такъ, чтобъ онъ не могъ за то понести отъ фельдмаршала какаго-нибудь слова. Но какъ ни онъ, ни я не знали, какъ бы сіе сдѣлать, то осталось опять на прежнемъ, и я хотя начиналъ усматривать, что мнѣ врядъ ли отдѣлаться отъ похода, и уже кое-

чѣмъ началъ запасаться, однако, подъ предлогомъ, что не могу ничего рѣшительнаго добиться, продолжалъ ходить по прежнему въ канцелярію и отправлять свою должность.

Между тѣмъ, употреблены были, по приказанію генеральскому, всѣ способы къ отысканію на мѣсто мое изъ находившихся тогда въ Кѣнигсбергѣ какаго-нибудь способнаго къ тому офицера. Перебраны были всѣ до одинаго, но не нашлось ни одного, который хотя-бы нѣсколько къ тому былъ способенъ. Сіе обрадовало меня и польстило-было надеждою, ибо какъ великая надобность въ такомъ переводчикѣ, каковъ былъ я, мнѣ самому была извѣстна, то ласкался я надеждою что и нехотя можетъ быть меня наконецъ оставить. Но къ несчастію, проговорилъ кто-то генералу о присланныхъ изъ Москвы и тутъ учащихся студентахъ. Генералъ не успѣлъ того услышать, какъ и прицѣпился къ онымъ. Тотчасъ были они всѣ отысканы и спрашиваны самимъ генераломъ, не можетъ ли изъ нихъ кто-нибудь переводить, и тогда случилось одному изъ нихъ, а именно самому тому Садовскому, о которомъ я прежде упоминалъ, проболтаться, что изъ книжки переводить онъ можетъ. Генералъ обрадовался, сіе услышавъ, и въ тотъ же моментъ велѣлъ сыскать ему что-нибудь перевести на пробу, и переводъ его, каковъ ни былъ несовершенъ и какъ г. Чонжинъ ни старался его опорочить, однако самимъ генераломъ онъ одобренъ и сказано, что онъ переводить научится и чтобъ онъ тутъ оставался и принимался-бы за работу.

Бѣдный Садовскій, неожиданный того нимаю и попавшійся тогда, какъ мышь въ западню, скоро увидѣлъ, что переводы наши были совсѣмъ различны отъ книжныхъ и такихъ, какіе ему отчасти были извѣстны, и какъ случилось тогда — какъ нарочно — дѣлѣ превеликое множество, и притомъ еще переводовъ самыхъ трудныхъ, и положены предъ него цѣлыя груды бумагъ, то бѣднакъ

сей и при первомъ переводѣ сталъ со-всѣмъ въ пень и такъ ихъ испужался, что раскаявался тысячу разъ въ томъ, что проболтался; не радъ былъ животу своему и приступалъ уже съ неотступною просьбою, чтобъ его отъ того избавить и свободить, но на него ужъ не посмотрѣли. Слово было сказано и перемѣнить его было не можно, и онъ, что ни говорилъ, но принужденъ былъ оставаться и кое-какъ не переводить, а городить турусу на колесахъ.

Я смотрѣлъ хотя на сіе и только что смѣялся, однако все сіе открыло мнѣ уже глаза и я видѣлъ ясно, къ чему клонится все дѣло я, положивъ собираться въ полкъ уже самымъ дѣломъ, сталъ уже уклоняться отъ переводовъ и въ канцелярію ходить рѣже; но не прошло и двое сутокъ, какъ востребовалась во мнѣ крайняя надобность. Нужно было одно важное дѣло, и притомъ очень скоро, перевести, и какъ новый переводчикъ учинить того никакъ былъ не въ состояніи, то прислали нарочнаго за мною и просили уже просьбою взять на себя трудъ и перевести оное. Я хотѣлъ-было сперва позакопаться и не переводить, но подумавъ и разсудивъ, что сердцемъ и досадою ничего не сдѣлаешь и никакой пользы себѣ не произведешь, не только на то согласился, но нарочно еще постарался перевести скорѣе и какъ можно лучше. Сямъ угодилъ я много генералу, а какъ въ самое то же время надобность явилась скопировать нѣкоторые посылаемые во двору нужные чертежи и рисунки и прозвезть сіе кромѣ меня было некому, мнѣ же удалось сдѣлать ихъ еще лучше самого оригинала, то приобрѣлъ я чрезъ то себѣ новыя похвалы и получилъ новый лучъ надежды, что меня удержатъ, или, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ скоро станутъ вытуривать вонъ изъ города.

Но все сіе не долго продолжалось: вытуривать меня хотя ни у кого на умѣ не было и всѣ рады-бъ были, чтобъ я пробылъ какъ можно долѣе, дабы можно было имъ моими трудами пользоваться,

но самому мнѣ явилась новая побудительная причина добиваться вновь какого-нибудь о себѣ рѣшенія. Является ко мнѣ вдругъ купецъ, у котораго принсканы и приторгованы были мною уже лошади и сказываетъ, что онъ отправляется въ уѣздъ и буде мнѣ лошади надобны, то бы я покупалъ оныя скорѣе, а въ противномъ случаѣ онъ уѣдетъ на нихъ самъ; а какъ лошади были хороши и приторгованы дешево и мнѣ упустить ихъ не хотѣлось, то сіе протурило меня опять къ генералу и побудило просить, чтобъ сказалъ онъ мнѣ что-нибудь рѣшительное. Признаться надобно, что я въ сей разъ надѣялся почти несомнѣнно, что получу отвѣтъ благопріятный; однако я въ томъ обманулъ немилосердо и генералъ, по многимъ замннаніямъ, сказалъ мнѣ наконецъ рѣшительно, что ему никакъ меня удержать не можно и чтобъ я собирался въ путь свой.

Не могу изобразить, какъ поразился я симъ неожиданнымъ отвѣтомъ, и какъ взволновалась во мнѣ вся кровь при услышаніи онаго. Я власно тогда какъ на льду подломился и, терзаемъ будучи разными душевными движеніями и отклонившись ему, пошелъ повѣса голову въ канцелярію, сказывать сотоварищамъ своимъ о учиненномъ мнѣ формальномъ отпускѣ. И тогда имѣлъ я неописанное удовольствіе видѣть, какъ много меня всѣ любили, какъ всѣмъ имъ было меня жаль и какъ не хотѣлось со мною разстаться. Всѣ, отъ вышнихъ до нижнихъ чиновъ, услышавъ сіе, встужились, всѣ собрались въ кучку вокругъ меня и всѣ, наперывъ другъ предъ другомъ, изъявляли и досаду свою и сожалѣніе обо мнѣ, и всѣ вообще роптали и были крайне недовольны поступкомъ генерала. Иной называлъ его трусомъ и старою бабою; другой говорилъ, что онъ самъ не знаетъ чего боится; третій полагалъ за вѣрное что фельдмаршалъ всего меньше о томъ знаетъ и обо мнѣ думаетъ, а наврять обо мнѣ вадумалось такъ, правителю его канцелярія, и что можно-бъ подождать и вторичнаго обо мнѣ повелѣнія, котораго

не воспослѣдуетъ, ибо я составляю маловажную въ арміи особу, что бойдется и безъ меня, и обо мнѣ позабудутъ; иной говорилъ, что нека-бъ бѣда, еслибъ генералу и по еще обо мнѣ къ фельдмаршалу авить, или писать партикулярно, юсить фельдмаршала о дозволеніи таться какъ для казенныхъ же и димыхъ надобностей; иные совѣ- мнѣ сказаться больнымъ, или атъ на себя что нибудь, тому по- . Всѣ же вообще не совѣтовали некакъ спѣшить монмъ отъѣздомъ, ить онимъ сколько можно долѣе, , что и путь становится уже са- рслѣдвій и мнѣ ѣхать будетъ слиш- гурно, а лучше бы подождать про- г. Чонжинъ брался сдѣлать на- то, чтобъ меня не высылали и ю, и чтобъ медить сколько мож- ить управленіемъ и такъ далѣе. гущалъ все сіе и молчалъ; но какъ и сожалѣнія мнѣ ни мало не по- и я былъ уже формально слу- то, подумавъ обо всемъ хорошень- оясь, чтобъ не нажать себѣ ка- ѣды, рѣшился уже начать соби- прямымъ дѣломъ и потому, при- на квартиру, послалъ тотчасъ съ ми за сторгованными лошадыми и ѣ оныхъ, а потомъ велѣлъ исправ- и повозку и все нужное къ по- авъ сіе скорѣй сказать, нежели ѣ было можно, потому что повоз- и требовала великой починки и по- было во всему тому по меньшей недѣли двѣ времени, то препрово- и все сіе время не безъ скуки и ствованія не весьма пріятныхъ. вную жить (с)только уже гѣтъ на ѣ мѣстѣ и въ покоѣ и отвыкнувъ ѣ отъ прежней военной жизни и г, до которой я и безъ того по не- только былъ охотникъ, тогда же, омившійся съ науками короче и ѣ всѣ пріятности ихъ, всего мень- ѣя уже къ ней склонности, желалъ ичу разъ охотнѣе упражняться да-

лѣе въ оныхъ, нежели ѣхать на войну и подвергать себя ежедневнымъ трудамъ и опасностямъ. Къ тому-жъ, какъ наступала и дѣйствительно и самая уже рас- путица, ибо было сіе уже въ исходѣ фев- раля мѣсяца, полкъ же нашъ находился уже въ походѣ и отправленъ былъ въ Померанію, то признаюсь, что ѣхать мнѣ крайне нехотѣлось, а потому и не- удивительно, что я не старался слишкомъ спѣшить сборами, но и самъ помышлялъ уже о томъ, чтобъ протянуть отъѣздомъ своимъ какъ-нибудь долѣе, и буде-бъ можно, такъ до самой бы просуши.

Между тѣмъ, какъ слухъ до насъ до- ходилъ, что съ обозами тогда въ арміи учивена перемѣна и офицерамъ уже двумъ велѣно имѣть одну только повозку, то и сіе озабочивало и огорчало меня чрезвы- чайно; обстоятельство сіе принуждало меня забирать съ собою koliko можно меньше вещей, а какъ у меня тогда и однихъ книгъ болѣе воза было, то пуще всего жаль мнѣ было разстаться съ ни- ми, и я не зналъ—куда мнѣ ихъ дѣвать и кому препоручить по отъѣздѣ.

Въ семъ горестномъ расположеніи на- ступаетъ наконецъ самый мартъ мѣсяць и мнѣ доносятъ, что повозка моя уже исправлена и все къ отъѣзду моему бы- ло готово, и тогда яное ли что остава- лось мнѣ дѣлать, какъ только пттить тре- бовать себѣ пашпорты, распрощаться съ генераломъ и со всѣми, и потомъ сѣсть и ѣхать. Отъѣздъ мой и дѣйствительно былъ уже такъ достоивренъ, что я прервалъ уже переписку съ господиномъ Тулубе- вимъ, расплатился со всѣми, кому я былъ долженъ, и полагая за вѣрное, что чрезъ недѣлю отправлюсь въ путь и недѣли черезъ двѣ буду уже при полку, былъ во всемъ томъ такъ удостовѣренъ, что неусумнился ссудить взаимъ случивша- гося тогда тутъ нашего полку подлека- ря, совѣмъ мнѣ почти незнакомаго и тогда ѣдущаго въ полкъ человека трид- цатью рублями денегъ, въ надеждѣ, что получу оныя отъ него тотчасъ по прѣѣ- дѣ въ полкъ свой. Но воспослѣдовалъ ли дѣйствительно мой отъѣздъ или нѣтъ,

о томъ услышите вы въ письмѣ буду- щемъ, а теперь, какъ сіе уже увеличи- лось за предѣлы, то дозвольте мнѣ оное симиъ кончить и сказать вамъ, что я есмь и прочая.

Письмо 86-е.

Любезный пріятель! Въ послѣд- немъ моемъ письмѣ къ вамъ останови- ся я на томъ, что я намѣренъ былъ уже дѣйствительно отправиться къ полку и не только все было готово къ отъѣзду, но назначенъ былъ уже и день оному и оставалось мнѣ только укласться, запря- гать лошадей и ѣхать; и отбытіе сіе изъ любезнаго мнѣ Кѣнигсберга казалось уже столь достовѣрно и неминуемо, что я помянутому, выпросившему у меня взаи- мы денегъ и поѣхавшему въ полкъ, на- шему полковому подлекарю, препоручилъ уже сказать и полковнику нашему и всѣмъ полковымъ о скоромъ моемъ отъ- ѣздѣ и къ полку прибытіи.

Но какъ бы вы думали? вѣдь всего того не послѣдовало и вышелъ изъ всѣхъ сборовъ моихъ совершенный пустякъ!.. Я не поѣхалъ и остался еще долѣе жить въ Кѣнигсбергѣ! Но какъ это сдѣлалось, того истинно самъ почти не знаю и при- писую ничему иному, какъ сокровенному дѣйствию пекущагося о благѣ моемъ бо- жескаго Промысла, восхотѣвшаго, чтобъ я и сіе гдѣто не проваландался по пу- стому и безъ всякой пользы по землямъ непріятельскимъ, а препроводилъ бы въ продолженіи начатыхъ мною наукъ и научился бы кой-чему еще многому хо- рошему и несравненно предъ прежними званіями моими важнѣйшему, и для того произведшему такое сплетеніе случаевъ и обстоятельствъ, что я нечувствитель- но, и самъ почти не зная какъ, остал- ся еще долѣе жить въ Кѣнигсбергѣ. Но, дабы подать вамъ сколько-нибудь о томъ понятіе, то расскажу вамъ о происшестві- яхъ сихъ, сколько могу упомянуть.

Какъ все къ отъѣзду моему было уже готово, то, чтобъ не допустить до са- мой половоды и раслутницы совершенной, спѣшилъ уже и самъ я онимъ, и потому,

избравъ одинъ день, пошелъ изъ кварта- ры моей въ канцелярію дѣйствительно съ тѣмъ, чтобъ, испросивъ у генерала объ отпускѣ и отправленіи меня бумагу и распрошавшись какъ съ нимъ, такъ и со всѣми канцелярскими, на утрѣ за- прыгать лошадей и ѣхать; но могъ ли я думать, что самый этотъ день и часъ назначенъ былъ къ неожиданной оста- новкѣ и къ произведенію во всѣхъ об- стоятельствахъ моихъ переменъ, и что произведетъ оную сущая, повидимому бездѣлица и вещь ничего незначащая!

Не успѣлъ я войти въ канцелярію, въ которой я за сборами уже нѣсколько дней не бывалъ, какъ въ самой моей прежней комнатѣ встрѣчается со мною нашъ ассесоръ г. Чонжинъ и, обрадо- вавшись увидя меня, говорить: «А! вотъ естаті!.. а мы только-что хотѣли за то- бою послать! вотъ и вѣстовой уже сби- рается».—«Что такое? спросилъ я, и за чѣмъ такимъ?»—«Генералу есть до тебя небольшая нуждица, и онъ приказалъ послать за тобою».—«Не знаете ли какаѣ?» спросилъ я. — «Это ты самъ услышишь и увидишь, ступай-ко къ нему въ судей- скую: онъ тебя дожидаетъ».

Нуждица сія была вотъ какаѣ: случи- лось ему какъ-то ненарочно повредить крестъ ордена своего святая Анны и по- вредить такъ, что необходимо надобно было сдѣлать оный совсѣмъ вновь. Онъ и принесялъ уже къ тому и мастеровъ, но какъ въ срединѣ креста былъ напи- санный на финифтѣ и въ миниатюрѣ ма- ленькій образокъ, изображающій св. Анну, и во всемъ Кѣнигсбергѣ не могли оты- скать мастера, умѣющаго писать на фи- нифти и неоставалось другого средства какъ послать въ Берлинъ и велѣть тамъ оный написать, а для самаго сего потре- бенъ былъ точь-въ-точь противъ преж- няго образочка рисуночекъ, то хотя и приводили къ генералу въ самое то утро живописца, могущаго бы то сдѣлать, но какъ онъ требовалъ за то съ генерала не мѣ- нѣе 5-ти рублей, то сіе его, какъ скупого человека, такъ раздосадовало, что онъ, прогнавъ живописца съ глазъ долой и бу-

лучи еще въ превеликой досадѣ, пришедъ въ канцелярію, жаловался на сей случай своимъ сотоварищамъ совѣтникамъ, и показывая имъ сей образецъ, бранилъ живописца, говоря, что онъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ вознамѣрился его ограбить. Какъ ассесоръ нашъ г. Чонжинъ сидѣлъ тутъ и на два только шага отъ генерала, то, вскочивъ, подошелъ и онъ посмотрѣлъ образецъ сей, и неусиленно взглянуть, какъ захохотавъ, генералу сказалъ: «И! ваше превосходительство! есть за что платить 5 рублей, это сущая бѣдѣлка; да извольте приказать Болотову, онъ вамъ въ одинъ мигъ это срисуетъ и не будетъ надобности платить ни полушки!»—«Да неужели онъ это можетъ? умѣетъ развѣ онъ и рисовать?» спросилъ генералъ.—«Не только умѣетъ, но превеликій еще и охотникъ; въ лѣтнюю пору мы и здѣсь въ канцелярію видали его много разъ окладеннаго вокругъ красками и рисующаго; и какія же прекрасныя рисуетъ онъ картинки!»—«Что ты говоришь!»—сказалъ генералъ, «это право хорошо и похвально, однако это вѣдь миниатюрная живопись и рисовать надобно на паргаментѣ, такъ можетъ ли полно онъ?»—«Это вы можете у него спросить», сказалъ Чонжинъ, «но я, по крайней мѣрѣ, не сомнѣваюсь въ томъ, видавъ я его рисующаго, и очень мелко, и на паргаментѣ также».—«Хорошо бы право это, и не здѣсь ли онъ?» спросилъ генералъ.—«Нѣтъ, ваше превосходительство, и мы его уже нѣсколько дней не видимъ: бѣдный собирается теперь къ отъѣзду и въ послѣдній разъ видѣлъ я его въ превеликихъ хлопотахъ и заботахъ о лошадяхъ, о повозкѣ и прочемъ, и въ горести превеликой!»—«Да развѣ ему очень не хочется?» спросилъ генералъ; онъ вѣдь офицеръ, и отъ службы отрешаться не долженъ».—«Кто про то говорить?» сказалъ Чонжинъ, но здѣсь развѣ не такая же служба, а сверхъ того и армейской службѣ ему не учиться стать: онъ, какъ сказывали мнѣ, и въ полку былъ наилучшимъ офицеромъ и вѣрно тамъ не загинетъ; но его не то огор-

чаетъ болѣе, а иное».—«А чтожь такое?»—спросилъ генералъ.—«Ему не хотѣлось бы отсюда ѣхать, отвѣчалъ Чонжинъ, болѣе для того, что онъ началъ было здѣсь только-что учиться!»—«Какъ учиться и чему?» спросилъ генералъ.—«Какъ, развѣ ваше превосходительство не изволите знать, что онъ у здѣшнихъ университетскихъ профессоровъ порядочно учится философіи и слушаетъ какія-то лекціи, и съ минувшей еще осени всякой день уривается на часъ времени отсюда изъ канцеляріи и хаживалъ по вечерамъ къ нимъ на дома, и никто долго о томъ не зналъ, не вѣдалъ».—«Что ты говоришь! сказалъ съ удивленіемъ генералъ, это истинно рѣдкій молодой человекъ; но пошли-ка мой другъ за нимъ: спросимъ-ко, право, мы его, не можетъ ли онъ мнѣ нарисовать этого? услужилъ бы онъ мнѣ тѣмъ очень, очень». Господину Чонжину не было нужды повторять сіе въ другой разъ. Онъ выбѣжалъ въ тотъ же мигъ въ подъяческую и велѣлъ призвать вѣстового, чтобъ послать за мною, а въ самую ту минуту я, какъ вышеупомянуто, и вошелъ въ канцелярію, и Чонжинъ въ тотъ же часъ и повелъ меня къ нему.

Генералъ не успѣлъ меня увидѣть, какъ, сказавъ: «А! вотъ ты уже и здѣсь, хорошо это! и вставъ съ мѣста, продолжалъ: поди-ка, мой другъ, сюда! и повелъ меня въ маленькій тутъ кабинетъ къ окошку, и тутъ, показывая мнѣ изломанный свой орденскій крестъ, продолжалъ: — посмотри-ка, мой другъ, это; мнѣ сказывали, что ты умѣешь рисовать, не можешь ли ты мнѣ этотъ образецъ и въ точномъ видѣ срисовать?»—«Не знаю, ваше превосходительство! сказалъ я, на оный посмотрѣвши, кажется, диковинка не великая: можетъ быть, и срисую».—«Ты одолжилъ бы меня тѣмъ, сказалъ генералъ, но вотъ вопросъ: вѣдь надобно, чтобъ было это нарисовано на паргаментѣ и въ точной величинѣ противъ этого».—«Это разумѣется само собою, отвѣчалъ я.—«Но есть-ли у тебя нужный къ тому клочекъ паргамента?»—«Есть, ваше пре-

восхитительство. — «Ну хорошо-жъ, мой другъ, потрудись, пожалуй, и поспѣши, сколько можешь, и еслибъ можно, такъ хотѣлось бы мнѣ не упустить завтрашней (почты) и отправить съ нею рисуночекъ сей въ Берлинъ». — Укладся-было совсѣмъ и прибралъ-было всю свою рисовальную сбрую, сказалъ я на сіе: но хорошо, сударь, я поразберусь и достану, и постараюсь поспѣшить. — «Но что ты такъ спѣшишь, сказалъ онъ, сіе услышавъ, я тебя хотя и не удерживаю, но ей-ей и не выговариваю — и ты не имѣешь нужды такъ спѣшить». — Да путь-то, ваше превосходительство, устрашаетъ, самый уже послѣдній. — «То-то и дѣло, подхватилъ онъ, путь-то не хорошъ, и не лучше-ль бы уже помедлить... Итакъ, возьми-ка, мой другъ, поди и потрудись, пожалуй!»

«Хорошо, ваше превосходительство», сказалъ я, и, взявъ крестъ, побѣжалъ на квартиру, съ головою, наполненною разными мыслями и новыми недоумѣніями о томъ, что мнѣ дѣлать и ѣхать-ли, или еще на нѣсколько времени остаться. Последнія генеральскія слова произвели сіе недоумѣніе и множество разныхъ во мнѣ мыслей, и я началъ уже питать себя лестною надеждою, что меня и оставятъ, а особливо если мнѣ удастся услужить генералу порученною мнѣ бездѣлкою. Почему, не успѣвъ приттѣть домой, какъ, отыскавъ свой походный жестаной ларчикъ съ красками и съ кистями, который сдѣланъ былъ у меня нарочно и весьма укромный для похода, принялся тотчасъ за работу. Она подлинно составляла самую бездѣлку и была такъ маловажна, что мнѣ удалось ее въ то же утро кончить, такъ что я, для врученія ея генералу, засталъ его еще въ канцеляріи, въ которой обмѣновенно онъ часу до второго и до третьяго просиживалъ.

Нельзя изобразить, какъ удивился онъ, увидѣвъ меня къ себѣ въ судейскую вошедшаго. — «Что ты, мой другъ, спросилъ онъ меня съ поспѣшностію и увидѣвъ подающаго ему и крестъ его и рисуночекъ, — что это? неужели онъ уже готовъ?» — «Готовъ, ваше превосходитель-

ство, сказалъ я, много-ли тутъ работы?» — «Посмотримъ-ка, посмотримъ», подхватилъ онъ и, вставъ съ мѣста своего, пошелъ къ окну развѣрживать бумагу съ рисункомъ. Тутъ вспрыгнувъ онъ почти отъ радости, увидѣвъ мою работу и закричалъ: «а! какъ это хорошо! ей-ей хорошо, нивкакъ я того не ожидалъ и не думалъ. Посмотрите-ко, государи мои, обратясь къ совѣтникамъ, онъ продолжалъ: истинно нельзя быть лучше и аккуратнѣе!» Всѣ повскакали тогда съ мѣстъ своихъ и пошли смотрѣть къ генералу, а виѣстѣ съ ними и г. Чонжинъ, и всѣ начали, наперывъ другъ предъ другомъ, расхваливать мою работу, а г. Чонжинъ говорилъ: «Ну, не правда-ли моя, ваше превосходительство, не сказывали ли я вамъ напередъ, что онъ сдѣластъ? онъ у насъ на все дока!» — «Правда, правда, сказалъ генералъ, въ превеликомъ будучи удовольствіи: — и г. Болотовъ истинно мастеръ рисовать и, что всего удивительнѣе, такъ скоро и хорошо. Спасибо тебѣ, мой другъ, ты одолжилъ меня трудомъ своимъ, право одолжилъ, и я завтра-же пошлю его въ Берлинъ». Я, слушая сіе, молчалъ и только-что откланивался ему; но какъ хотѣлъ я прочиттѣть, то сказалъ онъ мнѣ наконецъ: «Постой же, и не уходи, мой другъ, изъ канцеляріи, а пойдемъ-ка виѣстѣ со мною, отобѣдаемъ и поговоримъ что-нибудь».

Я сдѣлалъ ему за честь, оказываемую мнѣ, пренизкій поклонъ и не успѣвъ вытѣть въ подъяческую, какъ всѣ канцелярскіе облѣнили меня кругомъ и всѣ наперывъ другъ предъ другомъ изъясляли радость свою о томъ, что удалось мнѣ такъ услужить генералу и поздравляли меня съ оказываемою мнѣ честью, какой никто еще до того времени не удостоился изъ всѣхъ канцелярскихъ, и всѣ желали, чтобъ хотя сіе помогло къ тому, чтобъ меня оставили; о чемъ нѣкоторые почти уже несомнѣвались, и тѣмъ паче, что слышали, что въ то время, когда я рисовалъ, говорено было много обо мнѣ въ судейской.

Не успѣли мы приттѣть въ губернатор-

вом, гдѣ накрытъ уже былъ ма-
столикъ, ибо онъ обѣдывалъ всег-
дѣ одинъ, какъ велѣлъ генералъ
поставить еще приборъ для меня,
у тѣмъ, какъ становили и носили
я, и вступилъ онъ со мною въ
сдѣланый разговоръ: «Право, мой другъ,
онъ мнѣ, подумай-ка, уже не от-
ли тебѣ отъѣздъ свой до просуши?
самъ, что путь началъ уже со-
ю портиться и мы сегодня же
и еще извѣстіе, что рѣки Висла
отъ такъ разлились, что сдѣла-
великое наводненіе и многія се-
атошлемы; то какъ тебѣ теперъ
дному и подвергаться безъ нуж-
ностями? Мнѣ досадно, невѣдомо
то не могу тебя формально удер-
съ другой стороны, жалѣю истин-
и не желалъ бы никакъ, чтобъ
юргся какому-нибудь несчастію.
И-ко, это право не малина и не
, и приѣхать къ арміи всегда еще
ты можешь?»—«То-то такъ, ваше
однѣльство, отвѣчалъ я: мнѣ и
хотѣлось бы охотно пробить здѣсь
ужи, но я опасуюсь, чтобъ за не-
своей приѣздъ не претерпѣть мнѣ
апасти!»—«Нѣтъ, подхватилъ ге-
это не такъ важно и опасаться
его; словомъ, хотя-бъ прислано
вторичное о тебѣ повелѣніе, такъ
бѣда невелика! Мы отпишемъ,
быть, тогда что-нибудь, могущее
къ твоему извиненію и оправда-
томъ».—«О! если эта будетъ ми-
шна, сказалъ я, поклонившись,
ю шное, и я уже смѣлѣе и охотнѣе
посъ здѣсь до просуши».—«Оста-
ь, оставайся, мой другъ, съ Бо-
просуши, куда тебѣ теперь ѣхать.
всмотримъ, что Богъ дастъ. Мо-
тъ, перемѣнятся обстоятельства,
можно будетъ удержать тебя и
между тѣмъ проживемъ-ка сколь-
ць еще вмѣстѣ и ты ходи-ка
ѣмъ къ намъ, по прежнему, въ
ію, и помогай намъ своими пе-
цъ, а кстати, притомъ, можешь
въ и свои науки. Мнѣ сказы-

вали, что ты чему-то учишься, это истин-
но похвально и препохвально. Сядемъ-ка
и отобѣдаемъ, а потомъ поговоримъ съ
тобою о наукахъ, познакомимся короче,
и ты расскажи мнѣ обо всемъ подроб-
нѣе».

Всѣми сими словами влилъ онъ, влас-
но, какъ нѣкакой живительный бальзамъ
въ отягощенное недоумѣніемъ мое серд-
це. Я кланялся и благодарилъ за его къ
себѣ милость и благопріятство и не пом-
ню когда бы имѣлъ обѣдъ столь вкусный
и сладкій, какъ въ то время.

А не успѣли мы отобѣдать, какъ онъ
и вступилъ со мною въ пространнѣй-
разговоръ о наукахъ; я долженъ былъ
рассказать ему все и все, что я знаю,
гдѣ, чему и отъ кого учился и чему
именно учусь въ тогдашнее время.

И какъ онъ услышалъ, что я всему на-
учился болѣе самоучкою и по единствен-
ной охотѣ, то не могъ онъ довольно
расхвалить меня за то. Что-жъ касается
до разсказыванія моего о новой филосо-
фіи, которой я началъ учиться, то слу-
шалъ онъ о томъ съ особливѣйшимъ внима-
ніемъ, желалъ слышать наглавнѣйшія
ея основанія и совѣтовалъ мнѣ никакъ
непокидать учиненнаго начала и продол-
жать сіе доброе и полезное дѣло. Корот-
ко, мы проговорили съ нимъ болѣе двухъ
часовъ сряду и оба узнали другъ друга
короче. Я узналъ, что и онъ довольно
свѣдущъ во многомъ и отнѣнно любилъ
науки, а онъ получилъ обо мнѣ лучшее
понятіе и чрезъ самое то сдѣлался ко
мнѣ такъ благосклоненъ, что я во все
время пребыванія моего у него подъ
командою, не могъ на него ни въ чемъ
маленькомъ пожаловаться, и кромѣ лас-
ки и благопріятства ничего отъ него не
видалъ.

Поговоривъ симъ образомъ съ губер-
наторомъ, рѣшился я, по совѣту его, на
отпагу остаться долѣе въ Кенгсбергѣ и
дождаться вторичнаго о высылкѣ меня
повелѣнія отъ фельдмаршала, и послѣ
узналъ, что о самомъ томъ былъ у гене-
рала и во время рисованья моего раз-
говоръ съ совѣтниками и

съ общаго согласія положено было у нихъ, меня до полученія сего вторичнаго повелѣнія не отпускать, но всячески удерживать. Но какъ сего вторичнаго повелѣнія не воспослѣдовало и во все глѣто, ибо фельдмаршалу вѣрно не до того было, чтобъ помнить о такихъ бездѣлкахъ, а отъ полку представленіевъ обо мнѣ къ нему не дѣлано было никакихъ, и какъ думать надобно сперва, потому, что по утѣренію приѣхавшаго подлекаря о скоромъ моемъ приѣздѣ, меня ежедневно ожидали, а послѣ когда пошли въ походъ, то и полковымъ начальникамъ не до того было, чтобъ о такихъ бездѣлкахъ дѣлать фельдмаршалу представленія, то въ ожиданіи того и прожилъ я въ Кѣнигсбергѣ благополучно во все глѣто и до самаго того времени, покуда судьба отвлекла меня въ другую сторону и все дѣло обо мнѣ такъ было позабыто, какъ бы и во все его не было.

Вотъ какимъ образомъ остался я опять въ Кѣнигсбергѣ и какой бездѣлкѣ назначено было меня остановить; но какъ бы то ни было, то я тѣмъ очень былъ доволенъ и о томъ убыткѣ ни мало не жалѣлъ, который я имѣлъ при покупкѣ лошадей и исправленіи своего походнаго экипажа, но послѣ тѣмъ былъ еще и доволенъ, ибо мнѣ въ послѣдующее время сгодились они очень встать, такъ какъ о томъ упоминается послѣ, въ своемъ мѣстѣ.

Возвращаясь теперь къ продолженію порядка исторіи моей, скажу, что оставшись помянутымъ образомъ, сверхъ всякаго чаянія и ожиданія, въ Кѣнигсбергѣ, началъ я по прежнему ходить ежедневно въ канцелярію и заниматься переводами, съ тѣмъ уже для себя облегченіемъ, что имѣлъ у себя уже помощника, котораго я заставлялъ переводить все легкое, а самъ для себя оставлялъ только трудныя которые переводить онъ былъ еще не въ состояніи, и какъ чрезъ то получилъ я болѣе досуга, а сверхъ того и все послѣполуденное время могли мы употреблять на себя, то и началъ я тѣмъ болѣе и прилежнѣе заниматься науками и какъ штудированіемъ новой философіи, такъ переводами и чтеніемъ книгъ не

столько увеселительныхъ, сколько важныхъ и существенно полезныхъ, и могу сказать, что сей годъ былъ для меня прямо учебный и по многимъ отношеніямъ наиважнѣйшій во всей жизни.

Ибо, во-первыхъ, спознакомился я въ оный и познакомился довольно коротко съ здравѣйшею и лучшайшею философіею изъ всѣхъ, какія бывали только до того въ свѣтѣ и которой полезность, узнанную изъ собственной опытности своей, ни довольно описать, ни изобразить не могу.

Посредствомъ оной получилъ я только впервые истинныя и ясныя понятія какъ о существѣ, такъ и о свойствахъ и совершенствахъ божескихъ, о натурѣ и существѣ всего созданнаго міра, а что всего важнѣе, о существѣ, силахъ и свойствахъ собственной души нашей, или короче сказать, спознакомился короче съ Богомъ, съ міромъ и самимъ собою. О чемъ обо всемъ до того времени хотя имѣлъ понятія, но понятія мои были весьма еще темныя, несовершенныя и спутанныя, а тогда открылся мнѣ власно какъ свѣтъ и я могъ уже обо всемъ судить здраво и на все смотрѣть иными глазами. За все сіе наглавнѣйше обязанъ я г. Вейману, къ которому продолжалъ я ежедневно почти ходить и не только слушалъ преподаваемыя имъ лекціи, но усилъвалъ все говоренное имъ записывать, и написалъ даже цѣлыя книги. Онъ прошелъ съ нами всю метафизику и наибольшую часть морали, а дабы сколько можно было болѣе въ томъ успѣть, то неудовольствуясь сими преподаваемыми намъ лекціями, купилъ я весь философическій курсъ, или всю философію Крузіанскую, и по книгамъ симъ штудировалъ и дома, и занимался тѣмъ во всѣ праздныя часы столько и съ такимъ успѣхомъ, что самъ г. Вейманъ не могъ тому надивиться, что я такъ много и въ короткое время узналъ изъ сей глубокомысленной и высокой философіи; но онъ не зналъ того, что я сколько учусь отъ него, а вдвое того студирую дома по книгамъ. Словомъ, прилежность моя

была велика, что я нима части тѣ, которыя казались мнѣ новыми, какъ-то, новую науку г. и о воли человеческой или Телеогію, для лучшаго понятія и не я выучилъ даже отъ слова до назустъ, а не удовольствуясь и еще нѣкоторую часть оной и еще на свой природный языкъ и тѣмъ съ особеннымъ рвеніемъ и вѣнствомъ занимался нѣсколько нѣреду.

Сіе въ немногіе мѣсяцы сдѣлало тѣ философіи сей столь знающимъ, не только въ осень того же еще состояніи былъ, при бываемыхъ ошнемъ университетѣ публичныхъ ахъ, мѣшаться въ оныя и брать съ дѣйствительное соучастіе, поращеніи въ домъ свой въ послѣднее времена сочинить самъ философію и нравоучительныя книги и тѣмъ своему отечеству, какъ упомяну въ предъ въ своемъ мѣстѣ. горыхъ, и что по всей справедливочитаю я наиважнѣйшимъ во оей жизни, удостовѣрился въ истиноту откровенія и христіанскаго и утвердился въ религіи и вѣрѣ. сей пунктъ есть найдостойнѣйшій іанія и помогла мнѣ въ томъ очевидно сама десница Всемогуцаго ой его и бдящій о пользѣ моей слъ употребилъ къ тому особенное ю и самую ничего почти незнабездѣлку, то опишу я сей случай нѣе.

ъ, возвращаясь нѣсколько назадъ, я, что по особенной ко мнѣ милости Всемогуцаго, имѣлъ я еще съ ихъ лѣтъ и съ самага почти младшаго нѣкоторую приверженность къ и къ сватому его откровенному . Набожность покойной моей роицы, при которой я въ тѣ годы въ которые начиналъ я сколько-себя познавать и помнить, и нима во мнѣ почти охота къ чиниить подала первый къ тому по: слѣды приверженности моей къ

вѣрѣ примѣтны уже были въ самыя юнѣйшія мои лѣта, какъ о томъ имѣлъ уже я случай упоминать вамъ отчасти въ нѣкоторыхъ изъ предслѣдующихъ моихъ писемъ; и вы знаете уже, что я, будучи ребенкомъ, любилъ уже читать, и не только читать, но даже и списывать духовныя книги, и что все сіе произвело то, что я и до вступленія въ службу почиталъ себя уже болѣе знающимъ о законѣ, нежели знаютъ самыя наши попы деревенскіе. Но совсѣмъ тѣмъ, по обстоятельству, что у насъ не было еще тогда никакихъ хорошихъ духовныхъ и такихъ книгъ, которыя бы могли меня познакомить короче съ первѣйшими истинами христіанскаго закона, и всѣ прочитанныя мною книги состояли изъ Пролога, Четкихъ-миней, нѣкоторыхъ другихъ, и наконецъ Камень-вѣры, которая изъ всѣхъ еще сколько-нибудь была важнѣе прочихъ: то все знаніе мое было не только темно и весьма еще несовершенно, но и основано, какъ я послѣ увидѣлъ, на весьма еще слабыхъ и такихъ основаніяхъ, которыя всего легче могли поколеблемы быть. Словомъ, я зналъ о законѣ не болѣе, какъ сколько знаютъ большая часть изъ наилучшихъ и усерднѣйшихъ къ вѣрѣ нашихъ тогдашнихъ, а, къ сожалѣнію, и нынѣшнихъ множайшихъ соотечественниковъ.

Съ симъ довольнымъ и весьма для меня счастливымъ предъуготовленіемъ вступилъ я въ военную службу; и какъ тутъ не до того было, чтобъ продолжать упражняться въ чтеніи духовныхъ книгъ, какихъ со мною и не было уже никакихъ, а сверхъ того и лѣта мои были уже такія, что мысли мои развлекались уже иными разными и занимались болѣе свѣтскими предметами: то во все время продолженія службы моей, до приѣзда въ Кѣнигсбергъ, помышлялъ я всего меньше о законѣ, а вся польза, полученная мною отъ чтенія въ младенчествѣ моемъ духовныхъ книгъ, состояла только въ томъ, что я никогда не преставалъ быть привлеченнымъ къ Богу, никогда не забывалъ онаго, всегда ему малымъ а

съ усердіемъ довольнымъ, а съ таковою приверженностію къ нему приѣхалъ и въ Кёнигсбергъ самый. Тутъ, получивъ случай къ доставанію и чтенію множайшихъ всякаго рода книгъ, а особливо добрыхъ, нравоучительныхъ, сталъ я мало по малу просвѣщаться въ своихъ знаніяхъ, до благочестія относящихся, и будучи отъ природы болѣе къ добру, нежели ко злу склоненъ, увеличилъ еще болѣе приверженность свою къ Богу, а особливо какъ скоро изъ книгъ получалъ я уже объ немъ и обо всемъ въ мірѣ несравненно лучшія и обширнѣйшія предъ прежнимъ понятія, и начиналъ спознакомливаться съ тою блаженною и полезнѣйшею наукою, которая научаеъ насъ увеселяться красотами природы, и которая чрезвычайно много помогла къ образованію моего сердца и къ сдѣланію его наклоннымъ къ добродѣтельной и благочестивой жизни. Но какъ всѣ читанныя мною книги были болѣе нравоучительныя, свѣтскія, а не духовныя и до религіи относящіяся, ибо сихъ никакихъ не было, а иностранныя сего рода книги я какъ-то не бралъ никогда и въ руки, думая, что они нимало къ намъ не слѣдуютъ, то, несмотря на все вышесказанное, не взирая на всю мою приверженность къ богопочитанію, всѣ знанія мои объ откровенномъ законѣ были еще слабы и не только весьма недостаточны, но таковы, что могли тотчасъ поколебаться, какъ скоро явился къ тому удобный случай, а сіе и случилось со мною около самаго сего времени и въ теченіи прошедшаго года и, что особеннаго примѣчанія достойно, предъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ спознакомился я съ Крузіанскою и толико блаженною для меня философіею.

Первый поводъ подала къ тому Вольфганская философія, съ которою, какъ выше упомянуто, спознакомился я прежде, нежели еще зналъ, что есть на свѣтѣ Крузій; ибо какъ скоро, по прочтеніи оной Вольфганской философіи, сдѣлался я способнымъ къ чтенію и пониманію книгъ, содержащихъ въ себѣ и самыя важныя и высокія матеріи, и получивъ

къ такому чтенію превеликую охоту, сталъ и доставать и выбирать къ чтенію болѣе такія; то какимъ-то образомъ, между множествомъ другихъ, стали мнѣ попадаться въ руки и самыя вольнодумческія и такія, которыя мало-по-малу и совсѣмъ непримѣтнымъ и нечувствительнымъ образомъ, стали вперять въ меня нѣкоторыя сумнительствы о истинѣ всего откровенія и христіанскаго закова, и совращать меня съ путя добраго. Къ особливому несчастію случились онѣ наиболѣе такихъ сочинителей, которые разсѣваемой повсюду свой ядъ умѣли прикрывать прелестною личиною и, для удобнѣйшаго всякому проглотенію, обильливать свои ядовитыя и пагубныя пилюли, власно, какъ медомъ и сахаромъ. А сіе и произвело, что я полюбопытству своему, начитавшись ихъ съ превеликою жадностію, нечувствительно наглотался и оныхъ, и такъ много, что впалъ наконецъ въ совершенное сумнительство о законѣ и едва-было едва не сдѣлался и самъ совершеннымъ деистомъ и вольнодумцомъ. Сколько-нибудь поддерживала меня еще долго прежняя приверженность моя къ закону; но какъ и та никакъ не могла долго устоять и держаться противъ мнимыхъ философическихъ и все то опровергающихъ истинъ, которыми я наполнился, то и впалъ я наконецъ въ наимучительнѣйшее и такое состояніе, которое я никакъ описать и изобразить не могу. Было оно среднее между вѣрою и невѣріемъ, и доводило меня нерѣдко до того, что я, углубясь въ размышленія о томъ, обуреваемъ былъ иногда такимъ страданіемъ душевнымъ, что не радъ былъ почти жизни и не зналъ, что мнѣ дѣлать и вѣрить ли всему тому, что намъ сказываютъ о христіанскомъ законѣ, или не вѣрить, и почитать все то баснями и выдумками и хитростію духовныхъ, какъ то помянутые писатели въ меня впереть старались.

Мучительное сіе состояніе продлилось, какъ теперь помню, нѣсколько недѣль сряду и во все сіе время я, власно, какъ горѣлъ на огнѣ и пытѣъ, и доводилъ

верѣдко до того, что кинувшись на
и воздѣвъ руки къ небу, наи-
ѣйшимъ образомъ молилъ и про-
Творца своего, помочь мнѣ въ сей
и какимъ бы то образомъ ни было
меня изъ сего мучительнаго по-
и.

моленія мои были симъ благодѣ-
Твордомъ и услышаны, и свя-
сницѣ Его угодно было наконецъ
меня отъ бездны, надъ которою
рта была уже нога моя и въ ко-
готовъ уже я былъ совсѣмъ упасть,
гавить меня на камень, могущій
меня отъ паденія, какъ тогда,
все послѣдующее время, и къ сему
дому почти избавленію моему изъ
и опасности и къ спасенію моему
бить по наружному виду самую
ку и вещь, ничего незначащую.
спрошу я васъ, любезный при-
могли-ль бы вы подумать и повѣ-
ому, что бездѣлица, одинъ прус-
юмъ (что учинить меньше нашихъ
копѣекъ), употребленный во благо,
толпѣи былъ вывести меня изъ по-
ло наимучительнѣйшаго состоянія
жить первое основаніе всему воз-
тому котомъ твердому и такому
моей вѣрѣ, которое ничто уже
бать не могло и чрезъ все то не
успокоить мой духъ, но и подать
къ безчисленнымъ удовольствіямъ
ѣнненнымъ минутамъ въ жизни.

удивляетесь сему? Но удивитесь бо-
огда расскажу вамъ все сіе, по-
ому, хотя ничего незначащее, но
мою жизнь и самое блаженство
внчайшее вліяніе имѣвшее произ-
е, и увидите, какими путями и ма-
ными иногда средствами спасаетъ
провидѣніе отъ превеликихъ бѣдъ
и подаетъ поводъ къ происшествію
къ и важныхъ переменъ во всей
жизни.

огда, во время помянутаго моего
льнаго состоянія, случилось мнѣ
тъ въ книжную лавку, для покупки
не помню уже какой именно книги.
тѣмъ какъ книгопродавецъ пошелъ

по шкапамъ ее отыскивать, вмнмать и
развязывать многія кипы переплетен-
ныхъ книгъ, обратилъ я глаза на рас-
кладенныя на прилавкѣ въ превеликомъ
множествѣ разныя, переплетенныя нѣ-
мецкія книги, которыя всегда при та-
кихъ случаяхъ имѣлъ я обыкновеніе пер-
ресматривать изъ любопытства. И тогда,
власно какъ нарочно, случись такъ, что
лежала противъ самаго меня, одна нѣ-
мецкая предика, напечатанная въ чет-
верть и изъ листовъ двухъ, или трехъ
состоящая. И надобно-жъ было случить-
ся такъ, что попалась она мнѣ первая
на глаза. Сперва пренебрегъ-было я ее,
какъ нѣмецкую предикую и такое ду-
ховное сочиненіе, какихъ я никогда не
читывалъ и до которыхъ мнѣ всего мень-
ше было нужды; но вдругъ меня власно
какъ нѣчто толкнуло и побудило взгля-
нуть на нее пристальнѣе и посмотреть,
какого бы она была проповѣдника. И ка-
кимъ же поразился я удивленіемъ, когда
кинулось мнѣ въ глаза низу крупными
литерами напечатанное имя Крузія. «Ба,
ба, ба! Крузія? Да какого же это Кру-
зія? сказалъ я въ умѣ самъ себѣ: развѣ
иного какого, и развѣ есть и другіе еще
Крузія?» Ибо мнѣ и въ умѣ не приходи-
ло, чтобъ была она того самаго великаго
философа, котораго философію я тогда
уже штудировалъ и къ которому имѣлъ
уже безпредѣльное почтеніе и уваженіе.
Но какъ же увеличилось удивленіе мое
еще болѣе, когда увидѣлъ я, что была
она Христіана Августа Крузія и точно
самаго сего великаго мужа. «Господи по-
милуй! воскликнулъ я тогда самъ въ
себѣ въ умѣ: какъ же я до сего времени
не зналъ, что есть его и духовныя сочи-
ненія, и предики еще. Да развѣ онъ ду-
ховный и не только философъ, но и бо-
гословъ вкупѣ?» Но я удивился еще бо-
лѣе, когда прочитавъ его титулъ, уви-
дѣлъ, что былъ онъ въ тогдашнее время.
Ибо предика сія была совсѣмъ новая и
недавно только напечатанная первѣй-
шею и знаменитѣйшею духовною особою
во всемъ Лейпцигѣ и профессоромъ,
не только философин, но и богословин

при тамошнемъ университетѣ, и чего я до того никакъ не вѣдалъ, ибо во всѣхъ философическихъ его сочиненіяхъ, купленныхъ уже мною, называемъ онъ былъ только просто профессоромъ философіи. И тогда вдругъ родилось во мнѣ превеликое любопытство и желаніе прочесть оную.— «Куплю-ка я ее, говорилъ я самъ себѣ,—и посмотрю, что-бы такое говорилъ въ ней сей мужъ, толь великаго уваженія достойный». Но сіе желаніе увеличилось и я поразился еще болѣе, какъ, прочитавъ надпись о содержаніи оной, увидѣлъ, что была она о великой опасности сумнѣвающихся о истинѣ откровенія и нестаряющихся удостовѣрить себя въ оной и назначена точно для такихъ людей, въ какомъ состояніи я тогда находился; слѣдовательно власно какъ нарочно для меня написана. Я остолбенѣлъ отъ изумленія и какъ въ самую ту минуту подступилъ ко мнѣ книгопродавецъ съ извиненіями, что онъ не могъ никакъ отыскать требуемой мною книги, и что конечно всѣ экземпляры оной разошлись, то я, не слушая болѣе его раздбаровъ, спѣшилъ спросить у него, чего стоитъ сія проповѣдь? «Бездѣлки самой, и одинъ только грошъ надобенъ».—«Хорошо-жь! подхватилъ я: я беру ее, и вотъ тебѣ, мой другъ, грошъ за бездѣлку эту», и взявъ ее, не пошелъ, а побѣжалъ на квартиру, чтобъ скорѣй прочесть оную.

Теперь не могу никакъ изобразить, съ какими чувствіями и разными душевными движеніями читалъ я сію проповѣдь. Была она не столько богословская, сколько философическая, и великій мужъ сей умѣлъ такъ хорошо изобразить въ ней великую важность удостовѣренія себя въ истинѣ откровенія и ужасную опасность сумнѣвающихся въ томъ и не старающихся о удостовѣреніи себя въ томъ, что меня подраю ажъ до головы до ногъ при читаніи сего періода, и слова его и убѣжденія толико воздѣйствовали въ моемъ умѣ и сердцѣ, что я чувствовалъ тогда, что съ меня власно какъ превеликая гора свалилась и что вся волнующаяся во мнѣ

кровь пришла при концѣ оной въ наиблаготѣйшее успокоеніе. Я обрадовался невѣдомо какъ и самъ себѣ возопилъ тогда: когда уже сей великій и по всѣмъ отношеніямъ наивеличайшаго уваженія достойный мужъ съ такимъ жаромъ вступаетъ за истину откровенія, и такъ премудро и убѣдительно говорить о пользѣ удостовѣренія себя въ истинѣ оного, то какъ же можно болѣе мнѣ въ томъ сомнѣваться, мнѣ, въ тысячу разъ меньше его все свѣдущему! Нѣтъ, нѣтъ! продолжалъ я, съ сего времени да не будетъ сего болѣе никогда, и я непременно послѣдовать всѣмъ его предлагаемымъ въ ней совѣтамъ.

Словомъ, какъ она, такъ и самая особенность сего случая такъ меня поразила, что я, павъ на колѣна, и со слезами на глазахъ благодарилъ Всевышнее Существо, за оказанную мнѣ всѣмъ тѣмъ, почти очевидно, милость и прося Его о дальнѣйшемъ себѣ просвѣщеніи; съ того самаго часа, при испрашиваемой его себѣ помощи, положилъ приступить къ тому, чего г. Крузій отъ всѣхъ слушателей и читателей своихъ требовалъ, а именно, чтобъ прочесть напередъ все то, что писано было въ свѣтѣ въ защищеніе истины откровеннаго закона божескаго, а не оставаться при одномъ томъ, что говорили и писали его противники. Онъ говорилъ, что тогда онъ охотно дозволитъ всякому уже сомнѣваться, ибо увѣренъ, что никогда того уже быть не можетъ, а безъ сего не совѣтовалъ бы онъ никому симъ важнѣйшимъ въ свѣтѣ дѣломъ такъ играть, какъ бы какою бездѣлкою, для того, что игрушка сія всякаго такъ можетъ повредить, какъ младенца, играющими горящими углами.

Какъ слова сіи и всѣ прочіе убѣдительные примѣры, тутъ же имъ приводимые, весьма глубоко впечатлѣлись въ сердцѣ и душѣ моей, то бросился я въ тотъ же моментъ отыскивать между книгами своими ту, въ которой преподавался совѣтъ къ составленію библиотеки и гдѣ находилась критическія замѣчанія о всѣхъ лучшихъ книгахъ и сочиненіяхъ

классовъ и которая вскользь пошла меня со всѣми наилучшими гдѣшними всѣхъ родовъ книгами въ свѣтъ; и приславъ въ ней за я о лучшихъ и достопамятнѣй-духовныхъ книгахъ, а особливо , кои писаны для защищенія истинности и закона, выписалъ всѣ ; тотчасъ послалъ за всѣми тѣми, были изъ нихъ въ той библиотекѣ, горой бралъ я книги для чтанія, рыхъ не было въ ней, гдѣ по-неотнѣнно купить и употребить у сколько мнѣ только было мож-иегъ, и сдѣлать сіе въ непродол-момъ времени.

того времени вдался я въ наи-кнѣйшее чтеніе всѣхъ оныхъ и казать, что я въ чтеніи семъ не на-усталости, и въ короткое время ѣ ихъ довольное множество и бла-цалъ тысячу разъ ту блаженную ; въ которую началъ я сіе полез-ю; ибо польза отъ того произошла о я чрезъ то не только избавился енно прежняго мучительнаго не-ія и успокоился духомъ, но утвер-на всю жизнь свою такъ въ зако-) ничто не могло уже меня поко-въ моей вѣрѣ. Умалчивая о томъ, кое сіе доставило мнѣ какъ тогда, во все послѣдующее время моей несмѣтное множество минутъ бла-къ и столь сладкихъ, о какихъ ѣнная часть людей понятія не имѣ-сверхъ доставило мнѣ осно-вое и обширное знаніе христіан-закона и всѣхъ вещей и обстоя-тъ, относящихся до откровеннаго Божія и всей исторіи онаго.

вторая и весьма важная польза, нная мною въ сей годъ и кото- я вѣрно лишился, если-бъ вос-овалъ мой отъѣздъ и я отправля-ался по полямъ и драться съ не-цами; а какія дальнѣйшія полу-и въ сей годъ пользы, о томъ гте вы въ письмѣ послѣдующемъ, решнее, какъ слышномъ уже уве-еюся, дозвольте мнѣ симъ кон-решеніемъ въ «русской старинѣ» 1871 г.

читать и сказать вамъ, что я есмь навсег-да вашъ и прочее.

Письмо 87-е.

Любезный пріятель! Продолжая по-вѣствованіе мое о полученныхъ мною въ теченіе 1761 года пользахъ, скажу, что, въ-третьихъ, получилъ я въ сіе гдѣто ту важную пользу, что гораздо уже короче познакомился съ тѣмъ блаженнымъ искус-ствомъ увеселяться красотами природы, которое способно доставлять человѣку во всякое время безчисленное множество пріятныхъ минутъ и увеселеній непороч-ныхъ и полезныхъ, и тѣмъ весьма много поспѣшествовать истинному его благопо-лучію въ сей жизни. Я упоминалъ вамъ уже прежде, что первый поводъ спознако-миться съ симъ драгоценнымъ искус-ствомъ подали мнѣ сочиненія г. Зуль-цера; но въ сей годъ узналъ я множай-шія сего рода книги и не только съ особливимъ вниманіемъ и любопытствомъ читалъ оныя, но изъ всѣхъ ихъ, какія только могъ достать, купилъ себѣ, а по-мянутую Зульцерову книжку размышле-нія о дѣлахъ природы перевелъ даже всю на нашъ языкъ; а какъ сіе завело меня и далѣе и побудило короче познакомить-ся и со всею физикою, то занимался я и оною и съ такимъ успѣхомъ, что по-слѣ, по приѣздѣ въ деревню, въ состоя-ніи былъ и самъ уже сочинить дѣлныя книги сего рода и научить блаженному искусству сему даже и дѣтей своихъ: сло-вомъ — я и симъ знаніямъ весьма мно-гимъ обязанъ въ жизни моей, и они по-могли мнѣ препроводить ее несравненно веселѣе обыкновеннаго и имѣли во всю жизнь мою великое вліяніе.

Кромѣ всего того, прілежность моя была въ сей годъ такъ велика, что я, за всѣми помянутыми разными упражненіа-ми, находилъ еще свободное время къ переписыванію набѣло какъ нѣкоторыхъ своихъ сочиненій, такъ и переводовъ лучшихъ пьесъ изъ разныхъ и слав-нѣйшихъ еженедѣльничковъ или журна-ловъ. Самую свою памятную книжку, о которой упоминалъ я прежде, переписалъ

я на-было и перешелъ въ сіе лѣто, и какъ была она первая моего сочиненія, то и не могъ я ею довольно налюбоваться.

Что касается до моихъ книгъ, то число оныхъ чрезъ покупаніе разныхъ книгъ на книжныхъ аукціонахъ, изъ которыхъ не пропускалъ я ни единого, а отчасти чрезъ накупленіе себѣ многихъ новыхъ и употребленіе на то всѣхъ своихъ излишнихъ денегъ, увеличилось въ сей годъ несравненно больше и такъ, что собраніе мое могло уже назваться библиотекою, и сдѣлалось для меня первѣйшею драгоценностію въ свѣтѣ. Совсѣмъ тѣмъ я не зналъ, что мнѣ съ сею любезною для меня драгоценностію дѣлать, и она меня очень озабочивала. Я хотя помянутымъ образомъ и остался самъ собою въ Кёнигсбергѣ и хотя весною и не было никакого обо мнѣ повторительнаго повелѣнія, а какъ армія пошла въ походъ, то не можно было и ожидать онаго, ибо тогда фельдмаршалу нашему вѣрно не до того было, чтобы помышлять о такихъ мелочахъ, однако, какъ все еще не было формальнаго приказанія, чтобы мнѣ остаться, и не было никакой въ томъ достовѣрности, чтобы не востребовали меня опять къ полку и долго ли, коротко, а все долженъ я былъ когда-нибудь къ полку явиться; книгъ же у меня однихъ цѣлый возъ уже былъ и мнѣ и десятой доли взять ихъ съ собою и въ походъ возить не было возможности, то горевалъ я уже давно и не могъ придумать, что мнѣ съ ними дѣлать и какъ бы ихъ доставить заблаговременно въ свое отечество, въ которое и самъ я никакой почти надежды не имѣлъ возвратиться: ибо какъ конца войны нашей не было тогда и предвидимо; отставки же въ тогдашнія времена всего труднѣе было добиваться, да такому молодому человѣку, каковъ я тогда былъ, и льститъ тѣмъ совершенно было невозможно, то по всему вѣроятію и должна была вся служба моя тогда кончиться либо тѣмъ, что меня на сраженіи гдѣ-нибудь убьютъ, или изуродуютъ и сдѣлаютъ калѣкою, или

гдѣ-нибудь отъ нужды и болѣзни погину, или, по меньшей мѣрѣ, долженъ буду служить до старости и дряхлости и тогда уже ожидать себѣ отставки. Все сіе нерѣдко приходило мнѣ на мысль и какъ я съ самаго того времени какъ познакомился съ науками, не ощущалъ въ себѣ далеко такой склонности къ военной службѣ какъ прежде, а видѣлъ тогда уже ясно, что рожденъ я былъ не столько къ войнѣ, какъ для наукъ и къ мирной и спокойной жизни, то не рѣдко помышляя о томъ, вздыхалъ я, что не могу даже и ласкаться надеждою такою мирною и спокойною, яко удобнѣйшею для наукъ жизнью когда-нибудь пользоваться. Совсѣмъ тѣмъ, какъ я уже издавна и единожды навсегда ввѣрилъ всю свою судьбу моему Богу и рѣшился всего ожидать отъ его святого о себѣ Промысла, тогда же узнавъ его и все коротче, и болѣе приучилъ себя при всякомъ случаѣ возвергать печаль свою на Господа и ничѣмъ слишкомъ не огорчаться, а всего спокойно ожидать отъ него; то таковая надежда и упованіе на святое его о себѣ попеченіе и утѣшало меня при всякомъ случаѣ и не допускало до огорченій дальнихъ, а впоследствии времени и имѣлъ я множество случаевъ собственно опытностію удостовѣриться въ томъ, что таковое препорученіе себя въ совершенный произволъ Божескій и таковое твердое упованіе на святое его и всемогущее вспомошествованіе, и при всякихъ случаяхъ вспоможеніе, всего дороже и полезнѣе въ жизни для человѣка, такъ что находясь теперь уже при поздномъ вечерѣ дней моихъ, могу прямо сказать и собственнымъ примѣромъ то свято засвидѣтельствовать, что во всю мою жизнь никогда и не постыдился я въ таковой надеждѣ и упованіи на моего Бога и никогда не раскаявался я въ томъ, но имѣлъ тысячу случаевъ и причинъ быть тѣмъ довольнымъ.

Самый помянутый случай съ моими книгами принадлежитъ къ числу оныхъ и можетъ служить доказательствомъ словъ моихъ, ибо сколь ни мало я имѣлъ

цы къ сохраненію и уберженію оего сокровища, но Всемогуцій поинѣ и въ томъ, какъ и при многорукыхъ случаяхъ, и доставилъ мнѣ му средство, о которомъ я всего э думалъ и помышлялъ, а именно: до канцеляріи нашей имѣли дѣло, только приѣзжающіе изъ арміи, но приѣзжающіе, какъ сухимъ путемъ, а судахъ и моремъ изъ нашего отечья, и командиры и судовщики нашихъ судовъ всегда по надобностямъ, приказивали къ намъ въ канцелярію и верѣдко въ самой той комнатѣ, тогда сидѣлъ, по нѣскольку чарепровождали, то случилось такъ, одному изъ таковыхъ судовщиковъ, явшему къ намъ на галіотѣ прощала, дошла особливая надобность до Онь имѣлъ какое-то дѣло съ тѣми прусскими купцами и судовщиками и вознадобилось ему, чтобъ не была скорѣе поданная отъ нихъ седьмой языкѣ превеликая и на цѣлѣхъ листахъ написанная просьба какъ всѣ таковыя шкиперскія и скія бумаги, по множеству находясь въ нихъ особливыхъ терминовъ, вѣнтруднѣйшія къ переводу, и только я могъ сіе сдѣлать, то принявъ возможнѣйшимъ образомъ, тѣлъ онъ ко мнѣ съ униженнѣйшею просьбою о скорѣйшемъ переводѣ говоря, что я тѣмъ одолжу его гчайно. «Хорошо, мой другъ, скажи ему: но дѣло это не такая бездѣлка какъ ты думаешь: я не одинъ испытывалъ сіе и знаю, каково переводить таковыя проклятыя рскія бумаги, а притомъ, мнѣ тѣрафне недосужно. Однако, чтобъ служить, то возьму я бумагу твою на квартиру и посижу за нею сльбѣ обѣда, а ты побывай у меня вечеромъ, такъ, можетъ быть, я сть ее и успѣю». — «Великую бы вы и мнѣ тѣмъ милость», сказалъ онъ, въ тѣмъ очень доволенъ, а я, искавъ случая дѣлать всякому добро, о отъ меня могло зависть, охотно

послѣ обѣда и приступилъ къ тому и, посидѣвъ часа два, и перевелъ ему ее и прежде еще, нежели онъ пришелъ ко мнѣ. Но какъ же удивился я, увидѣвъ пришедшаго его ко мнѣ съ превеликимъ кулькомъ, наполненнымъ сахаромъ и разными другими вещами. «Ба, ба, ба! сказалъ я: да это на что? неужели ты думаешь, что я для того велѣлъ приттять къ себѣ на квартиру, чтобъ сорвать съ тебя срыву! Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, я не изъ такихъ, а хотѣлъ истинно только тебѣ услужить и доставить скорѣе переводъ свой. Онъ у меня давно уже и готовъ, но теперь, за это самое, и не отдамъ его тебѣ». — «Помилуй, государь! подхватилъ онъ кланяясь и убажая меня: для меня это сущая бездѣлка, и вы меня не столько одолжили, но такъ много, что я вамъ готовъ служить и болѣе, и не угодно ли вамъ чего отправить со мною въ Петербургъ: я на сихъ дняхъ отправляюсь на галіотѣ своемъ туда и охотно бы вамъ тѣмъ услужилъ и отнезъ, что вамъ угодно». Я благодарилъ его за чувствительность къ моему одолженію, а онъ, взглянувъ между тѣмъ на книги мои, установленныя по многимъ полкамъ, продолжалъ: — «Вотъ книги, на примѣръ, у васъ ихъ такое множество. Неудобно ли вамъ ихъ препоручить мнѣ отвезти куда вамъ угодно, въ Ригу ли, въ Ревель или въ Петербургъ; вамъ гдѣ возить съ собою въ походахъ такое множество, а я охотно-бъ вамъ тѣмъ услужилъ и доставилъ туда, куда прикажете».

Нечаянное предложеніе сіе поразило меня удивленіемъ превеликимъ и вкупѣ обрадовало. «Ахъ! другъ ты мой! воскликнулъ я: ты, недоумливаешь меня въ томъ, что меня давно уже озабочиваетъ. Я давно уже горюю объ нихъ и не знаю, куда мнѣ съ ними дѣваться? Уже не отправить ли мнѣ ихъ право съ тобою и не отвезешь ли ты ихъ въ Петербургъ? великое бы ты мнѣ сдѣлалъ тѣмъ одолженіе». — «Съ превеликимъ удовольствіемъ, батюшка, сказалъ онъ: галіотъ мой пойдетъ пустымъ и съ однимъ только почти баластомъ, такъ ес-

любъ и не столько было посылки, такъ можно, а это сущая бездѣлка!» — «Но, другъ мой! сказалъ я ему: книги сіи мнѣ очень дорого стоятъ, я до нихъ охотникъ и могу ли я надѣяться, что онѣ не пропадутъ?» — «О! что касается до этого, подхватилъ онъ: то развѣ сдѣлается какое несчастіе со мною и съ галіотомъ моимъ, а то извольте положить въ томъ смѣло и безъ всякаго сомнѣнія на меня, какъ на честнаго человѣка и извольте только назначить мнѣ гдѣ и кому ихъ отдать, а то онѣ вѣрно доставлены будутъ». — «Очень хорошо, мой другъ! сказалъ я: а за провозъ я заплачу, что тебѣ угодно!» — «Сохрани меня Господи! подхватилъ онъ: чтобъ я съ васъ что-нибудь за провозъ такой бездѣлки взялъ; а извольте-ка ихъ готовить, и укладъ въ сундуки, хорошенько увязать и запечатать, чтобъ онѣ дня черезъ два были готовы, а впрочемъ, будете вы мною вѣрно довольны».

На семь у насъ тогда и осталось, и я, дивясь сему нечаянному совсѣмъ и благоприятному случаю, отпустилъ его отъ себя съ превеликимъ удовольствіемъ и тотчасъ послалъ къ столярамъ и заказалъ сдѣлать сундуки для укладыванія книгъ моихъ. Но тутъ сдѣлался вопросъ: къ кому я ихъ въ Петербургъ отправлю? Не было у меня тамъ ни одного коротко знакомаго, а былъ только одинъ офицеръ, служившій при Сенатской ротѣ, изъ фамиліи гг. Ладыженскихъ, который, будучи сосѣдомъ по Пскову зятю моему Неклюдову, былъ ему пріятель, а самъ я не зналъ его и въ лицо, а только кой-когда съ нимъ переписывался, да зналъ коротко сестру его, короткую пріятельницу сестры моей. Итакъ, къ другому, кромѣ его — послать мнѣ ихъ было не къ кому, но и объ немъ не зналъ я — въ Петербургѣ ли онъ тогда находился или въ деревнѣ. Но какъ бы то ни было, и какъ ни опасно было отдать всю бібліотеку мою на произволъ бурному и нестойкому морю, и человѣку совсѣмъ мнѣ до того незнакомому, — однако, подумавъ нѣсколько и не хотя упустить

такой хорошей оказіи, призвавъ Бога въ помощь, рѣшился на все то и на удачу отважиться и, наклавъ книгами цѣлыхъ три сундука и увязавъ оныя и запечатавъ, препоручилъ ихъ помянутому судовщику съ письмомъ къ помянутому г. Ладыженскому, въ которомъ просилъ сего — отправить ихъ при случаѣ къ моему зятю въ деревню.

Не могу изобразить, съ какими чувствами разставался я съ милыми и любовными моими книгами и подвергалъ ихъ всѣмъ опасностямъ морскимъ. «Простите, мои милые друзья!» говоритъ я самъ себѣ, ихъ провожая, «ведить ли Богъ мнѣ опять васъ видѣть и вами веселиться и получать отъ васъ пользу, и гдѣ-то и когда я васъ опять увижу!» Однако всѣ опасенія мои въ разсужденіи ихъ были напрасны: Всемогущему угодно было сохранить ихъ отъ всѣхъ бѣдствій и доставить мнѣ въ свое время въ цѣлости. Ибо такъ надлежало случиться, что галіотъ сей доѣхалъ до Петербурга благополучно, и что судовщикъ за первый долгъ себѣ почелъ отыскать господина Ладыженскаго, а у сего и случись тогда, власно какъ нарочно, люди, присланные отъ зятя моего къ нему за нѣкоторыми надобностями съ лошадьми и подводами, а съ ними ему ихъ всего и удобнѣе и надежнѣе можно было отправить въ деревню, куда они и привезены тогда же въ цѣлости, а оттуда отвезъ я уже ихъ самъ послѣ въ свою деревню.

Симъ-то образомъ удалось мнѣ сохранить и препроводить въ Россію мои книги. Онѣ послужили мнѣ потомъ основаніемъ всей моей бібліотекѣ и принесли мнѣ не только множество невинныхъ удовольствій, но и великую пользу. Но я возвращаюсь къ продолженію моей исторіи.

Между тѣмъ, какъ я помянутымъ образомъ продолжалъ заниматься учеными дѣлами и большую часть времени своего употреблялъ на ученіе, чтеніе, переводы и писаніе, дѣла правленія королевствомъ Пруссіимъ шли хотя по прежнему, но несравненно съ лучшимъ порядкомъ. Гу-

оръ нашъ былъ гораздо степеннѣе и чѣе Корфа и во всѣхъ дѣлахъ иенно богѣе знающъ. Онъ вхо-) всякое дѣло съ основаніемъ и лгъ никому водить себя за носъ. зъ, дѣла потекли совсѣмъ инако, че его къ службѣ было такъ ве- то онъ не только наблюдалъ и ис- лъ все, чего требовалъ долгъ его, но и ночью помышлялъ и о томъ, и доходъ, получаемый тогда съ вства Прусскаго и простиравшій- ько до двухъ миллионѣвъ талеровъ, торыхъ одинъ миллионъ накі рас- я на расходы по королевству, сдѣ- ольше и знаменитѣе. Онъ вникалъ юе существо и всѣ подробности та- го правленія и высматривалъ всѣ пня упущенія тамошними камера- чинначальниками и о взисканіи всячески старался; и какъ между разными его затѣями и особенны- ями, случались иногда такія, ко- желалось ему сначала утаить и шныхъ товарищей своихъ совѣтчи- которые были всѣ нѣмцы, то, по- зъ меня, удостоивалъ повѣренности юго меня и не рѣдко заирался иичъ со мною въ своесѣ кабинетѣ, удучи посаженъ имъ за маленькій гъ, принужденъ былъ иногда по нѣ- ку часовъ писать диктуемне самимъ итѣ разные прожекты, а иногда дѣ- ишиски изъ разныхъ бумагъ, имѣ иаемыхъ. А всѣми такими стараніа- дѣйствительно не только сократилъ иогочисленные расходы, но почти гъ миллионѣвъ увеличилъ доходы съ маленькаго государства и всѣмъ приобрѣлъ особенное благоволеніе иператрицы.

ючемъ, жилъ онъ удаленнымъ отъ й иишности и великолѣпія, и въ особ- ги сначала и покуда неприѣхали къ его дочери, весьма тихо и умѣрен- ое было у него ни баловъ, ни мас- овъ, какъ у Корфа, а хотя въ ственные праздники и давалъ онъ , но сіи были далеко не такіе боль- авалъ при Корфѣ; но съ того вре-

мени, какъ приѣхали къ нему его доче- ри, что случилось еще предъ начатіемъ весны, то сталъ онъ жить сколько-ни- будь открытѣе и хотя далеко не такъ часто, какъ Корфъ, но дѣлать иногда у себя балы, а особливо для дочерей своихъ, которыхъ было у него двѣ и обѣ уже со- вершенныя невѣсты, и изъ конхъ выдалъ онъ послѣ одву замужъ за бывшаго у насъ тутъ генераль-провіантмейстеромъ- лейтенантомъ, знакома и сосѣда моего, князя Ивана Романовича Горчакова.

Кромѣ сихъ двухъ дочерей, имѣлъ онъ у себя еще и сына, служившаго тогда въ арміи еще подполковникомъ и самаго того, который прославилъ себя потомъ такъ много въ свѣтѣ, и въ недавнія предъ симъ времена потрясъ всею Европою и дослужился до самой высшей степени че- сти и славы.—О семъ удивительномъ че- ловѣкѣ послалась уже и тогда молва, что онъ былъ страннаго и особливаго харак- тера и по многимъ отношеніямъ сущій чужакъ. — Почему, какъ случилось ему тогда на короткое время приѣзжать къ отцу своему къ намъ въ Кѣнигсбергъ — при которомъ случаѣ удалось мнѣ толь- ко его и видѣть въ жизнь мою — то и смотрѣлъ я на него съ особливымъ любо- пытствомъ, какъ на рѣдкаго и особлива- го человѣка; но могъ ли я тогда думать, что сей человѣкъ впоследствии времени будетъ такъ великъ и станетъ играть въ свѣтѣ толь великую роль и приобрѣ- тетъ отъ всего отечества своего любовь и величественное почтеніе.

Что касается до бывшихъ у насъ въ Кѣнигсбергѣ въ теченіе сего лѣта произ- шествій, то не помню я ни одного, ко- торое было бы сколько-нибудь достопа- мятно и такого, чтобъ стоило упомянуть объ ономъ, кромѣ одного, въ которомъ я имѣлъ особенное соучастіе, и потому расскажу вамъ объ ономъ обстоятельно.

На одного изъ живущихъ въ уѣздѣ прусскихъ дворянъ, принадлежащаго къ знаменитой фамиліи графовъ Гревен- овъ, человѣка небогаго и имѣющаго хорошія деревни, сдѣлался въ чемъ-то доносъ, и доносъ такого рода, что над-

лежало его схватить и тотчасъ отправить ко двору и въ бывшую еще тогда и только страшную тайную канцелярію. Тогда не знали мы ничего, а послѣ узнали, что дѣло состояло въ томъ, что, сидячи однажды за обѣдомъ и разговаривая съ своимъ семействомъ, заврался онъ при стоящихъ за стульями слугахъ и что-то говорилъ обидное и предосудительное о нашей императрицѣ. И какъ одинъ изъ сихъ слугъ, будучи сущимъ бездѣльникомъ, былъ имъ за что-то недовольнымъ, то восхотѣлось ему злодѣйскимъ образомъ отмстить своему господину. Онъ ушедъ отъ него, явился прямо къ губернатору и объявилъ, что онъ знаетъ на господина своего слово и дѣло. — Нынѣ, по благодати Небесъ, позабыли мы уже, что сіе значить, а въ тогдашнія, несчастныя въ семъ отношеніи, времена были они ужасныя и въ состояніи были всякого повергнуть, не только въ неописанный страхъ и ужасъ, но и самое отчаяніе; ибо строгость по сему была такъ велика, что какъ скоро закричитъ кто на кого «слово и дѣло», то безъ всякаго разбирательства — справедливъ ли былъ доносъ или ложный, и преступленіе точно ли было такое, о какомъ сими словами доносить велѣно было — какъ донощикъ, такъ и обвиняемый заковывались въ желѣзы и отправляемы были подъ стражу въ тайную канцелярію въ Петербургъ, несмотря — какого кто званія, чина и достоинства ни былъ, и никто не дерзалъ о существѣ доноса и дѣла, какъ доносителя, такъ и обвиняемаго, допрашивать; а самое сіе и подавало поводъ къ ужасному злоупотребленію словъ сихъ и къ тому, что многія тысячи разнаго званія людей претерпѣли тогда со всѣмъ невинно неописаннымъ бѣдствіемъ и напасти, и хотя послѣ и освобождались изъ тайной, но, претерпѣвъ безконечное множество золъ и сдѣлавшись иногда отъ испуга, отчаянія и претерпѣнія нужды на вѣкъ уродами.

Таковой-то точно доносъ сдѣланъ былъ и на помянутаго несчастнаго графа Гревена; и какъ, по тогдашней строгости,

губернатору, безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, надлежало тотчасъ, его заарестовавъ, отправить въ тайную въ Петербургъ, то нуженъ былъ исправной, расторопный и надежный человѣкъ, который бы могъ сію секретную комиссію выполнить, которая тѣмъ была важнѣе, что графъ сей жилъ въ своихъ деревняхъ и деревни сіи лежали на самыхъ границахъ польскихъ, слѣдовательно, при малѣйшей неосторожности и оплошности посланнаго, могъ бы отбиться своими людьми и уйтись за границу въ Польшу, а за таковое упущеніе могъ бы напасть претерпѣть и самъ губернаторъ.

И тогда такъ случилось, что губернаторъ изъ всего множества бывшихъ подъ командою его офицеровъ не могъ нѣмого найти къ тому лучшаго и способнѣйшаго, кромѣ меня, и можетъ быть потому, что я ему короче другихъ знакомъ былъ и онъ о расторопности и способности моей болѣе былъ удостовѣренъ, нежели о прочихъ.

Итакъ, въ одинъ день — ни думано ни гадаю — наряжаюсь я въ сію секретную посылку и губернаторъ, призвавъ меня въ свой кабинетъ и вручая мнѣ написанную на нѣсколькихъ листахъ инструкцію, говорить, чтобы я сдѣлалъ ему особенное одолженіе и принялъ бы на себя сію комиссію и постарался бы какъ можно ее выполнить. Я, развернувъ бумагу и увидѣвъ въ заглавіи написанное слово, по секрету, сперва-было позамялся и не зналъ — что дѣлать, ибо въ такихъ посылкахъ и комиссіяхъ не случалось мнѣ еще отроду бывать; но какъ губернаторъ, примѣта то, ободрилъ меня, сказавъ, что тутъ никакой дальней опасности нѣтъ, что получу я себѣ довольно команду изъ солдатъ и казаковъ и что избираетъ онъ меня къ тому единственно для того, что надѣется на мою вѣрность и извѣстную ему способность и расторопность болѣе, нежели на всѣхъ прочихъ, и наконецъ еще увѣрять сталъ, что — буде исполню сіе дѣло исправно, такъ почтетъ онъ то себѣ за одолженіе, то не сталъ я ни мало отговариваться,

нивъ команду и свѣз на приго-
ня уже подводѣ, въ тотъ же
повелѣнное мѣсто отправился.
рѣ опишу я вамъ сіе хотя корот-
достопамятное путешествіе. Ъхать
длежало хотя съ небольшимъ сот-
сотни до полторы версты, но ѣз-
была мнѣ довольно отяготительна,
что я ѣхать принужденъ былъ
ое жаркое лѣтнее время, въ от-
прусской сѣверной телѣгѣ и тер-
нль и несносный почти жаръ отъ
, ибо надобно знать, что въ Прус-
скихъ кибитокъ и телѣгъ, вовсе
какія унасъ и у мужиковъ нашихъ,
ѣги ихъ составляютъ длинныя рос-
съ двумя на ребро вкось постав-
и на подобіе лѣстницъ сдѣлан-
рѣшетками; ни задъ, ни передъ
ь у нихъ незагороженъ, а и мѣсто
днѣ, гдѣ сидѣть должно, между
омъ такъ тѣсно и узко, что съ нуж-
лѣсться можно. Въ таковыхъ те-
, или паче фурахъ, пруссаки во-
хлѣбъ свой, и сами ѣдятъ, и та-
то, по наряду изъ деревни, при-
ены были подъ меня и подъ мою
у; казаки же мои всѣ были вер-

ѣзжавъ отъ роду на такихъ дур-
и крайне безпокойныхъ фурахъ и
въ безъ всякой постилки и покрыш-
мучился я впрахъ и на первыхъ
верстахъ, и насилу-насилу доѣ-
ю первой станціи, гдѣ мнѣ надле-
перемѣнять лошадей. Тутъ, отдох-
гъ домъ у одного честнаго и добро-
го амтмана, накормившаго меня
гъ и напоившаго чаемъ и кофеемъ,
силъ я повозку, хотя такую же,
мько-нибудь получше и съ доволь-
количествомъ соломы, могущей
гъ мнѣ вмѣсто постилки, и на-
оную епанчами солдатъ моихъ,
какъ на перинѣ и продолжалъ
мой путь сколько-нибудь поспокой-
лежваго. Сихъ солдатъ послано бы-
ною десять человѣкъ, при одномъ
о-офицерѣ, а казачковъ было двѣ-
ть человѣкъ, и въ инструкціи пред-

писано, что, въ случаѣ если не станетъ
графъ даваться или станутъ люди его
отбивать, то могу я поступить военною
рукою и употребить какъ холодное, такъ
и огнестрѣльное оружіе. Для показанія
же дороги и указанія графскаго дома,
и какъ самого его, такъ учителя и нѣ-
сколькихъ изъ его людей, которыхъ мнѣ
вмѣстѣ съ нимъ забрать велѣно, посланъ
былъ со мною и самъ доноситель, и при-
казано было его столько же беречь, какъ
и самого графа.

Итакъ, усажавъ солдатъ своихъ по раз-
нымъ телѣгамъ и приказавъ казакамъ
своимъ ѣхать пнымъ впереди, а другимъ
позади, пустился я въ путь и ѣхалъ всю
ту ночь на пролетъ и послѣдующее ут-
ро, проѣзжая многіе прусскіе городка и
мѣстечки и перемѣняя вездѣ лошадей,
гдѣ только мнѣ угодно было, ибо дано
мнѣ было открытое и общее повелѣніе
всѣмъ прусскимъ жителямъ, чтобъ вездѣ
дѣлано было мнѣ вспоможеніе и по всѣмъ
требованіямъ моимъ скорое и безотгово-
рочное исполненіе.

Наконецъ, около полудня сего другого
дня, приѣхали мы въ одно небольшое
мѣстечко или городокъ, ближайшій къ
дому графскому, и какъ онъ жилъ отъ
сего мѣстечка не далѣе двухъ версты, то
надлежало мнѣ тутъ объ немъ распровѣ-
дать, дома ли онъ, и буде нѣтъ, то гдѣ и
въ какомъ мѣстѣ мнѣ его найтти можно?
Какъ дѣло сіе надлежало произвестъ мнѣ
колько можно искуснѣе и такъ, чтобъ
никто въ мѣстечкѣ о намѣреніи моемъ
недогадался и не могъ бы ему дать знать,
то принужденъ я былъ совѣтовать о
томъ съ бездѣльникомъ-доносителемъ, ко-
торый, будучи наряженъ въ солдатское
платье, положенъ у насъ былъ въ те-
лѣгу и покрытъ епанчами, чтобъ его кто
неувидѣлъ и неузналъ. Сей присовѣто-
валъ мнѣ завернуть на часокъ въ одинъ
изъ тамошнихъ шинковъ, и самый тотъ,
въ которомъ останавливаются всегда
графскіе люди, когда приѣзжаютъ и при-
ходятъ въ мѣстечко, и гдѣ нерѣдко они
пьютъ и гуляютъ, и разговорятся въ
немъ какъ-нибудь съ хозяйкою о графѣ,

ибо отъ несомнѣвался, чтобъ ей не было о томъ извѣстно, гдѣ находился тогда графъ нашъ. Но какъ домикъ сей не такой былъ, гдѣ-бъ останавливались проѣзжіе, то сдѣлался вопросъ, какую-бъ сыскать иррозную причину къ остановкѣ въ самомъ ономъ, и сіе долженъ былъ уже я выдумывать. Я и выдумалъ ее тотчасъ, нѣсколько подумавъ. Разсудилоси мнѣ употребить небольшую ложъ и хитрость, и въ самое то время, когда поровняемся мы противъ того домика, велѣтъ закричать сидѣвшему съ извозчикомъ моему солдату, чтобъ остановились и взгоренаться, что будто бы у насъ испортилась повозка и надобно было ее неотмѣнно починить, и все сіе для того, чтобъ, между тѣмъ покуда они стануть ее будто бы чинить на улицѣ, могъ бы я зайти въ сей домъ и пребыть въ ономъ нѣсколько времени.

Какъ положено было, такъ и сдѣлано. Не успѣли мы съ симъ домомъ, который намъ проводникъ нашъ указалъ, поровняться, какъ и закричалъ солдатъ мой во все горло: «Стой! стой! стой! колесо изломалось». Въ мигъ тогда я, сскакиваю съ повозки и засуетившимся солдатамъ своимъ приказавъ ее скорѣе чинить, вхожу въ домикъ и попавшюся мнѣ въ дверяхъ хозяйку ласковѣйшимъ образомъ, по-нѣмецки говоря, прошу дозволить мнѣ пребыть въ домѣ ея нѣсколько минутъ, покуда солдаты мои починять испортившюся повозку. — «Съ превеликою охотою», сказала она и повела меня къ себѣ въ покои, и будучи по счастью крайне словоохотна и любопытна, начала тотчасъ спрашивать меня, откуда и куда я съ солдатами своими ѣду. У меня приготовлена уже была выдуманная на сей случай цѣлая исторія. Итакъ, я ну ей точить балы и городить турусу на колесахъ и рассказывать сущую и такую небывлицу, что она, разиня ротъ, меня слушала и не могла всему довольно надивиться; а какъ спросила она меня, какого я чину и какъ прозываюсь, то назвалъ себя майоромъ, а фамилію выдумалъ совсѣмъ нѣмецкую и увѣрилъ ее тѣмъ

дѣйствительно, что я былъ природою не русскій, а нѣмецъ, каковымъ и почла она меня съ самаго начала, потому, что я говорилъ по-нѣмецки такъ хорошо, что трудно было узнать, что я русскій. А какъ я при семъ разговорѣ съ нею употребилъ и ту хитрость, что не только употреблялъ возможнѣйшія къ ней ласки, но и далъ такой тонъ, что я хотя и въ русской службѣ, но не очень русскихъ долюбиваю, а болѣе приверженъ къ королю прусскому, то хозяйка моя растала и сдѣлалась такъ благопріятна ко мнѣ, что стала даже спрашивать меня, не угодно ли мнѣ чего покушать и что она съ удовольствіемъ постарается угостить меня, чѣмъ ее Богъ послалъ. «Очень хорошо, моя голубушка», сказалъ я, «и ты меня одолжишь тѣмъ, я не ѣлъ благо еще съ самаго вчерашняго вечера».

Въ мигъ тогда хозяйка моя побѣжала отыскивать мнѣ масло, сыръ, хлѣбъ, холодное жареное и прочее, что у ней было, и накрывать скорѣе мнѣ на столѣкъ скатерть; а я между тѣмъ, покуда она суетилась, съ превеликимъ любопытствомъ смотрѣлъ на невиданное мною до того зрѣлище, а именно, какъ дѣлають булочки; ибо случилось такъ, что въ самомъ семъ домѣ была булочная фабрика.

Сѣвши же за столъ, вступилъ я съ подчивающею и угостить меня всячески старающею хозяйкою въ дальнѣйшіе разговоры. Я завелъ матерію о тамошнемъ мѣстечкѣ, хвалилъ его положеніе, спрашивалъ, какъ оно велико, чѣмъ жители наиболѣе питаются, и мало по малу нечувствительно добрался до того, есть ли въ близости вокругъ его живущіе дворяне, и кто-бъ именно были они таковыя. Тогда велерѣчивая хозяйка моя и вылетѣла тотчасъ съ именемъ милостивца и знакомаго своего, графа Гревена, самаго того, который мнѣ былъ надобенъ и до котораго и старался я умышленно довести нечувствительно разговоръ нашъ.

Не успѣла она назвать его, какъ и возопилъ я, будто крайне обрадованный и удивившись. «Какъ! Гревенъ! графъ Гревенъ живеть здѣсь, и недалеко, ты

«говоришь!»—«Такъ точно,» сказала хозяйка, «и не будетъ до дома его и полу-
«мили».—«О, какъ я этому радъ», подхватилъ я: «скажу тебѣ, моя голубка, что этотъ человѣкъ мнѣ очень знакомъ, и «я его любилъ и искренно почиталъ. Годъ «за два до сего, нигдѣ я счастье съ нимъ «незнакомитъ, и онъ оказалъ еще мнѣ «такую благосклонность, которую я ни- «когда не позабуду. Но скажи-жъ ты мнѣ, «моя голубка, гдѣ-жъ онъ? и какъ можна- «еть? все ли онъ здоровъ и съ нимъ сѣ- «мействомъ своимъ? гдѣ-жъ онъ живетъ и «не по дорогѣ ли мнѣ будетъ къ нему за- «ѣхать. Ахъ! какъ бы я желалъ съ нимъ «еще повидаться, съ этимъ добрымъ и «честнымъ человѣкомъ! Какъ еще упра- «шивалъ онъ меня, при послѣднемъ съ «нимъ разставаньи, чтобъ заѣхалъ я къ «нему, если случится мнѣ ѣхать когда- «нибудь мимо его жилища!» Хозяйка моя «сдѣлалась еще ласковѣе и дружескѣе ко мнѣ, услышавъ, что знаю, люблю и «почитаю я ея милостивца. Она начала «превозносить его до небесъ похвалами, и «сначала ту дорогу, по которой надле- «жало ему ѣхать и званіе его деревни, «присовокунила наконецъ, что врадъ ли «онъ теперь дома. «Какъ? да гдѣ же онъ?» «спросилъ я, будто крайне встужившись, «и не знаетъ ли она куда онъ поѣхалъ? ««Люди его», сказала она мнѣ, «бывшіе у «меня только передъ вами, сказывали мнѣ, «что уже три дни, какъ его нѣтъ дома, «и поѣхалъ въ другую свою деревню, ми- «ли за четыре отсюда; и говорятъ еще, «что будто онъ тамъ продаетъ какую-то «землю, или уже продалъ; и поѣхалъ «брать деньги».—«Ахъ! какъ мнѣ этого «жалъ!» подхватилъ я, «но не дова ли «хоть хозяйка его?» — «Нѣтъ и ея, а «говорятъ, что поѣхалъ онъ и съ нею, а и «сама барышня съ ними, а дома одинъ «только старикъ учитель, да маленькія дѣ- «ти». — «Экое, экое горе!» качая головою, «сказала, изъясляя мое будто бы сожалѣ- «ніе, но которое я и дѣйствительно тогда «испыталъ, ибо было мнѣ то крайне неприятно, «что графа не было тогда въ домѣ. «Но не «сказывали-ль тебѣ, голубка моя, люди

«сѣя, когда ожиждутъ его обратно?»—«Они «ждутъ возвращенія его сегодня же и «говорили еще, что какой-то къ нимъ «былъ оттуда приѣзжій и сказывалъ, что «графъ въ сегодняшній день оттуда выѣ- «детъ».—«Сегодня же», возопилъ я: «о, «если-бъ я вѣрно это зналъ, согласи- «ся-бъ истинно даже почевать здѣсь и «подождать его приѣзда, такъ хотѣлось «бы мнѣ съ нимъ видѣться и обнять еще «разъ сего милаго человѣка; но такая «бѣда! что и медлить мнѣ долго не мож- «но; а спѣшить надобно за моиѣ дѣломъ. «Но не знаешь ли ты, моя голубка, въ «какой сторонѣ эта его другая дерев- «ня, не по дорогѣ ли моей и не могу ли «я съ нимъ хоть повстрѣчаться, какъ по- «ѣду?»—«Этого я уже не могу знать», ска- «зала она: «слыхала я, что деревня сія «гдѣ-то въ этой сторонѣ, а слыхнулось и «то, что ѣздитъ онъ туда и оттуда двумя «дорогами, иногда вотъ прямою тутъ и «черезъ ключекъ Польши, а иногда оклад- «никомъ на монастырь католицкій; итакъ. «Богу извѣстно, по которой онъ нишѣ «поѣдетъ.»

Сіе послѣднее извѣщеніе было мнѣ очень неприятно и привело меня въ превеликое недоумѣніе что мнѣ дѣлать; я вышелъ тогда вонъ, будто для посмотринія, все ли починено и хорошо ли, а въ самомъ дѣлѣ, чтобъ поговорить и посоветовать съ лежащимъ подъ епанчею и закутан- нымъ проводникомъ моимъ. Я рассказалъ ему въ скорости всю слышанную исто- рію, и онъ, услышавъ ее, самъ изгоревался и не зналъ, какъ намъ поступить лучше. Чтобъ на дорогѣ его схватить, это казалось обомъ намъ для насъ еще лучше и способнѣе, нежели въ домѣ; но впросъ былъ, которую дорогу намъ избрать и по которой ѣхать къ нему на встрѣчу. Обѣ ему были онъ знакомы, и долго мы объ этомъ думали; но наконецъ совѣтовалъ онъ болѣе ѣхать по той, которую называла хозяйка окладникомъ, и которая шла вся по землямъ прусскимъ, а не чрезъ вогнувшуюся въ семь мѣстъ угломъ Польшу, и была хотя дагѣе, но лучше, спокойнѣе и подистѣе. Болѣе все-

го совѣтовалъ онъ избрать дорогу сію потому, что лежитъ на ней одинъ католическій кластеръ или монастырь и что графъ всегда заѣзжаетъ къ тамошнимъ монахамъ, которые ему великіе друзья, и любить по нѣскольку часовъ проводить съ ними время и что несомнѣвается онъ, что и въ сей разъ графъ къ нимъ заѣдетъ.

Я послѣдовалъ сему его совѣту и, рѣшившись ѣхать по сей, распрощался съ ласковою своею хозяйкою и благодаря ея за угощеніе просилъ ея, что если случится ей увидѣть графа, то поклонилась бы она ему отъ меня и сказала, что мнѣ очень хотѣлось съ нимъ видѣться; и пустился на удачу въ путь сей.

Уже было тогда за полдни, какъ мы выѣхали изъ мѣстечка и я не преминулъ сдѣлать тотчасъ всѣ нужныя распоряженія къ нападенію, и приказалъ всѣмъ солдатамъ зарядить ружья свои пулями, а казакамъ свои винтовки.

День случился тогда прекрасный и самый длинный, лѣтній. Но не столько обезпокоивалъ меня жаръ, сколько смущало приближеніе самыхъ критическихъ минутъ времени. Незвѣстность, что воспослѣдуетъ и удастся ли мнѣ съ миромъ и тишиною исполнить свою комиссію, или дойдетъ дѣло до ссоры и явленій непріятныхъ, озабочивало меня чрезвычайно, и чѣмъ* далѣе подавались мы впередъ, тѣмъ болѣе смущалось мое сердце и обливалося какъ бы кровью.

Уже нѣсколько часовъ ѣхали мы сими образомъ, переѣхали болѣе двадцати верстъ, и уже день началъ приближаться къ вечеру, но ничего не было видно и ни одинъ человѣкъ съ нами еще не встрѣчался, и мы начинали уже было и отчаяваться; какъ вдругъ, взѣхавъ на одинъ холмъ, увидѣли въ дали карету и за нею еще повозку, спускающуюся также съ одного холма въ обширный долъ, между нами находящійся; я велѣлъ тотчасъ глядѣть своему проводнику, не узнаетъ ли онъ карету,—и какъ онъ съ перваго взгляда ее узналъ, и сказалъ мнѣ, что это дѣйствительно графская, то востре-

петало тогда во мнѣ сердце и сдѣлалось такое стѣсненіе въ груди, что я едва могъ перевести дыханіе и сказать командѣ моей, чтобъ она изготовилась и исполнила такъ, какъ отъ меня дано имъ было наставленіе. Не отъ грусти сіе происходило, а отъ мысли, что приближалась минута, въ которую и моя собственная жизнь могла подвергнуться бѣдствію и опасности. Всѣ таковыя господа, думалъ я тогда самъ въ себѣ, рѣдко ѣздятъ не имѣя при себѣ пары пистолетъ, заряженныхъ пулями, и когда не большихъ, такъ по крайней мѣрѣ карманныхъ, и они есть вѣрно и у графа, и ну если онъ, испужавшись, увидя насъ его окружающихъ, вздумаетъ обороняться и въ порывѣ меня бачъ изъ пистолета! Что ты тогда изволишь дѣлать? Однако, положившись на власть божескую и предавъ въ произволъ его и сей случай, пустился я съ командою моею смѣло на встрѣчу къ графу. Всѣхъ повозокъ было съ нами три; итакъ, одной изъ нихъ съ нѣсколькими солдатами и половиною казаковъ, велѣлъ я ѣхать передъ собою, а другой съ прочими позади себя, и приказалъ, что какъ скоро телега моя поровняется противъ дверецъ кареты, то вдругъ бы всѣмъ остановиться самимъ, и казакамъ разсыпаться и окружить карету и повозку со всѣхъ сторонъ.

Было то уже при закатѣ почти самаго солнца, какъ повстрѣчались мы съ каретою. Подкомандующіе мои исполнили въ точности все, что было имъ приказано, и не успѣлъ я поровняться съ каретою, какъ въ единый мигъ была она остановлена и сдѣлалась окруженною со всѣхъ сторонъ солдатами и казаками. Я тотчасъ выскочилъ тогда изъ своей телеги и поступилъ совсѣмъ не такъ, какъ поступили-бъ, быть можетъ, иныя. Другой, будучи на моемъ мѣстѣ, похотѣлъ бы еще похрабриться и оказать не только мужество свое, но присовокупить къ оному крикъ, грубости и жестокость; но я пошелъ иною дорогою, и, не хотя безъ нужды зло къ злу приумножать и увѣличивать испугомъ и безъ того чувстви-

е огорченіе, разсудилъ избрать путь
лучшій и отъ всякой жестокости уда-
ли. Я, снявъ шляпу и подошедъ къ
ней и растворилъ двери у ней, по-
шелъ и намучивъшимъ образомъ
явилъ у оцѣнѣвшаго почти графа,
сидѣвшаго: «съ господиномъ ли графомъ
явилъ вамъ честь говорить?»—
«такъ!» отвѣчалъ онъ и болѣе не
говоря былъ ничего выговорить, а
идомъ сожалѣніемъ продолжалъ, ска-
залъ: «Ахъ! государь мой! отпустите мнѣ,
долженъ объявить неприятное вамъ
дѣло и, противъ хотѣнія моего, ис-
полнить порученную мнѣ отъ началь-
наго комиссію. Я именемъ импе-
рицы, государыни моея, объявляю
васъ арестовать».

Графъ вообразилъ себѣ, любезный при-
честное, кроткое, миролюбивое и
доброе семейство, жившее до
мира, и въ тишинѣ и совершенной
спокойствіи въ своей деревнѣ, незна-
вшаго себѣ ничего худого, не ожи-
далъ себѣ нисколько никакой бѣды и
и, и бывшее тогда въ особливомъ
спокойствіи, по причинѣ проданной имъ
удачно одной отхожей и имъ не-
близкой земляной дачи, получившей за
дѣло, нежели чего она стоила и въ
нѣсколькихъ тысячахъ талеровъ состоя-
ла: тогда съ ними тутъ въ каретѣ
были сумму денегъ, и занимавшееся
о томъ единими издѣлками, шу-
тливыми и приятными между собою разгово-
рами представьте себѣ сами, каково
было, когда вдругъ, противъ
о чаяніи и ожиданіи, увидѣли они
остановленными и окруженными во-
оруженными солдатами и каза-
ками въ какой близкой опасности на-
ходясь дѣйствительно и самъ я, подходи-
лъ арестовать. Графъ признавался потомъ
самъ, что не успѣлъ онъ еще за-
вѣстать насъ издали, какъ возымѣлъ
мнѣніе, не шайка ли это какихъ-
нибудь недобрыхъ людей, узнавшихъ ка-
къ образовать о томъ, что онъ
денегъ, и не хотѣвшая ли у него
ихъ и погубить самого его, и по-

тому досталъ и приготовилъ уже и пи-
столеты свои для обороны; а какъ скоро
усмотрѣлъ казаковъ, останавливающихся
и окружающихъ его карету, то сочтя насъ
дѣйствительно разбойниками, взвелъ да-
же и курокъ у своего пистолета и хотѣлъ
по первому, кто къ нему станетъ подхо-
дить, опустя окно, выстрѣлить и не иначе,
какъ дорого продать жизнь свою; но
усмотрѣнная вдругъ имъ моя вѣжливость
и снисхожденіе такъ его поразило, что
опустились у него руки, а упдающая
почти въ обморокъ его графиня, власно
какъ оживотворяясь, отъ того такъ тѣмъ
ободрилась, что толкая и говоря ему:
«спрячь! спрячь! спрячь скорѣе!» сама
мнѣ помогать стала отворять двери, и
что онъ едва успѣлъ между тѣмъ спря-
тать пистолеты свои въ ящикъ подъ собою.

Вотъ сколь много помогла мнѣ моя
учтивость и какъ хорошо не употребить,
безъ нужды, жестокости и грубости, а
быть снисходительнымъ и человѣколюбивымъ.

Теперь, возвращаясь къ продолженію
моего повѣствованія, скажу вамъ, что
сколькo сначала ни ободрило ихъ мое
снисхожденіе, но объявленный ему арестъ
поразило ихъ, какъ громовымъ ударомъ.
«Ахъ! Боже превеликій!», возопили они,
всплеснувъ руками и вострепетавъ оба,
и прошло болѣе двухъ минутъ, прежде
нежели могъ графъ выговорить и единое
слово далѣе; наконецъ, собравшись сколь-
ко-нибудь съ силами, сказалъ мнѣ: «Ахъ!
господинъ офицеръ! не знаете ли вы, за-
что на насъ такой гнѣвъ отъ монархини
вашей? Бога ради, скажите, ежели знае-
те, и пожалуйте объ насъ бѣдныхъ!»—
«Сожалѣю ли я объ васъ или нѣтъ», от-
вѣчалъ я ему: «это можете вы сами ви-
дѣть, а хотябъ вы не примѣтили, такъ
видитъ то Всемогущій; но сказать того
вамъ не могу, потому что истинно самъ то-
го не знаю, а мнѣ велѣно только насъ
«арестовать и»...—«И что еще?» подхва-
тилъ онъ скоро, ужъ свазывайте скорѣй,
«ради Бога, всю величину несчастья наше-
го!»—«И привезть съ собою въ Кёнигс-
«бергъ!» отвѣчалъ я, показавъ плечами.

«Обоихъ насъ съ женою?» подхватилъ онъ «паки, едва перевода духъ свой. «Нѣтъ», отвѣчалъ я, «до графини нѣтъ мнѣ никакого дѣла, и вы можете, сударыня, быть съ сей стороны спокойны, а мнѣ надобно еще вашъ учитель, да нѣкоторые изъ людей вашихъ, о которыхъ теперь же прошу мнѣ сказать, гдѣ они находятся, чтобъ я могъ по тому принять мои мѣры». — «Ахъ! господинъ офицеръ! отвѣчалъ онъ, услышавъ о имени ихъ: они не всѣ теперь въ одномъ мѣстѣ и одинъ изъ нихъ оставленъ мною въ той деревнѣ, изъ которой я теперь ъду, а прочіе, съ учителемъ, въ настоящемъ моемъ домѣ и въ той деревнѣ, куда я ѣхалъ и гдѣ имѣю всегдѣшнее мое жительство». — «Какъ же намъ быть?» сказалъ я тогда, «забрать мнѣ надобно необходимо ихъ всѣхъ, и какъ бы это сдѣлать лучше и удобнѣе?» — «Эта деревня», отвѣчалъ онъ, «несравненно ближе той, такъ не удобнѣ ли возвратиться вамъ, буде вамъ угодно, хоть на часокъ въ сію, а отсюда уже проѣхать прямою дорогою въ домъ мой, и тамъ отдамъ я уже и самъ вамъ всѣхъ ихъ безпрекословно». — «Хорошо! государь мой!» сказалъ я, и велѣлъ оборачивать каретѣ назадъ, а самъ, увидѣвъ, что карета у нихъ была только двумѣстная, и что самимъ имъ было въ ней тѣсно, потому что насупротивъ ихъ сидѣла на откидной скамеечкѣ дочь ихъ, хотѣлъ было снисхождение и учтивство мое простерть далѣе и сѣсть въ проклятую свою и крайне безпокойную фуру; однако они уже сами до того меня не допустили. «Нѣтъ, нѣтъ, господинъ поручикъ», сказали они мнѣ, «не лучше ли вмѣстѣ съ нами, а то въ фурѣ вамъ уже слишкомъ безпокойно» — «Да не утѣсно ли вамъ?» отвѣчалъ я. — «Нѣтъ!» сказали они, «мѣста довольно будетъ и для васъ, дочь наша подвинется вотъ сюда, и вы еще усядетесь здѣсь». — «Очень хорошо», сказалъ я, и радъ былъ тому, и тѣмъ паче, что мнѣ и предисано было не спускать графа съ глазъ своихъ и не давать ему безъ себя ни съ кѣмъ разговаривать.

Такимъ образомъ, утѣвшись кое-какъ въ каретѣ съ ними, поѣхали мы обратно въ ту деревню, откуда онъ ѣхалъ. И тогда-то имѣлъ я случай видѣть настрого-гательнѣйшее зрѣлище, какое только вообразить себѣ можно. Оба они, какъ графъ такъ и графиня, были еще люди не старые и, какъ видно, жили между собою согласно, и другъ друга любилъ искренно и какъ должно; и какъ оба они считали себя совершенно ни въ чемъ виноватыми, то, обливаясь оба слезами, спрашивали другъ друга, и мужъ у жены, не знаетъ ли она какой несчастію ихъ причинны и чего-нибудь за собою, а она о томъ же спрашивала у мужа, и заклинала его сказать себѣ, буде онъ что знаетъ за собою, и онъ клялся ей всѣми клятвами на свѣтѣ, что ничего такого не знаетъ и не помнитъ, за чтобъ могъ заслужить такое несчастіе. А какъ самое несчастіе воображалось имъ во всей величинѣ своей, то оба погружались они не только въ глубочайшую печаль, но и самое отчаяніе. Нѣсколько времени смотрѣлъ я только на нихъ и на обливающую слезами и молчащую дочь ихъ, дѣвочку лѣтъ двѣнадцать или тринадцати, и, сожалѣя объ нихъ, молчалъ; но наконецъ, какъ они мнѣ уже слишкомъ жалки стали, то сталъ я ихъ возможнѣйшимъ образомъ утѣшать и уговаривать, и употреблялъ на вспоможеніе себѣ всю свою философію. Сперва не хотѣлъ-было они нимало внимать словамъ моимъ, но какъ увидѣли, что я говорилъ имъ съ основаніемъ и всего болѣе старался убѣдить ихъ къ возверженію печали своей на Господа и къ воспріятію на него надежды и упованія, могущаго не только уменьшить несчастіе ихъ, котораго существо всѣмъ намъ было еще неизвѣстно, но и совершенно ихъ излечить, и увѣрить ихъ, что онъ и сдѣлаетъ то, а особливо если они ни въ чемъ не виновны; то влилъ я тѣмъ власно какъ нѣкакой живительный бальзамъ въ ихъ сердце и вперилъ въ нихъ о себѣ еще несравненно лучшее мнѣніе, нежели какое они сначала воспріали. Совсѣмъ тѣмъ, имѣя

нашихъ русскихъ какъ-то прельстное мнѣніе, чуть-было не по-
 ъ они соблазнить меня деньгами
 ать подкупить и склонить къ то-
 бѣ я имъ далъ способъ скрыться
 ѣ въ сосѣдственную Польшу. О
 мекали они уже другъ другу, го-
 жду собою по-французски и ду-
 о я сего языка не разумѣю, и
 рилсь-было уже пожертвовать
 юю тысячью талеровъ, если дѣло
 на ладъ и я на то соглашаться
 , особенно побуждало ихъ къ тому
 о и деньги у нихъ были къ тому
 и вѣсть съ ними въ каретѣ; но
 ѣрвомъ, занкнувшемся мнѣ изда-
 овѣ, тотчасъ сказалъ имъ, чтобъ
 гошь пожаловали и не помнш-
 : что видать они предъ собою
 честнаго и такого человѣка, ко-
 ги на что чести своей не промѣ-
 не польстится ни на какія ты-
 иа бы ихъ въ тотъ же часъ по-
 йшло можно. Таковое безкорыстіе
 о ихъ удивило, но и вперило ихъ
 множайше почтеніе и такую до-
 сть, что они не усумнились при-
 нѣтъ, что находятся съ ними въ
 многія тысячи; а при семъ са-
 учая графъ и признавался мнѣ
 , какъ почелъ-было насъ разбой-
 и хотѣлъ меня застрѣлить и,
 ѣ истинѣ словъ своихъ меня удо-
 ть и приобрести болѣе себѣ до-
 о досталъ даже и самый спрятан-
 ѣ пистолетъ, и выстрѣливъ изъ
 ихъ съ дозволенія моего на воз-
 отѣлъ-было, для напоминанія о
 учаѣ, меня подарить оными, но
 сего подарка учтиво отказался.
 хъ собесѣдованіяхъ доѣхали мы
 католическаго монастыря, въ ко-
 го дѣйствительно тогда заѣзжалъ
 воротъ котораго надлежало намъ
 ать. Тутъ изъ опасенія, чтобъ
 графъ какимъ-нибудь образомъ
 скользя въ оный и изъ кото-
 ѣ трудно-бъ было его уже полу-
 гѣтъ я казакамъ ѣхать поближе
 гѣ и окружить оную, но тѣмъ

нѣсколько пообидѣлись уже и мои ар-
 станты. «Ахъ! господи! поручикъ, го-
 ворилъ мнѣ графъ: пожалуйте, въ раз-
 сужденіе насъ ничего не опасайтесь. Ког-
 да мы при всемъ несчастіи своемъ утѣ-
 шены по крайней мѣрѣ тѣмъ счастіемъ,
 что находимъ въ васъ такого честнаго,
 благороднаго, разумнаго и великодушнаго
 человѣка, то не похотимъ никогда сами,
 чтобъ вы за насъ претерпѣли какое зло
 и могли подвергнуться какому-нибудь
 бѣдствію; сохрани насъ отъ того Боже!
 Несчастіе наше произошло не отъ васъ,
 а какъ мы не сомнѣваемся, по волѣ бо-
 жеской: такъ его воля и будь съ нами;
 но вамъ на что же за насъ несчастнымъ
 быть? Нѣтъ, нѣтъ! сего не хотимъ и не
 похотимъ мы сами». Я благодарилъ ихъ
 за сіе, но присовокупилъ, что былъ бы
 еще довольнѣе, еслибъ могъ получить отъ
 нихъ увѣрительное слово, что и въ обѣ-
 ихъ деревняхъ ихъ не будетъ дѣлано ни
 малѣйшаго шума и препятствія мнѣ въ
 исполненіи всего того, что мнѣ отъ на-
 чальства приказано; въ противномъ слу-
 чаѣ, было-бъ вамъ извѣстно, присовоку-
 пилъ я, что отдана въ волю мою, не
 только что иное, но даже и самая жизнь
 ваша. А сверхъ того, вотъ прочтите сами
 данное мнѣ открытое повелѣніе всѣмъ
 прусскимъ жителямъ и начальствамъ, по
 силѣ котораго могу я вездѣ и отъ всѣхъ
 получить вспомошествованіе, еслибъ и
 команда моя оказалась недостаточна.
 «Сохрани насъ отъ того Господи!» возопи-
 ли они: «чтобъ нужда дошла до такой
 крайности, но мы вамъ даемъ не только
 честное слово, что ни малѣйшаго шуда
 не будетъ шума и препятствія, но утверж-
 даемъ слово свое и всѣми клятвами въ
 свѣтъ».

Они и сдержали дѣйствительно слово
 и я не только обезпеченъ былъ совер-
 шенно съ сей стороны, но имѣлъ удо-
 вольствіе видѣть ихъ обходящихся со
 мною, какъ бы съ какимъ-нибудь ближ-
 нимъ родственникомъ. Но я возвращусь
 къ продолженію моей исторіи.

Къ поминутной деревнѣ его доѣхали мы
 не прежде, какъ уже въ сумерки, не вѣзъ-

жая въ оную, остановились у тамошняго приходскаго священника или пастора, старика добраго и набожнаго, постаравшаго насъ вслячески угостить и накормившаго насъ хорошимъ ужиномъ, а между тѣмъ послалъ графъ въ деревню свою за человѣкомъ мнѣ надобнымъ, котораго и привезли ко мнѣ тотчасъ. Мы набили на него превеликія колодки и, поужинавъ, тотчасъ пустились опять въ путь и, для скорѣйшаго переѣзда, прямо уже чрезъ оный вдавшійся въ Пруссію узкій уголь Польши. Мы ѣхали во всю ночь напролетъ и ночь сія была мнѣ крайне мучительная; ибо какъ передняя скамеечка, на которой я сидѣлъ съ ихъ дочерью, была узенькая и низковата и мнѣ ногъ никуда протянуть было не можно, то сидѣнье для меня было самое безокойное и мучительное, и я во всю ночь не смыкалъ глазъ съ глазомъ и только что посматривалъ на казаковъ, окружающихъ верхами карету нашу.

Мы приѣхали въ настоящій домъ его не прежде, какъ уже гораздо ободняло, и графъ повелъ меня прямо въ то мѣсто, гдѣ былъ учитель. Мы застали добраго и честнаго старика сего еще спящимъ и графъ, разбудивъ его, сказалъ: «вставай-ка, мой другъ! Небу угодно было, чтобъ постигло насъ обоихъ съ тобою несчастіе, чуть-ли намъ съ тобою не побывать въ Сибири!» Я не могъ тогда довольно надвинуться твердодушію старика того. Не примѣтилъ я ни въ видѣ его ни малѣйшей перемѣны, ни ужаса и въ словахъ смущенія, а сказавъ только: «ну, что-жъ! Его святая воля и буди съ нами», и началъ тотчасъ съ столь спокойнымъ духомъ одѣваться, какъ бы ничего не произошло и не бывало. Совсѣмъ тѣмъ удивился я тому, что графъ упомянулъ при семъ случаѣ о Сибири и потребовалъ отъ него въ томъ объясненія. «Ахъ! господинъ, поручикъ!» сказалъ онъ: «теперь не сомнѣваюсь я почти, чтобъ не побывать мнѣ въ Сибири самой. Минимый и болынымъ называющійся солдатъ вашъ въ фурѣ, какъ ни скрывался подъ епанчею, но люди мои узнали въ немъ своего

прежняго сотоварища, ушедшаго отъ меня за нѣсколько дней до сего времени и величайшаго плута и бездѣльника. И какъ теперь мы ясно видимъ, что все несчастіе наше терпимъ отъ него и вѣрно никто иной какъ онъ нагналъ на насъ по злобѣ какую-нибудь небылцу, то вѣда ваши строгіе въ семъ случаѣ законы, и предчувствую, что повезутъ насъ въ Петербургъ въ вашу Тайную Канцелярію, а оттуда боюсь, чтобъ не сослали насъ и въ Сибирь. Жена моя съ ума теперь сходить, узнавъ о семъ бездѣльникѣ и почитаетъ меня уже совсѣмъ погибшимъ; не можно ли вамъ, господинъ поручикъ, ее сколько-нибудь уговорить и утѣшить?» — Съ превеликимъ удовольствіемъ», сказалъ я и побѣждалъ тотчасъ въ ея покой, и нашедъ ее плачущую навзрыдъ надъ малолѣтними дѣтьми своими и называющею ихъ бѣдными уже и несчастными сиротами, такъ печальною сценою сею растрогался, что, утѣрая собственныя слезы, изъ глазъ моихъ по неволѣ текуція, началъ говорить ей все, что только могъ придумать въ ея утѣшенію, и какъ ихъ всего болѣе утѣшала Сибирь и она завѣрное почти полагала, что мужа ей своего на вѣки болѣе невидать и что онъ погибнетъ невозвратно, то клялся и божился я ей, что она напрасно такъ много тревожится и предается отчаянію и увѣрялъ обоихъ ихъ свято, что буде дѣйствительно не знаютъ они за собою никакого важнаго преступленія, напимѣръ дѣйствительнаго умысла противъ государыни или измѣны настоящей, то неопасались бы ни мало ссылки въ Сибирь.

Правда! говорилъ я далѣе, отъ послышки въ Петербургъ, не уповаю я, чтобъ могли они избавиться; но дѣло въ томъ только и состоять будетъ, что они побываютъ въ Петербургѣ. «Повѣрьте мнѣ, какъ честному и никакъ васъ необманывающему человѣку, что и тамъ люди, имѣющіе сердца человѣческія, а не варвары, и не всѣхъ опредѣляютъ въ ссылку въ Сибирь, на кого отъ бездѣльниковъ такихъ, каковъ вашъ бывшій слуга, бы-

васть доносов; и какъ опытность доказала, что изъ тысячи такихъ доносовъ бываетъ разнѣ одинъ только справедливый, то и оканчивается болѣе тѣмъ, что ихъ же, канальевъ, пересѣкутъ и накажутъ, а обвиняемые освобождаются безъ малѣйшаго наказанія; а тоже, помяните меня, воспослѣдуетъ, сударыня, и съ вашимъ сожителемъ».

Сими словами утѣшилъ и ободрилъ я нѣсколько удрученную неизобразимою горестію графиню, а чтобъ и болѣе ее подкрѣпить, то, взявъ ее за руку и шутя продолжалъ: «Полно, сударыня! полно прежде времени такъ сокрушаться, а подите-ка лучше напоите насъ чаемъ или кофеемъ, да прикажите скорѣе намъ что-нибудь позавтракать приготовить; да не худо бы и на дорогу снабдить насъ какими-нибудь пирогомъ и кускомъ мяса. Ступайте-ка, сударыня, и попроворьте всѣмъ этимъ; мнѣ вѣдь долго здѣсь медлить не можно; и такъ я, изъ снисхожденія къ вамъ, промедлилъ долѣе, нежели сколько мнѣ надлежало». Сіе побудило ихъ всѣхъ просить меня убѣдительнѣйшимъ образомъ, чтобъ помедлить еще часа два или три времени, дабы успѣть можно было собрать графа въ такой дальній путь и снабдить всѣмъ нужнѣйшимъ, а я, подъ условіемъ, чтобъ графиня болѣе не плакала, охотно на то согласился.

Она и дѣйствительно, ободрясь тѣмъ, стала всѣмъ проворить такъ хорошо, что въ мигъ подали намъ и чай и кофей, а часа чрезъ два потомъ изготовленъ былъ уже не только завтракъ, но и обѣдъ полный, а сверхъ того успѣла она и напечь и жарить и напряжить всякой всячины намъ на дорогу, а не позабыта была и вся моя команда, но накормлена и напоена до сыта.

Наконецъ настала минута, въ которую надлежало графу разставаться съ домою, мнѣнцемъ, съ милою и любезною женою и со всѣми малолѣтними дѣтьми и разставаться когда не на вѣкъ, такъ, по крайней мѣрѣ, на неизвѣстное время. Какое разставаніе сіе было, того описать никакъ я не могу, а довольно, когда

скажу, что было оно нанчувствительнѣйшее и могущее растрогать и самаго твердодушнѣйшаго человѣка. Весь домъ собрался для провожанія графа: всѣ, отъ мала до велика, любили его какъ отца; всѣ жагъли объ немъ и прощались съ нимъ, обливающимся слезами; что-жъ касается до графини, то была она внѣ себя и въ такомъ состояніи, что я безъ жалости на ее смотрѣть не могъ. Но всего для меня чувствительнѣе было, когда началъ графъ прощаться съ дѣтьми своими и, какъ ненадѣющійся болѣе ихъ видѣть, благословлять ихъ и цѣловать въ послѣдній разъ.

Ѣзда наша была довольно успѣшна, спокойна и даже весела для насъ. Мы ѣхали всѣ вмѣстѣ: я, графъ и учитель въ графской, весьма спокойной одноколкѣ на четырехъ колесахъ, и неуспѣла первая горестъ сколько-нибудь поутолиться, какъ и вступили мы въ разговоры о разныхъ матеріяхъ. И какъ старикъ учитель былъ весьма добраго, веселаго и шутливаго характера, то и умѣлъ онъ разговорамъ нашимъ придавать такую живость и подѣвками своими такъ успокоить и развеселить графа, а меня даже хототать иногда заставить, что казалось будто ѣдемъ мы всѣ неинвако какъ въ гости; но веселость сія продоллась только до того времени, какъ приѣхали мы въ Кѣнигсбергъ, ибо тутъ подхватили ихъ тотчасъ отъ меня и чрезъ нѣсколько часовъ повезли ихъ на почтовыхъ въ Петербургъ, карауля ихъ съ обнаженными шагами.

Губернаторъ былъ очень доволенъ исправнымъ выполненіемъ его повелѣнія и благодарилъ меня за то; а какъ восхотѣлъ отъ меня слышать всѣ подробности моего путешествія, то расхвалилъ меня въпрахъ, что я поступилъ такъ, а не иначе, и я такъ повѣствованіемъ моимъ его разжалобилъ, что онъ самъ сталъ искренно сожалѣть о графѣ и желать ему благополучнаго возвращенія.

Сіе, къ общему нашему удовольствію, и воспослѣдовало дѣйствительно, и онъ возвратился къ намъ въ ту же еще осень,

не претерпѣвъ ни малѣйшаго себѣ наказанія въ Петербургѣ и я проводилъ его изъ Кёнигсберга съ радостными слезами на глазахъ. При разставаньи съ нимъ, я имѣлъ удовольствіе видѣть его благодарящаго меня, со слезами на глазахъ, за всѣ мои къ нему ласки и оказанное снисхожденіе и увѣряющаго съ клятвою, что онъ дружбы и благосклонности моеи къ себѣ по гробъ не позабудетъ и что все его семейство обязано мнѣ безконечною благодарностію. Снѣ-то окончилось сіе происшествіе. Другихъ же, подобныхъ тому, не было во все лѣто; почему и остается мнѣ теперь замѣнить сей недостатокъ краткимъ повѣствованіемъ о главнѣйшихъ происшествіяхъ войны нашей въ сіе лѣто; но сіе учиню не прежде какъ въ послѣдующемъ письмѣ, поелику сіе и безъ того уже слишкомъ увеличилось, а между тѣмъ остаюсь, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочая.

Письмо 88-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ какъ у насъ все упомянутое въ послѣднихъ моихъ письмахъ въ Пруссіи и въ Кёнигсбергѣ происходило, въ Европѣ продолжалась по прежнему война, и кровь человѣческая проливалась по пустому. Лѣто сего 1761 года было хотя и не такъ кровопролитно, какъ въ предсѣдующіе годы и не было хотя во все продолженіе онаго ни одной генеральной и большой баталіи, однако не смотря на то, на многихъ небольшихъ сраженіяхъ и стычкахъ, также при осадахъ нѣкоторыхъ городовъ, народа погублено великое множество, а въ числѣ онаго легло много и русскихъ головъ въ земляхъ чуждыхъ и иноплемennыхъ и, къ сожалѣнію, безъ малѣйшей пользы для любезнаго отечества нашего. И какъ въ войнѣ сего года имѣли и мы великое соучастіе, то и расскажу вамъ, хотя вкратцѣ, исторію войны сей въ сіе лѣто.

Кровопролитная война сія, продолжавшаяся уже столько лѣтъ сряду, всѣмъ воюющимъ народамъ такъ наскутила, что всѣ они уже вождѣли мира; но не

такого расположенія были ихъ обладатели. Одинъ только прусскій король, доведенный всѣми прежними кампаніями до великаго изнеможенія, охотно уже желалъ мира, но желалъ его безъ всякихъ съ своей стороны пожертвованій. Цесарева была такъ еще напыщена тогда, что недовольна бы еще была и возвращеніемъ ей Шлезіи, буде бы не удалосъ ей притомъ достигъ главной своей цѣли и унижить короля прусскаго въ классъ маленькихъ князей. Наша императрица уже нарочито утѣлила свой гнѣвъ на короля и не отреклась бы войну окончить. Но какъ Пруссію почитала она власно какъ свою провинцію, а добровольной уступки онай ожидать было не можно, то и нужно доставать ее было ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ войны. Шведамъ и шведскому двору война съ Пруссією съ самаго начала была ненавистна, но бразды правленія были все еще въ рукахъ государственнаго совѣта, повиновающагося повелѣніямъ французскаго двора, французскій же народъ болѣе всѣхъ возжелѣлъ окончанія такой войны, которая изнурила государство ихъ и деньгами и людьми, была совсѣмъ противна интересамъ государственнымъ, начата по фантазіи, а по корыстолюбію и для частныхъ интересовъ министровъ и королевскихъ любовницъ была продолжаема; война, которая покрывала ихъ только стыдомъ и безчестіемъ и которая, и въ случаѣ самаго лучшаго успѣха, не обѣщала никакой для французскаго народа пользы.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ уже начинали кой-гдѣ заговаривать о мирѣ, и назначаемъ былъ городъ Аугсбургъ для конгреса, и уже предлагаемъ былъ отъ короля прусскаго и прожектъ къ оному, и онъ, желая получить себѣ Саксонію, уже вознамѣривался разстаться и съ Пруссією и со всѣми своими Вестфальскими провинціями; однако все сіе не состоялось и война должна была продолжаться по прежнему.

Всходствіе чего и дѣланъ были всѣми воюющими державами опять, въ продол-

зими, всё нужная приготовления ступающей новой кампаніи и вышнн были разные прожекты и планы кому воевать и что предпринять. въ то гдѣто; и какъ главнѣйшую ю всей этой войнѣ играла цесаря у ней было все еще на умѣ и дѣлюю цѣлюю завоеваніе Шлезіи, бразно съ гдѣмъ, расположенъ былъ планъ всѣмъ военнымъ дѣйствіямъ ачено было, чтобъ быть главнымъ имѣть тутъ и пакн совокупными силами чтобъ опять всячески стараться вѣт нашу армію съ цесарскою и вно напасть единожды на короля аго и побѣдивъ, выгнать его соизъ Шлезіи и овладѣть оною. Ачтобы гдѣ могъ быть въ томъ успѣхъ, то вченъ былъ въ сей разъ командирь-цесарской арміи не прежній графъ , котораго медленностію и непово-жстію были недовольны, а дѣятель-грамо неутомимый и расторопный гъ Лаудонъ. Дауну же велѣно соединившись съ имперскими вой-защищать Саксонію, между гдѣмъ гъ Вестфалии и ганноверскихъ мѣ-противъ союзниковъ дѣйствовали ангузскія арміи подъ командою Сублиза и Брогліо. Наконецъ, сдѣлать еще болѣе прусскимъ вой-развлеченія, то положено, чтобъ дѣлать отъ своей арміи сильный кор-гъ Померанію и еще бы разъ ис-осадить городъ Кольбергъ, упо-ь уже къ тому при вспоможеніи на-шведскаго флота гораздо множай-ши и старались бы какъ можно гъ онымъ, а съ нимъ вмѣстѣ и Померанію.

какой планъ сдѣланъ былъ съ н нашей и цесарской; что-жъ ка-до короля прусскаго, то сей, поте-жыма много чрезъ смерть короля аго, наилучшаго своего союзника, случая уже болѣе отъ агличанъ ихъ денегъ, и растерявъ почти своихъ генераловъ и старыхъ , принужденъ былъ принимать мѣры и, вмѣсто прежней на-рположеніи къ «русской старинѣ» 1871 г.

ступательной войны, вести въ сей годъ болѣе оборонительную и, по малолюд-ству своему, убѣгать koliko можно ге-неральныхъ баталій. И какъ ему всѣ планы и сокровенныя намѣренія неприя-телей его были извѣстны, то онъ, со-образуясь съ ними, и раздѣлилъ войска свои такъ, чтобъ вездѣ можно было ему сдѣлать не только сильный отпоръ, но въ намѣреніяхъ неприятелей своихъ повсюду и препоны и помѣшательства. И такъ, противъ французовъ отправилъ онъ родствен-никовъ своихъ принца Фердинанда и наслѣднаго принца Брауншвейгскаго, обоихъ великихъ полководцевъ и героевъ, и поручилъ имъ, съ маленькою ихъ союзо-ною армію, занимать французовъ и вся-чески стараться ихъ вытѣснить изъ ган-новеранскихъ, вестфальскихъ и гессенъ-кассельскихъ земель; противъ Дауна по-ставилъ онъ брата своего принца Гейн-риха съ нарочитою армію. Померанію прикрывать и защищать отъ насъ Коль-бергъ поручилъ онъ родственнику своему принцу Евгенію виртенбергскому и нѣ-которымъ другимъ генераламъ съ неболь-шимъ корпусомъ; движенія же нашей главной арміи примѣчать, и въ походѣ возможнѣйшія дѣлать останки и помѣ-шательства поручилъ наилучшимъ сво-имъ генераламъ, а самъ, съ наилучшею частію своего войска, вознамѣрился быть противъ Лаудона и употребить всѣ силы и возможности къ тому, чтобъ недопус-тить его соединиться съ нами и напасть на него совокупными силами и положилъ, въ первый еще разъ, убѣгать koliko можно въ сіе гдѣто генеральнаго сраже-нія, которое выиграть онъ, по малосилію своему, никакъ уже не надѣялся.

Итакъ, восходствіе сего плана, не успѣ-ла весна начаться, какъ родственники его, принцъ Фердинандъ и принцъ Брауншвейгскій и открыли кампанію, и для лучшаго успѣха очень рано, и даже еще въ февралѣ. И какъ французы всего меньше толь ранняго начатія военныхъ дѣйствій ожидали, то союзникамъ и уда-лось ихъ далеко оттѣснить и, принудивъ, оставить многія захваченныя ими мѣста

податься назадъ до самаго города Касселя; но въ семь городѣ засѣвъ удержали они, наконецъ, стремленіе пруссаковъ и ганноверанцевъ, имѣли съ ними нѣсколько сраженій, но не весьма знаменитыхъ, съ неодинаковымъ счастьемъ. Иногда побивали союзники ихъ, а иногда получали они выгоды надъ ними, и война сія продолжалась у нихъ во все лѣто и кончилась почти ни на чемъ, чему всему причиною было наиболѣе несогласіе и вражда между собою обонхъ французскихъ полководцевъ.

Что касается до нашей арміи, то она не такъ была поспѣшна: но новый ея предводитель г. Бутурлинъ, хотя тронулся съ мѣста и нѣсколько ранѣе противъ прошлогодняго, однако, не прежде какъ въ іюнѣ, дождавшись подножнаго корма; но прежде выступленія своего въ походъ, отдѣлилъ онъ отъ себя корпусъ въ 27-ми тысячахъ состоящій, и поручивъ оный графу Румянцову, отправилъ оный въ Померанію для третичной осады города Кольберга.

Армія наша пошла четырьмя дивизіями по прежнему въ Польшу и въ Познань, гдѣ заготовлены были для нея по прежнему главные и большіе магазины. Первая дивизія была подъ командою Фермора и шла на Сироковъ, вторая, предводимая княземъ Голицынымъ, на Познань, третью велъ князь Долгоруковъ, а четвертая составляла резервный корпусъ и поручена была въ командоу графу Чернышову.

По довольно медленномъ походѣ прибылъ наконецъ самъ генералъ-фельдмаршалъ, 13 іюня, въ Познань со всѣмъ своимъ генеральнымъ штабомъ, а князь Голицынъ, со второю дивизіею, перешелъ уже между тѣмъ рѣку Варту и тамъ расположился лагеремъ. Въ Познани было обыкновенное рандеву или сборище всей арміи, и тутъ простоялъ г. Бутурлинъ около двухъ недѣль и проводилъ сіе время съ одной стороны въ сборахъ и въ распоряженіяхъ — какъ итти далѣе и обороняться противъ дѣлающихъ намъ повсюду помѣшательство въ походѣ прус-

саковъ. Сія, въ числѣ 12,000. стояли подъ командою генерала Гольца при Глогау, и король, успивъ его еще девятью тысячами, прислалъ повелѣніе затруднять всѣми образами наше шествіе и нападать всадъ на отдѣленные наши корпусы. Но какъ сей генералъ ихъ скоростпжно умеръ, то принялъ команду надъ ними славный ихъ наѣздникъ генералъ Цитенъ и тотчасъ вошелъ въ Польшу. Самое сіе и побудило нашу армію соединиться скорѣе вмѣстѣ и принять къ дальнѣйшему шествію лучшія уже мѣры.

Другое дѣло, сдѣланное господиномъ Бутурлинымъ въ Познань, было неождаемое никѣмъ арестованіе главнаго нашего наѣздника, генерала-майора Тотлебена и отправленіе его какъ нѣкоего злодѣя и преступника въ Петербургъ. Извѣстіе сіе поразило и армію всю и насъ всѣхъ въ Пруссіи неописаннымъ удивленіемъ. Я уже упоминалъ прежде, что генералъ сей сдѣлался-было у насъ очень славнымъ, командовалъ всѣми легкими войсками и все войско его любило и полагало на него великую надежду. Никто тогда не зналъ тому причины, но послѣ сдѣлалось извѣстно, что пострадалъ онъ и пострадалъ дѣльно за слишкомъ уже снисходительные свои поступки въ минувшемъ году къ берлинскимъ жителямъ при взятіи имъ сего города. А носилась молва, что открыты были за нимъ и другія пакости; но какъ бы то ни было, но онъ былъ какъ злодѣй арестованъ, и команда надъ легкими войсками поручена генералумайору Берху.

Сколько извѣстіе сіе было для насъ поразительно, столько досадно было слышать о главномъ командирѣ всей нашей и драться съ королемъ прусскимъ идущей арміи, господинѣ Бутурлинѣ, что онъ не отставалъ отъ прежней своей дурной, гнусной и всего меньше предводителю такой великой арміи приличной привычки. Какъ прежній съ ума сходилъ на псовой охотѣ и зайцахъ, такъ сей никакъ не могъ и во время важнаго похода сего отвыкнуть отъ частаго и безпрерывнаго почти куликанья. То и дѣло

шлись къ намъ о семь вѣсти, и съ стороны смѣшныя. а съ другой адѣйшія анекдоты. Ибо генералъ Гихъ куликаньяхъ своихъ дѣлалъ великия глупости и не рѣдко проси- дѣвляя ночи въ кружку съ гре- ки, заставляя ихъ съ собою пить, ѣсни и орать, и полюбившихся звалъ прямо въ офицеры и даже юры, а проспавшихся прашивалъ ихъ ою сложить съ себя чины и сдѣ- лать опять тѣмъ же, чѣмъ были. Въ о и подобныхъ тому дѣлахъ упраж- нялся, между тѣмъ какъ король швейцарскій, которому все сіе было извѣ- стно, сдѣлавъ съ арміею своею въ Шле- зии всякъ видъ средства къ недо- лго насъ соединиться съ цесарскою арміею и Лаудонъ, который, полу- чивъ въ первый разъ главную надѣ- лю командою арміею, бѣсился и думать на насъ, что мы такъ долго не шли медленю: ибо какъ ему отъ двора своего запрещено было съ пруссаками прежде прибы- тия въ дѣло, а приказано всячески избегатьъ сраженія, то, по самому тому, и идея онъ былъ на другомъ краю въ горахъ стоять цѣлмъ два мѣ- сяца пустою и упускать наилучшее и удобнѣйшій случай къ нападе- ню на короля прусскаго.

Въ 27 іюня тронулся г. Бутур- ловъ изъ Познани, и армія наша пошла въ путь вдоль подлѣ Шлезіи къ столич- ному городу Бреславию. Идея сіе было также очень медлен- ное и трудное повсюду пруссаками, и пришла армія къ Бреславию не ранее 4-го августа, между которымъ и Лаудонъ съ целою арміею итти къ намъ на встрѣ- чу касается до короля прусскаго, и учинилъ въ сіе время невѣроят- ное почти совсѣмъ невозможное дѣло, иступивъ изъ того мѣста, гдѣ стоялъ соединенною вмѣстѣ свою ар- мію и многочисленною артиллеріею, ко- нной, кромѣ полковыхъ пушекъ, о 130 тяжелыхъ орудій, пошелъ фор-

сированными маршами, и съ такою ско- ростию въ сторону къ намъ, что въ не- многое дни перешелъ множество миль и самымъ тѣмъ перехватилъ нашей арміи путь и недопустилъ насъ до столь ско- раго соединенія съ цесарцами, какъ дого мы съ обѣихъ сторонъ желали.

Къ сему, сдѣланному королемъ прус- скимъ совсѣмъ нами неожиданно по- мѣшательству, много помогло и то, что мы, не думая ни мало осаждать городъ Бреславль, да и будучи къ тому не въ состояніи, а ставъ подлѣ онаго, промед- лили тутъ нѣсколько дней и занимались сами не зная для чего, дѣланіемъ бата- реи и стрѣляніемъ по городу изъ пу- шекъ и гаубицъ, также раздаваніемъ сол- датамъ привезенныхъ въ армію около сего времени серебряныхъ медалей за побѣду надъ пруссаками при городѣ Франкфуртѣ.

Какъ королю прусскому помянутымъ образомъ удалось перехватить намъ путь и затруднить даже самую переправу чрезъ рѣку Одеръ, то принуждено было, какъ съ нашей, такъ и съ цесарской стороны, предпринимать разные окружные марши и контра-марши для желаемого соедине- нія, и Лаудонъ съ своей стороны то- лико былъ въ семъ случаѣ расторопнѣе и рачителенъ, что чрезъ нѣсколько дней нашелъ средство, оставивъ армію свою, и съ одною только своею въ 50-ти эскадро- нахъ состоящею конницею, прискакать къ нашей арміи для поддержанія оной и съ тѣмъ, чтобъ убѣдить насъ тотчасъ напасть на короля прусскаго и дать съ нимъ битву. По всѣмъ его труды оста- лись тщетны: мы никакъ несогласились драться одни безъ его пѣхоты и онъ при- нужденъ былъ ѣхать опять назадъ къ своей арміи, ничего не сдѣлавъ. Нако- нецъ, по сдѣланнымъ еще разнымъ мар- шамъ и контра-маршамъ, 12-го августа воспослѣдовало при мѣстечкѣ Стригау толь давно вождѣнное и четыре уже го- да искомое соединеніе цесарской арміи съ нашею, и какъ у нашей былъ уже недо- статокъ въ провіантѣ, то Лаудонъ тот-

часть и снабдить ее онымъ; — но чтожь воспослѣдовадъ дагѣе?

Какъ чрезъ соединеніе сіе сила наша сдѣлалась уже несравненно уже превосходнѣе короля прусскаго, ибо одна и наша армія состояла болѣе, нежели въ 60-ти тысячахъ, а псарская въ 72-хъ тысячахъ, а у короля и всего было не болѣе 50-ти тысячъ человекъ въ его арміи, то онъ, сдѣлавшись слишкомъ противъ насъ слабъ, отошелъ тотчасъ назадъ и расположился подлѣ самаго славнаго и крѣпкаго своего города Швейдница лагеремъ. Наши же арміи тотчасъ послѣдовали за нимъ и окружили его полудиркулемъ такъ, что у него остался одинъ только тылъ на свободѣ, а чрезъ то и приведенъ онъ былъ въ критическое и столь дурное положеніе, въ каковомъ онъ не бывалъ еще никогда во все продолженіе войны сей. Любимая его охота была давать сраженія, но въ сей разъ и при такой несообразности въ силахъ, было бы то для его самая дерзость и неблагоприятіе, ибо и самая побѣда не иначе могла-бы быть куплена, какъ слишкомъ дорогою цѣною, а притомъ, въ разсужденіи столь многочисленныхъ непріятельскихъ арміяхъ и мало бы принесла ему пользы; напротивъ того, потеряніе баталіи произвело бы страшныя и бѣдственнѣйшія для его послѣдствія. Въ сей крайности находясь и не долго думая, рѣшился онъ какъ можно избѣжать сраженія, и для лучшаго въ томъ успѣха приступить къ тому, къ чему онъ никогда не приступалъ и о чемъ никогда и говорено не было, а именно къ окопанію всего лагеря своего шанцами и къ превращенію всего онаго въ нѣкоторый родъ крѣпости непреодолимой.

Великое предпріятіе сіе и началъ онъ производить ни мало не медля и употребилъ къ тому самое то драгоцѣнное время, покуда предводители обѣихъ нашихъ армій между собою строили чины, сзывали военные совѣты, сумнѣвались и дѣлали планы и распоряженія, какъ имъ атаковать лучше короля въ его лагерь. Ибо какъ Лаудонъ получилъ уже отъ монархини своей разрѣшеніе на все и ему пре-

дано было на волю — давать ли баталію или оной убѣгать, то и хотѣлъ онъ непременно и ни мало не медля атаковать короля, къ чему сначала склоненъ былъ и нашъ господинъ Бутурлинъ; но какъ надобенъ былъ къ тому планъ, и сей, по причинѣ несогласныхъ и противоположныхъ мнѣній и разныхъ между нашими и австрійскими войсками политическихъ и военныхъ основаній, неодинаковыхъ военныхъ обыкновений, многихъ сумнительствъ и многообразныхъ потребностей, никакъ не могъ въ одни сутки сдѣланъ и всѣ нужныя распоряженія къ тому учинены быть, то чрезъ такую сію медленность и упущено было, такъ сказать, золотое и удобнѣйшее къ атакванію короля время; а сей, употребивъ невѣроятную поспѣшность и заставивъ денно и нощно работать всю свою армію — такъ что всегда одна половина оной работала, а другая отдыхала — и успѣлъ въ самое короткое время не только весь свой лагерь обрѣсть преглубокимъ и преширокимъ ровомъ и высокимъ валомъ, но всѣ линіи связать шанцами и редутами, укрѣпить лагерь свой двадцатью четырьмя большими батареями, предъ линіями поставить гдѣ рогатки, гдѣ полисадники, а предъ ними прорыть въ три ряда волчьи ямы, гдѣ-жь былъ лѣсъ, тамъ подѣлать засѣки и установить егерями; случившіеся же посреди лагеря четыре холма превратить въ сущіе бастионы, а бывшую на лѣвомъ крылѣ гору, сдѣлать почти настоящею цитаделью. Словомъ, повсюду видны были только батареи, и всякая изъ нихъ снабдена была еще особаго рода двумя ямами, наполненными порохомъ и гранатами, которыя, проведенными отъ нихъ кишками съ порохомъ, можно было издалека зажигать. Сверхъ того велѣлъ король для батарей своихъ привезть изъ города нѣкоторое число большихъ пушекъ, такъ что всѣхъ ихъ разставлено было 460 орудій, а притомъ сдѣлано 182 подкопа и все сіе расположено было болѣе на высотахъ, до которыхъ и безъ того, за множествомъ рѣчекъ, толкихъ ручьевъ и вязкихъ луговъ, дойти было трудно.

Всѣ сіе огромное дѣло, расположенное и производимое съ величайшимъ разсмотрѣніемъ, по правиламъ строгой тактики и сдѣлавшееся удивительнымъ, образцовымъ и примѣрнымъ, начато и окончено пруссаками въ теченіе трехъ сутокъ; такъ что предводителямъ обѣихъ нашихъ армій, согласившимся между тѣмъ о нападеніи на короля и обо всемъ условившимся и уговорившимся и хотѣвъ начинать уже дѣло, вдругъ, вмѣсто лагера прусскаго, увидѣли предъ собою цѣлый рядъ крѣпостей, произведенныхъ власно какъ нѣкакимъ волшебствомъ, и какъ для атакванія сажъ и приступанія къ онымъ потребны были совсѣмъ нныя и новыя мѣры и планы, и при дѣланіи оныхъ являлись отчасу многія трудности: то на держанномъ о томъ въ нашемъ російскомъ лагерѣ большомъ военномъ совѣтѣ, при которомъ присутствовалъ и Лаудонъ, предводитель нашъ господинъ Бутурлинъ прямо объявилъ, что онъ не хочетъ съ арміею своею ни на что отважиться, а если дойдетъ между цесарцами и пруссаками дѣло до атаки, то онъ отдѣлитъ отъ своей арміи корпусъ войскъ къ нимъ на подкрѣпленіе. А и въ самомъ дѣлѣ атакваніе тогдашняго прусскаго лагера была-бъ самая дерзость, ибо надлежало пролечь напередъ цѣлыя рѣки крови, вокуда бы дошло дѣло до ручной схватки за линіями внутри лагера, и дѣло сіе таково было, что и самые мужественные воины трепетали отъ единого помышленія о томъ.

Совсѣмъ тѣмъ Лаудону непремѣнно хотѣлось на сей великій опытъ отважиться, и тѣмъ наче, что какъ бы уронъ ни великъ могъ притомъ быть, но побѣда сдѣлалась бы рѣшительною для всей войны тогдашней, и произвела бы вожделѣннѣйшія дѣйствія; въ случаѣ-жъ неудачи, не могло произойти важныхъ и вредныхъ послѣдствій; и потому и употреблялъ онъ невозможнѣйшія старанія къ преклоненію г. Бутурлина къ сему отважному предпріятію, но сей, для многихъ и разныхъ причинъ и обстоятельствъ, не хотѣлъ никакъ на то склониться, но держался

крѣпко сказаннаго единожды слова, что онъ не хочетъ ни на что отважиться.

Между тѣмъ, какъ таковыя совѣщанія и уговариванія происходили и нѣсколько дней длились, былъ король прусскій въ ежечасной готовности къ сраженію. Днемъ, когда можно было всѣ наши движенія видѣть, солдаты его должны были отдыхать, а какъ скоро наступали сумерки, то сниманы были всѣ палатки, и весь армейскій обозъ отсылался подъ пушки крѣпости Швейдница и всѣ полки становились позадь валовъ, въ ружье, и такъ вся пѣхота, конница и артиллерія, въ каждую ночь стояла въ ордеръ-баталин. Самъ король находился всегда на главной батарее, гдѣ становилась для него маленькая палатка; но и его собственный обозъ на всякую ночь отвозился прочь, а поутру опять привозился, и войски, не прежде какъ по восхожденіи уже солнца, клали ружье и разбивали опять лагерь. Кромя сего, терѣла армія очень много отъ ужасныхъ жаровъ, въ самое то время бывшихъ, и отъ оскудѣнія, кромѣ хлѣба, во всѣхъ прочихъ съестныхъ припасахъ. Во всей арміи не было почти ничего мяса и другой провизіи, и солдаты наскучили уже до чрезвычайности ѣсть одинъ хлѣбъ съ водою; а сверхъ того, измучились всѣ и отъ бессонницы и неудовольствіе въ арміи было всеобщее, такъ что если-бъ неудерживали валы и окопы, то вѣрно бы она разбѣжалась на половину.

Но какъ самое сіе обстоятельство, что не могло быть изъ прусской арміи дезертировъ, чрезъ которыхъ можно-бъ было узнать о происходившемъ въ лагерѣ у пруссаковъ, и увеличивало нерѣшимость нашихъ предводителей, то и стояли они нѣсколько дней безъ всякаго дѣла и поѣдали тщетно провіантъ, въ которомъ начиналъ уже являться недостатокъ, а король прусскій и ожидалъ тогда спасенія себя всего болѣе отъ голода. Самъ же съ сей стороны былъ совершенно обезпеченъ, потому что въ Швейдницѣ были у него запасены огромные магазаны провіанта и фуража; а о нашихъ арміяхъ онъ

не сомнѣвался, что имъ скоро ѣсть будетъ нечего, потому что всѣ окрестности такъ уже были очищены, что шefeldь, или пол-осмина ржи, покупался по 15-ти талеровъ, да и тому были рады. Нашей арміи оскуднѣніе сіе сдѣлалось прежде всѣхъ чувствительно: къ тому-жь, король поставился нужду нашу еще больше увеличить и свергнуть предводителя нашего въ превеликую заботу и опасеніе. Онъ отправилъ генерала Платена съ 7,000 человекъ къ намъ въ тылъ. Сей генералъ, вѣзавшись въ Польшу, напелъ при Гостинѣ нашъ вагенбургъ, окопанный ретраншаментомъ и прикрытый 4,000 человекъ. Онъ напалъ на оный и, вломившись въ него, не учинивъ ни одного выстрѣла, а на штыбахъ, и овладѣвъ онымъ, побилъ все прикрытіе, взялъ до 2,000 человекъ въ полонъ, сожегъ всѣ фуры и повозки, копъ число простиралось до 5,000, разорилъ у насъ три большихъ магазина и угрожалъ даже разореніемъ самаго главнаго въ Познани, а все сіе и побудило фельдмаршала нашего, г. Бутурлина, пттить скорѣе назадъ, чтобъ не погубить всей арміи своей голодомъ.

Итакъ, препроводивъ цѣлыхъ двадцать дней въ дѣланіи и передѣлываніи плановъ и пакки отметаніи оныхъ, выходявши два раза виѣстѣ съ cesарцами изъ лагеря, для дѣйствительнаго уже нападенія на пруссаковъ, и ничего не сдѣлавъ, возвращаясь опять въ лагерь, оставлены были имъ наконецъ всѣ замыслы и намѣренія, отобраны назадъ всѣ розданныя уже диспозиціи, и г. Бутурлинъ нашъ, оставивъ при cesарцахъ графа Чернышова, съ корпусомъ въ 20-ти тысячахъ состоящимъ, самъ со всею достальною нашею арміею отошелъ отъ cesарцевъ и пошелъ назадъ въ Польшу и въ тѣ мѣста, откуда онъ въ походъ свой отправился.

Извѣстіе объ отшествіи нашей арміи произвело торжество и радость въ прусскомъ лагерѣ. Всѣ радовались и торжествовали, какъ бы подучивъ какую-нибудь преславную побѣду. И хотя Лауднова армія, съ оставленнымъ при оной россійскимъ корпусомъ, была почти вдвое

сильнѣе еще королевской,—однако они вдругъ перестали принимать прежнія мѣры къ оборонѣ. Они не стали уже по вечерамъ снимать лагеря, не стали отправлять назадъ обозовъ и не стали уже болѣе по ночамъ становиться во фронтъ, а большія пушки отвезены были назадъ въ Швейдницъ; изъ ямъ порохъ, гранаты и бомбы повывраты, волчьи ямы засыпаны, рогатки сожжены и большая часть шанцовъ и окоповъ разорены и открыта пакки коммуникація съ уѣздомъ, и прусскій лагерь снабженъ былъ опять всѣми нужными потребностямъ.

Король, по отшествіи нашей арміи, простоялъ тутъ еще не болѣе двухъ недѣль. Онъ почиталъ кампанію въ сей годъ еще неокончанною и желалъ еще отличить себя въ оную какимъ-нибудь знаменитымъ дѣломъ. Но Лаудонъ стоялъ въ крѣпкомъ лагерѣ и не оказывалъ охоты къ сраженію. Королю хотѣлось угрожательными маршами удалить его и прогнать назадъ въ Богемію, или принудить въ какомъ-нибудь выгоднѣйшемъ мѣстѣ къ сраженію. Сверхъ того, и магазины въ Швейдницѣ уже истощились, а въ городѣ Нейсѣ находился другой, запасный, и превеликой; а все сіе побудило короля прусскаго тронуться наконецъ съ мѣста и отойти къ Минстербергу, на два дни перехода отъ Швейдница.

Не успѣлъ король прусскій отойти отъ сей крѣпости,—которая была изъ знаменитѣйшихъ во всѣхъ прусскихъ областяхъ, снабдена многочисленнымъ гарнизономъ и артиллеріею и всѣми потребностями, имѣла комендантомъ въ себѣ искуснаго и храбраго генерала Цастрова, и потому считалась отъ осады безопасною,—какъ дѣятельный Лаудонъ вознамѣрился испытать счастья своего надъ нею и взять еѣ не формальною осадю, а нечаяннымъ и тайнымъ нападеніемъ на оную. Онъ переговорилъ о томъ съ нашимъ графомъ Чернышовымъ, и сей, не только одобрявалъ его намѣреніе, но предлагалъ къ тому даже весь свой корпусъ. Однако Лаудонъ взялъ только 800 человекъ нашихъ гренадеровъ, которые соединены съ

30-ю батальонами австрийской пѣхоты, и предпріятіе сіе поручено генералу Амаду. Всѣ приготовления къ тому сдѣланы наисокровеннѣйшимъ образомъ, и таены такъ удачно отъ непріятелей, что комендантъ, совсѣмъ того не ожидая, не сдѣлалъ ни малѣйшихъ предосторожностей, но будучи охотникъ пировать, имѣлъ у себя въ ту самую ночь балъ, какъ положено было произвести сіе въ дѣйство. Итакъ, въ одну ночь, въ два часа послѣ полуночи, учинено было нечаянное на крѣпость нападеніе, и для отвлеченія вниманія гарнизона отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ назначено было пѣхотѣ гнѣтъ на крѣпость по штурмовымъ лѣстницамъ, велѣлъ Лаудонъ кротакамъ своимъ пропзвести съ противоположной стороны фальшивую атаку. Приступъ сей произведенъ въ самую темную ночь и имѣлъ успѣхъ вождѣлѣнный. Цесарцы, будучи подпоены виномъ, для множайшей отваги, шли намужественнѣйшимъ образомъ и презирали всѣ опасности, а особливо наши гренадеры стремились и гнѣли кучами, какъ сумасшедшіе. Симъ, по несчастію, графилось въ темнотѣ зайтнть въ такое мѣсто, гдѣ въ наружныхъ укрѣпленіяхъ былъ преглубокій ровъ. И какъ бывшій до того тутъ подъемный мостъ былъ сломанъ, то передовые, увидѣвъ предъ собою страшную глубину, закричали: «Стой! стой! подавай лѣстницы и фашины», но офицерамъ нашимъ показалось, что сіе будетъ слишкомъ долго, и они, не долго думая, погнади заднихъ, а сіи, столкнувъ переднихъ въ ровъ и наполнивъ всю глубину спми несчастными, погнѣли чрезъ оныхъ и взомли первые почти на городскіе валы и укрѣпленія, и рубили и колоди всѣхъ кто имъ ни попадался. Пруссаки крпчали тогда: «пардонъ! пардонъ!» но наши говорили: «пихтѣ пардонъ! какой пардонъ!» и продолжали только рубить и колоть. И тогда одному прусскому артиллеристу не восхотѣлось умереть безъ отмщенія. Онъ зажегъ случившійся тутъ пороховой магазинъ и взорвало чрезъ то множество и своихъ и чюговѣкъ до 300 нашихъ на воздухъ. Однако ни сіе, ни вся храбрая пруссаковъ

оборона, не могла имъ пособить, и крѣпость, по трехчасномъ сраженіи, къ свѣту была взята и находилась уже со всею своею многочисленною артиллеріею и всѣмъ гарнизономъ въ рукахъ у цесарцевъ, и они вмѣстѣ съ нашими потеряли не болѣе, какъ чюговѣкъ до тысячи на семь приступѣ.

Лаудону хотѣлось какъ можно сохранить городъ сей отъ грабежа, почему и запрещено было отъ него накрѣпко и обѣщано было за то 100 т. гульденовъ въ награжденіе; однако какъ въ городѣ находилось великое богатство, свезенное изо всѣхъ мѣстъ Шлезіи жителями, какъ въ надежное и безопасное мѣсто, то трудно было цесарцевъ отъ того удержать: они пустились тотчасъ на оный, какъ скоро вошли въ городъ, и цесарскимъ генераламъ великаго труда стоило остановить ихъ въ семь варварствѣ. Что касается до нашихъ, то они приобрѣли при семъ случаѣ отъ всего свѣта и даже отъ самыхъ непріятелей своихъ великую себѣ честь и похвалу, какъ за безпримѣрную храбрость, такъ и за то, что они непустились никакъ на сей грабежъ, но взошедъ на валы, засѣли тутъ спокойно, и каждый оставался при своемъ оружіи.

Чрезъ сіе овладѣніе Швейдницомъ, приобрѣлъ Лаудонъ цесарскому оружію крайне важную выгоду и сдѣлалъ то, что цесарцы, въ первый еще разъ, во всю сію войну, могли въ сей годъ взять свои зимнія квартиры въ Шлезіи. Однако за сію великую услугу награжденъ былъ весьма дурно и единою только неблагодарностію: а провинился только тѣмъ, что дѣло сіе предпріялъ самъ собою, и неистребовавъ напередъ на то дозволенія отъ императрицы и надворнаго военнаго совѣта. Но было когда о томъ спрашивать! когда всякая минута была дорога, и чрезъ упущеніе удобнаго къ тому случая полученъ и весь успѣхъ тогдашній. Словомъ, цесарева такъ прогнѣвалась на него за то, что самому императору, мужу ея, вступившемуся за Лаудона, великаго труда стоило уговорить ее и спасти его отъ напасти.

• Что касается до короля прусскаго, то совсѣмъ неожиданное извѣстіе о потеряннн Швейдница привело его и всю его армию въ неописанное изумленіе. Никакое несчаствіе во всю войну сію не подѣйствовало такъ много на пруссаковъ, какъ сіе. Они потеряли тогда всѣ плоды трудной кампаніи, и не безъ основанія, страшились всѣхъ ужасовъ новой кампаніи зимней; къ тому-жъ. получены были ими тогда страшныя извѣстія о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Помераніи, которыя еще болѣе приводили ихъ въ отчаяніе. Всѣ опустили тогда руки. Но король нашелъ способъ ободрить и оживотворить всю свою источенную армию и началъ употреблять всѣ силы и возможности къ тому, чтобъ принудить Лаудона къ сраженію съ собою. Никогда еще онъ такъ не желалъ съ нимъ схватиться, какъ въ сей разъ; но Лаудонъ, будучи счастливымъ своимъ доволенъ, не хотѣлъ уже на то отважиться, но всячески убѣгалъ отъ сраженія, такъ что, опасаясь отъ короля отчаяннаго нападенія, препроводилъ хотя цѣлыхъ 8 ночей съ россіянами подъ открытымъ небомъ, во ожиданіи нападенія на себя, однако не только избѣгъ сраженія, но не хотѣлъ покуситься и на овладѣніе Бреславлемъ, въ чемъ находилъ графъ Чернышовъ возможность и ему-было то совѣтовалъ, но выбравъ такое мѣсто, гдѣ-бъ могъ онъ имѣть свободную коммуникацію съ Саксонією, Богемією и Моравією, остановился неподвижно въ лагерѣ своемъ при Фрейбургѣ до зимы самой, гдѣ потомъ расположилъ и свою армию и нашъ корпусъ по зимнимъ квартирамъ, и принудилъ и короля къ тому же.

Сей, около самаго сего времени, подверженъ былъ навѣличайшему во всю жизнь свою бѣдствію и едва было едва однимъ измѣнникомъ не преданъ былъ въ руки своихъ непріятелей или, въ противномъ случаѣ, убитъ до смерти: все уже было къ тому приготовлено, и благополучіе и жизнь короля висѣла уже на волоску, но досада одного утрудившагося

слуги, посланнаго затѣйщикомъ сего зла, барона Варкотча съ письмомъ къ одному изъ своихъ соумышленниковъ и нехотѣніе итти туда, спасло въ сей разъ короля отъ бѣдствія и гибели неизбѣжной. Ибо слуга, вмѣсто назначеннаго мѣста, отнесъ то письмо къ одному деревенскому пастору, а сей доставилъ оное тотчасъ къ королю, и чрезъ то все дѣло открылось и король спасся, но былъ такъ безсовѣстенъ, что спасшему его пастору не сказалъ и спасибо, и бѣднякъ сей остался безъ всякаго себѣ за усердіе свое награжденія.

Симъ-то образомъ кончились всѣ военныя дѣйствія въ Шлезіи и въ сей сторонѣ, и теперь осталось мнѣ вамъ разсказать, что между тѣмъ дѣлалось въ Помераніи, куда, какъ выше упомянуто, отправленъ былъ отъ насъ графъ Румяновъ съ корпусомъ довольно сильнымъ для третичной осады и овладѣнія городомъ Кольбергомъ.

Корпусъ нашъ, какъ ни превосходилъ силою своею всѣхъ находившихся въ Помераніи пруссаковъ, и самый генералъ сколь ни искусенъ былъ въ военномъ дѣлѣ, но имѣлъ много труда прежде нежели достигъ до желаемаго... Дѣло сіе не такъ легко можно было произвестъ, какъ думали, и бездѣльная крѣпость сія навела на насъ болѣе хлопотъ и трудовъ, нежели мы и всѣ думали и ожидали.

Я уже упоминалъ вамъ, что уже въ оба послѣдніе года дѣлано было нами двукратное покушеніе къ овладѣнію симъ приморскимъ городомъ, и что въ оба раза неудалось намъ никакъ овладѣть ономъ. Ошибка состояла наиболѣе въ томъ, что сначала, когда ею овладѣть всего легче было можно, употреблено было слишкомъ мало силы и дѣло сіе поручено незнающему и дурнымъ генераламъ; а въ сей разъ имѣли уже время пруссаки столько тутъ усилиться и такія взять мѣры, что и знаменитому корпусу и самому искуснѣйшему генералу много навели они дѣла, и очень малаго доставало къ тому, чтобъ и въ сей разъ не пропасть всѣмъ нашимъ трудамъ и убыткамъ полустому.

как осада сія была во всю сію войну достопамятѣйшая, а притомъ и поимѣнъ нашимъ военнымъ дѣйствіемъ юйну сію противъ пруссаковъ, то уя вамъ ее подробнѣе, однако учиню э теперь, а въ письмѣ послѣдующемъ имъ; а теперь дозвольте мнѣ сіе, какъ ичинеесея не въ мѣру, кончить и мѣ вамъ, что я есмь вашъ и проч.

Письмо 89-е.

о безимый пріятель! Предпріавъ въ евъ описать вамъ славную нашу Кольбуу экспедицію и осаду, скажу, что въ Румянцовъ выступилъ съ поручимъ ему корпусомъ, изъ 27-мь тысячъ оимимъ, въ походъ довольно еще , такъ что онъ еще іюня 22-го при , съ нимъ къ Померанскому городу и ну, отстоящему верстъ за 30 тольгъ Кольберга и защищаемому нѣколь количествомъ прусскаго войска. какъ назначенъ былъ для подрѣшлеого и нашъ флотъ, долженствующій иить изъ Кронштадта, то, не хоо прибытія его приблизиться къ Кольбу, и остановился онъ тутъ дожидатьюмянутаго флота. Самымъ тѣмъ и ена была первая и великой важноошибка; ибо какъ помянутый флотъ шель не такъ скоро какъ ожидали, и нуждено было его дожидаться до сали половини августа мѣсяца, то и проль графъ Румянцовъ тутъ безъ мала мѣсяца безъ всякаго дѣла, а прикрыція Кольбергъ прусскія войска, подъ ицдою принца Евгенія Виртембергю и генерала Вернера, и воспольились сею медленностію и могли въ сіе я употребить все, что только можно было къ затрудненію нашей осады и оборонѣ Кольбергской крѣпости. Потутый принцъ окопался съ шестьютысяи человекъъ своего войска подъ самыми ками крѣпости и укрѣпилъ весь лагерь і сдѣланиемъ многихъ и хорошо сдѣилныхъ шанцевъ и батарей. Помогло ему го въ томъ и выгодное для него поеніе мѣста. На правомъ крылѣ своимѣль онъ рѣку Перзантъ, проте-

кающую почти сквозь самый городъ и впадающую тутъ въ море, а на лѣвомъ, глубокое и непроходимое болото, а позади себя крѣпость, и запасаа всеми нужными потребностями; а сверхъ того подѣлалъ и на берегу сильныя батареи для воспрепятствованія со флота дѣлать на берегъ высадки войска, а всеми сими и положены были непреборимыя почти затрудненія намъ въ предприемлемой осадѣ.

Наконецъ появился нашъ флотъ на морѣ, и Румянцовъ, узнавъ о томъ, тронулся тотчасъ изъ своего мѣста и 15-го августа занялъ другое померанское и въ тѣхъ мѣстахъ лежащее мѣстечко Бѣлгардъ. 19-го августа атаковалъ онъ помянутый городокъ Кеслинъ и потребовалъ его къ сдачѣ, и какъ командующій въ ономъ прусскій офицеръ не захотѣлъ сдаваться, то велѣлъ онъ стрѣлать по немъ изъ 20-ти пушекъ и гаубицъ, и комендантъ прусскій, какъ сначала ни оборонялся, во принужденъ былъ наконецъ съ баталіономъ своимъ и обозомъ, оставя сей городъ, перейти въ лагерь къ принцу Виртембергскому.

Между тѣмъ, 23-го августа, флотъ нашъ подошелъ къ Кольбергу. Онъ былъ подъ командою вице-адмирала Полянскаго и контръ-адмирала Мартынова, и состоялъ изъ нѣсколькихъ военныхъ кораблей, бомбандирныхъ прамовъ и другихъ судовъ— всего изъ 40 парусовъ,— и 24-го августа сталъ предъ городомъ на якорь и въ послѣдующій день началъ тотчасъ по городу стрѣлать и бросать въ него бомбы. Черезъ 4 дня послѣ того пришла и шведская эскадра, состоявшая изъ 8-ми военныхъ кораблей и нѣсколькихъ другихъ судовъ, и соединилась съ нашими. Бомбандированіе и стрѣльба по городу продолжалась непрерывно и 29-го августа положено было со флота сдѣлать на берегъ десантъ, и чтобъ графу Румянцову поддерживать оный со всею своею конницею. Но пруссаки сильнымъ сопротивленіемъ не допустили произвестъ сіе въ дѣйство; а такая-жъ неудача была, какъ восхотѣли-было 2-го сентября наши овладѣть приступомъ всеми прусскимъ лаге-

ремь: насъ отбили порядочнымъ образомъ и съ великимъ урономъ. И какъ г. Румянцовъ увидѣлъ тогда, что ретраншаментъ сдѣланный у нихъ не хуже былъ почти самой крѣпости, то 4-го сентября придвинулся онъ ближе къ Кольбергу и окруживъ оный весь, сдѣлалъ черезъ рѣку Перзантъ коммуникаціонный мостъ и множество батарей противъ прусскаго лагеря. Изъ всѣхъ сихъ, равно какъ со флота, производилась по городу и по лагерю 4-го и 5-го числа жестокая и непрерывная почти стрѣльба съ такимъ усиліемъ, что 5-го числа, въ одинъ день, до обѣда, брошено въ городъ 236 бомбъ, изъ коихъ 62 попали въ оный и надѣлали много вреда. 7-го числа была у генерала Вернера съ однимъ нашимъ небольшимъ корпусомъ примѣстечкѣ Путминѣ жестокая схватка, а 8-го числа наши войска, пробравшись сквозь густой лѣсъ, противъ лѣваго прусскаго крыла находившіяся, напали-было на оный, но принуждены были безъ всякаго успѣха возвратиться назадъ.

Около сего времени шелъ изъ Штегина небольшой корпусъ пруссаковъ, составленный изъ выздоровѣвшихъ отъ ранъ и трехъ эскадроновъ вновь на вербованныхъ гусаръ, и пробирался къ Кольбергу. Принцъ Виртенбергскій, узнавъ о томъ, отправилъ генералъ-поручика Вернера къ нему на встрѣчу, чтобъ препроводить ихъ надежнѣе къ Кольбергу и, буде можно, сдѣлать нашимъ въ подвозѣ провіанта помѣшательство. Но нашимъ удалось на генерала сего напасть и не только разбить всѣхъ съ нимъ бывшихъ, но и самого его взять въ полонъ.

19-го числа на разсвѣтѣ учинено было отъ насъ на правое крыло прусскаго ретраншамента, при производимой какъ съ сухого пути, такъ и съ моря страшной стрѣльбы и бросанія бомбъ, жестокое нападеніе. Шесть разъ сразу десять баталіоновъ нашего войска приступали съ навѣличайшимъ жаромъ къ оному, но никакъ не могли ворваться въ оный и претерпѣли отъ батарей ихъ, а особливо отъ прозванной нашими зеленой, великое

пораженіе. Наконецъ, по пятичасномъ кровопролитномъ сраженіи, и овладѣли-было мы одними ихъ главными шанцами, но насъ выгнали опять пруссаки и принудили ретироваться, поранивъ смертельно притомъ нашего генералъ-маіора князя Долгорукова, который отъ того и умеръ, и побили у насъ до 3000 члѣовѣкъ.

Несмотря на то, продолжали наши безпрестанно атаковать ретраншаментъ прусскій и такъ точно, какъ бы настоящую крѣпость. Мы сдѣлали необыкновенное, совсѣмъ неслыханное нигдѣ дѣло, а именно: открыли противъ его порядочныя траншеи, подѣлали батареи и начали по немъ, какъ по городу, стрѣлять изъ пушекъ и мелкаго ружья. И какъ намъ отвѣтствовали тѣмъ же и пруссаки, то пропадало отъ стрѣльбы сей съ обѣихъ сторонъ множество народа. Мы старались то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ ворваться въ окопы и дѣлали опять къ оному 22-го и 27-го числа сентября сильныя приступы, но въ оба раза были опять отбиты съ урономъ.

Симъ образомъ оборонялся принцъ Виртенбергскій почти отчаяннымъ образомъ въ своихъ окопахъ и недопускалъ насъ чрезъ то еще и близко до крѣпости. По сей, хотя и производилась ежедневно стрѣльба со флота и бросаніе бомбъ, но все сіе далеко еще не могло ее принудить къ сдачѣ. При такихъ обстоятельствахъ начинала уже приближаться зима и вмѣстѣ съ нею умножались наши трудности. Войска наши отъ непрерывныхъ уроновъ уже гораздо поослабѣли и уменьшились, а къ дальнѣйшему несчастію, въ началѣ октября случилась на морѣ престожовая буря и растрепала весь нашъ соединенный флотъ. Одинъ изъ нашихъ военныхъ кораблей разбитъ былъ оною и погибъ, со всѣми людьми и снарядами; на другомъ, госпитальномъ суднѣ сдѣлался пожаръ и оное совсѣмъ сгорѣло; все сіе разстроило такъ все во флотѣ, что они принуждены были отойти прочь, и шведская эскадра отплыла въ свое отечество, а вскорѣ за нею и нашъ флотъ

отплыть въ море и пошелъ обратно къ Кронштадту.

Несмотря на все сіе, Румянцовъ продолжалъ мужественно осаду и ожидалъ со дня на день себѣ подкрѣпленія отъ главной арміи. И какъ между тѣмъ она уже возвратилась изъ своего похода и пришла обратно къ померанскимъ границамъ, то и отправлено было къ нему на вспоможеніе 12 т. человекъ войска, а корпусъ легкихъ войскъ, подъ командою генералъ-маіора Берха, поставленъ въ Штаргардъ, для пресѣченія пруссакамъ коммуникаціи съ Штетиномъ.

Но какъ и сіи въ силахъ своихъ отъ частыхъ урновъ гораздо поослабѣли и требовали себѣ подкрѣпленія, то не преминулъ король и къ нимъ прислать нѣсколько войска на помощь и велѣлъ идти къ нимъ генералу своему Платену, возвратившемуся тогда изъ польской своей удачной экспедиціи. Приближеніе сего славнаго генерала понудило нашихъ податься нѣсколько назадъ и путь ему преградить поставленіемъ въ одной тѣсной дефилеѣ 6.000 человекъ войска, а сіе и подало поводъ къ сильной канонадѣ изъ пушекъ и гаубицъ, продолжавшейся отъ перваго часа до самой ночи. Но какъ ни старались наши воспрепятствовать въ походѣ сему генералу, но онъ отчаяннымъ образомъ и подъ картечнымъ огнемъ прорвался удачно и соединился подъ Кольбергомъ съ пруссаками.

Принцъ Виртенбергской обрадовалъ былъ очень полученіемъ себѣ подмоги и помощника, котораго могъ онъ всюду разсылать и препоручать ему комиссіи. Главнѣйшее стараніе ихъ было о томъ, какъ-бы крѣпость и самихъ себя снабдить провіантомъ, въ которомъ начиналъ уже являться недостатокъ; весь запасенный въ городѣ былъ уже поѣденъ, а вновь получать не такъ имъ было уже легко, какъ прежде: моремъ привозить не допускали ихъ наши флоты, а сухимъ путемъ имѣли они коммуникацію только по приморскимъ мѣстамъ чрезъ мѣстечки Трептовъ и Голновъ изъ Штетина. Но наши армейскія войска, распростра-

нившись всюду по Помераніи, дѣлали имъ въ подвозѣ семъ возможнѣйшее помѣшательство. Они, узнавъ, что отъ пруссаковъ присланъ былъ въ городокъ Трентау ихъ генералъ-маіоръ Кноблаухъ съ 2,000 человекъ войска для надежнѣйшаго препровожденія одного нарочитаго провіантскаго транспорта въ Кольбергъ, атаковали онаго въ семъ городкѣ и, окруживъ, чрезъ нѣсколько дней принудили, со всѣми при немъ бывшими войсками, отдаться нашимъ въ полонъ. А таковую-жъ неудачу имѣлъ въ доставленіи въ городъ провіанта и посланный нѣсколько разъ отъ принца Виртенбергскаго и самъ генералъ Платенъ съ частію войска, и для подкрѣпленія онаго хотя и присланъ былъ еще изъ Шлезіи генералъ Шенкендорфъ съ 3,800 человекъ войска, и оба они хотя всячески старались провезти большой транспортъ провіанта изъ Штетина, но наши войска, бывшія подъ командою генерала Берха и другихъ генераловъ, не допустили ихъ до того и принудили Платена провіантъ отослать назадъ въ Штетинъ, а самого возвратиться въ Кольбергъ съ пустыми руками.

Всѣ сіи неудачи произвели то, что какъ въ крѣпости Кольбергской, такъ и въ лагерѣ прусскомъ недостатокъ провіанта сдѣлался ощутительнѣе, а особливо какъ возвратились опять назадъ нѣкоторые изъ нашихъ фрегатовъ и заперли опять море, которымъ было они начали пользоваться по отбытіи нашихъ флотовъ. Въ особенности терпѣли великую нужду лошади, получавшія уже не болѣе какъ по полуфунту соломы въ сутки. Сверхъ того, какъ ужешелъ ноябрь мѣсяцъ и было очень холодно, то изъ всѣхъ недостающихъ потребностей всего ужаснѣе былъ для нихъ недостатокъ въ дровахъ. Въ сей нуждѣ сжигали они уже многіе деревянные дома въ городѣ и на обогрѣваніе себя употребляли. Платенъ совѣтовалъ принцу, несмотря на все выгодное положеніе нашихъ и самое великое превосходство въ силахъ, насъ атаковать; но принцъ усумнился на сіе отважиться, а почитая нашу армію слишкомъ еще удаленною,

надѣялся, что холодность времени и претерпѣваемая нашими солдатами стужа и нужда, понудить Румянцова скоро оставить осаду.

Но у сего совсѣмъ не то было на умѣ: но онъ, будучи мало по малу до того усиленъ, что корпусъ его уже до 40-а тысячъ простирался, и притомъ имѣя ту выгоду, что могли къ нему всѣ потребности привозимы быть, рѣшился, несмотря на всю суровость погоды и напавшій даже самый снѣгъ, никакъ не отставать отъ начато дѣла и, окруживъ со всѣхъ сторонъ и городъ и весь прусскій лагерь, принудить принца Виртенбергскаго сдать ся со всѣмъ корпусомъ своимъ въ плѣнъ, и какъ его, такъ и городъ выморить голодомъ и принудить къ сдачѣ. Вслѣдствіе чего неоднократно посылалъ онъ требовать сей сдачи съ предствленіями, что все упорство ихъ будетъ тщетно и что ожидаемаго сикурса имъ ниоткуда и никакъ получить будетъ не можно. Однако принцъ и Платенъ отвергали мужественно всѣ его предствленія и не соглашались къ сдачѣ; но какъ нужда и недостатокъ во всемъ становился отчасу больше, и городъ такъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ, что неможно было ниоткуда провезть въ него ни единого воза, и при сихъ обстоятельствахъ и самый прикрывающій городъ корпусъ принца Виртенбергскаго обращался городу не столько уже въ пользу, сколько въ отягощеніе, ибо поѣдалъ и послѣдній провіантъ,—то начали предводители прусскихъ войскъ помышлять о томъ, какъ бы имъ отъ города съ войскомъ своимъ уйтить и, оставивъ его самого собою защищаться, стараться уже снаружи освободить его отъ осады, или, по крайней мѣрѣ, о снабденіи его провіантомъ.

Но отшествію сему являлись непреоборимыя препятствія по множеству шанцовъ и батарей нашихъ, которыми окружены они были со всѣхъ сторонъ: ибо, еслибъ хотѣтъ имъ отважиться силою пробиваться, то ничего не было достойнѣе того, что наши нападутъ на нихъ и спереди, и сзади, и съ боковъ, и перебь-

ютъ всѣхъ, слѣдовательно о томъ и помыслить имъ было не можно.

Въ сей крайности находясь, рѣшились они къ предпріятію, совсѣмъ никѣмъ не ожидаемому и такому, которое казалось совсѣмъ невозможнымъ и было для всѣхъ крайне удивительно. Позади города и на взморьѣ находилось одно широкое мѣсто, на подобіе озера, соединяющееся съ моремъ узкимъ, но глубокимъ проливомъ. Какъ наши широкое сіе водяное мѣсто и поманутый проливъ почитали глубокимъ, то и думали, что перейти чрезъ оную никакъ не можно, и потому и не брали съ сей стороны дальней предосторожности, а удовольствовались поврежденіемъ всѣхъ судовъ и лодокъ, какіе найти могли. Такъ что у пруссаковъ осталось только 10 рыбачихъ лодокъ, да 7 узкихъ челнокъ, въ которыхъ не болѣе какъ по бочковѣ помѣщаться было можно и сіи остались потому, что какъ были они подъ пушками самой крѣпости, то нашимъ добраться до нихъ было никакъ не можно. Сими-то бездѣльными суденышками вознамѣрились пруссаки воспользоваться и, будучи предводимы однимъ мужикомъ, обѣщавшимъ имъ показать такое мѣсто, гдѣ имъ, чрезъ поманутую воду, по бывшей въ прежнія времена и не глубоко водою залитой плотинѣ, перебраться можно, рѣшились въ одну темную ночь, а именно 14 ноября, пуститься на сіе отважное предпріятіе и, сдѣлавъ для перехода нѣхотѣ чрезъ глубокия мѣста, въ скорости, на возлахъ мостъ, перевели ее благополучно чрезъ сію воду; чтожъ касается до конницы, то сіа, посадивъ за собою по гренадеру, переплыла вплавъ, и все сіе произведено было такъ тихо и такъ удачно, что наши узнали о томъ уже тогда, когда они удалились уже далеко и всему тому удивились до чрезвычайности.

Симъ-то образомъ воспослѣдовало по двадцати-трехъ-недѣльнымъ пребыванію, сіе славное и невѣроятное отшествіе прусскаго корпуса, и графъ Румянцовъ какъ-то, со всею бдительностію своею, оплошалъ и упустилъ изъ рукъ своихъ принца Виртенбергскаго, но за то могъ

ближе подойти къ крѣпости и утѣ-
 ъ ее со всѣхъ сторонъ сильнѣе преж-
 . Съ сего времени начали стрѣлять
 изъ сдѣланныхъ вновь батарей и
 шерин; генераль Голмеръ употреби-
 все, что только могъ, къ утѣсненію
 эти своею стрѣлбою. Но храбрый
 адъютантъ Гейденъ презиралъ все сіе,
 всѣ повторяемыя требованія сдачи
 ствовалъ только, что онъ до тѣхъ
 обороняться станеть, покуда будетъ
 о еще порохъ и хлѣбъ. И у него не
 ю на умѣ была оборона, сколько
 , которымъ его какъ принцъ Вир-
 тсбургскій, такъ и генераль Платенъ
 жи снабдить старались. Однако,
 всѣ ихъ старанія о томъ и по-
 были неудачны, но они вездѣ были
 вемы и недопускаемы, то наконецъ,
 ній гарнизонъ въ крѣпости начи-
 уже терпѣть великую нужду и не-
 окъ во всѣхъ потребностяхъ. Самыя
 ія войски, находящіяся въ Поме-
 были уже въ такомъ изнеможеніи,
 важныхъ предпріятіяхъ и освобож-
 города отъ осады, не можно было имъ
 зъ замышлять. Однако, несмотря на
 ринцъ Виртенбургскій испытывалъ
 цитъ къ городу. Ему хотѣлось-было
 пся съ нашими, но наши уклони-
 ть сраженія, и ему, за превосход-
 нъ нашихъ, не-можно было никакъ
 маться къ городу, хотя онъ и овла-
 было однимъ изъ нашихъ редутовъ,
 влечимъ пятьюстами человекъ. Сту-
 юло сего времени такъ была ве-
 что у пруссаковъ на семь похо-
 верзло 102 человекъ, да и вообще
 ихъ такъ былъ великъ, что они въ
 мѣсяцъ потеряли 1,100 человекъ,
 ворнусь ихъ, состоявшій изъ 30-ти
 оновъ пѣхоты, не имѣлъ въ себѣ
 и пяти тысячъ способныхъ къ обо-

время сей претерпѣваемой Коль-
 ть уже великой нужды въ провіантѣ,
 ось плыть мимо гавани его одно-
 етескому судну, идущему изъ Кё-
 рга въ Амстердамъ и нагружен-
 ожно, и бурѣ власно, какъ нарочно,

пригнать оное почти подъ самыя пушки
 города. Пруссаки непреминули овладѣть
 онымъ и почитали оное даромъ, сниспо-
 сланнымъ для нихъ отъ самого неба. И
 какъ сей хлѣбъ могъ прокормить ихъ еще
 нѣсколько времени, то продолжали они
 упорно обороняться, и комендантъ ве-
 глѣлъ всѣ стѣны и валы крѣпости улитъ
 водою, дабы при тогдашнихъ жестокихъ
 морозахъ они обледѣли и сдѣлались
 такъ скользки, что, въ случаѣ приступа,
 не можно было нашимъ никакъ удер-
 жаться на оныхъ, а сіе и было причиною
 тому, что всѣ дѣлаемые нами приступы
 были неудачны, и всякій разъ были отби-
 ваемы съ превеликимъ для насъ урономъ.

Все сіе и наступившая уже совершен-
 но зима съ снѣгомъ, покрывшимъ почти на
 аршинъ всю землю, причиняло и намъ
 неописанное безпокойство: ибо всѣ сол-
 даты принуждены были жить въ палат-
 кахъ и въ сдѣланныхъ на скорую руку
 кой-какихъ землянкахъ, и вытерпѣвать
 стужу и крайнюю нужду. Но какъ бы то
 ни было, но Румянцовъ никакъ не по-
 мышлялъ объ отступленіи и дождался на-
 конецъ до того, что Кольбергскій гарни-
 зонъ, поѣвши достальной хлѣбъ и отча-
 явшись получить себѣ вспоможеніе, при-
 нужденъ былъ наконецъ сдатьъ и отдать
 намъ на договоръ крѣпость, а себя воен-
 нопѣннымъ; что не прежде однако про-
 изошло, какъ уже послѣ нашего зимняго
 Николина дня и въ концѣ уже сего года.

Такимъ образомъ овладѣли мы нако-
 нецъ сею досадною крѣпостью, и всѣми
 своими трудами и великимъ урономъ въ
 людяхъ и во всемъ прочемъ, кромѣ без-
 славія, не приобрѣли себѣ никакой поль-
 зы, ибо позднее овладѣніе оною не по-
 служило намъ ни къ чему, а сверхъ то-
 го, и перешла она скоро опять въ руки
 пруссакамъ, какъ о томъ упомянется
 впоследствии. А снѣмъ и кончилась всѣ
 наши противъ пруссаковъ военныя дѣй-
 ствія.

Теперь, возвращаясь къ продолженію
 моей исторіи, скажу, что между тѣмъ,
 какъ все сіе въ Шлезіи и Помераніи про-
 исходило, продолжали мы по прежнему

ея столь опасными, что они за долгъ свой почли объявить, что императрица находится въ великой опасности жизни, что и побудило ее въ послѣдующій день исповѣдаться и приобщиться святыхъ тайнъ, а въ послѣдующій послѣ того день обороваться масломъ. И какъ между тѣмъ рвота и кашель продолжался непрерывно, то предусматривала она близкую кончину свою такъ достовѣрно, что передъ вечеромъ того дня приказала два раза прочесть обыкновенную отходную и оканчивала жизнь свою съ такимъ твердодушіемъ, что повторяла всѣ чувствительнѣйшія мѣста изъ молитвъ, читаемыхъ священникомъ, и испустила наконецъ духъ въ самый день Рождества Христова, то есть 25 декабря 1761 года.

Къ намъ пришло извѣстіе сіе въ ночь подъ 2-е число генваря 1762-го года, и я и помнѣ не могу позабыть, какъ поразился я, пришедъ въ сей день по утру въ канцелярію и услышалъ отъ встрѣтившагося со мною сторожа сіи печальныя вѣсти. Я остолбенѣлъ и болѣе минуты не зналъ что говорить и что дѣлать. Всѣ канцелярскіе наши находились въ такомъ же смущеніи духа, всѣ тужили и горевали о скончавшейся, всѣ желали ей царствія небеснаго и всѣ поздравляли другъ друга съ новымъ монархомъ, но поздравляли не столько съ радостнымъ, сколько огорченнымъ духомъ.

Родившись и проводивъ всѣ дни подъ кроткимъ правленіемъ женскимъ, всѣ мы къ оному такъ привыкли, что правленіе мужское было для насъ очень дико и ново и, какъ сверхъ того, всѣ мы слышались довольно объ особенностяхъ характера новаго государя и нѣкоторыхъ непріятныхъ чертахъ онаго, а притомъ и тайная связь его и дружба съ королемъ прусскимъ была намъ отчасти свѣдома, то всѣ мы не сомнѣвались въ томъ, что предстояли намъ тогда во всемъ превеликія перемѣны и что неминуемо будемъ имѣть и мы участіе въ оныхъ, и потому всѣ говорили тогда только объ одномъ томъ и всѣ готовились всякій день къ новымъ слухамъ и извѣстіямъ важ-

нымъ: въ чемъ ни мало и не обманулись. Ибо не успѣли всѣхъ насъ привести къ присягѣ и учинить въ послѣдующій день со всѣми бывшими въ Кѣнигсбергѣ нашими войсками, а потомъ и самими прусскими жителями, какъ на другой же день поражены мы были новымъ и неменѣе всѣхъ насъ перетревожившимъ извѣстіемъ. Получается именной указъ, которымъ повелѣвалось губернатору нашему, сдать тотчасъ команду и правленіе королевствомъ прусскимъ, бывшему тутъ генералу-поручику Панину, а самому ѣхать въ Петербургъ и въ Россію.

Таковая скорая и всего меньше ожидаемая смѣна нашему доброму, исправному и усердному губернатору, означавшая нѣкоторый родъ неблаговоленія къ нему отъ новаго государя, была намъ не только удивительна, но и крайне непріятна. Всѣ мы къ нему уже такъ привыкли и за кроткій и хорошій нравъ его такъ любили, что сожалѣли объ немъ искренно и такъ, какъ бы о родномъ своемъ. Всѣмъ намъ непонятно было, за что бы такое былъ на него такой гнѣвъ отъ государя, и, не зная истинной причины другого не заключали, что онъ негоденъ былъ государю потому, что во время правленія своего слишкомъ былъ уже усерденъ къ пользѣ государственной и не столько къ пруссакамъ былъ благосклоненъ, какъ его предшественникъ, но предпринималъ иногда дѣла, не совсѣмъ для нихъ пріятныя. Можетъ быть, говорили мы между собою, дошли на него о томъ какія-нибудь жалобы, или король прусскій не такъ имъ доволенъ былъ какъ прежнимъ, Корфомъ, и писалъ о томъ въ государю.

Что касается до его, то хотя и ему сіе неожиданное повелѣніе было неменѣе поразительно, но онъ перенесъ сей случай великодушно и, неизъявивъ ни малѣйшаго неудовольствія, тотчасъ команду и все правленіе новому губернатору сдалъ и въ немногіе дни собравшись, немедленно въ Россію отправился.

Мы вводили его всѣ со слезами на глазахъ и всѣ искренно благодарили его за хорошую команду и оказанныя ко всѣмъ

намъ милости и благопріятство. Онъ не преминулъ, при сдачѣ правленія, такимъ же образомъ водить новаго губернатора по всѣмъ нашимъ канцелярскимъ комнатамъ, и также всѣхъ бывшихъ подъ командою его, рекомендовать оному въ милость. Я не позабыть былъ также при семъ случаѣ, и г. Суворовъ, по любви своей ко мнѣ, расхвалилъ меня еще болѣе г. Панину, нежели сколько хвалилъ меня Корфъ ему. Но сей надменный и гордый вельможа казался все то ни мало не уважающимъ и не похотѣлъ удостоить никого изъ насъ даже единымъ своимъ словомъ. Таковая поступка не въ состояніи была насъ порадовать и не общала намъ много добра отъ губернатора новаго, а сіе увеличило еще болѣе сожалѣніе наше о г. Суворовѣ, который неоставилъ также снабдить всѣхъ насъ добрыми аттестатами и, прощаясь съ нами при отъѣздѣ, разцѣловать всѣхъ насъ дружески, при пожеланіи памъ всѣхъ блага на свѣтѣ. Въ особенности же былъ онъ отъменно ласковъ и дружелюбенъ ко мнѣ. Онъ проговорилъ со мною съ полчаса о разныхъ матеріяхъ, желалъ мнѣ всего добраго, совѣтовалъ продолжать свои науки и распрощался со мною, какъ отецъ съ сыномъ.

Такимъ образомъ, не думая не гадая, и въ самое короткое время, очутились мы подъ правленіемъ новаго и очень еще мало намъ знакомаго губернатора, и должны были къ нему привыкать и приравливаться во всемъ къ его праву. Сперва думали мы, что будетъ намъ при немъ гораздо хуже, однако скоро съ удовольствіемъ узнали, что онъ въ самомъ дѣлѣ не таковъ былъ строгъ и дуренъ, каковымъ намъ сначала показался, но что первымъ его поступкамъ противъ насъ причиною было то, что въ тогдашнее время у всѣхъ умы находились въ разстройкѣ и ему не до того было, чтобъ помышлять объ насъ и заниматься такими мелочами; но какъ первый чадъ прошелъ и онъ сколько-нибудь пооборкался, то увидѣли, что и онъ былъ добрый человекъ, заслуживающій къ себѣ отъ насъ лю-

бовь и почтеніе. Въ особенности же довольны мы были его адъютантомъ и наперсникомъ: сей офицеръ назывался Иваномъ Демидовичемъ Рогожинымъ, и будучи до того правителемъ его канцеляріи, имѣлъ и тогда участіе въ дѣлахъ канцелярскихъ. И какъ онъ былъ человекъ прямо добрый, ласковый и дружелюбный, то познакомились мы скоро, и я имѣлъ счастье свести съ нимъ короткую дружбу и приобрѣсть къ себѣ отъ него любовь искреннюю.

Неуспѣли мы сколько-нибудь оборкаться, какъ получается вдругъ опять требованіе всѣхъ отлучныхъ и повелѣніе о высылкѣ ихъ въ армію и къ полкамъ ихъ. Сіе растревожило меня вновь и смутило опять весь духъ мой, и тѣмъ паче, что я въ сей разъ не надѣялся уже никакъ отдѣлаться по прежнему и не сомнѣвался уже ни мало, что меня вмѣстѣ съ прочими выплюютъ въ армію. Съ одной стороны не могъ я возлагать ни малѣйшей уже надежды на губернатора, меня еще очень мало знающаго, а съ другой извѣстно мнѣ было то обстоятельство, что въ канцеляріи нашей можно было уже тогда обойтись и безъ меня, ибо г. Садовскій, при помощи моея, къ переводу такъ уже привыкъ, что могъ исправлять сію должность и безъ меня, а въ-третьихъ, видѣли уже мы, что во всей военной службѣ начпало пттить все инако и во всемъ наблюдалось уже болѣе строгости.

При таковыхъ обстоятельствахъ, не сталъ я долго уже и думать, но предпріялъ съ того же дня понемногу собираться къ отъѣзду и радовался тому, что не распроданы были у меня лошади и что моя повозка была исправлена и готова. Одно только то меня озабочивало и смущало, что полкъ нашъ находился тогда въ Чернышовскомъ корпусѣ при цесарской арміи и въ превеликой отъ насъ отдаленности. Ъзда въ такую даль и въ страны чуждыя была мнѣ очень непріятна, и потому, хотя сожалѣющимъ обо мнѣ и говорилъ тогда: «чтожъ? когда ѣхать, такъ ѣхать», но на сердцѣ у меня совѣмъ было не

то, и я охотнѣ бы остался еще долѣе тутъ, еслибъ только можно было; а къ превеликому удовольствію моему скоро и получилъ къ тому нѣкоторый лучъ надежды.

Тотъ же г. Чонжинъ, который прежде мнѣ такъ много помогалъ, непреминулъ, но любви своей ко мнѣ, и въ сей разъ мнѣ оказать свою услугу. Онъ, вѣдая расположеніе моихъ мыслей и нехотѣніе мое отлучиться изъ Кёнигсберга, безъ всякой моей о томъ, просьбы, переговорилъ обо мнѣ съ помянутымъ адъютантомъ Рогожиннымъ и насказалъ ему столько о моемъ нехотѣніи и боязни, что сей, полюбивъ уже меня, въ тотъ же часъ ко мнѣ прибѣжалъ и дружески мнѣ сказалъ: «И! братецъ! какъ тебѣ не стыдно, что озабочиваешься требованіемъ отлучныхъ и горюешь о томъ, какъ тебѣ ѣхать! У насъ прядь ли уже болѣе и война-то будетъ, а того и смотри, что миръ и полки возвратятся сами; успѣшь и тогда еще наслужиться, а между тѣмъ, поживи-ка ты братъ съ нами! Малый ты такой добрый! я ирано тебя полюбилъ». — «Хорошо, Иванъ Демидовичъ!» сказалъ я ему, поклонившись, «и вы меня очень одождаете своимъ благопріятствомъ, но какъ то еще угодно будетъ генералу, чтобъ неизволилъ приказать оны?» — «И, подхвативъ г. Рогожинъ: молси-ка, сударь. Богу, страшенъ сонъ, но милостивъ Богъ; у генерала замолвимъ и мы словцо-другое, и генералъ также чловѣкъ добрый и милостивый и насъ иногда слушаетъ».

Слова сіи послужили тогда мнѣ власно какъ нѣкакимъ лекарствомъ и успокоили мое волнующееся сердце. А вскорѣ послѣ того обрадовано оно было несравненно еще болѣе полученіемъ къ намъ того славнаго манифеста о вольности дворянства, которую благоугодно было новому государю облагодѣтельствовать все російское дворянство и приобрести себѣ тѣмъ вѣчную благодарность. Не могу изобразить, какое неописанное удовольствіе произвела сія бумажка въ сердцахъ всѣхъ дворянъ нашего любезна-

го отечества. Всѣ вспрыгались почти отъ радости и, благодаря государя, благословляли ту минуту, въ которую угодно было ему подписать указъ сей. Но было чему и радоваться. До того времени, все російское дворянство связано было по рукамъ и по ногамъ: оно обязано было все пеминуемо служить, и дѣти ихъ, вступая въ военную службу въ самой еще юности своей, принуждены были продолжать оную во всю свою жизнь и до самой своей старости, или, по крайней мѣрѣ, до того, покуда сдѣлаются калѣками или за дѣйствительными болѣзнями болѣе служить будутъ не въ состояніи; и во всю свою жизнь липаться домовъ своихъ, жить отъ родныхъ своихъ въ удаленіи и разлукѣ и видаться съ ними только при дѣлаемыхъ кой-когда имъ годовыхъ отпусковъ. Въ сихъ и въ командировкахъ изъ полковъ въ Москву для пріема аммуниціи, была вся ихъ и единственная отрада, а отставки были такъ трудны и наводили столько хлопотъ и убытковъ онымъ ищущимъ и добывающимся, что многимъ и помыслить о томъ было не можно. А посему посудите, каково было намъ всѣмъ служить, а особливо чувствовавшимъ себя перожденными къ военной жизни! Всѣ мы предавались обыкновенному отчаянію и всякій всего меньше помышлялъ о томъ, чтобъ ему жить нѣкогда можно было дома, и какова-жъ пріятна и радостна должна была быть для насъ та минута, въ которую узнали мы, что сняты были съ насъ помянутые узы и намъ дарована была совершенная вольность и отдано въ нашъ полный произволь, хотимъ ли мы вступить въ службу, или вѣтъ, а и служить только до того, покуда похочется; а въ случаѣ нехотѣнія служить болѣе, могли уже тотчасъ получать абшиты и отлучаемы быть въ свои дома и жилища!

Словомъ, всеобщая радость о томъ была неописанная; а какое дѣйствіе въ моей душѣ произвела сія драгоценная бумажка, того не могу уже я никакъ выразить. Я самъ себя почти не вспомнилъ отъ неописаннаго удовольствія и не вѣрилъ почти глазамъ своимъ при читаніи

оной. Я, полюбивъ науки и прильпвншисъ къ учености, возненавидѣлъ уже давно шумную и безпокойную военную жизнь и ничего уже такъ въ сердцѣ своемъ не желалъ, какъ удалиться въ деревню, посвятить себя мирной и спокойной деревенской жизни и проводить достальныя дни свои посреде книгъ своихъ и въ обществѣ съ музами: по до сего не могъ льститься и малѣйшею надеждою къ тому. Итакъ, судите сами, коль много долженъ былъ я обрадоваться тогда, какъ узналъ, что къ тому не только сдѣлалась возможность, но что могъ я службу свою оставить, когда мнѣ захочется.

Я положилъ съ того же часа учинить се действительно и дожидаться только до того, какъ учинятъ тому другіе начало. Ибо самому мнѣ первому въ отставку проситься и совѣстно еще было, и нехотѣлось. Въ семъ расположеніи мыслей и остался я уже смѣлѣе и спокойнѣе продолжать жить въ Кѣнигсбергѣ и ходить по прежнему всякій день въ канцелярію. Но тутъ голова моя занята была уже не столько дѣлами и переводами, сколько помышленіями о будущей своей деревенской жизни. Я исчислялъ уже въ умѣ своемъ всѣ пріятности оной и помышлялъ, какъ я ими наслаждаться буду, и веселился уже въ духѣ предварительно оными. Но могъ ли я тогда думать и ожидать, чтобъ съ послѣдующею затѣмъ первою почтою получитсѣ другая и такая бумага, которая въ состояніи будетъ всѣ помянутыя мои лестныя надежды вдругъ и единнымъ разомъ разрушить и повергнуть меня опять въ тысячу заботъ, сумнительствъ, досадъ и недоумѣній, и власно втолкнуть въ цѣлый лабиринтъ совѣмъ новыхъ и такихъ мыслей, какія мнѣ до того никогда и въ голову не приходили.

Было сіе, какъ теперь помню, перваго числа февраля, когда, пришедъ по обыкновенію своему поутру въ канцелярію и сядучи на своемъ мѣстѣ, увидѣлъ я цѣлую кучу пакетовъ, пронесенную мимо насъ въ судейскую. «Э! э! э! сколько!» вос-

кликнулъ я, удивившись, и, обратясь къ товарищамъ своимъ, продолжалъ: «новостей, новостей, небось, и тутъ превеликое множество, и нѣтъ ли опять писемъ отъ Ивана Тимоѣевича Балабина? не отпишетъ ли онъ опять чего-нибудь къ намъ хорошепьякого?» Ибо надобно знать, что сей прежній нашъ сотоварищъ и другъ не позабылъ насъ и, по приѣздѣ своемъ въ Петербургъ, понисывалъ перѣдко ко многимъ нашимъ канцелярскимъ, а въ томъ числѣ и ко мнѣ письма и увѣдомлялъ насъ о петербургскихъ новостяхъ и происшествіяхъ; а тогда въ особливости была у него безпрестанная переписка съ нашимъ ассесоромъ, чрезъ котораго выписывалъ онъ къ себѣ отъ насъ флеръ и кренъ черный, въ которомъ, по случаю дѣлаемыхъ къ погребенію императрицы приуготовленій въ Петербургѣ, сдѣлался недостатокъ и превеликая дороговизна; а какъ у насъ можно было купить его за бездѣлку и пересылать къ нему въ пакетахъ безданно безопасно, то и могъ онъ тамъ его проданать въдесятеро дороже и на томъ получать себѣ хороній прибытокъ. А какъ онъ притомъ увѣдомлялъ насъ и обо всемъ происходящемъ въ Петербургѣ, то всѣ письма его были для насъ крайне интересны и мы дожидались ихъ всегда съ превеликимъ любопытствомъ.

Не успѣлъ я поминутымъ образомъ съ товарищами своими о тогдашнихъ обстоятельствахъ разговориться и проводить въ томъ нѣсколько минутъ, какъ вдругъ выходитъ къ намъ нашъ ассесоръ Чонжинъ и, обратясь ко мнѣ, говоритъ: «Ну, братъ, теперь уже нечего дѣлать и теперь уже ѣхать молодцу хоть бы и нехотѣлось, — миновать уже никакъ нельзя. Прощай братъ, Андрей Тимоѣевичъ!» — Что такое? спросилъ я у него, не опять ли уже требованіе? — «Какое тебѣ требованіе, подхватилъ онъ, и цѣлый указъ о тебѣ именно, да откуда-жъ еще? Изъ самой военной коллегіи». — Что вы говорите? сказалъ я, почти оцѣпенѣвши, — не въ правду ли? — «Ей! ей!» — отвѣчалъ онъ и тотчасъ побѣжалъ опять въ судейскую

ибо въ самую ту минуту выбѣжалъ за нимъ сторожъ и звалъ его къ генералу, а я, оставшись, стоялъ какъ пень и не зналъ, что мнѣ говорить и о томъ думать. Меня подрало съ головы до ногъ, взволновалась во мнѣ вся кровь и стѣснилась такъ въ грудь мою, что я едва могъ переводить дыханіе. Но я не успѣлъ еще собраться съ духомъ и опаматоваться, какъ выбѣгаетъ г. Чонжинъ опять съ самымъ указомъ въ рукахъ и, бросивъ его ко мнѣ на столъ и сказавъ: «ва! вотъ прочти самъ, такъ увидишь!» — опять въ ту же минуту ушелъ въ судейскую. Дрожащими руками и съ трепещущимъ сердцемъ поднялъ я сію бумагу; но какимъ же новымъ и неизобразимымъ изумленіемъ поразился я, когда, начавъ не читать, а пожирать глазами писанное, увидѣлъ, что я пожалованъ былъ во флигель-адъютанты къ генералу-аншефу Корфу и что повелѣвалось меня отправить немедленно въ Петербургъ въ штатъ къ помянутому генералу.

«Господи помилуй! возопилъ я, и какъ же это такъ?» и, выпустивъ бумагу изъ рукъ, началъ креститься. Слова сіи, сказанныя вслухъ и сдѣлавшаяся во всемъ лицѣ моемъ отъ нечаяннаго извѣстія сія перемѣна, возбудила во всѣхъ случившихся подлѣ меня превеликое любопытство. Но никто такъ не интересовался тѣмъ, какъ сидѣвшій противъ меня товарищъ мой г. Садовскій. Сей, любя меня какъ истинный другъ, бралъ во всемъ относящемся до меня превеликое соучастіе и потому, любопытствуя болѣе всѣхъ, подхватилъ бумагу и не успѣлъ того же увидѣть, какъ вскочивъ со стула, началъ меня поздравлять съ новымъ чиномъ и желать мнѣ болѣе и болѣе и дальнѣйшаго еще повышенія. И тогда, менѣе нежели въ минуту, разсѣвается слухъ о семъ по всей канцеляріи и всѣ въ одинъ мигъ, и секретари, и подьячіе, и разночинцы, вскочивъ съ своихъ мѣстъ, прибѣгаютъ ко мнѣ и, окруживъ со всѣхъ сторонъ, радуются искренно моему благополучію и поздравляютъ меня съ онымъ.

«Батюшки мои! говорю я имъ: благодарю покорно васъ всѣхъ, но спросили бы вы напередъ, радъ ли я тому и желалъ ли всего этого?» Я и подлинно не зналъ тогда самъ: радоваться ли мнѣ или нечелиться болѣе о томъ, что случилось тогда со мною такое совсѣмъ нечаянное и всего меньше мною желаемое происшествіе. Съ одной стороны, хотя и веселило меня то, что я получилъ чрезъ сіе капитанскій чинъ; но какъ вспомнить, какого бѣспонаго права былъ нашъ генералъ прежній, г. Корфъ, какъ трудно и невозможно почти было ему во всемъ угождать и притомъ воображалъ себѣ всѣ тѣ труды и убытки, какіе долженъ я буду имѣть при экципрованіи себя въ семъ новомъ чинѣ и при отправленіи сей трудной должности, — то все сіе уменьшало невѣдомо какъ мою первую радость; а какъ кинулось мнѣ и то въ голову, что происшествіе сіе произвело непреборимую почти преграду воспріятному намѣренію моему итти въ отставку, то сіе еще и больше меня смутило и въ такую разстройку привело всѣ мои мысли, что я не слыхалъ почти, что мнѣ говорили и не зналъ, что имъ отвѣтствовать.

Посреди самаго сего моего недоумѣнія и замѣпательства мыслей вдругъ вбѣгаетъ къ намъ опредѣленный къ почтѣ офицеръ г. Багеутъ и, вынимая изъ кармана письмо, говоритъ мнѣ: «Отпусти братецъ! виноватъ я предъ тобою: давеча былъ здѣсь и не отдалъ тебѣ письма, позабылъ-было совсѣмъ и насилу уже теперь вспомнилъ». Съ превеликою жадностью и благодаря схватилъ я у него оное и увидѣвъ, что было отъ помянутаго г. Балабина, въ тотъ же мигъ читать началъ. Сей старинный мой знакомецъ и другъ увѣдомлялъ меня въ ономъ, что государю угодно было — по особенной милости и благоволенію своему къ его генералу — пожаловать его въ генералъ-аншефы и, сверхъ того, сдѣлать еще шефомъ одного кирасирскаго полку, и что какъ ему, какъ генералъ-аншефу, уже надобно было сформировать себѣ обыкновенно

венный штатъ, то угодно было ему сдѣлать его, Балабина, своимъ генеральска-адъютантомъ, а во флигель-адъютанты истребовать отъ военной коллегіи меня и князя Урусова. Далѣе, поздравляя меня съ тѣмъ, говорилъ онъ въ письмѣ своемъ, что генералъ сдѣлалъ все сіе по единой своей ко мнѣ благосклонности и приказалъ ему ко мнѣ отписать, что хотя-бъ и желалъ онъ, чтобъ я къ нему приѣхалъ скорѣе, однако, какъ у него уже одинъ флигель-адъютантъ есть, то что могу я нѣсколько и помедлить и не имѣю нужды слишкомъ сборами своими спѣшить, а исправлялъ себя исподоволь и постарался-бъ только приѣхать къ нему по зимнему тогдашнему пути и не упустить онаго.

Сіе сколько-нибудь меня еще поутѣшило и прежнее смущеніе мое уменьшило. Со-всѣмъ тѣмъ, безчисленныя хлопоты и убытки съ симъ чиномъ сопряженные, а равно и вождельнѣйшая мною отставка не выходяла у меня никакъ изъ ума. Но не успѣлъ я о семъ послѣднемъ вымолвить словъ двухъ или трехъ, какъ всѣ друзья мои и пріятели напустились на меня и начали со всѣхъ сторонъ тазать и осуждать, что я приближусь къ такимъ мыслямъ. И дурно то, говорили они, и неприлично, и ни мало не кстаети мнѣ, будучи такимъ молодымъ и такимъ дарованій и способностей человѣкомъ, помышлять объ отставкѣ, а особливо при такихъ обстоятельствахъ, когда открываεται мнѣ сама собою такая прекрасная прешпектива и я безсомнѣнно могу надѣяться произойти и далѣе въ люди и дослужиться даже самъ до чиновъ генеральскихъ. Однимъ словомъ, чтобъ я-таки и непомышлялъ нимаго объ отставкѣ, а съ Богомъ бы собрался и отправлялся въ Петербургъ.

Симъ и подобнымъ сему образомъ, говорили и уговаривали тогда всѣ мои друзья и знакомцы; а какъ и самому мнѣ то въ особенности казалось примѣчанія и уваженія достойнымъ, что произошло все сіе безъ всякаго моего о томъ домогательства и исканія, а само собою,

а всѣ такіе случаи издавна привыкъ уже я почитать величїями самыхъ небесъ и дѣйствїями текущаго обо мнѣ Промысла божескаго, и каковымъ послѣдовать безпрекословно полагалъ я себѣ во всю жизнь мою за пранило; то, подумавъ о томъ хорошенько и говоря самъ себѣ, что я нимаго не знаю, къ чему и на что все сіе дѣлается, и почему знать, можетъ быть Промыслъ божескій и дѣйствительно предпринимаетъ со мною что-нибудь особенное, и рѣшился наконецъ благословясь послѣдовать дѣлаемому мнѣ призыву охотно, и съ того же дня приступилъ къ приуготовленію себя къ возвращенію въ милое и любезное отечество и ко вступленію въ новую должность.

Меня спустили въ тотъ же день изъ канцеляріи и уволили отъ должности, которую я исправлялъ до того столько лѣтъ сряду и уже такъ къ ней привыкъ, что не хотѣлъ съ нею и разстаться, и какъ начался уже тогда февраль и времени до послѣдняго пути оставалось уже не много, то спѣшилъ я воспользоваться онымъ и, пришедъ на квартиру, началъ помышлять о всѣхъ нужныхъ приуготовленїяхъ какъ къ отъѣзду, такъ и къ экипированію себя хотя изъ-легка, на первый случай, и такъ, чтобъ мнѣ было, по крайней мѣрѣ, въ чемъ къ генералу моему явиться и исправлять свою должность.

Но не успѣлъ я тутъ въ подробности о томъ подумать, что и что мнѣ было необходимо надобно и безъ чего не можно мнѣ было никакъ обойтись, какъ ужаснулся я, увидѣвъ, что вещей сихъ набралось великое и такое множество, что на покупку и исправленіе и половины оныхъ у меня тогда не доставало денегъ. Надобна была мнѣ добрая лошадь; надобно было сѣдло со всѣмъ приборомъ; надобенъ былъ когда не два, такъ, по крайней мѣрѣ, одинъ новый кавалерійскій и уже сипій мундиръ; надобно было нѣсколько паръ добрыхъ сапоговъ; надобны были серебряныя шпоры и шляпа; надобенъ богатый золотой шарфъ и прочее. Сверхъ того нужно было поставить повозку на сани и искуить разныя другія

вужьямъ на тога дѣлать пруденциальнѣе, да и на то, какъ издежжеть и требованья имѣть. А извѣдъ и съ нами, т. е. сними, на зармане мѣся бѣдѣ гдѣ вужья бѣдѣ, а милостивы и на все не доумѣтъ и ея требованья не малые сумма, но у мѣня и пошлемъ ей не бѣдѣ и не зналъ, гдѣ мнѣ бѣдѣ бѣдѣ жить бѣдѣ, ибо что кака-то то отержанія себя въ Петербургѣ и то тамовенныя ели множественныя издежжеть, то издѣвая я вужьямъ бѣдѣ, въ томъ казисвалъ трудъ и издежжеть и въ сревны, а до того времени не сомнѣвалъ, что обогнать мѣня и генерала, каковыя бѣдѣ, а что бы могли они повѣсть, гдѣ въ мѣнѣ прибаву, то съ вервою же поговоръ послалъ я письмо о томъ черезъ Москву къ живущему въ деревнѣ гдѣ моему родному и просилъ его потребовать отъ прикащика моего сколько можно бѣдѣ денегъ и перевести ко мнѣ чрезъ кого-нибудь въ Петербургъ.

Итакъ, не зная гдѣ взять нужныя для годнаго времени деньги, изобрѣдался я невѣдомо какъ; но какиѣ же удовольствіемъ поразился я, когда, открывшись въ томъ старшему изъ слугъ своихъ, былъ отъ него, противъ всякаго чаянія и ожиданія моего, утѣшенъ и успокоенъ. «Вотъ какая бѣда!» сказалъ онъ мнѣ: «денегъ! — да сколько вамъ ихъ, сударь, надобно?» — «По меньшей мѣрѣ, рублей сто, Яковъ!» сказалъ я. «И! баринъ! подхватилъ онъ, такъ невольте, сударь, тужить о томъ и горевать; у меня цѣлыхъ полтора ста есть, что мнѣ съ ними дѣлать? возьмите ихъ, сударь, и употребляйте, на что вамъ угодно, а мнѣ когда-нибудь ихъ отдадите уже, а теперь на что мнѣ они».

Не могу никакъ изобразить, сколь много обрадовалъ онъ меня симъ предложеніемъ и сколь чувствительно мнѣ было въ тогданней моей нуждѣ сдѣланное имъ мнѣ сими деньгами вспоможеніе! Никогда не забуду я сей его услуги, которая мѣня тогда сколько обрадовала, столько и удивила: ибо я никакъ не зналъ и никакъ не думалъ, чтобъ у него могло

быть столько денегъ. При вопрошеніи-жъ чинаго въ тогданней послалъ такое множество денегъ, сказалъ онъ мнѣ: «Гдѣ! да развѣ не въ казеннѣ, сударь, знать, что я, бываю на казеннѣ квартирѣ, во все время казеннѣ напей мнѣсь, переторговывалъ и шайма и, покупая оныхъ у казеннѣ, оныхъ извожжеть дешевоу цѣнѣ, продавалъ ихъ зѣвшимъ пруденциальнѣе мужикамъ съ барышникомъ, иногда дѣлалъ большими, иногда маленькимъ, какъ и дѣлалъ, а какъ и не пью и не могу, то не только содержать себя самъ во все сіе время барышамъ, не требуя отъ васъ себѣ ни полущки, но вотъ сколько и скопилъ себѣ еще ихъ по милости вашей. А какъ я, сударь, и самъ вашъ, то и вольте ихъ взять, и я радъ, что они у мѣня на сію пору случились».

И не могъ, чтобъ не расхвалить его за бережливость и благодарилъ искренно за его важную услугу. Съ мѣня свалилась тогда, власно какъ гора вѣвая, и какъ у мѣня съ сими сдѣлалось тогда денегъ довольно на все надобности, то въ мигъ закипѣло все и все. Тотчасъ поспѣлъ у мѣня мундиръ, тотчасъ и все прочее, и осталось еще довольно ихъ на расплату и на дорогу.

Не менѣе удивилъ мѣня и старикъ, мой хозяинъ, которому весьма охотно хотѣлъ я заплатить какъ за кормленіе мѣня и поеніе чаемъ и кофеемъ, такъ и за мытье моего и употребленіе его бѣлья. Онъ и старушка, его жена, руками и ногами воспротивились тому, какъ я принесъ имъ цѣлѣя пригоршни рублей и просилъ ихъ, чтобъ они взяли изъ нихъ сколько имъ угодно. «Сохрани насъ отъ того Боже!» закричали они: чтобъ мы взяли съ васъ, г. капитанъ, хоть одинъ грошъ за кушанье и прочее. Мы никакъ не разорились отъ того, и намъ было сіе совсѣмъ нечувствительно; а мы и безъ того такъ довольны вами, что не можемъ вамъ никакъ того изобразить. Если-бъ стоялъ у насъ не вы, а кто-нибудь иной изъ вашихъ, то чего бы не было съ нами и съ дѣтьми нашими. Мы несчастны бы были люди и не того-бъ могли лишиться. Нѣтъ!

нѣтъ! Бога ради! Возьмите это назадъ и не обижайте насъ этимъ. Насъ Богъ пропитаетъ и безъ того, а вамъ сгодятся они на дорогу. Путь дальній и до Петербурга отсюда недалеко; а намъ дозволяете имѣть то удовольствіе, что мы услужили вамъ за всю вашу дружбу и благопріятство къ намъ сею бездѣлкою». Что мнѣ было тогда дѣлать? Я, сколько ни старался ихъ уговорить, чтобъ они сколько-нибудь взяли, но они несогласились никакъ на то, и такъ меня добродушіемъ расстрогали, что я со слезами на глазахъ обнявъ обоихъ старичковъ и изъявлялъ имъ мою чувствительность и благодарность, а они непременно поступить и далѣе; но передъ отъѣздомъ не только наготовили мнѣ всякой провизіи на дорогу, но перемыли и перечинили все мое бѣлье, а которое показалось имъ худо, тѣ тайкомъ перешили и добавили недостававшее своимъ и просили слугу моего, чтобъ мнѣ о томъ не сказывать.

Вотъ какихъ добродушныхъ, честныхъ и благодарныхъ людей случилось мнѣ имѣть у себя хозяевами; но надобно сказать и то, что были они не пруссаки, а природные швейцары.

Подобное-жъ почти тому происходило, когда я предъ отъѣздомъ въ послѣдній разъ пришелъ къ учителю своему, г. Вейману, прощаться. Не могу изобразить, съ какимъ сожалѣніемъ онъ со мною разставался и съ какимъ усердіемъ желалъ, чтобъ я былъ счастливъ и благополученъ. Я хотѣлъ также возблагодарить его за всѣ его труды и стараніе, прося принять отъ меня сверточекъ червонцевъ; но онъ ни подъ какимъ видомъ на то несогласился, какъ я и ожидалъ того, и на силу на силу преклонилъ я принять въ подарокъ отъ меня кадыцкій тулупъ, который купилъ я у нашихъ притѣжкихъ русскихъ купцовъ, да и сей убѣдилъ я его принять только тѣмъ, что увѣрилъ его, что онъ у меня не купленный, а присланный ко мнѣ изъ деревни, и что прошу его принять только для того, чтобъ, нося его, могъ онъ вспоминать объ уче-

никѣ своемъ. Онъ раздѣловалъ меня за то, и протеръ утирая слезы, текуція изъ глазъ его. Такъ свыклись-было мы съ нимъ и столь много любилъ онъ меня всегда.

Наконецъ, какъ все было уже исправлено и къ отъѣзду готово, то, раскланявшись съ генераломъ, отъ котораго, по краткости времени, не видалъ я ни худа ни добра, пригласилъ я къ себѣ всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ и, подчивавъ ихъ на прощанье хорошенько разными винами и прочимъ, чѣмъ могъ, распрощался я со всѣми ими и съ плачущими, добродушными хозяевами, отправился наконецъ въ путь свой.

Не могу никакъ изобразить, съ какими чувствованіями выѣзжалъ я изъ сего города и какъ распрощался со всѣми лицами, по которымъ я ѣхалъ, и со всѣми знакомыми себѣ мѣстами. Вся внутренность души моей преисполнена была нѣжкими нѣжными чувствами и я такъ былъ всѣмъ тѣмъ расстроганъ, что едва успѣвалъ утирать слезы, текуція противъ хотѣнія изъ глазъ моихъ. Меньшой изъ гг. Олиныхъ, нашихъ юнкеровъ, и со товарищъ мой г. Садовскій, рѣшились проводить меня до самыхъ воротъ города. Оба они болѣе всѣхъ меня любили и обоимъ ихъ почиталъ я наилучшими своими друзьями. Чего и чего не говорили мы съ ними въ сіи послѣднія минуты и какихъ увѣреній не дѣлали мы другъ другу о продолженіи любви и дружества нашего! Я условился съ обоими ими переписываться изъ Петербурга, и сдержалъ свое слово въ разсужденіе перваго. Чтожъ касается до г. Садовскаго, то небу угодно было лишить его жизни прежде, нежели могъ онъ получить и перваго письма моего къ себѣ изъ Петербурга. Онъ занемогъ черезъ вѣсколько дней послѣ моего отъѣзда, и жестокая горячка похитила у меня сего друга и преселила въ вѣчность. Мы разстались тогда съ нимъ и съ г. Олинымъ, смочивъ взаимно лица наши слезами, и я всего меньше думалъ; что прощаюсь съ первымъ уже на вѣки.

Какъ скоро отъѣхалъ я версты двѣ отъ города и въѣхалъ на знакомый мнѣ холмъ, съ котораго можно было городъ сей мнѣ въ послѣднѣя видѣть, то предчувствуя, что мнѣ его никогда уже болѣе не видать, восхотѣлось мнѣ еще разъ на него хорошенько насмотрѣться. Я велѣлъ слугѣ своему остановиться, и, привставъ въ кибиткѣ своей, съ цѣлюю четверть часа смотрѣлъ на него съ чувствами вѣжливости, любви и благодарности. Я пробѣгалъ мыслями все время пребыванія моего въ немъ, воспоминалъ всѣ прїятныя и веселыя дни, препровожденные въ ономъ, изчислялъ всѣ пользы, прїобрѣтенныя въ немъ, и бесѣду съ нимъ душевно, молча говорилъ: «Прости, милый и любезный градъ, и прости на вѣки! Никогда, какъ думать надобно, не увижу я уже тебя болѣ! Небо да сохрани тебѣ отъ всѣхъ злыхъ, могущихъ случиться надъ тобою, и да изліетъ на тебя свои милости и щедроты. Ты былъ мнѣ полезенъ въ моей жизни; ты подарилъ меня сокровищами безцѣнными; въ стѣнахъ твоихъ сдѣлался я челомъкомъ и спозналъ самого себя, спозналъ міръ и все главнѣйшее въ немъ; а что всего важнѣе, спозналъ Творца моего, его святой законъ и стезю, ведущую къ счастью и блаженству истинному. Ты возвелъ меня на сей путь священный и успѣлъ уже дать почувствовать мнѣ всѣ прїятности онаго. Сколько драгоценныхъ и радостныхъ минутъ проводилъ я уже въ тебѣ! Сколько дней, преисполненныхъ веселіемъ, прожито въ тебѣ мною, градъ милый и любезный! Никогда не позабуду я тебя и время, прожитое въ нѣдрахъ твоихъ! Ежели доживу до старости, то и при вечерѣ дней моихъ буду еще вспоминать всѣ прїятности, которыми въ тебѣ наслаждался. Слеза горячая, текущая теперь изъ очей моихъ, есть жертва благодарности моей за все и все, полученное отъ тебя! Прости на вѣки!»

Сказавъ сіе и бросившись въ кибитку, велѣлъ я слугѣ своему продолжать путь свой, и хотя болѣе уже не могъ его видѣть, но мысли объ немъ не выходили у

меня изъ головы во весь остатокъ дня того.

Такимъ образомъ, выѣхавъ я наконецъ изъ Кѣнигсберга, проживъ въ ономъ цѣлѣе почти четыре года и снискавъ въ немъ себѣ дѣйствительно много добра истиннаго, а что всего для меня прїятнѣе было, то выѣхавъ съ сердцемъ неотягощеннымъ горестію, а пренеполненнымъ прїятными и лестными для себя надеждами. Ибо хотя бы ничего дальнаго со мною не послѣдовало, такъ веселило меня и то уже несказанно, что я ѣхалъ не въ полкъ и не на войну, но возвращался въ свое отечество, которое за короткое предъ тѣмъ время не надѣялся и увидѣть когда-нибудь. Мысль сія, также воображеніе, что ѣхалъ я служить въ столицу, гдѣ имѣть буду случай видѣть государя, дворъ и все знаменитѣйшее въ свѣтѣ, услаждала много всѣ трудности тогдашняго путешествія моего и дѣлала мнѣ оное вдвое прїятнѣйшимъ.

Впрочемъ, ѣхать намъ было тогда и хорошо и дурно; ибо какъ выѣхавъ я уже въ началѣ марта, а именно 4-го числа сего мѣсяца, и поѣхавъ къ Мемелю прямою зимнею дорогою, такъ-называемымъ Черунгомъ, или тою длинною, пустою песчаною косою, которая, начавшись неподалеку отъ Кѣнигсберга, простирается до самаго Мемеля и, отдѣливъ собою часть моря, составляетъ славный Курскій Гафъ, или Мемельскій заливъ морской, то не вездѣ находили мы спѣгъ, но въ иныхъ мѣстахъ привуждены были тащиться по голому песку и раскаиваться въ томъ, что поѣхали сею дорогою. А какъ на другой день дошло до того, что намъ надобно было переѣзжать помянутый Курскій Гафъ, или заливъ морской, поперекъ по льду, то раскаяніе наше увеличилось еще и болѣе. Заливъ сей хотя и былъ по жестокости тогдашней зимы покрытъ льдомъ и снѣгомъ, но какъ ледъ сей далеко не таковъ толстъ и крѣпокъ былъ какъ на рѣкахъ, то переѣзжать по немъ черезъ заливъ всегда было не безъ опасности, и тѣмъ наче, что то и дѣло дѣлалось на

немъ превеликія трещины и вода, выступая изъ-подо льда, разливалась иногда на зватное разстояніе по поверхности онаго. Я не прежде о томъ узналъ, какъ уже въѣхавши на оный и тогда, когда поздно было уже возвращаться. И какъ шириною въ семь мѣстѣ былъ оный заливъ болѣе десяти верстѣ и дорожка проложена чрезъ него узенькая и во многихъ мѣстахъ едва примѣтная, было же тогда уже передъ вечеромъ, какъ мы чрезъ него пустились, то истинно души во мнѣ почти не было до тѣхъ поръ, покуда мы его не переѣхали.

Во многихъ мѣстахъ припуждены мы были не ѣхать, а тащиться по напоявшемуся водою глубокому снѣгу; во многихъ другихъ ѣхать по водѣ и столь нудѣ глубокой, что я того и смотрѣлъ, что мы гдѣ-нибудь либо проломимся и пойдемъ на морское дно со всею повозкою своею, или огряземъ такъ, что намъ и выдраться будетъ не можно и мы всю пожитъ свою подмочимъ и попортимъ. А раза два дѣйствительно мы такъ огрязали, что промучились болѣе часа и насилиу выбрались. Къ явшему несчастію не случилось тогда никакихъ другихъ ѣздовыхъ, ни встрѣчныхъ, ни попутныхъ, и въ случаѣ несчастія не могли мы ожидать ни отъ кого помощи; приближающія же сумерки нагоняли на насъ еще болѣе страха и ужаса. Я сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ въ своей повозкѣ и сжавъ сердце, крѣпился сколько могъ, чтобъ не оказать предъ людьми своими уже непожѣрной робости, а во внутренности своей призывалъ Бога и всѣхъ святыхъ себѣ на помощь. Но все мое твердодушія исчезло, какъ приѣхали къ одному мѣсту, чрезъ которое не знали какъ и перебраться. Трещина была тутъ превеликая и столь широкая, что лошадамямъ надобно было чрезъ нее перепрыгивать, а выступившая по обѣимъ сторонамъ вода была почти на поларшина глубиною. Увидѣвъ сіе, не только я, но и люди мои оробѣли совершенно, и всѣ мы не знали, что дѣлать и начать. Что касается до меня, то я перетрусился всѣхъ болѣе, и

какъ вода была ни глубока и какъ было ни холодно, но рѣшился выттичь изъ кибитки и переходить по водѣ чрезъ трещину пѣшкомъ, а вмѣстѣ со мною пересигнулъ ее и мой Абрашка; что-жь касается до Якова, то сей, перекрестясь и надѣясь на доброту лошадей, пустился прямо чрезъ ее на отвагу, и былъ столь счастливъ, что переѣхалъ ее благополучно и ни одна лошадь не оступилась, но всѣ пересигнули чрезъ нее не зацѣпившись и перетащили повозку, какъ она ни грузна была. Я не вспомнилъ тогда самъ себя отъ радости, крестился и благодарилъ Бога, что перенесъ онъ насъ чрезъ опасное сіе мѣсто благополучно и позабывъ горевать о томъ, что ноги мои были почти по колѣна обмочены и забли немилосердно. Я скинулъ скорѣй сапоги съ себя и укутавъ ихъ въ шубу, старался какъ можно посогрѣть ихъ. Но по счастью было тогда не далече уже отъ берега и отъ селенія на берегу онаго сидѣннаго. Мы поспѣшали туда какъ можно, но не прежде приѣхали, какъ уже въ самыя сумерки, и рады были невѣдомо какъ, что нашли для переночеванія себѣ спокойную и теплую квартиру, гдѣ могли мы отогрѣться и дать отдохнуть выбившимся почти изъ силъ лошадамямъ нашимъ.

Переночевавъ тутъ и позабывъ всѣ опасности, пустились мы въ послѣдующій день далѣе и доѣхали до города Мемеля, а было это уже 7-го марта, а на другой день, переѣхавъ узкій уголокъ Жмудин, отдѣляющій Пруссію отъ Курляндіи, въѣхали въ оную, и продолжая благополучно путь, доѣхали 12-го числа до столичнаго курляндскаго города Митавы. Какъ въ семь мѣстѣ никогда еще мнѣ бывать не случилось, то смотрѣлъ я съ особливимъ любопытствомъ на сіе древнее обиталище курляндскихъ герцоговъ и жилище прежде бывшей нашей императрицы Анны Ивановны, а особливо на отсутвнній огромный тамовній замокъ или дворець, построенный Бирономъ, и о которомъ молва носилась, что была въ немъ пѣкогда цѣлая ком-

пата, намощенная виѣсто поза установленными слошъ на ребро рублевиками. Правда ли то, или нѣтъ, того уже не знаю, но какъ бы то ни было, но могъ ли я тогда воображать себѣ, что доживу до такого времени, въ которое сей замокъ оправится и что будетъ въ немъ нѣкогда имѣть убѣжище себѣ несчастный и выгнанный изъ отечества король французскій и что мы его на своемъ кошгѣ тутъ содержать будемъ.

Отправившись изъ Митавы, доѣхали мы 13-го числа и до границъ любезнаго отечества нашего. Не могу изобразить, съ какими особыми чувствами въѣзжалъ я въ сіи милые предѣлы и съ какими удовольствіемъ смотрѣлъ я на мѣста, которыя памяты и знакомы были мнѣ отъ самаго даже малолѣтства. Я благодарилъ Бога, что вывелъ меня цѣла изъ войны бѣдственной и опасной и возвратилъ благополучно въ земли, принадлежація уже Россіи, и въ тотъ городъ, гдѣ поконился прахъ дѣда моего. Я благословлялъ его мысленно, пожелалъ ему дальнѣйшаго покоя и продолжая путь, замыслилъ было отыскать ту мызу, гдѣ оставлены были нѣкоторые изъ моихъ пожитковъ и ящичъ съ книгами, въ то время, когда выходили мы въ походъ въ Пруссію; но какъ не нашель скорости никого, кто-бъ меня туда проводить могъ, а притомъ сомнѣвался, чтобъ мнѣ безъ того человѣка оныя отдали, который отдавалъ тогда ихъ, а сдѣлавшаяся отшельница утрашала меня скорою распутицею, то, поспѣвая моею ѣздою, поклонился я въ мысляхъ бѣднымъ своимъ пожиточкамъ и книгамъ и пожелавъ ими владѣть тѣмъ, у кого онѣ были, поѣхалъ далѣе.

Въ городѣ Вальмерахъ, куда приѣхалъ я 15-го марта, съѣхался я къ превеликому удовольствію моему съ другомъ и знакомцемъ своимъ Иваномъ Тимооесвичемъ Писаревымъ, самымъ тѣмъ, о которомъ упоминалъ я уже прежде и съ которымъ познакомился я въ Кеннигсбергѣ. Онъ возвращался также изъ Пруссіи, но пробирался уже въ Москву и въ свою

деревню, ибо былъ уже отстраненъ. Я завидовалъ почти ему въ томъ и считалъ его счастливымъ, что ѣдетъ уже на покой въ деревню и воздохнулъ о себѣ, не зная когда-го то же будетъ и со мною. Впрочемъ, какъ надлежало ему болѣе стверсть ѣхать по одной со мною дорогѣ, то радъ я былъ очень его сотовариществу. Я уже упоминалъ, что былъ онъ человѣкъ любопытный, охотникъ до чтенія книгъ, а особливо до благочестія относящихся, и довольно начитанный, и какъ само сіе въ Кеннигсбергѣ насъ спознакомило и съ нимъ сдружило, то для лучшаго и веселѣйшаго препровожденія въ ѣздѣ времени, условились мы пересѣсться и ѣхать съ нимъ въ одной повозкѣ, дабы тѣмъ удобнѣе было намъ между собою разговаривать. И чего и чего мы тогда съ нимъ не говорили! Словомъ, разговоры были у насъ съ нимъ о разныхъ и все важныхъ матеріяхъ безпрерывные, а за ними и не видали мы почти дороги.

Наконецъ разстались мы съ нимъ, препроводивъ въ дорогѣ нѣсколько дней вмѣстѣ и не только возобновивъ, но утвердивъ еще болѣе между собою дружество. Онъ, услышавъ куда и зачѣмъ я ѣду, и будучи меня гораздо старѣе и въ свѣтѣ опытиѣ, не оставилъ снабдить меня многими добрыми и полезными софтвами, и я обязанъ ему за то довольно много.

Вскорѣ послѣ того доѣхалъ я до Дерпта, а потомъ до Нарвы. и ѣдучи чрезъ всю Лифляндію и Эстляндію, по самой той дорогѣ, по которой нѣсколько разъ во время младенчества и малолѣтства моего хаживали мы съ полкомъ нашимъ, напоминалъ всѣ тогдашнія времена и узнавая многія мѣста и почтовые дворы, въ которыхъ мы съ покойнымъ родителемъ моимъ станвали, взиралъ на нихъ съ нѣкакимъ приятнымъ чувствованіемъ и удовольствіемъ особливымъ. Въ особенности же разстроганъ я былъ тѣмъ мѣстомъ въ Дерптѣ, гдѣ я въ первый разъ въ жизни разставался съ моею матерью и которое было мнѣ очень памятно; а на Нарву, зная уже всю исторію оной и что съ нею

въ прежнія времена происходило, не могъ я смотрѣть безъ особливаго чувствованія и пріятнаго любопытства.

Наковецъ 24-го числа марта и почти въ самую половодъ доѣхалъ я благополучно до Петербурга. Но какъ съ сего времени начинается новый и достопамят-

нѣйшій періодъ моей жизни, то отложивъ говорить о томъ до письма будущаго, теперешнее симъ кончу, сказавъ вамъ, что я емь вашъ и прочая.

КОНЕЦЪ ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

(7 нояб. 1801).

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ IX.

(сочинена 1800, переписана 1805 года).

ИСТОРИЯ МОЕЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ СЛУЖБЫ.

Письмо 91-е.

Любезный пріятель! Описавъ въ предсѣдующихъ письмахъ и въ послѣднихъ частяхъ собранія оныхъ всю исторію моей военной службы и достопамятнаго моего пребыванія въ Пруссіи и жительства въ Кёнигсбергѣ, приступаю теперь къ сообщенію вамъ исторіи моей петербургской службы, которая не можетъ почтена быть военною, а была особенная, и хотя кратковременная, но по многимъ отношеніямъ не менѣе достопамятна, какъ и военная.

Продолжалась она во все время царствованія императора Петра III—время, которое въ исторіи всѣхъ земель, а особливо нашего отечества, останется на вѣки достопамятнымъ.

И какъ мнѣ, почти всему происходившему тогда у насъ въ Петербургѣ, случилось быть самовидцемъ, и многія происшествія и обстоятельства у меня еще въ свѣжей памяти; то, можетъ быть, извѣстія и описанія онымъ или, по крайней мѣрѣ, всего того, что случилось мнѣ тогда самому видѣть и узнать, будетъ

для васъ и для тѣхъ изъ потомковъ моихъ, коимъ случится читать сіи письма, не менѣе интересны и любопытны, какъ и всѣ прежнія, къ чему теперь и приступаю.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ остановился я на томъ, что приѣхалъ изъ Кёнигсберга въ Петербургъ, а теперь, продолжая повѣствованіе мое, прежде всего замѣчу, что случилось сіе на канунѣ самаго Благовѣщенья и что вѣзжалъ я въ сей городъ съ чувствами особливыми и такими, которыя никакъ изобразить не могу—вамъ извѣстно уже, по какому случаю и зачѣмъ я тогда ѣхалъ въ сію столицу.

Я послѣдовалъ къ прежнему своему начальнику, генералъ-аншефу Корфу, отправлявшаго тогда должность генерал-полицеймейстера въ Петербургѣ, и ѣхалъ для служенія при немъ флигель-адъютантомъ, въ которую должность угодно было ему меня избрать и отъ военной коллегіи истребовать, ибо въ тогдашнія времена имѣли всѣ генералы право въ штаты свои выбирать кого они сами похотятъ, и военная коллегія обязана была

безприсловно давать имъ оныхъ и выписывать ихъ откуда бы то ни было, а такимъ точно образомъ истребовалъ и выписанъ былъ и я.

Вы знаете также, что произошло сіе безъ всякаго моего о томъ домогательства и желанія. Я, живучи въ мирѣ и въ тишинѣ въ Кёнигсбергѣ и занимаясь своими учеными упражненіями, всего меньше о томъ думалъ и помышлялъ, и совсѣмъ не зналъ о семъ требованіи и опредѣленіи до самаго полученія о томъ изъ военной коллегіи указа. такъ какъ и понынѣ не знаю, какъ сіе собственно произошло, и самъ-ли генералъ сіе вздумалъ и затѣялъ, или побужденъ былъ къ тому бывшимъ при немъ адъютантомъ, пріятелемъ моимъ, господиномъ Балабинымъ. Но какъ бы то ни было, по я былъ опредѣленъ безъ всякаго отобранія напередъ на то моего согласія, которое едва-ли бы воспослѣдовало, еслибъ вздумалось имъ напередъ спросить меня о томъ, хочу ли я или нѣтъ быть въ сей должности и отправлять ону; ибо бѣшеннѣй и самый строптивнѣй нравъ и страннѣй характеръ сего вельможи былъ мнѣ такъ коротко извѣстенъ и такъ для меня устрашительнъ, что я никакъ не похотѣлъ бы добровольно подвергнуть себя всѣмъ суровостямъ и жестокостямъ его, еслибъ меня спросили, а особливо при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда всѣ мысли мои заняты уже были помышленіями объ отставкѣ и возмущеніи всѣхъ пріятностей деревенской уединенной жизни. А потому и тогда бѣжалъ я въ Петербургъ сколько хотѣніемъ, столько-жъ и не съ хотѣніемъ; ибо сколько съ одной стороны сколько ласкала меня та мысль, что буду служить при знаменитомъ вельможѣ, который находился тогда въ особенной милости у Государя, и служить въ такой должности и чинѣ, который доставлять мнѣ будетъ случай видѣть весь дворъ и все до того мною невиданное и неизвѣстное, и чрезъ самое то многія удовольствія, столько, съ другой стороны, устрашали меня предсудриваемые необъятные труды и, по дурнотѣ характера ге-

неральскаго, самыя непріятности и досады, съ сою должностію сопряженныя.

При такихъ обстоятельствахъ не успѣлъ я, приближившись къ Петербургу, усмотрѣть впервые золотыя спицы высокихъ его башенъ и колоколенъ, также видимый изъ далека и превозвышающій всѣ кровли верхній этажъ, установленный множествомъ статуй, понаго дворца зимняго, который тогда только-что отдѣливался, и коего я никогда еще не видывалъ; какъ видъ всего того такъ для меня былъ поразителенъ, что вострепало сердце мое, изволновалась вся во мнѣ кровь и въ головѣ моей, возобновясь помышленія обо всемъ вышеупомянутомъ, въ такое движеніе привели всю душу мою, что я, вздохнувъ самъ въ себя, мысленно возопіялъ: «О градъ! градъ пышный и великолѣпный!.. Паки вижу я тебя! паки наслаждаюсь зрѣніемъ на красоты твои! Каковъ-то будешь ты для меня въ пышнѣйшій разъ? До сего бывалъ ты мнѣ всегда пріятенъ! Ты видѣлъ меня въ нѣдрахъ своихъ младенцемъ, видѣлъ отрокомъ, видѣлъ въ юпошескомъ цвѣтущемъ возрастѣ и всякій разъ не выдавалъ я въ тебѣ ничего, кромѣ добра! Но что-то будетъ нынѣ? Счастіемъ ли какимъ ты меня наградишь, или въ несчастіе свергнешь? И то и другое легко быть можетъ! Я вѣзжаю въ тебя въ неизвѣстности сущей о себѣ! Почему знать, можетъ быть ожидать уже въ тебѣ многія и такія непріятности меня, которыя заставятъ меня проклинать ту минуту, въ которую пришла генералу первая мысль взять меня къ себѣ; а можетъ быть будетъ и противное тому, и я минуту сію благословлять стану».

Сими и подобными собесѣдованіями съ самимъ собою занимался я во все время вѣзжанія моего въ Петербургъ. Но наконецъ одна духовная ода славнаго и любимаго моего нѣмецкаго пѣвца Куноса, ода, которую во всю дорогу я твердилъ наизусть и которая, пачинаясь сими словами: «Есть Богъ, пекущійся обо мнѣ, а я, я смущаюсь и горюю и хочу самъ щещися о себѣ», невѣдомо какъ много

ободряла и подкрѣпляла меня при смутныхъ обстоятельствахъ тогдашнихъ, — прогнала и разсѣяла и въ сей разъ, какъ вихремъ прахъ, всѣ смутныя помышленія мои и произвела то, что я въѣхалъ въ городъ сей съ спокойнымъ и радостнымъ духомъ.

Мое первое попеченіе было о томъ, чтобъ прискаты себѣ на первый случай какую-нибудь квартирку, ибо прямо къ генералу на дворъ въ кибиткѣ своей приѣхать мнѣ не хотѣлось. И хотя и не сомнѣвался въ томъ, что долженъ буду жить въ его домѣ, однако все-таки хотѣлось мнѣ, на первый случай, обострожить гдѣ-нибудь поблизости его на особой квартиркѣ и явиться къ нему не рохлею дорожнымъ, а убравшись и снарядившись.

И потому, по приближеніи къ дому его, бывшему на берегу рѣки Мойки, велѣлъ я квартирку себѣ поискать, а по счастью и нашли мнѣ ее тотчасъ, хотя нанпростѣйшую, но довольно уже изрядную и такую, что какъ послѣ оказалось, что я въ мысляхъ своихъ обманулся и мнѣ въ генеральскомъ домѣ помѣститься было негдѣ, и я долженъ былъ стоять на своей квартиркѣ, то я на ней и остался, и стоить до самаго моего выѣзда изъ Петербурга, будучи въ особенноти доволенъ тѣмъ, что она была близка отъ дома генеральскаго и притомъ не дорогая.

На другой день, и какъ теперь помню, въ день самаго Благоуѣшенія, вставши поранѣе и желая застать генерала еще дома, и убравшись получше и надѣвъ свой новый кавалерійскій мундиръ, пошелъ я къ генералу явиться и пришедъ въ домъ, стараясь прежде всего распроевѣдать, гдѣ-бы мнѣ можно было найтись господина Балабина.

Меня провели къ нему въ другія маленькія хоромы, бывшія на дворѣ, и онъ не успѣлъ меня завидѣть, какъ бѣжалъ ко мнѣ съ распростертыми руками, говоря: «Ахъ! другъ ты мой сердечный. Андрей Тимоѣевичъ! какъ я радъ, что ты наконецъ къ намъ приѣхалъ; мы въ прахъ тебя уже заждались и не знали,

что о тебѣ и думать, — боялись, что не сдѣлалось ли уже чего съ тобою при те-перечней половоди! — Ну, скажи же ты мнѣ, мой другъ!... продолжалъ онъ, меня обнимая и много разъ цѣлуя; все ли ты здорово и благополучно ѣхалъ? всѣ ли живы и здоровы наши кѣнигсбергскіе друзья и знакомцы? какъ они поживаютъ? и помнить ли меня?» — Все, все хорошо и слава Богу! отвѣчалъ я, и кѣнигсбергскіе паши всѣ живы и здоровы, всѣ вѣсть по прежнему еще любятъ и всѣ велѣли вамъ кланяться. — «Ну, пойдемъ же, мой другъ, пойдемъ къ генералу, подхватилъ онъ. Онъ будетъ очень радъ, тебя уви-дѣвъ, и у насъ не было дня, въ который бы мы съ нимъ о тебѣ не говорили». — Хорошо, сказала я и пошелъ за нимъ, туда меня поведшимъ.

Мы вошли генерала въ его кабинетъ, чешущаго волосы и убирающихся, съ стоящимъ предъ нимъ секретаремъ поллицейскимъ и держащимъ подъ мыпкою превеликій пукъ бумагъ.

Не успѣлъ генералъ увидѣть вошедшаго меня въ комнату свою, какъ, обрадовавшись, возопилъ онъ: «Ахъ! вотъ и ты, Болотовъ! слава, слава Богу, что и ты приѣхалъ! мы взгоревались-было уже о тебѣ, мой другъ! Какъ это ты по такой распутицѣ ѣхалъ? Поди, поди мой другъ и поцѣлуемся...»

Я подбѣжалъ къ нему и, будучи крайне доволенъ толь ласковымъ его приемомъ, благодарилъ его за оказанную имъ мнѣ милость. — «Не за что! не за что! подхватилъ онъ: а я сдѣлалъ то, чѣмъ тебѣ быть долженъ. Ты заслужилъ то, чтобъ тебя намъ помнить, и я очень радъ, что могъ тебѣ сдѣлать сіе маленькое, на первый случай, благоуѣяніе. Поживемъ, мой другъ, еще вмѣстѣ, и я не сомнѣваюсь, что ты, по прежней дружбѣ и по любви своей ко мнѣ, постараешься и нынѣ поступками и поведеніемъ своимъ оправдать хорошее мое о тебѣ мнѣніе». Я кланялся ему и увѣрялъ, что употребляю всѣ силы и возможности къ тому, чтобъ заслужить дальнѣйшее его къ себѣ благоуоленіе и милость. «Хорошо, мой другъ!

подхватилъ онъ: я и не сомнѣваюсь въ томъ; но скажи же ты мнѣ теперь, какъ поживали вы безъ меня въ нашемъ любезномъ Кёнигсбергѣ? Довольны ли вы были Васильемъ Ивановичемъ? и что подѣлывали тамъ хорошенькаго?»

Сіе подало намъ тогда поводъ къ продолжному разговору. Онъ спрашивалъ меня обо всемъ, а я рассказывалъ ему что знать, и о чемъ ему болѣе знать хотѣлось. Наконецъ спросилъ онъ меня, гдѣ же я остановился? «На квартирѣ», сказалъ я. — «Но для чего же не ко мнѣ прямо на дворъ изѣхалъ, мы нашли бы, можегь быть, мѣстечко, гдѣбъ тебя помѣстить, хотя и тѣсненько, правду сказать, у меня въ домѣ». Я обрадовался, сіе услышавъ, ибо надобно сказать, что мнѣ самому не весьма хотѣлось жить у него въ домѣ и быть всегда связаннымъ и по рукамъ, и по ногамъ, а на квартирѣ надѣялся я имѣть сколько-нибудь болѣе свободы, а потому и отвѣчалъ я, что я могу стоять и на квартирѣ. — «Очень, очень хорошо! подхватилъ онъ: но скажи, по крайней мѣрѣ, не далеко-ли она? и не будетъ-ли тебѣ затрудненія всякій день ко мнѣ оттуда ѣздить?» — «Очень близко, отвѣчалъ я: и чрезъ нѣсколько только дворовъ отъ вашего дома». — «Всего лучше, подхватилъ онъ: по хороша-ли и покойна-ли она». — «Хороша, ваше высокопревосходительство!» — «Ну, такъ поживи же ты, мой другъ, покуда на оной, а тамъ мы уже посмотримъ, а между тѣмъ о содержаніи своемъ ни мало не заботься. Кушать ты здѣсь у меня кушай, а лошадей-то... небось, ты вѣдь на своихъ приѣхалъ?» — «На своихъ», сказалъ я. — «Лошадей-то можешь ты всѣхъ распродать; на что тебѣ онѣ здѣсь? а оставь только одну, на которой тебѣ со мною ѣздить, да и той велика ты брать кормъ съ моею конюшни, а не покунай и не убычься».

И благодарилъ его за сію милость, а генералъ, начавъ осматривать между тѣмъ меня съ ногъ до головы и увидѣвъ, что на мнѣ не было шпоръ, сказалъ: «Жаль, что нѣтъ на тебѣ теперь шпоръ, а то

хотѣлъ-было я поручить тебѣ теперь же маленькую комиссію, и чтобъ ты съѣздить на минуту во дворецъ». Я извинялся въ томъ, сказывая, что я пришелъ пѣшкомъ, и того не зналъ, и что нѣтъ теперь со мною лошади. «Лошадь бездѣлица!» — сказалъ онъ. — «Ею бы мы тебя уже снабдили... но постой, продолжалъ онъ, шпоры-то есть и у меня излишнія. Подай-ко, малый, мои маленькія серебряныя господину Болотову!.. А ты, мой другъ! обратясь къ одному полицейскому офицеру, продолжалъ онъ: ссуди-ка насъ, пожалуйста, на нѣсколько минутъ своею лошадкою, ей ничего не сдѣлается, а послать-то мнѣ очень нужно!» — «Съ превеликою радостію!» отвѣчалъ офицеръ. — «Лошадь готова!» и пошелъ приказывать подавать ее, а слуга, между тѣмъ, отыскавъ шпоры, надѣвалъ ихъ на мои ноги. Я стоялъ и, простирая ему свои ноги, мысленно заботился о томъ, какъ бы мнѣ получше исполнить первое возлагаемое на меня дѣло. Упомянутый генераломъ дворецъ возмущалъ во мнѣ весь духъ мой: какъ не бывалъ я еще отъ роду никогда во дворцѣ, то былъ онъ мнѣ тогда такъ страшенъ, какъ медвѣдь, и я не зналъ, какъ къ нему и приступить, и подѣхать.

Но смущеніе мое еще болѣе увеличилось, какъ между тѣмъ, какъ надѣвали на меня шпоры, генералъ далѣе сказалъ: «Вотъ какое дѣло, зачѣмъ хотѣлось бы мнѣ, чтобъ ты, мой другъ, во дворецъ съѣздить. Мнѣ хочется, чтобъ ты распроедалъ и узналъ, что государь теперь дѣлаетъ и чѣмъ занимается?...» Слова сіи поразили и смутили меня еще болѣе. — «Вотъ тебѣ на! говорилъ я самъ въ себѣ, и первый бливъ уже кожомъ! и не напастъ-ли сущяя? ну какъ это мнѣ тамъ и у кого распроедывать?—никого-то я тамъ не знаю и ни къ кому приступить, вѣрно, не посмѣю! Ахъ! какое горе!»

Говоря симъ и подобнымъ сему образомъ самъ въ себѣ, готовился-было я прямо сказать генералу, что комиссію поручасмую имъ мнѣ, я, по новости сво-

ей, врядь-ли могу еще исполнить, но, по счастью, онъ самъ, взглянувъ на меня, смущеніе мое примѣтилъ, и власно какъ опомнившись, мнѣ сказалъ: «Да, вѣдь вотъ еще! ты, надѣюсь, не бывалъ еще во дворцѣ, и ни положенія его и ничего не знаешь?»—«Точно такъ! ваше превосходительство! подхватилъ я: — и когдажъ мнѣ еще и бывать? Я приѣхалъ вчера въ вечеру и нигдѣ еще не былъ».

«Хорошо-жъ, сказалъ онъ: такъ я дамъ кого-нибудь тебя проводить и указать то заднее крылечко, къ которому надобно тебѣ подъѣхать, а я тамъ, какъ поступить, дамъ тебѣ наставленіе». — «Очень хорошо!» — сказалъ я.—«А вотъ какимъ образомъ, продолжалъ онъ: — какъ взойдешь ты на сіе крылечко и маленькія тутъ стѣнцы, то войди въ двери на лѣво и въ маленькій покоецъ. Тутъ найдешь ты столцаго часового, и ты постой тутъ и подожди, покуда войдетъ какой-нибудь изъ придворныхъ лакеевъ: и тогда попроси ты, чтобъ вызвали къ тебѣ искусенно Карла Ивановича Шпрингера. И если-таки сказать ему, что ты присланъ отъ меня къ нему. И какъ онъ къ тебѣ выйдетъ, то поклонись ему отъ меня, но смотри-жъ говори съ нимъ по-нѣмецки, а не по-русски, и скажи, что я велѣлъ просить распроевѣдать о томъ, что теперь государь дѣлаетъ, и чѣмъ занимается, и весель-ли онъ? и чтобъ онъ далъ чрезъ тебя мнѣ знать о томъ, и буде онъ тебѣ прикажетъ подождать, то подожди». — «Хорошо!» сказалъ я и, взявъ въ проводники ординарца, поѣхалъ.

Не могу изобразить вамъ, съ какими чувствами и подобострастіемъ приближался я въ первый сей разъ къ сему обиталищу нашихъ монарховъ; мнѣ казалось, что самыя стѣны его имѣли въ себѣ нѣчто величественное и священное, и еслибъ не было со мною проводника, ведущаго меня смѣло къ крыльцу тому, то я не только бы не нашелъ онаго, но и не осмѣлъ бы подъѣхать къ нему; но тогда шелъ я какъ по писанному, и пашедъ назначенный малевкій покоецъ и въ немъ часового, попросилъ его, чтобъ онъ по-

казалъ, если войдетъ туда какой придворный лакей. И какъ мнѣ не долго было дожидаться его, то по просьбѣ моей и вызванъ былъ ко мнѣ Карлъ Ивановичъ. Онъ былъ какой-то изъ придворныхъ и, по всему видимому, такой, который могъ свободно входить во внутренніе царскіе чертоги, и не усмѣлъ услышать отъ меня, чего генералу моему хочется, какъ сказалъ мнѣ: «Подождите, батюшка, немножко здѣсь, я тотчасъ схожу и провѣдаю».

И дѣйствительно, онъ, не болѣе какъ минутой черезъ нить, опять ко мнѣ вышелъ и велѣлъ Корфу сказать, что государь занимался тогда разговорами съ господниномъ Волковымъ, тогдашнимъ штатсъ-секретаремъ и министромъ, и, какъ думать надобно, о дѣлахъ важныхъ, и что въ сей день врядь-ли онъ будетъ свободнымъ, и притомъ былъ онъ во все утро не гораздо веселъ. Я привезъ извѣстіе сіе моему генералу и онъ былъ исправленіемъ порученной мнѣ комиссіи очень доволенъ, и какъ въ самое то время докладывали ему, что былъ столъ готовъ, то сказалъ онъ мнѣ: «пойдемъ же, мой другъ, теперь и пообедаемъ, а тамъ поди себѣ отдыхать съ дороги, а ко мнѣ приѣзжай уже завтра поутру».

Я нашелъ у него столъ, накрытый челоуѣкъ на двадцать, и множество людей изъ залъ его ожидающихъ. Мы тотчасъ сѣли за столъ, и господинъ Балабинъ, стѣнни подлѣ меня, рассказалъ мнѣ обо всѣхъ тутъ бывшихъ. Были тутъ всѣ мои новыя сотоварищи, или разные штатъ его составляющіе чиновники: были нѣкоторые полицейскіе офицеры, изъ коихъ попеременно всегда бывалъ одинъ при генералѣ и ѣзжалъ всюду и всюду ординарцемъ и служилъ для разсылки по полицейской части; были нѣкоторые кирасирскіе полку его офицеры; были иностранцы, коихъ содержалъ генералъ на своемъ почти коштѣ, были и посторонніе; и я узналъ, что генералъ жилъ тогда въ Петербургѣ, хотя далеко не такъ пышно и весело, какъ въ Кеннигсбергѣ, но столъ былъ у него всегда открытый

и хорошій, и всегда накрывался приборъ на двадцать и болѣе, несмотря хотя когда генераль не обѣдалъ дома, а гдѣ-нибудь въ гостяхъ, или во дворцѣ у государя.

По окончаніи стола, какъ скоро генераль ушелъ въ свою спальню для отдохновенія, а мы все остались еще въ залѣ, то обступили меня все, штатъ генеральскій составляющіе, и г. Балабинъ, какъ нашъ генеральскій-адъютантъ, разсказывалъ мнѣ обо всѣхъ, кто они таковы, и рекомендовалъ меня изъ нихъ каждому. Былъ тутъ нашъ оберъ-квартирмейстеръ Гагигъ, былъ оберъ-аудиторъ Ушаковъ, былъ генеральскій приватный секретарь Шульцъ, и наконецъ сотоварищъ мой, другой флигель-адъютантъ князь Урусовъ — все они были люди совѣтъ еще мнѣ незнакомые, но все люди добрые, ласковые, все ласкались ко мнѣ вслѣдствіи, и все старались со мною познакомиться. Я соотвѣтствовалъ имъ тѣмъ же и рекомендовалъ себя всякому въ дружбу.

Но ни съ кѣмъ я такъ скоро не познакомился и не сдружился, какъ съ помилуемымъ генеральскимъ секретаремъ, господиномъ Шульцомъ. Былъ онъ человѣкъ молодой, хорошаго поведенія, и притомъ студировавшій въ университетахъ и довольно ученый.

Онъ не успѣлъ узнать, что я говорю по-пѣмецки и охотникъ къ наукамъ, какъ тотчасъ прильнулся ко мнѣ, вступилъ со мною въ разные разговоры, повелъ меня въ свои комнаты, въ которыхъ онъ жилъ въ домѣ генеральскомъ, показывалъ мнѣ маленькую свою библіотечку, и увидѣвъ меня крайне любознательнымъ, и все книги его, которыхъ такъ-было довольно, съ великою жадностію пересматривающаго, предлагалъ мнѣ ее къ услугамъ и умирялъ, что онъ за удовольствіе почтетъ, если я всегда, когда мнѣ будетъ досужно, посѣщать его стану въ сихъ комнатахъ, и праздное время препровождать съ нимъ вмѣстѣ: чѣмъ я и доволенъ былъ въ особенности, и впоследствии времени подружившись съ нимъ короче, и дѣйствительно всегда, когда мнѣ толь-

ко было можно, ухаживалъ къ нему, и тамъ съ лучшимъ удовольствіемъ провождалъ время, нежели въ передней генеральской, гдѣ мы обыкновенно сидѣвали, дожидаясь ежеминутно повелѣній отъ генерала, и нерѣдко въ праздности, не безъ скуки и зѣвочки, время по нѣсколько часовъ иногда провождали.

Изъ всѣхъ нашихъ штатскихъ, сей секретарь жилъ только одинъ въ генеральскомъ домѣ, а прочіе все также, какъ и я, стояли на своихъ квартирахъ: для него же отведены были два покоя на другомъ концѣ дома, который и весь былъ не слишкомъ великъ, поземный деревянный, и стоялъ на берегу рѣки Мойки, въ недалекомъ разстояніи отъ тогдашняго дворца. Что касается до сего императорскаго дома, то былъ тогда также деревянный и не весьма хотя высокій, но довольно просторный и обширный, со многими и разными флигелями. Но дворецъ сей былъ не настоящій и построенный на берегу Мойки, подлѣ самаго полицейскаго моста, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ воздвигнуть нынѣ огромный и великолѣпный домъ для дворянскаго собранія или клуба. Онъ былъ временный и построенъ тутъ для пребыванія императорской фамилии на то только время, покада строился тогда большою Зимній Дворецъ, подлѣ адмиралитетства, на берегу Невы рѣки, который, существуя и по нынѣ, былъ обиталищемъ великой Екатерины, и который тогда только-что отстроивался, и говорили, что государь намѣренъ былъ вскорѣ переходить въ оный.

Въ семь-то деревянный дворецъ пре-проводила послѣдніе годы жизни своей и скончалась покойная императрица Елисавета Петровна.

О кончинѣ ея носились тогда разные слухи, и были люди, которые сомнѣвались и не вѣрили тому, чтобъ сдѣлавшаяся у ней и столь жестокая рвота съ кровью была натуральная, но приписывали ее нѣкакому современному злодѣйству, и подозрѣвали въ томъ какъ-то короля прусскаго, доведеннаго послѣднимъ го-

дами войны до такой крайности и изнеможения, что онъ не былъ болѣе въ состоянн продолжать войну и полугодичное время, еслибъ мы по прежнему имѣли въ ней соучастіе. Письмо друга его, маркиза д'Аржанса, писанное къ нему въ то время, когда находился онъ въ рукахъ нашихъ, и то таинственное изреченіе въ ономъ, что голландскому посланнику, случившемуся тогда быть въ Берлинѣ, удалось сдѣлать ему королю такую услугу, за которую ни онъ, ни всѣ потомки его не въ состоянн будутъ ему довольно возблагодарить, и увѣдомленіе о которой не можетъ онъ вѣрить бумагѣ, — было для многихъ перазрѣшимю загадкою и подавало поводъ къ разнымъ подозрѣніямъ. Но единому Богу извѣстно, справедливы ли были всѣ сн подозрѣнія, или сохѣмъ были неосновательны.

Но какъ бы тони было, но мы лишились монархини сей не при старыхъ еще ея лѣтахъ, и прежде нежели всѣ мы думали и ожидали. И какъ она была государыня вроткая, милостивая и человѣколюбивая и всѣхъ подданныхъ своихъ какъ мать любила, а сверхъ того и во все почти двадцатилѣтнее время благополучнаго ея царствованія, Россія наслаждалась возжелѣннѣйшимъ миромъ и благоденствіемъ, то и сама любима была искренно всѣми ея подданными и не было никого изъ нихъ, кто-бъ не жалѣлъ о ея ранвоременной кончинѣ. Самые иностранные почитали ее и писатели ихъ приписывали ей многія похвалы и описывали характеръ ея слѣдующими чертами:

«Роста была она, говорили они, нарочито высокаго и станъ имѣла пропорціональный, видъ благородный и величественный; лицо имѣла она круглое, съ пріятною и милостивою улыбкою, цвѣтъ лица бѣлый и живой, прекрасные голубые глаза, маленькій ротъ, алыя губы, пропорціональную шею, но вѣсколько толстоватя дани, а руки прекрасныя. Когда случалось ей одѣваться въ мужское платье, что обыкновенно дѣлывала она въ день учрежденія своей гвардіи, то представляла собою очень красиваго

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1871 г.

и статнаго мужчину, имѣющаго героическую походку, сидящаго прекрасно на лошади и танцующаго съ пріятностію. Внутреннія ея душевныя дарованія были не менѣе благородны и изыщны. Она имѣла живой и проницательный умъ и столь хорошіи разсудокъ, что обо всемъ могла говорить съ основательностію и охотно разговаривала. Кромѣ природнаго своего языка, говорила и она разными иностранными, въ особенности же могла хорошо изъясняться на нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ, а разумѣла и италіанскій. О благоразумномъ и осторожномъ поведеніи ея свидѣтельствуютъ поступки ея тогда, когда была она, по кончинѣ императора Петра II, исключена отъ наслѣдства. Благоразуміе ея подкрѣплялось мужественнымъ постоянствомъ и героическою смѣлостію. Она знала, какъ по правиламъ правосудія наказывать виновныхъ, такъ по правиламъ благоразумія прощать оныхъ, а невинныхъ избавлять отъ наказанія. Религія производила въ ней глубокія впечатлѣнія собою. Она была набожна безъ лицемерства и уважала много публичное богослуженіе. Одежда ея и убранствы, также ея пиршества, изъявляли хорошіи ея вкусъ. Она любила науки и художества, а особливо музыку и живописное искусство, и потому собрала множество наипривлекательнѣйшихъ картинъ. Великодушіе ея сердца и признательность къ вѣрнымъ ея служителямъ не могъ никто довольно выхвалить. Коротко, она была образцовая монархиня, въ которой соединены были всѣ свойства великой государыни и правительницы, хвалы достойной».

Вотъ какими чертами изображали иностранные характеръ сей монархини. Изъ россіянъ же нѣкоторые приписывали ей уже болѣе слабости и мягкости въ правленіи, нежели сколько имѣть бы надлежало и утверждали, что отъ самаго того по время правленія ея вкралось въ государство множество всякаго рода злоупотребленій, и что нѣкоторыя изъ нихъ пустили столь глубокіе корни, что и помочь тому и истребить ихъ было уже

трудно, что отчасти нѣкоторымъ образомъ было и справедливо, а особливо относительно до послѣднихъ годовъ ея правленія.

Но какъ бы то ни было, но сожалѣніе о кончинѣ ея было всеобщее, и тѣмъ паче, что всѣ какъ-то не великую надежду возлагали на ея наслѣдника, и ожидали отъ него не столько добра, сколько неприятнаго, что, въ истинному сожалѣнію, и дѣйствительно оказалось.

Впрочемъ, по кончинѣ и спустя дней двадцать и погребена была она со всею подобающею и приличною такой великой монархини пышною церемоніею, въ Петропавловскомъ соборѣ, гдѣ покоился прахъ великаго ея родителя; однако я всего того уже не засталъ и все сіе было уже кончено прежде, нежели я доѣхалъ до Петербурга.

Теперь слѣдовало бы мнѣ сказать вамъ, что-нибудь и о тогдашнемъ новомъ нашемъ государѣ и ея наслѣдникѣ и прежде продолженія моей исторіи изобразить хотя вскользь характеръ и сего монарха, а потомъ хотя вкратцѣ пересказать вамъ то, что происходило въ Петербургѣ со времени начала вступленія на престолъ его до моего приѣзда; но какъ матерія сей наберется на цѣлое особое письмо, а сіе достигло уже до обыкновенной своей величины, то отложилъ я то до письма будущаго, а теперешнее окончу, сказавъ, вамъ что я емь, и прочая.

Письмо 92-е.

Любезный пріятель! Въ послѣднемъ моемъ письмѣ остановился я на томъ, что хотѣлъ вамъ пересказать все то, что извѣстно было мнѣ о характерѣ новаго тогдашняго нашего императора, и о проишествіяхъ, бывшихъ до приѣзда моего въ Петербургъ. И какъ все сіе нѣкоторымъ образомъ нужно для объясненія послѣдующаго описанія моей исторіи, то и приступлю теперь къ сему описанію.

Всѣмъ извѣстно, что былъ сей государь хотя и внукъ Петра Великаго, но не природной россіянинъ, но рожденный

отъ дочернего Анны Петровны, бывшей въ замужствѣ за голштинскимъ герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ, въ Голштиніи, и воспитанный въ лютеранскомъ законѣ, слѣдовательно былъ природою нѣмецъ, и назывался сперва Карломъ-Петромъ Ульрихомъ.

Сей голштинскій принцъ былъ еще въ 1742 году, я когда было ему только 14 лѣтъ отъ рожденія, признаваемъ наслѣдникомъ шведскаго и россійскаго престола, и получалъ уже отъ Швеціи титулъ королевскаго высочества. Но какъ императрица Елисавета, будучи незамужнею, не имѣла никакого наслѣдника, а сей принцъ былъ родной ея племянникъ, то избравъ и назначивъ его по себѣ наслѣдникомъ, выписала его еще вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ изъ Голштиніи, и онъ былъ еще тогда привезенъ къ намъ въ Россію. Тутъ, по принятіи греческаго закона, названъ онъ Петромъ Федоровичемъ, и вскорѣ потомъ, а именно въ 1744 году, совокупленъ бракомъ на выписанной также изъ Германіи, нѣмецкой ангалтъ-цербской принцессѣ Софіи Аугусты, названною потомъ Екатериною Алексѣевною, отъ котораго супружества имѣлъ онъ уже въ живыхъ одного только, рожденнаго въ 1754 году, сына Павла.

Но особливому несчастію случилось такъ, что помянутый принцъ, будучи отъ природы неслишкомъ хорошаго характера, былъ и воспитанъ еще въ Голштиніи не слишкомъ хорошо, а по привезеніи къ намъ въ дальнѣйшемъ воспитаніи и обученіи его сдѣлано было приставаніе къ нему великое упущеніе; и потому съ самаго малолѣтства заразился уже онъ многими дурными свойствами и привычками и возросъ съ нарочито уже испорченнымъ нравомъ. Между сими дурными его свойствами было по несчастію его наглавнѣйшимъ то, что онъ какъ-то не любилъ россіянъ и приѣхалъ уже къ нимъ власно, какъ со врожденною къ нимъ ненавистью и презрѣніемъ; и какъ былъ онъ такъ неостороженъ, что не могъ того и скрыть отъ окружающихъ его, то са-

ное сіе и сдѣлало его съ самаго приѣзда уже неприятнымъ для всѣхъ нашихъ знатнѣйшихъ вельможъ и онъ вперилъ въ нихъ къ себѣ не столько любви, сколько страха и боязни. Все сіе и неосторожное его поведеніе и произнело еще при жизни императрицы Елисаветы многихъ ему тайныхъ недруговъ и недоброхотовъ, и въ числѣ ихъ находились и такіе, которые старались уже отторгнуть его отъ самаго назначеннаго ему наслѣдства. Чтобы надежде успѣть имъ въ своемъ намѣреніи, то употребляли они къ тому разные пути и средства. Нѣкоторые старались умшленно, не только поддерживать его въ невоздержностяхъ всякаго рода, но заводить даже въ новыя, дабы тѣмъ удобнѣе недопускать его заниматься государственными дѣлами и увеличивали ненависть его къ россиянамъ до того, что онъ даже не въ состояніи былъ и скрывать оную предъ людьми. Къ вѣщему несчастію не имѣлъ онъ съ малолѣтства никакой почти склонности къ наукамъ и не любилъ заниматься ничѣмъ полезнымъ, а что и того было хуже, не имѣлъ и къ супругѣ своей такой любви, какая бы быть должна была, но жилъ съ нею не весьма согласно. Ко всему тому совокупилось еще и то, что какимъ-то образомъ случилось ему сдружиться по заочности съ славившимся тогда въ свѣтѣ королемъ прусскимъ и заразиться къ нему непотѣрною уже любовью и не только моченіемъ, но даже подобоострастіемъ самымъ. Многие говорили тогда, что помогло къ тому много и вошедшее въ тогдашнія времена у насъ въ слязное употребленіе масонство. Онъ введенъ былъ какъ-то льстецами и сообщниками въ невоздержностяхъ своихъ въ сей орденъ, а какъ король прусскій былъ тогда, какъ извѣстно, грандъ-метромъ сего ордена, то отъ самаго того и произошла та отнѣнная связь и дружба его съ королемъ прусскимъ, поспѣшествовавшая потомъ такъ много его несчастію и самой пагубѣ. Что молва сія была неосвѣтъ несправедлива, въ томъ случилось имъ самому удостовѣриться. Будучи еще

въ Кѳнигсбергѣ и зашедъ однажды предъ отъѣздомъ своимъ въ домъ къ лучшему тамошнему переплетчику, засталъ я печально тугъ цѣлую шайку тамошнихъ масоновъ и видѣлъ собственными глазами поздравительное къ нему писъмо, писанное тогда ими именемъ всей тамошней масонской ложи; а что съ королемъ прусскимъ имѣлъ тогда онъ тайное спомненіе и переписку, производимую чрезъ нашего генерала Корфа и любовницу его графиню Кейзерлингшу, и что отъ самого того отчасти происходили и въ войнѣ нашей худыя успѣхи, о томъ намъ всѣмъ было по слухамъ довольно извѣстно; а наконецъ подтверждало сіе нѣкоторымъ образомъ и то, что повсемѣстная молва, что наслѣдникъ былъ масономъ, побуждала тогда весьма многихъ изъ нашихъ вступать въ сей орденъ и у насъ никогда такъ много масоновъ не было, какъ въ тогдашнее время.

Но какъ бы то ни было, но всѣмъ было извѣстно, что онъ отнѣнно любилъ и почиталъ короля прусскаго. А сія любовь, соединясь съ разстройкою его нрава и въоренившимся глубоко въ сердцѣ его ненавистію къ россиянамъ, произвела то, что онъ при всякихъ случаяхъ хулилъ и порочилъ то, что ни дѣлала и не предпринимала императрица и ея министры. И какъ государыня сія съ самаго уже начала прусской войны сдѣлалась какъ-то нездорова и подвержена была частымъ болѣзненнымъ припадкамъ и столь сильнымъ, что не одинъ разъ начинали опасаться о ея жизни, то неусумнился онъ изъяслять даже публично истинное свое расположеніе мыслей и даже до того позабывался, что при всѣхъ такихъ случаяхъ, когда случалось нашей арміи или союзникамъ нашимъ претерпѣвать какой-нибудь уронъ или потерю, изъяслялъ онъ первый мнимое сожалѣніе свое министрамъ крайне насмѣхательнымъ образомъ. Легко можно заключить, что таковыя насмѣшки его и шныяныя неприятны были какъ министрамъ нашимъ, такъ и всѣмъ россиянамъ, до которыхъ доходилъ слухъ объ ономъ, и что таковое поведе-

ніе наслѣдника престола производило въ нихъ боязнь и опасеніе, чтобъ не произошли отъ того въ то время печальныя слѣдствія, когда вступить онъ въ правленіе и получить власть безпредѣльную.

Опасеніе сіе тѣмъ болѣе обезпокоивало нашихъ министровъ, что они предусматривали, что нѣкоторые изъ нихъ за недоброхотство свое къ нему будутъ жестоко отъ него тогда наказаны, а сіе и побудило нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстить императрицу обо всемъ беспорядочномъ житіи и поведеніи ея племянника, о маломъ его стараніи учиться наукъ правленія и о ненависти его къ російскому народу, и довели императрицу до того, что велѣно было отлучить его отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ и недопускать болѣе въ конференцію, или тогдашній государственный совѣтъ. И какъ чрезъ то не осталось ему ничего другого дѣлать, какъ заниматься своими веселостями, то и дѣлалъ онъ къ правленію отъ часу песнобнѣйшимъ. Итакъ, при сихъ обстоятельствахъ было ему совсѣмъ и невозможно узнать самыя фундаментальныя правила государственнаго правленія и недоброхотство министровъ къ нему было такъ велико, что они перемѣнили даже весь штатъ при дворѣ его и отлучили всѣхъ пригласившихся къ нему слишкомъ; такъ, что любимцы его подвергались тогда великой опасности, а все дозволенное ему состояло въ томъ, что онъ написалъ нѣсколько своихъ голстинскихъ войскъ и въ подаренномъ ему отъ императрицы Ораніенбаумскомъ замкѣ занимался экзерцированіемъ оныхъ и каждую весну и лѣто препровождалъ въ сообществѣ молодыхъ и распутныхъ офицеровъ.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ министры наши ни старались внушить императрицѣ недобровѣріе къ ея племяннику, и какъ ни представляли, что отъ него совершеннаго опроверженія всей російской монархіи должно было ожидать и опасаться, но она не хотѣла никакъ согласиться на то, чтобъ исключить его отъ наслѣдства, но наказывала еще старающихся его отъ наслѣдства отторгнуть и предпринимаю-

щихъ что-нибудь противъ его, безъ ея вѣдома и соизволенія. Достопамятное и всю Россію крайнимъ изумленіемъ поразившее наденіе бывшаго тогда великимъ канцлеромъ и первымъ государственнымъ министромъ графа Бестужева, министра всѣми хвалимаго и всею Европою высоко почитаемаго и даже всѣми иностранными дворами уважаемаго, было тому примѣромъ и доказательствомъ. Онъ палъ при началѣ войны прусской, лишень былъ всѣхъ чиновъ и достоинствъ и сосланъ въ ссылку въ Сибирь(?) какъ величайшій государственный преступникъ. Въ тогдашнее время никто не зналъ истинной несчастія его причины, и не могли всѣмъ тому довольно надивиться; но послѣ узнали вскорости, что сей министръ, предусматривая малую способность наслѣдника къ правленію государственному и примѣтивъ крайнее отвращеніе его отъ нашей російской религіи и всѣ прочія его дурныя качества и свойства, затѣвалъ, составивъ подложную духовную, исключать отъ престола законнаго наслѣдника и доставить корону императорскую малолѣтнему еще тогда его сыну, съ тѣмъ, чтобъ до совершеннаго возраста его, управляла государствомъ его мать, съ нѣкоторыми изъ вельможъ знаменитѣйшихъ и сенаторовъ, которые были къ тому именно и назвачены. И какъ все сіе какинъ-то случаемъ было императрицею узвано и открыто, то и излила она за то гнѣвъ свой на Бестужева, и какъ выше упомянуто, наказала его за дерзость лишеніемъ всѣхъ чиновъ и ссылкойю.

Такимъ образомъ и осталось все на прежнемъ основаніи до самой кончины императрицыной, и она, какъ ни ласкалась надеждою, что наслѣдникъ ея со временемъ исправится и сдѣлается лучшимъ, но онъ продолжалъ непрерывно жить и вести себя по прежнему и проводить время свое, въ сообществѣ окружавшихъ его льстецовъ и распутныхъ людей, въ невоздержностяхъ всякаго рода, и вступилъ наконецъ на престолъ съ непомиѣрною приверженностію къ королю прусскому, съ обожаніемъ всѣхъ

его обыкновеній и обрядовъ, а особливо военныхъ, съ крайнимъ отвращеніемъ къ греческому исповѣданію вѣры, съ ненавистью и презрѣніемъ ко всѣмъ россіянамъ и съ дурнымъ, извращеннымъ сердцемъ.

Совсѣмъ тѣмъ по нѣкоторымъ дѣламъ, произведеннымъ имъ въ первые мѣсяцы его правленія, о которыхъ упоминается ниже, можно было судить, что онъ отъ натуры не таковъ былъ дурень, но имѣлъ сердце наклонное къ добру и такое, что могъ бы онъ быть добродѣтельнымъ, если-бы не окруженъ былъ злыми и негодными людьми, развратившими его совсѣмъ, и когда-бы по несчастію не предался онъ уже слишкомъ всѣмъ порокамъ и не послѣдовалъ внушаемымъ въ него злымъ совѣтамъ, болѣе, нежели сколько надобно было.

Сіи негодные люди довели его наконецъ до того, что онъ сталъ подозрѣвать въ вѣрности къ себѣ свою супругу. Они увѣрили его, что она имѣла соучастіе въ Бестужевскомъ умыслѣ, а потому съ самаго того времени и возненавидя онъ свою супругу, сталъ обходиться съ нею съ величайшею холодностію и слюбился напротивъ того съ дочерью графа Воронцова и племянницею тогдашняго великаго канцлера, Елисаветою Романовною, прилѣпясь къ ней такъ, что не скривалъ даже ни предъ кѣмъ непомиѣрной къ ней любви своей, которая даже до того его ослѣпила, что онъ не восхотѣлъ отъ всѣхъ скрыть ненависть свою къ супругѣ и къ сыну своему, и при самомъ еще вступленіи своемъ на престолъ сдѣлалъ ту непростительную погрѣшность и съ благоразуміемъ совсѣмъ несогласную неосторожность, что въ изданномъ первомъ отъ себя манифестѣ, не только не назначилъ сына своего по себѣ наследникомъ, но не упомянулъ объ немъ ни единымъ словомъ.

Не могу изобразить, какъ удивилъ и поразилъ тогда еще сей первый его шагъ всѣхъ россіянъ, и сколь ко многимъ недочтаніямъ и разнымъ догадкамъ и сужденіямъ подалъ онъ поводъ. Но всеоб-

щія негодованія сія увеличались еще болѣе, когда тотчасъ потомъ стали разсѣваться повсюду слухи и достигать до самаго подлago народа, что государь не успѣлъ вступить на престолъ, какъ предался публично всѣмъ своимъ невоздержностямъ и совсѣмъ неприличнымъ такому великому монарху дѣламъ и поступкамъ, и что онъ не только съ помянутою Воронцовой, какъ съ публичною своею любовницею, препровождалъ почти все свое время; но сверхъ того, въ самое еще то время, когда скончавшаяся императрица лежала во дворцѣ еще во гробѣ и непогребена была, цѣлыя ночи провождалъ съ любимцами, льстцами и прежними друзьями своими, въ пиршествахъ и питьѣ, приглашая иногда къ тому таковыхъ людей, которые нимало недостойны были сообщества и дружескаго собесѣдованія съ императоромъ, какъ на примѣръ: итальянскихъ театральныхъ пѣвицъ и актрисъ, вкушъ съ ихъ толмачами, изъ которыхъ многія, приобрѣта себѣ великое богатство, вытаскивали потомъ съ собою изъ государства въ свое отечество; а что всего хуже, разговаривая на пиршествахъ таковыхъ влявъ обо всемъ и обо всемъ, и даже о самыхъ величайшихъ тайнствахъ и дѣлахъ государственныхъ.

Все сіе и предпринимаемое въ самое то же время скорое и дружное перековѣриваніе всѣхъ дѣлъ и прежнихъ распорядковъ, а особливо преобразование всего войска и передѣлываніе всего, до воинской службы относящагося, на прусскій манеръ, явно оказуемая къ тогдашнему нашему неприятелю, королю прусскому, приверженность и безпредѣльное почтеніе и ко всему прусскому уваженіе, приводило всѣхъ въ неописанное изумленіе и негодованіе; и я не знаю, что воспослѣдовало-бы уже и тогда, если-бы не поддержалъ онъ себя нѣсколько оказанными въ первые дни своего правленія, нѣкоторыми важными милостями и благотворительствами.

Первѣйшею и наиглавнѣйшею милостію изъ всѣхъ было прежде уже упомянутое освобожденіе всего россійскаго

дворянства изъ прежде бывшей неволи и дарованіе оному навсегда совершенной вольности, съ дозволеніемъ вѣдѣть всякому, по произволію своему, въ чужія земли и куда кому угодно. Великодушное сіе дѣявіе толико тронуло все дворянство, что всѣ неописанно тому обрадовались, и весь сенатъ, пренеполнясь радостію, приходилъ именемъ всего дворянства благодарить за то государя, и удовольствіе было всеобщее и самое искреннее. Другое и не менѣе важное благотворительство состояло въ томъ, что онъ уничтожилъ прежнюю нашу и толь великій страхъ на всѣхъ наводившую и такъ называемую тайную казначейрію, и запретилъ всѣмъ кричать по прежнему «слово и дѣло», и подвергать чрезъ то безчисленное множество невинныхъ людей въ несчастія и напасти. Превеликое удовольствие учинено было и симъ всѣмъ россиянамъ, и всѣ они благословляли его за сіе дѣло.

Далѣе восхотѣлъ-было онъ, для пресѣченія всѣхъ злоупотребленій, господствующихъ у насъ въ судахъ и расправахъ, по причинѣ уже умножившихся слишкомъ указовъ и перенутавшихся законовъ, велѣть сочинить и издать новое уложеніе по образцу прусскаго, и сенатъ велѣлъ-было уже и переводить такъ называемое «Фридрихово уложеніе», но какъ дѣло сіе препоручено было людямъ неисканнымъ и неопытнымъ, то и не возымѣло оно тогда успѣха.

Кромѣ сего, приказалъ онъ освободить изъ неволи бывшаго въ Сибири, въ ссыльѣ, славнаго Миниха, бывшаго нѣкогда у насъ фельдмаршаломъ и побѣдителемъ турокъ и татаръ и привезти его съ синономъ въ Петербургъ. Сей великій воинъ и министръ, препроводивъ цѣлыя двадцать лѣтъ въ отдаленныхъ сибирскихъ предѣлахъ въ бѣдности, нуждѣ и неволѣ, былъ въ сіе время уже очень старъ, и какъ мнѣ исторія его была извѣстна, и онъ привезенъ былъ въ Петербургъ уже при мнѣ, то смотрѣлъ я на сего почтеннаго старца съ превеликимъ любо-

пытствомъ, и не могъ довольно насмотрѣться.

Сими и нѣкоторыми другими благотворительностями началъ-было сей государь иперять о себѣ лучшія мысли въ спонжъ подданныхъ, и всѣ начали-было засматся надеждою нажить въ немъ современемъ государя добраго; но послѣдовавшія за симъ другія и немало съ симъ несообразныя дѣянія, скоро въ нихъ сію надежду наки разрушивъ, увеличили въ нихъ ропотъ и негодованіе къ нему еще болѣе.

Къ числу сихъ принадлежало наглазныѣе то, съ крайнею неосторожностію и неблагоразуміемъ сопряженное дѣло, что онъ вознамѣрился-было перемѣнить совсѣмъ религію нашу, къ которой оказывалъ особенное презрѣніе. Начало и первый приступъ къ тому учинилъ онъ изданіемъ указа, объ отобраніи въ казну у всѣхъ духовныхъ и монастырей всѣ ихъ многочисленныя волости и деревни, которыми они до сего времени владѣли, и объ опредѣленіи архіереямъ и прочему знатному духовенству жалованья, также о непостриженіи никого вновь въ монахи ниже тридцати-лѣтняго возраста. Легко можно всякому себѣ вообразить, каково было сіе для духовенства и какой ропотъ и негодованіе произвело во всемъ ихъ корпусѣ; всѣ почти въявь изъясляли крайнюю свою за сіе на него досаду, а вскорѣ послѣ сего изъяснилъ онъ и всѣ мысли свои въ пространствѣ, чрезъ призваніе къ себѣ первенствующаго у насъ тогда архіерея Дмитрія Сеченова и приказаніе ему, чтобъ изъ всѣхъ образцовъ, находящихся въ церквахъ, оставлены были въ нихъ одни изображающіе Христа и Богородицу, а прочіихъ бы не было; также, чтобъ всѣмъ понапередъ предписано было бороды свои обрить и, вмѣсто длинныхъ своихъ рясъ, носить такое платье, какое носятъ иностранцые пасторы. Нельзя изобразить, въ какомъ изумленіи повергло сіе приказаніе архіепископа Дмитрія. Сей благоразумный старецъ не зналъ, какъ и приступить къ исполненію такового всего меньше ожи-

дасмаго повелѣнія и усматривалъ ясно, что государь неинное что имѣлъ тогда въ намѣреніи своемъ, какъ премѣненіе религіи во всемъ государствѣ и введеніе лютеранскаго закона. Онъ принужденъ былъ объявить волю государеву знаменитѣйшему духовенству, и хотя сіе притомъ только одному до времени осталось, но произвело уже во всѣхъ духовныхъ великое на него неудовольствіе, поспѣшествовавшее потомъ очень много къ бывшему перевороту.

Таковое-жъ негодованіе во многихъ произвелъ и число недовольныхъ собою увеличилъ онъ и тѣмъ, что съ самаго того часа, какъ скончалась императрица, не сталъ уже онъ болѣе скрывать той непопулярной приверженности и любви, какую имѣлъ всегда къ королю прусскому. Онъ носилъ портретъ его на себѣ въ перстиѣ непрерывно, а другой, большой, повѣшенъ былъ у него подлѣ кровати. Онъ приказалъ тотчасъ сдѣлать себѣ мундиръ такимъ покроємъ, какъ у пруссаковъ, и не только сталъ самъ всегда носить оный, но восхотѣлъ и всю гвардію свою одѣть такимъ же образомъ; а сверхъ того носилъ всегда на себѣ и орденъ прусскаго короля, давая ему преимущество предъ всѣми російскими.

А всѣмъ тѣмъ неудовольствуясь, восхотѣлъ переимѣнить и мундиры во всѣхъ полкахъ, и вмѣсто прежнихъ одноцвѣтныхъ зеленыхъ, подѣлалъ разноцвѣтные уаки, и такимъ покроємъ, каковымъ шьются у пруссаковъ оныя.

Наконецъ и самими полками не велѣлъ болѣе называться по прежнему, по именамъ городовъ, а именоваться уже по фамиліямъ своихъ полковниковъ и шефовъ; а сверхъ того, введя уже во всемъ настрояйшую военную дисциплину, привуждалъ ихъ ежедневно эзерцироваться, несмотря, какава бы погода ни была, и всѣмъ тѣмъ не только отяготилъ до чрезвычайности всѣ войски, но и огорчивъ всѣхъ, навлекъ на себя, а особливо отъ гвардіи, превеликое неудовольствіе.

Но ничѣмъ онъ такъ много всѣхъ россіянъ не огорчилъ, какъ отступленіемъ

отъ всѣхъ прежнихъ нашихъ союзниковъ, и скорымъ всего меньше всѣми ожидаемымъ перемиріемъ, заключеннымъ съ королемъ прусскимъ. Сіе перемиріе заключено было уже вскорѣ послѣ отъѣзда моего изъ Кёнигсберга, въ померанскомъ мѣстечкѣ Старгардѣ, и подписано марта 16-го дня, съ прусской стороны стетинскимъ губернаторомъ принцомъ Бевернскимъ, а съ нашей, по повелѣнію его, генераломъ княземъ Михаиломъ Никитичемъ Волконскимъ, и заключено съ такою скоростію, что самые начальники арміи ничего о томъ не знали, покуда все было уже кончено.

Нельзя изобразить, какой чувствительный ударъ сдѣланъ былъ тѣмъ всѣмъ нашимъ союзникамъ, и какъ разрушены и разстроены были тѣмъ всѣ планы и намѣренія, а крайне недовольны были тѣмъ и всѣ россіяне. Они скрежетали зубами отъ досады, предвидя по сему предверію мира, что мы лишимся всѣхъ плодовъ, какіе могли-бъ пожать чрезъ столь долговременную, тяжкую, многокоштную и кровопролитную войну, и лишимся всей приобретенной оружіемъ своимъ славы. Вся Пруссія была тогда завоеванною и присягнула уже покойной императрицѣ въ подданство.

Кольбергъ и многія другія мѣста были въ рукахъ нашихъ и вся почти Померанія занята была нашими войсками; а тогда предусматривали всѣ, что мы все сіе отдадимъ обратно, и за всѣ свои труды, кошты и уроны въ людяхъ и во всемъ, кромѣ единого стыда и безславія, не получимъ ни малѣйшей награды. А какъ въ помянутомъ перемиріи и заключенномъ трактатѣ, между прочимъ, упомянуто было, что находившійся при цесарской арміи нашъ корпусъ, подъ командою графа Чернышова, немедленно долженствовало отъ цесарцевъ отойти прочь и возвратиться чрезъ прусскія земли къ нашей арміи, то всѣ опасались, чтобъ не поступлено было далѣе, и изъ уваженія къ королю прусскому, не только сему корпусу, но и всей нашей арміи не повелѣно-бъ было соединиться съ прусскою.

Все сіе смущало и огорчало всѣхъ истинныхъ патриотовъ и во всѣхъ росіянахъ производило явный почти ропоть и неудовольствіе; а какъ не радовало ихъ и все прочее ими видимое и до ихъ слуха доходящее, а особливо слухи о вышеупомянутомъ безпорядочномъ и постыдномъ поведеніи государевомъ, то сіе еще болѣе умножало внутреннее негодованіе народа, оказуемое во всѣмъ дѣламъ и поступкамъ государя.

Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла и все прочее въ Петербургѣ, въ то время, какъ я въ него пріѣхалъ. Я нашелъ весь городъ, вмѣсто прежней тишины, мира и спокойствія, власно какъ въ нѣкаккомъ тревоженіи, шумѣ и безпокойствіи. Ежедневное мунстрованіе и маршированіе по всѣмъ улицамъ войскъ, скачка каретъ и верхами разнаго рода людей, и бѣганіе самаго народа, придавало ему такую жпвость, въ какой его никогда не только я, но и никто до того не видывалъ.

И въ Петербургѣ во всемъ и во всемъ пропозшло столько переменъ, и всѣ обстоятельства такъ измѣнились, что истинно казалось, что мы тогда дышали и воздухомъ совсѣмъ инымъ, повымъ и намъ необыкновеннымъ, и въ самомъ даже существѣ нашемъ чувствовали власно какъ нѣчто новое и отъ прежняго отиѣнное.

Но я заговорился уже обо всѣхъ сихъ обстоятельствахъ и происшествіяхъ, такъ, что удалился совсѣмъ отъ своей исторіи; почему, предоставя продолженіе оной письму послѣдующему, теперешнее кончу, сказавъ вамъ что я есмь... и прочее.

Письмо 93-е.

Любезный пріятель! Возвращаясь теперь къ исторіи моей, скажу вамъ, что на другой день послѣ пріѣзда моего, пріѣхалъ я къ генералу своему, уже совсѣмъ готовымъ къ отправленію моей должности, то-есть одѣтымъ, причесаннымъ по тогдашнему манеру, распудреннымъ, и уже въ шпорахъ и на лошади, съ завороченными полами.

Генерала нашелъ я уже опять одѣвающимся и слушающаго дѣла, читаемна

передъ нимъ секретаремъ полицейскимъ. Не успѣлъ я войтить къ нему, какъ осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, сказалъ онъ: «Ну, вотъ, хорошо! одѣвайся всегда такъ-то и какъ можно чище и опрятнѣе; у насъ нынѣ любятъ отиѣнно чистоту и опрятность, и чтобъ было на человѣкѣ все тѣсно, узко и обтянуто плотно. Но о мундирцѣ-то надобно тебѣ постараться, чтобъ у тебя былъ и другой и новый. Хорошо и этотъ, но этотъ годится только запросто поситъ и ѣздить въ немъ со мною въ будни, а для торжественныхъ дней и праздниковъ надобенъ другой. Видѣлъ ли ты наши новые мундиры?»—Нѣтъ еще! отвѣчалъ я.—«Такъ посмотри ихъ», подхватилъ генералъ. «Они уже совсѣмъ не такіе, а бѣлые, съ нашивками и аксельбантомъ. Иванъ Тимоѣевичъ тебѣ ихъ покажетъ, поговори съ нимъ. Онъ тебѣ скажетъ, гдѣ тебѣ все нужное достать, и гдѣ заказать его сдѣлать; только надобно, чтобъ къ наступающей Святой недѣлѣ былъ онъ у тебя готовъ и со всѣмъ приборомъ. Сходя къ нему, и теперь-же посмотри, а тамъ приходи опять сюда, и будь готовъ въ залѣ, не вздумается ли мнѣ тебя куда послать. И пріѣзжай ты ко мнѣ всегда, какъ можно поранѣе!»—Хорошо, сказалъ я, и хотѣлъ-было вытти. «Но лошадь-то есть ли у тебя?» спросилъ еще генералъ, и хороша ли?»—Есть! отвѣчалъ я, и кажется, изрядная.—У меня и подлинно была одна лошаденка довольно изрядная. «Ну! хорошо-жъ, мой другъ! поди же къ Балабину. Онъ тебѣ расскажетъ и о томъ, въ чемъ состоятъ должна и должность твоя».

Господинъ Балабинъ встрѣтилъ меня съ обыкновенною своею ласкою и благопріятствомъ.

— Ну, былъ ли ты у генерала? спросилъ онъ:— и являлся-ли къ нему? Надобно, братъ, привыкать тебѣ вставать и пріѣзжать сюда, какъ можно ранѣе. Генералъ самъ встаетъ у насъ рано, и не рѣдко разсылаетъ вапу братью, адъютантовъ и ординарцевъ своихъ, едва только проснувшись; такъ и надобно, чтобъ вы были уже готовы, и онъ любить это.

— Хорошо, сказалъ я: у генерала я уже былъ, и онъ послалъ меня къ вамъ, чтобы вы мнѣ рассказали, въ чемъ должна состоять моя должность, и показали мнѣ мундиры новыя, и показали, гдѣ мнѣ для себя заказать его сдѣлать.

— Изволь, изволь, мой другъ! отвѣчалъ онъ мнѣ, усмѣхнувшись, но сядь-ко и напишемъ напередъ чаю...

Между тѣмъ, какъ его подавали, продолжалъ онъ такъ:

— Что касается до должности, то она не мудреная: все дѣло въ томъ только состоитъ, чтобы быть тебѣ всегда готовымъ для разсылокъ и ѣздить туда, куда генералъ посылать станетъ; а когда онъ со двора, такъ и ты долженъ ѣздить всюду съ нимъ подлѣ кареты его верхомъ, и быть всегда при боцѣ — вотъ и все... А мундиры-то, посмотри-ка, братъ, у васъ какіе! — и велѣлъ слугѣ своему подать свой и показать мнѣ оный. Я ужаснулся, увидѣвъ его, и съ удивленіемъ возопилъ:

— Да что это за чертовщина, сколько это серебра на немъ, да, небось, онъ и Богъ знаетъ, сколько стоитъ?

— Да! такъ стоитъ копейки, другой, третьей, сказалъ онъ: — и сотнята рублей надобна.

— Что вы говорите? подхватилъ я, удивившись, и позадумался очень.

— Что? или онъ тебѣ слишкомъ дорого кажется? продолжалъ онъ: — но это еще слава Богу. Генералъ нашъ поступилъ еще съ милостью, выдумывая оный, а посмотрѣлъ бы ты у другихъ шеговъ какіе! еще и болѣе баяндрысовъ-то всякихъ нагорожено! Нынѣ у насъ всякой молодецъ на свой образецъ. Это, сударь, было бы тебѣ извѣстно и вѣдомо, мундиръ Корфова кирасирскаго полку, и какъ генералъ нашъ шегомъ въ опомѣ, то должны и мы всѣ имѣть мундиръ такой же, и эти мундиры вскружили намъ всѣмъ головы всѣ. Дороговизна такая всему, что приступу вѣтъ; ты не повѣришь, чего эти бездѣльные нашивочки и этотъ проклятый аксельбандъ стоятъ! За все дунять съ насъ ма-

стеровые въ три-дорога, и все отъ поспѣшности только.

— Но гдѣжь мнѣ все это достать, и кому велѣть сдѣлать? спросилъ я.

— Объ этомъ ты не заботься! сказалъ онъ: — эту комиссію поручи уже ты мнѣ, мастера и мастерицы мнѣ всѣ уже знакомы; но вотъ вопросъ, есть ли у тебя деньги-то, и достаточно ли ихъ будетъ?

— То-то и бѣда-то! отвѣчалъ я: — деньги-то будутъ, ихъ пришлютъ ко мнѣ изъ Москвы, я писалъ уже объ нихъ, но теперь-то маловато, и врядъ ли столько наберется.

— Ну чтожь! сказалъ онъ: — иное-то возьмемъ въ долгъ, иное-то господа мастеровые на насъ подождутъ, а за иное, гдѣ надобно, заплатимъ деньги, и буде мало, такъ пожалуй я тебя ссужу ими. Беря, братецъ, ихъ у меня сколько тебѣ ихъ надобно.

Я благодарилъ господина Балабина за дружеское его къ себѣ расположеніе, и просилъ уже постараться и заказать мнѣ мундиръ сдѣлать, какъ можно скорѣй, и получивъ отъ него обѣщаніе, пошелъ къ генералу ожидать его дальнѣйшихъ повелѣній въ залѣ.

Тутъ нашелъ я съѣхавшихся, между тѣмъ, и другихъ сотоварищей своихъ. Былъ то помянутый другой флигель-адъютантъ князь Урусовъ, и полицейскій дежурный офицеръ, исправляющій должность ординарца. Не успѣлъ я съ ними поздороваться и молвить слова два, три, объ одѣвающемся еще генералѣ, какъ сдѣлавшійся на улицѣ подъ окнами шумъ привлекаетъ насъ всѣхъ къ окнамъ, и какая же сцена представилась тогда глазамъ моимъ! Шелъ тутъ строитъ деташаментъ гвардіи, разряженный, распудренный, и одѣтый въ новыя тогдашнія мундиры и маршировалъ церемоніею.

Какъ зрѣлище сіе было для меня совсѣмъ еще новое, и я не узнавалъ совсѣмъ гвардіи, то смотрѣлъ на шествіе сіе съ особеннымъ любопытствомъ и любовался всѣмъ видѣннымъ; но ничто меня такъ не поразило, какъ идущій предъ первымъ взводомъ, низенькій и толстенный ста-

ричекъ съ своимъ эспантономъ и въ мундирѣ, унизанномъ золотыми нашивками, со звѣздою на груди и голубою лентою подъ кафтаномъ и едва примѣтною!... — Это что за человекъ? — спросилъ я у стоявшаго подлѣ меня князя Урусова... надобно быть какому-нибудь генералу?... — «Какъ! отвѣчалъ мнѣ князь: развѣ вы не узнали! Это князь Никита Юрьевичъ!» — Князь Никита Юрьевичъ, удивясь, подхватилъ я: какой это? Неужели Трубецкой?

— «Точно такъ!» — отвѣчалъ мнѣ князь. — Что вы говорите!.. воскликнулъ я, еще болѣе удивившись. Господи помилуй! да какъ же это? Князь Никита Юрьевичъ былъ у насъ до сего генералъ-прокуроромъ и первѣйшимъ человекомъ въ государствѣ! да развѣ онъ нынѣ уже не тѣмъ? — «Никакъ, отвѣчалъ князь: — онъ и нынѣ не только тѣмъ же и такимъ же генералъ-прокуроромъ какъ былъ, но сверхъ того недавно пожалованъ еще отъ государя фельдмаршаломъ».

— Но умилосердитесь, государь мой! продолжалъ я далѣе, часъ отъ часу болѣе удивляясь, спрашивать: Какъ же это? я считалъ его драхлымъ и такъ болѣзненно своихъ ногъ отягощеннымъ старикомъ, что, какъ говорили тогда, онъ затѣмъ и во дворецъ и въ Сенатъ по нѣскольку недѣль не ѣздилъ, да и дома до него не было почти никому доступа? — «О! отвѣчалъ мнѣ князь усмѣхаясь. Это было во время оно; а нынѣ, рече Господь, времена перемѣнились, нынѣ у насъ больные, и небольшие, и старички самые поднимаютъ ножи, и на ряду съ молодыми маршируютъ, и также хорошеохонько топчутъ и мѣсютъ грязь какъ и солдаты. Вотъ видѣли вы сами. Нынѣ говорятъ: что когда носить на себѣ званіе подполковника гвардіи, такъ носи и службу, и отправляй и должность подполковничью во всемъ!» — Ну! нечего болѣе говорить!.. сказалъ я, изумившись, и не могъ тому надивиться...

— «Но вы еще и не то увидите! сказалъ князь: — поживите-ка съ нами и посмотрите на все и все у насъ, въ Петербургѣ!»

Выбѣжавшій отъ генерала камердинеръ его перервалъ тогда нашъ разговоръ. Онъ сказалъ намъ, что генералъ уже совсѣмъ готовъ и приказалъ подавать карету, а вскорѣ потомъ вышелъ и самъ онъ, и сказавъ мнѣ:

— «Ну, поѣдемъ-ка, мой другъ!» пошелъ садиться въ карету. Не успѣлъ онъ усѣсться въ каретѣ, какъ выснувшись въ окно, приказалъ мнѣ ѣхать, какъ тогда, такъ и ѣздить завсегда впередъ, по лѣвую сторону его кареты, и такъ, чтобъ одна только голова лошади ровнялась съ дверцами кареты, и подтвердилъ, чтобъ я всячески старался ни впередъ далѣе не выдвигаться, ни назадъ не отставать. Князь Урусовъ долженъ былъ ѣхать такимъ же образомъ по правую сторону, а полицейскій ординарецъ съ обоими своими, всегда ѣздившими за нами полицейскими драгунами, уже позади кареты.

По распоряженіи насъ симъ образомъ, и полетѣлъ нашъ генералъ по гладкимъ петербургскимъ мостовымъ, такъ что оглушалъ, ажъ тресекъ и стукъ отъ колесъ.

Цугъ у него былъ ямской, и самый добрый, и поелику былъ онъ генералъ-полицеймейстеръ, то и ѣзжалъ отменно скоро, и временемъ даже вскачь самую, такъ что мы съ лошаденками своими едва успѣвали послѣдовать за нимъ. Мы заѣхали тогда на часокъ въ полицію, а потомъ объѣздили множество улицъ и заѣзжали съ генераломъ во многіе дома знаменитѣйшихъ тогда вельможъ, и пробывали въ оныхъ по небольшому только количеству минутъ.

Во всѣхъ ихъ генералъ ухаживалъ обыкновенно для свиданія съ хозяевами во внутреннія комнаты, а мы всѣ оставались въ переднихъ и галановали тутъ до обратнаго выхода генеральскаго, въ которое время рассказывалъ мнѣ князь Урусовъ о хозяевахъ тѣхъ домовъ и о томъ, какіе были они люди, и все, что объ нихъ было ему извѣстно.

Наконецъ, около двѣнадцатаго часа, поскакали мы всѣ во дворецъ, и подѣхали уже не къ тому крыльцу, которое

мнѣ было извѣстно, а къ парадному, и это было въ первый разъ, что я былъ порядочнымъ образомъ во дворцѣ. Генералъ прошелъ прямо къ государю, во внутренніе его чертоги, а мы остались въ переднихъ анти-камерахъ и тамъ, гдѣ обыкновенно нашей брати было зборище, и далѣе которыхъ насъ часовые уже не пускали.

Какъ тутъ надлежало намъ пробыть во все то время, безъ всякаго дѣла, покуда не выйдетъ опять генералъ, то воскотѣлъ товарищъ мой князь Урусовъ симъ временемъ воспользоваться и оказать мнѣ услугу.

— Не хотите ли? сказалъ онъ мнѣ, походить и посмотреть дворца и полюбопытствовать. Вы въ немъ никогда еще не бывали, такъ бы я васъ проводилъ всюду, куда только входить можно?

— Очень хорошо!—сказалъ я: и вы-бъ меня тѣмъ очень одолжили. А онъ сказавъ о томъ нашему товарищу, полицейскому офицеру и попросивъ его насъ кликнуть, въ случаѣ, ежели генералъ выйдетъ, взявъ меня за руку и повелъ показывать все достопамятное въ семъ временномъ обиталищѣ нашихъ монарховъ.

Нельзя изобразить, съ какимъ любопытствомъ и удовольствіемъ разсматривалъ я сіи царскіе чертоги и все встрѣчающееся въ нихъ съ моимъ зрѣніемъ. Мебели, люстры, обои, а особливо картины, приводили меня въ пріятное удивленіе и не рѣдко въ самыя восторги.

Но нигдѣ я такъ не восхищался зрѣніемъ, какъ въ большой тронной залѣ, занимающей цѣлый и особый придѣланный съ боку во дворцу флигель. Преогромная была то и такая комната, какой я до того нигдѣ и никогда еще невидывалъ. И хотя была она тогда и не въ приборѣ, а загромощена вся превеликимъ множествомъ большихъ и малыхъ картинъ, разставленныхъ на полу, кругомъ стѣнъ оной, по случаю, что собирались ихъ переносить въ новопостроенный каменный Зимній дворецъ, но самое сіе и послужило еще болѣе къ моему удовольствію, ибо

черезъ то имѣлъ я случай всѣ ихъ тутъ видѣть, и могъ на досугѣ, сколько хотѣлъ, пересматривать и любоваться ими. А князь, товарищъ мой, рассказывалъ мнѣ о всѣхъ, о которыхъ ему что-нибудь особенное было извѣстно.

Будучи охотникомъ до живописи, смотрѣлъ я на всѣ ихъ съ крайнимъ любопытствомъ, и не могу изобразить, сколь великое удовольствіе онѣ мнѣ собою производили и какъ пріятно препроводилъ я болѣе часа времени въ семъ перебирани и пересматриваваніи оныхъ. Но ни что такъ меня не занимало, какъ послѣдніе портреты скончавшейся императрицы. Многіе изъ нихъ были еще неоконченныя, другіе только въ половину намалеванныя, а иные только что начатыя, и одно только лицо на нихъ изображенное. Видно, что не угодны они были покойницѣ, или не совсѣмъ на ее походили, и по той причинѣ оставлены такъ. Князь показавъ мнѣ тотъ, который всѣхъ прочихъ почитался сходнѣйшимъ, и я смотрѣлъ на оный съ особливимъ любопытствомъ.

Наконецъ, должны мы были ихъ оставить съ покоемъ и возвратиться къ своему мѣсту, куда вскорѣ потомъ вышелъ къ намъ и генералъ, и сказалъ, что онъ останется тутъ обѣдать съ государемъ, приказавъ намъ ѣхать домой, и чтобы отобѣдавъ тамъ, приѣзжалъ бы я къ нему уже одинъ, въ три часа по полудни.

По приѣздѣ въ домъ генеральскій, нашелъ я уже столъ набранный, и опять такое же многолюдство, какъ было и въ первый день. Всѣ, питающіеся столомъ генеральскимъ, были уже въ собраніи и дожидались только нашего приѣзда. Мы тотчасъ сѣли за столъ, и какъ первенствующую роль игралъ тутъ тогда господинъ Балабинъ, какъ генеральсь-адъютантъ и домоправитель генеральскій, то была намъ своя воля. Онъ у насъ хозяйствовалъ, а мы были какъ гости, и обѣд сей былъ для меня еще пріятнѣй перваго.

Сей случай познакомилъ меня еще болѣе со всѣми тутъ бывшими, и какъ всѣ они были умные и такіе люди, съ кото-

рыми было о чемъ говорить, то было мнѣ и не скучно. Наконецъ, дождавшись назначеннаго времени, поѣхалъ я опять во дворецъ, и не успѣлъ войти въ прележную комнату, какъ вышелъ и генералъ, и отвѣдя меня къ сторонѣ, сказалъ: «Съѣзди, мой другъ, къ Михайлѣ Ларионовичу Воронцову, поклонись ему отъ меня, и скажи, что я съ государемъ о извѣстномъ дѣлѣ говорилъ, и ему то вручили, о чемъ онъ уже знаетъ, и что государь принялъ то съ отми́ннымъ благоволеніемъ и очень милостиво, и былъ тѣмъ очень доволенъ». — Хорошо! ваше высокопревосходительство, сказалъ я и хотѣлъ-было итти. — «Но знаешь ли ты, гдѣ онъ живетъ? спросилъ меня генералъ, остановивши: и найдешь ли домъ его?» — Найду, отвѣчалъ я, мнѣ указывали онъ. — «Ну! хорошо же, продолжалъ генералъ, поѣзжай же, мой другъ, а оттуда проѣзжай уже прямо домой и дождавшись меня, скажи, что онъ тебѣ на сіе скажетъ». Сей Воронцовъ, къ которому я тогда былъ посланъ, игралъ въ сіе время великую роль. Онъ былъ нашимъ канцлеромъ и первымъ государственнымъ министромъ и родной дядя фаворитки и любовницы государевой, и по всему тому, въ отми́нной у него милости.

Къ нашему же генералу былъ онъ отми́нно благосклоненъ и болѣе потому, что оба они были женаты на родныхъ сестрахъ и свояки между собою, и хотя нашъ генералъ и давно уже жены своей лишился, но дружба между ними продолжалась безпрерывно, и какъ огромный домъ сего вельможи, вмѣщающій въ себѣ нынѣ думу Мальтійскаго ордена, былъ мнѣ уже дѣйствительно извѣстенъ, то и поскакалъ я прямо въ онъ. Меня провели тотчасъ, какъ скоро услышали, что я отъ Корфа, къ той комнатѣ, гдѣ онъ тогда находился, и безъ всякаго обо мнѣ доклада впустили въ оную.

Но тутъ какъ же я поразился, и въ какое неописанное пришель изумленіе, когда увидѣлъ комнату превеликую и въ ней многихъ людей, и старыхъ, и молодыхъ, сидящихъ въ разныхъ мѣстахъ подлѣ

стѣнъ и ничего между собою не говорящихъ. Я сталъ тогда въ пень и сдѣлался сущимъ дуракомъ и болваномъ, не зная, кто изъ нихъ былъ хозяинъ, и къ кому мнѣ адресоваться; ибо надобно знать, что я господина Воронцова никогда еще до того не видывалъ и зналъ только, что онъ не молодъ. Но какъ тутъ было много такихъ, и всѣ одинаково одѣты, то и узнать хозяина было нѣ-почему и трудно. Истинно минуты двѣ стоялъ я власно какъ истуканомъ, не зная даже кому поклониться, и простоялъ бы, можетъ быть, и долѣ, еслибъ самъ хозяинъ, примѣтивъ мое недоумѣніе, не помогъ уже мнѣ вытти изъ онаго. — «Отъ кого ты, мой другъ, присланъ? спросилъ онъ, и кого тебѣ надобно?» — Отъ Николая Андреевича Корфа, сказалъ я. — Не успѣлъ онъ сего услышать, какъ возопилъ: — «А! это конечно ко мнѣ; пожалуй, мой другъ, сюда поближе и скажи что такое?»

Я обрадовался сему и тѣмъ паче, что я никакъ не почиталъ его хозяиномъ, и смѣлѣе уже къ нему чрезъ всю горницу перебѣжавъ, почти тихомолкомъ то ему сказалъ, что мнѣ было приказано.

— «Ну! слава Богу! обрадуясь сказалъ онъ меня выслушавъ. Я очень, очень доволенъ! поблагодари мой другъ, отъ меня. Николая Андреевича, и скажи, что я не очень здоровъ, и не можно ли ему завтра поутру со мною повидаться?» — Очень хорошо, ваше сіятельство! сказалъ я и хотѣлъ-было итти, но онъ остановилъ меня, говоря, чтобъ я немного погодилъ, что подають горячее, и чтобъ я выпилъ у него чашку онаго.

А между тѣмъ, какъ чай подавали, спрашивалъ онъ меня, кто я таковъ, и давно ли нахожусь при Корфѣ? И какъ я ему все то сказалъ, то спросилъ онъ меня, не родня ли мнѣ былъ Тимофей Петровичъ; а услышавъ, что онъ былъ мнѣ отецъ, сказалъ, что онъ его зналъ довольно коротко и что былъ онъ очень добрый человекъ! Слова сіи произвели въ душѣ моей превеликое удовольствіе, и я возблагодарилъ ему за нихъ низкими поклономъ.

Исправивъ сію комиссію и приѣхавъ въ домъ генеральскій, не нашелъ я въ немъ никого, кромѣ одного Шульца, секретаря его; и какъ мнѣ вѣрно было тутъ генерала дожидаться, то употребилъ я сей случай къ сведенію съ секретаремъ симъ ближайшаго знакомства, и пошелъ къ нему въ комнату ждать генерала. Онъ былъ мнѣ очень радъ, и у насъ полли съ нимъ тотчасъ ученые разговоры. Я пересматривалъ опять всѣ его книги, и какъ многія изъ нихъ были тутъ гакія, какія я не читывалъ, и которыя мнѣ прочесть хотѣлось, то съ превеликою охотою ссудилъ онъ меня ими. Генералъ не прежде приѣхалъ, какъ уже ввечеру, и былъ очень доволенъ мною и привезеннымъ къ нему отвѣтомъ. Потомъ приказавъ, чтобъ я наутрѣ приѣхалъ къ нему поранѣе, не сталъ долго меня держать, но отпустилъ на квартиру на отдохновеніе.

Сего уже давно возжелѣла вся душа моя. По сдѣланной отвычкѣ отъ верховой ѣзды и отъ многого въ сей день скаканья, такъ я усталъ, что насилу стоялъ на ногахъ своихъ, почему, пришедъ на квартиру, ринулся прямо на кровать и спать въ ту ночь какъ убитый.

На утрѣ, вставъ ранехонько и одѣвшись, поѣхалъ я опять къ генералу, и думалъ, что въ сей день ѣзды намъ будетъ меньше вчерашняго; но во мнѣніи своемъ ужасно обманулъ. Генералъ не успѣлъ меня завидѣть, какъ и сталъ уже поручать мнѣ опять комиссіи, и приказывать съѣздить туда, съѣздить въ другое, а тамъ въ третье мѣсто, и насчиталъ мнѣ цѣлыхъ пять домовъ, гдѣ хотѣлось ему, чтобъ я побывалъ, и много бы поздравилъ со днемъ его рожденія, другому отвезъ бы ядулку, у третьяго истребовалъ то, что онъ обѣщалъ ему, а у другихъ спросилъ бы только, все-ль они въ добромъ здоровьи? и всѣхъ бы ихъ успѣлъ объѣздить прежде, нежели онъ одѣнется и со двора съѣдетъ.

Я слушалъ, слушалъ, да и сталъ; но какъ онъ послѣднее сказалъ, то отвѣтствовалъ я ему:—Хорошо! ваше высокопревос-

ходительство, я поѣду и повелѣнія ваши постараюсь выполнить, но не знаю, успѣю ли я такъ скоро ихъ всѣхъ объѣздить и къ назначенному времени возвратиться. По новости, я не знаю о пныхъ, гдѣ они и живутъ еще.—«О! подхватилъ генералъ:—тебѣ надобно распрովѣдать о томъ. Спроси ты полицейскаго офицера, онъ всѣхъ ихъ знаетъ и тебѣ расскажетъ; а чтобъ не позабыть и ихъ и дома ихъ, и что я тебѣ приказывалъ, то запиши все то. Есть-ли у тебя записная книжка?»—Книжка-то есть, ваше высокопревосходительство!—«Ну такъ пооди же, мой другъ, распроси и запиши все нужное и постарайся какъ можно, чтобъ тебѣ скорѣй назадъ приѣхать».

Что было тогда дѣлать? хоть не радъ, да готовъ, и припужденъ былъ итти спрашивать, записывать, и потомъ ѣхать и отыскивать не только дома, но и самыя еще улицы, ибо и онѣ были мнѣ еще незнакомы.

Съ превеликимъ трудомъ и насилу отыскалъ я ихъ и измучился впрахъ, скакавши изъ одной улицы въ другую. И какъ было тогда по улицамъ очень скользко, то чуть-было несломилъ головы себѣ въ одномъ мѣстѣ. Догадала меня нелегкая: объѣзжая одну карету на Невской проспективной, поскакать по гладкому тротоару, для ходьбы пѣшихъ сдѣланному по осторожь дороги. Ноне успѣлъ я пѣсколько шаговъ отскакать, какъ лошадь моя оскользнувшись спотыкнулась, и я чуть-было не полетѣлъ стремглавъ съ оной и объ мостовую не разшибся. Но какъ бы то ни было, но я успѣлъ и сіи комиссіи всѣ выполнить и, возвратившись назадъ, засталъ генерала еще дома.

Онъ очень доволенъ былъ моею исправностію и похваливъ, благодарилъ меня за то; но я самъ въ себѣ на умѣ не то думалъ, а говорилъ: «Спросилъ бы, ваше высокопревосходительство, каково мнѣ отъ ѣзды и скаканья сего? и если такъ то всякій день будетъ, то волея Богъ и съ тобою и со всѣми ласкамъ, похвалами и благодареніями твоими!...»

Между тѣмъ, какъ я симъ образомъ

самъ съ собою говорилъ въ умѣ, генералъ собирался ѣхать со двора. Я неинако думалъ, что онъ меня въ сей разъ оставить и поѣдетъ съ однимъ другимъ адъютантомъ; но не тутъ-то было, а я въ томъ обманулся. Генералу хотѣлось, чтобъ неотпѣнно и я ѣхалъ съ нимъ, и я принужденъ былъ опять садиться на измученнаго коня своего и опять скакать съ нимъ подлѣ колеса по улицамъ петербургскимъ. Къ превеликой досадѣ моей, объѣздили мы еще несравненно болѣе домовъ, нежели въ прошедшій день, и искрестили всю почти адмиралтейскую сторону съ одного конца до другого. «Господи!», думалъ я и говорилъ самъ въ себѣ, «долго ли этому длиться и будетъ ли этому конецъ?» — Напоследокъ насилу, насилу приѣхали мы во дворецъ, и я радъ былъ, что могъ тутъ хоть немножко отдохнуть отъ непрерывнаго скаканья; но къ превеликой досадѣ моей и тутошнее отдохновеніе было недолго. Генералу вознадобилось еще съѣздить въ одно мѣсто и болѣе нежели за персту разстояніемъ, и мы опять должны были съ нимъ скакать и оттуда опять поспѣшать домой въ обѣду, вмѣстѣ съ генераломъ. «Ну!» думалъ я: «слава Богу, насилу, насилу всѣхъ объѣздили и обскакали, по крайней мѣрѣ уже послѣ обѣда отдохнемъ»; ибо я не сомнѣвался, что генералъ уже никуда не поѣдетъ. Но не тутъ-то было! и сей счетъ дѣланъ былъ безъ хозяина! Генералу что-то вознадобилось и послѣ обѣда побывать еще въ нѣсколькихъ домахъ, и сей день, власно какъ нарочно, избранъ былъ для испытанія и изпуренія силъ господина новаго адъютанта. Онъ принужденъ былъ опять садиться на лошаду свою и опять скакать подлѣ колеса генеральской кареты. «Господи!» думалъ я тогда! «ну, если все такъ то, такъ это будетъ сущая каторга?»—Но, что я ни думалъ, ни помышлялъ, но генералъ только и зналъ, что изъ дома въ домъ, и гдѣ посидитъ часъ, гдѣ полчаса, гдѣ еще меньше того, а я въ промежутки сіи изволь галанить въ переднихъ и провозить минуты сіи въ расслабленіи и въ

скукѣ превеликой... Радъ, радъ, бывало, гдѣ найдешь хоть стульцо, чтобъ посидѣть и отдохнуть немного, но и въ иныхъ домахъ и того не было и принуждено было ходить, или прислонившись въ стѣнкѣ стоять.

Всю половину дня проѣздили мы симъ образомъ и не прежде домой возвратились, какъ уже при свѣчахъ. Тутъ нашли мы встрѣчающаго насъ генеральсь-адъютанта, и какъ онъ у меня сталъ спрашивать, гдѣ и гдѣ мы побывали и какова мнѣ петербургская жизнь кажется?—то, сдѣлавъ ему пренизкій поклонъ, сказалъ я: «Ну, братъ! спасибо! Ежели такъ то все у васъ, то прахъ бы васъ побралъ и съ жизнью вашею! да это и чортъ знаетъ что! Я такъ измучился, что нечувствую почти ни рукъ, ни ногъ, а спину разогнуть истинно не могу. Я отъ роду не ѣжалъ никогда такъ много и такъ измучился, что и не знаю буду ли въ состояніи и встать завтра».—«Ну, чтожъ? сказалъ мнѣ на сіе г. Балабинъ, завтра хотъ и отдохни и сюда хотъ и не ѣди».— «Да генералъ-то какъ же, не осердился-ль?» спросилъ я. — «Вотъ тебѣ на! отвѣчалъ онъ вѣдь тебѣ неизмучиться же стать, до крайности. Изволь, сударь, изволь оставаться себѣ смѣло во весь день дома и отдыхай себѣ, а я уже возьму на себя сказать о томъ генералу и извинить тебя».

Радъ я невѣдомо какъ былъ сему данному мнѣ совѣту и дозволенію, и положилъ дѣйствительно его исполнить, но еслибъ и не хотѣлъ, но принужденъ бы былъ исполнить то и по неволѣ; ибо оба сіи дни такъ меня отдѣляли, а особливо послѣдній такъ меня донавалъ, что я въ самоѣ дѣлѣ не могъ никакъ встать по утру отъ расслабленія во всѣхъ членахъ и отъ превеликой боли въ спинѣ и въ поясницѣ. Такъ хорошо отдѣлало меня скаканье. Словомъ, я пролежалъ до половины дня въ постели, чего со мною никогда не бывало.

Но чего молодость и здоровое сложеніе тѣла вытерпѣть и перевести не можетъ, и къ чему не можно привыкнуть?

Не успѣлъ тотъ день пройти, какъ почувствовалъ я себя опять здоровымъ и такъ оправившимся, какъ бы ничего не бывало. Тогда совѣстно уже было мнѣ оставаться на квартирѣ долѣе, и я явился опять къ генералу, который, увидѣвъ меня, непременно пошутить надо мною и говорилъ, что произошло сіе отъ непривычки моея къ верховой ѣздѣ, и что нѣкогда съ самимъ имъ тому подобное было, почему и увѣрялъ, что это ничего не значитъ, и что я впредь подобнаго тому ощущать не буду: что и дѣйствительно была правда. Ибо съ того времени, хотя нѣрѣдко ѣзжали мы также всякій день и не только немалыне прежняго, но иногда еще и больше, но я нечувствовалъ уже нивогда болѣе такого расслабленія и боли въ спинѣ и поясницѣ, но ниже и дальней усталости, и самъ тому не могъ довольно удивиться; одни только ноги «парилъ-было я, по непривычкѣ ходить всегда въ толстыхъ и плотныхъ сапогахъ изъ аглинской кожи, но и въ томъ насель средство скоро себѣ пособить.

Оправившись поминутымъ образомъ и собравшись опять съ силами, началъ я, по прежнему, всякій день ѣздить съ генераломъ по разнымъ домамъ знаменитѣйшихъ тогда господъ, а иногда и одинъ, будучи отъ него за тѣмъ къ нимъ посылаемъ. Между тѣмъ начиналъ у насъ приближаться праздникъ святыхъ Пасхи, случившійся въ сей годъ апрѣля 7-го числа. Во всемъ Петербургѣ кипѣло тогда и волновалось, и всѣ готовились къ сему торжеству и тѣмъ наче, что государь намѣренъ былъ взять оный уже въ новомъ зимнемъ дворцѣ и перейти въ оный накануне. Ему хотѣлось, чтобъ всѣ шефы находившихся тогда въ Петербургѣ полковъ изготовили уже къ сему времени новые въ полкахъ своихъ мундиры, дабы всѣ въ сей праздникъ могли быть уже въ оныхъ, а всходствіе того и мнѣ генералъ мой не одинъ уже разъ напоминалъ о мундирѣ, но о которомъ и самъ я уже заботился и къ удовольствію своему и получилъ его отъ портного за нѣсколько дней до праздника. Онъ былъ бѣ-

лый, съ зеленымъ воротникомъ, лацканами и обшлагами, съ палевымъ камзолкомъ и нижнимъ платьемъ. Пуговицы же пашинки и аксельбандъ, которыми онъ былъ украшенъ, были серебряныя, а потому и стоилъ онъ не малыхъ денегъ и со всѣмъ приборомъ, дѣйствительно, болѣе ста рублей. Однако я, продавъ лишешнихъ лошадей, деньгами на то кое-какъ и почти безъ займовъ поисправилъ, а вскорѣ потомъ имѣлъ удовольствіе получить и изъ Москвы себѣ ихъ цѣлыхъ триста рублей, отъ чего и сдѣлался я ими тогда столь богатымъ, каковымъ нивогда не бывалъ, и очень доволенъ былъ своими родственниками, постаравшимися о томъ и переведшими ихъ ко мнѣ чрезъ одного купца петербургскаго, который непреминулъ тотчасъ велѣть меня отыскать и дать мнѣ знать, чтобъ я приходилъ и бралъ отъ него деньги.

Симъ окончу я сіе письмо, а какъ праздновали мы праздникъ и что у насъ происходило далѣе въ Петербургѣ, о томъ узнаете вы изъ письма послѣдующаго, а теперь остаюсь навсегда вамъ и прочая.

Письмо 94-е.

Любезный пріятель! Наконецъ наступилъ праздникъ святыхъ Пасхи. Я уже упоминалъ вамъ въ прежнемъ письмѣ своемъ, что къ торжеству сему дѣланы были во всемъ Петербургѣ приуготовленія пренеликія. Но нигдѣ такъ сіе не примѣтно было, какъ во дворцѣ. Государю хотѣлось неотмѣнно перейти къ оному въ большой новопостроенный домъ свой; но какъ оный былъ еще не совсѣмъ во внутренности отдѣланъ, то спѣшили денно и ночью его окончить и все оставшее додѣлать. Во всѣ послѣдніе дни передъ праздникомъ, кипѣли въ ономъ цѣлыя тысячи народа, и какъ оставался наконецъ одинъ дугъ предъ дворцомъ неочищеннымъ и такъ загроможденнымъ, что не могло быть ко дворцу и приѣзду, то не знали, что съ нимъ дѣлать и какъ успѣть очистить его въ столь короткое, оставшееся уже до праздника время.

Лугъ сей былъ превеликій и обширный, лежавшій предъ дворцомъ и адмиралитетствомъ и простиравшійся поперегъ почти до самой Мойки, а вдоль отъ Миліонной до Исаакіевской церкви. Все сіе обширное мѣсто не заграждено еще было, тогда какъ нынѣ, великимъ множествомъ сплошныхъ нышнихъ и великолѣпныхъ зданій, а загромождено было сплошь преимущественно хибарокъ, избушекъ, шалашей и сарайчиковъ, въ которыхъ жили всѣ тѣ мастеровые, которые строили Зимній дворецъ, и гдѣ заготовляемы и обработываемы были и матеріалы. Кромѣ сего, во многихъ мѣстахъ лежали цѣлыя горы и бугры щепъ, мусора, половинокъ кирпича, щебня, камня и прочаго всякаго вздора.

Какъ къ очищенію всего такого дрязга потребно было очень много и времени и кошта, а особливо, если производить оное, по обыкновенію, наемными людьми, и успѣть тѣмъ никакъ было не можно, то доложено было о томъ государю. Сей и самъ не зналъ сначала, что дѣлать; но какъ ему неотмѣнно хотѣлось, чтобъ сей дрязгъ къ празднику былъ очищенъ, то самый генералъ мой надумалъ его и доложилъ: не пожертвовать ли всѣмъ симъ дрязгомъ всѣмъ петербургскимъ жителямъ, и неудобно ли будетъ ему повелѣть чрезъ полицію свою публиковать, чтобъ всякій, кто только хочетъ, шелъ и бралъ себѣ безданно, безошлинно, все что тутъ есть: доски, обрубки, щепы, каменья, кирпичья и все прочее. Государю подумалось крайне сіе предложеніе, и онъ приказалъ тотчасъ сіе исполнить. Вмигъ тогда разсѣваются полицейскіе по всему Петербургу, бѣгаютъ по всѣмъ дворамъ и повѣщаютъ, чтобъ шли на площадь передъ дворцомъ, очищали бы оную и брали-бъ себѣ что хотѣли.

И чтожь произошло тогда отъ сей публикаціи?

Весь Петербургъ власно какъ взбѣдился въ одинъ мигъ отъ того. Со всѣхъ сторонъ и изъ всѣхъ улицъ бѣжали и бѣжали цѣлыя тысячи народа. Всякій сиѣшилъ, и желая захватить что-нибудь по-

лучше, бѣжалъ безъ ума, безъ памяти, и добѣжавъ, кромсая, рвалъ и тащилъ, что ни попадалось ему прежде всего въ руки, и сиѣшилъ относить или отвозить въ домъ свой и опять возвращаться скорѣе. Шумъ, крикъ, вопль, всеобщая радость и восклицанія наполняли тогда весь воздухъ, и все сіе представляло въ сей день рѣдкое, необыкновенное и такое зрѣлище, которымъ довольно налюбоваться и навеститься было не можно. Самъ государь не могъ довольно нахохотаться, смотря на оное: ибо было сіе предъ обоими дворцами — старымъ и новымъ, и всѣ въ превеликой радости, волокли, везли и тащили добычи свои мимо оныхъ. И чтожь? Не успѣло истинно пройти нѣсколькихъ часовъ, какъ отъ всего несмѣтнаго множества хижинъ, лачужекъ, хибарокъ и шалашей не осталось ни одного бревешка, ни одного отрубочка, и ни единой дощечки, а къ вечеру, какъ не бывало и всѣхъ щепъ, мусора и другого дрязга, и не осталось ни единого камушка и половинки кирпичной. Все было свезено и счищено, и на все то нашлись охотники. Но нельзя и не такъ! И одно рвеніе другъ предъ другомъ побуждало всякаго сиѣшнить на площадь и довольствоваться уже тѣмъ, что отъ другихъ оставалось. Коротко, самые мои люди воспринимали въ томъ такое-жъ участіе, и я удивился увидѣвъ въ вечеру, по возвращеніи своемъ на квартиру, превеликую стопу, наложенную изъ бревешекъ, достокъ, обрубковъ и тому подобнаго, и не вѣрилъ почти, чтобъ можно было успѣть имъ навозить такое великое множество. Словомъ, дрязгу сего было такъ много, что намъ во все пребываніе наше въ Петербургѣ не только не было нужды покупать дровъ, но мы при отъѣздѣ столько еще продали оставшагося, что могли тѣмъ заплатить за весь постой хозяину.

Не успѣли помянутую площадь очистить, какъ государь и переѣхалъ въ Зимній дворецъ, и преселеніе сіе произведено въ великую субботу, при которомъ случаѣ не было однако никакой особенной церемоніи. А и самое духовное торже-

ство праздника не было такъ производимо во дворцѣ, какъ въ прежнія времена, при бывшей императрицѣ, ибо какъ государь не хранилъ вовсе поста и вышеупомянутое имѣлъ отвращеніе отъ нашей религіи, то и не присутствовалъ даже, по прежнему обыкновению, при заутрени, а предоставилъ все сіе однимъ только духовнымъ и императрицѣ, своей супругѣ. И все торжество состояло только въ сборищѣ въ нему во дворецъ всѣхъ знаменитѣйшихъ особъ для поздравленія его какъ съ праздникомъ, такъ и новосельемъ.

Мнѣ самому не удалось въ сей годъ чувствовать всю обыкновенную пріятность, съ симъ праздникомъ сопряженную. Я всталъ хотя и очень рано, но принужденъ былъ помышлять не о заутрени и Богомольѣ, а о томъ, какъ бы скорѣе и лучше причесться и, убравшись въ свой новый мундиръ, ѣхать къ генералу и съ нимъ, съ свѣтомъ, вдругъ скакать въ разные дома знаменитѣйшихъ господъ для поздравленія, и я такъ всѣмъ тѣмъ былъ занятъ, что насилу урвалъ нѣсколько минутъ досушныхъ для забѣжанія въ полицейскую церковь и отслушавія въ ней кончика обѣдни.

Генералъ, какъ по должности своей, такъ и для политическихъ причинъ, ѣздилъ въ сіе утро по разнымъ мѣстамъ отмянно и такъ много, что мы съ нимъ не прежде во дворецъ приѣхали, какъ уже въ одиннадцатъ часовъ, и когда уже былъ онъ весь наполненъ народомъ, и вся площадь установлена была безчисленнымъ множествомъ каретъ и экипажей. Для меня зрѣлище сіе было новое, по любопытнѣйшее дожидалось меня во внутренности дворца самага, въ которомъ я до того времени еще не бывалъ. И самая уже огромность и пышность зданія сего приводила меня въ нѣкоторое пріятное изумленіе, а когда вошелъ я съ генераломъ внутрь сихъ новыхъ императорскихъ чертоговъ и увидѣлъ впервые еще отъ роду всю пышность и великолѣвіе дворца нашего, то пришелъ въ такое пріятное восхищеніе, что самъ себя почти не вспомнилъ отъ удовольствія.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1871 г.

Всѣ комнаты, чрезъ которыя мы проходили, набиты были несмѣтнымъ множествомъ народа и людей разныхъ чиновъ и достоинствъ. Всѣ одѣты и разряжены были въ прахъ, и всѣ въ наилучшемъ своемъ платьѣ и убранствахъ. Но ни въ которой комнатѣ не пораженъ я былъ такимъ пріятнымъ удивленіемъ, какъ въ послѣдней и той, которая была передъ тою, въ которой находился самъ государь, окруженный великимъ множествомъ генераловъ, и какъ своихъ, такъ и иностранныхъ министровъ. Послику и сія, далѣе которой намъ входить не дозволялось, набита была несмѣтнымъ множествомъ какъ военныхъ, такъ и штатскихъ чиновниковъ, а особливо штабъ-офицеровъ, а въ числѣ оныхъ было и тутъ множество еще генераловъ, и всѣ они были въ новыхъ своихъ мундирахъ, то истинно засмотрѣлся я на разнообразность и разнообразность оныхъ! Какихъ это разныхъ колеровъ тутъ не было! и какими разными и новыми прикрасами не различены они были другъ отъ друга! Привыкнувъ до сего видѣть вездѣ одни только зеленые и синіе единообразные мундиры, и увидѣвъ тогда вдругъ такую разнообразицу, не могли мы довольно начудиться и насмотрѣться, и только и знали, что любопытствовали и спрашивали, какихъ полковъ изъ нихъ которые, а наиболѣе тѣ, которые намъ болѣе прочихъ нравились. Не меньшее же любопытство производили во мнѣ и иностранные министры, вышедшіе въ пашу комнату изъ внутренней государевой, разнообразными и разнообразными орденами и кавалеріями своими. И товарищъ мой, князь Урусовъ, которому всѣ они были уже извѣстны, долженъ былъ мнѣ о каждомъ изъ нихъ сказывать.

На все сіе я такъ засмотрѣлся и всѣми сими невиданными до сего зрѣлищами такъ залюбовался, что позабылъ и о всей усталости своей и не горевалъ о томъ, что во всей той комнатѣ не было нигдѣ ни единого стульца, гдѣ бы можно было хоть на нѣсколько минутъ присѣсть для отдохповенія.

Но все мое любопытство было еще до того времени удовлетворено несовершенно, а оставалось еще важнѣйшее, а именно: чтобъ видѣть государя и государыню. Такъ случилось, что сколько разъ ня бывалъ я до того во дворцѣ, по никогда еще до того времени не удавалось мнѣ видѣть оныхъ въ самой близости, а видалъ ихъ только въ портретахъ, а потому давно уже и невѣдомо какъ добивался и желалъ видѣть какъ ихъ, такъ и самую фаворитку государеву, Воронцову, о которой слышавшись о чрезвычайной и непомѣрной любви къ ней государя, будучи еще въ Кёнигсбергѣ, мечталъ я, что надобно ей быть красивѣе превеликой. И какъ сей день и случай казался мнѣ къ тому наилучшимъ и способнѣйшимъ, и я никакъ не сомнѣвался, что увижу ихъ непременно въ то время, когда они пойдутъ къ столу чрезъ ту комнату, въ которой мы находились, какъ о томъ мнѣ сказывали, то, протѣснившись сквозь людей, сталъ я нарочно и заблаговременно подлѣ самыхъ дверей, чтобъ непронустить ихъ и видѣть въ самой близости, когда они проходятъ стануть.

Не успѣлъ я тутъ остановиться, какъ чрезъ нѣсколько минутъ и увидѣлъ двухъ женщинъ въ черномъ платьѣ, и обѣихъ въ Екатерининскихъ алыхъ кавалеріяхъ, идущихъ другъ за другомъ изъ отдаленныхъ покоевъ въ комнату къ государю. Я пропустилъ ихъ безъ всякаго почти вниманія, и пениако думалъ, что были онѣ какія-нибудь придворныя госпожи, ибо о государынѣ и фавориткѣ думалъ я, что онѣ давно уже въ комнатахъ государевыхъ, въ которыя намъ за народомъ ничего было не видно. Но какимъ удивленіемъ поразила я, когда спросивъ тихонько у стоявшаго подлѣ себя одного полицейскаго, и мнѣ уже знакомаго офицера, кто-бъ такова была передняя изъ прошедшихъ мимо насъ госпожъ, услышавъ отъ него, что была то сама императрица! Мнѣ сего и въ голову никакъ не приходило, ибо, видя до сего одинъ только портретъ ея, писанный уже

давно, и тогда еще, когда была она великою княгиней, и гораздо моложе, и видя тутъ женщину низкую, дородную и совсѣмъ не такую, не только не узналъ, но не могъ никакъ и подумать, чтобъ то была она. И досадовалъ невѣдомо какъ на себя, что не рассмотрѣлъ ее болѣе; но какъ неслыханно увеличилось удивленіе мое, когда, на дальнѣйшій сдѣланный ему вопросъ о томъ, кто-бъ такова была другая и шедшая за нею толстая и такая дурная, съ обрюзглою рожею, боярыня? опъ, усмѣхнувшись, мнѣ сказалъ: «Какъ, братецъ! неужели ты не знаешь? Это Елисавета Романовна!»

— Что ты говоришь? оцѣнепѣвъ даже отъ удивленія, воскликнулъ я: — эта-то Елисавета Романовна!... Ахъ! Боже мой... да какъ это можетъ стать? Ужъ такую толстую, нескладную, широко-рожую, дурную и обрюзлую совсѣмъ, любить и любить еще такъ сильно государю?

— «Что изволишь дѣлать! отвѣчалъ мнѣ тихонько офицеръ, и ты дивись уже этому, а мы дивились, дивились, да и перестали уже». — Ну, правду сказать, есть чему и дивиться, подхватилъ я, пожмая только плечами, ибо въ самомъ дѣлѣ была она такова, что всякому даже смотрѣть на нее было отвратительно и гнусно.

Еще я не опомнися отъ чрезмѣрнаго своего удивленія, какъ взволновался весь народъ и, раздѣляясь въ двѣ стороны, сдѣлалъ улицу и свободный проходъ идущимъ и вдали уже показавшемуся государю. Не могу никакъ изобразить, съ какими разными душевными движеніями смотрѣлъ я въ первый разъ тогда на сего монарха и тогдашняго обладателя всей Россіи. Куча народа, состоящая изъ первѣйшихъ чиновниковъ и вельможъ государственныхъ послѣдовали за нимъ и провозжали его въ столовую въ своихъ орденныхъ лентахъ и въ богатыхъ одеждахъ.

Нашъ генералъ шелъ тутъ же и разговаривая съ фавориткою государевою; но я въ сей разъ не удостоилъ ее уже и зрѣніемъ, а смотрѣлъ вслѣдъ за государемъ и императрицею, и самъ въ себѣ только

всему видимому дивился и пожималъ плечами.

Какъ генералу нашему, за помянутымъ разговоромъ съ идущею съ нимъ рядомъ фавориткою, не удалось на меня взглянуть, и никто ему изъ товарищей моихъ въ толпѣ на глаза не попался, то по ушествіи ихъ не знали мы, что намъ дѣлать, и домой ли ѣхать, или тутъ оставаться далѣе и дожидаться повелѣнія отъ генерала. И какъ домой ѣхать мы не отваживались, то чуть-было не дошло до того, чтобы быть намъ для праздника такого безъ объѣда. Мы и были-бы дѣйствительно безъ него, если-бы, по счастью, третьему товарищу нашему, полицейскому офицеру, которому во дворцѣ было все знакомо, не удалось пронюхать и узнать, что въ заднихъ и отдаленныхъ комнатахъ есть накрытый превеликій столъ для караульныхъ офицеровъ и ординарцевъ. Онъ не успѣлъ узнать о семъ, какъ прибѣжавъ къ намъ, звалъ насъ скорѣе съ собою туда, увѣряя, что и намъ тамъ можно объѣдать, нужно только захватить и не упустить мѣсто. Сперва посоветились-было мы и не хотѣли партомъ тамъ искать себѣ объѣда, но онъ силою почти насъ за собою утащилъ и проведя насъ чрезъ множество комнатъ и на другой даже край двorca, привелъ насъ дѣйствительно къ превеликому столу, установленному уже кушаньями, и за который какъ караульные офицеры, такъ и многіе другіе начинали ужъ садиться.

Мы сѣли также, хотя безъ всякаго приглашенія, и наѣлись и напились себѣ до сыта и были сытлостію своею очень довольны, ибо узнали чрезъ то, что и впредь намъ всегда можно симъ офицерскимъ и ординарческимъ столомъ пользоваться и когда ни похотимъ оставаться тутъ объѣдать, что мы и дѣйствительно потомъ и не одинъ разъ дѣлывали, а особливо когда случалось, что не хотѣлось намъ ѣхать домой на короткое время.

Какъ объѣдъ нашъ не такъ долго продолжался, какъ государевъ, то кончивши онъ, пошли мы въ тотъ покой, который служилъ вмѣсто буфета и былъ подлѣ са-

мага того, гдѣ государь кушалъ, дабы могъ генералъ нашъ, вставши изъ-за стола, тотчасъ насъ увидѣть, ибо всѣмъ надлежало, вставши изъ-за стола, идти чрезъ покой сей.

Но мы принуждены были долго сего обратнаго шествія дожидаться: государь любилъ посидѣть за столомъ и повеселиться. Патурально, не гуляли притомъ и рюмки. Болѣе часа дожидались мы тутъ, пока столъ кончится, и имѣли удовольствіе въ сіе время слышать голосъ государевъ и почти все имъ говорящее. Голосъ у него былъ очень громкій, старосый, непріятный и былъ въ немъ нѣчто особое и такое, что отличало его такъ много отъ всѣхъ прочихъ голосовъ, что можно было его не только слышать издадека, но и отличать отъ всѣхъ прочихъ. Наконецъ встали они, и какъ государь пошелъ тотчасъ опять во внутренніе свои чертоги, то вышелъ вслѣдъ за нимъ и генералъ нашъ и обрадовался, насъ увидѣвъ. — «Ну! спасибо, что вы здѣсь, сказали онъ, — и что домой не уѣзжали; мнѣ давеча сказать вамъ о томъ было некогда, но объѣдали-ль вы? Вамъ-бы здѣсь до-обѣдать за столомъ офицерскимъ!» — Мы сказали ему, что мы сіе уже сдѣлали.

— «Ну! хорошо-жь! сказалъ онъ: такъ поѣдемъ же теперь домой и отдохнемъ». Сказавъ сіе, пошли мы внизъ, гдѣ князь, товарищъ мой, отпросился отъ него къ своимъ роднымъ, а я поѣхалъ съ нимъ и готовиться былъ долженъ ѣхать съ нимъ опять во дворецъ на куртагъ съ товарищемъ моимъ, полицейскимъ офицеромъ.

По приѣздѣ къ нему въ домъ, отпросился я тотчасъ на свою квартиру, чтобы отдохнуть хотя часокъ на оной; ибо какъ я почти всю ту ночь не спалъ, то склонилъ меня тогда ужасно сонъ и я впервые еще въ сей день спалъ послѣ объѣда. Но, чтобы не заспать, то посадилъ подлѣ себя человека съ часами и велѣлъ ему тотчасъ себя разбудить, какъ скоро пройдетъ часъ. О семъ упоминаю я для того, что какъ въ послѣдующее время и часто такимъ образомъ удавалось мнѣ по ночамъ спать очень мало и замѣнять то еди-

почаснымъ спаньемъ послѣ обѣда, и я такимъ же образомъ всегда саживалъ подлѣ себя слугу для буженія, то чрезъ короткое время обратилось сіе въ такую привычку, что наконецъ не было нужды меня будить, но я уже и самъ точь въ точь, по прошествіи часа проснулся, а что удивительнѣе всего, то и на все продолженія жизни моей всегда, когда ни случалось мнѣ послѣ обѣда спать, никогда не сыпалъ богиѣ часа и всякій разъ, какъ тогда, пробуждался самъ собою.

Какъ куртаги придворные были тогда для меня также зрѣлищемъ новымъ и никогда еще невиданнымъ, то охотно я поѣхалъ на оный съ генераломъ, и дѣляясь часъ отъ часу во дворцѣ смѣлѣйшимъ, нашелъ средство наконецъ втѣсниться и войти туда-жъ въ галерею, гдѣ онъ продолжался.

Тутъ насмотрѣлся я уже до сыта, какъ на государя, такъ и всему тутъ происходившему. Видѣлъ, какъ тутъ играли въ карты и какъ танцевали, наслушался прекрасной музыки, въ которой государь самъ бралъ соучастіе и игралъ на скрипкѣ вмѣстѣ съ прочими концерты, и довольно хорошо и бѣгло; наконецъ за большимъ столомъ и со многими, съ превеликимъ хохотаніемъ и крикомъ, забавлялся онъ въ любимую свою игру кампій, которую игру также не видывалъ я никогда до того времени; и какъ хотѣлось мнѣ ее очень видѣть, то былъ такъ уже смѣлъ и отваженъ, что подошелъ близѣхонько къ столу, смотрѣлъ на оную и не могъ довольно насмотрѣться и наднвиться.

Мы пробыли тутъ съ генераломъ до самаго окончанія сей вечеринки, а какъ онъ оставленъ былъ у государя и ужинать, то принужденъ былъ и я опять тутъ окончанія онаго дожидаться и также перехватить хоть немного за столомъ офицерскими. Но ожиданіе конца ужина, бывшаго въ прежней столовой, было для насъ очень скучновато.

Ужинъ продлился очень долго и гораздо за полночь, и мы все сіе время должны были галантить и ждать въ проходной буфетной. И какъ не было, какъ въ семь, такъ и во всѣхъ

другихъ тутъ комнатахъ ни единого стульица, на которое бы можно было пристѣсть и отдохнуть, то, отъ непрерывнаго стоянія и хожденія взадъ и впередъ, для прогнанія дремоты, впрахъ мы всѣ пзмучились, а особливо я, по непривычкѣ. Сонъ клонилъ меня немилосерднымъ образомъ, а подремать не было нигдѣ ни малѣйшаго способа. Нѣскольکو разъ испытывалъ я становиться для сего гдѣ-нибудь къ стѣнкѣ или къ уголку, во всѣмъ испытанія были тщетны, ибо не успѣють глаза пачать сжиматься и сонъ воспринимать верхъ надъ бдѣніемъ, какъ вдругъ подгибаются колѣни и, приводя чрезъ то человѣка въ движеніе, разбужаютъ оваго къ неописанной досадѣ и мѣшаютъ сладкой дремотѣ.

Измучившись и изломавшись, насилу-насилу дождался я конца сего ужина и всей бывшей за онымъ доброй понойкѣ. Мы возвратились домой почти уже предъ разсвѣтомъ, а какъ поутру долженъ былъ я опять вставать рано, то судите, каково мнѣ тогда было!

Но первый день, куда уже не шель! Я имѣлъ много труда и безпокойства, но зато по крайней мѣрѣ насмотрѣлся многому, а потому и не помышлялъ и горевать даже о помянутыхъ безпокойствахъ, думая, что впредъ, по крайней мѣрѣ, не таково будетъ; но какъ увидѣлъ, что и всѣ послѣдующіе дни были ничѣмъ не лучше, а точно таконье-жъ, и не было дня, въ который бы мы съ генераломъ, по нѣскольکو десятковъ верстъ и всегда почти вскачь, не объѣздили, не побывали во множествѣ домахъ, и разовъ двухъ не посѣтили дворца, и въ ономъ либо обѣдали, либо ужинали, либо обѣдать къ кому-нибудь изъ первѣйшихъ вельможъ вмѣстѣ съ государемъ не ѣздили, и я всякій разъ такимъ же образомъ впрахъ измучившись и изломавшись, не прежде, какъ уже передъ свѣтомъ, домой возвращался: то скоро почувствовалъ всю тягость такой безпокойной и прямо почти собачей жизни, и не только разѣзды свои съ генераломъ, и безпрерывныя разсыланія меня то въ тотъ, то въ другой край Петербурга, до

крайности возненавидѣлъ и проклипалъ; но и самый дворецъ, со всѣми пышностью и веселостями его, которыя въ первый разъ такъ были для меня занимательны и забавны, наконецъ такъ мнѣ опостылѣлъ и надоѣлъ. что мнѣ объ немъ и вспомнить не хотѣлось, и я за величайшее наказание считалъ, когда доводилось мнѣ съ генераломъ нашимъ въ него ѣхать.

Какая-бъ собственно причина побуждала генерала моего къ толь частымъ посѣщеніямъ знатнѣйшихъ господъ и другихъ разныхъ людей, того, какъ тогда всѣ мы не знали и не понимали, такъ истинно не знаю я и понинѣ.

Будучи генералъ-полицеймейстеромъ въ государствѣ, и имѣя толь великую обузу дѣлъ на себѣ, что ему въ каждое утро приносили изъ полиціи цѣлыя кучи бумагъ для читанія и подписыванья, казалось, что могло-бъ и одно сіе его занимать, умалчивая о прочихъ дѣлахъ, къ его должности относящихся, и за сими не до того казалось было ему, чтобъ разѣзжаться по гостямъ и терять на то время свое.

Но онъ, при всей тогдашней строгости государя, повидимому всего меньше рачиль о исправномъ исправленіи толь важной должности своей и всего рѣже ѣзжалъ по дѣламъ до должности его относящимся, но напротивъ того, такъ мало ее уважалъ, что и десятой доли приносимыхъ и заготовленныхъ къ подписанію его бумагъ не прочитывалъ, а подписывалъ множайшія изъ нихъ совѣмъ не читая. А всѣ выѣзды его были по большей части къ канцлеру и къ нѣкоторымъ другимъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ господъ, какъ напримѣръ къ прежнему моему командирю генералу Вилбозу, который былъ тогда у насъ фельдцейхмейстеромъ, принцу Гольштинскому, Шувалову, Скаворонскому и многимъ другимъ, а что всего удивительнѣе, то и къ самымъ иностраннымъ министрамъ, а особливо къ английскому и прусскому, до которыхъ, равно какъ и до другихъ министровъ, казалось, не было-бъ ему ни малѣйшаго дѣла. Совѣмъ тѣмъ, онъ не только самъ ѣзжалъ ко всѣмъ къ нимъ очень не рѣд-

ко, но сверхъ того обоимъ насъ съ княземъ замучивалъ посылками къ нимъ то и дѣло, и что всего досаднѣе, за сими иногда бездѣлицами и ничего нестоящими дѣлами.

Не могу и понинѣ забыть, съ какимъ огорченіемъ и досадою скачешь безъ памяти иногда версты двѣ къ какому-нибудь паршивому парчишкѣ, и единственно только за тѣмъ, чтобъ спросить въ добромъ ли онъ здоровѣ?

Часто случалось, что онъ обоимъ намъ однимъ утромъ домовъ по десяти на скажетъ куда ѣхать, и мы скачемъ, какъ угорѣлыя кошки, и за всѣ свои труды, что всего было досаднѣй, получаемъ еще отъ чуднаго своего генерала брани. Часто случалось, что, будучи какъ-то безпамятенъ, или имѣя голову набитую уже слишкомъ всякимъ вздоромъ, забывалъ онъ кому изъ насъ приказалъ куда съѣздить, и вдругъ требовалъ отъ меня отчета въ томъ, о чемъ приказывалъ князю, а отъ него въ томъ, что было мнѣ поручено; а что всего смѣшнѣе и досаднѣе, то случалось не однажды, что рассказывая намъ многихъ къ кому ѣхать, про иного забывалъ, а потомъ спрашивалъ, были ли мы у того? И какъ скажешь и докажешь записками своими, что про того онъ и не упоминалъ вовсе, то сердился, досадовалъ и бранилъ насъ за то, для чего сами не догадались заѣхать или ему не напомнили. Не чудныя ли по истинѣ и не сумасбродныя ли были требованія и взмысканія таковыя? Но мы должны были молчать, терпѣть и переносить его глѣвъ праведный, внутренно же не могли, чтобъ не хохотать тому и не смѣяться.

Далѣе скажу, что ко всѣмъ симъ разсылкамъ употребляемъ былъ отъ генерала болѣе я, нежели князь Урусовъ и можетъ быть потому, что умѣлъ я говорить по нѣмецки и могъ съ множайшими изъ тѣхъ, къ коимъ онъ посылалъ, говорить на природномъ ихъ языкѣ, ибо множайшіе изъ нихъ были нѣмцы. Сверхъ того князь Урусовъ былъ какъ-то увертливей меня и находилъ средства отбывать иногда не только отъ такихъ посы-

ложь, но и отъ сажой ѣзды съ генераломъ; и потому онъ и въ половину столько не терпѣлъ безпокойствъ, сколько я, а особливо сначала и покуда я сколько-нибудь не натерѣлъ и научился также военъкъ и отбывать иногда.

Въ самые выѣзды свои со двора и разѣзды по домамъ знатныхъ вельможъ, а особливо послѣ полудни, биралъ онъ обыкновенно только меня одного; но сіи для меня сопряжены были не столько съ безпокойствомъ, сколько со скукою, ибо я имѣлъ всегда по крайней мѣрѣ ту выгоду, что могъ вездѣ находить стулья и мѣсто гдѣ сидѣть во все то время, покуда генералъ сживалъ у хозяина. И сначала перелаживала меня только одна скука, а особливо въ такихъ домахъ, гдѣ онъ сживалъ по нѣсколькимъ часамъ сряду, и я принужденъ бывалъ все сіе время проводить одинъ-одинехонекъ, въ какой-нибудь пустой передней комнатѣ; по какъ послѣ я догадался и сталъ запасаться всегда на такіе случаи какою-нибудь любопытною книжкою въ варианѣ, то бывало, засѣвъ гдѣ-нибудь въ уголокъ, или подлѣ окошечка, вынимаю себѣ книжку, занимаю себѣ чтеніемъ, какъ-бы дома и не горюю о томъ, сколько-бы ни сидѣлъ генералъ у хозяина.

Но во дворцѣ было дѣло совсѣмъ иное: тутъ не только что о читаніи такомъ и помыслить было не можно, но та пуще всего была намъ напасть, что сидѣть было вовсе не на чемъ. Я уже упоминалъ, что во всѣхъ тѣхъ комнатахъ, гдѣ мы бывали, не было тогда ни единого стульця, а стояли только въ одной проходной комнатѣ одни канапе, по и тѣ были обиты богатыми штофомъ и такіе, на какихъ мы сначала не смѣли и помыслить, чтобъ садиться, къ тому-жъ и стояли они не въ самой той комнатѣ, гдѣ мы, во время утреннихъ генеральскихъ приѣздовъ, всегда должны были становить и его дожидаться. Комната сія была самая та, о которой я уже упоминалъ, а именно ближняя подлѣ той, гдѣ государь обыкновенно бывалъ и съ приѣзжающими къ нему по утрамъ разговариваетъ, и которую

рѣдко не нахаживали имъ наполненную многими людьми. И такъ, принужденъ будучи въ ней иногда по нѣвольску часамъ стоять и безъ всякаго дѣла галанивать, имѣли только ту отраду и удовольствіе, что могли всегда въ разворенныя двери слышать, что государь ни говорилъ съ другими, а иногда и самого его и всѣ дѣянія видѣть. Но сіе удовольствие было для насъ удовольствіемъ только сначала, а впоследствии времени скоро дошло до того, что мы желали уже, чтобъ таковыя разговоры до нашего слуха и не достигали; ибо какъ рѣдко стали уже мы заставлять государя трезвымъ и въ полномъ умѣ и разумѣ, а всего чаще уже до обѣда нѣсколько бутылокъ аглицкаго пива, до котораго былъ онъ превеликій охотникъ, уже опорожнившимъ, то сіе и бывало причиною, что онъ говаривалъ такой вздоръ и такія нескладицы, что при слушаніи оныхъ обливало даже сердце кровію отъ стыда предъ иностранными министрами, видящими и слышащими то, и безсомнѣнно смѣющимися внутренно. Истинно бывало, вся душа такъ поражается всѣмъ тѣмъ, что бѣжалъ бы неоглядкою отъ зрѣнща таковаго!—такъ больно было все то видѣть и слышать.

Но никогда такъ много не поражался я досадными зрѣнщами таковыми, какъ въ то время, когда случалось государю ѣзжать обѣдать къ кому-нибудь изъ любимцовъ и вельможей своихъ и куда должны были послѣдовать всѣ тѣ, къ которымъ оказывалъ онъ отъиѣнное свое благоволеніе, какъ наприимѣръ и генералъ мой и многіе другіе, а за ними и всѣ ихъ адъютанты и ординарцы. Табунъ бывало цѣлый поскачетъ вслѣдъ за похавшими и хозяинъ успѣвая только всѣхъ угащивать и подчивать; ибо натурально вездѣ и для насъ даваемы были столы. Одни только трубки и табакъ приваживали мы съ собою изъ дворца свой. Ибо какъ государь былъ охотникъ до куренія табаку и любилъ, чтобъ и другіе курили, а всѣ тому натурально въ угодность государю и подражать старались, то и пригда-

государь всюду, куда ни поѣдетъ, съ собою цѣлую корзину го- хъ глиняныхъ трубокъ и множе- ртубовъ съ кнастеромъ и другими и, и неуспѣемъ куда приѣхать, закуратся у насъ нѣсколько де- трубокъ и въ одинъ мигъ вся наполнится густѣйшимъ дымомъ, арю то было и любо, и онъ хо- о компанѣ только что шутилъ, и хохоталъ. Но сіе куда бы уже еслибъ не было ничего дальнѣй- для всѣхъ россиянъ постыднѣй- о та-та была и бѣда наша! Неу- бывало сѣсть за столъ, какъ и ть рюмки и показы и столъ при- что, вставши изъ-за стола, сдѣ- иногда всѣ какъ маленькіе ребя- и начнутъ шумѣть, кричать, хо- говорить нескладницы и песооб- и сущія. А однажды, какъ те- жу, дошло до того, что вышедши юна прямо въ садъ, ну играть ъ на усыпанной пескомъ площад- къ играютъ маленькіе ребятки. ѣ прыгать на одной ножкѣ, а согнутымъ колѣномъ толкать сво- марищей подъ задницы и кричать: братцы кто удалѣе, кто сшибетъ кого первый», и такъ далѣе. А по дите, каково же намъ было тогда гъ на зрѣлище сіе изъ оконъ и ви- пмъ образомъ всѣхъ первѣйшихъ дарствѣ людей, украшенныхъ ор- и звѣздами, вдругъ сыргибаю- голкущихся и другъ друга наземъ цяхъ? Хохоть, крикъ, шумъ, бѣ- ладоши раздавались только всюду, и только что гремѣли. Они должны гужить наказаніемъ тому, кто не держаться на ногахъ и упалъ на

Однако все сіе было еще ничто ъ тѣхъ разнообразныхъ сценъ, ка- али послуѣ того и когда докажи- о того, что продукты бактусовы или всѣхъ пирующихъ даже до степени, что у много наконецъ и з было вытти въ сѣсть въ линию, деры выносили уже туда на ру- зонхъ.

Но никогда такъ сильно дружба съ бак- хусомъ невозобновляема была, какъ во дворцѣ за ужинами, за которыми дол- женъ былъ и генералъ мой очень часто присутствовать. Государь любилъ его какъ-то около сего времени очень и былъ къ нему милостивъ, а потому и ѣзжалъ онъ почти ежедневно во дворецъ, а съ нимъ и моя милость. И такъ, бывало, за- сядутъ они себѣ за столъ и вступя въ премудрые и пространные разговоры, ну пограмыхивать рюмками и стаканами, а мы между тѣмъ во всю ночь галанить и ходить взадъ и впередъ по буфетной, присланиваться къ стѣнамъ и къ угол- камъ, ссориться ежеминутно со сномъ и дремотою, мурчать себѣ подъ носъ и про- клинать часъ своего рожденія. Не могу и понмиѣ позабыть, какъ досадны и мучи- тельны бывали для насъ сіи дворцовые предлинныя ужины, и къ какимъ даже дуростямъ доводимы были мы иногда не- преодолимымъ почти хотѣніемъ спать.

Какъ во всѣхъ тутъ комнатахъ не было ни единого стульца, гдѣ-бъ можно было хоть на минуточку присѣсть, стоячи же подлѣ стѣвки дремать никакъ было не можно, потому что колѣни подгибались: то что-жъ наконецъ выдумали и затѣяли мы, или прямо сказать я, ибо признаюсь, что заводчикомъ тому былъ я собственно. Философствуя долгое время и вымы- шляя, какъ бы пособить нуждѣ своей и найти способъ дремать,—взглянулъ я однажды на бывшую въ той комнатѣ, иреликую и четвероугольную печь и находившійся подлѣ ея запечекъ или узкую пустоту между печью и стѣною. Вмигъ тогда пришло мнѣ въ голову испытать, ужъ не можно ли было хоть съ нуждою про- тѣсниться бокомъ въ пустоту сію и уще- мить себя такъ между печью и стѣною, чтобъ проклятымъ колѣнамъ не можно было сгибаться и мѣшать мнѣ спать стоячи. Я попробовалъ сіе сперва тай- комъ и такъ, чтобъ никто того не ви- далъ, но какъ скоро увидѣлъ, что было то дѣйствительно очень хорошо и что протѣснись туда стоншь, какъ въ тискахъ, и колѣна ни мало уже не мѣшаютъ дре-

мать, какъ побѣжалъ искать, между множествомъ нашей братьи, товарища своего, полицейскаго офицера, и, подхвативъ его за руку сказалъ:—«Ну, братъ! поидемъ-ка. Я нашелъ наконецъ мѣсто, гдѣ намъ можно сколько хотимъ себѣ дремать, а надобно намъ только помогать другъ другу».

Онъ любопытенъ былъ весьма видѣть оное, и какъ ему я запечекъ указалъ и расстоловалъ все дѣло, то сказалъ онъ:—«Хорошо бы, братъ; но ну-ка тутъ заспишься, а государь между тѣмъ встанетъ и поидетъ здѣсь мимо самаго сего мѣста въ спальню свою и увидитъ: куда тогда дѣваться и что дѣлать!»—«Кой ты! подхватишь я: да развѣ не можно намъ спать тутъ попеременно, то тебѣ, то мнѣ, а между тѣмъ, другъ отъ друга не отходить, а стоять на караулѣ, и тотчасъ спящаго будить, какъ скоро въ столовой заворопятся и вставать стануть?»—«Ну, дѣло! сказалъ онъ: право дѣло! начинай же, братъ, ты первый, и полѣзай, а я буду между тѣмъ твой вѣрный стражъ, и не только тебя разбуджу, какъ скоро вставать стануть, но и стану вотъ тутъ въ уголку и загорожу тебя спиною, такъ что никто не увидитъ тебя». — «Кй, ей, хорошо! подхватилъ я:—но какая нужда давать мнѣ такъ долго спать, дай мнѣ хоть немножко вздремнуть, а тамъ пусти я тебя и стану караулить также. — Сказавъ сіе, приступилъ я къ дѣлу, и средство сіе было такъ удачно, что оба мы выспались въ сей вечеръ, какъ хотѣли, и повторяли то не одинъ разъ, а смотря на насъ дѣлывали потомъ тоже и другіе наши братья — адъютанты и ординарцы, которыхъ всегда была тутъ толпа превеликая, и скоро уже дошло, что всякой въ захватъ старался овладѣть симъ мѣстомъ.

Въ другой разъ, и какъ мѣсто сіе помянутымъ образомъ захвачено было уже нами, догадало меня сдѣлать другую проказу. Давно уже грызъ я зубы на помянутые выше сего штофные канале, стоящія въ среднемъ проходномъ покоѣ, и также по несчастію на самой дорогѣ.

гдѣ государю, идучи во внутренніе свои чертоги, проходить надлежало. Вся наша братья, равно какъ и мы, почитали ихъ власно какъ священными, и не смѣли къ нимъ никакъ прикасаться, къ тому жъ и отдаленность ихъ отъ того мѣста, гдѣ мы гапанивали и самое мѣстоположеніе ихъ, отъ того всякаго удерживало; но какъ я, оборкавшись во дворцѣ, сдѣлался уже смѣлѣе и отважлѣе, то давно уже было у меня на умѣ испробовать, прикормить также и на нихъ; а чтобъ не засталъ государь, то употребить также на вспоможеніе себѣ своего товарища полицейскаго офицера. Но тогда, власно какъ нарочно, случись такъ, что увидѣлъ я на канаяхъ сихъ придворнаго пажъ, почитающаго себѣ снокойно и растанувшагося, какъ на кровати.

— Тѣфу! какая диковинка! сказалъ я самъ въ себѣ, когда пажъ можетъ тутъ спать, то почему-жъ бы и мнѣ не можно было? Вѣдь я такой же государевъ слуга, и ничѣмъ его не хуже! Побѣгу за товарищемъ, поставлю его на караулъ, а тамъ споню этого молодца и лягу.

Въ одинъ мигъ все сіе и сдѣлано было. И, смолвившись съ офицеромъ поставивъ его у дверей на караулъ, вдругъ подбѣгаю къ пажу, трясу его за плечо и на ухо кричу: «государь, государь идетъ». — Вѣдний мой пажъ вскочилъ безъ ума, безъ памяти, и дай Богъ поги, а я и плюхъ на его мѣсто, но съ тою однако предосторожностію, что подъ ноги разослалъ напередъ свой платокъ, чтобъ не замарать ими штофа. Не успѣлъ я улечься и начать глаза заводитъ, какъ гляжу — пажъ мой, увидѣвши, что я его обманулъ, и что государь сидитъ еще за столомъ, вздумалъ-было опять меня согнать и употребить къ тому такой же обманъ.

Онъ прибѣгаетъ ко мнѣ, и, будя, говоритъ мнѣ, но очень учтиво и вѣжливо: «извольте, сударь, вставать! государь позволитъ шествовать». Но я, дожидаясь повѣсти сей не отъ него, а отъ своего товарища, тотчасъ догадался и сказалъ ему: «пустое, братъ! не правда и не мѣшай

Досадно было паку, что я не дался
обманъ. Думать онъ и гадать,
и ему согнать меня удобнѣе было

По счастью моему, не зналъ онъ,
какъ онъ и не отважился предприни-
мать-нибудъ излишествъ; но нако-
лится опять къ мнѣ, садится
въ ногахъ и начинаетъ говорить,
и всячески падо мною, трупить
и тѣмъ мѣшать мнѣ наслаждаться
приятнымъ. Долго я перемогался
и притворяясь, что того не слы-
шакъ онъ мнѣ своимъ шнынявья-
уэльъ, то приподнявшись, сказалъ
«пустяки, братъ, и напрасно тру-
сь, не согнать тебѣ меня, а убирай-
шь прочь». — Но какъ и сіе не по-
но онъ опять началъ и еще болѣе
ую по своему обыкновенію забав-
и вѣдая, что съ ними безъ даль-
эремоній обходиться можно, толк-
ки я его ногою и сказалъ: «ну!
же прочь, когда честь не беретъ,
шай!» Но пажа моего и то не-
аетъ, но онъ началъ еще и болѣе
езпоконить и даже за ноги трестъ.
вышелъ я изъ терпѣнія, и припод-
лъ, сердито уже закричалъ на не-
кшншъ! пошелъ прочь, щенокъ, и
ай! а то я велю тебѣ полицей-
фицеру неволю и съ нечестью
охожь стащить!» — «Какъ бы не
сказалъ онъ. — А вотъ я тебѣ и до-
одхватилъ я, что точно такъ; госпо-
шперъ! сказалъ я, обратясь къ сто-
вдали и караульнику меня то-
моему. Подите сюда! и оттащите
изъ этого щенка прочь, и отведите

тѣль-было далѣе, но самъ не зная,
юрить; но спасибо, не было уже
болѣе нужды. Паждъ, увидя, что
въ самомъ дѣлѣ сталъ подхо-
намъ, такъ того испужался, что
же мигъ вскочилъ и отъ насъ
тъ, а сіе и избавило меня отъ се-
ла, и я высрался себѣ тутъ до-сы-
э прежде уже всталъ, какъ будучи
нвъ своимъ товарищемъ; и какъ
эй опытъ удался, то непременно

мы и послѣ сею отвагою пользоваться и
сыпать иногда на канаяхъ сихъ.

Но я заговорился уже такъ и позабылъ,
что письмо мое уже слишкомъ увеличи-
лось и что мнѣ давно пора его кончить;
итакъ, окончивъ сямъ, скажу, что я
есмь навсегда, и прочее.

Письмо 95-е.

Любезный пріятель! Такимъ обра-
зомъ жилъ я въ Петербургѣ и мыкалъ
свое горе. О должности моей, какъ ни
говорилъ г. Балабинъ, что она легкая
и ничего пезначущая, но она была въ
самомъ дѣлѣ крайне трудная и пбез-
покойная, а особливо въ первый мѣсяць
по моемъ приѣздѣ въ Петербургъ, и въ
короткое время такъ мнѣ надоѣла и на-
скучила, что я проклиналъ ее и все на
свѣтѣ и не радъ былъ почти животу
своему.

И я истинно не знаю, какъ бы могъ
переносить ее далѣе, еслибъ, по проше-
ствіи праздниковъ, по вскрытіи рѣки Не-
вы, по наведеніи чрезъ нее на Васильев-
скій Островъ моста и по наступленіи
весны, не произошло въ обстоятельствахъ
нашихъ небольшой и такой перемѣны,
которая стала доставлять намъ време-
нень и отрады и довольное уже иногда
отдохновеніе, и чрезъ то сдѣлала мнѣ
должность мою сноснайшею.

Произошло сіе болѣе отъ двухъ или
трехъ причинъ, и во-первыхъ отъ того,
что генералъ нашъ, имѣя давно уже у
себя близкую пріятельницу въ женѣ того
старичка Волчкова, который славень у
насъ былъ переводами многихъ (сочине-
ній), а особливо Гофмановыхъ: «О спо-
койствіи и удовольствіи» и Белегар-
дова «Истиннаго христіанина и че-
стнаго челоуѣка», сталъ по прежнему
ѣздить къ ней, очень часто, на Васильев-
скій Островъ, гдѣ она съ мужемъ своимъ
жила, и пробывать у ней по цѣлой ино-
гда половинѣ дня, и вечера цѣлме. Ибо,
какъ онъ туда никого изъ насъ не бири-
валъ, то, при всѣхъ такихъ случаяхъ, и
оставались мы дома и могли по волѣ от-
дыхать и употреблять сіе время на себя.

Второе обстоятельство, уменьшившее также нѣкоторымъ образомъ ежедневное наше безпокойство, было то, что государь, по вскрытіи весны, началъ уже чаще заниматься экзерцированіемъ и смотрами своихъ войскъ и другими упражненіями, а потому и подобныя тѣмъ пиршества, о какихъ упоминалъ я прежде, бывали уже рѣже, и мы съ генераломъ своихъ ѣзжали во дворецъ и на оныя не таеъ уже часто.

Наконецъ, третья и главнѣйшая причина переѣзны происшедшей была та, что какъ около сего времени ропотъ на государя и негодованіе ко всѣмъ дѣланіямъ и поступкамъ его, которые чѣмъ далѣе, тѣмъ становились хуже, не только во всѣхъ знатныхъ съ часу на часъ увеличивалось, но начинало дѣлаться уже почти и всенароднымъ, и всѣ будучи крайне недовольными заключеннымъ съ пруссаками перемиріемъ и жалѣя о ожидаемомъ потерянн Пруссіи, также крайне негодуя на безпредѣльную приверженность государя къ королю прусскому, на ненависть и презрѣніе его къ закону, а паче всего на крайнюю холодность, оказываемую къ государынѣ, его супругѣ, на слѣпую его любовь къ Воронцовой, а паче всего на оказываемое отчасу болѣе презрѣніе ко всѣмъ русскимъ и даваемое преимущество предъ ними всѣмъ иностранцамъ, а особливо голштинцамъ,—отваживались публично и безъ всякаго опасенія говорить, и судить, и рядить всѣ дѣла и поступки государевы. О государынѣ же императрицѣ, о которой послалась уже молва, что государь вознаграждается ея совѣтамъ отринуть и постричь въ монастырь, сына же своего лишитъ наслѣдства — изъяслять повсюду сожалѣніе и явно ей благопріятствовать: то генералъ нашъ, будучи хитрымъ придворнымъ человекомъ и предусматривая, можетъ быть, чѣмъ все это кончится, и начиная опасаться, чтобъ въ случаѣ бунта и возмущенія, или важнаго во всемъ переворота, непретерпѣть бы и самому ему чего-нибудь, яко любимцу государеву, при таковомъ случаѣ — уже нѣкоторымъ образомъ и не радъ тому былъ, что го-

сударь его отѣнно жаловалъ, и потому, соображаясь съ обстоятельствами, началъ уже стараться понемногу себя отъ государя сколько-нибудь уже и удалить, а напротивъ того тайнымъ и неприимнымъ образомъ прилѣплялся къ государынѣ императрицѣ и отъ времени до времени бывать на ея половинѣ и ей всѣмъ, чѣмъ только могъ, прислуживаться и подольщаться, чтобъ послѣ дѣйствительно и спасло его отъ бѣдствія и несчастія при послѣдовавшей потомъ революціи. Сія - то была третья причина, уменьшившая гораздо всегдашніе его выѣзды и заставлявшая болѣе сидѣть дома и заниматься будто своими полицейскими дѣлами, равно какъ и при самыхъ выѣздахъ не всегда насъ брать съ собою, но оставлять дома, что дѣлывалъ онъ всегда, когда случалось ему ѣздить на половину къ государынѣ или къ ея приверженцамъ. Сперва мы не знали всего того и только что дивились такой несожидаемой переѣзны; но какъ узнали о потаенныхъ его бваніяхъ у императрицы, о препровожденіи у нея иногда по нѣсколькимъ часамъ времени въ играни въ карты и въ разговорахъ, то скоро догадались, къ чему все сіе клонится и отчего примѣченна перемѣна происходила.

Но какъ бы то ни было, но мы ею были очень довольны, а горевали и озабочивались только о себѣ съ другой стороны. Всѣмъ намъ помянутый народный ропотъ и всеобщее часъ отъ часу увеличивающееся неудовольствіе на государя было извѣстно, и какъ со всякимъ днемъ доходили до насъ о томъ неприятные слухи, а особливо когда извѣстно сдѣлалось намъ, что скоро съ прусскимъ королемъ заключится миръ и что готовится уже для торжества мира огромный и великолѣпный фейерверкъ, то вѣрѣдко сошедшисъ на досугъ, всѣ вмѣстѣ говаривали и разсуждали мы о всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ и начинали опасаться, чтобъ не сдѣлалось вскорѣ бунта и возмущенія, а особливо отъ огорченной до крайности гвардіи. Мысли о семъ тѣмъ болѣе всѣхъ насъ тревожили

и озабочивали, что мы опасались, амъ при такомъ случаѣ не пре- бы и самимъ чего-нибудь. «Со- Богъ, ежели что дѣйствительно деть!» говаривали мы не одинъ жду собою: «то генералу нашему будетъ тогда удѣлтъ. Всѣ почи- го любимцемъ государевымъ, хотя далеко не въ такой милости у не- другіе; но разбираютъ ли при та- учаяхъ? И Боже сохрани, ежели ся съ нимъ что-нибудь дурное, гись и мы всѣ, при немъ живу- чтуть и насъ во всемъ соучастни- тобъ не пострадать и намъ всѣмъ и за Христа, ни за Богородицу, ибнуть бы невозвратно».

и подобнымъ тому образомъ го- и ми часто между собою, покан- обыкновенно разговоръ свой об- ореваніемъ о томъ, что живемъ и сумнительныя времена и нахо- при такомъ генералѣ, отъ кото- ромъ бѣды, впрочемъ никакого жидать не можно; ибо въ непо- ему можно сказать, что несмотря свое великое богатство, и обстоя- о, что ему, какъ бездѣтному, со- некому было прочить, былъ онъ ужденіи насъ до чрезвычайности и никорда даже и непомышлялъ о тобъ чѣмъ-нибудь насъ облагодѣ- овать, или возблагодарить насъ за гу къ нему ревность, труды и услуги ибудь существительнымъ. Никто ъ не видалъ отъ него во всю на- гность при немъ ни малѣйшаго одарка или какого благодаренія аго. А все состояло только въ то что мы ѣдали за столомъ его; но г обязывала его и должность, а съ сей стороны были мы ему не благодарны.

ръ кстати разскажу я вамъ, лю- пріятель, одно случившееся около змени со мною происшествіе, кото- важности своей относительно до обливнаго примѣчанія достойно. Въ ень, и какъ теперь помню, предъ ь, когда мы всѣ были дома, приѣз-

жаетъ къ намъ тотъ самый г. Орловъ, который въ послѣдующее время былъ столь славенъ въ свѣтѣ, и, сдѣлавшись у насъ первѣйшимъ большимъ бояриномъ, игралъ нѣсколько лѣтъ великую ролю въ государствѣ нашемъ. Я имѣлъ уже слу- чай, въ прежнихъ письмахъ своихъ, ска- зывать вамъ, что сей человекъ былъ мнѣ знакомъ по Кѣнигсбергу, и тогда, когда былъ онъ еще только капита- номъ и приставомъ у плѣннаго прусска- го королевскаго адъютанта, графа Шв- рина, и знакомъ болѣе потому, что онъ часто къ намъ хаживалъ въ кан- целярію, что мы вмѣстѣ съ нимъ хаживали танцовать по мѣщанскимъ свадь- бамъ, танцовали вмѣстѣ на генеральскихъ балахъ и маскарадахъ, и что онъ не только за ласковое и крайне пріятное свое обхожденіе былъ всѣми нами лю- бимъ, но любилъ и самъ насъ, а особливо меня, и мы съ нимъ были не только очень коротко знакомы, но и дружны. Сей-то человекъ вошелъ тогда вдругъ въ залу, гдѣ я съ прочими находился, и какъ онъ былъ все еще таковъ же хорошъ, мо- лодъ и статенъ, какъ былъ прежде, то нельзя мнѣ было тотчасъ не узнать его, и какъ я объ немъ съ того самаго вре- мени, какъ онъ отъ насъ тогда съ Шв- ринимъ поѣхалъ, ничего не слыхалъ, и не зналъ, не вѣдалъ, гдѣ онъ и нахо- дится, то обрадовавшись невѣдомо какъ сему нечаянному свиданію, не успѣлъ его завидѣть, какъ съ распростертыми для объятія руками, побѣжалъ къ нему, закричавъ:

— «Ба! ба! ба! Григорій Григорьевичъ!...»

А онъ, въ ту же минуту узнавъ меня также, съ прежнею ласкою ко мнѣ воскликнулъ: «Ахъ! Болотенько! (ибо такъ всегда онъ меня любя и шутя въ Кѣ- нигсбергѣ называлъ): другъ мой! откуда ты это взялся? какимъ образомъ очутился здѣсь? Ужъ не въ штатѣ ли у Николая Андреевича?»

— Точно такъ! отвѣчалъ я ему, обни- мающему и цѣлующему меня дружески: флигель его адъютантомъ!... Ахъ, Боже мой! продолжалъ я, какъ я радъ этому,

что тебя здѣсь нахожу и вижу здоровымъ и благополучнымъ!—«Ко мнѣ, ко мнѣ, братецъ, пожалуй! сказалъ опъ: я живу вотъ здѣсь близехонько, подлѣ дворца самаго, на Мойкѣ!» — По скажи-жь ты мнѣ! подхватилъ я: гдѣ-жь ты нынѣ находишься и при чемъ такомъ! Вотъ ужъ не въ левомъ презнемъ, а въ артиллерійскомъ мундирѣ; уже не сдѣлался ли ты врагъ (?) артиллеристомъ?—«Здѣсь, здѣсь! братецъ, отгнѣдалъ опъ захохотавши: точно артиллеристомъ и господиномъ еще цальмейстеромъ при артиллеріи!»

— Ну, поздравляю-жь, поздравляю тебя, Григорій Григорьевичъ, получивъ чинъ сей! Дай Богъ тебѣ и выше и выше. Еще ты лучше и пригоже въ этомъ мундирѣ! Ей, ей, красавецъ! Супціи врагъ!

Я хотѣлъ-было далѣе говорить, но вошедшій въ ту минуту къ намъ генералъ нашъ помѣшалъ мнѣ въ томъ, и увидѣвъ г. Орлова, который ему также и прежнему знакомству очень былъ извѣстенъ, также воскликнулъ:—«А! Григорій Григорьевичъ! Здравствуй, мой другъ!» — и поцѣловавъ его, взявъ за руку и повелъ его къ себѣ въ кабинетъ, и пробылъ тамъ съ нимъ болѣе часа.

Что они тамъ съ нимъ говорили, того ничего я уже не знаю, а увидѣлъ только то, что генералъ унялъ его у себя объдать, говорилъ и обходился съ нимъ дружески, разговаривалъ за столомъ съ нимъ о кѣнигсбергской нашей жизни и о томъ, какъ мы тамъ поживали, веселились и танцовали вмѣстѣ, и о прочемъ. Когда же встали изъ-за стола, и г. Орлову пришло время отъ насъ ѣхать, то обнявъ, разцѣловалъ опъ меня, опять по прежнему своему кѣнигсбергскому еще обыкловенію, и опять убѣдительношимъ образомъ сталъ меня звать къ себѣ, и просить, чтобъ я у него бывалъ и навѣстилъ въ его квартирѣ. «Хорошо, хорошо! сказалъ я: какъ скоро только можно будетъ, то твой гость, и бываю у тебя».

Симъ кончилось тогда наше первое свиданіе и я почелъ его ничего незнающимъ; да и можно-ль было мнѣ тогда

помышлять и вообразить себѣ, что признать сея былъ превеликой важности и открывалъ-было мнѣ путь къ достиженію высокихъ чиновъ и достоинствъ, къ приобретенію великихъ богатствъ и къ возшествію можетъ быть на высокія степени чести и знатности. Ибо я тогда ничего еще объ Орловѣ не зналъ и мнѣ и въ голову того всезваться никакъ не могло, чтобъ былъ сей человекъ тогда уже очень и очень коротко знакомъ государынь императрицѣ и, будучи къ ней въ особенной приверженъ, замышлялъ уже играть свою роль и набиралъ для ей и для производства замышляемаго великаго дѣла и послѣдовавшаго потомъ славнаго переворота, изъ всѣхъ друзей и знакомцевъ своихъ партію и которыхъ всѣхъ опъ потомъ осатлывилъ, вывелъ въ люди, подѣлалъ знатными боярами богачами и на вѣкъ счастливыми, и чтобъ, какъ сумнѣваться въ томъ не можно, называлъ опъ и меня тогда въ умѣ своемъ себѣ въ товарищи.

Всего того не зная ни мало и не вѣдая, и пропустилъ я сей случай безъ всякаго уваженія. Но какъ удивился, какъ чрезъ нѣсколько дней является ко мнѣ присланный нарочно отъ г. Орлова, кланяется отъ него и говоритъ: что приказалъ опъ меня звать какъ можно къ себѣ, и что есть ему до меня нужда!—«Хорошо, братецъ! сказалъ я присланному. Я бываю у него, какъ скоро найду свободное время». — «Онъ было приказалъ насъ звать теперь къ себѣ, и приказалъ-было мнѣ проводить васъ до его квартиры». — «Душевно-бъ радъ, мой другъ, но теперь мнѣ никакъ не можно! Вотъ видишь, карета стоитъ передъ крыльцомъ, генералъ въ сію минуту ѣдетъ со двора, и мнѣ надобно съ нимъ ѣхать. Итакъ, кланяйся, братецъ, Григорію Григорьевичу, и скажи, что теперь мнѣ никакъ недосужно, и что я повидаюсь съ нимъ послѣ».

Сіе и въ самомъ дѣлѣ такъ было: мы въ тотъ же часъ поѣхали со двора, и я не уважилъ и сего вторичнаго призыва, и почелъ опъи ничего значущимъ, и

ю еще самъ въ себѣ смѣялся и
:—Какая чорту нужда! а такъ,
хочется пошалберить и пови-

в усиѣло еще нѣсколько дней
ь, какъ, къ превеликому удивленію
вляется опять тотъ же прислан-
г. Орлова, и, остановивъ меня
ъ, спѣшащаго итти къ генералу,
кланяется мнѣ отъ него и опять
къ нему почти неотступно. гово-
онъ велѣлъ мнѣ сказать, что, ей-
ему до меня крайняя нужда, и
какъ можно къ нему пожало-
риѣхалъ и хотъ бы на одну ми-
«Батюшка ты мой! отвѣчалъ я
ей! мнѣ и теперь никакъ не
Генералъ спрашиваетъ меня, и я,
спѣшу итти къ нему». Сіе было
момъ дѣлѣ, и генералъ чрезъ нѣ-
минутъ послалъ меня со двора
алъ мнѣ тогда столько комисс-
я съ превеликою досадою до
обѣда протѣдаль и впрахъ из-
но на дорогѣ не одинъ разъ
ло мнѣ на мысль сіе призыва-
«Господи! говорилъ я самъ себѣ
илъ не однажды: — какая бы та-
лову была до меня нужда? да
крайняя? Никакихъ у насъ съ
е было связей, и никакихъ та-
ѣлъ между нами, по которымъ бы
ойти до меня когда-нибудь на-
я, а того меньше и нужда!... Не
я!...» продолжалъ я, пожимая
и отѣхавши, опять тоже и то-
мивалъ и дивился.

вещъ и вздумалъ-было къ нему
тъ, но такъ случись, что было
же поздно, надобно было поспѣ-
мой къ генералу, а къ тому-жъ
и позабылъ я, и не могъ въ точ-
спомнить, гдѣ именно была его
а, а уприсяннаго хотѣлъ-было еще
итъ, но его, вышедши въ сѣни, уже
илъ, онъ тогда уже уѣхалъ; сверхъ
асаясь, чтобъ сіе меня не задер-
тложилъ я и въ сей разъ свидан-
нимъ до другого случая, а пропу-
лагополучно и сей случай и не

уважилъ ни мало и сего третичнаго при-
зыва.

Но какъ бы вы думали? любезный при-
тель, вѣдь при семъ одномъ не осталось
еще сіе. Но г. Орлову, видно такъ усерд-
но хотѣлось видести меня въ свое дѣло,
что не преминулъ рѣшиться опъ самъ
опять къ генералу и нарочно только для
того приѣхать, чтобъ со мною видѣться,
и меня какъ можно убѣдить приѣхать
къ нему; и потому, нашедъ меня въ сей
разъ въ залѣ, тотчасъ ко мнѣ адресо-
вался, и власно, какъ съ нѣкакою доса-
дою мнѣ сказалъ: — «Ѣхъ, братецъ! ты
какой! не могъ ты по сіе время никакъ
побывать у меня, какъ я тебя и самъ, и
чрезъ пп. (посланнаго), просилъ о томъ!» —
«Ѣхъ, братецъ! отвѣчалъ я: ну, какъ это?
развѣ не знаешь ты нашего генерала и
не посмотрѣлся въ Кѣнигсбергѣ, каковъ
онъ, и каково жить при немъ его под-
командующимъ. Вѣдь онъ и здѣсь таковъ
же: будь безотлучно при немъ и какъ
отъ дяди ни няди. Еслибъ можно было,
то давно бы побывалъ, а то, ей-ей, не
могъ никакъ и на одинъ часъ во всѣ сѣ-
дни отъ него оторваться. Замучилъ-таки
насъ до безкопечности». — «Да какъ-таки
такъ, подхватилъ онъ: какъ бы не найтись
свободнаго времени, еслибъ похотѣлъ; а
я божусь тебѣ, что имѣю до тебя край-
нюю нужду, и что истинно нарочно для
того сюда наиболѣе и приѣхалъ, чтобъ
тебя звать къ себѣ; ну, поѣдемъ же хотъ
теперь ко мнѣ!» — «Нельзя, голубчикъ мой,
и теперь никакъ! отвѣчалъ я. Генералъ
уже совсѣмъ готовъ и собирается ѣхать
со двора, и мнѣ приказано уже отъ не-
го, чтобъ съ нимъ ѣхать!» — «Ѣкое горе!
подхватилъ онъ: а мнѣ крайняя до тебя
есть нужда, и ты не повѣришь, какая
крайняя надобность поговорить съ то-
бою».

— Господи! удивляясь, отвѣчалъ я: да
какой такой нуждѣ необходимой быть?...
не понимаю я, никакихъ у насъ съ то-
бою дѣлъ пѣтъ и не было! — «Ѣтакой ты;
ну, право, нужда, ей-ей! нужда, и нужда
крайняя!»

— Фу! какой! подхватилъ я. Ежели есть

нужда, такъ развѣ не можно тебѣ сказать мнѣ ее здѣсь и теперь же?—«Нѣтъ, нельзя никакъ! отвѣчалъ онъ; а мнѣ хотѣлось бы съ тобою поговорить о томъ дома; пожалуйста, братецъ, поѣдемъ». — «Ну! истинно нельзя, голубчикъ ты мой! отвѣчалъ я: а ежели подлинно есть тебѣ нужда, то для чего-жъ и здѣсь не сказать? развѣ не хочешь говорить о томъ при людяхъ? Ну, такъ пойдёмъ, вотъ туда въ дальнія комнаты, тамъ никого нѣтъ, и мы можемъ себѣ говорить обо всемъ и обо всемъ, никто насъ не увидитъ и не услышитъ, а благо время къ тому теперь свободное, и генералъ еще не совсѣмъ одѣлся».

Отъ предложенія сего позадумался было онъ, однако вдругъ опять, влочно, какъ востепенувшись, мнѣ сказалъ:

— Нѣтъ, мой другъ! здѣсь никакъ и ни подъ какима видома нельзя, а пожалуйста, приѣзжай ко мнѣ! ты одолжишь меня тѣмъ невѣдомо какъ!»

Тутъ опять, и влочно какъ нарочно, растворились двери въ комнату генеральскую, и какъ ламъ противъ самыхъ оныхъ тогда стоятъ случилось, то генералъ, увидѣвъ Орлова, сталъ звать его къ себѣ, и онъ принужденъ былъ, оставивъ меня, идти къ нему. Но въ сей разъ не долге пробылъ онъ у него, какъ только нѣсколько минутъ, но, проходя опять чрезъ залу, не преминулъ поцѣловаться со мною и опять мнѣ сказать:—«Ну, пожалуйста, же, мой другъ, побывай у меня и какъ можно скорѣй, ты всегда найдешь меня дома, а особливо по утрамъ». — «Хорошо, хорошо! сказалъ я, и какъ скоро только можно будетъ».

Съ симъ и разстались мы тогда съ симъ человѣкомъ, и я ему хотя и вѣрное почти далъ слово побывать у него, но въ самомъ дѣлѣ, стали мнѣ неотступныя его просьбы и столь усиленные зовы уже нѣсколько и подозрительны становиться и приводить меня въ недоумѣніе превеликое, такъ что я, поѣхавъ тогда съ генераломъ, во всю дорогу о томъ думалъ, и самъ въ себѣ говорилъ: «Господи! что за диковинка, и что за нужда такая? не

понимаю я! Никакой, кажется, нужды быть не можно, а того меньше такой, о которой при людяхъ и даже въ домѣ у насъ говорить не можно? Не понимаю, что за секреты такіе? ужъ нѣтъ ли какихъ у него сплетней особливыхъ, и не хочетъ ли онъ уже меня заманить во что-нибудь дурное? Да! вотъ и нашелъ человѣка! продолжалъ я самъ себѣ усмѣхаясь говорить, тотчасъ вѣдь и согласился на все! не на такого онъ попалъ!»

(Симъ и подобнымъ сему образомъ размышлялъ и самъ съ собою говорилъ я тогда во все утро, и всячески старался мыслями своими добраться до того, зачѣмъ такима призывалъ онъ меня къ себѣ. Богъ всего подозрѣвалъ я, что не по масонскимъ ли дѣламъ то было?)

Принадлежалъ онъ, какъ то извѣстно было мнѣ, къ сему ордену. И какъ онъ не одлажды меня и въ Кёнигсбергѣ еще ко вступленію въ оный уговаривать старался, но я имѣя какъ-то во всю жизнь мою отвращеніе какъ отъ сего ордена, такъ и отъ всѣхъ другихъ подобныаго тому тайныхъ связей и обществъ, не соглашался къ тому никакъ; то приходило мнѣ въ мысль, не хотѣлъ ли онъ и тогда заманить меня въ оныя, и не за тѣмъ ли призывалъ меня съ такима усиленіемъ, но истинной причины никакъ мнѣ и въ голову не приходило.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ тогдашнее время было очень шатко и самое критическое, то не имѣлъ я охоты входить ни въ какия сплетни, а особливо при тогдашнемъ моемъ философическомъ расположеніи мыслей, и потому, подумавъ гораздо и сказавъ самъ себѣ: уже ѣхать ли мнѣ къ нему и не погодить ли по крайней мѣрѣ еще? рѣшился наконецъ къ сему послѣднему, а чрезъ само сіе, все это происшествіе тѣмъ и кончилось. Г. Орловъ богъ сего уже мнѣ не случалъ и меня не шидалъ, а я также, чѣмъ даѣе, тѣмъ меньше охоты имѣлъ къ нему ѣхать, и скоро совсѣмъ о томъ и думать пересталъ.

Но послѣ, какъ по вступленію на престолъ императрицы Екатерины открылось, что такое былъ Орловъ, и что онъ

тогда дѣлалъ и предпринималъ, то легко я могъ въ помянутомъ его усиленномъ домогательствѣ къ заманенію меня къ себѣ, усмотрѣть истинную причину, и не могъ уже ни мало сумнѣваться въ томъ, что ему хотѣлось видеть меня въ тогдашней своей комплотъ и преклонить вступить, вмѣстѣ съ ними, въ заговоръ тогдашній, и хотѣлось можетъ быть потому наиболѣе, что я былъ у Жорфа, адъютантомъ, а сей находился въ милости у государя и они, можетъ быть, ласкались надеждою узнавать отъ меня о многомъ, до государя относящемся.

Но какъ бы то ни было, но я крайнимъ поразила изумленіемъ, услышавъ о революціи и обо всемъ, во время оной и послѣ происходившемъ. Однако не думайте, любезный пріятель, чтобъ я терзался притомъ сожалѣніемъ и туженіемъ о томъ, что упустилъ четверократный призвъ себя къ тому же, можетъ быть, счастью, каковымъ воспользовались тогда съ нами въ заговорѣ, и досадою на самого себя, для чего непослушался я г. Орлова и не съѣздила тогда къ нему, къ чему натурально, еслибъ только похотѣлъ, то могъ бы найти свободное время. Нѣтъ, нѣтъ, любезный пріятель, сіе всего меньше меня беспокоило; а я, какъ тогда, такъ и послѣ и даже и нынѣ, всегда, когда ни вспомню тогдашнее время и все помянутое съ г. Орловымъ проишествіе, какъ нахожу во всемъ ономъ нѣчто таинственное, и примѣчаю почти явные слѣды дѣйствія цекушагося тогда о истинномъ благѣ моемъ Промысла господня, старавшагося, какъ чрезъ всѣ вышеупомянутыя, власно какъ нарочно, случившіяся мнѣ препятствія и невозможности къ ѣздѣ къ г. Орлову, такъ и послѣдующимъ потомъ удивительнымъ почти нехотѣніемъ моимъ, или паче нѣ-какимъ и власно какъ по неволѣ удержаніемъ меня отъ того, спасти и предохранить меня, когда не отъ совершеннаго бѣдствія и несчастія, которое могло-бы всего легче воспослѣдовать, такъ по мень-

шей мѣрѣ отъ наимучительнѣйшаго состоянія.

Ибо, судя по тогдашнему моему расположенію мыслей и, прямо, по философическимъ правиламъ въ жизни, къ каковымъ я прилѣнился столь крѣпко еще въ Кёнигсбергѣ, за вѣрное полагаю, что я никакъ бы и ни подъ каковымъ видомъ не согласился на предложеніе г. Орлова, еслибъ я къ нему тогда и поѣхалъ и отъ него оное услышалъ, но что оное поразило бы меня какъ громовымъ ударомъ, смугило бы весь мой духъ и повергло бы меня въ наимучительнѣйшее состояніе. Ибо, какъ съ одной стороны вся душа моя была тогда всего меньше заражена честолюбіемъ и любостыжательствомъ, и всего меньше обожала знатныя и высокія достоинства, а жаждала единственно только мирной сельской, спокойной и уединенной жизни, въ которой бы могъ я заниматься науками и утѣшаться пріятностями оныхъ; а съ другой стороны, дѣло сіе и тогдашнее предпріятіе г. Орлова было такого рода, котораго счастливый и отлѣнно удачный успѣхъ не могъ еще быть никакъ предвидимъ и считаться достовѣрнымъ, но напротивъ того, все сіе отважное предпріятіе сопряжено было съ явною и наибольшаю опасностію, и всякому, воспринимающему въ заговорѣ томъ соучастіе, надлежало тогда, власно какъ на карту, становить не только все свое благоденствіе, но и жизнь самую, и подвергаться самопроизвольно всѣмъ величайшимъ бѣдствіямъ въ свѣтѣ; то подумалъ ли бы и восхотѣлъ ли-бы я тогда, для недостовѣрнаго полученія такихъ выгодъ, которыя почиталъ я тогда сущими ничтожностью и единою мечтою, самопроизвольно несть голову свою на плаху и подвергнуть себя безъ всякой нужды наибольшаю опасности жизни и пожертвовать тому всѣмъ спокойствіемъ и благоденствіемъ въ жизни?

Нѣтъ! нѣтъ! никогда бы и никакъ я на то не согласился, и какъ бы г. Орловъ ни сталъ меня уговаривать, но я вѣрно бы его непослушался. А какъ бы скоро сіе случилось, то подумайте, не подвергъ-

ли-бъ я себя и самымъ симъ превеликой опасности? Не вооружилъ ли-бъ я всю ихъ шайку на себя злобою? Не пропавель ли-бъ во всѣхъ ихъ опасеніе, чтобы я не донесъ на нихъ государю и не подвергъ ихъ всѣхъ опасности величайшей, и не могли-ль бы они, для обезпеченія себя отъ меня, предпріять противъ самого меня еще чего-нибудь злого и даже восхотѣть сбить меня съ рукъ и съ свѣта? Да хотя-бъ и того не было, такъ не могъ ли-бъ я и послѣ, какъ нехотѣвшій быть съ ними заодно, претерпѣть какого-нибудь за то бѣдствія и опасности? А оставляя и все сіе, не могло-ль бы единое узнаніе такого страшнаго дѣла, при всемъ нехотѣніи вступить въ такой опасный заговоръ, подвергнуть меня въ панмучительнѣйшую нерѣшимость, крайнее сумнительство и недоумѣніе, что мнѣ тогда дѣлать, и молчать ли о томъ, или донести гдѣ надлежало? Оба сіи случая были бы для меня страшны и могли-бъ духъ мой поражать неописаннымъ страхомъ и ужасомъ; ибо и самое молчаніе не сопряжено-ль бы уже было съ явною опасностію и ожиданіемъ непремѣннаго себѣ бѣдствія, въ случаѣ если-бъ заговоръ открылся и вкупѣ узнано было, что и я о томъ зналъ и вѣдалъ? Не сталъ ли-бъ тогда меня самый долгъ присяги побуждать открытъ толь страшный заговоръ самому государю? Но отважился ли бы я и на сіе предпріятіе? А все сіе не стало-ль бы меня ежеминутно терзать и мучить?

Итакъ, другого не заключаю, что благодѣтельницающій мнѣ промыслъ Всемогущаго, положившій доставить мнѣ и безъ того такую жизнь, какую только желало мое сердце, и одарить меня несплпнымъ, а не ложнымъ благополучіемъ въ жизни, восхотѣлъ меня всѣмъ тѣмъ спасти не только отъ величайшихъ бѣдствій и опасностей, но оказать мнѣ и самымъ тѣмъ наибольшимъ благодѣяніе въ жизни.

Но я удалился уже отъ моего повѣствованія и письмо мое такъ увеличи-

лось, что мнѣ пора его кончить и сказать вамъ, что я есмь и прочее.

Письмо 96-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ, какъ упомянутое происшествіе у меня съ г. Орловымъ происходило, и у него съ соумышленниками своими ковался на государя и тайнѣ набиралась благопріятствующая императрицѣ партія, государь; ничего о томъ не зная, невѣдая, а будучи въ совершенной безпечности, продолжалъ провождать время свое по прежнему, въ ежедневныхъ опорожниваніяхъ бутылокъ съ английскимъ своимъ любимымъ пивомъ, въ частыхъ у себя, а особливо по вечерамъ, пирушкахъ, съ любимцами своими и фавориткой, въ удовольствіи первѣйшихъ вельможъ своихъ посѣщеніями, въ экзерцированіи и превращеніи на иной ладъ любезнаго своего кадетскаго корпуса и войска, какъ бывшихъ тогда въ Петербургѣ, такъ и вновь пришедшихъ. А между тѣмъ, при помощи любимцовъ своихъ, занимался и разными политическими дѣлами, также и относящимися до правленія.

Первѣйшими и знаменитѣйшими тогда вельможами, носящими на себѣ отиѣвную милость и довѣренность отъ государя, были слѣдующіе: во-первыхъ, выпиванный имъ тотчасъ изъ Голштиніи дядя государевъ, принцъ Георгъ Людвигъ Голштинскій, игравшій тогда знатнѣйшую роль. Ему приданъ былъ титулъ «императорскаго высочества», и онъ извѣстенъ былъ тогда болѣе подъ именемъ принца Жоржа, какъ тогда всеѣго называли. Сей родственникъ государевъ удостоенъ былъ отъ него особливою довѣренности и милости, и на него возложено было наиболѣе поправленіе нашихъ войскъ и преобразование оныхъ на прусскій манеръ, или перелитіе ихъ въ прусскую форму. О качествахъ и свойствахъ сего принца не могу я сказать почти ничего достовернаго, потому что я не зналъ его коротко, хотя мы съ генераломъ нашимъ и часто къ нему ѣзжали, а говорили тогда только все, что онъ былъ не изъ пыл-

людей, а человекъ очень, очень лѣкій и не слишкомъ дальновидный, ловатый и расторопный. Совѣтъмъ государь оказывалъ къ нему осочтвеніе и уваженіе, то, къ сожалѣнію хотѣлъ никакъ внимать дружесовѣтамъ и увѣщаніямъ сего близодственника.

гою знаменитѣйшею особою былъ поманутый нашъ великій канцлеръ Михайла Ларіоновичъ Воронуправляющій иностранными дѣ-

нимъ слѣдовали: генералы-фельд-амы: князь Никита Юрьевичъ ецкой и возвращенный изъ ссылки къ Минихъ. Далѣ играли знамен- тогда ролю принцъ Петръ Голш-Бекскій, генералъ-фельдцейхмей-Вильбоэ, генералъ-прокуроръ и ге-ль-крисъ-комисаръ Глѣбовъ, нашъ мль Корфъ; также генералъ-поручи-изъ Волковской и Мельгуновъ, е всѣхъ управлявшій наиболѣе всѣ-гатскими дѣлами, дѣйствительный кій совѣтникъ и тайный государевъ гарь Дмитрій Васильевичъ Вол- . А изъ адъютантовъ государевыхъ пятѣйшими были: баронъ Упгеръ овичъ, а особливо сей послѣдній, й первымъ любимцемъ и толь близ-человѣкомъ при государѣ, что онъ ходилъ почти отъ него ни нади. Сей генералъ-адъютантъ посланъ былъ й отъ государя курьеромъ къ по-прусскому, съ извѣщеніемъ о вступ-своемъ на престолъ и съ увѣре-о его къ нему почтенію и друже-и самый тотъ, когорый первый при-зъ Европу начальный лучъ надежды едстоящему близкому миру и по-тому какъ королею, такъ и всѣми инистрами и генералами въ Ште-Берлинѣ, Магдебургѣ и въ дру-кѣстахъ приниманъ былъ съ особ-ъ почтеніемъ и повсюду угощаемъ инколѣпнѣйшимъ образомъ. Но ни-рѣздомъ его и извѣстіемъ, полу-мъ чрезъ его такъ много обрадо-е былъ, какъ самъ король прусскій.

приложеніе къ «русской старинѣ» 1871 г.

Сей въ то время, когда скончалась императрица Елисавета, находился въ пресквернѣйшихъ обстоятельствахъ, и ли-шась всей помощи и почти всей надежды, ожидалъ уже совершенной своей поги-бели, и она казалась совѣтъмъ неизбеж-ною; ибо хотя побѣды его и могли оста-новить успѣхи его неприятелей, но къ обратному отнятію взятыхъ ими крѣ-постей потребны были долговременныя и безпрепятственныя осады и многія сча-стливныя битвы.

Всѣ дѣлаемая имъ напряженія не по-могли ему уже ни мало, а всего досто-вѣрнѣйшимъ казалось ему, что вскорѣ мы осадимъ и возьмемъ славную его по-меранскую крѣпость Штетинъ, овладѣемъ опять резиденцію его, Берлиномъ, и даже всѣмъ его курфирствомъ, ибо все зави-сѣло отъ дѣятельности нашей, и тѣмъ наче, что мы и безъ того отрѣзали его совѣтъмъ отъ Польши, изъ которой полу-чалъ онъ до того свой хлѣбъ, какъ изъ магазина. Собственныя же его разорен-ныя земли терпѣли сами уже оскуднѣе въ сѣстныхъ припасахъ, а остатокъ за-пасеннаго въ магазинахъ хлѣба былъ такъ малъ, что недостаточно было его для прокормленія арміи и въ одно лѣто. Сверхъ того, былъ у него также недо-статокъ въ рекрутахъ, въ лошадяхъ и во многихъ другихъ военныхъ потребно-стяхъ. Въ порохѣ и ядрахъ хотя и не было у него недостатка, также и въ день-гахъ, но при транспортахъ и доставле-ніяхъ того изъ отдаленныхъ мѣстъ дѣ-лались отчасу множайшія затрудненія. Во многомъ не хотѣли и не могли уже помогать ему и деньги. Всѣ сіи обстоя-тельства такъ короля разстроили и сму-тили, что каковъ онъ до того ни былъ твердодушенъ, но тогда потерялъ всю свою бодрость и погрузился въ мелан-холюю. Онъ говорилъ уже мало, и самыя его любимцы не могли уже почти до-биться отъ него слова; сталъ уже обѣ-дать одинъ, пересталъ выходить на вахт-парадъ, не ѣздилъ болѣе прогуливаться, кинулъ свою флейту и былъ въ такомъ отчаяніи, что носилъ всегда при себѣ

уже ядъ, дабы, въ случаѣ какого несчастія, не отдать себя неприятелямъ своимъ живымъ въ руки. Теперь судите, какъ же долженъ онъ былъ обрадоваться, какъ помянутый Рудовичъ, прскакавъ тогда къ нему, въ Бреславль, привезъ извѣстие о кончинѣ его опаснѣйшей неприятельницы и о вступленіи на престолъ его друга и обожателя, увѣрявшаго его уже при первомъ шагѣ о безиредѣльномъ къ нему почтеніи и о желаніи заключить съ нимъ миръ, возстановить дружескую переписку и заключить даже формальный союзъ и дружбу; и когда король въ самое то же время узналъ, что вслѣдъ было арміямъ нашимъ тотчасъ остановить и пресѣчь всѣ военныя дѣйствія, вытгить изъ Помераніи, отдать опять Кольбергъ, освободить всѣхъ военнопленныхъ и тотчасъ заключить на первый случай перемиріе, а Чернышову съ корпусомъ своимъ отойти отъ царцевъ прочь и встунить въ его земли, для наятреннаго потомъ соединенія съ его войсками? Радость его и дѣйствительно была чрезвычайная!

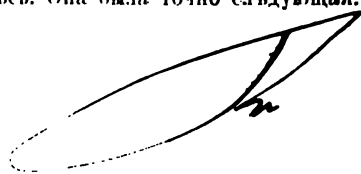
Король власно какъ оживотворился тогда опять, и сдѣлался советѣмъ по прежнему весель, бодръ, живъ, сталъ принимать къ себѣ людей, со всѣми говорить, играть по прежнему на своей любимой флейтѣ и надѣяться не пасть подъ бременемъ тяжкихъ своихъ напастей, а восторжествовать еще, при помощи нашего государя, надъ всѣми своими врагами и неприятелями. И удивительно ли, что онъ, въ благодарность за сіе, велѣлъ также освободить всѣхъ и нашихъ военно-пленныхъ, а къ государю прислать свой орденъ Чернаго Ора, а вмѣстѣ съ нимъ такой же и нашему генералу Корфу, въ воздаяніе за его къ себѣ услуги при управленіи его королевствомъ Пруссіи.

Орденъ сей присланъ былъ къ нему еще прежде моего приѣзда въ Петербургъ; но онъ его какъ-то рѣдко на себѣ нашивалъ, и я его никогда не видалъ въ ономъ, а всегда висѣлъ онъ у него, съ широкою своею ранжевою лентою, на стопчѣ въ спальнѣ. И я какъ теперь по-

мню: однажды въ отсутствіе генерала, забравшись одинъ въ спальню сію, надѣвалъ еще сей орденъ самъ на себя, и ставъ передъ зеркаломъ, началъ-было любоваться онымъ; но тотчасъ опомнившись, захотѣлъ тогдашней своей глупости, и спявъ скорѣе опять его съ себя, повѣсилъ на прежнее мѣсто и нѣсколько минутъ занимался философическими размышленіями о суетностяхъ сего рода украшеній и о томъ, какія страшныя и великія дѣйствія производятъ бездѣлушки сіи въ умахъ и дѣлїяхъ смертныхъ и сколь выгодно изобрѣтеніе сіе для государей, могущихъ такими бездѣлушками и такою дешеною монетою награждать поданныхъ своихъ за величайшія ихъ услуги и доводить ими многихъ людей даже до безумія и до того, что они для полученія ихъ жертвуютъ иногда всѣмъ и всѣмъ, и даже самою своею жизнію въ свѣтъ.

Случилось же мнѣ также тутъ видѣть и самое то письмо, при которомъ присланъ былъ къ генералу нашему отъ короля сей орденъ, и которое подписано было его собственною рукою. Я не могъ довольно надвинуться тому, что оно было советѣмъ не такое, какія даются отъ нашихъ государей повопожалованнымъ кавалерамъ, но написанное мелкимъ нѣмецкимъ письмомъ, на четвертинкѣ почтовой бумаги, наипростѣйшимъ образомъ и безъ всякихъ украшеній.

Но всего смѣшнѣе и удивительнѣй была рука сего толь славнаго въ свѣтѣ монарха, и образъ его подписыванія писемъ. Онъ состоялъ въ единомъ почти изображеніи литеры F, по съ такимъ небреженіемъ и такъ дурно, что я разсудилъ для любопытства изобразить подпись сію здѣсь. Она была точно слѣдующая:

Но я удаллся уже отъ порядка моего повѣствованія, и теперь возвращаясь къ прежнему и желая вамъ, любезный при-

тель сообщить хотя краткое извѣстіе обо всемъ кратковременномъ правленіи императора Петра III, скажу далѣе, что кромя упомянутыхъ уже впереди мною важнѣйшихъ и периферическихъ его дѣлъ, какъ-то: дарованіе вольности дворянству, уничтоженіе тайной канцеляріи и прочихъ, состояли они и въ слѣдующихъ:

Онъ перемѣнилъ совѣтъ прежнее состояніе тайнаго своего кабинета, и составилъ его только изъ двухъ особъ, объявивъ притомъ, что впродъ будетъ онъ самъ председательствовать въ ономъ.

Онъ сдѣлалъ во всей арміи и во всемъ военномъ штатѣ великую перемѣну, и старался все учредить на погѣ прусской. Перемѣнена была совѣтъ прежняя экзерциція на манеръ прусскій: мундиры пошиты по прусскому покрою; прежнія и наирябчѣйшія древнія званія полковъ по городамъ уничтожены и, какъ я уже упоминалъ, велѣно было имъ называться уже по фамиліямъ ихъ шефовъ, которымъ велѣно было и мундиры каждаго полку отличить отъ другихъ, чѣмъ они пожелаютъ сами. Званіе генералъ-аншефовъ уничтожено, и велѣно имъ называться просто генералами, а бригадирская степень уничтожена совѣтъ, и полковники, по прусскому манеру, производились уже прямо въ генералъ-майоры. Прежде бывшее наказаніе солдагъ и всѣхъ военныхъ батожемъ, кошками и кнутомъ отмѣнено, и велѣно наказывать палками и фухтелемъ, и для экзерцированія войска велѣно было собраться къ Петербургу пятнадцати тысячачъ войска и стать лагеремъ. А для лучшаго во всѣхъ военныхъ распоряженіяхъ успѣха, составлена особая военная комиссія, въ которой членами сдѣланы: принцъ Георгъ, князь Трубецкой, Вильборъ, Глѣбовъ, Мельгуновъ и генералъ-адъютантъ баронъ Унгернъ, а председательствовалъ въ оной самъ государь своею особою.

Далѣе, прежняя лейбъ-компанія была распушена, поеднику содержаніе оной ежегодно до двухъ милліоновъ рублей государству стояло; напротивъ того, прежній его голштинскій конный полкъ подучилъ

все преимущества конной гвардіи, и принцу Георгу поручена была надъ нимъ команда. Въ самой Голштиніи велѣлъ онъ учредить 7 пѣхотныхъ и 6 конныхъ полковъ, съ особымъ баталіономъ артиллеріи. Начальство же надъ кадетскимъ корпусомъ, при которомъ онъ самъ до того былъ и шефомъ и директоромъ, по сдѣланномъ напередъ нарочно для того особомъ и великомъ торжествѣ, обѣдѣ и экзерцированіи, поручилъ оному генералъ-поручику и прежде бывшему императрицы Елисаветы фавориту, Ивану Ивановичу Шувалову.

Равномерное попеченіе началь-было имѣть сей государь и о поправленіи и приведеніи въ лучшее состояніе нашего флота, и хотѣлъ, чтобы англискіе морскіе офицеры принимали у насъ во флотѣ службу, и чтобы корабли впродъ строены были не въ Петербургѣ, а въ Кронштадтѣ. И въ маѣ имѣлъ онъ удовольствіе спустить при себѣ два вновь-построенныхъ военныхъ семидесяти-пушечныхъ корабля. Мнѣ самому случилось быть при семъ спускѣ оныхъ и видѣть всю употребляемую при томъ пышную церемонію. Степеніе народа было притомъ безчисленное, и государь присутствовалъ при томъ самъ, съ императрицею и со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ и всѣми иностранными министрами, и называлъ однихъ изъ нихъ «Юролемъ Фридрихомъ» а другой «Принцемъ Георжемъ». Не могу изобразить, какъ напряжено было тогда у всѣхъ любопытство, когда въ несколько сотъ топоровъ начали вдругъ подрубить подпоры, и какъ пріятна была для всѣхъ та минута, когда корабль по склизамъ полетѣлъ вдругъ съ берега въ рѣку Неву, и разсѣкалъ впервые хребетъ оной своими громадами. Громогъ пушечной пальбы, кричаніе «ура», радостныя восклицанія народа, и звукъ трубъ, литавръ и прочей музыки, раздавался тогда по всѣмъ окрестностямъ и придавалъ зрѣнцу сему еще болѣе пышности и величія.

Относительно до дѣлъ внутренняго правленія государственнаго, то сенату представленъ былъ только департаментъ гражд-

данскихъ дѣлъ, и не велѣно было ему болѣе ни во что мѣшаться. А для попеченія о славѣ государства и благоденствія подданныхъ, сдѣлана конференція и членами оной принцъ Жоржъ, принцъ Голштейнъ-Бекскій, графъ Минихъ, князь Трубецкой, канцлеръ Воронцовъ, Вильбоэ, князь Волконскій, Мельгунъ и Волковъ. А чтобъ неотягощенъ былъ государь просьбами, то запрещено было подавать государю лично челобитныя, а велѣно просить обо всемъ въ учрежденныхъ къ тому мѣстахъ.

Въ самой полиціи сдѣланы нѣкоторыя перемѣны: уничтожены вездѣ полицеймейстеры, и оставлены только въ обѣихъ столицахъ, и московскому велѣно быть подсудимымъ нашему генералу, яко главному полицеймейстеру.

Изданъ былъ также указъ, относящійся до поспѣшествованія коммерціи и торговлѣ, и силою онаго дозволенъ былъ выпускъ за море хлѣба, солонины и живого скота, и многія другія полезныя для торговли установленія.

Далѣе были, по приказанію его, освобождены изъ неволи, кромѣ Миниха, и многіе другіе, бывшіе въ ссылкѣ, а наглавнѣйшій Биронъ, герцогъ курляндскій, съ обоими сыновьями своими. Баронъ Менгденъ съ фамилією, баронъ Стрешневъ и графъ Лештокъ съ женою, и всѣмъ возвращены прежніе ихъ чины, имѣнія и достоинства.

Въ самомъ придворномъ церемониалѣ сдѣланы были нѣкоторыя перемѣны, и государь требовалъ отъ всѣхъ иностранныхъ министровъ, чтобъ они первые свои визиты дѣлали принцу Жоржу, поелику онъ его почиталъ первымъ принцемъ крови. Что касается до войны нашей съ пруссаками, то, по пресѣченіи военныхъ дѣйствій, съ самаго вступленія государева на престолъ, переговоры о мирѣ начало свое воспріяли и продолжались, при содѣйствіи самого государя, съ такою ревностію, что 24-е апрѣля былъ наконецъ тотъ день, въ который несчастная сія и толь многой крови и убытковъ намъ стоющая война, получила дѣйствительное свое

окончаніе, и въ который заключенъ былъ между нами и пруссаками, такъ-называемый вѣчный миръ и самимъ государемъ подписанъ. А 30-го числа, тогожъ мѣсяца, былъ онъ и всему собранному ко двору генералитету и другимъ знатнѣйшимъ особамъ чрезъ великаго канцлера, графа Воронцова, объявленъ. И государь принималъ отъ всѣхъ поздравленія съ онымъ, и далъ потомъ прелезкій обѣдъ, радуясь оному, какъ бы какой великой находкѣ, и при продолженіи стола, при безпрестанной пазбѣ изъ пушекъ, пилъ за здоровье короля прусскаго, къ крайней досадѣ и огорченію всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества. Послѣ сего обнаружено было сей миръ и во всемъ городѣ, и 10-е число мая назначено для всеобщаго мирнаго торжества.

Торжество сіе и послѣдовало дѣйствительно поминутаго числа, и было въ своемъ родѣ хотя самое пышное и великолѣпное, но для всѣхъ россиянъ не весьма пріятное.

Собраніе во дворцѣ всѣхъ знатныхъ господъ и генералитета было многочисленное, а стеченіе народа, для смотрѣнія приготовленнаго къ сему случаю огромнаго и прекраснаго фейерверка, было несмѣтное.

Для обѣда и бала послѣ онаго приготовленъ и съ великою поспѣшностію отдѣланъ былъ большой залъ во дворцѣ, въ томъ фасѣ онаго, который былъ окнами на Неву рѣку. И государь, опорожнивъ можетъ быть во время стола излишнюю рюмку вина и въ энтузіязмѣ своемъ къ королю прусскому дошелъ даже до такого забвѣнія самого себя, что публично, при всемъ великомъ множествѣ придворныхъ и другихъ знатныхъ особъ, и при всѣхъ иностранныхъ министрахъ, сталъ предъ портретомъ короля прусскаго на колѣни и, воздавая оному непомѣрное уже почтеніе, называлъ его своимъ государемъ: произшествіе, покрывшее всѣхъ присутствовавшихъ при томъ стыдомъ неизъяснимымъ и сдѣланшееся столь громкимъ, что молва о томъ на другой же день разнеслась по всему Петербургу и произвала въ серд-

цахъ всѣхъ россянъ и во всемъ народѣ крайне непріятныя впечатлѣнія. Совсѣмъ тѣмъ, самому мнѣ происшествія сего не случилось видѣть, и помянутыхъ словъ, произведшихъ потомъ страшныя дѣйствія, слышать своими ушами, а говорили только тогда всѣ о томъ.

Нехотѣние пробить сей день безъ обѣда и весь оный промучиться въ тѣсотѣ и въ крайней скукѣ между множествомъ нашей брати въ переднихъ дворцовыхъ комнатахъ, а напротивъ того, крайнее любопытство и желаніе видѣть на свободѣ сожженіе фейерверка и онымъ досыта наблбонаться, побудило меня употребить въ сей день небольшую и позволительную хитрость, и подъ предлогомъ неодогаганія отдѣлаться въ сей день отъ ѣзды за генераломъ и остаться дома. И такъ, пообѣдавъ въ свое время и одѣвшись попростѣе, пошолъ я заблаговременно во дворецъ, и выбравъ себѣ наилучшее и способнѣйшее для смотрѣнія фейерверка мѣсто, сталъ спокойно зажженія оного дожидаться. И хотя былъ тогда принужденъ ждать того нѣсколько часовъ и не безъ скуки, однако заплаченъ былъ съ лихвою за то неописаннымъ удовольствіемъ при смотрѣніи сего наипрекраснѣйшаго зрѣлища, продолжавшагося нѣсколько часовъ сряду и достойнаго по всѣмъ отношеніямъ всякаго вниманія отъ любопытнаго человека.

Былъ онъ самый огромный и стоящій многихъ тысячъ. Главнѣйшіе его фитильные щиты воздвигнуты были на берегу Васильевскаго острова противъ дворца и оконъ самой оной залы, гдѣ отправлялось тогда торжество. Впереди, противъ сихъ щитовъ, подѣланы были другія движущіяся колоссальныя фигуры, изображающія Пруссію и Россію, которыя, будучи сдвигаемы по склизамъ и загорѣвшись, сходились издалека вмѣстѣ, и, скватившись надъ жертвенникомъ рукамъ, означали примиреніе. Не успѣло сего произойти, какъ произрасло вдругъ на семъ мѣстѣ пальмовое дерево, горѣвшее наипрекраснѣйшимъ зеленымъ и таинкимъ огнемъ, какого я никогда до того

не видывалъ. А вслѣдъ за симъ, выросли тутъ же и многія другія, такія же деревья и составили власно какъ амфитеатръ кругомъ сего мѣста. Уже и одно сіе зрѣлище было таково, что я не могъ имъ довольно палубоваться; но сколь удовольствие мое увеличилось, когда вслѣдъ за симъ вспыхнулъ и загорѣлся вдругъ большой щитъ и когда, по прошествіи перваго дыма, представился зрѣнію моему огромный и великолѣпный Янусовъ храмъ съ галереями по обѣимъ сторонамъ и двумя портиками или присѣнками, горящій разными и прекрасными фитильными огнями. Невиданъ никогда еще въ такомъ совершенствѣ сдѣланный фитильный щитъ, не могъ я зрѣлищемъ симъ насытити тогда довольно глазъ своихъ. А неменьшимъ удовольствіемъ наполнилось сердце мое при послѣдующихъ потомъ и болѣе часа сряду продолжавшихся верховыхъ и низменныхъ огняхъ и многоразличныхъ фигуръ, составляющихся изъ оныхъ. Какое множество горѣло тутъ разнаго рода наипрекраснѣйшихъ колесъ огненныхъ и фонтановъ, и другихъ тому подобныхъ штукъ! Какое множество выпущено было верховыхъ ракетъ и лустъ-кугелей! Какое множество бураковъ съ швермерами и звѣздами, и какое множество разныхъ водяныхъ фигуръ, горѣвшихъ на Невѣ передъ дворцомъ самымъ, и производящихъ разные звуки и шумъ. Зрѣлища сіи были такъ разнообразны и хороши, что я истинно едва успѣвалъ слѣдовать очами своими за всѣми сими и на большую часть новыми и невиданными для меня предметами, и удовольствие мое было превеликое.

Наконецъ не менѣе увеселяли меня и другіе щиты, построенные на большихъ ладьяхъ, приводимые по водѣ и устанавливаемые противъ дворца на мѣсто сгорѣвшихъ. Одинъ изъ нихъ былъ прорѣзанной и составленный изъ искръ несмѣтнаго множества швермеровъ и колесъ, горѣвшихъ позади его, а другой, изъ такъ-называемыхъ свѣчекъ и бѣлаго огня, и оба сдѣланные очень хорошо и горѣвшие весьма удачно.

Словомъ, фейерверкъ сей былъ огромный и такой, какіе бывають рѣдки, и стеченіе смотрѣвшаго народа было чрезвычайно великое. Всѣ берега рѣки Невы и всѣ ближнія мѣста были унизаны людьми, а не осталась и самая рѣка праздною, но усѣяна была множественномъ суденышковъ, наполненныхъ зрителями. По счастью, погода случилась тогда самая тихая и наиприятнѣйшая вѣтняя. только жаль было, что вечеръ тогда случился свѣтлонать и не такъ было темно, какъ для фейерверка было надобно. Впрочемъ, зрѣлище сіе продолжалось нарочито долго, и мы не прежде разошлись, какъ уже около полуночи.

Симъ образомъ кончилось мирное торжество въ тотъ первый день. Но государю угодно было, чтобъ оно нѣкоторымъ образомъ продолжалось и въ послѣдующій день. Но какъ въ оный выставлены были только для подлога народа быки и вино, то о семъ, какъ незаслуживающемъ дальнаго вниманія дѣлѣ, я и не упоминаю; а вспомнивъ, что письмо мое достигло обыкновенныхъ своихъ предѣловъ, рѣшился на семъ мѣстѣ остановиться и предоставить дальнѣйшее по въствованію письму будущему, сказавъ вамъ, что я емь и прочее.

Письмо 97-е.

Любезный пріятель! Какъ государь ни старался сдѣлать мирное свое торжество для всѣхъ подданныхъ своихъ пріятнѣйшимъ, и самою пышностію онаго ослѣпить народъ подлый, однако сдѣланное имъ, чрезъ помянутую, крайне неосторожную поступку и ни съ чѣмъ несообразное уничтоженіе себя передъ портретомъ короля прусскаго, непріятное и глубокое впечатлѣніе осталось въ сердцахъ подданныхъ его неизгладимымъ, и не только не уменьшило, но безконечно еще увеличило всеобщее на него негодованіе. Всѣ, до которыхъ только доходилъ о томъ слухъ, были поступкою сею крайне недоколыны, а какъ присонокупилось къ тому и то, что тогда всему народу сдѣлалось уже извѣстно, что помирились мы съ пруссаками ни на

чемъ, и онъ при заключеніи мира сего не удержалъ себя ни малѣйшей частички изъ завоеванныхъ земель, а положено было не только Померанію, но и все королевство Прусское отдать обратно, котораго всѣмъ россиянамъ было крайне жаль и о которомъ нѣкоторымъ извѣстно было, что король, находясь въ послѣдней своей крайней нуждѣ, намѣренъ былъ уже и самъ уступить его намъ на вѣки, еслибъ могъ только купить чрезъ то одно себѣ—миръ. А тогда не только получилъ его, такъ сказать, безданно безопшлнно, но сверхъ того и ту, совсѣмъ неожиданную имъ и неопшсанно полезную для его выгоду, что государь нашъ изъ единой любви и вепомѣрнаго къ нему почтенія, отставъ отъ всѣхъ прежнихъ союзниковъ нашихъ, съ которыми вмѣстѣ только лѣтъ проливали мы кровь свою, за которыхъ потеряли толь многія тысячи нандучшихъ своихъ воиновъ, и пожертвовали толь многими милліонами нашихъ денегъ и истощили тѣмъ даже все государство наше, и не только отсталъ, но расположился еще и помогать противъ нхъ королю прусскому всѣми своими силами и возможностью, и что для учиненія тому начала, велѣлъ уже бывшему при цесарской арміи Чернышовскому корпусу примкнуть къ прусской арміи, и вмѣстѣ съ пруссаками воевать противъ прежнихъ нашихъ союзниковъ цесаревъ. А разсѣившаяся о томъ въ народѣ повсемѣстная молва прибавляла еще, что будто бы государь помянутый нашъ, въ двадцати тысячахъ человекъ состоящій, Чернышовскій корпусъ даже подарилъ совсѣмъ и навсегда королю прусскому; а совсѣмъ тѣмъ, о возвращеніи прочей арміи въ Россію никто еще не говорилъ ни слова, а напротивъ того начинала разсѣваться молва, что государь, всѣмъ тѣмъ еще не удовольствуясь, затѣвалъ еще за Голштинію свою какуюто новую войну противъ датскаго королевства, и что готовился уже флотъ нашъ къ отплытію въ море, а арміи нашей велѣно было итти опять въ походъ, и

пробираться чрез Померанію въ Меленбургъ, и что нѣкоторая оной часть. подъ предводительствомъ графа Румянцева, туда уже выступила; и что у государя не то было на умѣ, чтобъ чрезъ поманутое примиреніе съ королею прусскимъ доставить государству своему миръ, тишину, спокойствіе и отдохновеніе, но онъ вознамѣрился, чрезъ предприниманіе безъ всякой нужды новой, отдаленной и советъмъ бесполезной для насъ войны, повергнуть все государство свое вновь въ бездну многообразныхъ золъ и отягощеній, и войны сей такъ жаждалъ, что вознамѣривался даже самъ въ походъ съ арміею своею отправиться, и самолично командуя оною, и королю прусскому помогать и съ новыми неприятелями драться. То все сіе не только огорчало и смущало умы всѣхъ россиянъ, но и сердца ихъ раздражало противъ его до безконечности и такъ, что никто не могъ взирать на него съ спокойнымъ духомъ и не чувствуя въ душѣ и сердца своемъ досады и крайняго негодованія и неудовольствія на него.

А все сіе и произвело то послѣдствіе, что неуспѣло поманутое мирное торжество окончиться, какъ бывшій до того, но все еще свосный и сокровенный народный ропоть увеличился тогда вдругъ скорыми шагами, и дошелъ до того, что сдѣлался почти совершенно явнымъ и публичнымъ. Всѣ не шептали уже, а говорили о томъ въявь и ничего не опасаясь, и выводилъ изъ всего вышесказаннаго такіа слѣдствія, которыя всякаго утрашить и въ крайнее сумѣніе о благоденствіи всего государства повергать въ состояніи были.

Теперь посудите, каковожь было тогда вамъ, находившимся при полнейшемъ генералѣ и о увеличивающемся съ каждымъ днемъ поманутомъ всенародномъ ропотѣ, огорченіи и неудовольствіи, получающимъ ежедневныя увѣдомленія?— Не долженствовало-ль вамъ тогда навѣрное полагать, что таковой необыкновенный ропоть произведетъ страшныя дѣйствія и что неминуемо произой-

детъ какой-нибудь бунтъ или всенародный мятежъ и возмущеніе? — Ахъ! любезный пріятель, мы того съ каждымъ почти часомъ и ожидали и я не могу вамъ изобразить, каково было для насъ сіе критическое время, и сколь много смущались сердца наши отъ того ежедневно.

Но никто, я думаю, такъ много всѣмъ тѣмъ не смущался, какъ я. Извѣстное уже вамъ тогдашнее расположеніе моего духа и мыслей дѣлало меня ко всему тому еще чувствительнѣйшимъ. И воображалъ себѣ всѣ могущія при такомъ случаѣ быть опасности и бѣдствія. тужилъ тысячу разъ, что находился тогда при такой должности и живъ при такомъ генералѣ, который, въ случаѣ мятежа и возмущенія, всего легче могъ и самъ погибнуть и насъ съ собою погубить: желалъ быть тогда за тысячу верстъ отъ него въ отдаленіи; помышлялъ уже нѣсколько разъ о томъ, чтобъ воспользуясь дарованною всему дворянству вольностію, проситься въ отставку и требовать себѣ абшида; но и досадовалъ вкушѣ и досадовалъ невѣдомо какъ, что тогда собственню учинить того было не можно и что необходимо долженствовало дожидаться напередъ мѣсяца сентября, съ котораго дозволено только было проситься въ отставку. Сіе обстоятельство наче всего меня огорчало, и я истинно не знаю, что-бъ со мною было и до чего-бъ я дошелъ, еслибъ при всѣхъ сихъ крайне-смутныхъ обстоятельствахъ не подкрѣпляло меня мое твердое упованіе на моего Бога, и сдѣланное единожды навсегда препорученіе себя въ его святую волю, не ободряло весь мой духъ и не успокоивало сердце. И надѣялся, что святой его и пекущійся о благѣ моемъ Промыслъ вѣрно не оставитъ меня и при семъ случаѣ и произведетъ то, что за лучшее и полезнѣйшее для меня признаетъ. И, ахъ! я не постыдился и въ сей разъ въ семъ упованіи моемъ на моего Творца и Бога!

Онъ и дѣйствительно не оставилъ меня и произвелъ то, чего я всего меньше

могъ тогда ожидать и думать!—Словомъ, святой вогъ его угодно было расположить тогда такъ обстоятельства, что я вдругъ и противъ всякаго чаянія и ожиданія, сперва власно какъ нѣкою невидимою силою, оторванъ былъ отъ моего генерала, наводившаго собою на насъ толь великое опасеніе, а вскорѣ потомъ ни думано, ни гадало. получилъ то, чего только жаждала вся душа моя и вождѣло сердце. И какъ происшествіе сіе принадлежитъ къ достопамятнѣйшимъ въ моей жизни и имѣло великое вліяніе на весь остатокъ оной, то и опишу я оное вамъ въ подробности.

Случилось это въ одинъ день и, что удивительнѣе, въ самый такой, въ который мы, по дошедшимъ до насъ чрезъ полицейскихъ служителей новымъ слухамъ о увеличившемся ропотѣ и неудовольствіи народномъ, въ особенности были растревожены, и о томъ, собравшись предъ самымъ обѣдомъ въ кучку, между собою судачили, воздыхали и говорили, какъ вдругъ безъ памяти прискакалъ къ генералу нашему одинъ изъ государевыхъ ординарцевъ, и, пробѣжавъ мимо насъ къ генералу въ кабинетъ, ему сказалъ, чтобъ онъ въ ту же минуту ѣхалъ къ государю, и что государь на него въ гнѣвѣ. Не могу изобразить, какъ насъ всѣхъ необыкновенное сіе явленіе поразило и удивило. Чтожъ касается до генерала, который только что взѣхалъ тогда на дворъ, возвратившись изъ обыкновенныхъ своихъ всякій день путешествіевъ, и расположившись въ сей день обѣдать дома, хотѣлъ-было только скидывать съ себя кавалерію и раздѣваться; то онъ, поблѣднѣвъ и помертвѣвъ отъ сей неожиданной вѣсти, только что кричалъ: «Карету! Скорѣй карету!» и бѣжалъ въ нее садиться опять, и какъ она была еще не отпряжена и ее вмгъ опять подвезли, то, подхватя съ собою товарища моего, князя Урусова и полицейскаго ординарца, которые одни въ тотъ день съ нимъ ѣздили, полетѣлъ отъ насъ какъ молнія туда, гдѣ государь тогда находился, и съ такою поспѣшностію, что

едва успѣлъ намъ сказать, чтобъ имъ погодили обѣдать, покуда онъ либо самъ придетъ, либо пришлетъ карету обратно.

Оставшись послѣ его, не знали мы, что думать и гадать о семъ происшествіи, и прежнее наше судаченіе сдѣлалось еще больше и важнѣе. «Уже не произошло ли чего особеннаго? говорили ли между собою: ужъ не сдѣлалось ли гдѣ мятежа и возмущенія какого? Нынѣ того и смотри и гляди!»

О государѣ всѣмъ намъ извѣстно было, что онъ въ то утро поѣхалъ за городъ смотрѣть пришедшій только наканунѣ того дня къ Петербургу прежній свой и любимый кирасирскій полкъ. «Уже не произошло ли тамъ чего-нибудь не дароваго? продолжали мы говорить: или не увидѣлъ ли онъ чего во время ѣзды своей туда?... И, ахъ-ти!... бѣда будетъ тогда генералу нашему!... На перваго онъ оборвется на него, и первому скажетъ, для чего онъ, будучи полицеймейстеромъ, не глядитъ, не смотритъ...» Далѣе думали и говорили мы: «Ужъ не узналъ ли какимъ-нибудь образомъ государь, что генералъ нашъ тайкомъ и часто ѣздитъ къ государынѣ и просиживаетъ у ней по нѣскольку часовъ сряду и не за то ли онъ на него разгнѣвался?..»

Симъ и подобнымъ сему образомъ догадывались и говорили мы между собою, дожидаясь возвращенія генеральскаго, и сгарали крайнимъ любопытствомъ, желая узнать истинную причину, которая, однако, при всѣхъ нашихъ думаньяхъ и догадкахъ, никому изъ насъ и на мысль не приходила. А потому и судите, сколь великому надлежало быть нашему изумленію, и сколь сильно поражены были мы всѣ, когда, вмѣсто генерала, прискакалъ къ намъ одинъ товарищъ мой, князь Урусовъ и, вбѣжавъ къ намъ въ залъ, его съ любопытствомъ встрѣчающимъ, учинилъ намъ пренизкій поклонъ, и сказалъ: «Ну, братцы! поздравляю васъ всѣхъ!»—Съ чѣмъ такимъ? подхватили мы, и воспылали еще множайшимъ любопытствомъ слышать дальнѣйшее. «А вотъ съ тѣмъ, государи

продолжалъ онъ: что всякій изъ изволь-ка готовится въ путь!— это? спросили мы въ нѣсколько ювъ и перетревожившись уже отъ то слова сего. — «Куда! подхватили ни меньше, ни больше, какъ въ зачтвую армію!» — Что ты говоришь! слыи мы, крайне смутившись. Неужо генерала посылаютъ въ армію? — ое тебѣ генералъ? отвѣчалъ онъ: ге-тъ, какъ генералъ, остается тамъ же, былъ. и поѣхалъ теперь съ госу-нъ обѣдать, а изволь-ка всѣ мы за-ицу!» — Какъ это? подхватили мы еще не изумившись. Намъ то, зачѣмъ же нъ въ армію? — «Какъ зачѣмъ? ска-онъ. Затѣмъ, чтобъ служить, иттии ею въ походъ, и воевать противъ іателя. Словомъ, было-бъ вамъ всѣмъ, ари мои, извѣстно и вѣдомо, что же теперь не находимся въ штатѣ ерала; а всѣхъ насъ у него отняли, гѣно отправить насъ въ армію и рас-гѣнить по полкамъ опять».

ова сія поразили насъ всѣхъ, какъ овиъ ударомъ. Мы оцѣпенѣли даже вь состояніи были долго выгово-ни единого слова. Но вдругъ по-риударилась въ разные голоса, иивать и говорить. Иной, не вѣря у тому, говорилъ, что онъ шутить; ой считалъ это пустяками; третій тился и говорилъ: Господи помилуй! ; это можно! Но тѣ, которые не на-ли въ томъ шутки, приступали къ ю и просили его, чтобъ онъ не то-ихъ больше и сказалъ имъ: подлинно се то правда? и буде онъ не шутить, акимъ же образомъ и какъ это такъ алось, и отъ кого произошла такая идаемость?

тогда, князь, побожившись, что онъ мало не шутить, и что то не только ая правда, но онъ слышалъ и знаетъ, кого и произошло все сіе.

ловомъ—продолжалъ онъ, обратясь къ щему съ нами рядомъ нашему оберъ-тернистру Лангу—говорить причи-тому никто иной, какъ вы, и по ми-и вашей вышла на насъ всѣхъ теиеръ

такая невзгода и бѣда!» — Отъ меня? съ удивленіемъ спросилъ Лангъ. — «Точно такъ, и отъ васъ однихъ все это заго-рѣлось; а вотъ я вамъ и расскажу все дѣло. Вы вѣдь были прежде сего въ ки-расирскомъ государевомъ полку, и изъ онаго къ намъ взяты?» — Былъ! сказалъ на сіе Лангъ. — ну, такъ-что-жь? — «А вотъ что, отвѣчалъ князь. Какъ государю всѣ офицеры сего полку, а въ томъ чи-слѣ и вы были коротко извѣстны, то се-годня, приѣхавши смотрѣть свой полкъ, не находить онъ васъ и спрашиваетъ, гдѣ-бъ вы были, и для чего васъ нѣтъ во фрунтѣ. Ему отвѣчаютъ, что васъ давно уже нѣтъ въ полку, и что вы взяты генераломъ нашимъ къ нему въ оберъ-квартирмистры. Государь не успѣлъ сего услышать, какъ и всплилъ и прогнѣвался ужаснымъ образомъ на нашего генерала.

— «Какъ, это смѣлъ, кричалъ онъ въ гнѣ-вѣ.—взять его Корфъ изъ полку моего, какъ могъ отважиться сдѣлать то и отор-вать отъ полку лучшаго офицера и безъ моей воли и приказанія? Да на что ему оберъ-квартирмистры? Армію ли онъ ко-мандуетъ? въ походъ что ли онъ? Ба! ба! ба! да на что ему и штатъ-то весь?...» Никто не посмѣлъ сказать на сіе государю ни одного слова, а онъ, часъ отъ часу бо-гѣе гнѣвался, велѣлъ въ тотъ же мигъ скакать ординарцу за генераломъ на-шимъ, а самъ тотчасъ между тѣмъ далъ именное повелѣніе, чтобъ у всѣхъ гене-раловъ, кои не командуютъ дѣйствительно войсками и не въ арміи, штатамъ впредъ не быть и у всѣхъ таковыхъ чтобъ оные отнять, и отославъ въ армію, распредѣ-лить по полкамъ. Вотъ, государи мои! продолжалъ князь какъ началось, прои-зошло и кончилось это дѣло. Генералъ нашъ, прискакавъ, хотя и оправдался предъ государемъ тѣмъ, что по преж-нимъ распорядкамъ имѣлъ онъ право требовать, кого хотѣлъ; но сдѣланнаго перемѣнить не только уже не могъ, но не посмѣлъ и заикнуться о томъ, а до-воленъ былъ, что государевъ гнѣвъ на него поутихъ, и что получилъ онъ при-казаніе ѣхать съ нимъ обѣдать къ принцу

Жоржу, а съ снмъ извѣстіемъ и прислалъ онъ меня къ вамъ, государи мои!...»

Теперь не могу я никакъ изобразить, съ какимъ любопытствомъ мы все сіе слушали, и въ каковыхъ разныхъ душевныхъ движеніяхъ были мы всѣ при окончаніи сей повѣсти, и при услышаніи о сей ужасной и всего меньше ожидаемой съ нами переменѣ. Мы задумались, повѣсили всѣ головы и не знали, что думать и говорить. Никому изъ насъ не хотѣлось ѣхать въ армію, и къ тому-жъ еще и заграничную, а особливо при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда извѣстно намъ уже было, что начиналась новая война противъ датчанъ.

Но никому не было извѣстіе сіе такъ поразительно, какъ мнѣ, едва только изъ-за границы приѣхавшему и въ отечество свое возвратившемуся.—«Ахъ, батюшки мои!... говорилъ я, ну-ка, нельзя распределить еще по самымъ тѣмъ полкамъ, гдѣ кто до сего опредѣленія сюда былъ?... Что тогда со мною будетъ? Полкъ-то нашъ въ Чернышовскомъ корпусѣ, и находитесь теперь при прусской арміи! и ну-ка то правда, что говорятъ, будто онъ вовсе отданъ и подаренъ королю прусскому? Погибъ я тогда совсѣмъ, и не видать уже мнѣ будетъ отечества своего на вѣки. О, Боже Всемогущій, что тогда со мною будетъ?»

Слмъ и подобнымъ сему образомъ говорилъ я тогда и вслухъ и самъ съ собою. Сердце замирало во мнѣ при единомъ воображеніи сей обратной ѣзды въ армію, и мысли о семъ такъ смутили и растревожили весь духъ мой, что я, сѣвши за столъ, во весь обѣдъ не съ состояніи былъ проглотить единого куска хлѣба. А не въ меньшемъ безпокойствіи и душевномъ смущеніи находился и всѣ прочіе мои сотоварищи. Всѣмъ имъ до крайности неприятна была сія перемѣна, и какъ всякому самому до себя тогда было, то никто и не помышлялъ о томъ, чтобъ утѣшать другихъ въ сей печальной горести и печали. Одинъ только Лангъ не горевалъ о томъ, ибо надѣялся, что онъ останется

въ Петербургѣ, и что его опредѣлятъ по прежнему въ полкъ, изъ котораго онъ только-что прибылъ къ намъ предъ недавнимъ временемъ. Всѣ мы завидовали ему въ томъ, и въ сердцахъ своихъ немилосердо его ругали и бранили за то, что онъ былъ всему тому, хотя правду сказать, невинною съ своей стороны причиною.

«Догадало и генерала,—говорили мы тихонько между собою: набирать себѣ еще оберъ-квартирмейстровъ, оберъ-аудиторовъ! Ну, на что, сударь, въ самомъ дѣлѣ они ему? Мы хотя службу служили, и всякій день были не безъ дѣла, а они-то... На боку только лежали и за ними только и всего дѣла было, чтобъ приходить сюда обѣдать, и опять идти на квартиры и заниматься, чѣмъ хотѣли». Совсѣмъ тѣмъ, что мы ни говорили и какъ о томъ ни судачили и ни разсуждали, но какъ дѣло было сдѣлано, и генералу приказано уже было насъ немедленно представить въ военную коллегію, то и не выходило у насъ сіе ни на минуту изъ ума и изъ памяти, и подало поводъ къ тому, что мы, вставши изъ-за стола, сдѣлали между собою общій совѣтъ и стали думать и гадать о томъ, какъ намъ въ семъ случаѣ быть и что при сихъ обстоятельствахъ дѣлать? И пѣтъ ли еще возможности какой къ тому, чтобъ намъ отбыть отъ распределенія по полкамъ и отправленія насъ въ заграничную армію. «Уже не можетъ ли,—говорили нѣкоторые изъ насъ—пособить вамъ въ семъ случаѣ генералъ нашъ? Хоть бы ужъ эту милость сдѣлалъ онъ намъ за всѣ наши труды и безпокойную службу при немъ!»

—«Гдѣ генералу это сдѣлать, говорили напротивъ того другіе: и можно ли ему чѣмъ помочь, когда дано о томъ нѣжное повелѣніе! Онъ не посмѣетъ и заикнуться теперь о томъ, а особливо по обстоятельству, что и дѣло-то все произошло отъ него. Теперь всѣ наши братья его ругать и бранить за сіе будутъ!»

Что касается до меня, то мнѣ толкнулся тогда указъ о вольности дворянству въ

у, и я, прицѣпясь мыслями къ тому, дѣлать только, что ничего бы такъ не было, какъ получить абшипдъ и уйти въ отставку, а не знаю только, какъ бы можно было сдѣлать; но какъ такое желаніе изъ всѣхъ насъ имѣлъ только одинъ, а всѣмъ прочимъ не хотѣлось еще выбыть совсѣмъ изъ службы, а къ нему некуда было идти въ отставку, ни не только не совѣтовали и мы, но говорили еще, что едва ли и то будетъ мнѣ сіе сдѣлать; и тѣмъ (или меня почти до отчаянія.

дѣлать часть проговорили и просунули мы о семъ на тогдашнемъ обществѣ, и наконецъ, съ общаго согласія, кляни, чтобъ на утрѣ поранѣе всѣмъ собраться и, при предводительствѣ генеральскаго адъютанта Балабина, явиться предъ генерала съ униженнѣйшею нашею о томъ просьбою.—«Попытка была, говорилъ господинъ Балабинъ, просьба не бѣда!.. отвѣдаемъ, попробуемъ... Возьмется что-нибудь для насъ — хорошо, а не возьмется, такъ поклонься ему, и станемъ искать уже и какой дороги!...»

Самы разошлись мы тогда, и я, пришедъ на квартиру свою, всю почти ночь дѣлать тогда продумалъ, и попросилъ мнѣ Творца моего и Бога, о вспомнѣніи мнѣ въ семъ случаѣ и о томъ. Онъ самъ наставлялъ и надумывалъ, что мнѣ дѣлать и самъ бы мнѣ въ руководствовалъ и помогалъ. На следующее утро собрались мы по сдѣланному условію въ кучку ранехонько къ генералу въ домъ, и, дождавшись какъ онъ придетъ, пошли къ нему въ кабинетъ. Генералъ встрѣтилъ насъ изъясненіемъ искренняго своего сожалѣнія о принужденіи теперь лишиться насъ, и изъявлялъ намъ, какъ онъ нами былъ доволенъ, и какъ бы не хотѣлъ никогда расстаться съ нами...

Я кланялся ему и благодарилъ за щедрость его объ насъ мнѣніи, и увѣряли его и съ своей стороны, что мы такъ стѣснены его довольны были, что хотѣли

бы всегда служить при немъ, хотя въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ не то, а другое на сердце и на умѣ у насъ тогда было. и мы съ сей стороны и ради еще были. что отъ него отдѣлались благополучно; но какъ скоро первый сей церемоніалъ кончился, то, смигнувшись, начали мы все говорить, и кланяясь, просить его о вспоможеніи намъ въ нашей нуждѣ, и о исходатайствованіи того, чтобъ насъ не посылали въ армію, а распредѣлили-бы тутъ гдѣ-нибудь по мѣстамъ разнымъ. Генералъ не успѣлъ сего услышать, какъ вдругъ перемѣнилъ тонъ, и сталъ намъ клястись и божиться, что хотя бы онъ и душевно желалъ пособить намъ въ семъ случаѣ, но не находитъ себя ни мало къ тому въ состояніи, и чтобъ мы пожаловали его въ семъ случаѣ — извинили! Словомъ, онъ отказалъ намъ въ нашей просьбѣ совершенно, и чтобъ прервать скорѣй съ нами о томъ разговоръ, то кликалъ своего слугу, и велѣлъ подавать себѣ одѣваться и посылать полицейскаго секретаря съ дѣлами, который обыкновенно былъ уже къ тому на готовѣ.

Досадно и крайне чувствительно всѣмъ намъ было слышать такой скорый, холодный и совершенный отказъ отъ генерала, и видѣть явное нехотѣніе оказать намъ въ семъ случаѣ, хотя-бы малое какое со стороны своей вспоможеніе, на примѣръ, хотя бы общалъ попросить объ насъ кого-нибудь изъ своихъ пріятелей и знакомыхъ, что бы ему всего легче можно было и сдѣлать, а не только общать. И какъ мы увидѣли, что онъ насъ тѣмъ властно какъ вонъ выгонялъ, то, поклонившись ему, вышли вонъ, мурча всякій себѣ поднось, и ругая его въ мысляхъ за то немилосердымъ образомъ.

Мы, смолвившись, прошли все чрезъ залу, въ угольную и на другомъ краю дома находящуюся комнату, чтобъ и поговорить свободнѣе между собою и опять посоветовать, что дѣлать. Тамъ изливали мы на языки наши все тогдашнія чувствованія сердецъ нашихъ: бранили и ругали генерала за его къ намъ неблагодарность, за неуваженіе всѣхъ ока-

занныхъ ему безчисленныхъ и почти рабскихъ услугъ и за нехотѣніе помочь намъ ни на волю, при тогдашнихъ тѣсныхъ нашихъ обстоятельствахъ, въ которыя ввергнуты мы были по его же милости и безразсудку. Но какъ всѣ таковыя брани не въ состояніи были намъ принести ни малѣйшей пользы, то, наговорившись досыта, приступили мы опять къ совѣщаніямъ о томъ, что дѣлать.

— «Ну, братцы!... сказали намъ опять нашъ бывшій генеральсь-адъютантъ Балабинъ. Когда его высокопревосходительство изволилъ намъ такъ милостиво на отрѣзъ отказать, такъ не остается теперь другого, какъ всякому искать самому уже себѣ другую и лучшую дорогу. Нѣтъ ли, государи мои, у всякаго изъ васъ какихъ-нибудь другихъ милостивцевъ и знакомцевъ, которые бы могли за васъ въ военной коллегіи замолвить слово? Ступайте-ка, господа, теперь по домамъ своимъ и поищите-ка ихъ. Здѣсь у генерала дѣлать вамъ уже болѣе нечего. Помочь уже отрѣзанъ и не пристанетъ, и такъ надобно поспѣшить и постараться о томъ, покуда еще не написано представленіе объ насъ, и какъ писать оное никому иному, какъ мнѣ будетъ надобно, то я стараюсь уже между тѣмъ сколько можно онымъ помѣшкать. Ступайте-ка, ступайте и нечего медлить, господа! надобно ковать желѣзо, покуда горячо. Ищите себѣ милостивцевъ и покровителей и приходите-ка завтра опять и горядо поранѣе ко мнѣ».

Всѣ одобрили его мысли и предложеніе, и давъ требуемое обѣщаніе, пошли, кто куда звалъ. А какъ и мнѣ дѣлать болѣе уже тутъ нечего было, то пошелъ и я, но самъ истинно не зная куда? Ибо, какъ у меня изъ всѣхъ знатныхъ не было ни единого человѣка знакомаго и таково, къ которому бы я могъ въ сей нуждѣ прибѣгнуть, то не зная я, куда итти и къ кому преклонить мнѣ бѣдную свою голову тогда. Никогда еще не былъ я такъ сильно печалію огорченъ, какъ въ сіи крайне критическія минуты. Я пошелъ повѣся голову изъ дома генеральскаго,

и, идучи мимо окна, подъ которымъ онъ тогда сидѣлъ и чесался, взглянувъ на него, самъ въ себѣ подумалъ и, качавъ головою, говорилъ: «То-то только я отъ тебя, государь мой, и нажилъ! Затѣмъ-то только ты меня сюда выписалъ, и тѣмъ-то только возблагодарилъ за всѣ мои труды и услуги? Ну, Богъ съ тобою!» продолжалъ я и, сказавъ сіе, махнулъ рукою и пошелъ, не озираючись, далѣе!

Но какъ письмо мое достигло до своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ, любезный пріятель, на семь мѣстѣ остановиться, и предостаи дальнѣйшее повѣствованіе письму будущему, сіе окончить увѣреніемъ, что я есмь и прочая.

Письмо 98-е.

Любезный пріятель! Въ сегодняшнемъ письмѣ расскажу я вамъ о новомъ опытѣ милосердія божескаго ко мнѣ и о новой чертѣ дѣйствіи благотѣльствующаго и некуцагося обо мнѣ святого его Промысла, и самымъ тѣмъ докажу ту истину великую, что Всемогущій никогда такъ охотно слабымъ своимъ и немощнымъ тварямъ, возлагающимъ на него всю свою надежду и упованіе, въ нуждахъ ихъ не помогаетъ, какъ тогда, когда не остается уже имъ никакой помощи и надежды на другихъ смертныхъ, только же слабыхъ и немощныхъ, какъ они и сами, и что онъ находить, власно какъ особенное удовольствіе въ томъ.

Самое сіе случилось тогда опять дѣйствительно со мною, и я нигдѣ удовольствіе видѣть въ собственномъ примѣрѣ своемъ и въ сей разъ подтвержденіе справедливости той простой пословицы нашей, что «когда Богъ пристанетъ, такъ и пастыря приставитъ».

Не успѣлъ я помянутымъ образомъ, вышедъ изъ дома генеральскаго въ крайнемъ недоумѣніи, задумчивости и огорченіи, нѣсколько сотъ шаговъ отойти, идучи самъ почти не зная куда и зачѣмъ, какъ вдругъ и власно, какъ бы кто мнѣ въ уши шепнулъ, пришла мнѣ на мысль та Куносова любимая и назусть мною дорогою выученная нѣмец-

ная духовная ода, о которой я какъ однажды уже упоминалъ, и которая начиналась слѣдующими словами:

Es ist ein Gott, der sorgt für mich,
Und ich, ich lebe kümmerlich,
Und will mich selbst versorgen...

и вдругъ такъ меня ободрила, что я ясно какъ оживотворился, и въ умѣ своемъ, какъ изъ сна воспрянувъ, сказалъ: «Фу! какая бѣда? что я за правду такъ горюю и отчаяваюсь? Нѣтъ у меня милостивцевъ и покровителей на землѣ, такъ есть на небесахъ и сильнѣе всѣхъ оныхъ! Есть такой, Который всего скорѣе все сдѣлать можетъ, и на Котораго мнѣ всего болѣе надѣяться можно». Слова сія влили, какъ нѣвакій живительный бальзамъ въ уязвленную горестью мою душу. Вся она въ единый мигъ успокоилась тогда, сердце-жъ вострепегало какъ отъ радости каковой, и разлило по всей кровя моей нѣкое пріятное ощущаніе.

«Великій Боже! возопилъ я тогда, вообразивъ себѣ какъ можно живѣе его близкое присутствіе къ себѣ и устремивъ всѣ душевныя помышленія и всѣ чувствованія моего сердца къ Нему: вотъ слушай, при какихъ Ты отъменно любишь помогать! Помоги Ты мнѣ въ нуждѣ моей, да воспрославлю имя твое. Никого нѣтъ у меня, кромѣ Тебя, къ кому-бъ могъ я прибѣжище взять. Наставь и научи Ты меня самъ и покажи слѣдъ, куда идти и что мнѣ дѣлать?»

Мысли сія такъ меня тогда разстрогали, что какъ въ самую минуту случилось мнѣ поровняться съ одною церковью, стоявшею подлѣ пути моего, и я увидѣлъ входящихъ въ нее людей, то вдругъ произошло желаніе во мнѣ зайти въ оную и помолиться. «Пойду! сказалъ я самъ себѣ, и повергну себя вмѣстѣ съ ними къ подножію ногъ моего Бога и Отца, и возвергну всю печаль на моего Господа, препоручу вновь себя въ святую волю его». И что-жъ произошло и вышло изъ сего?

Не успѣлъ я войти въ церковь сію, какъ вдругъ поражаетъ меня видъ внушенности оной.

Я узнаю оную и вспоминаю, что нѣкогда бывалъ въ ней, и бывалъ много разъ, словомъ, что она была самая та, въ которую хаживалъ я такъ часто по приказанію господина Яковлева, когда, въ прежнюю мою бытность въ Петербургѣ, просилъ я о произведеніи себя въ офицеры, и какъ самая она привела мнѣ на память и сего тогдашняго моего милостивца и благодѣтеля, то, поразившись вдругъ напоминачіемъ симъ, сказалъ я въ мысляхъ самъ въ себѣ: «Да вотъ у меня есть знакомецъ и милостивецъ въ Петербургѣ. Я и позабылъ совсѣмъ про него! Но ахти! продолжалъ я: гдѣ-то онъ нынѣ? Чѣмъ-то и при какой должности?... Не случилось мнѣ какъ-то ни самого его видѣть, ни разговориться ни съ кѣмъ про него? Куда-то дѣлись они по смерти генерала ихъ, графа Шувалова, при которомъ онъ игралъ тогда такую великую роль? Въ Петербургѣ-ль-то онъ еще, или куда вымылъ? мнѣ и не ума было объ этомъ спросить и распроевѣдать; а вотъ при теперешнемъ случаѣ, онъ, можетъ быть, мнѣ бы и пригодился? Что я не распроевѣдаю о томъ? право! распроевѣдать бы... но гдѣ и какъ! Постой! воскликнулъ я, продолжая о семъ мыслить и часъ отъ часу прихвляясь болѣе къ этой мысли: всего лучше распроевѣдать о томъ въ домѣ томъ, гдѣ онъ тогда жилъ и который былъ недалеко отсюда, и мнѣ довольно былъ знакомъ и примѣтенъ».

— «Ужъ не пойти ли мнѣ теперь же туда? Время, благо, праздно и свободное! на квартирѣ чтожъ я буду дѣлать!... Ей-ей! сбѣгаю-ка я туда! Почему знать, можетъ быть и (не) по слѣбному случаю зашелъ я сюда въ церковь!... Можетъ быть и сама судьба завела меня сюда, чтобъ напомнить мнѣ о семъ человѣкѣ, и кто знаетъ! можетъ быть онъ и нынѣ въ состояніи будетъ мнѣ помочь такъ, какъ помогъ при тогдашнемъ случаѣ? и ахти! когда бы могло это такъ случиться, и онъ помогъ бы мнѣ! Пойду! Ей-ей, пойду, и буде онъ тутъ, то адресуюсь прямо къ нему! Не великая бѣда, если и не удастся. Говорится же въ пословицѣ: «попытка не

со мною случилось и рассказал о всѣхъ словахъ г. Яковлева. Онъ дивился не менѣ моего нечаянности сего случая, и радъ былъ невѣдомо какъ, что я такъ скоро симъ дѣломъ сироворилъ. «Ну! спасибо! право спасибо, Андрей Тимоеевичъ! говорилъ онъ. При тебѣ, можетъ быть, и намъ всѣмъ хорошо будетъ. И на что намъ всѣмъ лучше сего ходатая и попечителя, и искомъ бы искать, не пайтить намъ лучшаго. Я самъ знаю, что онъ вѣрочаетъ почти одинъ всѣми дѣлами въ военной коллегіи. А что касается до генерала нашего, продолжалъ онъ, такъ уговорить его написать то беру уже я на себя. Я на горло ему наступлю, если вздумаетъ онъ и въ томъ уже намъ отказать! Онъ и не хотя у меня напишетъ. Соберитесь-ка завтра поранѣе сюда, и положитесь въ томъ на меня».

Пришедъ на квартиру, препроводилъ я весь остатокъ того дня уже повеселѣе прежняго, а люди мои почти вспрыгались отъ радости, когда я имъ сказалъ, что Богъ подаетъ намъ надежду быть скоро дома и получить отставку. А и въ ночь, послѣдующую за симъ, спалъ я уже спокойно, не жели въ прошедшую; ибо голова моя набита была мыслями не объ арміи и не о войнѣ, а уже воображеніями пріятной сельской жизни.

На утрѣ, какъ пришелъ я въ домъ генеральскій, то нашелъ всѣхъ моихъ бывшихъ сотоварищей въ собраніи, и г. Балабина, ушедшаго уже къ генералу, съ написаннымъ объ насъ представленіемъ. Онъ успѣлъ уже до меня отобрать отъ всѣхъ желанія и вписать оныя противъ имени въ списокъ; а вскорѣ послѣ того вышелъ и онъ отъ генерала, и завидѣвъ насъ, сказалъ:—«Ну! братцы! скажите спасибо!... Было хлопотъ довольно, и на силу, на силу уломалъ я его, какъ добраго чорта. Не хотѣлъ-было никакъ подписывать написаннаго мною, и чего и чего не говорилъ онъ! И не смѣетъ-то, и боятся-то государя сдѣлать объ насъ такое представленіе, и будетъ-то оно ни мало не встаетъ; и не произведетъ-то намъ никакой пользы, и коллегія-то его не по-

слушаетъ, и подниметь только на смѣхъ и ничего-то изъ того не выйдетъ!... Словомъ, онъ отговаривался всѣмъ и всѣмъ; но я приступилъ къ нему уже не путѣмъ, и говорилъ наконецъ: пускай же не выйдетъ изъ того ничего, и коллегія его не послушаетъ; но, по крайней мѣрѣ, онъ не останется намъ ничѣмъ долженъ, и мы будемъ уже на несчастіе свое, а не на его жаловаться. И симъ-то и подобнымъ тому образомъ, на силу-на силу, преклонилъ его къ тому, чтобъ послать такое представленіе на Божью волю и на удачу. И теперь пойдемте, господа, онъ велѣлъ мнѣ всѣхъ васъ къ себѣ представить».

Всѣ мы благодарили г. Балабина за его объ насъ стараніе и пошли за нимъ въ кабинетъ къ генералу.

—«Ну, государи мои! сказалъ онъ намъ при входѣ: хотя бы мнѣ и слѣдовало, но я расположился уже представить объ васъ военной коллегіи такъ, какъ вамъ хотѣлось; вотъ оно. Возьмите его и доставьте сами въ коллегію, и дай Богъ вамъ получить все, желаемое вами». Мы кланялись ему и благодарили, и какъ изъ всѣхъ насъ одинъ только я объявилъ желаніе итти въ отставку на свое пропитаніе, а прочимъ всѣмъ хотѣлось по большей части къ дѣламъ, то, при выходѣ нашемъ отъ него, клякнулъ онъ меня назадъ и мнѣ по-нѣмецки сказалъ:

— «Такъ ты домой, Болотовъ, хочешь? и на свое пропитаніе?»

— Домой, ваше высокопревосходительство!

— «Хоть бы и раненько итти тебѣ въ отставку, продолжалъ онъ: но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ разумнѣе всѣхъ это ты дѣлаешь. Съ Богомъ, мой другъ, съ Богомъ! и дай Богъ тебѣ получить желаемое, и чѣмъ бы скорѣй, тѣмъ лучше».

Съ сими словами отпустилъ онъ меня, и мы въ тотъ же часъ всѣ гурьбою пошли въ военную коллегію и представленіе о себѣ подали. Тутъ вѣрно было намъ нѣсколько обождать, а чрезъ полчаса и вышелъ къ намъ самъ г. Яков-

левъ и, спросивъ насъ, всѣмъ моимъ товарищамъ сказалъ, чтобъ они взяли терпѣніе и пообождали, покуда коллегія найдетъ празднаыя мѣста, въ которыя бы можно было ихъ размѣстить по ихъ желаніямъ, а между тѣмъ отъ времени до времени справливались бы они о томъ въ коллегіи. «А что до васъ, г. Вологовъ, касается, — обратясь ко мнѣ, продолжалъ онъ: — то вы извольте объ отставкѣ васъ, въ силу указа о вольности дворянства, подать въ коллегію особую челобитную; да вотъ, постойте, я велю ее вамъ и написать». Сказавъ сіе, обратился онъ къ одному стоявшему тутъ вахмистру и велѣлъ меня отвести къ одному повытчику и сказать, чтобъ онъ тотчасъ написалъ мнѣ челобитную объ отставкѣ и чтобъ она въ тотъ же еще день и къ подачѣ поспѣла.

Всѣ удивились такому обо мнѣ особенному приказанію, а вахмистръ оказалъ такую ревность къ исполненію повелѣннаго, что въ тотъ же мигъ подхватилъ меня и помчалъ чрезъ набитыя народомъ комнаты въ самую крайнюю, съ такою поспѣшностію, что не далъ времени съ завидующими уже мнѣ товарищами моими молвить и одного слова и съ ними проснуться; и, приведя туда, отдалъ меня съ рукъ на руки повытчику и пересказалъ все, что ему приказано было. Повытчикъ мой, не сказавъ ни ему, ни мнѣ на то ни одного слова, а давъ только ему знакъ рукою, чтобы онъ шелъ, сѣлъ себѣ писать по прежнему.

Я тотчасъ догадался, что сіе значило, и, отвернувшись къ сторонѣ, выхватилъ изъ кошелька рубль и, всунувъ ему непримѣтно его въ руку, на ухо ему шепнулъ: «Пожалуй-ка, мой другъ, потрудись и поспѣши челобитную написать и будь увѣренъ, что я буду тебѣ благодаренъ».

Не успѣлъ я сего сдѣлать, какъ и началась у насъ съ нимъ, противъ всякаго ожиданія, сущая комедія. Онъ вдругъ-таки, приподнявшись съ мѣста и обратившись ко мнѣ, пу предо мною кривляться и коверкаться, бить себя по брюху, косить разными и Богъ его знаетъ

какими странными манерами свой ротъ, и вмѣсто всего отвѣта, съ великою поспѣшностію и только брызгая на меня слюны изо рта, произносить сперва только: — «Из-из-из-из-изы-из-изъ, — а тамъ-су-су-су-су-су-су-су, а потомъ: то-то-то-то-го-го-го» и всѣмъ тѣмъ въ такое удивленіе меня привелъ, что я остоленѣлъ, и не зналъ, на что подумать, и самъ только въ себѣ твердилъ и говорилъ: Господи! что это такое! И какъ его по безкопечному тверженію «из-из-из-су-су-су и то-то-то», наконецъ власно, какъ прорвало, и онъ вдругъ сказалъ: «изволь, сударь, тотчасъ», то насилу могъ догадаться, что онъ былъ превеличайшій занка, и насилу удержался, чтобъ, смотря на кривлянье рожи его, самому не захотать и предъ нимъ не одурачиться. Совсѣмъ тѣмъ, онъ былъ дѣловой и добрый человекъ, и хоть долго не выговорилъ: «изволь, сударь, тотчасъ», но за то, дѣйствительно, у него тотчасъ все поспѣло, такъ, что я въ тотъ же еще день успѣлъ подать мою челобитную.

Какъ симъ отправленіемъ насъ въ военную коллегію должность паша при генералѣ кончилась, то съ сего времени не сталъ я уже къ нему ходить по прежнему ежедневно, а только тогда, какъ мнѣ хотѣлось; а чтобъ болѣе имѣть покоя и свободы, то приказывалъ варить себѣ иногда ѣсть дома и занимался уже болѣе литературными своими упражненіями, продолжая между тѣмъ переписку съ кѣнигсбергскими своими друзьями, а особливо съ г. Олинымъ, Александромъ Ивановичемъ. Изъ писанныхъ въ сіе время къ нему писемъ, хранится у меня и по нынѣ еще одно, достопамятнѣйшее и писанное въ отвѣтъ на то, которымъ увѣдомлялъ онъ меня о смерти общаго друга нашего г. Садовскаго, котораго мнѣ очень жаль было. Я помѣстилъ оное въ число моихъ разныхъ правоучительныхъ сочиненій, собранныхъ въ особой книжкѣ.

Напротивъ того, не оставлялъ я ходить въ военную коллегію для распровѣдыванія, что происходитъ ежедневно.

Она была тогда на прежнеемъ своемъ мѣстѣ, въ Большой Связи на Васильевскомъ островѣ, и господинъ Яковлевъ такъ турилъ моимъ дѣломъ, что на четвертый день послѣ того, а именно 24 мая, назначенъ былъ для насъ всѣхъ, просившихся тогда въ отставку, смотръ, и мы должны были поодиначкѣ входить въ присутственную комнату и показывать себя господамъ членамъ. Смотръ сей для нѣкоторыхъ изъ означенныхъ къ оному былъ и неблагоприятенъ. Они выходили изъ судейской съ огорченными и печальными лицами и сказывали, что имъ было для разныхъ причинъ отказано. Я трепеталъ тогда духомъ, боясь, чтобы не послѣдовало того же и со мною, и минута, въ которую предсталъ я предъ господъ рѣшителей моего жребія, была для меня самая тяжкая: я стоялъ ни живъ, ни мертвъ, когда они меня осматривали съ головы до ногъ, и бывший первымъ членомъ, генералъ-поручикъ Карауловъ, сталъ говорить другимъ, что мнѣ въ отставку бы еще и рано, и я слишкомъ еще молодъ.

Вся кровь во мнѣ взволновалась при услышаніи сего слова, а сердце затрепетало такъ, что хотѣло выскочить изъ груди моей: но, по счастью, г. Яковлевъ не долго далъ мнѣ страдать въ семъ мучительномъ состояніи. Онъ, обратясь къ г. Караулову, сказалъ: «Онъ вѣдь просится на свое пропитаніе, такъ для чего-жь не отпустить намъ его?» И не дожидавшись его отвѣта, а обратясь ко мнѣ, спѣшилъ громко произнести то важное и толико ободрившее и обрадовавшее меня слово: «Съ Богомъ! съ Богомъ! когда на свое пропитаніе!» а какъ то же повторилъ уже и господинъ Карауловъ, то я, сдѣлавъ имъ пренизкій поклонъ, вышелъ изъ судейской, самъ себя почти не вспоминая отъ радости и удовольствія. Ибо минута сія была рѣшительная, и я могъ уже считать себя съ самою оной отставленнымъ и отъ всей службы освобожденнымъ вольнымъ человекомъ.

Не могу изобразить, съ какимъ удовольствіемъ шелъ я тогда на свою квар-

тиру и какъ обрадовалъ извѣстіемъ о томъ людей своихъ. И поелику я тогда почиталъ отставку свою достовѣрною и надѣялся вскорѣ получить и свой абшидъ, то начали мы съ самаго того дня собираться къ отъѣзду изъ Петербурга въ деревню и запасаться всѣмъ нужнымъ къ такому дальнему путешествію. Я тотчасъ поручилъ прінскывать мнѣ скорѣе купить лошадей, ибо прежнія были распроданы, и люди мои такъ тѣмъ спроворили, что достали мнѣ на третій же день послѣ того купить прекрасную и добрую пару сѣрыхъ лошадей, а какъ третья у меня уже была, то въ короткое время и готовы мы были уже къ отъѣзду. Советилъ тѣмъ, дѣло мое въ военной коллегіи по разнымъ обстоятельствамъ продлилось долѣе, нежели какъ я думалъ и ожидалъ, и даже до самаго 14-го іюня мѣсяца.

Во все сіе время не оставлялъ я всякій день ходить въ военную коллегію и горѣлъ какъ на огнѣ, желая получить скорѣй свой абшидъ. Пуще всего тревожило меня то, что обстоятельствомъ въ сіе время въ Петербургѣ ставились часть отъ часу сумнительнѣйшими. Ибо какъ государь, около сего времени, со всѣмъ своимъ дворомъ отбылъ изъ Петербурга на лѣтнее жилище въ любезный свой Ораниенбаумъ, то, по отъѣздѣ его, народный ропотъ и неудовольствіе такъ увеличилось, что мы всякій день того и смотрѣли, что произойдетъ что-нибудь важное, и я трепеталъ духомъ и боялся, чтобъ таковой случай не остановилъ моего дѣла и не захватилъ меня еще неотставленнымъ совершенно, и чтобъ не могъ еще совѣтъ онаго разрушить.

Наконецъ настало помянутое 14-е число іюня, день, наидостопамятнѣйшій въ моей жизни: и я получилъ свой съ толикимъ вождѣніемъ желаемый абшидъ. Въ ономъ перепинованъ и былъ изъ флигель-адъютантовъ армейскимъ капитаномъ; ибо какъ я въ чинѣ семъ не выслужилъ еще года, то сколько ни хотѣлось господину Яковлеву дать мнѣ при отставкѣ чинъ маіорскій, но учи-

пить того никакъ было не можно; но я всего меньше гнался уже за опытъ, а желалъ только того, чтобъ меня скорѣе отставили и отпустили на свободу.

Такимъ образомъ кончилась въ сей день вся моя 14 лѣтъ продолжавшаяся военная служба, и я, получивъ абшидъ, сдѣлался свободнымъ и вольнымъ навсегда человѣкомъ.

Не могу изобразить, какъ пріятны были мнѣ дѣлаемыя мнѣ съ премѣною состоянія моего поздравленія, и съ какимъ удовольствіемъ шелъ я тогда изъ коллегіи на квартиру. Я самъ себя почти не вѣрилъ, что я былъ тогда уже неслужащимъ, и идучи, не слыхалъ почти погъ подъ собою: мнѣ казалось, что я иду по воздуху и на аршинъ отъ земли возвышеннымъ, и не помню, чтобъ когда-нибудь во все теченіе жизни моей былъ я такъ радъ и веселъ, какъ въ сей достопамятный день, а особливо въ первыя минуты по полученіи абшида. Я бѣжалъ, не оглядываясь, съ Васильевского Острова и хваталъ то и дѣло въ карманъ, власно какъ боясь, чтобъ не ушла драгоценная сія бумажка.

Сколько ни случилось тогда со мною мелкихъ денегъ, оставшихся отъ тѣхъ, кои роздалъ я въ коллегіи подьячимъ, писцамъ и сторожамъ, всѣ ихъ роздалъ попадающимся мнѣ на встрѣчу нищимъ, а за благодарный молебень, который заставилъ я въ то же время отслужить, забѣжавъ въ ту же самую церковь, изъ которой произошло мое благополучіе, съ радостію заплатилъ цѣлый рубль служившему священнику.

Съ какимъ же усердіемъ и съ какими чувствіями душевными благодарилъ я во время онаго Всевышнее Существо, того изобразить уже никакъ не могу. Вирочемъ, хотѣлъ-было я въ тотъ же часъ забѣжать къ генералу своему и съ нимъ распрощаться, дабы на утрѣ-жъ можно было мнѣ ѣхать изъ Петербурга; но какъ услышалъ, что его нѣтъ дома и что не будетъ и обѣдать домой, то пробѣжалъ прямо на квартиру и тамъ обрадовалъ также своихъ людей. Съ величайшимъ

удовольствіемъ отобѣдалъ, а послѣ обѣда не преминулъ сходить въ домъ къ г. Яковлеву и принести ему за милость и благодареніе, оказанное мнѣ, начувствительнѣйшее благодареніе.

Онъ принялъ меня въ сей разъ еще ласковѣе, нежели прежде, изъявлялъ удовольствіе свое, что могъ мнѣ въ семъ случаѣ услужить, жалѣлъ, что не могъ мнѣ доставить маіорскаго чина; былъ призвательностію моею очень доволенъ, проговорилъ со мною болѣе часа и отпустилъ меня, съ пожеланіемъ мнѣ всѣхъ благъ на свѣтѣ. Словомъ, онъ очаровалъ меня своими поступками, и я такъ доволенъ былъ симъ человѣкомъ, что и по нынѣ еще благословляю мысленно память его и желаю праху его непоколебимаго покоя.

По отдаши долга сему моему милостивцу и благодѣтелю, осталось мнѣ распрощаться только съ моимъ генераломъ и также поблагодарить его за все оказанное имъ мнѣ добро, во всю мою при немъ кѣнигсбергскую и тогдашнюю бытность. Правда, хоть добра сего было и очень мало, и не только я, но и никто изъ всѣхъ подкомандующихъ его не могъ похвалиться, чтобъ воспользовался отъ него какими-нибудь особыми милостями и благодареніями, и онъ былъ какъ-то очень скупъ на оныя и не умѣлъ ни мало цѣнить всѣ дѣлаемыя ему услуги, однако, какъ казалось, требовалъ того не только долгу, но и самая благопристойность, чтобъ его поблагодарить за все и все, то положилъ я сдѣлать то въ послѣдующее утро и какою-нибудь половинкою дня пожертвовать сему долгу. Но вообразите себѣ, любезный пріятель, сколь великой надлежало быть моей досадѣ, когда, пришедъ поутру къ нему въ домъ, услышалъ я, что къ нему прислаанъ былъ отъ государя нарочный, и что онъ еще въ ту же ночь усакалъ къ нему въ Ораниенбаумъ. Меня поразило извѣстіе сіе какъ громовымъ ударомъ, и я руки почти у себя ѣлъ, что не сходилъ къ нему наканунѣ того дня въ вечеру проститься, какъ и хотѣлъ-было то сдѣлать. Но какъ

пособить тому было уже печѣмъ, то пошелъ я къ бывшему его и живущему еще по прежнему тутъ въ домѣ генеральсь-адъютанту Балабину, чтобъ спросить его, не знаетъ ли онъ, на долго ли генералъ туда поѣхалъ, и что онъ при-совѣтуетъ мнѣ дѣлать: дожидаться ли его возвращенія, или не дожидаться. Сей искренній мой другъ сказалъ мнѣ, что хотя онъ никакъ не знаетъ, на долго ли генералъ отлучился, однако не думаетъ, чтобъ отсутствіе его могло на долго продолжиться, и что я очень дурно сдѣлаю, ежели не дождусь его и уѣду, не распрощавшись. Я признавался въ томъ и самъ, и хотя у меня и все уже къ отъѣзду было въ готовности и спѣшить онымъ побуждало меня все и все, однако, какъ самъ собою, такъ и по совѣту друга моего, рѣшился я дожидаться генеральскаго возвращенія.

Но не досада ли для меня была сущая, когда власно, какъ нарочно, для мученія моего, случись такъ, что государь зачѣмъ-то задержалъ его тамъ долѣе, нежели всѣ мы думали и ожидали. Итакъ, я его ждать день, ждать другой, не ѣдетъ, наступилъ третій.

Проходить и оный, а о возвращеніи генеральскомъ нѣтъ ни слуху, ни духу, ни послушанія. Нетерпѣливость меня принимаетъ. Я мучусь и горю, какъ на огнѣ, посылаю то и дѣло людей провѣдывать къ нему въ домъ, измучиваю всѣхъ оныхъ, а не пронавшись тѣмъ, иду наконецъ самъ и опять къ г. Балабину, и спрашиваю, нѣтъ ли по крайней мѣрѣ какого слуха о генералѣ.—«Вотъ тебѣ и слухъ весь, говоритъ онъ: что генералъ еще тамъ и не знаетъ и самъ, когда государь его отпустить и также пражится какъ на огнѣ». Горе на меня пало тогда превеликое. Господи! когда это будетъ? говорю я и требую опять совѣта; а онъ опять совѣтуетъ мнѣ ждать, а буде не хочу, то другого не остается, какъ съѣздить развѣ самому въ Ораниенбаумъ и съ генераломъ проститься.—И! что ты говоришь! подхватилъ я, поѣду ли я туда; того и смотри, что бунтъ и возму-

щеніе, и бѣда; не только кому иному, но и самому государю; а я чтобъ туда поѣхалъ!... Долго ли до бѣды! пропади они!

«То правда, отвѣчалъ г. Балабинъ, ѣхать туда теперь очень, очень страшненько, какъ попадешься подъ обухъ, такъ нечего говорить!»—То-то и дѣло, подхватилъ я: а здѣсь все-таки воля Господня! лошади у меня готовы и все уложено почти, и какова не мѣра, такъ долго ли запречь и наострить лыжи.

Симъ образомъ поговоривъ и вновь посудачивъ о тогдашнихъ смутныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ, рѣшился наконецъ я, положась на волю божескую, дожидаться еще генерала. И жду опять день, жду другой, жду третій, но о генералѣ все еще нѣтъ ни слуху, ни духу, ни послушанія, а волненіе въ народѣ часть отъ часу увеличивается. Уже видимъ мы, что ходятъ люди, а особливо гвардейцы, толпами и влявъ почти ругаютъ и бранятъ государя. «Боже Всемогуцій! говоримъ мы, сошедшись съ поминутымъ господиномъ Балабинимъ, что это выдетъ изъ сего? не даровымъ истинно все это пахнетъ!» и считаемъ почти часы, которые проходили еще съ миромъ и благополучно.

Наконецъ, и только уже за шесть дней до воспослѣдовавшей революціи, къ не-описанному моему удовольствію, прискакалъ нашъ генералъ, и мы на силу, на силу его дождались. И какъ онъ приславъ былъ только на нѣсколько часовъ отъ государя въ Петербургъ, и ему для обратной ѣзды перемѣняли только лошадей, то другъ мой, услышавъ о томъ, присылаетъ ко мнѣ съ извѣстіемъ о томъ нарочно, и съ напоминаніемъ, чтобъ я спѣшилъ скорѣе и засталъ генерала. Я не вспомнилъ самъ себя тогда отъ радости, и какъ стоялъ, такъ и побѣжалъ къ генералу.

Сей ничего еще не зналъ о моей отставкѣ и обрадовался, услышавъ, что я получилъ такъ скоро желаемое увольненіе. «Счастливый ты человѣкъ, мой другъ, сказалъ онъ мнѣ: что ты ужъ на свободѣ! Я самъ желалъ бы теперь находиться

отсюда версты за тысячу. Прости, мой голубчикъ! продолжалъ онъ, меня цѣлуя: Дай Богъ тебѣ всякаго благополучія, и чтобъ жить тебѣ весело и счастливо въ деревнѣ». Я поблагодарилъ его за всѣ его оказанныя благосклонности и, прощаясь съ нимъ, пожелалъ и ему отъ искренняго сердца всѣхъ на свѣтѣ благъ, забывъ всѣ претерпѣнныя отъ него въ разные времена досады и огорченія, и это было въ послѣдній разъ, что я его видѣлъ.

Послѣ сего не сталъ я уже ни минуты долѣе медлить въ Петербургѣ; но, улавишись, велѣлъ скорѣй запрягать лошадей, и проливъ слезы двѣ, три, при прощаньи съ моимъ другомъ г. Балабинимъ, поспѣвалъ неоглядкою изъ сего столичнаго города, оставивъ его и все въ немъ въ наимснутнѣйшемъ состояніи, и будучи невѣдомо какъ радъ, что улелся изъ него цѣлымъ и невредимымъ. И какъ самымъ снѣмъ кончилась и вся моя петербургская служба и въ сей столицѣ пребываніе, то окончу снѣмъ и теперешнее письмо свое, сказавъ, что я есмь и прочее.

Письмо 99-е.

Любезный пріятель! Продолжая теперь повѣствованіе мое далѣе, скажу вамъ, что не успѣли мы, выбравшись за заставу, отъ Петербурга нѣсколько отъѣхать, какъ сдѣлавшееся въ повозкѣ моей небольшое поврежденіе принудило насъ на нѣсколько минутъ остановиться, и какъ случилось сіе въ такомъ мѣстѣ, откуда можно было намъ еще сей городъ видѣть; то, воспользуясь сею остановкою, восхотѣлъ я посмотреть еще на него въ послѣдній разъ, и посмотреть не одними глѣзными, но вкупѣ и умственными, душевными очами. Итакъ, покуда кибитку поправляли, вышелъ я изъ оной, и прпсѣвъ на случившійся тутъ небольшой бугорокъ и смотря на городъ сей, углубился въ разные объ немъ размышленія. Я вспоминалъ, съ какими чувствами я въ него вѣзжалъ за три мѣсяца до того, пробѣгалъ въ мысляхъ своихъ все мною видѣнное въ немъ въ теченіе сего времени и все случившееся въ немъ со мною,

и наконецъ, вообразивъ все критическое и смутное положеніе, въ какомъ я его оставилъ, самъ въ себѣ говорилъ: «Ахъ! что-то произойдетъ въ тебѣ, милый и любезный городъ? Не обагришься ли ты вскорѣ кровью гражданъ твоихъ и не текли бы цѣлме потоки оной по твоимъ стогнамъ и мостовымъ! Обстоятельства очень дурны, въ какихъ я покинулъ тебя! Наготовѣ все къ превеликому въ тебѣ возмущенію. Дай Богъ, чтобъ не произошло бунта, подобнаго стрѣльцкому!... Слава Богу, что я улелся изъ тебя благовременно, и что не увижу всѣхъ вольгъ, которыя готовятся, можетъ быть, поразить тебя. Счастливъ ты будешь, если произойдетъ въ тебѣ что-нибудь не столь опасное и бѣдственное, и ты отдѣлаешься безъ междоусобной брани отъ того. Но я-то, я-то! Зачѣмъ такимъ приведенъ былъ въ нѣдра твою?.. Не получилъ я въ тебѣ въ сей разъ ни малѣйшей себѣ пользы, кромѣ того, что отставленъ отъ службы; но сіе не могъ ли-бъ я при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и не будучи въ тебѣ и вездѣ получить?... Совсѣмъ тѣмъ, вѣрно не безъ причинъ же приведенъ я былъ въ тебѣ судьбою моею?... и ахъ! не для того ли сіе было, чтобъ, во-первыхъ: избавить меня чрезъ то отъ вѣды изъ Кѣнигсберга къ полку моему, бывшему тогда въ земляхъ цесарскихъ, а нынѣ находящемуся въ прусскихъ владѣніяхъ въ корпусѣ графа Чернышова, куда-бъ, по разрушеніи нашего правленія королевствомъ Прусскимъ, долженъ былъ неминуемо ѣхать и нынѣ вмѣстѣ съ пруссаками воевать противъ цесарцевъ и тамъ подвергаться такимъ же военнымъ опасностямъ, какимъ подвергаются теперь другіе офицеры полку нашего. И благодѣтельная судьба не хотѣла ли меня спасти и освободить отъ оныхъ! Во-вторыхъ: чтобъ я, находясь въ тебѣ, имѣлъ случай видѣть большой свѣтъ, видѣть дворъ, и все происходящее въ немъ, насмотрѣться жизни знатныхъ и большихъ бояръ и насмотрѣться до того, чтобъ получить къ ней и ко всему видѣнному омерзеніе совершенное. Сего только мнѣ

не доставало еще, и сіе, можетъ быть, и надобно было еще къ тому, чтобъ я не могъ вредить и ея никогда прельщаться, и тѣмъ спокойнѣе и счастливѣе жить въ деревнѣ, куда теперь ведетъ меня судьба моя!.. и ахъ! ежели это такъ, то сколь много обязанъ я за то пекущемуся о пользѣ моеи Промыслу Господню?

«Сколь много долженъ я благодарить Его за то! А что оный имѣлъ и здѣсь попеченіе обо мнѣ, это доказалъ мнѣ ясно послѣдній случай, и почти очевидное вспоможеніе, оказанное имъ мнѣ при отставкѣ моеи. Вообще, могъ ли я, при отъѣздѣ моемъ изъ Кёнигсберга думать и помышлять, чтобъ я въ такое короткое время могъ такъ многое увидѣть, такъ многое узвать, и такъ скоро получить то, чего желало всего болѣе мое сердце? Не очевидное ли и въ томъ во всемъ было распорядженіе судьбы и Промысла обо мнѣ Господня?.. Могъ ли я, даже за мѣсяцъ до сего то думать и помышлять, чтобъ я теперь уже былъ совершенно на свободѣ и такъ скоро находится буду въ путешествіи, и куда-же? На свою родину и въ деревню, которую за полгода до сего никогда и видѣть не надѣялся?.. Ахъ! все это дѣйствовала невидимая рука Господня и не обязанъ ли я Ему за то безконечною благодарностію?»

Симъ и подобнымъ сему образомъ говорилъ я самъ съ собою до тѣхъ поръ, покуда продолжалась поправка и мени стали звать садиться въ новозку. Тогда, взглянувъ въ послѣдній разъ на Петербургъ и сказавъ: «прости, любезный градъ! велить ли Богъ мнѣ когда опять тебя видѣть?» — сѣлъ въ свою кибитку и поспекавъ, стараясь и въ самый еще тотъ же день отъѣхать колико можно далѣе. Однако, какъ мы ни сѣвшили, но не прежде могли доѣхать до Повогорода, какъ 25-го числа юня. Тутъ сдѣлался вопросъ: куда мнѣ ѣхать, и прямо ли продолжать свой путь въ Москву, или повернуть направо во Псковъ и заѣхать къ старшей сестрѣ моеи и ея мужу, г. Неклюдову. Многія причины убѣждали меня къ сему послѣднему. Уже миновало тому болѣе шести лѣтъ, какъ

я разстался съ сею сестрою моею, и Богу известно, когда-бъ удалось мнѣ ее видѣть опять, еслибъ не рѣшился я тогда къ ней заѣхать.

Огдаленность жилища ея отъ моихъ деревень не могла подавать мнѣ никакой надежды къ скорому съ нею свиданію, къ тому-жъ влекла меня къ ней и маленькая моя библиотечка. Вся она, будучи изъ Кёнигсберга моремъ въ Петербургъ, а оттуда къ ней привезена, находилась у ней въ домѣ, и мнѣ хотѣлось привезти ее съ собою въ свою деревенскую хижину; а не менѣе и самая любовь, которую съ самаго младенчества имѣлъ я къ сестрѣ своей, къ тому-жъ меня преклоняла. А все сіе и убѣдило меня велѣть поворачивать вправо и ѣхать по псковской дорогѣ.

Какъ время было тогда почти наилучшее въ году и погода случилась добрая и сухая, то ѣхать намъ, при спокойномъ и радостномъ сердцѣ, было не скучно и хорошо; и ѣзда наша продолжалась съ такимъ успѣхомъ, что мы 28-го юня доѣхали благополучно до Пскова, а 29-го числа и до жилища сестры моеи, не имѣвъ въ пути семь никакихъ приключеній, кои стоили-бъ того, чтобъ упомянуть объ оныхъ.

Не успѣлъ я приблизиться къ тѣмъ предѣламъ, гдѣ жила сестра моя и увидѣть тѣ мѣста, которыя мнѣ съ малолѣтства были знакомы и въ которыхъ я, весь почти четырнадцатый годъ моеи жизни препроводилъ такъ весело и хорошо, какъ по всей душѣ моеи разлилась нѣкая неизобразимая радость, и я на всѣ знакомыя себѣ мѣста смотрѣлъ съ такимъ удовольствіемъ, какое удобнѣе чувствовать, нежели описать можно. Я нашелъ въ самомъ селеніи зятя моего уже превеликую перемену. Онъ жилъ хотя еще въ прежнемъ своемъ домѣ, но у него построено было уже новое, несравненно предъ тѣмъ огромнѣйшій и воздвигнутъ на высокому холмѣ на полѣ, но конецъ всего селенія сего, и стоящій несравненно на красивѣйшемъ предъ прежнимъ мѣстѣ. Я увидѣлъ зданіе сіе уже издадека и не узналъ бы, еслибъ не такъ

коротко знакомы были мнѣ всѣ окрестности онаго.

Зять мой и сестра находились тогда дома, какъ я приѣхалъ, и какъ они обо мнѣ давно уже ничего не слыхали, и не зная даже и о петербургской моей службѣ, считали меня все еще въ арміи и въ Кёнигсбергѣ, то судите сами, сколь великой надлежало быть ихъ радости, когда они вдругъ увидѣли меня вонедшаго къ себѣ въ комнату. Сестра моя сама себя не вспомнила отъ чрезмѣрности оныя, а не менѣе радъ былъ и я, ее увидѣвъ. Слезы радости и удовольствія текли только тогда изъ ея и изъ моихъ очей, и мы едва успѣвали отирать оныя. А не менѣе радъ былъ приѣзду моему и зять мой. Что-жъ касается до ихъ сына, котораго имѣли они только одного и котораго, оставивъ ребенкомъ, увидѣлъ я тогда уже довольно взрослымъ мальчикомъ, то онъ не зналъ, какъ лучше приласкаться ко мнѣ и не отходилъ отъ меня ни пяди. Весь домъ и всѣ люди ихъ, любившіе меня издавна, сбѣжались отъ мала до велика; всѣ хотѣли видѣть меня, и я припужденъ былъ всѣмъ давать цѣловать руки свои. И, о! какъ пріятны были мнѣ первыя минуты сіи. Сестра не могла довольно наговориться со мною, а услышавъ, что я уже въ отставку, не могла долго повѣрить, а потомъ довольно надивиться и нарадоваться тому. Словомъ, вечеръ сей былъ для всѣхъ насъ радостный и одинъ изъ наилучшихъ въ жизни моей.

Я расположился въ сей разъ пробить у сестры моей не болѣе недель двухъ или трехъ, дабы мнѣ можно было до осени еще успѣть доѣхать до своей деревни. Но не прошло еще и одной недѣли съ приѣзда моего, какъ вдругъ получаемъ мы то важное, и всѣхъ насъ до крайности поразившее извѣстіе, что произошла у насъ въ Петербургѣ извѣстная революція, что государь свергнутъ былъ съ престола и что взошла на оный супруга его, императрица Екатерина II.

Не могу и по нынѣ забыть того, какъ много удивилась всѣ тогда такой великой и неожиданной переменѣ, какъ и была

она всѣмъ поразительна и какъ многіе всему тому обрадовались, а особливо тѣ, которымъ характеръ бывшаго императора былъ довольно извѣстенъ, и которые о добромъ характерѣ нашей новой императрицы слышали. Для меня все сіе было уже не такъ удивительно, ибо я того нѣкоторымъ образомъ уже и ожидалъ. И какъ я изъ Петербурга только что приѣхалъ, то и заметанъ былъ отъ всѣхъ, о тамошнихъ происшествіяхъ, вопросами, и я припужденъ былъ, какъ роднымъ своимъ, такъ и приѣзжавшимъ къ нимъ сосѣдямъ все, что зналъ и самолично видѣлъ, рассказывать. Но какъ и я о точныхъ обстоятельствахъ сего великаго происшествія столь же мало зналъ, какъ и они, ибо изъ перваго короткаго о томъ манифеста ничего дѣльнаго намъ усмотрѣть было не можно, то не менѣе и я былъ любопытенъ о всѣхъ подробностяхъ узнать, какъ и они. Узнавъ же потомъ обо всемъ въ подробности, радовались тому, что совершилось все сіе безъ всякой междоусобной брани и обагрѣнія земли кровію человѣческою.

Теперь не за излишнее почель я извѣститъ васъ, любезный пріятель, хотя вкратцѣ, о помянутыхъ подробностяхъ сей великой революціи, при которой хотя и не случилось мнѣ быть самолично, по какъ наглавнѣйшія обстоятельства оной и бывшія при томъ происшествія сдѣлались мнѣ современемъ знакомы, то и могу вамъ оныя, какъ современники тому, переказать и тѣмъ усовершенствовать сколько-нибудь исторію о правленіи, жизни и концѣ бывшаго у насъ императора Петра III.

Я уже упоминалъ вамъ, какимъ слабостямъ и невоздержностямъ подверженъ былъ сей внукъ Петра Великаго, и какъ своими крайне соблазнительными и неосторожными поступками возбудилъ онъ въ народѣ на себя ропотъ и псевдовольствіе, а въ высшихъ и знатныхъ господахъ совершенную къ себѣ ненависть. Советамъ тѣмъ и каково сіе всеародное псевдовольствіе было ни велико, однако казалось, что государю всего того вовсе

было неизвѣстно. Онъ, окруженъ будучи льстецами и негодными людьми и не зная ничего, или не хотя-таки и зная, что въ народѣ происходило и въ какомъ расположеніи были сердца онаго, продолжалъ беззаботно по прежнему упражняться всякій день въ шпрованьяхъ, забавахъ и всякаго рода увеселенійхъ и обыкновенно въ своемъ прилежномъ опоражниваніи рюмокъ и стакановъ. И дабы свободнѣе можно было ему во всемъ томъ, въ обществѣ съ любимцами и любовницею своею, Воронцовою, упражняться, переѣхалъ со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ въ любимый свой Ораніенбаумъ, гдѣ и происходили у него ежедневно по днямъ муштрованія своего голштинскаго маленькаго и только въ 600 человекъ состоящаго корпуса, но на который онъ всѣхъ больше надѣялся, а по вечерамъ пирушки и всѣхъ родовъ забавы. А какъ приближался день его именинъ и ему хотѣлось препроводить его какъ можно веселѣе, то и приглашены были туда изъ Петербурга многія знатныя обоюбого пола особы, и по сему случаю было тамъ великое собраніе оныхъ.

Между всѣми сими веселостями и забавами, не оставляя онъ однако заниматься временно и политическими дѣлами и затѣями; но всѣ онъ былъ какъ-то не впопадъ и не столько въ пользу, сколько во вредъ ему служили и обращались. Привязанность его къ помянутому дядѣ своему, голштинскому принцу Жоржу, была такъ велика, что онъ недовольствуясь тѣмъ, что осмыслъ его честию и богатствомъ и сдѣлалъ штатдгалтеромъ или намѣстникомъ своимъ во всей Голштиніи, но восхотѣлъ еще какимъ бы то образомъ ни было доставить ему и Курляндское герцогство во владѣніе, которымъ владѣлъ тогда принцъ Карлъ, сынъ Августа, короля Польскаго. У сего принца намѣренъ былъ государь оное отнять, доставить сперва освобожденному изъ ссылки прежнему герцогу Вирону, а сего заставить потомъ промѣняться на инныя земли съ припцемъ Жоржемъ.

Итакъ, сіе намѣреніе занимало его съ

одной стороны, а съ другой, и всего болѣе занять былъ онъ затѣвасною войною противъ датчанъ. На сихъ сердитъ онъ былъ издавна и ненавидѣлъ ихъ даже съ младенчества своего, за овладѣніе ими какимъ-то неправеднымъ образомъ болѣею частию его Голштиніи. Сію-то старинную обиду хотѣлось ему въ сіе время отомстить и возратить изъ Голштиніи все отнятое ими прежде, и по самому тому и дѣланы были уже съ самаго вступленія его на престолъ къ войнѣ сей всякаго рода приуготовленія. А какъ слухи до него дошли, что и датчане, предугадывая восходящую на нихъ страшную бурю, также не спали, а равношрно не только дѣлали сильныя къ войнѣ приуготовленія, но посилъшили захватить войсками своими нѣкоторыя нужныя и крайне ему надобныя мѣста; то сіе такъ его разгорячило, что онъ, приказавъ итти арміи своей изъ Пруссіи прямо туда, рѣшился отправиться самъ для предводительствованія оною и назначилъ уже и самъ день къ своему отъѣзду, долженствующему воспослѣдовать вскорѣ послѣ отпразднованія его имени, или Петрова дня. Принца же Жоржа отправить въ Голштинію напередъ, который для собранія себя въ сей путь и приѣхалъ уже изъ Ораніенбаума въ Петербургъ и по самому тому и случилось ему быть въ семъ городѣ, когда произошла извѣстная революція.

Таковыя его замысли и предпріятія были всѣмъ россиянамъ столь неприятны, что нѣкоторые изъ бывшихъ у него въ довѣренности и прямо ему усердствующихъ вельможъ, отговаривали ему, сколько могли, все сіе оставить, а совѣтовали лучше ѣхать въ Москву и посилъшить возложеніемъ на себя императорской короны, дабы чрезъ то удостовѣрить себя поболѣе въ вѣрности и преданности къ себѣ своихъ подданныхъ; также, чтобъ онъ лучше первое время правленія своего употребилъ на узнаніе своего государства, нежели на путешествіе въ чужія земли и на занятіе себя такими дѣлами, въ которыхъ онъ еще не имѣлъ опыт-

Но всѣ таковыя представленія и играемые ему примѣры дѣда его, Пелликаго, были тщетны. Онъ не изъ никакъ симъ искреннимъ совѣт-отвергалъ всѣ оныя, а послѣдовалъ и внушеніямъ своихъ льстецовъ и ложныхъ, старающихся слабостями плески воспользоваться и толикой надъ нимъ уже воспріявшихъ, что обвинялся почти во всемъ хотѣ-онныхъ.

Ихъ негодныхъ людей наглавнѣй-опеченіе было о томъ, чтобъ разъ его съ императрицею, его супру-и привести ее ему въ ненависть со-иную, и не можно довольно изобра-сколь много они въ томъ успѣли. (овели его до того, что онъ не толь-ворилъ объ ней съ явнымъ презрѣ-публично, но употреблялъ при-столь непристойныя выраженія, что не могъ оныхъ слышать безъ до-и огорченія. Словомъ, слабость его ить случаѣ до того простиралась, ипрещено было отъ него даже са-камъ петергофскимъ, гдѣ тогда сія армия, по его велѣнію, находилась, ъ ей тѣ садовые фрукты, о кото-онъ зналъ, что она была до нихъ ая охотница.

И такомъ расположеніи его духа и введенной ненависти къ его супру-е трудно было имъ наговорить ему, сдается противъ его отъ нея, некоторыми приверженными къ ней ни, умыслъ и заговоръ, и что у ней гѣ есть тотчасъ, по отбытіи его изъ арства, уѣхать въ Москву и тамъ, помощи ихъ, велѣтъ себя короно-и что она посягаетъ даже и на са-жизнь его. И какъ государь всему повѣрилъ, то и сталъ думать только гъ, чтобы супругу свою схватить и зчять на весь ея вѣкъ въ монастырь. южетъ быть онъ и произвелъ бы гвительно, еслибъ обыкновенная еосторожность, всѣ его намѣренія шивъ, не уничтожила. Такъ случи-что на канунѣ самаго того дня, торый положено было имъ сіе испол-

нить и въ дѣйство произвести, ужиналъ онъ въ домѣ у одного изъ своихъ пер-вѣйшихъ министровъ, гдѣ по несчастію его находились и нѣкоторые изъ предан-ныхъ императрицѣ, и такіе люди, кото-рымъ препоручено было отъ нея наблю-дать всѣ его движенія и замѣчать каж-дое его слово и дѣяніе. Итакъ, при при-сутствіи ихъ надобно было ему прогово-риться и неосторожно выговорить нѣко-торыя слова до помянутаго намѣренія относящіяся. Не успѣлъ одинъ изъ сихъ преданныхъ императрицѣ оныхъ услы-шать и изъ нихъ усмотрѣть намѣреніе государя, какъ въ тотъ же моментъ ускользаетъ онъ изъ того дома и ска-четъ въ ту же ночь въ Петергофъ, гдѣ находилась тогда императрица, и ничего о томъ не зная, спала спокойно, съ од-ною только наперсницею своею. Всего удивительнѣе то, что наперсницею сею и вѣрнѣйшею пріятельницею ея, была родная сестра любовницы государевой, Катерина Романовна Воронцова, быв-шая въ замужествѣ за княземъ Дашко-вымъ, и женщина отличныхъ свойствъ и совѣтъ не такого характера, какого была сестра ея. Обѣихъ ихъ разбуджа-ютъ, и прискакавшій увѣдомляетъ ихъ, въ какой опасности онѣ находятся. Им-ператрицѣ сдѣлался тогда каждый часъ и каждая минута дорога. По случаю за-арестованія одного изъ числа привер-женныхъ къ ней, подозрѣвала уже она, что государь узналъ какъ-нибудь о ихъ заговорѣ; къ тому-жъ и самъ онъ далъ ей знать, что желаетъ онъ въ слѣду-ющій день вмѣстѣ съ нею обѣдать въ Петергофѣ, а въ самый сей день и на-мѣренъ онъ былъ ею овладѣть. Итакъ, государынѣ нельзя было терять ни ми-нуты времени и она должна была упо-треблять все, что только могла, и отва-живаться на все для своего спасенія; а потому минута сія и сдѣлалась рѣши-тельною и она мужественно отважилась на то предпріятіе, которому всѣ такъ много послѣ удивлялись. Она въ тотъ же мигъ выходитъ тайно изъ дворца петер-гофскаго, садится въ простую коляску и

господами Орловыми, съ величайшею поспѣшностію, отвозится въ Петербургъ. Она приѣзжаетъ 28-го іюня, еще до восхожденія солнца, въ Невскій монастырь и посылаетъ тотчасъ въ гвардейскіе полки за знаменитѣйшими ихъ и преданными ей начальниками оныхъ. Сія разсѣваютъ тотчасъ слухъ о томъ по всей гвардіи и по всему городу, такъ, что въ семь часовъ утра былъ уже весь Петербургъ въ движеніи. Вся гвардія, безъ всякаго порядка, бѣжала по улицамъ и смутный крикъ и вопль народа, незнающаго еще о истинной тому причинѣ, предвозвѣщали всеобщую пережѣну. А чрезъ нѣсколько потомъ мигнуть и является государыня, вѣзжающая въ городъ, окруженная почти всею копною гвардіею, ее прикрывающею. Шествіе ея простиралось прямо къ Казанской соборной церкви и тутъ провозглашается она императрицею и самодержицею всероссійскою и принимаетъ первую, отъ случившихся при ней, присягу: а потомъ, при провозженіи своей гвардіи и множества бѣгущаго вслѣдъ народа, шествуетъ въ зимній дворецъ и окружается тамъ гвардіею и безчисленнымъ множествомъ всякаго званія людей, радующихся и кричащихъ: «Да здравствуетъ мать наша, императрица Екатерина!»

Совсѣмъ тѣмъ, для всѣхъ непонятно было сіе происшествіе. Самый народъ, наполняющій всю площадь и всѣ улицы кругомъ дворца и восклицающій во все горло, не зналъ ничего о самыхъ обстоятельствахъ всего дѣла. Тотчасъ привезены были и поставлены, для защищенія входа во дворецъ, заряженные ядрами и картечами пушки, разстановлены по всѣмъ улицамъ солдаты и распущенъ слухъ, что государь, будучи на охотѣ, упалъ съ лошади и убитъ до смерти, и что государыня, какъ опекушка великаго князя, ея сына, принимаетъ присягу. Въ самое то же время приказано было всѣмъ полкамъ, всему духовенству, всѣмъ коллегіямъ и другимъ чиновникамъ, собраться къ зимнему дворцу для учиненія

присяги императрицѣ, которая и учинена всѣми, не только безъ всякаго прекословія, но всѣми охотно и съ радостию преевелькою. Наконецъ, изданъ былъ въ тотъ же еще день первый о вступленіи императрицы краткій манифестъ и съ онымъ, и съ предписаніями что дѣлать, разосланы всюду, во всѣ провинціи и къ предводителямъ заграничной арміи курьеры.

Между тѣмъ, какъ сія торжественная присяга производилась, забираемы были подъ караулъ всѣ тѣ, на которыхъ было хотя нѣкоторое подозрѣніе, а народъ влывался силою въ кабаки, и опивался виномъ, бурлялъ, шумѣлъ и грозилъ перебить всѣхъ иностранцевъ; но до чего однако былъ не допущенъ, такъ, что претерпѣлъ отъ него только одинъ принцъ Иоржъ, дядя государевъ.

Сей не успѣлъ увидѣть самопервѣйнаго стеченія народа, какъ догадавшись о истинной тому причинѣ, вскакиваетъ съ поспѣшностію на лошадь и скачетъ въ Ораніенбаумъ къ государю. Никто изъ всѣхъ слугъ его не видалъ, какъ онъ вышелъ изъ дома, и одинъ только его гусаръ послѣдовалъ за нимъ. Но одинъ отрядъ конной гвардіи, встрѣтившись съ нимъ за нѣсколько шаговъ отъ дома узнавъ, схватываетъ его и позабывъ все почтеніе, должное дядѣ императорскому, снимаетъ съ него шпагу и принуждаетъ сойти съ лошади, и юнъ подвергается при семъ случаѣ величайшей опасности. Одинъ рейтаръ взмахнулъ уже на него палашомъ своимъ и разнесъ бы ему голову, еслибъ по счастью не былъ еще благовременно удержанъ и до того не допущенъ. Его сажаютъ въ карету и везутъ ко дворцу; но въ самое то время, когда онъ сталъ изъ нея выходить, присылается повелѣніе, отвезти его опять въ его домъ и приставить тамъ къ нему и ко всему его семейству крѣпкій караулъ. Принцъ, при привезеніи его туда, пахочитъ весь свой домъ уже разграбленнымъ, людей своихъ всѣхъ изувѣченныхъ и залептыхъ въ погребъ, всѣ двери разломанныя и всѣ комнаты на-чисто очищенные. У самыхъ принцовъ, сыновей его, отняты часы:

девки, сняты кавалеріи и сорваны даже мундиры самые. Одна только спальня принцессина осталась пощаженою, да и то потому, что защищала ее одинъ унтер-офицеръ. Принцъ, увидѣвъ все сіе, сдѣлался какъ сумасшедшій отъ ярости, во ему ни мстить за сіе, ни племяннику своему, императору, помочь было уже не можно.

Такое-жъ несчастіе претерпѣлъ при самомъ семъ случаѣ и мой генералъ Корфъ, случившійся въ сіе время также въ Петербургѣ. Толпа гренадеръ вломилась въ домъ его и не только разграбила явное, но и самому ему надавала толчковъ; но, по счастью, присланный отъ государыни усилъ еще остановить все сіе и спасти его отъ погребели.

Между тѣмъ, какъ все сіе проеходило въ Петербургѣ, государь, ничего о томъ не зная, не вѣдая, находился въ своемъ Ораниенбаумѣ, и говорили, что оплошность его была такъ велика, что въ ту же еще ночь, когда государыня уѣхала изъ Петергофа, нѣкто хотѣлъ его о томъ увѣдомить и написать цидулку, положилъ подлѣ него въ то время, когда онъ, веселяся на вечеринкѣ, игралъ на скрипкѣ своей какой-то концертъ, и хотя цидулку сію онъ и усмотрѣлъ, но находясь въ музыкальномъ энтузіязмѣ и нехотя никакъ прервать игру, оставилъ ее безъ уваженія, а намѣренъ былъ прочесть ее послѣ; но какъ по окончаніи концерта онъ объ ней вовсе позабылъ и отъ стола того отошелъ прочь, то нашлись другіе, которые видѣвши все то, и какъ подозрительную, ее искусенно и поприбрали къ себѣ, и чрезъ то недопустили его узнать и прочесть такое увѣдомленіе, отъ котораго зависѣла безопасность не только его престола, но и самой жизни. А какъ и въ Петербургѣ приняты были всѣ предосторожности и разставлены были во всѣмъ дорогамъ люди, чтобъ никто не могъ прокрасться и дать обо всемъ происходившемъ знать государю, то и не узналъ онъ до самаго того времени, какъ по намѣренію своему приѣхалъ въ

Петергофъ, чтобъ въ послѣдній разъ съ государыней отобѣдать и ее взять потомъ подъ караулъ. — Теперь посудите сами, сколь изумленіе его должно было быть велико, когда, приѣхавъ въ Петергофъ, не нашелъ онъ тутъ никого, и легко могъ заключить, что это значило и чего ему опасаться тогда надлежало. Неожиданность сія поразила его какъ громовымъ ударомъ и повергла въ неописанный страхъ и ужасъ... Советѣмъ тѣмъ усматривалъ онъ, что надлежало ему принимать скорѣйшія мѣры, и его первое намѣреніе было то, чтобъ послать за своими голштинскими войсками и защититься ими отъ насилія. Но престарѣвшій фельдмаршалъ Минихъ представилъ ему, что такому маленькому числу войска и шестистамъ его челоуѣкамъ невозможно никакъ противоборствовать цѣлой арміи, и что въ случаѣ обороны легко можно проигрывать, что отъ раздраженныхъ россиянъ и всѣ находящіеся въ Петербургѣ иностранцы могутъ быть изрублены. Напротивъ того предлагалъ онъ два пути, которые неоспоримо въ тогдашнемъ случаѣ были наилучшіе, выключая третьяго, но о которомъ тогда ни государю, ни другимъ и въ мысль не пришло. «Всего будетъ лучше», говорилъ ему сей опытный генералъ, «чтобъ ваше величество либо прямо отсюда въ Петербургъ отправиться изволили, либо моремъ въ Кронштатъ уѣхали. Что касается до перваго пути, то несумнѣваюсь я, что «народъ теперь уже уговоренъ; однако «если увидитъ онъ ваше величество, то не «преминетъ объявить себя за васъ и взять «вашу сторону. Если-жъ, напротивъ того, «отправимся мы въ Кронштатъ, то овладѣемъ флотомъ и крѣпостью и можемъ «противниковъ нашихъ принудить къ до«говорамъ съ собою». — Государь избралъ сіе послѣднее. Отсылаегъ голштинцевъ своихъ обратно въ Ораниенбаумъ, приказываетъ имъ тотчасъ садиться, какъ скоро на нихъ нападуть, а самъ, со всѣми при немъ бывшими, садится на яхту и отплываетъ къ Кронштату. Многія знатныя госпожи, коняъ мужья были въ Петер-

бургъ, невосхотѣли отстать отъ своего государя и послѣдовали за онымъ.

Какъ разстояніе отъ Петергофа до Кронштата не очень велико, то приплывають они туда довольно еще рано, но принимаются очень худо.—Часовые кричатъ, чтобъ яхта не приставала къ берегу, и какъ государь самъ кричить и о своемъ присутствіи имъ объявляетъ, то они отвѣчаютъ ему, сказывая напрямки, что онъ уже не императоръ, а обладаетъ Россією уже не онъ, а императрица Екатерина Вторая. Потомъ говорятъ ему, чтобъ онъ отъѣзжалъ прочь, а въ противномъ случаѣ дадутъ они залпъ изъ всѣхъ пушекъ по его судну.

Что оставалось тогда сему несчастному государю дѣлать? Онъ приводится тѣмъ въ неописанное изумленіе и другого не находитъ, какъ воспріять обратный путь. Несчастіе начало его гнать уже повсюду, и согласно съ тѣмъ сплелось и обстоятельство всѣ удивительнымъ образомъ. Извѣстіе о вступленіи государыни на престолъ получено было въ Кронштатъ только за полчаса до его прибытія и привезъ оное одинъ офицеръ изъ Петербурга, съ повелѣніемъ, чтобъ комендантъ присягалъ со всѣмъ гарнизономъ императрицѣ. И надобно-жь было такъ случиться, что комендантъ сею неожиданностію приведенъ былъ въ такое смущеніе и замѣшательство мыслей, что ему и въ голову не пришло того, чтобъ сего присланнаго арестовать и донести о томъ государю. А онъ началъ только дѣлать нѣкоторыя отговорки, дабы собраться между тѣмъ съ духомъ; а присланный такъ былъ расторопенъ, что, воспользуясь симъ изумленіемъ коменданта, велѣлъ тотчасъ самого его арестовать приѣхавшимъ съ нимъ многимъ солдатамъ, сказавъ ему при томъ то славное и достопамятное слово: «Ну, государь мой, когда не имѣли вы стою-ко духа, чтобъ меня арестовать, такъ арестую я васъ».

Между тѣмъ яхта отвозитъ изумленныхъ пловцовъ своихъ въ обратный путь и приплываетъ съ ними уже не въ Петергофъ, а прямо къ Ораніенбауму, одна-

ко не прежде какъ уже по утра на другой день. Тутъ поражается государь еще ужаснѣйшимъ извѣстіемъ, а именно, что импера трица, его супруга, прибыла уже съ многочисленнымъ войскомъ и со многими пушками изъ Петербурга въ Петергофъ.—Было сіе дѣйствительно такъ; ибо государыня успѣла еще въ тотъ же день, собравъ всѣ гвардейскіе и другіе, бывшіе въ Петербургѣ полки и предводительствуя сама ими, вечеромъ изъ Петербурга выступить и переночевать по восточному въ Красномъ Кабачкѣ, со съ-томъ вдругъ отправиться далѣе, и какъ Петергофъ отстоитъ только 28 верстъ отъ Петербурга, то и прибыла она въ оный еще очень рано. А неуспѣлъ государь отъ поразившаго его, какъ громовымъ ударомъ, извѣстія сего опаматоваться и собраться съ духомъ, какъ доносятъ ему, что отъ новой государыни прибылъ уже князь Меншиковъ, съ нѣкоторымъ числомъ войска и съ пушками, для вступленія съ нимъ въ переговоры, и требуетъ, чтобъ всѣ голштинскія войска сдались ему военнопленнымъ. Сіе смутило еще болѣе государя и разстроило такъ всѣ его мысли, что какъ нѣкоторые изъ офицеровъ его, случившіеся при томъ какъ припесено было извѣстіе сіе, стали возобновлять увѣренія свои, что они готовы стоять до послѣдней капли крови за своего государя и охотно жертвуютъ ему своею жизнію, то не хотѣлъ онъ никакъ согласиться на то, чтобъ только храбрые люди вдавались, защищая его, въ очевидную опасность. И пекущійся о благѣ Россіи Промыслъ Господень такъ тогда затмилъ весь его умъ и разумъ, что онъ и непомыслилъ даже о томъ, что ему оставался еще тогда путь къ спасенію себя отъ опасности, и путь никѣмъ еще непрегражденный и свободный. Онъ имѣлъ при себѣ тогда болѣе 200 человекъ гусаръ и драгунъ, снабденныхъ добрыми лошадьми, преисполненныхъ мужества и готовыхъ обороняться и защищать его до послѣдней капли крови. Весь задъ былъ у него отпертымъ и свободнымъ и не легко-ль было ему пуститься съ ними

въ Дифландію и далѣ. Въ Пруссіи ожидала уже прибытія его сильная армія, на которую могъ бы онъ положиться. Бывшая съ императрицею гвардія не могла бы его никакъ догнать, она находилась отъ него еще за 20 верстъ разстояніемъ, въ Петергофѣ, и онъ по крайней мѣрѣ предускорилъ бы оную пятью часами. Никто бы не дерзнулъ остановить его на дорогѣ, а еслибъ и похотѣлъ какой-нибудь гарнизонъ въ крѣпости его задержать, такъ могли бы гусары его и драгуны очистить ему путь своимъ оружіемъ. Но всѣ сіи выгоды, ни онъ, ни всѣ друзья его, тогда неусматривали, а встрепенулись тогда уже о томъ помышлять, когда было уже поздно.

Но что говорить! Когда судьба похочетъ кого гнать, или когда Правителю нра что неудобно, такъ можетъ ли тутъ человѣкъ что-нибудь сдѣлать? А отъ того и произошло, что вмѣсто всего вышеупомянутаго государь впалъ тогда въ такое малодушіе, что рѣшился послать къ супругѣ своей два письма, и въ одномъ изъ оныхъ, посланномъ съ княземъ Голицынымъ, просилъ онъ только, чтобъ отпустить его въ гоштинское его герцогство, а въ другомъ, отправленномъ съ генералъ-маіоромъ Михаиломъ Львовичемъ Измайловымъ, предлагалъ онъ даже произвольное отреченіе отъ короны и отъ всѣхъ правъ на російское государство, если только отпустить его съ Елисаветою Воронцовою и адъютантомъ его, Гудовичемъ, въ помянутое герцогство.

Легко можно вообразить себѣ, какое дѣйствіе должны были произвести въ императрицѣ таковыя предложенія! Однако по благоразумію своему она тѣмъ однимъ была еще недовольна, но чрезъ помянутаго Измайлова дала ему знать, что буде послѣднее его предложеніе искренно, то надобно, чтобъ отреченіе его отъ короны Російской было произвольное, а не принужденное, и написанное по надлежащей формѣ и собственною его рукою. И г. Измайловъ умѣлъ преклонить и уговорить его къ

тому, что онъ и согласился наконецъ на то и далъ отъ себя оное и точно такое, какого хотѣла императрица.

Неуспѣлъ онъ сего достопамятнаго начертанія написать и оное доставить до рукъ императрицы, какъ и посаженъ онъ былъ съ графинею Воронцовою и любимцемъ своимъ Гудовичемъ въ одну карету и привезенъ въ Петергофъ, гдѣ тотчасъ разлученъ онъ былъ со всѣми своими друзьями и служителями, и подъ крѣпкимъ присмотромъ отвезенъ въ мызу Ропшу и посаженъ подъ стражу. Ни одинъ изъ служителей его не дерзнулъ слѣдовать за онымъ и одинъ только арапъ его отважился стать за каретою, но и того на другой же день отправили въ Петербургъ обратно.

Такимъ образомъ, кончилось симъ правленіе Петра III и несчастный государь сей, имѣвшій за немногіе дни до того въ рукахъ своихъ жизнь болѣе 30-ти милліоновъ смертныхъ, увидѣлъ себя тогда плѣнникомъ у собственныхъ своихъ подданныхъ и даже до того, что не имѣлъ при себѣ ни единого изъ слугъ своихъ; а сіе несчастіе и жестокость судьбы его такъ его поразило, что чрезъ немногіе дни онъ въ заточеніи своемъ занемогъ, какъ говорили тогда, сильною коликою и претерпѣвъ отъ болѣзни своей столь жестокое страданіе, что крикъ и стenanія его можно было слышать даже на дворѣ, въ седьмой день даже и жизнь свою кончилъ, и 21-го числа того-жъ іюля мѣсяца погребенъ былъ въ Невскомъ монастырѣ безъ всякой дальней церемоніи. А сіе и утвердило императрицу Екатерину на престолѣ въ славѣ и благоденствію всей Россіи.

Таково-то окончаніе получила славная сія революція, удивившая тогда всю Европу какъ своею необыкновенностію, такъ и благополучнымъ своимъ окончаніемъ. Всѣ мы не могли также довольно оной надивиться и хотя я тогда и могъ заключать, что легко бы и я могъ имѣть въ ней такое же соучастіе, какъ господа Орловы и многіе другіе, бывшіе съ ними въ сообществѣ и заговорѣ, однако нимало

не тужилъ о томъ, что того несдѣлалось, а доволенъ былъ своимъ жребиемъ и тѣмъ, что угодно было учинить съ мною Промыслу Господню).

Но какъ письмо мое слишкомъ уже увеличилось, то дозвольте мнѣ симъ оное кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

Письмо 100-е.

Любезный пріятель! Возвращаясь теперь къ продолженію исторіи моеи, скажу вамъ, что пребываніе мое и въ сей разъ у сестры и зятя моего было для меня таково-жъ весело и пріятно, какъ и въ прежнія мои пребыванія въ семь миломъ и навсегда любезномъ для меня домѣ.

Оба они, любя меня чистосердечно, старались напрерывъ другъ предъ другомъ сдѣлать мнѣ оное сколько можно веселѣйшимъ и побудить меня чрезъ то прожить у нихъ долѣе. Не оставленъ былъ ни одинъ родъ изъ всѣхъ деревенскихъ забавъ и увеселеній, который бы неупотребляемъ былъ оными для доставленія мнѣ множайшаго удовольствія и не остался ни одинъ изъ всѣхъ живущихъ по близости къ нимъ сосѣдей и знакомцевъ, который бы нѣсколько разъ у насъ не побывалъ и къ которому бы мы не ѣздили. И какъ лѣта мои и тогдашнія обстоятельства были таковы, что мнѣ можно было помышлять уже и о женитьбѣ, и сестра не совѣтовала мнѣ оную долго медлить, да и самъ я усматривалъ уже въ томъ необходимую надобность, то по любви своей ко мнѣ ничего она такъ не желала, какъ переманить меня на свою сторону и буде-бъ только можно было, преклонить меня жениться на какойнибудь тамошней дѣвушкѣ; а потому успѣло нѣсколько дней пройтись послѣ моего къ нимъ приѣзда, какъ и начала она уже приступать къ тому издалека и сперва расхваливать мнѣ всячески тамошнія ихъ прібыточные деревни и хорошее общежительство въ ихъ сосѣдствѣ, а потомъ шути мнѣ говорить: «А что, братецъ, ну-ка бы ты здѣсь у насъ вздумалъ жениться! какъ бы я тому была рада и какъ бы стала

благодарить за то Бога! Подумай-ка, право, голубчикъ братецъ!»—«Зачѣмъ дѣло стало! отвѣчалъ я ей также смѣючись, сыщи, сестрица, невѣсту и подавай сюда; мы, можетъ быть, и женимся! пришла-бъ только по мысли и не была-бъ совсѣмъ бѣдная. Писывъ, говорилъ я далѣе: уже я не такой ребенокъ, какъ былъ прежде, и не стану уже стыдиться такъ, какъ въ то время, когда надоѣдала ты мнѣ такъ много своею невѣстою Сумароцкою».—«Ахъ! та-та на меня бѣда!» подхватила она, «что эта-та враговка у насъ упла и уже замужемъ, а то бы я, хотя на горло наступила, а женила бы тебя на ней!»—«Что такъ строго», смѣючись, говорилъ я, «на этой бы и самъ я можетъ быть охотно женился; но что о томъ говорить, чего воротить не можно; а нѣтъ ли у васъ другихъ какихъ, ей подобныхъ?»—«То-то моя и бѣда», говорила она, «что подобныхъ-то ей нѣтъ у насъ во всемъ окресткѣ. Правда, невѣсть довольно, но вѣст онѣ не по тебѣ, братецъ. Иная слишкомъ уже бѣдна, иная, хотя и съ достаткомъ, но правовъ и обычаевъ такихъ, что и сама я неприсовѣтовала-бъ тебѣ на нихъ жениться. Пропади онѣ совсѣмъ! а есть одна, которая и вдвое еще богаче Сумароцкой, и которую можно назвать богатою невѣстою, да и права она такого, что я не желала-бъ съ сей стороны лучшей для тебя, да и вѣрно почти знаю, что ее и огдали-бъ за тебя; но...» «Что но? подхватилъ я,—развѣ дура кака! П ежели дура, то воленъ Богъ и съ достаткомъ и со всѣмъ ея хорошимъ правомъ...» «Ахъ нѣтъ! братецъ, сказала она: дурую назвать ее никакъ не можно. Она умница и воспитана очень хорошо и учена довольно. Но...»—«Что-жъ такое?» спросилъ я далѣе: «поэтому знать собою-то не хороша и лицомъ дура?»—«То-то и есть!» отвѣчала она, «и то-то самое и озабочиваетъ меня, а когда-бы не то-то, такъ бы готова тебѣ невѣдомо какъ влаяться и просить, чтобъ ты не искалъ никакой другой, а женился бы на ней. Вѣрно бы я могла сказать, чтобъ былъ ты счастливъ; а деревни-то,

деревни какія!»—«Но неужели, сестрица», сказалъ я, «уже такъ она дурна, что ни къ чему негодится? Не была-бы только совсѣмъ отвратительна, а то бы я за излишнею красотою и самъ не погнался. Я вѣдаю, что красота вещь совсѣмъ непрочная, а сверхъ того, скорѣй всего къ ней и привыкнуть можно». — «Охъ, голубчикъ, братецъ! то-то мое и горе, что нехороша и такъ нехороша, что я никакъ не осмѣлюсь и предлагать тебѣ ее; а развѣ бы ты самъ вздумалъ и захотѣлъ!... Но молчи, братецъ, они хотѣли у насъ побывать на сихъ дняхъ, и ты можешь ее увидѣть и самъ лучше судить, а то я не отваживаюсь и говорить объ ней». — «Хорошо, сестрица, посмотримъ»...

Симъ образомъ окончили мы тогда сей разговоръ, и хотя былъ онъ почти издѣвочной, но во мнѣ не преминулъ онъ произвестъ нѣкотораго впечатлѣнія.—Деревни тамошнія были въ самомъ дѣлѣ таковы, что стоило того, чтобъ помыслить о женитбѣ въ тамошней, мнѣ съ младенчества пріятной сторонѣ, а особливо, еслибъ случилось найтти невѣсту по своимъ мыслямъ. Но какъ мысли сіи шли тѣсное сопряженіе съ сердцемъ, а сердце было во мнѣ не топорной работы, а рождено было уже съ нѣжнѣйшими чувстваваніями, то слыша отъ сестры такое помянутой невѣстѣ описаніе, и не уповалъ я, чтобъ она могла мнѣ полюбитья. Совсѣмъ тѣмъ любопытнѣе былъ я ее видѣть и съ нѣкоторою нетерпѣливостію дожидаяся приѣзда къ намъ господъ Темашовыхъ.

Наконецъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ того и въ самое такое время, когда ходилъ я одинъ по милымъ и издавна мнѣ знакомымъ прекраснымъ берегамъ рѣки Лжи, и вспоминая тогдашнее свое уженіе и разлѣзжаніе на своемъ челночкѣ по ея прекраснымъ заводямъ и изгибамъ и всѣмъ тѣмъ любовался, увидѣлъ и бѣгущихъ ко мнѣ изъ дома людей и сказывающихъ мнѣ, что приѣхали гости господъ Темашовы.—Сердце вострепетало во мнѣ при услышаніи сего названія, ибо

мнѣ извѣстно было, что помянутая невѣста была дочь господина Темашона. И какъ самъ онъ былъ мнѣ еще тогда знакомъ, какъ я жилъ въ первый разъ у сестры моей, то спѣшилъ я спросить у человѣка, одинъ, что ли, Иванъ Ивановичъ, или съ семействомъ? — «Нѣтъ, сударь», отвѣчали мнѣ малый, — «самого его нѣтъ, да онъ никуда, за слабостію, не ѣздитъ, а боярыня только тутъ съ старшею своею дочерью... И сестрица приказала вась просить, чтобъ вы скорѣе приходили и сколько-нибудь поприодѣлись. Сіе увеличило еще больше трепетаніе моего духа, происшедшее можетъ быть отъ того, что сей случай былъ еще червиль, что мнѣ должно было видѣть дѣвушку, предлагаемую мнѣ нѣкоторымъ образомъ въ невѣсты. — «Хорошо! хорошо!» сказалъ я малому, — «я тотчасъ буду, а ты бѣги между тѣмъ напередъ и скажи человѣку моему, чтобъ приготовилъ мнѣ нпос платье». — По отходѣ его пошелъ и я вслѣдъ за нимъ, но спѣшить шествіемъ своимъ совсѣмъ былъ не въ состояніи. Духъ мой приведенъ былъ случаемъ симъ въ такое смущеніе, что я едва въ силахъ былъ переступить ногами и во всю дорогу не выходила у меня невѣста сія изъ ума, и вся голова моя наполнена была разными объ ней и о женитбѣ своей помысленіями. Когда же, пришедъ въ заднія комнаты и съ поспѣшностію перодѣвшись, пошелъ я въ тѣ комнаты, гдѣ сестра моя съ гостями сидѣла, то сердце мое такъ въ груди моей стѣснилось, что съ превеликою нуждою переступилъ я чрезъ порогъ и едва въ силахъ былъ отворить къ нимъ двери. Вотъ что могутъ производить предварительныя къ чему-нибудь насъ предуготовленія!...

Но какъ же поразился я, увидѣвъ госпожу Темашову. Я остолбенѣлъ почти отъ пернаго на нее взгляда. Сколько ни воображалъ я себѣ ее дурною, но она превзошла всѣ мои чаянія и ожиданія. Еще никогда до того времени неслучалось мнѣ видѣть дѣвушки столь дурной, нескладной и имѣющей видъ и лицо только отвратительное. Она имѣла не толь-

ко нескладный и совсѣмъ непропорціо-пальный съ лѣтами ея станъ, по была широконожа, ряба, безобразна, а что всего хуже, имѣла одинъ глазъ совсѣмъ бѣлый и покрытый бѣлымъ превеликимъ. Сердце во мнѣ даже замерло, когда я, расцѣловавшись съ матерью ея, въ первый разъ взглянулъ на нее и ей поклонился! Словомъ, она такъ смутила меня тогда, что я не имѣлъ даже столько духа, чтобъ и взглянуть на нее въ другой разъ, а не только чтобъ ее разсматривать, или отыскивать въ ней, хотя небольшие бы, какія пріятности.

Сестра моя, неспускавшая съ меня глазъ и примѣчавшая всѣ мои движенія, легко могла примѣтить дѣйствіе, произведенное дѣвушкою сею въ душѣ моей; и хотя несомнѣвалась уже въ томъ, что она мнѣ никакъ не нравилась, однако неприминула меня смѣючись о томъ спросить, какъ скоро нашла къ тому удобный случай. «Ну, что братецъ?» сказала она. — «Что сестрица!» отвѣчалъ я, «истиину и чистосердечно тебѣ сказать, что еслибъ было за нею и цѣлая тысяча душъ, еслибъ и нравъ имѣла она самый ангельской, то и тогда никакъ не могъ бы я имѣть столько духа, чтобъ на ней жениться. И возможно ли, что нѣтъ-то ни въ чемъ ни малѣйшей пріятности!» — «Это я предугадывала уже напередъ», подхватила она, — «и потому не смѣла и предлагать тебѣ ее, а теперь еще болѣе и сама вижу, что совсѣмъ-то она тебѣ не подь стать и теиерь жалѣю невѣдомо какъ, что нѣтъ на ту пору здѣсь и Дубровскихъ». — «Если и та такая-жь», сказалъ я, — «то не для чего тужить, сестрица». — «Ахъ нѣтъ! братецъ», отвѣчала она, — «на ту бы вѣрно ты сталъ пристальнѣе смотрѣть. Дѣвушка предорогая и сама собою очень не дурна, а и достатокъ не многимъ чѣмъ меньше этой; но на ту бѣду уѣхали враги въ Порхонскія свои деревни и неизвѣстно, когда они оттуда и будутъ». — «Ну что же и говорить о томъ, что невозможно», сказалъ я и пошелъ въ комнату къ гостямъ нашимъ, но

съ сердцемъ облегченнымъ уже, власно, какъ отъ бремени превеликаго.

Симъ кончилось тогда первое мое, и такъ сказать, полусватанье. Гости снѣ и насъ въ тотъ день почевали и на другой день обѣдали, и мать дѣвушки сей какъ ни старалась оказывать мнѣ возможнѣйшія ласки и просить, чтобъ вмѣстѣ съ сестрицею и я удостоилъ ихъ своимъ посѣщеніемъ, но я внутренно всему тому только смѣялся и всего меньше на умѣ имѣлъ къ нимъ ѣхать, а помышлялъ уже болѣе о томъ, какъ бы мнѣ отправиться въ дальнѣйшій путь и посѣщать въ милое и любезное свое Дворяниново.

Но какъ я ни спѣшилъ своимъ отъѣздомъ, но не могъ никакъ вырваться прежде, какъ по наступленіи уже августа мѣсяца. Сестра и самъ зять мой не хотѣли меня никакъ отпустить скоро и упрямивали невѣдомо какъ, чтобъ я сдѣлалъ имъ удовольствіе и прогостилъ у нихъ подольше. — «Кому-то велить Богъ впредъ видѣться и когда-то это будетъ! твердили они то и дѣло оба, — живемъ мы не такъ близко другъ отъ друга, продолжали они, — чтобъ можно было намъ льстить себя частыми свиданіями». — «Да, говорилъ и я, — проклятая отдаленность много тому мѣшаетъ; однако все-таки отчаяваться не можно». — «То такъ», подхватилъ зять мой, «но лѣта и слабости насъ страшатъ. Почему звать? Вотъ можетъ быть уже и въ послѣдній разъ мы тебя видимъ!... Я, по слабости здоровья своего, не смѣю и подумать о томъ, чтобъ могъ пуститься въ такой дальній путь, а и тебѣ пужно только заѣхать въ такую даль и тамъ обострожившись жениться, какъ и позабудешь объ Опанкинѣ». — «И, что вы говорите?» подхватилъ я, — «этого никогда не будетъ, чтобъ я позабылъ сіе милое селеніе и васъ, любезныхъ родныхъ моихъ».

«Хорошо, посмотримъ», сказалъ зять, — и дай Богъ, чтобъ мы дожили до того, чтобъ увидѣли опять васъ въ странахъ здѣшнихъ». — Сіе говорилъ онъ власно какъ предчувствуя, что ему впредъ меня уже никогда не видать, и что и самого

меня судьбы едва-ли допустить видѣть опять его Опанкино. Я и дѣйствительно съ того времени уже не видалъ сего обиталища родныхъ моихъ, равно какъ и съ нимъ въ послѣдній разъ уже тогда видѣлся.

— Но что вы ни говорите, сказали мнѣ наконецъ зять мой, «но я не отпущу васъ никакъ до того времени, покуда не перейду въ новые хоромы. Воля твоя, а по крайней мѣрѣ сдѣлай намъ то удовольствие, что отпразднуй вмѣстѣ съ нами новоселье и поживи хоть нѣсколько дней вмѣстѣ съ нами въ новомъ нашемъ домѣ; а тамъ уже и Богъ съ тобою!...»

Что было дѣлать и какъ можно было отговориться? Я принужденъ былъ дать слово и пробыть у нихъ до сего деревенскаго праздника. Сіе и совершилось искорѣ послѣ того времени, и праздникъ сей былъ въ своемъ родѣ превеликій. Все сосѣдственное дворянство и всѣ друзья и знакомцы приглашены были къ оному. Весь новый домъ, какъ ни великъ былъ, но наполненъ былъ людьми и гостями, и какъ съѣхалось множество и господъ, и госпожъ, и дѣвицъ, то мы и повеселились-таки въ сей послѣдній разъ гораздо и гораздо, и окончили ширшество сіе съ удовольствіемъ особеннымъ.

Послѣ сего не сталъ я уже долге медлить, да и они не держали уже меня долге. Итакъ, собравшись и укладъ всю свою библіотеку на особую подводу, которую снабдилъ меня мой зять, 10-го августа отправился я въ свой путь, распрощавшись съ сими милыми и любезными своими родными и смочивъ взаимно другъ у друга слезами свои лица.

Не могу изобразить, сколь чувствительны для меня были проводы изъ сего селенія. Всѣ люди собрались провожать меня и всѣ цѣловались со мною, какъ не надѣясь уже никогда болге видѣть, что, кромѣ немногихъ, и дѣйствительно такъ случилось. Зять и сестра провожали меня версты три и до самой рѣки Утрой, и я на вѣкъ не позабуду той минуты, когда, разставшись съ ними и перѣхавъ въ бродъ рѣку, съ другого берега видѣлъ я

въ послѣдній разъ возвращающагося уже въ домъ моего зятя, машущаго своею шляпою и кричащаго мнѣ: «Прости, прости, мой другъ!»

Ѣзда моя была благоуспѣшна; я ѣхалъ опять чрезъ Псковъ, Новгородъ и другіе города, лежащіе до Москвы на большой дорогѣ, и на всѣ сѣи, съ младенчества мнѣ знакомыя, мѣста и города смотрѣлъ уже тогда совѣмъ не съ такими чувствами, какъ сматривалъ прежде. Я былъ уже тогда въ совершенномъ возрастѣ и всѣ знанія мои были несравненно уже обширнѣйшими предъ прежними. Мнѣ извѣстны были уже исторіи городовъ, мною видѣнныхъ, и я много уже зналъ, что происходило въ древности въ мѣстахъ тѣхъ, чрезъ которыя доводилось мнѣ тогда ѣхать. Итакъ, я воображалъ себѣ сѣи происшествія и смотрѣлъ на все не только съ любознѣйшими очами, но и съ разными при томъ чувствами и тѣмъ всею дѣлалъ путь сей для себя пріятнѣйшимъ.

Впрочемъ, не помню я, чтобъ случилось со мною въ продолженіе путешествія сего что-нибудь особенное, кромѣ двухъ происшествій, достойныхъ нѣкотораго замѣчанія.

Первое случилось на пути между Псковомъ и Новымъ-городомъ, и было слѣдующее. Мы отѣхали уже отъ Пскова нѣсколько десятковъ верстъ, какъ вдругъ, противъ всякаго чаянія и ожиданія, останавливаетъ насъ поставленная на большой дорогѣ застава и говорить, чтобъ мы далге не ѣхали. «Что такое?» спросили мы удивившись, «и для чего?»—«А для того», отвѣчаютъ намъ, «что тамъ впереди, во всѣхъ деревняхъ по дорогѣ, конскій жестокій наездъ; такъ чтобъ не заразить и вамъ своихъ лошадей и не лишиться оныхъ». Мы обмерли и спужались, сіе услышавъ. Никогда еще такою бѣды съ нами не случалось. Я воображалъ себѣ всю опасность сего случая и не зналъ, что мнѣ дѣлать.

— «Да какъ же намъ быть?» спросилъ я; — «и что дѣлать?» — «Что изволите», говорили стоящіе на заставѣ, «либо назадъ по-

ѣзжайте, либо ступайте въ объѣздъ, стороною, вотъ по этой дорогѣ, направо». — «Да далеко ли будетъ намъ надобно ѣхать?» — «Да не близко», сказали они, «и крюкъ вамъ будетъ большой и верстъ тридцать лишнихъ. Вы выѣдете уже подъ самый почти Новгородъ». — «Да какъ же намъ найтись дорогу эту? совсѣмъ она намъ незнакома». — «Языкъ до Кіева доведетъ», сказали они, «а сверхъ того мы вамъ расскажемъ и деревни, чрезъ которыя вамъ ѣхать; хоть запишите себѣ ихъ». — «Хорошо!» сказалъ я, «но тамъ и въ этихъ деревняхъ, развѣ еще нѣтъ падежа?» — «Есть кой-гдѣ и тамъ, но не вездѣ и не таковъ еще силенъ; но по крайней мѣрѣ всѣ дорожные, черезъ нихъ теперь ѣздить и вы можете быть проѣдете благополучно. Разспрашивайте только по-прилежанью и гдѣ падежъ есть, тамъ поскорѣй проѣзжайте». — «Экая бѣда!» говорилъ я, «и тамъ не совсѣмъ безопасно. Что дѣлать ребята? спросилъ я у людей, обратившись къ онимъ: — какъ вы думаете? пускаться ли намъ на сію опасность, или неострачиться ли уже назадъ опять къ сестрицѣ?» — «И, что вы сударь! воскликнули они, сіе услышавъ: — уже назадъ ѣхать! Какъ это? Уже столько отѣхавши, да назадъ ворочаться!» — «Да какъ же быть-то?» спросилъ я далѣе. — «А такъ и быть», говорили они: — «что, положась на власть Божию, пускаться въ путь; благо есть объѣздъ; когда люди ѣздить, то для чего-жъ и намъ не проѣхать?» — «Ну, буди же по глаголу вашему!» сказалъ я нѣсколько подумавъ, и возложивъ упованіе свое на Бога, — «поворачивай вправо!...»

Но, ахъ! съ какимъ страхомъ и душевнымъ беспокойствомъ ѣхали мы сіимъ дальнимъ объѣздомъ. Было сіе, какъ теперь помню, въ самую полдню, какъ мы своротили съ большой дороги и проѣзжать намъ доводилось премножество деревень. Въѣзжая въ каждую, первое наше попеченіе было о томъ, чтобъ узнать все ли было тутъ здорово и не валятся ли лошади? И какъ скоро узнавали, что падежъ есть, то со страхомъ

и трепетомъ припускали во всю скачку лошадей, пролетали какъ молнія сквозь опыя и неоглядкою старались уѣхать далѣе. Но какъ досадовали мы и какъ увеличился страхъ и опасеніе наше, когда вездѣ, куда ни приѣзжали мы, намъ сказывали тоже, а именно: что тутъ падежъ есть, а въ предлѣдующей деревнѣ его еще не было. По приѣздѣ туда сказывали намъ тоже и тѣми-жъ самыми словами. «Господи помилуй, долго ли это будетъ? говорили мы: — и найдемъ ли мы гдѣ-нибудь здоровое еще мѣсто?» И поговоривъ симъ образомъ, пустимся опять скакать. Но намъ и въ умъ не приходило, что бездѣльники сіи намъ не вездѣ сказывали правду, и что опасаясь столько же насъ, сколько боялись ихъ мы, они нарочно иногда вслепывали на селеніе свое падежъ, чтобы побудить насъ тѣмъ ѣхать далѣе. Павонецъ измучили мы въ прахъ лошадей своихъ и довели до того, что не могли они бѣжать далѣе. И какъ тогда наступала уже и ночь, то рады, рады были, что доѣхали, хотя уже съ нуждою, до одного селенія, о которомъ увѣрили насъ, что въ немъ дѣйствительно падежа еще не было.

Но чтожъ? Не успѣли мы въ ономъ переди широкой улицы ночевать расположились даять къ намъ другіе и сказываютъ, что падежъ есть и у нихъ и что въ самый тотъ день пало у нихъ богѣ десяти лошадей. Господи! какъ мы тогда всѣ оробѣли и перетрусились. «Давай, давай скорѣе!» — закричалъ я: — и запрягай опять лошадей!» — Но мужики разсмѣялись только тому и мнѣ говорили: «Куда вамъ, баринъ, далѣе ѣхать на измученныхъ лошадяхъ вашихъ? Впереди цѣлыхъ пятнадцать верстъ нѣтъ ни одного селенія на дорогѣ, да и тамъ такой же падежъ уже есть, какъ у насъ. Ночуйте-ка здѣсь съ Богомъ; но лошадей-то непускайте съ мѣста и кормите уже при повозкахъ. Мы вамъ добудемъ уже и накошимъ травки свѣженькой».

Что было тогда дѣлать? Мы противъ хотѣнія и съ превеликимъ хотя страхомъ,

но принуждены были остаться тутъ почевать, и отъ сумленія не спали почти всю ночь, такъ настращали насъ сей проклятый лошадиный моръ. Но было, правда, чего и опасаться, и одна мысль о потеряннн всѣхъ лошадей своихъ, посреди мѣсть, зараженныхъ повсюду сею конскою эпидеміею, и о невозможности достать иныхъ, нагоняла на насъ страхъ и ужасъ, и мы сами себя не вспомнили отъ радости и не знали, какъ возблагодарить Бога, какъ выѣхали мы наконецъ благополучно изъ сихъ опасныхъ мѣсть и въѣхали опять, неподалеку уже отъ Новгорода, на большую дорогу и къ такой же заставѣ.

Видъ сего города, усмотрѣнный изда-лека, возбудилъ тогда во мнѣ мысль о Синавѣ и Труворѣ. Имена сихъ древнихъ обитателей Новгорода были у меня въ особенности затвержены по трагедіи Сумароковской, изъ которой зналъ я многія мѣста и монологи наизусть и декламировалъ оные нерѣдко; а сіе и произвело во мнѣ тогда разныя чувствованія и побудило говорить въ душѣ своей: «Ахъ! вотъ тутъ и въ сихъ-то мѣстахъ жили нѣкогда Гостомысль, Синавъ и Труворъ. Хоть и не было въ точности всѣхъ тѣхъ произшествій съ ними, какія написаны г. Сумароковымъ, но что они были и жили нѣкогда тутъ, это правда;—А такимъ же образомъ съ особливыми чувствіями смотрѣлъ я и на площадь городскую, гдѣ нѣкогда висѣлъ славный новгородскій вѣчевой колоколъ и на мостъ въ городѣ, переѣзжая по оному рѣку Волхову. «Вотъ тутъ-то,—говорилъ я самъ себѣ,—побиваемы были нѣкогда долбнею всѣ несчастные дворяне новгородскіе и повергались въ воду, и сія-то рѣка уносила ихъ прочь въ быстрыхъ струяхъ своихъ и служила имъ могилою. Были-жъ времена!—продолжалъ я, и углубляясь далѣе въ мысляхъ, напоминалъ всю исторію сего въ древности столь славнаго и великаго республиканскаго города:—сколько пролито тутъ крови человѣческой; сколь часто обгагрены были ея всѣ окрестности сіи, сколь многіе милліоны людей обитали нѣкогда на нихъ

и колы многихъ смертныхъ прахи сокрыты въ пѣдрахъ земли. въ окрестностяхъ и внутри сего стариннаго города, бывшаго нѣкогда столь великимъ». Наконецъ не могъ я довольно надвинуться быстротѣ рѣки тутошней, вытекающей изъ озера Ильменя, и какъ случилось намъ тутъ вочевать, то весь вечеръ проводилъ я на берегахъ оной въ разныхъ помысленіяхъ.

Другое произшествіе случилось съ нами въ горахъ Вагдайскихъ. Переѣзжая славную сію цѣпь горъ, съѣхался я тутъ съ однимъ мнѣ давно знакомымъ и въѣстѣ со мною въ одномъ полку служившимъ офицеромъ. Выѣлъ то г. Федцовъ; и онъ, препроводивъ всю жизнь свою въ военной службѣ, дослужившись капитанскаго ранга, ѣхалъ тогда изъ арміи также въ отставку и посѣщалъ въ деревню къ женѣ своей и дѣтямъ, съ которыми онъ многіе уже годы невидался, и также не надѣялся-было никогда видѣть; невѣдомо какъ радовался тогда тому, что вынесъ его Богъ изъ чужихъ земель благополучно и безъ полученія на всѣхъ многихъ сраженіяхъ, на которыхъ ему бывать случалось, ни единой раны и никакого увѣчья.

Мы обрадовались невѣдомо какъ, другъ друга узнавши, и сѣвши къ нему въ повозку не могли довольно поговориться. Онъ разспрашивалъ обо всемъ меня, а я такимъ же образомъ разспрашивалъ его, и онъ рассказывалъ мнѣ и о полку нашемъ и обо всемъ, что съ нимъ въ послѣдніе годы службы происходило, и окончилъ повѣствованіе свое, какъ теперь помню, сими словами: «Такъ-то, братецъ, послужили, походили по чужой сторонѣ, потеряли довольно нужды, набрались довольно и страховъ и всего и всего, но по крайней мѣрѣ теперь, слава Богу, ѣду на покой и провождать послѣдніе дни свои въ мирѣ и тишинѣ съ бабенкою своею и ребятишками.—Но ахъ! можетъ ли человекъ что-нибудь навѣрное заключить о предбудущемъ и предвидѣть, что предстоить ему впереди и за самое иногда короткое время! Всего-то меньше можемъ мы все это знать, и послѣдующее послужило мнѣ истинѣ сей новымъ и крайне

поразительнымъ для меня доказательствомъ.

Неуспѣлъ онъ помилутихъ послѣднихъ словъ выговорить. какъ увидѣлъ я, что надлежало намъ въ ту самую минуту начинать спускаться съ одной превысокой и крутой горы, и что спускъ быть дурепъ, шель излучинною и влѣвъ у насъ была превеликая стремнина и глубокой буеракъ. Будучи какъ-то всегда не очень смѣлъ и въ такихъ случаяхъ отваженъ, и сдѣлавъ уже издавна привычку выходить на горахъ такихъ изъ повозки и сходить внизъ пѣшкомъ, восхотѣлъ я и въ сей разъ сдѣлать тоже, и говоря повощику, чтобъ онъ на минуту остановился, сталъ вылезать изъ кибитки. Но г. Федцовъ непускаетъ меня и говорить мнѣ:

— «И, братецъ, какъ тебѣ не стыдно? Уже боишься такой бездѣльной горы, а еще служить! И такія ли горы мы переѣзжали иногда! — Сиди, сударь, и не бойся ничего, лошади у меня смиренныя и мы съѣдемъ хорошехонько!»

— Пѣтъ, воля твоя, братъ, — отвѣчалъ я ему: — а я ни изъ чего не соглашусь съ такой страшной горы ѣхать, а нусти-ка меня долой. Дѣло-то будетъ здоровье, — трудъ невеликъ сойти. Поги, слава Богу, есть и здоровы еще, а говорится въ пословицѣ: береженого коня и Богъ бережетъ. И сказавъ сіе спрыгнулъ я съ его повозки, а онъ, захохотавъ, далѣе сказалъ:

— «Этакой ты какой трусъ; ты, братъ, истинный и горе, а не воинъ!»

— Ну, пускай трусъ, — говорю я: — и называй ты меня какъ хочешь, а я знаю то, что по крайней мѣрѣ духъ во мнѣ будетъ въ спокойствіи, да и на что безъ нужды подвергать себя опасности. Словомъ, я совѣтовалъ бы и тебѣ, братъ, тоже сдѣлать.

— «И пустое, — возопилъ онъ: — невдалѣцина какал! Ступай, малый!»

Но что-жъ, неуспѣлъ онъ нѣсколько сажень отъ ѣхать, какъ лошади его вдругъ отчего-то вздурились и понесли его внизъ. Они держать, они кри-

чать, останавливать, но не тутъ-то было. Лошади взяли верхъ, несутъ по всю прыть и по самому краю стремнины. Я обмеръ, испужался сіе увидѣвъ, но неуспѣлъ еще опомниться, какъ гляжу, повозки его на горѣ какъ небывало и очутилась она вдругъ уже опрокинутая и лежащая въ буеракѣ, куда съ горы полетѣла она стремглавъ, сорвавшись съ передней оси.

Не могу изобразить, какія ужасомъ поразило насъ сіе несчастное приключеніе. Мы, остановивъ лошадей своихъ, безъ памяти побѣждали помогать упавшимъ и конь крикъ и воилъ достигалъ до насъ изъ буерака, и чуть-было сами неполегъли стремглавъ, слезая съ крутизны той стремнины. И что-жъ? Въ какомъ жалкомъ положеніи находимъ оныхъ! Оба они лежали придавленные ихъ повозкою, и кричали, чтобъ мы какъ можно скорѣе ихъ спасали и не дали имъ задохнуться. Съ превеликою нуждою своротили мы съ нихъ повозку и нашли слугу, отдѣлавшагося еще довольно удачно, а господина самого съ переломленною рукою, вышибенною ногою и переломленными двумя ребрами на боку и отъ превеликой боли, какъ корова, заревѣвшago.

Что было тогда намъ съ нимъ дѣлать? Превеликое сожалѣніе поразило насъ всѣхъ и всѣ мы горевали и тужили объ немъ, но пособить сами не знали чѣмъ и какъ между тѣмъ приближали къ намъ и прочіе люди, съѣхавшіе подъ гору благополучно съ нашими повозками, и тамъ и его лошадей поймавшіе и своихъ остановившіе, то при помощи ихъ выволокли мы всѣми неправдами повозку его изъ буерака и рады были уже и тому, что она неизломалась совсѣмъ и что можно было намъ, положивъ его какъ-нибудь въ повозку, довести до ближняго впереди селенія.

Тутъ остановился и я для него и непоѣхалъ уже въ тотъ день далѣе. Человѣчество требовало поданія помощи, и хотя мы всего меньше въ состояніи были подать оную, но по крайней мѣрѣ сдѣла-

ли ему къ боку припарку, а руку его связали въ лубки какъ умѣли; а для выправленія вышибенной ноги отыскали тутъ костоправа. Онъ препроводилъ всю ту ночь въ неописанномъ страданіи и раскаиваясь, но уже поздно, что непослушалъ моего совѣта. Но какъ намъ за нимъ тутъ долѣе жить остаться было не можно, то поутру на другой день, оставивъ его тутъ и пожелавъ скорого выздоровленія, продолжали мы свой путь далѣе.

Въ Москву приѣхали мы 30-го августа и приѣздъ въ сей столичный городъ немнѣе былъ для меня чувствителенъ и пріятенъ. Не видавъ онаго уже много лѣтъ, не могъ я довольно налюбоваться и видомъ его, какъ скоро онъ намъ вдали еще показался. Съ неописанною радостію перекрестился я, завидѣвъ впервые его башни и колокольни, и благодарилъ Бога, что довелъ Онъ меня до онаго благополучно. И какъ мы приѣхали въ оный же въ вечеру, то рѣшился я въ опомъ передпевать для запасенія себя кой-какими надобностями для будущей деревенской жизни. Пуще всего хотѣлось мнѣ застаться тутъ какими-нибудь экономическими книгами: до сего во всей моей библіотекѣ не было ни одной экономической, потому что, какъ не надѣялся я нивкакъ быть скоро дома, то и не запасался ими, и у меня часть сія была сохранивъ въ небреженіи. А тогда, какъ ѣхалъ я домой для посвященія себя навсегда деревенской жизни, то считалъ уже необходимою познакомиться и съ экономіею. И какъ я всего меньше разумѣла оную, то и надѣялся научиться оной изъ книгъ, и потому и желалъ въ Москвѣ застаться хотя нѣсколькими на первый случай.

Но сколь же удовольствіе мое было велико, когда при распрѣвѣданіи о томъ, нѣтъ ли я въ Москвѣ книжной и такой лавки, гдѣ-бъ продавались не одиѣ русскія, но вкупѣ и иностранныя книги, услышалъ я, что есть точно такая подлѣ Воскресенскихъ воротъ. Съ превеликою поспѣшностію побѣжалъ я въ оную. Но

сколь радость и удовольствіе мое увеличилось еще больше, когда нашель тутъ лавку, подобную почти во всемъ такой, какую видѣлъ я въ Пруссіи, въ Кѣнигсбергѣ, и въ которой продавалось великое множество всякаго рода нѣмецкихъ и французскихъ книгъ въ переплетѣ и безъ переплета. Я спросилъ каталогъ, и какъ мнѣ его подали, то снѣшнелъ отыскивать въ немъ и потомъ цересматривать всѣ экономическія; и какъ по счастью случилось со мною тогда довольное еще число оставшихъ денегъ, то купилъ я нѣсколько десятковъ оныхъ, и какъ вообще экономическихъ, такъ въ особенности и садовыхъ, и повезъ ихъ съ собою, какъ бы повое какое сокровище, въ деревню.

Мы выѣхали изъ Москвы сентября перваго числа, и какъ ѣхать намъ оставалось уже немного, то скоро доѣхали и до Серпухова, а наконецъ, 3-го числа достигли и до тѣхъ предѣловъ, гдѣ я увидѣлъ свѣтъ въ первый разъ въ моей жизни и проводилъ многіе годы въ моемъ младенчествѣ и малолѣтствѣ. День сей мнѣ въ особенности памятенъ.

Никогда не позабуду я того, какимъ неописаннымъ и сладкимъ удовольствіемъ наполнялась вся душа моя при приближеніи къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ было мое жилище и какъ, подѣзжая къ Городнѣ, восхищался я видимыми уже вдали, знакомыми мнѣ лѣсами и мѣстоположеніями примѣтными; какъ привѣтствовалъ я всѣ оныя, какъ мысленно говорилъ со всѣми ими и какъ, проѣхавъ Городню и поворотивъ для скорѣйшаго приѣзда вправо мимо Дурнева, досадовалъ я на горящую подъ повозкою моею ось, недопускающую насъ такъ поспѣшать ѣздою своею, какъ мнѣ тогда хотѣлось. Во всю дорогу она у насъ ни однажды не горѣла, а тутъ вздумала горѣть, какъ бы нарочно, для увеличиванія моей истеричности. Съ какою досадою принуждены были мы нѣсколько разъ для нея останавливаться и скидывая колесо, тушить оную, и чѣмъ, и чѣмъ петушили мы ее и колесо! — Но наконецъ преодолѣли мы и

сіе послѣднее препятствіе и я довольно еще рано приѣхалъ въ любезное свое Дворяниново и въ обиталище предковъ своихъ и свое собственное.

А симъ и окончу я, мой другъ, и письмо сіе, а вкупѣ и все сіе собраніе оныхъ,

сказанъ вамъ, что я есмь вашъ и прощаю.

Конецъ
девятой части.

Сочинена въ ноябрѣ 1800, переписана въ октябрѣ 1805.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ X.

1801.

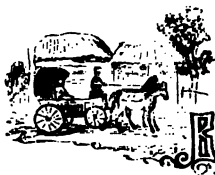
ВЪ ДВОРЯНИНОВЪ.

ИСТОРИЯ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКѢ ВООБЩЕ, И ВЪ ОСОБЕННОСТИ ПЕРІОДА ОНОЙ ДО ЖЕНИТЬБЫ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЪ ДЕРЕВНЬ.

Письмо 101.

Любезный пріятель!

Въ предсѣдовавшихъ предъ симъ моихъ письмахъ сообщилъ я вамъ исторію моихъ предковъ, моего младенчества моего малолѣтства и всей моей военной службы. А теперь начну описывать вамъ исторію моей первой двѣнадцатилѣтней деревенской жизни, какъ новаго и такого періода моей жизни, который можно почесть самымъ цвѣтущимъ во все теченіе оной: ибо простирался онъ съ двадцатипятиго по тридцать седьмой годъ моего возраста. Но не знавъ, будетъ ли исторія сего времени для васъ такъ любопытна и занимательна, чтобъ могли вы ее читать безъ скуки и имѣть притомъ хотя нѣкоторое удовольствіе. Никакихъ отъменно важныхъ и особливыхъ происше-

стній неслучилось со мною во все продолженіе сего времени; но оно протекло въ мирѣ, въ тишинѣ и во всѣхъ удовольствіяхъ, какія только можетъ доставлять уединенная, простая и невинная сельская жизнь мыслящему и чувствительное сердце имѣющему человеку.

Я расскажу вамъ, какъ по приѣздѣ изъ службы въ отставку обстроживался я въ маленькомъ своемъ домишкѣ, какъ учился хозяйничать и привыкалъ къ сельской экономіи, поправлялъ и приводилъ въ лучшее состояніе свое домоводство, какъ познакомивался съ своими сосѣдями и пріобрѣталъ ихъ къ себѣ дружбу и любви; какъ погостъ женился, нажилъ себѣ дѣтей, построилъ себѣ домъ новый, завелъ сады; сдѣлался экономическимъ, историческимъ и философическимъ писателемъ, и вообще, какъ и въ чемъ наиболѣе препровождалъ праздное время: чѣмъ себя занималъ, чѣмъ веселился и что предпринималъ для сдѣланія себѣ уединенной сельской жизни пріятною и веселою, покуда, наконецъ, Провидѣнію угодно было таки меня на нѣсколько

лѣтъ оторвать отъ дома и доставить мнѣ иной, и такой родъ жизни, который былъ для меня совсѣмъ новый, и хотя съ меньшею вольностію соединенный, но неменьше пріятный и полезный.

Вотъ краткое содержаніе исторіи всего того періода времени, который я описывать теперь предпринимаю. Но я не знаю, найду ли при описываніи всего того довольно такихъ вещей, которыя бы могли сколько-нибудь достойны быть вашего любопытства и поддерживать вниманіе ваше при чтаніи онаго. И вы извините уже меня въ томъ, когда, за неимѣніемъ важныхъ вещей, буду я иногда рассказывать вамъ о самыхъ мелочахъ и бездѣлкахъ, и дѣлать то болѣе для того, что когда не вамъ, такъ для потомковъ моихъ могутъ и онѣ быть столь же интересны и любопытны, какъ и другія. Словомъ, я поступлю такимъ же образомъ, какъ дѣлалъ прежде, и дѣло стану илѣшать съ бездѣльемъ и самымъ тѣмъ придавать повѣствованію своему сколько-нибудь болѣе живости и пріятности.

Итакъ, приступая къ продолженію моего прежняго повѣствованія и прицѣпляясь опять къ прерванной нити онаго. скажу вамъ, что помянутый третій день мѣсяца сентября 1762-го года, въ который возвратился я изъ службы въ свою деревню, былъ одинъ изъ наимпріятнѣйшихъ въ моей жизни. Я рассказывалъ уже вамъ, какъ мы, приближаясь къ тѣмъ предѣламъ, гдѣ я родился, поспѣшали своею ѣздою, какъ предварительно веселился уже я всѣми окрестностями, наше жилище окружающими, и какъ досадовалъ на горящую ось подъ повозкою моею, илѣшавшую намъ поспѣшать по желанію;—а теперь опишу вамъ всѣ подробности сего достопамятнаго моего возвращенія и пріѣзда въ свое обиталище.

День случился тогда ясный и погода самая теплая, тихая и наилучшая изъ сентябрьскихъ, и мы, потушивъ и подмазавъ вновь свое колесо, не ѣхали, а катились по гладкой и сухой тогда дорогѣ. Я только и зналъ, что твердилъ поводицу своему, чтобы онъ понуживалъ ло-

шадей и спѣшилъ довести меня до двора прежде еще наступленія вечера. Мнѣ хотѣлось пріѣхать въ домъ мой сколько можно поранѣе для того, чтобы успѣть еще можно было изъ повозокъ выбраться и сколько-нибудь осмотрѣться; а стараніемъ толикоже поспѣшающаго къ женѣ своей моего кучера, мы и дѣйствительно доѣхали довольно рано и задолго еще до захожденія солнечнаго. Чтобы лучше успѣть въ томъ, то предложилъ онъ мнѣ—не прикажу-ли я своротить съ большой Тульской дороги еще прежде пріѣзда въ Ярославцово, гдѣ мы обыкновенно, ѣдучи изъ Москвы, сворачиваемъ вправо, и брался провезть меня прямо отъ Городни знакомыми ему полевыми дорожками и тропинками: и какъ я на то согласился, то и провезъ онъ меня прямо мимо Дурнева и чрезъ Трешню, такъ, что мы подъѣхали къ селенію нашему уже не отъ Яблонова, а съ Хмырова.

Теперь не могу я никакъ изобразить того сладкаго восхищенія, въ которомъ находилась вся душа моя при приближеніи къ нашему жилищу. И ах! какъ вспрыгалось и вострепеталось сердце мое отъ радости и удовольствія, когда увидѣлъ я вдругъ передъ собою тѣ высокія березовыя рощи, которыя окружаютъ селеніе наше съ стороны сѣверной и дѣлаютъ его непримѣтнымъ и съ сей стороны невидимымъ. Я перекрестился и благодарилъ изъ глубины сердца моего Бога, за благополучное доставленіе меня до дома, и не могъ довольно насытить зрѣнія своего, смотря на ближнія наши поля и всѣ знакомыя еще мнѣ рощи и деревья. Мнѣ казалось, что всѣ онѣ привѣтствовали меня, разговаривали со мною и радовались моему пріѣзду. Я самъ здоровался и говорилъ со всѣми ими въ своихъ мысляхъ. А неуспѣли мы въѣхать въ длинный свой между садовъ проулокъ, какъ радующійся кучеръ мой полетѣлъ со мною какъ стрѣла, и раздавался только по рощамъ стукъ и громкій его свистъ и ежеминутные его окрики на лошадей и понуканье оныхъ. Въ единственный мигъ очутились мы предъ ста-

ринными и большими воротами моего двора, покрытыми огромною кровлею и снабженными претолстыми и узорчатыми версями, и вмигъ вскакиваютъ спутники мои съ повозокъ и съ громкимъ скрипомъ растворяютъ оныя, и мы взвѣщаемъ на дворъ и летимъ какъ молнія къ крыльцу господскаго дома.

Во всемъ домѣ никто тогда еще не зналъ и не вѣдалъ о моей отставкѣ и возвращеніи въ домъ свой; но всѣ, считая меня еще въ службѣ и въ Петербургѣ, всего меньше насъ ожидали. И какъ время тогда было еще рабочее и не весь хлѣбъ убранный былъ еще съ поля, то я не было почти никого, кромѣ однихъ старухъ и ребятшекъ тогда въ домѣ.

Всѣ сѣн, увидѣвъ взвѣхавшія на передній дворъ повозки, не знаютъ, что-бы это значило, сбѣгаются со всѣхъ сторонъ видѣть сію необыкновенность и, узнавъ моего кучера, разбѣгаются паки врознь, и съ громкимъ кричаньемъ: «бояринъ, бояринъ приѣхалъ!» разбѣгаютъ слухъ о томъ, по всѣмъ избамъ и клѣткамъ, гдѣ знали, что находились тогда ихъ дѣды и бабки.

Вдругъ тогда оживотворяется весь дворъ: со всѣхъ сторонъ и угловъ онаго стекаются старики и старухи и позабывъ всю свою дряхлость и слабость, сиѣшатъ и бредутъ видѣть своего барина. И мнѣ не успѣли еще отпереть замкнутыхъ хоромъ моихъ, какъ увидѣлъ я себя всѣми ниш окруженнымъ. Всѣ кланялись, всѣ цѣловали мои руки, всѣ изъявляли радость свою о томъ, что Богъ выпесъ меня на святую Русь, и всѣ говорили, что они меня не чаяли уже и видѣть, и теперь почти глазами своимъ не вѣрятъ и не могутъ довольно тому парадоваться; и что они говорили правду, то доказывали мнѣ слезы, текшія дѣйствительно изъ глазъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ радости.

Пріятно было мнѣ смотрѣть на сѣн нелицемѣрные звуки ихъ ко мнѣ любви и усердію; а вскорѣ засимъ увидѣлъ я и усача домоправителя своего, носившаго ко мнѣ съ гумна, гдѣ находился онъ съ мужиками и складывалъ хлѣбъ, привезенный ими съ полей въ оное. Старикъ онъ

былъ совершенной, служившій еще при покойномъ отцѣ моемъ кучеромъ, и привикнувъ еще тогда ходить въ усахъ, не хотѣлъ и по смерть разстаться съ оными. Звали его Григорьемъ, а по прозвищу Грибапомъ, и я управленіемъ его былъ нарочито доволенъ. Для сего человека была тогда сугубая радость: вмѣстѣ со мною увидѣлъ онъ возвратившагося къ нему и меньшого сына своего — въ младшемъ, а родного племянника — въ старшемъ пѣзъ слугъ моихъ. При цѣлованіи въ руки моей, горячая слеза, капнувшая изъ глазъ его и ея смочившая, такъ меня тронула, что я поцѣловалъ сего стариннаго слугу отца моего и радовался, что нашелъ его еще въ силахъ и довольно бодримъ. Потомъ далъ ему волю обниматься съ приѣхавшими родными своими, а самъ пошелъ въ отворенныя уже сѣни дома моего.

Не могу забыть той минуты, въ которую вошелъ я впервые тогда въ переднюю комнату моего дома, и тѣхъ чувствованій, какими преисполнена была тогда вся душа моя. Каково ни мило и ни любезно было мнѣ сіе обиталище предковъ моихъ и мое собственное въ малолѣтствѣ; но возвращаясь тогда въ оное, не только уже въ совершенномъ разумѣ, но, такъ сказать, изъ большого свѣта и насмотрѣвшись многому большому, смотрѣлъ я на все иными уже глазами: и какъ сдѣлалъ я уже привычку жить въ домахъ свѣтлыхъ и хорошихъ, то показался мнѣ тогда домъ мой и малымъ-то, и дурнымъ, и тюрьма тюрьмою, какъ и въ самомъ дѣлѣ былъ онъ. А особливо тогда при вечерѣ, съ маленькими своими потускившими окошками, и отъ древности почти почерпѣвшимъ потолкомъ и стѣнами — весьма, весьма не свѣтель. И передняя моя комната, по множеству образовъ, въ кивотахъ и безъ нихъ, которыми установлены были всѣ полки и стѣны въ углу переднемъ, походила болѣе на старинную какую-нибудь большую часовню, нежели на залъ господскаго дома, а особый пустынный запахъ придавалъ еще болѣе непріятности. Совсѣмъ тѣмъ, я первѣйшимъ дѣломъ почелъ по-

себя ницъ предъ святинями, ко-
покланялись еще самые прадѣды
мои, и принесть Господу благо-
моего за благополучное возвра-
тотъ домъ, въ которомъ я ро-
первые сталъ дышать воздухомъ.

тѣмъ, какъ выбирали изъ по-
носили все въ хоромы, пере-
лъ я всѣхъ предстоящихъ предо
разговаривая съ ними, искалъ
воими стариннаго своего слугу и
рта мона. Время изгладило уже
давно въ сердцѣ моемъ всю быв-
ного досаду и возобновило наки
мою любовь и приверженность

Онъ приходилъ мнѣ, во время
внѣ моего, многожды на умъ, и
агалъ уже въ мысляхъ своихъ—
опять съ нимъ жить и вмѣстѣ
леннн дома и экономн моей тру-
ганемъ. Но какъ онъ тогда не
ся нигдѣ съ зрѣннемъ моимъ, то
тво побудило меня спросить объ
кены его.

тъ, батюшка», сказала она мнѣ,
лезы, потекшія ручьями изъ
«Его уже вѣтъ на свѣтѣ! Для
ю тому, какъ мы его схоронили».

ты говоришь, воскликнулъ я,
вно снмъ извѣстнмъ поразни-

я слеза покатила въ тогда изъ
ихъ и я не могъ далѣе выговорить
о слова. Минуты двѣ стоялъ я,
вшнсь съ молчаннмъ и утирая
и щеки. Сню жертву благодар-
сочалѣннн принесть я тогда
го любнмца и воспитателя свое-
такъ меня растрогало, что я
въ вечеръ далеко नेताково весе-
оводилъ, какъ надѣялся.

а какъ мнѣ жалъ твоего мужа,
я женѣ его; но воля Господня
ни намъ!... Между тѣмъ, поста-
Алена, о томъ, чтобъ мнѣ было
знать.

гчасъ, батюшка», сказала она,
а тотъ разъ всю печаль и огор-
е, и пошла готовить мнѣ мой
Ибо скажу вамъ, что она, какъ

при покойной еще моей матери, такъ и въ
прежнее мое жительство въ деревнѣ от-
правляла должность стряпухи и была въ
семь ремеслѣ довольно искусна.

Между тѣмъ, какъ онн готовили, ос-
матривался я въ своихъ, пустынью и гни-
лю нахнувшихъ хоромакъ: ходилъ по
всѣмъ комнатамъ, поднималъ окошечки
для впушенн свѣжаго воздуха и помы-
шалъ о томъ, какъ бы мнѣ въ нихъ лучше
обострожитья и расположитья, и кото-
рую изъ комнатъ назначить себѣ спаль-
нею, которую жилою и гостинною, и гдѣ
назначить мѣсто для лучшаго своего на
службѣ прнобрѣтеннн и всего моего тог-
дашняго сокровнща, а именно своей би-
бліотечки. Какъ и всѣхъ, къ жилню сколь-
ко-нибудь способныхъ комнатъ было
только двѣ, а третья передняя была поч-
ти пустая и холодная, то недолго было
дѣлать мнѣ выборъ и распоряженнн. Въ
сню велѣлъ я переносить всѣ сундуки свои
съ книгами, угольную назначилъ своею
спальнею, а вкупѣ и жилою, и гостин-
ною, и столовою; а комнату, которая
всѣхъ прочихъ была еще сколько-ни-
будь освѣтлѣе и веселѣе, сдѣлалъ до
времени и заднею, и лакейскою своею, и
всѣмъ и всѣмъ.

Въ снхъ распоряженннхъ и не видалъ я,
какъ прошла оставшая часть дня и на-
ступилъ вечеръ. Я спѣшилъ тогда поужн-
пать и лечь спать, на посланной для
меня на томъ же мѣстѣ постели, гдѣ
сыпала покойная мать моя. Я надѣялся
что отъ дорожныхъ трудовъ и безпо-
койствъ, просплю я всю ночь какъ уби-
тый; но въ мысляхъ своихъ обманулъя.

Неуспѣло пройти и двухъ часовъ послѣ
того какъ я заснулъ и все въ домѣ уго-
монилось, какъ вдругъ посѣщаетъ меня
на постели моей незванная и совѣмъ не-
ожиданная гостья, пресѣкаетъ мой слад-
кнй сонъ, заставляяетъ меня съ постели
моей вскочить, будить и кликать спав-
шихъ въ комнатахъ людей и просить ихъ,
чтобъ они мнѣ, какъ умѣли, помогали въ
моей нуждѣ.

Ну! теперь думайте и гадайте, что-бы
это была за гостья; только ради Бога

не заключайте ничего худого и непристойнаго. То хотя и правда, что была то одна изъ тутошнихъ жительницъ; однако, прошу меня не обидѣть . . . была то не женщина, а госпожа — крыса, и крыса превеличайшая.

Далѣе, не подумайте, чтобъ я вскочилъ, испужавшись оной. Ахъ, нѣтъ! крысъ и мышей я никогда небаивался; а вскочить принудила меня самая неволя: ибо госпожѣ крысъ вздумалось поступить со мною какъ-то очень неучтиво и приласкать приѣзжаго въ жилище свое гостя уже слишкомъ грубо. Словомъ, думать было надобно, что была она, либо вагдуцкѣйшая изъ сихъ тварей, либо крайне голодна и нѣсколько дней ничего не ѣла: ибо судите, не дура ли она была самая и не глупѣйшая ли тварь въ свѣтѣ, что неумѣла разобрать, чтó живое тѣло и чтó мясо, но, сочтя одинъ палець руки моей, закинутой за голову и лежавшей на подушкѣ, кускомъ какого-нибудь мяса и обрадуясь, пашедъ находку сію, можетъ быть, еще въ первый разъ въ своей жизни, такъ по своей вѣрѣ его тинула и куснула, что вырвала изъ него даже цѣлый кусокъ тѣла, величиною съ большую горошину. Ну, можно ли быть глупѣе и безразсуднѣе сей пегодайки и быть такою неучтивницею противъ обладателя своего жилища?..

Однако, заплатилъ же и я ей за наглость и грубость сію такую же монеткою и доказалъ ей, что не она, а я господинъ сему жилищу. Не успѣла боль, сдѣлавшаяся отъ того, меня разбудить, какъ, почувствовавъ подлѣ уязвленнаго пальца своего пѣчто отъѣнно мягкое, не съ другого слова, схватилъ я гостью свою и такъ удачно рукою, что не могла она никакъ изъ оной вырваться, да и не имѣла къ тому и времени: ибо я въ тотъ же мигъ, взмахнувъ, такъ мужественно и сильно бросилъ ее на полъ, что она и нешкунула, но тутъ же тогда и окоула.

Пропзвѣда такое геронческое дѣло и учинивъ столь жестокое враговкѣ своей наказаніе, легъ-было я по прежнему и хотѣлъ продолжать спать, но боль руки

и лиющаяся изъ раны кровь принудила меня встать и помянутымъ образомъ раскликать спавшихъ людей, велѣть имъ принести скорѣй къ себѣ кусокъ густой грязи и сыскать какую-нибудь тряпицу для перевязанія моей раны.

Вотъ первое происшествіе, случившееся со мною по возвращеніи моемъ въ домъ изъ службы. И возможно ли!.. Во все продолженіе оной и на самомъ сраженіи не былъ я ниоднажды раненъ, а тутъ проклятая крыса такъ меня поранила и уязвила, что я нѣсколько дней принужденъ былъ ходить съ обвязаннымъ пальцемъ, и хотя не могъ тому довольно насмѣяться, но нерѣдко рана сія и докладывала мнѣ своею болью и заставляла почти охать.

На другой день собрались ко мнѣ всѣ мои крестьяне на поклонъ и нанесли мнѣ множество всякой всячины. Я, поздоровкавшись и поговоривъ со всѣми ими, пошелъ такимъ же образомъ осматривать всю свою усадьбу и всѣ знакомыя себѣ мѣста, какъ осматривалъ въ предсѣдовавшей вечеръ свои хоромы. Тутъ опять, смотря на все также другими глазами, не могъ я надивиться тому, что все казалось мнѣ спачала какъ-то слишкомъ мало, бѣдно, мизерно и далеко не таково, каковымъ привыкъ я воображать себѣ все съ малолѣтства. Всѣ вещи въ малолѣтствѣ кажутся намъ какъ-то крупнѣе и величавѣе, нежели каковы онѣ въ самомъ дѣлѣ. Прежніе мои пруды показались мнѣ тогда сущими лужицами, сады ничего незначущими и зарослыми всякою дичью, строеніе все обветшалымъ, слишкомъ бѣднымъ, малымъ и похожимъ болѣе на крестьянское, нежели на господское, и расположение всему самымъ глупымъ и безразсуднымъ.

Не успѣлъ я, обходивши всѣ мѣста, возвратиться въ хоромы, какъ нахожу въ нихъ уже первыхъ моихъ посѣтителей и гостей, пришедшихъ ко мнѣ и дождавшихся моего возвращенія. Былъ то приходскій нашъ священникъ, отецъ Иларионъ, съ братомъ своимъ, дьякономъ Иваномъ. Они, поздравляя меня съ приѣз-

домъ, не могли довольно изобразить того, какъ они были обрадованы, услышавъ о моемъ возвращеніи изъ службы, и я увѣренъ былъ, что они говорили правду. Любя обоихъ сихъ духовныхъ особъ съ моего младенчества, не престалъ я еще и тогда ихъ любить и былъ очень доволенъ посѣщеніемъ оныхъ. И какъ сіе случилось встать, то и просилъ я отца Иларіона отслужить въ домѣ моемъ тогда же благодарный молебенъ Господу Богу и, освятить воду, окропить ею все мое будущее обителище.

Съ превеликою охотою учинилъ онъ то, чего я требовалъ; а между тѣмъ, покуда посланные ходили за ризами, книгами и прочимъ, разспрашивалъ я у его обо всемъ и обо всемъ, какъ у свѣдущаго все и такого человѣка, который могъ обо всемъ подать мнѣ лучшее понятіе, нежели мои люди. Словомъ, я занялся почти весь тотъ день сими первыми и пріятными для меня гостями. Они должны были, по отслуженіи молебна, остаться у меня обѣдать, обходить со мною еще многія мѣста въ моей усадьбѣ и пробыть у меня столько, сколько мнѣ хотѣлось. И какъ отецъ Иларіонъ умѣлъ очень хорошо, важно и сладко говорить, а братъ его былъ веселаго и добраго характера и умѣлъ разговоры свои приправлять пріятными шуточками и издѣлками, то было мнѣ съ ними и не скучно; и могу сказать, что они мнѣ, какъ тогда, такъ и послѣ бывали всегда пріятными гостями, и я всегда былъ радъ, когда они ко мнѣ прихаживали.

Отъ сего-то отца Иларіона узналъ я тогда, во первыхъ, что Дворяниново наше было въ сіе время не таково пусто, какъ въ прежнюю мою бытность и что во время отсутствія моего произошли съ обоими свѣдѣями однофамильцами и родственниками моими важныя переменны. О прежнемъ моемъ ближайшемъ сосѣдѣ и родномъ братѣ отца моего, сказывалъ онъ, что старичку сему наскучило какъ-то наконецъ жить въ прежнемъ вдовствѣ своемъ, и вздумалось при старости жениться; но что женигба сія была ему неслыханно удачна, власно, какъ бы въ наказаніе

за то, что погнался онъ за однимъ достаткомъ: ибо невѣста его была хотя дѣвушка довольно достаточная, но такихъ же почти престарѣлыхъ лѣтъ, какъ и онъ; и что во время свадьбы ихъ вся еще Москва смѣялась тому, что повобрачными симъ было полтораста лѣтъ отъ роду.

Я удивился, сіе услышавъ. Но удивленіе мое увеличилось еще больше, когда, при дальнѣйшемъ распрашиваніи о томъ, кто она такая и есть ли у ней съ нимъ дѣти, отецъ Иларіонъ, разсмѣявшись, мнѣ сказалъ: «Какимъ, сударь, быть дѣтямъ!... Посмотрите-ка только тетюшку вашу, — вы удивитесь и не повѣрите, какъ это могло статься, что такому благоразумному человѣку, каковъ Матвѣй Петровичъ, вздумалось жениться на такой дряхлой, больной и такой старушкѣ, которую, вскорѣ послѣ свадьбы, расшибъ и парализъ, и которая и понынѣ, и съ самаго того времени безъ языка и не можетъ выговорить ни одного слова?»

— Чтò вы говорите! воскликнулъ я, удивившись. Ахъ, какая диковинка!.. Но въ домѣ ли они и здѣсь ли теперь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ отецъ Иларіонъ; а оба они теперь въ Москвѣ и живутъ у брата ея господина Павлова, весьма зажиточнаго человѣка».

— Жаль же мнѣ, сказалъ я, что я этого не зналъ; а то повидался бы съ ними въ Москвѣ, ѣхавши чрезъ оную.

— «Это вы еще успѣете сдѣлать, отвѣчалъ мнѣ отецъ Иларіонъ. Они живутъ безсѣздно въ Москвѣ, а особливо въ зимнее время; и какъ вы поѣдете, надѣюсь, въ оную для коронаціи государыни, которал, какъ говорятъ, въ нынѣшнемъ же мѣсяцѣ воспослѣдуетъ, то и можете, не только имъ, но и всему ихъ житію и быттю и семейству досыта насмотрѣться и надивиться».

Что касается до другого моего однофамильца и родственника, живущаго также въ одной со мною деревнѣ, и который доводился мнѣ внучатной дѣдъ и былъ самый тотъ, у котораго бывалъ я въ прежнюю мою въ Петербургѣ бытность, и о которомъ я имѣлъ уже случай вамъ упо-

минать, то, сказывалъ, отецъ Иларіонъ, что и сей, будучи изъ полковниковъ пожалованъ генераль-майоромъ, находился потомъ нѣсколько лѣтъ смычкомъ воровъ и разбойниковъ въ Пижнемъ-Новгородѣ; и наконецъ, будучи отставленъ и получивъ генераль-поручицкой штатской чинъ, живетъ уже нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ и въ здѣшнемъ домѣ дѣдовъ и отцовъ своихъ.

— Во, во, во, сказала я, удивившись; такъ и у насъ теперь завелись здѣсь пресвосходительные и генералы! Ну, слава Богу!... Но не вздумалось ли и сему также па старости жепиться, какъ и моему дя-дюшкѣ?

— «Конечно, отвѣчалъ мнѣ отецъ Иларіонъ. Но сей, по крайней мѣрѣ, взялъ уже за себя хотя вдову, по гораздо уже и подостаточнѣе и помоложе, и всѣмъ и всѣмъ получше, и Софья Ивановна у насъ боярыня изрядная и хоть бы куда. Но самому-то ему деревенская жизнь какъ-то неосчастливилась»...

— А что такое? спросилъ я.

— «Отрѣзали какъ-то изъ окошка изъ штуцара, отвѣчалъ овъ мнѣ: и штуцаръ этотъ разорвало и повредило ему такъ руку, что остался у него на ней одинъ только указательный палецъ, а прочіе всѣ лекаря принуждены были отрѣзывать, и насилу насилу могли залечить. Нѣсколько педѣлъ принужденъ овъ былъ жить для сего въ Тулѣ, но и теперь еще носить ее всю обвязанную».

— «Что вы говорите! воскликнулъ я, удивившись. Ахъ, какое несчастіе! И вотъ другой примѣръ на глазахъ моихъ, что человекъ цѣлый вѣкъ служилъ, бывалъ на войнахъ и въ сраженіяхъ, но нигдѣ не былъ раненъ и поврежденъ, а наконецъ, прѣхавъ домой на покой, претерпѣваетъ какое несчастіе!»—Потомъ разсказала я отцу Иларіону то, что случилось на дорогѣ съ господиномъ Федю-нымъ и что довелось мнѣ самому видѣть.

Наконецъ, на вопросъ: дома ли сей генераль тогда находился? сказала мнѣ отецъ Иларіонъ: «Дома, сударь. И гдѣ же имъ быть? Овъ нигуда почти не ѣздитъ; и толь-

ко изрѣдка кое-когда бываетъ у сестрицы своей Варвары Матвѣевны Темерязе-вой».

— А жива еще сія милая старушка? спросилъ я.

— «Жива еще и все такова же, отвѣчалъ овъ. И мы сегодня же еще ее видѣли, заходя давеча на часокъ къ Никитѣ Матвѣевичу. И они всѣ еще изъявляли великую радость о вашемъ приѣздѣ, и усердно желаютъ васъ видѣть, а особли-во генеральша».

— Что таково? коснулся я, удивившись.

— «Такъ-таки, отвѣчалъ мнѣ отецъ Иларіонъ: люди вы еще незнакомые и она еще повой человекъ; такъ хочетъ васъ видѣть и съ вами познакомиться. А легко-статься можетъ, что и другое что-нибудь ниѣтъ на мысляхъ».

— А что-бы такое это было? спросилъ я съ родившимся во мнѣ тотчасъ и прелепкимъ любопытствомъ.

— «Богъ знаетъ! сказалъ отецъ Иларіонъ усмѣхнувшись. Можетъ быть я и обманываюсь и она мыслей такихъ и не ниѣтъ; но по натуральности судя, быть это легко можетъ. У ней есть отъ перваго мужа дѣти, сынъ да дочь, и сія живетъ при ней, и дѣвушка изрядная и поспѣваетъ въ невѣсты; а вы, батюшка, человекъ также молодой, холостой, достаточный; прѣехали теперь въ отставку, и вамъ не одному же жить въ деревнѣ, а натурально, надобно будетъ помышлять и о томъ, чтобъ нажить себѣ и хозяйшку. Ну, такъ судите сами, милостивый государь, не легко ли статься можетъ, что спознакомившись съ вами, не захочетъ ли она попрочить васъ ей въ женку? Ей, какъ матери, то и натурально».

— Во, во, во, сказала я. Этого я всего не вѣдала; и хорошо, батюшка, что вы мнѣ это сказали. Я очень вамъ за то благодарна.

— «Однако, отвѣчалъ мнѣ отецъ Иларіонъ: невѣста, не невѣста, а вамъ, батюшка, отбѣгать отъ нихъ невадно. Люди они старые, почтенные и вамъ, хотя дальные, но все родственники».

— Конечно, сказалъ я. Мой и первый выѣздъ будетъ къ нимъ; и какъ-скоро осмотрюсь, то и побываю у нихъ.

Послѣ того говорили мы о другихъ мѣстахъ дальнихъ родственникахъ, жившихъ у меня не въ дальнемъ сосѣдствѣ. Но всѣ они были уже тогда въ царствѣ мертвыхъ, изъ всѣхъ ихъ былъ почти только одинъ, но имени Захарій Ѳедоровичъ Каверинъ, жившій тогда отъ меня неподалеку. Сей добренькой и мягкодушный старичокъ доводился мнѣ по матери внучатымъ дядею и былъ мнѣ очень знакомъ. Онъ служилъ въ послѣднее время въ одномъ со мною полку, и будучи секундъ-майоромъ, оставался съ батальономъ въ Кенигсбергѣ, гдѣ я его нерѣдко видалъ, и какъ онъ былъ тамъ и съ женою своею, и дѣтьми, то не одинъ разъ случалось мнѣ бывать у нихъ и на квартирѣ и обходиться съ ними, какъ родными. Я очень радъ былъ, узнавъ, что находился уже онъ также, почти въ отставкѣ и жилъ тогда съ женою и дѣтьми своими въ маленькомъ своемъ домикѣ въ селѣ Каверинѣ, и пожелалъ возобновить съ нимъ прежнее знакомство.

Кромѣ сего, сказывалъ мнѣ отецъ Иларіонъ, что жива была еще и та любезная старушка, Матрена Ивановна Аникеева, которая была родная сестра дяди моего, г. Арсеньева, а мнѣ тетка, и которую, за добрый ея и ласковый характеръ, любилъ я съ самаго еще младенчества. Я пожелалъ и съ нею повидаться, какъ скоро только мнѣ возможно будетъ, и жалѣлъ только, что жила она отъ меня недалеко, и верстъ за сорокъ отъ моего селенія, подъ Каширою, и мнѣ часто съ нею видаться было не можно.

Въ сихъ не многихъ особахъ состояли въ сіе время всѣ, близъ меня живущіе, мои родственники. А изъ живущихъ дальнѣ известнѣе былъ мнѣ еще одинъ, изъ фамиліи господъ Бакѣевыхъ, а по имени Василій Никитичъ, который доводился матери моеи внучатный братъ, но былъ ею отчѣнно почитаемъ. Но какъ сей находился еще въ службѣ и служилъ въ Москвѣ при полиціи, то и неслуча-

лось мнѣ до того времени никогда его еще видать. Слѣдовательно, и зналъ я его по одному только имени, и потому, что онъ неоставлялъ насъ при разныхъ случаяхъ своими вспоможеніями, и между прочимъ и самымъ переводомъ ко мнѣ денегъ изъ деревни въ Петербургъ. Съ симъ своимъ дальнимъ родственникомъ положилъ я также, при первой ѣздѣ своей въ Москву, познакомиться; и тѣмъ паче, что доброту его характера всѣ не могли мнѣ довольно выхвалить.

Я непремпулъ также распросить отца Иларіона и обо всѣхъ прочихъ сосѣдяхъ, живущихъ отъ меня неподалеку, и съ которыми, какъ думалъ, подлежало мнѣ современемъ познакомиться. И онъ не только извѣстилъ меня объ нихъ, но и описалъ ихъ и характеры, сколько могъ, и поколику они самому ему были извѣстны, и всѣмъ тѣмъ услужилъ мнѣ такъ, что я былъ имъ очень доволенъ, и отпустилъ отъ себя, благодаря искренно за сіе посѣщеніе.

Въ семь собесѣдованій съ отцемъ Иларіономъ препроводилъ я съ удовольствіемъ большую часть перваго дня моеи деревенской жизни. По ушествіи же его, ходилъ я еще разъ по всѣмъ мѣстамъ моеи усадьбы: посѣтилъ свое господское гумно, полюбовался многими скирдами, складенными вновь изъ своженнаго хлѣба, обходилъ всѣ роши.

Но паче всего хотѣлось мнѣ походить по остаткамъ старинныхъ нашихъ садовъ и поразсмотрѣть пристальнѣе тогдашнее ихъ, весьма жалкое и незавидное состояніе: ибо охота къ нимъ начинала уже тогда во мнѣ рождаться. И я, ѣдучи еще дорогою, помышлялъ многожды о томъ, какъ бы мнѣ ихъ поправить и привести въ лучшее и такое состояніе, чтобъ мнѣ можно было въ нихъ съ удовольствіемъ проводить время въ своемъ сельскомъ уединеніи. И какъ мнѣ часть сія хозяйства столь же мало, или еще меньше была извѣстна нежели всѣ прочія, то, для самаго того, въ проѣздъ свой чрезъ Москву, и запася я нѣсколькими иностранными, до садоводства относящимися, кни-

гамн, изъ которыхъ вознамѣривался я искусству сему учиться. Паче же всего, любопытствъ я былъ видѣть младшій изъ всѣхъ нашихъ садовъ и тотъ, о которомъ писалъ я еще изъ Кёнигсберга къ своему бывшему дядкѣ, чтобъ онъ мнѣ его, по посланному тогда къ нему рисунку, превратилъ въ регулярный.

Но въ какомъ состояннн нашелъ я оныя и другія мѣста въ моей усадьбѣ, о томъ услышите вы въ письмѣ послѣдующемъ, которое къ тому назначаю я въ особенности, а теперешнее, какъ довольно увеличившееся, симъ кончу, сказавъ вамъ, что я есмь и прочая.

СОСТОЯННН МОЕГО ДОМА И ДЕРЕВНН.

Письмо 102-е.

Любезный пріятель! Вотъ письмо, о которомъ предварительно вамъ сказываю, что оно для насъ будетъ скучнѣе всѣхъ прочихъ, и таково, что я вамъ отдаю на волю: хотите вы его читайте, хотите нѣтъ, я оставляю сіе моимъ потомкамъ. Для коихъ наиболѣе я его назначаю. Симъ, какъ думаю, будетъ оно довольно любопытно и интересно: ибо въ ономъ положилъ я описать въ подробности все тогдашнее состоянн моего дома, садовъ и прочихъ частей усадьбы, дабы могли они видѣть, въ какомъ положенн и состоянн было все мое жилище и усадьба въ старину и при моихъ предкахъ, ибо въ такомъ точно и засталъ я тогда все оное; а изъ сего тѣмъ яснѣе потому усмотрѣть всѣ дѣланныя мною, отъ времени до времени, разныя перемѣны и превращенія. Словомъ, я опишу все тогдашнее наше прямо наипростѣйшее и самое почти бѣдное, мизрное и ничего незначащее деревенское обиталище, и для лучшаго объясненія приобщивъ къ тому и чертежъ всему моему двору и всей моей усадьбѣ, буду на него, при описанн моемъ, ссылаться и вкупѣ сказывать, что на тѣхъ мѣстахъ находятся нынѣ.

Итакъ, приступая теперь къ сему предпріятію, за которое, можетъ быть, любопытнѣйшіе изъ потомковъ моихъ ска-

жутъ мнѣ спасибо. начну съ моего господскаго тогдашняго дома, въ которомъ я, по особенной милости ко мнѣ Господней, имѣлъ счастье родиться.

Домъ сей нашелъ я въ томъ же состоянн, въ какомъ оставилъ его, отъѣзжая на службу, и котораго какъ наружный видъ, такъ и внутреннее расположенн имѣлъ я уже случай вамъ описать и изобразить рисункомъ въ одномъ изъ предѣлующихъ моихъ писемъ *). Вся разница состояла въ томъ, что онъ, будучи и безъ того очень старъ и построенъ за многія десятки лѣтъ еще до рожденія моего, и стоявши во все время продолженія моей военной службы въ запустѣнн, еще болѣе одревнѣлъ и былъ тогда самая милая старина, удрученная только тягостію протекшихъ многихъ лѣтъ, что нашелъ я его почти вросшимъ въ землю, и столь низкимъ, что изъ ннхъ оконъ можно было доставать рукою до земли самой: а драицы, которыми онъ по старинному обыкновенн покрытъ былъ, поросли уже всѣ густымъ зеленымъ мохомъ и скрывали подъ собою прывысокой и просторной чердакъ, служившій нѣкогда вмѣсто кладовыхъ, для поклажи всякой всячины, а особливо, по милому древнему обыкновенн, яблокъ и грушъ въ одиав рядокъ на разостланной соломѣ. Маленькая, дождями размытая и почти развалившаяся труба, торчала только одна изъ поспѣвшеи кровли и служила обиталищемъ галкамъ.

Домъ сей (1 **), каковъ ни старъ и ни простъ былъ, но мысли, что жилали въ немъ мои предки и что я самъ впервые въ ономъ (сталъ) дышать воздухомъ; также, воспоминанн пріятныхъ дней младенчества и юности, препровожденныхъ въ ономъ, дѣлали мнѣ его и тогда еще милымъ и любезнымъ. Онъ стоялъ въ сіе время между обоихъ дворовъ, передъ нго и задняго, занималъ собою весь нижній фавъ, такъ называемаго, перед-

*) См. письмо 15-е во II-й части томъ I стр. 134.

А. В.

**) См. число сіе въ рисункѣ, равно какъ и всѣ прочія, означенныя въ скобкахъ.

А. В.

ора (2), и прикасался однимъ и концомъ къ старинному садику медковъ.

Мѣсто сіе, гдѣ онъ стоялъ, лежреди двора моего, противъ саменныхъ хоромцевъ и погреба, что никакимъ строеніемъ. Оно о и любезно еще и понынѣ. И лежитъ въ виду изъ оконъ монета, то нерѣдко и нынѣ еще, рѣ дней своихъ, смотря на оное, ось я мыслями и воображеніями гдѣ юности и младенчества вспоминаю все тогда бывшее, цюсь и понынѣ еще удовольствіями го златого вѣка, и оканчивая зглядомъ на извѣстное мнѣ еще ое мѣсто, гдѣ я родился и блазъ вздохомъ ко Творцу моему по велѣнію Его родился я тутъ, иномъ какомъ мѣстѣ и не покихъ какихъ народовъ и въ бѣдъ въ нѣдрахъ земли христіанской дителей, доставшихъ мнѣ и въ г уже безчисленныя преимущеждъ многими милліонами другихъ; выхъ мнѣ тварей и обитателей в.

исается до помянутаго передняго аго двора, то былъ онъ самый в, и отъ малой ходьбы по оному, рослый мягкою муравою и чимализиѣ его можно по тому су) весь нижній его фасъ и западъ занимали наши хоромы съ кро. огородкомъ предъ окнами, въ ма (3); а немногимъ чѣмъ больи вся длина его. Совсѣмъ-тѣмъ, гѣтствѣ казался онъ мнѣ превс. И я и понынѣ еще, смотря на о, вспоминаю нерѣдко и съ удожмъ тѣ дни, когда строивалъ я въ зимнее время изъ сѣнга го-башнями и воротами, и препро-ивогда время свое въ певин-тскихъ разныхъ играхъ и заба-особливо въ играніи съ братомъ зюроднымъ и множествомъ ре-ь, въ любезную нашу килку или игру, требовавшую великое вни-

маніе и расторопность, и увеселявшую насъ до чрезвычайности. Впрочемъ, мѣсто сіе и нынѣ ничѣмъ незанято, но составляетъ уже только четвертую часть двора моего.

Вплоть подлѣ самыхъ почти хоромъ и передъ крыльцомъ оныхъ, стояли тогда питательницы предковъ моихъ или хлѣбныя ихъ житницы и амбары (4). Они неуступали хоромамъ ни престарѣlostію своею, ни дряхlostію. Ихъ было три. Всѣ они стояли рядомъ, и о двухъ изъ нихъ не знали и старики самые, когда и кѣмъ изъ предковъ моихъ были они строены. Превеликія и толстыя плиты, взгромощенные другъ на друга, лежали противъ первыхъ двухъ и служили вмѣсто крылецъ, для удобнѣйшаго вхожденія на присѣнки оныхъ; а чугунная доска висѣла подъ навѣсами сихъ присѣнковъ, долженствовавшая всякую ночь звукомъ своимъ наводить страхъ ворамъ и крысамъ, а хозяевъ удостовѣрять о бѣднѣи караульщиконъ. Всѣ сіи наиважнѣйшія въ тогдашнія времена зданія покрыты были уже и въ древность самую тесомъ. Но какъ оный отъ древности весь изтрупарѣшилъ, то солома должна была прикрывать оный и составлять кровлю на сихъ зданіяхъ, не болѣе какъ сажень на пять отъ хоромъ отдаленныхъ. Одни только маленькія низенькія рѣшетчатыя дверцы въ садъ, съ двумя небольшими по обѣимъ сторонамъ звеньями таковой же негодной рѣшетки, отдѣляли оныя только отъ хоромъ, и служили входомъ въ садъ господской, который въ старину толико уважался, что запечатывался въ лѣтнее время восковою печатью, — что мнѣ памятно еще съ малолѣтства, и болѣе потому, что для меня удивительно было то, что воскъ, будучи сначала желтымъ, въ короткое время побѣлѣвъ на воздухѣ, превращался въ такъ-называемый — ярый или бѣлой, чему я тогда не зналъ причины. Впрочемъ, житницы сіи стояли на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ моя конюшня и сарай каретный и, составляя сѣверный бокъ двора передняго, стояли тутъ такъ давно, что, какъ

за нѣсколько лѣтъ до сего, вздумалось мнѣ, для опростанія сего мѣста, перенести ихъ на улицу за дворъ, то нашлось подъ ними такое множество нагнившей, изъ одного сыпавшагося изъ нихъ хлѣба и сора, доброй земли, что, при сгребаніи оной, насыпали мнѣ изъ нея цѣлую гору въ саду, за ними находившемся.

Весь третій бокъ помянутаго передняго двора занималъ собою старинный нашъ не каретный, а колясочный сарай (5): ибо каретъ тогда еще не знавали. Онъ покрытъ былъ также соломою, и стоитъ еще и по нынѣ на томъ же мѣстѣ и довольно еще крѣпокъ, хотя тому уже болѣе ста лѣтъ, какъ онъ построенъ.

Вплоть подлѣ сего и въ углу сего передняго фаса были наши старинныя большія и главныя на дворъ ворота (6), съ толстыми рѣзными разными вычурами верями и превеликою калиткою. Онѣ имѣли на себѣ превеликую и преширокую, но старинному обыкновенію, кровлю, открытую тесомъ, и отъ древности, такъ много обросшимъ зеленымъ мохомъ, что былъ почти непримѣтенъ.

Вплоть подлѣ ихъ стояла на самомъ углу двора сего одна изъ нашихъ людскихъ избъ, называемая переднею (7). Она была хотя вкупѣ жилищемъ моего прикащика, но краснаго окна не имѣла у себя ни одного—тогда мало еще обихъ знавали—а была она черная и точно такая же, какія бывають у крестьянъ нашихъ.

Симъ образомъ огражденъ былъ мой господскій дворъ со всѣхъ трехъ сторонъ сплошнымъ и непрерывнымъ строеніемъ. Чтожь касается до четвертой, то съ сей стороны отдѣлялся онъ отъ другого, и такъ-называемаго задняго двора, простенькою рѣшеткою; и одна только небольшая и высокая конюшня съ 4-мя стойлами занимала собою часть сего фаса и стояла вплоть подлѣ избы помянутой (8).

Вотъ вамъ описаніе всего передняго двора господскаго. Теперь опишу такимъ же образомъ старинный нашъ задній дворъ (9). Оный былъ уже гораздо больше не-

редняго, но не столь порядочный, а нерегулярный, узкій, протянутый въ длину по берегу крутой нашей Осиповской вершины, загнувшійся потомъ кругомъ хоромъ глаголемъ и оныхъ, съ двухъ лучшихъ сторонъ, какъ-то, съ полуденной и западной, огибающій собою. Онъ былъ наибеспорядочнѣйшій въ свѣтѣ, загромощенъ множествомъ всякаго рода мелкихъ и простѣйшихъ строеній, засоренъ навозомъ и всякимъ дрягломъ и соромъ, и освѣненъ съ полуденной стороны нѣсколькими старинными большими престолистыми дубами, видѣвшими еще самыхъ пращедовъ нашихъ. Многія другія деревья, выросшія вмѣстѣ съ ними на берегахъ помянутаго каменистаго буерья, сотворществовали онымъ и закрывали собою всю сію полуденную сторону; а насажденная за ними высокая березовая роща придавала еще болѣе густоты и дѣлала съ сей стороны и домъ и дворъ нашъ совсѣмъ невидимымъ.

Начало свое воспринималъ сей задній дворъ отъ помянутой нашей верхней или передней избы, подлѣ которой былъ и передній выѣздъ на него особыми воротами (10). Рядъ людскихъ клѣтѣй, пунекъ и закутъ ограждалъ его отъ улицы, а подлѣ ихъ, къ вершицѣ находились наши скотскіе дворы: и сперва (11) овчарникъ, а тамъ коровникъ (12). Къ симъ примыкалъ сарай для разной поклажи (13), а подлѣ нимъ теплый погребъ, съ предлиннымъ каменнымъ выходомъ, и самый тотъ же, который, хотя въ превратномъ видѣ, но существуетъ и понынѣ; а подлѣ его старинный нашъ ледникъ (14); а позадь оныхъ тотъ же самый рядъ людскихъ клѣтѣй и приклѣтовъ, который стоитъ еще и понынѣ и служилъ двору моему огражденіемъ отъ вершины. Но подлѣ ледника и вплоть почти стояла тогда другая людская изба, называемая среднею, походившая еще болѣе передней на крестьянскую (15), а вплоть подлѣ ея находилась нашъ конный или лошадиный дворъ, или, какъ встарину было обыкновеніе называть, воръ (16), построенный на углу двора, къ вер-

лннѣ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ наша кухня.

Наконецъ, заднюю сторону двора всего и наилучшее мѣсто во всей усадьбѣ и самое то, гдѣ построилъ я потомъ нынѣшній домъ свой, занималъ собою небольшую овощную огородецъ (17), съ отдѣленнымъ отъ него пчельничкомъ (18) и его ошенинкомъ. Задній же выѣздъ съ сего двора былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ ткацкая; а тогда тутъ стояла третья лачуга (19), называемая нижнею избой, и которая была еще хуже и мизирнѣе обихъ прочихъ и ворота были вплотъ подлѣ ей (20), между ею и огородомъ, огражденнымъ высокими плетнемъ. А пристроенныя къ ней клѣтушки, пунки и закуты и разныя другія хибарки въ заворотъ къ хоромамъ, составляли послѣдній боковой фасъ двора сего и заграждали его отъ сада. Всѣ они примыкали къ такъ называемой изстаря черной горницѣ (21), стоявшей подлѣ самага задняго крыльца изъ хоромъ и составлявшей и кухню нашу, и прясѣвню, и жилище бывшаго моего дядьки съ его семействомъ и всѣхъ бывавшихъ на сѣняхъ.

Вотъ вамъ описаніе всего моего тогдашняго господскаго, и прямо можно сказать бѣднаго и совсѣмъ разстроеннаго, во всѣхъ частяхъ обветшалаго и развалиннагося дворшца: ибо какъ было уже около двадцати лѣтъ, какъ въ ономъ ничего вновь строено и переправлено не было, а все предано одному теченію природы, то и натурально долженствовало все опуститься и обвалиться. Самъ я во все сіе время находился въ малолѣтствѣ и въ службѣ, а домоправители во все сіе время были таковы, что они всего меньше о такихъ поправленіяхъ помышляли, а наблюдали болѣе свое спокойство и карманы. А какъ присовокуплялись къ тому и деревенскія браги, то и по давню о такихъ поправленіяхъ всего нужнаго въ домоводствѣ помышлять было некогда и недосузно; а отъ меня они къ тому приказаніевъ не получали.

А каковъ былъ мой дворъ, таковы же были и всѣ прочія немногія господскія
примечанія къ русской старинѣ 1871 г.

зданія, разбросанныя кой-гдѣ по моей усадьбѣ. Самая сія была, какъ изстаря, такъ и тогда очень-очень тѣсновата, и не простиралась ни на шагъ черезъ вершину и заируды наши. Сія ограждали все наше жилище съ сей стороны отъ полей хлѣбныхъ, примыкавшихъ тогда вплотъ къ вершинѣ: ибо, въ нынѣшняго гумна моего, ни риги, ни сада, ни сарая тамъ еще не было; а была только одна березовая большая роца (22), что на клину насажденная покойною матерью моею до моего еще рожденія на ближней полевой землѣ. Вся она сначала не имѣла въ себѣ болѣе полудесятины, ибо столько случилось у насъ тутъ самой ближней земли. Но, какъ смотря на нее, восхотѣлось тутъ же роцу насадить и деверю ея, а моему дядѣ и зацять тѣмъ и другую полнину, ему принадлежавшую: а сверхъ того запущенъ былъ подъ нее клинъ земли къ самой вершинѣ, который принадлежалъ намъ вообще, то чрезъ самое то она и увеличилась.

Что касается до прудовъ, то было ихъ тогда только два, изъ коихъ одинъ назывался нижнимъ (23), а другой верхнимъ (24). Оба они составляли почти лужицы, оба сдѣланы были еще въ самой древности, и тѣми изъ предковъ моихъ, которые первые основали тутъ свое жилище, и оба, будучи многіе годы нечищены, были запыльными почти тиною и грязью, и требовали себѣ поправки и возобновленія.

И уже упомянуть, что за сими прудами не было у насъ уже ничего, а по сю сторону прогнвъ плотины верхняго пруда стояли у насъ господскіе овины съ своими токами и половнями. Ихъ было у насъ только два (25, 26.) и оба ничѣмъ недлучше и непроторнѣе крестьянскихъ. Они стояли рядомъ, а сарай или подонни, въ которыхъ собирался мелкій гуменный кормъ и солома, были и того еще ближе ко двору (27, 28) и посреди улицы. Самый же хлѣбникъ или скирдникъ былъ дагѣ за овинами, и отдѣленъ отъ нихъ небольшою рощицею, изъ немногихъ большихъ и разныхъ де-

ревъ состоявшей, и бывшій въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь у меня вишенный садъ за пчельникомъ (29). Рвы, которыми сей хлѣбникъ былъ окопанъ, видны отчасти и понинѣ, хотя мѣсто сіе служить теперь намъ вмѣсто огорода, и снабжаетъ меня табакомъ и масломъ и другими огородными продуктами.

Позады гуна сего, къ полю, находилась у насъ тогда наша, такъ-называемая, молодая роща (30). Она прикрывала съ сѣверо-восточной стороны всю нашу усадьбу, и защищала ее отъ бурь и мятелей. Покойная мать моя садила ее сама, и я запомню, какъ она была еще маленькая, и какъ ее еще поливали бабы, хотя протекло уже послѣ того много лѣтъ.

Отъ сей рощи до самаго двора моего простирался большой нашъ конопляникъ, занимавшій тогда все то мѣсто, которое теперь подъ моимъ верхнимъ садомъ (31). По всему видимому, мѣсто сіе было уже изъ самой древности назначено и употребляемо подъ посѣвъ господскихъ и людскихъ коноплей, было огорожено кругомъ кой-какими плетнишками и почитаемо столь свято, что сама покойная мать моя едва въ силахъ была отважиться оторвать отъ конопляника сего самый маленькій и ближній ко двору уголокъ и засадить оный нѣсколькими десятками яблоней и другими садовыми деревьями.

Маленькій сей садикъ, бывшій любимымъ у покойной моей матери и у самого меня въ малолѣтствѣ, находился въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь у меня спаржа (32), и былъ самый тотъ, о которомъ писалъ я домой еще изъ Кёнигсберга, чтобъ его распространить, увеличить и насадить въ него еще болѣе всякаго рода садовыхъ деревъ, сдѣлать его регулярнымъ. Коммиссія сія поручена была отъ меня прежде бывшему моему дядкѣ, какъ человеку, могущему разобратъ посланный тогда къ нему отъ меня расположенію сада сего прожектъ и рисунокъ, — что имъ, сколько умѣлось, и произведено было въ дѣйство. А потому и занималъ уже сей садъ тогда цѣлую

треть поманутаго большого конопляника. И я еще очень любознѣтель былъ видѣть, какъ дядька мой произвелъ сіе дѣло и положилъ всему регулярству моихъ прежнихъ садовъ первое основаніе.

Но удовольствіе мое было гораздо меньше мною напередъ воображаемаго: ибо, хотя и нашелъ я его насажденнымъ такъ, какъ мною было предписано, хотя безъ наблюденія точной во всемъ мѣры и пропорціи, но заросшимъ такъ всякимъ дрягомъ и травой, что не было почти нигдѣ и по самымъ дорожкамъ его прохода. А притомъ и деревья всѣ были въ слабости и дурномъ состояніи и не совсѣмъ еще укоренившіяся.

Садъ сей отдѣлился отъ двора и отъ другого сада узкимъ и изстари грязнымъ проѣзжимъ проулкомъ, который на самомъ томъ же мѣстѣ существуетъ и понинѣ. Покойная родительница моя осадила оный березками и другими деревьями съ обонхъ божовъ; и нѣкоторыя изъ березъ сихъ и понинѣ еще растутъ и, украшая собою мой дворъ, нерѣдко утѣшаютъ меня въ зимнее время прекрасными видами и позлащенными отъ солнца верхами своими.

Поманутый другой и самый главный садъ лежалъ по другую сторону поманутаго проулка, и прилегалъ къ сѣверному боку всего двора моего (33). Сей садъ былъ самый старинный, и никто изъ жившихъ тогда не зналъ и не помнилъ — кѣмъ и когда онъ насажденъ и тутъ заведенъ былъ. То только мнѣ известно, что онъ и тогда еще, какъ я началъ себя помнить, былъ уже престарѣлымъ и большимъ: почему и заключаю я, что первѣйшее основаніе положено ему, либо еще прапрадѣдомъ моимъ, Осипомъ Ерофеевичемъ, либо прадѣдомъ, Иларіономъ Осиповичемъ, какъ первыми мѣста сего обитателями.

Впрочемъ, какииъ садъ сей въ малолѣтствѣ моемъ ни казался мнѣ огромнымъ, но тогда нашелъ я и его не только малымъ, но и ничего незначащимъ. Весь онъ не занималъ и полудесятину собою; былъ очень узокъ и отдѣлился

только плетень отъ сада дяди моего. Плодовитыхъ деревьевъ имѣлъ онъ въ себѣ очень мало: ибо старинныя почти всѣ уже кончили свой вѣкъ и остались изъ нихъ весьма только немногія; а вновь посаженныхъ было также очень немного. Напротивъ того, разнаго рода дикихъ деревь, а особливо березъ и осинъ, которыми онъ въ послѣдніе годы по своей волѣ заросталъ, было такъ много, что и тогда уже былъ онъ способенъ къ сдѣланію изъ него сада аглицкаго, и можно бы было сдѣлать еще лучшій, нежели какой сдѣлалъ я изъ него въ послѣдніи времена.

Впрочемъ, длиною своею простирался онъ отъ помянутаго проулка до самаго ребра горы къ рѣчкѣ, ниже двора моего находящейся. Маленькая и ни къ чему годная сажелка, выкопанная, какъ думаешь, надобно, также первѣйшими еще изъ моихъ предковъ и отъ долгого времени вся запылавшая и заросшая тиною (34) и небольшая черная банишка, поставленная въ саду на берегу оной (35), находились на семь нижнемъ краю сего сада и занимала собою сіе наилучшее и прекраснѣйшее мѣсто во всей усадьбѣ; но тогда было оно самое презрѣннѣйшее и худшее. Одинъ только, стоявшій на берегу сей лужицы, престарѣлый и едва уже дышущій дубъ ознаменовалъ оное и нкупѣ древность сего произведенія рукъ человѣческихъ.

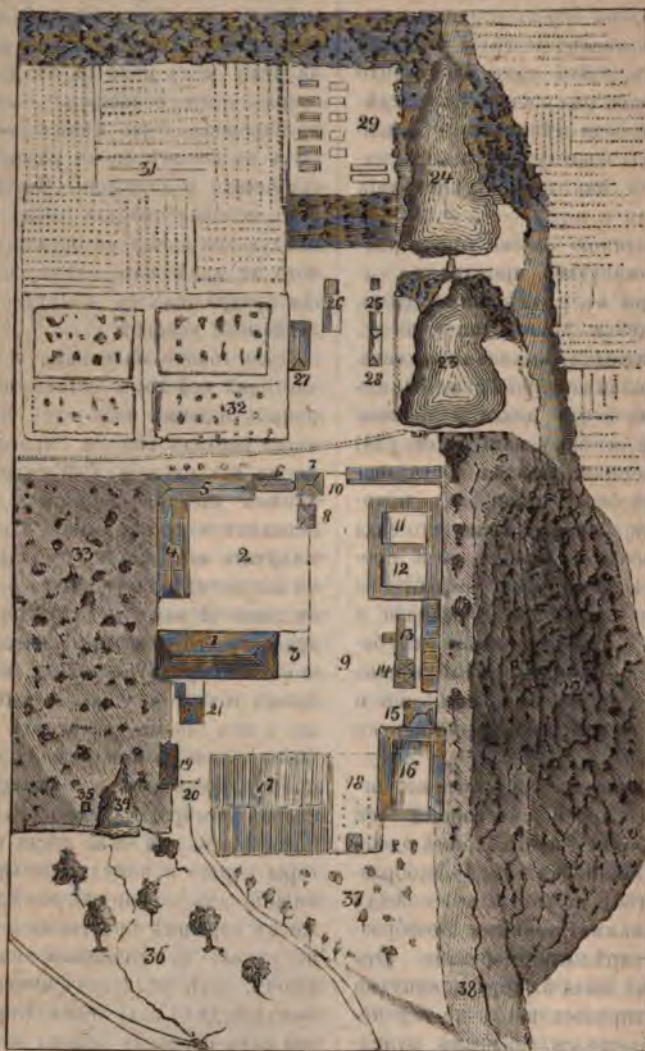
За сею сажелкою и за плетнемъ, ограждающимъ садъ сей, съ стороны этой не было уже болѣе ничего, кромѣ одной крутой, искривленной и самой безобразнѣйшей горы (36), съ растущими кой-гдѣ по ней превеликими кривыми безобразными и престарѣлыми березами. Отъ того мѣста, гдѣ была на горѣ помянутая сажелка, простиралось внизъ по ней небольшое углубленіе съ грязнымъ ручейкомъ, на которомъ, въ самомъ низу и тамъ, гдѣ у меня нынѣ вечерняя (?) сидѣлка и карпная сажелка, была подъ большимъ и дряхлою лозою небольшая тонкая и непроходимая яма, въ которой мачивали старики наши пеньку свою.

Двѣ косыя, крутыя и скверныя дороги пресекали скверную гору сію въскось. И одна изъ нихъ шла внизу мимо всей моей усадьбы на дворъ, къ живущему подлѣ меня дядѣ моему; а другая проложена была снизу по крутой косинѣ горы ко мнѣ на дворъ и была такъ крута и дуриа, что по ней въ повозкахъ съѣзжать никакъ было не можно, а гонялся только по ней скотъ на рѣку и въ поля въ лѣтнее время. А сверхъ того нещедра была вся сія прескверная гора множественномъ пробитыхъ по косинѣ ея въ разныхъ мѣстахъ тропинокъ и дорожекъ. Что все замѣчаю я въ особенности для того, что въ послѣдующее время не осталось изъ всего того ни малѣйшаго слѣда; но вся гора сія превращена въ наилучшее мѣсто во всей моей усадьбѣ.

Одна только маленькая и крутѣйшая частичка сей горы занята была еще стариками нашими подъ садъ, котораго остатки засталъ еще я, при возвращеніи моемъ изъ службы. Сей садъ (37), называемый изетари нижнимъ, былъ очень невеликъ и простирался только отъ помянутаго огорода, подлѣ двора бывшаго, по косую съѣздную нашу дорогу внизъ съ горы. И какъ подлѣ плетня, ограждающаго его отъ горы, посажены были покойною родигельницею моею и въ самый тотъ годъ какъ я родился, березки, и изъ оныхъ три стоятъ еще и нынѣ и одна въ наилучшемъ мѣстѣ предъ окнами моего дома и служащая мнѣ вмѣсто вѣтромѣра, то и могутъ онѣ собою доказывать, гдѣ была тогда съѣздная съ горы дорога и куда простирался нашъ нижній садъ, по горѣ къ рѣчкѣ. Въ сторону же къ вершинѣ простирался онъ вилоть по ручей, и старинныя нашъ лучшій ключъ, извѣстный подъ именемъ Течки, былъ всегда въ саду этомъ. Впрочемъ, весь сей садъ состоялъ только изъ немногихъ старинныхъ и ни къ чему годныхъ яблоней, разбросанныхъ по самой крутвиѣ горы; а внизу, гдѣ онъ оканчивался и гдѣ теперь вершинная сажелка, бывала у насъ на ручей и колодезь винокурня деревенская (38).

Вотъ вамъ подробное описаніе всего моего обиталища, которое, по всей справедливости, было незавидно и миломнѣ только потому, что я тутъ родился и жилъ по нѣскольку времени въ моемъ младенчествѣ и въ малолѣтствѣ. А впрочемъ было

таковы же точно и ничѣмъ недлучше были и оба сосѣдскіе господскіе дома въ нашей деревнѣ. А всего удивительнѣе было то, что и самое расположеніе внутреннихъ комнатъ было во всѣхъ домахъ одинаково: власно такъ, какъ бы старики

не только наипростѣйшее въ свѣтѣ, но требовавшее во всѣхъ частяхъ своихъ переправки, а въ иныхъ и совершеннаго переворота.

А каковъ былъ мой домъ со дворомъ,

наши лучшаго расположенія выдумать не умѣли, или не имѣли къ тому столько духа. У самого дяди моего Матвѣя Петровича, бывшаго въ свое время хорошимъ геометромъ и инженеромъ, былъ точно

такой же, и вся разница состояла въ томъ, что былъ домъ его меньше и власно какъ миньятюрный передъ нашими.

Оба сіи дома были неподалеку отъ моего, и домъ помянутаго генерала Никиты Матвѣевича Болотова, находился голько за вершиною, и окруженъ былъ почти вокругъ стариннымъ садомъ, насажденнымъ еще его дѣдомъ Кириллою Ерофеевичемъ, яко первымъ основателемъ всего сего селенія. Мѣсто, избранное имъ подъ домъ, было также однимъ не изъ самолучшихъ, и хоромы были также спрятаны и поставлены такъ, что изъ нихъ всего нашего изящнаго мѣстоположенія было совсѣмъ невидно.

И старики наши любивали какъ-то смотреть только на свой дворъ и переднія ворота.

Что касается до дома и двора дяди моего Матвѣя Петровича, то, какъ сему, по раздѣлѣ съ моимъ покойнымъ родителемъ, вздумалось поселиться внутри той половины сада, которая ему досталась, то и сдѣлался домъ его къ намъ очень близко и не болѣе, какъ только саженъ на 30 или на 40 отъ онаго. И какъ въ послѣднія предъ симъ времена изъ всего сего двора не осталось и слѣда, то и замѣчу я впродъ для памяти, что хоромцы его стояли лицомъ къ нашему двору, а узкимъ бокомъ подъ гору; и что подъ самыми окнами съ сей стороны стояла талбонь, которая, будучи повалена бурей, ростеть у меня теперь неподалеку отъ парниковъ, лежучи, и извѣстна подъ именемъ лежанки, а за ними хоромцами и далѣе къ вершинѣ, былъ его задній дворъ, съ избами, скотскими дворами и закутами.

Впрочемъ, надобно замѣтить, что какомъ бѣденъ былъ нашъ домъ и дворъ, таковы-жъ были и всѣ деревни наши. Будучи людьми малодостаточными, имѣли мы ихъ очень немногія и малолюдныя. У меня во всемъ здѣшнемъ селеніи было голько 3 двора, да въ деревнѣ Болотовѣ 2, да въ Туленнѣ 6: и всего здѣсь только 11 дворовъ. А и въ другихъ деревняхъ также сущая малость и клочки самые малые, какъ наприимѣръ, въ ближней изъ сихъ,

каширской моей деревнѣ, Калитинѣ, было только крестьянскихъ два двора, да дворъ господскій; а въ деревнѣ Бурцовой только 1 дворъ. Въ енифанской моей деревнѣ, Романцовѣ, только 2 двора, а въ чернской, Есиповой, только 1 дворъ, да въ шадской, что нынѣ тамбовская, дворовъ съ десять. Вотъ и все мое господское имѣніе, ибо болѣе сего я не имѣлъ. А какъ присовкуплялось къ тому и то досадное обстоятельство, что всѣ сіи мелкія и ничего незначащія деревнишки не только были малоземельны, но и земля вездѣ находилась въ чрезполосномъ владѣніи съ другими посторонними помѣщиками, и посему ничего особливаго съ нею предпринимать было не можно, то и простекло отъ всего того то натуральное слѣдствіе, что и доходы наши съ нихъ были чрезвычайно малы и ничего почти незначащими.

Въ сіи-то бѣдныя и малодоходныя деревнишки приѣхалъ я тогда жить, и имито долженъ былъ не только содержать себя, но и поправлять свое жилище; а сверхъ того долженъ былъ помышлять и о заведеніи всего того, чего у меня не доставало и о снабденіи и дома своего, и самого себя множествомъ разныхъ и необходимо вужныхъ вещей: ибо, не только у самого меня не было никакого порядочнаго платья, кромѣ моихъ прежнихъ и тѣхъ мундировъ, которые мнѣ тогда и носить было уже не можно, но не было у меня ни довольныхъ лошадей, ни конской збруи, ни экипажей для ѣзды, ни лакеевъ, ни ливрен на нихъ, а въ домѣ не было ни единой почти посуды, кромѣ немногой старинной и изломанной оловянной, и нѣсколькихъ стакановъ и рюмокъ, а изъ мебели ни единого почти стульця, ни единого столика, ни однихъ кресель и кавале; а о комодахъ и прочемъ и говорить нечего. Итакъ, всѣмъ и всѣмъ надлежаломнѣ заводиться и всѣмъ обостроживаться въ своемъ домѣ, и обо всемъ тогда мыслить и разсуждать, а особливо въ первые дни по моемъ приѣздѣ.

Симъ кончу я сіе мое почти совсѣмъ побочное писъмо; а въ послѣдующемъ

приступилъ къ дальнѣйшему продолженію моей исторіи, сказавъ между тѣмъ, что я емь и прочая.

СВИДАНІЕ СЪ РОДНЫМИ И ЪЗДА ВЪ МОСКВУ.

Письмо 103-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ продолженію моей повѣсти, скажу, что неуспѣлъ я, по возвращеніи въ деревню, всю свою усадьбу и всѣ строенія и сады окинуть глазомъ, а въ домѣ всѣмъ разобратъ, какъ усмотрѣнныя въ премногихъ вещахъ недостатки заставили меня тотчасъ начинать помышлять о томъ, какъ-бы себя скорѣе всѣми ими зацастить и въ домѣ всѣмъ обстрожить получить. А какъ ко всему тому потребны были и деньги, то самое сіе побуждало меня выйти и въ состояніе моихъ доходовъ и деревень. И какъ о семъ надѣлся я всего лучше узнать отъ старика своего прикащика, то и призванъ былъ онъ на конференцію о томъ со мною, и долженъ былъ мнѣ все и все разсказывать, что ему было о семъ извѣстно.

Увѣдомленія его были для меня не весьма радостны и пріятны. Онъ изображалъ мнѣ состояніе моихъ деревень таковымъ, каковымъ оно дѣйствительно было, то-есть, очень худымъ и недостаточнымъ; а и доходы, получаемые съ нихъ, не увеличивать, а уменьшать еще старался, къ чему онъ имѣлъ и причину: ибо боялся, чтобъ я за всѣ прошедшіе годы не сталъ его считать и дѣлать съ него взысканія.

Но какъ бы то ни было, по я, узнавъ всю малочисленность моихъ доходовъ, гораздо и гораздо отъ того сначала позадумался и смутился. Ибо видѣлъ ясно, что я въ прежнихъ мысляхъ о деревняхъ своихъ очень много обманулся, и что онѣ далеко не такъ были выгодны, каковыми я ихъ себѣ воображалъ, и что мнѣ не безъ труда будетъ получать съ нихъ столько, сколько нужно было мнѣ, и на свое содержаніе, и на поправленіе всего въ домѣ и на запасеніе себя всѣмъ нужнымъ.

Мысли о семъ озабочивали меня чрезвы-

чайно, и признаюсь, что поуменили гораздо собою и то удовольствіе, какое я имѣлъ сначала при возвращеніи изъ службы въ домъ свой. На все и на все потребны были деньги, а денегъ сихъ не было, и я горевалъ, не зная, гдѣ мнѣ столько ихъ будетъ доставать, сколько нужно было ихъ для исправленія всѣхъ нуждъ и необходимыхъ потребностей.

Однако, вся сія горестъ и печаль моя недолго продолжалась: я возвернулъ ее, по обыкновенію своему, на Господа, и въ утѣшеніе самъ себѣ сказалъ:

«И! былъ бы у меня только Богъ и Богъ любящій меня и некупящій обо мнѣ, а прочее все уже будетъ!.. Что достатокъ мой не великъ и я небогатъ, это правда; но не съума жемъ ли отъ того сойти?... И, продолжалъ я: не тотъ богатъ, кто имѣетъ много, а тотъ, кто доволенъ тѣмъ, что у него есть и умѣетъ пользоваться онымъ. Къ тому же, достатки-то не рукою ли Всемогущаго намъ всѣмъ раздаются и неодѣляемы (ли) мы ими по его премудрому разсмотрѣнію и произволенію святому?... Итакъ, можно ли мнѣ и помыслить о томъ, чтобъ дерзнуть роптать на то, для чего мой достатокъ не великъ и небольшие теперешняго?... Не получилъ ли я и тотъ отъ Звѣздителя моего безъ всякихъ моихъ заслугъ и права на то?... Не отъ единого ли святаго произволенія его зависѣло то, что и такой я еще имѣю?... Сколько есть милліоновъ людей на свѣтѣ, и сколько тысячъ моей братьи дворянъ самыхъ, которые и того не имѣютъ, что и я имѣю, и которые бы счастливейшими людьми себя почли, еслибы могли имѣть столько, сколько я имѣю и быть на моемъ мѣстѣ?... Для чего же мнѣ не почитать себя счастливымъ? И! продолжалъ я, я счастливъ и несчастливы еще предъ многими другими, и мнѣ нужно только умѣть пользоваться тѣмъ, что имѣю я, и чувствовать все преимущество состоянія своего предъ другими. Ненадобно только мнѣ никогда смотрѣть вверхъ, а надобно смотрѣть внизъ себя — такъ и буду всѣмъ доволенъ... Ну, чтожь за бѣда, что я неслишкомъ богатъ? Не всѣмъ же быть богатымъ! — Ну, когда

небогатъ. такъ и живи такъ: незатѣвайни- чего пзлшняго, не гоняйся во всемъ за бо- гатыми, а протягивай, говоря по посло- ницѣ, ножки свои по одѣжкѣ, такъ и бу- деть дѣло въ пляпѣ и все ладно и хо- рошо».

Симъ и подобнымъ сему образомъ самъ съ собою говоря и разсуждая, я не только утѣшилъ самъ себя очень скоро и воз- вратилъ духу своему всю прежнюю ве- селость и спокойствіе, но, подкрѣпляясь мыслями таковыми дѣйствительно поло- жилъ во всю будущую деревенскую жизнь свою за главное правило себѣ почитать, чтобъ не гоняться никакъ за живущими не по своимъ недостаткамъ, а держатся какъ можно умѣренности и середины; а равномѣрно — ничѣмъ и не спѣшить и отъ единой поспѣшности сей отнюдь не вхо- дить въ долги, какъ то иные дѣлаютъ пер- рѣдко и чрезъ то разоряются въ немно- гіе годы. Словомъ, я положилъ вести себя и жить (по) пословицѣмъ: ни шатко, ни валко, ни на сторону, — и жить такъ, чтобъ расходы никакъ не превосходили доходовъ, а довольствоваться во всѣхъ случаяхъ тѣмъ, чѣмъ Богъ послалъ, а не выходить никогда за предѣлы состоянія и достатка своего. А сіе и помогло мнѣ очень много, какъ то окажется изъ по- слѣдствій.

Итакъ, осмотрѣвъ всѣ строенія въ домѣ моемъ, хотя и видѣлъ я, что нужна всѣмъ имъ пренелкая реформа и поправление; однако, соображаясь съ помянутымъ пра- вилкомъ, положилъ до онаго на первый случай нисколько еще не касаться, а предо- ставляя то до будущаго и удобнѣйшаго времени, хотѣлъ только снабдить себя та- кими вещами, безъ которыхъ мнѣ не мож- но уже было никакъ обойтись. И какъ для самаго сего пуяно было побывать хоть на короткое время въ Москвѣ, то и положилъ, осмотрѣвшись въ домѣ, туда на нѣсколько дней съѣздить; а между гѣмъ, познакомиться сколько-нибудь съ соудьями своими. Но и въ разсужденіи сихъ вознамѣривался я неспѣшить никакъ сводить тѣснаго знакомства со всѣми ими, а особливо съ тѣми, кои мнѣ были еще

новсе незнакомы, а довольствоваться на первый случай одними только ближними, и такими, которые были мнѣ либо сродни, либо знакомы.

Изъ сихъ, первымъ и знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ, былъ помянутый ближній мой со- судъ Никита Матвѣевичъ Болотовъ. Я за долгъ себѣ почиталъ побывать у него всѣхъ прочихъ прежде и сходить къ нему на третій день по своему приѣздѣ. И какъ я сего, человека съ самаго того времени не видалъ, какъ и, по произведеніи меня въ офицеры, бывалъ у него въ Петер- бургѣ, когда былъ онъ еще только пол- ковникомъ, то былъ я очень любопытенъ видѣть, какъ приметъ онъ меня и какъ обойдется со мною, сдѣлавшись генера- ломъ. Но, въ удивленію моему не нашель я ни въ чемъ, ни въ домѣ его ничего та- кого, чтобъ походило на генеральское, но во всемъ господствовала единая деревен- ская простота и все пахло не пышностію, а также единою только умѣренностію и небогатымъ состояніемъ. Ибо и сей род- ственникъ мой, хотя и всю свою жизнь провелъ въ военной службѣ и служилъ безпорочно; но не вывезъ съ собою также никакихъ богатствъ и сокровищъ, а де- ревями собственно своими былъ онъ еще бѣднѣе меня. Итакъ, всѣ обстоятель- ствы принуждали его жить не по-генераль- ски, а весьма умѣренно и просто.

Чтожъ касается до собственной его осо- бы, то наполю я его точно таковымъ же, какъ онъ былъ и прежде. Онъ принималъ меня и обходился хотя ласково, но съ такимъ удаленіемъ отъ откровеннаго, повѣреннаго и дружельюбнаго родственнаго обхожде- нія, что я легко могъ видѣть, что всѣ его ласки и благопріятствія происходили не отъ чистаго сердца, а имѣли основа- ніе свое на единомъ досадномъ этикетѣ, или, того еще хуже, на природномъ свой- ственномъ ему лукавствѣ. Почему и за- ключалъ предварительно, что врядъ ли этотъ домъ найду я такимъ, гдѣбъ мнѣ можно было бывать часто; но паче опа- саяся, чтобъ примѣчаемая во всемъ об- хожденіи крайняя принужденность мнѣ скоро не наскутила-бъ и неотдалила меня

отъ сего дома, что и воспослѣдовало дѣйствительно. Ибо неуспѣлъ въ немъ побывать нѣсколько разъ, какъ, видя всегда единообразное обхожденіе, удаленное отъ всякаго простосердечія и откровенности и принужденъ будучи всегда сидѣть на мѣстѣ и строго наблюдать всѣ чины, такъ всѣмъ тѣмъ наскучилъ, что сталъ ѣздить къ нему какъ можно рѣже и просиживать у него кратчайшее время.

Что касается до превосходительной его молодой супруги, то называлась она Софья Ивановна, была гораздо его моложе и показалась мнѣ боярынею очень очень незамысловатую, а простодушную и прямо деревенскою. Она вышла за него вдовою, и была до того въ замужствѣ за господиномъ Митковымъ, отъ котораго имѣла двухъ дѣтей, сына и дочь. Первый находился въ службѣ, а вторая жила и воспитывалась при ней. Отецъ Иларіонъ, разговорами и разсказываніями своими возбудилъ во мнѣ особенное любопытство видѣть сію дѣвушку. Но я напелъ ее хотя изрядною лицомъ, но слишкомъ еще молодую, и притомъ столь простого деревенскаго воспитанія, что я, съ перваго почти взгляда, рѣшительно заключилъ, что хотябъ была она и старѣе тогдашняго, но въ невѣсты для меня никакъ бы не годилась. Все что-то находилъ и въ ней несогласное съ моими мыслями и желаніями и не могъ никакъ придѣлаться къ ней мыслями. Почему, будучи съ сей стороны совершенно обезпеченъ, обходился я какъ съ нею, такъ и съ матерью ея равнодушно и хладнокровно.

Сія ласкалась ко мнѣ сколько умѣла и сколько ей было можно. Ибо надобно знать, что какъ сей отдаленный родственникъ мой былъ не только страннаго, но и прямо оригинальнаго, удивительнаго и непостижимаго характера, и особенность характера сего имѣла, между прочимъ, и то въ себѣ, что онъ и съ самыми ближними родными своими не обходился никогда откровенно, но ко всему свѣту имѣлъ недовѣрчивость; то и протекала изъ того безиредѣльная ревнивость къ обѣимъ женамъ его, — которая, относи-

тельно до первой его жены, бывшей изъ фамиліи Елагинныхъ и называвшеюся Ириною Герасимовною, простиралась даже до варварской и такой жестокости, что она едва ли не лишлась и самой жизни отъ того, и пострадала невиннѣйшимъ съ своей стороны образомъ. Ибо все подозрѣніе его было совсѣмъ пустое и неосновательное. Да и предметомъ ревности его былъ никто иной, какъ упомянутый приходскій пашъ пощъ, отецъ Иларіонъ, хотя онъ былъ совсѣмъ не такого характера и всего меньше могъ составлять тайнаго любовника. Но какъ бы то ни было, но ревнивому старика возмечталось что-то такое и довело его до такихъ глупостей, которыя непоходили ни на что и не приносили ему ни малѣйшей чести. И какъ слухъ о томъ разсѣялся всюду и молва оскорою кончивъ его жены не весьма была для его выгодна и благопріятна, то самое сіе и побудило сего старика жениться на сей второй женѣ безъ дальнихъ разборовъ и слѣдующимъ особымъ образомъ.

Нѣкогда случилось сей госпожѣ ѣхать сквозь нашу деревню въ село Кошкино, гдѣ имѣла она родственниковъ. Лишь только начала она вѣзжаться въ наше селеніе и въ околицу противъ самыхъ воротъ дома сего моего родственника находившихся, какъ кучеръ ея былъ такъ неостороженъ, что зацѣпилъ за веревку сихъ воротницъ, и такъ неловко, что изломались отъ того и ось и колесо подъ ея коляскою и она принуждена была остановиться, и разослать людей всюду искать другого колеса, на которомъ бы ей можно было доѣхать, и дерева, для поддѣланія оси. Родственникъ мой былъ тогда уже генераломъ и незадолго до того приѣхалъ только изъ службы въ отставку и находился тогда дома. Слуга адресуется къ первому къ нему съ униженнѣйшею просьбою о вспоможеніи госпожѣ его въ ея нуждѣ. Сей охотно брался одолжить ее и осью и колесомъ, но не зналъ только, найдется ли въ домѣ его къ тому способное. Онъ послалъ тотчасъ за человекомъ, управлявшимъ его домомъ; а между тѣмъ,

разспрашиваетъ человѣка о его госпожѣ и обо всемъ, до ней относящемся. И слышитъ отъ него, что она была нестарая еще вдова, что имѣла намѣреніе вытти вторично замужъ и что есть у нея хорошия степныя дерени и достатокъ изрядный. Все сіе возбуждаетъ въ немъ любопытство и желаніе узнать ее лично и съ нею познакомиться, и тѣмъ паче, что у него у самого давно уже на умѣ была вторичная женитьба. Былъ онъ хотя и очень уже старъ и вдовствовалъ уже нѣсколько лѣтъ, но одиночество въ уединенной сельской жизни скоро ему такъ наскучило, что онъ положилъ неотгннно жениться на другой женѣ, какъ скоро только найдетъ себѣ невѣсту по своимъ мыслямъ.

Такъ, неуспѣлъ онъ все вышеупомянутое о госпожѣ Митковой услышать, какъ получаетъ тотчасъ мысль: не могла-ль бы она годиться ему въ невѣсту? И недолго думая, посылаетъ къ ней человѣка съ просьбою, чтобъ, между тѣмъ, покуда стануть чинить ея колесо и поддѣлывать ось, благоволила-бъ она зайти къ нему въ домъ, гдѣ ей спокойнѣе будетъ того дожидаться, нежели на улицѣ. Госпожа принимаетъ охотно сіе предложеніе и идетъ чрезъ дворъ пѣшкомъ, и направляется старику уже при первомъ взглядѣ и еще издали. Онъ привѣтствуетъ ее всячески и осмыкаетъ всевозможнѣйшими ласками; онъ старается угостить ее какъ можно лучше и примѣтивъ произведенное въ тѣмъ особое въ ней удовольствіе, предпринимаетъ вдругъ за все свататься и предлагаетъ самъ собою, безъ дальнихъ околичностей, ей свою руку.

Госпожу Миткову поразило такое нечаянное и всего меньше ею ожидаемое предложеніе! Но какъ онъ ласками и учтивостями своими такъ ее очаровалъ, что показавъ ей совершеннѣйшій ангеломъ, а присовокупилось къ тому и то, что вышедши за него, будетъ она превосходительною, то все сіе и смутило ее такъ, что родственникъ мой легко могъ примѣтить, что предложеніе его ей не совсѣмъ противно, а напротивъ того,

пріятно было. А будучи хитрымъ и лукавымъ человѣкомъ, и восхотѣлъ онъ ковать желѣзо, покуда оно было еще горячо; и не давая ей время даже опомниться, а не только чтобы узнать и распрощаться о всѣхъ обстоятельствахъ, до первой его жены относящихся, сопроводилъ такъ хорошо, что они въ тотъ же день ударили по рукамъ и въ тотъ же самый день и обвѣнчались въ церкви!

Симъ-то страннымъ образомъ женился сей мой родственникъ на сей второй своей женѣ, по которой скоро увидѣла, что она не столь была счастлива, какъ она себѣ мечтала прежде. Названіе ее превосходительною, сколько сначала было ей пріятно и лестно, столько сдѣлалось послѣ неавыпстнымъ, и такимъ, которое охотно-бъ она хотѣла и не имѣть, еслибъ была только впрочемъ болѣе счастлива. Но сего-то самаго и не доставало. Родственникъ мой, по недовѣрчивости своей, содержалъ и ее въ превеликой певолѣ и такой строгости, что она связана была и по рукамъ и по ногамъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, и должна была говорить и дѣлать все только то, что ему было угодно, и безпреставно смотрѣть ему въ глаза и узнавать его мысли.

Все сіе было такъ примѣтно, что я могъ усмотрѣть сіе и при первомъ уже свиданіи съ ними. И какъ онъ ни старался наружно оказывать ей ласки и любовь свою, но я видѣлъ, что все сіе дѣлано было только для гостей и постороннихъ, а въ самомъ дѣлѣ жизнь ихъ не такова была блаженна и хороша, какъ ковою казалась снаружи.

Что касается до сына моего родственника, котораго онъ одного только и имѣлъ, то сего не было тогда дома. Онъ записанъ былъ въ гвардію; но попеченіе объ немъ отца его, по странности характера его, было столь малое, что онъ не могъ даже выхлопотать ему утѣрь-офицерскаго чина, а служилъ онъ только капраномъ.

Я препроводилъ у сего старика, моего родственника, почти весь тотъ день: ибо, какъ я хотѣлъ оказать ему честь и въ

первый разъ пришелъ къ нему по-утру, то не отпустилъ онъ меня безъ обѣда и продержалъ долго и послѣ опого, рассказывая мнѣ исторіи, какъ о своей женитьбѣ, такъ и несчастномъ поврежденіи руки своей, которую и тогда носилъ еще онъ въ черпомъ тафтяномъ мѣшечкѣ. Сіе увеличило еще болѣе его безобразіе, ибо былъ онъ и отъ природы не очень хорошъ собою: высокъ, сутуловатъ, бѣлокуръ, рябъ, дурного расположенія лица, а при всемъ томъ еще, безъ одного глаза.

Но какъ бы то ни было, но я не только тогдашнимъ его пріемомъ былъ доволенъ, но и во всѣ достальшыя годы его жизни не оказывалъ онъ мнѣ ничего такого, чѣмъ бы я могъ быть въ особенности доволенъ. Правда, хотя и не было между нами дружескаго и откровеннаго обхожденія, но какого онъ и ни съ кѣмъ не имѣлъ. И мы съ нимъ выдались не слишкомъ часто, но по крайней мѣрѣ, могу то въ похвалу ему сказать, что онъ меня любилъ и повсюду отзывался обо мнѣ съ похвалою и увѣреніями, что онъ былъ мною весьма доволенъ. А сего для меня было по нуждѣ уже и довольно.

Побывавъ у него, препроводилъ я первые десять дней жительства своего въ деревнѣ въ разныхъ экономическихъ упражненіяхъ. Я объѣздилъ всѣ свои дачи и земли, осмотрѣлъ лѣса и хлѣбныя поля, съ которыхъ убираемъ былъ тогда послѣдній хлѣбъ; обходилъ нѣсколько разъ вновь всѣ сады свои, разговаривалъ обо всей экономіи деревенской съ старикомъ прикащикомъ своимъ; располагался мыслями, что и что мнѣ предпріять въ приближающую осень, и для полученія лучшаго понятія обо всей деревенской экономіи, посвящая все почти праздное свое время чтенію купленныхъ мною въ Москвѣ экономическихъ книгъ. А сіи и снабдили меня многими новыми и такими познаніями, какихъ я до того вовсе не имѣлъ, и почувствительно начали вперять въ меня охоту, какъ къ деревенской экономіи вообще, такъ въ особенности къ садамъ: такъ, что я, сдѣлавшись почти до нихъ

совершеннымъ уже охотникомъ, положилъ, въ ту же еще осень приступить къ распространенію оныхъ, и началъ сіе тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ Москвы, куда хотѣлось мнѣ прежде еще наступленія самой осени на короткое время съѣздить.

Причины, поуждавшія меня къ сей первой ѣздѣ моей въ столицу были различны. Во-первыхъ, нужио мнѣ было купить многія нужныя и такія вещи, безъ коихъ мнѣ никоимъ образомъ обойтись было не можно; во-вторыхъ, хотѣлось мнѣ повидаться съ дядей моимъ роднымъ, Матвѣемъ Петровичемъ и нѣкоторыми другими своими, въ Москвѣ тогда находившимися родственниками; а въ-третьихъ, хотѣлось мнѣ кстатіи видѣть и коронацію нашей новой императрицы, о прибытіи которой въ скоромъ времени въ Москву уже носились тогда слухи.

Итакъ, собравшись налегкѣ, поѣхалъ я въ Москву въ томъ же еще сентябрѣ мѣсяцѣ. И по приѣздѣ своемъ туда, первымъ долгомъ своимъ почелъ съѣздить къ помянутому дядѣ своему, для принесенія ему благодарности за попеченіе объ моихъ деревняхъ, во время моего шестилѣтняго отсутствія.

И нашелъ его въ домѣ у шурина его, господина Павлова, гдѣ онъ обыкновенно жывалъ во время пребыванія своего въ семъ столичномъ городѣ. И дядя мой былъ очень обрадованъ, увидѣвъ меня тогда впервые по возвращеніи изъ службы; и какъ онъ меня любилъ искренно еще въ малолѣтствѣ, то, увидѣвъ тогда уже въ совершенномъ возрастѣ, полюбилъ меня еще больше и не могъ со мною обо всемъ довольно наговориться. Онъ рекомендовалъ меня своей женѣ, а моей теткѣ, но сія могла говорить съ нами и изъявлять ласки свои мнѣ однимъ только пантомимами. Я нашелъ ее въ прежалостномъ положеніи, и кромѣ паралича, столь дряхлою и слабою, что не могъ довольно надивиться тому, какъ вздумалось дядѣ моему избрать себѣ на старости такую подругу. Совсѣмъ гѣмъ, казались они другъ-

другомъ быть довольными и ни мало не-раскаявающимися о своемъ соединеніи.

Съ нимъ находился тогда тутъ и меньшей и любимѣйшій сынъ дядинъ, Гаврила, мальчикъ уже довольно взрослый, по воспитаннй очень худо. Другого же его и старшаго сына, а моего прежняго въ играхъ сотоварища, Михайлы Матвѣевича, тогда при немъ не находилось, ибо онъ былъ въ службѣ и служилъ въ артиллеріи; былъ уже офицеромъ и находился тогда отъ Москвы въ отсутствіи.

Что касается до господина Павлова, его шурина, котораго звали Данилою (Стенановичемъ, то обласканъ я былъ и отъ него, равно какъ и отъ жены его, Анны Артемьевны и дѣтей ихъ, которыхъ было у него трое: два сына и дочь, — изъ коихъ первые были уже взрослые, а послѣдняя выходящая только изъ лѣтъ дѣтскихъ.

Кромѣ сего, непременно я также отыскалъ въ Москвѣ и другого моего дядю, господина Арсеньева, Тараса Ивановича, которому такъ много обязанъ я былъ за попеченіе обо мнѣ въ малолѣтствѣ и содержаніи у себя въ домѣ петербургскомъ. Онъ служилъ тогда при московской полиціи чиновнымъ человекомъ и обрадовался чрезвычайно, увидѣвъ меня такимъ, каковымъ я тогда былъ. Жена его также была мнѣ очень рада; а узнавъ меня и полюбилъ при семъ случаѣ и братъ ее, а мой по деревнямъ недалеій сосѣдъ, Андрей Петровичъ Давыдовъ. И какъ сей вскорѣ отъѣзжалъ въ свою деревню, то звалъ меня къ себѣ въ опуху, и я принужденъ былъ то ему обѣщать.

Кратковременность моего тогдашняго въ Москвѣ пребыванія недопустила меня видѣться тогда съ прочими родственниками своими, въ семъ столичномъ городѣ находившимися, но я отложилъ до своего вторичнаго въ Москву приѣзда зиную и на должайшее время. А въ сей разъ я такъ спѣшилъ возвращеніемъ въ свой домъ, что не успѣлъ все нужное и что надобно было искупить, какъ захотѣлъ дожидаться и коронаціи самой

и для оной проживать нѣсколько лишнихъ дней въ Москвѣ; но, распрощавшись до зимы съ дядею, пустился въ обратный путь и приѣхалъ домой еще 20-го числа, того-жъ еще сентября мѣсяца.

Не успѣлъ я возвратиться опять въ свой домъ, какъ и приступилъ уже къ поправленію въ разныхъ пунктахъ моего домоводства и экономіи. Мое первое и главнѣйшее дѣло въ сію первую осень состояло въ распространеніи нашего молодого сада за проулкомъ, извѣстнаго нынѣ подъ именемъ верхняго. Всею прибавкою оваго, сдѣланною умершимъ моимъ дядькомъ, былъ я весьма недоволенъ, но мнѣ восхотѣлось распространить его и увеличить гораздо больше. И какъ, по-счастію, случился подлѣ самаго сего сада прелекій конопляникъ, занимающій все мѣсто между нимъ и рощею, то и рѣшился я весь оный занять подъ садъ и совокунить съ помянутымъ маленькимъ садикомъ.

Не могу и по нынѣ надивиться тому, какъ имѣлъ я столько духа, что могъ пуститься на такое великое предпріятіе, то-есть, на уничтоженіе всего стариннаго конопляника и превращеніе его въ большой и обширный регулярный садъ, дѣло, которое бы въ старину почтено было за великое законопреступленіе, а предпріятіе сіе безпримѣрною героическою отвагою! А оттого самаго и отъ излишняго уваженія и почтенія къ старинѣ, старики наши такъ мало и дѣлывали дѣла, и оттого такъ мало и оставили намъ послѣ себя вещей, могущихъ намъ припоминать оныхъ.

Но какъ бы то ни было и какъ косо ни смотрѣли всѣ старики изъ дворовыхъ моихъ людей на затѣваемое мною новое и, по мнѣшю ихъ, величайшее дѣло, но я приступилъ къ оному и прожектировавъ планъ, какъ умѣлось, такъ и разчертилъ, и потомъ и началъ засаживать его липками и яблонками. Всѣ мои дворовые люди и всѣ крестьяне, сколько я ихъ ни имѣлъ въ близости, должны были помогать мнѣ въ семъ великомъ дѣлѣ и возить изъ лѣса липки и другія деревья, и

копая рвы и ямки, садить оныя въ нихъ и заниматься съ утра до вечера.

Что касается до меня, то былъ я почти безвыходно въ саду семь. И какъ это была для меня первоуценка и я въ первый еще разъ въ жизни заводилъ у себя со-всѣмъ новый садъ, то не могъ довольно нарадоваться и навеселиться, когда началъ онъ образоваться и получать свой видъ и фигуру. Сколько разъ ходилъ и взадъ и впередъ по длиннымъ и прямымъ, липками усаженнымъ дорожкамъ и алейкамъ! Сколько разъ я до восхищенія даже любовался яблонками и всѣмъ симъ произведеніемъ ума и рукъ своихъ! И какія горы удовольствія ни общевалъ я себѣ отъ него въ предбудущее время! Словомъ, я плавалъ тогда въ неопisanномъ удовольствіи, и опытъ заплаченъ былъ съ лихвою за всѣ труды и убытки, которые употреблены были мною при посадкѣ оного.

Но сколько же и погрѣшностей надѣлано было мною при основаніи и заведеніи тогда сего сада! И какъ тужу я и понынѣ, что я тогда слишкомъ уже поспѣшилъ заведеніемъ оного, и не взялъ времени, чтобъ познакомиться напередъ короче со всѣми обстоятельствами деревенскими и съ самымъ существомъ садовъ, которые до того были мнѣ извѣстны по одной наслышкѣ; а впрочемъ былъ я въ разсужденіи ихъ совсѣмъ еще незнающимъ и во всѣхъ мнѣ дѣлахъ бродилъ, какъ курица слѣпая.

По несчастію не имѣлъ я никакого человѣка, знающаго сколько-нибудь это дѣло и могущаго меня, въ иномъ случаѣ, остерегать, или подавать мнѣ совѣты. А совѣщался я съ одними только книгами, и книгами не нашими, а иностранными, писанными не на нашъ климатъ и не на нашия обстоятельства, и потому могущими скорѣе всего заводитъ насъ въ лабиринты погрѣшностей и ошибокъ, какъ то и со мною тогда отчасти случилось, но что, по ноности моей и по совершенному недостатку практическихъ знаній, ни мало и не удивительно.

Первая и величайшая ошибка была та,

что сдѣлалъ его регулярнымъ, нимало неподумавъ о томъ, что такой большой регулярной садъ во всей формѣ и порядкѣ впредь содержать, по малолюдству моему и недостатку, не будетъ мнѣ никакой возможности. Мнѣ и въ мысль тогда не приходило, что я очень скоро въ томъ раскажусь, и послѣ тужить буду о томъ, что предпринималъ я тогда очень много трудовъ напрасныхъ и излишнихъ, и всѣми ими не столько пользы, сколько вреда себѣ надѣлалъ. Но къ несчастію, въ тогдашнее время ни о какихъ другихъ садахъ не было еще и понятія; а регулярные сады были только одни въ обыкновеніи и повсюду въ величайшей модѣ. А потому и мнѣ, видавшему ихъ кое-гдѣ мелькомъ, восхотѣлось неотмѣнно и самому имѣть у себя садъ регулярной, и при основаніи и расположеніи оного оказать мнимое знаніе свое и искусство.

Сіе показавъ я и удивилъ онымъ многихъ при семъ случаѣ: всѣ не могли довольно надивиться тому, какъ недѣли въ двѣ, или въ три, совсѣмъ на пустомъ мѣстѣ, проявился у меня уже превеликій садъ, усаженный пѣсколькими сотнями превеликихъ яблонокъ и многими тысячами липокъ и другихъ лѣсныхъ деревьевъ, и съ такимъ множествомъ длинныхъ и поперечныхъ, прямыхъ и окружныхъ аллей и дорогъ, что безъ усталости всѣ ихъ обходить никому было не можно! Но ахъ, сколь мало зналъ я тогда, что все сіе регулярство далеко не принесетъ мнѣ столько удовольствія, сколь многого я ожидалъ и отъ него тогда получить ласкался. Но напротивъ того, что я весьма скоро и такъ къ нему пригляжусь, что оное не только не будетъ болѣе меня собою веселить, но даже мнѣ наскучитъ; и что многія изъ насажденныхъ мною дорогъ останутся почти навсегда пустыми и пылѣтъ никогда, и ниже самымъ мною, непосѣщаемыми; и что напротивъ того, стрижка липокъ и чищеніе дорогъ обратится скоро въ превеликое отягощеніе и надоѣсть мнѣ какъ горькая рѣдьба! И могъ ли я себѣ тогда воображать и предвидѣть то, что, промучившись нѣскольکو

лѣтъ съ ними и не вида никакой себѣ отъ нихъ пользы, а примѣчая только существовательный вредъ, ими саду производимый, принужденъ буду, наконецъ, все милое и прелестное тогда его регулярство уничтожать, и многія изъ насаженныхъ липокъ и дорожекъ вырубать совсѣмъ вонъ, какъ для опростанія тщетно и безъ всякой пользы занимаемаго ими мѣста, такъ и для того, чтобъ онѣ не мѣшали собою караулить плоды и не отгоняли куцонъ, покупающихъ оныя на деревьяхъ.

Вторая и важнѣйшая еще той и существовательнѣйшая погрѣшность состояла въ томъ, что и отъ излишней поспѣшности и отъ неомѣрнаго желанія видѣть у себя скорѣе садъ, не постарался столько, сколько-бъ надлежало о томъ, чтобъ записаться для засадки сего сада прививочными и лучшихъ породъ деревцами, а употребилъ къ тому какія мнѣ прежде другихъ понались. Но къ несчастію, въ тогдашнее время, какъ въ Тулѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ и не производилось еще такой великой торговли прививочными деревцами, какая производится нынѣ, и садовое искусство было еще въ такомъ младенствѣ, что не знавали еще нигдѣ и самаго прививанія въ очко, или листочками, и я почти первый вселъ сей родъ прививанія въ обихованіе, научась самъ сему искусству изъ книги, а не отъ другихъ людей. А посему, хорошихъ прививочныхъ деревцовъ и достать и взять было негдѣ; а гдѣ они и были, такъ продавались, по тогдашнимъ временамъ, еще слишкомъ дорого.

При такихъ обстоятельствахъ, я невѣдомо какъ еще радъ былъ, что нашли мнѣ неподалеку отъ насъ, а именно, въ селѣ Липецкахъ, у мужика, цѣлую грядку съ предлинными и превсокими яблонками, воспитанными имъ отъ поспѣянныхъ почекъ, выиманныхъ, по увѣренію его, изъ самыхъ добрыхъ украинскихъ яблоекъ, и что сторговали мнѣ ихъ за цѣну очень свосную и не дороже, какъ по 7-ми копейкѣ за яблонку.

Не могу изобразить, какъ обрадованъ

я былъ сею покупкою: я считалъ ее немалюко какъ находкою, и не могъ довольно налюбоваться и ростомъ и дородствомъ новопкупленныхъ своихъ яблонецъ. И съ какими удовольствіемъ разнашивалъ я тогда и раскладывалъ ихъ по ямамъ, и съ какими тщаніемъ старался самъ о лучшемъ сажаніи и закрываніи кореньевъ ихъ землею!

Но ахъ, сколь мало зналъ я тогда что я дѣлалъ, и сколь мало всѣ онѣ были того достойны! Мнѣ я въ мысль тогда не приходило, что я сажалъ сущую и такую дрянъ, которая саду моему была пагубна и навѣкъ его портила, и что я въ послѣдующее время тысячу разъ тужить о томъ буду, что я ими, а не лучшими деревьями занималъ тогда наилучшія мѣста въ саду этомъ. Да и можно-ль чего добраго ожидать отъ почекъ, особливо сѣяныхъ и воспитанныхъ мужикомъ? Отъ почекъ, взятыхъ и изъ самыхъ лучшихъ яблоекъ, рѣдко выраживаются хорошія, а на большую часть вырастаютъ всякая дрянъ и негодъ; а изъ набранныхъ изъ всякой дрянн, какъ то безсомнѣнно было съ ними, и по давню не можно было ожидать хорошаго. Но мнѣ обстоятельства сего было еще тогда неизвѣстно; а я думалъ, что отъ почекъ изъ хорошихъ яблоекъ надобно и родиться хорошимъ яблонямъ, и полагался въ томъ на увѣреніи сего мужика, и думалъ, что я нажалъ ими цѣлое сокровище. А что онѣ по вышней своей были такъ дешевы, то мнѣ и въ умъ не приходило, что было это оттого, что онѣ у мужика на грядкѣ уже переросли и онѣ не зналъ, куда ему съ ними дѣваться, и радъ былъ ихъ за что-нибудь сжить съ рукъ своихъ.

Но какъ бы то ни было, но я засадилъ весь мой садъ сею, ни къ чему годною и такою дрянью, которая и понынѣ мнѣ только досаду причиняетъ, и выросши съ дубья, не только приносятъ плодъ ни къ чему годной, но и даютъ плоды такъ мало и приходятъ съ плодомъ такъ рѣдко, что не одинъ уже разъ собирался я отъ досады всѣ ихъ вырубить. И многія дѣйствительно, ни мало не жалѣя, рублю, рѣжу и

кромсаю, стараясь ихъ, но уже поздно, превратить въ лучшія и достойнѣйшія садовы моихъ деревья. И за счастье себѣ еще почитаю, что накушил ихъ тогда не такъ много, чтобъ можно было мнѣ напичквать ими весь мой садъ часто, и что садилъ я ихъ такъ рѣдко, что между ими могъ еще послѣ помѣщать яблонки, воспитанныя уже дома и родовъ лучшихъ.

Но какъ бы то ни было, но я произвелъ у себя въ самое короткое время преогромный регулярный садъ, которымъ не могъ довольно палябоваться. И какъ было сіе моимъ первымъ дѣяніемъ экономическимъ, то и былъ и онымъ весьма доволенъ; и тѣмъ паче, что могъ оное показать гостямъ своимъ въ приближающійся день именинъ моихъ, къ которому хотѣлось мнѣ пригласить своихъ сосѣдей и сдѣлать для нихъ обѣдъ и маленькій деревенскій праздникъ.

Но какъ письмо мое достигло до своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ на семь мѣстѣ остановиться и оное окончить, сказавъ вамъ, что я есмь и прочее.

СОСѢДИ И ИМЯНИНЫ.

Письмо 104-е.

Любезныи и пріятели! Последнее письмо кончилъ я увѣдомленіемъ васъ о насажденномъ вновь садѣ и о намѣреніи моемъ праздновать приближавшійся день именинъ моихъ. А теперь, прежде описанія торжества сего, расскажу вамъ отъ ихъ изъ моихъ сосѣдей, съ которыми успѣлъ я до того времени познакомиться и которыхъ хотѣлось мнѣ пригласить въ упомянутому празднику.

Изъ всѣхъ сихъ, вандостопамятнѣйшимъ былъ живущій отъ меня неподалеку, господинъ Ладыженской, но имени Александръ Ивановичъ. Какъ жилища сего не далѣе отъ меня было, какъ верстѣ пять и на той же самой рѣчкѣ, а отъ другой моей деревни. Туленно, не далѣе одной версты, и я слышался объ немъ, что и онъ, также какъ и я служилъ въ арміи, былъ въ прусскихъ походахъ и изъ службы недавно только пріѣхалъ въ от-

ставку, то хотѣлось мнѣ съ нимъ познакомиться. И хотя доходили до меня нѣкоторые слухи о странности и особенностяхи его характера, но я, не уважая того, поѣхалъ къ нему, какъ къ своему сослуживцу напередъ самъ, и былъ очень тѣмъ доволенъ, что сіе сдѣлалъ.

И нашелъ въ господинѣ Ладыженскомъ человѣка не только очень добраго, но разумнаго, и по самой особености характера своего, очень забавнаго и веселаго—такъ что съ нимъ никогда не скучно было провождать время. Какъ онъ, такъ жена его были посѣщеніемъ моимъ очень довольны, и оба они наперывъ другъ друга другомъ такъ ко мнѣ ласкались, что я съ самаго того дня ихъ полюбилъ и не преставалъ любить по самую смерть ихъ. А не менѣе полюбилъ и они меня; и какъ обходились они просто, безъ всякихъ этикетовъ или чиновъ и лукавства, а чисто-сердечно, дружелюбно и откровенно, то и возстановилось у меня съ симъ домою искреннее дружество, которымъ пользовался я во все время перваго моего въ деревнѣ жительства, и былъ пріязню ихъ, а особливо Авдотьи Александровны жены сего, боярыни ласковой и простодушной, очень доволенъ. А потому и съ охотою согласился быть, по желанію ихъ, воспріимникомъ дѣтей ихъ, и чрезъ то сдружилсъ мы съ ними еще болѣе.

Неподалеку отъ него жилъ другой нашъ послуживецъ господинъ Іевской, Семенъ Михайловичъ. Онъ отставленъ былъ, также какъ и господинъ Ладыженской, майоромъ, и былъ женатъ на родной сестрѣ того самаго господина Селиверстова, котораго, при мѣстечкѣ Ковнахъ, зарыли мы въ песокъ сыпучій такъ, какъ я упоминалъ о томъ при описаніи перваго нашего похода въ Пруссію. Какъ сей г. Іевской жилъ отъ г. Ладыженскаго педалѣе двухъ верстъ, и оба сіи дома были между собою знакомы и дружны, и часто впадались, то имѣлъ случай и я, находясь однажды у господина Ладыженскаго, спознакомиться съ симъ г. Іевскимъ. Но какъ характеръ его былъ совсемъ отличннй отъ характера г. Лады-

женскаго, а того болѣе еще отъ моего, и между прочимъ, несогласенъ былъ и въ томъ, что онъ нерѣдко приносилъ жертву Бахусу, и во время сихъ жертвоприношеній былъ весьма неугомоненъ, то и не имѣлъ я охоты сводить съ нимъ тѣсную дружбу, но оставался при одномъ знакомствѣ; что и потому почиталъ я за надобное, что у него была дочь такихъ лѣтъ, что могла выдана быть уже и замужъ. А какъ мнѣ она негораздо была подъстать, то и убѣгалъ я, сколько могъ, отъ близкаго знакомства съ симъ домомъ.

Кромѣ сихъ, спознакомился я еще съ однимъ, довольно знаменитымъ дворяниномъ, изъ фамиліи господъ Хвощинскихъ, а по имени Василіемъ Панфиловичемъ. Я узналъ его въ домѣ поминутаго генерала, дѣда моего, которому доводился онъ племянникомъ, и по самому тому, ѣзжалъ къ нему часто и съ женою своею. И какъ случалось намъ бывать вмѣстѣ, то чрезъ то и познакомились мы съ симъ человекомъ, и я благопріятствомъ его къ себѣ былъ всегда доволенъ.

Тутъ же въ домѣ возобновилъ я старинное знакомство и съ сестрою сего моего знаменитаго сосѣда и самою тою старушкою, Варварою Матвѣевою Темирязовою, которая предала мнѣ повѣсть о плѣнникѣ нашемъ, Еремѣѣ Гавриловичѣ. Она была въ сіе время уже очень стара, жила, верстъ за 15 отъ насъ, въ деревнѣ Костинѣ, съ овдовѣшею и довольно еще молодою невѣсткою своею, Татьяною Михайловною, и ездѣтми, а своими внучатами, коихъ было у нея двое, но оба еще малолѣтнія. И какъ старушка сія ѣзжала нерѣдко къ брату своему, поминутому генералу, то по сему случаю возобновилъ и я съ нею знакомство и бывалъ нѣсколько.

Я неприманулъ также, и тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ Москвы съѣздить къ прежде упоминаемому внучатному дядѣ своему, Захарію Федоровичу Каверину, и возобновить съ нимъ прежнее знакомство и дружбу. Я нашель его въ прежалкомъ положеніи. Будучи человекомъ очень небогатымъ, имѣлъ онъ, по несча-

стію своему, жену рѣдкаго, особливаго и столь страннаго и строптиваго характера и нрава, что ни съ кѣмъ не могла она ужиться въ мирѣ и въ тишинѣ, а всего меньше съ своими рабами.

Сіи были у нихъ прямо несчастныя твари. За все-про-все, и не только за дѣло, но и за самыя бездѣлицы принуждены они были отъ сей безпутной и вздорной женщины вытерливать не только всякія брани и ругательства, но и самыя побои и мучительствы. Почему и неудивительно было, что они, будучи нерѣдко сею женщиною доводимы до того, что животу своему были нерады, принуждены были отъ нихъ уходить и въ бѣгствѣ искать себѣ спасенія и отрады.

Словомъ, нравъ сей удивительной женщины до того былъ худъ, что неуспѣлъ дядя мой, выпросившись изъ службы, навремя приѣхать пожить въ маленькую свою и ничего незнающую деревнишку, какъ въ самое короткое время успѣла она не только всѣхъ, служившихъ при нихъ и жившихъ во дворѣ людей, но и самыя крестьянъ разогнать, и до того дойти, что имъ не съ кѣмъ почти жить было, и вмѣсто лакеевъ прислуживали имъ небольшія, набранныя изъ крестьянъ, дѣвочки. И въ такомъ-то точно положеніи нашель я тогда сію злопозучную чету супруговъ и не могъ, какъ странному характеру сей удивительной женщины, такъ и добродушію, мягкосердію, кротости и смиренномудрію несчастнаго моего дяди, переносящему все то съ терпѣніемъ, довольно надивиться.

Кромѣ сихъ благородныхъ людей, возобновилъ я старинное знакомство съ живущими на заводахъ у насъ нѣмцами, кои въ тогдашнее время всѣми сосѣдственными дворянами принимаемы были такъ, какъ-бы полублагородные. Они имѣли входъ во всѣ дома и вездѣ ихъ сажали съ собою и обходились съ ними такъ, какъ бы съ бѣдными какими дворянами—чего они по хорошему своему поведенію и порядочному образу жизни, были нѣкоторымъ образомъ и достойны. Изъ нихъ были тогда наизнаменитѣйшими изъ жившихъ на Сала-

мыковскомъ заводѣ, Мартинъ Петровъ Пшосве; а изъ жившихъ на Ченцовскомъ заводѣ, Иванъ Тусеевъ, Навей Ивановъ и старикъ Янъ Гинтеръ. Всѣ они были мнѣ знакомы и всѣ ѣзжали и хаживали ко мнѣ; но никто изъ нихъ такъ ко мнѣ негаскался и такъ часто у меня не бывалъ, какъ старуха жена Яна Гинтера, съ обонми своими сыновьями, Никою и Навеемъ. Она извѣстна была повсюду подъ именемъ Ивановны, и старуха была отъменно добрая, и такого веселаго и хорошаго характера, что я всегда бывалъ радъ, когда она ко мнѣ прихаживала.

Съ сими разными людьми и сосѣдями свелъ я знакомство и дружбу въ первые дни жительства моего въ деревнѣ. И ихъ-то, или наче знаменитѣйшихъ изъ нихъ, хотѣлось мнѣ пригласить къ себѣ въ день именинъ моихъ. Чтобъ торжественно сіе сдѣлать колико-можно лучшимъ, то прибралъ я сколько могъ свою хату; велѣлъ выломать изъ нея всѣ старинныя лавки и полки; замазалъ на стѣнахъ все прежнее свое гвазданье и глуныя фигуры; выбѣлилъ потолокъ, стѣны и печь; вынесъ прежній длинный и простѣйшій дубовый столъ, отыскалъ другой складной и лучшій, а для сидѣнья успѣлъ отдѣлать и обить канане и дюжину стульевъ. Сосѣдственной Доминской и принадлежавшій г. Хитрову столляръ призыванъ былъ еще до отъѣзда моего въ Москву ко мнѣ, и подряженъ былъ не только сдѣлать мнѣ въ самой скорости помянутые канане и стулья но и выучить еще одного молодого крестьянина моего столлярному искусству, котораго рекомендовали мнѣ, какъ отъменно къ тому способнаго человѣка.

По особливому счастью и случился у меня тогда изъ молодыхъ крестьянъ, дѣйствительно, съ такими отъменными дарованіями и способностями, что ему не было нужды учиться долѣе одного мѣсяца. И какъ сіе время ни коротко было, однако, я получилъ въ немъ не только хорошаго столяра, но и купцъ рѣшника, токаря, колесника, каретника, золотѣря и такого во всемъ художника, что я былъ имъ крайне доволенъ. Попѣ, живши всегда при мнѣ, при помощи моей,

такъ всему наблюннлся, что въ послѣдующія времена въ состояніи былъ вступать въ разныя подряды, дѣлать и золочивать иконостасы, убирать дворянскіе дома и предпринималъ и другія подобныя тому дѣла. превосходящія почти его силы и возможности, и обучилъ всему тому не только мнѣ другого человѣка, но и все свое семейство.

Прибравши помянутымъ образомъ свои хоромцы и сдѣлавъ предпринимаемому торжеству всѣ нужныя приготовленія и поздавъ въ 7-й день октября, какъ въ день рожденія моего, Творцу и Богу моему благодареніе за покровительство его во всѣ протекшіе 24 года моей жизни, и начавъ препровождать двадцать-пятый годъ своего вѣка, пригласилъ я всѣхъ помянутыхъ сосѣдей своихъ въ 17-е число, какъ въ день именинъ моихъ, къ обѣду; и былъ столь счастливъ, что всѣ почти они по сѣщеніемъ своимъ меня и удостояли.

Первымъ и главнѣйшимъ гостемъ былъ у меня генералъ, мой дѣдушка и ея превосходительство его супруга. Съ нимъ вмѣстѣ не отрекся посѣтить меня, случившійся тогда у него и помянутый господинъ Хвоцинскій съ женою, равно какъ и старушка, сестра генеральская, съ своею невѣсткою. За сими слѣдовалъ дядя мой, г. Каверинъ; по сей былъ одинъ, а супруга его изволила отказать и не поѣхала. Далѣе пожаловалъ ко мнѣ ближній мой сосѣдъ г. Ладыженскій, съ женою; а какъ ко всѣмъ имъ присовокупился и отецъ Пларіонъ съ дьякономъ, то и составила нарочитая компанія.

По елику было сіе еще въ первый разъ отъ роду, что я трактовалъ у себя такъ многихъ и столь знаменитыхъ гостей, то старался я угостить ихъ колико можно лучше и сколько ума и знанія моего къ тому доставало. Но каковъ сей обѣдъ и каково сіе угощеніе было въ самомъ дѣлѣ, о томъ я уже и не говорю; а довольно, когда скажу, что я и по нынѣ еще совѣщусь и самъ себя стыжусь, когда ни вспоминаю сей праздникъ и всѣ его несовершенствы и то, какъ я тогда гостей своихъ угощалъ ихъ потчивалъ. Но правду сказать, чего

лучшаго можно было и требовать отъ холостого, въ пустомъ домѣ жить только начинавшаго и всѣхъ тогдашнихъ обрядовъ и обыкновеній еще незнавшаго молодого и одинокого человѣка?

Но какъ бы то ни было, мо гости мои угощеніемъ моимъ всѣ были довольны и за столомъ были очень веселы. Господинъ Ладыженскій развеселялъ всю компанію своими шутками и издѣвками, и нерѣдко заставлялъ всѣхъ хохотать и до слезъ почти смѣяться. Наилюбимѣйшая его привычка была говорить виршами, неразбирая, кстати-ль бы то было или некстати; но самымъ тѣмъ и смѣшили онъ всѣхъ присутствующихъ.

А какъ послѣ обѣда неприминулъ я всѣхъ ихъ сводить и показать имъ и свой вновь насажденный садъ, то тѣмъ такъ ихъ всѣхъ очаровалъ, что они не могли приписать мнѣ довольно похвалъ. И я получилъ отъ торжества сего ту пользу, что съ самаго того времени началъ уже повсюду разноситься обо мнѣ слухъ, что я, несмотря на всю молодость свою, былъ хорошій экономъ и превеликій до садовъ охотникъ, хотя въ самомъ дѣлѣ я весьма еще отъ того былъ удаленнымъ.

По отпразднованіи сего праздника, принялся я опять за разныя экономическія дѣла, и пользовалъ достальнымъ и способнымъ въ садѣ деревъ временемъ осеннимъ, успѣлъ сдѣлать въ новомъ саду своемъ еще одно дѣльцо, а именно, положить первое основаніе садовому своему магазину или питомнику. Я назначалъ къ тому особое мѣсто, велѣлъ оное вскопать и передѣлать въ грядки; а потомъ насадилъ на нихъ множество молодыхъ лѣсныхъ яблонюкъ; а на иныхъ грядкахъ насыалъ яблочныхъ зеренъ или почекъ, и послѣдовалъ во всемъ томъ наставленіямъ иностранныхъ писателей. Хотѣлъ-было я и кромѣ сего предпринимать еще кое-что въ садахъ моихъ, но наставшіе осенніе дожди и ненастья, сдѣлавшіе повсюду грязь, и наконецъ самая стужа и зимье, согнали меня съ дворя и привудили сидѣть въ теплѣ и

примолженіе къ «русской старинѣ» 1871 г.

помышлять о внутреннихъ занятіяхъ и забавахъ.

И тогда-то, а особливо въ короткіе мрачные дни и длинныя осенніе вечера. почувствовалъ и узналъ я впервые, что такое есть холостая и уединенная, одиночная и прямо деревенская жизнь! И какъ до того времени живалъ я всегда въ людствѣ, былъ на людяхъ и имѣлъ съ свѣтомъ сообщеніе; а тогда, вдругъ увидѣлъ себя удаленнаго отъ всякаго сообщенія съ свѣтомъ и въ совершенномъ одиночествѣ и уединеніи.

Перемѣна сія, а особливо сначала, по непривычкѣ еще, была для меня очень поразительна! И я не знаю, чтобъ со мною было. еслибъ непомогла мнѣ въ семъ случаѣ охота моя къ книгамъ и литературѣ? Тутъ-то оказали книги и науки мои первую и наиблаженнѣйшую мнѣ услугу, превративъ скоро и самое скучнѣйшее осеннее время въ наиприятнѣйшее, и усладивъ такъ мою уединенную жизнь, что я не только не чувствовалъ ни малѣйшей скуки и тоски, съ уединеніемъ сопряженной, но, напротивъ того, былъ еще такъ веселъ, что и не видалъ, какъ протекали дни и длинныя вечера.

Ибо, не успѣлъ я приняться опять за свои книги, какъ тотчасъ и заведи онъ меня въ разныя ученыя упражненія, и сдѣлали то, что мнѣ и въ сіе скучное осеннее время сдѣлалась всякая минута такъ дорога, что мнѣ не хотѣлось терять оную понапрасну. Почему и находился я въ непрерывныхъ упражненіяхъ и занимался то чтеніемъ книгъ, то размышленіями о читанномъ, то самимъ писаніемъ, и либо сочиненіемъ чего-нибудь, либо переводомъ, или переписываніемъ набѣло. И употреблялъ къ тому не только все дневное время, но просиживалъ и вечера, и занимался иногда тѣмъ до полуночи самой, сидючи одинъ съ свѣчкою въ большихъ своихъ и пустыхъ почти хоромахъ; и не чувствовалъ ни мало скуки, съ такимъ одиночествомъ и уединеніемъ сопряженной.

Я прочелъ въ сіе время не только множество разныхъ книгъ, но, занимаясь нерѣдко философическими мыслями, и со-

чинилъ нѣкоторыя небольшія правоучительныя пьесы. Изъ сихъ въ особливости памяты мнѣ мысли мои «о времени и о душевномъ снѣ», въ которомъ погружены бываютъ всѣ люди, и нѣкоторыя другія, помѣщенные въ книгѣ, содержащей въ себѣ первые опыты моихъ правоучительныхъ сочиненій. И сіи сочиненія могутъ служить свидѣтельствомъ тогдашняго расположенія и запятія моихъ мыслей.

Словомъ, ученія сіи упражненія произвели то, что я, вмѣсто скуки, начиналъ и тогда уже чувствовать всю приятность свободной и ни отъ кого независимой, непринужденной и спокойной деревенской жизни, и нескучалъ нимало ни временемъ, ни одиночествомъ своимъ.

Единаго мнѣ только недоставало, а именно человѣка, съ которымъ бы я могъ говорить о книгахъ и о ученыхъ дѣлахъ, и которому бы я могъ сообщать самыя чувствованія души моей и отъ него тѣмъ же самымъ пользоваться. Изъ всѣхъ моихъ пемногихъ тогдашнихъ сосѣдей не находилъ я ни одного, который бы былъ къ тому сколько-нибудь способенъ и съ которымъ бы могъ я съ сей стороны дѣлать свое время. Господинъ Ладженскій былъ хотя и добрый, любезный и такой мнѣ сосѣдъ, съ которымъ я не рѣдко и все удовольствіемъ видался, но будучи вовсе неученымъ, не могъ онъ быть мнѣ такимъ собесѣдникомъ, какого мнѣ недоставало и какого желала имѣть вся внутренность души моей.

Наконецъ, удовольствовано было нѣкоторымъ образомъ и въ томъ мое вожделѣніе. Въ одинъ день, и когда я всего меньше о томъ думалъ и помышлялъ, вѣзжающій ко мнѣ одинъ гость на дворъ. Мы смотримъ и не узнаемъ, кто-бы такой былъ это?... Но какъ обрадовался и удивился я, увидѣвъ вошедшаго къ себѣ самаго того господина Писарева, съ которымъ познакомился я еще въ Кеннигсбергѣ, — съ которымъ сѣхался и ѣхалъ нѣсколько времени вмѣстѣ во время ѣзды своей въ Петербургъ и съ которымъ не одну, а многія минуты препроводили мы

въ такихъ разговорахъ, какія были для меня во всякое время наипріятнѣйшими изъ всѣхъ, и составляли истинную пищу душевную!

— «Ахъ, батюшка ты мой, Иванъ Тимоѣевичъ! воскликнулъ я его узнавъ. Откуда это ты взялся? И какъ это тебя Богъ ко мнѣ принесъ?..»

— Откуда ни взялся, а вотъ видишь здѣсь у тебя, мой другъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, меня обнимая и цѣлуя. — То-то, держись друга, продолжалъ онъ мнѣ говорить: не успѣлъ узнать и услышать только, что ты приѣхалъ въ отставку и теперь живешь въ своемъ домѣ, какъ на другой же день къ тебѣ и поскакалъ, мой другъ.

— «О, какъ ты меня обрадовалъ и одолжилъ тѣмъ, говорилъ я ему. — Но скажи, пожалуй, гдѣ же ты живешь. И далеке ли отсюда?»

— Очень не далеко, отвѣчалъ онъ мнѣ, — всего только верстъ за тридцать. Я сегодня же, позавтракавъ дома, къ тебѣ поѣхалъ. И вотъ, видишь, какъ приѣхалъ еще рано.

— «О, какъ я этому радъ! подхватилъ я, его сажая. И поэтому мы можемъ съ тобою часто видѣться; и ты наградишь мнѣ собою то, чего недостаетъ мнѣ только въ нынѣшней моей деревенской жизни. Пожалуюсь тебѣ, любезный другъ, что хоть много сосѣдей, но истинно не съ кѣмъ и одного слова разумнаго промолвить. Но теперь, съ тобою, мой другъ, можемъ мы опять по прежнему говорить и проводить часы въ удовольствіи особливомъ».

— Тѣ же вѣсти и у насъ, сказалъ онъ: меня самого наиболѣе то же протурило сюда. И мнѣ столь усердно восхотѣлось возобновить наше прежнее дружество съ тобою, что я покоя не имѣлъ покуда тебя не увидѣлъ.

Я благодарилъ вновь за то моего любезнаго гостя и старался угостить его сколько могъ лучше. Онъ пробылъ у меня двое сутокъ, и въ сіе время чего и чего не было у насъ съ нимъ говорено, и о чемъ и о чемъ не разсуждаемо? Господинъ Писаревъ не былъ хотя порядочно

ничему ученъ, не зналъ хотя никакихъ языковъ, кромѣ своего природнаго, но, будучи охотникъ до чтенія книгъ, начитанъ былъ всему и всему такъ много, что можно было съ нимъ говорить, какъ съ ученымъ, обо всемъ и обо всемъ, и между прочимъ о самыхъ важнѣйшихъ матерiяхъ, относящихся до религiи и нравоученiя. Сiи матерiи были для его еще и наипрiятнѣйшими. А какъ онѣ таковыми же были и мнѣ, то и препровождали мы многiе часы сряду, разговаривая о томъ съ равнымъ съ обѣихъ сторонъ удовольствiемъ душевнымъ.

Вотъ обстоятельство, которое наиболѣе меня къ сему человѣку привязывало. Но и кромѣ сего былъ онѣ мнѣ и съ другой стороны полезенъ: будучи гораздо меня старѣй и живучи болѣе моего въ большомъ свѣтѣ и всю жизнь свою обращающаясь между людьми, былъ онѣ во всемъ, относящимся до свѣтской жизни, несравненно меня свѣдущѣе. Самый тогдашнiй деревенскiй образъ жизни всѣхъ дворянъ былъ ему короче и совершенно извѣстенъ; а какъ мнѣ всего того не доставало, то и могъ онѣ мнѣ въ семь случаевъ быть наилучшимъ совѣтникомъ и наставникомъ; и я непреминулъ воспользоваться сими его знанiями, взявъ къ тому, какъ пользовался онѣ моими философическими. Словомъ, мы взаимно помогали знанiями своими другъ другу; но съ тою только разностию, что онѣ, будучи меня старѣе, во всемъ опытнѣе и хитрѣе, умѣлъ скоро вперить въ меня къ себѣ отрицательное и такое уваженiе, что я впадалъ власно, какъ въ пѣкое повиновенiе ему и допустилъ его взять надъ собою верхъ и власно, какъ вѣкое господствованiе.

Всходствiе чего, какъ между прочими разговорами, неоднократно доходила у насъ рѣчь и до того, какъ мнѣ лучше расположить свою жизнь въ деревнѣ, то непреминулъ онѣ мнѣ давать въ томъ свои совѣты и наставленiя. И хотя также говорилъ, какъ и всѣ прочiе, что одному мнѣ прожить никакъ будетъ не можно, а надобно мнѣ будетъ неотмѣнно жениться; однако, не совѣтовалъ мнѣ ни-

какъ снѣ важнымъ дѣломъ спѣшить, но напередъ гораздо осмотрѣться; да и ко всѣмъ невѣстамъ, которыя мнѣ отъ кого-нибудь предлагаемы будутъ, невдвугъ и не слишкомъ скоро привязываться, а стараться какъ можно болѣе выигрывать время, для узнанiя свойствъ и характера каждой, дабы тѣмъ надежнѣе могъ быть выборъ и не такъ легко можно было опшбнться въ ономъ.

И слушалъ всѣ сiи совѣты съ такимъ вниманiемъ, какого они были достойны, и непреминулъ рассказать ему о всѣхъ невѣстахъ, которыя мнѣ кой-къмъ были уже сказываемы; а онѣ мнѣ рассказалъ о тѣхъ, какiя ему были извѣстны. Но при разговариванiи о каждой, качалъ онѣ только головою, давая чрезъ то знать, что непочитаеть ее приличною для меня и такую невѣстою, на которой бы можно было мнѣ посвататься. Въ разсужденiи каждой находилъ онѣ что-нибудь, чѣмъ онѣ могъ, либо опорочивать, либо сдѣлать мнѣ ее непрiятною и независтною.

«Ты у насъ», говорилъ онѣ мнѣ, «женiшохъ теперь съ именемъ, и такой, что какъ скоро узнають тебя короче всѣ и о всѣхъ твоихъ качествахъ разнесется молва повсюду, то найдутся многiя изъ дѣвушекъ, которыя не отрекутся за тебя вытгить, и которыхъ матери и отцы съ радостiю за тебя отдадутъ. Но для тебя-то не всякая годится, и потому-то нѣтъ нужды и спѣшить. О достаткѣ я не говорю, продолжалъ онѣ:—достатокъ—последнее дѣло, и съ нимъ многихъ невѣсть найти можно; а нужно, чтобъ былъ человѣкъ и чтобъ тебѣ весь свой вѣкъ не съ скотиною жить, а чтобъ и другая-то половина имѣла сколько-нибудь такихъ же склонностей и дарованiй, какiя имѣешь ты. Какъ, напримѣръ, была бы охотница до наукъ, или любила-бъ, по крайней мѣрѣ, читать книги и чтобъ было тебѣ съ кѣмъ промолвить слово».

Я одобрялъ все, имѣ говоренное и положилъ слѣдовать въ семь пунктовъ его совѣту, и просилъ помогать мнѣ въ томъ дружескими своими совѣтами,— что онѣ и обѣщавалъ мнѣ свято,

Препроводивъ двое сутокъ у меня съ отпѣвнымъ для обоихъ насъ удовольствіемъ, поѣхалъ онъ, наконецъ, домой, но взявъ напередъ клятвенное почти общаніе съ меня, чтобъ приѣхать къ нему, какъ скоро только мнѣ возможно будетъ, — что я не только общалъ ему охотно, но и дѣйствительно сдержалъ свое слово, и чрезъ нѣсколько дней къ нему поѣхалъ.

Я нашелъ его живущаго въ домѣ отца своего, который былъ старичокъ простенькой и ничего почти незначущій. Оба они были мнѣ очень рады и старались угостить меня всѣми образами. Третій жилъ съ ними меньшей его братъ, нынѣшній владѣлецъ сего имѣнія; женщины же никакой у нихъ тогда не было. Самъ старикъ былъ давно уже вдовъ, а оба его сыновья еще холосты; дочери же, которую онъ одну только и имѣлъ, не было тогда дома. Находилась она у какой-то родственницы, въ Смоленскѣ, и пріятель мой невѣдомо какъ тужилъ о томъ, что находилась она въ отсутствіи. И какъ о сей дѣвушкѣ не одинъ, а много разъ доводилъ онъ рѣчь и стороною невѣдомо какъ расхваливалъ ея характеръ и охоту ея къ читанію книгъ, а особливо важныхъ и правоучительныхъ, то хотя онъ и не предлагалъ никогда ее мнѣ въ невѣсты, и какъ тогда, такъ и послѣ, ни однажды и не заикался о томъ; однако, непомѣрная расхваливанія его показались мнѣ съ самаго начала какъ-то подозрительными. И я не однажды самъ себя говорилъ: «уже не прочитъ ли онъ за меня сестры своей и не скрывается ли у него въ умѣ какой замысль?» А всходствіе того, рѣшился я и въ разсужденіи сестры его братъ такія же предосторожности, какія совѣтовалъ онъ мнѣ принимать противъ другихъ, и не допускать никакъ и его запутать меня въ такія сѣти и тенета, изъ какихъ не можно-было мнѣ послѣ выдраться.

Ночевавъ у него двѣ noci и препроводивъ также все сіе время въ пріятныхъ съ нимъ разговорахъ, возвратился я домой, и занявшись опять прежними

своими упражненіями, сталъ дожидать къ себѣ меньшую свою сестру изъ Кашина. Поспѣшеніе приѣхать домой и разныя другія обстоятельства не допустили меня заѣхать къ ней, ѣдучи изъ Пскова въ деревню. Однако, изъ Москвы не преминулъ я ее о себѣ увѣдомить, и звалъ ее усиленнымъ образомъ, чтобъ она приѣхала ко мнѣ для свиданія. А какъ не было на письме мое никакого отвѣта, то и ласкался я надеждою увидѣть скоро ее въ родительскомъ домѣ; однако, счетъ сей дѣланъ былъ безъ хозяина, какъ то означится ниже.

Кромѣ сего не помню я ничего особеннаго, чтобъ случилось со мною въ теченіи сей осени, кромѣ того, что женилъ я младшаго изъ бывшихъ со мною въ службѣ слугъ и тогдашняго своего камердинера и лакея, Аврама. И какъ въ домѣ неслучилось тогда ни одной дѣвки, которая-бы могла-бы быть ему невѣстою, то въ удовольствіе старика прикащика, отца его, купилъ я дѣвку ему въ одномъ соседственномъ дворянскомъ домѣ, и по тогдашней дешевизнѣ, только за десять рублей. А какъ былъ въ домѣ у меня и другой женихъ, братъ старшаго моего слуги, Якова, то восхотѣлось сдѣлать мнѣ и ему удовольствіе и женить такимъ же образомъ его брата, на купленной же въ постороннемъ домѣ дѣвкѣ.

Впрочемъ, по наступленіи настоящей зимы, началъ я мало-по-малу собираться ко вторичной своей ѣздѣ въ Москву. Причины, побуждающія меня къ сей ѣздѣ, были разныя. Во-первыхъ, хотѣлось мнѣ пожить сколько-нибудь подолѣе въ Москвѣ и спознакомиться короче съ прежними моими знакомцами и родными, которыхъ въ первую свою поѣздку я видѣлъ только вскользь и сдружиться съ ними не имѣлъ и времени. Во-вторыхъ, нужно было мнѣ и пообмундироваться и запастись такимъ платьемъ, какового у меня не доставало.

Далѣе думалъ я и о томъ, не случится ли мнѣ тамъ гдѣ-нибудь найтись себѣ и невѣсту, съ мыслями моими согласную: ибо, признаться надобно, что женитьба

часто уже и самому мнѣ приходила на мысль и возбуждала желаніе. Стеченіе въ Москву со всѣхъ сторонъ въ сію зиму дворянства, по случаю пребыванія императрицы въ оной, подавало къ тому нѣкоторую надежду; а къ тому-жъ хотѣлось воспріять участіе и въ разныхъ увеселеніяхъ, о которыхъ молва посылалась, что въ ту зиму въ Москвѣ будутъ. Наконецъ, и что всего важнѣе, хотѣлось мнѣ изъ Москвы съѣздить и въ Кашинъ, чтобъ повидаться тамъ съ сестрою своею, которая увѣдомляла меня чрезъ письмо, что самой ей быть ко мнѣ никакъ было не можно, и звала меня къ себѣ для свиданія.

Но какъ къ путешествію такому потребны были деньги, а у меня отъ прежнихъ оставалось уже очень мало, то не могъ я въ путешествіе сіе прежде отправиться, какъ дождавшись возвращенія отправленнаго въ Москву обоза съ хлѣбомъ. Сей обозъ былъ первый, который отправилъ я при себѣ на продажу. И хотя я всячески постарался сдѣлать его многочисленнымъ, но денегъ привезли ко мнѣ за него весьма весьма умеренное количество: но чему и дивиться не можно, если разсудить о тогдашнихъ низкихъ цѣнахъ хлѣбу и другимъ нашимъ деревенскимъ продуктамъ. Рожь непокупалась тогда выше рубля четверть; а которая была хуже, за ту не болѣе 90 и 80 копѣекъ давали. Ячменя четверть продавалась только по 90, а овса по 80 копѣекъ: самое пшено и пшеница покупалась только по 160, а крупу и горохъ по 150 копѣекъ четверть; самое масло покупалось только по 180 копѣекъ пудъ. Не ужасная ли разница съ нынѣшними цѣнами, и что тогда и на превеликомъ обозѣ получить было можно?.. Но за то и сахаръ продавался тогда не дороже 10 рублей пудъ, а въ сравненіи съ нимъ и всѣ другія вещи также. Вотъ какая разница произошла въ теченіи какихъ-нибудь 30 или 40 лѣтъ! Но и то правда, что мы тогда не имѣли еще бумажныхъ денегъ и не розданы еще были толь многіе миліоны оныхъ взаимъ дворянству.

Снабдивъ себя деньгами и собравшись въ путь, отправился я въ оный на другой день Рождества Христова. Но выѣздъ въ сей разъ былъ мнѣ очень неудаченъ. Неусиѣлъ я проѣхать Серпуховъ, какъ занемогъ рвотою и жестокимъ поносомъ, такъ сильно, что, испужавшись, чтобъ не слечь на дорогѣ, велѣлъ я тотчасъ обративать назадъ оглобли и везти меня обратно въ деревню; но, поспасію, болѣзнь моя была самая кратковременная, непродлилась болѣе однихъ сутокъ и не имѣла никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій: ибо, какъ произошла она единственно оттого, что я, разговѣвшись на Рождество, неосторожно наѣлся свиного желудка, и тѣмъ свой желудокъ испортилъ; то неусиѣла рвота и поносъ желудокъ мой очистить, какъ вся болѣзнь и прошла благополучно сама собою, и я въ скоромъ времени такъ оправился, что могъ смѣло отважиться пуститься опять въ путь свой, и приѣхалъ въ Москву благополучно.

Но какъ съ сего времени наступилъ не только новый 1763-й годъ, но нѣкоторымъ образомъ и новый періодъ моей жизни, то и начну я описывать оный въ письмѣ будущемъ; а теперешнее сию кончу, сказавъ вамъ, что я есмь и прочая.

МОСКОВСКАЯ ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ.

Письмо 105-е.

Любезный пріятель. Начиная теперь описывать вамъ новый и особый періодъ жизни и происшествія, случившіяся со мною въ теченіи 1763-го года, скажу вамъ, что періодъ сей потому почитаю я нѣкоторымъ образомъ особливымъ, что въ оный спознакомился я сколько-нибудь съ нашею приватною дворянскою свѣтскою жизнью. Ибо до сего времени была вся жизнь моя болѣе военная, находился я наиболѣе внѣ отечества своего, занимался мыслями своими болѣе о книгахъ и ученыхъ дѣлахъ, а о свѣтской жизни и обращеніи въ оной имѣлъ всего меньше попеченія: и потому относительно до оной былъ я почти совершенный

еще невѣжда, и мнѣ не только недоста-вало потребныхъ къ тому свѣдѣній и на-выка, но было во мнѣ много еще дикаго, грубаго и необолваннаго, — такъ, что я въ свѣтскомъ обращеніи, а особливо въ нашемъ дворянскомъ приватномъ родѣ жизни былъ еще очень несовершеннымъ и представлялъ собою фигуру, со мно-гими недостатками сопряженную. И съ сей стороны сколько-нибудь и мало-по-малу выправляться. Ибо, что касается до пер-выхъ четырехъ мѣсяцевъ, прожитыхъ въ деревнѣ, то и сіе время, препровожден-ное мною наиболѣе въ уединеніи, не могло еще къ тому много способствовать, и преподало мнѣ только случаи узнать и примѣнить собственные мои въ томъ и съ сей стороны недостатки.

Симъ выправленіемъ своимъ обязанъ я сей первой моей московской жизни, или паче, тѣмъ четыремъ домамъ, съ кото-рыми наиболѣе я тогда ознакомился и въ которыхъ наиболѣе проводилъ свое время. Всѣ они были мнѣ родные и для меня очень благопріятны и дружествен-ныя. Но дабы преподавать вамъ лучшее о томъ понятіе, то расскажу объ нихъ подробнѣе.

Первѣйшимъ и болѣе всѣхъ соучастіе въ томъ имѣвшимъ домою, былъ домъ преждеупоминаемаго г. Павлова, шу-рина моего дяди. Какъ изъ всѣхъ род-ственниковъ не имѣлъ я никого ближе сего родного брата покойнаго родителя моего и отъ него былъ искренно любимъ. то и хотѣлось ему, чтобъ я, приѣхавъ въ сей разъ въ Москву не на короткое время, а съ тѣмъ, чтобы въ оной нѣсколь-ко недѣль пожить, видался съ нимъ какъ можно чаще; и для удобнѣйшаго произ-веденія сего въ дѣйство, сталъ квартирою поближе къ ихъ дому. Сперва хотѣлось-было ему, чтобъ я сталъ у нихъ въ са-момъ томъ домѣ, гдѣ онъ тогда жилъ, па что и шуринъ его былъ согласенъ; но какъ домъ сей былъ нѣсколько тѣсно-вать и не нашлось въ немъ для меня особыхъ покойцевъ, а къ тому-жъ и само-му мнѣ не хотѣлось быть всякій часъ

связаннымъ и я лучше хотѣлъ жить гдѣ-нибудь на свободѣ, то, при помощи ихъ, и прислана была мнѣ шаговъ за сто отъ ихъ дома изрядная кваргирка въ камен-номъ домѣ одного изъ поповъ, принадле-жащихъ къ церкви Климента папы Рим-скаго, гдѣ я, по приѣздѣ своемъ, и распо-ложился.

Неуспѣлъ я еще въ оной разобрать-ся и сколько-нибудь обостроиться, какъ и былъ уже отъ г. Павлова приглашенъ къ нему къ обѣду. Весь домъ сей, сдѣ-лавшійся мнѣ, уже при первомъ моемъ приѣздѣ въ Москву, знакомымъ, обрадо-ванъ былъ тогда моимъ приѣздомъ, и всѣ хозяева онаго принимали меня тогда, какъ бы близкаго своего родного и ока-зывали мнѣ невозможнѣйшія ласки. Происходило сіе отчасти отъ того, что они искренно любили моего дядю, а по немъ и мнѣ, какъ ближнему его род-ственнику, хотѣли оказать свое благо-пріятство. А наиболѣе и самъ я по-далъ имъ къ тому поводъ: ибо я имѣлъ счастье какъ-то имъ и въ прежнюю уже мою бытность у нихъ въ особенности понравиться. А въ сей разъ, неуспѣлъ я у нихъ нѣсколько разъ побывать, какъ и стали они принимать меня, какъ-бы дѣй-ствительно своего ближняго родного и обходились со мною безъ всякихъ чиновъ, но дружелюбно, откровенно и такъ, что я всѣмъ обращеніемъ ихъ со мною край-не былъ доволенъ.

Благопріятство ихъ ко мнѣ было такъ велико, что они усиленнымъ образомъ про-сили меня почитать ихъ за своихъ ближ-нихъ родныхъ и не только приѣзжать и приходить къ нимъ всякій день, когда ни случится мнѣ быть дома — обѣдать и ужинать; но дѣлить съ ними и все про-чее время, когда только я имѣть буду къ тому досугъ и находиться дома.

Предложеніе такое было мнѣ, какъ хо-лостому, одинокому, заѣзжему и никого еще въ Москвѣ почти незнающему че-ловѣку, весьма-весьма непротивно. И я охотно на то согласился, и тѣмъ паче, что домъ сей былъ не изъ самыхъ чиновныхъ, и не такой, гдѣ-бъ наблюдаемъ былъ во

всемъ этикетъ и гдѣ-бъ долженствовало быть во всегдашней принужденности. Ибо, что касается до самого старика хозяина, то былъ хотя человекъ богатой, но самой простой, скупой и дряхлый и никуда почти со двора не выѣзжавшій, и относительно до меня очень ласковый, и меня, за тихое и скромное поведеніе, очень полюбившій.

Но напротивъ того, жена его была боярыня умная, расторопная, нарочито бойкая, знающая свѣтское обращеніе и старающаяся жить такъ, какъ живутъ другія, съ наблюденіемъ, однако, во всемъ добраго хозяйства и благоустройства въ домѣ. И какъ я имѣлъ счастье поведеніемъ и всѣми поступками своими и ей понравиться и полюбитья, то обходилась и она со мною не только ласково и дружелюбно, но такъ, какъ бы дѣйствительно родная. И я, выправленіемъ всѣхъ своихъ несовершенствъ и недостатковъ весьма много обязанъ ей совѣтамъ и обращенію со мною. Что касается до моего дяди и тетки, то отъ нихъ научиться и перенять мнѣ было нечего; они сами были люди совсѣмъ не свѣтскіе, а благодущные и простые, и я пользовался только ихъ къ себѣ ласкою и пріязнію.

Итакъ, сей-то домъ былъ первымъ, въ которомъ, бывая всякій почти день и проводя дѣйствительно все праздное свое время, спознакомился я сколько-нибудь съ обращеніемъ свѣтскимъ. Ибо, какъ хозяева жили не совсѣмъ уединенно, а былъ къ нимъ и довольный приѣздъ всякаго рода людей, то и имѣлъ я тутъ случай насмотрѣться, слышаться и навывкнутъ многому, къ чему нѣсколько посидѣли и оба сыновья г. Павлова, бывшіе уже взрослыми и воспитаны такъ, какъ требовала тогда свѣтская жизнь и обращеніе. И какъ я всегда за пранило себѣ поставлялъ прикраиваться, во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, не только къ старикамъ и степеннымъ людямъ, но и къ молодымъ, и даже самымъ дѣтямъ, то полюбили и они оба меня также, и обходились со мною искренно и друже-

любно. Словомъ, я былъ всѣмъ семействомъ г. Павлова и даже всѣми приѣзжавшими къ нему его родными и знакомыми очень доволенъ, и многіе дни и часы съ удовольствіемъ особымъ препроводилъ въ ихъ домѣ.

Другой домъ, имѣвшій также въ управленіи моемъ великое соучастіе, былъ того дяди моего г. Арсеньева, о которомъ упоминалъ я вамъ уже прежде и которому я такъ много обязанъ былъ въ моемъ малолѣтствѣ. Я ѣзжалъ къ нему такъ часто, какъ только мнѣ можно было; и какъ дядя, такъ и тетка принимали меня всякій разъ съ обыкновеннымъ ихъ ко мнѣ дружелюбіемъ, ласкою и благопріятствомъ. Какъ оба они жили тогда въ большомъ свѣтѣ и къ нимъ также былъ довольный приѣздъ, и рѣдко случалось, чтобъ я у нихъ не находилъ кого постороннихъ, и во всемъ наблюдалось тутъ уже болѣе чиновъ и этикета, то имѣлъ я случаи и тутъ насмотрѣться многому такому, чего не видалъ въ домѣ г. Павлова, и занять также для себя кое-что, къ управленію недостатковъ моихъ служащаго, и былъ съ сей стороны и симъ домомъ обязанъ многимъ.

Третій домъ, въ который я также въ сію бытность мою въ Москвѣ часто ѣзжалъ, былъ прежде уже отчасти упоминаемаго родственника моего, господина Бакъева, по имени Василья Никитича. Онъ былъ внучатной братъ покойной моей матери и знакомъ и другенъ очень съ покойными моими родителями, и всегда благорасположенъ въ нашему дому. Но мнѣ, какъ-то до того времени, знакомъ онъ былъ только по одному слуху и по дѣланымъ кой-когда намъ одолженіямъ; лично же его узвать никогда мнѣ до сего времени еще не удавалось. А въ сей разъ, я за первый долгъ себѣ почелъ къ нему съѣздить и, спознакомившись, поблагодарить его за всѣ дѣланныя имъ пренія къ дому нашему одолженія.

И какъ доволенъ я былъ, что сіе сдѣлалъ! Я нашелъ въ немъ такого родственника, какого только могла желать душа моя. Былъ онъ человекъ самый добрый, благо-

пріятный, степенный, обхожденія самого простого, милого, откровеннаго, нецеремоніальнаго, и такъ меня обласкалъ, что я съ перваго нашего свиданія искренно и столь много его полюбилъ, что съ особливимъ удовольствіемъ общалъ исполнить то, чего ему и всему семейству его очень хотѣлось, а именно, чтобъ я видался съ ними и приѣзжалъ къ нимъ какъ можно чаще.

Сему дому обязанъ я былъ также чрезвычайно много, относительно до усовершенствованія моего поведенія. Люди они были хотя небогатые, но жили порядочно, и въ свѣтскомъ обращеніи были столь знающіи, что весьма много занялъ я съ сей стороны и въ ихъ домѣ.

Но никто не имѣлъ въ томъ столько соучастія, какъ его дочери. Онъ имѣлъ ихъ двухъ, и обѣ онѣ были дѣвушки уже взрослые, обѣ умницы, прекрасныя собою и столь ласковаго, пріятнаго обращенія и такихъ хорошихъ и благонравныхъ характеровъ, что онѣ очаровали меня своимъ поведеніемъ; и, обходясь со мною какъ съ родственникомъ своимъ безъ всѣхъ чиновъ и принужденія, ласками и благопріятствомъ своимъ такъ меня къ себѣ привязали, что домъ ихъ сдѣлался мнѣ наиболѣе пріятнѣйшимъ изъ всѣхъ, и такимъ, въ который я охотнѣе, нежели во всѣ другіе ѣздилъ, и несмотря на всю отдаленность ихъ жилища отъ моей квартиры, бывалъ у нихъ очень часто.

Но къ сему много побуждали меня и всегдашнія просьбы и приглашенія стариковъ, ихъ родителей. Оба они въ короткое время такъ меня полюбили, что обходились со мною какъ съ самымъ ближнимъ роднымъ своимъ. Въ особенности же доволенъ я былъ ласкою старушки тетки, жены его. Она была не природная россиянка, а иностранка изъ какихъ-то азіатскихъ предѣловъ. Но будучи въ самомъ малолѣтствѣ воспитана при дворѣ еще императора Петра Великаго, сдѣлалась россиянкою, имѣла тихій, добродушный, ласковый и самый добрый характеръ, полюбила меня чрезвы-

чайно и обходилась со мною не иначе какъ съ роднымъ сыномъ.

Сихъ было у нихъ два. Старшій изъ нихъ назывался Тихономъ; былъ уже секретаремъ сенатскимъ и женатъ, и жилъ отъ нихъ особо и своимъ домомъ; а другой, Алексѣй, жилъ при нихъ, и малый былъ добрый. Изъ дочерей же ихъ звали, одну Татьяною, а другую Палагеею. И была между ими та разница, что хотя и обѣ онѣ были и умны и хороши собою, но большая была блондина и нѣсколько простодушнѣе, а меньшая брюнетка и во всемъ превосходнѣе сестры своей, и была не только лицомъ очень хороша, и ростъ имѣла прекрасный и пропорціональный, и фигуру представляла собою во всемъ прелестную, — но и жива, умна, пріятна, ласкова и одарена всѣми качествами, дѣлающими дѣвицу совершенною.

Впрочемъ, какъ онѣ были очень вѣзжи въ домъ къ одной княгинѣ Долгоруковой и были ею крайне любимы, и чрезъ самое то наиболѣе и навывли свѣтскому обращенію, то чрезъ ихъ познакомился и я съ симъ домомъ, — которой былъ четвертый, имѣвшій въ поправленіи моемъ великое соучастіе и сдѣлавшійся также чрезъ короткое время мнѣ весьма пріятнымъ. Княгиня сія была имъ, такъ какъ и мнѣ, по деревнямъ сосѣдка, а мнѣ еще и сродни. Мать ея, которую родители мои называли своею теткою и имѣли къ ней особое почтеніе, жила въ томъ же селѣцѣ Калитинѣ, гдѣ жилъ и помянутый дядя мой г. Бакѣевъ, и въ которомъ жили и всѣ предки мои съ матерней стороны; да и сама покойная мать моя родилась и воспитана была въ ономъ, у дѣда своего Гаврилы Прокофьевича Бакѣева.

Почтенная и важная старушка сія, которую я самъ еще запомню, выдавъ ее въ малолѣтствѣ, называлась Авдотьею Игнатьевною Пушиною, и было у ней всего только двое дѣтей, сынъ и одна дочь. Съ сими дѣтьми ея натура поступила не съ одинакою благоклонностію, но сколько благопріятна была ея дочери, произвела ее превеликою кра-

савицею и сдѣлавъ чрезъ самое то ея потомъ счастливою, столько, напротивъ того, немилосерда была къ ея сыну, произведя его дурнымъ и неуклюжимъ. Къ вящему несчастію, случилось еще ему самому себя особливимъ и нечаяннымъ образомъ и застрѣлить.

Нѣкогда, будучи уже въ совершенномъ возрастѣ и находясь въ службѣ, приѣхалъ онъ въ отпускъ повидаться съ помянутою матерью своею, и находясь у ней въ Калининѣ увидѣлъ однажды изъ окна сидящихъ на дворѣ воронъ. Вдругъ, приди ему охота застрѣлить онныхъ. Онъ схватываетъ ружье, о которомъ зналъ, что было оно заряжено дробью, выбѣгаетъ на крыльцо, прицѣливается, спускаетъ курокъ, но ружье обрѣвается. Онъ досадуетъ, хочетъ поправить кремень — не находитъ на полкѣ пороку, удивляется и заключаетъ, что онъ въ мѣнѣи своемъ обманулся, и что ружье было, либо незаряжено, либо кѣмъ выстрѣлено. Чтобъ удостовѣриться въ томъ, схватываетъ онъ за дуло, подноситъ его ко рту и, всунувъ въ ротъ, въ него дуетъ. Но въ самый сей несчастный моментъ ружье разряжается, выстрѣливаетъ ему въ ротъ и онъ падаетъ мертвъ на томъ же мѣстѣ съ расковерканною головою.

Легко можно заключить, каковъ тяжелъ былъ сей ударъ несчастной старухѣ, его матери, любившей его чрезвычайно и имѣвшей въ немъ одного по себѣ наследника! Ибо, что касается до помянутой ея дочери, то была она уже замужемъ. Нѣкто изъ фамиліи господъ Доторовыхъ, человекъ хотя пожилой, но очень богатый, плѣнясь красотой ея, на ней женился и она имѣла отъ него уже сына. И какъ старуха, почитая ее уже пристроенною къ мѣсту удачно, то и имѣла всю надежду на помянутого сына. Она не могла никакъ перенести несчастной его кончины, и не въ продолжительномъ времени и сама послѣдовала за нимъ въ гробъ, и помянутая дочь сдѣлалась всему имѣнію ея наследницею.

Но и сія недолго послѣ ея жила съ своимъ мужемъ: смерть похитила его у ней.

И какъ она осталась послѣ его еще очень молодою и была еще во всемъ блескѣ красоты своей, то, какъ для красоты, такъ и великаго достатка и женился на ней одинъ изъ нашихъ князей Долгоруковыхъ, по имени Иванъ Алексѣевичъ. И съ нимъ-то жила она тогда въ Москвѣ, въ пышномъ и огромномъ каменномъ своемъ домѣ и воспитывала при себѣ помянутого сына своего, бывшаго тогда уже мальчикомъ лѣтъ пятнадцати, и столь же прекраснаго, какова была сама она и французъ учитель обучалъ его наукамъ.

Въ сей-то домъ были помянутыя родственницы мои въѣзжи. И какъ княгиня была и имъ сродни, какъ и мнѣ, и любила ихъ чрезвычайно, то не только бывали онѣ у ней очень часто, но иногда и жилали по нѣскольку недѣль у ней. И поелику домъ сей принадлежалъ къ домамъ довольно уже знатнымъ и обращеніе въ ономъ было всегда многолюдное и большого свѣта, то отъ самаго того и научились онѣ всему свѣтскому обхожденію такъ, что по незнацію можно-бы было ихъ почестъ воспитанными въ домахъ знатныхъ.

Не успѣли онѣ со мною познакомиться, какъ непреминули онѣ пересказать обо мнѣ и помянутой своей знакомѣ и родственницѣ и насаказали ей столь много обо мнѣ хорошаго, что княгинѣ нетерпѣливо захотѣлось и самой спознаться со мною. Она помнила еще мою мать и всю ту дружбу и пріязнь, какою пользовалась она отъ ея матери; а видя и самого меня еще ребенкомъ, не только не отрекалась тогда отъ родства со мною, но и хотѣла усердно меня видѣть.

Мнѣ тотчасъ было сіе пересказано. И какъ она поручила помянутымъ родственницамъ моимъ звать и привести меня къ себѣ, то и долженъ я былъ на другой же день къ ней ѣхать съ ними и ихъ родными. Княгиня приняла меня съ такою ласкою и благопріятствомъ, какого я могъ только ожидать отъ самой ближней родственницы. И какъ имѣла она характеръ самый добрый и величій

ко умна, но и весьма тихаго и хорошаго нрава и поведенія самаго честнаго и порядочнаго; а при томъ, въ обхожденіи съ людьми была негорделива, а очень ласкова и дружелюбна,—то всѣмъ тѣмъ она такъ меня очаровала, что я съ перваго свиданія возышѣлъ къ ней и ея мужу искреннюю любовь и почтенеіе, и весьма охотно согласился выполнять ея желаніе и приѣзжать къ нимъ чаще, и былъ столь счастливъ, что въ короткое время и они меня такъ полюбили, что не хотѣли почти со мною разстаться.

Снѣмъ-то четыремъ домамъ обязанъ я всѣмъ исправленіемъ нравственнаго своего, или паче житейскаго характера, и въ сіи-то четыре дома ѣзжалъ я наиболѣе въ сію бытность мою въ Москвѣ. И какъ мнѣ нравилось ѣздить въ Москвѣ было мало, кромѣ исправленія нѣкоторыхъ покупокъ, кои я въ первые дни тотчасъ же и исправилъ, на квартирѣ же своей сидѣть одному было уже слишкомъ скучно; то и употреблялъ я все почти свое время на сіи разъѣзды; и проходилъ рѣдкій день, чтобъ я въ которомъ-нибудь изъ сихъ домовъ не былъ, и либо обѣдалъ, либо ужиналъ. И какъ вездѣ я былъ принимаемъ хорошо, вездѣ мнѣ были рады, вездѣ меня ласкали и мнѣ благопріятствовали, то могу сказать, что все время тогдашняго пребыванія моего въ Москвѣ протекло для меня такъ весело, что я и не видалъ, какъ миновало уже нѣсколько недѣль съ моего приѣзда.

Нельзя изобразить, сколь многому насмотрѣлся я, бывая во всѣхъ упомянутыхъ мною домахъ, и какое великое множество получилъ новыхъ для себя понятій! Всегдашнее обращеніе съ людьми есть лучшій для насъ наставникъ и учитель. И какъ-то уже всѣмъ намъ свойственно то, что отъ всякаго рода сожитія и обращенія съ людьми, всегда что-нибудь и само собою къ намъ и безъ всякаго умышленнаго перениманія прилипаетъ,—то колымъ паче прилипало тогда ко мнѣ все то, что я видѣлъ и слышалъ въ домахъ сихъ хорошаго, когда о томъ я и

самъ еще старался и неупускалъ замѣчать въ мысляхъ своихъ всякую неяснину.

Впрочемъ, не помню я, чтобъ въ сію бытность мою въ Москвѣ произошло со мною что-нибудь особенное, кромѣ не многаго нижеслужущаго.

Первое было то, что и тутъ, вездѣ, гдѣ ни бывалъ я у моихъ родственниковъ и знакомцевъ, твердили мнѣ все то же, что говорено мнѣ было уже въ деревнѣ отъ моихъ сосѣдей и знакомцевъ, а именно, что мнѣ надобно жениться и помышлять уже и о сысканіи себѣ невѣсты. Напоминанія таковыя слышалъ я вездѣ-и-вездѣ, и слышалъ многажды. И хотя я нимаю того не отвергалъ, но паче и самъ охотно со мнѣніемъ ихъ соглашался, и не рѣдко всѣмъ ихъ имъ говаривалъ: «За чѣмъ дѣло стало! Жениться, такъ жениться; а сыщите только невѣсту». Но какъ просьбы о томъ никогда почти не были прямо серьезныя, а наиболѣе смѣхомъ и никому еще не хотѣлось входить въ сватовство, а всѣ наиболѣе отзывались тѣмъ, чтобъ я самъ напередъ прискалъ себѣ по мыслямъ своимъ невѣсту, то и не доходило еще никогда до настоящаго сватовства. Одинъ только дядя мой, Матвѣй Петровичъ, и любезный мой сосѣдъ, Александръ Ивановичъ Ладыженской, которой также въ сіе время былъ въ Москвѣ и съ коимъ мнѣ случилось увидѣться, поступили нѣсколько далѣе.

Первый, по любви своей ко мнѣ, настоялъ всѣхъ больше на то, чтобъ я искалъ себѣ невѣсты и женился скорѣе. Не проходило почти ни одного дня, въ который бы невозобновлялъ онъ вновь со мною о томъ разговора и чтобъ неспрашивалъ меня: не случилось ли мнѣ гдѣ-нибудь запримѣтить дѣвушки такой, которая бы мнѣ годилась въ невѣсты? Но какъ я всегда сказывалъ ему, что—нѣтъ, какъ то и дѣйствительно было, то всякій разъ и сожалѣлъ онъ вновь, что не было тогда въ Москвѣ одной дѣвушки, бывшей у него на примѣтѣ, и такой, которая, по мнѣнію его, могла-бы годиться мнѣ въ невѣсты, а именно, госпожи Палициной,—

и самой той, которая была послѣ за г. Хрущовымъ, Федоромъ Яковлевичемъ.

О сей дѣвушкѣ упоминалъ онъ мнѣ еще въ самую первую мою въ Москвѣ бытность и, приписывая ей многія похвалы, несомнѣвался почти въ томъ, что ее за меня отдадутъ, какъ скоро я посватаюсь. А и въ сей разъ не проходило почти дня, въ который бы онъ ее ненапоминалъ и мнѣ нерасхвалявалъ. Но я не знаю, что то особое и неостижимое меня такъ отъ невѣсты сей удаляло, что я съ самаго начала не хотѣлъ нимало прилѣпляться къ ней своими мыслями; а послѣ, всякій разъ, даже и слышать не хотѣлъ о ея имени, хотя я ее никогда не видалъ, и къкова она, о томъ ни малѣйшаго понятія не имѣлъ. Можетъ быть происходило сіе отъ того, что невѣста сія казалась мнѣ слишкомъ противъ меня недостаточна: ибо дядя мой съ самаго начала отъ меня того не таилъ, что за нею не болѣе было пятидесяти душъ; а сіе количество, по собственному желанію всѣмъ женихамъ — жениться на богатыхъ невѣстахъ — казалось мнѣ ужъ слишкомъ мало.

И хотя и не искалъ себѣ слишкомъ богатой невѣсты, каковую получить за себя и не надѣялся, но и слишкомъ на бѣдной жениться мнѣ также не хотѣлось; а особенно потому, что и собственный мой достатокъ былъ не слишкомъ великъ, а весьма-весьма незнаменитъ. Почему и твердилъ я всегда, что хорошо бы, когда мой былъ обѣдъ, а женивъ ужинъ. Выходствіе чего, и неспѣшилъ прилѣпляться слишкомъ скоро къ небогатымъ невѣстамъ, но ожидалъ отъ времени — случится ли богатѣе и лучше. А потому изъ сего предложенія дяди моего ничего и не вышло; и сколько онъ мнѣ объ ней какъ тогда, такъ и послѣ того ни твердилъ, но я не только свататься, но и видѣть ее, — и тѣмъ-наче несоглашался, что не почиталъ дядю своего способнымъ судить о качествахъ невѣсты, а особенно, когда и самому ему она не была коротко знакома.

Что-жъ касается до помянутаго сосѣда моего, господина Ладыженскаго, то сему, также по любви своей ко мнѣ, изду-

малось мнѣ предложить: не хочу ли я видѣть однѣхъ знакомыхъ ему и тогда въ Москвѣ находившихся дѣвушекъ, и не понравится ли мнѣ которая-нибудь изъ нихъ, въ которомъ случаѣ могъ бы онъ охотно взять на себя комиссію и за меня посватать.

— «А ежели не придетъ ни одна по мыслямъ, говорилъ онъ: то такъ тому и быть: мы и не начнемъ никакого дѣла».

— Очень хорошо, сказалъ я: посмотрѣть недиковинка, но только безъ всякаго напередъ сватанья. Но какъ же это можно? и кто онѣ таковы? и какъ богаты? Это мнѣ также напередъ знать надобно.

— «! Это и дѣло, отвѣчалъ онъ. И все это я тебѣ, сосѣд мой дорогой, и расскажу. Видѣть можемъ мы ихъ въ собственномъ ихъ домѣ: сядемъ-таки въ санки съ тобою вмѣстѣ и поѣдемъ прямо къ нимъ въ домъ. Мнѣ онѣ знакомы и нѣсколько сродни: отецъ ихъ доводится мнѣ дядя, а онѣ сестры. Однако, не подумай, чтобъ я тутъ могъ имѣть какое пристрастіе; этого ты отъ меня неопасайся, и для меня все равно: полюбится ли тебѣ изъ нихъ какая, или нѣтъ. А чтобы лучше можно было тебѣ ихъ рассмотреть, то поѣдемъ такъ, чтобъ намъ можно было ихъ застать врасплохъ и нимало не предувѣдомляя о нашемъ приѣздѣ. Я скажу, что я вмѣстѣ съ тобою ѣздивъ въ городъ, и какъ давно съ ними не видался, то вздумалъ къ нимъ заѣхать, и уговорилъ тебя сдѣлать мнѣ компанію».

— Очень хорошо, сказалъ я: и это всего лучше. Удастся — квась, а не удастся — кисляци!

— «Ну, ладно! подхватилъ онъ. А на другой вопросъ твой — кто онѣ таковы? скажу тебѣ, что онѣ Кушелевы. Чтожъ касается до того, сколь онѣ богаты, о томъ не могу сказать тебѣ въ точности; и сколько отецъ приданаго дастъ — не знаю. А то только скажу, что и самъ онъ не слишкомъ богатъ, и многого дать ему за ними не можно. Къ тому-жъ, есть у него еще и сынъ. Однако, объ этомъ въ точности узнать можно послѣ; а напередъ

посмотрѣть только: ежели неполюбится ни одна, то и начинать нечего?

— Хорошо, сказала я: изволь, поѣдемъ.

Мы, не отлагая сего дѣла вдале, и проехали оное въ дѣйство, и въ домъ господина Кушелева ѣздили. И одинъ видъ уже сего дома не общалъ мнѣ ничего хорошаго. Былъ онъ самый старинный, низенькій и обветшалый. Насъ провели чрезъ закоптѣвшую отъ древности залу, въ гостинную, которая была еще того теплѣе и имѣла приборы наипростѣйшіе въ свѣтѣ. Тутъ нашли мы самого хозяина, лежащаго въ разслабленіи въ одномъ углу, подлѣ дверей самыхъ. Онъ былъ радъ нашему приѣзду и посадилъ насъ подлѣ себя.

Между тѣмъ, покуда мы съ нимъ говорили и онъ меня кой-о-чемъ спрашивалъ, искалъ я съ любопытными глазами дѣвицъ, дочерей его, и за темнотою комнаты и самыхъ почти сумерокъ, на силу усмотрѣлъ ихъ, сидящихъ всѣхъ рядышкомъ, въ черномъ платьѣ, подлѣ противоположной стѣны и въ нарочитомъ отъ насъ отдаленіи.

Я напрягалъ сколько могъ зрѣніе мое, для точнѣйшаго ихъ разсматриванія; но не находилъ ни въ одной того, чего искалъ. Всѣ онѣ казались мнѣ дѣвчушками изрядными; но ни одна не была по моимъ мыслямъ и таковою, чтобъ могла сколько-нибудь привлечь на себя особенное вниманіе. Въ самой лучшенькой изъ нихъ не только не находилъ я ничего для себя прелестнаго, но было въ ней что-то такое особенное, что меня отъ нея власно какъ отторгало. А какъ, сверхъ того, въ домѣ семъ наблюдались такіе чины и во всемъ примѣтна была превеликая и такая принужденность, что я не слыхалъ ни единого слова, выговореннаго дѣвчушками сими, то всѣ сіи обстоятельства, а вкупѣ и небогатое состояніе самаго дома, такъ мнѣ неполюбилось, что я захотѣлъ уже скорѣе изъ онаго вырваться. И потому, мигнувъ товарищу своему, побудилъ его поспѣшить окончаніемъ нашего визита и своимъ отъѣздомъ.

Неуспѣли мы выѣхать за ворота, какъ

спросилъ меня мой товарищъ о томъ, каковы показались мнѣ дѣвчушки?

— Что, братецъ, сказала я: дѣвчушки изрядныя; но что-то ни одна изъ нихъ не пришла мнѣ какъ-то по мыслямъ. Но въ образѣ и самой лучшенькой изъ нихъ, которую ты называлъ Анною Ивановною, находилъ я что-то особенное, и такое, что вселяло въ меня нѣкоторое отъ нея и непреодолимое отвращеніе. И по всему видимому врядъ ли ей быть когда-нибудь моею невѣстою: и судьба видно ее не мнѣ, а кому-нибудь другому назначила.

— «Это я отчасти и самъ уже въ тебѣ запримѣтилъ», сказалъ мнѣ мой товарищъ. А какъ въ то время, когда ты выходилъ вонъ, я успѣлъ съ дядею словца два и о тебѣ и о приданомъ перемолвить, то узналъ, что хотя ты ему полюбился очень—очень и онъ охотно бы хотѣлъ имѣть тебя своимъ зятемъ; но приданое-то за ними такъ мало, что я ажъ ужаснулся, и тужилъ уже о томъ, что и привозилъ тебя сюда. А теперь благо и тебѣ онѣ не понравились, такъ и Богъ съ ними, и мы дѣло сіе и оставимъ».

Симъ образомъ кончилось тогда сіе происшествіе и начальное мое, такъ сказать, полусватанье и неудачное свиданіе съ невѣстами. Я выложилъ ихъ тотчасъ изъ головы,—и тѣмъ паче, что не находилъ въ нихъ и сотой доли тѣхъ пріятностей и совершенствъ, какія видѣлъ я почти ежедневно въ родственникахъ моихъ Бакѣевыхъ, а особенно въ меньшой, и каковыя хотѣлось мнѣ охотно найти въ своей невѣстѣ.

Дѣло сіе такъ тогда и осталось; но послѣ, какъ случилось намъ съ помянутою Анною Ивановною, бывшею потомъ замужемъ за г. Сухотиннымъ, жить нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ въ одномъ городѣ и ежедневно почти видѣться и быть очень знакомыми, то увидѣлъ тогда я, что сама судьба и невидимое попеченіе обо мнѣ божескаго Промысла похотѣло спасти меня отъ сей женщины. Была она весьма страннаго и такого характера, что мужъ мую съ нею мучился и наконецъ, едва-было не лишился отъ ней самой жизни.

Будучи подвержена слишкомъ той слабости, что любила втайнѣ испивать, дошла она однажды даже до того, что отравила—было мужа своего ядомъ, и онъ съ нуждою отлучился отъ дѣйствія онаго. Всѣ они нынѣ ужъ покойники; и какъ мужъ ея былъ мнѣ добрымъ пріятелемъ и любилъ меня чистосердечно, то не могу и повнѣтъ вспомнить его безъ сожалѣнія и не желать праху его мира и спокойствія.

Другое происшествіе, случившееся тогда со мною, было хотя самое бездѣльное, но странностію и рѣдкостію своею особливаго примѣчанія достойное. Состояло оно ни въ чемъ иномъ, какъ въ видѣнномъ только мною одномъ сновидѣніи; но сновидѣніи такомъ, котораго я во всю мою жизнь не могъ позабыть, и которое по смерти не забуду. Словомъ, оно было такое, что я со всею своею философіею, и при всѣхъ своихъ обширныхъ психологическихъ свѣдѣніяхъ о силахъ и дѣйствіяхъ души нашей, не могъ никакъ обратиться до того, какъ могло оно произойти и сдѣлаться въ душѣ моей. Было оно слѣдующее:

Нѣкогда, и какъ теперь помню въ ночь подъ воскресенье, приснилось мнѣ, будто я въ саняхъ своихъ, въ какихъ я тогда ѣзжалъ, ѣду по Москвѣ и, переѣхавъ Каменной мостъ въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ съ улицы сей поворачиваютъ на Пречистенку, встрѣчаюсь вдругъ съ другими санями, везомыми двумя сѣрыми добрыми лошадьми и покрытыми зеленою медвѣжьею полстью, и въ саняхъ сихъ вижу сидящаго стариннаго своего однопольчанина и друга, Алексѣя Дмитриевича Вельяминова, а на запяткахъ за нимъ стоящаго слугу его, Илюшку,—который тогда, какъ мы съ нимъ жили и ѣдали вмѣстѣ, обнимъ намъ служилъ и былъ нашимъ общимъ камердинеромъ и официантомъ. И что будто я, обрадовавшись увидѣвъ сего моего друга, котораго я уже нѣсколько лѣтъ я съ самаго того времени не видалъ, какъ съ нимъ въ Кѣнигсбергѣ разстался и онъ пошелъ съ полкомъ въ походъ,—вдругъ

его оставившаго, съ нимъ здороваясь, разспрашиваю у него, гдѣ онъ нынѣ находится? и что будто онъ мнѣ сказываетъ, что онъ находится уже давно въ отставкѣ и живетъ нынѣ въ Чернской своей деревнѣ. А такимъ же образомъ и я ему рассказывалъ о себѣ.

Мечта сія такъ глубоко впечатлѣлась въ мою память, что, проснувшись поутру, не позабылъ я ни одной черты онаго, и подвиглся еще тому,—какъ это вздумалось въ душѣ моей проснуться мыслямъ о Вельяминовѣ, о которомъ я года три и не помышлялъ ниоднажды? Но посмѣявшись тому и сочтя все сіе сновидѣніе пустымъ и ничего незначащимъ, такъ это все и оставилъ.

Но вообразите себѣ, не чудо ли сущее вышло изъ сей мнимой бездѣлицы и не самое ли странное и удивительное было дѣло, когда власно какъ нарочно случилось такъ, что мнѣ въ самый тотъ же еще день надобно было за Москву-рѣку къ дядѣ моему, г. Арсеньеву, обѣдать и переѣзжать Москву-рѣку по Каменному мосту,—слѣдовательно дѣйствительно ѣхать по самому тому мѣсту, которое видѣлъ я за нѣсколько до того часовъ въ сновидѣніи,—и подумайте, сколь удивленіе мое было чрезвычайно, когда я, доѣхавъ до помянутаго поворота на Пречистенку, въ самомъ томъ мѣстѣ, дѣйствительно встрѣтился съ санями, запряженными парой добрыхъ сѣрыхъ лошадей, покрытыми зеленою медвѣжьею полстью, и увидѣлъ въ нихъ ѣдущаго друга моего Алексѣя Дмитриевича и позади его слугу его Илюшку, стоящаго на запяткахъ?!. Видѣніе сіе такъ меня поразило, что я обомлѣлъ почти отъ удивленія, и боясь, чтобъ г. Вельяминовъ отъ меня не уѣхалъ, закричалъ во все горло: «стой! стой! стой!», и бросился самъ изъ саней обнимать сего милаго и любезнаго своего друга. Онъ не менѣе моего обрадовался, меня увидѣвъ, но не менѣе моего и удивился, когда я спѣшилъ рассказать ему всю чудесность своего сновидѣнія и то, что я, за нѣсколько часовъ, его и съ Илюшкою его,

и точно на самомъ этомъ мѣстѣ видѣлъ, съ нимъ говорилъ, и что онъ мнѣ рассказывалъ, что находится нынѣ въ отставкѣ и живетъ въ своей Чернской деревнѣ.

— «Это дѣйствительно такъ — воскликнулъ, онъ еще болѣе удивившись: я подлинно нынѣ въ отставкѣ и живу въ Чернской своей деревнѣ, и оттуда только вчера сюда ненадолго приѣхалъ».

Мы простояли тогда болѣе получаса на семъ мѣстѣ: спрашивали обо всемъ другъ друга и не могли сновидѣнію моему надвинуться довольно. Оно и въ самомъ дѣлѣ было удивительно; и всю рѣдкость и необычайность онаго составляло собственно то, что я видѣлъ въ самой точности такое происшествіе, котораго еще не было и кое долженствовало еще чрезъ нѣсколько часовъ произойти на свѣтѣ! Словомъ, я не понимаю, какъ это сдѣлалось и не позабуду сего сна по гробъ мой, а всегда стану ему удивляться, равно какъ и другому на него похожему, видѣнному мною въ бытность мою уже въ Богородицкѣ.

Сіе было второе происшествіе; а третье было всѣхъ маловажнѣе и болѣе смѣшное, нежели достопамятное. Состояло оно въ томъ, что хозяинъ того дома, гдѣ я стоялъ квартирою, чуть-было однажды не задушилъ насъ дымомъ. «Какъ это?» спросите вы, удивившись. А вотъ какимъ образомъ.

Я вамъ сказывалъ, что домъ, въ которомъ мнѣ наняли квартиру, былъ поповскій и принадлежалъ одному изъ поповъ Климентовой церкви. Теперь скажу, что квартирка сія была изрядная: я имѣлъ внизу двѣ чистенькія и свѣтлыя комнаты, съ кафлевою голанскою печью; а самъ хозяинъ удалился жить въ находящуюся на чердакѣ и прямо надъ моимъ покойцемъ комнату. И какъ онъ былъ чловѣкъ старый, а притомъ вдовый и одинокій, то для его было сей горенки и довольно.

Квартирковъ сею былъ бы я и доволенъ совершенно, еслибъ только хозяинъ мой не наводилъ мнѣ иногда безпокойства.

Имѣя привычку выпивать иногда излишнюю рюмку вина и при такихъ случаяхъ напиваться до безпамятства, дѣлывался онъ тогда, власно какъ сумасшедшимъ: бродилъ по всему дому и по всѣмъ комнатамъ и угламъ оныхъ, шумѣлъ, бурлилъ, кричалъ и проказничалъ. Но что всего хуже, то никому уже не можно было тогда съ нимъ сладить. Но я всего того не зналъ и не вѣдалъ, ибо какъ случилось сіе болѣе въ мое отсутствіе и я, при возвращеніи на квартиру, находилъ его уже затворившимся въ своей горенкѣ и спящимъ, то и не было мнѣ до него ни малѣйшей нужды.

Но вообразите, какъ удивился я, когда, заѣхавъ однажды послѣ обѣда для взятія нѣкакихъ вещей на свою квартиру, вдругъ услышалъ я въ самой комнатѣ моей превеликій крикъ и стукъ. Я не понималъ, чтобъ сіе значило и спѣшилъ растворить дверь. Но какъ удивился я еще болѣе, когда увидѣлъ тутъ превысокаго мужчину, съ большою рыжею бородою, съ растрепанными и съ склокоченными волосьями, въ засаленномъ и неподпоясанномъ китайчатомъ полукафтанѣ, босикомъ и въ однихъ только туфляхъ, въ безобразнѣйшемъ видѣ, съ превеликимъ вскрикиваніемъ и крѣпкимъ топаніемъ ногою объ полъ, приступающаго къ нарисованной на стѣнѣ углемъ воронѣ, торкающаго въ нее пальцемъ, и съ такимъ рвеніемъ и крикомъ съ нею разговаривающаго, что онъ никакъ не видѣлъ и не слышалъ, что ему кто ни говорилъ, и никого не слушая и толкая всѣхъ отъ себя, продолжалъ только свое дѣло, какъ сумасшедшій! Удивился и захохоталъ я, все сіе увидѣвъ; а особливо потому, что ворону сію догадало меня самого, наканунѣ самаго того дня, тутъ нарисовать. Людямъ моимъ какимъ-то образомъ случилось захватить въ сѣвяхъ, и поймать живую ворону. Они принесли ее ко мнѣ, а мнѣ что-то пришла мысль, схвативъ уголь и кусокъ мѣла, срисовать съ нея точный портретъ на бѣлой стѣнѣ моей комнаты. Сію-то ворону случилось тогда нечаянно и въ первый еще разъ уви-

дѣть его преподобію, будучи пьянымъ, и какъ рисупокъ сей имѣлъ счастье ему крайнѣ понравиться, то, по самому тому и занимался онъ съ нею разговорами. И люди моп, смѣючись, говорили мнѣ, что я воропою своею съума свелъ и до того довелъ нашего хозяина, что они не знаютъ, что съ нимъ и дѣлать. Сколько ни звали, ни уговаривали и ни убѣждали его, чтобъ онъ вонъ вышелъ, но никакъ нейдетъ; и не остается другого средства, какъ полочъ его развѣ силою.

— Да, зачѣмъ дѣло стало? сказалъ я: таки съ божьею помощію, возьмите его подъ руки и отведите-ка силою въ его горенку и тамъ заурите.

Это они тотчасъ и сдѣлали; и поцъ мой не только за то не сердился, но проспавшись и пришедъ по утру ко мнѣ, благодарилъ меня еще за то, что я его, дурака, велѣлъ силою вывести.

— «А все вотъ эта ваша проклятая воропа тому причиню, говорилъ онъ. Ну, пѣчего говорить, умѣешь рисовать, баринъ!... Таки какъ жпвая, окаянная!.. Что ты изволишь!.. Пѣтъ, пѣтъ, баринъ! воля твоя и какъ ты хочешь, а меня ты одолжи и напиши такую же и мнѣ въ моей горенкѣ, чтобъ я могъ ею всегда любоваться и тебя вспоминать.»

— Изволь, изволь! говорилъ я; если она тебѣ такъ полюбилась, то для чего не нарисовать. Для меня это бездѣлка.

Хозяинъ мой не успѣлъ сего услышать, какъ и приступилъ ко мнѣ съ неотступною просьбою, чтобы я ему въ тотъ же часъ это одолженіе сдѣлалъ. И я принужденъ былъ итти тогда же къ нему наверхъ и лезть по темной и безпокойной лѣсенкѣ.

— Ну, гдѣ-жъ тебѣ ее нарисовать? спросилъ я, вошедъ въ первый еще разъ въ его изрядную горенку.

— «Вотъ здѣсь, здѣсь, батюшка», говорилъ онъ, указывая мнѣ бѣлое мѣсто на стѣнѣ, подлѣ печки въ уголку.

— Хорошо, сказалъ я. И, взявъ уголь и мѣлъ, тотчасъ и намахалъ ему такую-жъ воропу. Поцъ мой вспрыгася почти отъ радости, и выхваляя искусство мое до

небесъ, приносилъ мнѣ тысячу благодареній. А я радъ былъ, что доставилъ ему воропою своею упражненіе въ его горенкѣ, и ему не было уже нужды ходить въ мою для разговариванія съ оною; но онъ тамъ уже съ нею бурлилъ и покривалъ сколько ему хотѣлось.

Но въ одинъ разъ весьма дурно запла-тилъ-было онъ мнѣ за мой трудъ и рисупокъ. Проинвъ гдѣ-то всю ночь, при-шелъ онъ домой уже по-утру, и въ самое то время, какъ топили уже печи, и при-шедъ въ свою горенку наверхъ, началъ, по обыкновенію своему, бурлить, кричать и шумѣть; а чтобъ никто ему въ томъ не мѣшалъ, то заперся еще на крючокъ въ оной. И тогда, при обыкновенномъ его съ воропою и такимъ же образомъ, съ крикомъ и топаньемъ разговариванія, померещилось ему, что она отъ него въ трубу печную улетѣтъ хочетъ. «А! кричалъ онъ: ты улетѣть и отъ меня брыз-нуть хочешь?! Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! «Это не удастся тебѣ. И и поприпру тебя, «госпожа моя». Сказавъ сіе, бросился онъ къ печи, и подхватя вьюшечную крышку, хлопъ-таки на вьюшку и затворилъ потомъ дверцы, нимало не разбирая и не подумавъ, что вьюшка сія была отъ са-мой той печи внизу, гдѣ я жилъ и кото-рая тогда только-что растопилась въ раз-валѣ. «Ну, па! полетай теперь!» кричалъ онъ, и сталъ, шагая, приступать къ пей и се пальцомъ торкать.

Между тѣмъ, мы, ничего того не зная, находились себѣ внизу и я только-что сталъ одѣваться. Но вообразите себѣ, какъ должны были мы всѣ перетревожиться и перепугаться, какъ вдругъ, и въ одну почти минуту вся комната моя наполнилась дымомъ и зноемъ!.. «Батюшки мои! Что это такое? закричалъ я, вскочивъ безъ памяти съ мѣста. Уже не загорѣлось ли гдѣ и не пожаръ ли?» Вмигъ бросились мы тогда въ ту комнату, изъ которой валилъ къ намъ дымъ и изъ которой печь ваша топилась. И какъ же изумились, увидѣвъ густой дымъ, валящій изъ устья печи!

— Ахти, сводъ, сводъ, конечно, обвалился

въ-печи! кричалъ!. я. Экое горе. Что дѣлать?..

— «Нѣтъ, нѣтъ, сударь! подхватила топившая печь и прибѣжавшая также къ намъ работница попова. — А это батька тамъ, конечно, напраказничать пьяный и закрыть вьюшку. Я слышала, что онъ тамъ покрывалъ съ своею вороною».

Она побѣжала тогда вверхъ открывать скорѣе вьюшку. Но—хватъ! двери на крюку заперты и не открываются! Она кричать попу, она просить, чтобъ отперъ двери: попъ не слушаетъ и шагаетъ только по горницѣ и продолжаетъ свое дѣло: кричить и харабриться надъ своею вороною.

«Батюшка, кричитъ ему работница: либо насъ пусти, либо самъ скорѣй отперой вьюшку; ты задушилъ насъ всѣхъ дымомъ».

— «Да, какъ-бы не такъ!» кричалъ въ отвѣтъ ей нашъ хозяинъ: «чтобъ проклятая-то улетѣла?.. Нѣтъ, нѣтъ! А посиди-ка ты вотъ здѣсь, моя государыня!» — И торкъ ее опять пальцемъ!

Что было тогда работницѣ дѣлать? Она принуждена была бѣжать внизъ и звать людей моихъ, чтобъ помогли ей силою расторгнуть двери. И попъ нашъ не прежде расторгъ двери, какъ увидѣвъ, что они съ топоромъ уже ломать ее начали. Ибо, какъ между тѣмъ, обѣ мои комнаты наполнились столько дымомъ и чадомъ, что не можно было въ нихъ никомъ образомъ быть, и я принужденъ былъ выбѣжать на дворъ и стоять на прѣжестокомъ морозѣ, то другого и не оставалось, какъ приступить къ насилію.

Симъ кончилось тогда сіе смѣшное происшествіе. Я раздосадованъ былъ за то невѣдомо какъ на попа. Но какъ онъ, проспавшись и сдѣлавшись прямо жалкимъ человѣкомъ, валялся у меня почти у ногъ, прося униженнѣйшимъ образомъ простить ему сію проказу, то скоро отпустилъ я ему вину его, и тѣмъ наче, что, будучи нежнянымъ, былъ онъ старикъ очень добрый и умный.

Симъ кончу я сіе вышедшее уже изъ границъ своихъ письмо мое, и предоставляю о прочемъ разсказаніе въ письмахъ

будущихъ, скажу, что я емъ вашъ и прочая.

ЪЗДА ВЪ НАШИНЪ И МАСНАРАДЪ.

Письмо 106-е.

Любезный пріятель! Приступая къ продолженію моей повѣсти, скажу вамъ, что какъ ни весело мнѣ было тогда жить въ Москвѣ и какъ скоро ни протекло время, но я, при всѣхъ своихъ разъѣздахъ, не забывалъ никакъ того, что мнѣ надлежало еще съѣздить въ Кашинскій уѣздъ и повидаться съ больною сестрою моею. Миновало уже болѣе двѣнадцати лѣтъ, какъ я ее не видалъ. Ибо, съ того времени, какъ она пріѣзжала съ мужемъ своимъ къ намъ въ деревню, не случилось мнѣ ее уже ниоднажды видѣть. И какъ хотѣлось мнѣ съѣздить къ ней до наступленія еще масляницы, а къ сей возвратиться въ Москву, дабы видѣть приуготовляемый тогда славный уличный маскарадъ, то и не сталъ я въ сей разъ въ Москвѣ заживаться; но распрощавшись на время съ знакомцами и родными своими, отправился въ свой путь.

Всѣ они взяли съ меня обѣщаніе возвратиться неотмѣнно къ масляницѣ въ Москву. Но никто такъ сильно не настаивалъ на то, какъ помянутыя родственницы мои, госпожи Бакѣевы. И какъ съ ними послѣдними я послѣ всѣхъ распрощался и заѣзжая къ нимъ по дорогѣ, отъ нихъ изъ дома уже въ путь свой отправился, то не выходила онѣ у меня изъ мыслей во всю почти дорогу. Ласки ихъ, пріятное со мною обхожденіе и всѣ часы съ особливимъ удовольствіемъ у нихъ и съ ними провожденные, воспоминались мнѣ ежечасно; и домъ сей сдѣлался мнѣ такъ милъ, что я его не могъ никакъ забыть. Всего же чаще воспоминалась мнѣ меньшая изъ сихъ дѣвушекъ. Чѣмъ болѣе я ее видалъ и чѣмъ короче я съ ними познакомивался, тѣмъ умнѣе, прекраснѣе и совершеннѣе во всемъ она мнѣ казалась: такъ что я, смотря на нее и любясь ея красотою, самъ себѣ не однажды въ мысляхъ говорилъ:

«Вотъ, когда бы такую-то Богъ послалъ мнѣ невѣсту. Не желалъ бы я имѣть лучшей. Ни въ чемъ-то не пахожу я въ ней ни малѣйшаго несовершенства и недос-татка! Какой умъ!... Какая острота и про-ницательность! Какое свѣдѣніе обо всемъ! Какъ ласкова, скромна и пріятна въ об-хожденіи и какъ прекрасна собою! Ка-кая вѣжность и бѣлизна тѣла, какой румянецъ, какіе это глаза, какіе взоры, какая воровская улыбка и какія пре-лести во всемъ!... Нельзя, кажется, быть совершеннѣе. Не разстался бы истинно съ нею и съ таковою, еслибъ случилось гдѣ отыскать ей подобную... И куда какъ жаль, что сама она мнѣ родня, а при-томъ не старшая, а меньшая дочь у отца. Еслибъ не то, не то-то подумавъ, не погнался бы я и за достаткомъ и ни зачѣмъ инымъ; а рѣшился бы посва-таться на ней и не уступилъ никому другому такой милой и предорогой дѣ-вухи!»

Симъ и подобнымъ сему образомъ не одинъ разъ я самъ съ собою говорилъ и разсуждалъ во глубинѣ моего сердца. И какъ образъ ея мечтался мнѣ и во всю по-чти дорогу, а особливо въ первые дни, то такія же мысли возобновлялись въ душѣ моей и во время путешествія моего,—и такъ часто, что я даже начиналъ тому уже и дивиться, и самъ себя смѣючись, говорилъ:

«Господи! что это такое?.. Только и мыслей что объ ней; только она, да она!.. Ужъ даровое ли, право, это?... Ужъ не влюбился ли я въ ее? И не любовь ли уже это шутить надо мною «позволить?.. Чего добраго: прелестямъ такимъ немудрено хотъ кого заразить!.. Однако, я... я... я покорно благодар-ствую! Мнѣ сего бы очень не хотѣлось. Пропади она, эта любовь и со всѣми ея «сладостями! Мнѣ какъ можно надобно отъ нея остерегаться. Заразить, прокля-тая, такъ и самъ себя не радъ будешь».

Не успѣлъ я симъ образомъ самъ о себѣ усумниться и воспріять нѣкоторое подозрѣніе, какъ при помысленіи доро-гою на досугѣ часъ-отъ-часу болѣе о

томъ, пришла мнѣ на мысль вся преж-няя моя философія и всѣ правила ея, кото-рымъ положилъ я слѣдовать во все те-ченіе жизни моей. Я вспоминалъ все, что предписуется ею въ такихъ случаяхъ, и положилъ съ того же часа начать пре-оборотъ страсть сію, употребляя къ тому всѣ предписуемая ею средства. И какъ главнѣйшимъ средствомъ почиталось то, чтобъ не давать мыслямъ о томъ возоб-новляться часто, но чтобъ ония прого-пяты и пробудившіяся тотчасъ засыпать опять, то и практиковался я въ томъ во всю дорогу, и имѣлъ въ томъ, какъ ка-залось, и успѣхъ довольно хорошій: такъ, что, при окончаніи путешествія сего, чувствовалъ я себя уже гораздо спокой-нѣйшимъ, нежели при началѣ.

Впрочемъ, кратковременное путеше-ствіе сіе кончилъ я благополучно, и не произошло со мною въ ѣзду сію ничего особеннаго. Я нашелъ сестру свою одну, съ дѣтьми ея, дома; ибо зятя моего не было тогда еще дома: онъ продолжалъ еще свою военную службу и его только-что начинали ждать въ отставку.

Не могу изобразить, какъ много обра-дована была сестра моя мною приѣздомъ. Она позабыла почти всю болѣзнь свою и казалась выздоровѣвшею совершенно. Не выдавъ меня никогда еще въ совершенномъ возрастѣ и разставшись въ по-слѣдній разъ со мною за 12 лѣтъ предъ тѣмъ, когда я былъ почти еще ребенкомъ, не могла она въ сей разъ довольно на-смотреться на меня. Всѣ ея дѣти обни-ли вокругъ меня и старались другъ дру-га превзойти своими ко мнѣ ласками. Ихъ было у ней тогда четверо: три до-чери и одинъ сынъ. Я старшихъ двухъ только видѣлъ, по видѣлъ тогда, какъ были онѣ еще въ колыбели; а третья дочь и сынъ родились уже послѣ: слѣ-довательно, всѣ они были мнѣ еще не-знакомы. Дѣвочки были всѣ уже на воз-растѣ, а мальчикъ еще ребенкомъ и учил-ся тогда только-что ходить.

Что касается до самой сестры моей, то въ тѣ 12 лѣтъ, въ которыя я ее не видалъ, она такъ много перемѣнилась

прежнимъ похудѣла, что я съ трудомъ бы ее и узнать могъ, еслибъ случилось мнѣ увидѣть ее гдѣ-нибудь въ незнакомомъ домѣ. Тогдашняя ея болѣзнь была хотя не слеглая, однако такая, что не дозволяла ей почти выѣзжать со двора, а иногда даже сходить съ постели. Страдала она сперва долго жестокою зубною болѣзнію. Но сія болѣзнь произвела потомъ другую во рту и въ деснахъ, казавшеюся сперва совсѣмъ не опасною, но послѣ сдѣлавшаяся для ея самою бѣдственною и лишившею ее даже самой жизни. Но тогда не было нимаго и похожаго на то, а всѣ почитали ее ничего незначущею.

Я пробылъ тогда у сей сестры своей не болѣе недѣли, и за непрерывными къ себѣ ласками и не видалъ, какъ протекло сіе время. Она старалась угостить меня какъ можно лучше и выискивала все, что только можно было къ сдѣланію мнѣ дней сихъ веселѣйшими. Она дала знать всѣмъ своимъ сосѣдямъ о моемъ приѣздѣ, и всѣ они перебывали у насъ и непрерывъ другъ предъ другомъ изъявлять также мнѣ свои ласки. А къ нимъ и такимъ, которымъ самимъ у насъ быть было не можно, ѣздили сами мы съ сестрою.

Ей хотѣлось невѣдомо какъ, чтобъ всѣ они меня узнали и получили обо мнѣ такое же выгодное и хорошее мнѣніе, какое имѣла обо мнѣ сама она, и болѣе для того, чтобъ слухъ обо мнѣ распространился въ тамошнихъ окрестностяхъ и могъ бы помочь мнѣ, вслучаѣ, еслибъ вздумалось мнѣ—такъ какъ ей весьма хотѣлось—въ тамошнихъ мѣстахъ жениться. Она и непременно заговаривать мнѣ о томъ не одинъ разъ; но я отдѣлывался и отъ нея тѣмъ же, чѣмъ отъ другихъ, то-есть, чтобъ сыскала она мнѣ невѣсту. Она и бралась мнѣ сыскать, еслибъ я только согласился пожить у ней подолѣе. Но какъ самаго сего мнѣ сдѣлать было невозможно, то краткость времени не дозволила ей учинить тому и начало. А потому сіе при однихъ словахъ о томъ тогда и осталось.

Изъ постороннихъ домовъ, въ которые намъ тогда ѣздить случалось, памятли мнѣ болѣе три дома. Первый былъ, наипочтеннѣйшій во всемъ тамошнемъ околоткѣ, старика господина Баглановскаго, по имени Константина Ивановича. Сей умный и сѣдипами украшенный мужъ, доводился какъ-то сродни моему зятю, и будучи знакомъ покойному отцу моему, весьма охотно хотѣлъ меня видѣть. Я ѣздилъ къ нему одинъ и нашелъ его отъ старости слабымъ и обladenнымъ своими книгами, до которыхъ онъ былъ охотникъ. Онъ былъ очень мнѣ радъ, и не могъ со мною довольно обо всемъ и обо всемъ наговориться, и за знанія и свойства мои такъ меня полюбилъ, что отзывался всѣмъ обо мнѣ съ великою похвалою и называя меня рѣдкимъ молодымъ человѣкомъ.

Другой и также знаменитый домъ принадлежалъ одной почтенной старушкѣ, госпожѣ Калычевой, Катеринѣ Федоровнѣ, которая въ особенности дружна была съ моею сестрою и имѣла у себя сына, охотника до наукъ, и бывшаго потомъ мнѣ пріятелемъ. У сей были мы въѣсть съ сестрою моею. И старушка такъ меня полюбила, что не могла довольно расхвалить меня.

А въ третьемъ жилъ господинъ Коржавинъ, мой старинный послуживецъ, однополчанинъ и самой тоть, который былъ моимъ капитаномъ. Сей не могъ нарадоваться, меня увидѣвъ, и я ласками его былъ чрезвычайно доволенъ.

Словомъ, я имѣлъ какъ-то счастье всѣмъ тамошнимъ сосѣдямъ полюбиться, и какъ всѣ они меня ласкали, то и было все время тогдашняго пребыванія моего у сестры для меня очень не скучно и наполнею такими пріятностями, что я охотно бы согласился, по желанію сестры моей, пробыть у ней и долѣе, еслибъ не подошла нечувствительно и самая масляница, которую неотмѣнно хотѣлось мнѣ взять въ Москвѣ и видѣть всѣ приуготовляемыя тамъ увеселенія. Но, ахъ, еслибъ я могъ тогда предвидѣть, что былъ этотъ послѣдній уже разъ, что я видѣлъ сестру

мою, то пренебрегъ бы все и остался у нея долѣе. Но какъ сего и мыслить тогда было не можно, а я, напротивъ того, надѣялся скоро имѣть удовольствіе опять ее видѣть, и давалъ ей вѣрное слово приѣхать къ ней на должайшее время, то не стала она и сама меня долѣе держать и препятствовать моему отъѣзду.

Итакъ, распрощавшись съ моею сестрою, провожавшею меня съ пролитіемъ многихъ слезъ, поѣхалъ я отъ нея съ слезами на глазахъ, власно какъ предчувствуя, что я ее болѣе уже не увижу, и успѣлъ приѣхать въ Москву еще довольно благовременно.

Я нашелъ тогда всю публику московскую, занимающуюся разговорами имѣющимъ быть вскорѣ уличномъ маскарадѣ. Какъ зрѣлище сіе было совсѣмъ новое, необыкновенное и никогда, не только въ Россіи, но и нигдѣ небывалое, то всѣ дожидались того съ великою нетерпѣливостію. Повой нашей императрицѣ угодно было позабавить себя и всю московскую публику симъ необыкновеннымъ и сколько, съ одной стороны, великолѣпнымъ, столько, съ другой стороны, весьма замысловатымъ и крайне пріятнымъ и забавнымъ зрѣлищемъ.

Маскарадъ сей имѣлъ собственную цѣлю своею осмѣяніе всѣхъ обыкновеннѣйшихъ между людьми пороковъ, а особливо мздоимныхъ судей, игроковъ, мотовъ, пьяницъ и распутныхъ и торжество надъ ними наузъ и добродѣтели: почему и названъ онъ былъ «торжествующею Минервою». И процесія была превеликая и предлинная: везены были многія и разнаго рода колесницы и повозки, отчасти на огромныхъ саняхъ, отчасти на колесахъ, съ сидящими на нихъ многими и разнымъ образомъ одѣтыми и что-нибудь особое представляющими людьми, и поющими приличныя и для каждаго предмета нарочно сочиненныя сатирическія пѣсни. Предъ каждою такою раскрашенною, распещреною и раззолоченною повозкою, везоюмъ множествомъ лошадей, шли особые хоры, гдѣ разнаго рода музыкантовъ, гдѣ разнообразно наряженныхъ людей, поющихъ

громогласно другія веселыя и забавныя особаго рода стихотворенія; а нигдѣ шли преогромныя исполнны, а нигдѣ удивительныя карлы. И все сіе распоряджено было такъ хорошо, украшено такъ великолѣпно и богато, и всѣ пѣсни и стихотворенія пѣты были такими пріятными голосами, что неннако, какъ съ крайнимъ удовольствіемъ на все то смотрѣть было можно.

Какъ шествіе всей этой удивительной процесіи простиралось изъ Нѣмецкой слободы по многимъ большимъ улицамъ, то стеченіе народа, желавшаго сіе видѣть, было превеликое. Всѣ тѣ улицы, по которымъ имѣла она свое шествіе, начинаны были безчисленнымъ множествомъ людей всякаго рода; и не только всѣ окна домовъ наполнены были зрителями благородными, но и всѣ промежутки между оными установлены были многими тысячами людей, стоявшихъ на сдѣланныхъ нарочно для того подлѣ домовъ и заборовъ подмосткахъ. Словомъ, вся Москва обратилась и собралась на край оной, гдѣ простиралось сіе маскарадное шествіе. И всѣ такъ онымъ прельстились, что долгое время не могли сіе забавное зрѣлище позабыть; а пѣсни и голоса оныхъ такъ всѣмъ полюбились, что долгое время и нѣсколько лѣтъ сряду увеселялся ими народъ, заставляя вновь ихъ пѣть фабричныхъ, которые употреблены были въ помянутыя хоры и научены пѣснями онымъ.

Мнѣ, при помощи помянутаго родственника моего г. Бакѣева, удалось получить наилучшее мѣсто для смотрѣнія сего всенароднаго зрѣнища. Какъ онъ служилъ при полиціи, то не трудно ему было прискать для всѣхъ своихъ знакомцовъ особый и покойный домъ, гдѣ компанія наша могла занять всѣ окна. Тутъ была наша княгиня, тутъ были его родные и нѣкоторые другіе. Но я такъ охотно хотѣлъ видѣть внятнѣе сіе необыкновенное зрѣлище, что не восхотѣлъ смотрѣть въ окна изъ-за боярынь, а желая имѣть болѣе простора, сошелъ внизъ на дворъ и, выбравъ себѣ любое

мѣсто на сдѣланномъ подлѣ забора помѣсть, смотрѣть оное на свободѣ оттуда. А какъ по счастью случилась на тотъ разъ и погода самая умная, то-есть, сѣрая, тихая и умѣренная, и не было ни ло, ни хотенлодно слишкомъ, то и было мнѣ смотрѣть очень хорошо.

Кромѣ сего, помянутый родственникъ мой, у котораго въ домѣ я въ сіе время почти всякій день бывалъ, доставилъ мнѣ и другое, и для меня особенное удовольствіе, а именно, свозилъ меня съ собою въ придворный театръ и далъ случай видѣть придворными актерами самую ту трагедію представляемую, которая мнѣ была почти вся вѣзвустъ знакома: а именно, «Хорева». Театръ сей былъ тогда еще деревянный и построенный на полѣ, неподалеку отъ Головинскаго дворца, и набить былъ въ сей разъ такимъ множествомъ народа, что мы насилу могли съ нимъ выгадать себѣ мѣстечко въ партерахъ. И удовольствіе, которое я имѣлъ при смотрѣніи сей трагедіи, было неописанное, а не менѣе увеселяла слухъ мой и придворная музыка.

Впрочемъ, какъ тогда въ Москвѣ не было еще такихъ публичныхъ маскарадовъ и сѣздовъ, какіе введены въ обыкновеніе послѣ, а особливо по построеніи большого каменнаго московскаго петровскаго театра, а всѣ таковыя балы и маскарады даваны были только при дворѣ во дворцѣ Головинскомъ, а туда не всѣмъ можно было имѣть входъ, а мѣста мало было и для однихъ знатныхъ; то въ сихъ и не могли мы имѣть ни малѣйшаго соучастія, а довольствовались уже своими, частными сѣздами и вечеринками, а двумъ—катаніемъ и ѣздой въ саняхъ по всѣмъ лучшимъ улицамъ и къ горамъ, на которыхъ народъ веселился катаніемъ.

Въ сихъ непрерывныхъ увеселеніяхъ препродилъ я всю тогдашнюю масляницу. Я стоялъ на прежней своей квартирѣ, и не выпрягалъ почти лошадей за ежедневнымъ разѣзжаніемъ по гостямъ. Во всѣхъ знакомыхъ мнѣ домахъ бывалъ я по нѣскольку разъ, и не одинъ разъ получалъ случай кой-гдѣ и потанцовать,

а особливо въ домѣ у княгини Долгоруковой, гдѣ бывали часто превеликія собранія, музыка и самыя танцы.

Но нигдѣ мнѣ такъ весело не было и нигдѣ съ такимъ удовольствіемъ не препровождать я свое время, какъ въ домѣ у помянутаго г. Бакѣева. Къ сему дому сдѣлался я, власно какъ принязаннымъ нѣкакими пріятными цѣпиями. И хотя, будучи въ ономъ, перѣдко напоминалъ то, что я думалъ дорогою, ѣдучи въ Кашины, и, всходствіе тогдашняго предпріятія, бдиль наистрожайшимъ образомъ надъ самимъ собою и держалъ въ совершенномъ обузданіи свой языкъ и взоры; но съ своимъ сердцемъ хотя и хотѣлъ, но не могъ я столь же легко ладить: оно выбивалось изъ-подъ моей власти, и, получая въ себя часть-отъ-часу глубочайшія впечатлѣнія, наполняло всю душу мою нѣкакою смѣсь изъ удовольствія, пріятности, тоски, скуки и безпокойства. И я не знаю, чѣмъ бы могло все сіе кончиться, еслибъ не постѣшилъ наступить великій постъ и не прервалъ всѣ наши сѣзды и увеселенія.

Теперь, напоминая исторію моей петербургской службы и то, что пересказывалъ я вамъ тогда о знакомствѣ и происшествіяхъ у меня съ г. Орловымъ, любопытно можетъ быть вы будете узпать: не случилось ли мнѣ въ сію мою московскую бытность гдѣ-нибудь сего человѣка видѣть, или не старался ли я самъ о томъ, чтобъ его отыскать и съ нимъ видѣться? На сіе скажу вамъ, г. п., что ни того, ни другого не было, и причиною тому, во-первыхъ, было то, что мнѣ нигдѣ-таки не случилось повстрѣчаться и его видѣть, поелнку былъ онъ въ сіе время великимъ уже человѣкомъ и первѣйшимъ фаворитомъ у императрицы, и всегдашнее свое пребываніе имѣлъ во дворцѣ и находился безотлучно при государынѣ; во дворцѣ же мнѣ ниоднажды быть не случилось, а нарочно добиваться такого случая, чтобъ тамъ быть, или къ нему прямо адресоваться, какъ-то не имѣлъ я ни малѣйшаго желанія и охоты.

Съ одной стороны, удерживала меня не-

извѣстность того, узнаетъ ли опъ меня и какъ приметъ: съ прежнимъ ли ко мнѣ дружелюбіемъ и ласкою, или, по тогдашней великости своей, съ хладнокровіемъ, или еще съ самымъ презрѣніемъ, за несоотвѣтствованіе мое его желанію, или, какимъ-нибудь образомъ, еще того хуже,— что для меня было бы очень тяжело и несносно. А съ другой, останавливало меня и тогдашнее мое душевное расположение.

Будучи удаленъ отъ всякаго честолюбія и всего меньше обуреваемъ сею, толь многимъ людямъ свойственною страстію, а достигнувъ до того, чего единого такъ издавна желала душа моя, то есть, мирной, спокойной и свободной деревенской жизни, и былъ я, при всемъ маломъ моемъ чинѣ и достаткѣ, такъ состояніемъ своимъ доволенъ, что невозделѣлъ въ томъ никакой перемѣны. И мысль, что вслучаѣ и самаго лучшаго и благопріятнѣйшаго пріема, не сталъ бы опъ мнѣ совѣтовать вступить опять въ службу и предлагать мнѣ какое-нибудь мѣсто, и опасеніе, чтобъ, соблазнившись тѣмъ, не могъ бы я потерять опять того, чѣмъ благодѣтельной судьбѣ угодно было меня одарить сверхъ всякаго моего чаянія и ожиданія; а всего паче, твердое наблюденіе стариннаго своего философическаго правила, чтобъ, по совершенной неизвѣстности тогда, гдѣ можно найти, гдѣ потерять,—ничего самому не искать и усиленно не добиваться, а ожидать всего отъ случая, или паче, отъ произволенія и распоряженія Промысла Господня, останавливала меня всегда, когда ни случалось мнѣ помышлять о господинѣ Орловѣ и о сысканіи случая съ нимъ видѣться, — и побуждала всякій разъ, изъ любви къ спокойствію и свободѣ, махнувъ рукою, самому себѣ говорить:

«И! Богъ съ ними и со всѣми ищи еще, хлопочи и добивайся; а что будетъ и чѣмъ кончится, того всего нимаю еще неизвѣстно... Почему знать? можетъ быть, вмѣсто мнимой пользы надѣлаю я себѣ еще вреда множество и влечуся чрезъ то въ такія сѣти, изъ которыхъ не буду

знать какъ и выпутаться назадъ, и ввергну себя во множество золъ и въ такіи обстоятельства, которымъ и не радъ буду, и тысячу разъ въ томъ раскаяваться стану. А не лучше ли остаться при томъ, что, по благости Господней, я имѣю? И! былъ бы только у меня мой Богъ и Его ко мнѣ милосердіе, а то буду я и сытъ и доволенъ всѣмъ и безъ, всѣхъ такихъ искательствъ и домогательствъ чего-нибудь лучшаго». А повсему тому и не произвели всѣ случившіяся помышленія о томъ никакого на меня дѣйствія и я оставался съ сей стороны спокойнымъ.

Итакъ, заговѣвшись, сталъ я помышлять уже о своемъ отъѣздѣ. Однако, не прежде поѣхалъ изъ Москвы, какъ уже на второй недѣли великаго поста; а первую препроводилъ я отчасти въ исправленіи достальныхъ своихъ покупокъ, отчасти въ говѣннѣ и богомольѣ. Дядя мой присовѣтовалъ мнѣ говѣть съ нимъ вмѣстѣ въ сію первую недѣлю, почему и остался я для сего на всю ону-ию и пр общался съ. Таинъ въ помянутой церкви Климента папы римскаго.

По наступленіи-жъ второй недѣли не сталъ я уже болѣе медить и жить въ Москвѣ; но распроцавшись со всѣми моими родными и знакомцами и оставивъ дядю моего заниматься своими приказными хлопотами до самаго послѣдняго путя, пустился въ обратный изъ Москвы путь, въ милое и любезное свое уединеніе, и повезъ съ собою хотя множество снисанныхъ новыхъ знаній и обихъ понятій, но сердце не столь свободное и спокойное, съ какимъ приѣхалъ; однако, нельзя сказать, чтобъ и слишкомъ безпокойное. Ибо, не успѣлъ я приѣхать въ деревню и заняться прежними своими литературными упражненіями, какъ и позабыто было скоро почти все, и я сдѣлался столько же спокоенъ, какъ былъ и прежде.

Окончавъ симъ образомъ свою московскую поѣздку, окончу я и сіе мое писмо, какъ достигшее уже до своихъ предѣловъ, и скажу вамъ, что я есмь и прочее.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ И УПРАВЛЕНІЯ.

Письмо 107-е.

Любезный пріятель. Между тѣмъ, какъ я помянутымъ образомъ жилъ и поселился въ Москвѣ, происходили въ деревнѣ у насъ другія увеселенія, и такія происшествія, которыя были для меня весьма неприятны, и кои произвели во мнѣ великую досаду, какъ, возвратясь въ домъ, объ нихъ услышалъ.

Въ дачахъ нашихъ находился одинъ молодой заказъ, подаѣ деревни нашей, Болотовой, воспитанный и береженный оныи нѣсколько десятковъ лѣтъ, и лѣсокъ столь прекрасный, что я, видя оныи осенью, не могъ имъ довольно налюбоваться. Сей-то прекрасный и почти единый молодой, какой мы имѣли, вздумалось нашимъ деревенскимъ жителямъ срубить весь безъ насъ до основанія, и чрезъ то единымъ разомъ разрушить всю нашу на него надежду.

Я ужаснулся и обомлѣлъ даже, когда увидѣлъ на дворѣ у себя весь колысочный сарай, набитый сплошь и до самаго верха и установленный стоймя симъ лѣсомъ, который успѣлъ уже выростъ въ нарочитое бревешко. Усачъ прикащикъ мой, зазвавъ меня въ оныи, вздумалъ тѣмъ еще похвастать, и надѣялся получить за то отъ меня великую себѣ благодарность.

— «Посмотрите-ка, сударь», сказалъ оныи: «сколько наготовилъ я вамъ дровъ— на круглый годъ ихъ станеть!»

— И!... да гдѣ ты такую пропастъ взялъ? спросилъ я его, удивясь.

— «Гдѣ, отвѣчалъ оныи: въ молодомъ заказѣ Болотовскомъ».

— Да кто себѣ дозволилъ его рубить?

— «Никто не позволялъ; а его болѣе нѣтъ», сказалъ оныи: «весь его снесли до хворостинки. И еслибъ я немного помедлялъ, такъ бы ничего не засталъ, и этого-бъ не было?»

Обомлѣвъ я сіе услышавъ, и не хотѣлъ-было почти вѣрить словамъ его— такъ было мнѣ жалъ заказа!

— Да умилосердись, какъ это сдѣлалось: расскажи ты мнѣ порядочнѣе?

— «А вотъ какъ», отвѣчалъ оныи мнѣ: «вы знаете, что лѣсъ сей у насъ общій у всѣхъ; но мы никто до сего времени въ немъ не рубили, но болѣе двадцати лѣтъ берегли. Но нынѣ, безъ насъ, вздумалось что-то дѣдушкѣ вашему Никитѣ Матвѣвичу послать въ него всѣхъ крестьянъ своихъ и приказать рубить. А не успѣлъ оныи сего сдѣлать, какъ поѣхали и дядюшкныи; а на нихъ смотря, и всѣ наши деревенскіе: и ну его рубить сподвалъ, и какъ ни понало захватъ. Я, видя, что его всѣ рубятъ дено и ношно, разсудилъ, что и мнѣ отстаивать отъ другихъ не можно. И такъ, противъ хотѣнія, принужденъ и я всѣхъ своихъ послать и такимъ же образомъ велѣтъ рубить. И вотъ сколько мы навозили; а такимъ же образомъ завалены теперь и всѣ крестьянскіе дворы и здѣсь и въ Болотовѣ. Всякій рубилъ, кто только могъ и хотѣлъ: и въ три дни всего заказа какъ не бывало!»

— Куда какъ хорошо, вздохнувъ, отвѣчалъ я. И вотъ слѣдствія общаго чрезноснаго владѣнія! Но можно-ль было ожидать того отъ его превосходительства?.. Ну, скажетъ же ему дядюшка мой за то спасибо!

Но что мы съ нимъ ни говорили, но заказа нашего какъ не бывало, и превосходительный вашъ господинъ генералъ умничаньемъ своимъ сдѣлалъ насъ на долгое время безъ дровъ и безъ лѣса.

Чрезъ нѣсколько недѣлъ послѣ того, съѣхалъ съ Москвы и дядя мой и приѣхалъ жить къ намъ на все лѣто съ женою своею въ деревню. Я былъ очень радъ его приѣзду, ибо съ нимъ могъ я и видѣться чаще, и время свое препровождать сколько-нибудь пріятнѣе, нежели съ другими. И такъ, покуда продолжалась зима, то дѣлилъ я свое время съ нимъ и съ моими книгами. За сіи непреминулъ я принятъ опять, какъ скоро возвратился изъ Москвы въ деревню и оныи, виѣстѣ съ красками и кистями, которыми, будучи въ Москвѣ запасся, замѣнили мнѣ много недостатокъ общества. Кромѣ ихъ занималъ меня много и вышедшій изъ

наукъ столяръ мой. Я снабдилъ его всѣми нужными инструментами, и мы тотчасъ начали съ нимъ кое-что шишлить, мастерить и работать. Я указывалъ и надоумливалъ его въ томъ, чего онъ еще не разумѣлъ, и отмѣнное его удобопонятіе ко всему меня радовало и веселило.

Посреди всѣхъ сихъ упражненій я и не видалъ какъ прошла достальная часть зимы; а не успѣла весна начать вскрываться, какъ множество разнообразныхъ новыхъ дѣлъ и упражненій дожидались уже меня и готовились занимать собою и умъ мой и мои члены, въ сердцѣ же водворять мало-по-малу всѣ пріятности уединенной и свободной сельской жизни.

Какъ весна сія была еще первая, которую въ совершенномъ возрастѣ и научившись любоваться красотами природы, препровождалъ я тогда въ деревнѣ, то не могу изобразить, сколь безчисленное множество наипрѣятнѣйшихъ и невинныхъ радостей и забавъ доставила она мнѣ во все продолженіе теченія своего.

Не успѣли начаться первыя тали, какъ единое приближеніе весны производило въ душѣ моей уже нѣкакое особое удовольствіе. Я смотрѣлъ на возвышающееся съ каждымъ днемъ выше и яснѣе уже свѣтящее солнце; смотрѣлъ на тающій отъ часу болѣе снѣгъ, на помрачающую зрѣніе бѣлизну полей, власно какъ горящія отъ лучей ярко свѣтящаго на нихъ солнца; примѣчалъ первѣйшія прогалинки на поляхъ, первѣйшіе бугорки, обнажавшіеся отъ снѣга и чернѣющіеся вдаль; смотрѣлъ на капли первыхъ вешнихъ водъ, упадающія съ кровель на землю, на маленькіе ручейки, составляющіеся изъ оныхъ и подъ снѣгъ паки уходящія и всѣмъ тѣмъ предварительно уже утѣшался. Когда же началась половодъ, то, о! съ какимъ восхищеніемъ смотрѣлъ я на прекрасную сію половодъ, бываемую всегда на рѣчкѣ нашей. Я избралъ въ саду своемъ на самомъ ребрѣ горы своей наилучшее мѣсто для смотрѣнія оной, протопталъ туда тропинку по снѣгу и тогда еще положилъ въ мысляхъ своихъ сдѣлать современемъ тутъ бесѣдочку себѣ.

Я ходилъ туда всякій день и не могъ довольно налюбоваться множествомъ огромныхъ льдинъ, несомыхъ внизъ по водѣ сквозь селеніе наше. Всѣ онѣ по нѣскольку разъ въ день спирались подъ горою противъ самаго двора моего и производили страшный ревъ и шумъ водою, продающеюся между ихъ; а лучи полуденнаго солнца, ударяя объ нихъ и о безчисленные струи и брызги воды вешней, ослѣпляли почти зрѣніе и представляли наипрѣятнѣйшее и такое для глазъ зрѣлище, которому довольно насмотрѣться было не можно. Крикъ и радостныя восклицанія юныхъ обитателей селенія нашего, бѣгущихъ вслѣдъ за льдинами, шмывущими внизъ по рѣкѣ и подбораніе ловимой отцами ихъ рыбы, присоединялися къ зрѣлищу сему, и, утѣшая слухъ мой, увеселяли меня еще болѣе,—такъ, что не утерпѣвалъ я и сбѣгалъ внизъ съ горы къ самой рѣкѣ нашей, чтобъ насладиться всѣми новыми для меня зрѣлищами сими ближе.

Случившаяся въ самое почти то же время святая недѣля и сельское оной торжествованіе, соединенное съ забавами особаго рода, увеличили еще болѣе мое удовольствіе. Уже многіе годы не видалъ я сего торжества въ своей деревнѣ, милаго и любезнаго мнѣ отъ самаго младенчества; и потому дожидался съ вожделѣніемъ сего праздника и проводилъ оный весьма весело.

Вскорѣ потомъ открывшаяся весна, съ оживающею своею зеленью и развертывающимися деревьями, отворила мнѣ путь къ новымъ и безчисленнымъ забавамъ и увеселеніямъ. Вся натура была мнѣ отверзтою, и я впервые еще тогда могъ на свободѣ и сколько хотѣлъ ею пользоваться и всѣми ея пріятностями, красотою и великолѣпіями наслаждаться. Не могу изобразить какъ пріятна и утѣшна была для меня сія первая весна, и какъ много веселился я всѣми окружающими меня разными предметами и происходящими всякой день съ ними перемѣнами.

Сперва утѣшали меня самыя распуколки древесныхъ листовъ, тамъ младая и нѣж-

ная зелень листочковъ и пріятная разноцвѣтность оныхъ; а потомъ, веселилъ зрѣніе мое самый цвѣтъ всѣхъ плодовыхъ деревь, соединенный съ безчисленными и разными цвѣтами, разсыянными натурою по бархатнымъ коврамъ распростертымъ по землѣ. Я любовался ими и любовался положеніями мѣстъ вокругъ жилища моего. Всѣ они были прекрасны, всѣ мнѣ милы, всѣ утѣшали зрѣніе и улаждали чувствованія сердца моего,— и я не могъ довольно навеселиться ими. Пѣніе пташекъ, палетѣвшихъ въ превеликомъ множествѣ въ сады и рощи мои, а особливо восхитительные крики соловья, слышимые повсюду и гремящіе по вечерамъ во всѣхъ садахъ моихъ и рощахъ, увеличивали еще болѣе пріятность ощущеній моихъ. И сколь многія минуты были ими наполнены тогда!

Не было дня, въ которой бы я, отрываясь отъ прочихъ моихъ упражненій, по нѣскольку разъ не выходилъ изъ дома въ рощи, или сады свои: и либо сидючи въ совершенномъ уединеніи на какомъ-нибудь пріятномъ бугоркѣ, на хребтѣ своей горы прекрасной, либо стоявши, прислонясь спиною къ какому-нибудь дереву и простирая взоры на прекрасные дальніи и мѣстоположенія окрестныя; либо расхаживая взадъ и впередъ по тропинкамъ, пробитымъ мною въ садахъ моихъ подъ тѣнью и вѣтвями деревь плодовыхъ,—не углублялся я въ размышленія различныя, и когда пріятныя и чувствительныя, когда важныя и глубокія—и не производилъ ими въ себѣ чувствованій столь пріятныхъ и сладкихъ, что за ними забывалъ все прочее на свѣтѣ, и благодарилъ только судьбу свою, что она доставила мнѣ, наконецъ, то, чего желало только сердце мое: то-есть свободную и мирную деревенскую жизнь.

Совсѣмъ тѣмъ, неупускалъ я записывать и экономію сельскую и посвящать ей знаменитую часть празднаго времени своего. Втеченіе зимы имѣлъ я довольно досуга къ тому, чтобъ обдумать всѣ часги оной и позамѣтить въ мысляхъ своихъ

что и что сдѣлать бы мнѣ въ теченіе наступающей весны, лѣта и осени.

Не хотя вести домоводства своего такъ слѣпо и съ такимъ небреженіемъ, какъ вѣдуть его многіе, а желая основать оное коліко можно порядочнѣе и лучше, завелъ я всему порядочныя записки, переписалъ всѣ замышляемыя дѣла, всѣ нужныя поправленія старыхъ вещей и всѣ затѣваемыя вновь заведенія и предпріятія, и соображаясь съ малолѣдствомъ и достаткомъ своимъ, избиралъ то, что казалось нужнѣйшимъ предъ другими вещами, и давалъ всегда симъ преимущественно предъ такими, кои были либо не столь нужны, либо могли терпѣть еще нѣсколько времени. А всегдашнее наблюденіе сего правила и порядка въ самыхъ работахъ и помогло мнѣ очень много въ моемъ домоводствѣ, и сдѣлало то, что я очень немногими людьми и въ самое короткое время успѣлъ произвести то, чего иные и многими людьми и несравненно въ должайшее время произвести не въ состояніи.

Всѣ сіи упражненія относились въ теченіи сего лѣта наглавнѣйше только къ двумъ предметамъ: къ зданіямъ и садамъ моимъ. Первыми какъ ни располагался я не спѣшить, но какъ нужду терпѣлъ я и въ первѣйшей потребности житейской, то-есть, ту, что мнѣ жить было негдѣ, ибо домъ мой былъ уже слишкомъ ветхъ и староманеренъ, и тѣ компаніи, гдѣ я сначала расположился жить, были и скучны, и темны, и дурны, и совсѣмъ не по моимъ мыслямъ; то расположился я воспользоваться находящеюся въ концѣ хормъ за стѣнами нежилою и повидимому довольно еще крѣпкою двочкою, и не только сдѣлать изъ нихъ для житья себѣ два порядочныхъ покойца, но присвокупить къ нимъ еще и третій, сдѣлавъ оный изъ задней половинны переднихъ большихъ и просторныхъ стѣны.

Итакъ, рѣшившись предпріять сіе дѣло, которое бы встарину почтено было смертнымъ грѣхомъ и неслыханнымъ отважнымъ предпріятіемъ, неусиѣлъ я дожидаться приближенія весны, какъ и должны были плотники прорубать стѣны и

проваливать гдѣ двери, гдѣ мѣста подѣ печь, гдѣ окошки большія, гдѣ забирать вновь стѣны, гдѣ изъ дверей дѣлать окна, и такъ далѣе. И работа, по указанію и распоряженію моему, пошла съ такимъ успѣхомъ, что уса чъ прикащикъ мой, смотря на все сіе, молчалъ и пожималъ только плечами: ибо ему такихъ отважныхъ предпріятій неприходило никогда и въ голову. А увидѣвъ чрезъ короткое время прекрасные и веселые покойцы, въ которыхъ жить никому было не стыдно, не вѣрилъ почти глазамъ своимъ, и только удивлялся, какъ я успѣлъ все то такъ скоро и хорошо сдѣлать.

Сіе и дѣйствительно такъ было: ибо мнѣ какъ-то удалось очень скоро всю сію работу кончить и нажить себѣ три, хотя небольшія, но прекрасныя и веселыя комнаты, съ большими окнами,—и не только съ подбитыми холстиною и выбѣленными потолками, но и обитыя самимъ мною по холстинѣ и довольно хорошо разрисованными обоями. Одинъ и величайшій изъ сихъ покойцевъ, сдѣланный изъ бывшей до сего харчевой свѣтлицы, составлялъ у меня нѣкоторой родъ гостиной или передней. Я освѣтилъ его тремя большими и порядочными окнами: одно изъ нихъ было на дворѣ, а два прорублены вновь въ садѣ, гдѣ предъ самими оными отгородилъ я особый огородецъ и сдѣлалъ порядочный цвѣтничокъ. Для нагрѣванія же онаго снабдилъ его особою, и хотя кирпичною, но порядочно складеною и мною расписанною печкою. Обои же въ ономъ сдѣлалъ я свѣтлопурпуровыя съ цвѣточками, и столь красивыя, что горенка сія была хотъ куда.

Второй покоецъ сдѣлалъ я своею спальнею, превративъ ее изъ старинной темной кладовой и соединивъ съ первымъ дверьми, освѣтилъ его двумя большими окнами, которыя оба были въ садѣ. И какъ одно изъ нихъ было на полдень, то сіе и придавало обоимъ симъ покойцамъ довольно свѣтлости. Я обилъ стѣны сего желтыми и также росписанными обоями.

Третій, маленькій и изъ задней половины большаго сѣней сдѣланный покоецъ,

составлялъ по нуждѣ и заднюю и лакейскую комнату. Дверьми своими имѣлъ онъ соединеніе и съ передними и задними сѣнями и съ моею спальнею, съ которою и одна печь его нагрѣвала.

Сіа-то была первая въ домѣ моемъ внутренняя и далеко еще не-совершенная передѣлка; но, по крайней мѣрѣ, я тогда и симъ былъ очень ужъ доволенъ, и тотчасъ перебрался туда жить, какъ скоро она поспѣла. А дабы любопытнѣйшимъ изъ потомковъ моихъ можно было видѣть сію мою первую передѣлку, то изобразилъ я оную въ приобщенномъ при семь планѣ и рисункѣ.

Но сіе было не одно, въ чемъ я тогда упражнялся. Но между тѣмъ, покуда сіе плотники съ столяромъ моимъ перестраивали, занимался я садами своими. Я навѣщалъ ежедневно свой новопосаженный и поспѣшествовалъ чѣмъ можно было скорѣйшему его принятію. А сверхъ того началъ по-маленьку приниматься и за старинный свой и подлѣ хоромъ находящійся садъ. Мнѣ весьма хотѣлось и сей привести въ лучшее состояніе. И какъ тогда всѣ еще съ ума сходили на регулярныхъ садахъ и они были въ модѣ, то хотѣлось мнѣ и сей превратить сколько можно было въ регулярный. Но какъ вдругъ его весь перековеркать я неотважился, то отдѣлялъ сперва одну часть онаго, лежащую къ проулку и превратилъ ее въ регулярную. И отдѣлилъ часть сію отъ всего прочаго сада двумя длинными, чрезъ всю ширину сада простирающимися и прямо противъ входа расположенными цвѣточными грядками, и сдѣлавъ случившіяся въ срединѣ оной части четыре, въ кучкѣ сидяція и нынѣ еще существующія, но тогда молодыя еще березки,—центромъ, вздумалъ сдѣлать подѣ ними осьмиугольную прозрачную рѣшетчатую бесѣдку и, проведя отъ сего центра во всѣ четыре стороны дорожки, сдѣлать тутъ 4 маленькіхъ квартальца, окруженные цвѣточными рабатками, а по сторонамъ кой-гдѣ крытыя дорожки, коихъ остатки видны еще и понынѣ, такъ

какъ все то изъ приобщеннаго присемъ рисунка яснѣе усмотрѣть можно.

Всю же нижнюю и большую часть сего сада оставилъ я еще въ сей разъ въ прежнемъ состоянїи, а вычистилъ только и сколько-нибудь оправилъ находящуюся въ концѣ онаго и на самомъ хребтѣ горы,

то при семъ случаѣ и имѣлъ я удовольствїе видѣть всѣхъ ихъ въ собранїи, и не могъ довольно надивиться веселому характеру нашего народа, производящему и самыя трудныя и тяжелыя дѣла съ шутками и издѣвками, со смѣхами и играшемъ другъ съ другомъ.

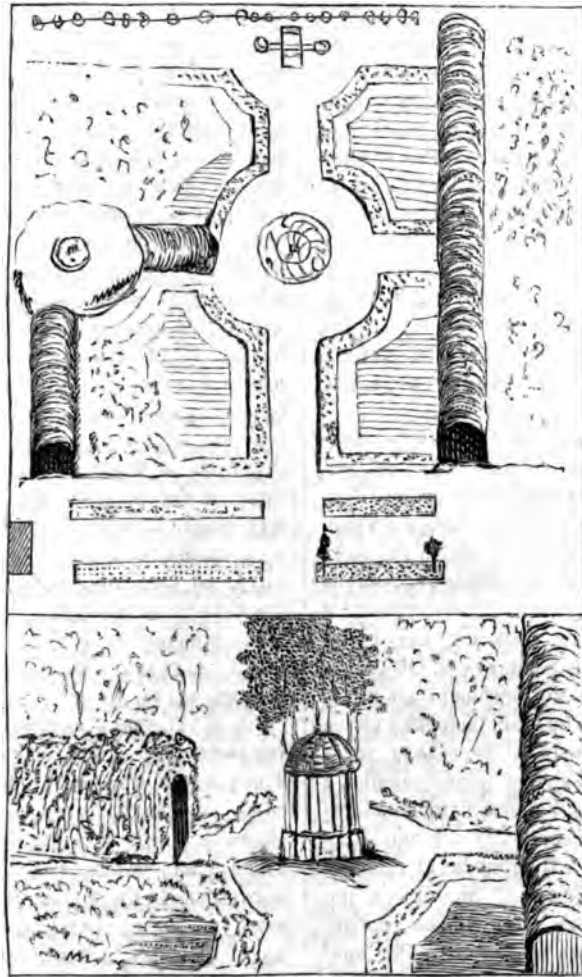

старинную прадѣдовскую сажелку, на плотнѣ которой стоялъ еще издыхающїй огромный дубъ, прежившїй вѣка многіе. И какъ сіе послѣднее дѣло надлежало производить многими людьми дружно и я принужденъ былъ согнать всѣхъ ближнихъ своихъ крестьянъ и крестьянокъ,

Премногое множество насадилъ я также въ сію весну разныхъ плодовыхъ и дикихъ деревъ, а особливо въ семъ ближнемъ саду,—гдѣ, къ числу посаженныхъ въ сію весну деревъ, принадлежитъ и прекрасная моя большая ель, украшающая нынѣ всю средину сего сада и стоя-

щая посреди еловой площади, и прекрасная моя крошечная липа. Первая посажена была маленькою поконцецъ одной длинной цвѣточной грядки, а другая при началѣ оной, и обѣ служатъ мнѣ нынѣ памятниками тогдашняго пріятнаго времени.

цвѣтами, умножило еще болѣе мои невинныя сельскія забавы и увеселенія. Я любовался сею разноцвѣтною и прекрасною зеленью, любовался нѣжными молодыми листочками, сотыкающими для меня пріятныя тѣни подъ вѣтвями деревъ и кустарниковъ; любовался тысячами цвѣ-

Въ сихъ ежедневныхъ и занимательныхъ упражненіяхъ протекли нечувствительно всѣ первые дни, — и такъ, что я ихъ почти и не видалъ. Послѣдующее за тѣмъ и самое лучшее вѣшнее время, одѣвшее всѣ деревья зеленью и украсившее плодоносныя изъ нихъ свѣтлоподобными

товъ разныхъ, которыми они всѣ были унизаны мнѣ изобиліе всякихъ плодовъ обѣщавшихъ; любовался, наконецъ, и самою завязью и начатками плодовъ сихъ, и не могъ всѣмъ тѣмъ налюбоваться и зрѣнія своего насытить довольно. И какое множество пріятныхъ и неоцѣненныхъ

минуть въ жизни доставила мнѣ уже и первая весна въ деревнѣ! Съ какимъ описаннымъ удовольствіемъ провождалъ я многіе часы и цѣлыя дни въ садахъ своихъ, и сколь разнообразныя и всегда меня занимающія пріятныя упражненія находилъ я для себя въ оныхъ!

Изъ всѣхъ плодовыхъ деревъ и кустарниковъ, также и сажаемыхъ въ цвѣтникахъ цвѣточныхъ произрастеній, не было мнѣ еще ни одного знакомаго: со всѣми ими надлежало мнѣ познакомиться и всѣхъ ихъ узнавать натуру и свойства. Сими послѣдними снабдила меня одна моя сосѣдка, госпожа Трусова. Будучи охотница до цвѣтовъ, имѣла она у себя ихъ многіе разные роды. И какъ у меня вовсе не было никакихъ, то, будучи мнѣ нѣсколько сродни и сдѣлавшись знакомою, неусиѣла узнать, что я сдѣлалъ цвѣтникъ и пужаюся цвѣтами, какъ и снабдила меня всѣми зимними породами оныхъ, какіе только у нея были.

И, Боже мой! сколько певинныхъ радостей и удовольствій произвели мнѣ сии любимцы природы, украшающіе собою первыя зелени веснѣ! Какъ любовался я разнообразностію и разною зеленью листьевъ и травъ ихъ! Съ какою нетерпѣливостію дожидался распукалокъ цвѣточныхъ и самаго того пункта времени, когда онѣ развертывались и разцвѣтали! И самыя простѣйшія и обыкновеннѣйшія изъ нихъ, какъ, на примѣръ, орлики, боярская сиѣс и гвоздички турецкія, увеселяли меня столько, сколько иныхъ неувеселяютъ и самыя рѣдкія американскія произрастенія, и болѣе отъ того, что всѣ они были мнѣ незнакомы. А о нарцисахъ, тюльпанахъ, присахъ, лилеяхъ, піонахъ и розахъ, которыми она меня также снабдила, и говорить уже не для чего. Сии приводили меня нерѣдко даже въ восхищеніе самое, и сдѣлали мнѣ маленькій мой цвѣтникъ столь милымъ и пріятнымъ, что я не могъ на него довольно насмотрѣться и надлюбоваться. И съ самаго сего дня сдѣлался до цвѣтовъ превеликимъ и такимъ охотникомъ, что не проходило дня, въ который бы не поспѣвалъ я его и по

нѣсколько разъ не умывалъ рукъ своихъ, замаранныхъ землею при оправливаніи и опалываніи цвѣтовъ своихъ.

А таковыя же поводы къ упражненіямъ, а вкупѣ и удовольствіямъ и увеселеніямъ многоразличнымъ подавали мнѣ и другія части садовъ моихъ. Ни одинъ изъ послѣднихъ уголковъ въ оныхъ не оставался безъ посѣщеніевъ моихъ; а многія мѣста въ нихъ и по нѣсколько разъ въ одинъ день посѣщаемы были мною. И вездѣ и вездѣ находилъ я себѣ дѣло и вездѣ занятіе и упражненіе. Здѣсь оправлялъ я, или заставлялъ поливать новопосаженныя деревца и кустарники, и старался поспѣшествовать всячески тому, чтобъ они принимались лучше и скорѣе. Тамъ подчищалъ я другіе, и вырѣзывая мѣшающую имъ постороннюю дрянь и негодь, давалъ имъ свободы и простора болѣе. Индѣ стягивалъ и подвязывалъ вѣтви и уменьшалъ чрезъ то безобразіе оныхъ; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—либо серпомъ обѣкалъ, либо пожницами обстригалъ я молодыя деревца и кустарники и превращалъ ихъ въ кронныя и фигурныя. Здѣсь выкашивали мнѣ траву и истребляли дурныя произрастенія, а индѣ, по указанію моему, прочищали и прокладывали дорожки, и дѣлали земляныя лавочки и сидѣлки для отдохновенія, окладывая ихъ зеленымъ дерномъ,—и такъ далѣе.

Во всѣхъ сихъ садовыхъ занятіяхъ и упражненіяхъ моихъ былъ сотоварищемъ и помощникомъ моимъ одинъ изъ стариковъ, жившихъ тогда во дворѣ моемъ. Не имѣя у себя никакого садовника и ни единого изъ всѣхъ людей моихъ такого, который хотя-бы сколько-нибудь зналъ сію важную часть сельскаго домоводства, долго не зналъ я и не могъ самъ съ собою согласиться въ томъ—кого бы мнѣ представить къ садамъ моимъ и сдѣлать садовникомъ? Но наконецъ, попался мнѣ сей старичокъ на глаза и полюбился по своей заботливости, замысловатости и трудолюбію. Онъ служилъ при покойномъ отцѣ моемъ, бывалъ съ нимъ во всѣхъ походахъ и звали его Сергѣемъ, по из-

вѣстенъ онъ былъ болѣе подъ именемъ Косова. Такъ называлъ его всегда мой родитель, такъ называлъ его я, но наконецъ прозвали его всѣ дядею Серёгою.

Сему-то доброму старичку рѣшился я препоручить всѣ сады мои въ смотрѣніе. И сей-то прежній слуга отца моего, котораго на-старости мы женили и выпустили-было въ крестьяне, но взяли опять во дворъ, былъ и садовникомъ, помощникомъ, и совѣтникомъ, и всѣмъ и всѣмъ. И хотя сначала и оба мы чего изъ отвоисцангося до садовъ не знали; но иностранныя книги обоихъ насъ въ короткое время такъ всему научили, что онъ вскорѣ сдѣлался такимъ садовникомъ, каковаго я не желалъ лучше. И онъ пришелся прямо по мнѣ и по моимъ мыслямъ: ибо не только охотно исполнялъ все, мною затѣваемое и ему повелѣваемое, но по замысловатости своей старался еще предузнавать мои мысли и предупреждать самыя хотѣнія мои,—чѣмъ наиболѣе онъ мнѣ и сдѣлался приятнымъ. И я могу сказать, что всѣ прежнія сады мои, разными посадженіями своими и всѣмъ образованіемъ своимъ обязаны сему человеку. Его рука садила всѣ старинныя деревья, и воспитывала, и обрѣзывала ихъ; и его умъ обработалъ многиа въ нихъ мѣста, видимыя еще и нынѣ и служація мнѣ всегдашнимъ памятникомъ его прилежности и трудолюбія. Словомъ, я былъ симъ слугею своимъ, дожившемъ до глубочайшей старости и трудившимся въ садахъ моихъ до послѣдняго остатка силъ своихъ,—такъ много доволенъ, что и нынѣ, при воспоминаніи его и того, какъ мы съ нимъ тогда живали, какъ все выдумывали и затѣи свои производили въ дѣйство, слеза навертывается на глазахъ моихъ, и я, благословляя прахъ его, желаю ему вѣчнаго покоя,—и тѣмъ паче, что преемникъ и ученикъ его, нынѣшній мой главный садовникъ, далеко не таковъ, каковъ былъ сей рачительный и добрый старичокъ.

Наконецъ, книги, сіи всегдашніе и наилучшіе мои друзья и собесѣдники, преподавали мнѣ также многіе поводы къ

чистымъ и непорочнѣйшимъ забавамъ и утѣхамъ. Весьма понятно и повиѣ мнѣ еще то, какъ много помогали онѣ мнѣ тогдашнюю, прямо уединенную и отъ всего свѣтскаго шума удаленную жизнь—препровождать въ спокойствіи и удовольствіи совершенномъ, и какъ много съ своей стороны поспѣшествовали всѣмъ тогдашнимъ моимъ увеселеніямъ! При помощи ихъ велъ я тогда жизнь прямо философическую, и большую часть времени своего посвящалъ имъ и наукѣ сельскаго домоводства.

Къ сей, при помощи ихъ же, я такъ прилѣпился, что позабывалъ почти о развѣзжаніи по гостямъ, но всегда охотнѣе оставался одинъ дома, занимался своими садами и книгами, нежели препровождалъ время въ обществѣхъ съ такими сосѣдями и людьми, изъ которыхъ не было ни одного, съ кѣмъ бы можно было молвить разумное словцо и побесѣдовать прямо дружески. Словомъ, весь тогдашній образъ моей жизни былъ особенный, и такъ единообразенъ и простъ, что я могу оной немногими словами описать.

Въ каждое утро, вставъ почти съ восхожденіемъ солнца, первое мое дѣло состояло въ томъ, чтобъ растворивъ окно въ мой садъ и цвѣтничокъ, сѣсть подъ онымъ и полюбоваться красотою патуры и всѣми пріятностями вешняго утра, и вознестись при томъ мыслями къ Производителю всѣхъ благъ и пожертвовать ему первѣйшими чувствіями благодарности за всѣ его къ себѣ милости. Между тѣмъ, какъ я симъ первымъ и пріятнѣйшимъ для себя дѣломъ занимался, готовилъ мой Абрамъ (который продолжалъ и въ деревнѣ мнѣ служить и отправлять должность камердинера, при помощи одного мальчишки, но прозвизу Бабая) мой чай.

Сей былъ у меня въ тогдашнее время особенный. Нѣкогда имѣя нужду полечить себя отъ заболѣвшей груди вареною въ водѣ извѣстною травою буквицею, подслащенною медомъ и приправленною сливками, и продолжая питье сего напитка нѣсколько дней сряду, я

такъ къ нему привыкъ и онъ мнѣ сдѣлался такъ пріятель, что я позабылъ совсѣмъ о чаѣ и пилъ вкусный отваръ сей всякое утро съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и самый лучшій чай китайскій. Итакъ, неусиѣю, бывало, встать, какъ чрезъ нѣсколько минутъ и принашивалъ ко мнѣ мой Абрамъ на подносі чайничекъ съ вареною буквицею и съ кастрюлечкою съ растопленнымъ медомъ, и съ другою такою-жъ съ согрѣтыми сливками; а Бабай мой слѣдовалъ за нимъ съ раскуренною трубкою съ табакомъ. И я, опорожнивъ ихъ до дна и напившись до сыта, вскидывалъ на себя легкую, простую и спокойную деревенскую одежду, и всунувъ въ карманъ какою-нибудь книжку, спѣшилъ въ сады свои.

Тамъ, ходючи по своимъ аллеямъ и дорожкамъ, любовался я вновь всѣми пріятностями натуры, внималъ потомъ изъ кармана книжку и, уединясь въ какое-нибудь глухое мѣстечко, читывалъ какія-нибудь важныя утреннія размышленія, воспарялся духомъ къ небесамъ, повергался на колѣна предъ Обладателемъ міра и небеснымъ своимъ Отцемъ и Господомъ и изливалъ предъ Нимъ свои чувствованія и молитвы. Препроводивъ въ томъ нѣсколько минутъ, продолжалъ я хожденіе свое, отыскивалъ своего садовника, приказывалъ ему, что въ тотъ день или часъ ему дѣлать; и обходясь симъ образомъ и сады свои всѣ, а иногда и всю усадьбу свою, возвращался я пакы къ удовольствію въ свою комнату. Тутъ находилъ я всегда уже готовый для себя завтракъ.

Сей состоялъ у меня обыкновенно изъ свареной въ кастрюлечкѣ гречишной каши размазеньки. Приправивъ ее хорошими чухонскимъ масломъ, выпораживалъ я ее съ особливимъ вкусомъ и пріятностію. Послѣ чего, либо садился на верховую лошадь и выѣзжалъ на свои поля осматривать и производимое хлѣбопашество, либо отхаживалъ опять въ сады и въ тѣ мѣста, гдѣ въ тотъ день производились работы, и присутствовалъ при оныхъ.

Двѣнадцатый часъ возвращалъ меня

опять въ мои комнаты. Тутъ дождался уже меня изготовленный легкій и хотя непышный, но сытный и пріятный деревенскій обѣдъ. И я, насытивъ себя, либо выходилъ опять въ садъ и, между тѣмъ, какъ обѣдали и отдыхали мои люди, занимался тамъ, сидячи гдѣ-нибудь подъ пріятною тѣнью, чтаніемъ взятой съ собою пріятной книжки; либо бралъ въ руки кисти и краски и что-нибудь рисовалъ до того времени, покуда работы воспринимали опять свое дѣйствіе и меня къ себѣ призывали. Пріятное же вечернее время посвящалъ я опять увеселеніямъ красотою натуры; и чтобъ удобнѣе ими пользоваться и наслаждаться, то удалялся обыкновенно въ старинный свой нижній садъ, откуда видны были всѣ окрестности и все прекрасное течение извивающейся нашей рѣчки Скяниги. У меня выбрано было къ тому особое и лучшее мѣстечко на самомъ обнаженнѣйшемъ хребтѣ горы своей.

Тутъ, сидячи на мягкой муравѣ, при раздающемся по всѣмъ роцамъ громкомъ нѣмнѣ соловьевъ, любовался я захожденіемъ солнца, бѣгущею съ полей въ дома и чрезъ рѣчку перебирающеюся скотиною, журчаніемъ воды, переливающейся чрезъ камушки мягкой и прекрасной рѣчки нашей Скяниги. И нерѣдко приходя отъ того въ пріятныя даже восгоргі, просиживалъ тутъ иногда до самаго позднего вечера, и до того, покуда прихаживали мнѣ сказывать, что накрытъ уже столъ для ужина.

Симъ и подобнымъ сему образомъ провоздалъ я тогдашнюю свою уединенную холостую жизнь, и за безпрерывными упражненіями не видалъ—какъ прошла вся весна тогдашняго года. Наступившее потомъ лѣто принесло нѣкоторыя другія занятія, но о которыхъ упомяну я въ писемѣ послѣдующемъ; а теперешнее, какъ довольно увеличившееся, симъ окончу сказавъ вамъ, что я есмь и прочее.

ПРОИЗШЕСТВІЯ КРИТИЧЕСНІЯ.

Письмо 108-е.

Любезный пріятель. Изобразивъ

вамъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ всю пріятность первоначальной моей деревенской жизни, скажу теперь, что сколь ни была она пріятна, и какъ я ею ни былъ доволенъ, но совѣмъ тѣмъ чувствовалъ я всегда, что мнѣ, при всѣхъ моихъ забавахъ и увеселеніяхъ, чего-то недоставало и что самый сей недостатокъ дѣлалъ всѣ ихъ какъ-то несовершенными.

Сначала недостатокъ сей былъ мнѣ не весьма чувствителенъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ становился онъ мнѣ чувствительнѣе — и сдѣлался, наконецъ, столь примѣтенъ, что я сталъ уже объ немъ и размышлять и существо его изслѣдывать. И тогда скоро открылъ я, что важный недостатокъ сей происходилъ отъ совершеннаго моего одиночества и состоялъ единственно въ немѣннѣи при себѣ другого и такого мыслящаго существа, которому могъ бы я сообщать всѣ свои мысли и съ которымъ бы могъ раздѣлять всѣ свои чувствованія. Словомъ, мнѣ нуженъ былъ товарищъ такой, который бы имѣлъ согласныя со мною мысли и такія же чувствованія, какъ я...

Всѣ тѣ дни и часы, которые пронождаю я въ сообществѣ съ прибѣжавшимъ кой-когда ко мнѣ пріателемъ моимъ, господиномъ Писаревымъ, доказываютъ мнѣ, сколь многое зависѣло отъ общества съ человѣкомъ, съ которымъ можно было обо всемъ говорить, и сколь отчужденны дни сіи были отъ препровожденныхъ въ совершенномъ уединеніи. И какъ недостатокъ сей становился мнѣ часъ-отчасу ощутительнѣе, и я награждать оной надѣяться могъ только чрезъ женитьбу, то хотя надежда сія была и не достовѣрная, но какъ не было ничего иного лучшаго, то самое сіе обстоятельство и побуждало меня чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще и болѣе помышлять о моей женитьбѣ и о пріисканіи себѣ въ женѣ такого товарища, какого собственно мнѣ недоставало и какого желало мое сердце.

Но сіе скорѣе сказать, нежели сдѣлать было можно. Ибо, какъ хотѣлось мнѣ не только такой, которая бы была довольно умна и къ составленію мнѣ такого това-

рища, какой мнѣ нуженъ былъ, способна; но которая бы и собою была, хотя не красавица, но по крайней мѣрѣ такова, чтобъ могъ я ее, а она меня любить; а сверхъ всего того, которая бы и не совѣмъ была бѣдна, но приданнымъ своимъ сколько-нибудь могла-бы не большой, а весьма умѣренный недостатокъ мой увеличить, то таковую, при тогдашнихъ обстоятельствахъ моихъ и найтить не скоро, или паче съ трудомъ было можно.

Знакомство мое было не такъ обширно, чтобъ я всѣхъ бывшихъ тогда въ домахъ взрослыхъ дѣвушекъ могъ видѣть и сколько-нибудь узнавать. Родственниковъ и таковыхъ людей, которые бы могли мнѣ въ семь случаѣ помогать, имѣлъ я также мало, а которыхъ и имѣлъ, такъ всѣ они были не таковы, чтобъ я могъ ожидать отъ нихъ важной и существительной въ семь случаѣ услуги и вспоможенія. А сверхъ всего того, и во всѣхъ ближнихъ окрестностяхъ и сосѣдствѣ нашемъ было тогда какъ-то очень мало дѣвицъ, могущихъ быть мнѣ сколько-нибудь подѣ парю. Ибо, въ иныхъ домахъ хотя и были, но слишкомъ противъ меня богатая, и такія, о которыхъ мнѣ и помышлять было не можно; а другія, напротивъ того, слишкомъ бѣдны; въ иныхъ, хотя и были дѣвушки, но слишкомъ еще молоды и малы и въ невѣсты мнѣ еще не годились. О другихъ носилася молва, что онѣ привязаны уже были слишкомъ къ свѣтской жизни, и которыя, будучи дѣвушками самыми модными, были совѣмъ не на мою руку; а иныя, наконецъ, не имѣя никакого воспитанія, были уже слишкомъ просты, и таковы, что живучи съ ними не можно было ожидать себѣ желаемой помощи. А что всего хуже, то число и всѣхъ ихъ было такъ не велико, что и выбирать было не изъ-чего. А все сіе, сколько съ одной стороны удерживало меня отъ успѣшности при выборѣи себѣ невѣсты, столько съ другой стороны озабочивало и производило опасеніе, чтобъ за такими переборами не остаться, когда не навсегда, такъ надолго безъ невѣсты.

Итакъ, хотя и было у меня съ дядею

ко одна старуха съ старшею дочерью; младшая же жила почти совсѣмъ въ домѣ у княгини. А потому, не успѣла княгиня на другой день старуху тетку мою увидѣть, какъ и завезла съ нею обо мнѣ разговоръ. Она сообщила ей сдѣланное ею замѣчаніе, а сія призналась, что она и сама давно уже примѣтила отрицательную склонность и привязанность мою къ дочерямъ ея, и что на самомъ томъ осунуть свою надежду и думать, не могу ли я сдѣлаться когда-нибудь ея зятемъ?

— «Какъ, спросила княгиня, сіе услышавъ: развѣ это можно? и развѣ вы не такъ близко родня между собою?»

— Конечно можно, сказала старуха. Родня только мы съ мужемъ ему; а между дѣтьми моими и имъ нѣтъ никакой родни: они между собою правнучатныя. И поцѣлбшій, Егоръ, говоритъ, что жениться безъ всякаго сумнѣнія можно.

— «О, когда такъ, сказала княгиня, то надобно же намъ совокушно стараться симъ случаемъ воспользоваться. Женишокъ этотъ, право завистливой. И дочь ваша вѣрно бы не безчестна была, еслибъ могла получить себѣ такого мужа».

— Конечно такъ, отвѣчала старуха. Но Богъ его знаетъ: что-то онъ ни мало еще о томъ не заговариваетъ, хотя и заскается онъ къ обнмъ дочерямъ моимъ. Мы сколько ни ждали того въ Москвѣ, но не могли дожидаться. И признаюсь, что болѣе для того и въ деревню сюда поѣхали: не рѣшится ли онъ здѣсь намъ сдѣлать предложенія, которому бы мы очень были рады.

— «Это можетъ быть отъ того происходитъ, сказала на сіе княгиня: что онъ слишкомъ застѣнчивъ, и такъ несмѣлъ, какъ красная дѣвушка, и его надобно къ тому поприготовить».

— Хорошо, сказала старуха; но того бы еще лучше, еслибъ вы, матушка княгиня, намъ въ томъ сколько можно помогли.

— «Съ превеликою охотою! отвѣчала княгиня. Я употреблю съ своей стороны все, что только можно. Палагею Васильев-

ну я сама очень люблю, и она достойна такого жениха».

— Нѣтъ, матушка, подхватила старуха: а ежели милость твоя къ намъ будетъ, такъ наклоняйте болѣе Татьяну за него. Мой Василій Никитичъ и слышать того не хочетъ, чтобъ меньшую дочь прежде большой выдавать замужъ; и онъ никакъ не согласится, чтобъ Палагею просватать напередъ.

— «О, это пусто! сказала на сіе княгиня. Это разбирали въ старину, да и не при такихъ случаяхъ и женихахъ. Въ разсужденіи сего было-бъ сущее дурачество, еслибъ предпринимать такіе разборы. А ктому-жъ, что ты изволишь, если ему не Татьяна твоя, а Палагея болѣе правится, какъ я въ томъ и не сомнѣваюсь, и когда онъ на Татьянѣ свататься и не подумаетъ?.. Однако, посмотримъ, что будетъ далѣе, и поглядимъ: знаетъ ли онъ еще и то, что ему вы не такъ близко родня, чтобъ ему жениться на дочеряхъ вашихъ было не можно».

— А Богъ его знаетъ, подхватила старуха. Можетъ быть онъ и не знаетъ того.

— «Хорошо-жъ, сказала княгиня. Надобно-жъ намъ напередъ въ этомъ его удостовѣрить: и буде онъ не знаетъ, то внушить ему то».

Симъ и подобнымъ сему образомъ, какъ я послѣ въ точности узналъ, говорено было тогда обо мнѣ въ Калитинѣ, и положено, при первомъ случаѣ и свиданіи, рѣчь довести до родства нашего и вывести меня изъ недоумѣнія. Сіе и учинили онъ дѣйствительно; и чтобъ лучше меня въ томъ удостовѣрить, то съумысла уняли у себя въ тотъ день, какъ я приѣхалъ, тамошняго приходскаго попа обѣдать, и нарочно при мнѣ разговорились съ нимъ о томъ, до какой степени нельзя вступать въ бракъ и потомъ, будто-бы для примѣра и объясненія, стали съ нимъ считать родню: сперва, между мною и княгинею, а потомъ, между мною и старушкою и ея дочерями.

Я сперва ни мало недогадался, и почиталъ все сіе случайнымъ разговоромъ. Но какъ разговоръ сталъ часъ-отъ-часу

ближе касаться до меня, и онъ ясно выводилъ, что обѣ онны дѣвнцы были со мною въ осьмомъ колѣнѣ и такъ далеко родня, что мнѣ можно на нихъ и жениться, то сіе власно какъ отворило мнѣ глаза, и я усматривалъ уже къ чему это все говорено, и что собственно на умѣ было, какъ у моихъ хозяевъ, такъ въ особенности у старушки моей тетки, бравшей болѣе всѣхъ въ помянутомъ разговорѣ соучастіе и явно старающейся меня въ томъ удостоверить, что мнѣ на дочеряхъ ея жениться было можно. Я несомнѣвался тогда уже въ томъ, что сей того уже очень хотѣлось и что непротивно-бъ было то и князю и княгинѣ.

Все сіе было хотя страстному моему сердцу очень и очень непротивно и ласкало оно навпріятнѣйшими для него надеждами и чувствами, и оно прыгало, такъ сказать, отъ радости при слышаніи сего разговора,—въ которомъ я хотя и не бралъ соучастія, но сидѣлъ рдѣя только и краснѣя, не говоря ни одного слова. Но, съ другой стороны, самое сіе возбудило въ умѣ моемъ толпу совсѣмъ новыхъ мыслей, а притомъ и нѣкоторый родъ особенной осторожности. До того любовался я только красотою и совершенствами меньшей дочери госпожи Бахъевой, какъ моей сродственницы; а съ сего времени сталъ уже на обѣихъ дочерей ея смотрѣть иными глазами, и такъ, какъ на дѣвушекъ, назначаемыхъ мнѣ въ невѣсты,—и на такихъ, изъ которыхъ на любой можно было мнѣ и жениться; и не только любоваться ихъ красотою, но разсматривать ближе и точнѣе—какъ собственные ихъ характеры, свойства и нравы, такъ и самое душевное расположеніе ихъ ко мнѣ и выводить изъ того нужныя для себя заключенія. И какъ, по счастью, былъ къ тому наивожделѣннѣйшій случай, по причинѣ частыхъ съ ними свиданій и вольнаго и короткаго съ ними—какъ съ родственницами—обхожденія, то и позволилъ я воспользоваться сколько можно удобствами сего случая, и никакъ не смѣшить прислушеніемъ къ рѣшительному предиріятію, отъ котораго долженъ

ствовало зависѣть все будущее блаженство дней моихъ.

Всходствіе чего, я не только не отказывался отъ всѣхъ ихъ къ себѣ приглашеній, но и самъ еще почти навязывался къ тому, чтобъ мнѣ съ ними бывать чаще вмѣстѣ. А потому, не проходило ни одной недѣли, въ которую бы не побывалъ я у князя раза два или три и непрепровождаль у нихъ всякой разъ по цѣлому дню въ разныхъ упражненіяхъ: когда въ играхъ съ ними въ карты, когда въ гуляніи по рощамъ и садамъ, а когда въ шуточныхъ и забавныхъ разговорахъ.

Нѣсколько разъ хаживали мы всѣ совокупно навѣщать и старушку тетку мою, въ собственный ея домъ, и она угощала насъ тамъ, какъ хозяйка. И не одинъ разъ засиживался я такъ долго у нихъ, что соскучивъ ѣздить всегда домой по ночамъ, оставался даже ночевать въ томъ селеніи, на собственномъ своемъ дворѣ,—куда нарочно для того велѣлъ привезть постель и кровать. А всѣмъ тѣмъ не удовольствуясь, пригласилъ я однажды и всѣхъ ихъ къ себѣ въ Дворяниново отобѣдать. И какъ всѣ онѣ съ особенною охотою на то согласились, то и угостилъ я ихъ сколько могъ лучше въ своемъ домишкѣ.

Сего обѣда и праздника не могу я и понинѣ никакъ позабыть. Онъ былъ знаменитѣйшимъ во всю мою холостую жизнь, и по многимъ обстоятельствамъ особливаго примѣчанія достоинъ. Случилось сіе не при началѣ тогдашняго моего съ ними знакомства, а незадолго уже предъ отъѣздомъ князя въ Москву, и тогда, когда съ одной стороны любовь моя къ прельщавшему меня предмету дошла до высочайшей своей степени и я ею почти ослѣпленъ былъ совершенно; а съ другой, когда находился я въ высочайшей степени нерѣшимости съ самимъ собою въ томъ: жениться ли мнѣ на этой дѣвушкѣ, или нѣтъ?.. И когда находился я по сему—сколько, съ одной стороны въ пріятнѣйшемъ, столько, съ другой, въ наимучительнѣйшемъ расположеніи духа: ибо сказать надобно, что

какъ съ одной стороны любовь моя къ сей дѣвушкѣ во все сіе время не только не уменьшалась, но съ каждымъ повмѣ свиданіемъ такъ много увеличивалась, что я сдѣлался, наконецъ, до безпамятства и до того въ нее влюбленнымъ, что были минуты, въ которыя, любуясь вблизи прелестными ея и красотою, я такъ ею плѣнялся, что рѣшительно уже въ мысляхъ предпринималъ ни для чего въ свѣтѣ съ особою столь для меня милою и съ толики совершенствами одаренною, не разставаться и никакъ и никому въ свѣтѣ не уступать ее другому, — такъ, съ другой, въ каждый день встрѣчались съ зрѣніемъ и умомъ моимъ такія мысли и предметы, кои всю пылкость любовнаго стремленія моего въ состояніи были останавливать и принуждать меня, какъ на любовь сію, такъ и на предпринимаемый сей союзъ смотрѣть прямо философическими глазами, и чрезъ самое то, власно какъ нѣкими узамъ связывать тѣ важныя слова, находившіяся много разъ на языкѣ моемъ, которыя долженствовали рѣшить единожды навсегда мой жребій.

Наиглавѣйшее обстоятельство, удерживавшее меня было то, что я, сколько ни желалъ, сколько ни ласкался надеждою и сколько ни ожидалъ, но не могъ никакъ дожидаться отъ нея ни малѣйшаго соответствованія мнѣ въ той душевной склонности, какую я къ ней чувствовалъ. Словомъ, я никакъ не могъ усмотрѣть въ ней ни малѣйшей взаимной любви къ себѣ и душевной привязанности. И сколько ни старался примѣчать всѣ ея взоры и поступки, но всегда усматривалъ въ глазахъ ея единое совершенное хладнокровіе и равнодушіе къ себѣ. Всѣ оказываемыя ею ко мнѣ ласки и благопріятство ничѣмъ не различались отъ оказываемыхъ ея сестрою, и были обыкновенныя и существенно ничего незнающія.

Не примѣчалъ я также во всемъ ея поведеніи, во всѣхъ ея поступкахъ и изъявленіяхъ своихъ чувствъ ни малѣйшаго согласія съ моими чувствами и расположеніями душевными. И я, къ

крайнему прискорбію своему, не усматривалъ ни малѣйшей симпатіи, или сходствія между душами нашими въ чемъ бы то ни было. А все сіе, а всего чаще несоответствованіе ни на-волось мнѣ въ любви моей, а совершенное ко мнѣ хладнокровіе и останавливало меня всегда, и не только удерживало меня отъ объясненія съ нею, но и смущало и огорчало духъ мой до безконечности.

Долгое время не понималъ я, отъ чего бы сіе происходило? И недостатокъ взаимной склонности ко мнѣ казался мнѣ тѣмъ удивительнѣе и непостижимѣе, что, повидимому, имѣла бы она всѣ причины ласкаться и желать себѣ союза со мною. Но, наконецъ, пришло мнѣ на мысль, что незавято ли уже кѣмъ-нибудь инымъ ея сердце и не отъ того ли происходитъ вся ея ко мнѣ непреоборимая холодность?..

Мысль сію, печально со мною повстрѣчавшуюся, чѣмъ болѣе я разрабатывалъ, тѣмъ вѣроятнѣе она мнѣ казалась. И воображеніе мое тотчасъ нашло уже и предметы, къ которымъ, по мнѣнію моему, устремлены были душевныя ея склонности и мысли. Съ помянутою княгиніею былъ тогда и сынъ ея, пріжитый съ первымъ ея мужемъ и наслѣдникъ всему его великому имѣнію. Мальчикъ сей былъ тогда уже лѣтъ пятнадцати, довольно взрослый и собою отменно хорошъ. А сверхъ того находился съ ними французъ, учившій сего сына княгинина, и также малой еще молодой, очень недурень собою и крайне живой и проворной. А какъ помянутая дѣвушка жила почти безвыѣздно въ домѣ у княгини и съ обоими ими обходилась очень вольно и отменно ласково, то и возмечталось мнѣ, что не изъ нихъ ли кто-нибудь и прежде меня обовладѣлъ сердцемъ обожаемаго мною предмета? И не сіе ли въ сей холодности ея ко мнѣ причиною?

Основательно ли было сіе мое подозрѣніе, или нѣтъ, того истинно не знаю и понинѣ; а только извѣстно мнѣ то, что тогдашняя несклонность ея ко мнѣ возродила и питала во мнѣ сіи мысли, и

не одинъ разъ заставляла меня самому себѣ говорить:

«Господи! Что за диковника, что ощущаетъ она ко мнѣ ни малѣйшей привязанности и склонности душевной? Правда, хотя и неоспоримо то, (что) сердца и склонности оныхъ несостоятъ въ нашей власти и насильно никого полюбить не можно. И что всего легче статься можетъ, что она таки натурально не находитъ во мнѣ ничего такого, что могло бы ее ко мнѣ душевно привязать. Но съ другой стороны, Богъ знаетъ! уже не влюблена ли она въ кого иного и не находится ли съ кѣмъ-нибудь даже въ сокровенной связи?.. Дѣвушка, такой прекрасной, молодой, свѣтской и живой, немудрено въ кого-нибудь и влюбиться, или по крайней мѣрѣ имѣть не меня, а кого-нибудь иного у себя въ предметѣ. Легко статься можетъ, что не одинъ я, а есть и другіе въ нее влюбившіеся также, какъ и я: и она, будучи о красотѣ своей свѣдома, имѣеть у себя въ виду какого-нибудь лучшаго и во всемъ ея вкусу сообразнѣйшаго и богатѣйшаго жениха, нежели каковымъ я ей кажуся. Почему знать, не влюблена ли она, или не влюбленъ ли въ нее самый сынъ княгини и не прочитъ ли она его себѣ въ женихи? Немудрено никакъ статься и сему. А не даромъ вижу я такую непостижимую къ себѣ холодность, а особливо при присутствіи этого княжова пасынка. Что я въ нее влюбленъ, это она уже давнымъ-давно примѣтила и знаетъ; знаетъ же и то, что согласились бы и отдать ее за меня. Итакъ, что-жъ бы такое удаляло ее отъ меня? Ненавидѣть ей меня не-за-что, а и отвращенія отъ меня имѣть, также, казалось бы не можно... Пѣтъ, пѣтъ! А надобно быть, по всему видимому, чему-нибудь иному и мнѣ неизвѣстному».

Симъ и подобнымъ сему образомъ говоривалъ и разсуждалъ я самъ съ собою неоднократно. А какъ къ тому присовокуплялась и примѣченная мною въ ней отъѣнная привязанность къ московской суетной свѣтской жизни и совершенный

недостатокъ въ такихъ склонностяхъ, какія хотѣлось мнѣ имѣть въ своей будущей подругѣ, то все сіе, а при всемъ томъ и самый недостатокъ приданаго и удерживалъ меня не только отъ сватовства, но даже и отъ объявленія ей любви своей. Но я скрывалъ, какъ сію, такъ и всѣ подозрѣнія мои въ глубинѣ моего сердца, и находилъ отъ того въ мучительной нерѣшимости — что мнѣ дѣлать? И приступать ли къ удовлетворенію жестокой любви своей чрезъ сватовство и женитьбу на сей дѣвушкѣ, или отважиться послѣдовать гласу мудрости и благоразумія и къ мужественному преоборонію сей мучительной склонности, о которой самому мнѣ было довольно свѣдомо, что она, по натурѣ своей, не могла быть долговременною и прочною; но всего скорѣе можетъ и погаснуть и уничтожиться невозвратно.

Въ сихъ-то обстоятельствахъ находился я, когда дошло дѣло до помянутаго праздника. Поводъ къ оному подала сама старушка тетка моя: ибо какъ она несомнѣвалась почти, что я непременно вскорѣ за дочь ее начать свататься, то хотѣлось старушкѣ сей видѣть напередъ домъ мой и все мое житье-бытье и онымъ заблаговременно полюбоваться. И потому, однажды заговорила она о томъ такъ, что я принужденъ былъ почти противъ хотѣнія своего пригласить ихъ всѣхъ къ себѣ въ домъ, и просить князя и княгиню, чтобъ и они удостоили меня своимъ посѣщеніемъ и у меня хоть бы однажды отобѣдали. И какъ сіи охотно на то согласились, то по самому тому и были они у меня всѣ въ Дворяниновѣ, — и не только отобѣдали, но препроводили почти и весь день въ гуляньѣ по садамъ моимъ и не прежде отъ меня поѣхали, какъ уже передъ вечеромъ.

Какое сіе угощеніе было, о томъ я не упоминаю. Оно имѣло натурально свои недостатки; да и можно ли чего совершеннаго ожидать отъ тогдашняго моего холостого состоянія? Но то только знаю, что поѣхали они отъ меня, какъ казалось, будучи очень довольными всѣмъ моимъ

угощеніемъ, но что не такъ доволенъ былъ я симъ посѣщеніемъ оныхъ.

Поводъ къ неудовольствію сему подала мнѣ самая та, для которой наиболѣе и предпринималъ я сіе угощеніе, то-есть, дочь помянутой старушки.

Желая угодить ей какъ гостьѣ, всѣхъ прочихъ для меня интереснѣйшей, надрывалъ я всѣ свои силы и возможности къ тому, чтобъ угостить ихъ какъ можно лучше. Но къ величайшему моему огорченію и неудовольствію, усмотрѣлъ я, что ей всѣ мои старанія и все-и-все въ домѣ было какъ-то неугодно. И за столомъ она одна ничего почти не ѣла, и всѣ кушанья казались одной ей только невкусными. А послѣ обѣда, когда ходили мы гулять по садамъ, ничто ей одной въ нихъ не нравилось; и когда я, взведя всю компанію на лучшей хребетъ горы моей и самое то мѣсто, гдѣ стоитъ нынѣ у меня, такъ-называемый, «храмъ удовольствія», показывалъ имъ прекрасное положеніе мѣста, окружающее жилище мое, и пересказывалъ князю и княгинѣ всѣ намѣренія свои и все, что хотѣлъ я впредь тутъ строить и дѣлать, то сколь много любовались они красотою мѣстоположенія и хвалили все, вмѣстѣ съ доброю и простодушною старушкою теткою моею, такъ мало, напротивъ того, все сіе удостоивала дочь ея своего вниманія! А что всего для меня неприятели и поразительнѣе было, то, вмѣсто желаемого мною одобренія, власно какъ бы съ нѣкимъ презрѣніемъ усмѣхалась она еще, смотря на француза, всему тому, что мною говорено и показываемо было. Сіе растрогало меня до чрезвычайности и сдѣлало всему любовному ослѣпленію и стремительству моему вдругъ такую осадку, что я въ тотъ же еще день, проводивъ ихъ, съ разстроеннымъ уже и огорченнымъ духомъ, рѣшился наконецъ къ предпріятію того, чего они всего меньше ожидали, а именно, вмѣсто ожидаемаго старушкою сватовства, къ мужественному преодоленію всей любви своей къ ея дочери и къ оставленію о жепитѣбѣ своей на ней всѣхъ своихъ помышленій.

Признаюсь, что переломъ сей былъ для меня труденъ и предпріятіе сіе было хотя прямо героическое, но произведенное мною съ желаемымъ успѣхомъ. Весьма много помогли мнѣ притомъ и слова старика прикащика моего. Съ симъ, какъ съ разумнѣйшимъ изъ всѣхъ монаховъ тогдашнихъ слугъ, случилось мнѣ какъ-то въ тотъ же еще день разговориться о семъ дѣлѣ.

Проводивъ гостей своихъ, вышелъ я въ слѣдъ за ними на ближнее мое поле, за прудами, посмотрѣть посѣянной и всходившей тогда ржи. Старикъ сей погъ въ слѣдъ за мною. И какъ мы съ нимъ, начавъ обо ржи, разговорились и о гостяхъ монаховъ, то вздумалось мнѣ полюбопытствовать и узнать: какіхъ бы онъ мыслей былъ о помянутой дѣвушкѣ?— Но какъ удивился я, когда, на вопросъ мой— какова она ему кажется? сказалъ онъ мнѣ:

— «Хороша, сударь, и дѣвушка изрядная; по матери-то не ее, а старшую за вастъ сироворить хочется».

— А почему ты это знаешь? спросилъ я, удивившись.

— «Какъ, сударь, не знать, отвѣчалъ онъ: слухомъ земля полнится: мы слышали отъ ихъ же людей. И говорятъ, что она и спать и видеть только то, чтобъ ей быть за вами замужемъ. Да говорятъ, что она лучше и правомъ и всѣмъ-и-всѣмъ меньшей сестры своей».

— Но мнѣ-то она не такъ на глаза, какъ меньшая; и ежели-бъ жениться, такъ развѣ на сей послѣдней: какъ ты думаешь?

— «Богъ знаетъ, сударь, сказалъ старикъ: состоитъ это въ волѣ вашей. И жениться не устать, судырь; отдадутъ, можетъ быть, и эту, ежели свататься станете и незахотите взять старшую... Но то-то бѣда, чтобъ послѣ, судырь, не тужить вамъ о томъ».

— Да почему-жъ бы такъ? спросилъ я: она такъ умна, такъ всѣмъ хороша, что я не желалъ бы истинно имѣть лучшей жены. Признаюсь, что она мнѣ очень-и-очень нравится.

— «Но то-то всего и опаснѣе, судырь. Мы это давно уже примѣтили и знаемъ,

что она вамъ очень полюбилась. Но говорить, что любовь-то такая не очень прочна, а скоро проходит и потухаетъ; а тогда-то и смотрите, чтобъ и не стали вы тужить, что ни съ чѣмъ взяли. А ктому-жъ и то еще неизвѣстно: станетъ ли она любить васъ. Родилась она и выросла въ Москвѣ, и деревни почти въ глаза не видала. А вы у насъ люди деревенскіе: такъ, Богъ ее знаетъ, полюбится ли ей жить въ деревнѣ и будетъ ли она всѣмъ довольна, что вы имѣете здѣсь? Смотрите, судырь: какъ бы не ошибиться... А по моему згаду, недурно бы, еслибъ что-нибудь и за невѣстою было. А на сей, судырь, когда женитесь, то не только ничего не получите, но и сами еще потеряете: Калитина хотя и незовите уже тогда своимъ, а должно будетъ оно помогать уже имъ во всемъ. Люди они, какъ сами знаете, совсѣмъ недостаточные».

Слова сіи впечатлѣлись глубоко въ мое сердце, и такъ, что я подумавъ нѣсколько и самъ съ собою помывшись, сказалъ наконецъ:—Ну, чуть ли ты не правду, старикъ, говоришь. Но какъ же быть-то? И гдѣ-жъ взять другую-то невѣсту?

— «И, судырь, отвѣчалъ онъ, былъ бы только женихъ, а невѣсты уже будутъ! Спѣшить только не надобно. Да и какая нужда! Это не малина, и не опадетъ. Когда не одна, такъ другая, а не другая, такъ третья. Неужели-таки Богъ такъ немилостивъ будетъ, что никакой себѣ не найдете лучше и выгоднѣе сей? Вотъ, о какой-таки твердить все Ивановна? И говорить еще, что будто сто душъ за нею и что она одна только и есть дочь у матери».

— Это я слышалъ, отвѣчалъ я; но о сей что говорить: это еще ребенокъ—этой только еще тринадцатый годъ.

— «Но развѣ подростъ она еще не можетъ?» подхватилъ старикъ.

— То такъ! отвѣчалъ я. Это я самъ уже думалъ; а потому и почитаю ее всегда запасною невѣстою.

Симъ кончился тогда сей печальный разговоръ нашъ; и каковъ воротокъ и простъ онъ ни былъ, по произошли отъ

него великія и важныя слѣдствія. Всѣ говоренныя старикомъ прибащикомъ моимъ слова такъ глубоко врѣзались въ мою память, что не вышли у меня во всю послѣдующую ночь изъ головы. И какъ при-совокупилась къ тому и досада и неудовольствіе, произведенное во мнѣ дочерью госпожи Бакѣевой въ тотъ день, возобновившая въ умѣ моемъ и всѣ прежнія подозрѣнія, то и заснулъ я съ твердымъ предпріятіемъ—оставить всѣ свои объ ней помышленія и продолжать всю свою къ ней любовь—по правиламъ и при помощи своей философіи, обративъ вниманіе свое къ другимъ невѣстамъ. И буде не найдется никакой иной, то возымѣтъ прибѣжище свое наконецъ къ помянутой запасной.

Всходствіе чего и въ убѣжаніе дальнѣйшаго себѣ безпокойства, и рѣшился я не ѣздить болѣе уже такъ часто въ Калиново, а побывать только тамъ единожды для благопристойности. А между тѣмъ, употребить все, что только могла предписывать мнѣ философія моя къ преодоленію страсти моей.

Оба сіи намѣренія и произвелъ я въ дѣйствіе, и въ Калитинѣ не былъ послѣ сего времени болѣе двухъ разъ. Въ первый вскорѣ послѣ помянутаго угощенія, для принесенія князю и княгинѣ моей благодарности, а въ другой, при самомъ уже ихъ отъѣздѣ въ Москву, для распрощанія съ ними. Въ оба сіи приѣзда старался я уже какъ можно рѣже и меньше смотрѣть на предметъ, меня столь много до того занимавшій. И хотя мнѣ несказаннаго труда стоило къ тому себя при-неволивать; однако, я въ состояніи былъ себя не только въ семъ случаѣ пересиливать, но при помощи философіи своей и распрощался съ нею, при послѣднемъ свиданіи, безъ дальняго сожалѣнія, а довольно хладнокровно, и только ей сказалъ:

— «Простите, сударыня! дай Богъ, чтобъ вы были здоровы, веселы и благополучны, и чтобъ нашли болѣе удовольствія въ Москвѣ, нежели въ скучныхъ деревняхъ, гдѣ мы остаемся жить и въ скукѣ вля-

чить дни свои въ уединенной жизни». И какъ она и при семъ случаѣ не оказала ни малѣйшаго сожалѣнія, но распросчалась со мною хладнокровнѣйшимъ образомъ, то помогло мнѣ много и самое сіе къ скорѣйшему преодолѣнію всей жестокости любви моей и къ истребленію ея совсѣмъ изъ моего сердца, а предмета, толь много меня занимавшаго, изъ моей памяти.

Совсѣмъ гѣмъ, сіе не такъ легко и скоро можно было произвести въ дѣйство, какъ я сперва думалъ; а потребно было къ тому все философическое искусство и наблюдение всѣхъ правилъ предписываемыхъ къ тому ею. И не одинъ разъ принужденъ я бывалъ дѣлать себѣ превеличайшее насиліе и съ слезами почти на глазахъ выгонять изъ головы дестныя и пріятныя помышленія и напомниманія объ ней, а производить, напротивъ того, противоположныя, и такія, о которыхъ извѣстно было мнѣ, что онѣ всего скорѣе и удобнѣе силу страсти уменьшитъ и ее, наконецъ, совсѣмъ обезсилитъ и засыпнть могутъ. И могу сказать, что ни при которомъ случаѣ я изыщною Крузіевою философіею, а особливо новою его наукою телематологіею такъ много непользовался, какъ при семъ. Она помогла мнѣ всего болѣе преодолѣть въ сей разъ всю любовь свою и чрезъ немногіе дни успокоить себя почти совершенно.

Но какъ бы то ни было, но силъ образомъ копчилось тогда все мое знакомство какъ съ княземъ и княгинею, такъ и съ господами Бакѣвыми. Ибо съ сего времени уже я ихъ никогда болѣе въ жизнь мою невидывалъ,—и не знаю ни мало того, въ какихъ мысляхъ обо мнѣ они тогда разстались; а радовался только тому, что съ ихъ стороны ни старушкѣ теткѣ моей, ни князю, ни княгинѣ не вздумалось никогда сдѣлать мнѣ какого-нибудь отвоящагося до сей женитьбы предложенія, чѣмъ бы могли они меня смутнть и всѣ мысли мои разстроить до безконечности; а я, съ моей стороны—что при всей жестокости моей любви и при всѣхъ частыхъ свиданіяхъ и самомъ короткомъ

обхожденіи съ ними, былъ такъ остороженъ, что не проговорился ни однимъ словомъ ни князю, ни княгинѣ, ни имъ о любви своей и помышленіяхъ о женитьбѣ на сей дѣвушкѣ. Почему и не могли они меня обвинять чѣмъ-нибудь, съ своей стороны.

Нынѣ находятя всѣ они уже давно въ царствѣ мертвыхъ и многіе годы, претекшіе съ того времени, изгладили почти совсѣмъ изъ памяти моей все тогдашнее происшествіе. И я позабылъ бы оно, почти совсѣмъ, еслибъ не напомнило мнѣ онаго знакомство, сведенное недавно съ дѣтymi сей отдаленной родственницы моей, конемъ судьба опредѣлила жить въ моемъ сосѣдствѣ, и которыхъ благопріятствомъ и дружбою пользуюсь я и нынѣ.

Но какъ письмо мое слишкомъ уже увеличилось, то дозвольте мнѣ снмъ оно кончить и сказать вамъ, что я есмь и проч.

НАЧАЛЬНОЕ СВАТОВСТВО.

Письмо 109-е.

Любезный пріятель! Описавъ вамъ въ предслѣдующемъ письмѣ одно изъ достопамятнѣйшихъ происшествій, бывшихъ въ моей жизни, расскажу вамъ въ теперешнемъ о томъ, въ чемъ и какъ препроводилъ я осень и весь остатокъ сего года и какъ началось формальное мое сватовство за ту, въ сожитіи съ которою Провидѣніе назначило мнѣ препроводить весь вѣкъ мой и... нажить дѣтей, составлявшихъ до сего и составляющихъ и по нынѣ наилучшую часть блаженства жизни моей.

Случилось сіе вскорѣ послѣ отъѣзда помянутыхъ родственникововъ моихъ съ княземъ и княгинею въ Москву. Ибо, неусиѣли они ухъать и я помянутымъ образомъ, при помощи философіи, уменьшить сколько-нибудь жестокость страсти своей, какъ стала уже мнѣ представляться вся та опасность, какой подверженъ я былъ недавно. И я радовался и благодарилъ Бога, что избавился отъ нея благополучно. Я разсуждалъ уже тогда обо всемъ происходившемъ до того съ чистѣй-

шими мыслями,—и чѣмъ болѣе о томъ размышлялъ, вспоминая все видѣнное и слышанное, и всѣ бывшія при томъ обстоятельства между собою сравнивалъ, тѣмъ болѣе казалось уже мнѣ, что женитьба моя на помянутой дѣвушкѣ не могла для меня быть никакъ выгодною, а того меньше счастливою, и тѣмъ паче, что я не находилъ между склонностями нашими съ нею ни малѣйшаго согласія.

Но дабы дѣло сіе прервать совершенно и не запутать себя опять въ сѣти, изъ которыхъ едва только высвободился, разсудилъ я поспѣшить какъ можно исکانіемъ себѣ другой невѣсты. А тогда, и влочно какъ нарочно для скорѣйшаго истребленія изъ ума моего и мыслей госпожи Бакѣевой и занятія всѣхъ мыслей моихъ инымъ предметомъ—и случилось такъ, что старушка бабка моя, госпожа Темнрязена, увидѣвшись со мною, на-сказала мнѣ такъ много объ одной знакомой ей и довольной достатокъ имѣвшей дѣвушкѣ, изъ фамиліи Хотанцовыхъ.— что я, восхотѣвъ ее усердно видѣть, съ особливкою охотою согласился на предлагаемое старушкою въ домѣ у ней съ дѣвучкою сею свиданіе. Старушка не успѣла получить на то мое согласіе, какъ дала тотчасъ о томъ знать матери той дѣвушки; и какъ та давно уже того дождалась и дочь свою за меня прочла, то и назначенъ былъ тотчасъ къ тому и день. И мы съ дѣдомъ моимъ, Никитой Матвѣевичемъ, приглашены были къ помянутой старушкѣ, сестрѣ его, и туда поѣхали.

Во всю дорогу старикъ, издѣваясь и шутками говорилъ мнѣ, чтобъ я смотрѣлъ невѣсту сію пристально, а не издегка, и чтобъ не прельщался одною красотою, а разсматривалъ и все прочее. Но, по счастью, не нужны были всѣ внушаемыя имъ мнѣ предосторожности.

Невѣста, которую нашли мы приѣхавшею туда уже до насъ, не показала мнѣ и при первомъ уже на нее взглядѣ. Она была хотя недурна собою, но показала мнѣ дѣвучкою, уже гораздо посидѣвшею, и притомъ столь дородною и толстою, что и одинъ взглядъ на нее привелъ ме-

на уже въ замѣшательство. А какъ, сверхъ всего того, была она вкрахъ разряжена, разбѣлена и разрумянена и оказывала себя наиревностнѣйшею подражательницею всей модной московской свѣтской жизни, такъ мало со всѣми склонностями моими сообразной, и въ поступкахъ своихъ, въ разговорахъ и поведеніи столь вольною, что я, увидѣвъ все сіе, даже содрогнулся и самъ себѣ въ мысляхъ сказалъ: «Э, э, э! да куда мнѣ съ такою чиновною дѣваться? И какъ можно будетъ съ такою модницею ладить?... Сохрани меня отъ ней Господи! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! И не мнѣ, не мнѣ съ такою ладить, а пускай она ищетъ себѣ другого и ей приличнѣйшаго жениха: а я ей подъ пару негожуся». А какъ такихъ же мыслей былъ и старикъ дѣдъ мой и находилъ между нами совсѣмъ неровню, то и радъ я былъ, что отъ ней благополучно отдѣлался, и что изъ свиданія сего ничего не вышло. И мы, посидѣвъ немного, поѣхали назадъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ приѣхали, и я, безъ дальнихъ околичностей, а прямо старушкѣ сказалъ, что невѣста мнѣ не по праву.

Совсѣмъ тѣмъ, пронзилось отъ сего свиданія то слѣдствіе, что я того же самаго сталъ опасаться и въ разсужденіи другихъ предлагаемыхъ кое-ѣмъ мнѣ невѣстѣ. И сія такъ меня настрадала, что я отчаявался уже найти между всѣми ими какую-нибудь себѣ по мыслямъ. И чѣмъ болѣе я о семъ размышлялъ, тѣмъ меньше я имѣлъ къ тому надежды; а напротивъ того, тѣмъ болѣе сталъ прилѣпляться мыслями своими къ той, которая предлагаема мнѣ была вѣдкою Ивановою. Ибо, въ разсужденіи сей, льстила меня, по крайней мѣрѣ, надеждою ея молодость. Я думалъ, что когда она такъ молода, то некогда еще ей заразиться московскимъ моднымъ духомъ и всею пышностію свѣтской жизни. «И почему знать, можетъ быть, говорилъ я самъ себѣ далѣе: по молодости ея и удастся мнѣ лучше приучить ее къ себѣ и ко всему тому, что хотѣлось бы мнѣ имѣть въ будущей женѣ своей».

Симъ и подобнымъ сему образомъ самъ съ собою разсуждал, восхотѣлъ я поговорить еще разъ объ ней съ помянутою пѣмкою и распросить обо всемъ обстоятельнѣе. Пѣмка не успѣла узнать, что я хочу съ нею видѣться, какъ тотчасъ прилетѣла ко мнѣ; и не успѣлъ я довести до нее рѣчь, какъ и начала она о сей знакомицѣ своей съ такимъ жаромъ говорить и наставляла мнѣ о сей молодой дѣвушкѣ, а особливо о матери ея столь много хорошаго, что я, наконецъ, почти соглашался уже на то, что начать за нее и свататься.

Къ сему побудила она меня наиболѣе тѣмъ увѣреніемъ, что она хотя лѣтами и дѣйствительно молода, но ростомъ такъ велика, что могла уже быть невѣстою. А въ томъ она почти несомнѣвается, что согласилась бы можетъ быть ее и отдать, еслибъ посвататься. Словомъ, конференція наша тогдашняя объ ней кончилась на томъ, чтобъ Ивановнѣ моею взять на себя трудъ, и съѣздивъ въ этотъ домъ, пораспознать, по крайней мѣрѣ, мысли матери ея о томъ: расположилась ли-бъ она ее замужъ отдать, еслибъ сталъ кто свататься, и напиримѣръ, такой человекъ, какъ я.

Не успѣли мы о семъ съ Ивановною смолвиться, какъ начала она уже требовать и назначенія самаго дня, въ который бы ей туда на моихъ лошадяхъ съѣздить. Сердце вострепело тогда въ груди моей, какъ дошло до того, чтобъ назначить день сей. И я, вѣнано, какъ благословясь, и воспаривъ мысли свои къ небу и обративъ помышленія свои къ Богу, отважился на сей неизвѣстный мнѣ путь и къ назначенію дня сего. И какъ обонимъ намъ не хотѣлось дѣло сіе откладывать въ даль, то и назначено было къ тому 13-е сентября; и я снабдилъ ее парюю своихъ лошадей и новошникомъ.

Не могу и понынѣ позабыть, съ какимъ нетерпѣніемъ дожидался я возвращенія сей старушки, и съ какими душевными чувствами препроводилъ я всѣ тѣ три дни, которые она въ сей путь проѣздила! Домъ госпожи Кавериной былъ

отъ насъ не близко: жила она въ сосѣдственномъ къ намъ Алексинскомъ уѣздѣ и въ селѣ, отстоящемъ отъ насъ недалеко, какъ верстъ за 40. Итакъ, надлежало употребить цѣлый день, покуда она туда доѣхала, другой весь прогостила она тамъ, какъ въ знакомомъ себѣ уже давно и ей благопріятствующемъ домѣ, и ко мнѣ не прежде могла возвратиться, какъ ввечеру третьяго дня.

Во всѣ сіи дни не были мысли мои ни на минуту въ покоѣ. Ивановна моя не приходила у меня изъ ума и памяти, и я не зналъ радоваться ли мнѣ, или тужить о томъ, что ее отправилъ, и началъ такое дѣло, которое не могло почестъся бездѣлкою, а могло возымѣть важныя по себѣ послѣдствія. Обстоятельство, что предпріялъ я оное самъ собою и никому о томъ не сказавши и ни съ кѣмъ о томъ не посовѣтовавъ, еще болѣе меня смущало. Всѣ мысли мои колебались тогда какъ трость, колеблемая вѣтромъ. До сего имѣлъ я твердое предпріятіе не начинать отнюдь ни на комъ свататься, покуда не узнаю я коротко невѣсты и ея нрава и характера. А какъ поступилъ тогда совсѣмъ несообразно съ симъ правиломъ и начиналъ свататься за такую, которую не только не зналъ, но и не видалъ, а что того еще страннѣе — за сущаго почти ребенка; то мысли о семъ еще болѣе меня смущали и доводили до того, что я нѣсколько разъ уже и раскаявался, что поспѣшилъ такъ симъ дѣломъ, которое казалось мнѣ несообразнымъ ни съ какимъ благоразуміемъ.

«По крайней мѣрѣ, думалъ и говорилъ я самъ себѣ: надлежало бы мнѣ съ кѣмъ-нибудь инымъ о томъ напередъ поговорить и посовѣтовать, а не съ одною ничего незнающею старухою и ни о чемъ правильно судить немогущею пѣмкою, которая старается о томъ только изъ интереса и надѣясь получить себѣ за такую-нибудь награду. Можетъ быть — говорилъ я далѣе — и не все то правда, что наставляла она мнѣ о невѣстѣ и ея матери. Хорошо, еслибъ услышалъ я объ нихъ отъ другихъ, коиъ онѣ знакомы и

которые лучше судить о томъ могутъ, нежели простодушная нѣмка, которой, по простотѣ ея, все кажется хорошимъ».

Но тутъ приходило мнѣ и то на мысль, что, къ несчастію и посовѣтовать о томъ мнѣ было не съ вѣмъ: всѣ родственники, сосѣди и знакомцы мои были не таковы, чтобъ пристально мною интересовались. Къ тому-жъ, домъ сей никому изъ нихъ, по отдаленности, и знакомъ не былъ. Наконецъ, и то обстоятельство приходило мнѣ на мысль, что, по непомѣрной молодости помянутой дѣвушки, и стыдился даже я и неотваживался и упоминать объ ней никому.

Изъ всѣхъ моихъ друзей и знакомыхъ хотя и былъ г. Писаревъ такой, съ которымъ бы могъ я о семъ важномъ дѣлѣ поговорить и посовѣтовать; но и тому не имѣлъ бы я духа въ томъ открыться. Ктому-жъ, такъ случилось, что его во все сіе лѣто не было дома, но онъ былъ въ дальней отлучкѣ и я его уже давно не видалъ; а ежели-бъ и былъ, то, по подозрѣваемому въ немъ тайному намѣренію женить меня на сестрѣ своей, едва-ль бы я ему рѣшился въ намѣреніи своемъ открыться.

Сими и подобными сему мыслями занимался я тогда; но какъ дѣло было уже сдѣлано и Ивановна моя уже поѣхала, то неоставалось иного, какъ ополчаться на всѣ неизвѣстности и ждать всего отъ времени и случайности. По крайней мѣрѣ, ободрялъ я себя тѣмъ, что полагалъ почти завѣрное, что вся ѣзда моей Ивановны будетъ тщетная, и что ей, по причинѣ чрезвычайной молодости невѣсты моей, откажутъ совершенно и что изъ сего дѣла не выйдетъ ничего.

Наконецъ, увидѣлъ я и возвратившуюся мою посланницу—и сердце затрепетало во мнѣ, какъ вошла она нечаянно ко мнѣ въ комнату.

— Ахъ, вотъ и ты Ивановна, воскликнулъ я. Ну, что, моя голубка: «ель или сосна?» и имѣла ли ты какой успѣхъ въ своемъ путешествіи? и подаромъ ли проѣздила?..

— «Богъ знаетъ, батюшка, отвѣчала

она мнѣ: и даромъ и недаромъ; и не знаю истинно что сказать вамъ».

— Что-жъ по крайней мѣрѣ? продолжалъ я ее спрашивать. Была ли ты тамъ? Застала ли дома? Видѣла ли и говорила ли обо всемъ?

— «Это все было, сказала она: и видѣла и говорила обо всемъ и обо всемъ, и мнѣ были тамъ очень рады, и насилу отпустили оттуда: хотѣли-было еще на цѣлые сутки удержать, но я уже отговорила кое-какъ и сказала уже, что повоинивъ мой несоглашается никакъ долѣе ждать».

— Хорошо! сказалъ я; но о дѣлѣ-то нашемъ что?

— «Ну, что, батюшка! отвѣчала она; я незнаю, что и сказать вамъ о семъ. Слушать они слушали все, что ни говорила и ни рассказывала я объ васъ, и имъ, кажется, все было не противно, и все слушали они съ удовольствіемъ. Но какъ дошло до дѣла, то и стали они въ пень, и не знали что мнѣ сказать на то, а твердили только, что невѣста-то слишкомъ еще молода, что ей и тринадцать лѣтъ еще несовершенно, и что при такой ея молодости имъ и подумать еще о выдаваніи ея замужъ невозможно».

— Ну, такъ, поэтому, они совершенно отказали тебѣ? сказалъ я.

— «Ахъ, нѣтъ отвѣчала она: отказать—они никакъ неотказывали; и именно мнѣ сказано, что неотказываютъ; а хорошо, говорить, когда бы можно было взять терпѣніе и дать время невѣстѣ подростъ, а имъ, между тѣмъ, съ родными своими о томъ посовѣтовать. А на сіе нечего мнѣ было болѣе и говорить».

— Это конечно такъ, сказалъ я: а посему, и памъ о томъ говорить болѣе нечего; а видно что иного неостается, какъ искать другой невѣсты. Но по крайней мѣрѣ, не сказали-ль они тебѣ, сколько-жъ бы времени хотѣли бы они еще, чтобъ я подождать?

— «Хоть бы годокъ мѣсто, говорили они», сказала она.

— О, моя голубка! подхватилъ я: годъ не недѣля и не бездѣвка; въ это время

много воды утечетъ, и я со скуки, живучи одинъ, пропаду. Дѣло иное, если въ сіе время не найду я никакой иной невѣсты по-себѣ.

— Ну, авось-либо, сказала на сіе старуха: по моимъ счастьямъ это такъ и сдѣлается и никакой другой и непадется».

Симъ образомъ кончилось тогда сіе первоначальное мое сватовство. И я, оставшись въ неизвѣстности, радъ былъ по крайней мѣрѣ тому, что незавязалось еще сіе дѣло такъ, чтобъ мнѣ отъ сей невѣсты и отстать было не можно. И какъ ничего рѣшительнаго положено не было, то и разсудилъ я—никому о семъ происшествіи несказывать, а сокрыть оное въ глубинѣ моего сердца, а между тѣмъ, продолжать приписывать себѣ другихъ невѣсть.

Но всѣ мои старанія о томъ, какъ въ послѣдующую за симъ осень, такъ и въ первые зимніе мѣсяцы, были тщетны: нигдѣ неотыскивалось невѣсты, которая сколько-нибудь была бы мнѣ подѣ стать. Дядя мой, хотя и непереставалъ твердить мнѣ о своей госпожѣ Палициной, а помянутая старушка бабка, госпожа Темнряева о своей Хотаницовой, увѣряя, что я матери сей послѣдней очень полюбился, и она охотно соглашается отдать за меня дочь свою; но мнѣ объ нихъ и слышать, а первую и видѣть никакъ не хотѣлось. И Провидѣніе, власно какъ очевидно, какъ отъ сихъ, такъ и отъ нѣсколькихъ другихъ, кой-къмъ предлагаемыхъ мнѣ невѣсть и можетъ-быть для того меня отводило, что ему извѣстно было, что всѣхъ ихъ вѣкъ недолго продолжится: ибо къ особливому удивленію, изъ всѣхъ ихъ нѣтъ нынѣ уже ни одной въ живыхъ, и всѣ онѣ уже давно преселились въ царство мертвыхъ. Словомъ, Промыслъ Господень строилъ свое, а не то, что я думалъ и располагалъ.

Теперь, оставя сію матерію, расскажу вамъ, любезный пріятель, о прочемъ, происходившемъ со мною въ сію осень и о томъ, какъ и въ чемъ препроводилъ я какъ оную, такъ и первые зимніе мѣсяцы.

Жилъ я во все сіе время, хотя въ су-

щемъ уединеніи и одиночествѣ, однако не могу сказать, чтобъ проводилъ оное въ скукѣ. Привычка къ безпрерывной дѣятельности и къ занятію себя чѣмъ-нибудь, не давала мнѣ никогда чувствовать скуки, но помогала мнѣ проживать уединенные дни свои еще съ удовольствіемъ. Ни одного дня не препроводилъ я въ праздности; но всегда находилъ себѣ столько упражненій, что не на долготу времени жаловался, а сожалѣлъ, напротивъ того еще, что оно протекаетъ слишкомъ скоро и мнѣ не дозволяетъ дѣлами своими столько заниматься, сколько бы мнѣ хотѣлось.

Покуда было еще тепло и можно было быть и заниматься чѣмъ-нибудь на дворѣ, то не сходилъ я почти съ онаго. Сперва занимали и увеселяли меня до безконечности плоды, созрѣвшіе въ садахъ моихъ. Со всѣми ими я спознакомливался и всѣ собиралъ съ особливимъ раченіемъ и удовольствіемъ. Потомъ, какъ наступила осень, то занимался опять садкою многихъ и разныхъ деревъ въ садахъ моихъ; а между тѣмъ, нѣсколько времени занимался другимъ и важнѣйшимъ дѣломъ.

Изъ всѣхъ нашихъ лѣсныхъ угодьевъ оставалась еще тогда одна прекрасная и въ нѣсколькихъ десятинахъ состоящая роща, извѣстная и повнѣ еще подъ именемъ Шестунихи, несрубленная. И какъ она была у насъ у всѣхъ общая и легко могла подвержена быть такой же опасности и несчастному жребію, какъ и недавно глупѣйшимъ образомъ срубленный молодой заказъ нашъ; то, жалѣя оную, хотѣлось намъ съ дядею спасти ее отъ того чрезъ раздѣлъ оной и убѣдить къ тому сосѣда нашего, генерала. И какъ, по особливому счастію, согласился и сей па то, то хотѣлось всѣмъ, чтобъ комиссію сію взялъ я на себя и произвелъ раздѣлъ сей коліко-можно лучшимъ и вѣрнѣйшимъ образомъ.

Но какъ сего безъ снятія сей рощи геометрическимъ образомъ на планъ учинить было не можно, то хотѣлось мнѣ, при помощи дяди моего, испытать надъ нею зна-

ніе свое геометріи въ практикѣ, которая дотога известна мнѣ была только въ теоріи. Но какъ къ сему потребна была необходимо астролябія, у насъ же не было никакой, да и взять ее было негдѣ; а что того хуже, то мнѣ не случилось никогда ее увидѣть, то сперва не знали мы—чѣмъ пособить, въ семъ случаѣ, своему горю. Но наконецъ вздумали съ дядею сами смастерить себѣ въкоторой родѣ астролябіи, и когда не совершенную, такъ, по крайней мѣрѣ, такую, которою-бъ можно было намъ хотя по однимъ угламъ снимать лѣсъ и прочія мѣста на планъ. Мы и произвели намѣреніе сіе въ дѣйство.

По наставленію и совѣту дяди моего мнѣ и удалось сдѣлать ее довольно изрядно; дно оловянной тарелки, расчерченное на градусы, должноствовало служить ей основаніемъ, а придѣланные діоптры и сдѣланный кое-какъ штативъ, придавъ ей желаемую къ дѣлу нашему способность. Мнѣ никогда еще не случалось дѣйствовать инструментомъ сего рода; но старику дядѣ моему нужно было только показать мнѣ первоначальныя приемы,—какъ дѣло и пошло у меня по порядку, и съ такимъ успѣхомъ, что въ немногіе дни обошелъ я весь оный лѣсъ, и въ состояніи былъ сдѣлать всему лѣсу очень вѣрный и такой планъ, по которому намъ легко уже было его раздѣлить по дачамъ и потомъ просѣками разрѣзать на части. Оба старика мои были тѣмъ чрезвычайно довольны; а я хорошимъ успѣхомъ перваго опыта своего былъ еще довольнѣе оныхъ.

Въ самое сіе время приѣхалъ къ намъ въ отпускъ старшій сынъ дяди моего и мой прежній въ рѣзвостяхъ сотоварищъ, Михайла Матвѣевичъ. Какъ онъ служилъ тогда въ артиллеріи офицеромъ и приѣхалъ къ намъ изъ полку, то съ крайнимъ любопытствомъ и нетерпѣливостію хотѣлъ и видѣть сего ближайшаго родственника и будущаго своего современника и сосѣда. Я никакъ не сомнѣвался, что найду въ немъ великую перемену: я и нашелъ ее; но, увы! далеко не такую, какую желалъ бы я въ немъ найти.

Онъ былъ хотя годомъ меня моложе и

служилъ въ такомъ корпусѣ, гдѣ надобно бы ему чему-нибудь научиться и знать; но я нашелъ въ немъ совершеннаго неуча и во всемъ невѣжду,—которая даже до того простиралась, что онъ не зналъ и первѣйшихъ понятій изъ математики и наукъ, и не умѣлъ даже изображать лѣсъ на планахъ. Я остолбенѣлъ отъ удивленія, попросивъ его однажды помочь мнѣ при скопировываніи монхъ плановъ и увидѣвъ совершенную къ тому его неспособность.

Онъ прожилъ съ нами почти до Рождества и до самаго того времени, какъ поѣхалъ дядя мой по обыкновенію своему въ Москву. Прихаживалъ кой-когда ко мнѣ; но посѣщенія его были мнѣ не столько пріятны, сколько скучны и отяготительны: ибо, будучи не такихъ свойствъ какъ я, не о томъ онъ думалъ и помышлялъ, о чемъ думалъ я и не тѣмъ занимался, что мнѣ было надобно.

Какъ скоро настала глубокая и холодная осень, загнавшая меня въ тепло, то начались у меня другія упражненія. Родилась во мнѣ охота къ малеванію масляными красками. Никогда я еще до того не малевалъ оными: а тогда вздумалось мнѣ учинить тому опытъ и срисовать съ самого себя портретъ на холстѣ. Въ сей работѣ упражнялся я обыкновенно днемъ, и съ такимъ рвеніемъ и прилежностію, что не могу и понинѣ еще позабыть, какъ я однажды такъ заработался, что позабылъ даже объ обѣдѣ и удивился самъ-себѣ, какъ личарда мой, Бабай, уже предъ самыми сумерками подступилъ ко мнѣ и сталъ спрашивать: не прикажу ли я на столъ накрывать?

— Какъ, удивясь, спросилъ я его: развѣ я еще не обѣдалъ?

— «Да нѣтъ еще», сказалъ онъ.

— Ну, братъ, хороши же мы съ тобою, сказалъ я, захохотавъ. Я заработался, а ты такъ хорошъ, что мнѣ и не напомнилъ.

— «Да я, сударь, все ждалъ приказанія вашего».

— Ну, ну—хорошо. Собирай же скорѣе; а то намъ и куры будутъ смѣяться, что мы про обѣдъ позабыли.

Что касается до длинныхъ и скучныхъ осеннихъ и зимнихъ вечеровъ, то всѣ сіи посвящалъ я литературѣ и наукамъ, и занимался въ оныя либо чтеніемъ книгъ, либо писаніемъ. И хотя я просиживалъ всѣ сіи вечера одинъ одинехонекъ съ свѣчкою предъ собою и подлѣ тепленькой печки, и хотя и во всѣхъ хоромахъ, кромѣ меня и сотоварища моего Бабая, не бывало ни жадной души,—да и сей сотоварищъ мой не со мною сиживалъ, а забывшись въ лакейскую сыпаль крѣпкимъ сномъ, такъ, что нерѣдко нахаживалъ я его впрятавшагося совсѣмъ въ печь, и съ высунувшею только изъ оной и на стулъ положенною головою, храпящаго; однако, несмотря на все сіе, провождалъ я длинные вечера сіи, при помощи книгъ своихъ, безъ малѣйшей скуки. И за сіе въ особенности благодарить я долженъ свою «Дѣтскую философію».

Сія книга обязана пропшествованіемъ своему самому сему моему тогдашнему уединенію: ибо я упражнялся тогда наиболѣе въ сочиненіи первой части оной. Мнѣ вздумалось въ сіе время предпринять сіе дѣло на досугѣ и отъ скуки; а побудило меня къ тому наиболѣе «дѣтское училище». Мнѣ хотѣлось, подражая нѣкоторымъ образомъ господѣ де-Бомонтъ, изъяснить такимъ же легкимъ и удобопонятнымъ образомъ для дѣтей всю najważнѣйшую часть метафизики или естественную богословію; а притомъ, все сочиненіе расположить такъ, чтобъ оно могло послужить въ пользу и будущей молодой женѣ моей, если не на иной, а на сей доведется мнѣ жениться. Вотъ причина, для которой и помѣщены въ ней первые разговоры, изображающіе такой характеръ молодой женщины, какой хотѣлось бы мнѣ, чтобъ имѣла будущая моя подруга; ибо какъ никакой иной невѣсты не отыскивалось, то начиналъ я думать, что едва ли не той судьба назначаетъ быть за мною, которая предлагаема мнѣ была нѣмкою Ивановною.

При всѣхъ помянутыхъ литературныхъ и любопытныхъ моихъ упражненіяхъ, не оставлялъ однако я и того, чтобъ вре-

менно видаться и съ немногими сосѣдами своими. Хотя и не очень часто, однако хаживалъ я и къ обимъ старикамъ ближнимъ сосѣдамъ моимъ и просиживалъ у нихъ иногда по нѣскольку часовъ а ѣзжалъ также и къ г. Ладыженскому и къ Іевскому. Осенью же, услышавъ что съ Москвы съѣзжалъ въ старинную свою деревню дядя мой, г. Арсеньевъ Тарасъ Ивановичъ, ѣздилъ я къ нему за Серпуховъ, въ село Кислино, и принять былъ отъ него съ отнѣвною ласкою. А не оставилъ также, чтобъ не побывать и у сестры его, а моей тетки, Матрены Ивановны Апикѣевой.

Сію милую, разумную и почтенную старушку любилъ и почиталъ я съ самаго младенчества; да и она любила меня отнѣвно, и была очень довольна, что я приѣзжалъ къ ней въ деревню. И какъ она непременно также начала говорить со мною о женитьбѣ и совѣтовать оною не медлить, то ей только одной открылся я въ начатомъ своемъ сватовствѣ. И она не только мнѣ не отговаривала, но и совѣтовала не упускать сей невѣсты, если только отдадутъ, говоря, что молодость ни мало не мѣшаетъ, и что для меня несравненно безопаснѣе и лучше жениться на молодой и простой деревенской дѣвушкѣ, нежели на модной и развращенной какой-нибудь московской модницѣ и вертопражкѣ. Сіе подкрѣпило меня очень много въ моемъ намѣреніи продолжать сіе дѣло. И я невѣдомо какъ жалѣлъ, что милая и разумная сія старушка жила отъ меня такъ далеко, что не можно было мнѣ видаться съ нею часто и пользоваться искренними ея совѣтами.

Симъ образомъ дѣлилъ я свое время между домашними упражненіями и разѣздами по своимъ сосѣдямъ. Ко мнѣ же, какъ къ холостому человеку, рѣдко кто приѣзжалъ. Одинъ только прежній мой пріятель, г. Писаревъ непременно меня посѣтитъ, какъ скоро возвратился изъ своего путешествія въ смоленскіе предѣлы,—и прогостилъ у меня опять нѣсколькихъ дней сряду.

Сіе время было для меня опять лучше

всякаго праздника: ибо съ нимъ могъ я опять обо-всемъ и обо-всемъ наговориться до сыта. И я не видалъ какъ протекли тѣ три дня, которые онъ у меня пробылъ; я показывалъ ему начатой свой трудъ и читалъ съ нимъ все, сколько ни сочинено было до того времени моей «Дѣтской философіи», и онъ, расхваливъ ее, совѣтовалъ мнѣ продолжать оную.

Но что касается до начатаго мною сватовства, то не отважился я упомянуть ему объ ономъ ни единымъ словомъ: ибо боялся чтобъ не сталъ онъ меня за то гонать и называть предпріятіе мое неблагоразумнѣйшимъ дѣломъ. Я не переставалъ все еще подозрѣвать его въ сокровенномъ его намѣреніи женить меня на сестрѣ своей: и тѣмъ паче, что не успѣлъ онъ приѣхать, какъ и началъ мнѣ рассказывать о своемъ путешествіи въ Смоленскъ, гдѣ сестра его тогда у какой-то родственницы находилась, и превозносить ее безчисленными и непомятыми похвалами, рассказывая мнѣ какъ она разумна и какая великая охотница до чтанья книгъ, а особливо такихъ, о которыхъ онъ звалъ, что были у меня въ особомъ почтеніи, какъ напримѣръ, Гофмановы, «о спокойствіи и удовольствіи», и другихъ тому подобныхъ.

Всѣмъ тѣмъ, а особливо изображеніемъ изящнаго ея нрава, тихаго и кроткаго ея поведенія и отмѣнно хорошаго характера — старался онъ сколько могъ предубѣдить меня въ ея пользу. Въ чемъ, можетъ быть, наконецъ онъ и успѣлъ бы, еслибъ, по счастью моему, не случилось мнѣ за короткое время до его ко мнѣ приѣзда нечаянно узнать о сестрѣ его то, что онъ тщательно отъ меня сокрытъ старался, а именно: что она гораздо меня старѣе, была очень дурна собою и что самый нравъ и характеръ ея былъ далеко не таковъ хорошъ, какимъ онъ его изображалъ; а что всего хуже, то не имѣла за собою никакого почти приданаго. Все сіе услышалъ я нечаянно отъ старика генерала, моего сосѣда, которому случилось ее видѣть, и которому всѣ обстоя-

тельства ихъ дома, бывшаго ему какъ-то еще и сродни, были коротко знакомы.

Старикъ сей, говоря еще о семъ, именно упоминалъ мнѣ, что вотъ и она невѣста; но для меня ни мало не подѣ статья и никакъ не годится. А сей нечаянный случай и помогъ мнѣ, въ разсужденіи сего пункта, взять предварительно отъ г. Писарева предосторожность и не всему тому слѣпо вѣрить, что онъ мнѣ объ ней внушить старался. А какъ тотчасъ потомъ сталъ онъ меня наипачтательнѣйшимъ образомъ разспрашивать, не нашелъ ли я себѣ гдѣ-нибудь невѣсты и не сватаетъ ли за меня кто какую, также, нѣтъ ли у меня какой на умѣ? то сіе еще болѣе увеличило во мнѣ къ нему подозрѣніе и побудило меня еще болѣе сокрытъ отъ него начатое сватовство, а упомянуть только о госпожѣ Хотяинцовой и о бывшемъ у насъ сей невѣстѣ смотрѣ, которое происшествіе, какъ сдѣлавшееся всѣмъ извѣстнымъ, было безсумнѣнно ему уже и безъ того вѣдомо. И какъ онъ, услышавъ о томъ, сталъ надсѣдаться со смѣха, и не только всячески ее опорочивать и поднимать и ее и меня на смѣхъ, то сіе еще и болѣе подкрѣпило меня въ подозрѣніи о его къ себѣ неискренности въ семъ пунктѣ, и побудило тщательно утаивать отъ него мое послѣднее сватовство.

Впрочемъ, памятно мнѣ, что и въ сей годъ, въ день именинъ своихъ, сдѣлалъ я у себя небольшую пирушку и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ ближнихъ моихъ сосѣдей. Оба старики сосѣди мои удостоили меня опять своимъ посѣщеніемъ; но кромѣ ихъ и любезнаго сосѣда моего г. Ладыженскаго, никого въ сей разъ у меня не было.

Вотъ почти все, что происходило въ теченіи послѣднихъ мѣсяцовъ сего года. Ибо кромѣ сего не помню я ничего особеннаго и такого, о чемъ стоило бы упомянуть. Кромѣ того, что какъ я въ сей годъ не имѣлъ дальней нужды ѣхать въ Москву, а сверхъ того боялся, чтобъ тамъ опять невозобновить знакомства своего съ господами Бакѣевыми, то

расположился я и самые святки пробыть дома и довольствоваться тѣми увеселеніями, какія могла доставить мнѣ деревенская жизнь. И частыя свиданія съ моими сосѣдами помогли мнѣ и дѣйствительно препроводить ихъ безъ дальней скуки: и одинъ домъ г. Ладыженскаго въ состояніи уже былъ доставить мнѣ удовольствіевъ множество, и по веселому характеру хозяина сего дома было мнѣ въ ономъ всегда весело и никогда нескучно.

А всѣмъ симъ могъ бы я и всю исторію сего года кончить, еслибъ неоставалось мнѣ еще одного, чѣмъ я вамъ, любезный пріятель, долженъ, а именно то, чтобъ сообщить вамъ извѣстіе и о концѣ той славной нашей «семилѣтней войны», о которой въ предсѣдовавшихъ мнѣ письмахъ говорилъ я такъ много, и которая въ теченіи сего года получила совершенное уже свое окончаніе. О сей войнѣ хотя, по удаленіи своемъ въ деревню, и не имѣлъ я почти и слуховъ; но какъ несомнѣваюсь я, что (вы) любопытны знать и слышать, чѣмъ странная война сія кончилась, то расскажу вамъ все, что мнѣ впоследствии времени сдѣлалось о томъ извѣстно, и чрезъ то усовершенствовать сколько-нибудь мое объ ней повѣствованіе. Однако, учинить сіе дозвольте мнѣ не теперь, а въ письмѣ за симъ послѣдующемъ, — а между тѣмъ, сказать вамъ, что я есмь и прочее.

КОНЕЦЪ ПРУССКОЙ ВОЙНЫ.

Письмо 110-е.

Любезный пріятель! Обѣщавъ вамъ въ семь письмъ рассказать вкратцѣ о томъ, чѣмъ и какъ славная наша прусская война, извѣстная въ исторіи подъ именемъ «Семилѣтней», кончилась, и приступая теперь къ сему повѣствованію, прошу припомнить все то, что я объ ней рассказывалъ прежде, и тѣ обстоятельства, на которыхъ мы тогда остановились. А дабы вамъ удобнѣе сіе учинить было можно, то возвратимся на минуту нѣсколько назадъ, — и къ самому тому

времени, какъ скончалась наша императрица Елисаветъ Петровна.

Время сіе, какъ я тогда уже вамъ упоминалъ, было для прусскаго короля самое критическое. Онъ доведенъ былъ всѣми предсѣдующими кампаніями до самаго уже истощанія; а послѣдніе наши и союзниковъ нашихъ, цесарцовъ, завоеванія донели его до такой крайности, что онъ, будучи почти совсѣмъ безъ денегъ, безъ войска, безъ генераловъ и офицеровъ, не находилъ себя въ состояніи выдержать еще и полугодичную войну и началъ уже дѣйствительно оплаться, чтобъ не лишиться ему — когда не всѣхъ своихъ наслѣдственныхъ земель, такъ, по крайней мѣрѣ, большей части оныхъ. А сіе, по всѣмъ тогдашнимъ и прямо для его несчастнымъ обстоятельствамъ, можетъ быть и дѣйствительно-бъ совершилось, еслибъ продолжалась еще хоть одинъ годъ жизнь императрицы Елисаветы. Но нечаянная и нежданная кончина сей монархини нашей, произшедшая можетъ быть и несовсѣмъ натурально, а чрезъ посѣществованіе къ тому врачей ея, которые за самое то сдѣлались потомъ несчастными, произвела во всей войнѣ сей столь великій переворотъ, что весь свѣтъ впалъ отъ того власно какъ въ нѣкое изумленіе. Великая, безпримѣрная и почти чрезвычайная дружба наслѣдника ея къ королю прусскому произвела сію великую и нежданную неожиданную во всѣхъ обстоятельствахъ переменъ.

Я вамъ рассказывалъ уже, что императоръ нашъ Петръ III не успѣлъ вступить на престолъ, какъ первѣйшимъ дѣломъ своимъ почелъ заключить съ прусскимъ королемъ сперва перемиріе, а въ непродолжительномъ времени потомъ и самый миръ. И не только велѣлъ сначала находившемуся тогда при цесарской арміи нашему Чернышовскому, и въ 20-ти тысячахъ человекъ состоявшему корпусу, отошедъ отъ цесарцевъ, возвратиться чрезъ прусскія области въ Польшу; но какъ цесарцы невосхотѣли тотчасъ предложенію его и совѣту повиноваться и съ пруссаками

заклѣчить миръ, то, разсердившись за то, приказалъ сему, уже за Бреславль прошедшему корпусу, не только остановиться, но, соединившись съ арміею короля прусскаго, находится у него въ полномъ повиновеніи.

Таковая поступка нашего императора и заключенный имъ съ прусскимъ королемъ, не только миръ, но и дружественный союзъ, — а вскорѣ за сими воспослѣдовавшій миръ у прусскаго двора съ шведскимъ государствомъ, — не только разстроилъ всѣ дѣла нашихъ, воевавшихъ противъ прусскаго короля союзниковъ, но ободрили прусскаго короля такъ, что онъ поднялъ опять голову, и началъ самъ уже на другихъ нагонять страхъ и опасеніе. По чрезвычайной расторопности своей, нашелъ онъ средства чрезъ короткое время снабдить себя всѣми и-всѣми нужнымъ и ополчиться противъ непріятелей своихъ такъ, что въ половинѣ лѣта былъ уже готовъ, при помощи нашихъ, начинать великія предпріятія.

Его главное намѣреніе было овладѣть пакн славною и въ послѣднюю кампанію цесарцами отнятою у него шлезскою крѣпостію Швейдницомъ, — отъ завладѣнія которою весьма многое зависѣло. Но какъ цесарцы не только имѣли въ оной сильной гарнизонъ, но и вся цесарская армія, подъ командою опять славнаго ихъ фельдмаршала графа Дауна, въ недалномъ разстояніи стояла въ горахъ, окопавшись, и могла сей осадѣ дѣлать помѣшательство, то нужно было королю какимъ-нибудь образомъ отдалить и вытѣснить изъ горъ сію цесарскую армію и пресѣчь ей сообщеніе съ Швейдницомъ.

Для сего разсудилось ему отправить отдѣленной легкой корпусъ съ нашими казаками во внутренность Богеміи, для опустошенія и разграбленія мѣстъ позади цесарской арміи находящихся, — въ надеждѣ, что сіе побудитъ Дауна сойтись съ своихъ укрѣпленныхъ горъ и отойти въ Богемію. Но какой успѣхъ посланные отъ короля прусскаго въ предпріятіи своемъ ни имѣли и ка-

приложеніе къ «русской старинѣ» 1871 г.

кое разореніе тамошнимъ мѣстамъ казаки наши ни причинили, — но все сіе не могло никакъ поколебать хитраго фельдмаршала цесарскаго: онъ не сошелъ никакъ съ горъ. А сіе и причиною было, что король, не находя иныхъ средствъ, рѣшился наконецъ въ сихъ горахъ его атаковать и произвести то силою, чего не могъ произвести онъ хитростію и искусствомъ.

Произшествіе сіе было славное, и болѣе потому, что король принужденъ былъ употребить все свое военное искусство при семъ случаѣ и производить атаку сію укрѣпленныхъ горъ съ крайнимъ разсмотрѣніемъ. Онъ и произвелъ ее прямо мастерскимъ образомъ.

Но совсѣмъ тѣмъ, едва ли бы могъ имѣть въ томъ успѣхъ вождѣнный, если-бъ нечаянный и особый случай не сдѣлалъ ему въ томъ вспоможенія. Ибо въ самое то время, когда только-что хотѣлъ онъ начинать сію атаку при помощи нашего Чернышовскаго корпуса, получаетъ графъ Чернышовъ вдругъ курьера съ извѣстіемъ о вступленіи императрицы Екатерины на престолъ и съ повелѣніемъ, чтобъ ему того часа итти отъ прусской арміи прочь и возвратиться къ прочей нашей арміи, находившейся тогда еще въ Пруссіи.

Короля сразило сіе неожиданное и всѣ его замыслы и дѣла разстроившее извѣстіе. Однако, онъ хотя бы и могъ тогда остановить и совсѣмъ обезоружить нашъ корпусъ; но сего никакъ не сдѣлалъ, а отпустилъ его съ честію, и такъ, какъ бы дружественное войско. А воспользовался онъ при семъ случаѣ только тѣмъ, что упросилъ графа Чернышова, чтобъ онъ до того времени, покуда сдѣланы будутъ по дорогѣ, для обратнаго шествія его, всѣ нужныя приуготовленія, и не болѣе, какъ дня два или три, необъявлялъ бы о семъ повелѣніи никому, а сокрывъ бы оное въ тайнѣ, постоялъ съ корпусомъ своимъ на одномъ, ему назначенномъ мѣстѣ, хотя безъ всякаго дѣла. И какъ графъ Чернышовъ ему сіе одолженіе и сдѣлалъ,

то и поставилъ онъ корпусъ его въ такомъ мѣстѣ, что незнающимъ еще ничего о томъ цесарцамъ принуждено было отдѣлать знатную часть своей арміи и поставить противъ сего мнимаго непріятельскаго корпуса и чрезъ то ослабить оставшую и ту часть своей арміи, которую король атаковать замышлялъ. А чрезъ самое то и удалось ему, хотя съ великимъ трудомъ, но получить надъ ними великій выигрышъ, и не только овладѣть ихъ горскими укрѣпленіями, но вытѣснить ихъ изъ горъ и принудить отойти въ Богемію. Итакъ, корпусъ нашъ, хотя и не былъ въ дѣйстви, но стоялъ спокойно, но однимъ присутствіемъ своимъ помогъ получить ему великую выгоду.

Сія была послѣдняя короля прусскаго хитрость, употребленная нѣкоторымъ образомъ противъ насъ и своихъ непріятелей. Послѣ того не сталъ онъ ни минуты болѣе держать нашъ корпусъ; но одаривъ графа Чернышева прямо по-королевски, отпустилъ его съ честію отъ своей арміи.

Симъ образомъ разстались тогда наши съ пруссаками, и хотя не проливали за него кровь свою, но сдѣлали побочнымъ образомъ ему великое вспоможеніе. И онъ во все время пребыванія нашего корпуса у него воспользовался только вышеупомянутымъ дѣйствиемъ нашихъ казаковъ, доѣзжавшихъ при набѣгахъ своихъ въ Богемію почти до самаго столичнаго богемскаго города Праги и причинившихъ цесарскимъ землямъ великія опустошенія и подавшихъ королю прусскому первый поводъ къ украшенію всей конницы своей султанами на шляпахъ и шапкахъ, которое обыкновеніе сдѣлалось потомъ, какъ извѣстно, и всеобщимъ. Случай къ тому былъ тотъ, что хотя различіе между прусскою и цесарскою конницею было во многихъ вещахъ и довольно примѣтно, но дураки наши казаки не могли никакъ того примѣчать и различать; но часто самую прусскую кавалерію почитали цесарскою. А дабы сдѣлать первую для нихъ примѣтною, то и задумалъ король отличить

всю конницу свою для казаковъ сими султанами.

Весь свѣтъ тогда не сомнѣвался, что у насъ возобновится опять война съ королемъ прусскимъ; да и нельзя было иначе и думать: ибо императрица наша, почитавшая до того короля прусскаго личнымъ себѣ недругомъ, не только въ первомъ уже манифестѣ своемъ назвала короля злѣйшимъ непріятелемъ Россіи; но и тотчасъ по вступленіи на престолъ отравила повелѣніа какъ къ упомянутому Чернышову, такъ и ко всей тогда еще въ Пруссіи находившейся нашей арміи, чтобъ почитать пруссаковъ опять своими непріятелями и всѣхъ прусскихъ жителей привести опять въ вѣрности къ себѣ къ присягѣ. Однако, въ мнѣніи своемъ всѣ обманулись, и произошло совсѣмъ тому противное и не ожидаемое всѣми возобновленіе войны, а подтвержденіе и съ стороны ея заключеннаго уже до того императоромъ мужемъ ея съ пруссаками вѣчнаго мира.

Всѣ историки тогдашняго времени приписывали неожиданному явленію сему слѣдующую и въ особенности достопамятную причину. Гонорать, что какъ начали по кончинѣ императора Петра III, при присутствіи самой императрицы, разбирать всѣ письменныя дѣла въ его кабинетѣ, то нашлись тутъ многія своеручныя письма короля прусскаго къ императору, изъ которыхъ оказалось, что онъ далеко не такой былъ врагъ императрицѣ, каковымъ она его себѣ почитала, но напротивъ того, онъ многожды его нанубѣдительнѣйшимъ образомъ увѣщевалъ быть во всемъ воздержнѣе и благоразумнѣе, и не посягать ни малючки въ чемъ противъ императрицы, своей супруги; и что сіи письма, якобы до слезъ и такъ разстрогали императрицу, что она въ тотъ же часъ оставила намѣреніе свое съ нимъ воевать; а рѣшилась подтвердить заключенный съ нимъ миръ, и отправила въ тотъ же день противныя прежнимъ повелѣніа свои въ армію, находившуюся въ Пруссіи, и приказала вытти ей совсѣмъ изъ прусскихъ предѣловъ и оставить всѣ наши завоеванія,

Всѣ сія перемены послѣдовали столь скоропостижно другъ за другомъ, что и неудивительно, что въ прусскомъ городѣ Кёнигсбергѣ произошло то въ особенности историками замѣченное странное явленіе, что 26-го іюня находились еще утвержденные на воротахъ и въ другихъ мѣстахъ сего города російскіе двухглавыя орлы; 27-го числа были они всѣ, по случаю заключеннаго императоромъ Петромъ III съ Пруссіею мира, сняты и вмѣсто ихъ поставлены прежніе прусскіе, одноглавыя орлы; а 4-го іюля явились, по повелѣнію императрицы, на нихъ опять російскіе орлы, а 9-го числа іюля, наконецъ, поставлены опять и навсегда уже прусскіе орлы.

Но какъ бы то ни было, но сямъ кончилась тогда съ нами вся бывшая до того кровопролитная война, пожравшая у насъ болѣе трехъ-сотъ тысячъ нашего російскаго народа, извлекая изъ нѣдръ Россіи несмѣтные миллионы денегъ и неприносящая намъ никакой иной пользы, кромѣ того, что войска наши и генералы научились лучше воевать, и все лучшее служившее тогда въ арміи російское дворянство, препроводивъ столько лѣтъ въ земляхъ нѣмецкихъ, насмотрѣлось всей тамошней экономіи и порядкамъ. И получивъ, потомъ, въ силу благотѣльнаго манифеста о вольности дворянства, отъ военной службы увольненіе, въ состояніи было переменить и всю свою прежнюю и весьма недостаточную деревенскую экономію; и приведа ее несравненно въ лучшее состояніе, чрезъ самое то придать и всему государству иной и предъ прежнимъ несравненно лучший видъ и образъ, — хотя заплатило за сіе и очень дорого!

Послѣ сего недолго уже продолжалась и въ другихъ мѣстахъ сія кровопролитная и на вѣки достопамятная война. Однако, во все теченіе 1762-го года, все еще она продолжалась и въ разныхъ мѣстахъ пролито еще много крови человѣческой. Но изъ всѣхъ, бывшихъ въ сіе время и послѣднихъ военныхъ происшествій, ни которое такъ недостопамятно, какъ осада пруссаками помянутаго шлезскаго города

Швейдница, которую король прусскій тотчасъ предпріялъ, какъ скоро удалось ему вышеупомянутымъ образомъ вытѣснить цесарскую армію изъ горъ и прервать чрезъ то ей сообщеніе съ помянутою крѣпостью.

Всѣ историки сего времени утверждаютъ, что изъ всѣхъ бывшихъ во всю сію «семилѣтнюю» войну многочисленныхъ осадъ, нѣкоторая не была такъ достопамятна, какъ сія. И, вопервыхъ, потому, что производима была по всей формѣ военного искусства; во-вторыхъ, что производима была цѣлою прусскою арміею при глазахъ и при распоряженіяхъ самого короля прусскаго и, что того болѣе, въ виду и всей цесарской арміи, подъ командою славнаго ихъ генерала графа Дауна, старавшагося освободить крѣпость сію отъ осады и вскорѣ послѣ начатія оной къ ней подоспѣвшаго, но всею хитростію своею немогшаго никакъ ее освободить отъ осады; въ-третьихъ, что крѣпость сія защищаема была сильнымъ и болѣе, нежели въ 9,000 человекъ состоящимъ гарнизономъ, подъ командою искуснаго въ военномъ ремеслѣ коменданта генерала Гаска; въ-четвертыхъ, что какъ осаждаема, такъ и защищаема была по предписаніямъ и распоряженіямъ двухъ славнѣйшихъ въ тогданнее время въ свѣтѣ инженеровъ, доведшихъ инженерное искусство до высочайшей степени совершенства и старающихся другъ предъ другомъ всему свѣту доказать великое свое въ сей наукѣ знаніе.

А всего страннѣе, удивительнѣе и достопамятнѣе было то, что оба сія великіе инженеры были родомъ французы, оба старинные между собою друзья и въ прежнія времена сподружники и военные камералы: одинъ назывался Грибовальдъ, и защищалъ крѣпость, а другой Лефевръ, и распоряжалъ всѣми дѣйствіями осаждающихъ. Первый находился еще и тогда во французской службѣ и былъ, за отличную свою способность, присланъ отъ короля французскаго къ австрійской арміи, а послѣдній служилъ тогда королю Фридриху. Оба они были писатели, оба имѣли осо-

быя и собственныя свои системы, которыя каждый изъ нихъ въ сочиненіяхъ своихъ защищать старался. И тогда оказался рѣдкій случай доказать обоимъ имъ доброту своихъ теорій дѣйствительною практикою предъ глазами всего свѣта. Матеріалы къ сямъ испытаніямъ, яко то, челоувѣческая кровь, желѣзо и порохъ предоставлены были имъ на волю. Лефевръ хотѣлъ взять крѣпость преимущественно подкожами и взять въ короткое время; но онъ хотя и исполнилъ свое обѣщаніе, но только весьма несовершенно и принужденъ былъ почти поступать на большую часть по старымъ правиламъ.

Нельзя изобразить, сколь многія употребляли они другъ противъ друга хитрости, и какое множество дѣлано было съ обѣихъ сторонъ минъ и контраминовъ! Славныя и такъ-называемыя глобы де-компресіонъ, или гнетущіе шары, сдѣланы наиболѣе въ семь случаевъ извѣстными и были многимъ сотнямъ людей смертоносными. Но и кромѣ того, производима была при сей осадѣ не только сверхъ земли, но и въ нѣдрахъ оной настоящая война и съ разными съ обѣихъ сторонъ успѣхами. Но осажденнымъ удавалось какъ-то всегда брать надъ пруссаками преимущество, и бѣдный Лефевръ, наживъ презрѣніе отъ всей прусской арміи, доходилъ даже до такого отчаянія, что самъ себѣ искалъ смерти, вдаваясь въ величайшія опасности, и что король принужденъ былъ уже его самъ утѣшать и ободрять при его неудачахъ.

Теперь было бы слишкомъ пространно, еслибъ описывать всѣ бывшія при сей осадѣ происшествія; а довольно когда сказать, что было ихъ множество разныхъ, рѣдкихъ и достопамятныхъ, и что продолжалась осада сія до самаго октября мѣсяца и цѣлые 63 дня отъ открытія траншей, и что помогла пруссакамъ овладѣть сею крѣпостью одна ихъ гаубичная граната, попавшая случайнымъ образомъ въ такое мѣсто, гдѣ лежало у цесарцевъ много пороха и которая, зажегши оной, взорвала цѣлой бастіонъ, съ двумя гренадерскими ротами и многими австрійскими

офицерами на воздухъ. Сіе только происшествіе, разстроившее всѣ распоряженія осажденныхъ, принудило, наконецъ, цесарскаго коменданта, недопуская до приступа, сдать крѣпость сію королю прусскому и отдаться ему со всѣмъ своимъ гарнизономъ въ плѣнъ.

Съ обѣихъ сторонъ погибло при осадѣ сей тысячи почти четыре людей и выстрѣлено до трехсотъ-тысячъ пушечныхъ, гаубичныхъ и мортирныхъ зарядовъ. И королю, какъ ни жаль было потерянныхъ толь многихъ людей при сей осадѣ, но онъ такъ почтилъ храбрость защищавшаго толь долго крѣпость коменданта, что посадилъ его съ собою за столъ обѣдать.

Что касается до цесарскаго фельдмаршала Дауна, то неудача его при освобожденіи сей крѣпости отъ осады нанесла ему великое безчестіе, и приписывалась наиболѣе враждѣ его противъ Лаудона. И въ Вѣнѣ такъ были недовольны поступками его въ семь случаевъ, что народъ публично-было обругалъ жену его на улицѣ. И какъ сіе было послѣднее знаменитѣйшее дѣйствіе у цесарцевъ съ пруссаками, то, къ сожалѣнію, и кончилъ сей славный полководецъ войну сію не съ славою для себя, а съ порицаемъ и хулою.

Послѣ взятія Швейдница, не произошло уже ничего въ особенности достопамятнаго у короля прусскаго съ австрійцами. Но у имперской арміи, бывшей подъ командою принца Штольберхскаго и дѣйствовавшей противъ принца Гейнриха, были еще многія происшествія.

Сей удалось одержать надъ пруссаками нѣкоторыя поверхности; но побѣда, одержанная принцомъ Гейнрихомъ 29-го октября при Фрауенштейнѣ, затмила всѣ оныя и доставила съ сей стороны пруссакамъ поверхность надъ германцами, такъ что они войски свои послали даже внутрь Германіи и сіи, достигая до самаго Нюрнберга, нанесли германцамъ много вреда и чрезъ все то побудили наиболѣе ихъ къ заключенію вскорѣ потомъ перемирія.

А такимъ же образомъ происходило много разныхъ военныхъ дѣйствій и у

французовъ съ ганOVERанцами въ окрестностяхъ Рейна и Вестфалии; и побѣда, одержанная французами при Иоганисбургѣ, неподалеку отъ Фридрихсберга, надъ наследственнымъ принцемъ брауншвейгскимъ 30-го августа, было послѣднимъ въ сей странѣ военнымъ дѣйствіемъ въ сей войнѣ, разорявшей болѣе шести лѣтъ не только всю Европу, но обѣ Индіи и Америку.

Величайшимъ поводомъ ко всеобщему примиренію и окончанію сей разорительной войны послужила собою Франція. Сія претерпѣла въ сію войну всѣхъ прочихъ государствъ болѣе: и англичане на морѣ были противъ оной такъ счастливы, что отняли у ней почти всѣ ея американскія и азіатскія земли и колоніи, и Франція, какъ людьми, такъ въ особенности деньгами, такъ истощилась, что предвидѣла явную себѣ пагубу. Все сіе и понудило ее домогаться скорѣйшаго мира; и по особливому для ей счастью и удалось ей заключить оной въ началѣ сего 1763-го года въ Фонтенебло съ англичанами и получить, кромѣ одной бездѣльной и ничего незначащей и пустой сѣверной американской провинціи Канады, всѣ свои потерянные американскіе и азіатскіе острова и поселенія обратно.

Съ Англіею произошло при семъ случаѣ тоже, что и съ нами: она лишилась всѣхъ своихъ завоеваній, купленныхъ рѣками крови, съ приумноженіемъ многими милліонами національнаго своего и такъ много ее отягочающаго долга. Но сего бы никогда не случилось, еслибъ, по особливому для ея несчастію, не произошло въ министерствѣ, ея перемѣны, и когда бы кормило правленія по особливому случаю, по исторженіи изъ рукъ мудраго Питта, не попало въ руки глупому и почти бессмысленному англійскому лорду Бутту.

Неуспѣли французы отстать отъ австрійцевъ или цесарцевъ, какъ и симъ не оставалось уже другого средства, какъ также поспѣшить заключеніемъ мира съ королемъ прусскимъ и пожертвовать также всѣми своими о завоеваніи Шлезіи надеждами. Послѣдній миръ сей заключенъ былъ наконецъ при глазахъ самого

короля прусскаго, въ саксонскомъ замкѣ Губертсбургѣ, 15-го февраля сего 1763-го года, и, по силѣ онаго, къ удивленію всего свѣта, изъ всей сей кровопролитной войны не вышло ничего, и всѣ державы остались при прежнихъ своихъ владѣніяхъ и при тѣхъ границахъ, въ какихъ они были при началіи войны. И война сія сдѣлала лишь только то, что многія сотни тысячъ человѣкъ во всѣхъ частяхъ свѣта пролили свою кровь, и милліоны семействъ впади въ бѣдность и разорились.

Одной Саксоніи стоила война сія деньгами и продуктами всякаго рода болѣе 70-ти милліоновъ талеровъ, и одна Европа потеряла болѣе милліона людей. Всѣ державы, включая одну Пруссію, нажили на себя превеликіе и такіе долги, конхъ тягость будутъ ощущать и самые еще поздніе потомки ихъ. А сколько городовъ, селъ и деревень разорено и опустошено было, о томъ и упоминать почти нечего. Вся задняя Померанія и часть Бранденбургія сдѣлались совершенными пустынями; а и многія другія области и земли находились не въ лучшемъ состояніи, и во многихъ мѣстахъ не было людей, а въ другихъ мужики однихъ—и женщины пахали землю. А были области, въ которыхъ и сихъ не было, и видны были превеликія полосы земли, гдѣ и слѣдовъ прежняго земледѣлія было непримѣтно. Одинъ офицеръ писалъ, что онъ, путешествуя чрезъ Гессенскія земли, семь деревень проѣхалъ и во всѣхъ ихъ нашелъ одного только человѣка, и тотъ былъ пасторъ, варившій въ пищу себѣ бобы одни.

Вотъ какова была сія война наша и какія послѣдствія были оной! Она будетъ долго памятна не только намъ, но и всей Европѣ.

Симъ оканчиваю я всѣ мои военныя извѣстія, а вкупѣ и все сіе десятое собраніе писемъ моихъ, сказавъ, что я есмь вашъ и прочая.

Конецъ
десятой части.

Сочинена въ январѣ 1801, переписана въ ноябрѣ 1805 года, въ Дворцѣмъ.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XI.

(Сочинена 1801, переписана 1805, въ Дворяниновѣ).

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКѢ ВООБЩЕ, И ВЪ ОСОБЛИВОСТИ МОЕЙ ЖЕНИТЬБЫ.

1764.

ПЕРВОЕ СВИДАНІЕ.

Письмо III-е.

Любезный пріятель! Тысяча семьсотъ шестьдесятъ четвертой годъ, котораго исторію я теперь писать начинаю, былъ пандостопамятнѣйшій изъ всѣхъ въ моей жизни. Промыслу и Провидѣнію Господню угодно было, чтобъ въ теченіе онаго рѣшился наконецъ мой жребій, и я перешелъ въ иной родъ жизни и сдѣлался уже женатымъ мужемъ. Но какъ сія важная и на всю достальную жизнь мою великое вліяніе возымѣвшая перемѣна со мною произошла не въ началѣ сего года, а посреди уже гѣта; то дозвольте мнѣ возвратиться къ тому времени, на которомъ я въ послѣднемъ моемъ о себѣ письмѣ остановился, и прерванную тогда нить повѣствованія продолжать теперь далѣе по порядку.

Изъ помянутаго письма знаете уже вы, въ какихъ обстоятельствахъ находился я при концѣ минувшаго года. Я жилъ одинъ и въ совершенномъ почти уединеніи въ своей деревнѣ, и хотя за непрерывными и наиболѣе любопытными упражненіями своими и не чувствовалъ дальной скуки; однако, несмотря на то, великое мое одиночество было мнѣ не весьма пріятно и, дѣлаясь мнѣ уже и отяготи-

тельнымъ, побуждало меня къ присоединенію себѣ подруги и товарища. Но вы знаете также, что всѣ мои старанія о томъ были до сего времени не весьма успѣшны. Нигдѣ я не могъ отыскать такой, каковую бы мнѣ имѣть хотѣлось и какой желало мое сердце. Говоря съ вами о сей матеріи, рассказывалъ я вамъ и то именно, съ какими дарованіями желалъ я сначала найти себѣ невѣсту; но какъ послѣдствіе оказало, что таковую мнѣ всего труднѣе найти было можно, то начиналъ я въ томъ совершенно отчаяваться.

Узнавъ короче и состояніе свое и всѣ обстоятельства, въ какихъ я находился и спознакомившись сколько-нибудь и съ деревенскою и московскою жизнью, предусматривалъ я ясно, что мнѣ долго надлежало искать, буде хотѣть, чтобъ невѣста моя была точно такова, каковою образовалъ я ее себѣ въ своемъ воображеніи, и что не открывалось къ тому еще ни малѣйшаго слѣда. А какъ пошелъ мнѣ уже тогда двадцатьшестой годъ отъ роду, то и жениться было уже высочайшее и лучшее время: то лишился я надежды найти по желанію моему въ скорости, и радъ былъ уже и такой, которая бы, хотя не во всѣхъ частяхъ, а сколько-нибудь уже съ мыслями и желаніями моими сообразовалась. Но какъ и такой еще не отыскивалось и нигдѣ не было на примѣтѣ, то и находился я относи-

тельно до сего пункта въ величайшемъ недоумѣніи, что самое и побудило меня наиболѣе къ началію прежде упоминаемаго мною и нѣкоторымъ образомъ отдаленнаго и не совсѣмъ формальнаго сватовства за малолѣтнюю госпожу Каверину. Но какъ и изъ сего сватовства не вышло еще ничего положительнаго и важнаго, и я пересталъ почти и о сей невѣстѣ думать; то при началѣ сего года и былъ я вовсе безъ невѣсты, и не зналъ, куда и въ какую сторону направить мнѣ стопы свои для исканія себѣ подруги.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ я женитьбу почиталъ всегда важнѣйшимъ въ жизни человѣческой дѣломъ и всегда былъ того мнѣнія, что совершается она не иначе, какъ по особливому божескому Провидѣнію и прозволу; то, какъ во всѣхъ прочихъ пунктахъ, такъ въ особливости и въ семъ, яко важнѣйшемъ изъ всѣхъ прочихъ, возлагалъ я все мое упованіе на моего Бога, оказавшаго мнѣ уже толь многие оныи своего особаго и милостиваго обо мнѣ попеченія. И хотя и искалъ себѣ невѣсты, но всею внутренностію души своей просилъ и молилъ сіе невидимое и благодѣтельное высочайшее Существо, чтобъ сыскало оно мнѣ невѣсту и дало такую мнѣ подругу, какую самому Ему будетъ угодно,—и я хотѣлъ принять ее отъ Его святой десницы. А такое расположеніе моего духа и подкрѣпляло меня очень много при всемъ помянутомъ моемъ въ исканіи невѣсты себѣ худомъ успѣхѣ. Я заключалъ, что, конечно, либо время еще не пришло мнѣ жениться, либо назначенная мнѣ въ жены была еще молода и до надлежащихъ лѣтъ не достигла, либо мѣшали тому другіи и неизвѣстныя мнѣ обстоятельства.

Съ сими помысленіями и вооружась геріѣніемъ, и началъ я сей наступившій новый годъ, положивъ твердо ожидать всего отъ случая и времени или, паче, отъ распоряженія всѣхъ касающихся до меня произшествій благодѣтельнымъ и пекущимся обо мнѣ божескимъ Промисломъ. — Но не успѣло еще и двухъ

дней пройти сего вновь начавшагося года, какъ отъ нечаяннаго и особливаго совсѣмъ случая, и возобновились во мнѣ паки помысленія о упомянутой юной невѣстѣ.

Въ одну ночь ни думано, ни гадано приснилась она мнѣ во снѣ, и что удивительнѣе всего, то совсѣмъ въ иномъ и не такомъ видѣ, въ какомъ я изображалъ ее себѣ при всѣхъ прежнихъ мнѣхъ объ ней помысленіяхъ. Мнѣ приснилось, будто находился я съ нею вмѣстѣ въ какой-то компаніи, и что нѣкто изъ бывшихъ тутъ же гостей, указывая на нее, говорилъ мнѣ точно сими словами: «Ну, вотъ твоя невѣста, смотри ее себѣ пожалуй». — И какъ была она совсѣмъ не такова, какой образъ начертанъ былъ ей въ моемъ воображеніи, то будто сіе меня не только удивило, но и поразило такъ, что я самъ себѣ говорилъ:—«Какъ же это?»—сказали, что она такая и такая, а она вотъ ажко какая. Эта дѣвушка гонится и изрядная, да и не такъ мала, какъ говорили...» Далѣе памятно мнѣ было, что я хотя и не говорилъ съ нею ни одного слова, но разсматривалъ всѣ черты лица ея и весь ростъ и видъ ея наивнѣйшимъ образомъ и такъ, что образъ ея впечатлѣлся такъ глубоко въ душу моей, что я, и проснувшись поутру, не могъ никакъ еще позабыть онаго, но видѣлъ какъ наяву предъ собою.

Удивился я невѣдомо какъ сему сновидѣнію, и хотя болѣе склоненъ былъ полагать, что было оно натуральное и произошло оттого, что я въ предслѣдующій вечеръ, ложась спать, о сей невѣстѣ думалъ; однако помнилъ мыслить и то: уже нѣтъ ли въ семъ случаѣ чего-нибудь чрезвычайнаго, и не назначается ли дѣвушка сія мнѣ и дѣйствительно уже въ жены Промисломъ Господнимъ? — И какъ я до сего времени никогда ее еще не видалъ, да какъ-то и не слишкомъ и хотѣлъ ее видѣть, то съ самой сей минуты и возродилось во мнѣ сильнѣйшее желаніе ее видѣть.

— «Чтожь, заправду! говорилъ я самъ

себѣ: свататься я начинаю, а не имѣю объ ней ни малѣйшаго понятія. Богъ ее знаетъ, какова еще она. Можетъ быть она и въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ еще не такова, каковою я ее себѣ воображаю! И почему знать, можетъ быть, она мнѣ и совсѣмъ еще не полюбится, и я никакъ не захочу жениться, хотя-бъ и отдавать ее за меня стали».

Но чтожь воспослѣдовало за симъ дальѣе?—Не успѣвъ я симъ образомъ самъ съ собою поутру поговорить и той глупости своей еще похохотать и посмѣяться, что начиналъ свататься, а невѣсты никогда еще и не видалъ; какъ вдругъ является предо мною, и какъ бы нарочно къ мнѣ ко мнѣ присланная моя Ивановна, — нѣмка. Я не видалъ ее съ самаго того времени, какъ возвратилась она изъ своей посылки въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и какъ тогда дѣло осталось ни на чемъ, то и не имѣла она дальшей охоты быть у меня; а и въ сей разъ приѣхала ко мнѣ по случаю тогдашнихъ праздниковъ, и какъ я всего меньше тогда ее къ себѣ ожидалъ, то обрадовавшись, возопилъ я, какъ скоро ее увидѣлъ:

— Ба! ба! ба! Ивановна! Что такъ запала и такъ давно у меня не была? Мнѣ кажется уже нѣсколько лѣтъ, какъ мы съ тобою не видались.

— «Виновата, батюшка, отвѣчала она мнѣ: все какъ-то было недосужно, да и дома-то была рѣдко: все кой-куда ѣздилъ; а и теперь только-что приѣхала... Да знаете ли что, бояринъ?—Привезла къ вамъ еще поклонъ».

— Отъ кого это? — подхватилъ я.

— «Угадайте?» сказала она и, принявъ на себя отъѣпно веселый видъ, засмѣялась.

Сіе явленіе меня смутило, и вся кровь во мнѣ въ одинъ мигъ такъ взволновалась, что я, не давъ ей дальѣе говорить, слѣшилъ спросить ее:

— Уже не отъ невѣсты ли?

— «Хоть не отъ ней прямо, а отъ ма-тушки ея, Марьи Аврамовны!»

— Неправда? возопилъ я. Какъ это можетъ статься?

— «Ей! Ей! отвѣчала она: и я только-что отъ нихъ приѣхала».

— Какъ! такъ ты была опять у нихъ?—спросилъ я дальѣе: и за чѣмъ же ты ѣздила?

— «Была, сударь! отвѣчала она. Я къ нимъ всякой годъ около сего времени въ святки ѣзжу и онѣ мнѣ кое-что жалуютъ; а потому и нынѣ ѣздилъ и цѣлыя сутки у нихъ пробыла, и они мнѣ были очень рады».

— Ну, не зналъ же я, сказалъ я: а то бы я тебя попросилъ еще о нашемъ дѣлѣ...

— «Это я и безъ вашей просьбы сдѣлала, и у насъ много кой-чего говорено было о васъ».

— Что ты говоришь? подхватилъ я. Ну, расскажи-жь ты мнѣ, пожалуйста, что такое говорили вы обо мнѣ.

— «Мало ли чего, сказала она: и какъ можно все упомянуть и пересказать? А скажу вамъ только то, что въ сей разъ говорено было тамъ объ васъ уже охотнѣе, нежели какъ прежде, и онѣ можетъ быть во все то время, какъ я у нихъ не была, болѣе объ васъ думали и помышляли, нежели мы считали. Марья Аврамовна мнѣ призналася, что она разспрашивала объ васъ кой-кого, и отъ всѣхъ, кромѣ похвалы одной, объ васъ не слыхала. А особливо расхвалилъ ей васъ какой-то господинъ Сонинъ, который сказывалъ, что васъ коротко знаетъ, потому что служилъ съ вами въ одномъ полку».

— Ужь не Яковъ ли Титмъ? спросилъ я.

— «Точно онъ», отвѣчала она.

— Ну, спасибо-же ему, сказалъ я: онъ дѣйствительно мнѣ знакомъ, и человѣкъ добрый.

— «Такъ отъ него-то, продолжала она: слышались онѣ объ васъ такъ много, и все хорошаго, что Марья Аврамовна и гораздо уже гораздо помышляетъ объ васъ, и сожалеетъ уже о томъ, что дочка ея не достигла еще до совершеннаго возраста и молодовата. Ей не хотѣлось бы, какъ видно, упустить такого жениха какъ вы, и, сколько мнѣ показалось, то

желалось бы ей васъ видѣть и съ вами познакомиться».....

— Ахъ! голубка моя, Ивановна! пресѣвши ея рѣчь, сказалъ я, мнѣ и самому хотѣлось бы ее и дочь ея видѣть и получить объ нихъ понятіе. Скажу тебѣ, Ивановна, что я дочь ея въ самую сегодняшнюю ночь во снѣ видѣлъ. И какъ она мнѣ совсѣмъ не таковою показалаась, каковою я себѣ ее воображалъ; то и родилось во мнѣ крайнее любопытство ее въ самомъ дѣлѣ видѣть и узнать, какова она. А то смѣшно, право! Свататься мы сватаемся, а я ее, а они меня въ глаза еще не видали!

Ивановна моя удивилась, сіе услышавъ, и стала спрашивать обстоятельнѣе о моемъ снѣ и о томъ видѣ, въ какомъ я ее видѣлъ; и какъ я ей, сколько могъ, ея образъ описалъ, то она еще больше удивилась, и увѣрила меня, что она чуть ли и дѣйствительно не такова, каковою я ее во снѣ видѣлъ, и разсѣявшись потомъ, сказала:

— «Ну, когда это такъ случилось, то чуть ли сему дѣлу и не быть. Сонъ этотъ вѣрно не простой, а что-нибудь значитъ! И дура я буду, если дѣло это не совершится! Помяните меня тогда».

— Хорошо, хорошо, сказалъ я, но, оставя шутки, мнѣ право какъ-то хочется и очень захотѣлось ее видѣть, и нельзя ли, Ивановна, смастерить того какъ-нибудь, чтобъ я ихъ, а онѣ меня видѣли. Мнѣ очень жаль, что изъ всѣхъ моихъ здѣшнихъ знакомцевъ нѣтъ никого, кто бы имъ знакомъ былъ и къ кому-бъ они ѣздили.

— «То-то и дѣло, сказала она задумавшись: а развѣ нѣтъ ли у нихъ какого-нибудь знакомаго дома, гдѣ бы вамъ можно было сѣхаться и другъ друга видѣть. Мнѣ жаль, что мнѣ не пришло на умъ поговорить о семъ. А развѣ еще у нихъ побывать и поговорить о томъ?»

— Весьма бы ты меня одолжила тѣмъ, Ивановна! Но не дурно ли тебѣ такъ скоро къ нимъ опять ѣхать?

— «И! нѣтъ, сказала она, онѣ меня

благо звали и просили, чтобъ я къ нимъ ѣздила чаще!»

— А что, право, Ивановна! ужъ не сѣздить ли въ самомъ дѣлѣ тебѣ опять и не поговорить ли о томъ? Ты можешь прямо сказать, что дѣло—не дѣло, а это бы ни мало не мѣшало, если бы онѣ меня, а я ихъ могъ видѣть, и сколько-нибудь мы между собою познакомились. Можно-бъ сдѣлать сіе безъ дальней огласки и гдѣ-нибудь въ постороннемъ и знакомомъ имъ домѣ, и расположить такъ, что будто-бы сѣхались мы непарочнымъ образомъ.

— «За чѣмъ дѣло стало! сказала Ивановна, давайте лошадей! Я на будущей недѣлѣ готова опять ѣхать, и скажу имъ, будто я была на Вепреѣ у своихъ нѣмцевъ и оттуда къ нимъ разсудила заѣхать опять».

— Право, сѣзди-ка, Ивановна, и поговори, и буде дѣло пойдетъ сколько-нибудь на ладъ; то смотри-жь, постарайся уже о томъ, чтобъ именно было и назначено, куда и когда мнѣ пріѣхать.

— «Это разумѣется само собою, сказала она. Извольте, и я вамъ дамъ знать, когда вамъ ко мнѣ прислать лошадей».

Симъ образомъ условились мы тогда съ нею, и мнѣ не было нужды долго дожидаться. Не прошло и недѣли еще послѣ того, какъ она и прислала уже за лошадьми и повощникомъ, и въ путь сей и отправилась. Но за то промучила она меня опять цѣлыхъ три дни нетерпѣливимъ себя ожиданіемъ. Во всѣ оныя, а особливо въ послѣдній я какъ на огнѣ пріялся и насилу-насилу дождался ея.

— Ну, моя голубка! закричалъ я, увидѣвъ ее къ себѣ вошедшею, получила ли ты успѣхъ въ своемъ дѣлѣ и не по пустому ли проѣздила?

— «Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала она съ радостнымъ видомъ, не по пустому, и дѣло наше начинается, слава Богу, клеится. Онѣ не только на предложеніе мое охотно согласились, но смыслили уже и домъ, гдѣ бы вамъ видѣться, и хотѣли мнѣ дать знать, когда именно и пріѣхать вамъ туда».

— Что ты говоришь? сказалъ я: гдѣ-жъ и у кого, Ивановна?

— У Василя Тихоновича Недоброва, отвѣчала она. Опъ имъ сродни и очень знакомъ и друженъ, живетъ не далеко отъ Вепрей и на половинѣ почти дороги отсюда къ нимъ. Но какъ пужно имъ было напередъ съ нимъ видѣться и условиться обо днѣ, въ который бы имъ и вамъ къ нимъ приѣхать; то и хотѣли онѣ мнѣ знать тогда дать».

— Очень хорошо! сказалъ я. Итакъ, станемъ мы ждать отъ нихъ извѣстiя. Но, смотри-жъ, Ивановна, дай же ты мнѣ тогда знать о томъ поскорѣе, чтобъ я могъ сколько-нибудь къ тому приготовиться и кого-нибудь пригласить съ собою: не одному же мнѣ ѣхать!

— Конечно, сказала она: и я тотчасъ, либо сама прибѣгу, либо пришлю къ вамъ сына. А говорили только они, чтобъ приѣхали вы безъ дальнихъ сборовъ и не набирали бы съ собою многихъ».

— Да кого мнѣ набирать, подхватилъ я. А развѣ попросить одну Софью Ивановну,—не съѣздитъ ли она со мною?

— «Это всего будетъ лучше. Имъ хотя и хочется, чтобы свиданiе сiе было какъ возможно простѣе; но нельзя же вамъ ѣхать туда и безъ женщины съ своей стороны: безъ того пекому будетъ и поговорить съ невѣстою и съ ея матушкою. А Софья Ивановна, хотя и генеральша, но боярыня у насъ не чиновная, а простая, и ей открыться въ этомъ дѣлѣ можно. Ненадобно только многихъ другихъ набирать съ собою».

— Хорошо, хорошо! сказалъ я: точно такъ и сдѣлаемъ. Мнѣ и самому не хотѣлось бы дѣла сего распускать слыхомъ въ огласку. Софью Ивановну я уже упрошу, чтобы она за собою поддержала. А пожалуй и ты, Ивановна, не сказывай о томъ никому.

— «Хорошо, отвѣчала она: отъ меня никто того не услышитъ».

Обѣщанное извѣстiе и получено было ею чрезъ немногие дни послѣ того времени, и Ивановна моя неусиѣла полу-

чить оное, какъ и прилетѣла ко мнѣ съ превеликою радостью.

— «Ну вотъ, баринъ! сказала она, ко мнѣ вошедши: я въ своемъ словѣ устояла. Приказали вамъ кланяться и сказать, чтобъ вы пожаловали послѣ завтрава къ Василью Тихоновичу къ обѣду».

Кровь во мнѣ вся воспламенилась, какъ я сiе отъ ней услышалъ, и сердце хотѣло власно, какъ вонъ выскочить отъ трепетанья. Но оправнявшись кое-какъ отъ своего смущенiя, спросилъ я у ней: не знаетъ ли она, не будетъ ли кого съ ними изъ постороннихъ?».

— «Никого, сказала она: а развѣ одна невѣстка Марья Абрамовна, братина жена, Матрена Васильевна Арцибашева, съ которою она живетъ очень дружно и согласно, къ тому-жъ и невѣстина она родная тетка».

— Ну, хорошо, Ивановна! Стану же я къ сему времени готовиться, и сегодня же съѣзжу къ Софьѣ Ивановнѣ и позову ее съ собою. Но поѣдетъ ли она еще къ нимъ, какъ совсѣмъ ей къ незнакомымъ людямъ?

— «Поѣзжайте, сударь, и попросите: можетъ быть и согласится. Объ нихъ и о хозяевахъ увѣрьте ее, что они люди всѣ добрые, простые и нечиновные, и вы ихъ полюбите. А особливо Василій Тихоновичъ, какой это добрый человекъ! Вы не наговоритесь съ нимъ доволью, и я вѣрно знаю, что и онъ васъ полюбить».

Теперь не могу изобразить, въ какомъ смущенiи и безпокойствiи духа препроводилъ я, какъ достальную часть того, такъ и весь послѣдующiй день. Я непреминулъ съѣздить къ старику, своему дѣду и, отрывшись въ намѣренiи своемъ, просить жену его, генеральшу одолжить меня въ семь случаевъ и со мною туда съѣздить. Софья Ивановна сначала было отнѣкивалась, но какъ я сталъ просить о томъ и старика и онъ, желая искренно, чтобъ я скорѣе женился, радовался, что отыскивается мнѣ такая невѣста и, совѣтуя мнѣ не упускать сего случая, охотно на то соглашался,

чтоб ей ѣхать и самъ на то еще настаивалъ: то наконецъ согласилась и она, и дала мнѣ въ томъ слово.

Но какъ смущеніе мое увеличилось, когда ввечеру, предъ наступленіемъ назначеннаго для свиданія сего дня, вдругъ, и противъ всякаго чаянія и ожиданія, явился предо мною пріятель мой, Иванъ Тимофеевичъ Писаревъ, прискакавшій ко мнѣ безъ памяти. Я остолбѣлъ, увидѣвъ его ввечеру къ себѣ вошедшаго, и неожиданность сія такъ меня смутила, что я нѣсколько минутъ стоялъ какъ пень, и не зналъ, что мнѣ съ нимъ говорить и о чемъ спрашивать. Никогда приѣздъ его не былъ таковъ неблаговремененъ, какъ въ сей разъ, и я, утаивая тщательнѣйшимъ образомъ отъ него все мое сватовство, не зналъ тогда, какъ мнѣ быть, что съ нимъ дѣлать и сказывать ли ему о своемъ намѣреніи, или не сказывать.

Сперва показался мнѣ сей приѣздъ его натуральнымъ, хотя и не могъ я надвинуться и понимать, чтѣ-бъ такое побудило его опять и такъ скоро ко мнѣ приѣхать; ибо не прошло еще и трехъ недѣль, какъ онъ у меня въ послѣдній разъ былъ и ничего о скоромъ опять приѣздѣ не сказывалъ и не говорилъ. Но какъ при выбораніи изъ повозки и внапиваніи его вещей въ горницу примѣтилъ я, что онъ привезъ съ собою и шагу и свой артиллерійскій мундиръ, чего до того никогда не дѣлывалъ; а притомъ чрезъ нѣсколько минутъ онъ мнѣ прямо сказалъ, что приѣхалъ ко мнѣ дни на три, а можетъ быть и долѣе у меня пробудеть: то все сіе не только удивило меня еще больше, но произвело во мнѣ уже нѣкоторое и подозрѣніе.

— «Батюшки мои!» думалъ и говорилъ я тогда самъ себѣ: «какъ же это такъ? — Ужъ право что-то не натураленъ сей его приѣздъ ко мнѣ, и уже нѣтъ ли тутъ какого-нибудь финта и не скрывается ли какого таинства? Ужъ не узналъ ли онъ какимъ-нибудь образомъ о моемъ сватовствѣ и что завтрашній день назначенъ у насъ для свиданія?... Уже не

было ли у него какихъ людей подготовленныхъ?... Уже не далъ ли кто ему о томъ знать, и не затѣмъ ли съ умысла онъ ко мнѣ и приѣхалъ теперь, чтобъ меня завтра задержать, или въ дѣлѣ семъ сдѣлать какое-нибудь помѣшательство?»

Чѣмъ далѣе я симъ образомъ думалъ и самъ съ собою говорилъ, тѣмъ имовѣрнѣе казалось мнѣ сіе дѣло и тѣмъ болѣе находилъ я въ томъ правдоподобія. И какъ наконецъ я въ томъ почти не сомнѣвался; то сіе увеличило еще болѣе и подозрѣніе и неудовольствіе мое. Гостю моему былъ я въ сей разъ и очень уже не радъ. Говорится въ пословицѣ: «не въ пору гость — хуже татарина», и это дѣйствительно правда — и онъ былъ для меня тогда точно таковымъ. Какъ я его ни любилъ и какъ мы съ нимъ ни дружно до того жили; но въ сей разъ охотнѣе бы я желалъ, чтобъ его у меня не было. Но какъ переимѣнить того было уже нечѣмъ и я предусматривалъ, что ни выжить его, ни утаить отъ него намѣренія своего было уже никакъ не можно; то сталъ я уже думать и самъ съ собою совѣщаться уже о томъ, какъ бы мнѣ съ нимъ поступить и ему о томъ рассказать лучше, и положить наконецъ никакъ, ни намѣренія, ни ѣзды своей не отлагать, чтѣ-бъ такое онъ мнѣ ни сталъ говорить, — а звать его лучше съ собою, и когда не поѣдетъ, то ѣхать одному.

Расположившись поступить съ нимъ такимъ образомъ, не сталъ я уже и самъ медлить, но довелъ тотчасъ до того рѣчь.

— Ну, братецъ, сказалъ я ему: скажу тебѣ сущую диковинку. Ты приѣхалъ ко мнѣ не нарочно, а вѣдь очень кстати и тебя власно, какъ сама судьба ко мнѣ въ сей разъ прислала!

— «А что таково? спросилъ онъ у меня съ притворнымъ удивленіемъ и будто ничего не зналъ и не вѣдая».

— Что, братецъ! — Тебѣ, какъ другу, могу я во всемъ открыться и сказать, что я собрался завтра по утру въ недалній отсюда путь ѣхать.

— «Куда это и за чѣмъ?» спросилъ онъ у меня далѣе.

— Что, братъ, скажу тебѣ за секретъ, что за меня сватаютъ невѣсту, и какъ ни я ее, ни она меня еще не видала, то и хотѣлось намъ другъ друга посмотреть, и положено, чтобъ въ завтрашній день съѣхаться намъ въ одномъ постороннемъ и имъ знакомомъ и дружескомъ домѣ.

— «Укого это?» спросилъ онъ меня далѣе.

— Есть нѣкто старичекъ Недобровъ, Василій Тихоновичъ, — такъ у него въ домѣ.

— «Недобровъ!... Недобровъ! подхватилъ онъ внятно какъ гнушаясь симъ прозваньемъ и презирая оное. — Что-то мнѣ слыхнулось о какомъ-то Недобровѣ, и кажется, что онъ ничего незначащій человекъ и какой-то такъ старичишка!»

— Я право его самъ не знаю, сказалъ я: но говорятъ, что онъ добрый человекъ и живетъ порядочно. Но кака я нужда, кто-бъ и каковъ-бы онъ ни былъ: мнѣ нуженъ не онъ, а невѣста.

— «Но невѣста-то кто и кака я такая?» подхватилъ г. Писаренъ, и прежде нежели я могъ ему на сіе отвѣчать, началъ мнѣ пенять и мнѣ выговаривать, для чего я отъ него секретничалъ и не далъ ему знать прежде и съ нимъ о томъ не поговѣтовалъ».

Я оправдывался скоропостижностію сего дѣла и тѣмъ, что будто не успѣлъ ему дать знать о томъ, а ктому-жъ говорилъ ему, что будто сказано было мнѣ, что его нѣтъ дома и что я за самымъ будто тѣмъ къ нему и не посылалъ. Всѣ сіи и другія подобныя тому извиненія, какъ ни были слабы и неимовѣрны, но онъ казался ими быть довольнымъ. Но не успѣлъ онъ отъ меня при дальнѣйшемъ разспрашиваньи услышать, чьихъ была моя невѣста, какъ съ нѣкимъ малоуважающимъ и презрительнымъ тономъ и видомъ воскликнулъ:

— «Каверина!... Каверина!... Но что-то я не слышалъ, чтобъ была гдѣ-нибудь невѣста изъ фамиліи этой! У насъ есть тутъ вблизи Каверины; но это люди все

бѣдныя, ничего незначащія и недостойныя никакого уваженія. А чтобъ такая невѣста была Каверинныхъ, о какой ты говоришь, и за которою-бъ было сто душъ приданаго, того я никакъ не слышалъ. И уже правда ли то?... Я худо какъ-то всему тому вѣрю.... Но кто бы такой сваталъ за тебя эту невѣсту?»

Тогда не хотѣлось мнѣ никакъ сказать ему о своей Ивановѣ, а я сказалъ ему только: — Ну, кто ни есть, братецъ, — а что это правда, то — правда; а что ты не слышалъ, такъ то можетъ быть отъ того, что невѣста-то, связываютъ, слишкомъ еще молоденька.

— «Ну, вотъ это дѣло иное, сказалъ онъ: только воля твоя, но когда она Каверина, то напередъ можно сказать, что тутъ ничему доброму быть не можно. Вся эта фамилія составляетъ Богъ знаетъ что, и я не слышалъ еще ни объ одномъ изъ нихъ, чтобъ былъ путный человекъ».

Послѣ сего сталъ онъ меня разспрашивать далѣе, и не успѣлъ услышать, что она по тринадцатому еще году, какъ вдругъ, захохотавъ какъ сумасшедшій и насмѣявшись до сыта, сказалъ мнѣ:

— «Какъ, братецъ, не съ ума ли ты сошелъ и неужели на такомъ ребенкѣ жениться хочешь? Умилосердись, государь мой! Что ты это затѣялъ?»

Досадно мнѣ сіе невѣдомо какъ было, и я едва могъ перенести такія его насмѣшки, и сказалъ ему наконецъ:

— Но какъ бы то ни было, и—жениться ли, не жениться ли,—а видѣть мнѣ ее очень хочется и я любопытенъ очень ее узнать.

— «И! пустое, сударь, пустое! подхватилъ онъ: и сущій это вздоръ! Когда такъ она еще мала и молода, то что и смотрѣть ее.... И такимъ еще наряднымъ дѣломъ.... ха, ха, ха!... Ни малѣхонько не встати и начинать это!... И не дурачься-таки, мой государь! Ты ни мало не знаешь, какія послѣдствія отъ того произойти могутъ. Дѣла-то ты не надѣлаешь, а выведешь изъ себя исторію и одурачишься такъ, что во всѣхъ домахъ о тебѣ говорить и смѣяться тебѣ

станутъ!... Словомъ, какъ другъ, не совѣтую тебѣ никакъ предпринимать того, буде ты себѣ добра хочешь. И мой згадъ, что лучше-бъ тебѣ послать и связать имъ, что ты занемогъ и тебѣ быть завтра никакъ не можно, или что тебя захватили нечаянные гости, и скажи хоть прямо на меня».

Слова сія такъ меня смутили и привели въ такое замѣшательство мои мысли, что я не въ состояніи былъ нѣскольکو минутъ ему отвѣтствовать; а онъ, примѣтя мое смущеніе и задумчивость, вздумалъ еще болѣе меня поджигать и говорилъ мнѣ:

— «Нечего-таки и думать, братъ, а наряжайка скорѣе, я еще сегодня, кого-нибудь туда, и вели сей же часъ ѣхать и хоть на дорогѣ почевать, чтобъ могъ приѣхать туда какъ можно ранѣе и благовременно имъ сказать, что тебѣ быть никакъ не можно».

— Слышу!—сказалъ я, перервавъ его рѣчь и не стерпя болѣе такого пристрастнаго отговариванья: но воля твоя, братъ, и что ты ни говори,—но я далъ слово завтра приѣхать и слова сего ни для чего на свѣтѣ не переменяю, и самъ себя никакъ не захочу одурачить предъ ними. А налыгать на себя болѣзнь того еще смѣшнѣе. Этого я никогда не дѣлывалъ и дѣлать безъ крайней нужды не стану. Къ тому-жъ я условился уже съ Софьею Ивановною, и она обѣщалась съѣздить туда со мною. А что касается до твоего дружескаго приѣзда ко мнѣ; то ты, какъ другъ, лучше помоги мнѣ въ семъ случаѣ разсматривать невѣсту-то и ихъ семейство. А ежели не похочешь одолжить меня тѣмъ, чтобъ вмѣстѣ со мною туда съѣздить, такъ, по дружбѣ своей ко мнѣ, не взыщи уже на мнѣ, что я, оставивъ тебя, туда съѣзжу. Ызда моя не долго продлится, я завтра же къ вечеру и назадъ возвращусь. А ты ежели похочешь въ домъ моемъ меня подождать, такъ можешь этотъ день у знакомаго тебѣ моего сосѣда, Никиты Матвѣевича, препроводить. А что ты говоришь, что я выведу изъ того о себѣ исторію,

и что во всѣхъ домахъ обо мнѣ говорить и мнѣ смѣяться станутъ; то я не знаю и не понимаю, какъ бы это могло сдѣлаться. У насъ смолвлено такъ, чтобъ никто почти изъ постороннихъ о семъ съѣздѣ нашемъ не зналъ и не вѣдалъ, и ты одинъ только, которому я въ семь открылся. Такъ развѣ ты это повсюду разблаговѣстишь, а то, почему кому узнать о томъ.

Сими словами тронулъ я его такъ, что онъ тотчасъ перервалъ мнѣ сію рѣчь и сказалъ:

— «А мнѣ какая нужда разблаговѣщать о томъ, когда тебѣ того не надобно». Потомъ, помолчавъ и позадумавшись нѣскольکو, продолжалъ онъ далѣе говорить:—«Нѣтъ! нѣтъ, мой другъ! Се-го ты отъ меня не опасайся. А чтобъ доказать тебѣ искренность дружбы моей къ тебѣ, то изволь, сударь, я соглашаюсь и съ тобою ѣхать вмѣстѣ, благо кстатіи взять я и мундиръ съ собою. Правду сказать, у меня не то, а другое было на умѣ и я приѣхалъ-было съ предложеніемъ тебѣ другой, и такой невѣсты, которая по всѣмъ отношеніямъ будетъ гораздо, гораздо повыгоднѣе сей; но о семъ дозволю уже мнѣ и помолчать теперь до поры, до времени, а то ты подумаешь еще, что я разбиваю тебя въ твоемъ сватовствѣ и предначинаніи. Изволь, сударь, изволь! Поѣдемъ и посмотримъ, что за невѣста такая?.. Съѣздить не великій трудъ и не диковинка!»

Я благодарилъ его за сіе и не сталъ уже и самъ добиваться до того, чтобъ онъ сказалъ что-нибудь болѣе о другой невѣстѣ своей. И такъ, на другой день, ранехонько собравшись и захавъ за Софьею Ивановною, поѣхали мы всѣ вмѣстѣ—мы, запрягши большія городовыя сани,—ибо тогда въ кибиткахъ такъ, какъ мнѣ, еще не ѣзжали, а употреблились болѣе крытыя сани, либо возки; но у меня ни возка, ни крытыхъ саней тогда еще не было,—а Софья Ивановна въ своемъ возкѣ — и чинъ чиномъ.

Мы приѣхали къ господину Недоброву еще довольно рано и гораздо до обѣда,

но нашли невѣсту мою съ ея матерью и теткою, госпожею Арцыбашевою, насъ уже дожидавшихся. Домъ господина Недоброва былъ въ самомъ дѣлѣ небольшой и неслишкомъ прибранный, ибо оцъ былъ человекъ небогатый, а притомъ и стариннаго вѣка. Чтожъ касается до самаго характера его, то былъ онъ въ самомъ дѣлѣ человекъ очень добрый и старичекъ неглухой и очень ласковый и благопріятный. А такова же была и жена его Авдотья Дмитровна. Оба они обласкали меня невѣдомо какъ, и не могли довольно наговориться со мною.

Во теткѣ невѣсты моей напелъ я боярыню умную и такую, съ которою можно было съ удовольствіемъ о многомъ говорить. Она говорила также со мною много. А равномѣрно и мать невѣсты моей казалась боярынею тихою, но разумною; однако не имѣла почти духу со мною говорить, а довольствовалась слушаніемъ, какъ другіе со мною говорили, и примѣчаніемъ всѣхъ моихъ поступковъ. Что-жъ касается до самой дочери ея, а моей невѣсты, то не могу изобразить, какъ много удивился я, увидѣвъ образъ и всѣ черты лица ея дѣйствительно похожія на тѣ, какія видѣлъ я въ мосмѣ сповидѣніи. И чѣмъ болѣе я въ нее всматривался, тѣмъ множайшее, казалось мнѣ, находилъ я съ видѣніемъ во снѣ подобіемъ ея сходство.

Странность сего удивительнаго и рѣдкаго происшествія такъ меня поразила, что не сходила она у меня съ ума во всю мою тогдашнюю въ семъ домѣ бытность. И какъ за обѣдомъ случилось мнѣ сидѣть прямо противъ моей невѣсты, то начиналъ и самъ уже я почти несомнѣваться въ томъ, что едва ли не она назначается мнѣ Промысломъ Господнимъ дѣйствительно въ жены, и потому и рассматривалъ я ее наивнимательнѣйшимъ образомъ. Однако сколько ни старался, и даже сколько ни желалъ я въ образѣ ея пайтить что-нибудь для себя въ особенности плѣнительное, но не могъ никакъ ничего пайтить тому подобнаго: великая ея молодость была всему тому причиною.

Она была дѣйствительно такъ молодая, что не можно было никакъ почесть ее совершенною невѣстою, и потому, хотя и была она недурна собою, но весь образъ и всѣ черты лица ея имѣли въ себѣ нѣчто дѣтское и не въ силахъ еще были произвестъ какія-нибудь особыя чувствія. Совсѣмъ тѣмъ доволенъ я былъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что не находилъ я въ пей ничего для себя противнаго и отвратительнаго; а сверхъ того и ростомъ была она больше, нежели каковою я ее себѣ воображалъ, и такъ, что если-бъ неизвѣстны мнѣ были ея лѣты, то почелъ бы я ее дѣвушкою лѣтъ пятнадцати.

Впрочемъ во все пребываніе мое тамъ не удалось и не можно было мнѣ ничего съ нею самою говорить, и не слышалъ почти, какъ и говорить она. Цемпогія только слова проговорила она въ отвѣтъ спрашивавшей ее что-то теткѣ. Чтожъ касается до всѣхъ поступковъ туть родныхъ, то они мнѣ поступками и обхожденіемъ своимъ полюбились. Въ особенности же пріятно было мнѣ то, что всѣ они были люди не слишкомъ свѣтскіе, пышные, чиновные и модные; но болѣе простые, деревенскіе и такіе, какіе наиболѣе мнѣ подъ стать и мною желаемы были.

Мы пробыли у нихъ не болѣе, какъ нѣсколько часовъ, ибо какъ случилось сіе 18-го января и дни были въ сіе время короткіе; то, боясь, чтобъ не захватила насъ на дорогѣ мятель, не стали мы дожидаться до самаго поздняго вечера, но какъ скоро началъ приближаться онъ, то, распрощавшись съ ними, и отправился домой.

Симъ кончилось тогдашнее наше первое свиданіе, и какъ условлено у насъ было предварительно, чтобъ въ сей разъ съ обѣихъ сторонъ ничего не говорить и ничего не спрашивать; то и дѣйствительно не было ничего говорено въ сей разъ о самомъ дѣлѣ, но мы были и поѣхали такъ, какъ бы пріѣзжали въ гости.

А симъ дозвольте мнѣ окончить и сіе письмо и, предоставивъ дальнѣйшее по-

вѣствованіе будущему, сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочая.

НОВОЕ СВАТОВСТВО.

Письмо 112-е.

Любезный пріятель! Продолжая теперь повѣствованіе свое далѣе, скажу вамъ, что не успѣли мы съѣвши въ сани со двора съѣхать, какъ товарищъ мой горѣлъ уже нетерпѣливостью узнать, какова мнѣ показалась невѣста и какихъ бы я былъ объ ней мыслей, и потому заикнулся-было тотчасъ меня о томъ спрашивать. Но я тотчасъ толкнувъ его ногою и завернувшись будто отъ стужи въ свою шубу, не сказалъ ему въ отвѣтъ на то ни единого слова, давая ему чрезъ то знать, чтобъ онъ помолчалъ. Но какъ онъ не совсѣмъ догадался, что я не хочу съ нимъ говорить и, по нетерпѣливости своей, началъ-было опять заводить рѣчь о томъ; то, наклонившись къ нему, шепнулъ я ему на ухо, чтобъ онъ пожаловалъ, отложилъ говорить о томъ до возвращенія нашего въ домъ и что мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ кучеръ и стоявшіе позади люди могли говоренное нами слышать. Симъ принудилъ я его о семъ замолчать и онъ, соображаясь съ желаніемъ моимъ, завелъ-было тотчасъ рѣчь со мною о другой матеріи; но я, не имѣя охоты и о томъ съ нимъ тогда говорить, а желая имѣть свободу заняться размышленіями о томъ, что происходило тогда со мною, сказалъ ему прямо и безъ обиняковъ:

— «Охота тебѣ, братецъ, говорить на такой стужѣ, а я такъ озябъ и мнѣ истинно не до разговоровъ теперь, а наслу могу, и шубою закутавшись, согрѣться». Черезъ сіе и получилъ я то, чего желалъ и добился до того, что онъ замолчалъ и оставилъ мнѣ свободу думать и рассуждать, какъ мнѣ хотѣлось.

Въ размышленіяхъ сихъ и углубляясь дѣйствительно я во всю дорогу и такъ, что за ними почти и не видалъ, какъ мы весь обратный путь совершили. Легко можно заключить, что предметомъ оныхъ была наиболѣе — видѣнная мною невѣста.

Я не зналъ, что мнѣ объ оной заключать, и какъ расположиться въ разсужденіи тысячи разныхъ помышленій, бродившихъ тогда въ головѣ моей. Я мыслилъ и то и другое, и какъ она не произвела во мнѣ никакихъ особыхъ чувствованій, и я поѣхалъ, хотя съ удовольствованнымъ любопытствомъ, но столько же или еще болѣе хладнокровнымъ къ ней, какъ и пріѣхалъ.

Съ другой стороны не произошло въ душѣ моей и никакого къ ней отвращенія; то не могъ я никакъ самъ съ собою согласиться въ томъ, продолжать ли сіе дѣло и сватовство далѣе или отъ онаго отстать совершенно. И того и другого мнѣ какъ-то не хотѣлось. Къ первому не было и не находилъ я никакихъ дальнихъ побужденій, ибо ничто меня въ особенности въ ней не прельщало, а отъ послѣдняго отвлекала меня, — во-первыхъ, надежда, что можетъ быть, въ то время, какъ она подростетъ и сколько-нибудь повозмужаетъ, и въ состояніи она будетъ произвѣсть во мнѣ собою нѣжныя чувствованія; во-вторыхъ, та мысль, что другою невѣсты можетъ быть и не скоро смѣтется, которая бы была съ такимъ достаткомъ, а что всего наче, съ такимъ семействомъ, каково было сіе, и которое въ особенности тѣмъ мнѣ нравилось, что было небольшое и состояло только въ ней и ея матери. Обстоятельство, что была она одна только дочь у матери, и мысль, что сія могла бы жить вмѣстѣ съ нами и быть до совершеннаго ея возраста у насъ хозяйкою, въ особенности предубѣждало меня въ ея пользу и мнѣ казалось, что сіе было бы для меня очень кстати.

Далѣе хотя смущала и озабочивала меня весьма много та мысль, что видѣлъ только одно лицо невѣсты, а о душевныхъ ея дарованіяхъ и склонностяхъ и нравѣ не имѣлъ еще ни малѣйшаго понятія и о умѣ ея не могъ еще дѣлать ни малѣйшихъ заключеній, а особенно узнать, имѣетъ ли она хотя небольшую склонность къ чтанію книгъ, какую всего наче хотѣлось бы мнѣ видѣть въ своей

невѣстѣ; но съ другой стороны думалъ и то, гдѣ-жъ я найду такую, которой бы и нравъ и всѣ душевныя склонности и дарованія могъ бы я узнать коротко, какъ вещи, которыя обыкновенно въ невѣстахъ всего труднѣе безошибочно узнать можно.

«Тутъ, — говорилъ я самъ себѣ, — по крайней мѣрѣ остается еще великая надежда на ея молодость и что въ случаѣ, хотя-бъ она и не имѣла желаемыхъ мною склонностей, но если натурально не глупа, то можетъ быть удастся и вперить въ нее то, что желалъ бы я пайтить въ невѣстѣ, такъ какъ и самый нравъ, можетъ быть, можно будетъ сколько-нибудь исправить, еслибъ опый въ чемъ-нибудь показался дурень. Но съ иною и совершенно взрослою, и уже въ чемъ-нибудь закоренѣвшею, трудно будетъ ладить, а должно будетъ довольствоваться уже тѣмъ, что найдешь, и въ случаѣ неудачи — весь свой вѣкъ горе съ нею мыкать. А, наконецъ, какъ и самое имя ея какъ-то мнѣ въ особенности было пріятно и нравилось, то все сіе и привязывало меня къ ней и отвлекало отъ того, чтобъ отстать отъ ней совершенно.

Симъ образомъ, находясь въ тысячѣ разныхъ помышленіяхъ и въ совершенной нерѣшимости что дѣлать, ѣхалъ я домой; а какъ мы уже приближаться стали къ своему селенію, то началъ я думать и помышлять о томъ, какъ мнѣ быть и что сказать своему спутнику. Я не сомнѣвался, что онъ непременно тотчасъ меня исповѣдывать, какъ скоро мы приѣдемъ, и навѣрное полагалъ, что онъ станетъ мнѣ невѣсту корить и какъ ее, такъ и меня и все мое сватовство поднимать на смѣхъ. И какъ мнѣ что-нибудь сказать ему необходимо будетъ надобно, то долго думалъ я, какъ бы мнѣ въ семъ случаѣ расположиться лучше, и наконецъ за лучшее признавалъ — притвориться и принять на себя видъ, что она мнѣ вовсе не полюбилась, и что я не хочу вовсе объ ней и думать. Симъ надѣялся я вдругъ не только заградить ему уста и произвестъ то, чтобъ онъ и

впредь въ сіе дѣло не мѣшался, что мнѣ и хотѣлось; но побудить его рассказать мнѣ и о той своей другой и лучшей невѣстѣ, о которой намекнулъ онъ мнѣ при нашемъ отъѣздѣ.

Въ сихъ расположеніяхъ мыслей и возвратился я съ нимъ домой, гдѣ тотчасъ и увидѣлъ, что я нимало не обманулся въ своихъ мысляхъ и ожиданіи. Не успѣли мы приѣхать и отъ людей удалиться, то и началъ онъ прямо ироническимъ образомъ со мною о семъ путешествіи говорить и меня исповѣдывать.

— «Ну, чтожъ, братецъ? Ну что, невѣста-та?... Какова-же она тебѣ показалась?... Ужъ невѣста!... Нечего говорить!... прямо ужъ невѣста!... Было зачѣмъ трудиться такъ далеко ѣздить и такъ заблудиться!»

— Что, братецъ, сказалъ я, принявъ на себя прямо неудовольственный видъ: я и самъ уже о томъ тужу, что затѣвалъ сіе. Ну, какая это невѣста, ребенокъ еще сущій.

— «Этого я и ждалъ, сказалъ онъ виднымъ почти образомъ обрадуясь: что она не прельститъ тебя собою. Да и чему и прельстить-то въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, кажется мнѣ, тутъ ни въ чемъ и ничего прелестнаго и завиднаго! И сама-то она, и семейство-то, и все знакомство, и вся родня-то ихъ Богъ знаетъ на что походятъ! Словомъ, такая-ли тебѣ, моему другу, невѣста надобна? Мнѣ кажется, что она и ноги-то твоей не стоить»...

— Ну! что, братецъ, и говорить, сказалъ я перервавъ его рѣчь и не допуская далѣе симъ образомъ надъ нею насмѣхаться: я уже пересталъ объ ней и думать, и Богъ съ нею и совсѣмъ. Я и радъ еще, что она такъ молода и что есть справедливый резонъ и отговориться, еслибъ они и приступать стали.

— «Конечно, подхватилъ онъ: и это и курамъ бы былъ смѣхъ, еслибъ вздумалъ ты на такомъ ребенкѣ жениться, да и ребенкѣ-то еще какомъ! Ха! ха! ха!»

— Ну, полно, полно, братецъ, говорить о семъ, сказалъ я: а скажи-ка ты мнѣ

лучше о своей-то теперь, и какую-такую хотѣлъ ты мнѣ предложить?

— «Изволь, братъ, теперь расскажу я тебѣ и о своей. Есть нѣкто Иванъ Онофріевичъ Брылкинъ, — не знаешь-ли ты его?»

— Нѣтъ, не знаю, сказалъ я, а слыхалъ только мелькомъ его имя.

— «Ну, такъ скажу тебѣ, что онъ человѣкъ почтенный, старый, умный, и при томъ очень богатый. Вотъ неподалеку и отсюда есть у него превеликое село Лаптево, — не знаешь-ли ты его?»

— Какъ не знать, отвѣчалъ я: Лаптево отъ насъ недалеко и не болѣе десяти верстъ.

— «Ну, такъ это его. И у сего-то господина Брылкина, по немнѣвию дѣтей, воспитывается въ домѣ племянница; и то-то дѣвка-то; ужъ не чета сей! Какая умница, какого хорошаго воспитанія, какого поведенія, и какая охотница до книгъ и до наукъ! А и собою не дурна. А что всего важнѣе, то говорятъ, что онъ укрѣпляетъ ей болѣе трехъ сотъ душъ. Такъ вотъ невѣста-то, и ве съ твоею ее смѣнить, братъ! И сію-то хотѣлось мнѣ тебѣ предложить, и за такую-то чтобъ тебѣ посвататься».

— Но хорошо, душъ какъ дадутъ, сказалъ я на сіе. Люди это знатные и богатые; такъ куда намъ за такихъ хвататься. «Откажутъ и слова не скажутъ, и останешься только что въ стыдѣ».

— «Что таково! прервавъ мою рѣчь онъ сказалъ. Развѣ не женятся небогатые на богатыхъ, и нѣтъ развѣ тому тысячи примѣровъ. Всѣ ли только за богатствомъ однимъ гоняются? И не дороже ли инымъ человѣкъ всѣхъ богатствъ и прочаго?»

— То такъ, сказалъ я: но намъ ли быть такъ счастливымъ? Бываетъ то по особливымъ случаямъ, а намъ гдѣ ихъ взять? Великая бы разница, еслибъ жилъ я въ свѣтѣ и имѣлъ обширное знакомство; а здѣсь не имѣю я ни случая и ни малѣйшаго къ тому слѣда, — какъ напримѣръ и самый этотъ Брылкинъ совсѣмъ мнѣ незнакомъ, и какъ можно мнѣ къ нему адресоваться?

приложеніе къ «русской старинѣ» 1871 г.

— «То-то и дѣло! сказалъ мнѣ на сіе г. Писаревъ: незнакомъ онъ тебѣ, а знакомъ отчасти мнѣ, и мнѣ то-то и хочется тебя съ нимъ познакомить. — Я услышалъ, что онъ на сихъ дняхъ хотѣлъ быть въ Лаптево, и можетъ быть уже и приѣхалъ сюда. И такъ, вознамѣрился я тебѣ при семъ случаѣ помочь и тебя къ нему свозить какъ сосѣда и познакомить съ нимъ. А тамъ позвали бы мы его сюда, да и самъ онъ долженъ бы былъ приѣхать и мы могли-бъ его угостить. И тогда-бъ нужно-бъ ему тебя только узнать и о тебѣ отъ меня все услышать; такъ легко статься можетъ, что онъ тебя и полюбитъ. А нужно-бъ только тебѣ ему полюбиться, какъ и пошло-бы дѣло на лады. Онъ, какъ всѣ говорятъ, ищетъ племянницъ своей только человѣка».

Признаюсь, что слова сіи меня смутили и заставили о предложеніи этомъ болѣе думать, нежели сколько я сначала хотѣлъ. А онъ, желая меня болѣе къ тому прилѣпить и чрезъ то отвлечь мысли мои отъ госпожи Кавериной, сталъ говорить, что намъ нечего бы и медлить и наутріе-жъ бы еще послать людей провѣдать въ Лаптево о приѣздѣ г. Брылкина. И какъ я на то былъ согласенъ, то и отправили мы дѣйствительно въ Лаптево двухъ человѣкъ — я своего, — чтобъ показать дорогу, а онъ своего для распровѣдыванія.

Между тѣмъ какъ посланные наши туда ѣздили, не преставаъ онъ почти ни на минуту говорить со мною о семъ дѣлѣ, и о томъ, какъ бы ему познакомиться меня съ господиномъ Брылкинымъ, и мнѣ его у себя угостить лучше; и дабы искренности его обо мнѣ попеченія придать болѣе вѣроятности, то сталъ онъ входить даже въ мое хозяйство, и разспрашивать обо всемъ что у меня есть и чего не было изъ пужныхъ вещей къ сему угощенію. И какъ оказалось, что у меня многого не было, то совѣтовалъ онъ мнѣ все то заблаговременно искупить и приготовить, и написалъ мнѣ превеликій реестръ всѣмъ симъ недостающимъ вещамъ и всему, что мнѣ надлежало сдѣ-

латъ. И какъ недоставало у меня на тотъ разъ и самой хорошей сладкой водки, то принялся онъ самъ изъ простой водки дѣлать и готовить оную съ разными спеціями и подслащивать. И мы занимались однимъ почти тѣмъ во все теченіе дня того. Вотъ какъ хитро умѣлъ онъ придавать всему тому видъ вѣроятности.

Теперь не могу изобразить, съ какимъ нетерпѣніемъ дожидался я возвращенія нашихъ посланныхъ, и какъ много началъ я озабочиваться симъ новымъ дѣломъ. Наконецъ приѣзжаютъ наши люди, и Человѣкъ его сказываетъ намъ, что Брылкинъ еще не бывалъ, но что его ждутъ и навѣрное полагаютъ, что онъ будетъ; однако не прежде, какъ черезъ недѣлю или болѣе.

— «Ну, жалъ же мнѣ и очень жалъ сего, сказалъ на сіе мой пріятель, принявъ на себя видъ истиннаго сожалѣнія: — а особливо потому, что мнѣ такъ долго у тебя жить и его приѣзда дожидаться невозможно.... Однако, чтожъ, — власно какъ вострепнувшись продолжалъ онъ: это ни мало не мѣшаетъ и для насъ же это лучше. Ты можешь чрезъ то имѣть болѣе времени всѣмъ позапасть и все приготовить. Успѣешь и платьецо и себѣ и людямъ сшить получше и все, что я говорилъ, сдѣлать. А я между тѣмъ съѣзжу домой исправить свои нужды и получить чрезъ то болѣе свободы пожить у тебя тогда подольше. Ты же между тѣмъ провѣдывай по чаще о приѣздѣ, и какъ скоро онъ на дворъ, то присылай тотчасъ ко мнѣ нарочнаго. Я въ мигъ къ тебѣ прибѣгу, и какія бы ни случились нужды и недосуги, — всѣ для тебя, моего друга, оставлю!»

— Очень хорошо, сказалъ я, и ты пожалуй уже меня тогда не оставь, братецъ.

— «Боже мой! подхватилъ онъ: можешь ли ты въ томъ сомнѣваться, и стоить ли еще просить о томъ. Будь, сударь, единожды и навсегда увѣренъ, что я тебѣ другъ, желаю тебѣ отъ всего сердца добра, и не упущу ничего сдѣлать, что только можетъ относиться къ твоей пользѣ».

Съ симъ увѣреніемъ, которому я тогда

слѣпо вѣрилъ и не вѣрить не могъ, и разстался онъ со мною, и на другой же день отъ меня домой поѣхалъ. Чтобъ придать всему еще болѣе вѣсу, то подтвердилъ онъ мнѣ и при самомъ еще отъѣздѣ, чтобъ я присылалъ къ нему скороуше человека и тотчасъ, какъ только узнаю о приѣздѣ г. Брылкина.

— «Хорошо, хорошо! кричалъ я вслѣдъ ему: это я не упущу сдѣлать и тотчасъ къ тебѣ гонца отправлю!»

Но чтожъ воспослѣдовало? Лишь только что онъ съѣхалъ со двора, и я еще не успѣлъ засыпнуть мысли о сей новой невѣстѣ, которыми вся голова моя была во все то утро наполнена, какъ нечаянно попался мнѣ на глаза тотъ изъ людей моихъ, который посланъ былъ въ Лаптево съ его человекомъ. И вдругъ родилось во мнѣ любопытство поразспросить у него пообстоятельнѣе о томъ, что они тамъ о приѣздѣ г. Брылкина слышали — «И! спросить было мнѣ и его еще о томъ», сказалъ я самъ себѣ, и тотчасъ его къ себѣ кликнулъ. — Но какъ удивился я, когда на первый мой сдѣланный ему вопросъ о томъ, онъ съ оказаніемъ нѣкотораго удивленія мнѣ сказалъ, что онъ о приѣздѣ лаптевскаго боярина ничего не знаетъ, а напротивъ того слышалъ, что онъ нынѣшнею зимою въ Лаптево не будетъ.

— Вотъ какой вздоръ! сказалъ я: врешь ты это, братецъ! Какъ же сказывалъ человекъ. Ивана Тимоѣевича, что его ждутъ съ часу на часъ и что онъ на будущей недѣлѣ вѣрно будетъ.

— «Не знаю ужъ того, отвѣчалъ слуга мой, изумившись еще болѣе. — Правда, человекъ ходилъ къ приващнику и говорилъ съ нимъ; но и со мною стоялъ ихъ староста и мы много еще съ нимъ о томъ говорили. И какъ же бы кажется не знать о томъ старостѣ, ежелибъ его ждали. Онъ мнѣ еще сказывалъ, что недавно отъ нихъ ходилъ обозъ въ Москву съ столовымъ запасомъ и хлѣбомъ, и что приѣхавшіе именно говорили, что бояринъ ихъ въ сей годъ къ нимъ не будетъ; а сверхъ того, кабы они его ждали, то бы вѣрно топлены

были его хоромы, а то они не топятся, и я самъ видѣлъ, что и окна въ нихъ закрыты и крыльцо все занесено снѣгомъ».

— Что ты говоришь?! сказалъ я, крайне тому удивившись. И какъ же это такъ? Тотъ увѣрялъ за вѣрное, что къ приѣзду его все готово; а ты совсѣмъ противное тому говоришь!

— «Не знаю сударь, отвѣчалъ онъ. Только, воля ваша, а это неправда, и я не знаю съ чего онъ взялъ это».

— Господи! сказалъ я тогда самъ себѣ: это очень что-то мудро и удивительно... И уже нѣтъ ли и тутъ со стороны друга моего какого-нибудь фinta? И не выдуманно ли уже все и это для отвлеченія только меня тѣмъ отъ невѣсты?

Мысль сія такъ меня встревожила и смутила, что я началъ и гораздо подозрѣвать его въ обманѣ, и чѣмъ болѣе о томъ мыслялъ, тѣмъ сумнительнѣе становилось мнѣ сіе дѣло. И тогда приходили мнѣ на память и нѣкоторыя слова, говоренныя мнѣ уже нѣсколько несвязными и кои я никакъ не могъ сообразить съ прочими его о невѣстѣ сей разсказами; но я тогда ихъ какъ-то пропустилъ и не уважилъ, а теперь увеличивали и они мое подозрѣніе.

— «Что-жъ таково! наконецъ сказалъ я: удостовѣриться во всемъ этомъ не долго. Завтра же пошлю человека и велю обо всемъ распроедвать точнѣе и обстоятельнѣе»; а сіе дѣйствительно и сдѣлалъ.

Между тѣмъ какъ посланный мой туда ѣздилъ, продолжалъ я заниматься мыслями, какъ о происшествіи семъ, такъ и о самой сей невѣстѣ, и чѣмъ далѣе о томъ мыслялъ, тѣмъ болѣе уменьшалась во мнѣ охота начинать сіе новое сватовство. Обстоятельство, что была она знатнаго и богатаго дома и воспитана въ Москвѣ и въ большомъ свѣтѣ, какъ-то мнѣ весьма не нравилось. — «Ежелибъ была все то правда, говорилъ я самъ себѣ, въ чемъ старался меня мой другъ увѣрить, такъ Богъ еще знаетъ, приступить ли къ сему дѣлу. Домъ этотъ знатный и

богатый, и куда намъ небогатымъ и простымъ деревенскимъ жителямъ соваться и входить въ такую знатную родню? И не радъ будешь, какъ ввяжешься въ роднищу большую и знатную. Къ тому-жъ и невѣста, Богъ ее знаетъ, кака! Совсѣмъ она мнѣ незнакома; а что московскимъ духомъ и пышностію она набита, въ томъ нѣтъ и сомнѣнія никакого. Итакъ, пожалуй ладъ тогда съ нею. Не радъ будешь и жизни, какъ свяжешься!»

Сими и подобными тому мыслями занимался я до самого того времени, какъ возвратился мой посланный. — «Что? спросилъ я, его завидѣвъ.

— «Что, сударь! Все пустое! сказалъ онъ усмѣхаясь, и я только что въ стыдѣ остался. Прикащикъ и меня и васъ, сударь, только на смѣхъ поднялъ, и мнѣ съ перваго слова сказалъ:—что это вамъ и боярину вашему поналось? Я кажется и преждему вашему посланному и довольно ясно сказалъ, что господина нашего здѣсь нѣтъ, что мы его никогда и ждать не начинали и что у его и на умѣ нѣтъ нынѣшней зимю приѣзжать сюда. Съ чего это взяли, я истинно не знаю. Скажи это боярину своему. — Вотъ, что сказалъ мнѣ прикащикъ».

— Ну, хорошо! сказалъ тогда я, досадуя невѣдомо какъ на моего друга. Израдно-жъ онъ со мною поступилъ! Спасибо! ей, ей, спасибо! Долго-бъ было мнѣ дожидаться... Но подождетъ же онъ отъ меня теперь и присылки, и впередъ буду я уже поосторожнѣе, и не такъ легко ему во всемъ вѣрить стану!

Удостовереніе сіе, открывшее мнѣ глаза и доказавшее явно неискренность и даже самый глупый обманъ и хитрость моего друга, истребило тогда вдругъ всѣ мои о сей новой невѣстѣ помышленія и обратило ихъ опять къ преждему предмету.

«Чуть ли, говорилъ я самъ себѣ, тутъ дѣло будетъ не надежнѣе? Не лучше ли приниматься за прежнее и постараться теперь узнать о томъ, какого остались онъ обо мнѣ мнѣнія и показался ли я имъ или нѣтъ? и распроедвать, сколько можно, о томъ, чего я еще не знаю, то-

есть о нравѣ и душевнѣхъ дарованіяхъ видѣнной невѣсты. Дай-ка мнѣ теперь увидѣть мою Ивановну! Настрою я ее къ тому, сколько можно».

Сія и не преминула ко мнѣ и въ самый еще тотъ же день явиться. Ея первое слово было: «Ну что, бояринъ? Были-ль?»

— Былъ, сказалъ я.

— «И видѣли?»

— И видѣлъ.

— «Ну, какова же показалась вамъ моя Александра Михайловна и матушка ея, Марья Абрамовна?»

— Ну, что, моя голубка, отвѣчалъ я: Марья твоя Абрамовна кажется мнѣ боярыня умная и степенная, и показалась мнѣ гораздо моложе, нежели я думалъ; а и Александра твоя Михайловна дѣвушка кажется изрядная и ростомъ довольно уже великонька и болѣе, нежели я думалъ. Но все молода, и очень, очень молода!

— «Объ этомъ нѣтъ и спора, сказала она: это я вамъ напередъ уже сказывала. Но вопросъ теперь, полюбилась ли она вамъ?»

— Богъ знаетъ, сказалъ я, Ивановна; чтобъ полюбилась она мнѣ, и полюбилась очень, того не могу я сказать. Но какъ и полюбиться, когда она почти сущій еще ребенокъ; но, по крайней мѣрѣ, она не дурна собою и мнѣ ни мало не противна.

— «Ну такъ и слава Богу, сказала на сіе Ивановна. Это-то и надобно, и этого уже довольно; а полюбиться она уже полюбится, дай-ка ей только повозмужать и повырость больше... Но какъ же вы теперь думаете?» спросила она меня далѣе.

— А я думаю то, сказалъ я: что мнѣ хотѣлось бы теперь знать, каковъ казался я имъ, а особливо невѣстѣ, и какого онѣ обо мнѣ мнѣнія?

— «О! это не долго узнать, сказала она; мнѣ нужно только побывать у нихъ. Онѣ мнѣ все скажутъ».

— Ну слушай же, Ивановна; когда такъ, то сдѣлай же ты мнѣ одолженіе и съѣзди туда. Но знаешь ли, съѣзди такъ, какъ бы сама отъ себя, а не отъ меня нарочно, и не бери съ собою моего человѣка, а поѣзжай,

хоть на моей лошади, но съ своимъ сыномъ, чтобъ тѣмъ лучше могли онѣ тому повѣрить. И пожалуй, распрощай обо всемъ хорошенько, особливо о томъ, не противень ли я самой невѣстѣ-то. Ежели дойдетъ рѣчь до меня, то ты скажи, что ты меня видѣла, что онѣ мнѣ всѣ полюбились; но что я тебя къ нимъ еще не посылалъ и ничего еще съ тобою не приказывалъ, и что не знаю о томъ, что ты и поѣхала. А буде стануть онѣ говорить для чего и приѣзжалъ не одинъ, то скажи, что сіе случилось нечаянно и не нарочно; что гость сей мнѣ пріятель и приѣхалъ ко мнѣ ввечеру передъ тѣмъ днемъ, какъ ѣхать; что я ему и не радъ былъ и что по необходимости принужденъ былъ взять его съ собою.

— «Хорошо, хорошо, батюшка, сказала мнѣ на сіе Ивановна: но скажите вы мнѣ, говорили ли вы что-нибудь съ невѣстою и умна ли она вамъ показалась?»

— Нѣтъ, моя голубка! И можно-ль было мнѣ съ нею говорить о чемъ-нибудь, а особливо по ея молодости. Я и съ матерью ея очень мало говорилъ, а потому и смущаетъ меня теперь наиболѣе то, что я не могу ничего еще судить о ея разумѣ и боюсь пуще всего, что не глупа ли она. Итакъ, пожалуй-ста, какъ можно пораспрощай моя голубка о томъ, умѣетъ ли она по крайней мѣрѣ грамотѣ и читать и писать, и не охотница ли читать книги? Куда бы мнѣ хотѣлось, чтобы она была къ сему сколько-нибудь охотница и мнѣ могла-бы въ томъ сколько-нибудь сотовариществовать. Также поразвѣдай, сколько тебѣ будетъ можно, и о томъ, къ чему она наиболѣе охотница; также не дурного ли нраву. Дурной нравъ вѣдь и смаленьку уже въ человѣкѣ примѣтенъ, и этого я боюсь всего болѣе. А постарайся также узнать и о склонностяхъ и охотахъ ея матери, мнѣ и о томъ нужно бы очень знать.

— «Хорошо, хорошо, сказала она: я постараюсь, сколько мнѣ только можно будетъ узнать, и расскажу вамъ потомъ все и все; а также и о томъ поразвѣдаю ихъ мысли, какъ же бы онѣ теперь располагались

и согласились ли-бѣ ее за васъ отдать, еслибъ вы того уже стали желать и требовать».

— Очень хорошо, моя голубка, сказалъ я. Ступай же съ Богомъ и ежели можно, то завтра же поѣзжай къ нимъ; а чтобъ лучше обо всемъ узнать, то побудь у нихъ хоть день-другой лишній.

— «Очень хорошо, сказала она. А благо кстати смыу моему есть крайняя нужда побывать въ Тулѣ,—такъ и пускай онъ оттуда въ нее проѣдетъ и тамъ надобности свои исправитъ; а я между тѣмъ и останусь погостить у нихъ».

— Всего лучше, сказалъ я: ты и сказать можешь, что по случаю самой сей бѣды его въ Тулу, ты къ нимъ и приѣхать вздумала.

Она и дѣйствительно все такъ сдѣлала, какъ говорено было, и дней черезъ пять возвратившись назадъ, тотчасъ и прилетѣла ко мнѣ, съ нетерпѣливостью и крайнимъ любопытствомъ ее дожидавшемуся.

— Ну, что, моя голубка, Ивановна? спросилъ я ее увидѣвъ. Издила ли ты, и что вѣстей?

— «Цѣлый коробъ привезла ихъ къ намъ, баринъ! отвѣчала она: и все хорошихъ. Полюбитесь вы пмъ полюбились всѣмъ. Онѣ все васъ хвалятъ, говорятъ объ васъ хорошее и довольны всѣмъ вашимъ поведеніемъ».

— Неужели? спросилъ я: слышала ты тоже и отъ невѣсты самой?

— «Ну вѣтъ! отвѣчала на сіе Ивановна. И надобно солгать, ежели сказать, что слышала все тоже и отъ самой невѣсты. Отъ сей, по молодости ея, трудно сего добиться. Она, какъ ни была ко мнѣ до сего ласкова и какъ меня ни любила; но съ того времени, какъ узнала о моемъ сватовствѣ, и смотрѣть на меня и говорить со мнѣю не хочетъ. И ей, что ни говори, такъ либо молчать, либо плачь, либо, застыдившись, уйдетъ прочь. Отъ ней не могли еще того и всѣ родные ея добиться, чтобъ она сказала, каковы вы ей кажетесь. Но по крайней мѣрѣ и то уже хорошо, что она не противится и не проситъ, чтобъ сіе дѣло оставили. А

когда-бъ противны были вы, такъ бы вѣрно она сказала. Вотъ вамъ все, что я могла узнать объ невѣстѣ вашей. А впрочемъ грамотѣ она мастерица и читать и писать умѣетъ и когда заставляетъ ее матушка, то читаетъ и книги. Сама же Марья Абрамовна охотница и любить читать книги, а притомъ и очень богомольна».

— Ну, это хорошо, сказалъ я. А о нравѣ-то, Ивановна! распроедывала ли ты?

— «Распроедывала и спрашивала кое-кого и о томъ, батюшка. Но это всего труднѣе еще узнать, и по молодости ея нельзя и судить еще о томъ. Теперь она кажется хорошаго и ласковаго нрава, такъ какъ и матушка ея, очень хорошаго нрава и поведенія; а впередъ какъ выростетъ, Богъ знаетъ, какова будетъ, это не можно еще никому узнать. Нравы, какъ извѣстно, съ дѣтами переменяются. Также и о склонностяхъ ея нельзя еще ничего судить».

— То-то и дѣло, сказалъ я и задумался, а она продолжала далѣе:

— «А то только я слышала, что она рукодѣлка, не вѣтрена, не рѣзна; любитъ заниматься чѣмъ-нибудь, и въ домашнемъ хозяйствѣ матери уже во многомъ помогаетъ».

— Это все хорошо, сказалъ я опять, перехвативъ ея рѣчь. Но нравъ-то, нравъ-то и неизвѣстность его ужасно меня устрашаетъ! Ну, если она да дурного будетъ нрава, что ты тогда изволишь? Развѣ уже въ этомъ случаѣ полагаться на волю божескую и свое счастье?

— «Конечно, сказала она: другого не остается, и нравъ узнать во всякой невѣстѣ трудно, колыми паче у такой молодой».

— То такъ, сказалъ я: кто ихъ узнаетъ; въ дѣвухахъ во всѣхъ нравы хороши, какъ говорятъ; но послѣ-то выходитъ часто иное. Но чтожъ еще скажешь ты мнѣ, Ивановна?

— «А то, что товарищъ вашъ, съ которымъ вы приѣзжали, имъ всѣмъ какъ-то не очень нравился. И слава Богу, что вы мнѣ сказали, что случилось это нечаянно и что вы по неволѣ принуждены были взять его

съ собою. Этимъ успокоила я ихъ; а то было это имъ не очень пріятно, и они погодовали и на васъ за то».

— Вотъ изволь, пожалуй! сказалъ я: что онъ мнѣ надѣлалъ, и теперь понимаю я, что онъ съ умысломъ тамъ себя дурачилъ, и такъ себя велъ, какъ я нимаю не ожидалъ отъ него. Но о дѣлѣ-то самомъ, какъ же они думаютъ и что съ тобою говорили?

— «Что, батюшка, о дѣлѣ-то самомъ и теперь говорятъ они все тоже, что говорили прежде,—что по молодости ея начинать его никакъ еще не можно и что прежде о томъ и думать они не хотятъ, покуда не совершится ей 13 лѣтъ».

— Но когда-жъ это будетъ? спросилъ я

— «Дождаться правда и сего не долго, отвѣчала она. Имянинницей вотъ будетъ она въ великій постъ. Итакъ, все дѣло, чтобъ только подождать до весны».

— Ну, это куда бы уже не шло, сказалъ я. Можно и до лѣта, а хотя и до осени еще свадьбою подождать. Пускай бы себѣ подросла она. Я и самъ тѣмъ болѣе могъ бы имѣть времени исправиться всѣмъ и приготовиться къ свадьбѣ.

— «То такъ, батюшка, подхватила Ивановна. Но страшно, чтобъ въ это время не произошло и тамъ отъ злыхъ людей какихъ-нибудь каверзъ. Мнѣ и такъ уже отчасти слыхнулось, что есть у нихъ тамъ сосѣдка, и пріятельница имъ, по имени Аграфена Ивановна, и что этой старушкѣ, Богъ знаетъ, что-то вздумалось разбивать все наше дѣло. Для меня удивительнѣе всего то, что не выдавъ васъ въ глаза и не зная васъ нимаю, а коритъ васъ всячески; и когда уже не чѣмъ инымъ, такъ уже сущей и смѣшною пебылицею. Затѣй и насажи на васъ; да комужъ?—самой Александръ Михайловнѣ, что вы и колдунь-то, и чернокнижникъ, и Богъ знаетъ что».

— Что ты говоришь? захохотавъ се-му, воскликнулъ я... Неужели въ самомъ дѣлѣ?

— «Точно такъ, говорила она. И я сама уже тому смѣялась, смѣялась, да и стала и мнѣ старушка эта ни вѣсть

какъ досадна. Какъ это можно молотъ такой вздоръ и ввухать его ребенку... А та, по молодости и по любви своей къ ней, повѣривъ тому, и ну плакать».

— Ну спасибо же этой Аграфенѣ Ивановнѣ, сказалъ я. Есть право за что спасибо сказать. Да не съ ума ли она сама спятить изволила? И сходно ли съ разумомъ повѣрять тому, еслибъ кто и сталъ ей то сказывать. И не глупо ли истинно, чѣмъ меня разкорить хочеть?... Но неужели и сама мать ея тому же вѣрять?

— «И! нѣтъ, отвѣчала она. И какъ можно этому вѣрять. Однако, какъ бы то ни было, во все непріятны и опасны такія каверзы, а потому и кажется, что имъ все еще хочется получить болѣе времени объ васъ хорошенько и обстоятельнѣе распроевѣдать».

— Пожалуй, сказалъ я, распроевѣдывай себѣ, какъ хотятъ. Чего нѣтъ, то и будетъ нѣтъ, и злые люди что ни стали-бъ выдумывать и сами отъ себя затѣвать, но правда сама собою послѣ откроется. Досадны только этикіе глупцы и негодяи!... Ха! ха! ха! Уже въ чернокнижники и въ колдуны меня пожаловали! И можно ли чему глупѣе и смѣшнѣе такого вздора быть? А все, небось, потому, что я охотникъ до книгъ, до наукъ и до всякихъ руководѣлій и знаю кой-какія хитрости.

— «Конечно, сказала она. И у насъ-таки между чернью мало ли какого вранья объ васъ».

— Что ты говоришь, Ивановна?—Ну, не зналъ же я... Право не зналъ, что и отъ знанія наукъ можно нажить себѣ молву дурную... Ха! ха! ха! Но воля ихъ, и чтобъ они ни говорили, во съ науками не разстанусь я ни для кого и ни для чего въ свѣтѣ! Ну, какъ-же, сказалъ я наконецъ своей свахѣ: такъ намъ и быть, и опять остаться ни на чемъ?

— «Видно, что такъ, отвѣчала она мнѣ: но по крайней мѣрѣ не далѣе, какъ до весны, или до лѣта. А тогда мы можемъ и опять приступить къ нимъ».

— Конечно, сказалъ я: а между тѣмъ не

трафится ли еще и другая какая невѣста!

Симъ кончилась тогда наша пересылка; а какъ нечувствительно письмо мое достигло до обыкновенныхъ своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ и оное симъ кончить, и сказать вамъ, что я емь, и прочая...

ПРІВЪЗДЪ НЕОЖИДАЕМОЙ И ПРИЯТНОЙ ГОСТЫИ.

Письмо 113-е.

Любезный пріятель! Вѣсти, привезенныя мнѣ моею Ивановною и все пересказанное ею мнѣ повергло меня опять въ превеликое недоумѣніе и нерѣшимость, что мнѣ дѣлать. Я занялся опять мыслями и сумнѣвіями разными о предназначаемомъ дѣлѣ, и смущаемъ былъ ими тѣмъ болѣе, что не имѣлъ никакихъ дальнихъ побудительныхъ причинъ къ продолженію сего дѣла и къ послѣшвенію онымъ. Въ особенности же огорчало меня то, что не имѣлъ я никого, съ кѣмъ бы можно было о томъ поговорить и посовѣтовать, и ктобы могъ подать мнѣ искренній и благоразумный совѣтъ при тогдашнихъ моихъ критическихъ обстоятельствахъ.

О пріятелѣ своемъ, господинѣ Писаревѣ, пересталъ я и думать. Явное пристрастіе послѣдняго его со мною поступка и очевидный опытъ неискренности его дружбы отвлекъ меня совсѣмъ отъ онаго и побуждалъ еще болѣе таяться отъ него въ семъ дѣлѣ, нежели прежде. Изъ другихъ не хотѣлось мнѣ также никому въ семъ дѣлѣ открыться. Старика, дяди моего родного, тогда не было въ деревнѣ, а жилъ онъ, по обыкновенію своему, всю зиму въ Москвѣ. Старика, дѣда моего, генерала оставилъ я при томъ мнѣніи, что невѣста показалась мнѣ слишкомъ еще молода, и ему въ истинномъ расположеніи своемъ и нерѣшимости не хотѣлось мнѣ также открыться, отчасти для неискренности его со мною обхожденія, а отчасти изъ опасенія, нѣтъ ли дѣйствительно у жены его на умѣ, женить меня на своей дочери, что послѣ и оказалось въ самомъ дѣлѣ. Итакъ, оста-

валась одна только Ивановна; но и сія болѣе только желала мнѣ невѣстою своею услужить, нежели въ состояніи была подать совѣтъ благоразумный. А посему и горевалъ я о семъ недостаткѣ добрыхъ совѣтниковъ и не зналъ, что мнѣ дѣлать.

Но по счастью мучительное сіе состояніе продолжалось недолго. Не успѣло нѣсколькихъ дней пройти, какъ вдругъ однимъ днемъ взвѣзжаютъ ко мнѣ на дворъ гости въ дорожномъ возкѣ и съ кибиткою за онымъ. «Господи, кто бы это такой былъ?» говорилъ я самъ себѣ, смотря въ окошко, удивляясь и не въ состояніи будучи догадаться, кто-бы это такой былъ. Но удивленіе мое увеличилось еще несказанно, когда въ окно увидѣлъ я выходящую изъ возка боярыню. Въ крайнемъ недоумѣніи выбѣгаю я въ сѣни, чтобъ ее встрѣтить. Но какимъ пріятнымъ восторгомъ поразила я, узнавъ въ ней старшую сестру мою, госпожу Неклюдову, Прасковью Тимоѣевну.

— Ахъ, Боже мой! возонилъ я, бросившись въ ея объятія. Ахъ матушка сестрица; откуда ты это взялась? И могъ ли я себѣ воображать, чтобъ я такъ счастливъ былъ, чтобъ видѣть тебя у себя въ деревнѣ! Не самъ ли Богъ тебя ко мнѣ прислалъ въ такое время, когда ты мнѣ всего нужнѣе.

Радостныя слезы текли тогда у меня изъ глазъ, а и она, таковыя же обтирая, шла за мною, ведущимъ ее въ свою хижину. «Поди-ка, моя мать! и посмотри мое житье-бытье. И какъ это тебя Богъ принесъ въ домъ дѣдовъ и родителей нашихъ, и вздумалось посѣтить меня въ моемъ уединеніи?.. О, какъ много я тебѣ благодаренъ!»—Сказавъ сіе, принялся я опять цѣловать у ней руки и лицо.

— «Молчи, молчи, братецъ! Дайка мнѣ обогрѣться сколько-нибудь, а то все тебѣ расскажу!... И! какъ у тебя тепло и хорошо здѣсь! Какіе это прекрасные покойцы ты себѣ сдѣлалъ, и какъ убралъ здѣсь все такъ хорошо! И не узнаешь ихъ! Это были, конечно, наши прежнія кладовыя?»

— Точно такъ! сказалъ я, и вода по всѣмъ онѣмъ, показывалъ ихъ ей.

— «Ну, а тамъ? спросила она: гдѣ мы прежде жила, чѣмъ у тебя?»

— Тамъ все-таки по прежнему и такъ, какъ было, сказалъ я.

— «О! поведи же меня, братецъ, и въ ту половину, подхватила она. Хочу нетерпѣливо видѣть еще разъ тѣ мѣста, гдѣ я родилась, воспитывалась, гдѣ жила въ малолѣтствѣ... и поклониться моленію предковъ нашихъ.»

— Изволь, моя мать, — и введя въ прежнюю нашу большую горницу, ей сказала: вотъ наша старинная передняя! Видите, вся потемнѣла она уже отъ древности.

Сестра не успѣла войти въ нее, какъ поверглась предъ образами, которыми установленъ былъ еще весь передній уголъ въ оной.

— «Да, сказала она: вотъ она, и точно еще въ такомъ же видѣ, въ какомъ оставила я ее, отъѣзжая въ послѣдній разъ съ покойною матушкою отсюда. И понинѣ еще съ удовольствіемъ вспоминаю я, какъ малывалась я предъ теми образами по утрамъ, находясь еще въ дѣвкахъ.»

Послѣ сего вошли мы съ нею въ угольную, съ которою производимы были мною столь многія перемены.

— «Вотъ эта уже совсѣмъ не такова, какъ была прежде, сказала она: но мѣста въ ней мнѣ всѣ памяты. Вотъ здѣсь, братецъ, висѣла колыбель твоя, какъ былъ ты еще махенькой, и я помню и понинѣ, какъ я тебя здѣсь иногда качивала. А вотъ здѣсь стояла кровать покойной матушки. Не знаешь ли, братецъ, на которомъ мѣстѣ скончалась она?»

— Вотъ здѣсь сказалъ я, указывая на передній уголъ. Сюда, какъ мнѣ сказывали, переставлена была кровать съ нею, и тутъ испустила она свое послѣднее дыханіе и преселилась въ вѣчность.

Слеза покатила тогда изъ глазъ сестры моей. Она поклонилась сему мѣсту и, отворотясь, утирала ихъ платкомъ своимъ. Потомъ пошли мы въ комнату, и сестра,

указывая мнѣ знакомыя ей еще мѣста въ оной, говорила: «Вотъ здѣсь сыпали мы съ сестрою, а вотъ тутъ родился ты, братецъ. О какъ мила мнѣ и понинѣ горница сія, гдѣ жила мы въ малолѣтствѣ».

Не успѣлъ я ее обводить и возвратиться въ свои комнаты, какъ просилъ я удовольствоваться мое любопытство, и рассказать, какимъ образомъ и по какому счастливому случаю я ее у себя вижу.

— «А вотъ по какому, сказала она: у меня давно было обѣщаніе създѣть помолиться къ Нилу Столобенскому чудотворцу, въ монастырь, что на озерѣ Селигерѣ близъ Осташкова. А какъ оттуда не очень далеко было уже и до Москвы, то и восхотѣлось мнѣ побывать еще разъ на свою родину и посмотрѣть мѣста сіи, которыя я столь многіе годы и съ самаго моего замужства не видала; повидаться съ тобою, братецъ, посмотрѣть твое житие-бытие, а потомъ проѣхать въ Кашинъ и повидаться съ сестрою, Марѳою Тимоѣевою, у которой я также никогда еще не была и слышу, что она, бѣдная, нездорова. Не отпустить ли она со мною старшую дочь свою: мнѣ хотѣлось бы ее взять у ней къ себѣ.»

— Это очень бы хорошо, матушка сестрица! сказалъ я: а то сестра какъ-то очень нездорова и я боюсь, чтобъ не лишиться намъ ея; а вы знаете, каковъ зять нашъ, Андрей Федоровичъ.

— «То-то и дѣло! сказала она. Но скажи же ты мнѣ, какъ ты поживаешь, братецъ? Все ли ты здоровъ?»

— Слава Богу.

— «Не скучилось ли тебѣ жить въ одиночествѣ?»

— То есть тотъ грѣшокъ, сказалъ я: и потому помышляю уже о томъ, какъ бы нажить себѣ и товарища и жениться.

— «Давной пора, братецъ! сказала она. Но есть ли невѣсты-то, и нашелъ ли ты себѣ какую?»

— То-то и бѣда-та наша, отвѣчалъ я: невѣсты много; но все какъ-то не по мнѣ. А есть одна на примѣтѣ; но и въ разсужденіи той не знаю, какъ рѣшиться. Такая бѣда, что и посовѣтовать не съ

къмъ. Но теперь, славу Богу! и я очень радъ, что ты ко мнѣ приѣхала. Съ тобою, моя матушка, могу я лучше всѣхъ о томъ поговорить и посовѣтовать, и самъ Богъ тебя ко мнѣ принесть.

— «Очень хорошо, братецъ! сказала она. И какъ я у тебя недѣлю-другую пробыть расположилась, то и поговоримъ о томъ, сколько тебѣ надобно. И какъ бы я рада была, еслибъ могла тебѣ сколько-нибудь въ семь случаѣ помочь».

Я поцѣловаль у ней за сіе обѣщаніе руку, и спѣшилъ скорѣе обогрѣвать ее съ дороги согрѣтымъ чаемъ.

Между тѣмъ какъ я ее имъ потчиваль, собрались всѣ старѣйшіе изъ людей моихъ, мужчины и женщины, которые видали ее еще незамужнею и были живы, и пришли просить, чтобъ она имъ себя показала и дозволила имъ перецѣловать у себя руки. Сестра съ превеликою охотою на то согласилась и, напившись чаю, вышла къ нимъ въ лакейскую, и тогда представилась глазамъ моихъ сцена весьма трогательная. Всѣ во множество голосовъ восклицали тогда: «Ахъ, матушка наша, Прасковья Тимоеевна!» И всѣ на прерывъ другъ предъ другомъ спѣшили цѣловать ея руки и изъявлять несприворную радость свою о томъ, что Богъ допустилъ ихъ еще прежде смерти своей ее увидѣть. Всякая изъ женщинъ, подходя къ ней, напоминала о себѣ и сказывала свое имя. Сестра помнила еще всѣ оныя и многихъ изъ нихъ узнавала, а другимъ дивилась, что они такъ состарѣлись и перемѣнились, что и узнать ихъ было не можно. Со всѣми ими она перецѣловалась, со всѣми поговорила, и всѣмъ приказала наутрѣ опять собраться и притить къ себѣ, чтобъ могла она ихъ одѣлать привезенными имъ гостинцами.

Какъ скоро сестра моя отдохнула сколько-нибудь отъ дорожныхъ безпокойствъ и наступилъ вечеръ, уединившій насъ отъ людей; то стала требовать она, чтобъ удовлетворялъ я чрезмѣрное ея любопытство и рассказалъ ей о моихъ сватовствахъ и невѣстахъ. И тогда, усѣвшись съ нею въ уголокъ, и рассказалъ я ей все

и все, съ самаго начала и до конца, и не утаилъ отъ ней ничего изъ всего писаннаго и сообщеннаго вамъ въ предсѣдовавшихъ моихъ письмахъ. И доведя наконецъ повѣствованіе свое до самаго послѣдняго случая и происшествія, изобразилъ ей всю тогдашнюю мою нерѣшимость, пересказаль все, что меня къ невѣстѣ прилѣпляло и всѣ тѣ сумнительствы, которыя меня утрашали и отвлекали отъ оной, и требоваль наконецъ отъ нея совѣта, какъ бы мнѣ поступить при семь случаѣ было лучше.

Сестра моя слушала всѣ слова мои съ величайшимъ вниманіемъ, и наконецъ, подумавъ, сказала:

— «Не знаю, братецъ, я и сама, что мнѣ тебѣ сказать на сіе, и какой совѣтъ лучше дать при такихъ твоихъ обстоятельствахъ. А желала-бъ я и очень желала, еслибъ только можно было, чтобъ мнѣ самой невѣсту эту и мать ея видѣть, и тогда бы я уже могла сколько-нибудь надежнѣе мой совѣтъ тебѣ предложить».

— Хорошо бы, сестрица, сказалъ я, и очень бы это хорошо. Я и самъ желалъ бы того, чтобъ вы ее увидѣли, и это всего-бъ лучше было. Но какъ же бы это сдѣлать-то? — вотъ вопросъ. Развѣ поговорить о томъ съ моею Ивановною, не придумается ли она къ тому какого способа.

— «Это дѣло, и хорошо, братецъ, отвѣчала она. И пошли-ка ты завтра поутру за нею. Благо и безъ того мнѣ эту старушку видѣть хочется, и ее поблагодарить за ее объ тебѣ попеченіе».

Сіе я на другой день и сдѣлалъ. А между тѣмъ, покуда ѣздилъ туда нашъ посланной, явился къ намъ нашъ приходской попъ, — тотъ отецъ Иларіонъ, о которомъ я имѣлъ уже случай вамъ пересказывать. Онъ не успѣлъ услышать о приѣздѣ сестры моей, какъ восхотѣлъ ее видѣть того часа, и побѣжалъ къ намъ. И сестра моя, знавшая его еще въ малолѣтствѣ, была очень рада, что нашла его еще въ живыхъ, и не могла съ нимъ обо всемъ и обо всемъ наговориться довольно.

мнѣ совсѣмъ не по мыслямъ, а развѣ доведеть меня до того самая крайность и я не найду себѣ никакой иной и лучшей невѣсты. Все сіе внушили мы нѣмкѣ точно такимъ же образомъ сторопою, и будто въ шуткахъ и издѣвкахъ, какимъ образомъ сама она начинала свое сватовство, и были очень довольны тѣмъ, что сватовство сіе было не формальное, и что намъ можно было отъ невѣсты сей учтивымъ и необходимымъ образомъ отыгратъся.

Въ послѣдующій день и прежде еще узнанія нашего отвѣта, не преминула посѣтить насъ и сама генеральша и привезла съ собою и дочку свою, разрядивъ ее въ прахъ и какъ можно лучше. И какъ тогда намѣреніе ея было уже намъ свидѣно, то и смѣялись мы внутренно сему ея предпріятію, и я самъ въ себѣ говорилъ: «Тщетны всѣ ваши труды и старанія, мои государыни! Не прельстите вамъ меня сими уборами. Знаемъ мы вдоль и поперекъ, какова она, и симъ блескомъ не обманемся.»

Въ самое то-же время приѣзжалъ къ намъ и любезный сесѣдъ мой, г. Ладыженскій, съ своею женою; ибо какъ скоро отъ меня узнали, что сестра моя ко мнѣ приѣхала, какъ захотѣли ее видѣть и съ нею познакомиться. Сестра моя была очень довольна посѣщеніемъ ихъ, и жену г. Ладыженскаго, за ласковость, откровенность и простодушіе ея, откровенно полюбила. И какъ они-у насъ долѣе остались пезели генераль и генеральша, то, по отѣздѣ ихъ, госпожа Ладыженская прямо намъ сказала: что она готова побожиться, что генеральша съ умысла привозила свою дочку, но было бы смѣшно, еслибъ я тѣмъ далъ себя прельстить и вздумалъ бы на ней жениться, ибо ей она также что-то не нравилась. А симъ разговоромъ своимъ она еще болѣе насъ побудила отклонить отъ себя какъ можно сіе сватовство.

Наконецъ, какъ на другой день послѣ того возвратился нашъ и отецъ Иларіонъ и привезъ къ сестрѣ моей и поклонъ, и согласіе на предлагаемый заѣздъ и самое приглашеніе ее къ тому; то не стала се-

стра моя долѣе медлить, но тотчасъ въ путь сей отправилась. Она расположила ѣзду свою такъ, чтобъ ей приѣхать въ домъ къ госпожѣ Кавериноу тотчасъ послѣ обѣда, посидѣть у ней до вечера, и буде не уймуть почевать, то продолжать бы путь свой далѣе къ Тулѣ и почевать хоть на дорогѣ. Какъ условлено было, чтобъ быть всему тутъ запросто и чтобъ свиданіе сіе было совсѣмъ не нарядное, то и не заботилась сестра моя нимало о томъ, чтобъ одѣться получше, и думая, что тамъ никого не будетъ постороннихъ, и расположилась заѣхать прямо по дорожному.

Но къ несчастію случилось совсѣмъ неожиданное, и она, приѣхавъ, нашла тутъ не только помянутую тетку невѣсты моей, госпожу Арцыбашеву, но и сестру ея, госпожу Крюкову съ ея мужемъ, и всѣхъ ихъ приѣзда ея нарядно дожидавшихся. Сія неожиданность такъ сконфузила и смутила сестру мою, что она, съ досады, что ее власно какъ подманули, не согласилась никакъ у нихъ почевать, — хотя они ее и унимали, а особливо для присутствія г-жи Крюковой, которая ей, по бойкому и къ пересудамъ склонному ея нраву и характеру, какъ-то очень неполюбилась, — а поѣхала отъ нихъ прочь и ночевала въ первой деревнѣ, случившейся на дорогѣ отъ нихъ къ Тулѣ.

Тутъ досадовала она невѣдомо какъ на попа нашего, думая, что онъ не такъ имъ и намъ пересказалъ, какъ съ обѣихъ сторонъ было приказано. Но послѣ открылось, что онъ тому не виноватъ былъ, а произошло приглашеніе къ сему случаю госпожи Арцыбашевой отъ того что мать невѣсты откровенно съ нею жила дружно и ничего безъ ней и совѣта ея не дѣлала. А приѣздъ господина Крюкова случился нечаянный. Онъ, ѣдучи изъ гостей и ничего о томъ не зная, къ нимъ тогда заѣхалъ и почевать у нихъ расположился. Сборы же и приготовленія ихъ къ принятію гостей произошли отъ того, что сколько отецъ Иларіонъ ихъ ни увѣрялъ, что сестра моя будетъ одна, одна-

ко они тому не вѣрили, а завѣрное полагали, что и я съ нею къ нимъ буду.

Но какъ-бы то ни было, но сестра моя у нихъ была, и хотя за помянутыми гостями и не удалось ей и съ невѣстою и съ матерью ея столько поговорить, сколько ей хотѣлось; но по крайней мѣрѣ она ихъ видѣла и сколько-нибудь и понятіе объ нихъ получила, а сего по нуждѣ было и довольно.

Между тѣмъ я, о томъ ничего не зная, не вѣдая, находился дома и съ великимъ нетерпѣніемъ дожидаясь обратнаго приѣзда сестры моея.

— Что, матушка сестрица? спросилъ я ее по возвращеніи оной.

— «Что, братецъ! Была, видѣла, и со всѣми ими и даже съ ближними ея родными спознакомилась».

— Какъ это? Развѣ и родные были? спросилъ я.

— «То-то мое было и горе, сказала она. Я понадѣялась, и приѣхала запросто и въ тѣхъ мысляхъ, что никого не будетъ; а погляжу — полна горница народа, и я сгорѣла даже отъ стыда».

— Господи! но какъ же это такъ сдѣлалось?

— «Ужъ всего того не знаю. Однако мнѣ не велика нужда до иныхъ и что-бы ни стали говорить обо мнѣ. А особенно была тутъ какая-то Анна Васильевна!.. О! уже это Анна Васильевна! Пересудить кажется всякаго насквозь и процѣдить до чиста. Сестра ея, Матрена Васильевна, кажется не такова и лучше. А мать дѣвушки-то кажется женщина умная, степенная и не вертопрашка, и мнѣ она полюбила».

— Ну, а дѣвушка-то? спросилъ я съ трепещущимъ сердцемъ.

— «И она кажется изрядная, братецъ! Недурна собою, и какъ повыровняется, то будетъ и гораздо еще лучше. А показалось мнѣ также, что она и неглупа. А впрочемъ, Богъ ее знаетъ! Въ такое короткое время можно ли узнать какова она, и что-нибудь замѣтить въ оной. Для помянутыхъ гостей принуждена была я сидѣть и чиниться и не то говорить,

что бы мнѣ хотѣлось, а то, чего требовали чины и благопристойность. И мнѣ невѣдомо какъ жаль, что сіе такъ, а не иначе случилось, и что сіи гости помѣшали мнѣ разсмотрѣть и узнать дѣвушку сію короче».

— Экое горе! сказалъ я: сожалѣю и я о томъ, но думаю, что случилось сіе не съ умысла, а конечно, не нарочно какимъ-нибудь образомъ. Но какъ бы то уже ни было и какъ бы ни случилось; но чтожь сестрица, какой совѣтъ ты мнѣ теперь подашь?

— «Что, братецъ! Ежели истину тебѣ сказать, то желала-бы я, и всѣмъ сердцемъ и душою желала-бы, чтобы имѣть тебѣ невѣсту лучше и совершеннѣе этой. Но то-то бѣда, не изъ своего стада и не выберешь. Говорится въ пословицѣ: «я радъ бы въ рай, но грѣхи не пускаютъ.» Самъ ты говоришь, что невѣсть не слишкомъ много, и что никакой иной нѣтъ у тебя въ особливости на примѣтъ. Итакъ, Богъ знаетъ, когда-то другая случится,—и чтобы не прождать тебѣ того нѣсколько лѣтъ сряду, а что того хуже, не влюбиться бы опять въ какую и не жениться на такой, которая въ десять разъ и хуже этой, и о которой сталъ бы послѣ, какъ любовь пройдетъ и погаснетъ, самъ раскаиваться. А какъ тебѣ, по всѣмъ обстоятельствамъ твоимъ, женитьбою поспѣшать надобно, то мой тебѣ згадъ, братецъ, не забиваться въ даль. И благо невѣста есть и есть такая, которая тебѣ непротивна и всѣмъ обстоятельствамъ твоимъ подѣ стать; такъ нечего-бы долго и думать, а помолясь Богу и возложивъ на него всю надежду и начинать бы формально свататься. Вѣдь, Богъ знаетъ, ни то найдешь лучше, ни то нѣтъ. А что она молода, это нисколько не мѣшаетъ, ростомъ она и теперь уже великонька, а къ лѣту еще болѣе поднимется... Погляди, какая выростетъ!.. А что касается до неизвѣстности ея нрава, то нравъ и во всякой невѣстѣ трудно узнать, и всегда и въ разсужденіи и всѣхъ будетъ такая же неизвѣстность. Тутъ есть какая-нибудь надежда на молодость ея, а въ разсуж-

деніи другой и урослой и того быть не можетъ. Больше-жъ всего мнѣ то нравится, что она одна только и есть дочь у матери и что мать ея должна будетъ жить вмѣстѣ съ вами, и можетъ до поры до времени быть хозяйкою въ твоёмъ домѣ и не такою вѣтреною, каковыми бывають иногда молодыя жены».

Вотъ что говорила мнѣ сестра; и я слушалъ всѣ сіи слова съ величайшимъ вниманіемъ, и не перебивая ни однимъ словомъ ея рѣчи. Наконецъ, какъ она перестала говорить, сказалъ я ей:

— Ну, такъ такъ-то, сестрица, и ты мнѣ совѣтуешь жениться на этой?

— «Съ Богомъ братецъ, съ Богомъ... и сколько мнѣ кажется, то сама судьба избрала и назначаетъ тебѣ сію, а не иную какую невѣсту... Теперь-таки и сдѣлай имъ удовольствіе и подожди, покуда совершится ей тринадцать лѣтъ, а съ весны и начинай съ Богомъ свататься формально, и помышлять о томъ, чтобъ веселымъ иррекомъ да и свадьбу; а между тѣмъ заблаговременно и приготовляйся по-маленьку къ тому... Вотъ, и съ хоромами— продолжала она — надобно тебѣ будетъ еще что-нибудь сдѣлать. Такъ имъ остаться не можно. Въ сихъ маленькихъ трехъ горенкахъ тебѣ жениться и послѣ съ женою и тещею жить будетъ слишкомъ тѣсно».

— Конечно, сказалъ я: это я и самъ уже думалъ, и расскажу вамъ, сестрица, что у насъ мнѣ есть сдѣлать и какъ хочется мнѣ объ половинѣ хоромъ соединить вмѣстѣ, и получить чрезъ то гораздо болѣе простора.

Послѣ чего рассказалъ я ей все мое намѣреніе. Она похвалила оное, но не думала, чтобъ сіе было возможно; однако я увѣрилъ, что въ томъ нѣтъ никакой невозможности.

Вскорѣ послѣ сего, и власно какъ нарочно для приданія совѣту ея множайшаго вѣса, приѣхала ко мнѣ и старушка тетка моя, госпожа Аникѣева, которой я далъ также знать о приѣздѣ сестры моей. Она неизобразимо была рада, ее увидѣвъ, и прогостила у насъ до самаго почти отъѣзда сестрина. Я очень доволенъ былъ

сею прямо любившею насъ добродушною и разумною старушкою. А какъ о сватовствѣ своемъ мы и ей открылись, то и она, выслушавъ все рассказываемое нами объ обстоятельствахъ нашего дѣла, также совѣтовала мнѣ не отставать отъ онаго, но съ Божіею помощію начинать оное въ свое время. И тогда просила ее сестра моя неоставить меня въ то время своимъ вспоможеніемъ, что она охотно и общала.

Все сіе подкрѣпило меня еще болѣе въ моемъ намѣреніи и уничтожило совершенно всю мою нерѣшимость. Я положилъ уже рѣшительно послѣдовать ихъ совѣту и не искать себѣ болѣе никакой иной невѣсты, а прилѣпиться уже къ сей единой. И съ сего времени не сталъ я уже таиться въ томъ отъ всѣхъ и не скрывать того и отъ прочихъ моихъ сродниковъ и сосѣдей.

Сестра прожила тогда у меня болѣе двухъ недѣль и до самой масленицы; но какъ уже сталъ приближаться и наступать мартъ мѣсяць, то, страшась, чтобъ не захватила ее на дорогѣ распутица, спѣшила она ѣхать;— итакъ, 28 февраля отправилась она въ путь свой.

Не могу изобразить, съ какими чувствіями разставалась она со всѣми мѣстами, видѣвшими ее въ малолѣтствѣ и со всею своею родиною. Не сомнѣвался въ томъ, что она въ послѣдній разъ видитъ ихъ въ своей жизни, ибо не могла уже никакъ надѣяться быть еще въ мѣстахъ нашихъ, прощалась она со всѣми ими на вѣки. Она обходила со мною всѣ оныя и не только сама плакала, но и меня въ слезы привела. Всѣ наши дворовые люди отъ мала до велика, а особливо прежніе ея знакомые и престарѣлые провожали ее и прощались также навѣкъ съ нею. Что касается до меня, то я рѣшился проводить ее до Москвы самой и тамъ уже распрощаться съ нею навсегда.

Въ Москвѣ пробыла она немногіе только дни, употребивъ оныя на покупки разныхъ для себя вещей и на свиданіе съ ближайшими нашими родственниками,

какъ-то съ дядею Матвѣемъ Петровичемъ и съ дядею Тарасомъ Ивановичемъ Арсеньевымъ. Свиданіе съ обоими ими было у ней также чувствительное, а прощаніе — того трогательнѣе. Она прощалась съ ними также на весь вѣкъ, ибо не уповала уже ихъ болѣе за дальностію своего жилища видѣть, и просила ихъ о неоставленіи меня, а особливо, въ случаѣ моей женитьбы, о которой заблагодарасудили мы имъ уже открыться, и имѣли удовольствіе слышать и отъ нихъ намѣренію моему одобреніе, — а особливо отъ дяди Матвѣя Петровича, который радъ даже былъ, что я сыскалъ себѣ невѣсту.

Наконецъ распросалась сестра моя и со мною, съ пролітіемъ съ обѣихъ сторонъ многихъ слезъ. Но, ахъ! я пролилъ бы ихъ несравненно болѣе, еслибъ могъ предвидѣть тогда и знать, что я видѣлъ ее въ сіе время уже въ послѣдній разъ въ жизни. Она поѣхала къ меньшей моей сестрѣ въ Кашинъ, а я спѣшилъ возвратиться домой по причинѣ наступающаго великаго поста.

Но какъ письмо мое достигло уже до своихъ предѣловъ, то окончивъ оное, скажу вамъ, что я емь, и прочая.

СВАТОВСТВО И СГОВОРЪ.

Письмо 114-е.

Любезный пріятель! Возвратясь изъ Москвы въ свою деревню, сталъ я съ нетерпѣливостію дожидаться наступленія весны, дабы вѣстѣ съ началомъ оной начать и свое важное дѣло. А не успѣла весна сія наступить, какъ мая въ 18-й день, благословясь и отправилъ я Ивановну мою къ госпожѣ Кавериной съ формальнымъ уже предложеніемъ руки моей ея дочери, и для истребованія отъ ней также рѣшительнаго отвѣта: согласны ли онѣ на то, или несогласны? и буде согласны, то чтобъ назначенъ былъ ими уже и день, когда бы быть сговору. Съ превеликимъ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ духа дожидался я возвращенія сей посланницы, ибо хотя и не сомнѣвался почти въ полученіи благопріятнаго отвѣта,

однако все-таки смущался еще духомъ и мучился неизвѣстностію.

Наконецъ призываетъ моя Ивановна и привозитъ мнѣ отвѣтъ, какой мною былъ уже ожидаемъ, а именно, что они рѣшились наконецъ дать свое соглашеніе, и, почитая то волею небесъ, назначаютъ и самый день, въ который бы намъ начать сіе дѣло формальнымъ сговоромъ. Кровь во мнѣ взволновалась вся, какъ услышалъ я сіе изреченіе, и смущеніе мое было такъ велико, что я едва имѣлъ столько духа, чтобъ спросить, когда-жъ бы хотѣлось имъ, чтобъ сіе было?

— «Тридцатаго мая, или на самый троицннъ день, сказала она. И я сколько ни говорила, чтобъ быть тому прежде, но они никакъ не согласились».

— Да кая въ томъ и нужда, сказалъ я: и очень, очень хорошо, что такъ не скоро, тѣмъ болѣе буду и я имѣть времени къ тому приготовиться.

Сіи приуготовленія и началъ я съ самаго того же дня дѣлать и трудился въ томъ ежедневно. Состояли они, во-первыхъ, въ томъ, чтобъ одѣть себя и людей своихъ къ сему времени получше; во-вторыхъ, чтобъ исправить экипажъ, въ которомъ бы на сгоноръ ѣхать; въ-третьихъ—чтобъ присесть людей, которые бы помогли мнѣ въ семъ случаѣ, ибо одному ѣхать мнѣ не годилось; въ-четвертыхъ—запаситись какими-нибудь вещами, которыми-бы мнѣ невѣсту свою дарить можно было; въ-пятыхъ, какъ я не сомнѣвался, что послѣ сговора въ непродолжительномъ времени назначится и свадьба, то надлежало послѣшнить и переправкою дома, также прибраніемъ сколько-нибудь получше и сада своего. Всѣми сими дѣлами и началъ я заниматься; но горе мое было, что не было у меня ни одного человѣка, съ кѣмъ бы я могъ тогда обо всемъ томъ посовѣтовать.

Дядя мой находился тогда еще въ Москвѣ, а хотя-бъ и дома былъ, но къ тому былъ бы неспособенъ. О старикѣ дѣдѣ, генералѣ нашемъ и говорить нечего. Сей былъ на меня въ нѣкоторомъ внутреннемъ, хотя скрытомъ, неудовольствіи за то, для чего

не хочу жениться я на его падчерицѣ. Дядя мой, господинъ Каверинъ — Захарій Федоровичъ, былъ также человекъ въ такихъ дѣлахъ совѣтъ не свѣдущій, а жена его была самая госпожа «Чудихина» и совѣтами своими могла-бы скорѣе все дѣло испортить. Самъ господинъ Ладженскій, мой лучшій и дружелюбнѣйшій сосѣдъ, былъ совѣтъ страннаго и оригинальнаго характера и не могъ никакихъ совѣтовъ дать, какъ только сообразныхъ съ своими странными мыслями.

Одинъ бы господинъ Писаревъ могъ быть такимъ, который былъ и свѣдущѣе и умнѣе всѣхъ прочихъ и могъ бы мнѣ въ семь случаевъ болѣе всѣхъ помочь. Но къ несчастію, и онъ находился тогда со мною въ такихъ отношеніяхъ, что мнѣ не хотѣлось даже ему о намѣреніи своемъ и скрывать изъ опасенія, чтобъ онъ опять тутъ чего-нибудь не выдумалъ, чѣмъ бы остановить, или совѣтъ разрушить это дѣло. И я даже боялся, чтобъ онъ опять не приѣхалъ ко мнѣ незванный; но положилъ уже твердое намѣреніе не слушать его, чтб-бы онъ ни сталъ говорить, а оставаться уже твердо при своемъ намѣреніи. А сообразуясь съ тѣмъ, и будучи послѣднимъ его поступкомъ крайне недовольнымъ, я, съ самаго того времени, какъ онъ отъ меня поѣхалъ, ниоднажды у него уже не былъ, да и радъ былъ, что и онъ ко мнѣ не приѣзжалъ уже послѣ того ниоднажды, да и пересылки между нами никакой уже не было.

Итакъ, не имѣя у себя никого, кто-бы хотя нѣсколько могъ мнѣ помочь, — принужденъ я былъ одинъ, и такъ хорошо, какъ умѣлъ, дѣлать всѣ нужныя приуготовленія. Себя-таки и людей я кое-какъ поодѣлъ, да и то не совѣтъ по-людскому, и далеко не такъ, какъ модные женихи одѣвались и собирались. Но что касается до экипажа, то долго не зналъ я, что мнѣ дѣлать.

Кареты были тогда еще очень, очень рѣдки, и въ такихъ небогатыхъ домахъ, каковъ былъ нашъ, были онѣ еще совсѣмъ не въ употребленіи, а ѣзжали всѣ наши братья дворяне въ четырехѣст-

ныхъ, и такъ-называемыхъ вѣнскихъ коляскахъ. Но у меня не было и такой, а было двѣ старинныхъ и староманерныхъ коляски, изъ коихъ одна была большая, четверомѣстная, но съ какою и показаться нигде было не можно, а другая, такая же, и поменьше и полегче и такъ какъ бы визави, двумѣстная, и образомъ своимъ не лучше первой. Для покупки же новой, а того наче кареты не доставало у меня денегъ. Итакъ, не зналъ я, что мнѣ дѣлать, и вздумалъ наконецъ велѣть Павлу, столяру своему, большую свою коляску какъ-нибудь преобразить и сдѣлать получше. Итакъ, ну-ка мы оба съ нимъ ее коверкать, инако устроить, обивать, раскрашивать и золотить. Но какъ бы то было, но смастерили себѣ и сгородили коляску изрядную, и такую, которая намъ потомъ нѣсколько лѣтъ прослужила и на которой ѣздить было нигде не постыдно.

Что касается до подарковъ, то для закупки оныхъ послалъ я нарочнаго человека въ Москву и писалъ къ тамошнимъ роднымъ своимъ, чтобъ они исполнили мнѣ все къ тому нужное. Но каковы сіи дары были, о томъ я и не говорю уже. Ни отъ кого-то изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ не могъ я добиться толку, чтб-бы такое употребить къ тому лучше. Иной совѣтовалъ мнѣ то, иной другое. Одинъ затѣвалъ дары сіи уже не по моему достатку, а другой выдумывалъ что-нибудь уже странное и нелѣпое. Итакъ, я истинно не зналъ, что мнѣ и дѣлать и не сомнѣваюсь, что подарки мои были тогда очень смѣшныя, а особенно если сравнить ихъ съ обыкновеніемъ нынѣшнихъ временъ; но за то по крайней мѣрѣ не были они мнѣ разорительны и не завели меня въ долги превеликіе, какъ заводятъ иныхъ жениховъ нынѣшніе.

Что касается до переправки хорошаго, то въ этомъ дѣлѣ не было мнѣ нужды въ совѣтникахъ постороннихъ, а могъ я и одинъ и лучше всѣхъ оное произвестъ, и мнѣ удалось выдумать и смастерить переправку сію такъ хорошо, что всѣ не могли довольно ухвалиться. Я по-

ступилъ въ семь случаевъ уже слишкомъ героически и такъ, что иной бы на моемъ мѣстѣ не могъ бы имѣть никакъ столько духу.

Я отважилъ прорубать стѣны и окна превращать въ двери, а двери въ окна, въ комнатахъ — священныхъ отъ древности. Оставшая половина переднихъ стѣнъ должна была превращаться въ комнату, изъ которой мы сдѣлали, на случай свадьбы, родъ другой и маленькой гостинной и которая потомъ отправляла намъ должность и гостинной и столовой и моего кабинета, или штудирной комнаты. А старинная наша, отъ древности закоптѣвшая или потемнѣвшая, передняя получила въ себя входъ прямо съ павворья, съ стеклянными дверьми, и превращена была въ большую, и такую комнату, которая бы могла служить, въ случаѣ нужды, вмѣсто залы, а въ другое время служить вмѣсто лакейской и стѣнъ самыхъ; а чрезъ сіе самое и соединилъ я обѣ половины хоромъ и произвелъ въ нихъ цѣлыхъ семь довольно просторныхъ комнатъ. И какъ я во всѣхъ потолкахъ подобрѣлгъ, а стѣны обилгъ бумажными обоями, то и сдѣлался домикъ мой хоть куда, и можно было въ немъ уже безъ нужды играть свадьбу.

А такимъ же образомъ поприбралъ я и всю ближнюю часть сада къ дому, и сдѣлалъ ее такъ, что въ ней съ удовольствіемъ гулять уже было можно. Въ особенности же украсилась верхняя часть сего сада тою прозрачною и изъ дугъ и столбовъ сдѣланною осьмиугольною отверстою бесѣдочкою, которая построена была подъ группою случившихся тутъ высокнхъ и прямыхъ березъ. Я выкрасилъ ее и съ перилами внизу празеленою краскою, и какъ она въ самому тому времени поспѣла, какъ намъ надлежало ѣхать на сговоръ, то и обновилъ я ее накануне того дня ввечеру, приказавъ въ ней накрыть вечерній столъ и отужинавъ въ ней съ съѣхавшимися гостями и спутниками моими. Вечеръ сей случился тогда наилучшій и наимпрятѣвшій, какіе только быть могутъ въ мѣсяцѣ маѣ, и

приложение къ «русской старинѣ» 1871 г.

мы препроводили оный съ отиѣннымъ удовольствіемъ.

Что касается до сихъ спутниковъ моихъ при ѣздѣ на сговоръ, то мнѣ не за кого болѣе было взяться, какъ за дядю моего Захара Федоровича Каверина и жену его, да за сосѣда своего Александра Ивановича Ладыженскаго. Сихъ-то упросилъ я сдѣлать мнѣ въ семь случаевъ сотоварищество и присутствовать при семь первомъ обрядѣ.

Итакъ, 30-го мая, собравшись гораздо поранѣе и сѣвши всѣ четверо въ передѣланную мою большую коляску пустились мы въ свой путь, и пообѣдавъ на дорогѣ, приѣхали въ село Коростино еще довольно рано и вскорѣ послѣ обѣда, и господинъ Ладыженскій шутками и издѣвками своими увеселялъ насъ такъ во всю дорогу, что мы всѣ до слезъ почти иногда смѣялись.

Теперь не могу я никакъ изобразить тѣхъ чувствованій, съ какими въѣзжалъ я въ первый разъ на дворъ, гдѣ жила моя невѣста, и съ какимъ любопытствомъ смотрѣлъ я на ихъ домъ и все жилище, которое вскорѣ должно было принадлежать уже мнѣ.

Весьма просто и незнаменито оно было. Мнѣ представился маленькой и старинный домикъ съ тремя только покоями, раздѣленными еще между собой стѣнами. И одна половина онаго казалась выросшею отъ древности почти совсѣмъ въ землю и была съ небольшими окошечками и съ кровлею, поспѣвшіею уже отъ выросшаго и размножившагося на ней моха. Другая сколько-нибудь была поновѣе, и повыше, по случаю, что всѣ хоромцы стояли на косогорѣ.

Небольшое высокинское и тесомъ покрытое крылечко вводило въ стѣни посреди хоромъ сихъ находящіяся, а маленький и узенькій цѣвѣтничокъ, насаженный войкакими цвѣтами и осѣненный тѣнью отъ насажденныхъ подлѣ рѣшотки высокнхъ уже черемухъ и другихъ деревцовъ, былъ единственнымъ только наружнымъ дому сему украшеніемъ, или паче вещью, увеличивающею еще болѣе его простоту и безобразіе. А потому все сіе и не въ

состояніи было очаровать мое зрѣніе и произвестъ въ умѣ моему выгодное обо всемъ мнѣніе. Но я уже молчалъ и не говорилъ ничего, каково у меня на сердцѣ уже ни было.

Но каковъ маловаженъ ни показался мнѣ сей домъ снаружи, но вошедъ съ товарищами своими изъ сѣней прямо въ величайшую изъ всѣхъ комнатъ, поразила я вдругъ, увидѣвъ всю ее наполненную множествомъ разряженныхъ въ прахъ гостей обоего пола. Было тутъ нѣсколько человѣкъ мужчинъ, а того болѣе боярынъ, и изъ первыхъ не было мнѣ, кромѣ старика Недоброва и господина Хвоцинскаго, Василя Панфиловича, ни одного знакомаго; а изъ послѣднихъ была знакома только мать и тетка невѣсты моей, госпожа Арцыбашева, а прочія были мнѣ совсѣмъ незнакомы. И какъ многія изъ нихъ были молодыя, то искалъ я глазами между ими своей невѣсты, и почелъ-было ею сперва одну, которая была всѣхъ моложе и сѣла въ уголку, всѣхъ отъ меня отдаленнѣе. Однако скоро увидѣлъ я, что это была не она, а совсѣмъ мнѣ незнакомая, и пересталъ удивляться, находя ее совсѣмъ въ иномъ видѣ, нежели въ каковомъ видѣлъ я свою невѣсту.

Насъ приняли съ обыкновенными учтивостями и посадили. Но не успѣли почти всѣ усѣсться и минутъ двухъ посидѣть, какъ и сдѣлано было отъ дяди моего обыкновенное въ такихъ случаяхъ предложеніе. И какъ на оное также съ ихъ стороны было, по известной формѣ, отвѣтствовано, то и пошли тотчасъ нѣкоторые изъ нихъ за невѣстою, и чрезъ минуту и выведена была она къ намъ изъ другой комнаты.

Все собраніе встало тогда съ мѣстъ своихъ, и какъ въ ту же минуту явился и священникъ, бывшій уже на готовѣ, то и поставили тотчасъ насъ обонхъ посреди комнаты и начали пѣть и читать обыкновенные въ сихъ случаяхъ стихи. Въ минуту сію былъ я почти внѣ себя. — Важность начинаемаго дѣла представлялась тогда уму моему во всемъ ей

пространствѣ, и я такъ смутился, что едва въ силахъ былъ стоять на ногахъ и столько духа имѣть, чтобъ нѣсколько разъ взглянуть на поставленную подлѣ меня невѣсту.

Но какимъ пріятнымъ изумленіемъ поразилося тогда мое сердце, когда не увидѣлъ я уже въ ней прежняго ребѣнка, а дѣвушку уже совершенно почти взрослою, и не такую уже тонкою, какъ была прежде и лицомъ несравненно уже лучшею и мнѣ пріятнѣйшею, нежели какою показала она мнѣ при нашемъ первомъ свиданіи. Не могу изобразить, какъ много обрадовался я тому, какъ много ободрило и подерпило меня сіе и съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ уже я на свою невѣсту.

Новъ самую сію минуту блеснула молнія, и громкій звукъ загремѣвшаго надъ нами грома встревожилъ насъ и всѣхъ присутствовавшихъ при семъ обрядѣ. Всѣ стали креститься и дивиться тому, что никому и не въ примѣту была взшедшая въ самое то время тучка, и всѣ стали считать неожиданное явленіе сіе, а особливо линувшій въ самое то время сильный дождь, добрымъ предзнаменованіемъ нашему начинающемуся союзу. А не успѣлъ обрядъ кончиться и насъ, по обыкновенію, благословили образомъ, какъ и начались обыкновенныя со всѣхъ сторонъ взаимныя поздравленія, рекомендація и цѣлованія другъ друга, и поеліику собраніе было велико, то продолжилось сіе нѣсколько минутъ сряду. Послѣ чего посадили насъ обонхъ въ передній уголокъ и стали по обычаю сперва поздравлять насъ кругомъ ходящимъ поклономъ съ виномъ, а потомъ подчивать кофеемъ, чаемъ и заѣдками.

Все достальное время сего дня и до самаго ужина долженъ я былъ сидѣть въ помянутомъ углу и какъ на огнѣ пріжиться. Глаза и вниманіе всего собранія устремлено было на меня и на невѣсту мою, и замѣчались не только всѣ мои слова, но и движенія самыя, а сіе и приводило меня въ неописанное смущеніе. Я зналъ, что мнѣ надлежало тогда разговаривать

что-нибудь съ моею невѣстою и ласкаться къ оной всячески, но для меня составляло самое сіе наивеличайшую и труднѣйшую комиссію и было такимъ дѣломъ, которое, на всѣ старанія мои несмотря, не могъ я никакъ произвести по желанію. Ибо, не упоминая о природной моей застѣнчивости и несмѣлости въ такихъ случаяхъ, каковъ былъ сей и въ каковыхъ никогда еще и быть мнѣ неслучалось, не зналъ я тогда, и какъ ни старался, но не могъ и придумать, чтѣ-бъ такое и о чемъ бы мнѣ говорить тогда съ такою молодою невѣстою, какова была моя, и которая, несмотря на всю свою возмужалость, была все еще почти дитя или очень еще мало отъ дѣтства удаленною.

Какъ скоро все, что было у меня за-благовременно въ умѣ приготовлено, а ей пересказалъ и все переговорилъ; то и сталъ я наконецъ въ шенъ и не зналъ болѣе, что и пикнуть, и тѣмъ паче, что и съ ея стороны не могъ я дожидаться никакихъ совпрошаній. Да и въ самомъ дѣлѣ, какіе разговоры и о чемъ можно было имѣть съ такою молодою особою? Словомъ, мы сидѣли потомъ не говоря почти ни одного слова съ нею, и я невѣдомо какъ радъ былъ, что сидѣвшіе близко подлѣ меня ихъ мужчинами вступили со мною кое о чемъ въ разговоры и тѣмъ меня сколько-нибудь заняли. Итакъ, по причинѣ молодости невѣсты моей и лишонъ я былъ того удовольствія, какое имѣютъ женихи, сговаривающіе на невѣстахъ взрослыхъ и имъ понравившихся, и которое для нихъ обыкновенно бываетъ очень лестно и пріятно.

Вечерній столъ приготовленъ былъ у нихъ въ другой половинѣ, и насъ повели туда по наступленіи вечера и посадили по обыкновенію опять вмѣстѣ. Но оба мы не столько ѣли, сколько кланялись всѣмъ поздравляющимъ насъ и пьющимъ за наше здоровье. Столъ былъ у нихъ нарядный и все въ ономъ въ порядкѣ. По окончаніи-жъ ужина и въ разсужденіи, что намъ за дальностію не можно было успѣть домой возвратиться, приглашены мы были ночевать къ сосѣду и родственнику

ихъ, господину Колюбакину, Ивану Алексѣевичу, живущему въ томъ же селѣ и отъ нихъ только черезъ улицу, чѣмъ мы были въ особенности и довольны.

Тутъ во всю ночь я очень мало спалъ, ибо вся голова моя набита была помышленіями о начатомъ дѣлѣ и о моей невѣстѣ. Я не зналъ, счастлиемъ ли то почитать, или несчастіемъ, и обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ такъ много размышлялъ, что не могъ уснуть очень долго.

На другой день надобно мнѣ было посѣтить невѣсту, и, по обыкновенію, отвезти ей подарокъ. А она съ ихъ стороны, по обыкновенію старинному, дарила людей моихъ, а я всѣхъ дворовыхъ ихъ людей подчивалъ водкою, привезя съ собою для самаго того погребецъ свой, — и меня увѣрили, что обрядъ сей необходимо надобно было исполнить.

Въ сей разъ былъ я съ невѣстою своею хотя нѣсколько уже познакомѣе, однако все наше знакомство не имѣло какъ-то дальнихъ успѣховъ, и я приписывалъ то ничему иному, какъ ея молодости и не безъ удовольствія проводилъ съ нею все сіе утро. Ибо насъ и въ сей день безъ обѣда не отпустили и мы не прежде возвратились въ свою деревню, какъ уже по наступленіи ночи.

Симъ образомъ сговорилъ я наконецъ жениться, и какъ сіе случилось на самый троицынъ день и свадьбѣ въ тотъ же мясоѣдъ быть было некогда, то и отложили мы оную до начала будущаго мясоѣда, или до іюля мѣсяца.

Сіе время употреблено было съ обѣихъ сторонъ на приуготовленія къ свадьбѣ, — съ ихъ стороны — на шитье платья и на приготовленіе приданаго, а съ моей на окончаніе того, что у меня было еще недодѣлано, и также на дальнѣйшія приготовленія къ сему великому для меня и торжественному дню.

Между тѣмъ, сколько мнѣ время, тогдашнія проливныя ненастья и обстоятельства дозволяли, ѣзжалъ я къ моей невѣстѣ; однако далеко не такъ часто, какъ ѣздить другіе. Тогда не было либо сего въ столь великомъ обыкновеніи,

какъ мнѣ. — и у меня никогда и на умѣ того не было, чтобы превращать тамъ по нѣскольку дней сряду и не отходить отъ невесты такъ сказать ни вѣдн, и ходить только почевать въ другой дворъ, какой-нибудь чужой, а день весь съ утра до вечера быть съ невестой; либо происходило сіе отъ того, что я къ своей, по великой ея еще молодости, не имѣлъ еще дальней привязанности. Къ тому-жъ и она какъ-то ко мнѣ внимало не ласкалась, но все отъ меня власно какъ дичилась. Сіе обстоятельство было всего болѣе причиною тому, что я не имѣлъ охоты и побужденія къ тому, чтобы ѣздить часто въ такую даль единственно для свиданія съ нею, ибо оное не производило мнѣ никакого дальняго удовольствія, но напротивъ того служило иногда поводомъ къ досадѣ и къ чувствительному неудовольствію на самого себя.

Но никогда сіе послѣднее такъ велико не было, какъ послѣ вторичнаго моего съ невестой свиданія. Случилось сіе вскорѣ послѣ сговора. И день сей былъ въ особенности для меня несчастнымъ и власно какъ нарочно назначеннымъ для произведенія мнѣ многихъ неудовольствій, такъ что онъ мнѣ, по особености своей, и поминѣ еще очень памятенъ.

Всталъ я въ оный очень рано, — ибо какъ хотѣлось мнѣ приѣхать къ нимъ къ обѣду и съ тѣмъ, чтобы, посидѣвъ у нихъ, въ тотъ же день и назадъ возвратиться, то и надобно было послѣшать; и потому ѣздилъ я въ сей разъ налегкѣ въ какой-то городской отверстой старинной колясочкѣ, которую я, не помню у кого, на сей случай выпросилъ. Уже въ самое утро разсерженъ я былъ непомню чѣмъ-то людьми своими, почему поѣхалъ уже и со двора не гораздо съ веселымъ расположеніемъ духа, а почти нехотя, а для соблюденія единого этикета. Да и ѣхать какъ-то было не хорошо и коляска была самая безпокойная и дрянн сущая.

Но какъ бы то ни было, но я туда приѣхалъ, и довольно еще рано. Но что-жъ?... и засталъ ихъ въ сей разъ

однихъ, то-есть невесту мою съ одною только ея матерью, и никакъ не мнѣ въ сей день недождавшихся. И не знаю, оттого ли, что первую засталъ я въ совершенномъ безразычьи, или одѣтую со-вѣстнъ запросто и далеко не столь порядкомъ, какою я привыкъ ее видѣть, или оттого, что всѣ онѣ, а особливо она, печальнымъ мнѣннъ приѣздомъ была перетревожена; но какъ-бы то ни было, но показись она мнѣ въ сей разъ совсѣмъ не такою, какою я ее до того видалъ, но несравненно худшею и такою, что я не находилъ уже ни въ образѣ ея, ни во всѣхъ обращеніяхъ и поступкахъ ни малѣйшихъ для себя пріятностей и не внако могъ смотрѣть на нее, какъ съ дѣланіемъ себѣ нѣкотораго насилія и принужденія. А какъ къ вѣщему несчастію, не хотѣла и она въ сей разъ на всѣ оказываемыя ей ласки никакъ соответствовать, но все отъ меня власно какъ тудилась, да и къ разговорамъ съ нею не могъ я найти никакихъ почти матерій, ибо она сама какъ-то въ нихъ не вѣннвалась, и была очень несловоохотна, а только отвѣчала на дѣлаемые ей вопросы, и то власно какъ нехотя, ласки же ко мнѣ не оказывала ни малѣйшей: то все сіе меня еще пуще сразило, и привело въ такое изумленіе, что я во все то время, какъ у нихъ находился, былъ власно какъ самъ не свой, и нехѣдно какъ радъ былъ, когда сталъ приближаться вечеръ и мнѣ можно было, съ ними раскланявшись, послѣшать домой ѣхать.

Но что-жъ? — Не успѣлъ я, сѣвши въ свою коляску, со двора съѣхать, какъ и пошли въ головѣ у меня мысли за мыслями и наконецъ такая дрянн, что я и животу своему почти не радъ былъ.

«Ахъ! Боже мой! говорилъ я самъ въ себѣ: гдѣ это были у меня глаза, гдѣ умъ, и гдѣ разумъ былъ?... Возможно ли такъ ослѣпиться и не видать всего того уже сначала, что я теперь видѣлъ? О, Боже мой! продолжалъ я: какъ это мнѣ съ нею жить будетъ!... И ну, если она и всегда такова неласкова и несловоохотлива и не весела будетъ?... Ни малѣйшей-

таким ласки и ни малѣйшаго привѣтствія не хотѣла она мнѣ оказать, и сколько я къ ней ни ласкался, она и глядѣть почти на меня не хотѣла... Батюшки мои! — продолжалъ я еще далѣе: уже не противенъ ли я ей такъ, какъ чортъ?... Уже не возненавидѣла ли она меня, ничего еще не видѣвъ, и не имѣеть ли ко мнѣ она уже крайняго отвращенія?... А не даромъ во весь сегодняшний день и смотрѣть на меня почти не хотѣла... Но, ахъ, Боже мой! Что это будетъ, если она меня любить не станетъ, а напротивъ того возненавидитъ еще?... Не несчастный ли я буду человекъ. Самый разумъ ея, Богъ знаетъ еще, каковъ? Сколько ни старался я завести ее въ разговоры, и о чемъ, о чемъ ни заводилъ съ нею рѣчь, но все какъ-то не могъ почти ничего мною добиться, какъ только да или нѣтъ, и только что отмахивалась. Все это для меня непонятно и удивительно. И не знаю, что это и какъ со мною все это сдѣлалось? И что со мною впродъ будетъ?... И ну, если она и впродъ не умѣе, не словоохотнѣе, не ласковѣе и не лучше сего будетъ?... Что со мною, бѣднымъ, тогда будетъ?... И такого ли я себѣ товарища желалъ и искалъ, и такого ли получить домогался?... Ахъ! это будетъ для меня сущая каторга — жить съ такимъ человекомъ!...

Симъ и подобнымъ сему образомъ размышляя я и говорилъ самъ съ собою во всю дорогу, и чѣмъ болѣе углублялся о семъ въ помышленіи, тѣмъ вѣроятнѣйшими и величайшими казались мнѣ всѣ примѣченныя въ невѣстѣ моей несовершенствы. И сіе довело меня наконецъ до того, что я впасть въ превеликое раскаяніе о томъ, что я сіе дѣло началъ, и досадовалъ невѣдомо какъ, что дѣло сіе зашло уже такъ далеко, что и отстать отъ него было уже почти совсѣмъ не можно или по крайней мѣрѣ трудно, и для самого меня не иначе какъ крайне постыдно. Сіе смутило и растревожило всю душу мою такъ сильно, что я въ коляскѣ своей не сидѣлъ, а власно какъ на огнѣ пражился, и только что переса-

живался изъ одного угла въ другой, твердя съизнова:

«Ахъ, Боже мой! что это я сдѣлалъ? Гдѣ это были мои глаза, и въ какую бездну ввергнулъ я себя! И, ахъ, что мнѣ теперь уже дѣлать, и какъ можно уже отстать и переимѣнить все это? — «Правда,—говорилъ я далѣе, замышляя уже и объ отказѣ самомъ: дѣло еще не совсѣмъ сдѣлано и узла неразрѣшимаго еще не завязано. Возможность еще есть и разрушить все начатое, а подумавши, можно придумать какіе-нибудь и предлоги и употребить приличныя средства къ тому. Примѣры такіе бывали, бывають, и всегда будутъ въ свѣтѣ».

Мысль сія такъ мнѣ полюбилась, что я началъ ее тотчасъ разрабатывать далѣе и уже помышлять о томъ, какъ бы сіе удобнѣе было сдѣлать, и выдумывалъ уже и приличнѣйшія средства. Но не успѣлъ я въ помышленіи сіи углубиться, какъ опять вдругъ, и власно какъ отъ сна воспрянувъ, самъ себѣ я сказалъ:

«Такъ, пусть такъ, чтобъ это сдѣлать было и можно! Но, ахъ! Какія послѣдствія произтекутъ изъ того?... Не одурячу ли я себя передъ всѣмъ свѣтомъ? Не подвергну ли я себя тогда всеобщему посмѣванію?... Не выведу ли я изъ себя исторіи?... Не станутъ ли всѣ обо мнѣ говорить, меня хулить и мнѣ смѣяться?... Куда могу я тогда глаза свои показать?... И какая невѣста захочетъ имѣть тогда со мною дѣло?... Не станутъ ли всѣ отъ меня, какъ отъ чудовища какого бѣгать?... И гдѣ, и какъ можно мнѣ будетъ найти себѣ другую невѣсту, да еще и лучше сей?»

Всѣ сіи мысли остановили меня въ прежнемъ моемъ замышляемомъ намѣреніи, но не успокоили духъ мой, а привели его и всѣ мысли мои еще въ вѣщее нестроеніе и повергли меня опять въ нерѣшимость и въ такое мучительное еостолніе, котораго я никакъ необразить не могу.

Между тѣмъ какъ я симъ образомъ углублялся въ разныя мучительныя размышленія, летѣло нечувствительно время

и уже наступила ночь, и, къ крайнему умноженію моей досады и неудовольствія, прежній прекрасный день превратился въ пасмурной и ненастной. Гдѣ ни взглялись мрачныя тучи, покрыли весь горизонтъ, и вмигъ почти послѣ того полился на насъ пресильный и проливной дождь, и сталъ мочить насъ немилосердымъ образомъ.

Я сколько ни старался укрыться отъ него въ своей коляскѣ, но не было никакого къ тому способа. Была она старинная городова я двумѣстная, и были у ней хотя спереди и съ боковъ кожанныя задержки, но въ такомъ худомъ состояніи, что никакъ не можно было ихъ съютить вмѣстѣ, и я, какъ ни старался схватить вмѣстѣ ихъ держать, но никакъ не могъ укрыться и защитить себя отъ дождя. Стремился онъ прямо намъ въ лицо, и съ такою силою, что всего меня замочилъ въ прахъ, и я нигдѣ не могъ найти мѣста и защиты отъ него въ коляскѣ.

Новое сіе горе, присовокупившись къ прежнему, увеличало еще болѣе мою досаду и неудовольствіе. «Боже мой!—говорилъ я: что это такое? Всѣ бѣды и напасти на меня сегодня соединились!... Понесло же меня сегодня!... Вѣдаль-бы, истинно не ѣздилъ!... Измокъ весь и озабъ немилосердо... Богъ знаетъ, какъ и доѣдемъ еще?»

Въ самомъ дѣлѣ наступила тогда уже совершенная ночь, и сдѣлалось такъ темно, что ни зги было не видать. Я хотя и говорилъ то и дѣло кучеру своему, чтобъ онъ поспѣшалъ ѣздою, ибо оставалось еще много ѣхать; но онъ отвѣтствовалъ мнѣ, что поспѣшаетъ и такъ, но бонется, чтобъ въ темнотѣ не сбиться съ дороги, чтобъ не потерять ее совсѣмъ и чтобъ не заѣхать куда-нибудь въ чепыжъ и кустарники непроходимые, и взѣхавъ на пень, не извалить бы коляски,—ибо мы ѣхали тогда перелѣсками и чепыжами, гдѣ дорога по лугамъ едва и днемъ была примѣтна.

«Вотъ новое еще горе и бѣда», говорилъ я, и подтверждалъ какъ ему, такъ и про-

чимъ всѣмъ бывшимъ со мною людямъ примѣчать какъ можно дорогу. Но какъ надежда и на всѣхъ была не велика, то пришло уже мнѣ тогда не до мыслей о невѣстѣ, а сталъ думать и помышлять о томъ, какъ бы въ самомъ дѣлѣ не заблудиться, и ежеминутно самъ смотрѣть и примѣчать, сколько можно было, всѣ окрестности и положеніе мѣсть. Но куда ѣхали мы подлѣ лѣсовъ и пробирались лугами и чепыжами, до тѣхъ поръ все было еще сколько-нибудь ѣхать и дорогу видѣть и окрестности примѣчать можно. Но какъ скоро выбрались мы на чистое поле, тогда скоро дошло до того, что сами не знали, куда ѣхали, ибо ни дороги, ни по сторонамъ вовсе ничего было непримѣтно, а блестялась сколько-нибудь въ сторонѣ вода, которая отъ проливного и ужаснаго дождя покрыла всю землю и стояла вездѣ, какъ море.

Горе тогда на всѣхъ на насъ впаало превеликое. Дождь мочилъ всѣхъ насъ безъ всякаго милосердія! На всѣхъ людяхъ не осталось уже ни одной нитки сухой! Темнота была превеликая, ѣхать оставалось еще не близко и верстъ болѣе еще шести или семи; но лошади начинали уже почти становиться. Но что всего хуже, то дороги было вовсе не видно и непримѣтно, и мы потеряли всѣ признаки и примѣты, и сами не знали, гдѣ мы и куда ѣхали.

Болѣе часа ѣхали, или паче сказать, бредкомъ брели мы симъ образомъ по мѣстамъ неизвѣстнымъ, и какъ мнѣ показалось, что ѣзда наша продолжается уже слишкомъ долго; то, раскрывши свои задержки, сталъ я самъ пристальнѣе смотрѣть впередъ и по сторонамъ. И тогда вдругъ показись мнѣ, что мы ѣдемъ какою-то большою и широкою дорогою, ибо преширокая полоса блестящей во мракѣ воды казалась простирающеюся вдоль предъ нами.

— Стой, стой! закричалъ тогда я: не туда мы, братцы, заѣхали! Это какалто большая и широкая дорога и совсѣмъ не та, по какой намъ должно ѣхать.

— «Это и мы видимъ, и дивимся!» говорилъ мнѣ люди.

— Но какъ же вы это такіе, братцы, подхватилъ я: видите сами, что не тутъ мы ѣдемъ, гдѣ надобно и что не туда заѣхали,—а знай ѣдете, и не остановитесь!

— «Да какъ же быть-то?» сказали они.

— А такъ, что надобно бы остановиться и поискать себѣ дороги. А то мы этакъ, и Богъ знаетъ, куда заѣдемъ!

— «Да какъ, сударь, искать? говорили они далѣе: вовсе ничего не видно. Растеряемся и сами, ежели иттить искать дороги. Да и какъ и наитить ее теперь?»

— Ну, когда такъ, сказалъ я: такъ нечего дѣлать. Лучше остановиться на одномъ мѣстѣ и дожидаться свѣта. Какъ быть: мокрѣ этого уже не будетъ, а ночи нынѣ небольшія, — скоро и разсвѣтатъ станетъ. По крайней мѣрѣ не измучимъ мы лошадей своихъ по напрасну.

— «То такъ, сказали они на сіе: но мы какъ-нибудь уже отъ дождя притулимся: кто за коляску, кто подъ нее,—и ночь прождемъ. Но имъ-то какъже? Такъ безъ корма и быть?»

— По что-жъ дѣлать, сказалъ я на сіе: и радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Гдѣ-жъ взять корма, когда его нѣтъ. Ништо имъ сдѣлается; но все лучше имъ стоять, нежели везть и мучиться.

— «Хорошо! отвѣчали они: знать тому такъ и быть»—и тотчасъ начали располагаться, какъ бы имъ лучше провѣждать ночь сію. Я самъ вооружился терпѣніемъ, и, приказавъ повернуть коляску такъ, чтобъ по крайней мѣрѣ дождь не сбѣкъ мнѣ въ лицо, а попадалъ бы въ задъ коляски, и я за нею имѣлъ бы сколько-нибудь защиту. По учиненіи сего, прижался я къ одному уголку и, усѣвшись, помышлялъ уже о томъ, какъ бы сколько-нибудь согрѣться и задремать; какъ вдругъ услышалъ кучера своего говорящаго къ товарищамъ своимъ:

— Посмотрите-ка, ребята, попристальтѣе, нагнувшись къ землѣ, впередъ: что-то, мнѣ кажется, чернѣется впереди. Ужъ не сѣна ли это стогъ?

— «Какомъ сѣну быть!» сказали другіе.

— А чернѣется что-то, въ самомъ дѣлѣ

на стогъ похожее, но Богъ знаетъ что. Ужъ не подѣхать ли намъ поближе туда?

— Очень хорошо, сказалъ я. Зачѣмъ дѣло стало. Подѣдемъ: можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ сѣно, и намъ все уже равно—здѣсь, или тамъ ночевать.

Не успѣлъ я сего сказать, какъ всѣ сѣли опять по своимъ мѣстамъ и поѣхали далѣе. Но какъ же удивились и обрадовались всѣ мы, увидѣвъ тамъ, вмѣсто мнимаго стога сѣна, вудрявую и всѣмъ намъ довольно знакомую лозу, стоящую на заводскихъ поляхъ на перекресткѣ, и по конецъ почти самыхъ полей нашихъ.

— Ахъ, батюшки! закричали всѣ мы въ одинъ почти голосъ: да это лоза заводская на перекресткѣ, и мы поэтому ничего не сбились и ѣхали все своимъ путемъ и дорогою! Отсюда вотъ уже не трудно намъ и домой добраться! Вотъ и поворотка къ намъ, и дорога наша!

Не могу изобразить, какъ обрадовался я и доволенъ былъ сямъ открытіемъ. Мы тотчасъ рѣшились продолжать уже свой путь далѣе, и хотя съ трудомъ и кое-какъ, но дѣйствительно и благополучно доѣхали до двора своего, хотя было тогда и гораздо уже за полночь. Но мы рады по крайней мѣрѣ были, что не принуждены были ночевать на полѣ и подъ дождемъ, и терпѣть стужу и безпокойство.

Симъ образомъ кончилось тогда трудное, скучное и досадное мое путешествіе, и я, угрѣвшись, проспалъ на другой день почти до обѣда: такъ передрогъ и измучился я въ прошедшую ночь.

Что-жъ воспослѣдовало далѣе, о томъ услышите вы въ письмѣ послѣдующемъ; а теперешнее дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ кончить и сказать вамъ, что я есмь, и прочая.

ПРИУГОТОВЛЕНІЯ КЪ СВАДЬБѢ.

Письмо 115-е.

Любезный пріятель! Я не иначе думалъ, что проснусь на другой день съ таковою-жъ нерѣшимостью и смущеніемъ душевнымъ, какимъ мучился я во всю почти дорогу. Однако сего не воспослѣдо-

вало: а я, проснувшись, чувствовалъ въ себѣ всѣ мысли власно какъ просвѣтившимися, всѣ разныя душевныя движенія усмирившимися и всю внутренность души моей гораздо въ спокойнѣйшемъ состояніи, нежели съ какимъ я заснулъ съ вечера.

Мысли обо всемъ томъ, что я говорилъ и разсуждалъ самъ съ собою во время своего путешествія, хотя и возобновлялись въ памяти и воображеніи моемъ, однако я не судилъ уже обо всемъ такъ строго и жестоко какъ вчера, но напротивъ того, выискивалъ уже и все, что только могло служить и въ извиненіе невѣсты моей во всемъ ея поведеніи противъ меня. И какъ великая ея молодость и неопытность казалась быть тому главнѣйшею причиною, то и возобновлялъ я прежнюю свою надежду на время и умноженіе лѣтъ и не сумпѣвался, что сіи передѣлаютъ наконецъ все и сдѣлаютъ ее ко мнѣ и ласковѣйшею и пріятнѣйшею.

Къ сему присовокуплялось и то, что мнѣ всѣ послѣдствія, могущія произойти отъ разорванія сего дѣла, представлялись въ сіе утро гораздо еще невыгоднѣйшими и для меня предосудительнѣйшими, нежели какими воображалъ я себѣ ихъ въ прошедшій день, и нерѣдко доводила меня до того, что я даже содрогался отъ одинаго помышленія о семъ случаѣ. А все сіе и произвело, что я отъ прежняго внутренняго волненія гораздо поуспокоился, и положилъ по крайней мѣрѣ смотрѣть, что будетъ впередъ и не перемѣнятся ли обстоятельства?

И въ самомъ дѣлѣ, какъ въ скоромъ времени послѣ того надлежало мнѣ еще къ нимъ съѣздить, и тамъ случилось въ тоже время быть и теткѣ невѣсты моей, Матренті Васильевнѣ Арцыбашевой, и сей хотѣлось, чтобъ я послѣ побывалъ и у ней въ домѣ, находившемся почти на дорогѣ и на половинѣ пути отъ моей деревни до Коростина, и я охотно желаніе ея исполнилъ и къ ней ѣздилъ и у ней былъ: то спознакомившись при всѣхъ сихъ случаяхъ, какъ съ нею, такъ и съ

самою матерью невѣсты моей уже короче, былъ я такъ доволенъ объихъ сихъ госпожъ къ себѣ ласками и благопріятствомъ, и мнѣ объ онѣ казались столь благоразумными и такого хорошаго, тихаго, степеннаго и благовравнаго поведенія, что они вперили въ меня къ себѣ искренное почтеніе и самое уваженіе; а сіе много уменьшило и прежнее мое неудовольствіе на невѣсту. А и сама сія казалась мнѣ опять не таковою для меня противною, каковою показалась она мнѣ въ помянутый несчастный день, и не только сноснѣйшею, но сколько-нибудь ко мнѣ благопріятнѣйшею. А все сіе и расположило духъ мой къ ея пользѣ.

По наступленіи Петровскаго поста, который въ сей годъ былъ очень не великъ, рѣшился я употребить оный на побываніе въ Москвѣ, куда хотѣлось мнѣ съѣздить, какъ для закупки всѣхъ нужныхъ вещей къ свадьбѣ, такъ въ особливости для того, чтобъ убѣдять просьбою моею старика дядю моего, Матвѣя Петровича, съѣхать на то время, какъ я буду жениться, въ деревню, и послужить мнѣ при семъ важномъ случаѣ вмѣсто отца.

Итакъ, собравшись налегкѣ, отправился я въ Москву. И это было въ четвертый разъ послѣ приѣзда моего въ отставку, что я былъ съ сей нашей столицѣ.

Мое первое дѣло было адресоваться съ просьбою моею къ дядѣ, и старикъ согласился на просьбу и желаніе мое охотно, и по любви своей ко мнѣ радовался искренно тому, что я нашелъ себѣ невѣсту и что онъ будетъ имѣть еще удовольствіе видѣть меня женатымъ. Какъ онъ, такъ и все его семейство, и тамошніе его родные и мои знакомцы разспрашивали меня обо всемъ и обо всемъ, и не только одобряли, но и одобрили мое предпріятіе, и госпожа Павлова, какъ знающая свѣтъ боярыня, не преминула дать мнѣ кой-какіе относящіеся до свадьбы и прочихъ обстоятельствъ благоразумные совѣты.

Непреминулъ я также побывать и у дяди своего, господина Арсеньева. Онъ и тетка, любившіе меня также искренно,

поздравляли меня равномерно съ невѣстою, разспрашивали обо всѣхъ обстоятельствахъ и желали мнѣ всякаго благополучія и всего добраго въ свѣтѣ.

Хотѣлось-было мнѣ очень побывать и у князя и княгини Долгоруковыхъ, такъ много мнѣ благопріятствовавшихъ; но какъ опасался я найтись въ домѣ у нихъ кого-нибудь изъ дома г. Бакѣева, къ сему же въ домъ не отваживался я никакъ ѣхать, ибо не надѣялся никакъ еще самъ на себя, а опасался, чтобъ не могъ возмутить духъ мой опять предметъ прежній: то не поѣхалъ ни къ нему, ни къ князю, и хотѣлъ лучше, въ случаѣ еслибъ они и узнали, что я былъ въ Москвѣ, оставить ихъ въ нѣкоторомъ на себя неудовольствіи, нежели подвергнуть себя безъ дальней нужды очевидной опасности. А я невѣдомо какъ радъ былъ тому, что годичное время успѣло страсть мою такъ ослабить и изложить, что она около сего времени не причиняла уже мнѣ ни малѣйшаго безпокойства.

Впрочемъ былъ я въ сей разъ въ Москвѣ очень недолго, и не успѣлъ съ помянутыми родственниками своими повидаться и исполнить все нужное къ свадьбѣ, какъ и спѣшилъ возвратиться домой, чтобъ успѣть достальное все кончить, что у меня было начато и еще неокончено.

Итакъ, по возвращеніи своемъ въ деревню, и занялся я дѣйствительно всѣмъ тѣмъ въ достальное время поста. А вскорѣ послѣ меня непреминулъ съѣхать съ Москвы и пріѣхать къ вамъ и дядя мой, и увидѣвъ переправленные мои хоромы, не могъ выдумку мою довольно расхвалить и ей надивиться. Впрочемъ не преминулъ я также побывать еще раза два и у своей невѣсты, съ которою познакомливался я отчасу больше.

Наконецъ окончился нашъ постъ и начался мясоѣдъ; долженствующій рѣшить мой жребій и судьбу мою кончить. Чѣмъ ближе подвигался я къ сему времени, тѣмъ болѣе волновался, и смущался и безпокоивался весь духъ мой. Совершенная неизвѣстность—будетъ ли мнѣ женитьба моя удачна, или нѣтъ, и

вѣе ли я чрезъ оную сдѣлаюсь или безсчастнѣе,—тревожила меня и смущала чрезвычайно, и тѣмъ паче, что не было никакихъ особыхъ видовъ, которые могли-бъ льстить меня сколько-нибудь пріятными надеждами,—а встрѣчались съ мыслями моими болѣе сумнительствы въ полученіи всего того, чего наиболѣе желало мое сердце.

Сіе, будучи сотворено уже отъ природы съ наинѣжвѣйшими чувствованіями, желало всего болѣе, чтобъ и будущій сотоварищъ въ жизни моей имѣлъ сердце съ такими-жъ чувствіями, или сколько-нибудь ему подобное. Но сіе было не только неизвѣстно, но, къ величайшему моему неудовольствію, не было къ тому ни малѣйшаго луча надежды. Ибо, сколько ни старался я то примѣчать при всѣхъ моихъ съ нею свиданіяхъ, подававшихъ мнѣ случай къ разговорамъ съ нею о разныхъ матеріяхъ и къ желаемому испытыванію и узнаванію всѣхъ ея природныхъ способностей, а отчасти и самыхъ свойствъ душевныхъ; но не могъ примѣтить ни малѣйшей къ тому склонности, что хотя и приписывалъ я чрезвычайной ея молодости,—но все-таки надѣялся и желалъ найти въ ней хотя нѣкоторые пачатки и приготовленія къ тому; но какъ не находилъ и сихъ, то огорчало сіе меня до безконечности.

При таковыхъ обстоятельствахъ другого не оставалось, какъ брать прібѣжище свое къ философическимъ разсужденіямъ, и ополчаться не только терпѣніемъ, но относительно до всего, могущаго быть, и философическою твердостью духа. Ни въ которое время не нужна была и не помогала мнѣ такъ много моя философія, какъ въ сіе, которое можно почесть самымъ критическимъ въ моей жизни.

Не одинъ разъ по нѣсколькимъ минутъ, а иногда по цѣлому часу хаживалъ я по любимой своей, и подъ тѣнію деревъ въ саду проложенной и пробитой тропинкѣ взадъ и впередъ, и углублялся въ философическія размышленія и предварительныя сужденія о будущей и неизвѣстной

судьбѣ своей! Не одинъ разъ восклицалъ я самъ въ себѣ:

А!... что будетъ, если въ будущей женѣ своей не найду я себѣ такого товарища, какого желала вся внутренность души моей и жагаетъ и по нынѣ мое сердце?.. Что будетъ, если не найду въ ней такого друга, къ которому бы имѣлъ я и которая бы взаимно имѣла ко мнѣ нѣжнѣйшія чувствованія, которому-бъ могъ я сообщать всѣ внутреннія дѣйствія души моей, всѣ мои мысли и помышленія и всѣ желанія и хотѣнія моего сердца, и которая за удовольствіе бы поставляла себѣ во всемъ согласоваться съ оными?... Что будетъ, если между правами—моими и будущей подруги моей не будетъ ни малѣйшаго согласія и единообразія, но случится въ ней правъ и чувствованія совсѣмъ противоположныя моимъ, и ни въ чемъ не можно будетъ сладить и согласиться съ нею?... Можно-ли тогда ожидать всѣхъ тѣхъ блаженныхъ утѣхъ и непорочныхъ радостей и веселостей въ жизни, какія ласкался и ласкаюсь я всегда получить отъ супружества себѣ, и какими пользуются и наслаждаются дѣйствительно многія счастливыя четы?... Что будетъ, если и при дальнѣйшемъ возрастѣ пребудетъ она таковою-жъ, каковою она мнѣ теперь кажется, незнающею ничего и неимѣющею ни малѣйшей склонности къ чтенію, наукамъ и познаніямъ?..

Нынѣ приписываю я то ея молодости воспитанію и льщу себя надеждою, что современемъ вперю я въ нее сіи блаженныя склонности! Но, что будетъ, если и въ сей надеждѣ обмануся и если окажется, что она отъ природы ни къ чему такому, чего бы я желалъ, неспособна, и въ ней нѣтъ и врожденныхъ склонностей къ тому?... Что будетъ, если и вышедши замужъ и достигши до возраста совершеннаго, будетъ и останется она навсегда таковою-жъ несловоохотною и таковою-жъ неласковою ко мнѣ, каковою я вижу ее нынѣ?... Ну что, если и это въ ней природное, и если и тогда не увижу и не дождусь я отъ ней ни малѣйшихъ ласкъ и такихъ привѣтствіевъ ко

мнѣ, какія составляютъ душу счастливыхъ супружествъ и всего болѣе взаимной любви посѣществуютъ!... Что, если она и тогда будетъ такая-жъ несмѣлана и я не увижу никогда въ ней ни радости, ни удовольствія и всего того, что веселымъ и пріятнымъ называется, или, что того еще хуже, если будетъ она всегда невесела и всѣмъ и всегда недовольна и только въ однихъ жалобахъ на все и все въ безпрерывномъ ропотѣ все свое удовольствіе находить будетъ?..

«Несчастныя такіе права бываютъ не рѣдко въ свѣтѣ, а особливо между женщинами!... И ну, если, къ несчастію моему, она имѣть будетъ таковой и притомъ еще вмѣсто любви—ненависть ко мнѣ?... Что тогда изволишь дѣлать?... Какою желчію станетъ напоить она все веселіе и блаженство дней моихъ!... Какой необъятной трудъ и какое философическое терпѣніе потребно будетъ мнѣ тогда къ великодушному переносенію всего того, и какое искусство къ привраиванію себя къ характеру такому... Ахъ! сіе устраниваетъ меня всего болѣе...

«Но съ другой стороны, ежели вспомнить и подумать о томъ, что всѣ брачныя и толь великое на всю человѣческую жизнь и на все ихъ потомство вліаніе имѣющіе союзы не происходятъ и не могутъ никакъ происходить по слѣпому случаю, а располагаются невидимою рукою пекущагося объ насъ божескаго Промысла и святымъ его Провидѣніемъ; то, что можно учинить вопреки велѣнію его, и можно ли уклониться отъ того, чему должно быть по сему мудрому распоряженію его?... Ахъ! Въ семъ случаѣ другого не остается, какъ повиноваться совершенно волѣ его и быть довольнымъ такою, какою угодно будетъ самому Господу надѣлать меня... Онъ знаетъ совершеннѣе, что для насъ лучше и что хуже, и вѣрно избересть и избираетъ всегда наилучнѣйшее для насъ... Итакъ, его святая воля и буди въ томъ, а мнѣ остается только охотно принять жену отъ десницы его и быть увѣреннымъ, что избрана она мнѣ Имъ, и вѣрно не ко вреду, а къ пользѣ моей,

и чтобъ въ случаѣ, если что и откроется въ ней дурное и для меня непріятное, такъ несомнѣваться въ томъ, что самъ онъ и поможетъ мнѣ переносить все то съ терпѣніемъ и съ спокойнымъ духомъ».

Вотъ какимъ образомъ, удаляясь отъ всѣхъ людей, помышлялъ, озабочивался, смущался и чѣмъ самъ себя ободрялъ и подкрѣплялъ я въ самые послѣдніе дни предъ своею женитьбою. И не одинъ разъ было то, что я не прежде выходилъ изъ сада, какъ повергнувъ себя гдѣ-нибудь въ скрытомъ уголѣ предъ невидимымъ и вездѣприсутствующимъ высочайшимъ Существомъ, вѣряя ему вновь всю свою судьбу и все свое счастье и несчастье, и возвергая на него всю мою надежду и упованіе!

Нынѣ, пишучи сіе при позднемъ вечерѣ дней своихъ, и препроводивъ уже болѣе сорока лѣтъ въ моемъ супружествѣ, и обозрѣвая умственнымъ окомъ все сіе долговременное теченіе онаго, могу и долговременно теченіе онаго, могу и долговременно сказать и призваться, что во многихъ изъ вышеупомянутыхъ тогдашнихъ умозаключеніяхъ своихъ, а особливо въ надеждѣ и упованіи моемъ на Творца моего, я нимаю не ошибся. Но благодѣтельствующій и о пользѣ моей пекущійся святой Промыслъ Господень не одарилъ хотя меня нѣкоторыми изъ желаемыхъ тогда моимъ сердцемъ выгодъ и вещей; но замѣнилъ то инымъ съ лихвою и такъ, что я тысячу причинъ имѣлъ и имѣю быть судьбою своею довольнымъ, и что я всего меньше могъ не только тогда, но и въ первые годы моего супружества того предвидѣть, что Провидѣнію Господню угодно было совершенное удовлетвореніе тогдашнимъ вожделѣніямъ сердца моего произвестъ и осчастливить гѣмъ меня не тогда, а предоставить оно дальнѣйшему, предбудущему и тому времени, когда имѣть я буду уже дѣтей, и въ нихъ во всѣхъ, а особливо въ дарованномъ мнѣ отъ онаго сынѣ, доставить мнѣ наконецъ то въ полномъ совершенствѣ, чего желала тогда вся внутренность души моей, то-есть совершенное во всемъ важнѣйшемъ подобіе самому себѣ, и та-

кого друга, собесѣдника и во всѣхъ моихъ чувствованіяхъ соучастника, какого я себѣ только желать могъ и который вмѣстѣ съ сестрами своими, доставивъ мнѣ несмѣтныя тысячи минутъ пріятныхъ и блаженныхъ въ жизни, служить и нынѣ утѣшеніемъ мнѣ при старости моей и дѣлаеть и самые поздніе дни мои блаженными,—и за что за все не могу и довольно возблагодарить Господа.

Возвращаясь теперь къ повѣствованію моему, скажу, что какъ хозяйкою во время сего приближающагося торжества, быть въ домѣ моемъ назначалъ я тетку мою, Матрену Ивановну Аникѣеву, и не ходилъ никого способнѣе къ тому онай, ибо мнѣ хотя и весьма хотѣлось, чтобъ находилась при томъ и сестра моя Травина, но ей за болѣзнію своею быть ко мнѣ никакъ было не можно, а поелику помянутая тетка жила всѣхъ прочихъ ближе, то и послалъ я за нею за нѣсколько дней до свадьбы. А какъ она не отреклась нимаю ко мнѣ прѣхать, и охотно согласилась на мою просьбу, чтобъ быть въ сіе время вмѣсто матери моей хозяйкою въ моемъ домѣ; то и принялась мы съ сею милою и любезною старушкою готовить и запасать все, что нужно было къ сему великому для меня празднику, также совѣтовать о томъ, кого и кого пригласить намъ къ сему случаю и какъ лучше расположить намъ все сіе дѣло.

Всѣ изъ нашихъ мнѣ знакомыхъ сосѣдей приглашены были къ сему празднику. Но знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ былъ тотъ же дядя мой г. Каверинъ, о которомъ я упоминалъ прежде. Онъ съ женою своею и сосѣдъ мой, господинъ Ладыженскій также съ женою, были наизнаменитѣйшіе мои гости. Однако были и нѣкоторые другіе. Сверхъ того присутствовалъ при томъ и дядя мой родной, Матвѣй Петровичъ. Старикъ же генералъ, дѣдъ мой, непохотѣлъ никакъ удостоить меня своимъ посѣщеніемъ, хотя и былъ къ тому убѣдительно и приглашаемъ. Но я того на немъ и не взывалъ, потому что онъ нигуда почти не

ѣздилъ со двора, и могъ бы намъ при семь случаѣхъ надѣлать болѣе связи, нежели удовольствія.

Впрочемъ, для сдѣланія праздника сего колико можно лучшимъ, порядочнѣйшимъ и веселѣйшимъ; то не только запаслись мы нужною провизіею и конфектами, но выпросили, не помню у кого, хорошаго повара, также достали и музыку. Сію выпросили мы у господина Трусова, мужа сосѣдки моей, Натальи Ивановны. А чтобъ не стыдно мнѣ было приѣхать къ церкви, то не помню также отъ кого, выпросилъ и досталъ я себѣ на это время двумѣстную карету. Словомъ, мы не упустили ничего, что только можно было намъ съ теткою сдѣлать и приготовить къ сему случаю.

Наконецъ, Ивановна моя должна была то и дѣло переѣзжать то отъ насъ въ домъ къ невѣстѣ, то отъ нихъ къ намъ и совѣщаться о томъ, когда именно быть нашей свадьбѣ и гдѣ совершаться сему таинственному и священному обряду; и какъ съ обѣихъ сторонъ всѣ нужныя приготовления къ тому были сдѣланы, то и не стали мы долге медлить, но назначили къ тому 4-е число мѣсяца іюля и согласились съ обѣихъ сторонъ, чтобъ бракосочетанію быть въ стоящей на дорогѣ и на половинѣ почти разстоянія отъ нихъ и отъ меня, посторонней церкви въ селѣ Гатницахъ, и чтобъ обрядъ сей совершать отцу Иларіону, какъ моему духовнику.

Какимъ образомъ все сіе происходило, о томъ расскажу я въ письмѣ послѣдующемъ, ибо сіе увеличилось бы чрезъ то надъ мѣру. Итакъ, окончивъ оное, скажу, что я есмь, и прочая.

МОЯ СВАДЬБА.

Письмо 116-е.

Любезный пріятель! Наконецъ приступаю я къ повѣствованію вамъ исторіи того дня, который былъ наиважнѣйшимъ въ моей жизни,—того самаго дня, въ которой сдѣлался я уже женатымъ

мужемъ, и который никогда не выдетъ у меня изъ памяти.

Во весь онъ былъ я равно какъ въ иѣкакомъ чадѣ и туманѣ, и отъ разныхъ душевныхъ движеній въ такомъ смущеніи, что всѣхъ подробныхъ и мелкихъ происшествій, бывшихъ въ сей день, вовсе не упомню и не могу никакъ всѣ ихъ, видѣнныя какъ во снѣ, описать вамъ такъ, какъ бы хотѣлось. Одно то только мнѣ памятно, и памятно очень, что весь праздникъ сей былъ хотя изрядный, но болѣе простъ, нежели великолѣпенъ. Не было при ономъ не только ничего чрезвычайнаго, но еще многого и недоставало къ тому, чтобъ быть ему порядочному и такому, какіе обыкновенно бывають при такихъ случаяхъ.

Причиною тому былъ не я и не моя тетка, также и не скупость моя. Провизіи всякой и другихъ вещей приготовлено и запасено было множество; но недоставало людей, которые могли-бъ сдѣлать при томъ лучшія распоряженія и расположить все сіе дѣло такъ, чтобъ было мнѣ непостыдно. Не было ни кого, кто-бъ могъ быть при томъ добрымъ хозяиномъ и распорядителемъ. Людей было хотя много, но все на большую часть—старые, послѣднихъ обыкновеній незнающіе, да и неспособные. Изъ молодыхъ же не было и не случилось ни единого чловѣка, которому-бъ можно было быть шаферомъ, или хотъ нѣсколько потанцовать. А то музыка хотя и была, но для единого только слуха. Словомъ, свадьбка была самая простая дворянская, и не съ пышной руки и не мотовская. Но ежели здраво разсудить, то такая была и здоровѣе и для обѣихъ сторонъ соединена была съ меньшими хлопотами и затрудненіями.

Гости, приглашенные мною къ сему торжеству, съѣхались ко мнѣ еще наканунѣ того дня, какъ быть свадьбѣ,—и довольно рано, ибо всѣмъ хотѣлось видѣть, какъ привезутъ приданое. И какъ погода тогда стояла наилучшая іюльская, то весь вечеръ проводили мы въ саду, гуляя въ ономъ и слушаая играющихъ вол-

торнистовъ, ибо музыка была къ намъ уже привезена, и мы восхотѣли ея пользоваться. И это было въ первый еще разъ, что раздавался звукъ музыкалическихъ инструментовъ въ моемъ саду и окрестностяхъ моего жилища.

Въ самое то время, какъ мы помянутымъ образомъ въ саду гуляли и занимались музыкою, возвѣщено намъ было, что показались везущіе приданое. Всѣ мы бросились тогда изъ сада въ хоромы и спѣшили притти туда прежде ихъ прїѣзда, дабы видѣть весь порядокъ наблюдаемаго при томъ обыкновеннаго обряда.

Приданое было хотя очень незнаменитое, въ какомъ и не было никакой надобности, поелику невѣста шла за меня со всѣмъ своимъ достаткомъ,— да и самаго платья, по молодости ея, нельзя было готовить многого; однако привезли оное по обыкновенію на нѣсколькихъ цугахъ и вносили какъ кровать, такъ и все прочее, при зрѣніи сбѣжавшагося народа, по обычаю, на коврахъ и церемоніально. Для поставленія кровати съ обыкновеннымъ ея занавѣсомъ, отвели мы тотъ наугольный покоецъ, въ которомъ я до того времени спалъ; и какъ присланные люди оную поставили и нанятишъ снарядили; то угостивъ и одаривъ ихъ по обыкновенію, отпустили мы ихъ обратно и уже довольно поздно ночью, и по отъѣздѣ ихъ спѣшили и сами взять скорѣй покой себѣ.

Послѣдующій затѣмъ и достопамятный день встрѣтилъ я съ особыми чувствіями. Увидѣвъ чистое и прекрасное восходящее солнце, вздохнувъ, сказалъ я самъ себѣ къ нему:

«Въ послѣдній разъ, будучи холостымъ, вижу я тебя, о солнце, восходящимъ! Еще прежде нежели ты опустишься за горизонтъ, присоединюсь уже я къ мужамъ женатымъ, и въ завтрашній день буду видѣть восходъ твой уже перешедъ въ состояніе иное... О, буду ли я въ ономъ счастливъ? И будетъ ли будущая подруга моя помогать мнѣ веселиться такъ много тобою и твоимъ утреннимъ свѣтомъ, какъ много веселился я тобою, бу-

дучи холостымъ, и въ свободномъ состояніи.

Первая мысль сія повлекла тотчасъ за собою многія и другія, и я вскочивъ и накинувъ на себя легкое утреннее платье, побѣжалъ въ садъ, и уклонившись отъ людей, палъ ницъ на землю предъ невидимымъ Господомъ и Отцомъ своимъ небеснымъ, и принося ему за все обыкновенныя свои благодаренія, просилъ его на колѣняхъ о сниспосланіи на меня благословенія своего въ сей толико важный для меня день, и о томъ, чтобъ онъ былъ ко мнѣ милостивъ.

Едва я успѣлъ возвратиться изъ сада, какъ сказано мнѣ было, что приполъ уже священникъ съ своимъ причтомъ для служенія всенощной. Былъ то отецъ Иларіонъ съ братомъ своимъ, дьякономъ Иваномъ и его дѣтьми. Мы тотчасъ начали служеніе и отслужили, не только всенощную, но потомъ и молебень съ водосвятиемъ и весь домъ окропленъ былъ освященною водою. Никогда почти не маливался я съ такимъ усердіемъ и благоговѣніемъ, какъ въ сей разъ; но и было о чемъ молиться.

Обѣдъ былъ у насъ ранній и не слишкомъ церемоніальный, а послѣ обѣда и начали мы тотчасъ собираться и располагать время такъ, чтобъ намъ отъ церкви возвратиться можно было не позже и не ранѣе сумерекъ. Меня нарядили и убрали, какъ водится, однако не съ пышной руки и не такъ, какъ бы какого петиметра. Наконецъ, какъ все было уже готово, то поставленъ былъ по обыкновенію посреди комнаты столъ съ образомъ и хлѣбцомъ и солью. За оный посадили меня и всѣхъ, ѣхавшихъ со мною въ церковь.

По возстаніи изъ-за стола и по принесеніи послѣднихъ молитвъ Господу, благословляемъ былъ я образомъ вмѣсто отца,— дядею моимъ Матвѣемъ Петровичемъ, а вмѣсто матери—теткою Матреною Ивановною. Слеза, капнувшая изъ глазъ моихъ, смочила тогда самую икону, съ которою, по обыкновенію, еще старинному, воѣхалъ впередъ помянутый

духовникъ мой. Я послѣдовалъ за нимъ и, сѣвши съ дядею Захарьемъ Федоровичемъ въ карету, ѣхалъ во всю дорогу, самъ себя почти не помня отъ волнующихся въ душѣ моей разныхъ мыслей и пристрастій. Погода случилась тогда наипрекраснѣйшая и день самый ясный, тихій и жаркій.

Мы приѣхали къ церкви еще довольно рано, и тутъ не было еще никого. Обрядъ требовалъ, чтобъ невѣстѣ приѣзжать послѣ и чтобъ жениху ненако какъ нѣсколько времени дожидаться оной въ церкви, и сіе обыкновеніе наблюдалось какъ-то отъ самой древности. Каковы были для меня сіи минуты, а особливо та, въ которую увидѣли мы показывающіеся съ горы экипажи невѣсты моей и другіе съ нею бывшіе, того описать и изобразить никакъ я не могу, а довольно, когда скажу, что во все сіе время сердце у меня было далеко не на мѣстѣ и трепетало такъ сильно, что въ ту минуту, когда сказали намъ, что подѣхали они уже въ входу церковному, хотѣло оно изъ меня власно какъ выпрыгнуть.

Наконецъ введена была въ церковь и невѣста, и вошли и всѣ приѣхавшіе съ нею мужчины и женщины. Взоры мои устремились натурально тотчасъ на ту, которая чрезъ нѣсколько минутъ долженствовала соединиться со мною неразрывными узами. И какъ она мнѣ въ сей разъ отменно хороша и столь пріятною показала, каковою она мнѣ никогда еще до того не была; то сіе ободрило меня очень, и я бодро и охотно пошелъ за ведущимъ меня на средину церкви. Но тутъ, не успѣли насъ обоихъ поставить рядомъ и начать обрядъ бракосочетанія, какъ мало по малу смущаясь мыслями, пришелъ я въ такое замѣшательство мыслей и кровь во мнѣ взволновалась столь сильно, и я въ такомъ находился безпорядкѣ, что я дрожалъ тогда такъ, какъ-бы отъ лихорадки или отъ мороза, хотя было тогда въ церкви и очень еще жарко. И состоянія, въ какомъ находился я во все время, покуда отправлялся сей священникъ

и таинственный обрядъ, не въ силахъ я никакъ изобразить словами мои. Я былъ внѣ себя и самъ себя почти не помнилъ.

Совершаемъ былъ оный помянутымъ духовникомъ моимъ, отцемъ Иларіономъ, со всею важностію и степенностію, каковая была сему духовному мужу свойственна и какой требовало и самое существо сего обряда. По окончаніи онаго прочтено было намъ небольшое и обыкновенное въ семъ случаѣ поученіе. Когда же все кончилось и я поцѣловалъ въ первый разъ невѣсту свою такъ, какъ уже жену свою: то возгремѣли со всѣхъ сторонъ поздравленія и начались взаимныя рекомандаціи между всѣми въ новое родство и знакомство другъ съ другомъ вступившими. И минуты сіи были для меня восхитительны! Съ меня свалилась тогда власно какъ нѣкая гора съ плечъ и я сдѣлался уже веселѣе и отважнѣе.

По окончаніи сего обряда и обыкновеннаго при томъ этикета, поѣхали мы домой и спѣшили колико можно ѣздомъ, чтобъ успѣть доѣхать еще засвѣтло и за нѣсколько минутъ прежде прочихъ. Вовесь сей обратный путь былъ я уже гораздо веселѣе и спокойнѣе въ мысляхъ. Я чувствовалъ въ себѣ нѣкакое облегченіе и власно какъ новую жизнь, и не однажды говорилъ самъ себѣ:

«Ну, слава Богу. Какъ бы то ни было, но дѣло теперь уже кончилось и я теперь уже женатый мужъ!... Теперь не станеть меня уже болѣе мучить нерѣшимость и сомнительства прежнія. Неразрѣшимый узелъ уже связанъ и теперь остается только просить Бога, чтобъ онъ благословилъ сей нашъ бракъ своею святѣйшею десницею и не отвергъ насъ обоихъ отъ лица своего, но продолжалъ прежнія свои ко мнѣ щедроты и милости. Далѣе должно мнѣ помышлять уже о томъ, какъ бы довольнымъ быть симъ со мною произшествіемъ, о которомъ увѣренъ я, что не могло никакъ произойтти и совершиться безъ воли и соизволенія на то моего Бога. А восходствіе того и должно мнѣ съ сего времени

уже стараться принаравливать себя ко всему и ко всему, и какъ во времени, такъ и къ обстоятельствамъ, въ какихъ я впредь находиться буду, несмотря каковыми бы имъ быть ни случилось и быть всѣмъ довольнымъ, что-бъ ни воспослѣдовало со мною!»

Такъ самъ съ собою говоря и размышляя, проводилъ я все время при обратнѣйшей своей ѣздѣ отъ церкви. Мы приѣхали домой дѣйствительно въ самыя сумерки, такъ что насъ встрѣтили уже съ огнемъ и всѣ комнаты мои освѣщены были множествомъ огней. Валторны встрѣчали насъ своимъ звукомъ уже издалека, а не успѣли мы приѣхать и я, принявъ изъ коляски молодую свою жену, подвѣсть ее къ крыльцу, гдѣ при входѣ въ домъ встрѣчалъ насъ дядя и тетя съ образомъ и хлѣбомъ и солью, и не успѣли мы къ первому приложиться, а послѣдній принять и поцѣловать и древній сей похвальный обрядъ кончить, какъ при входѣ нашемъ въ покои загремѣла музыка и не преставала играть разныя симфоніи, покуда не окончился весь вечерній столъ, за который тотчасъ насъ и посадили.

Столъ сей набранъ и приготовленъ былъ не въ залѣ, а въ угольной и той комнатѣ, гдѣ я прежде сего жила и которую въ прежнюю свою бытность въ деревнѣ распачкивалъ разными фигурами, но которая тогда обита была уже обоими и прибрана лучше. И какъ столъ поставленъ былъ глаголемъ, то и оказалось въ ней довольно простора для помѣщенія гостей всѣхъ.

Мы вовесь ужинъ, по глупому старинному обыкновению, ничего не ѣли, да и прочіе ѣли мало. Кушанье въ настрипано и приготовлено было хотя и очень много и болѣе нежели сколько еще надобно было; но какъ тогда не было еще въ обыкновении кушанья обносить кругомъ лакеямъ въ соусникахъ и блюдахъ, а все надлежало кому-нибудь изъ сидящихъ за столомъ раздавать; то за бездѣлкою стало дѣло,—что кушанье раздавать было некому. Изъ стариковъ ни-

кому не хотѣлось принять на себя сію комиссію, а помоложе, и такого, кто-бъ могъ сію должность взять на себя, никого не было и не случилось; итакъ, уже кое-какъ и кое-къмъ было дѣло сіе совершаемо, и я размучился въ прахъ съ досады, примѣти и видя сей безпорядокъ, но которому пособить былъ не въ состояніи, да и переимѣнить было нечѣмъ.

По окончаніи ужина тотчасъ повели насъ за такъ-называемые сахары или за столъ, установленный конфетами и другими всякаго рода фруктами и вареньями. Сей столъ приготовленъ былъ въ тогдашней моей жилой и лучшей угольной комнатѣ, ибо въ комнатѣ, или другой угольной поставлена была кровать. Тутъ подчиваны мы были кофеемъ и конфетами, а потомъ отведена была невеста въ спальню и раздѣваема была боярынями, которыя возвратясь оттуда и распрощавшись съ нами, возвратились всѣ въ прежнюю столовую комнату, изъ которой между тѣмъ вынесены были столы и сдѣланъ былъ просторъ желаемый.

Ничто мнѣ тогда такъ досадно не было, какъ извѣстное древнее и наиглубѣйшее наше обыкновение, наблюдаемое еще и нынѣ при множайшихъ бракосочетаніяхъ, но начинающее нынѣ мало-по-малу выходить изъ обычая; а именно, чтобъ всѣмъ ночующимъ тутъ въ домѣ гостямъ не спать, а въ сукѣ дожидаться иногда по нѣскольку часовъ, покуда можно будетъ имъ новобрачнымъ принести свои поздравленія.

Глупое и досадное сіе обыкновение почиталось такъ свято, что и помыслить было не можно о преступленіи онаго, какъ много ни желать я того. Въ особенности же хотѣлось мнѣ сего для того, чтобъ доставить скорѣе покой незнакомымъ и новымъ гостямъ своимъ, которымъ, за дальностію ихъ домовъ, ѣхать было уже некуда, а всѣмъ надлежало ночевать у меня же въ домѣ.

И хорошо, что въ сей разъ такъ случилось, что гостямъ не долгое время принуждено было сидѣть молча и проводить время свое въ сукѣ, и что, за

препровожденіемъ цѣлаго почти часа въ посѣщеніи новобрачной всѣми гостями, во взаимныхъ поздравленіяхъ, при опоражниваніи всѣми, по обыкновенію, покала съ напитками, и въ изъявленіи всеобщей радости и прочихъ, бываемыхъ при такихъ случаяхъ обрядовъ,—осталось еще довольно времени къ тому, чтобъ всѣмъ и выпастся и взять отдохновеніе.

Между тѣмъ какъ въ домѣ моемъ происходило сіе брачное пиршество и весь оный наполненъ былъ такимъ множествомъ народа, какого никогда въ немъ до того не бывало; мать жены моей, сдѣлавшая тогда уже моею тещею, для скорѣйшаго объ насъ и обо всемъ узнавія, и чтобъ быть къ намъ ближе, переѣхала послѣ насъ изъ Калединки, откуда невѣста отпускаема была къ вѣнцу, ночевать въ Ченцовскій заводъ, къ общей нашей знакомѣ Ивановѣ.

Тутъ нашелъ я ее на другой день, приѣхавши по утру по обыкновенію благодарить ее за содержаніе и воспитаніе своей дочери и для приглашенія ея къ намъ на обѣдъ или такъ-называемый княжой пиръ, на который она приѣхала вслѣдъ почти за мною. И съ сего времени мы уже не разставались никогда съ нею, но она, сдѣлавшись общою нашею семьянинкою, къ особливому счастью обоихъ насъ съ женою и дѣтей нашихъ, жила всегда уже съ нами и живеть еще и понынѣ и приобрѣла къ себѣ отъ меня такое почтеніе и уваженіе, что я всегда не иначе ее себѣ почиталъ, какъ своею родною матерью.

Помянутый княжой пиръ былъ уже не только порядочнѣе, но и живѣе и веселѣе предслѣдовавшаго ужина. Всѣ гости сдѣлались уже другъ другу знакомѣе и между всѣми господствовала радость и удовольствіе. Музыка гремѣла опять во все продолженіе стола, равно какъ и во все послѣобѣденное время, которое препровождено было всѣми безъ скуки и весело.

Мы старались угостить koliko можно лучше всѣхъ гостей своихъ и не отпустили никого изъ нихъ отъ себя, не упро-

сивъ ночевать еще у насъ ночь. И они разѣхались не прежде какъ послѣ обѣда, уже на третій день, и разстались съ нами съ удовольствіемъ и пожеланіями намъ всѣхъ благъ и благополучнаго супружества. Мы же, съ своей стороны, въ особенности довольны были тѣмъ, что никакое противное и досадное происшествіе не помутило общей нашей радости и удовольствія во все время брачнаго сего пиршества, и что и самая погода была наилучшая.

Симъ образомъ кончилось наше пиршество и я сдѣлался мужемъ женатымъ, вступилъ со многими, до того со всѣмъ незнакомыми людьми въ новое родство и знакомство, и перешелъ совсѣмъ въ иной и отъ прежняго отицнцый образъ жизни. Моя прежняя одинокая и уединенная жизнь кончилась и я нажилъ себѣ уже семейство, которое было хотя не велико, но все уже былъ я не одинъ какъ прежде.

И какъ съ сего времени пошло уже все иное, то дозвольте и мнѣ дальнѣйшее повѣствованіе о случившихся со мною произшествіяхъ начать съ письма послѣдующаго, а теперешнее симъ окончить, и сказать вамъ, что я емь и прочая.

СВАДЕБНЫЕ ВИЗИТЫ.

Письмо 117-е.

Любезный пріятель! Начиная теперь описывать вамъ исторію моей жизни съ того времени, какъ я женился, скажу вамъ, что по окончаніи брачнаго пиршества и по разѣздѣ гостей, мое первѣйшее дѣло было то, чтобъ вмѣстѣ съ молодою своею женою объѣздить всѣхъ, бравшихъ въ брачномъ пиршествѣ нашемъ соучастіе и одолжившихъ насъ своимъ посѣщеніемъ и принести имъ нашу общую благодарность; также, чтобъ познакомить новыхъ семьянинокъ своихъ короче съ моими родственниками и сосѣдями, а между тѣмъ и самому спознаться ближе съ матерью жены своей, также и съ самою ею.

Какъ всѣхъ болѣе одолжила меня при

семь случаѣ тетка моя Матрена Ивановна; то первѣйшее наше попеченіе было о томъ, чтобъ угостить ее koliko можно лучше и отпустить отъ себя, осипавъ нашими благодареніями. Она пробыла у насъ всѣхъ прочихъ гостей долѣе, и поѣхала отъ насъ уже на четвертый день послѣ свадьбы. Не преминули мы также съ обѣихъ сторонъ возблагодарить и нашу Ивановну за всѣ ея труды, хлопоты и старанія, и возблагодарили ее не только словами, но и дѣломъ. И добродушная сія старушка была по смерти своей нами очень довольна, и съ сего времени, не только бывала очень часто въ нашемъ домѣ, но и гащивала у насъ иногда по нѣскольбу дней сряду, и мы ей всегда были очень рады, и жена моя, позабывъ скоро всю свою прежнюю на нее досаду, стала любить ее столько же, сколько любила прежде.

Послѣ того и прежде всѣхъ свозилъ я новыхъ сотоварищей своихъ къ превосходительному сосѣду и дѣду своему, престарѣлому генералу, и познакомилъ ихъ съ онымъ. Онъ принялъ ихъ съ обыкновенными своими притворными ласковостями и показался имъ по благопріятству своему сущимъ ангеломъ, хотя въ самомъ дѣлѣ онъ далеко не таковъ былъ.

Дядѣ моему родному, Матвѣю Петровичу, принесли мы также свое благодареніе, и сей не преминулъ угостить насъ обѣдомъ, и былъ выборомъ моимъ такъ доволенъ, что по кончину свою отзывался всегда хорошо, какъ о женѣ моей, такъ и тещѣ. Онѣмѣвшая и жалкая его жена изъясляла намъ также свои ласки своими жестами и давала знать, что она одобряетъ мой выборъ. Другой дядя мой, Захарій Ѳедоровичъ Каверинъ, не позабылъ быть также отъ насъ, и мы принесли ему въ домѣ его также наши благодаренія за всѣ его труды и принимаемое имъ соучастіе, какъ въ свадьбѣ, такъ и въ сговорѣ нашемъ.

Такимъ же образомъ свозилъ я ихъ и къ любезному сосѣду своему, господину Ладыженскому и познакомилъ ихъ короче, какъ съ нимъ, такъ и съ женою его.

примечаніе къ «русской старинѣ» 1871 г.

Сей домъ сдѣлался намъ съ сего времени еще знакомѣе и дружелюбнѣе прежняго, и согласіе и дружба между обоими нашими домами господствовало непрерывно во все достальное теченіе дней моихъ и продолжается и до нынѣ, хотя тогдашніе хозяева онаго находятся уже давно въ царствѣ мертвыхъ, а живеть уже въ семь домѣ одинъ изъ сыновей его и мой крестникъ.

Что касается до другого моего ближняго сосѣда, господина Іевскаго, то въ женѣ его, Дарьѣ Семеновнѣ, нашла теща моя близкую себѣ сродственницу. Она доводилась ей внучатная сестра и была ей издавна знакома. Такимъ же образомъ сродни ей былъ и сосѣдъ мой господинъ Лихаревъ, Алексѣй Игнатьевичъ, жившій неподалеку отъ меня въ деревнѣ Нижней Городнѣ и ко мнѣ ѣзжавшій.

Побывавъ у всѣхъ тутошнихъ своихъ родныхъ и сосѣдей, поѣхали мы такимъ же образомъ развозить визиты свои родственникамъ и знакомымъ жены и тещи моей, которые сдѣлались тогда вкушъ и моими. И какъ всѣ они жили ближе къ дому тещи и жены моей, нежели къ моему; то переѣхали мы на сіе время въ сей старинный домъ ихъ, и оттуда уже стали разѣзжать по домамъ онымъ.

Въ сей разъ разсмотрѣлъ я сей домъ и родину жены моей уже короче и обстоятельнѣе, и узналъ ближе относящіяся до онаго обстоятельства. Я нашелъ его очень небольшимъ и по всѣмъ отношеніямъ своимъ малозначущимъ. Былъ онъ самый старинный, маленькій, ветхій и тѣсный домикъ со дворомъ ему приличнымъ и такимъ же. Позади сего находился хотя нарочито обширный, но на половину только засаженный, а на другую зарослой сининникомъ другою дичью садъ, который былъ такого рода, какой могъ только быть у женщины, правящей домою.

Теща моя была хотя и не совсѣмъ не охотница до садовъ, а любила цвѣты и вообще всѣ произрастенія, занималась охотно сѣяніемъ, саженіемъ и содержаніемъ первыхъ и попеченіями о вторыхъ:

однако все была женщина,—а сего было уже и довольно. Но съ сего времени препоручила она все попечение о семь садѣ мнѣ и передала его совершенно въ мою волю, что мнѣ было и не противно, потому что я получилъ чрезъ то предметъ, которымъ могъ я во всѣ праздные и досужные часы заниматься, и чрезъ то не допускать себя до чувствованія скуки.

Первый свадебный визитъ сдѣлали мы теткѣ жены моей, Матренѣ Васильевнѣ Арцыбашевой. Изъ всѣхъ тамошнихъ родныхъ была она къ намъ родствомъ и дружелюбиемъ всѣхъ ближе. Она жила въ деревнѣ своей Каледникѣ, отстоящей неподалеку отъ того села, гдѣ мы вѣнчались. И какъ селеніе сіе было на дорогѣ отъ нашего дома къ Коростину, то звѣхали мы къ ней еще туда ѣздили. Она не больше какъ за годъ до того лишилась мужа своего, Андрея Аврамовича, родного брата тещи моей, имѣла тогда у себя трехъ дѣтей,—двухъ дѣвочекъ и одного мальчюка, но которыя всѣ были еще очень малы. Меньшая дочь ея, Александра, что нынѣ за г. Крюковымъ, Львомъ Савичемъ, была еще въ колыбели. Сынъ, Петръ, еще на рукахъ, а и большая дочь, Прасковья, что нынѣ за г. Кислинскимъ, Васильемъ Ивановичемъ, сходила тогда только-что съ рукъ и говорить начинала.

Домикъ у ней былъ также очень маленький и гораздо еще меньше коростинскаго, однако ирядненькій и веселенькій, и подлѣ онаго добрый плодovitый садъ съ хорошими плодами. Тетка, будучи очень ласковою и разумною госпожею, приняла насъ очень благопріятно и угощала всячески. Она всѣмъ поведеніемъ и поступками своими вперила въ меня къ себѣ истинное почтеніе, и я могу сказать, что я во всю жизнь почиталъ и любилъ ее искренно и былъ ею всегда доволенъ. Но и она любила насъ искренно, какъ родныхъ, а особливо меня, и я съ самаго начала какъ-то имѣлъ счастье сдѣлаться ей удобнымъ.

Неподалеку отъ ней жилъ еще одинъ ихъ родственникъ, господинъ Селявер-

стовъ, Сергѣй Петровичъ, и хотя онъ у насъ и не былъ на свадьбѣ; однако мы не преминули у него побывать, ибо теткѣ моей хотѣлось ему меня показать и его со мною познакомить. Человѣкъ онъ былъ уже не молодой и дряхлый, имѣлъ великую семью и дѣтей множество.

Кромѣ сего жила неподалеку отъ ней еще другая небогатая вдова, бывшая также имъ въ родствѣ, изъ фамиліи Хотяицовыхъ, а по имени Катерина Алексѣевна, съ дочерью своею Андогьею Андреевною, бывшею потомъ за двумя мужьями, Ферапонтовымъ и Перхуровымъ. Съ сего я также тогда познакомился, и о сей упоминаю я болѣе для того, что поминутая дочь ея, будучи тогда еще очень молодою, жила въ домѣ по мноному времени у насъ въ домѣ, и почти воспитывалась въ ономъ, дѣлала женѣ моей компанію и увеличивала собою почти наше семейство, и мы пребываемъ ея у насъ всегда были очень довольны.

Изъ Каледники, продолжая путь, ѣзжали мы къ старку г. Недоброву, Василью Тихоновичу. О семь любимомъ и почитаемомъ родственникѣ ихъ имѣю я уже случай упомянуть вамъ. Онъ былъ самый тотъ добродушный и умный старичокъ, у котораго въ домѣ видѣлъ я въ первый разъ жену мою, и съ которымъ уже съ тогдашняго времени сдѣлался знакомымъ. Онъ принялъ насъ въ сей разъ наиблагопріятнѣйшимъ образомъ и угощалъ такъ, что мнѣ пріятно было быть у него въ домѣ; и какъ онъ и жена его, такая-жъ добренькая и добродушная старушка, какъ и онъ, полюбили меня скоро въ особенности, и я всегда пріизвию и дружбою ихъ такъ доволенъ, что и они всегда были и у меня наипріятнѣйшими гостями, и сіе согласіе и дружба между нашими домами продолжалась до самой ихъ кончины, которая къ сожалѣнію вослѣдовала немногіе спустя годы послѣ моей женитьбы.

По приѣздѣ-жъ въ Коростино за первый долгъ почли мы отвезти также визитъ свой къ ближайшему ихъ сосѣду и родственнику, Ивану Алексѣевичу Колюбаки-

ну—человѣку доброму, но крѣпкому на ухо. Онъ жилъ въ одномъ селѣ съ нами и только чрезъ улицу отъ нашего двора и имѣлъ изрядный домикъ и не старую еще жену, жившую съ моими въ великой дружбѣ. Миѣ-жъ въ особливости знакомъ былъ по службѣ братъ его родной, Кирилль Алексѣевичъ—самый тотъ, съ которыми я стоялъ вмѣстѣ на караулѣ въ Рогервикѣ и съ которыми, возвращаясь, сыграли мы надъ княземъ Мышецкимъ на квартирѣ комедію. Сей домъ какъ до того, такъ и послѣ во всегдашнее время, былъ намъ благопріятель и дружелюбень и сосѣдами сими были мы довольны.

Кромѣ сего былъ тутъ же въ селѣ и зарѣчкою и другой еще домикъ, съ живущею въ немъ вдовою старушкою и тою Аграфеною Инановною, о которой я имѣлъ уже случай упоминать. Она была также нашимъ съ родни и жила прежде съ тещею моею въ отчѣиномъ и тѣсномъ дружествѣ; но тогда было между ними небольшое несогласіе, и, что удивительнѣе всего,—то за меня.

Старушкѣ сей что-то приди охота разбивать наше сватовство, и не только незванно меня въ глаза, корить и хулить меня всачески, но и женѣ моей, которая любила ее очень съ самаго малолѣтства, внушать обо мнѣ не только самыя невыгоднѣйшія мнѣнія, но съ путя ее сбивать еще и обѣщаніями сыскать ей другого, несравненно лучшаго и богатѣйшаго жениха, и говорила уже ей о какомъ-то Хитровѣ. А всѣмъ тѣмъ и надѣлала она очень много пакостей, и впечатлѣнія, произведенныя ею въ нѣжномъ и мягкомъ умѣ и сердцѣ жены моей, производили дѣйствія, которыя примѣтны были даже и по прошествіи многихъ лѣтъ послѣ сего времени. Словомъ, старушкою сею ни теща моя, ни я не имѣли причины быть довольными. Однако я, хотя не тогда, а послѣ, презрѣвъ все сіе, возобновилъ и съ нею прежнее знакомство и заставилъ и ее себя почти насильно любить и почитать. Старушка сія жила послѣ того по смерть свою въ Тульскомъ монастырѣ,

въ которомъ была она наконецъ игуменьей. Но характеръ ея былъ во всю жизнь не изъ лучшихъ и похвальнѣйшихъ.

Изъ села Коростина ѣздили мы потомъ въ село Луковиды, для отвезенія своего визита и благодарности господину Арсеньеву, Василью Васильевичу, какъ бывшему у насъ также на свадьбѣ и бравшемъ во всемъ дѣлѣ нашемъ соучастіе. Поелику былъ онъ помянутой тетки жены моею, Матрены Васильевны, родной братъ; то и жили наши какъ съ нимъ, такъ и съ женою его, Афимьею Никитичною, боярынею умною и ласковою, въ особливомъ дружелюбіи, и я могу сказать, что и снѣй домомъ былъ я всегда доволенъ. Они меня также полюбили и любили даже по смерть свою, хотя мы и жили послѣ уже въ отдаленности другъ отъ друга и не такъ часто видались, какъ тогда. А въ то время ѣзжали мы къ нимъ всякій разъ, когда ни случалось намъ бывать въ Коростинѣ, а и они бывали у насъ не только тамъ, но приѣзжали къ намъ не одинъ разъ и въ Дворяниново; а по нихъ сдѣлались мы послѣ того знакомыми и съ другими господами Арсеньевыми, какъ-то: Иваномъ Михайловичемъ и братомъ его, Михаиломъ Михайловичемъ, въ особливости же съ другимъ роднымъ же братомъ Матрены Васильевны и извѣстнымъ всей Россіи по высокому и великому своему росту, Дмитріемъ Васильевичемъ Арсеньевымъ, служившимъ тогда въ кавалергардахъ и знавшимъ меня еще ребенкомъ. поелику онъ въ молодости своей служилъ у отца моего въ полку адъютантомъ и изъ онаго взять былъ тогда въ лейбъ-компанію.

Оттуда-жъ ѣздили мы наконецъ и въ другую сторону и за большую дорогу изъ Москвы въ Тулу, гдѣ жила родная и меньшая сестра тетки жены моею, Анна Васильевна, бывшая въ замужствѣ за небогатымъ дворяниномъ, господиномъ Брюковымъ, Борисомъ Ивановичемъ. Они жили въ деревнѣ Каменки, неподалеку отъ Вапаны, гдѣ живутъ и понынѣ, и были оба намъ также рады и угощали насъ дружелюбнѣйшимъ образомъ. Но къ сему

востн, какія обыкновенно молодыя жены оказываютъ и при людяхъ и безъ нихъ, мужьямъ своимъ. Нѣтъ, сего удовольствія не имѣлъ я въ жизни! И хотя было все сіе мнѣ и очень, очень непріятно, но какъ все оное приписывалъ я тогда наглавнѣйше тогдашней ея молодости, а не природному ея свойству, то и переносилъ все то прямо съ философическимъ твердодушіемъ и не ропталъ на судьбу свою нимало, и тѣмъ паче, что не совсѣмъ еще лишился надежды увидѣть и получить современемъ то, чего тогда въ ней не доставало. Напротивъ того утѣшался тѣмъ, что многое изъ того, чего искалъ и желалъ я въ женѣ своей, находилъ я въ моей тещѣ, а ея матери, и чрезъ самое то не совсѣмъ лишился тѣхъ душевныхъ удовольствій, какихъ полученія домогался я чрезъ женитьбу.

И упоминалъ же, что главнѣйшее мое желаніе состояло въ томъ, чтобъ чрезъ женитьбу нажить себѣ такого товарища, съ которымъ могъ бы я раздѣлять всѣ свои душевныя чувствованія и всѣ радости и утѣхи въ жизни, и которому могъ бы я сообщать обо всемъ свои мысли, заботы и попеченія, и могъ пользоваться его совѣтами и утѣшеніями. Однимъ словомъ, который бы бралъ во всемъ относящемся до моей жизни искреннее соучастіе, и помогалъ мнѣ прямо носить бремя оной. А все сіе и находилъ, и такого себѣ товарища и нажилъ я въ особѣ моей богоданной матери.

Она была такъ умна, что я могъ разговаривать съ нею обо всякихъ матеріяхъ, а притомъ такъ любопытна во всѣхъ частяхъ, что всегда слушивала меня съ удовольствіемъ, и я могъ относиться къ ней во всемъ и предавать на апробацію ея все и все. Кромѣ сего имѣла она довольную охоту къ садамъ и находила въ украшеніяхъ оныхъ нелишное для себя удовольствіе. Къ самымъ красотамъ натуры не была она совсѣмъ нечувствительною. А что всего лучше и всего для меня пріятнѣе было, то любила и сама читать книги и слушать другихъ, когда ей читали, и слушивала не только

съ любопытствомъ, но и съ желасмымъ вниманіемъ. А какъ была сверхъ того очень хорошаго нрава и самаго благороднаго и похвальнаго поведенія и любви и почтенія достойнаго характера, то и получилъ я въ ней такого товарища, какого желала наиболѣе душа моя.

И могъ адресоваться къ ней всегда и со всѣмъ, что ни относилось какъ до литературы и до наукъ, такъ и до художествъ, а наконецъ до самыхъ садовъ и другихъ частей сельскаго домоводства, и ожидать отъ ней желаемаго одобренія, или, когда въ чемъ надобно было, искренняго совѣта. Получалъ ли я откуда и отъ кого ни есть новую какую-нибудь книжку; то было мнѣ кому сообщить о томъ свою радость, было кому взять въ ней соучастіе, было мнѣ съ кѣмъ ее почитать и посудить объ оной! Удавалось ли мнѣ когда самому сочинить или перенести что-нибудь; то было кому то прочесть и у кого спросить, хорошо ли то или нѣтъ, и было кому чрезъ одобреніе свое меня побуждать и поощрять къ дальнѣйшимъ такимъ предпріятіямъ. Вздумывалось ли мнѣ когда что разрисовать или что-нибудь нарисовать вновь; то было кому работу свою показать, и ожидать отъ кого себѣ похвалы и одобренія. Случалось ли что-нибудь особое, новое, важное или любопытное услышать или узнать; то было къ кому снѣшнить о томъ рассказывать и съ кѣмъ о томъ поговорить и посудачить.

Въ садахъ ли находилъ я себѣ что-нибудь въ особливости пріятное, меня занимающее и увеселяющее; то было кому сообщать радость и удовольствіе свое, и быть увѣреннымъ, что возметъ въ нихъ соучастіе. Удавалось ли мнѣ когда что-нибудь въ нихъ вновь затѣять, выдумать, или сдѣлать; то было кого звать и съ кѣмъ ходить того смотрѣть и тѣмъ любоваться. Случалось ли дожидаться, либо всхода, либо разцвѣтанія какого-нибудь новаго, у насъ небывалаго и намъ обоимъ еще неизвѣстнаго цвѣточнаго или какого иного произрастенія; то было къ кому мнѣ бѣгивать и

спѣшить свазывать свое о томъ удовольствіе и звать кого смотрѣть оное. А такимъ же образомъ и въ прочихъ частяхъ экономіи сельской, случалось ли мнѣ что новое выдумать, или открыть, или увидѣть, или сдѣлать, или еще только затѣять: то было съ кѣмъ о томъ поговорить, подумать и посовѣтовать или все показать и спросить о его мысляхъ, или съ кѣмъ чѣмъ-нибудь хорошему и въ особенности полезному порадоваться и повеселиться.

Однимъ словомъ, былъ у меня человекъ, которому могъ я все и все сообщать, и который могъ брать во всемъ относящемся до меня, и какъ въ приятныхъ, такъ и въ самыхъ неприятныхъ вещахъ и произшествіяхъ живѣйшее и искреннѣйшее соучастіе. А сего съ меня было и довольно: ибо сего только мнѣ холостому и не доставало, сего только я добивался. Сіе я и нашелъ въ моей тещѣ, расположившейся жить всегда неразлучно съ нами и быть въ домѣ моемъ до совершеннаго возраста жены моей полною хозяйкою. А все сіе и помогло мнѣ съ великодушіемъ сносить всѣ приимѣяемые недостатки жены моей, и не такъ тѣмъ огорчаться, какъ бы сталъ тогда, еслибъ не случилось и человека, могущаго собою замѣнять оныя. А какъ жизнь ея, по особливому счастию для меня, для жены и самыхъ дѣтей моихъ, продолжалась до самаго вечера дней моихъ, и продолжается къ удовольствію нашему и помнѣ; то и была причина быть мнѣ женитьбою своею довольнымъ и благодарить Бога, и мнѣ оставалось только умѣть пользоваться симъ новымъ къ себѣ благодареніемъ божескимъ.

Но какъ письмо мое непримѣтно увеличилось, то дозвольте мнѣ оное на семъ мѣстѣ перервать, и сказать вамъ, что я есмь и прочая.

УПРАЖНЕНИЯ И ЪЗДА ВЪ ТАМБОВѢ.

Письмо 118-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ какъ я помянутымъ образомъ съ женою

своею развозилъ визиты и спознакомивался съ ея родными и знакомыми, да и самъ съ нею мало по малу свѣкался, не упускалъ я заниматься и деревенскою экономіею, равно какъ и литературою. Ко всему тому хотя я и гораздо уже меньше имѣлъ времени, нежели прежде, когда былъ я холостымъ и сидѣлъ наиболѣе дома; однако, сдѣлавшись и женатымъ, и вошедъ въ обширнѣйшую связь съ множайшими людьми, не оставалъ я никакъ отъ прежнихъ своихъ склонностей и охоты, но посвящалъ имъ всѣ праздные часы и минуты, какія только могъ я отрывать и находить отъ прочихъ моихъ упражненій.

Въ сельскомъ домохозяйствѣ становился я часъ отъ часу болѣе знающимъ; ибо, съ одной стороны, прилежное чтаніе иностранныхъ и всѣхъ экономическихъ книгъ, какія только мнѣ попадались въ руки, и замѣчанія и выписки изъ оныхъ всего того, что могло быть и у насъ употребляемо, — а съ другой стороны самая опытность и дѣйствительное упражненіе во всѣхъ разныхъ частяхъ сельскаго домохозяйства, — доставляло мнѣ со всякимъ днемъ новыя о вещахъ понятія и побуждали предпринимать къ усовершенствованію онаго разныя опыты; а все сіе нечувствительно и вперло въ меня уже и довольноую охоту къ экономіи и къ разнымъ частямъ ея.

Но изъ всѣхъ сихъ ни которая не прилязвала и не прилязала меня къ себѣ такъ сильно, какъ садоводство. Ибо какъ сады по существу своему давали пищу и уму и сердцу моему, и доставляли мнѣ не только чувственные и тѣлесныя, но и самыя душевныя удовольствія; то всего болѣе и прилежнѣе занимался я ими и чрезъ самое то сдѣлался нечувствительно къ нимъ охотникомъ.

Къ сему побуждало меня наиболѣе то, что я не только видѣлъ уже изрядный успѣхъ во всѣхъ своихъ съ садами дѣлахъ и предпріятіяхъ, но начиналъ уже и пользоваться плодами трудовъ своихъ. Всѣ посаженные мною въ первую осень и послѣдующую затѣмъ весну деревья уже переболѣли, и въ сей годъ на-

чали уже порядочно ростъ, шпалеры получили уже свой видъ и вошли въ стрижку. Цвѣтники великолѣпствовали уже множествомъ цвѣтовъ. Питомникъ мой наполненъ былъ уже довольномъ количествомъ маленькихъ всякаго рода плодовыхъ деревцовъ, ибо я не только всякой годъ сѣялъ почки и сажалъ гѣсные пенки изъ гѣса и прививалъ къ нимъ прививки, но выдумалъ способъ умножать количество сихъ запасныхъ деревцовъ отдергиваніемъ силою и сажаніемъ на гряды тѣхъ молодыхъ и маленькихъ отрослей, которыя вырастаютъ подлѣ пней и главныхъ стволовъ большихъ плодовыхъ деревъ и кои я назвалъ отрывками. И какъ сихъ отрослей нашелъ я въ садахъ моихъ великое множество, какъ подлѣ яблоней, такъ подлѣ сливъ и вишенъ, то я насадилъ я ими въ питомникѣ своемъ цѣлыя грядки, и всѣмъ тѣмъ не только занимался съ удовольствіемъ особымъ, но дѣйствительно и веселился; ибо всякая самимъ собою выдуманная и произведенная бездѣлушка меня радовала чрезвычайнымъ образомъ и доставляла мнѣ не одну а многія пріятныя минуты въ жизни.

Но ничто такъ много меня въ сей годъ не увеселяло, какъ новонасаженный садъ мой. Я видѣлъ его уже принявшимся и вступившимъ въ порядочный ростъ свой, а нѣкоторыя деревцы пришли уже съ цвѣтомъ и плодомъ первымъ. Не могу изобразить, какъ много увеселяли меня сіи первые начатки ожидаемаго нпредъ изобилія плодовъ и съ какимъ удовольствіемъ, и какъ часто хаживалъ я смотреть сіи первые плоды, растущіе на новопосаженныхъ деревцахъ. И съ какими пріятными чувствами испытывалъ я оныя съ обѣими семьянниками своими! По счастью случилось такъ, что были всѣ они хорошихъ вкусовъ и величины довольной. Сіе увеличивало удовольствіе мое болѣе, ибо я, льстясь безсомнѣнною надеждою, что и всѣ таковы же будутъ, не могъ тому довольно нарадоваться и тѣмъ навеселиться.

Но въ осень сего года не удалось мнѣ

ничего почти въ садахъ моихъ сдѣлать, или произвести что-нибудь знаменитое. Случилась мнѣ печальная отлучка отъ дома въ даль на довольно долгое время; а она мнѣ въ томъ и помѣшала. И какъ дѣло, подавшее къ отлучкѣ сей поводъ, имѣло по себѣ великія и на всю мою жизнь прострившіяся послѣдствія; то за нужное нахожу разсказать объ оной въ нѣкоторой подробности.

Какъ новая наша императрица, по вступленіи своемъ на престолъ, привялась не одними словами, но и самымъ дѣломъ за поправленіе всѣхъ недостатковъ и злоупотребленій въ своемъ государствѣ и не упустила изъ вида и вниманія своего ничего, что только могло относиться и служить къ поправленію онаго; то между прочимъ обратила она вниманіе свое и на гѣса и другія земли, принадлежащія казнѣ и находящіяся въ разныхъ мѣстахъ государства.

Они находились въ великомъ небреженіи и многія изъ нихъ захвачены сосѣдственными дворянами во владѣніе, а въ другихъ, что лежали ихъ несмѣтныя тысячи десятины впустѣ и никѣмъ и никогда съ самаго начала свѣта еще необработанными; но что и изъ сихъ сосѣдственные дворяне много неправильно захватили въ свое владѣніе. И какъ восхотѣла она и въ семь пунктовъ и казнѣ приобрести выгоду и всѣмъ подданнымъ оказать милость и преподать средство къ правильному приобрѣтенію себѣ поманутыхъ и нужныхъ для нихъ земель и гѣсовъ государственныхъ, чрезъ покупку оныхъ изъ казны, то и повелѣла она для предварительнаго узнанія, гдѣ и гдѣ такія земли и гѣса есть, сколько ихъ и кѣмъ завлажено, и кому и кому они надобны, — издать строгій указъ, чтобъ всѣ тѣ, кои завладѣли государственными гѣсами и землями, неотмѣнно бы объявили о себѣ въ учрежденную особу и нарочно для того возмнссію о засѣкахъ, съ точнымъ показаніемъ, кто и сколько именно гдѣ завладѣлъ казенными гѣсами и землями, и желаетъ ли кто купить себѣ какъ оныя, такъ и изъ

прочихъ впустѣ лежащихъ казенныхъ земель, и сколько именно.

Сей указъ, по особливости своей и по строгости предписанія произвелъ великое волненіе и колебаніе умовъ во всемъ государствѣ, ибо какъ написано было въ ономъ: «что ежели кто, имѣя у себя въ завладѣніи такія земли, не объявитъ, и послѣ о томъ узнано будетъ, то у такихъ описаны будутъ ихъ деревни и половина ихъ взята будетъ въ казну, на государя, а другая отдана будетъ доносителю о утаившемъ, и продажи впредь никогда уже не учинится». А такихъ людей, у коихъ земли и лѣса были въ завладѣніи, находилось въ государствѣ превеликое множество; то всѣ сіи и перетревожились тѣмъ до чрезвычайности.

Къ числу сихъ принадлежали и мы съ дядею, Матвѣемъ Петровичемъ. У обонхъ у насъ находилась лучшая наша степная деревня, лежащая тогда въ Шадскомъ уѣздѣ за Тамбовомъ, точно въ такихъ обстоятельствахъ. Людей у насъ у обонхъ было тамъ довольно, а купленной и крѣпостной земли такъ мало, что и на квасъ оной было недостаточно. У меня было ее по крѣпостямъ только 10 четвертей, а у дяди вовсе ничего не было; въ распахѣ же у обонхъ насъ было ее довольно. Ибо какъ подлѣ самой нашей тамбовской тамошней деревни находилась какая-то пустая и великаго пространства степь, простиравшаяся въ длину болѣе нежели на 40, а въ ширину около 30 верстъ; то и распахивали наши крестьяне вмѣстѣ со многими и другими степь сію ежегодно, сколько кто былъ въ силахъ, ибо вся она почиталась государственною и никому непринадлежавшею, и какъ къ тому никто изъ насъ не имѣлъ права, то и подходили мы всѣ подъ указъ вышеупомянутый.

Обстоятельство сіе смущало насъ обоихъ съ дядею чрезвычайнымъ образомъ и подавало поводъ ко многимъ и частымъ у насъ съ нимъ о томъ разговорамъ; и какъ оба мы боялись, чтобъ не учиненъ былъ отъ кого-нибудь на насъ доносъ, что мы владѣемъ казенною землею, и

чтобъ намъ не потерять чрезъ то своей лучшей деревни; то почтали самою необходимою то, чтобъ намъ подать о завладѣніи своемъ въ помянутую комиссію объявленіе. А поелику намъ ни числа сей завладѣнной земли, ни положенія мѣстъ, ни всѣхъ тамошнихъ обстоятельствъ было неизвѣстно, ибо не только я никогда тамъ еще не бывалъ, но и дядѣ моему за отдаленностію никогда еще тамъ бывать не случалось; то для лучшаго узнанія всѣхъ тамошнихъ обстоятельствъ и положили мы съ дядею, не медля ни мало, туда на короткое время съѣздить.

Итакъ, собравшись въ сей путь и снабдивъ себя всѣмъ нужнымъ на дорогу, распрощались мы съ своими родными и пустились въ сей дальній путь съ моимъ дядею, и, чтобъ веселѣе намъ было ѣхать, то согласились мы съ нимъ ѣхать въ одной коляскѣ. Путешествіе сіе было для насъ тѣмъ интереснѣе, что вся та страна, куда мы ѣхали, была намъ еще совершенно незнакома и наши степи извѣстны намъ были до того только по одному имени, а видать ихъ никогда еще не случалось.

Поелику домашнимъ моимъ хотѣлось проводить насъ до своей деревни, села Коростина, и тамъ прожить все то время, покуда мы проѣздимъ, то расположились мы въ сей разъ ѣхать чрезъ Тулу, а не прямою дорогою чрезъ Засѣку. Но какъ въ Тулѣ не имѣли мы никакого дѣла, то въ городѣ семъ мы только что ночевали и его почти не видали, ибо по утру рано продолжали свой путь прямою дорогою на Елифань.

Не успѣли мы переѣхать рѣку Шадъ въ селѣ Куракинѣ, какъ и увидѣлъ я тутъ въ первый разъ степниа наши черныя и толкиимъ плодородіемъ одаренныя земли и тѣ, почти окомъ необозрѣваемыя равнины, какими преисполнены наши степные уѣзды. Первый городъ, попавшійся намъ на дорогѣ, былъ Елифань.

Мы, недоѣхавши до оной, заѣхали напередъ въ свою елифанскую деревнишку и ночевали въ оной. Сія лежала по сю сторону сего города веротъ за 12, на

рѣчкѣ Люторичѣ, и мы въ ней также никогда еще не бывали. Селеніе сіе нашли мы превеликое, но свое участіе въ ономъ только самое маленькое. У меня было только два двора, а у дяди столько-жъ. Совсѣмъ тѣмъ, по добротѣ тамошнихъ земель, доставляла она намъ довольно хлѣба.

Переночевавъ въ оной, приѣхали мы въ поминутый городъ Елифанъ, который былъ тогда и показался мнѣ маленькимъ и ничего незначущимъ степнымъ городкомъ, нестоящимъ никакого уваженія. Отъ него пробирались мы разными селами и деревнями прямо на Ранибургъ, мѣсту, довольно извѣстному въ нашей исторіи и достопамятному тѣмъ, что принадлежало оно нѣкогда князю Меншикову и что была тутъ въ старину земляная крѣпость, разбиваемая и закладываемая самимъ великимъ нашимъ государемъ Петромъ Первымъ; въ новѣйшія же времена содержалась въ семъ замкѣ несчастная фамилія герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго, Антона Ульриха, подъ арестомъ.

Мнѣ сказано было невѣдомо что о семъ замкѣ; но я нашелъ только маленькую и развалившуюся почти земляную крѣпость и внутри оной нѣсколько каменныхъ, развалившихся и раскрытыхъ зданій наипрекраснѣйшей архитектуры, и подлѣ сего замка, на прекрасномъ положеніи мѣста, построенную нарочитой величины слободу или простое село съ церковью посреднѣ.

Намъ случилось въ семъ мѣстѣ обѣдать, а ночевать довелось въ одномъ глухомъ мѣстѣ посреди лѣса, гдѣ былъ одинъ только прескверный постоялый дворикъ, называемый Хоботъ. И какъ мы слышали, что мѣсто сіе было воровато, то расположились ночевать на луку, неподалеку отъ двора сего, и тутъ едва-было не лишились всѣхъ своихъ лошадей въ ночь сію. Не успѣла она покрыть насъ своимъ мракомъ, какъ и пожаловали къ намъ воры, и начали-было лошадей нашихъ хватать; но по счастью услышано было то караульщикомъ. Онѣй

встревожилъ и разбудилъ насъ всѣхъ, а сіе и спасло лошадей нашихъ. Воры, испугавшись нашего крика и нашихъ ружей, изъ которыхъ начали мы готовиться по нимъ стрѣлять, оставили насъ и ушли, а мы на другой день и доѣхали благополучно до города Козлова, который былъ почти лучшенькимъ изъ всѣхъ тамошнихъ степныхъ городовъ, но въ сравненіи съ нынѣшнимъ его состояніемъ, ничего тогда еще незначущимъ.

Отъ сего мѣста надлежало намъ своротить въ сторону. Неподалеку отъ сего города, въ правой сторонѣ отъ него находилась одна изъ принадлежащихъ жепѣ и тецѣ моей деревень, и мнѣ хотѣлось въ ней побывать и ее видѣть.

Было это превеликое однодворческое село, называемое Ендовицемъ; но жена моя имѣла въ немъ только небольшое участіе, а другою, таковою-жъ частію владѣлъ дядя ея и родной братъ отца ея, Александръ Григорьевичъ Каверинъ. И какъ сей имѣлъ тутъ домъ и настоящее свое жилище, и мнѣ нужно было познакомиться съ столь близкимъ родственникомъ, то и пристали мы у него.

Онъ былъ намъ очень радъ, и неотлучтилъ насъ отъ себя во весь послѣдующій день. Я нашелъ его тутъ порядочно живущаго. Домъ у него былъ порядой и немалой, и семейство имѣлъ онъ превеликое. Было у него три сына и двѣ дочери. Самъ же онъ былъ женатъ уже на другой женѣ, и не очень еще старой, и имѣлъ достатокъ изрядный. Ласками и благопріятствомъ своимъ привязалъ онъ меня къ себѣ очень, и я не скучалъ бы пробыть у него хотя бы и долѣе, хотя и имѣлъ онъ тотъ скучный характеръ, что всѣмъ на свѣтѣ былъ недоволенъ и на все про все жаловался.

Непреминулъ я также осмотрѣть и женныхъ крестьянъ и принять ихъ въ свою власть и распоряженіе. Дворовъ и всѣхъ ихъ было немного, и жили они, хотя не богато, однако я деревенькою сею былъ очень доволенъ. Она кормила и пошла до сего времени мою тещу и жену и была у нихъ лучшенькою и хлѣбною, а слу-

члася и мнѣ очень кстати, потому что была на дорогѣ отъ моей шадской или тамбовской деревни, и могла всегда служить перекутъемъ.

Наконецъ, осмотрѣвъ все, что надобно было и познакомившись съ дядею, поѣхали мы далѣе, и, возвратясь опять въ Козловъ, пустились чрезъ ту обширную и окомъ необозрѣваемую равнину, которая лежитъ позадь Козлова, орошается текущею чрезъ ее рѣкою, польнымъ Воронежемъ и простирается до славнаго села, Лысыхъ-горъ и другой рѣки Хмѣлевой. Это была первая степь, которую случилось мнѣ въ жизни видѣть и мы смотрѣли съ особливимъ любопытствомъ какъ на нее, такъ въ особенности на старинный преогромный валъ, который былъ сдѣланъ и насыпанъ въ древности для загражденія имъ російскихъ предѣловъ отъ набѣговъ татаръ, и который, начинаясь отъ помянутой рѣки, польнаго Воронежа, продолжался до рѣки Цны верстъ на 60 и болѣе, и составлялъ порядочную линію; имѣлъ съ наружной стороны двойной, хотя и не очень глубокой ровъ и кой-гдѣ выпуски, или рѣданти, а въ нихъ мѣстахъ—бастионы.

Городъ Тамбовъ, въ который мы на другой день приѣхали, показался намъ нарочито изряднымъ степнымъ городомъ, хотя и имѣлъ одну только тогда длинную улицу, но церквей было въ немъ нѣсколько, а лучшее зданіе составлялъ домъ архіерейскій, построенный на самомъ берегу рѣки Цны, и довольно великолѣпно и замысловато. Былъ онъ со всѣми своими церквами, оградою и башнями, хотя деревянный, но мы обманулись и сочли его сперва каменнымъ: такъ хорошо онъ былъ сдѣланъ и раскрашенъ.

Подъ симъ городомъ, переѣхавши рѣку Цну, должны мы были проѣзжать славный Цевской гѣсъ, лежавшій при берегахъ рѣки Цны и простиравшійся на нѣсколько сотъ верстъ въ длину, а въ ширину неодинаково, гдѣ на 20, гдѣ на 30, и болѣе и менѣе верстъ. И какъ онъ весь состоялъ изъ строельнаго сосноваго стариннаго лѣса, то и составлялъ тогда сущее

сокровище государственное, и былъ тогда хоть и рѣдокъ, но въ состояніи еще довольно хорошемъ. Мы ѣхали чрезъ сей боръ почти цѣлыя сутки, ибо какъ почва подъ нимъ была песчаная и притомъ неровная; то принуждены будучи переѣзжать съ одного песчаннаго холма на другой, не ѣхали, а тащились по пескамъ глубокимъ, и насилу къ ночи доѣхали до села Разсказъ, находившагося за симъ гѣсомъ и подлѣ самаго онаго.

Почевавши въ семъ славномъ въ тамошнихъ окрестностяхъ селѣ, пустились мы опять чрезъ преужасную, и самую уже ту окомъ необозрѣваемую и ковыломъ поросшую степь, которая прикасалась однимъ бокомъ къ тамошней нашей деревнѣ и впоследствии времени сдѣлавшись очень славною и достопамятною. Почти цѣлыя сутки принуждены мы были также чрезъ нее за дурнотою узкихъ степныхъ дорогъ ѣхать, и не прежде въ деревню свою приѣхали, какъ уже передъ вечеромъ.

Мы нашли ее прямо степною деревнишкою, составленною не изъ дворовъ, а изъ хибарокъ, утопшею въ навозѣ и на половину раскрытою, и имѣли великій трудъ прискаты себѣ гдѣ-нибудь получше крестьянскую пазенку, гдѣ бы намъ пристать было можно. Во всемъ селеніи не было ни одной порядочной, а на господскихъ нашихъ дворахъ того меньше. Тутъ находились такіа лачужки, въ которыхъ не входить, а влѣзть надлежало. Словомъ, вся деревня сія была у насъ хотя наилучшенькая, но за отдаленностію въ превеликомъ до того небреженіи и требовала во всѣхъ частяхъ великаго себѣ поправленія. Но какъ мы тогда не за гѣмъ туда приѣхали, а только для узнанія о степи и жить тамъ долго совѣтъ не имѣли надобности; то и расположились мы въ одномъ изъ крестьянскихъ дворовъ, и на другой же день приступили къ своему дѣлу.

Мы сѣли верхами на лошадей и съ наилучшими и разумѣйшими изъ крестьянъ поѣхали осматривать нашу степь. Ѣздили почти цѣлый день, объѣздили

множество мѣстъ, утомили глаза свои смотрѣніемъ на необозримую ровную степь, устѣнную только безчисленнымъ множествомъ стоговъ сѣна, и не нашли и не узнали ничего, кромѣ только того, что видѣли повсюду степь, поросшую ковыломъ и съ начала свѣта никѣмъ еще не паханную и не обработанную. А косили только на ней траву. прѣвѣжающіе изъ разныхъ мѣстъ и самыхъ отдаленныхъ селеній разные люди, безъ всякаго права и дѣлежа, но гдѣ кому прежде захватить и округу себѣ окосить случалось.

Желаніе наше было узнать, покуда и до которыхъ собственно мѣстъ простиралась дачная земля той округи, въ которой деревня наша имѣла свое поселеніе, и съ которыхъ собственно мѣстъ начиналась самая степь, которую, какъ не состоящую ни у кого во владѣніи, не могли мы инако почитать, какъ казенною или государственною. Но самого сего никто изъ всѣхъ нашихъ тамошнихъ крестьянъ не зналъ и намъ показать былъ не въ состояніи.

Мы старались разспрашивать о томъ у нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ сосѣдей; но и тѣ столько же знали, сколько и мы и наши крестьяне. А всѣ только твердили, что степь эта государева, и что большая часть нашихъ распашихъ земель распашана изъ оной; но до котораго мѣста простиралась наша дачная земля, того никто изъ всѣхъ нашихъ сосѣдей, съ которыми намъ удавалось видѣться, не зналъ и указать намъ не могъ. Къ вѣщему удовольствію нашему и сосѣдей сихъ случилось быть тогда въ домахъ очень мало, а потому хорошенъко и разспросить о томъ было не у кого.

Въ сей невѣстности будучи, долго не знали мы и не могли сами съ собою согласиться въ томъ, что намъ дѣлать и какъ показать лучше. Но какъ при всемъ томъ то было всего достовѣрнѣе, что у насъ земли находилось вдесятеро больше, нежели сколько слѣдовало намъ по крѣпостямъ, и вся она распашана вмѣстѣ и черезполосно съ сосѣдями нашими изъ

оной степи; то и рѣшились мы съ дядею показать на обумъ, что завладѣли мы изъ сей государственной земли—я сто, а дядя 75 десятинъ и что желаемъ купить не только ее, но и сверхъ того, чтобъ намъ продано было—мнѣ 500, а дядѣ 300 десятинъ. А чтобъ продажа сія могла произведена быть сколько-нибудь для насъ выгоднѣе, то по особливому счастью выдумалось намъ въ показаніи нашемъ и приурочить тѣ мѣста, гдѣ мы болѣе завладѣли и гдѣ себѣ купить желаемъ. И какъ противъ самаго нашего жила случился простирающійся далеко въ степь превеликій и длинный буеракъ, съ отрогами, извѣстные подъ именами—ближняго, средняго и дальняго Ложечнаго и Голой Яруги; то свое завладѣніе и приурочилъ я сими буераками, а дядя такимъ же образомъ приурочилъ свое завладѣніе Крестовою Яругою, которую пожелъ онъ для себя выгоднѣйшею.

Сіе приурочиваніе, учиненное почти не нарочнымъ образомъ, послужило намъ потому въ превеликую пользу и доставило намъ великое преимущество предъ другими сосѣдями, которые въ показаніяхъ своихъ о завладѣнныхъ при земляхъ сего не сдѣлали; а безъ всякаго приурочиванія, упоминали только глухо, что они завладѣли столько и желаютъ купить себѣ столько-то десятинъ. А что того хуже, то, жадничая захватить какъ можно болѣе земли и льстясь надеждою, что продаваться она будетъ очень дешево, и не дороже, какъ по гривнѣ за десятину, показывали несравненно множайшее число въ завладѣніи, нежели сколько они дѣйствительно завладѣли, а для покупки еще того множайшее количество, такъ что иные доходили даже до безстыдства и показывали въ завладѣніи у себя до нѣсколькихъ тысячъ десятинъ, и тѣмъ не только все дѣло испортили, но и себя запутали въ такіа сѣти, изъ которыхъ послѣ не знали, какъ и выдраться.

Что касается до насъ, то мы, не будучи къ неправильнымъ приобрѣтеніямъ такъ жадны какъ они, и положивъ съ самаго начала итти прямою дорогою и

ничего на себя не наклепывать и ничего не утаивать, показали почти дѣйствительно столько, сколько было у насъ въ закладѣннѣ, и положивъ сіе на мѣрѣ, и пустились съ дядею въ обратный путь въ свои дома.

Насъ провели въ сей разъ до Тамбова иномъ уже дорогою, а именно чрезъ село Коптево и Кузменки, и избавили чрезъ то отъ песковъ сыпучихъ за селомъ Разсказами. Изъ Козлова же разсудили мы заѣхать опять въ Еидовище, къ дядѣ жены моей. Но какъ онъ въ самое то время находился въ женинной деревнѣ, селѣ Яркахъ, версть за 30 оттуда; то желая съ нимъ видѣться и о земляхъ стѣнныхъ посоветовать, расположились мы ѣхать къ нему туда, и были имъ угощены тамъ еще болѣе нежели въ прежнемъ домѣ. Оба они съ женою его, Лукерьею Яковлевною, были намъ очень рады и продержали насъ у себя болѣе сутокъ.

Совсѣмъ тѣмъ сей заѣздъ сдѣлалъ намъ во всемъ нашемъ обратномъ путешествіи великую разстройку; ибо какъ мы чрезъ то нарочито уже удалились отъ города Козлова, то и не совѣтовали намъ въ него возвращаться обратно, а предлагали другую и прямѣйшую дорогу въ Елифанъ черезъ городокъ Дорой. И хотя сія дорога была намъ вовсе незнакома; однако мы дали себя уговорить избрать оную, и переиравившись подъ селомъ Яркомъ черезъ рѣку Воронежъ, пустились къ Доброму. Но вѣдали бы, лучше сей кратчайшій путь себѣ не избирали, ибо былъ онъ намъ не только безпокойнѣе и затруднительнѣе, но и убыточнѣе.

Сперва будучи принуждены пробираться сквозь превеликій, густой, обширный боръ и ѣхать въ одномъ мѣстѣ болѣе версты по узкой, глубокой и водою наполненной дорогѣ и изломали-было всю свою коляску, а приѣхавъ въ городъ Данковъ и переѣзжая тутъ рѣку Донъ по высокому, но самому скверному узкому плетневому мосту, не только лишились одной изъ своихъ лошадей, но и сами настращались притомъ до чрезвычайности.

Лошадь сія была припряжная и на са-

мой почти серединѣ рѣки провалилась ногами сквозъ мостъ, и начавъ бится, свалилась съ моста и повисла такъ, что чуть-было не стащила совсѣмъ за собою и коляску съ нами, и мы дѣйствительно полетѣли-бъ прямо въ Донъ, еслибъ не спасла насъ расторопность кучера, который, увидя такую очевидную опасность, восхотѣлъ лучше пожертвовать лошадью, нежели насъ подвергнуть бѣдствію, и для того, выхвативъ ножъ, перерѣзалъ постромки у свалившейся лошади и далъ ей упасть совсѣмъ подъ мостъ и ушибиться хотя до смерти, но насъ оставилъ съ покойемъ на мосту.

Не могу и понинѣ забыть, какъ сильно я тогда испужался и какъ досадовалъ самъ на себя, что послушался дяди и не вышелъ вонъ изъ коляски прежде еще вѣзда на мостъ: ибо на мосту, по узкости онаго, учинить сего было не можно,—и какъ, наконецъ, обрадовался и благодарилъ Бога, когда свезли насъ кое-какъ уже съ моста и я себя на противномъ берегу рѣки увидѣлъ. Но не меньше моего настращался и самъ мой дядя, и заклался впредь чрезъ сей городишко никогда не ѣздить, такъ чувствительна была ему потеря его лошади, ибо она случилась не моя, а ему принадлежавшая.

Изъ сего степного и въ самомъ дѣлѣ пакостнаго и ничего незначащаго городка, пробрались мы прямо въ елифанскую нашу деревню, а изъ сей въ Тулу. Изъ Тулы уговорилъ я дядю заѣхать въ женину деревню, гдѣ я узналъ, что найдемъ обѣихъ моихъ боярынъ, и старшую и молодую.

Какъ я въ ѣздѣ сей препроводилъ болѣе мѣсяца, то возвращеніе въ домъ и свиданіе съ молодою моею женою было мнѣ въ особенности пріятно, и я съ неизъяснимымъ удовольствіемъ ѣхалъ во всю дорогу изъ Тулы до села Коростина, или паче началъ уже веселиться будущимъ свиданьемъ еще и до самаго приѣзда въ Тулу. Обѣ семейнины мои, которыхъ мы нашли здоровыми, были возвращеніемъ нашимъ очень обрадованы и старались угостить спутника моего у себя

какъ можно лучше. На другой день поѣхали мы всѣ уже вмѣстѣ въ Дворяниново, гдѣ не мѣшкавъ ничего, и отправили мы объявленіе свое въ комиссію о застѣкахъ.

Въ Дворяниновѣ напелъ я у себя домъ уже гораздо просторнѣйшій и спокойнѣйшій передъ прежнимъ. Внутреннее расположение комнатъ было въ немъ опять передрѣвано, и употреблено къ тому времени моего отсутствія. Сіе было ему уже третье, и послѣднее превращеніе, и поводъ къ тому подало то обстоятельство, что у насъ не было ни переднихъ сѣней, ни теплаго зала, и безъ нихъ боялись мы, чтобъ намъ зимою не забнуть. Къ тому жъ и не было у насъ ни одной большой комнаты, гдѣ-бъ можно было намъ съ гостями обѣдать. Въ бывшей до того залѣ хоть бы и сложили печь, но какъ она имѣла стеклянныя двери прямо на дворъ, то и мудрено-бъ было ее нагрѣвать.

Итакъ, хотя мнѣ и стоило труда придумать средство, чѣмъ бы тому всему пособить было можно; однако я выдумалъ, и оное состояло въ томъ, что я въ залѣ велѣлъ снести печь, а стеклянныя на дворъ двери опять задѣлать и превратить по прежнему въ окошко, сдѣлавъ только оное и оба другія побольше противъ прежняго. Черезъ сіе и получилъ я залу теплую и соединенную съ прочими покоями тѣснѣе; а для входа въ нее изъ сѣней заднихъ прорубили дверь. Для переднихъ же сѣней отдѣлилъ я часть прежней нашей угловой и жилой комнаты и, отгородивъ оныя толстыми досками, превратилъ я самое то окно, подъ которымъ нѣкогда висѣла моя колыбель, въ надворную дверь. Изъ достальной же части сей старинной комнаты сдѣлали мы ткацкую, а комнатку превратили въ кладовую. А черезъ все то и получилъ всѣ надобности, и были у насъ—переднія сѣни, зала, гостиная, спальня моя, спальня матушкина и дѣвчья, и не доставало одного только кабинета для меня и дѣтской комнаты.

Но сихъ послѣднихъ у меня еще не было, а кабинетомъ служила мнѣ, по нуждѣ, уже

самая гостинная комната. Тутъ были у меня книги и тутъ я писывалъ и работалъ. Словомъ, чрезъ сіе превращеніе нажили мы себѣ покой, и могли уже безъ нужды въ хоромахъ своихъ жить, покуда построили себѣ новыя и просторнѣйшія. А чтобъ потомки мои могли видѣть, какъ расположенъ былъ у меня домъ и прежде и послѣ сего послѣдняго превращенія, то приобщилъ я для любопытства имъ при семъ планы.

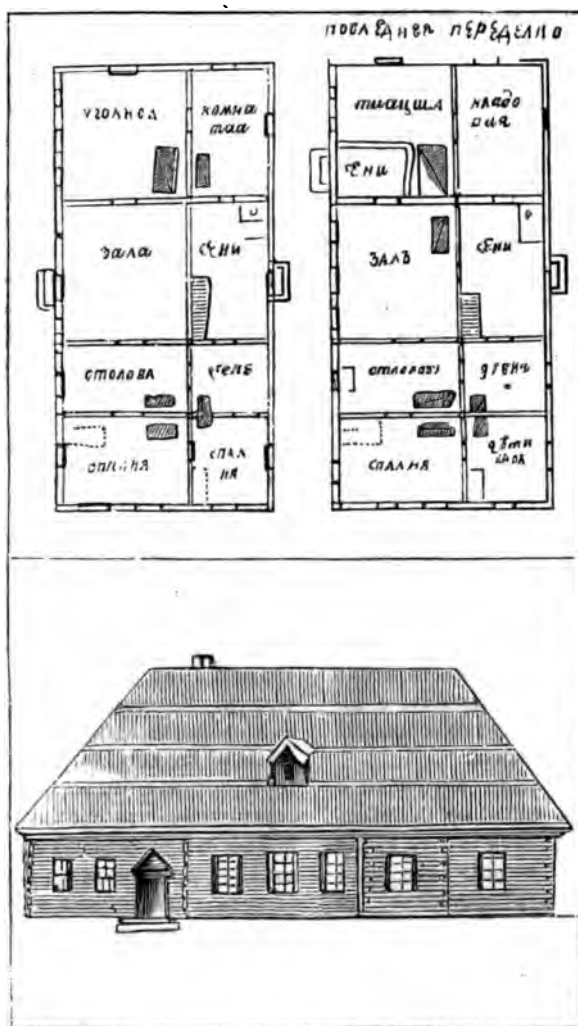
Всю сію передрѣлку распорядилъ и велѣлъ я сдѣлать безъ себя, почему и напелъ я ее уже готовою и мнѣ оставалось только вновь комнаты оправить и поприбрать, и всѣмъ тѣмъ воспѣшить, чтобъ можно было мнѣ въ приближающійся день именинъ моихъ дать пиръ всѣмъ моимъ роднымъ и знакомымъ и накормить ихъ въ новомъ своемъ и тепломъ уже залѣ. И какъ меня посѣтили въ сей день новыя мои родные и знакомцы, а приглашены были и старыя, также и всѣ ближніе сосѣди; то и былъ у меня въ сей день праздникъ, уже несравненно знаменитѣйшій и лучшій, нежели во всѣхъ предсѣдующія предъ тѣмъ годы, ибо были у меня въ сіе время уже хозяйки и во всемъ могъ наблюдатьъ быть уже лучшій порядокъ.

Симъ образомъ окончилъ я свой двадцать шестой годъ жизни, и въ двадцать седьмой годъ вступилъ уже мужемъ женатымъ и въ перемѣнившемъ уже совсѣмъ образѣ и родѣ жизни. Домъ мой сдѣлался уже не таковъ, какъ былъ прежде, но оживотворился всякой день множайшими людьми, а окончилось и самое прежнее мое уединеніе. Ко мнѣ начали уже приѣзжать чаще и множайшія гости, а и мы также не рѣдко ѣзжали по гостямъ, ибо было къ кому ѣздить и кого у себя угощать. Кромѣ всего того живали у насъ всегда какія-нибудь знакомыя дѣвушки для компаніи женѣ моей и помогали намъ провождать время, и мы были всегда съ людьми и такъ, что я почти не помню, когда бы мы за столъ сѣдѣли только трое, а всегда у насъ бывалъ кто-нибудь; а сіе и придавало дому моему много живности.

скорѣ послѣ именинъ монахъ и въ
же еще октябрѣ мѣсяцѣ перетре-
ены мы были однимъ рѣдкимъ и не-
тымъ происшествіемъ, случившимся
на погостѣ. Какъ приходскій нашъ
и много разъ упоминаемый мною,

его ночнымъ временемъ, и самого его за-
мучить и убить до смерти.

Злодѣйская партія сія и вломилась дѣй-
ствительно въ домъ его подъ 24-е число
сего мѣсяца. Но по особливому счастью
отца Иларіона не случилось тогда быть

дѣ Иларіонъ, имѣлъ у себя многихъ
дѣвъ, а сверхъ того и славился бо-
ствомъ, котораго въ самомъ дѣлѣ ни-
ю не имѣлъ; то и собралась цѣлая ва-
а изъ его враговъ и вздумала подѣ
омъ разбойниковъ разгромить домъ

дома и съ племянникомъ его усновлен-
нымъ, а была дома одна только жена се-
го племянника его и наследника. И сія
бѣдная принуждена была претерпѣть отъ
нихъ сущее страданіе. Ее измучили и
изувѣчили сіи бездѣльники, допытываясь

денегъ, но которыхъ вовсе въ домѣ не было. Одной женщиной удалось какъ-то выскочить изъ избы и вскарабкавшись на кровлю, закричать: «разбой! разбой!» И какъ случилось сіе съ вечера и не очень поздно, такъ что всѣ еще не спали; то несчастіе восхотѣло, чтобъ крикъ сей прежде всѣхъ услышалъ братъ его родной, нашъ любезный и добродушный дьяконъ.

— «Ахти!» возопилъ онъ случившемуся у него тогда въ гостяхъ священнику изъ села Савинскаго. Это воры разбиваютъ конечно брата Ларивона! Побѣдимъ, батюшка, и поможемъ ему, бѣдному!»

И вмигъ одѣвшись и схвативъ рогатину побѣжалъ вмѣстѣ съ попомъ тѣмъ прямо чрезъ огородъ къ двору поповскому. Уже подбѣгаютъ они къ нему близко; уже слышать визгъ и вопль его невѣстки; уже видятъ сквозь заборъ самыхъ разбойниковъ, бѣгавшихъ съ зажженною лучиною по двору; уже собираетъ онъ всѣ свои силы, дабы съ ожесточеніемъ напасть на злодѣевъ: какъ вдругъ ружейный выстрѣлъ сквозь заборъ поражаетъ его въ самую грудь множествомъ свинцовыхъ пуль и повергаетъ безчувственнымъ на землю, а у товарища его, поща, опалаетъ лицо отъ выстрѣла. Сіе паденіе и смерть добродушнаго дьякона поражаетъ всѣхъ собравшихся страхомъ и ужасомъ, и доставляетъ время и свободу разбойникамъ сскакать со двора и уѣхать.

Нельзя изобразить, какъ поражены и перепуганы мы были симъ несчастнымъ происшествіемъ. Мы сами въ то время еще не спали; и хотя погостъ отъ насъ и болѣе двухъ верстъ разстояніемъ, но крикъ слышенъ былъ и у насъ такъ явственно, что мы сперва подумали, не содѣла ли моего, генерала, разбиваютъ разбойники. Наконецъ и самый ружейный выстрѣлъ былъ намъ явственно слышенъ, но намъ и въ мысль не приходило, чтобъ оный былъ такъ пагубенъ нашему дьякону, котораго всѣмъ намъ было жалъ до безконечности, ибо онъ былъ всѣмъ нами очень любимъ за его добросердечіе.

Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ сего

печальнаго происшествія получили мы извѣстіе и о другомъ такомъ же, но болѣе до меня касающемся печальномъ происшествіи, а именно: что Всемогущему угодно было прекратить дни меньшей моей сестры Марѣи Тимофеевны Травиной. Она скончалась 18-го ноября сего года отъ самой той болѣзни, о которой я уже упоминалъ, и которая не допустила ее быть у меня на свадьбѣ, хотя ей того усердно хотѣлось. Мы положили было сѣздить и побывать у ней приближающейся зимою; но кончина ея переѣвила наше намѣреніе и обратила мысли наши въ другую сторону.

Итакъ, противъ всякаго чаянія и ожиданія, лишился я одной изъ ближайшихъ моихъ родственницъ. Она была осмью только годами меня старѣе и кончила жизнь свою на 34 году отъ рожденія и въ цвѣтущихъ еще почти своихъ лѣтахъ. Замужествомъ своимъ она была не совсемъ счастлива. Вѣтренный, непостоянный и строптивый нравъ ея мужа огорчалъ многіе дни ея жизни желчію, и веселыхъ дней имѣла она мало въ жизни.

Она оставила послѣ себя трехъ дочерей и одного сына, и хотя зять мой послѣ женатъ былъ и на другой женѣ, но дѣтей болѣе уже не имѣлъ кромѣ сихъ оставшихся въ сущемъ сиротствѣ послѣ матери. Ко мнѣ присланъ былъ нарочный съ извѣстіемъ о сей кончинѣ, и я пролилъ не одну каплю слезъ о сей потерѣ, которая была для меня тѣмъ чувствительнѣе, что сія сестра была одна только изъ ближайшихъ моихъ родственницъ, съ которою могъ я видаться чаще; но судьба и того мнѣ недозволила.

Достальное время сего года и какъ всю осень, такъ и начало зимы провели мы впрочемъ благополучно и безъ скуки. Я упоминалъ уже, что мы рѣдко бывали одни и не только ѣзжали сами кое-куда, но и къ намъ не рѣдко приѣзжали гости. Всего же чаще видались мы и бывали вмѣстѣ съ теткою жены моей, госпожею Арцыбашевою и не только жилали у ней, но и она у насъ не рѣдко гасивала по нѣсколькѣ дней сряду. И какъ была она

боярыня умная и любила всѣхъ насъ безпритворно, то никогда намъ съ нею было не скучно; а что всего для меня пріятнѣе было, то и она столь же охотно, какъ и теща моя, слушала меня читающаго или какія-нибудь пріятныя книги, и я могъ съ обѣими ими съ удовольствіемъ проводить многіе часы въ пріятныхъ разговорахъ, приправляемыхъ шутками и издѣлками, и съ пріятностію дѣлать съ ними свое время.

Но какъ письмо мое слишкомъ увеличилось, то съ окончаніемъ исторіи 1764 года окончу я и оное, и скажу вамъ, что я емь и прочес.

1765.

ЫЗДА ВЪ ЦИВИЛЬСКѢ.

Письмо 119-е.

Любезный пріятель! Начало 1765-го года было въ исторіи моей жизни тѣмъ достопамятно, что мы съ онымъ начали собираться въ дальнее путешествіе.

Я упоминалъ уже въ предсѣдующемъ письмѣ, что сперва намѣреніе мое было съѣздить сею зимою къ сестрѣ моей въ Кашинъ, но какъ печальная ея кончина намѣреніе сіе уничтожила; то стали мы помышлять о направленіи путешествія своего въ другую сторону—и либо во Псковъ къ старшей сестрѣ моей Прасковѣ Тимоѣевнѣ, либо на Низъ въ предѣлы древняго Казанскаго царства, гдѣ находился тогда одинъ знаменитѣйшій и ближній родственникъ жены моей, а именно родной ея дѣдъ и отецъ тещи моей, Аврамъ Семеновичъ Арцыбышевъ.

Сей сѣднами покрытый и уже жизнь свою оканчивающій, почтенный старецъ жилъ въ одномъ изъ тамошнихъ низовыхъ городковъ, Цивильскѣ, и владѣлъ деревнями второй жены своей, съ которою имѣлъ онъ у себя многихъ и взрослыхъ дѣтей. Теща же моя и умершій братъ ея, а мужъ Матрены Васильевны, были отъ первой его жены, умершей въ молодыхъ еще лѣтахъ.

Съ симъ-то старичкомъ хотѣлось намъ видѣться, и тѣмъ паче, что теща моя

приложение къ «русской старинѣ» 1871 г.

имѣла къ нему ~~близкое~~ ~~отношеніе~~ ~~и~~ ~~потому~~ ~~онъ~~ ~~былъ~~ ~~и~~ ~~всегда~~ ~~къ~~ ~~нему~~ ~~на~~ ~~Низъ~~ ~~почти~~ ~~каждое~~ ~~его~~ ~~свиданіе~~, какъ съ нимъ, такъ и съ ~~уединенною~~ его сестрою, такою-жъ ~~старою~~ ~~и~~ ~~какою~~ каковъ былъ онъ самъ, и ~~послѣ~~ ~~смерти~~ ~~второй~~ ~~жены~~ ~~его~~, жила съ ~~нимъ~~ ~~вмѣстѣ~~ и управляла его домою ~~вмѣстѣ~~ хозяйки и тещу мою, оставшую отъ матери въ младенчествѣ, воспитывала ~~вмѣстѣ~~ матери, и потому была въ особенности ей любима.

Къ воспріятію путешествія сего на Низъ въ сію зиму побуждала насъ наиболѣе престарѣлость сего толь близкаго родственника, а того паче собственное его и усердное желаніе насъ видѣть и меня узнать лично прежде своей кончины, ожидаемой имъ ежегодно. Въ жеждѣи моей имѣлъ и онъ нѣкоторое соучастіе и теща моя никакъ бы не рѣшилась выдать за меня дочь свою въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, еслибъ не получила дозволенія на то отъ сего почтеннаго старца, совѣтовавшаго ей нимало не раздумывать, а приступать скорѣе къ дѣлу, почему имѣлъ я и самый долгъ побывать у него и принести ему, за все его доброе обо мнѣ мнѣніе, свою благодарность; а глубокая его старость побудила насъ и поспѣшить сею ѣздою и предпріять ее въ самую сію зиму. Ызду же во Псковъ, къ сестрѣ моей—отложить до зимы предбудущей.

Съ нами вмѣстѣ расположилась съѣздить туда къ нему и помянутая тетка жены моей, а его невѣстка, Матрена Васильевна Арцыбышева. Какъ мужъ ея и старшій изъ всѣхъ его сыновей, Андрей Аврамовичъ съ небольшимъ только за годъ до того умеръ и онъ не выдалъ еще послѣ смерти его и ее и дѣтей ея, а своихъ внучатъ; то и хотѣлось ей къ нему съѣздить и показать ему сихъ птенцовъ, оставшихся послѣ отца еще въ сущемъ младенчествѣ; а мы сотовариществу ея были и рады.

Какъ путешествіе сіе было не близкое и надлежало намъ препроводить въ ономъ почти всю зиму или по крайней мѣрѣ

мѣсяца два, то начали мы готовиться къ тому еще съ начала зимы; а не успѣвъ установиться путь и наступить 1765-й годъ, какъ, дождавшись рождественскаго мясоѣда и препроводивъ святки у себя въ домъ, на третій день послѣ Крещенья и пустились мы въ сей воляжъ дальній.

Поелику путь нашъ лежалъ чрезъ Москву, то, приѣхавъ въ оную, не преминули мы застаться всѣмъ нужнымъ на дорогу, а сверхъ того—побывать у обоихъ дядевъ моихъ—Матвѣя Петровича, приѣхавшаго въ нее давно для обыкновеннаго зимованья въ оной, и Тараса Ивановича Арсеньева, который меня женатаго еще не и видалъ и былъ посѣщеніемъ моимъ и показаніемъ ему жены моей очень доволенъ.

Препроводивъ нѣсколько дней въ семь столичномъ городѣ, въ которомъ былъ я тогда уже пятый разъ по приѣздѣ въ отставку, не стали мы долѣ медлить, а пустились въ свой путь далѣе по дорогѣ володимірской; и какъ мы ѣхали компаніею и было съ нами много людей и четыре повозки, а притомъ не имѣли никакой нужды надмѣру ѣздою своею спѣшить; то ѣхать намъ было не только не скучно, но такъ еще весело, что я и понынѣ еще не могу позабыть сего путешествія, и возвращаясь мыслями и воображеніями своими въ тогдашнія времена, верѣдко и нынѣ еще утѣшаюсь пріятностями онаго и напоминаніемъ того, что насъ тогда въ особенности веселило.

Сии удовольствія происходили отъ разныхъ причинъ и обстоятельствъ. Во-первыхъ: ѣхать намъ было очень хорошо и покойно. Мы не преминули снабдить себя теплыми и покойными зимними возками. Въ одномъ изъ нихъ ѣхалъ я съ женою, въ другомъ наши вдовушки съ старшею дѣвочкою тетки Матрены Васильевны, въ третьемъ—меньшія ея дѣти съ женщинами, а четвертая повозка была съ поваромъ и ея сбруею и харчемъ, и мы ѣхали такъ тепло, что во всю дорогу не видали нужды.

Во-вторыхъ: дороги во все путешествіе

были большія и многолюдныя, и къ особенному нашему удовольствію, еще и гладкія и неизрытыя такими ухабами, какъ бываетъ то съ тульскою дорогою, по которой ѣдучи, не бываешь иногда ни единой минуты спокойнымъ и сердце устаетъ даже отъ непрерывнаго замрванія. А къ вящему удовольствію нашему и погоды случились спокойныя и самыя лучшія зимнія и такия, которыя называлъ я умными, то-есть не слишкомъ холодныя и не слишкомъ теплыя, и тихія.

Въ-третьихъ: квартиры находили мы себѣ всегда спокойныя, теплыя и добрыя и не нуждались ими во всю дорогу. И какъ становились мы всегда вмѣстѣ и на одной квартирѣ, то на всякомъ ночлегѣ былъ у насъ власно какъ нѣкакій пиръ. Тотчасъ заводились тутъ у насъ чай и кофеи, а потомъ обѣды и ужины. И какъ тетка моя была въ особенности веселаго нрава и у меня непрерывно были съ нею шутки и издѣвки; то не успѣемъ бывало приѣхать на квартиру, какъ и начнутъ у насъ смѣхи и хохотанья; а потомъ примемся либо играть въ карты, либо въ тавлеи, либо читать что-нибудь, ибо я не преминулъ и на дорогу застаться книгами, и я читывалъ ихъ не только на квартирахъ, но и дорогою, лежучи въ возкѣ своемъ.

Въ-четвертыхъ: въ прожитіи своемъ и въ пищѣ не имѣли мы ни малѣйшей нужды, ибо не только ѣхали чрезъ такія мѣста, гдѣ все нужное доставать было можно, но не преминули и изъ домовъ своихъ застаться всею нужною для дороги провизіею. А чтобъ меньше имѣть хлопотъ съ вареньемъ и приго-товленьемъ себѣ ужиновъ и обѣдовъ, то наварили однажды себѣ добрыхъ вкусныхъ и хорошихъ щей и наморозили ихъ цѣлую кадочку. А такимъ же образомъ запаслись мы многими начиненными, сваренными и замороженными желудками и сливками. Итакъ, всякій разъ по приѣздѣ на квартиру нужно только было нарубить изъ кадочки нѣсколько щей и въ горшкѣ или въ кастрюлѣ растаить и разогрѣть, а желудокъ для того-жъ

положить въ хозяйскіе щи,—какъ и получали мы уже вкусныя и сытныя два блюда, умалчивая о прочихъ, какъ-то: о жареныхъ, ветчинѣ, окрошкахъ, хлѣбномъ и лакомствахъ, чѣмъ всѣмъ запаслись мы съ избыткомъ заблаговременно. Словомъ, дорога сія была намъ тогда такъ сытна, что я не помню, когда-бъ въ иное время я такъ много и сытно ѣдалъ, какъ въ тогдашнее.

Наконецъ: въ-пятыхъ, и что всего для меня было пріятнѣе, то на всякой верстѣ встрѣчались съ зрѣніемъ новыхъ и до того невиданныхъ еще предметы. Въ странѣ сей никогда еще мнѣ до того бывать не случалось, и потому всѣ мѣста были для меня новы и совсѣмъ незнакомы. И какъ нерѣдко встрѣчались съ нами мѣстоположенія наипрекраснѣйшія, то я, какъ любитель красотъ природы, не могъ на нихъ иногда довольно насмотрѣться и ими налюбоваться.

Мы ѣхали тогда чрезъ старинныя и славныя въ исторіи нашей города—Володиміръ и Муромъ, также славную слободу Вязники и городокъ Гороховецъ, которые всѣ не имѣли никакого сравненія съ нашими бѣдными степными городами и были пхъ во всемъ лучше. А переѣхавъ подлѣ славнаго и огромнаго села Избылецъ рѣку Оку и оставивъ Нижній Новгородъ въ лѣвѣ, спустились мы на славную нашу рѣку Волгу и ѣхали оною мимо Василія-Сурска и Кузьмодемьянска до самаго знаменитаго города Чебоксара, а отъ сего мѣста повернули уже въ право, и поѣхали въ Цивильскъ.

Всѣ помянутыя мѣста и города привлекали на себя мое вниманіе и на многія изъ нихъ не могъ я довольно насмотрѣться. Но нигдѣ не имѣлъ я столько удовольствія, какъ во время ѣзды самою Волгою. Тутъ величественныя и прямо пышныя и великолѣпныя ея нагорныя берега, представляя собою всякую минуту новыя перемѣнныя и другъ предъ другомъ красивѣйшіе предметы, увеселяли неслыханно весь мой духъ и очаровывали собою зрѣніе.

Я смотрѣлъ и не уставалъ ежеминутно

смотреть на страшныя утесы и скалы сихъ превысокихъ и крутыхъ береговъ ея, дивился и не могъ надивиться никогда разнообразности сихъ громадъ, составленныхъ изъ камней и глинъ разноцвѣтныхъ и увѣчаныхъ вверху, а не рѣдко и при подшвахъ своихъ деревьями родовъ различныхъ.

Во многихъ мѣстахъ были они самыя огромныя, прежившія уже многіе вѣка и не столько растущія, какъ отъ престарѣлости уже висяція надъ безднами и пропастью ужасными. Въ другихъ казались еще молодыми и придающими собою берегамъ симъ особливую красу и великолѣпіе. Индѣ увѣнчивали они собою самыя верхы сихъ исполиновъ ужасныхъ, индѣ украшали уступы сихъ береговъ красивыхъ, а ниня, покрывая собою самыя низы и острова прибрежныя, носили на себѣ признаки насилія, дѣлаемаго имъ льдами; въ каждую весну и половодъ многія изъ нихъ заливаются и покрываются совсѣмъ полою водою и у многихъ остаются одні только верхушки, водою непонятныя.

Ко всѣмъ симъ разнообразнымъ зрѣлищамъ присовокуплялись и другія, еще того пріятнѣйшія. Всѣ берега сіи усѣяны были множествомъ большихъ и малыхъ селеній, придающими имъ не только живость, но и вѣщее великолѣпіе. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ село Лысково и Работки были такъ велики, что походили на города самыя, и какъ множество церквей съ ихъ колокольнями, такъ и цѣлыя почти лѣса изъ раскрашенныхъ мацѣ струговыхъ, придавали имъ еще болѣе красы. Во всѣхъ сихъ большихъ селахъ мы останавливались и либо обѣдывали, либо ночевали на прекрасныхъ и спокойныхъ квартирахъ и не имѣли нигдѣ во все продолженіе путешествія сего ни малѣйшей остановки и огорченія.

Наконецъ, 23-го генваря доѣхали мы до того мѣста, куда ѣхали. Маленькій то былъ, но изрядный низовый городокъ, составленный изъ нѣсколькихъ каменныхъ и изрядныхъ церквей и множества деревянныхъ небольшихъ домиковъ, въ числѣ которыхъ было и довольно изряд-

ныхъ. Но домъ дѣда жены моей отличался отъ всѣхъ, какъ величиною своею, такъ и всѣмъ прочимъ, потому что онъ былъ дворянскій, а не купеческій, какъ прочіе.

Мы нашли старика и старушку, сестру, его насъ ни мало не ожидавшихъ и потому болѣе приѣзду нашему обрадовавшихся. Оба они не могли насмотрѣться на насъ и не знали гдѣ насъ посадить и какъ угостить лучше. Старикъ былъ хотя при самомъ позднемъ вечерѣ дней своихъ, но довольно еще въ силахъ и довольно бодръ, и не успѣлъ меня увидѣть, какъ и полюбилъ уже. Это счастье имѣлъ я во всю жизнь мою, что меня всѣ старики отъменно любили. Но не менѣе полюбилъ и я его и съ самой первой минуты получилъ къ нему почтеніе, котораго онъ какъ по разуму, такъ и по добродушію и благопріятству свосму былъ и достоинъ. Онъ былъ старинныхъ службъ, служилъ въ пѣхотномъ Ингерманландскомъ полку и находился уже давно въ отставкѣ сперва майоромъ, а потомъ, по случаю, что былъ въ Саратовѣ у дѣла, надворнымъ совѣтникомъ.

Изъ всѣхъ многихъ дѣтей его не было тогда при немъ никого. Старшій изъ сыновей, называвшійся Васильемъ и дослужившійся уже до полковничьяго чина, находился тогда въ службѣ, а жена его жила за нѣсколько сотъ верстъ отъ него за рѣкою Волгою въ деревняхъ своихъ. А младшіе оба, которыхъ звали Александромъ и Сергѣемъ, находились также въ службѣ и оба были холостые и въ отсутствіи. Другая же дочь его, Елизавета, находившаяся замужемъ за тамошнимъ дворяниномъ господиномъ Горинимъ, жила съ мужемъ своимъ также не близко. Итакъ, не было никого съ нимъ кромѣ помянутой его сестры, Прасковьи Семеновны Нелюбохтиной, старушки добренькой и благопріятной.

Мы прогостили у милыхъ и любезныхъ старичковъ сихъ болѣе мѣсяца, и время сіе провели довольно весело. Старики наши любимы были не только всѣми го-

родскими жителями, но и всѣми сосѣдственными дворянами, и потому бывалъ онъ рѣдко безъ людей; а ѣзжали и мы съ нимъ кое-куда по гостямъ, какъ въ городѣ, такъ и по уѣзду и вездѣ по немъ принимались съ особливою ласкою и благопріятствомъ. Но никѣмъ мы такъ довольны не были, какъ господиномъ Аркатовымъ, однимъ богатымъ знаменитымъ тамошнимъ дворяниномъ. Онъ жилъ неподалеку отъ города, имѣлъ большой домъ, и будучи старику нашему очень друженъ, видался съ нимъ всѣхъ прочихъ чаще и не одинъ разъ угощалъ насъ у себя обѣдами.

Черезъ нѣсколько дней послѣ приѣзда нашего восхотѣлось спутникамъ моимъ, а особливо тещѣ моей, побывать у младшей сестры своей, помянутой госпожи Горинной, Елисаветы Аврамовны, и съ нею повидаться. Обстоятельство, что, за нездоровьемъ мужа ея и другими случившимися препятствіями, не можно было ей самой къ намъ приѣхать, побудило насъ всѣхъ самимъ къ нимъ въ деревню съѣздить. Они жили отъ Цивильска за нѣскольکو десятковъ верстъ разстояніемъ, и будучи намъ очень рады, угощали насъ наилучшимъ образомъ и продержали у себя болѣе сутокъ. Я напелъ въ хозяйкѣ боярыню еще молодую и пріятную, но, какъ увѣряли меня, не слишкомъ счастливую своимъ мужемъ, имѣвшимъ характеръ не изъ самолучшихъ. Однако онъ обошелся со мною очень благопріятно и казалось, что также меня полюбилъ, а особливо за охоту мою къ книгамъ, до которыхъ и онъ былъ отчасти охотникъ.

Я имѣлъ удовольствіе найтти оныхъ у него довольно количество, и между прочимъ такіа, которыя мнѣ до того были невѣдѣны, и какъ нѣкоторыя изъ нихъ любопытенъ я былъ очень прочесть, а особливо Фишерову исторію Сибирскую и Крашенинниково описаніе нашей Камчатки; то, по изъявленіи желанія моего къ тому, и ссудилъ онъ меня охотно ими для прочтенія во время пребыванія моего въ Цивильскѣ; а чрезъ то и получилъ я не только пріятное для себя занятіе въ

праздныя часы, но и случай спознакомиться съ сими восточными и знаменитыми частями нашего государства и получить объ нихъ понятіе. И я читалъ ихъ съ такою жадностью и любопытствомъ, что успѣлъ объ нихъ прочесть и возвратить ему съ моею благодарностью.

Впрочемъ, при сихъ разъѣздахъ по гостямъ имѣлъ я случай насмотрѣться всѣмъ тамошнимъ обыкновеніямъ и обрядамъ, имѣющимъ нѣкоторую особливостъ отъ нашихъ. Дома дворянскіе строились тамъ почти всѣ въ два этажа или жила, и вездѣ принуждено были всходить въ верхній и жилой этажъ по крутымъ лѣстницамъ. И дѣлалось сіе, какъ увѣрили меня, наиболѣе для предосторожности отъ разбойниковъ, чтобъ имъ не такъ было легко взбираться на верхъ и удобнѣе было отъ нихъ обороняться. А въ другихъ домахъ, къ удивленію моему, находилъ я на крыльцахъ по два претолстыхъ улья пчелъ, поставленные по обѣимъ сторонамъ входныхъ дверей, и тутъ безъ всякой защиты зимующіе, и не могъ странному обыкновению сему довольно надивиться.

Впрочемъ, разъѣзжая симъ образомъ по гостямъ, принужденъ я былъ вездѣ терпѣть превеликія къ себѣ приступы съ подносами и неотступныя убѣжденія и просьбы о выпоразживаніи рюмокъ и ставановъ вмѣстѣ съ прочими гостями. Сіе обыкновение господствовало тогда еще очень сильно во всей тамошней сторонѣ, и сіе непрерывное поднашиваніе разныхъ напитковъ было мнѣ всего досаднѣе. Будучи совсѣмъ неохотникомъ къ питью и не пивая никогда отъ роду крѣпкихъ напитковъ, — отговаривался я сколько могъ отъ оныхъ; но видя, что тѣмъ ни мало не успѣвалъ, а производилъ только великое неудовольствіе, принужденъ былъ наконецъ согласиться на то, чтобъ мнѣ по крайней мѣрѣ подносили на ряду съ прочими, но не разные напитки, какъ имъ, но одинъ только медъ, который я сколько-нибудь, но могъ еще пить и чрезъ то дѣлать мнѣ превеликое удовольствіе. Странные по истинѣ люди!!

Между тѣмъ какъ мы симъ образомъ

у стариковъ нашихъ жили и вмѣстѣ съ ними по гостямъ разъѣзжали, отлучалась отъ насъ помянутая тетка жены моей и ѣдила вмѣстѣ съ тещею моею за рѣку Волгу, въ гости къ помянутой невѣсткѣ стариковой, женѣ Василья Аврамовича. И какъ она жила не близко, то препроводили онѣ болѣе недѣли въ семь путешествіи. Въ сіе отсутствіе ихъ чуть-было не подвергся я великому бѣдствію.

Однажды вздумалось какъ-то старикамъ нашимъ велѣть истопить баню и уговорить меня сходить въ онаю. Я хотя никогда не любилъ и не охотникъ былъ до бани, и хаживалъ въ онаю по одному только разу въ годъ, но тутъ не захотѣлось мнѣ сдѣлать неудовольствіе любезному старику своему, а особливо старушкѣ, уговаривавшей меня къ тому усиленно. Но что-жь? Не успѣлъ я войти въ баню и нѣсколько минутъ полежать на полкѣ для потѣнія, какъ голова моя пошла кругомъ, и я вмигъ лишился ума и памяти и такъ, что меня безчувственнымъ вынесли уже вонъ и на силу отгнали свѣтомъ: такъ скоро и сильно угорѣлъ я въ онай!

Никогда ни прежде, ни послѣ того не случалось мнѣ такъ сильно угорать, и такой бѣды со мною! Я находился тогда на одну падень отъ смерти. Ибо какъ тоже самое воспослѣдовало и съ человекомъ, бывшимъ со мною въ банѣ, то никто о томъ не зналъ не вѣдалъ, и обонимъ бы намъ чисто умирать, еслбъ, по особливому счастью, не случилось заглянуть въ баню пенарочно еще одному человеку, и насъ безъ чувствъ и безъ памяти лежащихъ увидѣть. Всѣ перестращены были невѣдомо какъ симъ случаемъ, а я всѣхъ больше, и съ того времени получалъ еще сильнѣйшее отвращеніе отъ бань.

Вскорѣ послѣ того, и предъ самымъ уже почти отъѣздомъ нашимъ изъ мѣстъ тамошнихъ, подвергся-было я другому и опаснѣйшему еще бѣдствію. Случилось сіе въ самые послѣдніе дни масляницы, и, ни то отъ того, что мы во всю онаю непрерывно ѣздили по гостямъ и ни одного дня не сидѣли дома, но перебували почти

у всѣхъ тамошнихъ именитѣйшихъ купцовъ и чиновачальниковъ городскихъ, и вездѣ меня морили безпрестанно питьемъ меда и мучили неотступными о томъ просьбами, а что того хуже, то въ иныхъ мѣстахъ насильно почти поили медомъ съ подбавливаніемъ въ него тайно крѣпкихъ напитковъ; ни то отъ того, что во всемъ тамошнемъ городѣ свирѣпствовала тогда опасная перевалка, и множество людей лежало больными горячкою, а нѣкоторые и умирали, и весь воздухъ зараженъ былъ ядовитыми отъ больныхъ испареніями; но какъ бы то и отчего бы ни было, но я въ самый послѣдній день масляницы такъ занемогъ, что свалился въ ногъ, и всѣ не сомнѣвались въ томъ, что воспослѣдуетъ со мною горячка.

Нельзя изобразить, какъ перетревожены были тѣмъ всѣ мои дорожные товарищи. Время пришло ѣхать и отправляться въ обратный путь, а я въ самое оное занемогъ, и занемогъ такъ, что головы не поднималъ, и всѣ того и ждали, что я слягу въ постель. Жаръ превеликій жегъ меня немилосердо и всѣ признаки были начинающейся горячки. Что было тогда имъ дѣлать? На самыхъ стариковъ была тогда забота превеликая. Какъ они, такъ и всѣ не знали, что имъ тогда начать со мною; но я разрѣшилъ тотчасъ всѣ ихъ сумнительства, сказавъ имъ прямо, чтобъ они везли меня скорѣе вонъ изъ сего города, и что я не хочу никакъ долѣе въ ономъ оставаться, и хоть дорогою-бъ случилось и умереть, но везли-бъ меня неотмѣнно домой: такъ сильно испужался я сей болѣзни и такъ много опасался, чтобъ не умереть тутъ, въ чужой и дальней сторонѣ.

Такимъ образомъ, хотя и опасно было меня везть больного въ дорогу, но, видя столь сильное мое того хотѣнье, приуждены были спутницы мои на то согласиться, и на другой день великаго поста, распрощавшись съ добродушными старичками, и положивъ меня въ жару и изнеможеніи уже отъ болѣзни въ возокъ, повезли меня изъ города обратно въ свою сторону. Желаніе мое выѣхать скорѣе изъ сего опаснаго города было такъ велико,

что я ждалъ - недождался покуда изъ него выѣхали и перекрестился нѣсколько разъ, увидѣвъ себя уже внѣ онаго и въ полѣ.

Но что-жъ воспослѣдовало?—Не успѣли мы нѣсколько верстъ отѣхать, какъ я, лежучи въ жару и почти въ безпамятствѣ, услышалъ вдругъ стоявшаго за возкомъ человѣка чхнувшаго. Какъ изстари у насъ у всѣхъ затвержено, что чханіе больному человѣку полезно и всегда хорошимъ будто признакомъ бываетъ, то позавидовалъ я тогда чхнувшему человѣку и сталъ желать, чтобы и со мною случилось то же.

— «Ну, еслибъ такъ-то и мнѣ случилось чхнуть—мыслилъ и говорилъ я тогда самъ себѣ—какъ бы это хорошо было! Но вотъ ко мнѣ чохъ не приходитъ».

Въ самую сію минуту попалось нечаянно мнѣ на глаза одна торчавшая съ боку изъ-подъ пуховика сѣнника, и вдругъ приди мысль и охота вытащить ее и поковырять концомъ оной у себя въ носу и испытать, не могу ли я насильно возбудить въ себѣ чханіе. Неварочный опытъ сей мнѣ и удался весьма счастливо: я чхнулъ и такъ обрадовался тому, что перекрестился и благодарилъ за то Бога. Потомъ повторилъ я оный еще разъ, и до тѣхъ поръ щекоталъ сѣнникомъ въ носу, покуда не чхнулъ вторично. Болѣе сего не сталъ я сего дѣлать. Показалось мнѣ, что голова моя заболѣла отъ того еще болѣе; итакъ, я пересталъ. Но какъ неописанно удивился и обрадовался я, когда по прошествіи немногихъ минутъ послѣ того, почувствовалъ я, что жаръ во мнѣ примѣтно уменьшился, пульсъ не такъ крѣпко, часто и сильно бился, и мнѣ какъ-то уже легче стало.

— «Ахъ батюшки мои! возопилъ я самъ въ себѣ тогда въ мысляхъ: уже не чханіе ли произвело во мнѣ сію скорую и удивительную перемену? Ей-ей! продолжалъ я—и чуть ли не отъ того? Чханье производитъ во всей внутренности нашей особливаго рода революцію и власно какъ нѣкакого рода ударъ и на пол-секунды останавливаетъ даже всю кровь, въ ея бѣгѣ и движеніи. И почему знать, можетъ быть самая сія полу-секундная ос

тановка, по законамъ движенія, дѣлаетъ уже великое уменьшеніе въ скорости ея движенія; а какъ отъ сей скорости движенія оной происходитъ и жаръ самый, то натурально, долженъ уже уменьшиться и оный нѣкоторымъ градусомъ.»

Симъ образомъ заключалъ я, и чѣмъ болѣе о томъ мыслилъ, тѣмъ вѣроятнѣйшею казалась мнѣ моя догадка и побуждала меня повторить еще сей опытъ. Я тотчасъ отыскалъ опять свою сѣннику, и ну опять легохонько ковырять въ воздрахъ и щекотить ею внутренность оныхъ. И стараніе мое было опять не тщетно. Я чхнулъ опять одинъ разъ, повторилъ сіе, а потомъ опять пересталъ. Отъ сего повторительнаго чханія жаръ мой еще того болѣе уменьшился, и чрезъ нѣсколько минутъ сдѣлалось мнѣ такъ легко, что я почти не чувствовалъ себѣ жара и тягости, и къ превеликому удовольствію всѣхъ моихъ спутниковъ, при приѣздѣ на ночлегъ, вышелъ изъ возка самъ и былъ почти совершенно здоровымъ.

Я не преминулъ рассказать имъ о нечаянномъ своемъ опытѣ, и онѣ дивились тому, но не хотѣли никакъ его уважить столько, сколько казался мнѣ онъ уваженія и особливаго вниманія достойнымъ. Онъ и дѣйствительно былъ таковымъ, и нечаянное происшествіе сіе, какъ могущее обратиться въ пользу всему человѣческому роду, достойно записано быть въ лѣтописяхъ и исторіи медицинской.

Въ послѣдующія потомъ времена не преминулъ я повторять сей опытъ неслѣдственное множество разъ какъ надъ собою, такъ и надъ многими другими, и всегда производилъ онъ наивожделнѣйшее дѣйствіе, и многократная опытность доказала мнѣ, что нужно только не запускать болѣзни, и не давать жару слишкомъ увеличиваться, но захватывать его тогда, когда оный только что зачинается; и какъ скоро голова заболитъ и пульсъ станетъ скоро и сильно биться, то и надобно уже спѣшить производить въ себѣ чханіе и не болѣе двухъ разъ однимъ приемомъ, а повторять то минутъ черезъ десять. Наконецъ узналъ я, что и производить

сіе чиханіе всего удобнѣе и скорѣе можно свернутою трубочкою и съ заверченнымъ концомъ бумажкою. Ибо таковая, будучи всунута въ ноздри и тамъ излегка ворочаема, возбуждаетъ зудѣніе и производитъ чохъ.

Такимъ образомъ, нечаянная и напугавшая меня и всѣхъ насъ моя болѣзнь вреда мнѣ не причинила, а послужила поводомъ и случаемъ къ открытію весьма важному и полезному.

Впрочемъ обратное наше путешествіе было намъ хотя уже не таково смтно какъ прежде, по причинѣ наступившаго великаго поста и самой первой недѣли онаго,—однако довольно весело и приятно, дни были уже тогда болѣе, погода теплѣе, дороги лучше, а и рыбы могли мы доставать себѣ повсюду довольно и дешевою при томъ цѣною.

Въ селѣ Избылицѣ, на рѣкѣ Окѣ, славящемся своими садами, накупили мы не только множество тамошнихъ прекрасныхъ и вкусныхъ яблокъ, но и самихъ почекъ или яблонovýchъ сѣмянъ, которыя по приѣздѣ домой тотчасъ зарылъ я въ землю, а весною посѣявъ получилъ цѣлую грядку почекъ, изъ которыхъ многія, будучи расажены по мѣстамъ и выросши большими, довольствуютъ и веселятъ меня и понылъ прекрасными и вкусными своими плодами, ибо вышли отъ нихъ многія оригинальныя и хорошія породы яблокъ.

Въ пригородѣ Вязникахъ случилось намъ стоять на такой квартирѣ, гдѣ дѣлались простые мѣдные оклады къ образамъ, продаваемые такъ дешево, и я съ любопытствомъ разспрашивалъ мастеровъ о всемъ производствѣ работы сей.

Въ другомъ изъ тамошнихъ большихъ селъ, во время обѣда удивилъ насъ хозяинъ предложеніемъ своимъ, не угодно-ли намъ горчицы къ приправливанію ѣствъ нашихъ. «Очень хорошо, — сказали мы: когда есть у тебя такъ подавай!» и любопытны были очень видѣть, какая-бъ такая была у него горчица. Но какъ удивились мы, когда подалъ онъ намъ деревянную стамушку съ натолченнымъ мелко и просѣяннымъ стручковымъ дикимъ перцемъ.

— «Такъ это-то твоя горчница, сказали мы усмѣхнувшись. Покорно благодаримъ за нее; но это кушай ты самъ, ежели можешь, а мы къ ней непривычны: она слишвомъ горька и ѣдка.»

Симъ образомъ ѣхали мы обратно въ свои предѣлы и проехали опять въ путешествіи семь болѣе недѣль, и доѣхали наконецъ до Москвы благополучно. Но я таки не избѣжалъ отъ нѣкотораго для себя огорченія во время ѣзды сей.

На одной рукѣ моей, и что всего досаднѣе, на самомъ наружномъ сгибѣ локтя сядь чирей, и въ немногіе дни такъ увеличилась, что я отъ него ночи двѣ вовсе спать не могъ, а дорогою онъ меня невѣдомо какъ мучилъ и беспокоилъ. Болѣзни сей я хотя и часто подверженъ былъ въ моей молодости, но никогда не имѣлъ на себѣ такого страшнаго и мучительнаго чирья, котораго о величїи можно было по тому судить, что стержень его, который вынуть былъ изъ онаго по созрѣніи, величиною былъ съ орѣхъ простой. Но по счастью успѣлъ онъ сорвать, прорваться и почти совсѣмъ зажить до шестого моего тогда приѣзда въ Москву, гдѣ ожидало меня другое и весьма огорчившее меня происшествіе.

Тутъ нашель я дядю своего Матвѣя Петровича лежащаго больнымъ, и болѣзнь его была такого рода, что я не надѣялся уже, чтобъ онъ отъ ней выздоровѣлъ, по почпталъ ее почти за вѣрное ведущую его ко гробу. Сіе огорчило меня очень, ибо я любилъ искренно сего близкаго родственника своего. Но онъ опечалилъ меня еще болѣе, сказавъ, что между тѣмъ куда я ѣздилъ въ Цивильскъ, а именно февраля 10-го дня, преселился въ царство мертвыхъ и другой дяди мой, Тарасъ Ивановичъ Арсепьевъ.

Сіе пзвѣстіе поразило меня тѣмъ болѣе, что я сего милаго и любезнаго своего родственника оставилъ при отъѣздѣ своемъ совершенно здоровымъ и въ такихъ еще лѣтахъ, что не можно было никакъ ожидать столь скоро его кончины. Но злая горячка неразбираетъ ни лѣтъ, ни здоровья, но выводитъ во гробъ и старыхъ и молодыхъ

и крѣпкихъ и слабыхъ, и здоровыхъ и нездоровыхъ. Оставшая послѣ его жена, Катерина Петровна, была въ самое то время на сносяхъ беременна, какъ онъ скончался, и кончина его произвела столь великое дѣйствіе и имѣла столь великое на нее вліяніе, что она вскорѣ послѣ того родила сына, у котораго на одной рукѣ не было нѣсколькихъ пальцевъ. Сей сынъ ея живъ еще и по нынѣ и весь свой вѣкъ руку сію принужденъ носить въ перчаткѣ. Вотъ что могутъ производить жестокія печали во время беременности женщины.

Мы какъ ни спѣшили возвращеніемъ своимъ въ домъ, но за долги почили побывать у сей до крайности огорченной и лежавшей тогда еще отъ родовъ въ постелѣ нашей родственницы, и нашли ее въ жалкомъ положенїи; она рассказывала намъ со вздохами о кончинѣ дяди и о несчастїи, случившемся съ ея новорожденнымъ и единымъ только сыномъ, и брали въ огорченіи ея истинное соучастіе.

Повидавшись съ нею и исправивъ прочія падобности, какія имѣли въ семъ столпномъ городѣ, не стали мы долѣе въ ономъ медлить, но поспѣшили окончить свое путешествіе, и въ 7-й день мѣсяца марта возвратились въ свой домъ благополучно.

Но насъ встрѣтили и тутъ такимъ извѣстіемъ, которое огорчило насъ влывъ и очень много. Одной изъ приданныхъ жевщицъ, перенезепной съ мужемъ ея, ткачемъ, къ намъ въ деревню и жевщицѣ молодой и изрядной, вздумалось что-то лишитъ самой себя жизни. Ее нашли удавленною на своемъ поясу, и никто не зналъ, да и послѣ никогда не узнала, что-бъ собственно побудило ее къ такому пагубному предъпрїятїю: ибо не было ей ни отъ кого ни малѣйшей изгоды и она любима была не только мужемъ, но и всѣми нами.

Симъ образомъ кончили мы свое дальнее путешествіе, а вмѣстѣ съ симъ дозвольте мнѣ кончить и письмо сіе, достигшее уже давно до своей величпыи опре-

дѣленной, и сказать вамъ, что я есмь, и прочая.

ПЕЧАЛЬНЫЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ.

Письмо 120-е.

Любезный пріятель! Тысяча семьсотъ шестьдесятъ пятый годъ былъ какъ-то почти весь для меня не очень счастливъ, но знаменовался многими печальными и огорчительными для меня произшествіями. О трехъ изъ нихъ я рассказывалъ уже вамъ въ письмѣхъ предсѣдующихъ, а о прочихъ расскажу въ телеграммѣ.

Не успѣли мы возвратясь домой порядочно еще въ домѣ осмотрѣться, какъ начали озачинивать насъ появившіяся въ домѣ у насъ горячки. Сія болѣзнь, мало по малу размножаясь, усилилась наконецъ такъ, что произошла въ домѣ у насъ всеобщая перевалка, и я съ каждымъ днемъ трепеталъ, чтобъ не забралась она и къ намъ въ хоромы и недобралась бы до самихъ насъ, что наконецъ впоследствии и дѣйствительно. Уже начали заботиться служившіе при насъ люди, уже лежали и они почти все и уже дошла наконецъ очередь и до насъ.

Самъ я однажды совѣлъ и началъ уже разгораться и вѣрно бы слегъ также какъ и прочіе, еслибъ не помогло мнѣ чапіе. Ибо упомянутымъ въ предсѣдующемъ письмѣхъ опытомъ своимъ не преминулъ я тотчасъ воспользоваться, какъ скоро почувствовалъ въ себѣ первую головную боль, соединенную съ жаромъ и скорымъ и сильнымъ біеніемъ пульса. И къ особенному удовольствію моему былъ, овный и въ сей разъ столько же успѣшенъ какъ и тогда: и жаръ и головная боль тотчасъ у меня миновала, какъ скоро принудилъ я себя раза два чхнуть. А симъ образомъ цѣлыхъ три раза уничтожалъ я въ себѣ жаръ и разрывалъ начинающуюся уже болѣзнь. И однажды она такъ-было уже усилилась, что я слегъ-было почти въ постель: однако вѣсколько разъ повторное чиханіе не допустило ее усилиться, и я благополучно-таки отъ ней отдѣ-

лался. А такимъ же образомъ оточкались отъ ней и все другіе, которые могли только сіе дѣлать.

Но къ несчастію было такихъ мало, и только двое—а именно, моя только теща и слуга мой Аврамъ; а прочимъ какъ я ни указывалъ и какъ ихъ ни старался уговаривать, чтобъ они научились производить въ себѣ чханье, но не могъ никакъ имѣть въ томъ успѣха. Все они не могли ни хотѣли никакъ научиться, а отъ того и принуждены были вытерпывать и переносить тогдашнюю жестокую болѣзнь, и въ числѣ ихъ и самая жена моя.

Сія запемогла у насъ на самое вербное воскресенье, и какъ горячка была жестокая, то все мы, а особливо я и мать ея поражены были крайнею о томъ печалью. Одно только то подкрѣпляло насъ и ободряло надеждою, что болѣзнь сія была хотя жестокая, но никто не умираетъ оною, но все вставали и выздоравливали отъ ней благополучно. А сіе къ неопisanному нашему удовольствію впоследствии и дѣлало тогда и съ нею.

Я не могу и по нынѣ позабыть того, какъ мнѣ ее жаль было, и какъ много обрадовался я и какою удовольствіемъ ощущалъ тогда, какъ ей вѣсколько полегчало и когда похотѣлось ей встать грюшь моченыхъ. Мы принуждены были посылать всюду и искать оныхъ, и по частію привезли къ намъ ихъ изъ села Каверинна, гдѣ былъ онѣ отысканы: и она не успѣла ихъ наѣсть, то и начала власно какъ оживать и отъ своей болѣзни освобождаться. Совсѣмъ тѣмъ вся святая недѣля была у насъ въ сей годъ, по причинѣ болѣзни жены моей, очень не несла, но мы рады были уже, что ей полегчало и миновала вся опасность, и сіе улаждало уже сколько-нибудь наше бывшее до того огорченіе.

Не успѣли мы сію пезгду перенести и болѣзни въ домѣ моемъ съ наступленіемъ весны пресѣчься, и я только что началъ пріятностями обновившейся природы веселиться, какъ получилъ вдругъ изъ Москвы поразительное извѣстіе, что дядя мой Матвѣй Петровичъ очень бо-

тимъ мы вамъ такъ дорого и осыпаемъ васъ золотомъ, чтобъ вамъ насъ такимъ явнымъ и безстыднымъ образомъ грабить. Злодѣи вы сущіе!

Но досада моя увеличилась еще болѣе, когда давъ первый пріемъ лекарства сего умирающему почти моему дядѣ, узнали мы, что оно несносно было горько и такъ противно, что не только больному, но и здоровому его ко рту принести было не можно. И какъ дядя съ превеликою нуждою первую ложку и даже съ самымъ страданіемъ принималъ, то не допустилъ я уже никакъ госпожу Павлову давать ему другую.

— Помилуйте! говорилъ я ей: когда этого злодѣй не имѣть никакого соболѣзнованія и ни стыда ни совѣсти, такъ хоть вы уже умилосердитесь надъ умирающимъ и не мучьте его безъ всякой пользы этимъ проклятымъ омгогомъ, и дайте ему по крайней мѣрѣ умереть спокойно.

— «Да что-жъ намъ съ этимъ лекарствомъ дѣлать?» спросила она: вѣдь заплачены за него деньги».

— На голову ему, сукину сыну, вылить, сказалъ я:—этому пѣмчурѣ безсовѣстному, или насильно-бы заставилъ его самого выпить, когда онъ такой нечестивецъ!... Не прогнѣвайтесь сударыня, продолжалъ я говорить, что я нашего любимаго врача такъ ругаю: онъ истинно достоинъ того.

Тогда рассказала я ей то, что онъ мнѣ о дядѣ сказывалъ. А предсказаніе его дѣйствительно и сбылось, и дядя мой въ тотъ же еще день, и не дожидъ до вечера, скончался.

Симъ образомъ лишился я и сего послѣдняго моего ближняго родственника и пролилъ искреннюю, горячую слезу о его погерьѣ. Какое онъ ни былъ, но я любилъ его чисгосердечно и почиталъ какъ должно почитать родного дядю. Онъ былъ хотя младшій братъ отцу моему и имѣлъ почти природную чахотку, отъ которой и умеръ, но прожилъ гораздо долѣе отца моего и достигъ до глубокой почти старости.

Сей долговременной жизни причиною

можетъ быть была всегдашняя его воздержность. Во весь свой вѣкъ не пивалъ онъ горячихъ и крѣпкихъ напитковъ, и не былъ впаднуды во всю жизнь свою пьянымъ, а и въ прочемъ велъ онъ себя очень умѣренно и воздержно. Что касается до дарованіевъ его, то по тогдашнему вѣку былъ онъ довольноно учепъ и уменъ и имѣлъ о многихъ вещахъ свѣдѣнія. Въ особености-же свѣдущъ онъ былъ въ законо-искусствѣ, что и произвело въ немъ уже нѣсколько непомѣрную охоту къ приказнымъ дѣламъ и хлопотамъ. Въ спѣхъ находилъ онъ въ послѣдніе дни своей жизни даже удовольствіе, и живучи по зимамъ въ Москвѣ, нескучалъ почти ежедневно таскаться по коллегіямъ и по другимъ судебнымъ мѣстамъ. А такую же непомѣрную склонность имѣлъ онъ и къ бережливости. Со-всѣмъ тѣмъ оставилъ послѣ себя дѣтямъ не великое богатство, и наличное число денегъ не простиралось даже и до тысячи рублей.

Какъ скоро испустилъ онъ свое послѣднее дыханіе, то я въ тотъ-же часъ принялъ на себя попеченіе какъ о погребеніи его, такъ и объ оставшемъ его сынѣ и бывшихъ съ нимъ въ Москвѣ пожиткахъ.

Сн послѣдвіе собралъ я всѣ и запечаталъ, а къ перевезенію тѣла его къ себѣ въ деревню сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія. А какъ кончила его воспослѣдовала мая 14-го дня, и въ такое время, когда дни были уже теплые, то приуготовленіемъ гроба и всего прочаго спѣшили мы денно и ношно и съ такою ревностію, что чрезъ сутки могли мы вынести тѣло въ церковь, и тамъ отпѣвъ, закупорить и засмолить гробъ и отправить его для погребенія въ деревню. И какъ для тогдашняго тепла нужно было посиѣшить и ѣзду самою, то отправился и самъ я для препровожденія онаго; а по привезеніи, нимало не медля, съ обыкновенною церемоніею и погребъ его подъ церковью и рядомъ съ покойною моею магерью, что приходилось подъ самымъ амвономъ.

Всѣ мои родные и всѣ ближніе сосѣди присутствовали при семъ печальномъ об-

рядѣ и вмѣстѣ со мною проводили гробъ его на мѣсто, гдѣ приготовлена и кипичемъ выкладена была для его могила. И тамо поконтся и по нынѣ прахъ его въ близкомъ сосѣдствѣ съ прахомъ моей матери и прочихъ нашихъ предковъ.

По окончаніи сего обряда первымъ своимъ дѣломъ почелъ я увѣдомить старшаго его сына о семъ печальномъ происшествіи, и до приѣзда его вступить въ управление его деревнями; ибо младшій его братъ былъ еще очень молодъ и къ тому еще неспособенъ. Сего взялъ я до того времени къ себѣ и сожалѣлъ крайне, что онъ уже урость отъ того, чтобъ можно было его чему-нибудь поучить, и стараніями своими сколько-нибудь наградить сдѣланное въ воспитаніи его великое упущеніе. Однако-жъ что было только можно, то все я учинилъ и былъ ему сколько-нибудь полезенъ.

Пересказавъ вамъ о семъ происшествіи, расскажу теперь вкратцѣ и о томъ, какъ проведено мною и прочее время сего года. И какъ не помню я, чтобъ во все оное произошли со мною какія-нибудь важныя и особливаго примѣчанія достойныя происшествія, то и скажу вообще, что прожилъ я все лѣто, осень и первую половину зимы сего года въ мирѣ, тишинѣ и воздержанномъ благоденствіи. И какъ по сдѣланной съ самаго младенчества моего привычкѣ къ трудолюбію и непрерывной дѣятельности, не оставилъ я того-же и въ сіе лѣто и осень; то и были всѣ дни и часы мои заняты разными и непрерывными упражненіями, и такъ что я за ними и не видаю, какъ протекъ или наче пролетѣлъ весь сей періодъ времени.

Сии упражненія были почти такія же, какъ и въ минувшее лѣто. То занимался я сельскою экономіею и садоводствомъ, которое становилось мнѣ часъ отъ часу милѣе и любезнѣе; то упражнялся въ рисованіи и малеваніи картинъ разныхъ и украшалъ ими стѣны своего дома; то сотовариществовалъ столяру своему въ производствѣ имъ разныхъ работъ и моихъ затѣвъ въ дѣйство; то занимался своими книгами и литературою, и либо

читалъ, либо переводилъ, либо сочинялъ, либо переписывалъ что-нибудь. Когда-же все сіе сколько-нибудь утомляло; то для отдохновенія ухаживалъ въ сады или въ рощи или въ ближнія и окружающія селеніе мое мѣста, дабы тамъ на свободѣ и удаленіи отъ всѣхъ дѣлъ и заботъ, свободнѣе можно было мнѣ веселиться красотами и пріятностями натуры, которая никогда мнѣ ненаскучивала, но всегда и со всякимъ днемъ предлагала мнѣ новыя услуги.

Но сколько ни занимался я всѣми сими упражненіями, однако не забывалъ и того, чтобъ продолжать дружбу и знакомство свое какъ съ старыми, такъ и съ новыми своими знакомцами и родными. Мы ѣзжали какъ къ нимъ, такъ верѣдко и они насъ посѣщали и пробывали у насъ иногда сутокъ по двое и по трое. И какъ при всѣхъ такихъ случаяхъ были всегдашніе поводы къ гулянью по садамъ, то сіе поощряло меня отчасу болѣе къ приведенію садовъ своихъ въ лучшее совершенство. И какъ такихъ знакомыхъ умножалось часъ отъ часу больше, для которыхъ стоило что-нибудь затѣвать и предпринимать труды новыя; то и не зналъ я почти въ томъ усталости, но находилъ еще для себя наилучшее удовольствіе въ оныхъ.

Къ числу сихъ новыхъ знакомцевъ, съ коими спознался я въ теченіе сего лѣта, принадлежали въ особенности три дома. Два изъ нихъ были княжескіе, а третій хотя дворянскій, но лучше сихъ обоихъ княжескихъ. Изъ сихъ одинъ былъ князя Горчакова и столько мнѣ близкій, что если-бъ хотѣть, то можно-бъ было хоть всякій день съ живущими въ немъ видѣться.

Съ симъ княземъ, котораго звали Павломъ Ивановичемъ и который владѣлъ того сельцомъ Котовымъ, имѣлъ я уже и до того нѣкоторое, однако не гораздо близкое, знакомство, и причиною тому было невеликое сходство нашихъ характеровъ между собою. Но въ сей годъ какъ-то сдѣлалось у насъ съ нимъ знакомство короче и между обоими нашими

домами возстановилось дружество и бо-
лѣе потому, что оба мы съ нимъ были
люди не старые, и оба женаты недавно,
и оба на молодыхъ женахъ. Онъ былъ не-
многимъ чѣмъ меня постарѣе, да и же-
вился года за два прежде меня. И какъ
оба они съ женою были люди средняго
разбора и во всемъ не слишкомъ даль-
новаты и княжескій титулъ только на
себѣ носили, а всего меньше были его
достойны; то и можно намъ было съ ни-
ми знакомиться, и какъ въ пословицѣ
говорится, водить хлѣбъ-соль между со-
бою.

Что касается до другого княжескаго
дома, то былъ оный уже нѣсколько сего
подалѣе, и верстъ за десять отъ моего
жилища, а именно въ селѣ Татарскомъ.
Имъ владѣлъ тогда князь Федоръ Федо-
ровичъ Волконской, человекъ такъ-же
весьма добрый, безхитростный, но прямо-
душный и такой, съ которымъ можно-бъ
было съ удовольствіемъ обходиться, если-бъ
по особливому несчастію не подверженъ
онъ былъ тому гнусному и постыдному
пороку или слабости, которая столь мно-
гихъ умныхъ людей дѣлаетъ иногда ху-
же скотовъ самыхъ и презрительными
предъ лицомъ всего свѣта.

Онъ былъ также еще не старъ и намъ
почти ровестникъ, и женатъ также не-
давно. Мы познакомились съ нимъ по
князю Горчаковѣ, съ которымъ онъ былъ
знакомъ и къ нему ѣзжалъ часто. Тутъ
мы увидѣлись съ нимъ въ первый разъ,
и сего было довольно. Оба они съ женою
насъ полюбили, и тотчасъ сведена была
между нами дружба, и условлено съ-
даться колпко можно чаще.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ ни довольны были
мы дружествомъ и пріязнію и ласками
обѣихъ сихъ княжескихъ фамилій, а особ-
ливо ласками обѣихъ молодыхъ княгинь,
рѣзвѣющихся и игравшихъ всегда съ моею
женою, которая обѣихъ ихъ была мо-
ложе; однако частія свиданія съ ними
стали скоро мнѣ уже нѣсколько и скуч-
новаты становиться, и тѣмъ паче, что
мнѣ не всегда съ удовольствіемъ можно
было подлаживать людямъ обьянившимся

и забывавшимъ иногда самихъ себя, но
я иногда и не радъ бывалъ, наѣхавши
князя Волконскаго въ такомъ состояніи
и не знавалъ какъ отъ него и отдѣлаться.

И какъ оба они были люди праздные,
неимѣющіе никакихъ занятій, но ску-
чающіе всегда временемъ и желавшіе
проводить его въ непрерывныхъ съ-
ѣздахъ, свиданіяхъ и компаніяхъ и вос-
хотѣвшіе даже того, чтобъ намъ видѣться
ежедневно и въ томъ другъ съ другомъ
чередоваться—и одинъ день проводить
у князя Волконскаго, другой у князя
Горчакова, а третій у меня,—мнѣ-жъ сего
ни достатокъ мой, ни склонности, ни
прочія обстоятельства никакъ не дозво-
ляли; то и отклонилъ я отъ себя такое
предложеніе и оставилъ ихъ однихъ пе-
реѣзжаться другъ съ другомъ и время
свое проводить въ сотовариществѣ съ
рюжками и бутылками и гаркающими
людьми. А самъ довольствовался свидані-
ями съ ними изрѣдка, а прочее время
хотѣлъ лучше дѣлить съ своими книгами
и другими и такими сосѣдями, которыхъ
характеры подходили къ моему сколько-
нибудь ближе, или по крайней мѣрѣ не
такъ много контрастировали, какъ ихъ,
съ моимъ характеромъ.

Къ числу сихъ, и преимущественно
предъ всѣми прочими, принадлежалъ но-
вый мой знакомецъ и сдѣлавшійся по-
томъ хорошимъ моимъ пріателемъ и на-
лучшимъ моимъ сосѣдомъ, Иванъ Гри-
горьевичъ Полонскій. Онъ жилъ верстъ
съ 14 отъ насъ въ сторону къ Окѣ рѣкѣ, въ
деревнѣ Зыбникѣ и былъ человекъ хотя
достаточный, но очень добрый. Домъ его
и образъ жизни почитался тогда наилуч-
шимъ и знаменитѣйшимъ во всемъ на-
шемъ околоткѣ, къ тому-жъ и чинъ имѣлъ
онъ хорошій и довольно знаменитый. Слу-
живъ многіе годы въ гвардіи, отставленъ
онъ былъ изъ ней полковникомъ, и при-
ѣхавъ въ сіе мѣсто жить не задолго
только до сего времени съ своею женою,
которую одну только онъ и имѣлъ, ибо
дѣтей у него не было, а былъ въ живыхъ
только еще отецъ, но который жилъ не
съ нимъ, а особливимъ домомъ.

О семъ сосѣдѣ своемъ я слышанъ былъ уже давно и давно мнѣ съ нимъ, такъ какъ и ему со мною, познакомиться хотѣлось, но до сего времени не было къ тому случая. А въ сей годъ спознакомились и увидѣлись мы съ нимъ въ первый разъ въ домѣ сосѣда моего, Александра Ивановича Ладженскаго, и первая минута нашего свиданія сдѣлала насъ между собой пріятелями. Съ самой оной онъ полюбилъ меня, а я его, и мы столнулись такъ хорошо, что были потомъ неразрывными между собою друзьями по самый конецъ его жизни.

Я нашелъ въ немъ человѣка, не только большой свѣтъ знающаго и въ ономъ почти всю жизнь свою жившаго, и многими знаніями одареннаго, но что всего для меня пріятнѣе было, и охотника до книгъ и до чтенія, и при всемъ томъ очень дружелюбнаго, ласковаго, добросердечнаго, въ общеніи пріятнаго и довольно веселаго человѣка.

Книгъ имѣлъ онъ у себя нарочитое собраніе, а что всего удивительнѣе, то великое множество изъ нихъ, писанныхъ его рукою. Будучи съ молодости великимъ писателемъ, любилъ онъ какъ-то въ особенности упражняться въ писаніи и не скучивалъ списывать дѣлныя превеликія книги, — и я нашелъ у него собраніе наилучшихъ въ тогдешнее время романовъ, писанныхъ симъ образомъ его рукою и переплетенныхъ порядочно. А всего пріятнѣе для меня было то, что можно было не только говорить и рассуждать съ нимъ обо всемъ и обо всемъ съ удовольствіемъ, но было что у него и перенимать.

Препроводивъ всю жизнь свою въ Петербургѣ и насмотрѣвшись всего, жилъ онъ и въ деревнѣ порядочно; имѣлъ въ домѣ приборы, какіе были тогда въ употребленіи, лучшіе; столъ былъ у него хорошій и весь образъ жизни не столько деревенскій, какъ городскій, однако умѣренный и порядочный. Самая жена его, женщина такая-жъ толстая, каковъ былъ и самъ онъ, была однако бодренья хотя свѣтская и модная и

нѣсколько напыщенная спѣсью и величавостью, но умная и къ намъ очень ласковая и благопріятная. И оба они полюбили какъ меня, такъ и тещу и жену мою такъ, что мы сдѣлались скоро ими очень довольными и домъ сей почитали наилучшимъ изъ всѣхъ прочихъ.

Начало сему знакомству учинилъ я, какъ младшій, и, спознакомившись съ нимъ въ домѣ г. Ладженскаго, рѣшился къ нему вскорѣ послѣ того съ женою и тещею моею съѣздить. Не могу и понынѣ позабыть тѣхъ минутъ, въ которые въѣзжали мы къ нему впервые на дворъ, и съ какими чувствами приближалась къ крыльцу ихъ жена моя, для которой, по молодости ея, было очень дико входить впервые въ незнакомый и во всемъ предъ нашимъ увыщенный и преимущественный домъ. Но какъ г. Полонскій и жена его насъ всѣхъ и при семъ первомъ уже случаѣ такъ обласкали, что мы сдѣлались очарованными ими; то полюбила скоро ихъ и сама жена моя и ѣзжала къ нимъ въ домъ охотно.

Мы пробыли тогда у нихъ до самаго вечера, и г. Полонскій не только старался угостить насъ какъ можно лучше, но водилъ меня показывать мнѣ и новозаведенный садъ свой. И какъ я увидѣлъ, что садъ сей заведенъ былъ у него превеликій и регулярный и что онъ также, какъ и я, къ садамъ былъ охотникъ; то сіе меня еще болѣе къ нему привязало. Одного только мнѣ всегда было жаль, что онъ, будучи очень дебѣлъ, по тяжести своей не могъ такъ много вездѣ ходить, какъ я, и не могъ мнѣ въ семъ случаѣ дѣлать сотоварищества. Однако сей недостатокъ замѣнялъ онъ довольно ласкою и дружествомъ своимъ ко мнѣ и пріятностию разговоровъ, а не менѣе и самою услужливостию намъ при всѣхъ случаяхъ, къ чему побуждало его и самого наиболѣе то, что и онъ находилъ во мнѣ лучшаго для себя и такого сосѣда, съ которымъ можно было ему и поговорить, и безъ скуки, а съ удовольствіемъ прождать свое время.

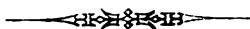
уже болѣе и рассказывать обо всемъ не по одной памяти, какъ прежде, но съ лучшимъ обо всемъ основаніемъ и достовѣрностію.

Между тѣмъ съ окончаніемъ сего года окончу я и сіе письмо, и вкупѣ одиннадцат-

тое собраніе оныхъ, и скажу вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

Конецъ

Одиннадцатой части.
сочинена въ февралѣ 1801 года,
переписана въ декабрѣ 1805 года.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XII.

(Сочинена 1802, переписана 1805, въ Дворянниковѣ).

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКѢ И ПО ЖЕНИТВѢ.

1766.

Письмо 121-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ описанію происшествій, бывшихъ со мною въ теченіе 1766-го года, скажу вамъ вообще, что сей годъ ознаменованъ былъ въ жизни моей многими и довольно важными происшествіями. Имѣлъ я въ оный много удовольствій, но посѣщенъ былъ и нѣкоторыми неудовольствіями, огорченіями и печалами, изъ которыхъ нѣкоторыя были весьма для меня чувствительны. Не отлучался я хотя отъ дома ни въ какія дальнія и долговременныя отлучки, однако нельзя же сказать, что и сидѣлъ все дома и чтобъ не было и отлучекъ, и довольно иногда отдаленныхъ. Сихъ такъ было много, что я, вздумавъ пересчитать при концѣ года изъ любопытства всѣ тѣ дни, въ которые меня не было дома, удивился насчитавъ ихъ почти цѣлую сотню, слѣдовательно цѣлую почти треть года.

Произошло сіе отъ того, что ни въ который почти годъ мы такъ много по гостямъ не разъѣзжали, какъ въ сей, и всѣ оныя дни провели мы въ помянутыхъ

разъѣздахъ. А нельзя сказать, чтобъ и у насъ никого не бывало; но при помянутомъ численіи съ такимъ же удивленіемъ насчиталъ я почти столько же дней и такихъ, въ которые къ намъ пріѣзжали гости и мы дома провели ихъ съ чужими и посторонними людьми.

Но какъ количество обонихъ ихъ ни велико, однако не думайте, чтобъ столь многіе разъѣзды по гостямъ и пріѣзды къ намъ гостей отвлекли меня отъ домашней экономіи и прочихъ дѣлъ. Ахъ нѣтъ! любезный пріятель! но годъ сей напротивъ того можно почесть дѣятельнѣйшимъ въ моей жизни, и я не помню, чтобъ когда-нибудь предпринималъ я такъ много разныхъ дѣлъ и занимался столь многообразными упражненіями, какъ въ теченіе сего года. Вы удивились бы истинно, еслибъ разсказать вамъ что и что, и какіе разные опыты предпринималъ я въ разсужденіи хлѣбопашества, и другихъ частей домоводства и сколько навели мнѣ хлопотъ и заботъ и одни огородныя и цвѣточныя произрастенія!

Такъ случилось, что всѣ знакомцы,

друзья и сосѣди мои, власно какъ на- прерывъ другъ предъ другомъ, старались доставлять мнѣ все, что кто только имѣлъ изъ сѣмянъ и произрастеній та- кихъ, какихъ у меня еще не находилось. А иныя выписывая оныя и покупая до- рогою цѣною, не хотѣли даже сами у себя ихъ садить и сѣять, а присылали ко мнѣ, будучи увѣрены, что у меня они лучше не пропадутъ, нежели у самихъ ихъ. Такое предубѣжденіе имѣли они о моемъ любопытствѣ и отиѣнной обо всемъ старательности. И какъ количество всѣхъ ихъ было превеликое, всѣ же они мнѣ какъ новому и молодому эконому были совсѣмъ еще незнакомы и со всѣми над- лежало познакомливаться, узнавать ихъ натуру, и свойство, и какъ лучше ихъ са- дить, сѣять и размножать. то судите сами сколько одни сіи должны были меня зани- мать!.. Но за то доставили они мнѣ не- малое множество и удовольствій и прият- ныхъ минутъ въ жизни. Когда же при- совокупить къ тому и то, что никакъ не отставалъ я и отъ литературы, какъ любимиѣйшаго своего упражненія, но по- святилъ ей многіе праздные часы и ми- нуты, а сверхъ того имѣлъ я много и совсѣмъ особыхъ дѣлъ и занятій, то усмо- трите сами, что я не всеу назвалъ его дѣятельнѣйшимъ.

Однако я пойду по порядку и возвра- тясь къ нити прежняго повѣствованія, буду разсказывать вамъ что зачѣмъ проис- ходило.

Не успѣлъ сей годъ начаться, какъ не- большое, но нужное дѣльцо принудило ме- ня съѣздить на короткое время въ Моск- ву и побывать уже восьмой разъ въ семъ столичномъ нашемъ городѣ. Не нарочно случилось мнѣ узнать, что одинъ стари- чокъ, изъ живущихъ у насъ въ сосѣдствѣ небогатыхъ дворянъ, продавалъ неболь- шую свою земляную дачку въ Черн- скомъ уѣздѣ и въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ я имѣлъ маленькую деревушку; и какъ была она очень малоземельна, то хотя и не было у меня наличныхъ денегъ, но напротивъ того я самъ нуждался ими, ибо и всѣ доходы мои въ тогдашніи вре-

мена были еще очень-очень невелики, но мнѣ не хотѣлось никакъ упустить сей земельки; но я отыскавъ сего добраго старичка, уговорилъ его продать мнѣ ее не за дорогую цѣну и съ обождаиенъ еще нѣкотораго количества денегъ, и для сей-то земли и покупки ѣздилъ я тогда съ старичкомъ симъ, котораго звали Ва- силемъ Матвѣевичемъ Молчановымъ, въ Москву, ибо крѣпости писать нигдѣ, кромѣ сего столичнаго города было не можно.

Но кто-бъ могъ думать тогда, что сія малозначущая и кратковременная ѣзда моя въ Москву назначена была благо- дѣтельствующею мнѣ моею судьбою для произведенія мнѣ, хотя еще отдаленной, но преванкой пользы, и пользы такой, ко- торая бы имѣла на всю мою предбудущую жизнь, и всѣ мои обстоятельства, наи- величайшее вліяніе. И могъ ли я тогда думать и воображать, что возвращусь изъ поѣздки сей повидимому хотя съ од- ною только бездѣлкою, но бездѣлка сія послужитъ потомъ поводомъ и побужде- ніемъ мнѣ къ такому предпріятію, кото- рое отдаленнымъ образомъ положило пер- вое основаніе не только всего поправле- нія состоянія и достатка моего. но и безчисленнымъ счастливымъ и благопо- лучнымъ днямъ въ жизни моей, и не только доставила мнѣ весьма выгодное мѣсто, но и сдѣлала имя мое всему го- сударству съ доброй и такой стороны на- вѣстнымъ, что я имѣлъ потомъ лестное и приятное удовольствіе видѣть, что весьма многіе и именитые люди желали и искали случая меня видѣть и узнать лично; заочно же и по одному имени меня весьма многіе знали и почитали.—Ахъ, любезный прія- тель! сколь мало знаемъ и въ состояніи мы усматривать сокровенные пути и слѣды, ко- торыми ведетъ насъ Провидѣніе для до- ставленія намъ чего-нибудь важнаго и имъ намъ предназначаемаго, и сколь непри- мѣтны иногда намъ тѣ средства, которыя оно къ тому употребляетъ!!!

Примѣръ мой можетъ служить сему яснымъ доказательствомъ. Поманутая без- дѣлка или паче средство, употребленное

Промыслѣмъ Господнимъ къ положенію основанія къ великимъ переменамъ и прозшествіямъ въ моей жизни, состояло не въ чемъ иномъ, какъ въ одной небольшой книжкѣ, доставленной мнѣ нечаяннымъ образомъ въ руки.

Благодѣтельной судьбѣ моей угодно было, чтобъ однажды идучи по площади, предъ рядами въ Москвѣ находящейся, повстрѣчался я не нарочно съ однимъ человѣкомъ, носящимъ ее для продажи, и получившимъ оную можетъ быть отъ такого человѣка, которому была она совсѣмъ не по вкусу и ненадобна, и чтобъ по любопытству своему и охотѣ къ книгамъ, я на нее взглянулъ, книжкѣ полюбить, почелъ для себя очень нужною и въ ту же минуту сторговалъ и купилъ себѣ оную.

Теперь не сомнѣваюсь, что вы очень любопытны узнать, какого бы рода была сія книга, которую я и понынѣ еще храню у себя, какъ нѣкакимъ важнымъ монументомъ.—Она была экономическая и составила первую часть Трудовъ нашего экономическаго общества, и только-что изданная тогда въ свѣтъ и вышедшая въ Петербургѣ изъ печати.

Я и понынѣ не могу еще довольно удивиться тому, какъ могла она такъ скоро прислана быть въ Москву и попасться въ продажу носящему и дойти до рукъ моихъ. Не прежде какъ въ самомъ семъ году была она напечатана, а года сего не окончился еще и первый мѣсяцъ, какъ я купилъ ее, и мы не только объ ней, но и о учрежденіи самого экономическаго общества не имѣли еще ни малѣйшаго слуха, знанія и понятія.

Но какъ бы то ни было, но книжка сія и однимъ своимъ титуломъ ввергнула меня въ превеликое любопытство. Многимъ другимъ неизвѣстно было, что такое экономическое общество, и могла книжка сія показаться тарабарскою грамотою, а мнѣ, начитавшемуся уже довольно иностранныхъ экономическихъ сочиненій, было дѣло сіе извѣстное. И какъ о экономическихъ обществахъ въ иныхъ земляхъ и о всѣхъ ихъ установленіяхъ имѣлъ

я уже довольно понятіе, то увидѣвъ изъ книжки сей, что и у насъ такое-жъ учреждено, да еще и именитое и взятое самою императрицею въ особое покровительство, вспрыгался я почти отъ радости, и съ превеликою жадностію и вниманіемъ началъ читать все въ ней напечатанное: и удовольствіе мое усугубилось еще больше, когда увидѣлъ я, что и у насъ, по примѣру иностранныхъ, приглашались къ общенію обществу экономическихъ своихъ замѣчаній всѣ живущіе въ деревняхъ дворяне, равно какъ и другіе всякаго званія люди, и что для проложенія имъ къ тому удобнѣйшаго путя приложено было при концѣ сей книжки и 65 вопросовъ, такого существа и о такихъ матеріяхъ, о которыхъ не мудрено и не трудно было всякому отвѣтствовать, буде только кто сколько-нибудь о деревенской жизни и сельской экономіи имѣлъ понятіе, и сколько-нибудь умѣлъ писать и владѣть перомъ.

Самое сіе и побуждало меня болѣе пригнѣяться къ сему предложенію въ особенности. Я помышлялъ уже и идучи дорогою домой о томъ, не можно ли мнѣ на сіе требуемое соотвѣтствие отважиться; а какъ возвратился въ домъ, то не выходило сіе у меня почти изъ ума и тѣмъ паче, что я чувствовалъ самъ себя довольно въ силахъ къ соотвѣтствованію на всѣ оныя вопросы.

Совсѣмъ тѣмъ, прежде неотважился я никакъ пуститься на такое у насъ совсѣмъ еще необыкновенное дѣло, не поведавшись, не переговоривъ и не посоветовавъ о томъ напередъ съ другомъ и сосѣдомъ моимъ Иваномъ Григорьевичемъ Полонскимъ. И какъ сей почтенный и меня искренно любившій сосѣдъ, не только того не отсоветовалъ, но паче еще болѣе меня къ тому побуждалъ, давая совѣтъ, чтобъ тѣмъ ни мало и не мѣшкать, дабы другіе въ томъ меня не предупредили; то и приступилъ я тотчасъ къ сему дѣлу и расположился не только отвѣтствовать на всѣ заданныя отъ общества вопросы, но приобщить

всѣмъ нашимъ земледѣльческимъ орудіямъ и рисунки.

Теперь признаюсь, что сколь знанія мои, относящіяся до сельскаго домоводства, ни были довольно еще обширны, но во многихъ пунктахъ былъ я все еще не совершенно свѣдущъ, такъ что для объясненія и оныхъ принужденъ былъ брать прибѣжище къ старику своему Фомичу, прикащику, и призвавъ его къ себѣ о многомъ разспрашивать и пересказываемое имъ брать себѣ въ замѣчаніе.

Усаду сему было сіе крайне пріятно, и я и понинѣ не могу еще забыть, какъ онъ, стоячи въ комнатѣ моей у притоки, и спрятавъ обѣ руки свои въ рукава овчинаго своего тулупа, такъ какъ въ муфту, съ нѣкакимъ особымъ и внутреннее удовольствіемъ изъясляющимъ видомъ, разспрашивалъ мнѣ вопрошавшему его, что началъ и вѣдалъ, и власно какъ гордился всѣми свѣдѣніями своими.

Но какъ бы то ни было, но я въ немногіе дни сочинилъ всѣ мои отвѣты и сочинилъ такъ хорошо, что пріятель мой, которому возилъ я ихъ показывать, не только не выкинулъ изъ нихъ ничего, но раскваливъ, совѣтовалъ мнѣ скорѣе переписывать и отсылать, что я и учинилъ, и дѣломъ симъ такъ поспѣшилъ, что въ началѣ мѣсяца марта были они отъ меня въ Петербургъ уже и отправлены. По счастью отъѣзжалъ, около сего времени, меньшей мой двоюродный братъ Гаврила Матвѣевичъ записываться въ службу; почему и поручилъ я ему свое сочиненіе, прося, чтобъ паветъ сей отдать въ Москвѣ на почту.

Сіе было первѣйшее начало переписки моей съ экономическимъ обществомъ и первое мое съ нимъ заочное знакомство, которое послужило мнѣ послѣ того въ толикую пользу. Я приложилъ къ сочиненію моему не только прекрасный и съ отнѣсною прилежностію выработанный рисунокъ, изображающій здѣшнія земледѣльческія орудія; но приобщилъ еще и особое письмо съ означеніемъ мѣста, откуда оно отправлено и расположилъ все сочиненіе мое такъ, что необходимо

должно было оно экономическому обществу понравиться и вперить ему обо мнѣ, и о способностяхъ и свѣдѣніяхъ моихъ хорошее и выгодное мнѣніе; а сіе и впоследствии дѣйствительно, какъ то вы сами послѣ увидите.

Первымъ послѣдствіемъ отъ сего моего новаго дѣла было то, что сколько до сего я ни прилежалъ къ сельской экономіи, но съ сего времени охота моя увеличилась вдвое. Я власно какъ предчувствуя, что судьба предназначила меня быть современнымъ знаменитымъ экономическимъ писателемъ, и что мнѣ доведется писать много и обо многомъ, началъ не только входить во всѣ части сельской экономіи съ невозможнѣйшимъ вниманіемъ и прилежностію, и для удостовѣренія себя во всемъ предпринимать многоразличныя опыты, но и все узнанное и пригнѣченное записывать для себя въ особую книжку, назвавъ ее «Экономическимъ магазиномъ» власно такъ, какъ бы предвидѣлъ, что нѣкогда буду я въ и печать издавать журналъ подъ симъ именемъ.

При сихъ экономическихъ затѣлахъ и упражненіяхъ ничто мнѣ такъ не досаждало, какъ наша чрезполощина или то обстоятельство, что жилъ я въ деревнѣ не одинъ, а съ другими владѣльцами, и какъ полевая земля, такъ и всѣ другія угодья были у насъ въ общемъ владѣніи и не въ раздѣлѣ, а пашенная земля раздѣлена была подесятинно и владѣніе оное перемѣшано чрезвычайнымъ образомъ.

Сіе приносило съ собою то досадное слѣдствіе, что мнѣ и съ собственными своими пашнями ничего особливаго предпріять было не можно, а съ лугами и лѣсами и подавно, какъ съ принадлежащими всѣмъ вообще, ничего особливаго, хотя бы и хотѣлъ, сдѣлать было не можно. Словомъ, я связанъ былъ съ сей стороны по рукамъ и по ногамъ и не только не зналъ чѣмъ сему злу пособить, но и непредвидѣлъ и впредь никакихъ къ тому способствъ. Ибо хотя я старался вѣчески преклонять важнѣйшаго совладѣльца и сосѣда своего, старика генерала, къ раздѣлу, когда не земли, такъ прочее

ститься; и наслышавшись, будто-бы человѣку легче если онъ напьется пьянъ какимъ-нибудь однимъ напиткомъ, а не разными, просилъ ихъ хотя сіе мнѣ дозволить. И какъ они на то согласились, то избравъ одно бѣлое виноградное вино, и чередовался съ ними, пьющими разные другіе напитки. Но и оно такъ скоро меня опьянило, что я чрезъ нѣсколько минутъ сдѣлался совершеннымъ дуракомъ и шуткомъ, началъ всему смѣяться, хохотать и врать околесную, самъ не зная что и смѣшнить тѣмъ всѣхъ гостей у меня бывшихъ. Но сіе все было еще сносно и хорошо; я хотя дурачился, хохоталъ, вралъ, но ничего не было дурного и оскорбительнаго, и можетъ быть, и кончилось бы все сіе ничѣмъ, еслибъ не вздумалось гостямъ моимъ принудить меня выпить еще стаканъ англискаго пива.

Я отговаривался сколько могъ, представляя имъ, что я не только пить, но не могу терпѣть и его запаха; но всѣ мои отговорки и упрасиванья не помогли, но еще пуще поощряли ихъ настоять на то. Итакъ, принужденъ я былъ сдѣлать имъ и сіе удовольствіе, но пиво сіе меня уже доконало. Не успѣлъ я его выпить, какъ и вздурилась во мнѣ вся внутренняя, произошла мучительная тоска и наконецъ такая страшная рвота, какую не производитъ никакое и рвотное; и какъ начинала она меня болѣе двадцати разъ мучить и довела до самаго изнеможенія, то не только перетревожились, но натрусились и перепугались и всѣ мои гости и не знали уже сами, что со мною дѣлать!

И съ сего времени полно имъ меня принуждать дѣлать въ питьѣ имъ компанію. Они увидѣли въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ пить не годилось, и стали меня всегда уже причислять къ классу дамъ, чѣмъ я былъ и доволенъ. А случай сей хотя былъ мнѣ и труденъ, но какъ самая рвота мнѣ и помогла, то я скоро послѣ того и поправился.

О происшествіи семъ упомянулъ и для того, что оно было единственное во всю мою жизнь, и потому въ особенности достопамятно. Ибо хотя былъ я два раза пьянъ во все теченіе моей жизни, но уммышленно и произвольно только сей

одинъ разъ, а въ первый случилось то нечаянно въ польскомъ городкѣ Ковнахъ, какъ о томъ упоминалъ я въ свое время.

Другою достопамятною, случившеюся сею весною, можно почестъ дѣланный мною тотъ славный опытъ, который доказалъ, что овесъ несравненно лучше и выгоднѣе сѣять гораздо мельче обыкновеннаго, и что на хорошей землѣ урожай таковому можетъ превосходить всякое вѣроятіе; ибо у меня отъ посѣяннаго въ саду на грядкѣ мелко и не глубже какъ на палець, овса дѣйствительно родилась отъ одного зерна 2197 зеренъ. Къ та- чество такое, которое всѣхъ насъ асти и вило и подавало поводъ къ заключити, что впередъ будутъ у насъ овсы родиться противъ обыкновеннаго. Опытъ по опытности и время доказало, что все снб- великолѣпное открытіе, по худобѣ нн- шихъ полевыхъ земель, не произвело ма- ни малѣйшей пользы; но мы, несмотря на- оно, остались при прежней методѣ, и овсы при прежнемъ своемъ ниче- значущемъ урожаѣ.

А столь же малую пользу произвели и всѣ прочіе дѣланные мною въ сію весну опыты съ разными хлѣбами, и вся польза состояла только въ томъ, что я въ сихъ занятіяхъ съ особливимъ удовольствіемъ проводилъ свое время.

Не успѣлъ настать іюнь мѣсяцъ, какъ я обрадованъ былъ до чрезвычайности нечаяннымъ и совсѣмъ неожиданнымъ полученіемъ письма отъ экономическаго общества пзъ Петербурга. Какъ такихъ повсемѣстныхъ почтъ тогда еще не было, какія учреждены у насъ нынѣ, то письмо сіе прислано было въ кофирскую воеводскую канцелярію, а оттуда съ парочнымъ ко мнѣ доставлено. Было оно благодарительное отъ имени всего общества за присланное отъ меня сочиненіе, и въ самомъ существѣ своемъ хотя ничего незначило, но для меня въ тогдашнее время казалась невѣдомо какъ важнымъ.

Я кичился тѣмъ, власно какъ великимъ какимъ приобрѣтеніемъ, и поставлялъ себѣ то за великую честь, что самъ президентъ того общества, и первая тогда знаме-

нитѣйшая въ государствѣ особа удостоила меня своею перепискою. Президентомъ симъ былъ тогда у нихъ графъ Орловъ, самый тотъ Григорій Григорьевичъ, который такъ меня любилъ въ Кёнигсбергѣ, и который, сдѣлавшись фаворитомъ государскимъ, игралъ тогда знаменитѣйшую роль въ Россіи и, безъ всякаго сомнѣнія, всего меньше обо мнѣ думалъ и помнилъ. Но какъ для общества весьма нужны были корреспонденты, а особливо такіе какъ я, и надобно было повсюду ихъ отыскивать и всячески ихъ поощрять къ дальнѣйшей съ собою перепискѣ, то имъ самимъ я былъ очень нуженъ; почему и не мудрено, что они тогда ко мнѣ написали нѣсколько строкъ и въ оныхъ, изъявивъ свое удовольствіе о присылкѣ моихъ отвѣтовъ, изъявили желаніе свое о томъ, чтобъ и впредь сообщаемо было отъ меня все мнѣ извѣстное.

Но какъ бы то ни было, но я полученіемъ писма сего былъ крайне доволенъ, и, по сродному всѣмъ любославію, непреминулъ показывать его всѣмъ знакомымъ и незнакомымъ такъ, какъ бы сокровище какое.

Но не успѣлъ я еще отъ радости сей опомниться, какъ другое важное и также совсѣмъ нечаянно полученное извѣстіе и письмо моею мою радость прервавъ, погрузило меня напротивъ того въ печаль и огорченіе превеликое. Пришли нарочные ходяки изъ Пскова, и принесли мнѣ такое извѣстіе, котораго неожиданность привела меня даже въ изумленіе и поразило какъ громовымъ ударомъ. Зять мой господинъ Неклюдовъ увѣдомлялъ меня, что Всемогущему угодно было прекратить вѣкъ жены его, а моею старшей сестры Прасковьи Тимофеевны; и 19-е числа марта былъ послѣдній день ея жизни, а 26-го числа того-жъ мѣсяца предано было и тѣло ея землѣ въ ихъ приходской церквѣ.

Не могу изобразить какъ жаль мнѣ было сестры сей. Она была мнѣ старшая, и я любилъ и почиталъ ее наравнѣ съ матерью и былъ ей въ жизнь свою многимъ обязанъ, да и она любила меня отиѣнно, и не одна слеза выкатилась у меня изъ глазъ при узнаніи о ея кончинѣ. Она

была еще очень не стара, жила только 41 годъ и скончалась почти на ногахъ и въ совершенной памяти, и сколько могъ я судить, то смерти ея причиною была обструкція, сдѣлавшаяся въ правомъ боку и наконецъ прорвавшаяся.

Но какъ бы то ни было, но я чрезъ смерть ея лишился тогда и послѣдней своей близкой и кровной родственницы, и остались только въ живыхъ дѣти отъ обѣихъ сестеръ. Отъ сей одинъ только сынъ, а отъ меньшей сынъ и три дочери, изъ которыхъ старшую, Надежду, взяла-было къ себѣ покойница сестра, съ тѣмъ, чтобъ ее и выдать замужъ съ своимъ приданымъ, и какъ она по добротѣ ея права, характера и всего поведенія любила ее какъ дочь родную, то осиротѣла тогда и сія бѣдняжка, и для ей ударъ сей былъ еще чувствительнѣе, нежели и для самого меня. Она принуждена была потомъ возвратиться въ домъ отца своего, женившася уже на другой женѣ, и жить съ молодою мачихою и меньшими сестрами.

Впрочемъ достопамятенъ былъ сей мѣсяцъ и нѣкоторыми вещами до экономіи относящимися. Около самаго сего времени завелъ я у себя прекрасные цвѣты, пестрые крисы. Въздивши однажды въ гости за Серпуховъ къ тамошнимъ роднымъ жены моею, нашелъ я ихъ въ лѣсахъ тамошнихъ и перенесъ ихъ оттуда въ цвѣтники свои, чего они, по всей справедливости, были и достойны. Они и понынѣ еще украшаютъ собою цвѣтники мои и не посрамили бы и самые царскіе; а время и опыты научили меня какъ ихъ удобнѣе и размножать можно.

Другое и важное экономическое предпріятіе, произведенное мною около сего времени, было пренесеніе хлѣбнаго гумна моего на то мѣсто, гдѣ оное нынѣ находится. До сего времени находилось оно по сю сторону прудовъ и прямо за воротами; овины были въ такой близости отъ двора, что не одинъ разъ при горѣніи оныхъ подвергались мы опасности, чтобъ отъ нихъ не потерять всего дома. Итакъ, отча- для избавленія себя отъ сей опасности и для расширенія не-

шого сада своего тѣмъ мѣстомъ, гдѣ было гумно и хлѣбникъ, а улицу тѣмъ, гдѣ стояли овины и были половни и сарай, перенесъ я все гумно и хлѣбникъ за пруды на полевую землю и назначилъ мѣсто какъ подъ гумно, такъ и для риги и молотильнаго сарая, котораго до сего времени у насъ не было. И сіе было первое распространение усадьбы моей за пруды и вершину.

Третье и того еще важнѣйшее дѣло состояло въ подачѣ челобитной въ межевую канцелярію о продажѣ мнѣ земли въ моей шадской деревнѣ, что нынѣ лежитъ въ Тамбовской губерніи. О сей землѣ рассказывалъ уже я вамъ первѣйшія подробности обстоятельствъ недавно; но какъ она и покупка оной имѣетъ великое вліяніе во многія произшествія жизни моей, и мнѣ нерѣдко объ ней впереди говорить будетъ надобно, то и про теперешнюю подачу челобитной расскажу вамъ обстоятельнѣе.

Побудило меня къ тому то обстоятельство, что въ концѣ минувшаго года изданъ былъ тотъ славный манифестъ о межеваніи, который произвелъ во всемъ государствѣ толь великое потрясеніе умовъ, и всѣхъ владѣльцевъ деревенскихъ заставилъ такъ много мыслить, хлопотать и заботиться о всѣхъ своихъ земляныхъ дачахъ и владѣніяхъ. Повелѣно было размежевать всѣ земли въ государствѣ, и учреждены были межевыя канцеляріи и конторы; составленъ цѣлый межевой корпусъ изъ землемеровъ и другихъ чиновниковъ, и какъ всѣмъ имъ поступать и что дѣлать—предписаны формы и подробнѣйшія наставленія, въ сочиненныхъ для того и обнародованныхъ межевыхъ инструкціяхъ.

Важность сего новаго дѣла была такъ велика, что у всѣхъ сельскихъ и деревенскихъ жителей объята были всѣ умы помысленіями и разговорами объ ономъ. И какъ межеваніе сіе долженствовало тотчасъ и начаться, и около сего времени и дѣйствительно уже производилось въ Московской губерніи и въ уѣздахъ къ оной принадлежащихъ, и въ близкомъ къ намъ городѣ Серпуховѣ

учреждена была межевая контора, то всѣ начинали уже готовиться къ оному и снабжать себя всѣми нужными къ тому свѣдѣніями и вещами.

Какъ помянутыя межевыя инструкціи, а особливо канцелярская и конторская, составляли книгу, которою всякій заpastись или по крайней мѣрѣ прочесть старался, то легко можете заключить, что непримнугъ и я не только заpastись оною, какъ скоро она вышла, но и нѣсколько надъ нею посидѣть и поштудировать, для узнанія всего напастапапаго въ ней, и для предварительнаго полученія обо всемъ межевомъ дѣлѣ надлежащаго понятія. А при семъ-то случаѣ увидѣлъ я, что непозабыты были никакія и наши степныя впускъ лежащія земли, но ихъ всѣ велѣно было канцеляріи московской распродать, какъ завладѣвшимъ оныя, такъ и другимъ охочимъ людямъ.

Повелѣніе сіе сколько однихъ обрадовало, столько другихъ опечалило и привело въ задумчивость. Цѣна назначенная симъ землямъ была совсѣмъ не такая, какой всѣ ожидали, но вмѣсто гривны за десятину, какъ всѣ полагали и думали, опредѣлено и за самую впускъ-лежащую и никѣмъ невладѣемую землю, брать по рублю за десятину, а съ строевымъ лѣсомъ по три рубля; а за завлаженную не иначе какъ тройную цѣну, то-есть за пашенную и луговую по 3 рубля, а съ лѣсомъ по девяти рублемъ. Цѣна, показавшаяся тогда всѣмъ чрезвычайною, хотя въ самомъ дѣлѣ была и она весьма еще малая и умѣренная.

Но какъ бы то ни было, но всѣ показавшіе, изъ единой ненасытной жадности въ завладѣніи своемъ многія тысячи десятинъ, тогда ахнули и не знали что дѣлать. Доводилось инымъ платить по нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ, и хорошо, если кому было за что, и земли столько у нихъ въ завладѣніи было, сколько ими показано. Но многіе наклепывали на себя чего не бывало и долженствовали теперь платить многія тысячи понапрасну.

Точно сіе случилось тогда съ нѣкоторыми изъ сосѣдей моихъ въ шадской

или тамбовской деревнѣ. Что-жъ касает-ся до меня, то хотя и мнѣ доводилось заплатить не малую и до нѣсколька сотъ рублей простирающуюся сумму; но какъ она все еще было для меня сно-сная, то я радовался по крайней мѣрѣ, что поступилъ не по примѣру жадныхъ сосѣдей моихъ и не навлекъ самъ на себя несноснаго бремени, а напротивъ того сталъ помышлять о томъ, какъ бы скорѣе воспользоваться сею государскою милостію и получить ту землю себѣ въ покупку.

Худое состояніе всѣхъ моихъ неболь-шихъ деревнишекъ, крайняя малоземель-ность, во всѣхъ оныхъ и малое количе-ство доходовъ, получаемыхъ тогда и со всѣхъ ихъ, которые въ послѣдній годъ простирались только до 480 рублей, сум-ма ничего почти незнающей, заставляли меня слѣзнуть помянутою покупкою, дабы чрезъ то, хотя ту степную деревню снаб-дить довольнымъ количествомъ земли и слѣлать ее доходнѣйшею. А о томъ же са-момъ помышлялъ и братъ мой Михайла Матвѣевичъ, находившійся въ сіе время уже дома и въ отставкѣ.

По особливому счастію находилса тогда при первомъ членѣ межевой канцеляріи, генералѣ Штофельнѣ, одинъ нашъ род-ственникъ, господинъ Арцыбышевъ, Ава-насій Аванасьевичъ. И какъ онъ былъ въ особливомъ у него кредитѣ, то и хотѣлось намъ воспользоваться симъ случаемъ, и чрезъ его основать сію покупку. Сіе и уда-лось намъ произвестъ въ дѣйство. Мы спи-сались о томъ съ нимъ и онъ увѣдомилъ насъ, когда намъ можно было подать о продажѣ намъ сей земли челобитную. И сіе-то прошеніе подали мы чрезъ его въ сіе время въ межевую канцелярію, рас-положивъ оную сообразно съ прежнимъ нашимъ объявленіемъ въ комиссію о за-сѣкахъ.

Наконецъ, четвертою достопамятностію сего времени было то, что я, будучи ободренъ благоволеніемъ, оказаннымъ мнѣ эконо-мическимъ обществомъ и благосклон-нымъ пріятіемъ посланнаго моего къ нимъ сочиненія, рѣшился приступить къ

сочиненію второго и отъ самого уже себя, и матерію къ тому избралъ относящуюся до лѣсовъ и до рубки оныхъ частями. Побудило меня къ тому наиболѣе то, что я не только о лѣсахъ начитался въ ино-странныхъ книгахъ въ особливости до-вольно, но предпринималъ уже и нѣкото-рые опыты съ ними, слѣдовательно могъ составить нѣкотораго рода системати-ческое и довольно полное сочиненіе о лѣсахъ и основать оное отчасти на теоріи, а отчасти на практикѣ самой. И сіе-то важное и можно сказать прямо по-лезное сочиненіе начато было мною въ концѣ мѣсяца іюня.

Вотъ все, что происходило со мною въ теченіе первой половины сего года, и вы согласитесь со мною въ томъ, что періодъ времени сей былъ довольно знаменитъ въ моей жизни. Теперь слѣдовало бы повѣ-ствовать о томъ, что происходило со мною далѣе; но какъ письмо мое уже слишкомъ увеличилось, и мнѣ давно по-ра была его окончить, то дозвольте мнѣ отложить то до письма послѣдующаго, а между тѣмъ сказать вамъ, что я есмь и проч.

Письмо 122-е.

Любезный пріятель! Вторая полови-на 1766-го года началась для меня неболь-шою отлучкою отъ дома, узнаніемъ незна-комыхъ мѣстъ и сведеніемъ новаго знаком-ства со многими до того неизвѣстными дво-рянами. Поводомъ ко всему тому и къ ѣз-дѣ въ Веневскій уѣздъ, гдѣ никогда еще не случалось мнѣ бывать, была одна свадьба.

У тетки жены моей, да и у самой ей была одна родственница незамужняя изъ фамиліи Арцыбышевыхъ, по имени Надежда Аванасьевна. За сію дѣвушку, довольно намъ всѣмъ знакомую и всѣми нами любимую, отыскался около сего вре-мени женихъ изъ числа небогатыхъ ве-невскихъ дворянъ, изъ фамиліи Кислин-скихъ, а по имени Андрей Ефремовичъ.

Какъ родители помянутой дѣвушки, бу-дучи также людьми небогатыми, весьма лю-били и почитали тетку жены моей и самую мою тещу, которой отецъ ея Аванасій

межевыми въ межевой конторѣ и съ городскихими по воеводской канцеляріи. Но за то и доставилъ мнѣ сей случай въ обоихъ сихъ мѣстахъ много новаго знакомства.

Въ Тарусѣ случились тогда находить ся при должностяхъ дальніе родственники тещи моей, Петръ Михайловичъ Недобровъ и Петръ Сергѣевичъ Селиверстовъ, съ которыми свель я при семъ случаѣ короткое знакомство, и у перваго при всѣхъ моихъ приѣздахъ въ Тарусу я квартировалъ.

Кромѣ сихъ, къ особливому удовольствію моему, не только спознакомился, но и свель даже дружбу съ живущимъ неподалеку отъ Тарусы довольно зажиточнымъ дворяниномъ, Осипомъ Васильевичемъ Гурьевымъ, человекомъ добрымъ, любопытнымъ, великимъ охотникомъ до садовъ и до экономіи и дальнимъ моимъ и женинымъ родственникомъ. Я давно уже, наслышавшись объ немъ, искалъ случая спознакомиться съ симъ домомъ короче, но до сего времени не было къ сему удобнаго случая. А въ сіе время бывали мы нѣсколько разъ у него съ межешциками и съ тарусскими господами и гашивали иногда у него дни по два, по случаю псовой охоты, къ которой онъ былъ приверженъ и увеселялъ гостей своихъ нерѣдко звѣриноку ловлею, ѣздя съ ними вмѣстѣ на поле.

При напоминаніи о семъ приходитъ мнѣ на память и то, какъ-было отъ сей проклятой охоты, чуть-было я не сломилъ себѣ головы. Съ того времени, какъ маленькаго меня чуть-было до смерти не убила лошадь при ѣздѣ за зайцами, хотя и ненавидѣлъ я сію охоту, но тутъ не могъ никакъ отговориться, чтобъ не ѣхать вмѣстѣ съ хозяиномъ и со всѣми гостями на поле, и когда не для травли зайцевъ, такъ по крайней мѣрѣ, чтобъ быть зрителемъ, какъ другіе травить станутъ. Почему и выпросилъ себѣ лошадь посмирнѣе и поѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ мнѣ отнюдь не скакать, а быть только зрителемъ; но статочное-ли дѣло?—Проклятая охота сія кажется и произведена

на свѣтъ для того, чтобъ людямъ, выходя изъ самихъ себя, терять умъ и память и дѣлаться хуже скотовъ бессмысленныхъ!

Я сколько ни философствовалъ, ѣдучивъ сей разъ на поле и какъ ни старался о томъ, чтобъ поставили меня, какъ немнѣющаго у себя собаку, гдѣ-нибудь въ укромномъ и такомъ мѣстечкѣ, гдѣ-бы могъ я только быть издали зрителемъ ихъ гоньбы и скаканья, но вся моя философія вспыхнула и исчезла какъ дымъ, какъ скоро увидѣлъ я предъ собою зайца!—Проклятая скотина!...

На меня-таки и прямо подъ мою лошадь скоса и надобно было ему выскочить, какъ начали ихъ вездѣ по вустамъ ихъ шарить. И тутъ единой секунды и единаго воззрѣнія на него довольно было къ тому, чтобъ лишить меня всего разсудка и довести до того, что я, забывъ себя и забывъ все на свѣтѣ и всѣ опасности, забывъ и то, что у меня не было ни собаки, ни пистолета и ничего кромѣ одного прутника въ рукахъ, а закричавъ и завопивъ, какъ сумасшедшій, бросился и поскакалъ безъ ума безъ памяти въ слѣдъ за побѣгшимъ отъ меня прочь зайцемъ и поскакалъ такъ, какъ родася еще никогда не скакивалъ, и тѣмъ паче, что имѣлъ подъ собою и лошадь издавна къ тому приученую.

Но ежели-бы спросить меня тогда, зачѣмъ и съ какимъ намѣреніемъ поскакалъ я тогда за зайцемъ: поймать что-ли я его хотѣлъ, но чѣмъ? руками что-ли, или лошадью хотѣлъ стоптать? то устыдился-бы я самъ себя и захохоталъ бы своему безумію, и не зналъ бы что сказать. Равно какъ и теперь истинно не знаю и не понимаю, какъ въ единый мигъ могла взойти на меня такая блажь, что я безъ памяти поскакалъ самъ не зная куда и зачѣмъ? и до тѣхъ поръ скакалъ покуда прискакалъ къ престрашной, глубокой и такой крутой водоронни, что слетѣвъ въ нее стремглавъ, въ тотъ же бы мигъ отправился на тотъ свѣтъ, если-бы по особливому счастью, приученая къ такимъ случаямъ лошадь, прискакавъ къ сей страшной рытвинѣ и не болѣе какъ

нападець отъ нее, вдругъ не остановилась. И тогда только, увидѣвъ предъ собою очевидную пагубу и бѣзду, опомнился я и перекрестясь, самъ своему безумію постыдился.

Съ того времени полно мнѣ было ѣздить съ ними на поле за охотой, и сколько они меня ни упрашивали, но я откланивался имъ, и хотѣлъ охотѣе оставаться дома и гулять по прекраснымъ его садамъ или заниматься разговорами съ хозяйкою и ея дочерьми, которыя всѣ были превеликія экономки и до всего охотницы.

Что касается до Серпухова, то тамъ по сему же случаю и долженъ будучи иногда дни по три и болѣе проживать, познакомился я не только съ межевными конторскими, но и съ самыми городскими и полковыми, ибо тогда случилось тутъ стоять Черниговскому полку, въ которомъ служилъ родственникъ нашъ Иванъ Леонасьевичъ Арцыбшевъ, у котораго обыкновенно и квартировалъ въ сѣи приѣзды.

Полковникомъ былъ тогда въ семь полку Иванъ Александровичъ Заборовскій, а главными въ межевой конторѣ гг. Брянчаниновъ и Софоновъ. У всѣхъ я ихъ, равно какъ и у воеводы г. Дурнова и его товарища бывалъ и со всѣми, при помощи помянутаго родственника моего, спознакомился и многихъ знакомство обратилось мнѣ послѣ въ пользу.

Въ помянутыхъ произшествіяхъ прошелъ почти весь сентябрь мѣсяцъ, но межевыя хлопоты и въ оный еще не окончились, но мнѣ досталось похлопотать и въ октябрь мѣсяцъ и даже и въ самомъ ноябрѣ, и въ семь послѣднемъ, ѣздивши въ Серпуховъ, перебираться съ великою опасностью чрезъ Оку, во время самаго ея замерзанія. И хотя хлопоты сѣи мнѣ и понаскучили, но я получилъ отъ нихъ сугубую пользу. Во-первыхъ ту, что спознакомился короче со всѣмъ межеваньемъ и сдѣлался по сей части уже болѣе другихъ знающимъ. Во-вторыхъ, ту, что получилъ не малое себѣ приобрѣтеніе и въ

приложение къ «Русской Старинѣ» 1871 г.

особливости ту пользу, что могъ всю вновь примежеванную къ гарусской нашей деревнѣ землю отдать актомъ на часть теткѣ Матренѣ Васильевнѣ, а самъ остался уже одинъ владѣльцемъ въ деревнѣ Волниной. Примежеванной же глѣсъ мы напередъ сообща продали на срубку, а тетка продала потомъ и всю часть свою, и купили у ней ея тѣже хомяковскіе жители, отъ которыхъ она была отмежевана, чѣмъ и кончилось все сіе дѣло ко взаимному и общему всѣхъ насъ удовольствію.

Что касается до мѣсяца октября, то оный ознаменовался наиболѣе возвращеніемъ изъ Петербурга въ домъ новаго сосѣда моего, и сына умершаго генерала, Матвѣя Никитича. Я старался сколько могъ преклонить его къ себѣ въ дружество, и успѣхъ имѣлъ въ томъ нарочито изрядный. Онъ хотя и заимствовалъ нѣсколько изъ характера отца своего, однако все былъ лучше, откровеннѣе и чистосердечнѣе и обходился со мною и братьями моими дружески и какъ добрымъ сосѣдамъ надобно было, такъ что я не могъ ни въ чемъ на него тогда жаловаться. Сверхъ того имѣлъ онъ и самъ во мнѣ нужду и надобность.

Послѣ покойника осталась вторая жена, а его мачиха, и съ нею надлежало ему развестись и въ наслѣдствѣ раздѣлаться. Но какъ онъ, по молодости и неопытности своей, не могъ самъ войтить въ сіе дѣло, то и просилъ онъ меня войтить въ оное, и развести его съ мачихою, на что я охотно и согласился и мнѣ посчастливилось развестъ ихъ такъ, что они съ обѣихъ сторонъ остались довольными. А мачихѣ его я такъ тѣмъ услужилъ, что она поступила далѣе и согласилась всю полученную ею на седьмую часть земляную дачу, кромѣ людей, продать намъ съ братьями за весьма сходную цѣну, и тѣмъ насъ очень одолжила.

Не успѣлъ я сего важнаго дѣла въ пользу сосѣда своего кончить, какъ, пользуясь его къ себѣ довѣріемъ и благосклонностію, восхотѣлъ я его преклонить и къ полюбовному раздѣлу съ нами всѣхъ

нашихъ лѣсовъ и отхожихъ пустошей, словомъ, всего, что только раздѣлить было можно. Обстоятельство, что я имѣлъ у себя астролябію и при помощи оной могъ акуратнѣйшимъ образомъ всѣ оныя снять на планъ, и вычисливъ сколько въ нихъ земли и всякихъ угодьевъ, разчислить и разрѣзать оныя нанточнѣйшимъ образомъ всѣмъ по числу дачъ, и увѣреніе, что я ни въ чемъ не сфальшивлю и во всемъ томъ раздѣлѣ поступлю наименѣйшимъ образомъ, и побудило его какъ и обоихъ моихъ двоюродныхъ братьевъ, Михайлу и Гаврилу Матвѣевичей на предложеніе и желаніе мое согласиться.

А какъ мнѣ хотѣлось ковать желѣзо куда было оно горячо, и пользуясь ихъ согласіемъ, учинить тому раздѣлу и начало, то и согласились мы начать оной раздѣленіемъ того небольшого лѣсочка, который находится подлѣ самой нашей деревни; выросъ по крутому косогору высокаго берега рѣки Свинги и извѣстенъ былъ издревле подъ именемъ Удерева, и какъ лѣсъ въ ономъ не вездѣ былъ равенъ, то и положили мы оный весь напередъ срубить и раздѣливъ срубленный лѣсъ между собою, раздѣлить потомъ и находящуюся подъ нимъ землю.

Все сіе и произвели мы въ теченіе октября мѣсяца и прежде еще наступленія имяннѣ моихъ. И не успѣли мы помянутымъ образомъ лѣсокъ сей весь сообща срубить, и лѣсъ раздѣливъ развести по дворамъ, какъ обновивъ астролябію свою и снявъ я тотчасъ мѣсто сіе на планъ; а потомъ, разчисливъ сколько изъ онаго каждому изъ насъ доводилось по числу дачъ, разрѣзалъ на столько частей и предложилъ, чтобъ для лучшаго безпристрастія кинуть жеребій гдѣ кому достанется, что все и учинено было. Когда же мы получили чрезъ покупку всю седьмую часть отъ Софьи Ивановны: то насненокъ ея поступилъ далѣе и согласился всю свою часть въ Удереви промѣнять намъ на седьмую часть изъ его Шестуники, которую, по силѣ покупки, получить намъ отъ него слѣдовало, а чрезъ то и остался онъ отчужденнымъ на вѣкъ отъ Уде-

рева, а мы раздѣлили оное уже одни съ братьями. По удачному же окончаніи сего раздѣла приступилъ я тотчасъ къ сниманію на планъ и прочихъ нашихъ лѣсныхъ угодьевъ, а особливо въ пустошѣ Шаховой.

Помянутый раздѣлъ Удерева былъ послѣднимъ дѣломъ въ 28-й годъ моей жизни, ибо въ слѣдующій затѣмъ день наступилъ уже мнѣ двадцатьдевятый годъ.

Я праздновалъ по обыкновенію и въ сей годъ свои имянны и гостей было у меня довольно. Впрочемъ сей день ознаменовался тремя достопамятными случайностями: во-первыхъ тѣмъ, что службу у насъ и въ церквѣ совершалъ въ первый разъ еще нашъ молодой попъ Евраграфъ, усыновленный племянникъ отца Иларіона, которому онъ и уступилъ при жизни своей мѣсто. Во-вторыхъ тѣмъ, что сдѣлался у насъ-было въ сей день пожаръ: загорѣлась-было кухня, но мы ее удачно и скоро потушили. А въ-третьихъ, наконецъ, что приѣзжалъ къ намъ въ сей день, въ первый еще разъ изъ Тарусинный мой пріятель, Осипъ Васильевичъ Гурьевъ, со всѣмъ своимъ семействомъ и прогостилъ у меня трое сутокъ. Мы препроводили сей день довольно весело и всѣ гости кромѣ немногихъ у меня ночевали.

Между тѣмъ какъ все сіе происходило, свирѣпствовала въ селеніи нашемъ сильная оспа, и наконецъ зашла и къ намъ во дворъ, а въ концѣ мѣсяца октября заразила и нашего малютку. Болѣзнь его сперва озаботила, а потомъ и огорчила насъ всѣхъ чрезвычайнымъ образомъ; ибо мы вскорѣ и уже при самомъ началѣ болѣзни его увидѣли, что оспа его была дурная и опасная. Она и похитила у насъ сего первенца къ великому огорченію его матери. Я и самъ хотя пожертвовалъ ему нѣсколькими каплями слезъ, однако перенесъ сей случай съ нарочитымъ твердоушіемъ: философія моя помогла мнѣ много въ томъ, а надежда имѣть вскорѣ опять удовольствіе видѣть у себя дѣтей, ибо жена моя была опять беременна, помогла намъ чрезъ во-

роткое время и забыть сіе несчастіе, буде сіе несчастіемъ называть можно. Мы погребли его въ тотъ же день, подлѣ олтара съ правой стороны и въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ покоится прахъ и внуки моей Екатерины.

Всю достальную часть осени сего года, а отчасти и первые мѣсяцы наставшей потомъ зимы проводилъ я на большую часть въ разъѣздахъ отчасти по межевнымъ дѣламъ въ Серпуховъ и въ Тарусу, отчасти по гостямъ и знакомымъ, а особливо новымъ, которыхъ было въ сей годъ довольно. Не упускалъ однако я имѣть попеченіе и о домашнемъ, и въ праздное осеннее время занимался кое-какимъ мелкимъ строеніемъ, помысливъ уже вкупѣ и о новомъ домѣ, который затѣвалъ я въ мысляхъ себѣ строить. Вѣтхость и мализна пружняго начинала мнѣ уже нѣсколько скучать. Итакъ, прожектированъ былъ новому дому не только планъ, но я поступилъ и далѣе, и въ праздные длинныя осенніе и зимніе вечера смастерилъ и прекрасную разборную модель оному, устроивъ ее такъ хорошо, что всѣ ей дивились и съ любопытствомъ разсматривали.

Занимался я также въ осеннее время и своими садами; когда же наступившая стужа не дозволяла болѣе время свое проводить на воздухѣ, а принуждала сидѣть въ теулѣ, тогда книги и литература была моимъ занятіемъ. Я проводилъ время свое и проводилъ съ удовольствіемъ отчасти въ чтеніи, отчасти въ писаніи чего-нибудь. Сіе послѣднее было издавна моимъ любимѣйшимъ и такимъ упражненіемъ, которое мнѣ послѣ трудовъ почти отдохновеніемъ служило. Въ сей разъ занимала меня болѣе моя «дѣтская философія», ибо какъ она всѣмъ читавшимъ ее въ особенности нравилась и всѣ превозносили ее похвалами, то сіе побудило меня не только переписать ее набѣло, но приступить и къ продолженію сего моего сочиненія; въ чемъ и препроводилъ я нѣсколько времени.

Наконецъ наступленіе нашего деревенскаго праздника, Николаина дня, отвлекло

меня на нѣсколько дней отъ моихъ литературныхъ упражненій. Мнѣ хотѣлось и въ сей годъ поступить по примѣру нашихъ предковъ и отпраздновать оный не одному, а съ пріятелями моими и знакомыми; въ особенности же хотѣлось мнѣ въ сей день поподчивать и угостить у себя тарусскихъ межевыхъ въ благодарность за ихъ къ себѣ благосклонность. Они пріѣзжали ко мнѣ изъ Тарусы, взявъ въ проводники себѣ г. Гурьева, котораго опять имѣлъ я удовольствіе видѣть и угощать у себя въ домѣ въ соотвѣтствіе его угощеніямъ меня и всѣмъ оказаннымъ ко мнѣ ласкамъ. И какъ и кромѣ ихъ было у меня и другихъ гостей довольно, то провели мы сіе время очень весело, и я заключилъ празднество сіе небольшимъ фейерверкомъ, которымъ снабдилъ меня изъ Серпухова дядя жены моей и мой другъ Иванъ Аванасьевичъ Арцыбышевъ.

Сіе было послѣднее сколько-нибудь достопамятное произшествіе въ семь годѣ, ознаменовавшимся толь многими произшествіями; а что воспослѣдовало послѣ, о томъ предоставляю говорить въ моихъ будущихъ письмахъ. Сіе же симъ окончивъ, скажу, что я есмь вашъ и прочая.

1767.

Письмо 123-е.

Любезный пріятель! Сколько изобилень былъ 1766-й годъ разными до меня касавшимися произшествіями, столько тощъ и скуденъ былъ напротивъ того послѣдующій за нимъ 1767-й годъ. Въ оный происходило столь мало важныхъ и прямо до меня относящихся произшествій, что я могъ бы его почти совсѣмъ миновать или на короткихъ только словахъ вамъ сказать, что я и его препроводилъ благополучно и живучи въ миломъ сельскомъ своемъ уединеніи и удаленіи отъ большого свѣта такъ хорошо, что я и не видалъ почти какъ онъ протекъ, и еслибъ не продолжаема была мною начатая съ прошедшаго года ежедневная всѣмъ произшествіямъ записка, то не могъ бы даже и вспомнить всѣхъ сколько-нибудь замѣчаній

достоинѣйшихъ: происшествій, случившихся въ теченіе сего года какъ со мною, такъ и съ моими домашними.

Не имѣлъ я себѣ никакихъ особенныхъ и важныхъ радостей и удовольствій во все продолженіе оного, но не было и никакихъ особенныхъ и важныхъ огорченій и неприятностей такихъ, которыя бы могли нарушать то спокойствіе дней моихъ, которымъ я безпрерывно почти наслаждался, и наслаждаюсь онымъ ощущая въ знатномъ градусѣ то истинное блаженство жизни, за которымъ толь многіе гоняются, но толь немногіе находятъ.

Помогало мнѣ въ томъ навболѣе то, что я не перемѣнялъ никакъ прежняго образа жизни и поведенія своего, а продолжалъ жить по прежнему. Не давалъ себя мучить ни любославію, ни властолюбію, ни самолюбію съ корыстолюбіемъ; а былъ и старался быть довольнымъ тѣмъ что имѣлъ, не ропталъ на судьбу, для чего не имѣлъ я множайшаго; не сѣтовалъ на то, для чего тысячи другихъ людей были меня знатнѣе и богатѣе, но всего меньше о томъ помышляя, измѣрялъ паче счастье свое жребіями тѣхъ множайшихъ еще людей, кои меня несравненно еще бѣднѣе и несчастнѣе!! Утѣшался тѣмъ, что я былъ еще въ тысячу вещей ихъ счастливѣе и при всемъ небогатствѣ своемъ не только наѣдался и высыпался не меньше, какъ и самыя богатѣйшіе и знатнѣйшіе люди, но духомъ несравненно еще ихъ спокойнѣе и веселѣе былъ.

Я жилъ не завидуя никому и ни въ чемъ, не домогался ничего надмѣру, а того паче съ неправдою; обходился со всѣми дружескибно, просто, безхитростно, чистосердечно, откровенно, ласково и свисходительно, и за то былъ всѣми любимъ и почитаемъ добрымъ человѣкомъ, а сіе для меня было всего дороже. И какъ я старался всегда и всѣмъ быть довольнымъ, то и не терпѣлъ я ни въ чемъ дальняго недостатка, и былъ съ сей стороны уже счастливъ.

Но сіе счастье увеличивало еще несказанно привычка не сидѣть никогда безъ дѣла и безъ всякаго упражненія, ибо безпрерывное занятіе себя чѣмъ-ни-

будь любопытнымъ и веселымъ, какъ, напримеръ, лѣтомъ садами и увеселеніемъ красогами и прелестями природы и предприниманіемъ тысячи разныхъ любопытныхъ дѣлъ и упражненій, а осенью и зимою чтеніемъ, рпсованіемъ, писаніемъ или дѣланіемъ и мастереніемъ чего-нибудь, доставляло мнѣ несмѣтное множество минутъ пріятныхъ и прямо счастливыхъ, и я не зная никогда скуки, велъ самую счастливую и столь веселую деревенскую жизнь, что не желалъ никакой лучшей!!

Вотъ краткое изображеніе исторіи сего года; а впрочемъ наизнаменитѣйшимъ и прямо до меня относящимся происшествіемъ было то, что въ мартѣ мѣсяцѣ сего года разрѣшилась жена моя вторично беременъ, и въ сей разъ родила мнѣ уже дочь и самую ту, которая многіе годы утѣшала меня отмѣнною ко мнѣ своею ласкою и любовію, доставляла мнѣ несмѣтное множество минутъ пріятныхъ въ жизни и была старшею изъ всѣхъ дѣтей моихъ, достигшихъ до возраста совершеннаго. Произошло сіе въ 27-й день помянутаго мѣсяца, ввечеру, и мы назвали ее Елисаветою.

Я былъ ей столько же радъ, какъ прежде и сыну и былъ весьма удаленъ отъ того, чтобы, по примѣру многихъ другихъ отцевъ, досадовать или роптать на судьбу для чего произвела она не сына, а дочь, но почиталъ все даяніемъ божескимъ, почему и хотѣлъ-было также сдѣлать и крестильной ея ииръ какъ можно лучшимъ; но бывшая въ самое то время половодъ и распутица не допустила почти никого къ намъ приѣхать и были только прежніе кумы: другъ мой Иванъ Григорьевичъ Половскій и тетка Матрена Васильевна Ардыбшева, съ которыми мы праздники сей и отпраздновали.

Другое было то, что я чуть-было окважды не склебнулъ горячки престоюкой. Случилось сіе въ октябрѣ мѣсяцѣ и въ началѣ моего 30-го года. Я три дня почти уже лежалъ, и всѣ думали, что будетъ горячка, но я благополучно и въ сей разъ оточчался и отпился травами. Впро-

чемъ же во все теченіе года сего былъ здоровъ, хотя былъ онъ крайне нездоровый.

Самое начало онаго ознаменовалось повсемѣстною перевалкою и все почти государство было больно кашлемъ, головою болью и ломомъ. Однако нельзя сказать, чтобъ было много умирающихъ. Отъ сей болѣзни не освободилась даже и жена моя, но отдала ей долгъ вмѣстѣ съ прочими.

Проводилъ я сей годъ наиболѣе въ товариществѣ сосѣда своего и брата двоюроднаго, Михаила Матвѣевича. Онъ въ прошедшемъ еще году, испросивъ себѣ отставку отъ военной службы, приѣхалъ къ намъ жить въ деревню и по приѣздѣ тотчасъ сталъ помышлять о томъ, какъ бы ему раздѣлиться съ меньшимъ своимъ братомъ Гаврилою Матвѣевичемъ, собравшимся только итти въ службу. Важное сіе дѣло некому было иному произвестъ, кромѣ меня. Покойный дядя мой, а ихъ отецъ препоручилъ обоимъ ихъ мнѣ въ попеченіе и заклиналъ ихъ слушать и почитать меня какъ отца. Я и старался сколько могъ долгъ сей выполнить; а какъ и они дѣлали мнѣ въ семъ случаѣ донѣріе и оба о томъ просили, то охотно и приступилъ я къ сему важному и для обоимъ ихъ нужному дѣлу.

Произвестъ сіе не таково было легко, какъ сперва казалось. Оба они были характеровъ не весьма хорошихъ, а что того хуже, разныхъ и несогласныхъ. Оба корыстолюбивы, оба рьяны, горячи, вспыльчивы и неуступчивы. Оба завидливы, оба воспитанные просто, безъ малѣйшаго образованія душъ и просвѣщенія, и потому неимѣющіе никакихъ благородныхъ склонностей и правилъ. И какъ судя по снмъ ихъ свойствамъ, я могъ легко предвидѣть, что въ состояніи они будутъ о всякой мелочи спорить и браниться, ежели предварительно не употребить нужной въ тому предосторожности, то я не упустилъ сего изъ виду и избралъ къ тому слѣдующій особый путь.

Какъ одному изъ нихъ надлежало оставаться въ отцовскомъ домѣ, а другому

выходить вонъ и стронься на новомъ мѣстѣ, и никто изъ нихъ охотою на сіе не шелъ, то присовѣтовалъ я имъ предать сей важный пунктъ жребію. Но прежде киданія онаго и покуда никто изъ нихъ не будетъ еще знать, кому изъ нихъ выйдетъ вонъ, условились бы они и согласились во всемъ, что и что именно тому дать, кому по жребію достанется выходить на новое мѣсто, и какія выгоды долженъ онъ получить предъ остающимися въ прежнемъ домѣ.

Цѣль моя притомъ была та, что какъ они еще не знали кому выходить доведется, то будетъ каждый изъ нихъ, опредѣляя выгоды отходящему самъ себѣ, прочтѣ, слѣдовательно въ назначеніи помянутыхъ выгодъ поступать станетъ наибезпристрастнѣйшимъ образомъ. А такимъ же образомъ уговорилъ я ихъ кидать жребій и обо всемъ прочемъ, о чемъ было только можно; но прежде киданія жеребья также все надвое справедливѣйшимъ образомъ разверстывать. А сія предосторожность и произвела мною желаемое и то, что они при посредствѣ моемъ и разверстались во всемъ, и уравнили все и даже самыя бездѣлки и мелочи такъ хорошо, что оба остались и мною и жребіемъ своимъ совершенно довольными.

Сей жеребій кидали они торжественно у меня въ домѣ при всѣхъ случившихся у меня гостяхъ; ибо случилось сіе въ самый день именинъ жены моей, 18-го марта. И какъ досталось въ отцовскомъ домѣ остаться меньшому, а старшему отходить и стронься на новомъ мѣстѣ, то мы въ тотъ же день по приглашенію и ѣздили всѣ въ домъ къ новому хозяину для поздравленія его съ отцовскимъ домомъ.

Теперь, не ходя далѣе, остановлюсь я на минуту и расскажу вамъ одно смѣшное происшествіе, доказывающее сколь нужна при раздѣлахъ такая предосторожность, какую употребилъ я при раздѣлѣ моихъ двоюродныхъ братьевъ.

Они всѣмъ и всѣмъ, что разровнено и записано было на бумагѣ и предварительно обоими ими скрѣплено—были довольны и ни о чемъ изъ всѣхъ важныхъ вещей не

было у нихъ ни малѣйшаго спора. Но какимъ-то случаемъ упустили всѣ мы одну повидимому сущую бездѣлку изъ примѣчанія, или лучше сказать, всѣ объ ней совершенно позабыли. Бездѣлка сія не иное что была, какъ маленькій хмѣльникъ, находившійся въ углу одного изъ садовъ ихъ. Сей хмѣльникъ вышелъ какъ-то у всѣхъ насъ изъ головы и мы совсѣмъ объ немъ позабыли, и потому въ раздѣльной не сказали о томъ ни слова.

Но какую важность могъ составлять бездѣльный и ничего незначащій хмѣльникъ сей? Не всего ли кажется легче можно было имъ его раздѣлить, и раздѣливъ пополамъ дать одному свою половину выкопать... Но статочное ли дѣло, и таковы ли были братцы и характеры ихъ!... Но бездѣлка сія въ состояніи была ихъ не только разсорить, но такъ разгорячить и довести до такого безпамятства и непростительнаго дурачества, что они не только разругались, но даже влѣпились другъ другу въ волосы, и ну другъ друга таскать вповолочку на самомъ хмѣльникѣ этомъ, въ то время, когда старшій по наступленіи весны пришелъ въ садъ, и сталъ половину хмѣля себѣ выкапывать, а другой, которому показалось что онъ беретъ много, сталъ ему спорить и не давать онаго.

Вотъ до чего доводитъ людей, не имѣвшихъ добраго воспитанія и чуждыхъ всякаго просвѣщенія, пылкость страстей! Все произошло отъ того, что оба они были рьяны и неуступчивы, что не сказали напередъ мнѣ о томъ и не призвали меня для раздѣренія бездѣльнаго хмѣльника сего. А по сему судя, чего бы не могло произойти между ними, еслибъ не употреблено было ипою помянутой предосторожности въ другихъ и важнѣйшихъ вещахъ?

Я, услышавъ о томъ, и смѣялся, и хоталъ, и досадовалъ на обонхъ сихъ героевъ и не преминулъ гораздо потазать ихъ обонхъ за такую непростительную глупость, которой они сами потомъ стыдлись; но надобно сказать, что и поводъ къ тому подалъ наиболѣе самъ хмѣль. Оба они были съ-молоду съ нимъ какъ-

то знакомы, и едва не оба они были тогда на девятомъ взводѣ. Но какъ бы то ни было, во хмѣль сей и отмстилъ обонимъ имъ за сію сдѣланную ими на себѣ неблагопристойность. Оба они черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того и во гробъ пошли отъ излишней приверженности къ сему произрастенію.

Но я возвращусь къ прежнему и скажу вамъ дагѣе, что по случаю раздѣла сего получилъ и я себѣ небольшую выгоду.

Все то мѣсто, которое занимаетъ нынѣ пятый изъ моихъ садовъ и такъ-называемый Заовражный или Марьяинской садъ или все то мѣсто, которое изъ старинъ называлось Клиномъ и лежить въ лѣвой сторонѣ дома моего за оврагомъ, дошло только въ сіе время посредствомъ промѣна въ мое владѣніе. А до того времени было оно не мое, а большая часть онаго состояла во владѣніи сихъ братьевъ моихъ, а маленькая часть книзу клиномъ была у насъ съ ними общая. Но какъ одному изъ нихъ надлежало вновь строить себѣ домъ и за тѣснотою ихъ усадьбы вытѣть за Архаровскую-вершину и поселиться по конецъ Удерева, которое мѣсто одно только къ тому было способнымъ, но въ самомъ томъ мѣстѣ за Архаровскою-вершиною мнѣ я молодую березовую рощу, насажденную покойною матерью моею на цѣлой полудесятинѣ; то и согласились мы сдѣлать промѣнъ, и чтобъ мнѣ отдать имъ ту мою рощу подъ поселеніе двора, а имъ отдать мнѣ свою рощу на клину, которой также была полдесятинны. Но какъ ихъ роща была старѣе моею, то положено было, чтобъ имъ половину рощи своей срубить и воспользоваться лѣсомъ; что все мы и учинили, и съ того времени и состоитъ сіе мѣсто у меня во владѣніи, но которымъ я только нынѣ начинаю прямо пользоваться, превращая его въ садъ особаго рода.

Впрочемъ, не успѣлъ сей раздѣлъ кончиться, какъ и началъ Михайла Матвѣвичъ на новомъ своемъ мѣстѣ строиться и проворилъ такъ хорошо, что къ осени

поспѣлъ у него не только дворъ, но и самая хоромы.

Сія постройка онъ совсѣмъ новыя по сдѣланному мною плану, и были они изрядныя. А такимъ же образомъ помогъ я ему расположить и дворъ и садъ предъ домомъ, на уступѣ горы удеревской, и всѣ мы имѣли удовольствіе на Михайловъ день въ ноябрѣ обѣдать у него въ новомъ домѣ, какъ въ день именинъ его.

Хотѣлось-было намъ очень и женить сего молодца въ сіе лѣто; но сіе желаніе наше было безуспѣшно. Онъ хотя и не отрекался отъ женитьбы и самъ зналъ, что ему жениться было надобно, но въ выборѣ себѣ невѣсты былъ слишкомъ ужъ разборчивъ. Все ему хотѣлось найти невѣсту богатую и хорошую, но таковая какъ-то не отыскивалась, а на тѣхъ, которыя согласны были за него вытти, ему не хотѣлось. Нѣкоторыя пріѣзжали даже къ намъ, чтобъ ему себя показывать, но ему были онѣ неуютны. Словомъ, сколько мы ему ни предлагали невѣсты и невѣсты очень хорошия и для его выгодныя, но онъ, по обыкновенію всѣхъ жениховъ, болѣе о себѣ и о достоинствахъ своихъ думалъ, нежели сколько надлежало, и потому слушать никого въ семь пунктовъ не хотѣлъ, а избраніе невѣсты предоставлялъ собственному своему выбору и разсудку.

Что касается до меньшого его брата, то сей записывался въ этотъ годъ въ службу въ семеновскій гвардейскій полкъ, но службу несъ очень мало, но то и дѣло отправивался въ отпускъ и пріѣзжалъ жить вмѣстѣ съ нами въ деревню.

Не таковъ напротивъ того былъ другой мой сосѣдъ, Матвѣй Никитичъ, сынъ умершаго генерала. Сей отправился еще съ начала года продолжать свою гвардейскую службу въ Петербургъ и несъ ее какъ надобно во все теченіе сего года. Деревню же свою при отъѣздѣ поручилъ мнѣ въ смотрѣніе и управленіе, и мы съ нимъ только что переписывались.

Еще весною сего года находился я въ великомъ опасеніи о себѣ, чтобъ не выбранъ я былъ въ депутаты въ комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія.

Важное сіе, громкое и славное дѣло основывалось въ сей годъ и императрица наша нарочно для сего пріѣзжала въ Москву.

Повелѣно было во всѣхъ уѣздахъ всего государства выбрать къ сему сочиненію новыхъ законовъ разумнѣйшихъ и способнѣйшихъ дворянъ депутатами и снабдить ихъ отъ всего дворянства инструкціями, а для порядочнѣйшаго всего того производства выбрать напередъ дворянамъ въ каждомъ уѣздѣ себѣ предводителя. А по всему тому и опасался я, чтобъ каширскимъ господамъ дворянамъ не вздумалось въ помянутые депутаты выбрать меня, какъ способнѣйшаго къ тому и могущаго лучше всѣхъ другихъ исправить сію должность.

Мѣсто сіе было хотя сопряженное съ честію и такое, въ которое многіе ужасно добивались, ласкаясь отчасти опредѣленнымъ жалованьемъ, а отчасти другими выгодами. Но мнѣ какъ-то не хотѣлось войти въ сіе дѣло.

Я власно какъ предвидѣлъ, что изъ всего сего великаго предпріятія ничего не выйдетъ, что грома надѣляется много, людей оторвется отъ домовъ множество, денегъ на содержаніе ихъ истратится бездна, вранья, крика и вздора будетъ много, а дѣла изъ всего того не выйдетъ никакого и все кончится ничѣмъ; а потому и не хотѣлось мнѣ для сего разстаться съ милою своею и столь для меня блаженною деревенскою жизнію.

И дабы въ томъ лучше успѣть, то не хотѣлъ я даже и показать себя господамъ коширскимъ дворянамъ и уммышленно на съѣздъ ихъ для сихъ выборовъ не поѣхалъ, а отозвался письменно, что мнѣ пріѣхать было не можно. И сѣдствіе оказало, что я поступилъ и благоразумно; ибо скоро услышали мы, что и самое начало сего великаго дѣла далеко не соотвѣтствовало премудрымъ намѣреніямъ нашей императрицы, и что и самыя выборы начались производимы быть вездѣ по пристрастіямъ, что выбирали и назначали къ тому не тѣхъ, которыхъ бы выбрать къ тому надлежало и которые къ тому были способны и другихъ достойнѣе, а тѣхъ,

которымъ самимъ опредѣлиться въ сіе мѣсто хотѣлось, несмотря ни мало способны-ли они къ тому были или неспособны. Отчего собственно и вышелъ потомъ сущій и такой ералажъ, что принуждено было все сіе дѣло оставовить и оставить до другогвремени. И какъ у насъ избраны были въ предводители г. Юшковъ, бывший нѣкогда въ Москвѣ губернаторомъ, а въ депутаты нѣкто г. Масловъ, то и остался я спокойнымъ и очень былъ радъ, что сія буря меня миновала.

Все сіе происходило весною въ мѣсяцѣ апрѣлѣ, а въ іюлѣ имѣли мы еще нѣкотороедѣло съ княземъ Горчаковымъ, занимавшее меня нѣсколько дней сряду и мыслями и трудами, но окончавшееся также ничѣмъ.

Сему близкому нашему сосѣду и кѣнигсберскому еще моему знакомцу случилось приѣхать въ сіе лѣто въ сосѣдственную къ намъ деревню свою Злобино вмѣстѣ съ женою своею, и пробыть тутъ нѣсколько дней. Какъ онъ съ нами обослался и мы къ нему не одинъ разъ ѣздили и принимаемы и угощаемы были очень ласково, да и самъ онъ удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ; то при свиданіяхъ сихъ дошелъ у насъ съ нимъ разговоръ о земляныхъ нашихъ дачахъ, перемѣшанныхъ между собою и о томъ, не можно-ль бы намъ было какъ-нибудь поразмѣнитья оными? Ибо надобно знать, что князь сей имѣлъ въ дачахъ нашихъ небольшую частичку, купленную у господъ Хотяинцовыхъ, и какъ сія небольшая частичка, выпедшая изъ нашего рода, по какому-то приданству разбросана была по маленькимъ клочкамъ по всей нашей дачѣ и была намъ какъ чирей на глазу, да и князю неспособна и еще болѣе нежеланна; то и предложилъ онъ намъ, не согласимся ли мы всѣ сии его разбросанныя по разнымъ мѣстамъ частички измѣривъ взять себѣ, а ему толикое-жъ число намѣрить и отрѣзать къ одному мѣсту изъ сосѣдственной къ нему пустоши нашей Хмыровой.

Таковой промѣнъ хотя и былъ болѣе выгоденъ ему, нежели намъ, однако мы,

поговоря между собою съ братьями, на предложеніе его и согласились. Князь тѣмъ былъ очень доволенъ и просилъ меня и братьевъ моихъ, которыхъ привозилъ я къ нему для сего, сѣздить съ нимъ и осмотрѣть и назначить то мѣсто, гдѣ бы ему отрѣзать землю сію къ одному мѣсту, что мы охотно и учинили; и обѣздивъ съ нимъ верхами всю нашу пустошь Хмыровскую, съ общаго согласія и назначили тотъ уголъ, гдѣ бы ему отрѣзать, а возвратясь къ нему въ домъ и отобѣдавъ стали считать всѣ его разбросанные клочки, которыхъ набралось во всѣхъ пустошахъ и угодьяхъ до 48 десятинъ съ четвертою долею. Но какъ для точнѣйшаго намѣриванія такого же количества нужно было прилежащую къ дачамъ его часть пустоши нашей Хмыровой снять на планъ, то и прошенъ я былъ княземъ принять на себя сей трудъ, на что охотно согласясь, оба послѣдующіе дни я надъ тѣмъ и трудился.

Но что-жъ изъ всего того вышло? Не успѣлъ я сію немалую-таки работу кончить, какъ и побѣхалъ съ братьями моими къ князю въ безсомнѣнной надеждѣ, что дѣло сіе мы въ тотъ день кончимъ, и что князь вѣрно назначенную на планѣ отрѣзку апробуетъ. Но князь хотя и апробовалъ оную, но вдругъ удивилъ меня до чрезвычайности, сказавъ, что хотя онъ и охотно соглашается на сей промѣнъ, но не прежде къ тому приступить намѣренъ, какъ рѣшивъ съ нами споръ о его Неволочи.

Сіе было такъ мною неожиданно и составляло такую для меня задачу, что я отъ удивленія онѣмѣлъ и не зналъ, что сказать ему на сіе въ отвѣтъ. Неволочь сія не имѣла никакого съ симъ промѣномъ соотношенія, а это было совсѣмъ другое дѣло. Подъ симъ названіемъ находилась въ дачахъ княжнхъ одна старинная лѣсъ въ смежствѣ съ нашею пустошью Шаховою и совсѣмъ въ другой сторонѣ и за нашею церковью.

Никто не запомнитъ, чтобъ принадлежалъ сей лѣсъ когда-нибудь нашимъ предкамъ и чтобъ завлаженъ былъ у насъ пред-

ками князей Горчаковыхъ; а сколько память всѣхъ въ живыхъ находящихся людей достигала, то находился онъ всегда во владѣніи князей Горчаковыхъ. Но какимъ-то случаемъ удалось покойному дядѣ моему Матвѣю Петровичу открыть, по стариннымъ выпискамъ и крѣпостямъ, что сей лѣсъ, по древнимъ межевымъ признакамъ и живымъ урочищамъ, долженствовалъ принадлежать намъ, а не князьямъ Горчаковымъ, и что описанные признаки и урочища были еще такъ видимы и примѣтны, что не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, чтобъ лѣсъ сей, лежащій между двухъ буераковъ и содержащій въ себѣ десятину до шестидесяти, не принадлежалъ когда-нибудь къ нашей пустоши Шаховой.

Помянутый дядя мой, увидѣвъ и узнавъ сіе и будучи до приказныхъ дѣлъ отмѣнный охотникъ, вознамѣрился еще за нѣсколько лѣтъ до кончины своей испытать, не можно ли оной намъ получить опять во владѣніе наше. И хотя и онъ ни отъ кого и ни подъ какимъ видомъ узнать не могъ, по какому случаю и когда именно отошелъ онъ во владѣніе князьямъ Горчаковымъ, однако рѣшившись показать на удачу, что оной лѣсъ предками князей Горчаковыхъ насильно у насъ завлаженъ, подалъ уже давно на отца сего князя о семъ лѣсѣ исквою челобитную и старался всячески привлечь князя съ собою въ судъ. Но какъ сему того не хотѣлось и онъ всячески отъ того отбывалъ, дядя же мой, будучи непомѣрно скупъ, не хотѣлъ много тратиться и дѣлу сему жертвовать многими убытками, то такъ сіе при жизни стариковъ и осталось, и оба оставили сіе дѣло рѣшить намъ, какъ ихъ наслѣдникамъ.

И о семъ-то дѣлѣ и Неволочи князь тогда упомянулъ и хотѣлъ, чтобъ мы при случаѣ предпринимаемаго тогда въ земляхъ съ нимъ промѣна, оставили бы и сіе якобы совсѣмъ пустое и предкомъ нашимъ неправильно предпріятое дѣло и отказались бы отъ нашего требованія на его Неволочь.

Не могу изобразить, какъ удивилъ онъ меня симъ своимъ и нами нимало не-

ожидаемымъ требованіемъ. Дѣло сіе было совсѣмъ другого рода и не только не имѣло ни малѣйшаго отношенія къ сему размѣну, но составляло и особливую важность.

И хотя и не входилъ въ оное по сіе время, но отъ покойнаго дяди такъ много слышанъ былъ объ ономъ, и онъ такъ мнѣ натвердилъ о всей справедливости нашей претензіи, что и я уже никакъ не сомнѣвался въ томъ, что сей лѣсъ слѣдуетъ намъ и что намъ долго-ли или коротко, а получить его себѣ, а особливо при приближающемъ межеваніи будетъ легко и можно; а потому и отлагалъ дѣло сіе только до межеванья, и какъ по всему сему дѣло сіе не составляло такой бездѣлки, которою бы пренебрегать и швыряться можно было, то странно было мнѣ, что князь сочелъ насъ уже столь глупыми и недалководными, что возмечталъ себѣ возможность убѣдить насъ дѣло толикой важности оставить изъ единаго къ нему уваженія и власно какъ бы въ благодарность за промѣнъ въ землѣ, который для самого его былъ несравненно выгоднѣе и полезнѣе нежели намъ, или короче сказать, поводитъ насъ за носъ, какъ нѣкакихъ дурачковъ и послѣ надъ самими нами-жъ посмѣяться.

И внутренно хохоталъ и досадовалъ на то, что его сїятельству вздумалось сыграть съ нами такую комедію, и на предложеніе его отвѣтствовалъ такъ, что онъ легко могъ видѣть, что онъ попалъ не на дурака, а что-нибудь-таки разумѣющаго; и поелику главная его цѣль была, подъ видомъ размѣна, уничтожить помянутое озабочивавшее самого его дѣло, и сіе ему не удалось, то не восхотѣлъ онъ и размѣниваться уже съ нами и землею, что и подало поводъ что мы, не сдѣлавъ ничего, и разстались съ нимъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ.

Сіи были наизнаменитѣйшія произшествія въ теченіе сего года; что-жъ касается до экономическихъ и достойнѣйшихъ изъ нихъ сколько-нибудь замѣчательныхъ дѣлъ, то состояли они только въ томъ, что вычистилъ я одинъ изъ старинныхъ своихъ прудовъ, а именно верхній, и нѣ-

называемый баннымъ, который отъ долготы времени весь залпыл иломъ; также построилъ молотильный сарай и ригу или избу сушильную. Въ поляхъ же и садахъ предпринималъ опять множество разныхъ опытовъ.

Въ сѣхъ послѣднихъ привелъ я въ сей годъ въ лучшее состояніе предъ прежнимъ свой цвѣтникъ, наполнивъ его множествомъ новыхъ и лучшихъ цвѣтовъ, которыхъ сѣменами снабдилъ меня другъ мой, господинъ Полонскій; а приводя часть отъ часу въ лучшее состояніе свои здѣшніе сады, не преминулъ нѣсколько постараться о садахъ и въ другихъ моихъ деревняхъ: Калитинѣ и Коростинѣ, и бывая въ обоихъ ихъ въ сіе лѣто по нѣскольку разъ, поправлялъ сады въ нихъ прививаніемъ и рассадкою разныхъ деревьевъ. Словомъ, я и сей годъ занимался всѣми частями сельскаго домоводства и всѣ оныя старался столько приводить въ лучшее состояніе, сколько былъ въ силахъ и сколько дозволяли мнѣ обстоятельства.

Совсѣмъ тѣмъ нельзя сказать, чтобъ попеченіе о экономіи удерживало меня отъ выѣздовъ, но я и въ сей годъ далеко былъ отъ того удаленъ, чтобъ сидѣть запершись дома. Но напротивъ того рѣдка недѣля проходила, чтобъ мы куда не ѣздили или чтобъ къ намъ кто не приѣзжалъ; а было нѣсколько разъ и довольно отдаленныхъ и многіе дни продолжавшихся отлучекъ отъ дома. А именно, еще при началѣ сего года зимою ѣздилъ я съ обоими братьями моими на короткое время для разныхъ мелкихъ надобностей въ Москву, и это было уже въ девятый разъ, что я былъ въ сей столицѣ, и пробывъ тамъ нѣсколько дней, употребилъ оные отчасти на исправленіе своихъ нуждъ и покупки, а отчасти на разѣзды по всѣмъ своимъ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ, случившимся тогда въ Москвѣ.

Бывалъ я также не одинъ разъ для межевыхъ дѣлъ въ Серпуховѣ. Возилъ обѣихъ моихъ старушекъ, тещу и тетку, въ тарусскую деревню для показанія имъ вновь приобрѣтенной и примежеванной земли, и для сдѣланія распоряженій въ ней. Былъ

цѣлыхъ три раза въ женной деревнѣ и въ послѣдній разъ праздновалъ въ ней праздникъ Покрова Богородицы. Также ѣздили мы подъ Каширу навѣщать милую и любезную мою старушку тетку, Матрену Иванову Аникѣеву; а ѣзжали мы также не одинъ разъ и за Оку рѣку для свиданія съ нашими тамъ живущими родными и знакомцами.

Количество сѣхъ послѣднихъ умножилось въ сей годъ довольно новыми, и я едва успѣвалъ дѣлать имъ соотвѣтственные визиты. Что-жъ касается до прежнихъ моихъ друзей и знакомцевъ, то дружба съ ними продолжаема была дагѣ и становилась отъ-чasu твердѣйшею.

Наконецъ присовокупить надобно и то, что, несмотря на всѣ разнообразныя занятія и частыя отлучки отъ дома, не разставался я никакъ съ литературою, но она и въ сей годъ была моимъ главнѣйшимъ и любимѣйшимъ упражненіемъ, которому посвящаемы были мною всѣ праздные часы и минуты, а особливо въ зимнее и осеннее время, въ которое мысли не такъ развлекаемы были разнообразными предметами, какъ весною и лѣтомъ.

Прочтено было и въ сей годъ мною множество книгъ, а не гуляло и перо. Упражненіе сего было тройное и состояло отчасти въ переписываніяхъ набѣло, отчасти въ переводахъ, а отчасти въ сочиненіяхъ. Набѣло переписывалъ я свою «Дѣтскую философію» и нѣкоторыя другія свои мелкія сочиненія. Переводилъ славный Фильдинговъ романъ «Амалія или образецъ супружеской любви», и какъ книга сія была нарочито велика и состояла изъ четырехъ частей, то трудился надъ переводомъ сѣмъ болѣе трехъ мѣсяцевъ. Но къ сожалѣнію сей трудъ сдѣлался почти тщетнымъ, ибо какъ оказалась она уже переведенною и напечатанною, то посадовавъ на то, потерялъ я охоту и въ начатому переписыванію своего перевода, и онъ остался еще и до нынѣ невыправленнымъ и непереписаннымъ.

Чтожъ касается до сочиненій, то было оно экономическое и по порядку третье, назначенное дляотсылки въ Экономическое

Общество, и содержало въ себѣ примѣчанія о хлѣбонашествѣ и дѣланыхъ мною опытахъ. Побуждало меня къ сему сочиненію то, что и второе мое сочиненіе о лѣсахъ удостоено было также обществомъ печати и я имѣлъ удовольствіе получить отъ него и 4-ю часть Трудовъ ихъ, въ которой напечатана была первая половина сочиненія моего. Книжка сія прислана была ко мнѣ опять такимъ-же образомъ при письмѣ отъ Общества, подписанномъ президентомъ и обоими секретарями, но 3-ю и 5-ю часть принужденъ я былъ уже себѣ купить въ Москвѣ, изъ коихъ въ послѣдней напечатана была и вторая часть сочиненія моего о лѣсахъ.

Наконецъ расскажу вамъ смѣшное, чѣмъ занимался я при концѣ сего года. Нерѣдкое играніе въ карты съ приѣзжающими къ намъ гостями, а особливо въ зимніе и осенніе вечера, но играніе не мотовское, а для единаго препровожденія времени, побудило меня къ одному особливому предпріятію и въ семь случаѣ. Мнѣ прискучила уже трисетная игра, которая была тогда единая въ модѣ и которою всѣ и всѣ занимались, и по любопытству своему восхотѣлось и тутъ что-нибудь своею особенностію затѣять и выдумать.

Находилась въ библіотекѣ моей одна нѣмецкая книга, въ которой описаны были разныя игры въ карты, употребляемыя въ Европѣ, и между прочимъ такія, которыя у насъ были еще совсѣмъ неизвѣстны, какъ наприимѣръ гишпанская реверсисъ, аглинской вискъ, итальянская тароки. Со всѣми сими восхотѣлось мнѣ нашихъ русскихъ познакомить и переучить играть въ оныя; и для того ну-ка я ихъ переводить, и что для самого меня было непонятное, самъ отъ себя дополнить и передѣлывать. Успѣхъ и соотвѣтствовали трудамъ моимъ и желанію.

Я переучилъ всѣхъ своихъ знакомцевъ играть въ реверсисъ, и игра сія забавностію своею всѣмъ полюбилась. Такимъ же образомъ научилъ я ихъ играть и въ вискъ, хотя совсѣмъ не такъ, какъ она нынѣ играется, но и съ нѣкоторыми отмѣнами. Но не такъ скоро и легко можно было мнѣ сдѣ-

лать тоже и съ тароками. Ибо какъ прекрасная и веселая игра сія играется особыми картами и числовыхъ гораздо болѣе обыкновенныхъ, и такихъ картъ у насъ не было, то сіе обстоятельство и дѣлало остановку. Однако затѣйливость моя помогла мнѣ и въ семь случаѣ.

Я доставъ себѣ нѣсколько колодъ такихъ картъ, которыхъ задники были бѣлыя, а не пестрыя, придѣлалъ самъ къ нимъ все недостающее число картъ и украсилъ ихъ столь прекрасными рисуночками, что не уповаю, чтобъ и настоящія тароки были такъ хороши и красивы какъ мои; а сдѣлавъ симъ образомъ совсѣмъ новыя карты, и переучилъ знакомыхъ своихъ играть и въ сію игру и она, какъ новостію своею, такъ и отиѣною забавностію, такъ всѣмъ полюбилась, что мы не одинъ вечеръ препроводили играя въ нее въ громкихъ смѣхахъ и хохотаньяхъ, и всѣ ею были очень довольны.

Симъ окончу я мое повѣствованіе о произшествіяхъ въ 1767 годѣ, а въ будущемъ письмѣ пойду далѣе и расскажу вамъ, что происходило со мною и въ послѣдующемъ за симъ тридцатомъ году моей жизни, а между тѣмъ, увѣривъ васъ о неизмѣнности моего къ вамъ расположенія, остаюсь и прочая.

1768.

Письмо 124-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ пересказыванію вамъ того, что происходило со мною въ 1768 году, скажу, что сей тридцатый годъ жизни моей, а шестой по приѣздѣ въ отставку, былъ паки пзобилень разными и довольно важными произшествіями, относящимися какъ до меня лично, такъ и до фамиліи моей, почему и расположился я рассказывать вамъ все и все по порядку теченія времени.

Итакъ, начиная съ перваго мѣсяца, скажу, что годъ сей встрѣтили мнѣ очень весело и не дома, а у тетки Матрены Васильевны Арцыбышевой въ деревнѣ ея Калединкѣ. Какъ были мы не одни, а было еще нѣсколько гостей, то всѣ мы встрѣтили его съ веселіемъ, разными

играми, смѣхами и шутками. И могу сказать, что и всѣ святки въ сію зиму провели мы отменно весело.

Изъ всѣхъ ихъ не было ни одного дня, въ который бы мы одни находились дома, но либо мы были въ гостяхъ, либо у насъ гости и что ни день, то новья, а вкупѣ новья затѣи и новый родъ увеселеній, почему мы и не видали какъ и прошли оныя.

Не успѣли сіи святки пройтись, какъ и началъ я готовиться къ путешествію въ Москву. Въ сей годъ требовала ѣзды моей въ сей столичный городъ не одна, а многія и важныя нужды.

Во-первыхъ, по случаю бывшаго въ сей годъ рекрутскаго набора, надобно было отвезти туда и поставить мнѣ рекрута, ибо Москва была тогда нашимъ губернскимъ городомъ.

Во-вторыхъ, у тещи моей или паче у жены моей не оконченъ былъ еще совершенно раздѣлъ съ ея дядею, а тещи моей дедомъ, Александромъ Григорьевичемъ Каверинимъ, братомъ покойнаго тестя моего.

Раздѣлъ сей хотя и былъ уже давно учиненъ, но по сіе время былъ опъ домашній, а не утвержденъ судебнымъ порядкомъ, и самое сіе надлежало сдѣлать и воспользоваться пребываніемъ помянутаго дяди жены моей тогда въ Москвѣ. О чемъ у насъ съ нимъ было и условенось.

А третья и важнѣйшая нужда была та, чтобъ внести въ межевую канцелярію деньги за степную шадскую землю, которую наконецъ уже опредѣлено было намъ продать, и о которой я увѣдомлялъ васъ прежде.

Сей покупки мы съ братьями давно уже возжелѣли, и не успѣли услышать, что по поданному отъ насъ давно уже прошенію резолюція вышла, и землю продать намъ велѣно, и что продажа землямъ уже началась, какъ и положили ѣхать въ Москву и кончить сіе дѣло, и 12-го января я туда и отправился.

Въ сей разъ, который былъ уже десятый, прожилъ я въ Москвѣ дѣлный мѣсяцъ и сперва одинъ, а потомъ подѣ-

ѣхала ко мнѣ и жена моя; ибо по раздѣлу съ дядею нужно было и ея присутствіе для допроса въ вотчинной коллегіи.

И такъ какъ скоро отдавъ рекрута, довелъ я дѣло свое съ дядею до конца, то и отписалъ къ женѣ, чтобъ она пріѣхала для окончанія и допроса, который и произведенъ былъ въ старинной церквѣ Николая Гостунскаго, стоявшей въ Бремлѣ противъ самыхъ приказовъ или предлинныхъ и высокихъ палатъ, построенныхъ въ древности на самомъ ребрѣ горы къ Москвѣ-рѣкѣ, и въ которыхъ тогда всѣ суды и приказы находились.

Помянутая же церковь въ особенности достопамятна потому, что въ оной издревле всѣхъ женщинъ и госпожъ секретаря обыкновенно допрашивали, также и тѣмъ, что въ оной обыкновенно бывали всѣмъ невѣстамъ и женихамъ смотры.

Дѣло сіе совсѣмъ окончено было не прежде, какъ уже въ началѣ февраля мѣсяца, а до того времени успѣлъ я внести въ межевую канцелярію деньги за землю и получить на ея владѣнный указъ, а помочь то же учинить и обоимъ моимъ братьямъ.

Итакъ, въ сей годъ впервые получили мы право къ овладѣнію помянутою землею и помянутымъ указомъ, служащимъ намъ вмѣсто крѣпости, велѣно было намъ означеннымъ въ ономъ проданнымъ количествомъ земли, мнѣ 350, а братьямъ 250 десятинъ, владѣть до прибытія въ тамошніе края землемѣровъ спокойно, а по прибытіи оныхъ та земля должна была быть намъ отмежевана.

При производствѣ всѣхъ сихъ трехъ дѣлъ, было мнѣ хотя и не безъ хлопотъ, но оныя услаждены были по крайней мѣрѣ не только возжелѣннымъ успѣхомъ, но и многими пріятностями. Все время пребыванія моего въ сей разъ въ Москвѣ проводилъ я очень весело, и не было ни одного дня, который бы я весь препроводилъ одинъ и вкупѣ на своей квартирѣ.

Стояли мы въ сей разъ въ домѣ у тетки моей, Катерины Петровны Арсеньевой, и какъ бывали и къ ней частые пріѣзды, да и сама она не рѣдко выѣзжала со

двора, разъѣзжая по своимъ роднымъ и пріятелямъ, то важивала и насъ почти всегда съ собою; а въ другія времена ссужала насъ своими лошадьми и каретою, для ѣзды по нашимъ роднымъ и пріятелямъ, которыхъ находилось - таки въ Москвѣ тогда довольно.

Всѣ наши деревенскіе сосѣди и знакомцы находились тогда въ Москвѣ; со всѣми ими мы по нѣскольку разъ, видались, съ другомъ же нашимъ господиномъ Полонскимъ и очень часто; кромѣ того бывали мы въ домѣ почтеннаго и любезнаго старика Аванася Левонтьевича Офросимова, зятя старушки Катерины Богдановны Арцыбышевой. Онъ былъ тогда главнымъ судьей въ судномъ приказѣ, и будучи старикомъ веселымъ, издѣвочнымъ и очень умнымъ, полюбилъ меня очень за мое любопытство и степенство.

Домъ госпожи Глѣбовской, его свояченицы, также господина Давыдова, брата тетки Катерины Петровны, и домъ прежняго знаконца моего господина Павлова были не рѣдко нами посѣщаемы, и въ семь послѣднемъ всегда вечера препровождали мы въ танцахъ и рѣзвостяхъ. Ибо какъ дѣти у него учились танцовать и была небольшая музыка, то я и радъ былъ сей оказіи для возобновленія старинной моей охоты къ танцованію.

Сверхъ того не было ни одного собора и достопамятнаго мѣста, въ которомъ бы мы съ женою не побывали. Сію возила наиболѣе по всѣмъ симъ мѣстамъ, любезная наша старушка тетка Матрена Ивановна, а я съ моей стороны не оставилъ, чтобъ не свозить ее въ театръ и дать ей о сихъ зрѣлищахъ понятіе. На ономъ играна была тогда трагедія Хоревъ, и какъ она еще въ первый разъ отъ роду театръ тогда видѣла, то не могла зрѣлищу сему насмотрѣться и довольно имъ налюбоваться. Словомъ, мы заѣздили и за праздновались въ Москвѣ такъ, что и не видали, какъ прошелъ весь мясоѣдъ и наступила масляница; и какъ отъ сей и подавно ѣхать изъ Москвы было не можно, то препроводили мы и всю ее въ

Москвѣ. и заговѣвшись и исправивъ всѣ наши нужды и поѣхали уже домой.

Тутъ нашли мы у себя небывалаго еще никогда у насъ и незнакомаго мнѣ, но родного гостя. Былъ то меньшей родной братъ тещи моей, Сергѣй Аврамовичъ Арцыбышевъ, пріѣхавшій за нѣсколько дней до того къ ней и насъ уже съ нею ожидавшійся. Ибо она во все сіе время оставалась дома для малютки моей дочери.

Онъ заѣхалъ къ намъ ѣдучи тогда изъ службы въ отставку и къ престарѣлому отцу своему на Низъ, и я былъ ему очень радъ и скоро съ нимъ сдружился. Былъ онъ молодой и очень хорошій человекъ, и прожилъ тогда съ нами нѣсколько времени. Но къ сожалѣнію это было впервые и въ послѣднія, что я его видѣлъ, ибо онъ уѣхавъ, послѣ того на Низъ, тамъ женился и тамъ послѣ того чрезъ нѣсколько времени въ цвѣтущихъ лѣтахъ своего возраста и умеръ.

Вскорѣ послѣ возвращенія нашего изъ Москвы, снабдили мы себя первою еще каретою, купивъ ее за 50 рублей у друга нашего, господина Полонскаго. Несмотря на сію малую цѣну, была она еще изрядная, четверомѣстная, раззолоченная по тогдашнему обыкновенію и обитая внутри алымъ трипомъ. О семъ упомянулъ я для того, чтобъ тѣмъ доказать, какъ кареты тогда было еще мало, какъ они были дешевы, а деньги дороги, и какъ не ставилъ тогда никто еще въ стыдъ себѣ ѣздить въ четверомѣстныхъ вѣнскихъ коляскахъ.

Сосѣдъ мой г. Ладыженскій купилъ себѣ карету еще того дешевле и, заплативъ только 30 рублей за нее, наѣздили въ ней довольно. Вотъ каковы были тогда времена!

Наступившій вскорѣ послѣ того мѣсяцъ мартъ ознаменовался двумя происшествіями. И во-первыхъ, нечаяннымъ полученіемъ опять изъ Экономическаго Общества претолстаго пакета съ книжкою. Для меня присылка сія была тѣмъ не ожидаемѣе, что я не думалъ, чтобъ такъ скоро могло напечатано быть мое по-

слѣднее сочиненіе, отправленное къ нимъ въ концѣ прошедшаго года. Но сколь удивленіе мое было велико, когда распечатавъ пакетъ нашелъ въ немъ не только 7-ю часть Трудовъ Общества, присланную ко мнѣ при письмѣ, но притомъ и согнутый кусокъ пергамента.

— «Ба! ба! ба! это что такое?—сказалъ я, и спѣшилъ скорѣе смотрѣть и читать оный.

Былъ то печатный дипломъ съ большою восковою печатью, данный мнѣ отъ Общества въ удостовѣреніе, что ему угодно было избрать и сдѣлать меня своимъ сочленомъ, о чемъ я никогда не помышлялъ и чего всего меньше добивался. Но его собственный интересъ былъ въ томъ, чтобъ умножить количество членовъ своихъ людьми, способными быть имъ сотрудниками. Таковыми избраніями въ свои сочлены они людей власно какъ неволю уже заставляли трудиться и брать въ трудахъ ихъ соучастіе.

Выдумка по истинѣ особая и довольно замысловатая! Избираемый, поставляя то себѣ за особливую честь, готовъ былъ иногда за то надрывать силы свои въ трудахъ и сочиненіяхъ, а за все то въ награду пользовался одною только химерическою и такою честію, которая, какъ послѣ оказалось, по существу своему ничего не значила и не приносила никому ни въ какихъ случаяхъ ни малѣйшей пользы, хотя тогда о томъ совсѣмъ еще иначе думали и почитали то невѣдомо чѣмъ.

Въ дипломахъ сихъ хотя и упоминалось, что избранный силою онаго признается участникомъ въ трудахъ и во всѣхъ членамъ Общества опредѣленныхъ и впредь опредѣляемыхъ правахъ и преимуществахъ; но если спросить, въ чемъ же бы такомъ состояли сіи правы и преимущества? то на сіе сказать бы ему было нечего, ибо ихъ въ самомъ дѣйстви никакнхъ особыхъ не было.

Сіе впоследствии само собою и оказалось, и члены Экономическаго Общества сдѣлались въ толь маломъ ува-

женіи въ нашемъ отечествѣ, что каждый изъ нихъ не только не помышлялъ о томъ, чтобъ тѣмъ кичиться и величаться, но паче нѣкоторымъ образомъ стыдился еще снмъ званіемъ.

Оттого ли сіе произошло, что члены сего полезнаго Общества съ самаго начала не удостоены отъ монархини какимъ-нибудь особымъ отличіемъ, или извѣстною какою-нибудь выгодою приносящею привилегію, а должны были довольствоваться тѣмъ единственнымъ пустымъ и ничего незначащимъ именемъ, что находятся будто подъ особымъ покровительствомъ монархини, а въ самомъ дѣлѣ никакимъ такимъ покровительствомъ не пользуясь;—или оттого, что Общество, впоследствии времени, надѣлало уже слишкомъ много членовъ и насовало въ сословіе свое всякаго званія людей достойныхъ того и недостойныхъ, или отъ иныхъ какихъ причинъ—того уже я не знаю.

Но какъ бы то ни было, но меня происшествіе тогда нарочито порадовало. Я хотя уже и тогда ясно видѣлъ все существо дѣла и усматривалъ довольно, что званіе члена Экономическаго Общества не составляло ни чина, ни придавало почести какой особливой, но веселился по крайней мѣрѣ тѣмъ, что многіе иные совсѣмъ иначе о семъ думали, и были такіе, которые мнѣ въ томъ даже и завидовали, думая, что мнѣ званіе сіе принесетъ невѣдомо какія пользы, въ чемъ они нѣкоторымъ образомъ и не обманулись; ибо хотя не тогда, а послѣ оно мнѣ очень пригодилось.

Не менѣе моего обрадовались сему и обѣ мои семьянины, равно какъ и всѣ болѣе прочіихъ насъ любившіе родные и пріятели. Я непременно имъ о семъ сообщить, и всѣ меня съ полученіемъ диплома и помянутаго званія поздравляли и въ удовольствіи моемъ брали искреннее соучастіе.

Другое происшествіе было то, что въ концѣ сего мѣсяца возвратился въ домъ и сосѣдъ мой Матвѣй Никитичъ Болотовъ, выпросившись на нѣсколько времени въ отпускъ. И какъ случилось,

что въ это время были и оба братья мои въ домахъ у себя, то и была тогда еще впервые почти вся наша фамилія на лицо и въ соединеніи; а что всего пріятнѣе, то всѣ мы, яко сочлены оной, находились тогда съ совершенномъ между собою согласіи и дружбѣ.

Завидное сіе согласіе и старался я всаческии коликмо мнѣ только было можно поддерживать, и для самаго того нерѣдко даже снисходилъ къ нѣкоторымъ слабостямъ и недостаткамъ ихъ, и по пословицѣ говоря, не всякое лыко въ строку ставилъ, но иное и мимо глазъ пушаль. Но какъ всѣ они были люди молодые, худо воспитанные и не только необработанные, но и необтесанные, составляли сущихъ неучей, а притомъ были и характеровъ еще разныхъ и не весьма хорошихъ, но со многими слабостями соединенныхъ, то трудно было мнѣ очень съ ними ладить и къ нимъ прикраиваться. Совсѣмъ тѣмъ былъ по крайней мѣрѣ тѣмъ доволенъ, что всѣ они имѣли ко мнѣ уваженіе и меня, какъ старшаго и начальника фамиліи почитали.

Пользуясь какъ симъ, такъ и частыми съ ними свиданіями и началъ-было я съ самаго начала прилагать стараніе о преклоненіи всѣхъ ихъ къ полюбовному между нами раздѣлу всѣхъ нашихъ земляныхъ дачъ и угодій и такъ, какъ гдѣ неспособнѣе было; и поелику они всѣ съ перваго начала объявили на то свое согласіе, то и положили-было мы начать съ самыхъ ближнихъ полей, окружающихъ наше селеніе; и когда нельзя было смѣшавъ всѣ оныя раздѣлить на четверо, то и положили развестись по крайней мѣрѣ къ однимъ мѣстамъ въ каждомъ полѣ.

Всходствіе того не успѣла весна вскрыться, какъ и взялъ я на себя трудъ исходить самъ всѣ поля, нарисовать положеніе всѣхъ десятинъ и клочковъ земли на бумагѣ, составить особые роды и спеціальнѣйшіе всѣмъ полямъ планы, дабы тѣмъ удобнѣе было намъ на бумагѣ разверстоваться къ однимъ мѣстамъ; но всѣ труды мои обратились въ ничто.

Уже хотѣли мы дѣйствительно, хотѣли

мы начинать дѣлать то поле, что за рѣкою и къ погосту, какъ вдругъ заспоръ самый младшій и упрямѣйшій и едва ли не глупѣйшій изъ сочленовъ нашихъ, и тѣмъ самымъ и остановилъ на сей разъ все сіе дѣло къ крайней моей досадѣ и огорченію.

Впрочемъ съ самымъ началомъ весны лишились мы одной престарѣлой женщины, носившей на себѣ нашу фамилію, а именно мачихи братьевъ моихъ и второй жены дяди Матвѣя Петровича. Будучи давно уже въ параличѣ, жила она нѣсколько лѣтъ безъ языка и скончалась наконецъ въ апрѣлѣ сего года въ Москвѣ, въ домѣ брата своего г. Павлова, сдѣлавъ пасынкамъ своимъ только ту милость, что не взяла изъ имѣнія ихъ сгѣдующей ей по законамъ седьмой части.

Другое непріятное происшествіе произошло въ самое то же время и со мною, и настрадало меня чрезвычайно.

Однажды, при началѣ самой весны и когда въ садахъ былъ еще замерзлый снѣгъ или такъ-называемый настъ, выпелъ я въ садъ, и ходючи по крѣпкому насту, осматривалъ всѣ деревья и по обыкновенію со всѣми ими, какъ съ знакомцами своими, здоровался.

Тутъ увидѣлъ я что-то на одномъ суку, и какъ оный былъ такъ высокъ, что рукою мнѣ его достать было не можно, то вспрыгнулъ я для достанія его, но какъ опустился внизъ, то подломись подо мною весь настъ на подобіе льда, и я отъ удара сего вдругъ почувствовалъ, что въ животѣ моемъ власно какъ что-нибудь оторвалось; и тотчасъ такъ заболѣлъ у меня правый бокъ подошкою, что я съ нуждою дошелъ до хороша и не зналъ что дѣлать. И какъ боль сія не проходила и во весь послѣдующій день, то перетрусился я впрахъ, думая что я вѣрно скачкомъ своимъ что-нибудь повредилъ въ груди моей и боялся, чтобъ не воспослѣдовало какихъ-нибудь вредныхъ слѣдствій. Но благодарить Бога, сего не исполнилось, а болѣзнь моя дни черезъ три миновалась благополучно.

Какъ сосѣдъ мой Матвѣй Никитичъ

съ тѣмъ и прѣхалъ изъ полку въ отпускъ, чтобъ ему жениться и просилъ въ томъ нашего вспоможенія, то и старались мы съ самаго начала принскать ему невѣсту и назначили къ тому дочь сосѣдки и родственницы нашей, госпожи Гевской, овдовѣвшей между тѣмъ временемъ. Но господѣ сей что-то не разсудилось отдать дочь свою за онаго. Она отказала, и онъ принскалъ уже самъ себѣ, или паче при вспоможеніи тетки своей, старушки Варвары Матвѣевны, другую невѣсту изъ фамиліи господъ Хотяинцовыхъ и въ исходѣ апрѣля на ней и помолвилъ.

Мы очень тому были рады и я охотно согласился ему по желанію его помогать при семъ случаѣ какъ совѣтами своими во всемъ, такъ и распоряженіями при свадьбѣ, которую и сыграли мы въ маѣ мѣсяцѣ какъ водится и довольно церемониально и порядочно. Онъ пригласилъ къ тому всѣхъ своихъ родныхъ, и какъ всѣхъ гостей было довольно, то мы почти цѣлую недѣлю въ сіе время были очень веселы.

Молодую нашу сосѣдку звали Анною Николаевною. Она была дочь Николая Селиверстовича и Маринны Аванасьевны Хотяинцовыхъ, и дѣвушка простая деревенская, небогатая, да и не имѣвшая никакихъ особенныхъ достоинствъ, а притомъ и не дородная. Но какъ мила была она жениху, то никому и нужды не было въ томъ ему отсовѣтовать и тѣмъ паче, что и самъ онъ не имѣлъ никакихъ дальнихъ достоинствъ кромѣ того, что онъ былъ генеральскій сынъ.

Не успѣлъ жениться сей мой ближній сосѣдъ, какъ захотѣлось послѣдовать примѣру его и другому, то-есть, брату моему Михайлѣ Матвѣевичу и посвѣпить съ сборами своими и тѣмъ паче, что имѣлъ онъ у себя уже домъ и было куда привезть жену молодую. И какъ всѣ извѣстныя здѣсь и предлагаемыя невѣсты были не по его вкусу, то при случаѣ отъѣзда брата своего Гаврилы Матвѣевича въ Петербургъ для несенія настоящей службы, и пустился онъ для

принсканія себѣ невѣсты въ Москву, говоря, что ему тамъ тотчасъ найдутъ свахи.

Онъ и дѣйствительно ему тотчасъ нашли; но за то такова была и невѣста и семейство. Отецъ ея былъ секретаремъ полицейскимъ и произошелъ Богъ знаетъ изъ какихъ людей, и прозывался Стахѣвымъ, мать же была сущая шлюха. А отъ такихъ людей можно ли требовать было хорошаго воспитанія и дочери.

Сія была хотя и получше лицомъ новой нашей сосѣдки, но всего меньше походила на московскую дѣвушку и достоинствъ имѣла столь мало, что я не нахожу ни одного о которомъ стоило бы упомянуть. Словомъ, она была очень очень не изъ дальнихъ, а самая простая худовоспитанная дѣвушка и при томъ и не слишкомъ также богатая, и все ея приданое состояло въ небольшой деревенькѣ въ Тарусскомъ уѣздѣ. Звали ее Марьєю Петровною. И братъ мой такъ обрадовался сей находкѣ, что въ одинъ мигъ и не давъ намъ знать, тамъ въ Москвѣ на ней и помолвилъ.

Между тѣмъ какъ сіе происходило, подвержены мы были въ деревнѣ превеликой опасности отъ грозы.

Взошла однажды съ западной стороны ужасная туча и громовой ужасный ударъ чуть-было не попалъ въ наши хоромы, и сажени на три или на четыре отъ нихъ попалъ въ стоявшую въ саду и передъ самыми окнами моей спальни большую грушу, и разгромилъ ее до самаго корня.

Мы на-смерть были онымъ перепуганы, и я никогда еще не слыживаю въ такой близости и столь сильнаго громового удара. Весь воздухъ вокругъ хоромъ и въ самыхъ оныхъ наполнился сѣрнымъ запахомъ и поражение было столь сильное, что щепы и осколки летѣли даже чрезъ хоромы и находимы были на дворѣ.

Но каново сіе происшествіе для насъ было ни страшно, но произвело двѣ пользы. Первую ту, что я съ того времени меньше сталъ бояться грозы, нежели сколько бывался до того времени. Вторую ту, что коренья сей громомъ раздробленной груши произвели отъ себя на

другое же лѣто цѣлый лѣсокъ молоденькихъ грушекъ.

Ихъ выросло тутъ нѣсколько сотенъ и всѣ онѣ росли въ такомъ стѣсненіи, что я принужденъ былъ ихъ разсаживать, а чрезъ то и послужило мѣсто сіе власно какъ магазиномъ для всѣхъ моихъ нынѣшнихъ грушъ, и всѣ тѣ, которыя и нынѣ насыщаютъ и наслаждаются вкусомъ мой мелкими и съ виду хотя совсѣмъ простыми и дикими, но по улежаніи очень вкусными грушками, и которыхъ всякой годъ родится у меня множество, суть потомки сей раздробленной громомъ груши. На самомъ же томъ мѣстѣ растетъ теперь та, которую называлъ я, на память имени моей матери, Мавринькою, и которая недавно начала приносить грушки, сладостію и пріятнымъ своимъ запахомъ и вкусомъ превосходящія всѣ прочіе сорта грушъ, находящіяся въ садахъ моихъ.

Вскорѣ послѣ сего воспослѣдовало и бракосочетаніе моего брата. Онъ возвратился изъ Москвы, невѣсту также привезли въ наши предѣлы, и свадьба была у насъ въ Дворяниновѣ іюля 13-го дня, и при сей попеченіи обо всемъ долженъ былъ имѣть опять я; и мы сыиграли и сію свадьбу порядочнымъ образомъ и какъ у добрыхъ людей водится.

Людей и гостей было довольно, а какъ достали мы и музыку и было на балѣ довольно дѣвушекъ и молодыхъ госпожъ, ибо приглашены были къ тому и всѣ изъ моихъ родныхъ и знакомыхъ, то мы и на сей свадьбѣ потанцовали и повеселились.

Одно только мнѣ не нравилось, а именно новыя мои сваты господинъ Стахѣевъ съ его женою, и все семейство и родня новобрачной. Все обхожденіе и поведеніе ихъ походило болѣе на купеческую или наче на подьяческую руку, нежели на дворянскую статью; но сего перемѣнить было уже не можно, но мы принуждены были оставаться довольными тѣмъ, что есть и утѣшаться тою мыслію, что они [не будутъ жить вмѣстѣ съ братомъ и съ нами.]

По окончаніи сего праздника, продолжавшагося нѣсколько дней и всѣхъ обык-

новенныхъ при томъ визитовъ и контрвизитовъ, отправился я со всѣмъ моимъ семействомъ въ ближній, но особливостію своею достопамятнѣйшій вояжъ.

Давно уже не былъ я у многихъ моихъ знакомцевъ и родныхъ какъ съ своей стороны, такъ и съ женою, и весьма многимъ долженъ я былъ взаимнымъ приѣздомъ за ихъ къ себѣ посѣщеніе. И такъ, собравшись въ сіе время, поѣхали мы съ тѣмъ, чтобъ всѣхъ ихъ объѣздить однимъ разомъ, и мы дѣйствительно были въ цѣлыхъ двѣнадцати домахъ въ Алексинскомъ, и Коширскомъ и Тульскомъ уѣздахъ и объѣздили множество верстъ, сдѣлали превеликій кругъ и препроводили въ томъ болѣе двухъ недѣль времени.

По исполненіи сего долга, провель я весь августъ мѣсяцъ въ домашней экономіи, въ уборкѣ съ полей хлѣба и въ самыхъ свиданіяхъ съ новобрачными моими сосѣдями. Новыми нашими родственницами и сосѣдками были мы нарочито довольны. Обѣ ласкались сколько онѣ умѣли къ женѣ моей и тещѣ, и мы не рѣдко съѣзжались вмѣстѣ то у меня, то у Матвѣя Никитича, то у Михаила Матвѣевича, и время свое проводили то въ гуляньѣ, то въ играхъ и увеселеніяхъ деревенскихъ, а иногда вмѣстѣ съ ними ѣзжали и къ своимъ сосѣдямъ.

Наконецъ, по наступленіи мѣсяца сентября начали мы съ братомъ Михаиломъ Матвѣевичемъ собираться въ дальнее путешествіе, въ нашу степную шадскую деревню; обимъ намъ была одинакая и ровная нужда. Надобно было ту землю, которая продана была намъ изъ межевой канцеляріи, означить, обмѣрить и взять въ свое владѣніе. И намъ давно бы и даже съ весны надлежало туда обимъ ѣхать, но его сватовство и свадьба остановила и его и меня отъ сей ѣзды, и мы отложили ее уже до осени, которую и почтали мы къ тому и наудобнѣйшимъ еще временемъ.

И такъ какъ скоро поубрались мы сколько-нибудь съ важнѣйшимъ хлѣбомъ и наступилъ сентябрь мѣсяцъ, то и отправились мы съ нимъ въ сей путь, который описанъ мною въ самое то же время съ та-

кою подробностію, что составила изъ того цѣлая книжка. И какъ случилось во время путешествія сего довольно и такого, о чемъ не излишнимъ почитаю упомянуть и въ исторіи моей, то учиню сіе въ письмѣ послѣдующемъ и нарочно къ тому посвященномъ; а теперешнее сіимъ окончивъ, скажу вамъ, что я есмь и проч.

ВТОРАЯ ЪЗДА ВЪ ТАМБОВСКУЮ ДЕРЕВНЮ.

Письмо 125-е.

Любезный пріятель! Обѣщавъ вамъ въ предѣдующемъ письмѣ сообщить теперь все достопамятное о путешествіи нашемъ въ шадскую нашу деревню, и приступая къ краткому описанію сей второй ъзды моей туда, скажу, что отправились мы туда 7-го числа сентября мѣсяца. Всѣ домашніи мои, равно какъ и молодая жена Михаила Матѣевича провожали насъ до Ченцовскаго завода, и тутъ, въ домѣ любезной нашей старушки Ивановны, угощавшей всѣхъ насъ чаемъ и чѣмъ только могла, распрощались мы съ ними и поѣхали на своихъ лошадяхъ и съ довольнымъ числомъ людей и повозокъ.

Ѣхать расположились мы туда не чрезъ Тулу, а прямо изъ дома на Хотушь, Корники и Епифань, путемъ, съ которымъ я, послѣ, по частой ѣздѣ моей къ дочери, гораздо короче познакомился; но тогда въ первой разъ еще ѣхалъ. Намъ насказано было невѣдомо что о засѣкѣ и о рѣчкѣ Осетрѣ; однако мы проѣхали и переѣхали ихъ благополучно, и пріѣхали въ епифанскую нашу деревню на третій день еще рано.

Ѣдучи чрезъ часть Бобриковской волости и чрезъ село Каменку и деревню Смородину, нимаю я себѣ тогда не воображалъ, что нѣкогда будутъ мѣста и селенія сіи состоять въ моихъ повелѣніяхъ и я съ ними короче познакомлюсь, а тогда любовался я только огромностію сихъ жилищъ и порядкомъ поселенія ихъ.

Въ епифанской деревнѣ мы тогда только-что отдохнули и пробыли половину сутокъ, но не мѣшкавъ болѣе пустились далѣе, и ѣхали въ сей разъ чрезъ Епи-

фанъ и селенія Красное, Архангельское, Дриски, Дивилки, Змѣево, Рановы-верхи, Муравейно и городокъ Ранибургъ.

На сей дорогѣ не случилось съ нами ничего особливаго. Я любовался только прекрасными мѣстоположеніями сперва въ городѣ Епифанѣ и красивымъ его соборомъ, а потомъ въ селѣ Архангельскомъ, принадлежавшемъ тогда вдовѣ Толстой. Рѣдко гдѣ можно найти другое подобное сему и выгодное и красивое положеніе мѣста.

Селеніе сіе расположено низко, въ глубокой и широкой извившейся долинкѣ, по берегу протекающей по ней прекрасными и пышными изгибами рѣки Табалы, окруженной рощицами, и видно во всемъ пространствѣ и обширности своей, какъ на ладонѣ, къ противоположащей и привисокой горы, на верху которой, и власно какъ надъ деревнею, стоялъ господскій домъ и пзрядная каменная церковь, окруженная сзади прекрасною и высокою дубовою рощею. Дорога, прошедъ сквозь рощу сію, идетъ подлѣ самаго сего дома и церкви, и путешественникъ имѣетъ удовольствие видѣть предъ собою глубоко внизу все селеніе и любоваться его обливостію и красою положенія мѣста.

Въ селѣ Муравейнѣ не могъ я довольно надивиться несчетному почти множеству хлѣбныхъ скирдовъ, которыми набиты были два хлѣбника. Многіе изъ нихъ были такъ стары, что совсѣмъ развалились и ни къ чему уже не годны сдѣлались. Любопытствуя узнать, кому-бъ угодно было такъ хозяйствоватъ и чье было превеликое село сіе, услышали мы, что принадлежало оно какому-то генералу князю Щербатову. Въ Раненбургѣ мы сей разъ не останавливались и проѣхали оное мимо, и я только что взглянулъ на мѣста, гдѣ нѣкогда происходили важныя происшествія.

Изъ города Козлова поворачивали мы также вправо и заѣзжали въ мою деревнишку. Тутъ были мы опять у дяди жены моей, Александра Григорьевича Каверина, и застали его почти на дорогѣ отъѣзжавшаго въ свою коширскую де-

ревню. Написавши съ нимъ къ домашнимъ своимъ письма и переночевавъ у своихъ мужиковъ, пустились мы далѣе и безъ всякихъ особливыхъ происшествій приѣхали въ Тамбовъ, а оттуда, пробравшись съвозъ Ценской гдѣсь, а потомъ черезъ Разказовскую степь, доѣхали благополучно и до своей деревни.

Мы нашли ее въ сей разъ весьма въ худомъ состояніи; отъ двухлѣтнаго сряду неурожая хлѣба, мужиченки наши, которые и безъ того не такъ, какъ другіе добрые люди были, очень, очень попустились. Всѣ двory были у нихъ раскрыты, а навозъ накопленъ подъ самыми челны бывшихъ кровель.

Какъ ни время, ни обстоятельства не дозволяли мнѣ еще велѣть тамъ построить какую-нибудь горенку для приѣзда, а было все еще прежнее развалившееся почти строеніе; то расположившись въ сей разъ остановиться на моемъ господскомъ дворѣ, принуждены уже мы были довольствоваться такою квартирою, какую наши себѣ въ избенкѣ моего рыбаго и долговязаго прикащика.

Сію должность отправлялъ тогда послуживецъ и походный слуга мой Иковъ, опредѣленный въ оную почти съ самаго моего приѣзда въ отставку и болѣе потому, что я на вѣрность его могъ смѣло полагаться, хотя впрочемъ былъ онъ и не весьма дальновидный и мудрый человекъ; и какъ по случаю бывшей тогда очень вѣтренной и холодной погоды и ту всю вынесло, то имѣли мы въ сію ночь ночлегъ очень худой и непріятный.

Однако жилище наше и въ послѣдующіе дни было только теплѣе, а не споконнѣе; ибо таковою ей быть было не можно. Я не помню почти, чтобы я во все продолженіе моей военной службы гдѣ-нибудь имѣлъ столь худую квартиру, и принужденъ былъ такъ долго въ ней жить, какъ въ тогдашней. Словомъ, она была такова, что я не за излишнее почелъ помѣстить здѣсь, для любопытства, самое то описаніе оной, которое учинилъ я тогда, живучи въ ней, въ письмѣ къ одному пріятелю. Вотъ оно:

«Квартира наша (писалъ я) дальняго безпокойства намъ не дѣлаетъ. О! ежелибъ посмотрѣли вы, любезный пріятель! какой великолѣпный видъ имѣетъ она снаружи!.. Со смѣху-бъ вы надсѣлись. Въ нашихъ мѣстахъ овчарни почти лучше. Избушка съ небольшимъ только въ сажень, закопченная не только внутри, но и снаружи. Бревенья почти всѣ сгнили. Тамъ дыра индѣ свѣтитъ, въ иномъ мѣстѣ кошки лазаютъ; двери вышиною немногимъ болѣе аршина, да и та расколосась на двое, наполнена дырами и при всякомъ раствориваніи увеселяетъ слухъ нашъ музыкою, не то-то что пріятною, а особливо необычному и пѣжный слухъ имѣющему человеку.

«Печь занимаетъ собою большую часть избы, изъ худыхъ не послѣдняя; заслонка деревянная расколосая. Полъ хоть воскомъ натирай, такъ гладокъ, нѣтъ мѣста, гдѣ бы аршинную скамью прямо поставить было можно. Вы можете изъ сего о равнинѣ онаго заключить, что я по крайней мѣрѣ разъ пятьдесятъ днемъ спотыкаюсь. Вы знаете, что я охотникъ взадъ и впередъ ходить по комнатамъ и не могу долго сидѣть. Здѣсь хоть тѣсно, но привычка къ тому танетъ, но лишь ступлю какъ нога въ яму, другая въ другую. Однимъ словомъ нельзя полу быть глаже. Хотя и позабылъ еще то сказать, что грязи на немъ съ добрый вершокъ наросло и все маленькими кучками...

«Столъ у насъ изрядный съ пузкомъ, хотя правду сказать очень не великъ и въ случаѣ обѣда великое дѣлаетъ утѣшеніе. Тарелка съ противоположенною тарелкою стыкается, а блюда станови въ боки, не прогнѣвайся! Къ несчастію не установишь его прямо. Вотъ и теперь, какъ я сіе пишу, все качается. Пузо его составляетъ у насъ шкафъ или хранилище, или какъ хочешь назови. Тутъ у насъ чашки, тутъ у насъ соль, чайникъ, сахаръ и вся прочая мелочь, ибо полочки не важивалось.

«Стульца у насъ ни одного не бывало, а и скамейка весьма въ хиломъ состояніи находящаяся. Три раза уже ее чи-

нили. Лишь хотѣть ее поднять, какъ ножки выпадываютъ. Двѣ лавки награждаютъ сей недостатокъ, хотя, правду сказать, заняты онѣ у меня книгами и бумагами, ибо сѣсть нельзя, не только узки, но такъ высоки, что ногами съ нихъ до земли не достанешь.

«Что еще осталось?... да,.... какаѣ у насъ прекрасная караватъ. Я сплю, какъ хозяинъ, на коникѣ, довольно широкомъ, а братъ, у котораго своя изба того хуже, и который стоитъ вмѣстѣ со мною, принужденъ имѣть караватъ перемѣнную. Лишь только вечеръ, то изволь столъ нашъ маршировать на другое мѣсто, а скамейка подмачиваться къ лавкѣ. Скрыпочки, ларчики и шкатулки наши служатъ подмостками. По утру маршируютъ опять всѣ вещи на прежнія мѣста, а постеля на постелю и составляй одну.

«Что касается до свѣта, то у насъ ни свѣтло, ни темно. Давно было приказано прорубить красное окошко. Оно у насъ и есть, только жалъ, что не велико, да вмѣсто окончины натянута кожуринка какаѣ-то на лучокъ, а такимъ же образомъ и маленькое окошечко въ переднемъ углѣ кожуринкою заслонено.

«Потолокъ нашъ таковъ, какого лучше требовать не можно. Ежели бы сметать всю ту крупную и черную дрянь, которая съ него на постели и на всѣ мѣста навалится, то думаю, что съ добрый бы гарнецъ набралось.

«Вотъ вамъ описаніе худой стороны нашего стеного жилища. Описаніе же съ доброй стороны будетъ короче. Ибо ежели почестъ что хорошимъ, такъ одно то, что мы холода не терпимъ, а чаще беспокоятъ насъ жаръ. Кромѣ сего имѣетъ она въ себѣ еще то качество, что у насъ здѣсь всякій вечеръ музыка, только танцовать некому. Какое это множество живетъ здѣсь музыкантовъ и какими разными голосами слухъ нашъ увеселяютъ! Съ непривычки можно бы скучить, однако мы уже привыкли. Впрочемъ надобно знать, что ихъ здѣсь два рода. Одни поютъ все басами, и снѣмъ мы не очень рады, иногда насъ безпокоятъ уже слишкомъ, а другіе

дышкантами и альтами и другъ съ другомъ на перекличку. Я позволяю имъ по волѣ забавляться, и доволенъ тѣмъ, что они не летаютъ, ибо признаюсь, что боюсь и не люблю сихъ гадкихъ насѣкомыхъ. Вы можете догадаться, что я говорю о сверчкахъ и мухахъ, которыми здѣсь родъ и изобиліе, а особливо первыхъ, во всѣхъ углахъ въ запуски другъ предъ другомъ гаркающихъ.

«Еще скажу вамъ, что имѣетъ квартира наша въ себѣ нѣчто особенное, служащее къ увеселенію нашему. Подъ печкою живутъ у насъ два кролика: одинъ бѣленькой, а другой пестрый, бѣлое съ чернымъ. Какіе это воры! И какіе проворные звѣрки! Всякую почти минуту выходятъ изъ-подъ печи въ два отверстия и выманить ихъ тотчасъ можно: лишь только кинь арбузныхъ корокъ — превеликіе охотники, но поймать не думай пожалуй. Ни однажды ихъ еще не захватили, хотя всякой день о томъ стараемся. Самне плуты и очень смѣшны..

«Вотъ какова была наша тогдашняя квартира; но привычка чего не дѣлаетъ. Въ немногіе дни мы къ ней привыкли и она насъ не беспокоила.

«Въ разсужденіи стола мы были довольны, ибо былъ съ нами поваръ и провизіи всякой довольно. Братъ мой жаловался только не одинъ разъ, что ему скучно, но то и не удивительно. Человѣкъ, не привыкши къ упражненіямъ, скуку прогоняющимъ, подверженъ всегда сему бременю ихъ отягощающему. Но что касается до меня, то я не ощущаю и здѣсь скуки, ибо привыкнувши всегда въ чемъ-нибудь упражняться, прогонялъ скуку и тутъ непрерывными и разными упражненіями и занятіями, и когда не было никакого иного дѣла, то взятыя съ собою книги, перо и бумага не допускали меня никакъ чувствовать скуки».

Но я заговорился уже о постороннемъ, а о дѣлѣ вамъ ничего еще не сказывать. Вы изъ прежняго моего письма знаете уже, что главнымъ предметомъ ѣзды нашей была купленная нами изъ межевой канцеляріи земля, и главное наше жела-

ніе состояло въ томъ, чтобъ намѣривъ себѣ такое количество, сколько намъ продано, оную обмѣрить и очертить такъ, чтобъ никто намъ уже не мѣшалъ владѣть оною въ силу указа.

Всходствіе чего, не успѣли мы приѣхать и расположиться, какъ первѣйшее мое стараніе было узнать отъ своихъ, что думаютъ и говорятъ о землѣ нашей тамошніе сосѣди, которымъ нельзя не знать уже о нашей покупке. Вѣсти, которыя при семъ вопрошаніи я отъ всѣхъ услышалъ, были для меня совсѣмъ неожиданными и весьма неприятны.

Увѣдомляли насъ, во-первыхъ, что всѣ наши тамошніе сосѣди дивятся, какимъ образомъ купили мы государеву землю тамъ, гдѣ ея нѣтъ, ибо-де тѣ урочища лежатъ внутри округи тамошнихъ жителямъ произведенной въ дачу, и тутъ нѣтъ никакой пустопорожней государственной земли.

.Во-вторыхъ, что самыя тѣ урочища, гдѣ мнѣ произведена продажа и которыя мѣста я дикопорожкою и кавылою порослою землею называлъ, всѣ почти послѣ того времени и послѣ изданія манифеста и вопреки оному, нагло завлажены не только тамошними помѣщиками, но и изъ другихъ деревень жителями, и что осталось тутъ уже очень мало кавыльной земли, и которая еще есть, такъ и та вся небольшими клочками лежитъ внутри захваченныхъ и очерченныхъ мѣстъ.

Въ-третьихъ, что самое то мѣсто въ дальнемъ ложечномъ, гдѣ я вознамѣривался завести себѣ и при будущемъ переводѣ изъ другихъ деревень людей особую поселить деревеньку, однимъ вашимъ захвачено постороннимъ сосѣдомъ и онъ сдѣлалъ тутъ въ послѣдніе годы хуторъ, и насъ выгналъ и вытѣснилъ совсѣмъ.

Въ-четвертыхъ, что самый сей сосѣдъ, по фамиліи Рахмановъ и по имени Степанъ Мироновичъ, очень силенъ, имѣлъ тамъ двѣ великія деревни, и насъ повсюду наглостію и многочисленностью своимъ обижаетъ, отнимаетъ у всѣхъ насильно земли и луга, и что наши, по малочисленности своей, противиться ему не могутъ.

Жалостный примѣръ тогдашняго бѣднаго состоянія нашего отечества, а особливо тамошнихъ мѣстъ, гдѣ кто былъ сильнѣе, тотъ былъ и правъ и сила его за законъ поставлялася.

Сіи и подобныя тому другія обстоятельства, рассказываемыя тогда мнѣ умнымъ человѣкомъ, моимъ прикащикомъ и другими людьми, привели меня въ превеликое размышленіе. Я предвидѣлъ, что произойдутъ для меня великія хлопоты, повстрѣчаются многія препятствія и что мнѣ мудрено будетъ съ сосѣдами раздѣливаться. Къ вѣщему несчастію, нашелъ я въ доставленномъ мнѣ въ одномъ спискѣ съ выписи и окружной всей тамошней дачи, что о помянутыхъ ложечныхъ бугракахъ, о коихъ я просилъ, было въ ней упомянуто, и что они едвали и въ самомъ дѣлѣ не внутри ли дачной земли и описанной округи были, и что я едвали не сдѣлалъ великой ошибки, назвавъ сіе мѣсто государственною землею.

Все сіе приводило меня въ великое замѣшательство и смущеніе. Я не зналъ, какъ мнѣ поступить и какъ за это дѣло приняться, и принужденъ былъ цѣлый вечеръ читать и штудировать межевую инструкцію, гдѣ многія сколько полезныя, столько и неполезныя для себя обстоятельства увидѣлъ. Наконецъ нашелъ я себѣ нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что вѣрно такимъ владѣльцамъ, кои поселились въ однодворческихъ селеніяхъ и имѣютъ земли купленные до запретительнаго въ 1727 году указа, имъ то купленное число отмежевать безденежно, а сверхъ того, ежели останется по намѣрѣ отъ однодворцевъ, намежевать и имъ земли по пропорціи душъ и взять съ нихъ деньги за распашную по тройной и за пустую по одинакой цѣнѣ.

На семъ пунктѣ и на томъ обстоятельствѣ, что купчая моя стара и дѣйствительна, и основалъ я свою надежду, а недоумѣвалъ только, какъ мнѣ исправить себѣ погрѣшность въ межевой канцеляріи, буде до того дойдетъ дѣло. Одно то только меня подкрѣпляло въ надеждѣ, что я самими моими (одж-

дать стану, что сія земля государева дикая, ибо они равномѣрно показали, что владѣютъ государевою дикою землею, а владѣніе ихъ вмѣстѣ съ моими.

Предположивъ все сіе, началъ я помышлять о томъ, какимъ бы образомъ поступить тогда, и положилъ употреблять и волчій ротъ и лисій хвостъ, то-есть, сколько можно добромъ убѣждать здѣшнихъ сосѣдей, чтобъ они мнѣ дозволили гдѣ-нибудь взять къ одному мѣсту покупную землю, устрашая ихъ всѣми невыгодными для нихъ въ межевой инструкціи упомянутыми обстоятельствами, и что буде не согласится добровольно меня удовольствовать, то я принужденъ буду по неволѣ навѣсть имъ превеликія хлопоты, и что необходимо будетъ большое слѣдствіе. Съ другой стороны льстить бы имъ, что оставлю ихъ съ покоемъ, не возьму всѣхъ лучшихъ угодій и землями кое-гдѣ обмѣняюсь и вмѣсто ихъ дамъ имъ свою, и все сіе для того, чтобъ мнѣ гдѣ-нибудь можно было прильнуть къ степи и къ тому мѣсту, гдѣ мнѣ вздумается селеніе сдѣлать.

Препроводивъ вечеръ и большую часть ночи въ таковыхъ размышленіяхъ, возобновилъ я разговоръ мой о землѣ и въ послѣдующее утро, съ моимъ прикащикомъ и съ другими начальниками и стариками. Прикащикъ мой былъ человѣкъ умный, кричать очень умѣлъ, но слова его были не очень связны, да и на дѣлѣ былъ опъ далеко не таковъ, какъ на словахъ. Онъ не успѣлъ примѣтить мое недоумѣніе, какъ въ одобреніе мое сказалъ:

— «Какъ не взять намъ!.. молчите сударь! Повидайтесь съ Соймоновымъ да съ Иваномъ Силичемъ и не трусьте только. Они всѣ дрянь и трусы!»

Вотъ что говорилъ мой прикащикъ и сія умная голова! Подошелъ къ тому же времени и прежній мой дворяниновскій прикащикъ Грибанъ, жившій уже тутъ у дѣтей своихъ съ нѣкотораго времени по отставкѣ, обросшій тогда уже бородою, посѣдѣвшій и одряхлѣвшій такъ, что и узнать его не было способа. Съ нимъ я также началъ о семъ говорить,

но толку столько-жъ; но чего было и требовать отъ нихъ. Они не въ состояніи были никакъ проникнуть во всю важность сего дѣла и потому судили обо всемъ по своему.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, ходилъ уже посланный къ господину Тараковскому сказывать о моемъ приѣздѣ. Это былъ самый ближній и въ одномъ со мною селеніи живущій и самый тотъ сосѣдъ, котораго прикащикъ мой называлъ Иваномъ Силичемъ.

Сей человѣкъ былъ уже мнѣ знакомъ. Я видѣлъ его въ прежнюю мою тамъ бытность. Но какъ онъ въ сіи годы нѣсколько моихъ приближалъ и однажды даже побилъ моего прикащика, слѣдовательно имѣлъ я причину быть имъ нѣсколько недовольнымъ; то и не зналъ я, какъ мнѣ съ нимъ въ сей разъ обойтись, и по краткомъ размышленіи положилъ не оказывать ему никакого неудовольствія, а подписать къ нему лису, дабы можно было отобрать ихъ мѣнѣи. Посланной мой возвратясь сказывалъ, что онъ давно меня ждалъ и изъявлялъ радость свою о моемъ приѣздѣ, и хотѣлъ самъ заѣхать ко мнѣ съ поля.

Но не успѣли мы съ братомъ, вышедши изъ своей конуры, нѣсколько по деревнѣ походить и осмотрѣть оную всколъзь, возвратиться, какъ глядимъ и нашъ Иванъ Силичъ въ двери.

Я принялъ его съ обыкновенною учтивостію, и онъ оказывалъ себя очень низкимъ. Поговоривъ нѣсколько о постороннихъ вещахъ, довелъ я нечувствительно рѣчь до того, зачѣмъ я туда приѣхалъ. Сказываю ему, что я купилъ землю и намекаю, что надобно будетъ мнѣ ее брать. Иванъ Силичъ мой тотчасъ въ гору!

— «Какая здѣсь земля?.. Здѣсь дикою земли вовсе нѣтъ... Земля здѣсь все наша дачная... Какую вы купили мы не знаемъ... и почему дикою степью называете, мы не вѣдаемъ», и такъ далѣе.

Досадно мнѣ было все сіе слышать, однако я далъ ему время выговорить все, чѣмъ они повидимому меня встрѣтить готовились. И погодивъ немного, сказалъ

ему съ холодною кровью, что мнѣ все равно, дикая ли она или дачная, ибо мнѣ все дадутъ и я свое получу вѣрно. А не совѣтовалъ бы имъ утверждать и называть ее дачною землею, для того, что сіе обратится имъ не гораздо въ пользу, въ разсужденіи того, что у нихъ у всѣхъ купчія недѣйствительныя, и они много чрезъ то потеряютъ. Однимъ словомъ, я началъ вытверживать имъ все что зналъ, къ ихъ устрашенію, изъ межевой инструкціи.

И тогда мало-по-малу началъ мой Иванъ Силичъ становиться мягче, а я примѣтивъ сіе сталъ болѣе подпускать ласку и вытверживать, что я не такой человекъ, чтобъ хотѣлъ вводить людей въ замѣшательство и радъ бы былъ, еслибъ они развелись со мною полюбовно... А какъ онъ мнѣ худой въ семь случаевъ успѣхъ предвозвѣщалъ, то я опять сталъ изображать ему опасности, которыя для нихъ прозойтись могутъ, если они со мною не раздѣлаются, ибо я по силѣ указа долженъ буду тотчасъ объявить, кто тою проданною землею владѣетъ и кто завладѣлъ ею уже послѣ манифеста, и что съ ними за то поступлено будетъ по законенію.

Наконецъ спросилъ я его, почему-жъ бы они и сами называли ее дикою землею? Тутъ хотѣлъ-было онъ запереться, но я обличилъ его и въ устрашеніе сказалъ, будто я имѣю съ ихъ объявленія и копию. Симъ и другими тому подобными ухватками довелъ я наконецъ до того, что онъ сталъ обходиться со мною повѣреннѣе и быть ко мнѣ гораздо снисходительнѣе.

Я унялъ его у себя тогда обѣдать, а послѣ обѣда возобновилъ опять разговоръ свой о землѣ, прискалъ всѣ благопріятствующія мнѣ, а имъ непріятныя мѣста въ межевой инструкціи, читалъ и толковалъ ему оныя; и какъ при семъ случаѣ примѣтилъ, что они инструкцію сію совсѣмъ еще почти не знали, то сталъ еще болѣе всѣмъ возможнымъ пагонять на него страхъ и опасеніе, и вскорѣ до того довелъ, что мой Иванъ Силичъ началъ задумываться и смущаться, а наконецъ изъявлять нѣкоторое согласіе и на

полюбовный разводъ и говорить, что можетъ быть сосѣди и согласятся, а повидался-бъ я съ Аванасемъ Федоровичемъ Соймоновымъ, ибо его земли тамъ наиболѣе, и тужилъ, что другихъ сосѣдей не было тогда дома. Короче сказать, кончилось тѣмъ, что я усмотрѣлъ, что они сами не знаютъ что дѣлаютъ и нѣсколько потрушиваютъ.

Посидѣвши у меня, сталъ г. Тараковскій неотступно звать насъ къ себѣ. Мы согласились и поѣхали. Онъ угощалъ насъ вслѣски, былъ очень снисходителенъ и долго насъ не отпустилъ. Тутъ не говорили мы уже ничего о землѣ; но какъ намъ надлежало ѣхать, то къ удивленію подавалъ онъ мнѣ самъ случай видѣться съ г. Соймоновымъ, и звалъ насъ къ себѣ на утріе обѣдать сказывал, что будетъ и Соймоновъ, чему я очень былъ радъ и быть къ нему обѣщался.

Приѣхавши домой услышалъ я, что онъ тотчасъ послѣ насъ поскакалъ къ Соймонову. И не сомнѣвался, что тутъ и мое дѣло имѣло участіе и что у нихъ будетъ происходить совѣтъ, а жалѣлъ только, что у Ивана Силича была уже излишняя чарка въ головѣ.—Человѣкъ онъ былъ изрядный, не очень богатъ, вдовой, имѣлъ дочь и двухъ дѣтей и всѣ они такъ избалованы, что я прибилъ бы и ихъ и самого отца; жилъ онъ по степному, ни худо, ни хорошо, но домикъ по достатку своему имѣлъ изрядный.

На утріе, прежде отъѣзда на обѣдъ къ г. Тараковскому, разсудилъ я употребить ту предосторожность, чтобы обѣдять напередъ и осмотрѣть самому всю землю и все положеніе мѣстъ, дабы тѣмъ надежнѣе могъ я обо всемъ трактовать съ господами сосѣдами и не дать имъ себя въ чемъ-нибудь обмануть. И потому, вставши поранѣе и сѣвши съ братомъ и прикащикомъ моимъ на лошадей, поѣхали мы осматривать землю и успѣли до обѣда еще всю ее осмотрѣть и сдѣлать всѣ нужныя замѣчанія.

Ѣзда сія послужила мнѣ въ великую пользу и успокоила во многихъ сумнительствахъ, ибо я нашелъ совсѣмъ иное,

нежели что себѣ воображалъ по сказкамъ мужичьимъ.

А именно: во-первыхъ то, что владѣнія жителей деревни нашей, въ томъ числѣ и мѣстъ, занимали обширныя и весьма великія поля, такъ что хотя-бъ всѣмъ на души намежевать, такъ бы еще осталось.

Во-вторыхъ, что ежели-бъ счислить одну землю владѣнія моего, разбросанную по разнымъ мѣстамъ, то почти ее одной слишкомъ будетъ то число, сколько мною кушено.

Въ-третьихъ, что всѣ тѣ мѣста, гдѣ мнѣ надобно взять, почти всѣ подъ моимъ владѣніемъ, а постороннихъ мало.

Въ-четвертыхъ, что кавыла еще много непаханнаго въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ взять можно и въ моей чертѣ и округахъ.

Однимъ словомъ я усмотрѣлъ, что хотя-бъ они мнѣ и никакого удовольствія не сдѣлали, такъ я и тою землею доволенъ буду, которою тогда владѣлъ.

Получивъ сіе утѣшеніе, поѣхалъ я уже съ веселѣйшимъ сердцемъ къ ожидающемуся насъ г. Тараковскому и жадничалъ увидѣть славнаго ихъ г. Соймонова и познакомиться съ нимъ. Однако онъ не бывалъ, отговорился болѣзнію. Досадно мнѣ сіе было, однако не долго думая, рѣшился я въ тотъ же день самъ къ нему ѣхать и поговорить съ собою и г. Тараковского. И такъ, отобѣдавъ у него одни, и прямо по стеному, всѣ виѣстѣ туда и отправились.

Господинъ Соймоновъ жилъ въ деревнѣ Бѣлевѣ, версты съ три отъ насъ за рѣкою Пандю. Мы не успѣли приѣхать къ рѣкѣ, какъ увидѣли самого его идущаго съ людьми ловить рыбу. И такъ, остановились его дожидаться.—«Что то за Соймоновъ—думалъ и говорилъ я самъ себѣ:—посмотримъ славнаго въ здѣшнемъ околедѣ и богатаго человѣка.»

Соймоновъ пришелъ и обошелся съ нами безъ дальнихъ церемоній, узналъ моего брата, служившаго съ нимъ въ Польшѣ. Потомъ спрашивалъ, куда мы? Мы отвѣчали что къ нему. Онъ зоветъ къ себѣ

и воротился съ нами. И тогда увидѣлъ я, что славны бубны за горами, а какъ ближе—такъ лукошки.

Былъ онъ человѣкъ маленькій, похожъ на курочку и очень-очень не изъ прыткихъ. Домикъ у него былъ стеной; покрытый соломой, состоялъ изъ горенки съ комнаткою, и уборцы въ немъ по среднему, хотя и видно было, что жилъ изрядно и видалъ какъ люди живутъ.

Какъ скоро сѣли, то появилось первое стеное подчиванье: водка и арбузъ, и приказано было подать горячаго, то-есть, чаю. Жена его была на рыбной ловлѣ и не возвратилась съ нами, а только поцѣловалась на полѣ.

Вскорѣ разговоръ нашъ сдѣлался общій и познакомившись было сидѣть намъ весело, и мы всѣ не молчали. Г. Соймоновъ былъ не глупъ и можно было съ нимъ обходиться. Мы просидѣли у него до вечера, но говорили все о постороннемъ; но наконецъ довелъ я матерію и о землѣ и, къ удовольствію моему, услышалъ, что г. Соймоновъ и самъ желаетъ землями поразмѣняться.

Онъ былъ не храбрѣ Тараковского, и предлагалъ даже самъ, чтобъ всѣмъ намъ сѣздить въ степь и назначивалъ даже къ тому послѣдующій день. Легко можно заключить, что я сему былъ очень радъ.

И такъ, разстались мы, какъ добрые приятели, а познакомились между тѣмъ и съ возвратившеюся домой и его женою. Она была барыня молоденькая, тутошная уроженка, одѣта какъ голанка и очень мудро: въ байковомъ платьицѣ, очень короткой юбкѣ, а того короче шунунъ; поворачивалась какъ куколка, и была ему ровня и боярынька среднего класса.

Возвратившись домой и занявшись ввечеру писаніемъ своего журнала, между тѣмъ какъ братъ мой разговаривалъ съ премудрою головою, моимъ прикащикомъ, услышалъ я нѣчто такое, что побудило меня до слезъ почти смѣяться. И какъ сіе можетъ служить доказательствомъ уму и разсудку моего долговязаго прикащика и грубому невѣжеству и глупо-

сти нашего подлаго народа, то расскажу вамъ сіе смѣшное произшествіе.

Разговоръ у нихъ былъ тогда о скотскомъ падежѣ, свирѣпствовавшемъ въ тогдѣшнее время во всемъ тамошнемъ околоткѣ, и въ томъ числѣ и въ самомъ нашемъ селеніи; и прикащикъ мой божился ему тяжело клятвою, что тамъ недавно смерть коровью видѣли, и братъ мой былъ такъ недалъновидецъ, что ему въ томъ и вѣрилъ. Что-жъ касается до меня, то я, услышавъ сіе, покатился со смѣха, и переставъ писать и захохотавъ, спросилъ:

— Какая-жъ она, эта смерть коровья?

— «Право, судырь, видѣли! отвѣчалъ сурьезно мой прикащикъ. Андрось везъ хлѣбъ съ поля, и она бѣжить-бѣжить по нашей роцѣ и тотчасъ разспалась, какъ скоро Андрось ее увидѣлъ.

— Ха! ха! ха!

— «Нѣтъ сударь, что вы смѣтаете? съ дѣвчонкою нашею встрѣтилась она, совсѣмъ-таки наткнулась на нее, и перепугала ее на смерть.

— Того еще лучше! да какая же она?

— «Вся бѣлая, отъ ногъ до головы. Бѣжить, бѣжить и очень рѣзко!

— Да что-жъ, она человекъ что-ли?

— «Нѣтъ судырь, а ноги у ней коровьи а голова бычачья!— вотъ ажно кака!»

— Ну, ну, что далѣе?

— «А что, судырь? попытаться бы коровъ-то въ землю отъ мора сажать».

— Какъ это? ха! ха! ха!

— «А вотъ какъ, судырь. Вырылъ бы яму глубокую и туда бы ихъ заперъ, и воду бы къ нимъ изъ вершины пропустилъ, сдѣлавъ внизу узенькій проходецъ; а чтобъ земля не обваливалась, подставилъ бы подпоры, и сдѣлалъ бы ясли, а передъ дверьми наткалъ бы пикъ, такъ бы смерть и накололась».

— Ха! ха! ха! перестань пожалуй врать и говорить такую околесную, ты мнѣ только писать мѣшаешь.

Вотъ какой премудрый расудокъ имѣлъ мой прикащикъ, и удивительно ли, что онъ и жилъ въ такой прекрасной и опрятной комнатѣ, какова была паша квартира.

Симъ окончу я сіе мое письмо и представивъ продолженіе повѣствованія моего письму послѣдующему, между тѣмъ остаюсь вашъ и прочая.

СТЕПНЫЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ.

Письмо 126-е.

Любезный пріятель! Повидавшись помянутымъ образомъ съ обоими моими ближними сосѣдами и условившись съ ними ѣхать въ поле, за нужное почелъ я прежде ихъ ко мнѣ приѣзда выправиться хорошенько, сколько земли было у меня дѣйствительно во владѣніи господской и крестьянской, дабы знать сколько въ прибавокъ мнѣ себѣ отмѣрить и взять надобно. Тутъ, по точной перепискѣ и счисленіи, открылось для меня совсѣмъ странное неравенство, что крестьяне владѣли вдвое противъ моего и что въ завладѣніи всей было около полугораста десятинъ.

Между тѣмъ пришелъ ко мнѣ староста господина Молчанова, сосѣда деревенскаго-жъ, имѣющаго вмѣстѣ съ нами владѣніе, но отсутственнаго; и какъ мнѣ и съ нимъ надлежало разводитьсь, то радъ я былъ сему случаю и говорилъ ему о томъ. Но что и чего можно было отъ мужа требовать: «Не смѣю безъ господина!» да и все тутъ, и что я ему ни говорилъ, но онъ ничего не понималъ и понять не могъ.

Не успѣлъ я помянутое счисленіе кончить, какъ увидѣли уже ѣдущихъ къ намъ господина Соймонова съ Тарановскимъ. Меня сіе очень удивило, ибо я ждалъ ихъ послѣ обѣда, а они приѣхали по утру и хотѣли-было ѣхать въ поле до обѣда; но какъ былъ уже двѣнадцатый часъ, то унялъ я ихъ обѣдать.

Обѣдъ нашъ былъ заѣзжій, однако по случившейся рыбѣ довольно изрядный, и мнѣ было не стыдно. Отобѣдавъ и нанявшись чаю, поѣхали мы наконецъ на поле, взявъ съ собою и старосту Молчанова, какъ участника немаловажнаго.

По приѣздѣ въ тѣ мѣста, гдѣ по совѣту всѣхъ моихъ мнѣ взять было другихъ мѣстъ сходище и выгодище, сталъ я

отъ нихъ требовать и показывать мѣсто, гдѣ бы они мнѣ отвели землю къ одному мѣсту и свои бы куски промѣняли. Г. Соймоновъ былъ почти посредникомъ, ибо его земель тутъ не было. А какъ случились тутъ земли распаханныя и завлаженные самовольно Тараковскимъ, Молчановыми и нѣкоторыми помѣщиками изъ села Трескина, то г. Тараковский не очень на предлагаемый обмѣнъ соглашался, а отводилъ другое и самое то мѣсто, гдѣ отрѣзалъ и захватилъ себѣ Рахмановъ, хотя меня отболрить на самое спорное мѣсто, и чтобъ я отнималъ у Рахманова и съ нимъ хлопоталъ и бранился.

Мнѣ показалось сіе очень удивительно. Я представлялъ требованію моему причины, слался на г. Соймонова въ справедливости оныхъ. Сей былъ моего мнѣнія и бралъ мою сторону, ибо былъ человекъ не глупый и разсудительный. Послѣ чего поѣхали мы далѣе, ѣздили, останавливались во многихъ мѣстахъ, говорили, кричали, бранились, но ничѣмъ не могъ я г. Тараковского привести въ разсудокъ. Онъ наладилъ только все свое и болѣе ничего, а потому и разѣхались мы ничего почти не сдѣлавъ, а только проѣздивъ цѣлый день по полю.

Досадуя на глупое и совсѣмъ безразсудное упорство Тараковского съ товарищи и предусматривая, что добромъ ничего сдѣлать съ ними было не можно, положилъ я, несмотря на нихъ, вымѣрить и отрѣзать себѣ тамъ, гдѣ мнѣ хотѣлось, и тѣ ихъ пашни и земли, которыя случатся въ моей округѣ, оставить въ ихъ владѣніи, ибо силою отнять мнѣ было не можно, а вмѣсто ихъ взять такое же число далѣе въ степь, ибо другого дѣлать не оставалось, а притомъ положилъ удалиться сколько можно отъ Рахманова.

Сей побочный сосѣдъ былъ мнѣ всѣхъ прочихъ страшнѣе. Всѣ сказывали мнѣ объ немъ, что подобнаго ему обидчика во всемъ свѣтѣ не найдешь, и что будучи богатъ и людьми силенъ, ворочалъ онъ во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ какъ чортъ въ болотѣ, и отнималъ земли у

всѣхъ, гдѣ бы какая ему ни полюбилась, и никто не могъ наитить на него нигдѣ ни суда, ни расправы. А по всему тому и не хотѣлось мнѣ имѣть съ нимъ дѣла, а оставлялъ ихъ съ нимъ ссориться и браниться какъ хотять.

Впрочемъ, во время помянутого разѣзжанія по полямъ и смотря на нихъ и на распашныя земли, не могъ я надѣяться завистливости и любостыжанію тамошняго народа и ужасному въ распашкѣ земель безпорядку. Всякій захватывалъ болѣе и далѣе сколько могъ, но какъ-же?... Очертивъ себѣ пренеликую округу, и распахавъ въ ней лоскутокъ, считаетъ, что вся округа уже его, и никто у него ее не трогай и въ его округу не ходи, хотя бы онъ ее и въ двадцать лѣтъ распахать былъ не въ состояніи.

Такія очерченныя округы были не только у всякаго господина, но и у всякаго мужика особаго. Но того было еще не довольно, что они симъ образомъ все поле испестрили, и была тутъ и пашня, и покосъ, и кавыль, и яровое, и рожь и все вмѣстѣ; но несмотря на всю строгость дѣлаемаго законами запрещенія, дѣлали все еще далѣе въ степь, и гдѣ-таки кому вздумалось, тамъ посреди степи и ну пахать, а чрезъ то и испещрена была сія ближняя степь ужаснымъ образомъ.

Предпріявъ помянутое намѣреніе, не сталъ я долѣе медлить, чтобъ не жить тамъ по пустому, но составивъ нѣкоторый родъ межевой команды своей для пошенія астролябіи и прочей межевой обрubi, пустился съ братомъ и прикащикомъ на сію работу.

Мы препроводили въ семь измѣреній и сниманій на планъ ситуаціи того мѣста нѣсколько дней сряду, и работа сія была мнѣ въ сей разъ не только трудна, но крайне скучна и безпокойна. Во-первыхъ, оттого, что астролябія была у меня неправская и не совсѣмъ тогда еще исправленная, а люди все незнающіе и необыкшіе.

Во-вторыхъ, что и погода власно какъ нарочно случись въ тѣ дни самая скверная, холодная, вѣтреная, перемѣшанная

иногда съ дождями и снѣгомъ, иглою и самымъ градомъ; что все работѣ межевой не только мѣшало, но иногда совсѣмъ ее останавливало.

Въ-третьихъ, оттого, что сперва былъ братъ боленъ, а тамъ и самъ я цѣлый день протрадалъ жестокимъ поносомъ, повредивъ желудокъ свой арбузами и тамошними дурными водами, и насилу отъ него отдѣлался.

Наконецъ, въ-четвертыхъ, отъ сдѣлавшейся нечаянно ошибки.

Однажды, записывая на абрисѣ ромбы, написалъ я градусъ 69, отдалъ я бумагу сію носить своему Бабаю, а онъ, не давъ времени написаннымъ цифрамъ засохнуть, согнулъ ее и такъ хорошо, что изъ числа 9 сдѣлалось 2. И сія бездѣлка навела мнѣ множество хлопотъ и сдѣлала то, что труды цѣлаго дня пропали по пустому и я принужденъ былъ вновь переѣрывать и вездѣ искать ошибки, и насилу-насилу открылъ ее.

Но какъ бы то ни было, но я все желаемое кончилъ, земли довольное пространство положилъ на планъ и на ономъ все то количество, которое мнѣ и брату моему было надобно, намѣрилъ и къ отрѣзкѣ назначилъ, и оставалось отрѣзку сію произвестъ въ натурѣ. Но сіе хотѣлось мнѣ произвестъ не одному и не тайкомъ, а торжественно при постороннихъ людяхъ, которыхъ я положилъ я собрать, пригласивъ къ тому же времени и моихъ сосѣдей.

Сколько я смѣ дѣломъ ни поспѣшалъ, но неожиданное обстоятельство принудило меня онымъ на нѣсколько дней остановиться.

Лишь только хотѣлъ я послать за сосѣдами, какъ услышалъ, что ихъ никого дома нѣтъ, что всѣ они уѣхали къ приѣхавшему въ тѣ предѣлы г. Лунину и не прежде возвратятся, какъ дни чрезъ три.

Этотъ Лунинъ былъ одинъ изъ ближнихъ тамошнихъ сосѣдей, человекъ знатный, находящійся еще въ штатской службѣ, служившій въ вотчинной коллегіи главнымъ и притомъ очень богатый.

Всѣ тамошніе мелкіе дворянчики вѣровали въ него, какъ въ идола и не успѣли услышать о его приѣздѣ, какъ всѣ къ нему на поклонъ и поспѣвали, а какъ не приѣзжалъ еще и г. Рахмановъ, съ которымъ мнѣ хотѣлось также очень видѣться и говорить, и приглашикъ ожидалъ его съ часу-на-часъ и для того ко мнѣ ѣхать не соглашался, то и рѣшился я всѣхъ ихъ дожидаться и тогда уже съ лучшимъ основаніемъ приступить къ дѣлу.

Во все сіе праздное время занимался я разными экономическими распоряженіями, размѣриваніемъ своей усадьбы, назначеніемъ мѣстъ, гдѣ поселиться вновь переведенцамъ, которыхъ хотѣлъ перевести туда изъ другихъ деревень, и въ прочемъ тому подобномъ, и все сіе могло мнѣ и сіе время препроводить безъ дальней скуки.

Въ одинъ вечеръ изъ сихъ дней имѣлъ я особенное удовольствіе и обрадованъ былъ до чрезвычайности, но чѣмъ?.. О томъ надобно мнѣ пересказать вамъ самими тѣми словами, какими описывалъ я тогда происшествіе сіе моему пріятелю:

«Угадайте (говорилъ я въ письмѣ своемъ къ нему), какая бы это была радость! Объ закладъ ударюсь, что вы не отгадаете!... Ежели думаете, что я землѣ полутилъ, такъ совсѣмъ не то: о землѣ нѣтъ ни слуху, ни духу, ни послушанія. Сосѣди мои еще не бывали и три дня еще не будутъ. Всѣ ѣздить и празднуютъ по гостямъ. Чтожъ бы такое?.. Вы не угадаете, хотя-бъ прибавить еще, что радость моя была полная и удовольствіе совершенное. Я имѣлъ вчера и сегодня то въ рукахъ, чего желалъ долгое время. Во мнѣ совершилось или удовлетворилось одно желаніе, которымъ я уже давно мучился, то какъ же не радоваться?»

«Однако прошу не углубляться въ мысли: сколько-бъ вы ни стали мыслить и думать, но вамъ никакъ не отгадать, а лучше расскажу вамъ все дѣло и заставлю и васъ посмѣяться.»

«Вчера легли мы съ братомъ спать. Я поставилъ свѣчу себѣ въ головы и читаю книгу; братъ мой ворочается и поправ-

ляется, чтобъ спокойнѣе заснуть; но вдругъ какъ меня удивилъ! Въ единый мигъ скокъ-таки съ постели и съ одѣяломъ своимъ, и растаялся на полу!— Что-бы это такое надъ нимъ сдѣлалось?— Вы, думаю, дивитесь сему, но вы удивитесь еще болѣе, когда скажу, что я вмѣсто того, чтобъ испугаться, самъ ему посѣдовалъ, самъ также съ постели вскочилъ въ чемъ мать родила, бросилъ книгу и свѣчу, и ну по горницѣ или по избушкѣ своей прыгать и бѣгать.

— «Господи! скажете вы, не съума ли вы оба сошли, и не подѣялось ли вамъ чего?»

«Нѣтъ мой другъ! право нѣтъ. Мы оба въ цѣломъ разумѣ были и такъ какъ теперь, только по васъ слово, сдѣлались на минуту маленькими ребятками!»

«Кроликъ, сударь, жившіе у насъ подъ печкою, которыхъ мы такъ усердно поймавать хотѣли, но никакъ и никогда поймавать не могли, вышли въ сей разъ изъ-подъ печки и удалились отъ своей лазейки. Братъ, примѣтивъ сіе, вскочилъ и одѣяломъ своимъ заткнулъ имъ лазейку, а я, вскочивъ, бросился ихъ ловить; и какое же удовольствіе имѣлъ, когда наконецъ поймалъ одного изъ нихъ, а именно бѣленькаго.

«И взялъ его за уши, поднесъ къ свѣчкѣ, смотрѣлъ, гладилъ его, любовался и веселился симъ прекраснымъ звѣрчкомъ съ цѣлою четверть часа.— О норъ! попался ты намъ! говорилъ я ему и повторялъ нѣсколько разъ: вотъ ужъ мы тебя! ужъ дадимъ тебѣ переполоскъ! Перестанешь отъ насъ бѣгать! Цѣлыхъ двѣ недѣли мы тебя лонимъ!...

«Однако угрозы наши были ему не опасны; мы, налюбовавшись имъ до сыта, дали ему опять свободу, и тогда съ какою же радостію нырнулъ онъ въ свою лазейку. А мы положили ловить чернаго, который гораздо былъ проворнѣе и смѣлѣе, и нырнувъ подъ одѣяло продрался. И я доволенъ былъ тѣмъ, что онъ ушелъ, ибо тѣмъ подалъ мнѣ случай другой разъ подобнымъ тому образомъ минуты двѣ-три повеселиться.

«Это было сегодня послѣ обѣда. Сиджу я съ попомъ, который у насъ обѣдалъ, и говорю. И разсудите, сколь велико было во мнѣ желаніе поймать сего плутишку, что сидитъ со мною посторонній человѣкъ, а увидѣвъ его удалившагося отъ своей лазейки, вдругъ какъ съумасшедшій вскочилъ, бросился къ печи и тулупомъ своимъ заткнулъ дырку и насилу насилу поймалъ его за ножку. Чуть было не ускользнулъ, такой воръ!

«Попъ мой, думаю, удивился моему поступку, но что мнѣ до того нужды! Я взялъ-таки и налюбовался имъ еще того больше. Онъ былъ гораздо лучше бѣлаго. Я посадилъ его на столъ, держалъ долгое время, кормилъ его яблочками и онъ у меня ихъ кушалъ, а потомъ наконецъ далъ я ему свободу, ибо какъ увеселилъ меня онъ, такъ хотѣлось мнѣ и ему сдѣлать освобожденіемъ удовольствіе».

Теперь, продолжая мою исторію, скажу, что около 28 сентября начали обстоятельства мои приближаться къ окончанію. Соудьи мои начали собираться и посланные провѣдывать привезли извѣстіе, что приѣхалъ и Тараковский, и Соймоновъ, и наконецъ Рахмановъ.

Я не преминулъ къ первому отправить тотчасъ моего прикащика для узнанія вѣстей относительно до г. Лунина. Но сей привезъ мнѣ извѣстіе, что Тараковский скачетъ опять къ Лунину съ своими крѣпостями; что Лунинъ самъ купилъ 1,000 десятинъ, но дивится, какъ я самъ хочу межевать; что Тараковский самъ уже говоритъ, что онъ виноватъ предъ государемъ и хочетъ также покупать землю, а наконецъ проситъ меня, чтобъ я отрѣзкою земли помѣшкалъ еще дни три, покуда уѣдетъ Лунинъ.

Хорошо, думалъ я, однако это будетъ долго, а я повидаюсь между тѣмъ лучше съ Рахмановымъ; и тотчасъ запретши лошадей, къ нему съ братомъ поѣхалъ. Но заѣхавъ къ живущему на дорогѣ г. Соймонову услышалъ, что слухъ о приѣздѣ Рахманова проврался, и что онъ еще вѣрнѣе действительно не приѣзжалъ и никто точно не знаетъ, когда онъ будетъ.

Сіе перемѣнило мои мысли и я, досадуя на такую проводочку, рѣшился приступить къ отрѣзкѣ земли себѣ безъ нихъ, а самъ собою, и не долго думая начать то съ послѣдующаго утра. Сіе мы на утрѣ дѣйствительно и учинили. Но чтожъ! Не успѣли мы выѣхать съ братомъ и съ людьми начать проводить и назначать линіи, какъ гляжу скачетъ ко мнѣ мой староста и съ нимъ какой-то господской человѣкъ изрядно одѣтый, и чей же? г. Рахманова, присланный отъ самого его сказать мнѣ о своемъ приѣздѣ и звать меня къ себѣ, чтобы поговорить о землѣ.

Что было мнѣ тогда дѣлать?.. принужденъ былъ перестать межевать, ибо мнѣ съ нимъ необходимо надобно было видѣться и положить на словѣ, гдѣ между нами межѣ быть, и согласится ли онъ такъ, какъ я назначилъ, чего однако я не надѣялся, ибо отрѣзалъ изъ черты его очень много. По крайней мѣрѣ радъ я былъ, что онъ наконецъ приѣхалъ и разрѣшить все мое сумнѣніе.

Такимъ образомъ, отпустивъ человѣка и сказавъ, что я буду, поспкавалъ я искать брата и насилу его нашелъ въ степи и поѣхалъ съ нимъ домой, а отобѣдавъ и отправились мы къ сему нововыѣзшему.

Г. Рахмановъ жилъ отъ насъ не близко и имѣлъ село превеликое, съ однодворцами вмѣстѣ, но я отъ роду такой дурной усадьбы и положенія мѣста не видывалъ какъ сіе.

Село это сидитъ въ долинѣ по косогору и очень дурно и тѣсно, хотя прикрито прекраснымъ по буграмъ лѣсомъ. Насилу, насилу мы взѣхали по грязи на гору къ его хоромцамъ, построеннымъ также на косогорѣ и въ прескверномъ мѣстѣ и незначущимъ ничею.

Г. Рахмановъ принялъ насъ съ надутою гордостью и пышностью; а хотя бы и не имѣлъ сего пристрастія, такъ бы толстой его корпусъ и взрачной станъ придали бы ему пышность. Мы скоро дошли въ разговорахъ до земли. Рахмановъ мой въ гору и въ гору ужасную! «Земля дачная, окруженная обружною и настоящая ок-

ружная у него, а дикой земли вовсе нѣтъ», да и только всего!

Но это пѣсенька была первая у всѣхъ тамошнихъ господъ; но я скоро усмотрѣлъ, что Рахмановъ былъ не дуракъ и что сосѣдъ сей важнѣе всѣхъ прочихъ. Онъ началъ представлять резоны, и резоны его были справедливы и никто еще изъ тамошнихъ столь важно о сей окружной не говорилъ, какъ онъ. Зналъ же онъ и все то, что въ инструкціи о земляхъ написано и твердилъ, что здѣшнія пустыя степи почтутъ примѣрными. Далѣе говорилъ онъ, что купить въ ней было мнѣ не можно, и что онъ самъ просилъ о продажѣ, но ему будто затѣмъ и не продано, что земля тутъ дачная, и онъ просилъ будто о продажѣ въ другомъ мѣстѣ.

Мы прокричали съ нимъ съ добрые полчаса и я ни мало не уступалъ, но всеѣмъ тѣмъ привелъ онъ меня въ великое сумнѣніе; ошибка моя была мнѣ очень явна и состояла въ томъ, что при просьбѣ о землѣ въ межевой канцеляріи назвалъ я ее дикою и въ дачахъ небываю, почему она мнѣ и продана.

Приведенъ будучи симъ въ великое замѣшательство, замолчалъ я на часокъ, чтобы подумать, какія бы при тогдашнихъ обстоятельствахъ принять мнѣ лучшія мѣры. Въ единый мигъ пробѣгъ я мыслями всѣ слѣдствія, могущія произойти въ разныхъ случаяхъ.

Помышлялъ о томъ, чѣмъ бы и какъ исправить свою ошибку въ межевой, думалъ о испрошеніи для отмежеванія мнѣ проданной земли своекоштнаго землемѣра; помышлялъ о спорахъ, какіе произойдутъ при семъ случаѣ и какъ тѣмъ еще болѣе все дѣло испортить можно, и не усматривалъ ничего лучшаго, какъ избрать среднюю дорогу а именно: чтобы объ ошибкѣ своей молчать, межевщика не брать, а владѣть землею по прежнему до прибытія землемѣровъ и распаивать ее уже смѣлѣе. Но чтобы владѣть до того времени спокойно, то усматривалъ ту необходимость, что вести мнѣ надобно себя помирнѣе и стараться получить

ласкою землю къ одному мѣсту, гдѣбы то ни было, хотя бы то и съ нѣкоторою уступкою было.

Не успѣлъ я все сіе перемыслить, какъ г-нъ Рахмановъ, успокоившись отъ своего разгоряченія и пыховъ, и сдѣлавшись смиреннѣе и снисходительнѣе, сказалъ: что я дачу свою получу тогда, какъ межевать стануть, а теперь владѣль бы я тѣмъ что имѣю. Я обрадовался сему и, привязавшись, началъ клеить свое дѣло. Ибо съ сей минутой говорили мы уже все ласково и хорошо. Онъ уже соглашался, чтобъ я бралъ и отводилъ землю. Но тутъ сдѣлался вопросъ, будетъ ли онъ моему межею доволенъ?

Чего я опасался, то и сдѣлалось. Онъ былъ крайне тѣмъ недоволенъ, что я такъ близко къ его хутору подѣлалъ, и требовалъ неотмѣнно по свою черту, самимъ имъ отъ единой жадности къ захватыванію проведенной; ибо сіе мѣсто было совсѣмъ не противъ его дачной земли, а противъ нашей, а онъ захватилъ только насильно у насъ одинъ логъ, извѣстный подъ названіемъ Дальнаго-Ложечнаго, и нашедъ тутъ родникъ и воду, поселилъ хуторъ.

Я видѣлъ ясно всю несправедливость и наглую только жадность къ землѣ съ его стороны, и потому хотя мнѣ и весьма не хотѣлось ему сдѣлать толь великой уступки и дать ему чрезъ то отбить меня совсѣмъ отъ помянутаго Дальнаго-Ложечнаго, которое именно мнѣ продано, и гдѣ самому мнѣ селеніе завести хотѣлось; но видя, что мнѣ съ симъ тузовомъ, какъ съ добрымъ мериномъ, не сладить, оказалъ себя сколько-нибудь склоннымъ и на его предложеніе, и тогда и онъ, будучи доволенъ, хотѣлъ самъ выѣхать и положить между нами между.

Я былъ и сему уже радъ, по крайней мѣрѣ была бы межа достовѣрная и мнѣ гдѣ-нибудь распахивать бы уже смѣлѣе было можно; но горевалъ я только о томъ, что выѣздъ сей назначалъ онъ не прежде какъ чрезъ 7 дней, и насилу убѣдилъ его общать выѣхать чрезъ день послѣ того времени.

Симъ кончилось наше тогдашнее свиданіе и мы разстались, какъ уже добрые пріятели.

Во время обратной нашей ѣзды случилось съ нами одно смѣшное происшествіе, которое неизлишнимъ будетъ рассказать для того, чтобъ дать случай вамъ посмѣяться.

Бдучи еще къ г-ну Рахманову, видѣли мы преужасное стадо дикихъ гусей, сидящее на ровномъ лугу при берегахъ рѣки Панды. Было ихъ такое множество, какого я отъ роду не видывалъ, и безопытно можно было сказать, что находилось ихъ тутъ нѣсколько десятковъ тысячъ. Весь обширный лугъ казался отъ нихъ не иначе, какъ вспаханною землею, и какъ мы ихъ вспугнули, то затмилось даже солнце отъ густоты ихъ огромнаго стада. Намъ хотѣлось хоть одного изъ нихъ застрѣлить, и мы не одинъ разъ послали бывшего съ нами братнина егеря поляка, но они были такъ осторожны, что онъ не могъ никакъ къ нимъ подкрасться.

Но какъ поѣхали мы назадъ, то было уже такъ поздно, что не успѣли мы доѣхать до рѣки Панды, какъ совсѣмъ уже смерклося, и тогда увидѣли мы опять небольшое стадо гусей, слетѣвшее съ поля и одного гуся отставшаго отъ нихъ и бѣгущаго пѣшкомъ.

— Ахъ! конечно это подстрѣленный! — закричалъ мой братъ:

— Подстрѣленный, сударь! — говорилъ кучеръ.

— Право знать подстрѣленный — говорилъ прикащикъ, стоявшій позади.

Словомъ всѣ утвердили, что такъ, и тотчасъ опредѣлили, чтобъ ловить подстрѣленнаго гуся. И тогда я закричалъ: «стой! стой!» а братъ кричалъ: «Побѣгай, побѣгай Яковъ», и Яковъ побѣжалъ ловить гуся. Заходить ему впередъ, гусь бѣгаетъ... заходить ему въ бокъ, онъ прочь бѣжитъ.

— Охъ, ему одному не поймать, закричалъ братъ: побѣгу-ка я къ нему на помощь, двое скорѣе поймаетъ!

— «Побѣги братецъ!» говорю я, и бра-

тецъ мой полетѣлъ, а за нимъ ну-ка и я тудаже для компаніи.

Уже мы ловить, уже бѣгать, то туда то сюда, то впередъ, то назадъ—не дается намъ гусь; запыхались, замучились, не одинъ разъ въ темнотѣ спотыкались и падали, и насилу, насилу наконецъ поймали. Но чтожъ?... Виѣсто мнимаго сокровища оказалось, что гусь былъ дворный и отнюдь не дикой!

Господи, кавая была тогда досада на самихъ себя и какъ потомъ смѣялись мы тому, что всѣ мы четверо такъ грубо обманулись, и всѣ измучились попустому, а выигралъ болѣе всѣхъ нашъ кучеръ. Онъ просидѣлъ на козлахъ и разниа ротъ съ нами не бѣгалъ.

Какъ по условію нашему надлежало мнѣ цѣлыхъ двое сутокъ дожидаться нашего сѣзда, и сіе время еще долѣе продлилось по случаю захватившихъ къ Рахманову гостей и его задержавшихъ; то употребилъ я сіе праздное и для брата моего очень скучное время на разныя экономическія распоряженія, а въ достальное праздное время описывалъ положеніе и самую исторію тамошнихъ мѣстъ, между прочимъ же и на свиданіе съ ближнимъ сосѣдомъ своимъ, г-мъ Таравовскимъ.

Сей удивилъ меня премѣненіемъ всѣхъ своихъ со мною поступокъ, и побывавъ у Лунина, вмѣсто прежняго казаканья сдѣлался такъ смиренъ, какъ овечка и такъ ласковъ, такъ снисходителенъ, такъ сговорчивъ и на все согласенъ, что я даже удивился, и будучи крайне тѣмъ доволенъ, ласкалъ себя пріятною надеждою, что мы разведемся съ нимъ и въ землѣ порядочно и какъ надобно. Но за доставленное мнѣ сіе краткое удовольствіе, заплатилъ же онъ мнѣ съ лихвою другимъ своимъ со мною обращеніемъ, которое по особенноти онаго и достойно того, чтобъ я описалъ оное вамъ въ подробности, и по примѣру прежнему, тѣми-же точно словами, какими описывалъ я прозвѣстіе сіе тогда въ писемѣ къ моему пріятелю. Вотъ оно:

«Скажу вамъ, любезный другъ! что

я весь сегодняшній день принужденъ былъ просидѣть подъ карауломъ и терпѣть крайнюю скуку. Однако не ошибитесь въ заключеніяхъ и не подумайте чего-нибудь дѣйствительно худого; нѣтъ мой другъ! а я былъ въ гостяхъ и такихъ гостяхъ, гдѣ мнѣ были еще чрезвычайно рады.

«Но совсѣмъ тѣмъ сидѣть мнѣ было тутъ такъ весело, что принужденъ былъ употребить всю философическую терпѣливость и искать отъ самой сей высокой и драгоценной науки себѣ утѣшенія.

«Причиною тому было то, что хозяинъ того дома, гдѣ я сегодня обѣдалъ, впалъ въ нѣкоторый родъ энтузіастическаго изступленія, или нѣкоторый родъ болѣзни, которой, по примѣчаніямъ моимъ, здѣшніе дворяне въ особенноти и часто подвержены бывають. Дѣйствіе ея состоитъ въ томъ, что человѣкъ приходитъ вдругъ въ нѣкоторый родъ изступленія и начинаетъ дѣлать всякія неистовствы и присутствующихъ мучить разными образами.

«Къ вышему несчастію продолжилось сіе изступленіе его до самаго моего отѣзда, въ которое время весь домъ его былъ встревоженъ и досталось отъ него всѣмъ кто тутъ ни былъ, и въ томъ числѣ не освобожденъ былъ и я отъ нѣкотораго рода мученія. Но что всего страннѣе, то мученія сіи дѣланы были всѣмъ разныя и неодинакія. У иныхъ принуждены были терпѣть мученіе ноги, у иныхъ руки, у иныхъ горло, а у иныхъ все тѣло. Мое-же состояло въ томъ, что онъ принимался нѣсколько разъ меня душиить и однажды чуть-было не задушилъ, такъ крѣпко притиснулъ меня своими руками. А сверхъ того щеки мои и теперь еще саднѣють отъ небритой и жесткой его бороды, которою кололъ онъ въ нихъ какъ желѣзною щеткою.

«Если вы не догадываетесь, что вся сія аллегорія значить, то для нѣясненія загадки сей скажу вамъ, что все дѣло состояло въ томъ, что хозяйнишка нашъ былъ на подгулѣ съ радости, видя у себя такихъ гостей, съ которыми онъ, по увѣреніямъ стократнымъ, въ совершенство-

нѣйшемъ дружествѣ жить желаетъ, хотя въ самомъ дѣлѣ можетъ быть ими и не гораздо доволенъ.

«Быль то не кто иной, какъ другъ нашъ, г-нъ Тараковскій. Будучи у меня въ сіе утро, не только не хотѣлъ никакъ остаться у меня обѣдать, но привязался къ самимъ намъ съ братомъ съ такими неотступными просьбами, чтобъ ѣхать съ нимъ обѣдать къ нему, и вмѣстѣ съ нимъ и его дѣтьми расхлебать уху, которая у него самая свѣжая и только-что изъ воды, что мы принуждены были на то согласиться, и сѣвши на лошадей вмѣстѣ съ нимъ къ нему и поѣхали.

«И тутъ-то не успѣли мы приѣхать, какъ онъ чарочка по чарочкѣ и рюмочка по рюмочкѣ, но наконецъ такъ пріятель нашъ понабрался, что сѣвши обѣдать не умѣлъ ни одного слова выговорить, а только бормоталъ халдейскимъ языкомъ, котораго никто изъ насъ не разумѣлъ.

«И Боже мой! какое представлялось мнѣ тогда и послѣ обѣда во весь день зрѣлище! Ежели-бъ можно, намалевалъ бы вамъ все на картинѣ для изображенія всей гадкости сего порока, ибо перомъ изобразить того никакъ не можно; однако опишу вамъ хотя малую часть сего смѣшного и скучнаго для меня зорища.

«Но прежде скажу вамъ нѣсколько словъ о его обѣдѣ. Хотя приѣхали мы уже часу въ первомъ, однако принуждены были болѣе часа его дожидаться. Сіе было уже хорошимъ предвозвѣстіемъ доброму и сытному обѣду; ибо другого не оставалось заключить, что онъ, по множеству рыбы, еще не готовъ былъ. И въ сіе-то время прохаживались у него взадъ и впередъ рюмки.

«За какое счастье почиталъ я тогда для себя, что я не пью водки, а то бы конечно и я въ такую-жъ бы болѣзнь впастъ принужденъ былъ. Однако совсѣмъ тѣмъ принужденъ былъ дѣлать компанію вишневою, но и ту по счастью не принуждалъ онъ меня пить болѣе того, сколько я самъ выпью. Впрочемъ самое лучшее до обѣда состояло въ томъ, что онъ по-

ставилъ передъ насъ одно превеликое яблоко, на стеклянномъ блюдечкѣ, прекраснѣйшаго вкуса.

«Наконецъ загремѣли тарелки и появилась сборщица въ премудреномъ сарафанѣ; ибо надобно знать, что должность тафельдекера, и казначея, и кравчаго, и управителя, а можетъ быть и самой хозяйки, или еще что-нибудь далѣе отправляла одна молодая и собою гладкая баба въ мудреномъ верхнемъ одѣяніи. Она одѣта была какъ водится въ юбкѣ, въ кокошникѣ и въ рубахѣ съ манжетами, но сверху надѣтъ бѣлый суконный короткой сарафанъ, съ короткими рукавами по локоть и въ стану столь широкой, что можно бы въ него помѣстить еще одного человѣка. Сія казначея и повѣренная особа собрала съ превеликою проворностію, при вспоможеніи одной дѣвки, на столъ и поставила кушанья довольно. Но посмотримъ какія они были!

«Первое блюдо содержало нарѣзанную ломтиками и облитую конопнымъ масломъ рѣдьку, съ присокупленнымъ къ тому лукомъ, нарѣзаннымъ кружками. Второе имѣло въ себѣ вяленыхъ подлещиковъ съ оголившимися почти ребрами. Третье—тертый горохъ такой черный, какъ лучше требовать было не можно. Четвертое—вареную и изрѣзанную ломтиками рѣпу. Въ сихъ четырехъ блюдахъ состояла вся первая и холодная перемяна.

«Горячее было того мудренѣе. Славная его рыба была величины огромной: самая большая изъ нихъ была не меньше какъ въ цѣлый вершокъ длиною. Нельзя сказать, чтобъ не было рыбы многой, ста два-три находилось ихъ въ блюдѣ и была бы ушица изрядная, еслибъ не подсыхано было туда-же просяной крупницы или пшеница и тѣмъ все дѣло не изгажено. Другое горячее блюдо содержало въ себѣ вареные кажимъ-то особливымъ образомъ грибы, а третье щи съ сомомъ. Жаркое было на двухъ блюдахъ. На одномъ жаренные подлещики, которые были всего кушанья лучше, а на другомъ великое множество давичныхъ маленькихъ рыбокъ на сковородѣ, а всѣмъ тѣмъ и битъ челомъ.

«Хотя обѣдъ сей былъ и не лучше моего, но едва ли не гораздо хуже, однако я голоденъ не былъ, ибо, по благоугодности Господней, былъ я во всю мою жизнь не приморщикъ и могъ найдаться всякаго кушанья; но бѣдный больноиъ нашъ не съѣлъ ни одного куска хлѣба. Впрочемъ сидѣло насъ за столомъ шестеро: мы съ братомъ, да хозяйннъ, да тетка его, старушка старенькая, да двѣ дѣвушки дочери хозяйскія, ибо онъ былъ вдовъ и жены недавно лишился.

«Не успѣли мы встать изъ-за стола и дамы наши въ другой покой удалиться, какъ и начались объятія.

— «Другъ ты мой сердечный!.. Я вамъ сердечно радъ... Ей-ей радъ!» Тутъ послѣдовалъ поцѣлуй не гораздо мнѣ пріятный для вышеупомянутаго колонья бородою и едва-было не воспослѣдовавшимъ задушеньемъ.—Сидемъ-ка сюда на каравать!.. Дунька!.. а Дунька! подай-ка намъ сюда столикъ... подай арбузы!»

«Столикъ подали и арбуза нарѣзаннаго тарелку. Не успѣло сего воспослѣдовать, какъ вздумалось другу нашему насъ пошеселить и позабавить. Но еслибъ дозволяла благопрістойность, то двадцать разъ поклонился-бъ я ему, еслибъ онъ сію забаву оставилъ, ибо она состояла въ крикѣ, свистѣ и пляскѣ бабъ, дѣвокъ, мужиковъ и всякаго вздора, до чего я такой охотникъ, что хоть бы вовѣкъ не видать. Но что было дѣлать! Тогда принужденъ былъ терпѣть и насильно забавляться, но казалось дурно оказывать хозяйну неудовольствіе, а особливо толь откровенно обходящемуся. По се бы и уже согласился кое-какъ терпѣть, еслибъ повторенныя его объятія не прибавляли къ тому скуки. Я жался къ углу на короваги, и пятился отъ него отчасу далѣе, дабы хотя мало поотдалиться отъ такого ласковаго человѣка; но старанія мои были тщетны.

— «Другъ ты мой сердечный!.. поцѣлуемся-ка... Люби меня, какъ я тебя!

— Хорошо! хорошо! говорю ему, а самъ наровлю далѣе; однако помогало сіе мало. Но чѣмъ далѣе я отдвигался, тѣмъ бли-

примѣненіе къ «русской старинѣ» 1871 г.

же подвигался онъ ко мнѣ, и погода немного опять за тожь.

— «Другъ ты мой задушевный!.. пьянъ я, голубчикъ!.. пьянъ! скажи ты мнѣ чисто-сердечно, пьянъ-ли я?

— Пьянъ... пьянъ! — говорю ему.

— «Ну, сударикъ, поцѣлуемся же!»

«Не было уже мочи терпѣть далѣе сіи поцѣлуй, и я не зналъ что уже и дѣлать. По счастью моему пѣвицъ показалось ему какъ-то мало, и потому, не удовольствуясь кричаньемъ и многократнымъ приказываніемъ своей Дунькѣ, посылать бабъ и дѣвокъ, всталъ онъ самъ, чтобъ ихъ повытаскать изъ комнатки.

«Не успѣлъ я отъ него свободиться, какъ бѣгомъ съ постели долой, и сѣлъ себѣ на просторѣ въ стулѣ. Тутъ думалъ я, что буду по крайней мѣрѣ отъ него терпѣть мученья меньше, что мнѣ и удалось. Онъ хотя и не рѣдко ко мнѣ подхаживалъ и по прежнему и колоть, и давилъ и мучилъ, однако мнѣ все не таково уже было, ибо показалось ему, что всѣ худо пѣли и худо плясали, и надобно было самому ему подавать, шатаясь, тому примѣры. А сіе и удаляло его отъ меня на нѣсколько минутъ времени.

«Дочери его принуждены были также дѣлать компанію, и на большую онъ мнѣ то и дѣло жаловался, что плясать не умѣетъ; меньшая же была по его мыслямъ, ибо плясала такъ, какъ ему хотѣлось. Обѣ онѣ были дѣвушки изрядныя, но жалки безъ матери и воспитаніе очень худое имѣя. Большая была уже невѣста, и, по приказанію отца, принуждена была то и дѣло подносить гостямъ напитки, и тутъ-то дошло-было у насъ до разрыва столь тѣснаго дружества нашего. Не выпилъ я всей рюмки вишнева

— «Другъ ты мой сердечный! выпей всю».

— Не хочу воля твоя... не стану.. хоть, ты сердись, хоть бранись, а я знаю свою пропорцію, и ни для кого ее не преступлю!

«И тутъ-то началъ-было онъ вздорить, и потому принужденъ я былъ еще немного выпить, чѣмъ по счастью и удовольствовался. И опять пошла у насъ съ чикъ-

дружба и опять «поцѣлуемся мой другъ!». Насилу, насилу дождался я чаю; по счастью былъ онъ хорошъ, и я напился его довольно. Послѣ чая вздумалось ему перемѣнить явленіе. Не было, по мнѣнію его, довольно еще илсано и пѣто.

— «Гдѣ мой Ларка?.. Ларка! а Ларка.. побѣгите за нимъ.»—Ларка пришелъ.— «Ну-ка братъ, встрехнись хорошенько».

И подлинно уже встрехнулся. Задрожали даже окошки и зажужжало въ ухахъ, а свистомъ своимъ едва меня не оглушилъ. Радъ я, радъ былъ, когда теленень сей пересталъ. Но тутъ другое навязалось на меня горе. Привязался ко мнѣ Ванюшка-голубчикъ, любимый сынокъ моего друга сердечнаго! пристала ко мнѣ Кулюшка-голубка, любимая дочка пріятеля вѣрнаго. Одинъ говоритъ: «дядюшка, а дядюшка! сдѣлай мнѣ козлика!» а другая туда-жь за нимъ:—«И мнѣ такого-жь!»

«То-то были завидныя дѣти! Боже! всякаго сохрани отъ таковыхъ. Ванюшка былъ дѣтъ пяти или шести, одѣтъ въ какую-то фуфайченку, безъ портокъ, и во весь день то кривлялся, то кричалъ, то вѣшался на отца, то пилился на корову, то налялся и кувырчался на оной. И все это куда какъ хорошо.

— «Поди ко мнѣ Ванюшка! поди голубчикъ! мошенникъ ты! воръ ты самый».— И ну его цѣловать.

«Дочка Кулюшка была немного постарѣе и кривлялась еще лучше брата своего, а въ вѣшаньѣ ему не уступала. Вездѣ шарятъ, вездѣ лазяютъ... все хватаютъ. Растворили шкафъ, смыскали сахарницу, раскрыли ее, и милый сынокъ закричалъ: «Батя! а батя! я раскрылъ.»—Охъ! хорошо сударникъ, возьми себя».—И симъ-то любезнымъ дѣткамъ понадись какъ-то на глаза рѣпа.—«Батя! а батя, рѣпа!»—и тащатъ къ нему опую.—«Поддай, любезное дитятко, сюда!.. нарѣзать что-ли вамъ? подайте ножъ».—Покуда подавали ножъ, покуда собирался онъ рѣзать, покуда рѣзалъ, ибо рѣзанье происходило медленно, кусокъ на столъ, а другой на полъ, время между тѣмъ много прошло, и я

минуть десять былъ спокоенъ. Но вскорѣ послѣ того началось новое мученье.

«Пристухили оба ко мнѣ съ просьбами: дѣлай я имъ изъ рѣпы козликъ! дѣлай, да и только всего, не отстаютъ отъ меня. Что ты изволишь? Не могъ никакъ отдѣлаться и принужденъ былъ вырѣзать имъ двѣ лошади, и тѣмъ насилу, насилу отъ нихъ отдѣлался. И какъ мнѣ все сіе слишкомъ уже наскучило, то поднялся-было я ѣхать. Но статочное ли дѣло?—Развѣ браниться!—Не успѣю я встать, какъ меня схватить и поцѣлуетъ три сряду:

— «Братецъ, сиди!.. сударникъ, посиди! Ну, что тебѣ дома! дѣлать теперь нечего.»

«Что дѣлать, принужденъ былъ опять садиться. Лучше посижу, думаю въ себѣ, только освободилъ бы онъ меня отъ поцѣлуевъ своихъ. Наконецъ стало уже поздно становиться. Я не посмотрѣлъ ни на что, и почти съ бранью съ нимъ разстался и насилу уговорилъ его отпустить себя.

«Вотъ вамъ описаніе тогдашняго угоченія и препровожденія моего времени. Вы зная меня можете сами заключить, сколь весело мнѣ было, будучи трезвымъ, сидѣть между пьяныхъ и съ ними разговаривать. Признаюсь, что иногда со смѣху помиралъ смотря на все сіе. Но спасибо, на меня и не досадовали; но какъ бы то ни было, но въ праздныя минуты упражнялся я и тогда въ дѣлѣ, а именно чистилъ арбузную корку, крошилъ изъ ней и изъ рѣпной кожи сухарики, а въ самомъ дѣлѣ между тѣмъ размышлялъ о слабостяхъ человѣческихъ и благодарилъ Бога, что онъ сохранилъ меня отъ слабостей сему подобныхъ».

Но я записался уже въ сей разъ и заговорился о бездѣлкахъ, такъ что и позабылъ; что письмо мое давно уже превзошло свои предѣлы и мнѣ его давно пора кончить и сказать вамъ, что я есмь и прочее.

РАЗВОДЪ СЪ ЗЕМЛЕЮ.

Письмо 127-е.

Любезный пріятель! Наполнивъ послѣднее письмо мое все почти одними бездѣлками, надобно же рассказать вамъ

теперь и дѣло. Какъ г. Рахмановъ обѣщаль выѣхать въ поле въ послѣдующій день, то проснувшись радовался я, что была опять прекраснѣйшая погода, но страшился, не происходило-ли въ прошедшій день подобнаго тому-жъ у г. Рахманова въ домѣ, что было у г. Тараковского.

Извѣстно было мнѣ, что не только поѣхавшіе къ нему тогда гости любили также тѣшиться и забавляться, какъ г. Тараковский, но что и хозяинъ не рѣдко впадалъ въ болѣзнь тому подобную; и такъ завѣрное почти полагаю, что ежели гости у него ночевали, то всѣ они были тогда съ похмѣлья, а потому и боялся, чтобъ сіе не удержало опять г. Рахманова отъ ѣзды на поле.

И я во всемъ томъ ни мало не обманулся. Посланный къ нему человекъ привезъ къ намъ извѣстіе, что всѣ гости и тогда еще были у Рахманова и что накануне того дня была у нихъ прямо веселая компанія, такъ что и тогда еще лежали почти всѣ въ лежку отъ того, и г. Рахмановъ велѣлъ просить, чтобъ я его въ семъ случаѣ извинилъ, и обѣщаль уже навѣрное выѣхать на утро.

Не могу изобразить, какъ мнѣ и брату моему было тогда на него досадно, и какъ бранили мы тогда и его и всѣхъ гостей его, и все ихъ куликанье и бражничество. Уже жили мы цѣлую почти недѣлю по пустому и для одного сего Рахманова, и упустили чрезъ то наилучшее время къ обратной ѣздѣ въ свои дома.

Досада моя была такъ велика, что мнѣ не хотѣлось ни за какое дѣло приващаться, а потому, чтобъ не такъ было скучно, то, почти противъ хотѣнія своего, согласился въ этотъ день опять ѣхать къ пришедшему нась звать къ себѣ опять обѣдать г. Тараковскому, котораго нашли мы лежавшаго даже въ постели и насилу вставшаго отъ похмѣлья. Мы пробыли у него весь сей день, и тѣмъ охотнѣе, что онъ не былъ уже таковымъ, какъ въ прошедшій день, но въ полномъ и совершенномъ своемъ разумѣ.

Наконецъ наступилъ и послѣдующій важный и рѣшительный день. Судьба вос-

хотѣла сдѣлать его власно какъ нарочно со всѣхъ сторонъ для насъ труднымъ. Самая погода переѣбилась, и изъ прекрасной сдѣлалась самою скверною, холодною, вѣтренною, пасмурною и ненастною.

Я остолбенѣлъ почти увидѣвъ сіе, и услышавъ шумъ и свистъ вѣтра еще ночью при просыпаніи, ибо думалъ, что въ сей день сія дурная погода къ выѣзду на поле не допустить г. Рахманова.

— «Понесетъ ли его нелегкая! — думалъ и говорилъ братъ мой—этого бушму и брюхана, въ такую дурную погоду!»

Я самъ былъ такого же мнѣнія и не снѣвшиль ни мало одѣваться и готовиться къ ѣздѣ въ поле. Но всѣ мы въ сей разъ въ заключеніяхъ своихъ обманулись. Г. Рахмановъ былъ въ сей разъ такъ честенъ, что сдержалъ свое слово, и несмотря на всю дурную погоду выѣхалъ.

Сперва сказали-было намъ, что онъ вовсе не поѣдетъ; и сіе такъ меня вздурило, что я, разбранивъ и разругавъ его заочно, положилъ самъ собою все кончить и послалъ прикащика нѣкоторые недорѣзанныя черты дочерчивать, а сами расположились уже за непоголю въ поле въ сей день не ѣздить; но какъ же насъ встревожили и удивили другіе, прибѣжавшіе сказать, что Рахмановъ уже со двора выѣхалъ и въ степь отправился.

— «Давай, давай, скорѣе! закричали мы—одѣваться, сѣдай скорѣе лошадей!» И какъ по дурной погодѣ и по короткости времени было тогда не до уборовъ, то сѣлъ я въ тулупѣ, въ какомъ ходилъ, на лошадь, надѣвъ на себя только фуфайку и сверху епанчу и укутавшись сколько могъ лучше отъ стужи; а въ такомъ же убранствѣ былъ и мой братъ и слуга третій съ нами тогда только поѣхавшій, ибо за короткостью времени и за отсутствіемъ прикащика и взять множайшихъ людей съ собою было некогда и некого.

Теперь опишу я вамъ сіе достопамятное наше съ Рахмановымъ свиданіе и бывшую съ нимъ алчнымъ и гордымъ человекомъ раздѣлку; и опишу все происходившее у насъ подробнѣе, для

чтобъ вы могли усмотрѣть всю дурноту характера сего человѣка, также послѣ увидѣть, какъ судьба восхотѣла его наказать за его ненасытство и за наглое насъ, а особливо меня, притѣсненіе, и удивиться тому, что онъ всѣми тогдашними своими наглостями и стараніями присвоить себѣ совсѣмъ незаконнымъ образомъ степь, вмѣсто мнимой себѣ пользы основывалъ только мнѣ превеликую и совсѣмъ даже мною никогда неожиданную выгоду и заботился и трудился тогда самъ не зная о чемъ и для кого.

Однако какъ сіе не прежде произошло, какъ по прошествіи многихъ лѣтъ и уже послѣ его смерти, и о семъ услышите вы послѣ; то теперь возвратимся со мною и поѣдемъ въ степь, горе свое мыкать, въ степь для раздѣлки съ гордо-пышнымъ, алчнымъ и наглымъ богачемъ.

Вѣтръ былъ преужасный и притомъ рѣзкій и весьма холодный, и погода пасмурная и самая дурная. Мы не успѣли выѣхать за рощу, какъ почувствовали всю ея суровость, и разъ сто сказали съ братомъ изрядное слово г. Рахманову заочно; а съ другой стороны и спасибо говорили, что по крайней мѣрѣ выѣхалъ. Но какъ то ни было, но мы приѣхали наконецъ на спорное мѣсто, но тутъ не нашли еще никого, а увидѣли только вдали двухъ верховыхъ.

Дождавшись оныхъ къ себѣ усмотрѣли мы, что были то два однодворца, наперсники и любимцы г. Рахманова: оба моты, оба мошенники, оба враги и шутники, и оба находящіеся въ милости у Рахманова и всегда его забавляющіе. Отъ нихъ услышали мы, что Рахмановъ дѣйствительно выѣхалъ, и находится уже въ своемъ хуторѣ, построенномъ имъ года за два до того нагло въ нашей Ложечной-вершинѣ, и что они отставали отъ него для ловли зайца. А тотчасъ послѣ сего и приѣхалъ къ намъ и человѣкъ отъ Рахманова звать насъ къ нему, куда мы тотчасъ и поѣхали.

Г. Рахмановъ выѣхалъ на свиданіе сіе съ великою помпой и штатомъ, въ одноколѣ или паче колесницѣ, запряжен-

ной шестью дорогими лошадьми, а сверхъ того была у него заводная, верховая, дорогая лошадь, убранная вся въ золотѣ и въ гасахъ. Самъ онъ, дожидавшійся насъ въ избушкѣ, убранный былъ также въ мундирѣ гвардейскомъ и очень по-лѣтнему. Впрочемъ примѣтно было очень, что дѣло было съ похмѣлья и онъ исковеркался и изломался.

Онъ принималъ насъ съ учтивостію и подчивалъ водкою и вишневою, а самъ для насъ выпилъ чарку водки. И тогда представилось мнѣ страшное и удивительное зрѣлище. Не успѣлъ онъ выпить, какъ начало его мучить и коверкать, и ровно такъ, какъ-бы находился онъ въ припадкѣ. Дивился и не зналъ я, что о семъ думать и тѣмъ паче, что продолжалось сіе съ добрую четверть часа. Наконецъ кончилось тѣмъ, что его вырвало и онъ намъ разрѣшилъ сію загадку, сказавъ, что сіе всегда съ нимъ бываетъ, какъ скоро онъ одну чарку послѣ обѣда или съѣвъ только одинъ кусокъ хлѣба выпьетъ, а не ѣвши хоть десять, такъ ничего.

Послѣ сего началъ онъ намъ рассказывать, кто у него были гости и какъ они съ ними много пили.—«Повѣрите-ли? говорилъ онъ, иныхъ такъ и волочили безъ памяти».—Изрядная похвальба! думалъ я самъ въ себѣ, а ты небось, другъ, таковъ же былъ!!!

Поговоря кой о чемъ и обогрѣвшись, согласились мы начинать свое дѣло. Онъ сѣлъ на своего коня богато убраннаго, котораго пошедшій дождь мочилъ тогда очень хорошо, и одѣвшись въ холодный плащъ поѣхалъ, послѣдуемъ будучи множественномъ верховыхъ людей; а мы въ своемъ смиренномъ видѣ потащились также и выѣхали на спорное мѣсто.

Но прежде нежели начну вамъ описывать все наше происхожденіе, расскажу вамъ сколько насъ было. У г. Рахманова при боцѣ былъ, во-первыхъ, его воръ прикащикъ, плутъ, какого болѣе быть не можно. Во-вторыхъ, человѣкъ шесть верховыхъ лакеевъ; въ-третьихъ, старосты со всѣхъ деревень съ бородами; въ-чет-

вертѣхъ, наконецъ, оба помянутые шуты, вертящіеся около его какъ дьяволы. Съ нашей же стороны былъ я только самъ-третей, какъ выше упомянуто; ибо по несчастію не было со мною и моего прикащика, который далеко отъ того мѣста чертилъ землю и мнѣ въ скорости за нимъ послать было некогда и некого. По счастью зналъ я уже самъ всѣ мѣста и обстоятельства.

Не успѣли мы такимъ образомъ выѣхать, какъ начался у насъ тотчасъ споръ. Онъ началъ утверждать свою окружную, а я ее оспаривать; но что можно было съ такимъ человѣкомъ сдѣлать, который надуть былъ своею силою, объять безпримѣрною завистью и который насильно хотѣлъ черное сдѣлать бѣлымъ.

— «Это не дикая степь, а покосъ въ нашей дачной окружной!» — да и вотъ тебѣ на! — хотя мы дѣйствительно на некошенномъ ковылѣ и ни мало на покосъ не похожемъ мѣстѣ стояли; и мы что ни говорили, но всѣ наши слова были какъ въ стѣну бросаемый горохъ. Уже я чего и чего не дѣлалъ: и досадовалъ, и смѣялся, и кричалъ и доводилъ доводами, но ничто не помогало. Однимъ словомъ, не говори ему ничего о покупкѣ, а говори о полюбовномъ разводѣ. Купить здѣсь нельзя да и только всего. Что ты изволишь? — «Хорошо!» говорю ему, а самъ въ себѣ думаю, быть хотя и уступить, но развестись бы только съ симъ бѣшенымъ и вздорнымъ человѣкомъ.

Мы простояли на томъ мѣстѣ и прокричали съ полчаса цѣлѣе. Вѣтеръ и дождь былъ сильный и мы принуждены были стоять спиною отъ онаго, ибо прямо стоять возможности не было. Наконецъ, усмотрѣвъ я, что по пустому кричать нечего, предложилъ чтобъ начать разводиться.

— «Хорошо! сказалъ онъ: изволь показывать вашъ отводъ».

Тогда сталъ я показывать ему свои вѣхи и говорить, что для его хутора останется мѣста еще довольно. Но точное ли дѣло, чтобъ его ненасытнымъ глазамъ показалось довольно. Однимъ сло-

вомъ, гдѣ было сто сажень тутъ безъ стыда и совѣсти и насильно дѣлалъ онъ только двадцать, и ты я не помышлай его увѣрить о противномъ. «Тѣсно, да и только всего; твердилъ только, что у него дачи много и спрашивалъ сколько ее у меня? Какъ скоро упоминалъ я ему о покупкѣ, онъ опять начиналъ бѣситься. Наконецъ спрашиваю его, гдѣ-жѣ бы былъ его отводъ? Тогда велѣлъ онъ вести своему прикащику, и мы поѣхали за нимъ.

Онъ довелъ до своей черты, сдѣланной самовольно минувшею только весною, и которою чертою отхватилъ онъ нѣсколько нашихъ пашень. Я началъ ему выговаривать объ оныхъ и изображать, что это первый примѣръ въ государствѣ, чтобъ купленную уже и такую землю, за которую деньги заплачены, отнимать нахальствомъ. Не успѣлъ я сего выговорить, какъ Рахмановъ мой вспыхнулъ, какъ порохъ, и заблевалъ огнемъ и пламенемъ.

— «Не хочу, сударь, отводить когда такъ; что ты за межевщикъ, наставилъ себѣ вѣхъ! великая диковинка! посмотрю я на нихъ! Отъому, сударь, по самое Среднее-Ложечное! поди проси на меня! ничего не сдѣлаешь!»

И тутъ чуть-было я всего дѣла не испортилъ, ибо сами разсудить можете, что такой случай всякаго разсердить могъ. У меня закипѣло у самого тогда сердце и я хотѣлъ-было также вспыхнуть. Однако успѣлъ еще опаматоваться и взять прибѣжище къ философическимъ правиламъ и средствами, которымъ я изъ ней научился, тотчасъ потушилъ въ себѣ огонь воспламенившійся. Между тѣмъ какъ онъ ныхалъ и вертѣлся на своей лошади и назадъ уже поѣхалъ, имѣлъ я время собрать свои мысли и принять лучшія мѣры.

Я молчалъ покуда прошло все пламя, а потомъ началъ ему говорить, что надлежало, дабы не оставить всего моего намѣренія втунѣ и не привести себя въ большія хлопоты, и насилу насилу его уломалъ и преклонилъ къ тому, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, показавъ свои от-

воду; ибо вѣдалъ, что когда поѣдемъ, то дѣло будетъ лучше и тихимъ образомъ можно будетъ раздѣлаться, ибо я усматривалъ, что жаромъ и крикомъ ничего съ нимъ не сдѣлаешь.

Отводъ его по счастью былъ въ томъ мѣстѣ, по которое и я и сперва уступить ему былъ намѣренъ, буде до сего дѣло дойдетъ, то-есть, отводилъ онъ его прежнюю чертогу. По счастью не продолжалась она далеко въ степь, а брошена такъ.

По приѣздѣ къ сему концу сдѣлался опять споръ, куда итти далѣе. Моя линия и мѣтвѣе клонилось гораздо вправо, а его алчные и ненасытные замыслы были, чтобъ итти прямо противъ чертъ, не удовольствуясь тѣмъ, что и безъ того находилось во владѣніи его изъ сей степи тысячъ до пяти или болѣе десятинъ, которыя онъ безъ малѣйшаго права, а единою наглостию и усилиемъ захватилъ и себѣ присвоилъ.

Хотѣлось ему захватить ее еще того болѣе, отбить у насъ всѣ верховныя ложечнаго буерака, и всѣ мѣста годныя къ поселенію, и сдѣлаться одному властелиномъ сей обширной и окомъ необозрѣваемой степи; а потому и захватывалъ онъ у насъ всѣ почти такъ-называемые переды или мѣста противъ нашего селенія, въ степи лежащія и тѣмъ, буде-бъ можно, преградить намъ совершенно входъ въ оную степь и сдѣлать дальнѣйшее распространение нашихъ пашенныхъ земель въ оную невозможнымъ.

И какъ до того допустить его никонимъ образомъ было не можно, то напало на меня тогда новое горе и я не зналъ, какъ бы въ томъ ему воспрепятствовать, а потому и начался-было тутъ у насъ съ нимъ опять споръ; однако я, не допуская его до жара, уговорилъ его ѣхать напередъ моею линією, и сказывая ему, что она скоро поворотится влѣво, поѣхалъ самъ по оной, и спасибо поѣхалъ и онъ за мною, ибо я старался какъ можно удалить его отъ плута его прикащика, отъ котораго все зависѣло.

Доѣхавши до поворота, показываю я

ему оный и говорю: что для его степи много еще останется; но тутъ-то было на меня опять горе. Ему казалось мало, да и только всего. Алчность его была безпримѣрная и ненасытная! Проговора и прокричавъ опять нѣсколько времени на семь мѣстѣ, вздумалъ я употребить хитрость и постараться довести его до конца моей линіи, ибо заключалъ, что когда мы удалимся, то легко можно будетъ ему въ пространномъ и окомъ необозрѣваемомъ полѣ обмануться, а мнѣ мѣста сіи были уже болѣе знаемы, ибо я побродилъ по онымъ и по плану все зналъ. И какъ линія моя была еще не прочерчена, а пробита одними колушками, то я ведя, ведя его по оной, нечувствительно свернулъ немного вправо въ томъ умыслѣ, что если онъ хотя и далѣе просить будетъ влѣво, такъ не много будетъ убытка.

Не доѣзжая до конца остановились мы у одного стога, которыхъ множествомъ вся сія обширная степь была наполнена, и начали говорить, и ей! ей! съ цѣлымъ часъ мы тутъ прокричали, и по большой части все о постороннемъ и ненадобномъ. Вѣтръ и гололедка и снѣгъ, пошедшій въ то время, помогъ мнѣ тогда много. Стужа его пронимала, каковъ онъ ни жиренъ былъ. Мы же, будучи въ шубахъ, не озябли, а терпѣли только нужду наши лица.

Мое главное намѣреніе было уговорить его ласкою, чтобъ онъ взялъ по сіе мѣсто, и я вымышлялъ все, чѣмъ только могъ его къ тому преклонить; но мѣшалъ и недоѣдалъ мнѣ одинъ только его прикащикъ, такой плутъ, что насильно называлъ нѣкоторые указываемые вдали стога сѣна, принадлежащими будто-бы сосѣдямъ ихъ караваенскимъ однодворцамъ, хотя были они совсѣмъ не ихъ; а я спорилъ въ томъ, хотя въ самомъ дѣлѣ и самъ не зналъ чьи они были. Онъ представлялъ въ свидѣтели караваинскаго однодворца, бывшаго тогда съ нами; но по моему счастью не зналъ онъ и самъ, чьи они и принужденъ былъ, въ угожденіе Рахманову, вывергиваться неопредѣлительными терминами. По счастью подѣ-

ѣхалъ ко мнѣ мой прикащикъ: онъ подтвердилъ мои слова, и я тѣмъ много убѣдиль Рахманова.

Наконецъ калякая, калякая, всё мы озябли. Шуты шутили и принуждали насъ къ совершенію и окончанію нашего дѣла. Я предлагалъ тоже; Рахмановъ озябъ и поѣхалъ наконецъ влѣво, чтобъ отвести покуда онъ въ сію сторону взять хотѣлъ. Тутъ доѣхали мы до конца моей линіи, которая была не близко, ибо я отвелъ его вправо далеко.

Онъ, минуя его, ѣхалъ далѣе и я боялся уже, чтобъ онъ далече не заѣхалъ. Но, по счастью моему, не успѣлъ онъ сажень пятидесяти отъ моего пунета отѣхать, какъ попалась ему маленькая вершинка на глаза. Она показалось ему удобнымъ мѣстомъ, могущимъ служить между нами живымъ урочищемъ, и для того остановясь тутъ, требовалъ онъ по сіе мѣсто, власно такъ, какъ бы онъ имѣлъ на всю степь сію наивеличайшее право.

Я размѣялся тогда самъ въ себѣ его ошибкѣ, ибо со всѣми своими замыслами захватилъ онъ изъ моей округи не болѣе десятивъ трехъ; почему и не имѣлъ я причины долго ему въ томъ спорить, а почему и кончили мы сіе дѣло согласясь, чтобъ провести отъ моего поворота на то мѣсто прямую линію, и чтобъ сія линія была между нами межею. Онъ приказалъ о томъ своему прикащику и былъ притомъ такъ снисходителенъ, что велѣлъ отпахать мнѣ и землю, сколько ее монни было въ захваченной имъ округѣ раздрано.

Такимъ образомъ развелся я съ нимъ наглымъ, вздорнымъ и безпокойнымъ монимъ сосѣдомъ и радъ былъ, что остался отъ него спокоенъ, ибо на прочихъ и своихъ внутреннихъ и чрезполосныхъ сосѣдей я тогда мало уже смотрѣлъ. Всѣ они казались мнѣ тогда противъ его маловажными. Къ тому-жъ доволенъ я былъ и тѣмъ, что мнѣ работать болѣе было не для чего, ибо измѣренныя и очерченныя мои мѣста остались всѣ въ своей силѣ.

По окончаніи сего и помирившись, поѣхали мы какъ добрые пріатели назадъ,

и отѣхавши немного остановились у стога, чтобъ погрѣться отъ самой погоды и отъ снѣга; послѣ чего распрощавшись и поѣхали по домамъ: я въ свою хижину, чтобъ отогрѣться и помышлять уже о томъ, какъ бы скорѣе убираться и въ своясы, а онъ на свой хуторъ, чтобъ съ торжествомъ возвратиться въ свое село.

Но, о! сколь мало зналъ онъ тогда, что воспослѣдуетъ впредь со всѣми тѣми землями, которыя онъ тогда такъ жадно и нагло захватывалъ въ свою власть, и какъ судьба накажетъ дѣтей его за всѣ дѣлаемыя имъ тогда наглости и насилія!! Не сталъ бы онъ такъ много веселиться одержаннымъ тогда, по мнѣнію своему, надо мною верхомъ и такъ много торжествовать свою побѣду!

Послѣ сего не осталось мнѣ другого дѣла, какъ собрать сотскихъ и десятскихъ и постороннихъ людей, и объяви прочестъ имъ свой указъ для вѣдома, а потомъ повидаться съ другомъ моимъ г-мъ Тараковскимъ, и убираться въ путь своей. Все сіе и сдѣлалъ я въ наступившій послѣ того день, и народа набралась ко мнѣ толпа превеликая. Я, съскавъ изъ нихъ одного грамотнаго, заставилъ его читать указъ мнѣ данный на проданную мнѣ землю. Всѣ они сказали: «хорошо, мы слышимъ и будемъ знать и вы де намъ пожалуйста отдавайте луга въ наймы».

Сіе меня сколько-нибудь веселило. А какъ и г. Тараковский, съ которымъ я въ тотъ же день видѣлся, тоже говорилъ и на все былъ согласенъ и даже и землямъ со мною промѣняться обѣщалъ, то удовольствіе мое было еще совершеннѣе, такъ что я, кончивъ все дѣло, на утріе, что было 5-го числа октября, въ путь свой и отправился съ веселымъ духомъ.

Итакъ, вотъ какое окончаніе получило тогда сіе дѣло. Признаюсь, что успѣхъ въ ономъ былъ далеко не таковъ великъ, каковымъ я ласкался и какого ожидалъ. Весь важный разводъ мой съ Рахмановымъ ничего почти не значилъ, а утвердилъ только нѣкоторымъ образомъ его во владѣніи захваченнымъ имъ сильною

наилучшимъ и такимъ мѣстомъ въ степи тамошней, которое всего болѣе было встать къ намъ, и въ которомъ только и можно было заводить какіе-нибудь хуторы и селенія, ибо тутъ одна только и была съ водою помянутая вершина, называемая «Дальнимъ-Ложечнымъ»; а ее всю онъ себѣ и захватилъ, и лишилъ насъ чрезъ то впредь всѣхъ выгодъ.

Тутъ, какъ выше упомянуто, былъ сперва у меня хуторокъ, но онъ согнавъ, сдѣлалъ свой и большой хуторъ; а въ послѣдующее потомъ время, какъ упоминается впредь, населилъ тутъ и цѣлую деревню, и хотя послѣ и принужденъ былъ онъ ее свести, потерявши всю захваченную имъ изъ степи многочисленную землю, но черта, сдѣланная тогда между нами, служить и понынѣ еще межею между его владѣніемъ и землями деревни нашей, и въ честь ему можно сказать, что онъ съ того времени никакъ и ни на шагъ черту свою не переступалъ, а дрался только безъ памяти далѣе въ степь; но тамъ-то послѣ и обжегся.

Такимъ образомъ съ его стороны остался я уже съ покоемъ; но что касается до другихъ и внутреннихъ моихъ чрезполосныхъ сосѣдей, непосмѣвшихъ тогда и глазъ своихъ показать, то сіи мнѣ болѣе хлопотъ, досадъ и неудовольствій надѣлали, нежели я тогда отъ нихъ думалъ и ожидалъ.

Они въ послѣдующее за симъ время не только не захотѣли меня оставить спокойно владѣть намѣренною и очерченною мною себѣ степною дикою землею, хотя и ихъ земель ни мало не трогалъ, и степи для нихъ и безъ сего ключа осталось великое множество, но были такъ глухи и безсовѣстны, что самого меня еще утѣсняли, и всего меньше имѣя право распахать вновь землю, вмѣсто того чтобъ, по силѣ строгаго въ манифестѣ повелѣнія, чтобъ оставлять и завладѣнные до манифеста земли, они всякій годъ умножали оныя и надрывались другъ предъ другомъ захватываніемъ земли вновь въ свое владѣніе; и были въ семъ случаѣ такъ алчны и ненасытны, что не посовѣстились

распахивать и раздирать землю въ самой моей чертѣ, и, по оплошности и слабости моего прикащика, такъ ее испестрили своими клочками, что я, приѣхавши чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того опять, ажно ахнулъ, и увидѣлъ, что всѣ мои тогдашніе труды, измѣренія и работа была по пустому и не принесла мнѣ ни малѣйшей пользы, а успокоила только всѣхъ ихъ отъ Рахманова съ потеряніемъ наилучшихъ выгодъ.

Но какъ бы то ни было, но тогда не можно было всего того никакъ предвидѣть; а потому и поѣхалъ я въ тѣхъ мысляхъ, что хотя успѣхъ имѣлъ я въ томъ, не совсѣмъ вождельный, однако что удалось мнѣ сдѣлать въ пользу свою уже много, ибо думалъ, что черта моя такъ и останется, и что я могу съ землею сею дѣлать все, что мнѣ угодно.

Братъ мой не менѣе моего былъ доволенъ, и болѣе моего былъ еще радъ, что мы окончили сіе дѣло. Его давно уже подмывало, и ему болѣе еще моего хотѣлось ѣхать домой, и никто такъ много и часто о погодахъ не говорилъ, какъ онъ. Но правду сказать, сіе одно и было почти за нимъ дѣло; ибо во всѣхъ описанныхъ трудахъ и хлопотахъ моихъ былъ онъ мнѣ весьма худымъ помощникомъ, и служилъ мнѣ болѣе въ путешествіи семъ товарищемъ нежели сотрудникомъ. Но отъ него, по неспособностямъ его ни къ чему, и требовать дальнѣйшаго было не можно.

Теперь слѣдуетъ рассказать вамъ о обратной нашей ѣздѣ и о возвращеніи въ домъ; но какъ материн сей наберется на цѣлое почти письмо, то я назначу къ тому послѣдующее, а теперешнее симъ кончу, сказавъ вамъ, что я есмь и прочее.

ОБРАТНАЯ ЪЗДА ВЪ ДОМЪ.

Письмо 128-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ, хотя не сдѣлавъ себѣ никакой важной пользы, однако что-нибудь произведя, отправились мы съ братомъ домой, и поспѣшали отъѣздомъ своимъ тѣмъ паче,

что погода становилась уже дурна и появляющіеся уже часто морозы и снѣжокъ устрашали насъ скорымъ настаніемъ зимы. Итакъ, хотя и тогда лежалъ еще послѣдній снѣжокъ и не сошелъ, но мы не стали уже сошестья онаго дожидаться, а пустились въ путь свой, и чтобы теплѣе было ѣхать, то согласились ѣхать вмѣстѣ въ моей коляскѣ.

Мы поѣхали до Тамбова совсѣмъ другою уже дорогою, отчасти для избѣжанія песковъ въ лѣсу Пенскомъ, а отчасти для того, чтобы заѣхать къ одному моему дальнему и незнакому мнѣ еще родственнику, живущему почти на самой дорогѣ. Былъ онъ изъ фамиліи Бавиныхъ, и доводился онъ мнѣ дядя внучетный, а звали его Михаиломъ Петровичемъ. Какъ мнѣ никогда еще его видать не случилось, то хотѣлось мнѣ къ нему заѣхать и съ нимъ познакомиться.

Ѣдучи туда и переѣзжая поперегъ всю нашу степь, имѣлъ я досугъ заняться мыслями о всѣхъ произшествіяхъ, случившихся въ сіе мое въ степной деревнѣ пребываніе, и вообще обо всей связи дѣлъ и произшествій, относящихся до покушной моей земли.

При семъ разсматриваніи всего происходившаго усматривалъ и нѣчто особенное, а именно: что я во многихъ случаяхъ дѣлалъ многія и повидимому важныя ошибки; но что всѣ сіи ошибки обратились мнѣ потомъ въ особенную и великую пользу, и власно такъ, какъ бы мнѣ ихъ необходимо и нарочно дѣлать надлежало. Сіе принуждало меня признаваться, что было тутъ нѣкакое невидимое руководство, управлявшее тайнымъ образомъ моими дѣлами, и обращающее все въ мою пользу. И какъ все сіе приписывалъ я никому иному, какъ Богу, сему всегдашнему моему покровителю, то и возсылалъ духомъ изъ глубины сердца моего достойную ему за то благодарность.

Теперь, прежде рассказыванія о нашемъ заѣздѣ къ моему родственнику, расскажу вамъ объ одномъ зрѣлищѣ, какое мнѣ въ жизнь мою случилось только однажды

тогда видѣть, и которымъ я не могъ довольно налюбоваться.

Было оно натуральное, но прямо пышное, прекрасное и величественное. Во весь день ѣхали мы при мрачномъ небѣ, но ввечеру, предъ самымъ приѣздомъ въ домъ къ моему родственнику, и въ самое то время, какъ проѣзжали мы его прекрасныя и высокія рощи, широкую между ними прогалиною, случилось небу, внизу подлѣ горизонта, проясниться и выкатившемуся изъ-подъ верхнихъ густыхъ тучъ солнцу освѣтить вдругъ снизу всѣ мрачныя облака, укрывавшія тогда все небо, и представить ихъ зрѣнію власно какъ въ горящемъ видѣ.

Сіе и одно составило уже прямо величественное и великолѣпное зрѣлище. Но сего было еще не довольно; но въ самое тоже время случилось, что пошелъ густой снѣгъ крупными хлопьями, и какъ мы ѣхали прямо на западъ и противъ сіяющаго солнца, то всѣ сіи снѣжинки представились намъ не инако, какъ золотыми или какъ жаръ горящими, и весь идущій снѣгъ казался наивеликолѣпнѣйшимъ золотымъ или огненнымъ дождемъ; и зрѣлище сіе было столь рѣдкое и удивительное, что я смотрѣлъ на оное даже съ восхищеніемъ и не могъ довольно на оное насмотрѣться.

Не успѣло солнце, опустившись за горизонтъ, лишить насъ сего утѣшенія, какъ и доѣхали мы уже до дома моего родственника. Онъ принялъ насъ ласково, и узнавъ кто мы таковы, былъ намъ очень радъ, и не только унялъ ночевать, но не отпустилъ и на другой день безъ обѣда.

Онъ жилъ тутъ весьма не худо, и такъ, какъ бы богатому и достаточному дворянину жить бы надобно было. Я удивился нашедъ у него прекрасный домъ, построенный и убранный порядочнымъ образомъ и совсѣмъ не по степному. Усадьба его была преизобильная, крестьянъ множество, хлѣба полно гумно, а и въ скотѣ великое изобиліе. Самъ же онъ составлялъ нѣкоторой отрывокъ прежнихъ, старыхъ, добрыхъ людей, однако не отставалъ и отъ нынѣшняго свѣта.

Онъ принялъ и угощалъ насъ такъ, какъ позволялъ ему его достатокъ и мнѣ всего пріятнѣе было, что я наѣлся тутъ и въ первые еще тѣмъ годомъ прекраснаго винограда. Желю имѣлъ онъ вторую и очень еще не старую, и она была также боярыня изрядная и ласковая.

На другой день до обѣда водилъ онъ насъ показывать намъ вновь построенную предъ воротами у себя церковь, и я не могъ довольно надивиться прекрасному расположенію и деревянной архитектурѣ, какъ внутренней, такъ и наружной.

Церковь сія имѣла не только снаружи изрядный и особенный видъ, но и внутри украшена была съ особеннымъ и очень хорошимъ вкусомъ. А особливо полюбилась мнѣ иконостасъ, писанный мастеромъ доказывающимъ о себѣ, что имѣлъ вкусъ хороший.

Я хвалилъ все, что видѣлъ и хвалилъ чистосердечно. А болѣе всего нравилось мнѣ то, что вездѣ, какъ въ домѣ такъ и въ церквѣ я видѣлъ все домашнее и свидѣтельствующее, что хозяинъ былъ великій охотникъ до художествъ, чего хотя и не могъ я ожидать съ наружнаго вида.

Описавъ все достохвальное въ разсужденіи сего моего родственника, не могу умолчать и о нѣкоторыхъ пристрастіяхъ, которымъ онъ былъ подверженъ.

Сей старикъ зараженъ былъ особливою и удивительною страстію, состоящею въ томъ, чтобъ имѣть у себя военныхъ людей. Онъ удивилъ меня признаваясь, что находитъ въ томъ величайшее увеселеніе и не тужить о томъ коштѣ, котораго они стоютъ.

Выбравши семь человекъ наилучшихъ людей, обмундировалъ онъ ихъ въ гусарское платье и не только снабдилъ ихъ всѣмъ, что до гусара принадлежить, но служилъ самъ въ кавалеріи, и обучилъ ихъ всей гусарской экзерциціи. Однимъ словомъ, гусары его были въ самой формѣ и на конѣ и отправляли порядочно службу: стояли у него на часахъ, ѣздили за нимъ въ конвоѣ, обучались, стрѣляли и

имѣли фронтъ предъ его окнами, также особенный построенный для себя кордегардъ и конюшню. По обѣимъ сторонамъ крыльца подѣланы были будки для часовыхъ, а третья у воротъ.

Сіи гусары приходили къ нему репортовать и онъ приказывалъ имъ что надобно. Онъ не преминулъ и мнѣ представить ихъ во всей формѣ и приказалъ стрѣлять и экзерцироваться, и требовалъ моея апробаціи. Я принужденъ былъ сказать ему «хорошо», однако не упустилъ спросить: чего бы они всѣ стоили?—Сіе немного его посмутило. Угаить было нельзя, что стоили они многихъ денегъ, и онъ старался уже прикрыгъ шалость сію тѣмъ, что находитъ въ томъ величайшее удовольствіе, и для того убыткомъ симъ жертвуетъ охотно.

Такую же суетность примѣтилъ я въ немъ и въ другомъ случаѣ. Онъ отдалъ людей учиться играть на трубахъ, чтобъ всякій день въ двѣнадцать часовъ играли они у него на колокольнѣ вмѣсто курантовъ, а по утрамъ и по вечерамъ протрубивали передъ фрунтомъ его зарю. Я усмѣхнулся услышавъ о томъ повѣствованіи, и хотя также сказалъ «хорошо», но думалъ совсѣмъ иное.

Но ничѣмъ онъ такъ меня не увеселилъ, какъ открывъ шкафъ и показавъ мнѣ немалое число французскихъ и нѣмецкихъ книгъ, принадлежащихъ его сыну, и далъ мнѣ дозволеніе всѣ ихъ пересмотрѣть. И я признаюсь, что въ пересматриваніи ихъ нашелъ я болѣе для себя увеселенія, нежели въ смотрѣніи на его гусаръ похвальныхъ, ибо были книги сіи весьма хорошія и достойныя примѣчанія.

Итакъ, препроводивъ у него безъ мала сутки довольно весело, ибо былъ онъ человекъ умный и можно было съ нимъ обо всемъ говорить, и распрощавшись съ нимъ, поѣхали мы далѣе и на другой день доѣхали и до Тамбова.

Ѣдучи черезъ сей городъ, веселился я опять зрѣніемъ на великолѣпное и красивое зданіе архіерейскаго дома и монастыря, но купѣ при томъ не могъ

безъ внутренней досады воспоминать о томъ, какими мерзостями сіе святилище было наполнено. Я наслышался о томъ отъ помянутаго родственника и отъ нѣкоторыхъ другихъ людей, и не могъ сперва никакъ тому повѣрить, покуда не услышалъ о томъ подтвержденія отъ другихъ многихъ.

Боже мой! какое мздоимство господствовало тогда въ семь мѣстѣ: всему положена была цѣна и установление. Желающій быть попомъ долженъ былъ неотмѣнно принести архіерею десять головъ сахару, кусокъ какой-нибудь парчи и кой-чего другого, напримѣръ гданской водки или иного чего.

Всѣ сіи нужныя вещи и товары находились и продавались просителямъ въ домѣ архіерейскомъ и служили единственно для прикрыванія воровства и тому, чтобъ подъ видомъ приносовъ можно было обирать деньги. Келейникъ его продавалъ оныя и бралъ деньги, которыя потомъ отдавалъ архіерею, а товары бралъ назадъ для вторичной и принужденной продажи.

Всякому посвящающемуся въ попы становилась поставка не менѣе какъ по 100, въ дьяконы 80, въ дьячки 40, въ пономари 30 рублей, выключая то, что безъ десяти рублей келейникъ ни о комъ архіерею не докладывалъ, а совсѣмъ тѣмъ отъ него все зависѣло. Однимъ словомъ, они совсѣмъ стыдъ потеряли и безстыдство ихъ выходило изъ предѣловъ. Съ самыхъ знакомыхъ и такихъ, которыхъ почиталъ себѣ друзьями, не совѣстился архіерей брать, и буде мало давали, то припрашивалъ.

Совсѣмъ тѣмъ бывшаго тогда архіерея хвалили еще за то, что онъ не таковъ золь былъ, какъ бывшій до него Пахомій. Тогдашній по крайней мѣрѣ не дрался, а отсылалъ виновныхъ молиться въ церкви, а прежній былъ самый тиранъ и драчунъ, и объ немъ рассказывали мнѣ одинъ странный анекдотъ.

Случилось быть въ его время въ мѣстечкѣ Ранебургѣ одному богатому и ульевъ до 300 пчелъ имѣющему попу и опредѣленному туда самимъ синодомъ.

Архіерей, приѣхавши въ епархію, тотчасъ объ немъ провѣхалъ и надобно было его притащить, надобно было помучить. Къ несчастію сего бѣдняка вздумалось ему поупрямиться, онъ счелъ себя не подъ командою архіерейскою и не хотѣлъ по двумъ послылкамъ ѣхать и везть къ нему свою ставленную. Архіерей велѣлъ притащить его силою и до тѣхъ поръ его мучилъ плетью и тиранилъ, покуда не вымучилъ изъ него 500 руб. и не разорилъ его до конца.

Но сего еще не довольно; но онъ на сіи деньги сдѣлалъ себѣ богатое платье и хвасталъ всему свѣту, что это платье упрямаго попа. А симъ и подобнымъ сему образомъ обходился онъ и съ прочими своими подчиненными, и гѣмъ помрачалъ всю славу, которой достоинъ былъ за основаніе и построеніе великолѣпнаго онаго архіерейскаго дома и монастыря, которымъ Тамбовъ украшался въ особенности.

Но какъ говорится въ пословицѣ, что каковъ попъ таковъ и приходъ, то всхопствоіе того не лучше архіерея были и гражданскіе начальники. Мнѣ и объ нихъ рассказывали странныя и удивительныя дѣла, а особливо о бывшемъ до того воеводѣ Коломнинѣ, который былъ такой мздоимецъ, что самая смерть не могла уменьшить въ немъ алчности его къ деньгамъ.

Рассказывали, что въ то время, когда лежалъ онъ уже при самой смерти боленъ, принесли къ нему подписывать одну квитанцію, и онъ, не въ состояніи уже будучи говорить, давалъ знакъ руками, что онъ безъ взятка подписать не велитъ, и до тѣхъ поръ сего не сдѣлалъ, покуда не положили ему на грудь рубля; и не успѣлъ онъ сего сдѣлать и тотъ съ квитанціею вытти, какъ закричали, что воевода умеръ.

Преемникъ его г. Масаловъ былъ еще лучше его. Сей, между прочимъ, употреблялъ слѣдующія къ обогащенію своему средства: приведуть вора или разбой вода въ канцелярію, и бѣ, распросить

его откуда онъ, кто въ тѣхъ деревняхъ богатые и заживные мужики и жители, и сихъ людей велитъ ему оговорить, обѣщая самого за то его освободить. Воръ то и сдѣлаетъ и воевода, призвавъ его къ себѣ, и выпуститъ его другимъ крыльцомъ на волю, а тѣхъ бѣдныхъ людей разорить и ограбить до основанія.

Къ вѣщему несчастію случилось въ его бытность быть частымъ рекрутскимъ наборамъ, подававшимъ ему наилучшій случай воровать и наживаться, а особливо отъ дворянцевъ и дворянскихъ крестьянъ. Не успѣетъ кто привести рекрута, какъ, содравъ съ него хорошую кожурину и обобравъ, отпускалъ его домой, а на мѣсто его другого представлять приказывалъ. И вотъ до какой крайности дошелъ онъ однажды отъ сего своего неистовства и какой славный оставилъ по себѣ примѣръ дьявольской хитрости сихъ беззаконниковъ и пѣвицъ.

Въ одномъ какомъ-то дворцовомъ большомъ селѣ случилось пасть жеребю на сына одного богатаго мужика, котораго жители того села и схватили. Отецъ, жалѣя сына, тотчасъ бросился къ воеводѣ и просилъ, чтобы онъ его помиловалъ. Воевода говоритъ: «что дашь?»—Сто рублей, милостивый государь! только помилуй и избавь.—«Хорошо! сказалъ воевода, сынъ твой въ солдатахъ не будетъ! поди съ покоемъ».

Между тѣмъ мужики схваченнаго привозятъ въ городъ, несмотря на всѣ воеводскіе происки и употребленныя къ отвращенію того хитрости и средства. Отецъ, узнавъ о томъ, бѣжитъ опять, упадаетъ къ ногамъ воеводы и проситъ помилованія! — «Хорошо! хорошо! говоритъ воевода: я тебѣ уже сказалъ, что дѣло будетъ сдѣлано, давай только сто рублей.»—Мужикъ деньги изъ-запазухи и воеводѣ въ руки, а онъ тотчасъ и послалъ сыскать тѣхъ мужиковъ и приказываетъ привести схваченнаго къ себѣ. Мужики и отдачники, будучи не глупы и зная уже примѣры, къ нему его не повели, а сказали напрямки, что воевода и такъ уже десять человекъ у нихъ выпу-

стилъ, и что имъ у воеводы дѣлать нечего, а они представятъ его въ присутственное мѣсто.

Воевода послалъ въ другой, послалъ въ третій разъ, но мужики не ведутъ и не слушаются. Что оставалось ему дѣлать? Но вотъ какую хитрость онъ выдумалъ. Призываетъ отца и говоритъ ему: «не бойся, я сдѣлаю; поди къ сыну и скажи ему, что когда приведутъ его въ канцелярію и я стану его спрашивать, то не говорилъ бы онъ ничего, а какъ стану его бранить, то бранилъ бы онъ самого меня».

Сіе дѣйствительно и сдѣлалось. Какъ скоро привели въ канцелярію рекрута и по обыкновенію раздѣли, то не говорилъ онъ ничего, какъ скоро воевода началъ спрашивать. И тогда воевода, будто разсердившись, закричалъ: «что ты, сукинъ сынъ, дуракъ што ли ты, что не говоришь!» — А рекрутъ закричалъ самъ: «Самъ ты што ли дуракъ, сукинъ сынъ, кривой воевода!»—И тогда воевода вспыхнулъ, избѣсился и возопилъ—«вонъ! вонъ! вонъ! что это такое, какого это безумнаго привели, и гдѣ отдачики?» и ни съ другого слова и не принимая никакихъ оправданій, ну-ка отдачниковъ пороть плетью и мучить, и такимъ образомъ рекрута освободилъ, отдачиковъ перепоролъ и сто рублей съ отца сдулъ, и тѣмъ сдѣлалъ странный образецъ, чему и по нынѣ смѣются и говорятъ, что нѣкогда мужикъ разругалъ воеводу въ присутствіи, однако онъ того не взыскивалъ.

О бывшемъ же тогда, какъ я ѣхалъ, воеводѣ господинѣ Бабкинѣ хотя подобныхъ дѣлъ было не слышно, а говорили только, что онъ охотникъ былъ ѣздить по богатымъ дворянамъ Христа славить, и получалъ въ подарокъ отъ нихъ за то жеребятъ рублей въ полтораста, и прочее тому подобное.

Вотъ какія шильничества и дѣла происходили въ тамошнихъ степныхъ уѣздахъ. Ни страха Божія, ни боязни, ни стыда, ни совѣсти не было. Самыя присылаемыя для изслѣдованія ихъ комиссіи ихъ не устранили, и они боялись ихъ покуда еще

не бывали, а какъ привіютъ, то было легче, ибо сало есть и подмазать есть чѣмъ, чтобъ колесо катилось плавно и не скрипѣло.

Но всего удивительнѣе то, что городъ сей и послѣ, и по открытіи даже намѣстничествъ тѣмъ же самымъ былъ славенъ. Нигдѣ такихъ безпорядковъ не происходило, нигдѣ такъ часто губернаторы перемѣняемы не были, и нигдѣ столько слѣдствій и комиссій не было, какъ въ ономъ. Словомъ, онъ съ сей стороны въ особенности несчастенъ.

Но я удалился уже отъ нити своего повѣствованія; теперь возвращаясь къ оному, о дальнѣйшемъ путешествіи своемъ вообще скажу, что оно было хорошо. Мы ѣхали благополучно, имѣли труда и безпокойствъ меньше нежели мы думали, по случаю перемѣнившейся погоды; не имѣли во все продолженіе онаго никакихъ особыхъ приключеній. Ѣхали опять чрезъ Козловъ, Ранибургъ, Елифанъ и Тулу, и наконецъ, 12 октября, благополучно возвратились въ свои дома, и были очень обрадованы нашедъ всѣхъ своихъ домашнихъ здоровыми и благополучными.

Симъ образомъ кончилось сіе наше дальнее путешествіе, а вмѣстѣ съ онымъ окончу я и сіе мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь и прочее.

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ.

Письмо 129-е.

Любезный пріятель! Первѣйшее мое попеченіе по возвращеніи въ домъ было о перевозкѣ достальнаго заготовленнаго для строенія новаго себѣ дома лѣса. Онъ сплавленъ былъ уже давно съ рѣки Угры, Окою къ Серпухову и лежалъ тутъ на берегу. Отъѣзжая въ степь, поручилъ я домашнимъ моимъ какъ можно о перевозкѣ его стараться, что ими и учинено было, и я засталъ уже самое малое количество онаго неперевазённымъ.

Сей-то остатокъ хотѣлось мнѣ скорѣй перевезти, также и нанять для распилки онаго пильщиковъ и сею же осенью оный заложить, дабы весною тѣмъ ранѣе можно

было начать строить. Все сіе и успѣлъ я еще въ томъ же октябрѣ сдѣлать: лѣсъ перевезли, пильщики наняты, а и хоромы новыя заложены были 21-го числа октября мѣсяца.

Между тѣмъ покуда сіе происходило, не преминулъ я объѣздить всѣхъ моихъ ближнихъ сосѣдей и со всѣми ими по нѣскольку разъ видаться, а 17-го числа сего мѣсяца, какъ въ день именинъ моихъ, посѣтили они меня и мы начали осенніе вечера проводить въ частыхъ между собою свиданіяхъ, и я былъ съ сей стороны сосѣдомъ своимъ, Матвѣемъ Никитичемъ, въ сіе время доволенъ. Напротивъ того всѣ мы не таковы были довольны молодою женою брата Михаила Матвѣевича.

Она все что-то удалаясь отъ насъ и не хотѣла никакъ прикраиваться къ обычаямъ и обыкновеніямъ нашимъ; а мы того меньше къ ей обычаямъ и дурнымъ привычкамъ, происходившимъ отъ дурного и самого подъяческаго воспитанія. Словомъ, чрезъ короткое время увидѣли мы, что была она намъ худая семьяница, ибо всѣ ея родные не стоили ничего и были прямо подъяческой, да и дурной еще породы.

Кромѣ сего въ концѣ сего мѣсяца имѣлъ я удовольствіе получить изъ Экономическаго Общества книжку, содержащую въ себѣ VIII часть Трудовъ онаго. Оно прислало мнѣ оную, какъ къ своему уже сочлену и опять при письмѣ отъ г. Нартова, въ которомъ увѣдомлялъ онъ меня, что и оба послѣднія посланныя отъ меня сочиненія Обществомъ одобрены и опредѣлено ихъ напечатать. Сіе порадовало меня въ особенности, ибо я, не получая долго никакого объ нихъ извѣстій, начиналъ уже думать, что они обществу не понравились. Сіе же увѣдомленіе стало побуждать меня къ продолженію трудовъ и сочиненіевъ моихъ и далѣе впередъ.

Послѣдующій за симъ ноябрь мѣсяцъ ознаменовался болѣе болѣзнію моею дочери. Бѣдненькая больна была сперва страшнымъ и даже съ кровавымъ изверже-

ніемъ сопряженнымъ и ее до самой крайности доведшимъ кашлемъ. Мы всѣ отчаялись уже о ея жизни и почитали ее погибшею. Не могу вспомнить безъ содроганія, какъ чувствительна была намъ тогда болѣзнь сія, и къ несчастію еще долговременная, и какъ много она насъ огорчала и озабочивала. Истинно не знаю, какъ она уже спаслась отъ оной; а не успѣла она отъ сего кашля нѣсколько освободиться, какъ должна была переносить уже другую болѣзнь, называемою лапухою, но къ неопisanному обрадованію нашему избавилась она и отъ оной.

Во-вторыхъ, достопамятно было то, что около сего времени все наше государство гремѣло славой и занималось разговорами о проявившемся въ Петербургѣ русскомъ лекарѣ Ерофеевичѣ, вылечивающемъ всѣхъ съ преудивительнымъ успѣхомъ. такъ что возмечтали объ немъ уже и Богъ знаетъ что, и почитали его уже сущимъ Эскулапомъ.

Слава его чрезъ самое короткое время сдѣлалась такъ громка, что обратились и послакали къ нему со всѣхъ сторонъ и краевъ Россіи страждущіе разными болѣзнями, и многіе дѣйствительно получали отъ него великое облегченіе. Самый другъ мой г. Полонскій собирался къ нему въ сію зиму ѣхать, и также лечиться отъ своей толстоты и водяной болѣзни, чувствуемой имъ у себя въ ногахъ.

Словомъ, врачъ сей обожаемъ былъ почти всѣми и составлялъ около сего времени феноменъ необыкновенный, и потому не за излишнее почелъ я помѣстить здѣсь нѣкоторое ближайшее объ немъ извѣстіе и анекдоты, слышанные мною отъ очевидцевъ, а особливо отъ шадскаго сосѣда моего г. Соймонова, ѣздившаго къ нему съ сестрою своею для леченія оной, и сдѣлать сіе для того, что легко статься можетъ, что иныхъ извѣстій объ немъ не останется нигдѣ. И вотъ что рассказывалъ мнѣ объ немъ помнятый г. Соймоновъ:

«Видилъ я, государь мой, лечиться съ сестрою своею. Я былъ очень боленъ.

Сосѣди мои могутъ засвидѣтельствовать, сколь я былъ слабъ и въ какомъ худомъ состояніи находился. Одышка превеликая, весь источникъ, ничего не ѣлъ, однимъ словомъ былъ при дверяхъ смерти. Сестра моя была еще того слабѣе и хуже, а сверхъ того свело у ней еще и ногу и всѣ лекари не могли ей ничѣмъ помочь.

«Приѣхавши въ Петербургъ, старался я квартиру нанять поближе къ нему. Нелзя сказать, сколь много наполнено было то мѣсто больными постояльцами и сколь квартиры были дороги; ибо всякій старался быть ближе, потому что его замучили призываніями, а притомъ ему и недосужно было разѣзжаться, ибо онъ самъ приготовлялъ всѣ лекарства. Я былъ налегкѣ, совсѣмъ тѣмъ малая квартира моя стоила мнѣ по 20 рублей на мѣсяцъ; однако какъ я ни близко былъ, но не могъ его къ себѣ залучить, и принужденъ былъ кое-какъ самъ до него добрести.

«Живетъ онъ на Васильевскомъ острову, во второй линіи, въ маленькомъ домицѣ государевомъ, гдѣ онъ жилъ прежде уже шесть лѣтъ, какъ опредѣленный лекаръ при академіи къ малолѣтнимъ. Пришедши къ нему напелъ я его сидящаго на маленькой скамеечкѣ и упражняющагося въ переливаніи лекарствъ изъ скляночекъ въ скляночки. Половина горницы завѣшена была холстиною. Тамъ два ученика перебирали травы, ибо лечитъ онъ все ботаническими лекарствами: и капли, и порошки и мази все у него изъ травъ и все самъ дѣлаетъ, а травы рвутъ бабы около Петербурга и онъ говоритъ, что ихъ вездѣ много.

«Обо мнѣ было къ нему рекомендательное письмо отъ одного моего родственника, ему знакомаго. Сіе письмо лежало у него на лавкѣ еще печитанное, ибо онъ дѣйствительно грамотѣ не умѣетъ. Онъ не старался его для того читать, что пріятель мой, котораго я съ письмомъ къ нему посылаю, ему обо мнѣ уже сказывалъ. Я пришедъ говорю ему:

— Василій Ерофеевичъ!

— «Что?»

— Получили-ль вы письмо отъ моего брата?

— «Да вотъ оно: я его еще не читалъ».

— Да вѣдь оно обо мнѣ писано.

— «Такъ сказывай же, чѣмъ ты боленъ!»

«Не успѣлъ я ему начать сказывать, какъ человекъ двадцать вдругъ начали также рассказывать ему свои болѣзни. А онъ все упражнялся въ своей работѣ и ничего не говорилъ. «Кой чортъ», думалъ я самъ въ себѣ. Но не успѣлъ я ему рассказать, какъ подаетъ онъ мнѣ скляночку съ каплями.

— «Вотъ эти капельки принимай по двѣ чайныхъ ложечки въ красномъ винѣ, да поди вонъ туда, возьми травки, пей вмѣсто чаю». Въ самое то время закричалъ онъ ученикамъ: «Дайте ему травы вмѣсто чаю», и они уже знали какую давать. Вотъ все, что происходило тогда у насъ съ нимъ при первомъ свиданіи.

«На сихъ капляхъ и на травѣ держалъ онъ меня двѣ недѣли, и я долженъ былъ только сказывать ему о перемѣнахъ, происходившихъ со мною. Капли очень горькія и слабительныя, дѣйствуютъ очень хорошо, трава же пить очень пріятна и отъ удущья. Отъ сего только могъ я чрезъ недѣлю уже выходить, одѣваться и обуваться въ сапоги и повсюду ѣздить.

«Я ходилъ къ нему всякой день, по два раза; потомъ далъ онъ мнѣ потовые порошки, бѣденъкіе и очень солонки. Я долженъ былъ принять ихъ въ банѣ въ тепломъ духу, и не успѣлъ принять, какъ преужасный потъ сдѣлался, отчего я власно какъ переродился. Наконецъ на отдѣлку далъ онъ мнѣ декокта, такъ какъ полпиво, очень хорошо и чтобъ пить въ жажду, и симъ образомъ въ два мѣсяца совсѣмъ меня вылечилъ».

Къ сестрѣ же своей могъ онъ насилу его дозваться. Онъ нашелъ въ ней застарѣвшую лихорадку, и сказалъ, что надобно выгнать ее наружу, что и сдѣлалъ. Не успѣлъ онъ дать ей нѣсколько лекарствъ, какъ ее трепать начало. «Ну! говорилъ онъ, — пускай повеселится».

Послѣ того далъ порошокъ и она тотчасъ пропала. Всего удивительнѣе было то, что онъ пульса вовсе не шупаетъ, а схватилъ только сестру его за руку и сказалъ: «Охъ! какъ ты слаба, какъ тряпича». Однимъ словомъ, надобно было только описать ему, чѣмъ кто боленъ, и того было довольноно.

Еще сказывалъ мнѣ г. Соймоновъ, что онъ дѣйствительно очень простъ и самый подлець, незнающій никакихъ церемоній. «Мой государь!» и то по-низовскому, да и только всего. Грамотѣ умѣетъ только жена его, которая разбираетъ и записки; а какъ онъ отъ безпрестанной ѣзды боленъ былъ, то она составляла капли.

Думать надлежало, что лечилъ онъ болѣе китайскими лекарствами, полагая ихъ по малой долѣ въ здѣшнія изъ травъ составляемыя, а подлость лечилъ здѣшними, и все по памяти. Собою былъ онъ мужичокъ маленькій и плѣшивенькой. на голови не было почти волосъ, однако кудерки волосковъ въ десятокъ, и тѣ напудрены; ходилъ въ офицерскомъ зеленомъ мундирѣ, ибо какъ онъ вылечилъ графа Орлова, котораго вылечкомъ онъ наиболѣе и прославился, то давъ ему чинъ титулярнаго совѣтника.

О происхожденіи своемъ рассказывалъ онъ самъ, что онъ сибирякъ, родомъ изъ Иркутска, изъ посадскихъ; зашелъ въ Китай съ караваномъ и тамъ, оставшись по охотѣ своей учиться лекарскому искусству, и былъ фельдшеромъ. По возвращеніи своемъ оттуда отданъ былъ въ рекруты и бывъ фельдшеромъ, опредѣлился чрезъ Бецкаго къ академіи, отъ котораго, также и отъ графа Сиверса рекомендованъ онъ былъ графу Орлову.

О леченіи сего Орлова рассказывалъ онъ самъ слѣдующее. Лекарши и доктора находили въ немъ какія-то судороги и другія лихія болѣсти, но какъ онъ призванъ былъ, то сказалъ онъ, что это все пустое, а только застарѣлая лихорадка; было также удущье, какъ у г. Соймонова, и почти точно такая же болѣзнь.

Какъ спросили его, можетъ-ли онъ вылечить, то сказалъ онъ: «для чего! только

какъ лечить: по-китайски или по-русски? Удивился графъ сему вопросу и спрашивалъ, что это значитъ?—«А то, мой государь! въ Китаѣ ежели взятъ лечитъ, то надобно вылечить, а ежели не вылечишь, завтра же повѣсятъ; а ежели лечитъ по-русскому, то дѣлать частые приѣзды и выманивать болѣе денегъ, а ты человекъ богатый и отъ тебя можно поживиться нашему брату лекарю».

Радъ былъ графъ, слыша на какихъ кондиціяхъ онъ его лечить хочетъ. Тотчасъ послано было за братьями и согласились, чтобъ графъ дѣлъ себя лечить Ерофеичу тайкомъ отъ докторовъ.

Сперва давалъ онъ ему тѣже капли и траву; но какъ по крѣпкой натурѣ его онъ тѣмъ не проиялся, то чтобъ ее переломить, далъ рвотнаго; и какъ его повычистило, то далъ онъ опять капель, и тутъ-то его уже прямо вынесло. Потомъ, положивъ его въ постелю, велѣлъ лежать и давъ ему потового, а самъ велѣлъ двѣ печи жарить и заперъ его въ комнатѣ заснуваго. Проснувшись, лежалъ онъ какъ въ морсу. Потъ всю постель смочилъ и онъ вскочилъ какъ встрепанный и тотчасъ въ зеркало, и не узналъ самъ себя; дивится и говоритъ, что онъ власно какъ переродился.

У Сиверса же вылечилъ онъ сына, бывшаго нѣсколько лѣтъ въ разслабленіи. Однимъ словомъ, онъ дѣлалъ дѣла знатныя, однако были и недовольныя имъ; но онъ и самъ говоритъ, что нѣтъ такого лекаря, который бы всѣхъ вылечивать могъ, по крайней мѣрѣ лекарства его никому не вредятъ и болѣзни худшею не дѣлаютъ. Впрочемъ напередъ онъ ничего за трудъ не бираетъ, а былъ доволенъ тѣмъ, что дадутъ, лечилъ же всякія болѣзни какія бы они ни были.

Вотъ что разсказывалъ мнѣ о семъ рѣдкомъ врачѣ г. Соймоновъ; а теперь разскажу вамъ другую исторію о вылеченой имъ удивительнымъ образомъ одной госпожи въ Петербургѣ.

Сія госпожа, будучи на сносяхъ беременна и очень больна, впала въ обморокъ. Докторъ, лечившій ее, почелъ ее

совершенно умершею, и какъ и изъ прочихъ никто въ томъ не сомнѣвался, то по обыкновенію обмывъ ее, одѣли и положили на столъ, покуда гробъ посидѣтъ. По счастью случилось приѣхать туда одному ихъ родственнику.

Сей, возмѣнивъ нѣкоторое сумнѣніе, уговорилъ хозяевъ послать за Ерофеичемъ, на что и докторъ согласился, хотя посрамить его и надъ нимъ посмѣяться. Ерофеича привезли. Онъ говоритъ, что хотя и ему кажется она мертвою, однако не полагается онъ на свое мнѣніе, но хочетъ ближе и точнѣе дѣло изслѣдовать, и для того проситъ, чтобъ всѣ вышли и остался бы одинъ мужъ, да докторъ да двѣ женщины.

Симъ велѣлъ онъ ее раздѣть и потомъ щупалъ подъ лѣвою мышкою, да противъ сердца, и держалъ палецъ нѣсколько времени. Наконецъ говоритъ, что хотя и кажется ему, что она еще жива, но хочетъ удостовѣриться въ томъ еще однимъ опытомъ, и для того просилъ, чтобъ обождали его до второго часа, а онъ съѣздитъ за потребными вещами. Докторъ внутренно смѣялся его словамъ и положилъ нарочно ждать второго часа.

Наконецъ приѣхалъ г-нъ Ерофеичъ. Онъ велѣлъ опять всѣмъ вытти и при докторѣ и мужѣ обнажилъ все тѣло и положилъ на все брюхо пластырь; погомъ просилъ, чтобъ дали ему вѣрные часы, которые положивъ безпрестанно смотрѣлъ, и не успѣла настать та минута, которая ему была надобна, какъ тотчасъ пластырь скинулъ и увидѣвъ его дѣйствіе, поздравлялъ мужа съ неумершею еще женою.

Натурально, можно заключить, что мужъ обрадованъ былъ симъ извѣстіемъ; но противное дѣйствіе произвело оно въ докторѣ Сей бѣсился сіе слышавъ, и не могъ утерпѣть, чтобъ не смѣяться, слышавъ увѣреніе Ерофеича, что она черезъ полчаса имъ по рюмкѣ водки поднесетъ. Однако тотъ, не взирая на то, приступилъ къ своей операци.

Онъ обрѣзалъ всѣ пузыри, натянутые пластыремъ и оставилъ голое тѣло; потомъ, намазавъ другой пластырь прило-

жилъ и сталъ потомъ разговаривать съ докторомъ. Но какой мудреный вопросъ онъ ему предложилъ:

— Что, ваше превосходительство, — сказалъ онъ ему: — можно ли пустить кровь изъ желудка?

— «Не знаю, отвѣчалъ его превосходительство докторъ, а самъ разсмѣялся. — У насъ изъ желудка крови не пускаютъ, да можно-ли сему и статься».

— А вотъ посмотрите, мой государь! я ее пушу; и вскорѣ потомъ пластырь съ брюха принявъ, и тотчасъ кровь изъ гѣла пошла какъ-бы изъ жилы.

Онъ далъ ей столько течь, сколько было надобно, потомъ, приложивъ третій пластырь, ее унялъ.

И не успѣлъ сего сдѣлать, какъ госпожа вдругъ стала оказывать въ себѣ знаки жизни, и вскорѣ потомъ промолвила: «Подайте пить».

— «Вотъ, мой государь, не правду-ли я говорилъ, что она насъ станетъ подчивать» — ибо какъ сталъ ее класть на постелю, то просилъ Ерофеичъ, чтобъ пожаловала она хотя придержала поднось съ рюмками, ибо онъ сіе обѣщалъ. Въ сто благодарности за то обѣщаетъ онъ, что она благополучно разрѣшится отъ своего бремени, что и сдѣлалось.

Но представьте-жъ себѣ, каково было тогда доктору. Мало ежели сказать, что было ему стыдно, но онъ безсомнѣнно проклиналъ тотъ часъ, въ который ему ожидать сего времени вздумалось. Словомъ, Ерофеичъ перебѣсилъ всѣхъ лекарей и докторовъ и оставилъ по себѣ ту славу, что и по нынѣ все государство пьетъ травникъ, составленный съ его травами и называемый «Ерофеичемъ».

Теперь, возвращаясь къ продолженію исторіи моей, скажу, что въ томъ же еще ноябрѣ мѣсяцѣ начали распространяться повсюду слухи о начинающейся у насъ войнѣ съ турками, и о движеніи всѣхъ полковъ, и выстуленіи изъ обыкновенныхъ ихъ квартиръ въ южныя провинціи нашего государства. Сіе власно какъ оживотворило паки все государство и сдѣлалось всеобщою матерією разговоровъ. Всѣ начали

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1871 г.

не о чемъ иномъ говорить, какъ о войнѣ съ турками, поляками, а иные прибавляли къ тому, что и съ пруссаками, и какихъ и какихъ слуховъ тогда не было, и чего и чего не говорили.

Между тѣмъ услышали мы также и о великой отважности тогдашней нашей монархини и приказаніи привить къ себѣ оспу. Мы удивились тому, но вкупѣ и радовались, что операція сія кончилась благополучно. А не успѣлъ наступить декабрь мѣсяцъ, какъ многие полки дѣйствительно пошли большою тульской дорогою, въ близости насъ идущею, а ѣдущими генералами и другими зватными особами она, такъ сказать, запружена была.

Повсюду на станціи велѣно было выставить обывательскихъ лошадей, ибо обыкновенныхъ почтовыхъ оказалось уже слишкомъ мало, и для лучшаго распоряженія оныхъ призжалъ даже на заводъ Ведминской и нѣсколько времени тутъ жилъ и самъ нашъ тогдашній коширскій воевода г-нъ Посевьевъ. И какъ мнѣ сего человѣка давно короче знать хотѣлось, то, при семъ случаѣ, познакомился я съ нимъ короче, и онъ нѣсколько разъ призжалъ ко мнѣ въ домъ и дѣлилъ со мною время въ дружескихъ и пріятныхъ разговорахъ.

Онъ былъ человѣкъ умный, свѣдущій о многомъ и любопытный. Итакъ, онъ радъ былъ мнѣ, а я ему, и тѣмъ паче, что могъ отъ него ежедневно почти слышать не только все происходившее на большой дорогѣ, но и всѣ новыя вѣсти.

Но никогда призъвъ его ко мнѣ не былъ такъ для меня интересенъ, какъ въ день храмового нашего праздника, 6-го декабря. Онъ не только умножилъ собою число всѣхъ бывшихъ у меня въ сей день и довольно многихъ гостей, но былъ еще первымъ и лучшимъ моимъ гостемъ. Тогда воеводы несравненно болѣе уважались, нежели всѣ нынѣшніе судьи, исправники и городничіе.

Онъ привезъ къ намъ въ сей день множество новыхъ вѣстей, какъ о проходящихъ полкахъ, такъ и дѣлаемыхъ повсюду страшныхъ и великихъ приуготовленій къ

войнѣ; о выступленіи въ походъ уже всей арміи; о удвоенномъ рекрутскомъ наборѣ; о умноженіи лошадей на станціяхъ, и до 140 на каждой; о назначеніи командирами армій князя Голицына и Румянцева; о изданномъ уже о войнѣ манифестѣ; о посаженіи турками нашего резидента въ Едикуль; о происходившей въ Польшѣ дѣйствительной войнѣ и кровопролитіи, и прочая, и прочая. Словомъ, разныхъ вѣстей тогда и сколько справедливыхъ, столько-же и ложныхъ конца не было, и мы готовились каждый день къ узванію чего-нибудь новаго.

Препроводивъ весело нашъ праздникъ въ ежедневныхъ свиданіяхъ съ своими сосѣдями, званы мы были 9-го числа и ѣздили къ г-ну Полонскому на именины жены его. Торжество было пышное, собраніе довольно многочисленное и увеселенія разнаго рода.

Я наслушался и тутъ превеликому множеству новыхъ вѣстей о тогдашнихъ прозвѣстіяхъ, но недоволенъ только былъ бывшимъ тутъ однимъ гостемъ изъ сосѣдей г-на Полонскаго. Всякій разъ, какъ ни случалось ему подгулять, дѣлался онъ неотвязнымъ и имѣющимъ дурную привычку бить все по рукамъ и дергать слушателя, и сей надоѣлъ мнѣ тѣмъ до чрезвычайности.

Возвратившись домой, началъ я около сего времени продолжать сочиненіе «Дѣтской моей философіи». Всеобщее одобреніе первой ея части и похвала отъ всѣхъ ей приписываемая, побудила меня къ начатію сочиненія второй части сей книги.

Около половины сего мѣсяца имѣлъ я у себя одного новаго и весьма пріятнаго для меня гостя. Былъ то никогда еще небывавшій у меня г-нъ Колюбакинъ, Алексѣй Алексѣевичъ.

Какъ онъ былъ человѣкъ довольно обрававшійся въ свѣтѣ, имѣющій со многими знатными людьми связи и знакомство, и притомъ знающій, любопытный и таковой человѣкъ, съ которымъ можно было обо всемъ говорить; то по предварительному увѣдомленію отъ него, что онъ ко мнѣ будетъ, ожидалъ я его къ себѣ уже

нѣсколько дней съ великою нетерпѣливостью и тѣмъ наче, что онъ обѣщалъ мнѣ привезть манифестъ о войнѣ и многія другія любопытныя и важныя бумаги.

Поелику онъ былъ уже мнѣ знакомъ, то радъ я былъ ему очень и старался угостить его всячески. Онъ препроводилъ у меня весь тотъ день и ночевалъ, и мы не могли съ нимъ довольно наговориться.

Онъ привезъ мнѣ не только манифестъ, но и росписаніе всѣмъ арміямъ и приуготовленіямъ и наказы мнѣ вѣстей съ три короба; но ни которыхъ такъ не были интересны, какъ носящійся повсюду слухъ, что по случаю составленія вновь прибавочныхъ полковъ и цѣлыхъ корпусовъ и по недостатку довольноаго числа офицеровъ, нужныхъ для командованія оныхъ, не только приглашаютъ всѣхъ оставшихъ штабъ и оберъ-офицеровъ и опредѣляютъ опять въ службу съ нѣкоторыми для нихъ выгодами; но что будто въ случаѣ недостатка хотятъ и всѣхъ оставшихъ дворянъ пересматривать и годныхъ еще къ службѣ, когда добровольно не захотятъ, опредѣлять и неволю въ оную.

Сей слухъ былъ для меня не только интересенъ, но и поразителенъ. У меня зашевелилось даже сердце при услышаніи сего, ибо какъ въ семъ случаѣ легко могло дойти и до меня, мнѣ же, какъ выше упомянутому уже въ деревнѣ жить и ввусишнему пріятности и блаженству сей жизни, уже никакъ и ни для чего не хотѣлось уже съ нею разстаться; то озабочивался и и очень много симъ слухомъ, ибо натурально заключалъ, что по молодости, здоровью, достатку и знаніямъ моимъ весьма трудно мнѣ будетъ отъ службы отдѣливаться, а особливо если будетъ къ тому нѣкоторое принужденіе. Но какъ слухъ сей былъ еще недостовернымъ, то я симъ однимъ и мыслію, что можетъ быть сіе и неправда, сколько-нибудь еще и угѣшался.

Гость сей недолго у меня пробылъ, но поспѣшая отъѣздомъ, не хотѣлъ даже дожидаться настоящаго обѣда, такъ что мы принуждены были приготовить для его обѣдъ ранній, и отъѣздъ сей случился очень кстати. Ибо не успѣлъ я его проводить

со двора, какъ жена моя, бывшая уже давно на свосѣхъ, начала мучиться родами.

Я перетревоженъ былъ симъ случаемъ до безконечности, и тѣмъ паче, что было сіе противъ всякаго чаянія и ожиданія, и всѣ думали и считали, что ей еще недѣли двѣ или три носить надлежало, почему не случилось тогда даже и самой ея матери, а моей тещи дома. Но она безъ всякаго опасенія, за нѣскольکو до сего дней, поѣхала къ теткѣ Матренѣ Васильевнѣ, у которой въ самое сіе время лежалъ сынъ въ оспѣ, и находилась въ Каледникѣ.

Но какъ бы то ни было, но всѣ въ мнѣніяхъ своихъ обманулись и жена моя въ девятомъ часу вечера, къ неопisanному обрадованію моему, дѣйствительно разрѣшилась отъ своего бремени благополучно, произведя на свѣтъ и въ сей разъ мнѣ сына.

Я не могу изобразить, какъ обрадовался я и какъ благодарилъ Бога, что даровалъ мнѣ, вмѣсто умершаго, сего другаго мальчишку. Мы назвали его Степаномъ, и какъ ни поздно было, но того-жъ часа отравили въ Каледнику нарочнаго съ уведомленіемъ о семъ къ его бабкѣ, а по утру разсланы были и къ другимъ нашимъ друзьямъ и сосѣдямъ люди съ извѣщеніемъ о томъ же.

Особливаго примѣчанія при семъ происшествіи было достойно то, что я за день до того все оное, какъ на яву, во снѣ видѣлъ, а именно, что жена моя нечаянно родила при мнѣ и родила сына, какъ точно и совершилось.

Теща моя не успѣла о томъ услышать, какъ обрадовавшись чрезвычайно, тотъ-же часъ къ намъ полетѣла, а вмѣстѣ съ нею приѣхала любившая такъ много насъ и тетка; а не преминули также и всѣ сосѣди у насъ перебивать и по обыкновенію поздравить насъ съ новорожденнымъ. Но я растревоженъ былъ на третій день сдѣлавшимся въ родильницѣ жестокимъ жаромъ и даже самымъ бредомъ.

Опасаясь, чтобъ не произошла инфламція въ маткѣ и не лишила меня ее, не

зналъ я что дѣлать и чѣмъ сей бѣдной помогать; но спасибо, припарка ромашкою съ молокомъ и нѣкоторыя другія употребленныя вспомогательныя средства помогли и меня опять успокоили, а къ особливому обрадованію моему полегчѣло и дочери и она стала оправляться.

Крестинами сего новорожденнаго мы не очень сѣшши, отчасти для того, что родильница все еще была нездорова и оправлялась очень худо, а наиболѣе желая дожидаться мясоѣда, и не прежде крестили какъ на другой день Рождства. Восприемниками отъ купели были прежніе: другъ мой Иванъ Григорьевичъ Половскій и тетка Матрена Васильевна, и мы и сей крестильный пиръ отравили какъ водится и гостей у насъ было—таки не мало, и притомъ довольно весело.

Симъ кончился почти 1768-й годъ, ибо въ достальныя немногіе дни сего года не произошло ничего въ особливости примѣчанія достойнаго, кромѣ того, что я, по причинѣ начинающейся войны, рѣшился въ первый еще разъ отъ роду взять себѣ московскія газеты и послалъ за оныя деньги въ Москву. Но какая была разница между тогдашними газетами и нынѣшними, равно какъ между тогдашнею и нынѣшнею цѣною онымъ. Тогда онѣ не болѣе стояли пяти рублей съ полтиною, но за то и газеты были—подлинно газеты.

Другое случившееся въ сіи дни было то, что я вновь перетревоженъ былъ помянутымъ слухомъ объ отставныхъ, который не только не уничтожался, но увеличивался такъ и насказываемо было столь много, что я почиталъ его уже совершенно вѣрнымъ; и того и смотрѣлъ, чтобъ не приѣхали и ко мнѣ съ повѣсткою изъ города, чтобъ ѣхать въ Москву и влѣсть въ военную коллегію, такъ какъ говорили, будто уже многихъ въ другихъ, особливо стѣнныхъ уѣздахъ выслали.

Но чего и чего тогда уже не говорили и не насказывали за вѣрное. Нынѣ, читая записки о тогдашнихъ слухахъ, не могу довольно надивиться тому, какъ хотѣлось людямъ выдумывать сущія не-

былицы и распускать въ народъ слухи, немѣвшіе ни малѣйшаго основанія.

Третье было то, что я во всѣ сін дни имѣлъ дѣло съ приѣзжавшими ко мнѣ изъ дальнихъ степныхъ деревень обозами и дуракомъ моимъ шадскимъ прикащикомъ, который наставлялъ мнѣ и Богъ знаетъ что о славѣ, какая будто носилась вездѣ тамъ о моемъ межеваніи; а все было пустое.

Впрочемъ, не оставили мы, чтобы не видаться въ сін дни кое съ кѣмъ изъ сосѣдей въ ихъ домахъ и съ ними непрерывно проводить святокъ по стариннымъ обрядамъ и обыкновеніямъ, такъ какъ и окончилъ я сей годъ не у себя въ домѣ, а у кума и друга своего Ивана Григорьевича, къ которому заѣхалъ бывши въ гостяхъ у Товарова, къ которому я званъ былъ на именины къ его матери.

Симъ образомъ окончился и 1768 годъ, проведенный мною отчасти дома, а отчасти въ путешествіяхъ, но довольно хорошо и благополучно и въ непрерывныхъ почти упражненіяхъ.

Упражненія мои, какъ изъ вышеупомянутого видно, были разныя, и то экономическія, то литеральныя. Въ разсужденіи сихъ послѣднихъ замѣчанія достойно было то, что я много начиналъ сочинять вновь книгъ, но ни одной почти не сочинилъ и не кончилъ, а ежели что сдѣлалъ, такъ описалъ и ранжировалъ всю свою библиотеку, но которая около сего времени была и вся еще очень и очень не велика, и число всѣхъ книгъ простиралось только до 660 книгъ. Какая разница предъ нынѣшнею, и что значила она тогда и что нынѣшня!

Наконецъ замѣтить надобно, что я никогда такъ много не упражнялся въ переплетаніи книгъ, какъ въ сей годъ. Не только своихъ, но и чужихъ переплелъ множество, и въ работѣ сей находилъ для себя превеликое удовольствіе. Но какковы мои переплеты были, о томъ спрашивать нечего. Но говорится въ пословицѣ «па безлюдь и сиди въ честь», а такъ было тогда и со мною, и за немѣвнѣемъ лучшаго и искуснѣйшаго переплет-

чика и то было уже хорошо. Люди и тѣмъ были довольны.

Наконецъ, вообще можно сказать, что я и сей годъ препроводилъ счастливо и такъ весело, что деревенская жизнь часъ отъ часу становилась мнѣ пріятнѣе и драгоценнѣе, и я такъ ею и состояніемъ своимъ былъ доволенъ, что не помышлялъ ни о какихъ чинахъ и достоинствахъ въ свѣтѣ.

А симъ окончу я и письмо сіе, довольно уже увеличившееся, и сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочалъ.

1769.

Письмо 130-е.

Любезный пріятель! Начало 1769-го года достопамятно для насъ было смертію двухъ особъ, которыя мнѣ были любезны. 6-го числа генваря кончила наконецъ долговременную свою жизнь старушка Варвара Матвѣевна Темирязева, сестра покойнаго дѣда моего Никиты Матвѣевича и самая та, отъ которой наслышался я о предкѣ нашемъ Еремѣѣ Гавриловичѣ. Она жила болѣе 90 лѣтъ. Старушка была добрая и мы всѣ ее любили и почитали. А 12-го числа того же мѣсяца умеръ внучетной братъ мой, Дмитрій Ивановичъ Арцыбшевъ, и сего мнѣ еще болѣе жаль было, нежели старушки.

Былъ онъ еще въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ своего вѣка, но очень толстъ и тяжелъ, и водяная болѣзнь лишила его жизни. Какъ онъ былъ очень милый и добрый человекъ и насъ любилъ, то и мы всѣ любили его искренно и жалѣли о ранвременной смерти его. Мы погребли его со слезами у приходской ихъ церкви въ селѣ Лухвахъ, а удалось мнѣ проститься съ прахомъ и старушки бабки моеѣ при погребеніи ее въ селѣ Заглухинѣ.

Проводили мы также съ сожалѣніемъ въ началѣ сего мѣсяца и друга моего, Ивана Григорьевича Полонскаго, въ Петербургъ и желали, чтобы получилъ онъ отъ Ерофеича себѣ облегченіе.

Въ концѣ же мѣсяца сего перетревожены мы были умножившимися повсюду кругомъ насъ смертоносными горячками

также свирѣствующею повсюду осною и кремь. Какъ сами по себѣ, такъ и для дѣтей своихъ мы такъ были симъ перетревожены и озабочены, что помышляли уже о томъ, чтобъ уѣхать жить въ Костротино, и тѣмъ паче, что дочь моя около сего времени не только освободилась уже совсѣмъ отъ своей болѣзни, но начала уже и ходить сама о себѣ, что веселило насъ до чрезвычайности, ибо дѣти были тогда намъ въ великую еще диковинку.

Впрочемъ, первый мѣсяцъ сего года прошелъ въ безпрерывныхъ почти разѣздахъ по гостямъ и угашиваніи у себя къ намъ приѣзжавшихъ. Давно уже такъ много ихъ не бывало и я тѣмъ былъ очень доволенъ, но довольнѣе еще уничтожившимся слухомъ объ отставныхъ и тѣмъ, что оной оказался должнымъ.

Напротивъ того достопамятно было то, что при началѣ сего года сдѣлалось-было въ Москвѣ и вездѣ такое оскуденіе соли, что продавали ее почти только фунтами, и цѣна ей была уже гривенъ по осьми, а въ стенахъ и слишкомъ по 2 рубля пудъ покупалась. Но по счастью продолжилось сіе недолго: ее подвезли и цѣна возстановилась прежняя.

Стенныя наши мѣста не отъ одной сей дороговизны въ соли стонали, но и отъ поставки провіанта въ Украйну. Казна платила хотя и за провозъ и за хлѣбъ деньги, но несмотря на то обращалось сіе въ великое отягощеніе тамошнимъ краямъ, по причинѣ разныхъ злоупотребленій и прижимокъ притомъ бывшихъ, и потому никому не хотѣлось самому туда ѣхать, а сдавали подрядчикамъ и платили дорогою цѣною.

Еще носилась около сего времени одна странная исторія не только о безчеловѣчій, но и о сущемъ варварствѣ одной нашей дворянской фамиліи, жившей въ здѣшнемъ уѣздѣ и дѣлающей пятно всему дворянскому корпусу.

Сей господинъ отдавалъ одну дѣвку въ Москву учиться плести кружева. Дѣвка скоро переняла и плела очень хорошо; но какъ возвратилась домой, то отягощена была отъ господъ уже слишкомъ сею

пустою и ничего незначащею работою, и принуждена была всякій вечеръ по двѣ свѣчи просиживать. Сіе подало поводъ къ тому, что она ушла прочь въ Москву и опять къ мастерицѣ своей; но ее отыскали и посадили въ желѣзы и въ стуло, и заставили опять плести.

Черезъ нѣсколько времени освобождена она была по просьбѣ одного попа, который ручался въ томъ, что она не уйдетъ. Но какъ дѣвка сія была только 17-ти лѣтъ и опять трудами отягощена слишкомъ, то отважилась она опять уйтись; но, по несчастію, опять отыскана и уже заклепана въ кандалы наглухо, а сверхъ того надѣта была на ее рогатка, и при всемъ томъ принуждена была работать въ стулѣ, кандалахъ и рогаткѣ, и днемъ плести кружева, а ночевать въ приворотней избѣ подъ карауломъ и ходить туда босая.

Сія строгость сдѣлалась наконецъ ей несною и довела ее до такого отчаянія, что она возложила сама на себя руки и зарѣзалась; но какъ горло не совсѣмъ было перерѣзано, то старались сохранить ея жизнь, но разрубая топоромъ заклепанную рогатку еще болѣе повредили, такъ что она цѣлыя сутки была безъ памяти. Совсѣмъ тѣмъ не умерла она и тогда, но жила цѣлый мѣсяцъ, и хотя была въ опасности, но кандалы съ нее сняты не были и она умерла наконецъ въ нихъ, ибо рана, начавъ подживать, завалила ей горло.

Вотъ какой звѣрскій и постыдный примѣръ жестокосердія человѣческаго! и на толь даны намъ люди и подданные, чтобъ поступать съ ними такъ безчеловѣчно. И какъ дѣло сіе было скрыто и концы съ концами очень удачно сведены, то и остались господа безъ всякаго за то наказанія.

Мы содрогались услышавъ исторію сію и гнушались такимъ звѣрствомъ и семействомъ сихъ изверговъ, такъ что не желали даже съ симъ домою имѣть и знакомства никогда.

Далѣе записано у меня, что я въ сей мѣсяцъ крестилъ съ тещею моею нывѣш-

ниго нашего дьякона Петра, сына бывшаго тогда нашего попа Евграфа; также въ исходѣ онаго выдумалъ и самъ сдѣлалъ прекрасный деревянный замокъ съ шестью колесами.

Замокъ сей былъ очень курьезенъ. На колесахъ онаго, вертящихся кругомъ, изображены были литеры и изъ оныхъ можно было чрезъ вертѣніе набирать до 4,000 разныхъ словъ и именъ, но отпирало его только одно слово, и слово сіе было «фофонъ». Съ того времени стали дѣлать въ Тулѣ замки сего рода и желѣзные, но все глупые и не столь замысловатые.

Наконецъ, 15-го числа сего мѣсяца имѣлъ я удовольствіе получить чрезъ Серпуховъ свои газеты, и какъ это было въ первый разъ, то я обрадовался имъ какъ бы какой превеликой находкѣ. Но радость сія скоро превратилась въ досаду, ибо какъ тогда не было еще такой порядочной почты по всѣмъ мѣстамъ какъ нынѣ, то пересылка оныхъ происходила не только медленно, но весьма неисправно, и я то и дѣло принужденъ былъ видѣть посылаемыхъ за ними въ Серпуховъ людей, возвращающихся съ пустыми руками и досадовать на почту и на газетировъ.

Сколь ни мало было въ генварѣ происшествій достойныхъ замѣчанія, но февраль былъ еще того скуднѣе оными. Въ теченіи всего онаго не произошло почти ничего важнаго кромѣ того, что я нанялъ плотниковъ рубить новый себѣ домъ, да въ концѣ онаго получилъ опять письмо изъ Экономическаго Общества съ IX-юю частію Трудовъ онаго, и имѣлъ удовольствіе видѣть въ оной оба мои послѣднія сочиненія напечатанныя.

Письмецо сіе было самое коротенькое, но книги прислано было ко мнѣ дѣльныхъ 13 экземпляровъ, власно какъ бы въ награду за труды мои и чтобы могъ я оныя раздарить ъионимъ знакомымъ. Награда сія была хотя слишкомъ мала, но я по нуждѣ былъ и оною доволенъ, и самымъ тѣмъ побуждался и дагѣ заниматься подобными тому-жъ экономическими сочиненіями.

Впрочемъ имѣли мы удовольствіе въ теченіи сего мѣсяца видѣть ближайшаго моего сосѣда и двоюроднаго брата, Гаврилу Матвѣевича, притѣхавшаго изъ Петербурга въ домъ свой, а напротивъ того другого сосѣда, Матвѣя Никитича, проводили въ Петербургъ на службу.

Наконецъ, какъ въ исходѣ сего мѣсяца случилось быть въ сей годъ масляницѣ; то, по молодости своей и по охотѣ съ малолѣтства къ катанью, вздумалось мнѣ порѣзвиться и сдѣлать для катанья порядочную гору. Она сдѣлана была деревенская, безъ всякихъ коптовъ.

Я велѣлъ на нижнемъ своемъ прудѣ расчистить ледъ и избравъ отлогій, но довольно высокій и крутой берегъ, въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ у меня известковыя ямы, ушли весь оный и такъ, что гора была наипрекраснѣйшая. И мы закатались на ней впрахъ не только сами мушны, но сотоварищество намъ въ томъ дѣлали и самыя боярыни какъ наши, такъ и притѣжавшія къ намъ въ гости.

Самыя старушки, какъ, напримѣръ, теща и тетка моя Матрена Васильевна, дозволили мнѣ нѣсколько разъ сватить себя съ горы на салазкахъ. Словомъ, я не помню, чтобы когда-нибудь во всю жизнь мою я такъ несело масляницу, а особливо послѣдній день оной препроводилъ, какъ въ сей разъ. И какъ гостей у насъ случилось много, то катались мы въ сей день до самаго поздняго вечера и даже при огняхъ, которыми гору свою мы освѣтили, и кончили оный прямо хорошо и весело.

Съ начала марта сдѣлалась было у насъ половодь: сошелъ весь снѣгъ и вскрылась было совсѣмъ весна. Явленіе сіе было необыкновенное, однако продолжалось сіе недолго и мы должны были опять покидать колеса и приниматься за прежнія сани, и настоящая половодь не прежде была какъ подъ Благовѣщеніе.

Въ сей мѣсяцъ начали плотники рубить мои хоромы, а я съ людьми готовить каменья подъ фундаментъ подъ стѣны, которыя основаны были на толстыхъ дубовыхъ столбахъ.

Копали мы оныя прямо противъ хоромъ въ вершинѣ и вытаскивали оныя къ хоромамъ, при помощи ворота, по намощенному вкось чрезъ вершину изъ досокъ мосту, по которому втаскивалась особаго рода плоская телега или почти родъ сани, нагруженныхъ множествомъ камней.

Машину сию выдумали мы сами съ столяромъ и она помогла намъ очень много. И какъ каменье въ наши превеликое множество, лежащихъ въ горѣ стѣною, врасно какъ складенною изъ тесаныхъ камней, то съ малымъ трудомъ наломали и натаскали ихъ множество.

Были также подражены и гвоздье, и кака дьявольская разница между цѣнами тогдашними и нынѣшними: тогда двутесныя не дороже были двухъ рублей, а одностесныя 80 копѣекъ.

Еще достопамятно, что въ теченіе сего мѣсяца продалъ я въ коширской деревнѣ своей Бурцовой, приданой покойной моей бабки, наконецъ и самую землю брату Гаврилѣ Матвѣвичу. Итакъ, сія деревня совѣмъ вышла изъ моего владѣнія, ибо крестьяне переведены были уже давно въ шадскую деревню.

Имѣли мы также удовольствіе видѣть опять и сосѣда нашего Матвѣя Никитича, возвратившагося совѣмъ печально изъ Петербурга, чрезъ что собрались мы опять всѣ вмѣстѣ, и вся фамилія наша находилась тогда въ Дворяниновѣ.

Что касается до упражненій моихъ, то во всѣ послѣдніе зимніе мѣсяцы занимался я наиболѣе разрисовываніемъ красками печатныхъ картинокъ, вырѣзанныхъ изъ книгъ, и разрисовалъ ихъ множество. Всѣ онѣ и нынѣ украшаютъ мои стѣны, а нынѣ въ эстампной и портретной книгѣ.

Однако не гуляло и перо мое; работалъ я много и онымъ; но кромѣ пьесы о тележкѣ навозной, назначенной для Экономическаго Общества, не сочинено мною ничего особливаго, но начиналъ я многое, а сдѣлалъ мало. Впрочемъ занимался я также и переводами, и трагедія «Вольнодумъ» переведена въ сіе время.

Наконецъ въ концѣ сего мѣсяца огорченъ мы были всѣ, а особливо теща моя, печальнымъ извѣстіемъ, что смерть постигла и третьяго ея брата, Александра, въ цвѣтущихъ еще лѣтахъ, на Низу. И какъ старикъ отецъ ея, а жены моей дѣдъ, остался съ однимъ только своимъ меньшимъ сыномъ, Сергѣемъ, то приглашалъ онъ тещу мою, чтобы она къ нему въ Цивильскъ пріѣхала жить, но чего однако намъ да и самой ей не очень хотѣлось.

Начало весны провели мы весело и благополучно и видались почти всякой день съ своими сосѣдами, а особливо въ святую недѣлю, бывшую въ сей годъ въ исходѣ апрѣля, которая была для насъ тѣмъ веселѣе, что у Матвѣя Никитича родила жена въ оную перваго ему сына и были у него сборныя крестины, и по случаю сему и множество гостей, которые всѣ перебывали и у насъ. Вмѣстѣ съ другими крестилъ и я его сына съ дѣвучкою Пестовою, Марьею Михайловною.

Впрочемъ, не успѣла весна вскрыться, какъ принялся я опять за милые и любезныя сады свои и всякій день занимался въ нихъ множествомъ работъ и дѣлъ вешнихъ. Мы садили и пересаживали разныя деревья, прививали прививки, сѣяли разныя цвѣточныя и огородныя сѣмена, чистили и прибирали все, а особливо цвѣтники, до которыхъ я въ особенности былъ охотникъ.

Въ самую сию весну завелъ я наиболѣе всѣ разныя роды вишенъ, которыя и нынѣ сады мои наполняютъ. Нѣкоторые изъ нихъ получилъ я отъ Товарова изъ Прончищева, а другія и самыя тѣ алыя мелколиственныя и плодородныя, изъ которыхъ нынѣ въ садахъ моихъ растутъ цѣлыя лѣсочки, отъ Незнанскаго попа Егора.

Также въ самую сию весну насажена изъ липъ та короткая прекрасная крытая дорога въ ближнемъ моемъ саду, подлѣ воротъ на улицу, которая и нынѣ увеселяетъ меня своею густотою и величиною. Въ теченіе прошедшихъ съ того времени 34-хъ лѣтъ разрослась и выросла

она превеликою. Въ сіе время имѣлъ я уже и планы садамъ моимъ, но далеко не такіе совершенные, какъ нынѣ.

Кромѣ сего имѣли мы въ сіе время съ сосѣдями своими небольшую сдѣлку въ разсужденіи Удерева и луговъ подъ Шестуничюю, и многими клочками, по согласію другъ съ другомъ, размѣнялись.

Въ началѣ мая убавилось опять наше деревенское близкое сосѣдство однимъ человѣкомъ. Братъ Гаврила Матвѣевичъ поѣхалъ опять въ Петербургъ на службу, ибо какъ онъ ни старался, но ему не отсрочили. Мы же, оставшіеся, провели общій нашъ деревенскій праздникъ отменно весело. Гостей у всѣхъ насъ было множество, мы только и знали, что переходили съ ними другъ къ другу.

Въ особенности же было у меня всѣмъ весело, по причинѣ круглыхъ качелей, бывшихъ у меня. Да и кромѣ сего во весь сей мѣсяцъ какъ-то въ особенности и такъ много у меня погостилось, что мы рѣдкій день проводили безъ гостей, или сами у кого чтобы не были.

Между тѣмъ хоромы мои продолжали строиться и съ такимъ успѣхомъ, что въ сей мѣсяцъ успѣли ихъ уже и покрыть, а мы между тѣмъ подвели подъ нихъ и фундаментъ каменный.

Прочія-жъ упражненія мои въ праздные часы состояли въ срисовываніи съ натуры цвѣтовъ разныхъ, расцвѣтающихъ у меня въ садахъ и цвѣтникахъ, которыя картинки и понинѣ у меня цѣлы и украшаютъ отчасти стѣны въ моихъ хоромахъ.

Наидостоп мятнѣйшимъ-же происшествіемъ сего времени было солнечное и очень видное затмѣніе, случившееся 24-го мая. Я примѣчалъ оное съ величайшимъ вниманіемъ и имѣлъ случай примѣтить тогда въ солнцѣ шесть маленькихъ черныхъ пятнушковъ, въ разномъ положеніи между собою и подвинувшихся къ вечеру совсѣмъ въ другое мѣсто, что нѣкоторымъ доказательствомъ было тому, что солнце вертится вокругъ своей оси.

Въ продолженіе іюня мѣсяца занимался я наиболѣе строеніемъ: какъ старинный конскій и скотскій дворъ находился

подлѣ самыхъ новыхъ и уже плотниками отдѣланныхъ хоромъ и надлежало его перенести куда-нибудь въ иное мѣсто, то разсудилось мнѣ перенести его въ рощу за вершину и на самое то мѣсто, гдѣ находятся теперь людскіе огороды.

Итакъ, надобно было вырубить ту часть рощи, и строеніе оное туда перевозить и ставить; предъ хорами-жъ ровнять и планировать мѣсто, для назначаемого тутъ большого цвѣтника, которая работа произведена однимъ садовникомъ съ ребятами.

Изобрѣтенная мною садовая о двухъ колесахъ телѣжка, употребляемая и по нынѣ съ особливою выгодною и пользою, въ томъ имъ много послѣствовала. А какъ и хоромы остались только внутри отдѣлывать, то начиналъ я уже и о украшеніи внутренности оныхъ помышлять и цѣлымъ семь дней употребилъ самъ на намалеваніе одной большой картины на подобіе тканого ковра, съ историческими изображеніями, каковыми хотѣлось мнѣ обить и убрать всѣ стѣны моего зала, которая и понинѣ еще цѣла и украшаетъ собою стѣну въ залѣ и служитъ памятникомъ тогдашнихъ моихъ трудовъ и малеванья.

Между сими упражненіями не оставляли мы по прежнему видаться съ своими сосѣдями и знакомцами, и какъ у себя ихъ угощать, такъ и самимъ къ нимъ ѣздить.

Бывшій въ началѣ мѣсяца сего Троицннъ день провели мы очень весело, будучи въ гостяхъ у г. Гурьева, въ Тарусскомъ уѣздѣ. Собраніе гостей было многочисленное. Добрые сіи люди были всѣми любимы, и никому, по особому гостепріимству, ихъ не было у нихъ скучно. Не могу и понинѣ позабыть, какъ были мы въ сей день тамъ веселы, какъ танцовали, бѣгали, рѣзвились, гуляли по садамъ, по рошамъ и забавлялись разными деревенскими играми, и какъ смѣялись и хохотали при одномъ приключеніи, случившемся съ бывшими тамъ въ гостяхъ съ молодыми барышнями.

Случилось это на другой день праздника. Сыну и дочерямъ хозяйскимъ взду-

малось подговорить ихъ иттить съ ними погулять подъ гору на берегъ рѣки Оки, гдѣ имѣли они прекрасную рошу, и тамъ на лодкѣ по рѣкѣ покататься. Онѣ согласились на то охотно. Но не успѣли онѣ приттить къ рѣкѣ и сѣсть въ лодку, какъ вдругъ поднялась превеликая буря съ проливнымъ дождемъ, и гуляющія подверглись отъ того превеликой опасности, а того болѣе прерастрашались.

Съ превеликою нуждою и насилу удалось имъ привалить опять къ берегу, и тогда, позабывъ гулянье, сиѣшли онѣ домой; но какъ разстояніе было не близкое и болѣе версты, то всѣ онѣ бѣгучи не только перемучились и устали, но всѣ съ головы до ногъ отъ проливного и крупнаго дождя обмокли.

Мы, мужчины, съ ними тогда не ходили, а оставались съ хозяиномъ дома, и сперва сами опасности ихъ напугались, но послѣ надеѣлись со смѣху, видя ихъ бѣгущихъ безъ памяти домой и укрывающихся отъ дождя чѣмъ кому попало. Иная бѣжала въ людской шляпѣ, другая въ епанчѣ, иная обвязавъ голову платкомъ, иная чѣмъ попало и такъ даѣе. Смѣху-то! хохотанья! конца истинно не было!

Вскорѣ за симъ долженъ я былъ съѣздить еще за Серпуховъ, въ Малоярославецкій уѣздъ, для размеванья. У тетки Матрены Васильевны Арцыбшевой была тамъ деревня Новики, и какъ пришло туда размеванье и произошли споры отъ дачъ княгини Дашковой, то просила меня тетка съѣздить въ сію деревню и взять сіе размеванье подъ свою опеку. И какъ мнѣ не хотѣлось отказать ей въ сей просьбѣ, то я туда и ѣздилъ, и учинилъ тамъ все что только было мнѣ можно.

Насмотрѣвшись и тутъ всего происходящаго при размеваньи и получая часъ-отъ-часу множайшее повятіе объ ономъ, предвидѣлъ я, сколь великая надобность для всякаго владѣльца была въ томъ, чтобъ знать напередъ вѣрно все количество владѣемой имъ земли, дабы рас-

полагаясь по тому можно было такъ уже и поступать при размеваньи.

А какъ такого-жъ размеванья скоро ожидали мы уже и у себя, а изъ всѣхъ изъ насъ никто не зналъ сколько у насъ земли дѣйствительно во владѣніи, и примѣръ-ли въ ней противъ дачъ будетъ или недостатокъ, то сіе начинало меня уже очень озабочивать и побуждать мыслить о томъ, какъ бы мнѣ всю дачу и земли свои предварительно вымѣрить и узнать точное количество земли въ нихъ.

Сіе не инако можно было учинить, какъ чрезъ снятіе всей дачи на планъ. Къ снятію-же сему потребна была необходимо астролябія. Сію хотя и имѣлъ я у себя домашнюю, но какъ шадское измѣреніе, при которомъ она употреблена была, доказало мнѣ, что она весьма еще несовершенна, и съ нею только намучишься довольно, а дѣла не сдѣлаешь, потому что она удобна была къ сниманію на планъ одними только углами, при чемъ малѣйшая невѣрность и неакуратность могла все дѣло портить, то и стала я думать и помышлять о томъ—нельзя-бы смастерить себѣ иную, лучшую и надежнѣйшую, и такую, которая-бы снабжена была и компасомъ, и которою бы можно было землю снимать и по румбамъ.

По счастью мнѣ и удалось придумать какъ сіе сдѣлать, и изобрѣсть такого рода астролябію, которая по дешевизнѣ своей и особому сложенію достойна была особливаго замѣчанія. Обрадуясь сей выдумкѣ, приступилъ я тотчасъ къ дѣлу. И оба мы съ замысловатымъ столяромъ своимъ были столь прилежны, что въ немногіе дни и смастерили себѣ такую астролябію, какой лучше требовать было не можно.

Вся она сдѣлана была дома и вся и съ штативомъ своимъ, кромѣ стрѣлки, не стояла мнѣ ни копейки, а дѣйствовала такъ вѣрно и такъ хорошо, что я не желалъ имѣть лучшей и былъ ею очень доволенъ. Стрѣлкою къ ней снабдилъ меня другъ мой г. Гурьевъ, доставъ ее для меня отъ межевщиковъ.

Не успѣлъ я снабдить себя симъ нуж-

нимъ инструментомъ, какъ приступилъ дѣйствительно къ снятію всей своей дачи и разныхъ частей ея на планъ и занимался тѣмъ во все праздное время, которое я имѣлъ въ теченіе іюня мѣсяца; но время къ тому и досуга имѣлъ не много.

Такъ случилось, что мнѣ многіе дни надлежало быть отъ дома въ отлучкѣ и заниматься премножествомъ межевыхъ настоящихъ хлопотъ, по просьбѣ такого человѣка, которому нельзя было въ томъ отказать, и которому и самъ я за удовольствіе поставлялъ помогать и жертвовать всѣми приобретенными мною въ сихъ дѣлахъ знаніями и способностями, а именно:

Возвратился около самаго сего времени другъ и наилучшій сосѣдъ мой, Иванъ Григорьевичъ Полонскій, изъ Петербурга. Онъ ѣздилъ, какъ выше упомянуто, туда лечиться у Ерофенча и вылечившись приѣхалъ теперь назадъ и тотчасъ прислалъ ко мнѣ съ увѣдомленіемъ.

Я тотчасъ полетѣлъ къ сему любезному для меня человѣку и обрадованъ былъ очень, нашедъ его несравненно въ лучшемъ состояніи предъ прежнимъ.

Онъ показывалъ мнѣ списанный нарочно портретъ съ сего славнаго врача и рассказывалъ множество всякой всячины объ немъ, и какъ вмѣстѣ со мною съѣхались и многіе другіе его сосѣди и знакомцы, то весь тотъ день провели мы очень весело.

Не успѣлъ г. Полонскій возвратиться въ домъ, какъ озабоченъ былъ досадными хлопотами; съ одной стороны приближалось къ дачамъ его и начиналось почти межеванье, при которомъ, по запутанности обстоятельствъ съ дачами и землями его сопряженныхъ, предусматривалъ онъ многія для себя и неприятыя хлопоты, при которыхъ нужна была великая расторопность, да и практическое въ межевыхъ дѣлахъ знаніе, въ какомъ былъ ему недостатокъ; а съ другой стороны инныя необходимые нужды и обстоятельства требовали паки его отъ дома отсутствія

и принуждали немедленно ѣхать въ Москву, и потомъ еще и далѣе въ шуйскія свои деревни.

Все сіе такъ его стѣсняло, что онъ не зналъ что дѣлать и другого не находилъ, какъ просить меня, какъ своего друга, помочь ему въ сей нуждѣ и принять всѣ хлопоты по его межеванью на себя, и чтобъ мнѣ собою замѣнить его собственное присутствіе. И какъ онъ былъ о знаніи и честности моей удостовѣренъ, то ввѣрялъ мнѣ всю судьбу своихъ дачъ и хотѣлъ быть всѣмъ доволенъ, что я ни сдѣлаю.

При такихъ обстоятельствахъ, какъ можно было мнѣ не принять сего предложенія и отговориться? Напротивъ того я самъ былъ еще радъ, что имѣлъ случай услугами и трудами своими возблагодарить ему за всю его ко мнѣ дружбу и благопріятство и доказать тѣмъ, сколько искренно и нелицто я люблю онаго, а желалъ только, чтобъ въ стараніяхъ моихъ имѣлъ я успѣхъ вождедѣнный.

И подлинно, не успѣлъ я возвратиться къ себѣ въ домъ, а г. Полонскій уѣхалъ въ Москву, какъ и прислала жена его ко мнѣ съ просьбою, чтобъ я приѣзжалъ какъ можно скорѣй къ ней для межеванья. Я и поскакалъ тотчасъ къ ней верхомъ и вступилъ въ порученное мнѣ дѣло. Но, о! сколько хлопотъ навело оно мнѣ!..

Продолжилось оно съ разными переѣздами болѣе двухъ недѣль сряду. Нѣ сколько разъ принужденъ я былъ къ ней приѣзжать, и бросая всѣ свои дѣла и нужды, проживать у ней иногда дни по два и по три, и не только таскаться ежедневно съ утра до вечера по полямъ, и по горамъ и буеракамъ, но терпѣть и скуку, и досаду и самое безпокойство отъ жаровъ и солнца, а не одинъ разъ отъ бурь и проливныхъ дождей, захватывавшихъ насъ въ полѣ.

Но всего того было не довольно, но обстоятельства дачъ и земель его были дѣйствительно такъ спутаны и такъ сумнительны, что я принужденъ былъ употреблять все свое знаніе и все искусство

и невозможнѣйшую расторопность и даже самая иногда тончайшія хитрости къ спасенію его земель отъ захватыванія посторонними, и къ недопущенію до споровъ и тому подобнаго.

И какъ дѣло долженъ былъ имѣть я не съ однимъ, а со многими и разными владѣльцами, острившими на земли г. Полонскаго свои зубы, а притомъ съ двумя хитрыми землеѣрами, то и принужденъ я былъ при многихъ случаяхъ извиваться ужемъ и жабою, употреблять и волчій ротъ и лисій хвостъ; не одинъ разъ вставать до свѣта, трудиться надъ бумагами, черченіемъ и вычисленіями до полуночи; скакать безъ памяти изъ одного мѣста въ другое, развѣзжать по всѣмъ знакомымъ и незнакомымъ сосѣднимъ домамъ; бывать совсѣмъ въ непріятныхъ для меня компаніяхъ, и иныхъ упрашивать, другихъ уговаривать, инымъ предлагать умшленные совѣты и всѣхъ, кого надобно было, разными средствами наклонять къ тому, что мнѣ было надобно, и радовался по крайней мѣрѣ тому, что всѣ сіи хлопоты и труды не были тщетными; но мнѣ удалось не только спасти всѣ земли, находившіяся во владѣніи у г. Полонскаго, изъ коихъ онъ многія почиталъ за потерявныя, но доставить ему еще нѣкоторыя вновь во владѣніе и тѣмъ превзойти всѣ его чаянія и ожиданія, а при всемъ томъ и обоихъ землеѣровъ, изъ коихъ одинъ былъ г. Хвощинскій, а другой г. Рославлевъ, сдѣлать себѣ хорошими друзьями.

Всѣ сіи хлопоты такъ меня заняли, что я во все теченіе іюня мѣсяца, кромѣ обыкновенныхъ хозяйственныхъ дѣлъ, успѣлъ только разбить и основать большой цвѣтникъ предъ окнами новаго дома.

Наконецъ, ознаменовался сей мѣсяць двумя печальными происшествіями, случившимися въ теченіе оного.

Первое была жалкая кончина одной не дальней родственницы тещи моей, г-жи Вяткиной, сестры Ивана Аванасьевича Арцыбышева. Она была вдова и жила съ своею дочерью, милою и любезною дѣвушкою, бывшею уже невѣстою, въ

своей коломенской деревнѣ, и такъ была несчастна, что собственные ея люди, подъ видомъ разбойниковъ, вломившись къ ней въ домъ и истерганивъ звѣрски, убили ее и съ дочерью безчеловѣчнымъ образомъ, злая на нее за то, что она къ нимъ нѣсколько строга была, и которыхъ намъ очень жаль было.

А вторая — состояла въ переселеніи въ вѣчность нашей милой и любезной Ивановны, той доброй и услужливой старушки-нѣмки, живущей въ Ченцовѣ, которая такъ много любила насъ и нами была любима, и играла при сватовствѣ моемъ ролю свахи. Она умерла отъ старости и болѣзни, и намъ ее такъ жаль было, какъ родную. Обѣ мои семейники проводили ее на вѣчное жилище, и оросили гробъ ея своими слезами, а меня не случилось тогда дома.

Впрочемъ замѣчу, что сему дѣлу власно какъ назначено было быть мнѣ училищемъ землеѣрію и межевнымъ дѣламъ, ибо ни въ который годъ я такъ много онымъ не занимался, какъ въ сей.

Не успѣлъ я помянутыя межевыя дѣла по дачамъ г. Полонскаго кончить, какъ возвратясь домой, и сначала августа вмѣстѣ съ сосѣдомъ своимъ Матвѣемъ Никитичемъ, принялся плотнѣе уже за сниманіе всей своей дачи на планъ.

Нѣсколько дней сразу проходили мы съ нимъ по обширнымъ нашимъ полямъ и лѣснымъ угодьямъ и имѣли довольно труда, покуда обошли съ инструментомъ по всей окружной межѣ.

При сей работѣ сколько былъ я доволенъ сотовариществомъ помянутаго сосѣда своего, раздѣлявшаго со мною всѣ труды и безпокойства, столько досадовалъ на брата своего Михаила Матвѣевича, неходившаго ни однажды съ нами и покоившагося дома.

Я не успѣлъ еще всего обхода моего наложить на бумагу, какъ такія же хлопоты отвлекали меня въ другую сторону.

Прискакали ко мнѣ изъ коширской моей деревни Калитино, съ извѣщеніемъ отъ живущей тамъ старушки нашей родственницы и сосѣдки, Марѣи Маркѣ

къ вей, о томъ, что межеванье настаетъ, и съ просьбою, чтобъ не оставилъ я и ихъ при семь случаѣ.

И какъ дѣло сіе касалось сколько до нее, столько-жъ и до самого меня, то не долго думая, и подхвата свою астролябію и всю межевую сбрую про запасъ, поспекалъ я туда на другой день по утру.

Но приѣхавъ нахожу, что межевщикъ еще до нашихъ дачъ не дошелъ, и какъ и вся дача сей деревни была небольшая, то и восхотѣлъ я симъ случаемъ воспользоваться и для узнавія, есть ли въ нашемъ владѣніи столько земли, сколько по дачамъ слѣдуетъ или оной болѣе или менѣе, предпріялъ скорѣе всю оную вымѣрить.

Тотчасъ все нужное было приготолено: вся межевая команда набрата и я, забравъ вѣхи и инструментъ, полетѣлъ въ поле и давай скорѣе обходить; и не жалѣя трудовъ такъ поработалъ, что чрезъ нѣсколько часовъ всю ее обошелъ.

Но какой же смѣхъ произошелъ при томъ. Не успѣлъ я начать обходить бокъ къ дачамъ села Грызлова, какъ мужики сего села, пахавшіе въ то время за рѣкою землю, и увидѣвъ меня и мои вѣхи, также и моихъ людей, бывшихъ въ красныхъ и синихъ камзолахъ и въ шляпахъ, заключили что это межевщикъ, который и въ самомъ дѣлѣ въ тотъ день неподалеку отъ того мѣста находился.

Итакъ, почитая меня дѣйствительно за межевщика, и не видя при мнѣ своихъ повѣренныхъ, пришли отъ того въ превеликое замѣшательство, и не долго думая, ну-ка скорѣй выпрягать изъ сохъ лошадей и скакать въ свое село для извѣщенія о томъ своихъ сельскихъ повѣренныхъ.

Сіи услышавъ о томъ перетревожились того болѣе. Они взбаламутили всѣхъ, и сами повскакавъ на лошадей, ну-ка безъ памяти скакать и поспѣшать ко мнѣ, а за ними и сами господа въ однихъ даже халадахъ, и не до лошадей уже, а пѣшкомъ бѣжать. Прибѣжали, прискакали и наши совсѣмъ не то, и мнѣ ажъ стыдно

и дурно было, что я ихъ такъ безъ умысла перетревожилъ.

Какъ про запасъ взялъ я съ собою и инструментъ чертежный и бумаги, то окончивши обходъ, спѣшилъ я положить оной на бумагу, и по связаніи фигуры скорѣе все количество исчислить; и какъ же ахнулъ и удивился увидѣвъ, что въ ней ровнехонько цѣлой половины не доставало.

Что было тогда дѣлать? надлежало ее гдѣ-нибудь отыскивать, но гдѣ, и какимъ образомъ? Сколько ни разспрашивалъ я у всѣхъ, не завладѣлъ ли кто въ старину нашими землями, но никто не могъ сказать мнѣ ничего. Я къ Маркеловнѣ. Спрашиваю ее, но и та ни отъ кого, даже отъ предковъ своихъ о томъ не слыхала, а тоже говорила какъ и прочіе, что всѣ землями владѣли спокойно и ни съ кѣмъ споровъ не было.

Горе тогда было на меня превеликое. Думаю я, что ежели такъ оставить, то недостатокъ земли на вѣкъ пропадетъ, и если ее отыскивать, то отыскивать при семь случаѣ надобно, но у кого, того я самъ не зналъ. Наконецъ рѣшился на томъ, чтобъ велѣть заспорить со всѣми на удачу, ибо думалъ, что если найдется у кого примѣрная земля, то мы ее получимъ, а ежели не найдется, то такъ тому и быть, ибо вѣдалъ, что отъ того бѣды никакой не будетъ.

Предпріявъ сіе намѣреніе и распорядилъ я все дѣло такъ, какъ надобно, и давъ всѣмъ повѣреннымъ наставленіе, гдѣ и какимъ образомъ заспорить и отводить, сталъ спокойно дожидаться межевщика, а между тѣмъ сдѣлалъ другое дѣло.

Въ деревнѣ сей было у меня два небольшие сада: одинъ прадедовскій, старій и совсѣмъ уже издыхающій, а другой молодой, вновь разводимой. Въ обоихъ ихъ были тогда яблоки и другіе плоды поспѣвшими. Итакъ, ну-ка я ихъ обирать. ну-ка укладывать и отправлять къ себѣ въ домъ въ Дворяниново.

А между тѣмъ приближался и къ нашимъ калитинскимъ дачамъ межевщикъ, и я успѣлъ еще и съ нимъ видѣться и

вмѣстѣ съ нимъ пройтить нѣсколько линій къ намъ прикосновенныхъ, ибо онъ межевалъ тогда не насъ, а другія съ нами смежныя дачи, такія мѣста, гдѣ мнѣ споры заводить было не можно. А какъ до нашей дачи дѣло еще не доходило, то давши нужныя наставленія, поспѣшалъ я домой, дабы вслѣдъ за своими домашними ѣхать въ Алексинскую женину деревню, ибо между тѣмъ какъ все вышеупомянутое происходило и я двое сутокъ въ Калитинѣ пробылъ, поѣхали онѣ для нѣкоторой надобности въ Тулу съ тѣмъ, чтобы оттуда проѣхать въ Коростино, а и мнѣ бы тамъ съ ними съѣхаться.

Но приѣхавши домой нашель я столько нуждъ и столько дѣлъ для исправленія, что нельзя было никакъ въ тотъ день ѣхать. Надобно было принять и прибрать высушенные орѣхи, которыхъ въ сей годъ родилось у насъ превеликое множество; надобно было прибрать также великое множество побитыхъ, бывшею незадолго до того ужасною бурей, съ яблоней яблокъ; надобно было поспѣшить снять достальныя поспѣвшія яблоки, чтобы вѣтры не обили послѣднихъ; надобно было отправить слугу, присланнаго отъ г-жи Полонской съ письмомъ отъ мужа ея ко мнѣ, въ которомъ сей другъ приносилъ мнѣ за труды и хлопоты мои безконечныя благодаренія; надобно было угощать еще приѣзжавшихъ ко мнѣ въ гости съ завода нѣмцевъ и прочее тому подобное.

Итакъ, не прежде какъ съ утра на другой день пустился я въ свой путь, и ѣхалъ съ такою поспѣшностію, что засталъ еще своихъ необѣдавшихъ въ Коростинѣ. Онѣ только-что возвратились изъ Тулы и хотѣли-было уже ко мнѣ

ѣхать, но я остановилъ ихъ, ибо хотѣлось мнѣ изъ тамошняго сада поспѣять всѣ поспѣвшія яблоки, а между тѣмъ по-видался я съ тамошнимъ неугомоннымъ и глухимъ сосѣдомъ, господиномъ Колюбакинымъ, Иваномъ Алексѣевичемъ, и поговорить съ нимъ любовную рѣчь, и его пристыдить и усовѣстить въ дѣлаемыхъ намъ по тамошней деревнѣ глухихъ притѣсненіяхъ и обидахъ, къ чему онъ былъ не рѣдко склоненъ, хотя впрочемъ былъ изрядный человекъ.

Наконецъ переломавши и тамъ всѣ дѣла, какъ лутошки, поѣхали мы обратно въ милое и любезное мое Дворяниново, и завезъ на дорогѣ къ матери, гостившую у насъ оволо сего времени, Авдотью Андреевну Хотяинцову, что нынѣ г-жа Перхурова, завернули на часокъ и въ Калединку, въ домъ отсутственной тетки Матрены Васильевны, бывшей тогда въ степной своей деревнѣ.

Тутъ видѣлъ я также страшное поврежденіе, учиненное послѣднею бурей въ садахъ ея, и не могъ безъ сожалѣнія смотрѣть на превеликія кучи непрекраснѣйшихъ плодовъ ея сада, обитыхъ вѣтромъ. И возвратились наконецъ въ свой домъ наканунѣ Успеньева дня, поспѣшая къ сему дню, въ который общалась къ намъ быть и вмѣстѣ съ нами разговѣться госпожа Полонская.

Симъ кончу я сіе письмо, а вкупѣ и 12-е собраніе оныхъ, и предоставивъ погнѣстваніе о прочемъ дальнѣйшему продолженію моихъ писемъ, остаюсь вашъ и прочая.

Конецъ

второйнадесять части.

Сочинена 1802, а переписана въ 1805 году въ декабрѣ.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XIII.

(1802).

ВЪ ДВОРЯНИНОВЪ.

(Начата октября 30, кончена ноября 5-го 1805).

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКѢ ВООБЩЕ.

1769.

Письмо 131-е.

Любезный пріятель! Какъ въ предъидущемъ моемъ письмѣ я еще всю исторію 1769 года не докончилъ, и довелъ ее только до половины августа и остановился на томъ, что мы, возвратясь изъ Алексинской своей деревни въ Дворяниново, собирались на Успеневъ день угощать у себя, обѣщавшую къ намъ быть и вмѣстѣ съ нами въ сей день разговѣться, госпожу Полонскую; то, продолжая теперь съ сего времени свою исторію, скажу, что помянутая госпожа къ намъ дѣйствительно тогда и пріѣзжала, и мы, возвратившись въ сей день отъ обѣдни, нашли ее уже у себя, вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ къ намъ, совсѣмъ неожиданно, и господиномъ Гурьевымъ съ сыномъ.

Какъ она домашнихъ моихъ съ того времени еще не видала, какъ я у ней былъ и хлопоталъ такъ много по межеванію, то увидѣвши ихъ, первая ея слова были объ ономъ, и какихъ, и какихъ благодареній не насказала она имъ за меня. Истинно ажно было стыдно слушать все сіе, и я ушелъ въ другую комнату.

Препроводивъ съ сими милыми и любезными намъ гостями сей день очень весело, и проводивъ ихъ отъ себя, прінялся я на другой день за пріятнѣйшее для меня упражненіе, а именно за сняманіе яблокъ со всего моего новаго, молодого и мною вновь насажденнаго большого сада.

Въ ономъ родилось въ сей годъ плодовъ уже довольно, и какъ они всѣ поспѣли, то хотѣлось мнѣ всѣ ихъ скорѣе снять и не допустить до того, чтобы обиты были они также вѣтромъ и бурей. И какое удовольствіе было для меня видѣть ихъ въ кучахъ, яко награду уже за труды и старанія мои. Я не могъ наглядѣться и налюбоваться оными, а особливо наилучшими изъ нихъ породами, какихъ было таки-довольно.

Другое мое занятіе было въ предпріиманіи одного опыта. На нѣкоторыхъ тюльпанахъ моихъ родились и убережены были въ сей годъ сѣмяна въ ихъ каусюлькахъ.

Нашедъ въ книгахъ, что можно ихъ сими сѣмянами размножать, и хотя медленно, но имѣть при томъ ту выгоду, что произойдутъ многіе новыя и оригинальныя роды. восхотѣлось мнѣ предпринять съ ними сей опытъ и посѣять оныя на

особой грядочкѣ. Сіе я въ сіе время и учинилъ, и не раскаявался впоследствии въ семь предпріятій.

Я дожидался, правда, ихъ цѣлыхъ пять лѣтъ. Но за то имѣлъ удовольствіе видѣть не только превеликое множество у себя тюльпановъ, но и дѣйствительно происшедшіе отъ нихъ многіе новые и совсѣмъ оригинальные роды, изъ которыхъ иные были очень хороши, и наградили меня съ лихвой за долгое ихъ ожиданіе и за всѣ хлопоты, какія я имѣлъ съ ними въ сіи годы, пересаживая ихъ съ мѣста на мѣсто, и всякій годъ выкапывая и разбирая.

Впрочемъ, не успѣлъ я отъ прежнихъ моихъ трудовъ и послѣднихъ поѣздокъ моихъ еще хорошенько отдохнуть, какъ навязались на меня новыя хлопоты. Прискакали безъ души звать меня опять на межеванье и я принужденъ былъ, опять оставя все, туда ѣхать. Но какъ исторія ѣзды сей въ подробности описана была мною тогда въ письмѣ къ пріятелю и описана такъ, что вы, читая ее, можете быть не однажды усмѣхнетесь; то и помѣщу я ее здѣсь точно тѣми словами, какими я ее тогда описывалъ.

«Скажите мнѣ,—писалъ я тогда къ своему пріятелю,—не можете ли вы мнѣ дать судъ на нынѣшнія обстоятельства?»

«Межевыя дѣла меня совсѣмъ замучили. Недавно принужденъ я былъ цѣлую недѣлю и болѣе за чужими дѣлами прохлопотать и проволочиться. Послѣ того ѣздилъ въ свою деревнишку, тамъ снималъ планъ, и исчислялъ, и хлопоталъ, а оттуда, приѣхавъ, не успѣлъ съѣздить въ свое Коростино и послѣ того маломальски съ духомъ собраться, какъ вчера, гляжу, опять кто-то верхомъ на дворъ, и мнѣ сказываютъ, что изъ Каверина староста приѣхалъ.

— «Такъ! уже право такъ! закричалъ я; это уже опять межеванье! я и не обманулся. Староста приходитъ и говорить, что межа до нихъ дошла, и что сдѣлалось у нихъ въ одной пустоши сумнительство и, влкаясь, просить, чтобъ при-

ѣхалъ къ нимъ я и не оставилъ ихъ въ теперешней нуждѣ.

«Что было мнѣ дѣлать! Дѣло это было совсѣмъ не мое. Въ этомъ Каверинѣ не имѣю я никакого участія, а только имѣеть большое участіе дядя родной жены моей, Александръ Григорьевичъ Каверинъ.

«Онъ просилъ меня, чтобъ прислать къ нему въ Козловъ, когда дойдетъ межеванье до нихъ и хотѣлъ самъ приѣхать. Къ нему давно уже и послалъ, но онъ еще не бывалъ. Подъемы тяжелые, а изъ Козлова не скоро-таки и доѣдешь.

«Итакъ, хоть дома крайніе были недосуги, однако хотѣлось мнѣ сдѣлать ему въ этомъ случаѣ услугу и туда съѣздить, и посмотрѣть, дабы не могло чего-нибудь пророчено быть.

«Такимъ образомъ, сѣвши сегодня ранехонько въ свою одноколючку, поскакалъ я туда. Туманъ былъ преужасный и холодновато. Чуть-было дорогой не ошибся и не заблудился. Подъѣзжая къ Балыма-тову, наѣхалъ я брата своего Михайла Матвѣевича. Онъ также на бѣломъ своемъ конѣ ѣхалъ на межеванье и позади его полякъ, съ пипкою во рту.

— Что, братъ, не затѣмъ ли и ты. зачѣмъ и я, ѣдешь.

— «Да, братецъ, Хвоцинской присылалъ, чтобъ я ѣхалъ въ Волохово, для разбирательства нашего спора».

— Хорошо братецъ! Поѣзжай и домай дѣла, какъ лутошки, а я ѣду въ Каверино, за чужое хлопотать.

«Въ самое то время гляжу, смотрю, скачетъ Раевского повѣренный, самый тотъ, съ которымъ мнѣ по Каверину дѣло имѣть надобно будетъ.

— Ты что, другъ мой?

— «Я, сударь, къ вамъ было ѣхалъ, засвидѣтельствовать вѣрющее письмо.»

— Хорошо! Да гдѣ взять чернилъ и пера, здѣсь поле.

— «Ну, сударь, такъ и быть.»

«Потомъ разспрашиваю я у него о тамошнихъ обстоятельствахъ, онъ мнѣ ихъ сказываетъ, и я могъ нѣкоторымъ образомъ заключить, что у нихъ на умѣ.

миѣ ѣсть хочется. Цыпленка твоего миѣ дожидаться некогда, ты меня чѣмъ-ни будь инымъ поскорѣ накорми.

— «Да чѣмъ-же, отецъ мой, миѣ тебя накормить?»

— Ну, есть ли у тебя хлѣбъ? говорю ему.

— «Есть, отецъ мой».

— Такъ дай же миѣ ты хлѣба; да итѣ-ли молока! я до молока охотникъ,» хотя въ самомъ дѣлѣ я его очень мало ѣмъ.

Побѣжалъ мой Иванъ Федоровичъ скорѣе подавать велѣтъ. Но со всѣми суетами принужденъ я былъ болѣе часа дожидаться, покуда намъ собрали обѣдать; но въ чемъ бы вы думали между тѣмъ время проводили? въ разговорахъ. Да въ какихъ?—весьма въ удивительныхъ: Иванъ Федоровичъ рассказывалъ миѣ свои несчастія, а именно о ветчинѣ.

— «Вотъ, отецъ мой! говорилъ онъ: вѣкъ живи, вѣкъ учись, какаѣ бѣды со мною сдѣлалась. Ветчины я доброй продалъ шесть пудъ, а тушь зимою превеликихъ множество, инья въ два, инья въ три пуда были, такія были чистыя и хорошія. Оставилъ, отецъ мой, про себя; но вотъ, плутъ, бездѣльникъ солгнулъ мало, а я велѣлъ ее подъ кровлю подлѣ окошекъ повѣсить, упоздалъ соленьемъ, отецъ мой! Итакъ, все съ кровли капало на ветчину, потомъ сняли ее, положили въ анбаръ; я поѣхалъ въ возловскую деревню и велѣлъ ее безъ себя по 3 копѣйки фунтъ распродать. Но посмотримъ, черви по верху въ ней выросли и кто продавалъ, такъ ветчиной его прибилъ, и радъ былъ по 3 полушки взять. Теперь сталъ вовсе безъ ветчины, а барановъ для того не бью, что въ двѣ недѣли его не съѣмъ».

Очень хорошо, думаю я самъ въ себѣ, хорошъ ты молодецъ, а еще славился богатымъ; знать миѣ у тебя сытому быть; изрядная напередъ объ обѣдѣ рекомендація. Какое-то обѣдъ будетъ?

Однако, какое онъ ни былъ, но я наѣлся до сыта, ибо хотя мясного и духа не было, но по счастью были давичные грибы вареные, скоромные, о которыхъ я заключалъ, что они постные, и я наѣл-

ся ихъ довольно. Сверхъ того успѣли еще сдѣлать яичницу; итакъ, принужденъ я былъ имѣть сегодня обѣдъ монашеской, все яичное и молочное.

Отобѣдавъ, простился я съ нимъ и поѣхалъ на часокъ въ Калитино, а оттуда уже почти ночью приѣхалъ домой...

Вотъ исторія тогдашняго дня, и вотъ какіе старыя хричи и скряги вживались у насъ тогда въ сосѣдствѣ.

Совсѣмъ тѣмъ не думайте, чтобъ онъ былъ бѣдный человѣкъ. Ахъ, итѣ! Домъ у него былъ изрядный и достатокъ хоть бы куда. Нынѣ владѣетъ симъ имѣніемъ сынъ его, который хотя несравненно его лучше, но все есть и въ немъ нѣчто наследственное отъ отца. Хлопотунъ и онъ превеликій, и при всей своей старости летаетъ то и дѣло и въ степь, и въ Москву, какъ двадцатилѣтній, и экономією своею нажилъ себѣ хорошій достатокъ. Но сей по крайней мѣрѣ знается съ людьми и угощаетъ далеко уже гостей не по-отцовскому. Мы сами къ нему и онъ къ намъ ѣздить и нельзя сказать, чтобъ мы пріязнью его не были и довольны. Но правду сказать, что съ того времени премѣнились во всемъ много всѣ наши нравы и обычаи.

Симъ окончу я сіе письмо, ибо какъ рассказывать миѣ надобно тотчасъ и о другомъ нѣсколько похожемъ на то путешествіи, то отложу то до письма будущаго, а между тѣмъ остаюсь вашъ и прочая.

(Писано октября 31-го, 1802 .)

Письмо 132-е.

Любезный пріятель! Утрудившись помянутою ѣздой, я еще и не отдохнулъ прямо отъ бывшаго безпокойства, какъ проснувшемуся миѣ на другой день сказывали, что изъ Новикова приѣхали опять за мною для межеванья.

«Господи! думалъ я, опять межеванье, долго-ли это будетъ! Таскаютъ меня всюду и всюду, какъ повивальную бабу. Но что дѣлать! дѣло тамъ тѣткыно, она поручила миѣ его, я просила очень, и я

уже основаль оное; итакъ, хоть не радъ, а поѣдешь. Подайвай сюда мужика».

— Ну! что брать за мною?—«За вами, государь». И ну точить мнѣ балы, городить ченуху сущую и наказыль мнѣ столько опасностей, что я за необходимое почелъ тотчасъ поспѣшать туда ѣхать и велѣль въ тотъ же моментъ коляску и лошадей готовить.

Сю не успѣли еще запречь, какъ въ двери Михайло Матвѣевичъ, и сказываеъ мнѣ, что на утріе будутъ межевать Калитино мое.

— Не вправду ли, говорю я, и ахъ, какая бѣда! и за Серпуховъ скакать надобно. и тутъ оставить никакъ нельзя. Что дѣлать! Но права ли братецъ?

— «Мнѣ такъ сказывали.

— Однако, семъ я пошлю и провѣдаю и удостовѣрюсь въ томъ напередъ совершенно. Рубашка къ тѣлу ближе кафтана; за чужими дѣлами свое не упускай стать!

Итакъ, давай скорѣе за перо, давай писать къ межевщику и спрашивать, и ну посылать человека верхомъ и приказывать скакать безъ памяти.

Но какъ овъ ни поспѣшалъ, но не прежде ко мнѣ возвратился, какъ уже послѣ обѣда; а мужику между тѣмъ велѣль я ѣхать домой и сказать, что ежели не будетъ своего межеванья, то я тотчасъ къ нимъ туда отправлюсь.

Посланный и дѣйствительно привезъ мнѣ извѣстіе, что будетъ оно тутъ не прежде, какъ недѣли чрезъ двѣ, и что братцу моему хорошоухушко солгали. И такъ нечего долѣе медлить, запрягай опять лошадей и ступай!

Но что-жь! не успѣль я выѣхать и начать подъѣзжать къ первой деревнѣ, Ярославцовой, какъ гдѣ ни возымись пре-страшная туча съ грозюю и проливнымъ дождемъ.

«Батюшки мои! что дѣлать?» говорю я почти безъ души, ибо былъ около сего времени превеликимъ еще въ случаѣ грозы трусомъ, да и нынѣ не могу еще почесть себя совершеннымъ героемъ, а особ-

ливо не люблю быть во время оной въ дорогѣ.

— «Погоная лошадей и спѣши скорѣе скорѣе въ деревню.»

Не успѣли мы прискакать въ Ярославцово и вѣбжать въ первую избенку, какая ни попалась на встрѣчу, какъ и началась потѣха. И такая страшная гроза съ проливнымъ дождемъ, что я отъ страха закрыль даже всѣ окна въ избушкѣ и сидѣль въ духотѣ и въ темнотѣ, безъ ума, безъ памяти и только-что крестился. Ударъ слѣдовалъ за ударомъ, молнія за молніей, а дождь лиль такой, что впрахъ бы насъ перемочилъ, еслибъ мы не ускакали въ деревню. Симъ образомъ сидѣть я часъ, сидѣть другой и ждать, чтобъ туча прошла и громъ угомонился; но туча не проходитъ, продлилась до самаго вечера.

Горе на меня превеликое. «Что дѣлать?» говорю, недоѣдешь и до Городни и по этой грязи, а здѣсь въ такой близости отъ дома, какъ ночевать и платить по пустому за постой и кормъ лошадиной. Семъ возвращусь домой, и переночевавъ спокойно, завтра какъ свѣтъ пушусь уже въ дорогу».

Говорю то людямъ, они говорятъ тоже: итакъ, ну-ка мы назадъ, домой! Ну-ка скакать, чтобъ застать ужинъ, и удивили впрахъ своихъ домашнихъ неожиданнымъ своимъ возвращеніемъ.

Но по утру, вставъ уже со свѣтомъ вдругъ и напившись только чаю, пустился я въ свою дорогу. И какъ ѣхать большой дорогой было очень грязно, то въ Серпуховъ не прежде (приѣхалъ), какъ послѣ полудня.

Тутъ жилъ въ сіе время нѣкто г. Дьяконовъ, по имени Иванъ Григорьевичъ, бывший до того городскимъ секретаремъ, но сдѣлавшійся потомъ дворяниномъ и по нѣкоторымъ отношеніямъ, а особливо по близкому родству его съ славнымъ Князевымъ, законодателемъ межевымъ и сочинителемъ межевой инструкціи, довольно всѣмъ извѣстный и мнѣ отчасти знакомый.

Какъ сей человекъ имѣль у себя въ

близости теткиннхъ Новиковъ деревню, и мнѣ съ нимъ, какъ съ смежнымъ съ Новиками помѣщикомъ, надлежало въ земляхъ разводиться и имѣть дѣло, то нужно было мнѣ съ нимъ повидаться; но поздность времени убѣдила меня, сего не сдѣлавъ, поспѣшить въ тотъ же день доѣхать до Новиковъ, куда и доѣхалъ я часу въ четвертомъ.

Тутъ нашелъ я обстоятельствомъ со всѣмъ неожиданнымъ мною и къ досадѣ узналъ, что во мнѣ не было уже никакой нужды, да и присылка была за мною почти попустому. Мужикъ нагородилъ мнѣ со всѣмъ не то и повѣренный теткинъ, осмотрѣвшисъ, уже тужилъ, что послалъ и хотѣлъ посылать уже другого, чтобы я не ѣздилъ.

Подосадовалъ я и подосадовалъ на сіе очень; но какъ воротить того, было уже не можно, то забывшисъ въ такую даль, не хотѣлось мнѣ ѣхать домой не сдѣлавъ тутъ чего-нибудь; и потому, разспрося объ обстоятельствахъ и нашедъ, что главные споры еще не разрѣшены, но находилсѣ уже гораздо въ лучшемъ положеніи, предпріялъ я повидаться съ Дьяконовымъ и поговорить о томъ, какъ намъ съ нимъ развестися.

Мнѣ сказывали, что и самъ онъ желалъ со мной видѣтсѣ, и для того хотѣлъ меня ждать въ Серпуховѣ, чтобы виѣстѣ со мною ѣхать въ деревню Неботово, гдѣ самый тотъ споръ находился.

Горе на меня тогда напало, и я тужилъ уже, что къ нему не заѣхалъ; но чтобы поправить дѣло, то вздумалъ того момента послать къ нему въ Серпуховъ сказать, что я приѣхалъ и чтобы приѣхалъ и онъ.

Посланный возвратилсѣ уже передъ вечеромъ и привезъ извѣстіе, что Дьяконовъ съ утра уже поѣхалъ въ свою деревню и тамъ ночуетъ.

Не зная я, что мнѣ тогда было дѣлать, ѣхать ли туда къ нему въ тотъ же вечеръ, или почевать въ Новикахъ; но боясь, чтобы онъ наутріе опять не уѣхалъ, рѣшилсѣ ѣхать къ нему въ тотъ же часъ,

съ теткиннмъ повѣреннымъ, и мы съ нимъ туда и отиравилисъ.

Дорога была хотя недалая, но такая скверная, какой я отъ роду не видывалъ: кочка на кочкѣ, калдобина на калдобинѣ, и коляска моя только-что хрустѣла и съ боку на бокъ кланяласъ.

Сіе нагнало на меня превеликую скуку; ибо кромѣ того, что я дурныхъ дорогъ очень не любилъ, было уже и поздно. Солнце садилось уже за дѣсъ, а я ѣхалъ почевать безъ зву къ человѣку, который былъ мнѣ только вскользь знакомъ, и отъ котораго опасалсѣ такого же угощенія, какъ и отъ господина Каверина, и подъяческая его природа наводила на меня сіе опасеніе.

Съ великимъ трудомъ и насилу-насилу выбилисъ мы изъ дѣса, но не успѣли подѣхвать къ Неботову, какъ отъ повстрѣчавшейсѣ съ нами бабы услышали вѣсти, которыя меня еще болѣе встревожили.

Сказывала она намъ, что тутъ Дьяконова не только еще не было, но и никто не зналъ, когда онъ и будетъ.

Въ пень я сталъ сіе услышавъ, ибо ночь уже застигла, а назадъ возвращатсѣ далеко, а притомъ по такой дорогѣ, которую я тысячу разъ проклиналъ. Однако полагая, что Дьяконовъ куда-нибудь заѣхалъ и почевать туда будетъ, согласилсѣ я на предложеніе его повѣреннаго, чтобы остатьсѣ почевать тутъ и расположитсѣ въ его хоромахъ.

Но не успѣли еще почти лошадей моихъ выпрячь, какъ гляжу, смотрю, скачетъ въ коляскѣи мой Дьяконовъ съ сномомъ. Радъ я невѣдомо какъ ему, и успокоилсѣ духомъ. Онъ благодарилъ меня за приѣздъ и старалсѣ угостить совсѣмъ не по-каверински, а сколько могъ наилучшимъ образомъ.

Мужикъ былъ онъ умный, знающій и умѣющій съ нами, дворянами, обращаться какъ надобно. Мы просидѣли съ нимъ почти до полуночи и занималисѣ разными разговорами, ибо съ нимъ говорить было нескучно и обо всемъ можно. Наконецъ, поужинавъ, отвелъ онъ мнѣ особливый

покоецъ для почлега, чѣмъ я былъ и доволенъ.

Но что-жь? не успѣлъ я въ уединенной своей и спокойной комнаткѣ съ закрытыми ставнями окошкомъ уснуть, разоспаться, какъ въ самую полночь взойди опять превеликая туча съ престрашною грозой, проливнымъ дождемъ и вихремъ. Сей послѣдній, отхвативъ ставню отъ моего окна, ударилъ ее съ такою силою объ стѣну и произвелъ такой стукъ, что я вскочилъ ажно пробудившись.

Но разсудите, какимъ ужасомъ я поразился, когда въ самое то время, какъ я лишь только очнулся и глаза продралъ, ужасная молнія освѣтила всю мою комнату, и въ тотъ же почти мигъ престрашный громовой ударъ послѣдовалъ за нею.

Могу сказать, что я прямо тогда испужался и сонъ ушелъ отъ меня далеко. Я укутался сколько могъ подъ свой тулупъ, чтобъ не видать молніи; но она такъ была велика, что не можно было никакъ укрыться. Громъ же гремѣлъ безпрерывно, ударъ слѣдовалъ за ударомъ, а буря была такая, что я трепеталъ и боялся, чтобъ вихромъ неопрокинула и всѣхъ высокихъ хоромъ, гдѣ я находился.

Однако все сіе благополучно кончилось, хотя и продлилось болѣе двухъ часовъ, и я опять насилу-насилу уснулъ, чтобъ доспать оставшую часть ночи.

Я проснулся очень рано и хотя ночью и долго не спалъ, но имѣлъ ту привычку, что когда есть какая забота и дѣло, то никогда не засыпался. Итакъ, вставъ при восхожденіи солнца и видя, что всѣ въ домѣ еще спали, обулся самъ и занялся чтаніемъ случившейся со мною въ карманѣ книжки. Однако любопытство мое скоро все вниманіе мое обратило къ другимъ предметамъ.

Увидѣлъ я, что на уступѣ печи въ большой горницѣ наложено было нѣсколько камней. Подивился я сему зрѣлищу, но удивленіе мое еще увеличилось, когда, подошедъ, нашель, что сіи камушки принадлежали къ рѣдкостямъ натуральнымъ и достойны были быть въ наилучшихъ натуральныхъ кабинетахъ.

Могу признаться, что я никогда не уповалъ найти такія вещи въ такомъ домѣ и у такого человѣка. Но какъ бы то ни было, но я залюбовался ими впрахъ, чего они были и достойны.

Состояли они въ разныхъ окаменѣлостяхъ и другихъ игралицахъ природы. Были тутъ между прочимъ и прорости кремневая, и столъ прекрасная кристаллизація, какихъ мнѣ до того и видать еще не случалось.

Но достопамятнѣе всѣхъ былъ камень, казавшійся составленнымъ быть изъ слѣпившихся шмеллиныхъ воцинь съ такою точностію, что почестъ его можно было окаменѣлымъ шмелинымъ сотомъ; ибо не только дунки, но даже и медь въ нихъ былъ видѣнъ.

Я невѣдомо какъ любовался зрѣніемъ на сіи чудеса природы, и послѣ спрашивалъ у хозяина, гдѣ Богъ ему послалъ такія рѣдкости, и въ удивленію услышалъ, что выкопаны они тутъ же въ деревнѣ изъ земли при случаѣ копанія пруда.

Между тѣмъ какъ хозяинъ вставалъ, одѣвался и поилъ меня чаемъ, располагалъ я въ мысляхъ, что мнѣ въ тотъ день дѣлать и предпринимать, и наконецъ положилъ, поговоря съ Дьяконовымъ о спорахъ, взять на себя трудъ сѣздить къ межевщику, находившемуся тогда въ принадлежащемъ княгинѣ Дашковой селѣ Троицкомъ на Пратѣ, дабы тамъ не только поговорить съ троицкими, но согласятся-ли они на чѣмъ-нибудь помириться, но въ особенности, чтобъ посмотрѣть планъ и узнать точнѣе споры и количество земли въ нихъ.

Такимъ образомъ стали мы съ Дьяконовымъ говорить о землѣ. Онъ требовалъ по своему отводу, не отыскивая уже своего недостатка, ста десятинь, но съ троицкими что дѣлать, мы не знали.

Наконецъ пришелъ повѣренный Протасова, у котораго былъ еще небольшой споръ съ Дьяконовымъ. Я старался ихъ помирить, и дошло до того, чтобъ выѣхать самимъ посмотрѣть то мѣсто въ натурѣ.

Мы тотчасъ туда и поѣхали, и тамъ

удалось мнѣ споръ сей разорвать уговоривъ обѣ стороны сдѣлать другу другу нѣкоторую уступку.

Радъ я былъ, сдѣлавъ такое хорошее начало и съ охотою ѣхалъ въ Троицкое, надѣясь и тамъ въ чемъ-нибудь успѣть.

Разстояніе было хотя не малое, однако я успѣлъ приѣхать туда такъ рано, что засталъ межевщика еще у обѣдни. Я тотчасъ туда къ нему, и съ особливимъ удовольствіемъ отслушалъ обѣдню.

Церковь была огромная, каменная и соотвѣтствовала довольно великолѣпнѣю каменнаго дома или паче замка, выстроеннаго тутъ княгиною.

Сія знаменитая и во всемъ свѣтѣ довольно извѣстная особа имѣла тутъ дачи превеликія и украсила церковь великолѣпнымъ иконостасомъ, и снабдила ученымъ и очень хорошимъ попомъ и пѣвчими.

Послѣ обѣдни пошелъ я къ межевщику, стоявшему тутъ въ службѣ, гдѣ и начали мы съ повѣренными княгини говорить о разрѣшеніи спора. И тогда-то имѣлъ я случай видѣть и надвинуться тому, какъ знатность господъ и мзда ослѣпляетъ людей и отдаляетъ ихъ отъ дѣланія справедливости.

Господинъ межевщикъ, который по имени назывался Иванъ Михайловичъ Тихмецевъ, будучи повидимому слишкомъ княгиною задобренъ, держалъ уже възявъ ея сторону и былъ не межевщикъ, а ея повѣренный.

Я просилъ его показать мнѣ планъ, и взглянувъ на оный, тотчасъ увидѣлъ всѣ обстоятельства и къ немалому удивленію усмотрѣлъ, что заспоренное нами мѣсто было уже слишкомъ велико и предвидя, что все оно имъ отдать будетъ несосно, приступилъ скорѣе къ дѣлу и требовалъ половины, и взявъ линейку, назначилъ имъ линію, покуда я хочу и сколько наугадъ для меня и слишкомъ довольно быть казалось.

Какъ я не болѣе того числа требовалъ, сколько они сами за годъ до того отдавали, то ради были повѣренные троицкіе и соглашались почти на томъ положить;

какъ межевщикъ, увидѣвъ, что въ кускѣ семь болѣе надлежащаго мнѣ числа, сдѣлалъ препятствіе. Взялъ планъ, тотчасъ кусокъ сей вымѣрилъ, и сказалъ, что имъ безъ управителя помириться не можно.

Вздурился я тогда, и еслибъ можно, за криводушіе и лезть его разбилъ бы сего негоднаго человѣка. Но что было дѣлать, другого не оставалось, какъ согласоваться со временемъ и употребить тамъ и лисій хвостъ, гдѣ волчьему рту дѣйствовать не можно.

Итакъ, началъ я имъ толковать свою справедливость и будто я имъ еще уступку дѣлаю; а съ другой стороны представлялъ собственную ихъ опасность, буде дойдетъ дѣло до канторы и въ требованіи своемъ уже совсѣмъ несговорчивымъ сдѣлался, ибо такъ и надлежало. Итакъ, отложили миръ до приѣзда управителя и хотѣли тогда прислать съ увѣдомленіемъ.

Такимъ образомъ, привелъ дѣло и тутъ на хорошую степень, поѣхалъ я назадъ въ Неботово, ибо обѣщалъ быть къ Дьяконову обѣдать. Тутъ разсказалъ я ему все и все, и отобѣдавъ, поѣхали съ нимъ вмѣстѣ въ Серпуховъ, ибо болѣе желать мнѣ было нечего.

Дьяконовъ былъ мною очень доволенъ и старался оказывать возможнѣйшеепріятство, и всячески убѣдильнѣе захватъ къ нему и въ Серпуховѣ, разными угощеніями задержалъ меня такъ долго, что я принужденъ былъ въ Серпуховѣ остаться ночевать и употребить достальное время на свиданіе съ воеводою и другими моими знакомыми.

Возвратившись домой уже на другой день, получилъ отъ сей поѣздки себѣ тѣ двѣ выгоды, что, во-первыхъ, услужилъ тѣмъ теткѣ, которая стараніемъ моимъ и успѣхомъ сего дѣла была очень довольна; во-вторыхъ, снискалъ дружбу отъ Дьяконова и его сына, который былъ тогда хотя еще мальчикъ лѣтъ 16-ти, учившійся математикѣ, но будучи послѣ межевымъ судьей въ тамбовской межевой конторѣ, подъ именемъ Иванова, мнѣ очень, очень пригодился.

— Возвратясь въ домъ, нашелъ я своихъ

хотя благополучными, но привезъ съ собою для тещи своей непріятное извѣстіе, услышанное мною въ Серпуховѣ, а именно, что родитель ея лишился наконецъ и старушки сестры своей родной и воспитательницы ея, Прасковьи Семеновны Нелюбохтиной, которую она да и всѣ мы любили очень, и какъ она считала ее себѣ вмѣсто матери, то огорчена она была очень симъ извѣстіемъ.

Что касается до меня, то по приѣздѣ своемъ домой принялся я опять за прежнія свои упражненія и дѣла, и днемъ занимался оными и смотрѣніемъ, какъ клали въ хоромахъ моихъ печи, а по вечерамъ, собравшись, всѣ сматривали и наблюдали мы теченіе бывшей около сего времени небольшой кометы; а черезъ два дни послѣ того обрадованъ былъ опять полученіемъ изъ Экономическаго Общества пакета съ книжкою и письмомъ.

Въ сей разъ прислана была ко мнѣ десятая часть, такъ какъ къ члену; но, читая приложенное письмо, удивился я дѣланнымъ мнѣ отъ Общества предложеніемъ, чтобъ я взялъ на себя трудъ и рѣшилъ бы заданную отъ Общества задачу.

Задача сія задана была имъ еще въ минувшемъ году и состояла въ томъ, чтобъ написать наказъ или наставленіе управителю или прикащику, коимъ образомъ управлять ему деревнями въ небытность господина, и обѣщана была въ награжденіе за лучшее сочиненіе медаль въ 35 червонныхъ; и я можетъ-бы и въ то время покусился испытать, не могу-ли я того написать, но какъ срокъ присылки сочиненій сихъ назначенъ былъ февраля 1-го числа 1769 г., а же книжку съ объявленіемъ получилъ уже поздно, и при самомъ уже истеченіи срока сего, то и отложилъ я о томъ попеченіе.

Нынѣ же писало ко мнѣ Общество, что въ минувшій годъ оно желаемого наказа ни отъ кого не получило, что я въ то время могъ предвидѣть, ибо иностраннымъ сей вопросъ рѣшить не было возможности, а надобно російскому; а изъ сихъ же надѣялся я, чтобъ сыскался кто охотникъ.

Итакъ, принуждено было общество отсрочить еще на годъ и награжденіе удвоить. Но не надѣясь можетъ быть и въ сей разъ получить, приглашало меня къ принятію сего труда на себя, изъясняясь, что оно довольно опытовъ видѣло о моей способности и знаніи въ экономическихъ дѣлахъ.

Такое предложеніе, щекотавшее нѣсколько мое честолюбіе, было мнѣ тогда непротивно, такъ что я и тужилъ почти о томъ, что съ цѣлымъ годъ къ нимъ ничего не посылалъ и не писалъ; и хотя сочиненіе такое требовало многого думанья, и попеченія и труда, однако будучи помянутымъ предложеніемъ къ тому поощренъ, я не только положилъ непремѣнно къ нимъ писать, но съ самаго того дня началъ помышлять и о планѣ сему сочиненію.

Вскорѣ послѣ сего, въ бытность мою въ гостяхъ у сосѣда моего, Матвѣя Никитича, случилось мнѣ слышать нѣчто не только удивительное, но совсѣмъ почти невѣроятное, а именно: о пропаданіи младенцевъ во время родовъ женщинъ.

Исторію сію рассказывала одна его родственница, госпожа Темирязева, Татьяна Михайловна, которая жива еще и нынѣ и увѣряла за свято, что случилось сіе недавно, а именно:

У одной бабы мужъ по какой-то причинѣ ушелъ, заворовался и убитъ. Жена его, оставшись брюхатою, все плакала, билась и кляла младенца во утробѣ, говоря, что онъ якобы на отцову голову зародился.

Какъ наступило время родить, то видѣть она во снѣ, будто бы родила она сына и что пришла старуха и у ней его унесла. Проснувшись, удивилась она, увидѣвъ, что она дѣйствительно родила, но ребенка не было, и не могли его никакъ отыскать, но онъ сгнѣ и пропасть.

Не могъ я никакъ исторіи сей вѣрить, и мнѣ казалась она не только невѣроятною, но совсѣмъ нескладною и невозможною; но всѣ увѣряли меня, что такихъ случаевъ бываетъ очень много, а особливо приводили примѣры съ

знакомую имъ боярыню, съ которою самою сіе будто бы дѣйствительно случилось.

А помянутая госпожа Темиразева рассказывала исторію еще того чуднаго, о которой увѣрала, что покойная свекровь ея помнила, а именно:

У одного неподалеку отъ Тулы жившаго помѣщика пропало семь образомъ семь ребенковъ. Не успѣетъ жена его собраться родить, какъ всѣ заснутъ и сама она заснетъ также своимъ наикрѣпчайшимъ. И въ самое то время она родить и ребенковъ пропадетъ и куда дѣнется, никто не знаетъ.

Сей помѣщикъ, видя такое несчастіе, не зналъ наконецъ, что думать, ибо всѣ о семъ разное говорили и толковали; но какъ всѣ почти единогласно утверждали, что происходитъ это отъ какого-нибудь волшебства, то положилъ онъ искать противъ того помощи отъ такихъ же колдуновъ.

Въ близости той деревни, гдѣ жила помянутая госпожа Темиразева, есть мельница; на сей мельницѣ былъ тогда мельникъ, отецъ тогдашняго мельника, весьма волшебствомъ своимъ прославившійся. Однимъ словомъ, всѣ почитали его величайшимъ докою.

Къ сему-то мельнику предпріялъ помянутый господинъ свое прибѣжище въ то время, какъ жена его восьмого ребенка родить собралась.

Онъ притѣхалъ къ нему самъ и убѣдилъ его ѣхать къ себѣ и быть при родахъ. Однако сей мужикъ не сталъ дожидаться родовъ, всѣ просьбы и старанія того дворянина о удержаніи его при себѣ не имѣли успѣха. Онъ сказалъ, что ему быть не для чего, а довольно если исполнено будетъ все, что онъ прикажетъ.

Сія приказанія его, данныя имъ самому господину въ тайнѣ, состояли только въ томъ, чтобъ самому ему не отлучаться ни на пядень въ то время, когда жена его рожать станетъ; что увидитъ онъ вышедшую въ то время изъ-подъ кровати черную, большую собаку, у которой бы онъ, поймавъ, обрубилъ обѣ переднія

лапы, и тогда будетъ все благополучно.

Ужаснулся дворянинъ, сіе услышавъ, и тѣмъ болѣе убѣждать сталъ мужика остаться, представляя, что онъ можетъ тогда сей собаки испужаться и она его повредить можетъ. Однако мужикъ увѣралъ, что она вреда не сдѣлаетъ ему никакого, а онъ бы только ее ловить и то сдѣлалъ.

Что мужикъ говорилъ, то и сдѣлалось. Какъ скоро госпожа собралась родить, то всѣ разошлись и напалъ на всѣхъ сонъ. Мужъ наблюдалъ уже сіе время и не отходилъ отъ жены ни пяди. Наконецъ заснула и самая жена его.

И въ самое то время видитъ онъ превеликую черную собаку, вышедшую изъ-подъ кровати, и прямо къ нему идущую. Затрепеталъ онъ тогда отъ ужаса и не зналъ, что дѣлать. Однако, собравшись съ духомъ и призвавъ Бога въ помощь, бросился онъ на нее, схватилъ и обрубилъ обѣ лапы, а потомъ выбросилъ собаку за окно.

Не успѣлъ онъ сего сдѣлать, какъ жена его очнулась и тотчасъ родила благополучно сына. Радость тогда была неописанная сего дворянина. Онъ тотчасъ разбудилъ всѣхъ, созвалъ людей и крестьянъ и рассказалъ имъ все происхожденіе; показывалъ имъ лапы, которыя отрубилъ онъ у собаки, поилъ ихъ всѣхъ на радости, и въ толь препроводилъ всю ночь.

Примѣчанія достойно было при томъ, что всѣ люди пришли, а не было одной только старухи мамы. Господа спрашивали объ ней, куда она дѣвалась, но никто того не зналъ, и даже самые сыновья ея не вѣдали; но сіе такъ до утра и оставили.

По утру надобно было смотрѣть за окномъ собаку; но какъ всѣ удивились, когда, пришедъ на то мѣсто, никакой собаки не нашли, а только одно окровавленное мѣсто; однако былъ кровавый слѣдъ, по сему слѣду пошли ее искать—слѣдъ шелъ прямо къ пунгѣ сына мамина.

Но какое было всѣхъ бывшихъ при томъ удивленіе, когда въ помянутой пун-

кѣ, или клѣтѣ, вмѣсто мнимой собаки вѣшали самую маму съ обрубленными руками.

Такимъ образомъ открылось, что всѣ прежнія пропажи младенцевъ происходили отъ ней. Она сама въ томъ призналась, и сыскали всѣхъ семерыхъ, которые были у ней высушены и спрятаны въ коробкѣ.

Какъ все сіе весьма особенное было дѣло, то тотчасъ донесено было о томъ въ городѣ; дѣло было изслѣдовано и сія старуха казнена въ Тулѣ, по обыкновеніямъ тогдашняго времени, наимучительнѣйшею смертію: она была сперва колесована, а потомъ ее четвертовали.

Вотъ какую странную исторію случилось мнѣ тогда слышать. Я помѣстилъ ее здѣсь не для того, чтобъ я ей вѣрилъ, ибо она слишкомъ невѣроятна и имѣетъ весьма много признаковъ несправедливости; но для доказательства, какія недѣлныя басни носились еще у насъ въ народѣ, и что были люди, которые имъ вѣрили и почитали за истину.

Къ окончанію августа мѣсяца возвратился наконецъ и другъ мой господинъ Полонскій, и какъ онъ былъ около сего времени имянинникъ, то по обыкновенію своему сдѣлалъ пиръ и пригласилъ на оный всѣхъ своихъ друзей и сосѣдей, а въ томъ числѣ и насъ, и мы препроводили сей день у него очень весело.

Господинъ Товаровъ опять всѣхъ насъ странными своими поступками до слезъ смѣяться заставилъ. О благодареніяхъ господина Полонскаго мнѣ я уже и не упоминаю. Онъ былъ очень чувствителенъ, но немногословенъ, и онъ твердилъ только, что надобно благодарить сердцемъ, а не словами.

Что касается до происшествій, бывшихъ со мною въ теченіи послѣдующаго за симъ сентября мѣсяца, то всѣ онѣ въ особенной подробности описаны мною въ особой книжкѣ, образомъ современной исторіи, почему излишнимъ было-бы здѣсь и упоминать объ оныхъ; однако для связи съ прочими упомяну только о достопа-

мятнѣйшихъ изъ оныхъ, и то только вкратцѣ.

Еще въ самый первый день онаго приехали-было за мною опять изъ Каверина, чтобъ я ѣхалъ для межеванья; но я очень благодаренъ былъ, что и прежде, вступаясь въ чужое спасеніе; и самъ измучился, и всѣхъ людей и лошадей съ гонимъ переморилъ и замучилъ.

— Недосугъ! сказалъ я въ сей разъ уже напрямки имъ. Недосугъ мнѣ ѣхать, пускай сами какъ хотятъ разбираются, а наставленіе отъ меня имъ уже дано...

Да и въ самомъ дѣлѣ ѣхать мнѣ было крайне недосужно. Я долженъ былъ каждый часъ смотрѣть за печниками и другими людьми, отдѣлывающими мои новыя хоромы.

Какъ сею отдѣлкою мы очень поспѣшали, то заняты были у всѣхъ руи и даже самъ я находилъ множество себѣ дѣлъ; но мнѣ богѣе всѣхъ и хотѣлось уже скорѣе перейти въ оный. Однако какъ мы ни спѣшили, но продлилось сіе почти до 20-го числа сего мѣсяца.

Между тѣмъ были ко мнѣ и изъ другихъ мѣстъ присылки и привѣзды по межевымъ дѣламъ. Въ особенности же достопамятно было письмо, полученное мною изъ Москвы отъ кумушки и сосѣдки моей Натальи Ивановны, которую какъ по фамиліи назвать я не вѣдаю. По приходѣ она была Ладыженская, но теперь Богъ знаетъ чѣмъ себя дѣлала.

Сидючи лѣтъ сорокъ въ дѣвушкахъ, будучи самовластною госпожею изряднаго имѣніица, живучи съ покоемъ въ сельцѣ своемъ Сенинѣ и перебивавши лѣтъ 20 жениховъ, вышла наконецъ замужъ за нѣкоего г. Трусова и сдѣлалась г-жею маіоршею.

Но супружество сіе что-то ей не понравилось, но поживъ съ годъ или менѣе въ оноу, вздумала она разсупружиться, а что всего смѣшнѣе, изъ боярыни сдѣлаться опять дѣвушкою.

Она отъ мужа ушла, жила въ Москвѣ своимъ домоу и старалась весь свѣтъ увѣрить, что она не Трусова, а по преж-

Я уговаривалъ сколько могъ его, чтобы онъ не смотрѣлъ на то, а если онъ въ самомъ дѣлѣ того опасается, то совѣтовалъ ему постройся какъ возможно ближе къ его двору, дабы въ случаѣ пожара и собственный его дворъ подверженъ былъ опасности отъ сгорѣнія. Но пощ мой никакъ не соглашался на то, особливо не хотѣлъ отнюдь строятся на иномъ и новомъ мѣстѣ, а того паче на улицѣ.

Тогда любопытствъ я былъ узнать, что-бы тому была причина; но какъ же удивился, услышавъ отъ сего впрочемъ только умнаго и почтеннаго старца такое, чего я всего меньше отъ него ожидалъ, а именно, что не хочетъ строятся на новомъ мѣстѣ изъ опасенія, чтобы товарищъ его чего не наворожилъ на ономъ.

— Помилуй, батюшка! захочетъ, скалалъ я: какъ это возможно! и какъ вамъ не стыдно такъ суевѣрничать! Вамъ бы еще насъ отвращать отъ того надлежало, а вы сами что дѣлаете!

— «Такъ, — сказалъ онъ: это я самъ знаю; но что дѣлать, когда неволя приводитъ къ такой слабости и заставляеть вѣрить? Я уже видѣлъ надъ собою примѣръ, довольно мнѣ сіе доказывающій».

Любопытствъ я былъ слышать, что-бы такое съ нимъ случилось, и вотъ что рассказывалъ онъ мнѣ по моей о томъ просьбѣ.

— «Случилось мнѣ, милостивый государь (говорилъ онъ), однажды новыя ворота ставить. Выкопавши подъ верей ямы, не успѣли мы въ тотъ день оныя поставить, и отложили дѣло сіе до другого дня. Но между тѣмъ люди добрые ночью спроворили и сниграли надъ воротами мои шутку. Не успѣли мы на другой день верей поставить, ямы законать и ворота отдѣлать, какъ вдругъ не хотѣла въ оныя итти ни одна скотина: бѣгала кругомъ, ревѣла, а въ ворота вогнать никоимъ образомъ ни одну было не можно.

«Господи помилуй! говоримъ мы, что за диковинка и что за чудо? Но сколько мы ни дивились, но скотина не шла, и

мы не знали, что дѣлать. Наконецъ одинъ усердствующій мнѣ бобыль вывелъ дѣло наружу и сказалъ мнѣ, чтобы я, вырыши верей, опять посмотрѣлъ бы, что законано подъ ними. Сперва-было я тому не повѣрилъ, однако наконецъ принужденъ былъ сдѣлать по его совѣту. И что-жъ бы думали вы, милостивый государь, мы нашли подъ ними?... Зарытую человѣческую кость».

— Это удивительно, сказалъ я, рѣчь его перервавши: но кто-жъ бы зарылъ сію кость?

— «Точно пощ Иванъ, мой товарищъ, сказалъ онъ. Кость вынули, верей опять поставили и зарыли, и скотина наша пошла, какъ надобно.»

Удивительна мнѣ и невѣроятна была сія исторія; однако онъ увѣрялъ, что она была въ самомъ дѣлѣ, и присовокупялъ къ тому, что онъ для самаго того опасается и нынѣ на новомъ мѣстѣ строятся, ибо слышалъ, что товарищъ его посылалъ къ какой-то вѣдьмѣ, и что будто не одну уже ночь собаки его мечутся къ тому мѣсту, гдѣ онъ строятся былъ на мѣренъ.

Не зналъ я, что на все сіе сказать тогда уже моему гостю, а за лучшее почелъ оставить его при его мысляхъ, а чудился только, что такіа бредни и суевѣрія господствовали у насъ еще въ народѣ, и что самые полы отъ нихъ освобождены не были. Но какъ бы то ни было, но оба сіи старика не только прожили весь свой вѣкъ въ враждѣ непримиримой, но и померли въ оной.

Но чѣмъ же и кончилось все? тѣмъ, что оба дома ихъ перевелись совершенно, и непріятель его какъ ни семьянистъ былъ, но не осталось послѣ его ни одного потомка, а всѣ нынѣшніе наши церковнослужители происходятъ отъ убитаго, нашего добродушнаго и ни съ кѣмъ изъ нихъ несорившагося дьякона.

Еще случилась со мною около сего времени та неожиданность, что отсутствующій ближній сосѣдъ мой, князь Горчаковъ, владѣлецъ Котовской препоручалъ мнѣ деревню сію въ смотрѣніе и, преда-

вая въ полный произволь мой всёхъ своихъ крестьянъ, просилъ меня убѣдительно и самымъ образомъ, чтобъ ихъ съечь, и бить, и наказывать, сколько мнѣ угодно, за ихъ шалости и проступки.

Но какъ всё крестьяне его были самымъ имъ такъ избалованы, что не было и шва въ нихъ и я предусматривалъ, что мнѣ съ ними всякой день доведется драться и хлопотать, а къ сему я такой охотникъ былъ, что не хотѣлъ бы и съ своими имѣть никогда хлопотъ и ссоръ сему подобныхъ; то учтивымъ образомъ отклонилъ я отъ себя сіи чужія хлопоты, и благодарилъ его только за дѣлаемое мнѣ довѣріе, оставляя впрочемъ самому ему хлопотать съ ними негодяями.

Но какъ письмо мое достигло уже до своихъ предѣловъ, то окончавъ оное симъ, скажу вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Октябръ 26 д. 1805 г.).

Письмо 133-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ, какъ все упомянутое мною въ последнемъ моемъ письмѣ къ вамъ происходило, производилась у меня въ новопостроенномъ моемъ домѣ непрерывно внутренняя работа, ибо какъ наступала уже осень, то хотѣлось мнѣ скорѣе всю внутреннюю и необходимую на первый случай отдѣлку кончить, чтобъ успѣть перейти въ оный жить до наступленія стужи осенней.

Итакъ, клали мы въ нихъ печи, и вездѣ, гдѣ было нужно, умазывали и законопачивали, и трудовъ и хлопотъ при всемъ томъ имѣли довольно. Но какъ бы то ни было, но мы успѣли къ половинѣ сентября всё оныя кончить и довести до того, что 19-го числа сего мѣсяца могли уже и перейти въ оный.

— Теперь, не ходя далѣе, дозвольте мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ о семъ моемъ новомъ домѣ.

Онъ былъ хотя несравненно болѣе, и огромнѣе, и лучше хоромъ моихъ старинныхъ; однако не изъ самопышныхъ и боль-

шихъ домовъ, а сообразный съ тогдашними моими обстоятельствами и очень умѣреннымъ моимъ достаткомъ, и принадлежалъ къ числу небольшихъ дворянскихъ домиковъ, и простыхъ смиренныхъ и не пышныхъ обиталищъ деревенскихъ.

Вся величина его простиралась не болѣе 30-ти аршинъ въ длину, а 18 въ ширину, а и вышина его была очень умѣренная, ибо тогда не было еще въ обыкновеніи драться слишкомъ въ высоту, и дѣлать высокія внутреннія комнаты; но взамѣнъ недостатка огромности старался я сдѣлать его колько можно спокойнѣйшимъ и теплѣйшимъ.

И какъ строилъ и располагалъ его не архитекторъ, а самъ я, и такъ какъ умѣлъ и сколько доставало моего званія и искусства, то безъ дальняго наблюденія архитектурныхъ правилъ, которыхъ строгое наблюденіе нерѣдко дѣлаетъ многіе дома весьма безпокойными, старался я болѣе о снабденіи его всеми нужными потребностями, какія къ спокойному обитанію деревенскихъ домовъ необходимо надобны.

А всходствіе того и расположилъ я его такъ, чтобъ онъ сообразенъ былъ не столько съ пышною городскою и богатыхъ людей жизнью, сколько съ деревенскою, простою и удаленною отъ всёхъ пышностей и излишнихъ затѣвъ и заботовъ, заводящихъ многихъ изъ нашихъ братьевъ, небогатыхъ дворянъ, иногда въ превеликіе и совсѣмъ напрасные убытки.

Совсѣмъ тѣмъ и несмотря на его мализну, были въ немъ всё нужныя въ дворянскихъ деревенскихъ домахъ комнаты: были въ немъ лакейская, зала, гостинная, спальня, уборная, столовая, дѣтская, дѣвичья и для меня спокойный кабинетъ, а другой особый покоецъ и для моей тѣщи. А сверхъ того выгадалъ я мѣстечко для буфета, гардероба и довольно просторной кладовой, также двухъ сѣней, заднихъ и переднихъ, съ нужными мѣстами; и всё помянутыя комнаты связалъ между собою такъ, чтобъ можно было въ нихъ и запросто спокойно жить, и имѣть нѣсколько комнатъ и для гостей всегда чи-

стихъ и прибранныхъ, а сверхъ того была бы и та еще выгода, чтобъ по маломѣннѣю дровъ, и для сбереженія оныхъ, въ зимнее время залу не было-бъ нужды и топять ежедневно, но она могла-бъ оставаться и безъ топки во всю почти зиму; ибо комнаты расположены были такъ, что можно было и безъ ней обходиться.

Какъ расположеніе комнатъ въ семьдомѣ моемъ многимъ тогда въ особенности нравилось, то для любопытства и опису я оное немногими словами.

Съ крыльца, сдѣланнаго на одномъ краю дома, съ лица, первый входъ былъ въ небольшую сѣнцу, снабденную тремя выходами; одни двери изъ нихъ были въ садъ, другія въ нужникъ, а третьи въ длинную и узкую прихожую, или лакейскую; чрезъ сію проходъ былъ прямо въ довольно просторную залу, снабденную особою печью и шестью окнами, и имѣющую въ боку у себя небольшой буфетъ, а другія двери въ гостинную.

Сія была хотя не весьма пространна, но довольно покойна, и изъ нея входъ былъ въ спальню, украшенную альковомъ и довольно просторную, такъ что и она могла служить другою гостинною; а другими дверьми и маленькимъ скрытымъ и короткимъ коридорцемъ связана она была съ столовою, или паче сказать, жилою и тою довольно просторною комнатою, въ которой мы наиболѣе жили и имѣли свое ежедневное пребываніе.

Какъ всѣ помянутыя три комнаты, то есть, зала, гостинная и спальня были парадныя, то и содержанъ онѣ были во всегдашней чистотѣ и убранствѣ, и я постарался въ послѣдствіи времени снабдить ихъ всѣми нужными мебелями, и украсить сколько можно было лучше.

Таковую-жъ почти парадную комнату составляла и маленькая уборная, примыкающая бокомъ къ спальнѣ и снабденная покойною лежанкою и также разными украшениями.

Самую столовую, или жилую нашу комнату не преминулъ я также со временемъ прибрать и украсить особыми, самими мною на холстѣ писанными обоями, и болѣе

для того, что она въ зимнее время служила намъ вмѣсто залы, и была проходною изъ лакейской въ гостинную.

Какъ окна изъ сей комнаты простирались на дворъ, то и была сопряжена съ нею та выгода, что можно было изъ нея все происходящее на дворѣ видѣть; а сверхъ того, какъ она съ одной стороны связана была съ моимъ кабинетомъ, а съ другой съ просторною дѣвичьею, изъ которой проходъ былъ въ дѣтскую и въ нашу спальню, также выходъ въ заднія сѣни, а изъ сихъ въ кладовую и на другое заднее крыльце; то сдѣланіе сіе для житья было въ особенности покойно.

Что касается до дѣтской, то она расположена была на другомъ краю дома, и отъ нея отгорожена помянутая уборная, также маленькая коморка, служившая спальнею моея тещи.

Наиприятнѣйшею же изъ всѣхъ для меня комнатою былъ помянутый выше сего мой кабинетъ. Онъ былъ довольно просторенъ свѣтелъ, имѣлъ особую небольшую печку и оттого такъ тепелъ, что я всегда былъ имъ очень доволенъ, и никогда на стужу не жаловался; и какъ окна его простирались также на дворъ и были подлѣ самаго передняго крыльца, то имѣлъ и я ту выгоду, что могъ всегда видѣть все происходящее на дворѣ, а сверхъ того и довольно простора для помѣщенія въ немъ всей моея тогдашней не весьма еще большой и многочисленной библіотеки.

Таково было расположеніе моего дома. Что-жъ касается до мѣста, то избралъ я подъ оный самое лучшее и наивыгоднѣйшее во всей моея усадьбѣ.

Было оно на самомъ верхнемъ ребрѣ той крутой, высокой и прекрасной горы, подъ которою внизу излучиною и прекраснымъ изгибомъ протекала рѣка Сѣнига.

Сія, образуя теченіемъ своимъ въ семъ мѣстѣ огромное полукружіе, катила струи свои чрезъ многіе каменистые броды, и производила тѣмъ всегда тихій и пріятный шумокъ, а многими и гладкими своими плесами, помотами, также каменистыми осипами своими, и покрытыми прекрасною

зеленью берегами и по косивѣмъ излучистой горы растущимъ лѣсочкомъ, производила для глазъ пріятнѣйшее зрѣлище, которое дѣлалось отъ того еще прелестнѣйшимъ, что внизу и вплоть подлѣ рѣки за оною находилось собственное селеніе нашей деревни и крестьянскіе дворы, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ внизу и по холмамъ въ пріятномъ безпорядкѣ, а за собою имѣли наши хлѣбныя поля, простирающіяся отъ самой рѣки, вдоль отлогою и часъ отъ часу возвышающеюся отлогостію и косивою.

Что касается до горы, то была она тогда хотя наибезобразнѣйшая, но довольно крутая и сажень на 20 или болѣе вертикально возвышенная, и при всемъ безобразіи своемъ довольно способная къ обдѣлкѣ, такъ что и съ малымъ трудомъ могъ послѣ всю ее обработать и наихудшее и безобразнѣйшее во всей усадьбѣ мѣсто преобразить совсѣмъ и превратить въ наилучшее и красивѣйшее.

На сей-то натурально прекрасной горѣ и въ самомъ почти средоточіи помянутаго, рѣкою образуемаго полукружія избралъ я мѣсто для моего новаго дома; и оно было такъ высоко и въ такомъ прекрасномъ и выгодномъ положеніи, что изъ оконъ дома моего видима была великая обширность мѣстъ, украшенная полями, лѣсами, рощами и вдали многими селеніями и нѣсколькими церквами, и видъ былъ столь прекрасной, что я и по нынѣ еще не могу красотою онаго довольно налюбоваться.

Несмотря на все сіе, мѣсто сіе было до того у предковъ моихъ совсѣмъ въ пренебреженіи. Они, имѣя какъ-то привычку и любя домами своими прятаться и строить ихъ въ такихъ мѣстахъ, откуда бы имъ въ окна, кромѣ двора своего, никуда было не видно, избрали и въ здѣшнемъ селеніи подлѣ горы наихудшее и скучнѣйшее мѣсто; а сіе занято было тогда огородомъ, овощникомъ и скотскими дворами и челядьями.

Но я все оное сломалъ, и опроставши оное, воздвигъ тутъ свои новыя хоромышки; и какъ случилось самое мѣсто тутъ

примѣненіе къ «русской старинѣ» 1871 г.

косогористо, то подлѣ весь нагорный фасъ подвелъ изъ камня своего довольно высокій фундаментъ и чрезъ то придавъ дому своему изъ-подъ горы видъ гораздо возвышеннѣйшій, а все оставшее мѣсто передъ нимъ на ребрѣ горы обработавъ террасами и на верхнемъ довольно просторномъ расположилъ регулярный и красивый цвѣтникъ и засадилъ его множествомъ разныхъ цвѣтовъ и цвѣтущихъ кустарниковъ.

Случившюся же подлѣ самыхъ хоромахъ боку и на самой горѣ старинную небольшую сажелку обработавъ сколько можно было лучше, и бывшій за оною старинный верхній садъ соединилъ съ нижнимъ, бывшимъ издревле на косивѣ горы, предъ домомъ находящейся, и распростиравъ сей послѣдній, присоединилъ съ нимъ и всю пустую часть горы сей и современнымъ обработавъ все сіе мѣсто, превратилъ въ садъ аглицкой и украсилъ оный современнымъ множествомъ водъ и другихъ садовыхъ украшеній, превратилъ въ наилучшее изъ всей моей усадьбы.

Теперь не могу я довольно изобразить того, съ какимъ удовольствіемъ перешелъ я въ сей новый домъ, и съ какимъ усердіемъ старался я все въ ономъ учредить и располагать для своего въ немъ пребыванія.

Нѣсколько дней употреблено было на переноску всѣхъ вещей, изъ стараго домишка въ сей новый, и на устанавливаніе всѣхъ мебели, книгъ и картинъ для украшенія его комнатъ.

Наконецъ, какъ все было готово, то помянутаго 19-го сентября 1769-го года, и какъ теперь помню, подлѣ вечеръ, перешли мы съ обыкновенными при такихъ случаяхъ обрядами въ оный, и въ тотъ же вечеръ подняли образа изъ церкви и воздали Господу торжественное благодареніе, отслуженіемъ всенощнаго бдѣнія, освященіемъ воды и окропленіемъ оною всѣхъ комнатъ.

Удовольствіе, съ какимъ препроводилъ я первый сей вечеръ въ новомъ своемъ тепломъ, свѣтломъ и спокойномъ кабинетѣ, было неизобразимо. Я вошелъ въ него

какъ въ рай и не могъ всѣмъ и всѣмъ довольно налюбоваться.

Чувствія же душевныя, какія я при семъ случаѣ ощущалъ, не могу я никакъ изобразить довольно, а скажу только, что вся душа моя пылала тогда нанчувствительнѣйшею благодарностью ко Творцу моему за то, что онъ помогъ мнѣ, при всемъ моемъ маломъ достаткѣ и въ такое короткое время, соорудить себѣ такой спокойный и хорошей домъ, строеніе котораго воображалъ я себѣ власно, какъ нѣкакою неудобьпереходимою и великою горю, и не надѣялся великое дѣло сіе совершить и въ три года.

Но Всемогущему угодно было пособить мнѣ перейти гору сію съ трудомъ очень сноснымъ, и великое дѣло сіе совершить въ теченіе одного лѣта, и притомъ съ столь малымъ воштомъ, что я не могу и понинѣ еще тому надивиться, что онъ весь обошелся тогда такъ дешево.

Ибо хотя построенъ онъ былъ изъ прекраснаго толстаго сосноваго дѣса и покрытъ былъ двойнымъ тесомъ, имѣлъ 23 окна, двѣ кафелныя и три кирпичныя расписныя печи, строенъ былъ наемными плотниками, но совсѣмъ тѣмъ, кромѣ мебели, обошелся онъ тогда мнѣ не болѣе какъ въ 540 рублей, которой суммы нынѣ мало-бъ было на заплату за одну срубку такового дома, но чему причиной была тогдашняя всему дешевизна, а дороговизна денегъ.

Нынѣ же, если-бъ строить точно такой же домъ, то мало-бы было и трехъ тысячъ къ тому, вотъ какая переѣна произошла во всемъ съ того времени.

Продолжая теперь мое повѣствованіе далѣе, скажу, что, переночевавъ наиспокойнѣйшимъ образомъ въ семъ новомъ своемъ домѣ, положили мы на утрѣ сѣлать, на первый случай, маленькое новоселье, ибо большое отлагали мы до приближающихся мѣсяцинъ, и пригласить къ себѣ на обѣдъ только ближнихъ нашихъ деревенскихъ сосѣдей, да духовенство.

Но какъ обрадовались мы, когда возвратясь изъ церкви, куда мы какъ для

случившагося тогда воскреснаго дня, такъ и для благодаренія Богу ѣздили, нашли у себя приѣхавшаго къ намъ ненарокомъ друга моего г. Полонскаго съ женою. Онъ совсѣмъ не зналъ еще о переходѣ нашемъ и былъ очень радъ, что могъ присутствіемъ своимъ усовершенствовать къ удовольствію нашему сей маленькій и первый въ новомъ домѣ праздникъ, а потому и провели мы сей день отиѣнно весело.

Одинъ только изъ ближнихъ моихъ сосѣдей, Матвѣй Никитичъ причинилъ мнѣ нѣкоторое неудовольствіе тѣмъ, что не хотѣлъ никакъ взять въ праздникѣ семь съ нами соучастіе.

Сей человекъ напустилъ, около сего времени, на себя нѣкакую блажь, засѣлъ себѣ какъ бирюкъ дома, и не хотѣлъ никуда и не только въ даль, но и во мнѣ ѣздить, сколь часто мы его къ себѣ и приглашали.

Для меня, какъ дѣлающаго ему многія услуги и одоженія, а притомъ чистосердечно его любившаго, было сіе въ особенности прискорбно и тѣмъ паче, что я не могъ никакъ добраться до истинной тому причины, и не зналъ, одичалости ли его и странному характеру то приписывать, или потаенной какой на меня злобы и неудовольствію, скрываемой съ сроднымъ ему лубавствомъ.

Всего удивительнѣе было то, что жена его ѣзжала къ намъ всегда и довольно часто, но онъ напротивъ того, всегда, когда ни зывали мы съ братомъ его къ себѣ, отклонялъ ѣзду свою подъ предлогомъ разныхъ и явно выдумываемыхъ невозможностей, препятствіевъ и недосуговъ, чему мы сперва не могли довольно надивиться, а послѣ довольно насмѣяться и въ смѣхъ не инако его называли, какъ дякомъ.

Какъ осень сего года была у насъ безпорядочная, и погоды въ сентябрѣ и октябрѣ были на большую часть самыя скверныя, мѣшающія заниматься всѣми надворными работами, то, будучи принужденъ большую часть времени сидѣть въ теплѣ, занимался я въ сіе время раз-

ными literalными и другими упражненіями.

Мое первое дѣло по переходѣ въ новый домъ было то, что я, засѣвъ въ свой новый кабинетъ, началъ сочинять поманутый наказъ управителю, доставившій потому мнѣ такъ много чести, и готовить его для отсылки въ Общество Экономическое. А между тѣмъ какъ было заготовлено уже у меня сочиненіе объ удобреніи земель, то, переписавъ набѣло, отправилъ я оное въ Петербургъ.

Съ другой стороны занимался я чтеніемъ присланныхъ мнѣ отъ г. Полонскаго и такихъ книгъ, какихъ мнѣ до того читать не случалось. Онъ вскорѣ послѣ перехода моего въ новый домъ уѣхалъ на зиму въ Москву, и не успѣлъ туда приѣхать, какъ и прислалъ ко мнѣ болѣе 40 книгъ разныхъ и доставилъ мнѣ чрезъ то удовольствіе превеликое; всѣ онѣ были любопытныя и чтенія достойныя.

Третье дѣло, которымъ я въ своемъ новомъ домѣ занимался, состояло въ превеликомъ гвазданѣ съ картофелемъ, родившимся у насъ въ сей годъ въ довольномъ множествѣ.

До сего не знали мы, какъ готовить изъ него самую бѣлую муку, и я въсколько дней занимался испытаніями до сего пункта относящимися; и какъ всѣ опыты мои были очень удачны, то и рѣшился я описать всѣ оныя и, сочинивъ особое сочиненіе о томъ, доставить также современемъ въ Общество.

Кромѣ сего, пользуясь свѣтлостью своего кабинета и довольномъ просторомъ въ немъ, занимался я въ праздное время и живописною работою, также и рисованьемъ сухими красками, и мнѣ въ первый разъ случилось нарисовать ими портретъ съ живого чедовѣка и нарочито похожій.

Максимъ мой, который нынѣ бородастымъ уже старикомъ, былъ тогда мальчикомъ лѣтъ десяти и прислуживалъ намъ въ хоромахъ. Съ него-то вздумалось мнѣ списать портретъ сухими красками, и какъ оный нарочито удался, то сіе возродило во мнѣ желаніе написать съ него во всемъ

его тогдашнемъ ростѣ, масляными красками на доскѣ, обрѣзую статуйку.

И дѣло сіе удалось мнѣ тогда сдѣлать такъ удачно, что какъ статуйка сія поставлена была у меня въ углу въ лакейской, то многіе изъ приѣзжавшихъ ко мнѣ гостей обманывались и, почитая ее живымъ мальчикомъ, кликали его и приказывали снимать съ себя шубы и прочее, такъ много походилъ онъ на живого чедовѣка. Легко можно заключить, что мы въ такихъ случаяхъ не могли ошибкамъ таковымъ довольно насмѣяться, и налюбоваться статуйкою сею.

Наконецъ наступилъ октябрь мѣсяцъ и съ онымъ то 7-е число онаго, въ которое я за 31 годъ до сего времени родился.

Я праздновалъ по обыкновенію моему и въ сей годъ сей день, втайнѣ и душевно принося благодаренія мои Господу за всѣ его милости и щедроты, оказанныя мнѣ какъ во всѣ прожитыя лѣты, такъ и въ претекшій послѣдній годъ, и проси его о покровительствѣ себя и въ новый годъ моя жизни.

А какъ вскорѣ послѣ того наступило и 17-е число, т.-е. день моихъ именинъ, и сей день назначенъ былъ какъ для торжественія онаго, такъ и настоящаго новоселія въ моемъ новомъ домѣ; то приглашены были нами къ сему дню всѣ наши друзья, знакомцы и сосѣди, бывшіе тогда въ домахъ своихъ, и хотя многимъ изъ отдаленности за случившеюся тогда дурною погодою приѣхать было невозможно, однако гостей было довольно, и какъ всѣ они были друзья и пріятели и обходились съ нами безъ дальнихъ этикетовъ, то и провели мы съ ними сей день и вечеръ очень весело и не оставили ни единой изъ всѣхъ деревенскихъ забавъ, игръ и увеселеній, которыя бы не употребили для своего увеселенія.

А особливо увеселялъ насъ собою сосѣдъ и кумъ мой господинъ Ладыженскій; а былъ тутъ же и приѣхавшій въ наше сосѣдство для межеванья г. межевщикъ Лыковъ, по имени Борисъ Сер-

гвѣвичъ, съ которымъ при семъ случаѣ я впервые познакомился и сдружился.

Къ умноженію же моего удовольствія я въ сей день получилъ изъ Экономическаго Общества еще одну часть Трудовъ онаго, которая была 11-ая по порядку.

Вскорѣ за симъ имѣлъ я удовольствіе всѣхъ моихъ родныхъ однофамильцевъ видѣть опять собравшихся воедино.

Приѣхалъ къ намъ изъ Петербурга и меньшей мой двоюродный братъ, Гаврила Матвѣевичъ, отпущенный въ отпускъ по марту мѣсяцъ, и вѣкъ онъ былъ человѣкъ молодой, насъ искренно любилъ и жилъ всѣхъ прочихъ ближе, то мы и имѣли удовольствіе видать его очень часто у себя и не рѣдко не только провождающаго цѣлыя дни, но и почующаго.

Но не могли мы жаловаться съ сей стороны и на старшаго его брата, Михайлу Матвѣевича. Оба они съ женою посѣщали насъ очень перѣдко, а наконецъ кое-какъ довелъ мы и четвертаго нашего деревенскаго сосѣда г. Дюка до того, что онъ сталъ къ намъ, хотя далеко не такъ часто какъ другіе, ѣздить.

Въ особенности помогла много къ тому случившаяся съ нимъ болѣзнь, которая едва-было не лишила его жизни. Онъ находился при самой крайности отъ опаснаго варыва въ горлѣ, и мы хотя всѣчески старались ему помогать, но лишились и сами уже всей надежды къ спасенію его; но по счастью онъ прорвался, и чрезъ то спасся онъ отъ смерти.

А какъ я во время болѣзни его всѣмъ, чѣмъ могъ, ему помогалъ и посѣщалъ его почти всякой день, то въ благодарность за то перемѣнилъ и онъ нѣсколько свое противъ насъ поведеніе и сталъ къ намъ чаще ѣздить. Онъ въ самое сіе время былъ изъ службы отставленъ съ чиномъ подпоручика.

Частыя сіи посѣщенія обоимъ моихъ братьевъ, также и сего родственника, а не менѣе и другихъ ближнихъ нашихъ сосѣдей, какъ-то гг. Ладыженскихъ и Іевскихъ, а въ тогдашнее время и двухъ въ Нарышкинской волости находившихся межевщиковъ, поманутаго Лыкова и то-

варица его г. Сумарокова, малаго холодого и любезнаго; частыя свиданія со всѣми ими въ домахъ нашихъ и въ Семиѣ, куда всѣ мы также не рѣдко ѣздили, вольное, непринужденное и дружеское между всѣми упражненіе и препровожденіе времени всякій разъ въ разныхъ увеселительныхъ играхъ и рѣзвостяхъ позволительныхъ были поводомъ къ тому, что мы всю осень сего года провели отменно весело и пріятно, и я не помню, чтобъ когда въ иное время игрывалъ я такъ много въ карты, какъ въ сію осень и зиму.

Однако не подумайте, чтобъ игры наши были азартныя или убыточныя. О, нѣтъ! отъ всѣхъ таковыхъ были всѣ мы весьма далеко удалены, а всѣ наши игры были невпныя, забавныя, безденжныя и подающія поводъ только къ смѣхамъ и шуткамъ.

Мы игрывали всего чаще въ тароки, которую игру ввелъ я въ употребленіе и сдѣлалъ особня для того карты и перучилъ всѣхъ играть въ ону. Она была очень веселая и всѣхъ насъ чрезвычайно веселила и такъ всѣмъ полюблилась, что съ особливою охотою садились за нее.

Въ домѣ же у Ладыженскаго наилучшая была игра въ «семь листовъ» по полукѣ, до которой игры былъ онъ отменно охотникъ, а въ удовольствіе его игрывали и мы съ нимъ въ ону.

Кромѣ сего перѣдко игрывали мы въ реверситъ и трпсетъ; виста же и бостона тогда было еще неизвѣстно.

Когда же наиграемся какой игрѣ досыта, тогда начинали играть въ фанты, а иногда въ самыя жмурки, и въ томъ непримѣтно проводили длинныя осенніе и зимніе вечера, и я такъ ко всѣмъ играмъ симъ разохотился, что выдумывалъ даже совсѣмъ новыя и никѣмъ до того еще не употребляемыя карточныя и другія игры.

Но за всѣмъ симъ не отставалъ я ни мало и отъ прежнихъ своихъ и лучшихъ занятій, во всякой разъ, когда не было никого у насъ и мы были дома, не давалъ ни одной минуты проходить тщетно, но по привычѣ своей всегда чѣмъ-нибудь

занимался и либо читалъ что-нибудь, либо писалъ, либо рисовалъ и гваздался съ красками.

Въ семь послѣднемъ упражненіи занимался я всего болѣе въ сію осень и множайшія картины, писанныя масляными красками, имѣющіяся у меня въ домѣ, были произведеніями сего періода времени.

Впрочемъ достопамятно, что въ началѣ ноября мѣсяца сего года чуть-было я самъ не занемогъ горячкою.

Произошло сіе ни то отъ простуды при разѣздахъ моихъ по гостямъ, ни то отъ другихъ причинъ; но какъ бы то ни было, но сдѣлавшійся великой жаръ съ головою болью и сильнымъ біеніемъ пульса предвозвѣщаль настоящую горячку, но по счастью помогло мнѣ и въ сей разъ принужденное чиханіе: я прибѣгъ къ сему давно уже мнѣ извѣстному спасительному средству и употребленіе онаго прервало тотчасъ болѣзнь мою.

Еще достопамятно было то, что мы въ концѣ сего мѣсяца познакомились вновь съ одною знаменитою нашею сосѣдкою, г-жею генеральшею Щербининою.

Мы ѣздили къ ней въ Якинно, по ея приглашенію, и были приемомъ и ласкою ея весьма довольны; но я возвратился отъ нея съ печальнымъ духомъ, ибо услышалъ отъ нея, какъ отъ псковской помѣщицы, о зятѣ моемъ г-нѣ Неклюдовѣ весьма неприятныя вѣсти, а именно, что онъ лишился будто разума.

Сіе огорчило меня чрезвычайно; я сожалѣлъ объ немъ искренно, а того больше о его малолѣтномъ сынѣ, моемъ племянникѣ, сдѣлавшемся чрезъ то сущимъ сиротою.

Послѣдній мѣсяцъ 1769 года былъ для меня какъ-то не весьма благопріятенъ: еще въ самомъ началѣ онаго перетревожены были мы до чрезвычайности сдѣлавшимся-было у насъ пожаромъ.

Въ черной горницѣ, построенной въ самой близости подлѣ хоромъ, треснула какъ-то задняя стѣна печи, и хотя былъ тутъ и широкій запечекъ, засыпанный землею, но стѣна отъ печи загорѣлась;

но по счастью усмотрѣли то довольно рано и успѣли бывшее уже пламя затить и не допустить огню взять силу.

За симъ и по отпразднованіи обыкновеннаго нашего никольскаго праздника, препровожденнаго нами со множествомъ неожиданныхъ гостей отиѣнно весело и пріятно, занемогъ-было я опять, но уже не тѣмъ, а грудью.

Болѣзнь сія началась сперва небольшою болью въ груди, но чрезъ немногіе дни такъ усилилась, что я опасался, чтобъ не сдѣлалась въ груди инфламация, или плерезія, которой и начальныя признаки уже всѣ были.

Произошло сіе ни то отъ простуды, ни то отъ многого около сего времени писанія на столѣ низкомъ и на креслахъ высоконькихъ... Поводомъ ко многому и натужному писанію сему было, во-первыхъ, сдѣланное мнѣ чрезъ пріятеля моего, г-на Колюбакина, предложеніе, чтобъ отдать въ печать давничной мой переводъ Зульцеровъ: «Разсужденіе о дѣлахъ естества».

Ему онъ очень полюбился и онъ, будучи въ Москвѣ, говорилъ тамъ о томъ со многими и писалъ ко мнѣ, чтобъ я, переписавъ оный почище и покрупнѣе, присылалъ къ нему.

Итакъ, сею-то перепискою я тогда занимался, и отъ непрерывнаго нагибанія грудь свою такъ натрудилъ, что принужденъ былъ работу и намѣреніе сіе оставить; а какъ между тѣмъ сочиненіе сіе, вмѣстѣ съ «Разговорами о красотѣ натуры», переведено было иными и въ Петербургѣ уже печаталось, то и случилось сіе кстати, ибо всѣ труды мои пропали-бы тщетно.

Во-вторыхъ, вздумалось мнѣ около сего времени сочинить самому «Исторію о святой войнѣ», выбирая изъ разныхъ имѣющихся о томъ у меня нѣмецкихъ книгъ, и какъ я, начавъ ее, по обыкновенной моей нетерпѣливости и надъ сею работою много трудился, то и сіе для груди моей было также накладно.

Но отъ того-ли, или отъ чего иного, но болѣзнь моя продлилась нарочито дол-

го, и съ вѣскогорыми перемежками во весь почти декабрь мѣсяцъ, почему и принужденъ я былъ все сіе время сидѣть почти дома, а давать боярынямъ только однѣмъ развѣзжать по гостямъ и сосѣдямъ, а самъ препровождалъ уже дома кое въ чемъ время.

И какъ писать мнѣ было не можно, то занимался уже болѣе чтаніемъ книгъ разныхъ, однако не оставлялъ и начатой «Исторіи о святой войнѣ», и будучи самъ не въ состояніи писать, диктовалъ ее одному изъ двухъ своихъ мальчиковъ, который сколько-нибудь писалъ получше.

Но, къ сожалѣнію, и сей трудъ мой былъ бесполезный. Я хотя современемъ и сочинилъ всю ее, но мнѣ не удалось съ нею ничего сдѣлать, и одна часть оной у меня пропала, а другая въ богородицкой пожаръ сгорѣла, слѣдовательно и пропали всѣ труды мои относительно до нея по пустому.

Таковую-жъ неудачу имѣлъ я въ сдѣланномъ мнѣ предложеніи объ отданіи въ печать и другихъ моихъ сочиненій, какъ-то «Дѣтской философіи», «Универсальной моей исторіи», «Нравоучительныхъ сочиненій» и перевода предики Іерусалимовой.

Приѣзжавшій къ намъ о праздникѣ одинъ московскій попъ, родственникъ нашимъ попалъ, увидѣвъ оныя у меня, убѣдилъ меня просьбою, чтобъ я ввѣрилъ ему ихъ, для показанія въ Москвѣ его родственникамъ, могущимъ поспѣшествовать ихъ напечатанію; но всѣ онъ только въ Москву прокатался и ничего изъ того не вышло, да и выттить не могло.

Не имѣлъ я также успѣха въ желаніи моемъ повидаться съ племянницами моими Травинными, живущими въ Кашинѣ съ отцомъ своимъ.

Я посылалъ по наставшему зимнему пути нарочнаго даже человѣка въ Кашинъ съ письмами и съ просьбою къ зятю моему, чтобъ онъ отпустилъ ихъ ко мнѣ, къ празднику Рождеству Христову погостить и повидаться, но сей упругой человѣкъ несогласился на то, а сказалъ,

что онъ пришесть ихъ послѣ; такъ, не могъ я имѣть и сего удовольствія.

Кромѣ сего озабочивалъ насъ около сего времени очень рекрутскій многочисленный наборъ; ибо какъ втеченіе сего лѣта началась и горѣла уже въ полномъ пламени первая турецкая война, то требовалось много рекрутъ и мы принуждены были оныхъ давать и разставаться съ наилучшими работниками, а сіе много уменьшало удовольствіе, которое имѣли мы, получая извѣстія о побѣдахъ, и о взятіи Хотина и Бейлеръ. Кромѣ того не радовала насъ и чрезвычайная дешевизна хлѣбовъ, бывшая въ сію зиму.

Далѣе озабочивало меня еще одно досадное обстоятельство: тетя жены моей, г-жа Арцыбышева, подбивала всячески тещу мою, чтобъ обѣимъ имъ съѣздить еще разъ сею зимою въ Цивильскъ, къ находящемуся еще въ живыхъ, но престарѣлому дѣду жены моей, Авраму Селеновичу Арцыбышеву. Но мнѣ не хотѣлось никакъ отпустить тещу свою въ такой дальній путь и для слабога ея здоровья, и по многимъ другимъ обстоятельствамъ, и я не зналъ, чѣмъ бы разрушить сіе пустое предпріятіе.

Но по счастью, полученное отъ старика сего письмо сдѣлало то, чего не могъ я сдѣлать. Ибо какъ онъ ихъ нимало къ себѣ не звалъ, а жаловался только на крайній недородъ въ тамошнихъ мѣстахъ хлѣба, то отдумали онѣ сами туда ѣхать и теща моя расположилась только съѣздить въ Москву для свиданія съ одною приѣзжею изъ тамошнихъ мѣстъ госпожею, въ чемъ и я ей уже не воспрепятствовалъ.

Наконецъ насталъ у насъ праздникъ Рождества Христова, но оный былъ для меня не очень веселъ, потому что грудная моя боль отъ прилежнаго питья разныхъ лекарственныхъ травъ хотя и гораздо пооблегчилась, но около Рождества опять такъ возобновилась, что я не въ состояніи былъ на праздникъ даже въ церкви съѣздить, да и всѣ первые дни святокъ просидѣлъ и наиболѣе одинъ дома; ибо боярыни мои развѣзжали кой-

куда по сосѣдямъ. Одинъ только меньшей мой двоюродной братъ помогалъ мнѣ провождать время.

И знаете-ли въ чемъ я упражнялся въ сіи святые вечера, въ тѣ дни, когда никого у насъ не было?—Истинно въ смѣшномъ: приди мнѣ охота сочинять особаго рода, въ стихахъ, разныя загадки, и я сочинилъ ихъ съ цѣлой десятокъ, и довольно смѣшныхъ и курьезныхъ, и мнѣ досадно и жаль, что онѣ всѣ у меня по разнымъ случаямъ распротали.

Но какъ я ни былъ еще слабъ, однако услышавъ о прѣздѣ друга моего, г-на Полонскаго, изъ Москвы въ деревню, восхотѣлось мнѣ къ нему съѣздить и съ нимъ повидаться.

Онъ былъ намъ чрезвычайно радъ, надавалъ мнѣ опять множество разныхъ книгъ для чтанія и наказывалъ намъ множество новыхъ вѣстей, какъ о тогдашнихъ военныхъ происшествіяхъ, такъ и объ усилившихся въ государствѣ нашемъ около сего времени разбояхъ.

Говорили, что въ одинъ сей годъ было болѣе 170 дворянскихъ домовъ и семействъ разбито и что между ними около 100 человекъ находилось изъ наслѣдниковъ, имѣвшихъ въ томъ соучастіе.

Наконецъ, 30-го числа декабря проводили мы тещу свою, поѣхавшую въ Москву на короткое время, и я остался одинъ дома съ дѣтьми моими, ибо до Серпухова поѣхала съ ней и жена моя съ своею теткою, а я въ послѣдній день сего года почувствовалъ опять боль въ груди, а сверхъ того ввечеру подхватила меня и лихорадка самая; итакъ, окончилъ я сей годъ не очень хорошо.

Но какъ письмо мое довольно уже увеличилось, то симъ окончу я и оное, сказавъ вамъ, что я емъ и прочее.

(Октябръ 27, 1805 г.).

Письмо 134-е.

Любезный пріятель! Въ концѣ предсѣдующаго къ вамъ письма упомянулъ я, что я ввечеру послѣдняго дня 1769 года занемогъ лихорадкою.

Теперь, продолжая повѣствованіе мое далѣе и начиная рассказывать вамъ, что случилось со мною въ теченіи 1770-го года, скажу, что помянутая болѣзнь моя была хотя неважная и непродолжительная, и болѣе меня настраивавшая, нежели стоившая уваженія, однако сдѣлала то, что я первый день сего новаго года принужденъ былъ сдѣлать для себя великою питницею; ибо какъ по всѣмъ признакамъ заключалъ я, что болѣзнь моя произведена переменною пищей и происходила отъ испорченнаго желудка; то, не запуская въ даль и не давая ей усилиться, снѣшилъ я употребить обыкновенное и извѣстное мнѣ въ такихъ случаяхъ лекарство, а именно: взять прибѣжище къ настраивающей діетѣ и говѣнью и чрезъ постъ усмирить опять свой желудокъ, и для того во весь сей день ничего не ѣлъ, и день новаго года, посреди святокъ, сдѣлалъ великимъ постомъ; а сверхъ того старался я опять сколько можно чаще чрезъ чихавіе дѣлать волнуемой во мнѣ крови въ скоромъ движеніи ея остановки, а все сіе и помогло мнѣ очень много и при семъ случаѣ.

Жаръ и слабость во мнѣ хотя и продолжалась во весь тотъ день, однако я радъ тому былъ, что болѣзнь не увеличивалась и, часть отъ часу уменьшаясь, втеченіи немногихъ дней совсѣмъ изчезла, такъ что къ Крещенью сдѣлался я опять здоровымъ совершенно.

Теперь, не ходя далѣе, расскажу вамъ, съ какими чувствіями началъ я сей новый годъ и въ какихъ обстоятельствахъ находился я при наступленіи онаго. Все сіе можете вы яснѣе усмотрѣть изъ записки о томъ въ журналѣ моемъ сего года, какія имѣлъ я обыкновеніе дѣлать при началѣ каждого года; она была слѣдующая:

«Въ разсужденіи самого себя (писалъ я тогда) могу сказать, что прежняя благополучная и спокойная жизнь, которою я, уже нѣсколько лѣтъ живучи въ деревнѣ, наслаждался, по благодати Господней, продолжалась безъ переменъ и помыслѣ

ть наслѣдіе, то хотя сей пунктъ го меньше меня тревожить долженъ, и въ разсужденіи онаго былъ дово- дѣти, дарованныя мнѣ отъ Всевыш- были во весь минувшій годъ здо- и благополучны; какъ цвѣточки и (мы произрастенія, начинали они отъ часу отъ земли подниматься.

мъ моя, Елизавета, научилась уже ъ, а теперь учится и говорить; а

Степанъ, или какъ мы его обык- но называли Чопъ нашъ, старает- же у сестры своей перенимать хо- и къ удовольствію нашему всѣхъ уже и онъ знаетъ.

ѡ они тысячу утѣхъ приносятъ намъ, ячу разъ заставляли себя брать на и цѣловать и смѣяться невиннымъ гъ дѣлшечкамъ. Выростутъ-ли сіи и; и будутъ-ли цвѣсти, не знаю? гъ рудъ Божіей! а излишнее-бы бы- либъ хотѣтъ за завѣсу будущей не- тности и прежде времени чѣмъ-ви- врушиться.

Ѣо всемъ томъ разсуждал, не знаю бы мнѣ желать болѣе оставалось, и гъ-бы могъ изъяснить какое неудо- твѣе; но паче безирристрастно при- ѣ, что я малъ и недостоннъ тѣхъ тей, которыми Творецъ меня удо- ь соблаговолилъ, и будучи не въ яніи его достойно за то возблаго- ъ, хвалю и превозношу только свя- ма его.

Ѣ разсужденіи-жъ сотоварищей моихъ изни могу также сказать, что и онѣ я причины имѣютъ быть судьбою) довольными. Единое только слабое доровое состояніе нашей общей съ ѡ матери, яко той особы, которая еніемъ своимъ насъ по неволѣзастав- себя любить и почитать, дѣлаетъ многія иногда смутныя минуты. О гъ же моихъ ребятишкахъ ничего еще ть не можно. Они находились въ не- ѣйшемъ еще періодѣ своей жизни. гъ въ какомъ состояніи находились ягельствы при началѣ сего года; что оспослѣдуетъ втеченіе его, того не но меня сіе и немного тревожить.

И знаю то, что все будетъ дѣлаться по волѣ моего Создателя, а онъ мой Богъ, Господь, а что всего утѣшительнѣе, Отецъ благій и милостивый!»

Вотъ что и какъ чувствовалъ я въ тогдашнее время; но теперь обращусь къ продолженію своего повѣствованія.

Сколь скучновата была мнѣ первая половина святокъ, по причинѣ моего не- домоганія и отлучекъ моихъ домашнихъ, столь весела напротивъ того вторая и остальная часть оныхъ.

Всѣ сіи дни проводили мы съ людьми и со множествомъ разныхъ гостей, при- ѣзжавшихъ со всѣхъ сторонъ къ намъ, ибо на другой день сего года возврати- лись къ намъ изъ Серпухова жена моя со своею теткою и привезли съ собою и Наталью Петровву Арцыбашеву, не- бывавшую у насъ давно уже.

Приѣзжалъ къ намъ въ сіи дни и со- сѣдъ нашъ котовской, князь Павелъ Ива- новичъ Горчаковъ и многіе другіе обо- его пола гости; и какъ много бывало и дѣвицъ и другихъ молодыхъ людей, то мы провели достальные святки въ раз- ныхъ играхъ, смѣхахъ и забавахъ отиѣн- но весело. А въ пятый день возвратилась къ намъ и теща моя изъ Москвы, съѣз- дивши въ сей путь благополучно.

Несмотря на всю кратковременность ея отлучки были мы ей очень рады. Она ѣздилъ въ Москву и трудъ сей предпри- нимала единственно изъ любви къ пре- старѣлому ея родителю, и желая отъ приѣзжей изъ тамошнихъ мѣстъ одной знакомой ей госпожи узнать и распро- сить подробнѣе о всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся до сего старца.

И мы не могли безъ огорченія слушать того, что она намъ объ немъ, по возвра- щеніи своемъ, рассказывала; ибо не мож- но было, чтобъ не сожалѣть о семъ доб- ромъ и честномъ старикѣ, претерпѣв- шемъ тогда, такъ сказать, предъ самымъ окончаніемъ своей жизни толь многія горести и печали и такую великую во всѣхъ обстоятельствахъ своихъ переиѣну.

Всю молодость и лучшія свои лѣты препроводилъ онъ въ вожделѣннѣйшемъ

состояніи, нажилъ многихъ достойныхъ дѣтей, получилъ достатокъ, былъ всѣми любимъ и жилъ спокойно. Одинъ сынъ былъ уже майоромъ, другой полковникомъ, а и достальные два были уже офицерами; дочери его пристроены были къ мѣсту. Однимъ словомъ, все было хорошо.

Но какъ скоро состарѣлся, то печали, равно какъ согласясь, на него напали. Прежде всего умеръ у него большой сынъ въ лучшемъ цвѣтѣ своей жизни. Это былъ мужъ Матрены Васильевны; но сей уронъ былъ еще нѣсколько свосенъ. Но въ короткое время послѣ того лишился онъ и другого сына, бывшаго въ молодости своей уже полковникомъ и одареннаго отъ природы многими достоинствами.

Многія другія хлопоты присовокупились къ тому, и все сіе въ состояніи было тронуть его чувствительно; но онъ перенесъ и то, призвалъ въ домъ къ себѣ и послѣднихъ сыновей, чтобъ ихъ поженить, ими при старости веселиться.

Но не успѣлъ женить третьяго и съ нимъ годъ времени пожить, какъ и сей о корень, а къ умноженію огорченія его и жена, оставшаяся послѣ онаго, сдѣлалась негодною и только стыдъ и безчестіе его фамиліи наносящею.

Такимъ образомъ остался только одинъ и послѣдній сынъ; сего онъ также женилъ, но и тутъ была удача не велика. Жена была хотя постоянна, но не имѣла ни къ мужу, ни къ свекру почтенія и съ нею не могутъ сладить. И въ семь-то состояніи находился онъ тогда.

Частые неурожаи хлѣба, надежи скотскіе и другія несчастія присовокуплялись къ тому и тревожили духъ стариковъ еще болѣе. Да и намъ всѣмъ былъ онъ такъ жалокъ, что мы въ послѣднихъ письмахъ своихъ просили его и звали къ себѣ, чтобъ онъ, оставя все, приѣхалъ сюда къ намъ окончить жизнь свою спокойно и благополучно.

На другой день послѣ Крещенья было у насъ опять и въ другой уже разъ въ сію зиму сѣверное сіяніе, и въ сей разъ было оно нѣкакого особаго рода.

Все небо покраснѣло такъ, какъ въ

случаѣ зарева отъ большого пожара, и весь снѣгъ казался красноватымъ; но особливість при томъ была та, что въ южной сторонѣ небо было блѣе и такъ какъ бы поднималась заря, чему бы въ самомъ дѣлѣ надлежало на сѣверѣ быть.

Мы со всѣми случившимися тогда у меня многими гостями выходили тогда смотрѣть сего особливаго феномена, которое называли тогда особымъ небеснымъ знаменіемъ и народъ простой все твердилъ, что сіе было къ войнѣ кровавой, которая у насъ тогда съ турками и дѣйствительно продолжалась.

Вскорѣ за симъ случилось у насъ въ домѣ одно особенное, странное и такое происшествіе*).....

(Окт. 28 д. 1805 г.).

Письмо 135-е.

Любезный пріятель! Продолжая теперь мое повѣствованіе, дагѣ скажу вамъ, что вскорѣ послѣ описаннаго въ послѣднемъ письмѣ романическаго происшествія имѣлъ я весьма неприятную для себя, но необходимую комиссію.

Меньшой мой двоюродный братъ и ближайшій мой сосѣдъ приѣхалъ ко мнѣ однажды и жаловался, что онъ не можетъ никакъ сладить съ братомъ своимъ въ разсужденіи отдачи рекрута; что онъ явную ему оказываетъ несправедливость и нарушаетъ договоръ, бывшій у него съ нимъ о поставкѣ рекрутовъ погодно и чередуясь другъ съ другомъ и просилъ меня, чтобъ я, какъ старшій и начальникъ всей нашей фамиліи, вступился за него и погонялъ бы брата его, за скверную его привычку опораживать уже слишкомъ часто и непотѣрно рюмки и стаканы, чему онъ наиболѣе все зло приписывалъ; ибо когда онъ въ цѣломъ умѣ и памяти, то все почти съ нимъ сдѣлать можно, но когда голова его наполнится чадами бахусовыхъ продуктовъ, то никто съ нимъ не говори: сдѣлается

*) Окончаніе письма (стр. 157—182 рукою), какъ заключающее въ себѣ какую-то неладную семейную подробность, дѣтъ 30-ть тому назадъ уничтожено одною изъ госпожъ Волотовыхъ. М. С.

такимъ упрямьмъ своеравнымъ вздорливьмъ, что ни въ чемъ съ нимъ сладить невозможно.

Къ сожалѣнью, скверная и гнусная сія привычка его всѣмъ намъ давно была уже извѣстна, и я всегда и досадовалъ и искренно сожалѣлъ о такой слабости сего своего близкаго родственника, а особливо слыша неоднократно, что вездѣ, гдѣ ни случалось ему бывать въ гостяхъ и натапуться до сыта, дѣлывалъ такіа дурачества и становился такъ мерзокъ, что служилъ всѣмъ посмѣшищемъ и предметомъ презрѣнія. И какъ больно было мнѣ очень слышать все сіе о семъ моемъ однофамилецѣ и родственникѣ, то собирався я уже давно погонять и потазать его за то хорошенько, а особливо видя, что дѣлываемыя ему дружескіа о томъ напоминанія нимало не дѣйствовали.

Итакъ, рѣшился я наконецъ исполнить сей непрятный для меня долгъ и, пригласивъ его къ себѣ, учтивымъ образомъ и не раздражая, такъ его нагонялъ и такъ растрогалъ, что какъ сначала онъ ни казочался, но наконецъ совсѣмъ опѣшилъ и опѣталъ и, усовѣстившись, не только сдѣлалъ все въ разсужденіи брата своего, чего требовала справедливость, но нарочитое долгое время послѣ того былъ гораздо воздержнѣе прежняго, чему всѣ мы и порадовались искренно.

Какъ между тѣмъ я отъ болѣзни моеи оправился совершенно, то съ половины января пустились-было мы въ большой разѣздъ по многимъ и разнымъ гостямъ, въ Алексинскомъ и Тульскомъ уѣздѣ живущимъ, и намѣрены были многіе знакомые и дружескіе намъ дома объѣздить однимъ разомъ, такъ какъ мы то нерѣдко дѣлывали.

Но въ сей разъ не удалось намъ своего намѣренія исполнить, ибо не успѣли мы приѣхать въ Калединку, къ теткѣ жены моей, г-жѣ Арцыбышевой, какъ напали на меня многіе съ убѣдительною просьбою о принатіи на себя новой комиссиі и о вспоможеніи одной ея ближайшей сосѣдкѣ въ крайней ея нуждѣ.

Была то госпожа Хотяинцова, и не

только ей недалняя родственница, но и намъ по женѣ моеи не чужда, въ которой нужно ей было мое вспоможеніе, была слѣдующая;

Она имѣла у себя одну только дочь, дѣвушку уже въ сіе время взрослою и очень изрядною; живучи почти съ малолѣтства все по чужимъ домамъ и домамъ хорошимъ, навывла она такъ всему свѣтскому обращенію, что мы всѣ ее любили и съ удовольствіемъ принимали ее у себя, когда случалось имъ къ намъ приѣзжать или оставаться гостить на нѣсколько времени. У насъ у самихъ нерѣдко она, и особливо въ малолѣтствѣ, по нѣсколькѣ мѣсяцевъ гашивала и мы всегда бывали ею довольны.

Сей дѣвушкѣ случилось попасться на глаза алексинскому городовому секретарю г. Ферапонтову, мужику уже вдовому, немолодому, дряхлому, очень неулюжому во всемъ, но весьма достаточному и богатому.

Какъ была она недурна собою, а притомъ жива, умна и вертлява, то плѣнис дурачина сей ея пригожествомъ и, не смотря на всю неравность ни въ лѣтахъ, и во всемъ вздумалъ за нее свататься и положилъ неотмѣнно на ней жениться, еслибъ только она пошла за него и ее отдала.

Дѣвушка не хотѣла сначала о томъ и мыслить, но не такъ думала ея мать и ближайшіе родственники, и какъ была она очень недостаточна и одинока, то почитали сіе выгодною для нея партиєю и убѣдили наконецъ и самую дѣвушку склониться выттить за сего престарѣлаго адовиса. И тогда дали онъ только что свое слово и назначили, чтобъ чрезъ день послѣ онаго, быть въ домѣ у г-жи Хотяинцевой сговору.

Но какъ не имѣла она изъ мужичиъ никого у себя ближняго родного, а съ женихомъ хотѣли быть многіе знаменитые люди, то и убѣдили всѣ меня принять на себя всѣ гостепріимныя при семъ случаѣ хлопоты и распоряженія, и отправлять при семъ сборномъ сговорѣ въ домѣ ея должность хозяина.

По любви ихъ къ намъ и взаимно на-

шей къ намъ я охотно на то и согла-
сился; но сговоръ сей чуть-было не сталъ
мнѣ очень дорого.

Будучи принужденъ переѣзжать нѣ-
сколько разъ изъ дома въ домъ и для
скорости въ санкахъ пошевенкахъ и при-
томъ въ домашнихъ хлопотахъ выходить
нерѣдко съ открытою головою на дворъ,
простудилъ я оную и чуть-было не на-
жилъ долговременной головной болѣзни.
Это было первое, а во-вторыхъ, подвергся
было крайней опасности и чуть-было при
одномъ случаѣ не убился до смерти.

Случилось это въ домѣ г-на Селивер-
стова, у котораго намъ надобно было
тогда побывать. Я, приѣхавши къ нему
и переступя съ крыльца въ сѣни, по по-
логости и скользкости въ нихъ, такъ хо-
рошо осклизнулся, что не могъ устоять
на ногахъ, но полетѣвъ стремглавъ, по-
палъ самымъ вискомъ объ острую желѣз-
ную скобу въ притокѣ дверной и убился
такъ, что она даже вспухла.

Но великая была милость Господня, что
ударъ попалъ не въ самое опаснѣйшее
въ вискѣ мѣсто, но на пол-вершка отъ
оного, а притомъ былъ негораздо силенъ.
Словомъ, Всемогущій сохранилъ меня явно
въ семъ случаѣ отъ превеликаго бѣд-
ствія и опасности.

Но все сіе однако не помѣшало мнѣ
исправить свою комиссію; мы сговорили,
какъ надобно, напу Авдотью Андреев-
ну, и угостили всѣхъ приѣзжавшихъ го-
стей безпостыдно, и я при семъ случаѣ
имѣлъ удовольствіе познакомиться и даже
сдружиться съ бывшимъ тогда въ Алек-
синѣ воеводою, г. Тиличевымъ и мно-
гими другими, до того мнѣ незнакомыми
людьми.

Не успѣли мы сего дѣла кончить, какъ
нажитая вновь головная болѣзнь про-
гнала меня опять восволсы. Я поспѣ-
шалъ возвратиться въ домъ для вспомо-
ганія себѣ, чѣмъ знали, и спасибо про-
должалась она не очень долго, и станов-
леніе ногъ въ тепловатую воду съ бро-
шенною въ нее солью освободило меня
совершенно отъ оной.

Вскорѣ за сямъ обрадованы были при-

ѣздомъ къ намъ старшей племянницы мо-
ей Травинной, Надежды Стахеевны, изъ
Кашина. Отецъ ея сдержалъ наконецъ
свое слово и данное намъ обѣщаніе, но
отпустилъ изъ трехъ ее только одну, но
за то съ дозволеніемъ остаться у насъ
гостить на долго, чѣмъ мы въ особенности
были довольны.

Дѣвушка сія была уже совершеннаго
возраста и прелюбезная; она представ-
ляла собою совершенный портретъ по-
койной моей родительницы, а своей баб-
ки и, будучи на нее очень похожа, имѣ-
ла притомъ нравъ изящный и такіа ка-
чества и свойства, что заставляла всѣхъ
любить себя и почитать.

Какъ у отца ея было ихъ три дочери,
то покойная старшая моя сестра взяла-
было ее къ себѣ и хотѣла ее тамъ у се-
бя пристроить къ мѣсту и выдать за-
мужъ; но какъ кончина ея до того не
допустила, то возвратилась она къ отцу
въ домъ, женившемуся между тѣмъ на
другой женѣ, и бѣдняжка сія рада была,
что она удалась отъ своей мачихи и
отпущена была къ намъ для житья.

Такимъ образомъ получили мы въ сіе
время четвертаго себѣ семьянина, и были
тѣмъ и сообществомъ ея очень довольны.
Она дѣлала не только бодрнымъ мнѣ,
но иногда и самому мнѣ компанію, ибо
была охотница читать книги и можно
было съ нею говорить обо многомъ; и
какъ она была ко мнѣ очень ласкова и
всѣхъ насъ любила искренно, то и мы
всѣ любили ее, какъ бы дочь свою род-
ную.

Теперь разскажу я вамъ, любезный
пріятель, одно смѣшное приключеніе, слу-
чившееся со мною вскорѣ послѣ приѣзда
къ намъ помянутой племянницы и за-
ставляю можетъ быть васъ раза два усмѣх-
нуться.

Жилъ отъ насъ неподалеку и верстъ
только за десять одинъ очень небогатый
дворянинъ, человекъ еще молодой, но
всѣми нами любимый и почитаемый. Какъ
былъ онъ очень искателенъ и ко всѣмъ
намъ ѣзжалъ очень часто и съ своею
женою, то и принимали мы его всегда какъ-

бы родного и были ласкою и приязнью его очень довольны, и я въ соответствии ему и своимъ благопріятствомъ крестилъ у него всегда дѣтей съ женою г-на Полонскаго.

У сего хотя недостаточнаго, но добрѣйшаго и любезнаго нашего сосѣда, родилась около сего времени еще одна дочь. И какъ ее опять мнѣ съ г-жою Полонскою крестить надлежало, то убѣдительно званы мы были всѣ на сін крестины къ г-ну Рудневу.

Бояриваямъ моимъ, не помню, что-то такое помѣшало сдѣлать ему приѣздомъ своимъ удовольствіе, но мнѣ какъ надлежало необходимо ѣхать, то и полетѣлъ я въ Полозово.

Сперва предлагали-было мнѣ люди, чтобъ ѣхать намъ туда въ городскихъ саняхъ, въ какихъ въ сін времена обыкновенно всѣ еще ѣзжали, когда куда надобно было налегкѣ ѣхать, и представляли, что нарами для сдѣланнаго отъ бывшей не задолго до того великой оттепели просова ѣхать никакъ было не можно; но какъ я только что освободился тогда отъ своей болѣзни и никуда еще послѣ того времени не выѣзжалъ, то боясь, чтобъ опять не простудиться, опровергнувъ я всѣ ихъ предложенія и велѣлъ готовить возокъ, въ которомъ мы обыкновенно всѣ ѣзжали и который былъ довольно просторный и теплый, и мое счастье было, что я сіе вздумалъ.

Итакъ, отправился я себѣ въ сей путь. Дорога была въ самомъ дѣлѣ очень просовиста, однако ѣхать все было можно; совсѣмъ тѣмъ, боясь, чтобъ въ вершинѣ за селомъ Бузуковымъ необгрязнуть, рѣшился я ѣхать отъ сего села до хотунской дороги большою дорогою, и ѣхалъ еще впервые отъ роду симъ прогалкомъ.

Но не успѣли мы на помянутую хотунскую дорогу взѣхать, какъ понесло насъ такъ швырять, что я началъ уже и проклинать ону тысячу разъ. Этакой проклятой дурной дороги отъ роду я не видывалъ. Таки-ухабъ на ухабѣ и рытвина за рытвиною, и одна вдоль, другая поперегъ, третья накосъ, и то въ ту сто-

рону, то въ другую, и я принужденъ былъ въ просторномъ возкѣ своемъ только что изъ края въ край и изъ угла въ уголъ попрыгивать и покачиваться.

Но могъ ли я себѣ тогда вообразить, что самую сію, тогда проклинаемую, дорогу я чрезъ нѣсколько часонъ послѣ того любить и благословлять стану?

Какъ бы то ни было, но наконецъ, своротивъ съ сей дороги вправо, приѣхалъ я въ Полозово. Хозяинъ былъ мнѣ очень радъ, а особливо потому, что многихъ гостей не будетъ, а вскорѣ послѣ меня приѣхали и Полонскіе, привезя съ собою и брата г-жи Полонской, Николая Алексѣевича Ладыженскаго, чему въ особенности я радъ былъ, ибо съ симъ человѣкомъ мнѣ весьма было нескучно; и мы заговорились съ нимъ, какъ съ свѣдущимъ человѣкомъ, впрахъ о тогдашнихъ политическихъ и военныхъ произшествіяхъ и наибольшую часть времени своего въ сихъ разговорахъ проводили.

Между тѣмъ происходили крестины и послѣ оныхъ крестильный обѣдъ. Послѣ онаго посидѣли мы еще нѣсколько и все было хорошо; но скоро начали мы нѣсколько тревожиться.

Время приближалось уже къ разѣзду по домамъ, а мы за разговорами того и не видали, что погода на дворѣ сильно перемѣнилась и начинала несть ужасная вьюга и мятель.

— «Какъ быть? говоримъ мы между собою; не лучше ли намъ посидѣть съ полчаса еще времени, авось-либо поутихнетъ».

Всѣ согласились на то; однако мятель не унималась, но несла часть отъ часу еще пуще прежняго.

— «Что дѣлать? говоримъ мы наконецъ: звать не переждать намъ этой погоды, а ѣхать время, вечеръ уже почти наступаетъ».

— «Конечно такъ!» сказали всѣ, ибо всѣмъ намъ было извѣстно, что по мализнѣ дома хозяйскаго и по всѣмъ другимъ обстоятельствамъ ночевать намъ тутъ никакъ было не можно, да были мы и не унимаемы.

Итакъ, распровавшись съ хозяиномъ, сѣли мы и поѣхали; но что-жъ тогда воспослѣдовало съ нами? На дворѣ казалось намъ худо, а какъ выѣхали въ поле, такъ и хуже того. Однимъ словомъ, такая ужасная мятель, что ни зги было не видно.

«Эхъ! думалъ я тогда и говорилъ самъ себѣ: какъ это намъ ѣхать? и что это за бѣда! Если-бъ можно было, то ни изъ-чего бы не поѣхалъ, но готовъ бы тутъ какъ-нибудь ночевать».

Не успѣли мы нѣсколько десятковъ сажень отъ двора отѣхать, какъ не видно было намъ ничего ни впередъ, ни назадъ. Возокъ г. Полонскаго, ѣхавшій впереди, пропалъ у насъ изъ глазъ, а назадъ не видно было уже и деревни. Мысль, чтобъ не заблудиться и не попасть куда въ вершину, начинала меня уже беспокоить.

Я прикликалъ человѣка, стоявшаго позади возка, и говорилъ ему: «не лучше ли намъ воротиться?» но онъ говорилъ: «доедемъ, судирь, не для чего воротиться». Но мы съ нимъ еще говорили, какъ поглядимъ, форрейтеръ нашъ, умный мой человѣкъ Бабай, который и тогда былъ еще очень не великъ, уже въ другую сторону проскакалъ, уже видимъ подлѣ себя кусты, которыхъ прежде вовсе не было.

— Ба! закричалъ я тогда: куда это вы меня завезли, не туда!

Кучеръ, котораго я за ревомъ вѣтра насылу докликался, признался, что ошиблись и бранилъ Бабая, хотя самъ не умнѣе или еще глупѣе его былъ.

Кучеромъ случился тогда быть у меня умной мой человѣкъ Антонъ Артамоновичъ, человѣкъ очень недалководный, и разсудка самаго темнаго и короткаго. Но какъ бы то ни было, но меня сіе уже и тораздо трогало.

Мятель посла отъ часу сильнѣе и занесла меня и въ возкѣ уже совсѣмъ, а мы добрымъ порядкомъ уже своротили въ цѣлигъ и ѣхали, сами не зная куда. Я уже охалъ, горевалъ и боялся, чтобъ не заблудиться.

О! сколько разъ желалъ я уже тогда,

чтобъ попасть на упомянутую прежде сего пресекверную хотунскую дорогу, уже и она мнѣ сдѣлалась тогда мгла до чрезвычайности, но что наконецъ и удалось намъ по желанію.

Нельзя изобразить, какъ обрадовался я, когда мы взобрались на оную, ибо утѣшалъ себя по крайней мѣрѣ тѣмъ, что, несмотря на всю жестокую мятель, намъ дорогу сію за превеликими ея рывинами, ухабами и буграми потерять будетъ не можно.

Люди мои не успѣли на нее въѣхать, какъ и поскакали что ни есть мочи, жестокость вьюги ихъ къ тому побуждала; и я какъ ни боялся по худымъ дорогамъ ѣздить, и какъ возокъ мой съ бока на бокъ ни качался и ни попрыгивалъ, однако я, сжавъ сердце, уже молчалъ и далъ волю скакать какъ хотять.

Но не успѣли мы съ версту сямъ образомъ отскакать, какъ новое явленіе глазамъ моимъ представилось: лошади остановились и не знаю что-то въ упряжкѣ нашей испортилось и требовало поправленія. Кучеръ мой погѣзъ съ козелъ, чтобъ поправить, но бултыхъ на землю.

Я удивился сему случаю, но удивленіе мое еще увеличилось, когда увидѣлъ, что онъ и встать почти не можетъ. Я подозвалъ его къ себѣ, спрашиваю туда-ли мы ѣдемъ и не ушибся-ли онъ; но глажу, смотрю у слуги моего язьмъ почти не ворочается...

— Слава Богу! воскликнулъ тогда я: одно къ одному! Израдно ты, дружокъ, накушался, да и очень встати на теперешнюю погоду смотри.

Однимъ словомъ, слуга мой былъ пьянъ и не могъ взойти самъ на козлы. Я кликалъ другого, стоявшаго на запяткахъ и приказывалъ помочь ему сѣсть, но глажу, смотрю, и тотъ не многимъ чѣмъ лучше кучера.

— Ну! то-то право, хорошо! воскликнулъ я, оба пьяны! И Господи, какою досадою воспылалъ тогда я и на нихъ и на вума своего, господина Руднева, и какъ проклиналъ то глупое обывовеніе, чтобъ поить людей гостиницъ!

Совсѣмъ тѣмъ дѣло на шутку не походило. Находился я тогда въ чистомъ полѣ, въ которомъ отъ мятеля на сажень было ничего не видно, время было позднее и почти сумерки, а людцы мои пьяные... Одна была надежда на дурную дорогу, и какъ былъ я тогда радъ уже оной! Я позабылъ тогда про всю опасность, чтобъ не простудиться: раскрылъ одно окно и не спускалъ уже глазъ и съ оной.

Казалось мнѣ, что они и съ ней сбьются. Какъ туда ѣхали, казалась одна дорога, а тутъ проявилось ихъ много: иная вкось, иная впоперекъ, иная рядомъ, и все такія-жъ большія, и Богъ ихъ знаетъ, откуда онѣ взялись, или въ темнотѣ мнѣ такъ казались.

Трясусь я смотря на сіе, опасаясь, чтобъ они съ прямой не сбились. Чего я опасался, то и сбѣжалось. Отскакавши версты съ двѣ, услышалъ я, что ворчитъ мой пьяный кучеръ, что не туда мы ѣдемъ, и что проѣхали дорогу и надлежало-бы ѣхать влѣво.

Не успѣлъ я сего услышать, какъ испужавшись, началъ кричать, чтобъ остановились; но слуги мои не слышать, а скачутъ во всю пору. Я кричать, еще кричать во все горло, но крикъ мой за ужаснымъ свистомъ и шумомъ вѣтра до нихъ не доходилъ.

Нечего мнѣ было уже дѣлать, высунулъ изъ окошка голову и кричу, что есть мочи; но знать мятель и вьюга была хороша, что и тогда позади стоявшій человекъ не могъ ничего услышать, но по счастью свалилась съ меня шапка и ее подхватилъ вѣтеръ и понесъ по снѣгу.

Сего не можно уже было стоящему позади не увидѣть. Онъ насылу докликался кучеру, а кучеръ форрейтеру, чтобъ остановиться. Радъ я невѣдомо какъ былъ, что остановились и не тужилъ уже ни мало о томъ, что шапка моя и снаружи и внутри обвалилась объ снѣгъ, но спрашиваю кучера туда ли мы ѣдемъ.

— «Нѣтъ... нѣтъ... не туда... не туда», ворчалъ онъ.

— Да куда-жъ? спрашиваю я.

— «Я самъ не знаю куда!»

— Да гдѣ-жъ настоящая-то дорога?

— «Вонъ... вонъ... тамъ... вонъ тамъ проѣхали... надобно бы влѣво ѣхать, но мы теперь свернемъ и поѣдемъ туда!»

Я подозвалъ стоящаго на запяткахъ, тотъ также сомнѣвался и говорилъ, чтобъ своротить.

— Да, кланяюсь я вамъ, говорилъ я имъ, нужно намъ только въ дѣликъ съѣхать, такъ мы уже и пропали, а мнѣ кажется, что мы по той ѣдемъ.

Какъ и въ самомъ дѣлѣ я имѣлъ причину заключать, что мы ѣдемъ гдѣ надобно, но-первыхъ, потому, что я съ самаго начала вѣзды нашей примѣтилъ вѣтръ, откуда онъ тогда дулъ, что почитаю всегда лучшею и надежною примѣтою, и видѣлъ тогда, что онъ къ намъ съ той же стороны дулъ, какъ мы прежде ѣхали.

Во-вторыхъ, боялся я сдаваться влѣво, а хотѣлось мнѣ болѣе вправо, 'ибо по извѣстному мнѣ положенію мѣста надлежало вправѣ быть неподалеку волостной деревни Балыматовой, а влѣвѣ лежали пространныя и обширныя поля и не находилось далече никакого жила, и тамъ бы мы могли скорѣе всего запутаться.

Итакъ, несмотря на всѣ представленія пьянаго моего кучера, что мы заѣдемъ Богъ знаетъ куда, негдѣ я ѣхать тою дорогою, на которой мы находились, думая, по крайней мѣрѣ, что сія большая дорога куда-нибудь насъ приведетъ.

Итакъ, послѣ окончанія сего совѣта поскакали мы опять. Отскакавши нѣсколько, захотѣлось мнѣ спросить, что не видать ли какихъ признаковъ; но кликать, кликать, но недокличусь я никакъ своего Абрама. Уже я и голову, снявъ напередъ шапку, чтобъ опять не уронить, высовывалъ, и кричалъ, но Абрамъ мой не слышитъ.

— «Господи! что за диковинка!» и думаю я, уже тутъ ли онъ? Кличу кучера, и докликавшись, спрашиваю: «тутъ ли Абрашка?»

— «Нѣту! нѣту его! говоритъ мой Фалалеюшка кучеръ, огланувшись».

— Да гдѣ-жъ онъ дѣлся?

— «Не знаю!»

— Да что-жъ ты скачешь?

— «Инь постоять?»

— Ну, инь постой, сказалъ я тогда, не можши утерпѣть, чтобъ при всей своей досадѣ не размѣяться; и горе меня и смѣхъ принималъ.

Однако дѣло на шутку не походило. Человѣкъ пропалъ и его не видать было, и какъ я раздосадованъ ни былъ, но мнѣ жаль было его и я боялся, чтобъ онъ, пьяный, не могъ замерзнуть, и потому рѣшился—было тутъ стоять и его дожидаться. Но по счастью скоро увидѣли мы, что онъ бѣжитъ и насъ догоняетъ, но на дорогѣ то и дѣло, что стремглавъ падаетъ.

— За чѣмъ такимъ отсталъ! спрашиваю я.

— «Да рукавицу свою уронилъ».

— Да поднялъ ли ты ее? спросилъ я, увидѣвъ, что онъ одну руку грѣетъ дыханіемъ.

— «Гдѣ судырь! какъ понесло вѣтромъ, а гналъ, гналъ и не могъ догнать!»

— Да какъ-же? говорю, она пропадетъ!

— «Такъ и быть! отвѣтствовалъ онъ, гдѣ ее уже искать? далеке; я насылу и васъ, судырь, догналъ».

— Вижу я, говорилъ я, и велѣлъ ѣхать далѣе.

Не успѣли мы еще отѣхать нѣсколько, какъ опять что-то въ упряжѣ испортилось и кучеръ мой лѣзетъ опять съ возель. Я кричу, чтобъ онъ сидѣлъ, но никакъ судырь, онъ слишкомъ усерденъ, зная себѣ лѣзетъ. Но сходженіе его таково-жъ было неудачно, какъ и прежде: баробкался, баробкался, погляжу, полетѣлъ черезъ голону.

Тутъ началось новое карабканье, чтобъ встать; но не скоро-то дѣло сдѣлалось: гдѣ-то встали мы на колѣнки, гдѣ-то встали подниматься на ноги, а между тѣмъ съ молодца скочила кругленькая его шапка и ее какъ шарикъ повесло вѣтромъ въ сторону по насту.

Уже отнесло ее сажень на десять, а онъ не могъ еще собраться за нею побѣжать; насылу, насылу я его за нею

протурнулъ, и тутъ-то истинная была комедія!...

Довольно, я не могъ утерпѣть, чтобъ не хохотать и не смѣяться: Антонъ мой за шапку—шапка отъ него; онъ хочетъ ухватить—вмѣсто того чрезъ голову; куда вставеть, покуда опять за нею побѣжить, а шапку опять вѣтеръ несеть, да несеть, и она опять отъ него сажени на три удаляется.

Насылу, насылу догналъ онъ ее; но лишь только хотѣлъ ухватить, какъ опять чебурахъ, яко прославился, и истинно разъ пять онъ симъ образомъ падалъ и насылу уже какъ-то Богъ помогъ ему ее ухватить.

— «Экая злодѣйка!» мурчалъ онъ и побрелъ по снѣгу къ намъ, а я подхватилъ и сказалъ:

— Экая злодѣйка рюмка, какихъ бѣды ты намъ начудотворила; садись-ка, садись и ступай далѣе.

По счастью нашему пронесло тогда снѣжную большую тучу и небо прояснилось на нѣсколько минутъ, и мятель сколько-нибудь стала поменьше. Я говорю по счастью, потому что мы тогда увидѣли себя вблизи подлѣ деревни Баламытовой и узнали, что мы съ дороги настоящей не сблизись.

Но вскорѣ понесла опять ужасная мятель, но я уже не боялся, надѣясь, что уже не далеке до большой московской дороги, которую потерять уже было не можно, а ежеминутно только ожидалъ, что возокъ мой полетитъ на бокъ; ибо на всю дурноту дороги и ухабы несмотря мы скакали, какъ по самой хорошей.

Наконецъ доѣхали мы благополучно до московской дороги. Но тутъ было на меня опять горе: не зналъ я куда ѣхать, ибо отъ того мѣста можно было тремя дорогами домой ѣхать; но прямо не было ни слѣдинки, направо чрезъ Бузуково хорошо бы, но отъ села сего была до насъ дорожка самая малая и очень блудливая, полевая и очемъ перегальнѣ версты на три простирающемся, не могъ я безъ ужаса вспомнить.

Наконецъ пришло мнѣ въ голову, чтобъ

ѣхать совсѣмъ въ другую сторону, т.-е. влѣво и на заводы. Сюда было хотя гораздо далѣе, но по крайней мѣрѣ, думалъ я, что тамъ прудами и чрезъ заводы мы ошибиться не можемъ, а какова не мѣра, такъ можемъ гдѣ-нибудь на заводѣ и почевать.

Кучеръ мой такъ былъ умѣнь, что позабылъ куда ѣхать: на право-ли, на лѣво-ли, и безъ моего приказанія велѣлъ ѣхать налѣво.

— Умница дорогой! кричалъ я тогда: уже и того не поминишь, въ которой сторонѣ домъ? однако ступай, ступай уже туда!

Итакъ, поѣхали мы на заводъ; дорога была чрезвычайно гладка и я сидѣлъ въ возкѣ, сжавши свое сердце, ибо отъ скорой ѣзды того и смотрѣлъ, что меня опрокинуть.

Уже въ сумерки самыя глубокія приѣхали мы на Ведьмино. Тогда жалки мнѣ стали мои люди; всѣ обмерзли, какъ Эолы и для того хотѣлъ-было заѣхать на часокъ къ знакомому нѣмцу, чтобъ ихъ обогрѣть. Однако какъ показалось мнѣ, что поутихло, то раздумалъ и поѣхалъ далѣе.

Но не успѣли мы вѣхаться въ Саламыково, какъ оборвалось, такъ сказать, небо, и то-то можно было сказать, что ни зги тогда не видать было.

— Нѣтъ, вѣтъ, кричалъ я, некуда далѣе ѣхать! заѣзжай къ прикащику саламыковскому.

Итакъ, заѣхали мы грѣться. Прикащикъ мнѣ радъ, тотчасъ грѣть для меня чай и обогрѣлъ онимъ и прежде не отпустилъ, покуда не прояснилось опять и митель бить вовсе перестала.

Я невѣдомо какъ радовался тогда тому, что съ покоемъ доѣду до дома. Однако и тутъ на дорогѣ потеряли-было мы совсѣмъ и кучера своего.

Никто не видалъ въ темнотѣ, какъ онъ свалился у насъ съ возелъ и форрейтеръ знай себѣ скачетъ. Насилу, насилу докричались, чтобъ остановился и подождать, покуда придетъ наше дитятко и усядется на прежнее мѣсто.

приложеніе къ «русской старинѣ» 1871 г.

Послѣ сего доѣхали мы уже до дома благополучно, а симъ образомъ и кончился сей достопамятный вояжъ мой, въ которой, на всѣ досады несмотря, я ни однажды не сердился, ибо зная, что все сердце мое тогда не помогло бы, а только меня обезпокоило, не далъ ему волю, а смѣялся только глупости людей своихъ, отлагая наказаніе за то до слѣдующаго дня; но по благодущію моему они и отъ того избавились, а я только покричалъ, побранился и потазалъ ихъ, валяющихся у ногъ моихъ и просившихъ прощенія.

Но какъ письмо мое достигло до своихъ предѣловъ, то остановясь на семь мѣстѣ, скажу, что я есмь и прочее.

(Октяб. 29 л. 1805).

Письмо 136-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ, какъ я помянутымъ образомъ путешествовалъ, заѣзжала къ моимъ домашнимъ изъ Москвы наша Авдотья Андреевна съ матерью, и посидѣвъ немного, уѣхали домой.

Мнѣ сказывали боярыни мои, что нельзя человѣку быть болѣе въ радостяхъ, какъ была сговоренная сія тогда дѣвушка, а единственно оттого, что накупила себѣ на жениховы денежки нарядовъ болѣе нежели на полторы тысячи. Вотъ что можетъ производить въ молодыхъ людяхъ суетность и чрезмѣрная приверженность къ нарядамъ и уборамъ!

Пробыли они у насъ въ сей разъ такъ мало потому, что спѣшили приѣхать домой; ибо какъ положено было у нихъ свадьбѣ быть въ тотъ же еще масовѣдъ, а шла тогда уже пестрая недѣля и оставалось очень немного дней, то спѣшили они, чтобъ воспользоваться сколько-нибудь оними и усидѣть сдѣлать къ свадьбѣ всѣ нужныя приуготовленія.

Мы не только приглашены, но усиленно упрошены были быть на оной, и я долженъ былъ опять готовиться играть на ней знаменитѣйшую съ ихъ стороны роль. Почему на другой же день принуждены

и мы были отправиться въ Калединку, а потомъ и далѣе на свадьбу.

Я уже горевалъ, чтобъ не было опять такой же негодной погоды и не успѣлъ проснуться, какъ первое мое слово было, какова погода? сказываютъ мнѣ, что есть мятель.

— Такъ! возопилъ я: давно уже не было! и горюю, какъ ѣхать. Но по счастью стало утихать и до обѣда еще проведрилось и возстановилась прекрасная и тихая погода.

Радъ я тому невѣдомо какъ былъ и соглашался уже охотно ѣхать. И такъ, отобѣдавъ дома и сѣвъ со всѣми моими госпожами въ возокъ, поѣхали мы туда, и какъ не застали никого въ Калединкѣ, то проѣхали прямо въ домъ къ невѣстѣ въ ея Мухановку.

Тамъ нашли мы полны горницы боярынь и всѣ онѣ заняты были работою, всѣ шили и готовили приданое. Наши взяли тотчасъ въ томъ же соучастіе и за сямъ, просидѣвъ у нихъ долго, возвратились мы ночевать въ Калединку уже ночью.

На утріе не успѣли мы встать, какъ сказываютъ намъ, что женихъ пришалъ. Онъ заѣхалъ къ намъ уже отъ невѣсты для соглашенія о томъ, гдѣ быть вѣнчанью и прочему.

Условились, чтобъ вѣнчаться имъ въ ближайшемъ оттуда селѣ Березовки, чѣмъ въ особенности были довольны всѣ наши барышни, ибо чрезъ то могли и онѣ всѣ церемонію сію видѣть. И какъ свадьба положено было быть на утріе, а ввечеру сего дня надлежало отпустить въ городъ къ жениху приданое, то, проводивъ жениха и отобѣдавъ, спѣшили мы ѣхать для отпуска онаго въ Мухановку.

Но сколь удивленіе наше было велико, когда мы, приѣхавъ туда, нашли странную комедію и обѣихъ хозяекъ въ превеликой ссорѣ. Дочка не знаю что-то неугодное молвила своей матушкѣ, а матушка вспылила и на дочку оборвалась такъ совсѣмъ: мечетъ, и рветъ и проклиняетъ ее въ тартарары.

Мы всѣ стали въ пень и не знали, что

дѣлать; время было уже гораздо за полдень, надобно было еще много убирать и укладывать, а вмѣсто того хозяйки вздумали здорить и браниться. Мы говорить, чтобъ онѣ все сіе оставили и что теперь не такое время, но у хозяйшекъ нашихъ ушей вѣтъ. Одна пыхаетъ, и взадъ и впередъ ходить и дуется, а другая и въ усъ не дуетъ.

Досадно намъ сіе ужасно было всѣмъ, но пособить не знали чѣмъ. То возьмусь я, то тетка жены моей, то моя теща обѣихъ ихъ уговаривать, но онѣ никого не слушаютъ.

Наконецъ говорю я, зачѣмъ же мы пришали и что намъ дѣлать, не лучше ли подать лошадей и домой ѣхать?

Сямъ нѣсколько мы ихъ устрашили, однако не могли онѣ скоро усмириться и не ладили до тѣхъ поръ, какъ приѣхалъ братъ тетки жены моей, Василій Васильевичъ Арсеньевъ съ женою. Тогда-то, по увѣщанію моему, старуха-мать поутихла и тогда только начали убирать, укладывать и отпускать приданое, что все порядочно и произведено было въ дѣйство.

Приданое отправили мы на трехъ пучкахъ въ возкахъ и на двухъ саняхъ и уже въ самия сумерки. Сами же, посидѣвъ тутъ нѣсколько, поѣхали ночевать въ Калединку, ибо она была только версты двѣ отъ Мухановки.

На утріе 7 числа февраля, какъ въ день назначенный для свадьбы, начали мы уже съ самаго утра готовиться и собираться, и я съ г. Арсеньевымъ имѣлъ дружескій споръ о томъ, кому изъ насъ обоихъ быть отцемъ посаженнымъ у невѣсты: онъ упиралъ на меня, а мнѣ хотѣлось, чтобы онъ былъ.

И такъ, принимались мы разъ пять спорить и кончили тѣмъ, что согласились винуть жеребій или помѣриться. И такъ, досталось ему, чему я очень былъ радъ, равно какъ предчувствуя, что послѣ тѣмъ буду болѣе еще доволенъ.

Пообѣдавъ дома, поѣхали мы всѣ въ Мухановку, и тамъ товарищъ мой г. Арсеньевъ заспорилъ-было опять и не хо-

тѣмъ принять на себя комиссію быть отцемъ посаженнымъ; но какъ приступили къ нему, какъ къ старѣйшему противъ меня, о томъ всё съ просьбою и сама невѣста просила его о томъ убѣдительнообразомъ и даже со слезами, то согласился онъ наконецъ взять на себя сію роль.

Не успѣли мы сего кончить, а боярышни убратъ невѣсту, какъ передъ вечеромъ прискакалъ къ намъ алексинскій подъячій съ извѣстіемъ, что женихъ съ поѣздомъ къ церкви уже отправился и велѣлъ намъ просить, чтобъ и мы приѣхали скорѣе и невѣста подписала обыкновенный обыскъ.

Тутъ напало на насъ съ господиномъ Арсеньевымъ новое горе, по обстоятельству, что бракъ сей былъ для насъ нѣсколько сумнительнымъ; жениху случилось когда-то съ невѣстою нашею крестить и они были кумовья между собою, а потому ни одинъ попъ не отваживался вѣнчать ихъ.

Женихъ принужденъ былъ для сего ѣздить нарочно къ архіерею въ Коломну просить разрѣшенія, и архіерей по просьбѣ его хотя и дозволялъ, однако указа не далъ, а было только письмо отъ секретари консисторскаго; въ обыскѣ же было сказано глухо, что никакого родства противнаго правиламъ святыхъ отцевъ не было, и надлежало оной не только жениху и невѣстѣ подписать, но засвидѣтельствовать и всему поѣзду, слѣдовательно и намъ; но намъ сего учинить не хотѣлось, потому люди мы были посторонніе и намъ не хотѣлось ввязываться въ дѣло, которое могло возымѣть какія-нибудь послѣдствія. Итакъ, согласились мы упорствовать до самой крайности и подписаться развѣ тогда, какъ будетъ требовать того уже самая необходимость.

Изготовившись совсѣмъ, поѣхали мы всё къ церкви, которая была ихъ приходская, и приѣхали къ ней почти уже ночью. Женихъ съ поѣздомъ своимъ насъ тутъ давно уже дождался, а сіе и послужило очень много въ нашу пользу, ибо за позднимъ временемъ шумѣть и спорить было

некогда и мы нашли попа уже въ облаченіи, который при насъ тотчасъ и вышелъ и началъ свое священнодѣйствіе.

Намъ сказывали, что попъ сей хотѣлъ было дать тягу и то-то бы удивилъ, если-бы сіе сдѣлалъ, ибо свадьба бы тѣмъ разорвалась, или принуждено-бы было отложить ее до Троиной недѣли.

Онъ, сочтя время, что свадьба скоро будетъ и предъ самымъ тѣмъ сѣлъ въ сани и куда-то поскакалъ уже, но по счастью попался въ глаза женихову поѣзду. Воевода алексинскій, бывшій тутъ предводителемъ, тотчасъ его остановилъ и, посадивъ къ нему на сани своего человѣка, привезъ къ церкви, и не знаю уже, какъ-то они его уговорили, чтобъ обвѣнчалъ, но какъ бы то ни было, но при насъ никакого спора не было и мы очень рады и довольны были тѣмъ, что избавились отъ подписки.

Церковь и весь погостъ набить былъ зрителями. Село сіе было монастырское и думать надобно, что въ церквѣ у нихъ никогда еще такой свадьбы не бывало, почему и собрался весь народъ для смотрѣнія сей церемоніи; а не мало было и дворянства въ церквѣ.

Съ жениховой стороны былъ помянутый воевода Тиличевъ и съ нимъ еще господа: Корсаковъ, Селиверстовъ, Безсоновъ и еще нѣкоторые; а съ нашей мы съ г. Арсеньевымъ и множество боярынь, отчасти бывшихъ въ поѣздѣ и провожавшихъ невѣсту, отчасти приѣхавшихъ смотрѣть, ибо какъ разстояніе было не велико отъ Мухановки и Калединки, то ѣздили къ церквѣ смотрѣть и всѣ дѣвушки и дѣвицы. Однимъ словомъ, свадьба была великолѣпная.

Ночь уже совершенная наступила, какъ окончилось вѣнчанье и для того зажжены были факалы и поѣхали съ оными.

Ѣхать намъ до Алексина верстъ 15 или болѣе, и мы принуждены были ѣздомъ своею нѣсколько поспѣшать, чтобъ не опоздать слишкомъ.

Мы увидѣли городъ Алексинъ за нѣсколько верстъ; зарево отъ зажженныхъ огней, которыми онъ освѣщенъ былъ, вид-

но было уже издалека. Чѣмъ ближе мы подѣзжали, тѣмъ свѣтлѣе было намъ ѣхать и я признаюсь, что любовался симъ родомъ необыточной иллюминаціи, состоящей въ единомъ зажиганіи разстановленныхъ по дорогѣ смоляныхъ бочекъ.

Домъ жениховъ можно было почесть наилучшимъ во всемъ этомъ недавно выгорѣвшемъ городѣ и насъ встрѣтили съ волторнами.

Мы нашли уже тутъ, по обыкновенію, все въ готовности и сѣли тотчасъ за столъ. Принималъ молодыхъ нѣкто бригадиръ Веригинъ, который, будучи у жениха отцемъ посаженнымъ, и игралъ при столѣ первую роль при обыкновенныхъ свадебныхъ обрядахъ.

Отужинавши, пошли мы, по обыкновенію, за сахары, и тутъ, выпивъ по чашкѣ кофею, распрощались съ невѣстою и боярыни увели ее отъ насъ; а вскорѣ послѣ того, проводивъ туда и жениха и пожелавъ ему счастливой ночи, поѣхали мы тотчасъ прочь.

Для ночеванія назначена была намъ заблаговременно квартира въ домѣ городского офицера, Золотова, и хотя ѣхать до него было очень недалеко, однако мы всѣ въ прахъ настращались.

Провлѣтая рѣчка и ужасно крутая вершина Мордовка, которую намъ переѣзжать надлежало, была тому причиною. Съѣздъ былъ очень дурень, къ тому-жъ дорога такъ осыпалась, что людямъ держать возки никакъ было не можно и повозки катились, какъ некованныя.

Къ вѣщему несчастью дорога была вѣса къ буераку и потому возки наши чуть-было не извалились въ самую пропасть и мы всѣ впрахъ перекричались. Совсѣмъ тѣмъ переправились мы благополучно и, приѣхавъ къ Золотову, расположились тутъ ночевать, нашедъ тутъ уже и мать невѣстину, приѣхавшую послѣ насъ изъ Мухановки.

Сколь порядочное было свадьбы нашей начало, столь напротивъ того окончаніе оной соединено было съ нѣкоторыми зашутливостями. Во весь последующій день все какъ-то у насъ не ладилось. По

утру приѣзжалъ къ намъ, по обыкновенію, молодой благодарить тещу и звать всѣхъ насъ къ себѣ обѣдать.

Мы, дождавшись перваго часа, и поѣхали себѣ благополучно, но крайне удивились, не найдѣвъ въ домѣ у молодыхъ никого съ жениховой стороны.

Жена товарища моего, г. Арсеньева, будучи боярынею умною, но въ такихъ случаяхъ очень щекотливою и съ нарвою и игравшая роль матери посаженной, сочла то великою обидою и презрѣніемъ ее и всей нашей стороны.

Но подлинною причиною было то, что госпожа бригадирша Веригина, какъ знаменитѣйшая съ жениховой стороны дама, изволила занемочь и не хотѣла на княжой пиръ ѣхать; а для ей не поѣхалъ и ея супругъ, а для сего не ѣхалъ и воевода, и какъ чрезъ то весь свадебный пиръ разстроивался, то молодой принужденъ былъ ѣхать еще къ нимъ и упрашивать убѣдительно, и насилу уговорилъ. Они приѣхали всѣ, кромѣ одной бригадирши.

Г-жа Арсеньева не могла утерпѣть, чтобъ не изъяснить чувствительности своей женѣ воеводской, какъ второй дамѣ, но тѣмъ дѣла не поправила, а подала поводъ къ дальнѣйшимъ дамскимъ сплетнямъ и къ тому, что и воеводша дѣлала ей нѣкоторые выговоры.

Совсѣмъ тѣмъ обѣдъ происходилъ порядочно, но послѣ обѣда бригадиръ ушелъ отъ насъ, ни съ кѣмъ не простившись, а за нимъ принужденъ былъ ѣхать и воевода.

Однако сей опять возвратился и переѣзжалъ во весь день взадъ и впередъ, то домой, то опять къ намъ и такъ было во весь день какъ-то не очень весело, и мы затѣвали сами скоро послѣ того ѣхать и велѣли уже подавать лошадей. Но молодые и воевода упросили насъ остаться ночевать и мы хотя долго отговаривались, но наконецъ согласились, а не успѣли мы остаться, какъ и начались у насъ танцы.

Случившійся тутъ какой-то капельмейстеръ игралъ на скрипкѣ, и мы съ воеводшею и прочими танцевали, и протан-

цвали часу до десятаго. Однако я танцовалъ не гораздо много по причинѣ, что отвлекало меня нѣчто другое и любопытнѣйшее.

Я нашелъ тутъ одного офицера, приѣхавшаго только-что изъ главной арміи въ отставку, и я съ нимъ наиболѣе занимался и говорилъ объ арміи и военныхъ тогдашнихъ происшествіяхъ и обстоятельствахъ.

Напослѣдокъ имѣла наша сторона опять нѣкоторое неудовольствіе. Воевода не сталъ тутъ ужинать, но поѣхалъ домой для больной своей тетки, госпожи бригадириши, а съ нимъ и всѣ гости.

Итакъ, остались мы почти одни, отужинали почти запросто и, переночевавъ въ домѣ у молодыхъ, на другой день рано-хонько возвратились во-своиы.

Симъ образомъ кончили мы сіе дѣло и сыграли тогда свадьбку. Возвратясь же въ Калединку и поѣздивъ кое-гдѣ тутъ по гостямъ, въ среду возвратились въ свой домъ и успѣли захватить еще кончикъ масляницы и препроводили достальную часть оной съ друзьями и сосѣдами своими очень весело.

Что касается до нашихъ новобрачныхъ, то жили они довольно хорошо и Авдотья наша Андреевна благопріятствовала намъ и по замужествѣ также, какъ и прежде, и намъ не одинъ разъ случалось бывать у нихъ въ домѣ и ея, какъ уже хозяйкою, быть угощаемыми.

Но жизнь мужа ея, которому пособила она попростатъ свои сундуки и карманы, недолго продолжилась. Чрезъ немногіе годы послѣ того онъ, по дряхлости своей, кончилъ жизнь, а жена его, слюбившись съ нѣкакимъ г. Перхуровымъ, вышла за онаго замужъ; но симъ вторымъ супружествомъ была не очень счастлива.

Наконецъ, какъ мужъ ея былъ племянникомъ г. Кашкину, то это время, когда былъ сей тульскимъ намѣстникомъ, случилось и ей въ Туль играть знаменитую роль, и мы сами пользовались при семъ случаѣ ея благопріятствомъ и дружбою. Но по смерти г. Кашкина лишилась скоро она и своего второго мужа и сдѣла-

лась опять свободною, живеть и понынѣ въ своей Мухановкѣ бездѣтною вдовою.

Возвращаясь теперь къ повѣсти моей скажу, что весь послѣдующій за симъ великій постъ и достальную часть нашей зимы провели мы нарочито хорошо и благополучно, и важныхъ происшествій съ нами почти никакихъ не было.

По обыкновенію своему всѣ мы въ первую недѣлю говѣли, а потомъ начались у насъ опять кое-куда разъѣзды и съ друзьями и пріятелями нашими свиданія. Изъ сихъ въ особенности достопамятно было свиданіе съ живущимъ въ Федешовѣ генераломъ Иваномъ Алистарховичемъ Кислинскимъ.

Сей человекъ знакомъ былъ мнѣ отчасти еще по Пруссіи, гдѣ онъ въ Мемелѣ былъ комендантомъ, а какъ онъ жилъ въ сосѣдствѣ съ г. Крюковымъ и сестрою тетки жены моей, то не рѣдко случай доводилъ видать намъ жену его съ дочерьми въ семь домѣ, у которыхъ всегдашней ласкою, оказываемою къ моей тещѣ и женѣ, были мы всегда довольны.

Но совсѣмъ тѣмъ до сего времени не было у насъ съ его домомъ короткаго знакомства, а въ сей разъ случившаяся небольшая намъ до него нуждница побудила насъ къ нему ѣхать и подала поводъ къ сведенію съ нимъ ближайшаго знакомства.

Нуждница помянутая была особаго рода: въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ у него была у насъ жены моей деревенька, общая съ разными другими помѣщиками и въ ней купленное у одной госпожи давно, и прежде еще женитбы моей одно усадьбное мѣсто, но не получено было на нее порядочной купчей, а было только свое-ручное письмо.

А какъ помянутому господину Кислинскому случилось незадолго до того купить у оной госпожи всю ея часть, то опасались мы, чтобъ не вышло у насъ съ нимъ о помянутой усадьбной землѣ, на которой сидѣлъ у насъ уже крестьянскій дворъ, какихъ-нибудь непріятностей, и мы всѣ очень тѣмъ озабочивались и рѣшились съѣздить къ нему и, признав-

шись откровенно въ немѣннн еще купчей, поговорить съ нимъ о семъ смутномъ обстоятельствѣ.

1. Кислинскій принялъ насъ очень ласково и олагоприятно, и поступилъ въ разсужденіи онаго дѣла такъ, какъ только можно было требовать отъ умнаго, честнаго и добраго человѣка, и уничтожилъ все наше сомнѣніе искреннимъ увѣреніемъ насъ, что онъ никакой претензіи на насъ имѣть не будетъ и обезпечилъ насъ съ сей стороны совершенно, чѣмъ мы очень были довольны.

И съ сего времени началось у насъ съ его домоу ближайшее и то знакомство, которое послѣ обратилось не только въ дружество, но и родство самое, какъ о томъ упоминаю я въ свое время.

Впрочемъ, съ началомъ великаго поста проводили мы ближайшаго нашего сосѣда и меньшаго нашего двоюроднаго брата опять на службу въ Петербургъ, и онъ поѣхалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ ему итти въ выпускъ, чего однако мы ему не совѣтовали.

Такимъ же образомъ поѣхалъ-было въ Петербургъ и другой нашъ сосѣдъ, Матвѣй Никитичъ, но, доѣхавъ до Москвы, раздумалъ и возвратился назадъ.

Между тѣмъ во все праздное время не преставаля я продолжать заниматься литературою, и какъ къ писанію сдѣлалъ я уже привычку и часъ отъ часу находилъ въ томъ болѣе удовольствія, то и въ сіе время многіе дни и часы употребилъ на сіе упражненіе.

Я переписалъ и отослалъ въ Петербургъ шестое свое экономическое сочиненіе «О картофелѣ и дѣланіи изъ него муки», продолжалъ сочинять «Наказъ управителю», собралъ и умножилъ знатнымъ числомъ нѣкоторыя сочиненныя до того правоучительныя правила и составилъ изъ нихъ особую книжку, а другую подъ именемъ «Театра куріозностей» составилъ изъ разныхъ записокъ о всякихъ извѣстныхъ мнѣ хитростяхъ и любопытныхъ вещицахъ, и старался всѣмъ тѣмъ укомодлять мою бібліотеку и довести ее

до 700 книгъ, въ которое число недоставало только немногихъ.

Впрочемъ достопамятно, что около сего времени получилъ я первоначальную мысль о написаніи систематической книги «О благополучіи человѣческой жизни», отъ которой мысли впоследствии времени и имѣлъ мой «Путеводитель» свое происхожденіе.

Съ другой стороны занимался я цѣточными произрастеніями. Охота моя до нихъ увеличивалась съ каждымъ годомъ, и какъ многіе изъ нихъ содержались у меня въ зимнее время въ горшкахъ и нѣкоторыя были мнѣ не коротко еще извѣстны, то доставляли и онѣ мнѣ не одну пріятную минуту, а особливо при своемъ разцвѣтаніи, котораго иногда дождался я съ великою нетерпѣливостію и получалъ при томъ удовольствіе превеликое.

Но не прошелъ постъ сей и безъ нѣкоторыхъ непріятностей. Съ одной стороны напугала-было насъ моя теща, заведомши вдругъ весьма сильно и такъ, что мы даже боялись, чтобъ ее не лишиться; но по счастью продолжалось сіе недолго, и мы успѣли помочь ей кровопусканіемъ и разными другими средствами.

Съ другой стороны досгалось и мнѣ на свой паѣ помучиться нѣсколько дней сряду наижесточайшею зубною болѣзнію.

Болѣзни сей подверженъ я былъ издавна и почти съ самаго малолѣтства и рѣдкій годъ проходилъ, чтобъ она меня не постыгла, но въ сей разъ она прямо, такъ сказать, вздурилась.

Всѣ употребляемыя до того и мнѣ извѣстныя средства не хотѣли помогать нимало и я не зная, наконецъ, что съ ними дѣлать и находясь отъ нестерпимой боли въ самой крайности, согласился на совѣтъ, чтобъ послать на Ченцовскій заводъ къ одной старухѣ, о которой меня давно уже увѣрили, что она лечитъ зубную болѣзнь отменно хорошо; но она удивила меня, сказавъ посланному, что для леченія надобно ей видѣть мѣсяцъ, а какъ тогда было туманно, то говорила она, что надобно мнѣ будетъ помучиться

еще дни два, покуда прояснится и небо будетъ чисто.

Признаюсь, что такого рода леченія я до того еще и не слыхивалъ, а особливо дивился тому, что она хотѣла лечить меня заочно; но по счастью, сдѣлавшаяся въ щеку опухоль и прорвавшійся на деснахъ нарывъ, пресѣкъ на сей разъ мое страданіе.

Наконѣцъ съ приближающимся окончаніемъ поста приближалось уже и окончаніе нашей зимы, бывшей въ сей годъ очень дурною и непостоянною.

Уже начиналися мало по малу тали отъ пригрѣванія солнца и появлялися первые герольды и перевозчистники весны, то-есть вѣшнія птицы.

И какъ для меня время сіе наипріятнѣйшее во всемъ годѣ и я чувствую всегда отбѣнную при томъ пріятность, то и въ сей годъ не упустилъ я воспользоваться тѣми пріятными и восхитительными для меня минутами, какія можетъ доставлять намъ то блаженное искусство любоваться красотами и пріятностями нагуры, которому научился я уже такъ давно и въ бытность свою еще въ Пруссіи и которому обязанъ я безчисленными пріятными минутами въ жизни.

Итакъ, какъ скоро только можно было выходить въ садъ и на прекрасной горѣ моей посѣщать всѣ обнажающіеся отъ снѣга холмики и бугорки, какъ сиѣшилъ я уже на оныя, привѣтствовалъ ихъ всѣми ласками, разговаривалъ мысленно и изустно съ приближающеюся и наступающею уже весною, воображалъ себѣ всѣ будущія ея разнообразныя прелести и утѣшался ими мысленно и душевно такъ, какъ бы уже существующими уже дѣйствительно, и продолжалъ утѣшать себя сими невинными увеселеніями почти ежедневно.

Когда же наступила у насъ половодъ, бывшая въ сей годъ у насъ въ послѣдній день мѣсяца марта, то утѣшеніемъ мнимъ конца не было. Я по нѣскольку разъ въ день выбѣгалъ на ребро прекрасной горы своей любоваться милою и любезною своею Сквигою рѣкою.

Ни въ которое время въ году не бываетъ она такъ хороша и зрѣнія достойна, какъ въ сіе половодное, а особливо когда случится быть половоди большой и дружной и такой, кака была у насъ въ сей годъ.

Превеликое разлитіе водъ ея и получаніе вида рѣки большой и быстрой; сплываніе разнообразныхъ и гдѣ большихъ, гдѣ малыхъ икръ, или льдинъ ея; спираніе оныхъ на мѣстахъ мелкихъ и узкихъ; страшный шумъ, дѣлаемый продирающеюся сквозь оныя водою; составляющіеся чрезъ то огромныя заводи и пруды, и наки вдругъ уничтожающіеся отъ прорванія ледяного оплота; быстрое несеніе сихъ икръ внизъ по прорвавшейся водѣ; бѣганіе ребятишекъ по берегамъ вслѣдъ оныхъ и произносящихъ радостныя восклицанія; ловленіе другими и старѣйшими людьми рыбы; радость и всеобщая суета прибрежныхъ жителей, видимая съ горы... представляли для глазъ такіе предметы, которымъ довольно налюбоваться, а особливо въ красный и ясный день невозможно. Въ сіе время одни брызги, производимыя продирающеюся сквозь стѣснившіяся икры водою, представляютъ уже преузорочное для глазъ зрѣлище!

Какъ съ сею половодью окончился у насъ и великій постъ и наступила у насъ и весна и святая недѣля, то предоставивъ дальнѣйшее повѣствованіе о томъ, какъ мы ее проводили, письму будущему, теперечнее симъ кончу, сказавъ намъ, что я емь и прочая.

(Октяб. 30 дня 1805).

Письмо 137-е.

Любезный пріятель! День пасхи праздновали мы по старинному обыновенію и такъ, какъ праздновали его наши предки.

Продолжавшаяся еще половодъ и сдѣлавшаяся отъ сошедшаго уже совѣмъ снѣга повсемѣтная ростополь, сколь многіе ни предполагала намъ препоны

къ ѣздѣ къ своей приходской церкви, однако мы всё оны не уваживъ, и хотя съ превеликимъ трудомъ и кое-какъ и кое на чемъ, поѣхали наканунѣ еще сего дня въ село наше, и переѣхавъ по сдѣланной на скорую руку на Гвоздевкѣ гати, доѣхали еще туда засвѣтло и, по старинному обыкновенію, ночевавъ, хоть и съ безпокойствомъ, въ домѣ у попа, отслушали заутреню виѣстѣ со всѣмъ народомъ, а потомъ и обѣдню; но отъ церкви переѣзжали уже рѣку въ деревнѣ, хотя вода была такъ еще глубока, что доставала по самымъ дроги нашей коляски.

Отобѣдавъ съ одними попами и отдохнувъ, провели мы день сей хотя одни, ибо никто изъ деревенскихъ сосѣдей къ намъ не приѣхалъ, но довольно весело. Сперва услылись-было мы со всею семьею играть въ кадриль, но прекраснѣйшая погода выгнала насъ скоро изъ хоромъ. День случился тогда самый ясный и погода теплая и самая вешная. Снѣгу почти нигдѣ было уже не видно и одни только вершины кой-гдѣ бѣлѣлись. Напротивъ того натура хотя и не начинала еще облекаться въ зеленую свою одежду и весна господствовала только въ комнатахъ; однако, несмотря на то, всё мѣста представлялись уже очамъ въ иномъ и пріятнѣйшемъ видѣ.

Поля, имѣющія сокрытую въ нѣдрахъ своихъ всю надежду земледѣльца, являли остатки прежней зелени своей и веселили сердце поселянина. Они, взирая на оныя, радовались духомъ видя, по своему нарѣчію, «корешекъ довольно надежный.»

Любитель садовъ имѣлъ и могъ уже находить тысячи предметовъ, ему увеселеніе доставляющихъ. Сіе я довольно испыталъ собственною своею опытностью.

Какъ еще ни грязно было въ садахъ, но я не могъ утерпѣть, чтобъ всё ихъ не обгаты и не посѣтить всё любимѣйшія мѣста въ нихъ. Они едва освободились только тогда отъ зимняго своего бѣлаго покрывала и всё, такъ сказать, непрерывъ другъ предъ другомъ призывали меня къ себѣ и требовали, чтобъ я каж-

дое изъ нихъ посѣтилъ, и осмотрѣлъ всё-ли онѣ цѣлы, всё-ль здоровы и все ли благополучно перенесли всю минувшую суровость зимы жестокой.

Индѣ встрѣчали собою зрѣніе мое яблони и груши, и веселили уже нѣкоторыми признаками будущаго ихъ въ сей годъ изобилія цвѣта, а можетъ быть и плодовъ самыхъ. Въ другомъ мѣстѣ долженъ я былъ пробираться къ градкамъ, имѣющимъ въ себѣ что-нибудь сокрытое. Я неселился, находя ихъ въ добромъ и надежномъ состояніи.

Одни только гвоздички, сіи нѣжныя и чужеземныя произрастенія, представились мнѣ въ несчастномъ видѣ. Хищныя земляныя звѣрки похитили у нихъ всё ихъ листья и повредили такъ, что они отъ того погибнуть были должны.

Напротивъ того тюльпанныя градочки и мѣста увеселяли собою и духъ и зрѣніе мое. Сіи раннія и прекрасныя произрастенія, несмотря на всю еще суровость тогдашняго воздуха и не взирая на то, что никакая еще травка не начинала оживать, стремились уже вонъ, равно какъ изъявляя свое мужество и презрѣніе всей будущей еще стужи и морозовъ.

Всѣ они выгъзали уже тогда изъ земли, сокрывающей въ нѣдрахъ своихъ луковичи ихъ и коренья, и свернувшись еще листочками своими, либо желтѣлись, либо краснѣлись.

Я не могъ смотрѣть на нихъ безъ удовольствія особливаго и обойтись безъ того, чтобъ ихъ, по обыкновенію своему, не приласкать и съ новымъ появленіемъ на свѣтъ не привѣтствовать.

Въ другихъ мѣстахъ призвали меня къ себѣ розены и грѣцкіе орѣхи. Стараніе садовника раскутало ихъ отъ духоты, и свободило отъ зимняго покрывала и защиты. Казалось, что всё они веселились, начиная дышать опять свободнымъ воздухомъ на просторѣ.

Индѣ звала меня къ себѣ скороспѣшая сиринга, для утѣшенія зрѣнія моего своими раздувающимися уже почками, а въ другомъ мѣстѣ прекрасные пер-

венцы весны и цвѣтущія уже ягоды очаровывали собою мое зрѣніе и заставляли веселиться. Однимъ словомъ, все уже начинало власно какъ помышлять о будущемъ своемъ великолѣпнн и все производило любителю натуры садовъ и уединенія пріятное увеселеніе.

Съ другой стороны, по случаю тогдашняго праздника весь народъ казался погруженнымъ въ нѣкоторой особой и невинной родъ веселія и удовольствія.

Тамъ виденъ былъ старецъ, вышедшій изъ своей хижины, въ которой препроводилъ онъ всю зиму, какъ въ заточеніи, бояся показаться на стужу. Онъ стоялъ опершись на костыль свой и глоталъ свѣжій и пріятный воздухъ въ себя и имъ власно какъ оживотворялся.

Индѣ играла молодость между собою и невинными утѣхами забавлялась. Повсюду видимы были небольшія кучки и круговенки и малыхъ и взрослыхъ, катающихъ яйцы или біющіяся ими. Самые такіе, которые пережили уже большую половину вѣка своего и приближались уже къ старости, дѣлали сообщество съ ними и занимались съ малолѣтними дѣломъ, которое не инымъ чѣмъ, какъ невинною игрушкою почестъ можно.

У меня предъ окнами была цѣлая толпа сихъ веселящихся. Я велѣлъ для лучшаго увеселенія ихъ сдѣлать имъ особливаго рода лунку, чѣмъ они крайне были довольны.

Самыя боярыни наши не могли усидѣть въ сей день въ хоромахъ, но вышли и въ первый еще разъ посѣтили сады мои, или мѣста въ нихъ обсохшія.

Бесѣдка моя на горѣ начинала уже быть обитаемою и лишаться пустоты своей, а ввечеру принуждены мы были коекакъ сдѣлать для нихъ проходъ къ круглымъ монимъ качелямъ въ саду, и мы съ ними обновили сіе дѣло, покачавшись на оныхъ.

Съ сего-же дня начали мы и ужинать не при наемномъ свѣтѣ, но еще засвѣтло. Казалось, что и сіе сопряжено было съ нѣкакимъ особымъ удовольствіемъ.

Симъ образомъ провели мы сей первый

день святой недѣли хотя одни и безъ гостей, но довольно весело; изъ прочихъ же дней не было ни одного, въ которой бы не было кого у насъ или мы у кого; и когда за распутицею не можно еще было никуда вдаль ѣздить, то переходили и переѣзжали мы изъ дома въ домъ своей деревни и употребляли всѣ роды забавъ для удовольствія и увеселенія своего.

Во вторникъ были у насъ, по старинному обыкновенію, образа и весь дворъ наполненъ былъ народомъ, ибо тогда еще обыкновеніе, что съ образами хаживали не по утрамъ однимъ, а во весь день и образа даже почевывали внѣ церкви и гдѣ случится, и народа всегда слѣдовала превеликая толпа за оными; и какъ они въ господскихъ домахъ долго и по цѣлому дню пробывали, то гостей угощенія всѣхъ сихъ годичныхъ гостей, производимы были на дворахъ разныя игры и въ разныхъ мѣстахъ катанія яйцъ. И день таковой обыкновенно бывалъ очень веселъ.

Въсереду же были они у моего брата Михаила Матвѣевича и всѣхъ насъ угощалъ онъ у себя, а въ четвергъ происходило все сіе у Матвѣя Никитича, и мы всѣ были у него и также веселились; а въ пятницу ѣздили мы съ братомъ въ Сенино, къ Александру Ивановичу Ладженскому, верхами, ибо ни на чемъ иномъ ѣздить было еще не можно и вода такъ была еще велика, что мы съ трудомъ и верхами переѣзжали; а оттуда прѣводилъ онъ насъ до нашей деревни и у насъ во всѣхъ домахъ дни два пропраздновалъ; а симъ образомъ нечувствительно и съ удовольствіемъ и провели мы всю сію недѣлю.

Между тѣмъ, какъ мы симъ образомъ время свое въ праздности и однихъ увеселеніяхъ и забавахъ препровождали, натура была не такова нерадива, но, дѣйствуя и работая каждую минуту, въ многіе сіи дни произвела великую во всемъ перемену.

Вся земля не только уже обсохла, но начинала уже и одѣваться зеленью, во

всѣхъ произрастеніяхъ начиналъ уже сильно дѣйствовать сокъ.

Многія изъ нихъ готовились уже распусться и одѣвать себя листомъ, и какъ сіе время было высочайшее и наудобнѣйшее для вешней садки въ садахъ, то по увеличивающейся съ каждымъ годомъ охотѣ моей къ садамъ, горѣлъ я уже нетерпѣливостью и вождедѣніемъ, чтобъ скорѣй прошли гуляющіе дни и можно было приняться за вешнія работы и не унустить сего нужнаго, но весьма краткаго періода времени тщетно.

И потому не успѣла пройти и кончиться святая недѣля, какъ и принялся я за мои сады и какъ за чищеніе, охолованіе и прибираніе всего въ нихъ, такъ и за посадку въ нихъ разныхъ деревъ и кустарниковъ, и занимался тѣмъ не только ежедневно, но почти всякій часъ и съ такою ревностью, что не желалъ уже, чтобъ въ сіе время кто-нибудь ко мнѣ приѣзжалъ и отрывалъ меня отъ работъ сихъ, почему ни въ которое время такъ мало ни бывалъ я радъ онимъ, какъ въ сіе; а того досаднѣе были мнѣ случающіяся иногда въ такія времена необходимыя отлучки отъ дома и разъѣзды по гостямъ.

Въ сихъ упражненіяхъ и непрерывныхъ почти садовыхъ работахъ препроводилъ я всю Фомину недѣлю и не отлучался почти никуда отъ дома, а отвязывая напрямки всѣмъ подзывавшимъ меня къ себѣ.

Сіе случилось въ особенности съ кумомъ моимъ г. Ладыженскимъ; сему вздумалось прислать звать меня къ себѣ въ понедѣльникъ еще обѣдать. Присланный нашелъ меня въ саду и только-что разработавшаго и не успѣлъ мнѣ посольства своего проговорить, какъ, захохотавъ, возопилъ я:

— Статшное-ли это дѣло, братецъ! Такое ли теперь время, чтобъ разъѣзжать? гуляютъ теперь одни только лежебоки и тунеядцы, а экономалъ теперь на муну отлучаться некогда. Поклонись, братецъ, Александру Ивановичу и скажи, что ей-ей-де, батюшка, мнѣ не возможно и недосугъ, да ты и самъ, мой другъ, видишь,

что я по самую шею занятъ дѣлами и я ни для кого теперь не отлучусь отъ дома.

А симъ образомъ отбоаривалъ я нерѣдко безъ дальнихъ церемоніаловъ и другихъ; но никто мнѣ такъ досадеи не бывалъ, какъ наши госпожи боярыни, когда случалось, что онѣ въ нужныя такія времена подзывали куда-нибудь ѣхать въ гости, и когда не доставало способовъ отклонить чѣмъ-нибудь таковыя ѣзды и неблагоприятныя отлучки, а принуждено противъ хотѣнія и для сдѣланія имъ единственно удовольствія, бросая и покидая все, съ ними ѣхать.

Въ субботу или въ послѣдній день сей недѣли, между прочими дѣлами, имѣлъ я удовольствіе обновить въ первый разъ новопостроенную въ саду у меня и самую ту осмиугольную бесѣдку, которая и понынѣ еще, хотя уже на другомъ мѣстѣ, существуетъ.

Она посѣла около сего времени со-всѣмъ, и обновленіе маленькаго сего увеселительнаго храма состояло въ уединенномъ чтеніи въ ней «Платоновой богословіи», которая книга мнѣ въ особенности тогда полюбилась; вкупѣ съ симъ соединилъ я и увеселеніе себя тогдашними красотоми природы, которая часть отъ часу становилась уже прелестнѣе.

Пріятности весны умножались уже съ каждымъ часомъ, все начинало уже тогда развертываться. Смородина была уже зеленехонька, въ цвѣтникахъ цвѣли уже самыя ранніе луковочныя цвѣты, звѣзды; они цвѣли у меня еще въ первый разъ и я никогда ихъ до того не видывалъ, и какая была для меня радость, когда я ихъ нечаянно цвѣтушіе увидѣлъ.

Прекрасныя маленькіе голубые гяцинтики, цвѣтки весьма любимыя мною, готовы были также къ разцвѣтанію и вмѣстѣ съ прочими, также выдѣзающими изъ земли цвѣточными произрастеніями, меня увеселяли; а погода случилась тогда такая хорошая и пріятная, что я въ сей день по нѣскольку разъ посѣщалъ каждое мѣсто и не могъ пріятнымъ вешнимъ

воздухомъ довольно надышаться и пре-проводилъ весь сей день на воздухъ.

Но въ послѣдующій за симъ день на-противъ того занять я былъ совсѣмъ дру-гого рода и важнѣйшими суетами. Поло-жено было у насъ, чтобъ въ сей день, по приглашенію тѣтки жены моей, ѣхать въ Калединку, но вдругъ получаемъ мы из-вѣстіе, что будетъ къ намъ къ вечеру г-нъ Половскій.

Сіе насъ остановило, а не успѣли мы, съѣздивши къ обѣдѣ, отобѣдать, какъ сказываютъ намъ, что ѣдетъ карета. Мы не сомнѣвались, что былъ то г-нъ По-ловскій, однако въ томъ обманулись. Это были наши алексинскіе молодые, приѣ-хавшіе къ намъ съ свадебнымъ визитомъ.

Гостей сихъ мы давно уже дожидались и они насилу, насилу собрались къ намъ приѣхать. Они обрадовали насъ своимъ приѣздомъ, но вкупѣ навлекли и хлопоты; ибо какъ они еще не обѣдали, то при-нуждены мы были суетиться о томъ, чтобъ ихъ скорѣе накормить.

Они сказывали намъ, что вмѣстѣ съ ними хотѣлъ-было къ намъ бытъ и алек-синскій воеводскій товарищъ, г-нъ Солн-цевъ, человекъ мнѣ совсѣмъ незнакомый, но о которомъ сказывали они мнѣ, что онъ, наслышавшись много обо мнѣ и читая сочиненія моего книги, неска-занное желаніе имѣеть со мною позна-комиться и просилъ ихъ, чтобъ они меня съ нимъ познакомили.

Признаюсь, что сіе пріятно было мнѣ слышать, ибо сіе щекотило нѣкоторымъ образомъ мое самолюбіе и я таковому гостю очень бы былъ радъ.

По накормленіи моихъ гостей и поси-дѣвъ съ ними, повель-было я г-на Фе-рапонтова въ свой садъ для показанія ему всѣхъ достопамятностей въ ономъ; но не успѣли мы съ нимъ въ садъ вой-тить, какъ гляжу ѣхать ко мнѣ отъ сосѣда моего Матвѣя Никитича слуга его Самойла.

— Что такое и зачѣмъ? спросилъ я.

— «Матвѣй-де Никитичъ приказалъ кланяться и донести вамъ о своей радо-сти, что Богъ даровалъ ему сына».

— Слава, слава Богу! возопилъ, обра-дуясь, сіе услышавъ. Вотъ новая отрасль маленькой нашей фамиліи; радуясь ду-шевно и дай Богъ ему вырости великимъ. Но какъ, братецъ, его назвали?

— «Не знаю, отвѣтствуетъ мнѣ слуга: но дитя очень худъ и приказали насъ просить, чтобъ пожаловали какъ можно скорѣе для принятія его отъ купели, по-слали уже и за попомъ давно».

Сіе привело меня въ превеликое не-строеніе; не хотѣлось мнѣ оставить и просьбы родственника сего втунѣ и тѣмъ паче, что хотѣлось мнѣ его тѣмъ обязать и одолжить, но нельзя было и гостя не-бывалаго оставить. Но что дѣлать, думаю я, что на меня не прогнѣвается, а это нужда законная. Итакъ, говорю слугѣ, что буду, а прибѣжалъ бы онъ мнѣ ска-зать, какъ попъ придетъ.

Не успѣвъ я его отпустить и продол-жалъ еще беспокоиться о томъ мыслями, какъ приходятъ ко мнѣ въ садъ обонхъ братьевъ моихъ старосты, требовать ре-золюцію о наемной ихъ землѣ съ нѣс-колькими человекѣми наемщиковъ.

Я, занять будучи инымъ дѣломъ, го-ворю имъ, что мнѣ теперь не время съ ними хлопотать и чтобъ шли они къ Ми-хайлу Матвѣевичу.

— «Мы были уже у него, отвѣтствовали они мнѣ: но братецъ занемогъ и очень боленъ и прислалъ насъ къ вамъ».

— Вотъ еще новость! воскликнулъ я, давно-ли онъ занемогъ?

— «Со вчерашняго дня, и боленъ очень».

Что было тогда дѣлать, принужденъ былъ прохлопотать и съ ними нѣсколько времени; но едва только я кончилъ сіе дѣло, какъ прибѣгаетъ безъ души опять Самойла и говорить, чтобъ я пожало-валъ скорѣе, что попъ уже пришелъ и дитя очень худъ.

Что тогда оставалось дѣлать? я принуж-денъ былъ просить гостя своего, чтобъ на мнѣ не взыскалъ, что я на короткое время отлучуся, и какъ онъ самъ меня къ тому побуждалъ, то побѣжалъ я благимъ ма-томъ туда.

Я нашель тамъ и дѣйствительно всѣхъ въ великой горести и печали и дитя почти умершее, и какъ все было уже готово, то мы и начали его крестить съ дочерью г-жи Темиразовой, Прасковьей Васильевной, случившеюся тогда у нихъ въ домѣ. Но я могу сказать, что крестныя сіи были со грѣхомъ пополамъ и я истинно не знаю, живого или мертваго ребенка мы тогда крестили.

По крайней мѣрѣ не видалъ я ни одного признака жизни, а говорили только, что онъ изрѣдка будто рыгаль, а дыханія не было; но когда въ холодную воду его погрузили, то скончалось оно совершенно, не могли перенести такого удара и поплъ совершилъ уже дальнѣйшій обрядъ и миропомазаніе по одному увѣренію, что жилки будто-бы еще бились, однако сего было вовсе непримѣтно, и дитя было мертво.

Такимъ образомъ фамилія и родъ нашъ умножился-было въ сей день новою отраслю, но и опять оной лишился. Мы тогда несчастіе сіе по молодости лѣтъ отцевыхъ ни мало не уважили.

Но могъ-ли я тогда вообразить себѣ, что отрасль сія была гораздо важнѣе и что она была самая послѣдняя на суку, поколѣніе сего дома составляющаго и что съ ребенкомъ симъ пресѣклось все мужское поколѣніе сего стариннаго и знаменитѣйшаго дома нашей фамиліи и все стяжаніе онаго перейдетъ современемъ въ посторонній и другой родъ и фамилію.

Произошло несчастіе сіе отъ того, что мать повредила себя, ѣздивши за три дни до того на тряскихъ дрожкахъ къ Михайлѣ Матвѣвичу, и къ тому-жъ пристала къ ней жестокая горячка и она сама находилась тогда въ такой опасности, что мы опасались о ея жизни.

Гости у насъ въ сей разъ не ночевали, а поѣхали въ Мишино, и мы, проводивъ ихъ, спѣшили навѣстить нашихъ болящихъ; боярыни поѣхали навѣщать бѣдную родильницу, а мы съ Надеждою Андреевною, моею племянницею, пошли навѣщать Михайлу Матвѣвича, и

нашли его дѣйствительно очень больнымъ и не шутя занемогшимъ, и, по всѣмъ признакамъ, горячкою. Итакъ, оба наши сосѣдственные дома посѣщены были тогда печальми.

Что же касается до г-на Полонскаго, то онъ къ намъ въ сей день не бывалъ и мы прождали его напрасно.

На утріе не стали мы уже далѣе отлагать ѣзды своей въ Калединку, но послѣ бѣда въ путь сей отпранились, боярыни-овсѣ въ коляскѣ, а я, для лучшаго простора, въ одноколкѣ. Мы взяли въ сей разъ съ собою и малютку дочь нашу Елисавету, которая въ сіе время уже все почти говорила, и это былъ первый ея выѣздъ изъ родительскаго дома въ гости.

Чтобъ не скучно было мнѣ ѣхать, то вздумалъ я дорогою дѣлать дѣло, которое исполнить давно собирался, а именно вымѣрить нанточнѣйшимъ образомъ разстояніе между моею деревнею и Калединкою, въ которую мы такъ часто ѣзжали; что я и исполнилъ и нашель, что она гораздо отъ насъ далѣе, нежели мы думали. Мы полагали не болѣе 18, а оказалось ровно 24 версты.

Образъ измѣренія сего изобрѣтенъ былъ самимъ мною, и какъ онъ самый легкій, неубыточный и удобный для всякаго и безъ малѣйшей остановки въ ѣздѣ можетъ въ лѣтнее время производимъ быть въ дѣйство, то и упомяну я объ ономъ обстоятельствѣ.

Все дѣло состояло въ томъ, что я вымѣрялъ ободъ задняго колеса моей одноколки верхками, и на число сіе раздѣлилъ число верхковъ въ четвертѣ верстѣ; вышедшее изъ сего дѣленія число означало, сколько разъ долженствовало колесо мое обернуться въ четверти верстѣ, и какъ оно было 60, то, посадивъ мальчика за одно со мною, велѣлъ безпрестанно смотрѣть на колесо и, считая каждое обращеніе его, насчитывать 60 разъ и тогда закричать разъ, дабы я могъ услышать и замѣтить разъ сіи ножемъ на палочкѣ зарубкою; а чтобы удобнѣе ему было считать, то въ одной

спиць того колеса привязанъ былъ ключекъ красенькаго суконца, и какъ 4 зарѣзанныхъ мною зарубки составляли версту, то и могъ я видѣть гдѣ каждая верста начиналась и оканчивалась и мѣста сіи замѣчать въ умѣ своемъ.

Родъ измѣренія сего такъ мнѣ полюблился, что я послѣ того многія разстоянія симъ образомъ вымѣрять и измѣрять помянутымъ образомъ колесо у моей кареты, которое обращается еще медленнѣе и не болѣе 55 разъ въ четверти верстѣ, а вмѣсто зарѣзыванія на палочкѣ загибалъ каждый разъ на рогапочкѣ, нарѣзанной изъ карты, какія употреблялись при играніи въ трисеть. Для удобнѣйшаго же считанія можно придѣлывать къ колесу и пружинку, которая бы при каждомъ обращеніи щелкала.

Въ Калединкѣ пробыли мы въ сей разъ не болѣе однихъ сутокъ, но, оставивъ тѣшу мою тамъ, возвратились обратно.

Не успѣлъ я приѣхать, какъ мое первое попеченіе было распровѣдать о состояніи больныхъ нашихъ; но бѣднымъ имъ нимало не легчало, а становилось часъ отъ часу хуже. Оба они больны были жестокими горячками, свирѣпствовавшими тогда надъ многими въ нашей деревнѣ.

Обстоятельство сіе меня очень смущало и огорчало и тѣмъ паче, что болѣзни сіи были прилипчивыми; слѣдовательно и частыя посѣщенія больныхъ могли быть бѣдственны и опасны.

Однако, несмотря на то, я отваживался нѣсколько разъ посѣщать оныхъ и въ разсужденіи брата моего очень боялся, чтобъ онъ не умеръ; ибо скоро дошло до того, что принуждено было его исповѣдать и причастить, а наконецъ сдѣлался такъ труденъ, что особоровали его и масломъ.

Но по счастью превозмогла еще болѣзнь его молодость и натура. Черезъ нѣсколько дней ему полегчело и онъ отъ болѣзни своей освободился, а выздоровѣла также и несчастная родильница.

Къ усугубленію огорченій моихъ, въ сіе время, получилъ я, вскорѣ по приѣздѣ

моемъ изъ Калединки, еще одно печальное извѣстіе о кончинѣ внучатаго дяди моего, Захарья Ѧеодоровича Каверина.

Добрый и искренно мною любимый и почитаемый родственникъ, заслуживающій по добродушію своему лучшую участь, нежели какую онъ имѣлъ: препроводилъ всю свою жизнь въ военной службѣ, дослужился наконецъ до полковничьяго ранга и, получивъ отставку, ѣхалъ уже въ небогатый свой домишко и разогнанную безпутною и безпримѣрно злою женою его деревнишку провождать вечеръ дней своихъ въ сельскомъ уединеніи.

Но смерть пресѣкла дни его во время путешествія сего власно, какъ желая свободить его отъ тѣхъ безчисленныхъ дозидъ и огорченій, какія онъ могъ бы имѣть, живучи въ деревнѣ.

Но какъ бы то ни было, но какъ онъ меня искренно и много любилъ, то я очень сожалѣлъ о потеряннн сего своего родственника, котораго праху желаю я понынѣ ненарушимаго покоя.

Наконецъ и самъ я подверженъ былъ около сего времени двумъ опасностямъ: во-первыхъ, чуть-было самъ не занемогъ горячкою и отъ того настрадался очень, но по счастью удалось мнѣ опять чиханіемъ не допустить болѣзнь до усиленія, а прервать ее въ самомъ началѣ.

Во-вторыхъ, чуть-было не выкололъ себѣ глаза, отъ чего спасла меня невидимо всемогущая десница моего Бога.

Случилось сіе въ одинъ день, когда производились у меня въ саду многія работы: я, бѣгая для осматриванія оныхъ то въ то мѣсто, то въ другое, набѣжалъ однажды на конецъ небольшого, но остраго и сухого древеснаго сука такъ хорошо, что онъ воткнулся даже мнѣ въ лицо повыше брови и на палець только шириною отъ глаза.

Итакъ, не легко-ль бы я могъ потерять глазъ, еслибъ не отворотилъ сего несчастія отъ меня благодѣтельный и пекущійся о благѣ моемъ промыслъ Господень? О, какъ благодарилъ я за то моего Бога!

Но письмо мое достигло до обыкновенно-

венной своей величины; итакъ, прервать на семь мѣстѣ свое повѣствованіе, скажу вамъ, что я есмь и прочая.

(Октяб. 31 дня 1805).

Письмо 138-е.

Любезный пріятель! Съ мѣсяцемъ людемъ наступила у насъ весна совершенная, и какъ мы были всѣ около сего времени совершенно здоровы, то, пользуясь хорошею и пріятною внешнею погодою и частыми свиданіями съ друзьями своими и сосѣдами, провели мы всю первую половину сего мѣсяца очень весело.

И почти во все время сіе не выходилъ изъ сада и занимался тысячами разныхъ дѣлъ, сколько такихъ, коихъ требовала самая необходимость, а не менѣе происходящихъ отъ разныхъ затѣй и новыхъ какихъ-нибудь выдумокъ и предпріятій, относящихся до украшенія садовъ моихъ.

Наиглавнѣйшимъ изъ сихъ было приготовленіе мѣста подѣ фонтанъ, который чрезвычайно хотѣлось мнѣ по близости хоромъ своихъ сдѣлать. Но какъ назначалъ я мѣсто подѣ него на берегу, подѣ самой находящейся предѣ домомъ на горѣ сажелки, то хотѣлось мнѣ сдѣлать къ нему отъ дома спокойный и красивый входъ и сдѣлать бассейнъ его изъ дома видимымъ; но какъ для сего надобно было разрывать много глинистый высокій берегъ, то и занимался мы нѣсколько дней сею работою, которая кромѣ сего доставила мнѣ и другое удовольствіе.

Мы нашли въ сей глинѣ великое множество разноцвѣтныхъ и особыхъ камушковъ, которыми я такъ прельщался, что набралъ ихъ цѣлую коллекцію и сдѣлался въ семь случаевъ натуралистомъ.

Но ничто такъ много не доставило мнѣ удовольствія, какъ одинъ выкопанный тутъ круглый камень, въ которомъ по расколоченіи его нашли мы проросъ, или столь прекрасную кристаллизацию, что незнающимъ можно было почестъ камушекъ сіи гравленными брилліантами, на какіе они и дѣйствительно походили.

Мы всѣ не могли довольно налюбо-

ваться ясности, чистотѣ, регулярности натуральныхъ граней и самой игрѣ сихъ блестящихъ камушковъ и начудиться сей игрѣ природы.

И какъ наковыряли мы и изъ внутренней пустоты кромѣ сего нѣсколько десятковъ и изъ нихъ нѣкоторые были довольно крупны, а иные мелки, а изъ живущихъ на заводахъ у насъ нѣмцевъ случилось быть одному золотыхъ дѣлъ мастеромъ, то изъ любопытства и для достопамятности велѣлъ я изъ нихъ сдѣлать перстень, и оный былъ такъ хорошъ, что жена моя могла носить на себѣ оный, и мнѣ очень было его жаль, когда чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сего бездѣльникъ укралъ его у насъ вмѣстѣ съ ларчикомъ.

Впрочемъ до фонтановъ я былъ такой охотникъ, и нетерпѣливость моя видѣть скорѣе у себя какой-нибудь была такъ велика, что мнѣ вздумалось даже изъ единой, такъ сказать, рѣзности, между тѣмъ покуда помянутое мѣсто подѣ порядочный фонтанъ готовили, смастерить себѣ маленькій, миниатюрный и ничего мнѣ не стоявшій.

И какъ предпріялъ я сіе въ такое время, когда боярыни мои ѣздили въ гости и употребилъ въ тому не болѣе двухъ часовъ, то не можно изобразить сколь великій сюрпризъ сдѣлалъ я имъ, моимъ хозяйкамъ и теткѣ жены моей, случившейся тогда быть вмѣстѣ съ ними.

Онѣ не могли довольно налюбоваться имъ и надивиться моею выдумкѣ и тому, что я успѣлъ въ такое короткое время смастерить сію игрушку, въ особености же утѣшалась имъ моя племянница, и мы верѣдко сживали вмѣстѣ съ нею и любовались хотя тонкимъ, но нарочито высокимъ и прекраснымъ біеніемъ онаго.

Но не менѣе утѣшались имъ и всѣ гости, бывшіе у насъ 9-го мая, какъ въ день вешняго деревенскаго нашего праздника.

Сихъ противъ чаянія и ожиданія моего съѣхалось со всѣхъ сторонъ и набралось такое множество, что я не могъ помѣстить даже всѣхъ въ моемъ загѣ, и принуждено было приготовить другой столъ въ побочной комнатѣ, и какъ по-

года случилась тогда самая благопріятная, и они почти всё у меня ночевали, то день и вечеръ и послѣдующее даже утро препроводили мы отменно весело и занимались не только разными увеселительными играми, но и гулявьями въ садахъ моихъ и качаньемъ на качеляхъ въ ономъ, и всё разѣхались отъ меня не иначе, какъ съ великимъ удовольствіемъ.

Вскорѣ послѣ сего случилась мнѣ отъ дома моего отлучка и ѣзда на нѣсколько дней въ такія мѣста, гдѣ никогда еще мнѣ бывать не случалось.

Имѣли мы одного, хотя не близкаго родственника жены моей, живущаго въ калужскихъ окрестностяхъ, а именно: г. Карпова, Петра Михайловича.

Какъ онъ былъ человѣкъ не старій, очень затѣливый и любопытный и къ намъ всегда очень ласкался, да и былъ у насъ въ послѣдній разъ о праздниѣ, изъявляя при томъ усердное желаніе, чтобъ и мы у него когда-нибудь побывали; то и рѣшились мы къ нему съѣздить, а особливо при случившейся тогда ѣзды сосѣда нашего г. Ладыженскаго въ тамошнія мѣста, для богомолья въ Калужку къ тамошнему явленному образу.

Сему образу хотѣлось давно и самимъ боярынямъ моимъ помолиться; и такъ было сіе и съ сей стороны встать, къ тому же убѣждалъ насъ къ сему путешествію г. Ладыженскій, хотѣвшій ѣхать вмѣстѣ съ нами.

Мы отправились въ сей путь 22-го числа мая, и какъ время сіе было наилучшее и пріятнѣйшее во всемъ годѣ и ѣхали мы цѣлою компаніею и на дорогѣ заѣзжали кое-куда въ гости, то провели мы въ ѣздѣ сей хотя болѣе недѣли, но безъ скуки и пріятно.

Первый нашъ заѣздъ былъ въ Калединку. Тутъ застали мы еще обѣдъ, а послѣ обѣда хотѣли было ѣхать, но тетка убѣдила насъ остаться ночевать и отпраздновать съ нею вмѣстѣ случившійся на утріе Троицынъ-день.

Итакъ, мы тутъ ночевали, были въ Никитинѣ у обѣдни и, отобѣдавъ, на другой день поѣхали далѣе, и какъ ѣхать на-

добно намъ было чрезъ Алексинъ, то намѣрены мы были въ сей день ѣхать ночевать въ городѣ семъ у новаго нашего родни г. Ферапонтова.

Онъ былъ намъ очень радъ и старался угостить всячески; и какъ приѣхали мы къ нему еще довольно рано, то и имѣлъ я случай познакомиться тутъ съ помѣстнымъ г. Солнцевымъ. Онъ приѣхалъ къ намъ тотчасъ, какъ скоро узналъ о нашемъ приѣздѣ, и мы подружился съ нимъ съ перваго взгляда и провели нѣсколько часовъ въ пріятныхъ разговорахъ. Онъ былъ очень хорошій, любопытный и такой человѣкъ, съ которымъ не скучно было быть вмѣстѣ.

Намѣреніе наше было въ слѣдующій день отправиться, какъ свѣтъ, въ путь свой далѣе; но не то сдѣялось, что думали: воспослѣдовала нечаянная и досадная остановка. Мы приказываемъ запрягать лошадей, а намъ сказываютъ, что некого, и что лошади наши всё пропали.

— Какъ! закричалъ я, встревожась чрезвычайно: и куда они дѣлись?

— «Стерегли ихъ ночью въ хѣсу, говорятъ мнѣ, и они отчего-то шарахнулись и Богъ знаетъ, куда брызнули всё; не осталось ни одной.»

— Ахъ какая бѣда! возопилъ я, чтобъ не распропали онѣ еще у насъ, и что намъ тогда будетъ дѣлать?

— «Можетъ быть и найдутъ, отвѣчали мнѣ: побѣжали и поскакали повсюду искать ихъ, авось-либо и отыщутъ.»

Сонѣмъ тѣмъ горе тогда напало на всёхъ насъ, и мы не знали что дѣлать; но по счастью около полудни ихъ нечаянно нашли и привели къ намъ; а мы между тѣмъ отслушали обѣдню и принуждены были у г. Ферапонтова остаться обѣдать, и послѣ обѣда ходили смотреть построенную имъ каменную церковь и на колокольні часы, а послѣ того не стали мы уже медлить, но, переѣхавъ подъ городомъ на паромѣ рѣку Оку, отправились въ свой путь.

Мы ѣхали весь день и спѣшили, желая доѣхать въ тотъ же день до г. Карпова, но за преужасными дурными го-

рами не могли никакъ поспѣть, а при-
нуждены были почевать на полѣ въ ко-
ляскахъ.

Поутру поѣхали мы далѣе и приѣхали
къ г. Карпову еще очень рано, однако
его не застали дома, онъ только что
уѣхалъ въ Калугу; но по счастію жена
его была дома и послала тотчасъ за нами.

Онъ возвратился къ намъ уже послѣ
обѣда и былъ приѣздомъ нашимъ очень
обрадованъ и старался насъ всячески
угостить.

Какъ съ охотникомъ до садовъ прого-
ворили мы съ нимъ наиболѣе объ нихъ,
равно какъ и о другихъ матеріяхъ, и
провели день сей безъ скуки, а на дру-
гой—спѣшили мы съ ѣздить въ Калужку и
Калугу и поѣхали туда такъ рано, что
застали еще обѣдно.

Отслушавъ оную и отслуживъ свои мо-
лебны, пообедали мы по дорожному въ
воляскахъ и поѣхали изъ сего болѣе слав-
наго, нежели знаменитаго села въ Калугу.

Городъ сей, который я до того еще не
видывалъ, показался мнѣ и тогда довольно
уже изряднымъ, и находилось въ немъ
довольно каменныхъ домовъ и ряды из-
рядные; но въ сравненіи съ нынѣшнимъ
его состояніемъ былъ онъ тогда ничего
незначущимъ.

Мы, искупивъ въ рядахъ, что было намъ
надобно, зашли въ дѣвичій монастырь къ
одной родственницѣ нашей, г-жѣ Ходыре-
вой, съ которою тещѣ моей хотѣлось
видѣться я, просидѣвъ у нея до вече-
рень, поѣхали обратно въ Сварожню,
къ г. Карпову, почевать; ибо отъ него до
Калуги было только 12 верстъ разстояні-
емъ, почему и успѣли мы приѣхать еще
въ сумерки.

Вечеру сдѣлалъ г. Карповъ для насъ
потѣху, палилъ изъ своихъ пушекъ и ки-
далъ изъ мортиръ гранаты, и мы вечеръ
сей провели очень весело.

Въ послѣдующій день положили мы
пуститься въ обратный путь и отпроси-
лись у г. Карпова очень рано поутру.
Онъ снабдилъ меня разными сѣменами и
горшкомъ съ виноградомъ, и я приязню
его и ласкою былъ очень доволенъ.

Мы обѣдали на дорогѣ въ славныхъ Ко-
шурскихъ горахъ, при берегахъ рѣки
Оки, а къ вечеру и довольно еще рано
доѣхали до Алексина, такъ что я успѣлъ
еще побывать у г. Солнцева и прося-
дѣть у него нѣсколько часовъ.

Ночевали же мы опять у г. Ферापон-
това, а на другой день поѣхали мы уже
прямо большою серпуховскою дорогою;
въ свою деревню возвратились благо-
получно и довольно еще рано.

Не успѣлъ я снѣмъ образомъ путешествіе
сіе кончить, какъ необходимость застави-
ла меня, оставивъ и сады и все прочее,
садиться за столъ и приниматься за дру-
гое и важнѣйшее дѣло.

Мнѣ рассказали столько о приближаю-
щемся со всѣхъ сторонъ къ намъ меже-
ванью, что я началъ опасаться, чтобъ не
застигло оно меня не совсѣмъ еще къ
нему приготовившимся.

И какъ общее и дѣйствительное коли-
чество земли въ нашихъ дачахъ было
мнѣ еще неизвѣстно, то озабочивался я
очень тѣмъ, что у меня не вся еще дача
положена была на планъ и на ономъ из-
мѣряна; въ минувшее лѣто хотя обошелъ
я и всю ее вокругъ съ инструментомъ,
но какъ-то не успѣлъ я тогда поло-
жить всѣ обходы мои на планъ, да и не
зналъ сомкнется-ли онъ еще или нѣтъ.

Итакъ, ну-ка я приниматься скорѣе за
бумагу, циркули и карандаши и оканчи-
вать сіе дѣло; ну-ка сидѣть и трудиться
надъ тѣмъ наиболѣе важнымъ образомъ
и не вставая съ мѣста и трудиться такъ,
что я въ тотъ же день сіе дѣло кончилъ
и имѣлъ неописанное удовольствіе видѣть,
что планъ мой сомкнулся наиболѣе
нѣжнымъ образомъ и чрезъ самое оказа-
лось, что самодѣльщикъ мой, домашняя
астролябія была хорошахунья и могла
служить вмѣсто лучшей аглинской, чѣмъ
я чрезвычайно былъ доволенъ.

Теперь осталось только весь огромный
планъ сей разбить, по обыкновенію, въ
треугольники и оныя для узнанія коли-
чества всей земли измѣрить и исчислить;
но сіе сдѣлать было не бездѣла, и я
какъ ни трудился надъ тѣмъ, но въ

Одинъ день не могъ того никакъ сдѣлать, но принужденъ былъ сидѣть надъ тѣмъ цѣлымъ два дни.

Когда же дошло дѣло до общаго сложенія площадей всѣхъ треугольниковъ, то не могу изобразить, съ какими разными и безпокойными душевными движеніями производилъ я сіе послѣднее дѣло.

Неописанная нетерпѣливость мучила меня узнать: примѣръ-ли будетъ въ нашей дачѣ или недостатокъ? Съ колѣнкимъ возжелѣніемъ желалъ я послѣдняго, или по крайней мѣрѣ того, чтобъ дача была полная, съ толкимъ страхомъ и боязнію опасался перваго; ибо извѣстное то было дѣло, что при тогдашнемъ межеванъ всѣ дачи, имѣвшія примѣры, подвергались безчисленнымъ бѣдствіямъ и опасностямъ и сопряжены бывали съ безконечными хлопотами, а напротивъ того, всѣ имѣющія недостатки выигрывали. Словомъ, примѣръ былъ мнѣ такъ страшенъ, что я даже боялся и помыслить объ ономъ.

Но увя! чего я опасался, то и совершилось. Послѣдняя черта черкнута, дѣло кончено и роковой ударъ воспослѣдовалъ и поразилъ меня такъ, что закипѣла во мнѣ вся кровь, вострепеталось сердце и я остолбенѣлъ отъ изумленія! Холодный потъ прошибъ даже все тѣло мое, и я нѣсколько секундъ не могъ опомниться и собраться съ духомъ.

Словомъ — оказалось, что дача наша была не только полная, но было въ ней и множество еще примѣрной земли, и число оной простиралось даже до 400 десятинъ, количество несоставлявшее бездѣлки, но весьма по невеликости и всей дачи и чрезвычайно важное и такое, что, въ случаѣ потерянія всего сего примѣра, могли-бы мы потерпѣть неописанный убытокъ и во всемъ нашемъ хозяйствѣ страшную разстройку и даже разореніе.

Что было тогда дѣлать? истинно нѣсколько минутъ, или паче часовъ не зналъ я, что дѣлать и какъ быть, и что при такомъ обстоятельствѣ предпринимать лучше?

Наконецъ, по многомъ думаніи и гадаваніи, остановился на томъ, чтобъ, во-пер-

«Рѣзюмѣ въ «русской старинѣ» 1871 г.

выхъ, сокрыть важное сіе открытіе, буде-бы можно, во глубинѣ одного только своего сердца; но какъ сего было никакъ нельзя сдѣлать, то открытъ тайну сію однимъ только развѣ моимъ деревенскимъ сосѣдямъ, какъ главнѣйшимъ въ дачѣ нашей соучастникамъ, да и тѣмъ неннако, какъ взявъ напередъ съ нихъ клятву, чтобъ они никому того не сказывали, но сохранили-бы тайну въ сердцахъ своихъ за свято.

Во-вторыхъ, выдумывать заблаговременно всѣ удобовозможные способы къ удержанію за собой и спасенію сего толь важнаго излишества земли и употреблѣть оныя смотря по будущимъ обстоятельствамъ межеванья, и такъ, какъ оныя требовать будутъ.

Вообще же всѣмъ симъ приближающимся межеваньемъ ни мало не шутить, но уважая оное по достоинству, имѣть бдительное за всѣми происшествіями око и сообразно съ оными располагать всегда и свои мѣры.

Положивъ сіе за нужное и необходимое, почелъ я поприготовить сколько-нибудь къ тому-жъ и обоимъ моимъ сосѣдямъ, т.-е. брата своего Михайлу Матвѣевича и Матвѣя Никитича, ибо третій нашъ сосѣдъ находился тогда въ Петербургѣ.

И для того, на другой же день послѣ того, пригласилъ я ихъ обоимъ къ себѣ, и затворившись съ ними въ своемъ кабинетѣ для тайной съ ними конференціи, сталъ показывать имъ свой планъ и исчисленіе, и какъ они, любопытствуя, спросили «что по оному выходитъ», то сказалъ я имъ:

— Что, братцы! дѣло наше очень худо! Но я вамъ прежде не скажу, покуда вы не дадите мнѣ святѣйшей клятвы никому того и ни подъ какимъ видомъ не сказывать, что вы теперь услышите, и не давать даже и вида никакого, а всего паче не проговариваться о томъ предъ людьми своими. Собственная наша и общая всѣхъ насъ польза необходимо того требуетъ.

— «Очень хорошо! сказали они, уди-

ввишись такому предверію: мы готовы въ томъ поклѣстѣ и какъ вамъ угодно побожиться; но чтожь-бы такое было?»

— А вотъ то, мои друзья, что предстоитъ намъ при межеваніи: превеликая опасность, чтобъ не потерять намъ превеликое множество земли! Дача наша не только поля, но вотъ, посмотрите, сколько въ ней еще излишней земли и приибра.

Сказавъ сіе, показалъ я имъ смѣту и исчисленіе. Они ахнули, оно увидѣвъ, и говорили, что они никакъ того не ожидали и не повѣрили-бъ, если-бъ кто иной имъ о томъ сталъ сказывать.

— «Но какъ намъ быть? спросили они потомъ, и что дѣлать?»

— А то, отвѣчалъ я имъ, чтобъ знать о семъ надобно однимъ только намъ, а отъ прочихъ скрывать то невозможнѣйшимъ образомъ, а напротивъ того вездѣ давать тонъ и твердить, что во всѣхъ нашихъ дачахъ и пустошахъ недостатокъ еще великій. А между тѣмъ, при всемъ будущемъ межеваніи, не дремать и не сморкать носъ лѣвою рукою, а употреблять всѣ средства, какія только можно, къ сохраненію и удержанію своего приибра. Но сіе, пожалуйста, предоставьте уже мнѣ, какъ болѣе васъ всѣ межевыя дѣла вѣдающему; я вѣрно не премину учинить все, что только возможно будетъ и не упущу ничего изъ примѣчанія, а вы мнѣ только помогайте распровѣдываніями своими и дѣлайте то, что я вамъ приказывать когда стану.

— «Очень хорошо, братецъ, сказали они мнѣ, мы готовы все то дѣлать, что вы намъ приказывать станете, и охотно вамъ во всемъ помогать, а постарайтесь только пожалуйста».

Симъ и подобнымъ сему образомъ говорили тогда мы на семъ тайномъ между собою совѣтѣ, и я, взявъ съ нихъ клятву и настроивъ въ чемъ было надобно, отпустилъ ихъ отъ себя; но признаюсь, что не совсѣмъ былъ доволенъ тѣмъ, что они далеко не такъ важно вступились въ сіе дѣло, какъ того я отъ нихъ ожидалъ, и по малому свѣдѣнію своему межевыхъ

дѣлъ, далеко оно не такъ уважали, какъ было надобно.

Но не успѣлъ настать послѣдующій за симъ день, какъ, гляжу, бѣгутъ они ко мнѣ сообщать разные дошедшіе до нихъ уже межевыя слухи; они сказывали мнѣ что всѣ наши сосѣди, по дошедшимъ до нихъ слухамъ, грызутъ на земли наши зубы и хотятъ отхватывать у насъ ее со всѣхъ сторонъ. Волостные, сказываютъ, ждутъ, не дождутся межевщика, говорили они мнѣ, и только и твердятъ, что хотятъ вездѣ и со всѣми спорить и отхватывать.

Съ другой стороны, сказываютъ, Химровъ грызетъ зубы на наше Щиголево, а князь Горчаковъ на сихъ дняхъ самъ прискакалъ сюда для межеванья, и говорить, что и въ усь не дуетъ о томъ, чтобъ уступить намъ Неволочь, но говорить и твердить, что-то о Химровѣ нашемъ и будто не слѣдуетъ намъ эта пустошь; а и прочіе сосѣди, сказываютъ, также мурзятся.

Выслушавъ все сіе отъ нихъ, говорю я имъ:

— Вотъ видите, братцы, сами, какая страшная туча поднимается на насъ, буде все то правда; однако страшнѣе сонъ, да милостивъ Богъ и не все то перенять, что по рѣвѣ плыветъ. Многое изъ сего, можетъ быть, и неправда, однако и презирать совсѣмъ всѣ слухи таковыя негодится, и я благодарю васъ за сообщеніе мнѣ оныхъ; а впрочемъ поглядимъ-посмотримъ, иному-то можетъ и не удастся ничего сдѣлать, а чтобъ не напугался и самъ отъ кого-нибудь; шей-же и мы своей не протянемъ самопроизвольно!...

Симъ и подобнымъ сему образомъ ободрялъ тогда я ихъ, а самъ въ себѣ не то думалъ; но слухи сіи болѣе меня тревожили и смущали, нежели могли они примѣтить. Словомъ, межеванье такъ меня озабочивало, что съ сего времени у меня съ ума почти не сходило, и я помышлялъ объ немъ болѣе нежели о чемъ прочемъ, и часто за нимъ не шли и сады мои на умъ мнѣ.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ межеванье меня

ни занимало, но мнѣ предлежало другое еще и также необходимое дѣло: не окончень былъ еще сочиняемый мною «наказъ управителю» по желанію Экономическаго Общества, и надобно было поспѣшить окончаніемъ его, дабы успѣть переписать его набѣло и послать въ Петербургъ такъ, чтобы онъ туда могъ приттись до наступленія еще августа мѣсяца.

Итакъ, по окончаніи помянутаго дѣла, принялся я за сіе, и все остающееся мнѣ отъ садовъ праздное время сталъ употреблять на оное.

Въ прибавокъ къ сему, навязались тогда на меня еще новыя и совсѣмъ постороннія хлопоты.

Въ Харьковской губерніи и во всемъ тамошнемъ краю былъ тогда губернаторомъ нѣкто Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, самый тотъ, котораго съ женою мы за нѣсколько времени до сего познакомились и къ ней версты 12 отъ насъ отстоящую деревню Яшкино ѣздили.

Сему украшенному орденами вельможѣ и весьма доброму человѣку, слышавшемуся обо мнѣ отъ жены своей, вздумалось препоручить мнѣ сію деревню свою въ смотрѣніе и просить меня о принятіи на себя труда имѣть объ ней попеченіе. О семъ писалъ онъ ко мнѣ уже за нѣсколько предъ симъ временемъ, и какъ я тогда попримолкъ, то около сего времени получилъ я отъ него вторичное письмо, наполненное мнѣ похвалами и убѣдительнонѣйшими о томъ просьбами.

Что было тогда дѣлать? Съ одной стороны льстило сіе моему самолюбію и было очень не противно, а съ другой весьма мнѣ не хотѣлось ввязываться въ чужія дѣла и хлопоты, а особливо въ тогдашнее время, когда и у самого всѣ часы заняты были дѣлами и недосугами многими.

Однако, подумавъ о томъ нѣсколько и разсудивъ, что услугу оказать знатному такому человѣку не худо, и что можетъ быть и самъ онъ мнѣ впередъ годится, рѣшился на желаніе его согласиться и вступилъ въ сіе надзираніе надъ его

деревнею. И какъ оное требовало, чтобы временно я лично ѣзжалъ въ сіе селеніе и тамъ входилъ во всѣ домашнія распоряженія, то въ послѣдующія времена я не одинъ разъ и бывалъ въ сей деревнѣ и занимался разными хлопотами, и г. Щербининъ былъ стараніями моими очень доволенъ и, приѣзжая однажды сюда, благодарилъ меня очень за мои труды и любилъ меня много; но бременемъ симъ отягощенъ былъ я не очень долго.

Но смерть похитила у насъ сего добраго генерала и почтенія достойнаго вельможи, и ему не удалось ничѣмъ взаимно мнѣ за хлопоты и труды мои услужить, и вся польза, полученная мною отъ него, состояла въ томъ, что, въ бытность свою здѣсь, подѣлился онъ со мною присланными тогда къ нему изъ Харькова прививочными яблонными черенками, и я завелъ у себя сію породу украинскихъ яблокъ; и какъ они получены были изъ Харькова, то и назвалъ ихъ харьковскими, хотя впрочемъ называются онѣ въ торговлѣ титовскими, а въ Тулѣ палцыгскими.

Съ наступленіемъ мѣсяца іюня, имѣлъ я удовольствіе видѣть и вторую мою работу вчернѣ оконченною и «наказъ» мой сочиненнымъ, также обнять брата моего Гаврилу Матвѣевича, возвратившагося изъ Петербурга.

Я очень былъ радъ, что подѣлалъ онъ къ сему времени и межеванью, и ласкался надеждою получить отъ него себѣ какое-нибудь вспоможеніе; ибо онъ былъ хотя моложе прочихъ, но рачительнѣе, проворнѣе и смысленнѣе нежели они оба.

Я не преминулъ сообщить ему также свою тайну и взять съ него также клятву о неоткрываніи оной никому, и онъ далъ мнѣ ее охотно.

Не успѣло сего произойти, какъ и коснулось уже дачъ моихъ межевань, однако не здѣшнихъ, а Калптинскихъ, въ Коширскомъ уѣздѣ, и я принужденъ былъ нѣсколько недѣль ѣздить туда почти ежедневно и хлопотать по межеванью.

Ибо какъ межеванье никогда не приходило такъ и

объ вдругъ нача-

ввишись такому предверію: мы готовы въ томъ поклястися и какъ вамъ угодно побойтися; но чтожь-бы такое было?»

— А вотъ то, мои друзья, что предстоитъ намъ при межеваніи: превеликая опасность, чтобъ не потерять намъ превеликое множество земли! Дача наша не только полна, но вотъ, посмотрите, сколько въ ней еще излишней земли и примѣра.

Сказавъ сіе, показалъ я имъ смѣту и исчисленіе. Они ахнули, оное увидѣвъ, и говорили, что они никакъ того не ожидали и не повѣрили-бъ, если-бъ кто иной имъ о томъ сталъ сказывать.

— «Но какъ намъ быть? спросили они потомъ, и что дѣлать?»

— А то, отвѣчалъ я имъ, чтобъ знать о семъ надобно однимъ только намъ, а отъ прочихъ скрывать то невозможнѣйшимъ образомъ, а напротивъ того вездѣ давать тонъ и твердить, что во всѣхъ нашихъ дачахъ и пустошахъ недостатокъ еще великій. А между тѣмъ, при всемъ будущемъ межеваніи, не дремать и не сморкать носъ лѣвою рукою, а употреблять всѣ средства, какія только можно, къ сохраненію и удержанію своего примѣра. Но сіе, пожалуйста, предоставьте уже мнѣ, какъ болѣе васъ всѣ межевыя дѣла вѣдающему; я вѣрно не премину учинить все, что только возможно будетъ и не упущу ничего изъ примѣчанія, а вы мнѣ только помогайте распрովѣдываніями своими и дѣлайте то, что я вамъ приказывать когда стану.

— «Очень хорошо, братецъ, сказали они мнѣ, мы готовы все то дѣлать, что вы намъ приказывать станете, и охотно вамъ во всемъ помогать, а постарайтесь только пожалуйста».

Симъ и подобнымъ сему образомъ говорили тогда мы на семъ тайномъ между собою совѣтѣ, и я, взявъ съ нихъ клятву и настроивъ въ чемъ было надобно, отпустилъ ихъ отъ себя; но признаюсь, что не совсѣмъ былъ доволенъ тѣмъ, что они далеко не такъ важно вступились въ сіе дѣло, какъ того я отъ нихъ ожидалъ, и до малому свѣдѣнію своему межевыхъ

дѣлъ, далеко оное не такъ уважали, какъ было надобно.

Но не успѣлъ настать послѣдующій за симъ день, какъ, гляжу, бѣгутъ они ко мнѣ сообщать разныя дошедшія до нихъ уже межевыя слухи; они сказывали мнѣ что всѣ наши сосѣди, по дошедшимъ до нихъ слухамъ, грызутъ на земли наши зубы и хотять отхватывать у насъ ее со всѣхъ сторонъ. Волостные, сказываютъ, ждуть, не дождутся межевщика, говорили они мнѣ, и только и твердятъ, что хотять вездѣ и со всѣми спорить и отхватывать.

Съ другой стороны, сказываютъ, Химировъ грызетъ зубы на наше Щиголево, а князь Горчаковъ на сихъ дняхъ самъ присѣкалъ сюда для межеванья, и говорить, что и въ усъ не дуетъ о томъ, чтобъ уступить намъ Неволочь, но говорить и твердить, что-то о Химировѣ нашемъ и будто не слѣдуетъ намъ эта пустошь; а и прочіе сосѣди, сказываютъ, также мурзятся.

Выслушавъ все сіе отъ нихъ, говорю я имъ:

— Вотъ видите, братцы, сами, какая страшная туча поднимается на насъ, буде все то правда; однако страшень сонъ, да милостивъ Богъ и не все то переувать, что по рѣкѣ плыветъ. Многое изъ сего, можетъ быть, и неправда, однако и презирать совсѣмъ всѣ слухи таковыя негодится, и я благодарю васъ за сообщеніе мнѣ оныхъ; а впрочемъ поглядимъ-посмотримъ, вному-то можетъ и не удался ничего сдѣлать, а чтобъ не налясался и самъ отъ кого-нибудь; шен-же и мы своей не протявемъ самопроизвольно!...

Симъ и подобнымъ сему образомъ ободрилъ тогда я ихъ, а самъ въ себѣ не то думалъ; но слухи сіи болѣе меня тревожили и смущали, нежели могли они примѣтить. Словомъ, межеванье такъ меня озабочивало, что съ сего времени у меня съ ума почти не сходило, и я помышлялъ объ немъ болѣе нежели о чемъ прочемъ, и часто за нимъ не шли и сады мои на умъ мнѣ.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ межеванье меня

ни занимало, но мнѣ предлежало другое еще и также необходимое дѣло: не оконченъ былъ еще сочиняемый мною «наказъ управителю» по желанію Экономическаго Общества, и надобно было послѣдить окончаніемъ его, дабы успѣть переписать его набѣло и послать въ Петербургъ такъ, чтобы онъ туда могъ приттись до наступленія еще августа мѣсяца.

Итакъ, по окончаніи помянутаго дѣла, принялся я за сіе, и все остающееся мнѣ отъ садовъ праздное время сталъ употреблять на оное.

Въ прибавокъ къ сему, навязались тогда на меня еще новыя и совсѣмъ постороннія хлопоты.

Въ Харьковской губерніи и во всемъ тамошнемъ краю былъ тогда губернаторомъ нѣкто Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, самый тотъ, котораго съ женою мы за нѣсколько времени до сего познакомились и къ ней верстъ 12 отъ насъ отстоящую деревню Якшино ѣздили.

Сему украшенному орденами вельможѣ и весьма доброму человѣку, слышавшемуся обо мнѣ отъ жены своей, вздумалось препоручить мнѣ сію деревню свою въ смотрѣніе и просить меня о принятіи на себя труда имѣть объ ней попеченіе. О семъ писалъ онъ ко мнѣ уже за нѣсколько предъ симъ временемъ, и какъ я тогда попримолелъ, то около сего времени получилъ я отъ него вторичное письмо, наполненное мнѣ похвалами и убѣдительноѣйшими о томъ просьбами.

Что было тогда дѣлать? Съ одной стороны льстило сіе моему самолюбію и было очень не противно, а съ другой весьма мнѣ не хотѣлось ввязываться въ чужія дѣла и хлопоты, а особливо въ тогдашнее время, когда и у самого всѣ часы заняты были дѣлами и недосугами многими.

Однако, подумавъ о томъ нѣсколько и разсудивъ, что услугу оказать знатному такому человѣку не худо, и что можетъ быть и самъ онъ мнѣ впередъ годится, рѣшился на желаніе его согласиться и вступилъ въ сіе надзираніе надъ его

деревнею. И какъ оное требовало, чтобы временно я лично ѣзжалъ въ сіе селеніе и тамъ входилъ во всѣ домашнія распоряженія, то въ послѣдующія времена я не одинъ разъ и бывалъ въ сей деревнѣ и занимался разными хлопотами, и г. Щербининъ былъ стараніями моими очень доволенъ и, приѣзжая однажды сюда, благодарилъ меня очень за мои труды и полюбилъ меня много; но бременемъ симъ отягощенъ былъ я не очень долго.

Но смерть похитила у насъ сего добраго генерала и почтенія достойнаго вельможи, и ему не удалось ничѣмъ взаимно мнѣ за хлопоты и труды мои услужить, и вся польза, полученная мною отъ него, состояла въ томъ, что, въ бытность свою здѣсь, подѣлился онъ со мною присланными тогда къ нему изъ Харькова прививочными яблонвыми черенками, и я завелъ у себя сію породу украинскихъ яблоекъ; и какъ они получены были изъ Харькова, то и назвалъ ихъ харьковскими, хотя впрочемъ называются онѣ въ торговлѣ титовскими, а въ Тулѣ палцыгскими.

Съ наступленіемъ мѣсяца іюня, имѣлъ я удовольствіе видѣть и вторую мою работу вчернѣ оконченною и «наказъ» мой сочиненнымъ, также обнять брата моего Гаврилу Матвѣевича, возвратившагося изъ Петербурга.

Я очень былъ радъ, что подѣхалъ онъ къ сему времени и межеванью, и ласкался надеждою получить отъ него себѣ какое-нибудь вспоможеніе; ибо онъ былъ хотя моложе прочихъ, но рачительнѣе, проворнѣе и смысленнѣе нежели они оба.

Я не преминулъ сообщить ему также свою тайну и взять съ него также клятву о неоткрываніи оной никому, и онъ далъ мнѣ ее охотно.

Не успѣло сего произойти, какъ и коснулось уже дачъ моихъ межеванье, однако не здѣшнихъ, а Калптинскихъ, въ Коширскомъ уѣздѣ, и я принужденъ былъ нѣсколько недѣль ѣздить туда почти ежедневно и хлопотать по межеванью.

Ибо какъ межеванье никогда не приходило такъ дружно, чтобы вдругъ нача-

лось и вдругъ-бы однимъ разомъ и окончилось, а ко всякой дачѣ сперва по нѣсколькѣ разъ прикасалось только бочкомъ, при обмежеваніи дачъ смежныхъ и сосѣдственныхъ, и по окончаніи всѣхъ тѣхъ и нерѣдко чрезъ долгое время послѣ того доходила, наконецъ, и до ней очередь, и она обмежевывалась совершенно. То подобное тому случилось и съ сею моею дачею: нѣсколько разъ межеванье оной начиналось и опять пресѣкалось, то-есть при обмежеваніи сосѣдственныхъ дачъ.

И какъ по извѣстному мнѣ въ дачѣ моей великому недостатку необходимость заставляла меня связать ее со всѣми сосѣдственными дачами спорами, то принужденъ былъ я всякій разъ, когда ни прикасалось къ моей дачѣ межеванье, туда безъ души скакать, терпѣть труды и безпокойствы, провождать на вѣтрѣ и на жару многіе дни и часы, и нерѣдко въ тщетномъ и всего досаднѣйшемъ пустомъ чего-нибудь ожиданіи; а потомъ хлопотать съ сосѣдами и межевщиками, заводить противъ воли и хотѣнія со всѣми сосѣдами и единственно для того споры, что неоткроется-ли гдѣ въ сосѣдственныхъ дачахъ примѣрная земля и недостатокъ мой не могъ ли-бѣ награжденъ быть изъ оныхъ, и въ намѣреніи, чтобъ въ противномъ случаѣ отъ всѣхъ своихъ споровъ отказаться и оныя паки уничтожить.

Извиняться въ томъ предъ сосѣдами необходимою производить споры сіи, ни мало съ ними не ссорясь и не бранясь, а шутя и смѣясь съ ними и съ межевщикомъ, который случился тогда быть человѣкъ очень добрый и мнѣ знакомый, а именно самый тотъ г-нъ Хвоцинскій, съ которымъ я имѣлъ уже дѣло, и который былъ послѣ въ Тамбовѣ губернскимъ прокуроромъ и мнѣ всегда благопріятствовалъ.

И какъ межевщикъ сей давалъ во всемъ мнѣ совершенную волю, и я дѣлалъ, что хотѣлъ, то, проводивъ въ сихъ разъѣздахъ, спорахъ и разныхъ межевыхъ хлопотахъ весь почти іюнь мѣсяцъ, отсталъ

отъ всѣхъ другихъ почти дѣлъ и врахъ измучился.

Но чѣмъ бы, вы думали, награжденъ я былъ за всѣ сіи многочисленныя хлопоты и труды?—ничѣмъ инымъ, какъ только неизреченною досадою на самого себя, что я былъ, при всей бдительности своей, такъ неостороженъ, что при семъ случаѣ, не узнавъ брода сунулся въ воду, и всѣмъ тѣмъ дѣло свое испортилъ, или по крайней мѣрѣ всѣ хлопоты и труды свои потерялъ попустому.

Ибо дѣйствительно вышло наконецъ, что я всѣ сіи споры предпринималъ попустому и безъ всякой для себя пользы, почему и принужденъ былъ всѣ оныя опять оставить и уничтожить, а остаться при границахъ прежняго своего владѣнія и при всемъ своемъ оказавшемся недостаткѣ.

Причиною всему тому была не столько ошибка моя, сколько одно особое обстоятельство, которое мнѣ было въ точности неизвѣстно и въ заключеніяхъ моихъ о которомъ я ужасно какъ обманулся, да и не обмануться не могъ никакъ по случайному стеченію всего въ семъ дѣлѣ.

Я вамъ въ прежнихъ моихъ письмахъ упоминалъ, что дача сія была у меня еще въ прошломъ году измѣрена, снята инструментомъ на планъ и аккуратно исчислена, и я не наугадъ заключалъ о своемъ недостаткѣ, а казалось съ достовѣрностью совершенною; ибо по крѣпостямъ моимъ слѣдовало намъ, съ сосѣдкою Мареевою Маркеловною, имѣть земли на 100 четвертей, а ее и половины столько не было.

Но дача сія была какъ-то въ старину раздѣлена на двѣ половины, и одна половина слѣдовала намъ, а другая другимъ двумъ гг. Бакѣевымъ, Тихону Васильевичу и Силѣ Борисевичу. Половинами сими и владѣли мы розно, да и писаны онѣ въ писцовыхъ книгахъ половинами; итакъ, что иное можно было заключать, что и ихъ половина была точно такая-жъ, какъ и наша, а особливо, когда при обходѣ своей половины, ибо ихъ измѣривать мнѣ было не можно, видѣлъ я по

глазомѣру, что и у нихъ столь-же земли во владѣннн, сколько у насъ было.

Но что-жъ вышло? Не успѣлъ межевщикъ всю дачу нашу обмежевать, какъ по обыкновенію сталъ требовать, чтобъ всѣ мы подавали ему о количествѣ слѣдуемой намъ по крѣпостамъ земли свѣдѣнія....

Я тотчасъ свое приготовилъ, но какъ долженствовало его сообщить съ takimъ же и отъ другихъ господъ Бакѣевыхъ, то посылаю я къ повѣреннымъ ихъ сказывать, чтобъ они свѣдѣніе писали, или приносили ко мнѣ свои крѣпости для написанія онаго.

Но какъ я вздурился отъ досады, когда они, являя ко мнѣ, сказываютъ, что имъ писать свѣдѣнія своего не съ чего; что у нихъ крѣпостей нѣтъ, что онѣ у ихъ господъ въ Москвѣ, что они много уже разъ о присылкѣ ихъ къ господамъ писали, но они все еще къ нимъ ихъ не присылали.

Господи, какъ мнѣ тогда досадно было на сихъ господъ ихъ! Я хотя за вѣрное полагаю, что и по ихъ крѣпостамъ надобно и въ другой половинѣ дачи столько же быть сколько у насъ, т. е. 100 четвертей; однако надлежало въ томъ удостовѣриться крѣпостами.

— Да что-жъ они тамъ думаютъ и спятъ? закричалъ я, и по сю пору прислать не могутъ, а кажется Тихонъ Васильевичъ и самъ еще сенатскій секретарь и знаетъ, какъ это надобно!

— Богъ ихъ знаетъ! отвѣтствовали повѣренные мнѣ.

Но какъ крѣпости ихъ были необходимо надобны и надобны вскорѣ, то другого не вышло у я, какъ написать письмо о томъ къ Тихону Васильевичу и велѣть послать оное къ нему съ нарочнымъ челоуѣкомъ въ Москву.

Но вообразите себѣ, что изволилъ господинъ сей написать въ отвѣтъ о томъ къ своимъ повѣреннымъ! Онъ предписывалъ только имъ, чтобъ они ни въ какіе споры и ни съ кѣмъ не входили (хотя сіе было уже слишкомъ поздно, ибо споры всѣ были сдѣланы), о себѣ же говорилъ, что онъ ни съ кѣмъ ссориться не хочетъ,

а крѣпости-де привезетъ съ собою мать его, которая нынѣшнимъ лѣтомъ въ деревню будетъ.

Господи! какъ я тогда взбѣшенъ былъ, и какъ мысленно ругалъ г. Бакѣева, неразсудившаго нимало того, что межевщику не ждаль-же было стать приѣзда его матушки, которая, Богъ знаетъ, когда еще съ Москвы съѣдетъ, и до тѣхъ поръ дѣла своего не дѣлать.

Побранивъ и поругавъ его въ мысляхъ, думалъ я, что другого не оставалось мнѣ тогда дѣлать, какъ, сѣвши въ воляску, скакать самому въ Серпуховъ въ межевую контору и тамъ, въ имѣющихся въ ней спискахъ съ писцовыхъ книгъ, выправиться самому, сколько четвертей въ другой половинѣ сельца Калятина, которая была у нихъ во владѣннн, дабы, удостовѣрившись въ томъ, можно было смѣло и безъ крѣпостей подать свѣдѣніе. Итакъ, недолго думая, велѣлъ я запретъ лошадей и въ Серпуховъ поѣхалъ.

Но не помню, чтобъ когда-нибудь ѣзда мнѣ была такъ скучна, досадна и во всемъ неудачна, какъ въ сіе время; и первое было уже то, что я, за прибыломъ въ рѣкѣ Окѣ водою, съ превеликимъ трудомъ чрезъ ее переправился и чуть-было не перепортилъ всѣхъ лошадей своихъ, взвода на паромъ оныхъ: такъ худа и опасна была приставь.

Далѣе; какъ въ Серпуховѣ надлежало мнѣ дни два или три пробыть, то, приѣхавъ туда, не зналъ я гдѣ пристать; приставали мы въ иное время всегда въ женскомъ монастырѣ у старушки, родственницы нашей, Катерины Богдановны; но въ сей разъ не хотѣлось мнѣ ее собою отяготить и обезпокоить, но и въ другомъ мѣстѣ я и не смѣлъ стать, боясь, чтобъ она за то не осердилась, да и не зналъ гдѣ. Итакъ, присталъ противъ хотѣнія своего у ней.

Я не засталъ старухи дома: у нихъ въ монастырѣ былъ тогда праздникъ, Ивановъ день, и она была въ гостяхъ у своей сосѣдки.

— Ну, то-то, право хорошо! воскликнулъ я тогда, о семъ услышавъ. Я и по-

забыть, что сегодня праздникъ и что не найду никого ни въ канцеляріи городской, ни въ межевой конторѣ, въ которыхъ обоихъ мѣстахъ надобно было мнѣ тогда побывать. И зачѣмъ это я сегодня сюда поѣхалъ? Но такъ ужъ и быть, когда переимѣнить того не можно!»

Повидавшись со старухою, пошелъ я напередъ въ канцелярію воеводскую, и не нашелъ въ ней ни собаки: одинъ только часовой со шпагою, да пьяный подъячій, спящій на лавкѣ.

Видя, что тутъ выправляться о надобномъ мнѣ дѣлѣ и толку искать было не у кого, пошелъ я далѣе въ межевую контору и думаю, что и тамъ не лучшая будетъ удача.

Однако, я въ семь мѣнѣи очень обманулся, и тутъ счастье послужило мнѣ уже больше, почти-жъ все къ неудовольствію одному.

Я засталъ тутъ двухъ подъячнхъ, но изъ которыхъ одинъ былъ самый тотъ, котораго-бъ мнѣ искомъ искать было надобно, ибо у сего самаго и были тѣ писцовыя книги на рукахъ, въ которыхъ мнѣ о Калитинской дачѣ справиться надлежало. Обласкавшись съ нимъ, говорю я ему:

— Не можно ли справиться съ писцовою книгою объ одной дачкѣ?

— «Для чего, и извольте! сказалъ онъ, и тотчасъ досталъ изъ сундука книгу и прискалъ мнѣ по алфавиту Калитинскую дачу.

Но вообразите, сколь велико было изумленіе и смущеніе мое, а вкупѣ досада и неудовольствіе мое, когда я тутъ противъ всякаго чаянія и ожиданія увидѣлъ, что въ помянутой другой половинѣ сельца Калитина написано было не сто, а только сорокъ четвертей земли дачной! Я обомлѣлъ даже отъ сей неожиданности и не хотѣлъ даже вѣрить глазамъ своимъ.

— «Боже мой! возопилъ я потомъ самъ въ себѣ: что это такое? и какая ужасная ошибка, по незнанію сего, мною сдѣлана! Теперь вижу я, что всѣ мои хлопоты и труды дѣланы были тщетно и споры затѣваемы и производимы были совсѣмъ

по пустому. Посему вижу я, что дача наша вообще полная, и что нѣтъ въ ней никакого недостатка, и вся недостающая земля не у чужихъ, а по всему видимому у внутреннихъ сосѣдей моихъ во владѣніи находится. И мнѣ, если хотѣть, то у нихъ ее отыскивать надобно и просить для сего на свой коштъ землебрѣ; но чего это будетъ стоить и не обойдется-ли она мнѣ въ куплю? А къ тому-жъ, Богу извѣстно, какимъ образомъ вошла она нѣтъ во владѣніе, и какъ-никогда у насъ съ ними ни споровъ, ни челобитья не было, а владѣли и мы и они издревле спокойно; то почему знать, не сдѣлано-ли было между предками нашими, какъ ближними между собою родными, какой сдѣлки или полюбовнаго между собою раздѣла и уравниенія, а не даромъ ни отъ кого не было на нихъ просьбы?»

Мысль сія казалось мнѣ отчасу вѣроятнѣйшею и побудила меня наконецъ воскликнуть: «А! когда такъ, то къ чему мнѣ нарушать покой прака моихъ предковъ и разрушать то, что они сдѣлали и можетъ быть клятвами то утвердили. Нѣтъ! нѣтъ! да не будетъ сего никогда! Лучше, хотя со стыдомъ, откажусь отъ всѣхъ споровъ и останусь опять при владѣніи прежнемъ, нежели предприму что-нибудь во вредъ моимъ родственникамъ недалекимъ и почтеннымъ».

Симъ образомъ говоря самъ съ собою въ мысляхъ, и тѣмъ много досаду и смущеніе свое уменьшивъ, сталъ я далѣе выправляться о количествѣ дачной земли пустоши Ермаковой, ввернувшейся въ средину нашей Дворяниновской дачи. принадлежавшей сосѣду моему князю Горчакову, Павлу Ивановичу и при сниманіи и измѣреніи нашихъ дачъ само по себѣ измѣрившейся.

Пустошь сія малознаю своею и извѣстнымъ уже мнѣ валичнымъ въ ней числомъ земли наводила на меня сумнѣніе, и я боялся, чтобъ не было въ ней недостатка, и не претерпѣть-бы намъ чего отъ оной въ случаѣ спора отъ Котовскихъ, а посему и хотѣлось мнѣ объ ней также выправиться.

Но въ какое изумленіе приела она и меня, когда, прискавъ ее, увидѣлъ я, что въ ней надлежало быть земли дѣйствительно гораздо больше, нежели сколько по исчисленію моему оказалось.

— «Ахти! говорилъ я самъ въ себѣ: вотъ и тутъ бѣда и открытіе непріятное! Но о семъ надобно мнѣ помолчать и сокрыть тайну сію въ одномъ своемъ сердцѣ до поры до времени».

Получивъ такъ мало утѣхи въ межевой канторѣ, и съ опечаленнымъ духомъ прошелъ я изъ оной къ воеводѣ, и какъ онъ былъ знакомъ и мнѣ былъ радъ, то присидѣлъ я у него всю оставшую почти часть того дня.

Онъ жаловался мнѣ, что его безвинно смѣняютъ и переводятъ въ Клинь, и я изъявлялъ искреннее о томъ мое сожалѣніе.

Наконецъ. говорю я ему о своемъ дѣлѣ и нуждѣ, которая состояла въ томъ, что нельзя-ли ему освободить и отдать мнѣ на росписку одного крестьянина моего, попавшемуся по одному бездѣльному случаю подъ караулъ и содержащемуся въ его канцеляріи; но онъ мнѣ сказалъ, что сего имъ сдѣлать не можно, а отошлютъ они его въ Коширу и что тамъ ужъ его на росписку отдадутъ и выпустятъ.

— «Вотъ какая бѣда! и тутъ неудача! говорилъ я самъ въ себѣ... Но нѣтъ, покой, пойду и повидаюсь съ Дьяконовымъ; онъ мнѣ знакомъ и друженъ, и, будучи секретаремъ, дѣлаетъ, что хочетъ. А вольно-ли онъ для меня это сдѣлаетъ».

Воевода унимать меня ужинать, но я не туда. «Недосугъ, батюшка, говорю, есть еще кой-какія нуждицы исправить».

Итакъ, распрощавшись съ нимъ и пошедъ отъ него, зашелъ въ ряды, купилъ что было мнѣ надобно и бѣгомъ почти побѣжалъ на ту сторону за Нарю, къ Дьякову, для того, что было уже поздно и мнѣ чтобъ успѣть приттись въ монастырь, прежде нежели запрутъ оный.

Но иттить было неблизко, даль такая ужасная, а грязь и топь того больше. Насилу, насилу дошелъ до него; но не

досада-ли новая! Сказываютъ мнѣ, что его дома нѣтъ.

— «Фу, какая пропасть! говорю я. Куда ни сунься, вездѣ неудача! День-же такой случись!.. но нечего дѣлать, иттить въ монастырь и поспѣшать покуда не заперли, а то и ночевать будетъ негдѣ».

Однако я пришелъ довольно еще рано и нашелъ старуху, съ готовымъ и накрытымъ уже столомъ, меня ожидающуюся. Я извинялся ей, что заставилъ ее себя ждать; но она, любя меня, мнѣ то охотно отпустила.

Чтобъ не обременить и не обезпокоить ее, то спать расположился я на дворѣ въ своей коляскѣ; но надобно-жъ было и тутъ произойти еще одной досадѣ. Людицъ моихъ догадало поставить коляску очень близко и подлѣ самыхъ лошадей нашихъ, и сіи проклятыя не дали мнѣ во всю ночь спать: то и дѣло надобно было имъ тереться о коляску и меня будить.

«О! проклятыя! говорилъ и твердилъ я, просыпаясь разъ десять. На ту пору и васъ здѣсь изгомозило». А услышавъ, что бьютъ на колокольнѣ часы, и ихъ ругнулъ, говоря:—«вотъ и вы еще тутъ-же и власно какъ въ запуски съ лошадьми спать мнѣ не давать согласились!» Словомъ, давно уже я такой безпокойной ночи не имѣлъ.

Проводивъ, или прождавъ кое-какъ ее, спѣшилъ я по утру ѣхать домой, но добродушная, милая и почтенная старушка, хозяйка моя, не хотѣла никакъ отпустить меня безъ завтрака, и я нехотя принужденъ былъ на то согласиться.

Приѣхавши же къ рѣкѣ, нашелъ я превеликую толпу народа и каретъ, телѣтъ и кибитокъ несмѣтное множество.

— «Что такое?» спрашиваю я, и мнѣ сказываютъ, что канатъ порвался, и затѣмъ остановка сдѣлалась. «Господи! говорилъ я: надобно-жъ и тутъ еще чему-нибудь быть!»

— И горе напало на меня превеликое; но какъ жданье на перевозѣ всего случилъ, то увидѣвъ, что стоитъ почтовый паромъ, велѣлъ перевезть себя на ономъ, и приѣхалъ домой еще довольно рано.

Тутъ не долго медля, но въ тотъ же еще день, потуживъ еще разъ о тщетности своихъ хлопотъ и трудовъ, написалъ я общее свѣдѣніе и отослалъ къ повѣренному въ Калитино съ нарочнымъ, приказавъ имъ оное межевщику подать, и когда будетъ, по обыкновенію, преклонять ихъ къ прекращенію споровъ, охотно отъ нихъ отказаться и, всѣ ихъ уничтожа, объявить, что мы желаемъ остаться при прежнемъ своемъ владѣніи, какъ спокойныя дѣти отечества.

Не успѣлъ я симъ образомъ сжить съ рукъ своихъ калитинское свое межеванье и получивъ отъ него единственно ту пользу, что послужило оно мнѣ хорошимъ межевымъ училищемъ, какъ привался за другое давно начатое, но неоконченное дѣло, меня ожидавшееся, а именно: за переписываніе набѣло сочиненнаго Наказа для прикащика и управителя, какимъ образомъ управлять ему въ небытность господина деревнями.

И какъ оный противъ чаянія вылился довольно великъ и пространенъ, а предписано было, чтобъ онъ помѣщенъ былъ не болѣе какъ на шести листахъ бумаги, то принужденъ я былъ переписывать его, какъ можно мельче, и имѣлъ не малый трудъ для умѣщенія его въ предписанные предѣлы и, приобщивъ къ нему нужныя формы и таблицы для разныхъ экономическихъ записокъ, подписалъ вмѣсто имени однимъ избраннымъ изъ священнаго писанія приличнымъ къ содержанию его стишкомъ, а имя свое, написавъ на особой цидулѣ и запечатавъ оное въ особомъ маленькомъ конвертѣ съ надписаніемъ на ономъ такого-же девиза, спустилъ наконецъ сей корабль на воду 24-го числа мѣсяца іюня, т.-е. отправилъ оный въ Москву къ другу моему г. Полонскому, дабы онъ препроводилъ его далѣе по почтѣ въ Петербургъ, и остался въ ожиданіи, что отъ него восприимлетъ, не забоятся слишкомъ много о томъ, будетъ-ли призванъ онъ лучшимъ изъ всѣхъ, или не будетъ, и удостоюсь-ли я за то общаго награжденія или нѣтъ.

Въ сихъ обстоятельствахъ и произше-

ствіяхъ прошелъ весь іюнь мѣсяцъ, и какъ сей пунктъ времени прилченъ и къ прерванію сего моего нарочито увеличившагося письма, то покончу я оное, сказавъ вамъ, что я есмь и прочая.

(Ноябра 1 дня 1805).

Письмо 139-е.

Любезный пріятель! Теперь, продолжая мое повѣствованіе, дошелъ я до наддостопамятнѣйшаго періода времени во всей тогдашней моей первой деревенской жизни, а именно до того мѣсяца іюля 1770 года, въ который началось межеванье, и мы размежевывались съ волостными или съ деревнями, принадлежащими гг. Нарышкинымъ, Льву и Александру Александровичамъ; и какъ межеванье сіе, по разнымъ своимъ обстоятельствамъ и происшествіямъ, достойно подробнаго описанія, какъ для любопытнаго свѣдѣнія вамъ, а болѣе въ пользу и въ память моихъ потомкамъ, до которыхъ сіе дойти можетъ; то и разскажу я обо всемъ происходившемъ хотя не въ такой подробности, какъ описалъ я въ тогдашнемъ моемъ журналѣ, однако такъ, что можно будетъ получить о томъ довольноное понятіе.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ размежевка сія началась и производилась съ нами уже въ послѣднихъ числахъ сего мѣсяца, то напередъ вкратцѣ перескажу вамъ, что случилось въ оной до того времени.

Мѣсяцъ сей съ самаго начала своего былъ какъ-то для меня непріятенъ и неисполненъ нѣкоторыми досадами и непріятностями. Еще въ самый первый день онаго произошла у меня съ семьянинками моими хотя небольшая и ничего незначащая, но крайне для меня непріятная размолвка.

Случилось это въ самый обѣдъ. Не успѣли мы сѣсть за столъ, какъ и начали онъ дѣлать по домашнимъ дѣламъ нѣкоторыя взысканія и говорить: для чего по сю пору еще того, для чего другого было не сдѣлано.

Къ таковымъ и на большую часть пус-

тѣмъ и неосновательнымъ взъскиваніямъ на мнѣ сдѣлана уже ими была за нѣсколь-ко времени, равно какъ небольшая при-вычка. Однако я не много на то смотрѣлъ, хотя признаюсь, что они меня всегда тро-гали; но въ сей разъ показались они мнѣ какъ-то досаднѣе нежели въ иное время.

Я не могъ утерпѣть, чтобъ не промол-вить нѣсколькихъ словъ, кои сочтены колкими, и за нихъ разсерженосъ, и весь почти день проведенъ въ слезахъ и без-молвіи.

Мнѣ было сіе очень удивительно, ибо я далеко не столь великую проступку сдѣлалъ, чтобъ могла она ихъ гораздо тронуть. Однако я жалѣлъ уже, что и го-ворилъ; ибо миръ, и сладчайшій покой и единодушіе, какиимъ мы всегда наслажда-лись, не столь мнѣ неприятенъ былъ, чтобъ похотѣлъ я нарушать его для при-чинъ столь маловажныхъ.

Но какъ пособить тому было уже не можно, то возымѣлъ уже приближище къ терпѣнію и хотѣлъ, чтобъ все сіе утихло само собою; а чтобъ дать волю утихать сердцу, ушелъ послѣ обѣда въ поле для точнѣйшаго осматриванія одного оврага, или вершины, наволащей на меня при будущемъ межеванъ великое сумнѣніе, и который назывался Грибовскимъ оврагомъ и раздѣлялъ землю нашу въ Хмы-ровской пустоши съ волостною. И чтобъ лучше обо всемъ потолковать, то пригласилъ итти съ собою и моихъ ближнихъ сосѣдей, и обошелъ съ ними всю оную пустошь.

Не успѣлъ я къ несовсѣмъ еще успо-коившимся боярникамъ моимъ возвратитъ-ся, какъ новое происшествіе встревожило духъ мой. Приходитъ ко мнѣ прикащикъ г. Казаринова изъ Болотова, приѣхав-шій только изъ Тулы, и сказываетъ отъ него, чтобъ я по Алексинской моей де-ревнѣ имѣлъ предосторожность...

— «Ба! что это такое? возопилъ я, не вы-я-ли какія тамъ произошли проказы? и не сдѣлалось-ли опять чего досаднаго?» Я разспрашивалъ челоуѣка, но не могъ ничего узнать болѣе.

Сіе встревожило меня очень и тѣмъ паче, что я не зналъ, чего бы собственно и для чего опасаться. Посоветуя о томъ съ домашними, другого не нашли мнѣ, какъ послать того-же часа туда челоуѣка съ извѣстіемъ и приказаніемъ, чтобъ остерегались сами, не вѣдая чего.

Между тѣмъ какъ сіе происходило и сосѣдъ мой Матвѣй Никитичъ еще у меня находился, сказываютъ намъ, что къ нему указъ изъ Коширы присланъ и что солдатъ у его воротъ дожидается.

— «Слава Богу, закричали мы: это конечно указъ о твоей отставкѣ и произведе-ніи въ чинъ; поздравляемъ тебя, голубчикъ, побѣгай домой поскорѣе и сообщи намъ извѣстіе».

Онъ не сомнѣвался я самъ въ томъ, и тотчасъ побѣжалъ. Но что-жъ вышло? Солдатъ пришелъ отъ него ко мнѣ, и па-кетъ былъ не къ нему, а ко мнѣ изъ Эко-номическаго Общества съ книжкою.

Но какъ я удивился, когда по распечатаніи увидѣлъ въ немъ не 12-ую часть, кото-рой я данно ожидалъ, а 13-ую съ приложен-нымъ письмомъ, которымъ увѣдомляли меня, что посланныя мною въ собраніе сочиненія о картофелѣ апробованы и печатаются уже въ 14-й части, а о 12-й я уже и не зналъ: ни-то она ко мнѣ послана, ни-то нѣтъ, ни-то пропала.

Легко можно заключить, что присылка сія произвела во мнѣ хотя не такую ра-дость, какъ въ первый разъ, однако все была радостна и пріятна; но помянутое замѣшательство не допустило мнѣ удо-вольствіе отъ того прямо чувствовать.

Однако въ послѣдующій день, хотя съ трудомъ и нѣкоторымъ для себя наси-ліемъ, (удалось) всю бурю сію утишить и къ вечеру возстановить опять прежній миръ, согласіе и спокойствіе, чѣмъ и былъ я очень доволенъ.

Еще не успѣло послѣ сего и двухъ дней пройти, какъ новое происшествіе всѣхъ насъ огорчило и перетревожило. Всѣ мы, вставъ, начали-было сей день препрово-ждать очень весело, какъ вдругъ видимъ, что идетъ по двору чей-то чужой чело-уѣкъ.

Надежда Андреевна, племянница моя, первая узнавъ, что былъ то ихъ человекъ, воскликнула: «Ахъ, это нашъ человекъ изъ Кашина!» и власно, какъ почувствуя предстоящую себѣ печаль, смутилась чрезвычайно и не зная, что принести ей сія неожиданная присылка, блѣднѣла и нѣмѣла вся.

Она и имѣла къ тому справедливую причину, хотя оной еще и не знала; ибо человекъ сей привезъ ей печальное извѣстіе, что отецъ ея, а мой зять Андрей Федоровичъ Травинъ лишился жизни.

Нельзя изобразить, сколь много тронуло и какъ сильно поразило ее сіе печальное и весьма горестное для нея извѣстіе. Облившись слезами, упала она безъ памяти и находилась почти весь день безчувственною.

Всѣ наши утѣшенія, всѣ уговариванія и все, что мы ни говорили, не имѣло ни малаго дѣйствія. Она не слушала и не принимала ничего, не хотѣла ни пить ни ѣсть, и утопала только въ слезахъ и воздыханіяхъ.

Можно сказать, что извѣстіе сіе и насъ всѣхъ много перетревожило. Хотя по персональности намъ и не очень было его жаль, потому что былъ онъ для нихъ худой отецъ; однако, сколь ни худо было симъ несчастнымъ дѣтямъ при немъ и сколь ни мало могли они отъ него какого добра надѣяться, но безъ него обстоятельства для нихъ сдѣлались и того еще хуже.

Осталось тогда послѣ его ихъ три дѣвки и всѣ невѣсты, да братъ по тринадцатому году; а сверхъ того, имѣли они на рукахъ у себя его вторую жену и весьма недоброхотную для себя мачиху. Изъ сродниковъ же ближе меня никого у нихъ не было, но и я, будучи въ такой отдаленности, что могъ тогда съ ними сдѣлать?

Совсѣмъ тѣмъ видѣлъ я, что по всѣмъ обстоятельствамъ долженъ былъ тогда я имѣть объ нихъ главную опеку и попеченіе; а сіе самое и приводило меня въ крайнее нестроеніе, и тѣмъ паче, что всѣ сосѣди и тамошніе ихъ родные писали ко

мнѣ, чтобы я немедленно туда ѣхалъ защищать ихъ отъ мачихи и оказывать имъ во всемъ свое вспоможеніе.

Я самъ зналъ, что требовала того отъ меня самая необходимость, и конечно бы немедленно и поѣхалъ, еслибъ съ другой стороны неудерживали меня извѣстныя межевыя обстоятельства; ибо, при такихъ сумнительствахъ и при приближающемся столь скоро межеванью, можно-ль было мнѣ на часъ отлучиться?

Итакъ, все сіе смущало меня чрезвычайно; а какъ съ другой стороны и Надеждѣ Андреевнѣ, какъ старшей тогда изъ всѣхъ дѣтей, необходимо надлежало тогда ѣхать скорѣе въ свой домъ для принятія на себя хозяйства, то не понималъ я, какъ мнѣ отпустить ее одну домой; а если-бъ дожидаться ей до того, покуда минуетъ межеванье, такъ было-бъ сіе очень долго.

Итакъ, по всему тому, не знали мы что тогда дѣлать и весь тотъ день провели въ смутныхъ о томъ размысленіяхъ и разговорахъ. Наконецъ положили, чтобы на утрѣ мнѣ съѣздить къ межешнику и освѣдомиться отъ него обстоятельнѣе, когда и скоро ли онъ насъ межевать станетъ, и буде еще нескоро, то-бъ ѣхать мнѣ скорѣе въ Кашино.

Итакъ, въ послѣдующій день, вставъ и одѣвшись поранѣе, поскакалъ я на Ведминскій заводъ, гдѣ тогда межешникъ нашъ имѣлъ главное свое пребываніе.

Былъ то помянутый г. Лыковъ, молодецъ, любившій погулять, попить, поселиться, а притомъ любившій набивать карманъ, и искусство сіе разумѣвшій довольно. Онъ занимался тогда формальнымъ межеваніемъ Нарышкинской волости и, начиная отъ Дурнева, обошелъ уже большую половину оной.

Я нашель его едва только проснувшимся и началъ съ нимъ тотчасъ о томъ говорить; но онъ не сказалъ мнѣ ни того, ни сего, потому что онъ самъ не зналъ, скоро-ли онъ дойдетъ до смежства волостной земли съ нами; а говорилъ только, что мнѣ тогда никакъ нельзя отлучиться отъ дома и, что легко статься можетъ,

что недѣли чрезъ полторы онъ и до насъ дойдетъ.

Услышавъ все сіе и приѣхавъ домой, сталъ я съ домашними моими думать, какъ быть и что дѣлать. Препятствіе, недозволяющее мнѣ отлучиться, было очевидно и неопровергаемо, и потому совѣтовали и разсуждали мы болѣе о томъ, тогда-ли намъ отправлять Надежду Андреевну, или ей меня дожидаться. Наконецъ положили, что отправить ее тогда-жъ и какъ можно скорѣе; а чтобъ не одной ей ѣхать, то теща моя воспріяла на себя трудъ проводить и отвезти ее туда, чѣмъ и былъ я крайне доволенъ.

Такимъ образомъ, собравши, какъ могли скорѣе, въ путь и снабдивъ всѣмъ нужнымъ, отправили мы обѣихъ путешественницъ сихъ въ Кашинъ и лишились собесѣдницы своей, которую мы были очень довольны, да и она такъ-было къ намъ привыкла и насъ полюбила, что при отъѣздѣ не могла здѣшнихъ мѣсть безъ пролітія слезъ оставить.

По отъѣздѣ ихъ и оставшись только съ женою, принялся я до наступленія межеванья опять за прежнія свои садовыя и литературныя упражненія; ибо по сдѣланной привычкѣ не могъ пробыть и одного часа безъ дѣла, а ходилъ либо въ сады и тамъ что-нибудь затѣвалъ, предпринималъ и дѣлалъ, либо садился за столъ и въ кабинетѣ своемъ что-нибудь читалъ, или писалъ на бумагѣ. Но частые и непрерывные почти приѣзды къ намъ около сего времени гостей дѣлали мнѣ въ томъ великую остановку.

Въ сіе время случилось мнѣ видѣть одного изъ знаменитѣйшихъ сосѣдей моихъ, а именно живущаго въ смежномъ съ дачами нашими селѣ Доминиѣ г-на Хитрова, Николая Александровича. Съ симъ человекомъ хотѣлось мнѣ свести давно уже знакомство, но какъ жена у него была барыня свѣтская, гордая, чиновная и особеннаго характера, то боярны наши какъ-то не охотно хотѣли между собою знакомиться и дружиться; почему и въ сей разъ не поѣхали къ брату моему Михайлу Матвѣевичу, у котораго Хитровымъ случив-

лось быть, и куда приглашены были и мы, а принужденъ былъ я итти одинъ, уже туда обѣдать.

Я нашелъ въ Хитровѣ человека очень хорошаго, разумнаго и охотника до экономіи, и мы все время проговорили съ нимъ не умолкая и разстались, полюбивъ другъ друга. Я звалъ-было его къ себѣ, но онъ отговорился невозможностію.

Впрочемъ, во время сего свиданія, случилось у насъ смѣшное происшествіе. Взойди послѣ обѣда пристрашная туча съ громомъ и молніею. Хитрова жена чрезвычайно боялась грома, а также былъ не смѣлчакъ въ разсужденіи сего пункта; но при всемъ своемъ страхѣ не могъ утерпѣть, чтобъ не смѣяться, смотря на г-жу Хитрову и на странныя ея восклицанія и крики при каждомъ разѣ, когда сверкала молнія и гремѣлъ громъ.

Что касается до предметовъ нашихъ разговоровъ, то болѣе говорили мы о межеваньѣ, къ обоемъ намъ уже скорыми шагами приближающемся.

Онъ былъ также земляни своими смеженъ съ волостными, и сказывалъ намъ, что слыша, что волостные вездѣ, гдѣ ни межевались, производили со всѣми сосѣдями превеликіе споры и у всѣхъ и дѣльно и недѣльно, а болѣе наглѣйшимъ образомъ отхватывали себѣ земля, боялся и онъ также, чтобъ они и у него не отхватили спорами чего-нибудь, такъ какъ они уже хвалились заблаговременно.

Всѣ таковыя слухи были для насъ очень непріятны; мы заключали изъ того навѣрное, что межевщикъ ими очень позадобренъ, и что дѣлаютъ они все сіе не по его ли наущенію и дозволенію; ибо извѣстное то было дѣло, что межевщики, во всѣхъ таковыхъ спорахъ, находили свои интересы и пользовались отъ обѣихъ сторонъ прибытками. Г-нъ Лыковъ же былъ намъ съ сей стороны очень подозрителенъ, ибо былъ онъ прямо на таковскую руку.

Впрочемъ, радъ я очень былъ, отъ г-на Хитрова услышавъ, что онъ съ нами спорить никакъ былъ не намѣренъ, также что спорная наша съ княземъ Горчако-

внмъ урочищи есть упомянутыя и въ его крѣпостяхъ.

Что касается до сего другого и знаменитѣйшаго нашего сосѣда и давнишняго соперника, князя Горчакова, владѣльца сельца Злобина, то былъ онъ въ сіе время уже генераломъ и особа гордая, надменная и нѣкакого страннаго характера.

Онъ прикосновенъ былъ дачами своими къ нашимъ дачамъ въ двухъ мѣстахъ, а сверхъ того имѣлъ еще маленькое участіе и въ самыхъ нашихъ Дворянскихъ дачахъ.

И какъ еще у отца его съ покойнымъ дядею моимъ Матвѣемъ Петровичемъ было одно, многіе годы продолжавшееся и по сіе время еще нерѣшенное судное дѣло объ одномъ кускѣ принадлежащаго ему стариннаго лѣса, называемаго Неволочью, въ разсужденіи которой покойный дядя отыскалъ какъ-то неоспоримыя почти доказательства по живымъ урочищамъ, что оный принадлежитъ намъ, и дѣло сіе продолжилось и не рѣшено было единственно за чрезвычайною скупостію моего дяди; то князь, сынъ его и тогдашній владѣлецъ Неволочи, опасаясь опять возобновленія сего дѣла, которое-бы смертію дяди моего поостановилось и замолкло, и не сомнѣваясь въ томъ, что мы будемъ спорить, нарочно для сего самъ съ Москвы съѣхалъ и жилъ въ сіе время уже давно въ своемъ Злобинѣ и на досугѣ вымышлялъ всякаго рода способы, чѣмъ бы насъ повредить при межеваньѣ, а паче всего острилъ зубы на сосѣдственную къ нему нашу пустошь Хмырово и, какъ молва носилась, грозился какъ-то у насъ ее отнять.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ онъ мнѣ былъ знакомъ по службѣ и по Кѣнигсбергу и былъ мнѣ далеко не такъ страшенъ, какъ волюстиве, то хотѣлось мнѣ съ нимъ видѣться; но какъ унизить себя предъ нимъ и къ нему ѣхать безъ приглашенія не хотѣлось, то искалъ я случая увидѣться съ нимъ въ общей нашей приходской церкви, что мнѣ и удалось и еще въ прошедшемъ мѣсяцѣ іюнѣ. И какъ свиданіе

сіе было у насъ странное и отчасти достопамятное, то и опишу я оно такъ, какъ описалъ, въ тотъ же день, въ тогдашнемъ моемъ журналѣ.

Было сіе 6-го іюня, что я, услышавъ, что онъ будетъ къ обѣднѣ, восхотѣлъ и самъ туда-же съѣздить не столько для богомолья, сколько для того, чтобъ видѣться съ княземъ, будущимъ моимъ по межеванью соперникомъ.

Признаюсь, что нетерпѣливо хотѣлъ я видѣть, какъ онъ со мною обойдется, а притомъ повеселиться непохѣрною его спѣсью и напыщеніемъ. Я дѣйствительно и ѣздилъ, и его высокопревосходительство и княжеское сіятельство увидѣть удостоился, и могу прямо сказать, что онъ прямой князь, бо все въ немъ замѣшано было на гордости и превозношеніи.

Уже и первое самое было то, что ему, по всему видимому, насъ хорошенько у церкви проторить себя и ждать заставить; онъ соблаговолилъ не прежде какъ въ двѣнадцатомъ уже часу возымѣть свой великолѣпный выѣздъ изъ сельца Злобина.

Собравшійся къ церкви народъ ждалъ, ждалъ, но наконецъ, наскучивъ, сталъ уже расходиться по домамъ. Братъ Михайла Матвѣевичъ, который не спрося броду сунулся въ воду, прождалъ его также часа два и, наскучивъ, уѣхалъ въ Савинское къ обѣднѣ.

Но меня онъ не обманулъ. Я, заключаая напередъ, что онъ рано не приѣдетъ и что, можетъ быть, изъ пышности захочетъ нарочно насъ проторить, поѣхалъ хотя въ обыкновенное время, но, заѣхавъ къ Матвѣю Никитичу, просидѣлъ у него до самаго того времени, какъ увидѣли ѣдущаго его по полю, а тогда поѣхалъ уже и я. Итакъ, князь былъ уже въ церкви, какъ мы приѣхали.

Онъ стоялъ, напыщенный спѣсью, на моемъ мѣстѣ; былъ до сего гордъ, былъ гордъ, а тогда уже изъ рукъ вонъ! Я сталъ позади его, и хотя онъ довольно могъ слышать, что я позади его стою, однако онъ стоялъ, какъ столбъ вкопанной и во всю обѣдню не только назадъ,

но и на сторону не оборотился. И такъ, мы съ нимъ и не здоровались.

Досадно мнѣ сіе невѣдомо какъ было, и я внутренно хохоталъ такой глупой надменности, и нарочно вопреки тому дѣлая, не задиралъ его и ему не кланялся, а хотѣлъ видѣть, что воспослѣдуетъ далѣе.

Наконецъ, выходитъ попъ съ антидоромъ; князь не пошелъ къ нему, и я также. И такъ, не выдались мы и тутъ съ нимъ. И какъ казалось мнѣ, то не хотѣлось ему и вовсе со мною видѣться, ибо какъ скоро отошла обѣдня и молебень, то пошелъ его сіятельство прикладываться къ иконамъ, дабы я, между тѣмъ, вышелъ изъ церкви.

Однако я не таковъ былъ глупъ, а остался ждать, покуда совершитъ онъ свою набожную церемонію, которую производилъ онъ съ такою важностію, что во время оной не взглянулъ ни однажды на народъ и на меня. Но какъ кончилось сіе, то необходимо надобно было уже намъ видѣться и ему итти мимо меня.

Я поклонился ему по старинному нашему знакомству, а онъ первымъ словомъ спросилъ меня, ѣздилъ ли я въ Петербургъ? Удивилъ онъ меня симъ вопросомъ, ибо я такого страннаго нимаго не ожидалъ.

— Нѣтъ, сказалъ я ему, у меня и на умѣ не бывало.

— «Мнѣ сказали, подхватилъ онъ: да кто-жъ это ѣздилъ, Ладыженскій что-ли?»

— Да, сказалъ я, Ладыженскій ѣздилъ, и онъ вамъ, небось, сказывалъ.

Послѣ сего перваго явленія, спросилъ онъ меня:

— «Что ты такъ худъ сталъ?»

— Никакъ! говорю я; а все таковъ же!

Третій вопросъ былъ слѣдующій:

— «Гдѣ ты былъ, какъ я приѣхалъ? Мнѣ сказали, что тебя не было дома».

— Да, сказалъ я, я ѣздилъ кой-куда на сихъ дняхъ.

Симъ весь разговоръ нашъ въ церкви тогда кончился. Онъ остался съ попомъ бесѣдовать и брать просфiry, а мы вышли и остановились на крыльцѣ. Онъ, вышедши, началъ аллегорію говорить о

нищихъ и спрашивать чьи они; а я увидѣвъ, что сошла между тѣмъ и княгиня, жена его, подошелъ къ ней, по старинному знакомству, подѣловаться, ибо тогда обыкновеніе еще было цѣловаться.

Она по добродушію своему обогласъ со мною очень ласково, спросила, все-ли мы здоровы и благополучны и какъ увеселяемся деревенскою жизнью, и прочее, и я на все отвѣтствовалъ такимъ же ласковымъ и благопріятнымъ тономъ.

Между тѣмъ, съ нетерпѣливостію ожидалъ я, не пригласитъ ли меня князь къ себѣ, однако у него и на умѣ того не было; а я тому былъ и радъ, ибо, въ такомъ случаѣ, принужденъ бы я былъ къ нему ѣхать. Такимъ образомъ кончилось наше свиданіе. Князь съ помпою поѣхалъ домой, а мы также.

Далѣе и кстати, расскажу вамъ еще объ одномъ своемъ сосѣдѣ, съ которымъ я около сего же времени случайно познакомился. Былъ то живущій въ деревнѣ Дубачинъ г. Селивановъ, по имени, Алексѣй Фёдоровичъ.

О семъ человекѣ слышался я уже издавна, что онъ былъ мудраго и особаго характера, чрезвычайный охотникъ до собакъ, до птицъ всякаго рода, имѣлъ весь домъ наполненный ими и велъ странную и уединенную жизнь. И мнѣ давно уже хотѣлось изъ единаго любопытства его видѣть, ибо впрочемъ, какъ онъ ни къ кому не ѣзжалъ, то не лестно было и его знакомство. Но около сего времени, какъ случилось въ селеніи у него стоять межовщику Хвоцнпскому, и мнѣ надобно было у него побывать, то согласились мы съ нимъ къ сему чудачу сходить.

И что-жъ нашли мы у него? Вся передняя и довольно просторная комната наполнена была у него разнаго рода собаками: были тутъ борзны, были лягавы и разныхъ другихъ родовъ, и большія и малыя.

Всѣ онъ подняли такой лай и отъ всѣхъ ихъ была такая вонь, что мы принуждены были почти заткнуть свои уши и носы при прохожденіи сквозь сію комнату, бо-

ась, чтобъ не оглушить себя и не задохнуться.

За сею слѣдовала другая, столь-же просторная, но ничѣмъ не лучшая. Сія вся загромождена была несчитаннымъ множествомъ клѣтокъ: нѣкоторыя изъ нихъ висѣли въ окошкахъ и въ такомъ множествѣ, что затемняли собою всю комнату; другими увязаны были всѣ стѣны; третьи висѣли съ потолка; а нѣкоторыя и крупнѣйшія помѣщенья были въ углахъ и въ простѣнкахъ, на полу и подлѣ стѣнъ, и во всѣхъ ихъ такое множество и малыхъ и большихъ птицъ, и производили онѣ пѣніемъ и щебетаніемъ своимъ такой громъ и шумъ, что не можно было слышать голоса говорящаго вблизи человѣка. А какъ и сіи животныя не производили отъ себя благовопія пріятнаго, то не могъ я, чтобъ не пожать плечми и не подивиться человѣку, проводящему жизнь въ такомъ многочисленномъ сообществѣ разныхъ животныхъ, и обоня всякій день ужасное зловопіе, отъ нихъ происходящее.

Въ самыхъ комнатахъ хозяйскихъ ничѣмъ почти было не лучше: онѣ всѣ были закоптѣлыя, мрачныя и напскучнѣйшія; а согласовались съ тѣмъ и всѣ приборы.

Самъ хозяинъ былъ уже немолодыхъ лѣтъ и жилъ также не весьма прибористо. Онъ принялъ насъ ласково, угощалъ насъ кофеемъ, но кофеемъ такимъ, какого хуже я отъ роду не пивалъ; а все сіе въ совокупленіи своемъ имѣло столь мало прелестей, что мы рады-рады были, когда вырвались изъ сей вонючей и вредной атмосферы на чистый надворный воздухъ и, говоря между собою, не могли довольно надивиться образу жизни сего впрочемъ довольно достаточнаго человѣка, но о которомъ г. Хвоцинскій сказалъ такое слово, которое мнѣ очень понравилось; а именно, онъ, говоря о г. Селивановѣ, сказалъ, «что, братецъ, у него ничего нѣтъ, да и самого его нѣтъ.»

Но не снѣмъ, а совсѣмъ другимъ образомъ угостилъ у себя я сего любезнаго и добраго землемѣра, посѣтившаго меня чрезъ нѣсколько дней послѣ того.

Отъ меня совсѣмъ съ другими мыслями онъ побѣжалъ, и могу сказать, что онъ мнѣ не только тогда, но и многіе годы спустя, когда случалось видать мнѣ его въ Тамбовѣ, оказывалъ, какъ бы родной какой, всевозможныя ласки и благопріятствы.

Тогда же обязалъ онъ меня очень вѣданіемъ мнѣ многихъ искреннихъ и дружескихъ совѣтовъ, въ разсужденіи приближающагося къ намъ межеванія, и наставленіями какъ поступить при ономъ, ибо ему я во многомъ открылся.

Отъ г. Лыкова же совѣтовалъ онъ мнѣ брать возможнѣйшія осторожности и всего меньше вѣрять всѣмъ его ласкамъ, наружнымъ благопріятствамъ и лебезенью; но не такъ отзывался о помощникѣ его, второкласномъ землемѣрѣ г. Сумароковѣ, котораго хвалитъ онъ мнѣ и говорилъ, что онъ малѣйшій добрый, знающій честь и благородство, и все сіе, какъ намъ послѣ самая опытность доказала, была точная правда.

Наконецъ, скажу вамъ объ одной сильной, но полезной выдумкѣ, которую случилось мнѣ около сего времени сдѣлать.

Родилась у меня въ сей годъ оная пшеница очень хороша; но какъ посѣяна она была близко подлѣ усадьбы, и впади на нее воробьи и въ такомъ множествѣ, что мы не знали, что дѣлать и какъ ихъ отогнать, ибо и стрѣляли, и чего не дѣлали, но ничто не помогало: остерпелись проклятые и вредъ причиняли великій, и тогда выдумалъ я оное средство, а именно:

Я смастерилъ чучелы, похожія очемъ на живыхъ летущихъ ястребовъ, сшилъ ихъ изъ тряпичъ и картузной бумаги и раскрасилъ подъ натуру. Сіи чучелы подѣлалъ я на длинныхъ пшуркахъ и распетлялъ между двухъ высокихъ тычинокъ, такъ что они видѣ имѣли летѣнія, и дали имъ въ придѣланные когти по живому привязанному воробью; и какъ чучело сіи непрерывно надъ пшеницею колыхались вѣтромъ и казались летящими, то сіе такъ устрашило воробьевъ, что ни одинъ изъ нихъ не посмѣлъ показаться в

глаза, и намъ удалось симъ образомъ спасти свою пшеницу.

Какъ вскорѣ за симъ и началось уже наше межеванье, то хотя бы и слѣдовало мнѣ приступить теперь къ описанію всѣхъ произшествій, при томъ бывшихъ; но какъ безъ предварительнаго увѣдомленія, въ какихъ обстоятельствахъ находились въ сіе время наши дачи, многое будетъ для насъ темно и непонятно, то дозвольте мнѣ напередъ изъяснить вамъ оныя.

Обстоятельства нашихъ земель были такъ спутаны и находились въ такихъ замѣшательствахъ, что я со всѣмъ моимъ въ межевыхъ дѣлахъ приобретеннымъ знаніемъ часто, при размышленіяхъ объ нихъ, самъ не зналъ, къ чему пристать своими мыслями и которое изъ многихъ намѣреній выбрать и принять лучше и полезнѣе, для желаемаго удержанія оныхъ за собою во всей цѣлости.

Ибо какъ устрашалъ меня не одинъ оказавшійся великой примѣръ, но и во многихъ мѣстахъ спутанныя и недовольно ясно въ прежнихъ писцовыхъ книгахъ описанныя живыя урочища и примѣты, могущія послужить сосѣдственнымъ спорщикамъ въ великую пользу, а намъ во вредъ; то зная, что при тогдашнемъ межеваньи весьма важны были и живыя урочища и могли многимъ помогать приобрѣтать себѣ земли, то, не полагаясь во многомъ на собственное свое знаніе, совѣтовалъ о многихъ сумнительствахъ и съ господами знакомыми себѣ межевщиками. Но какъ и ихъ совѣты и мнѣнія не о всѣхъ были одинакиа и одни толковали такъ, а иные инако, такъ что иногда приходилъ я оттого еще въ пущее замѣшательство мыслей. Наглавнѣйшее состояло въ слѣдующемъ:

Всѣ наши земли состояли, по несчастію, не изъ одной, а изъ осьми разныхъ дачъ и пустошей, которая хотя и были между собою смежны, но собственннхъ границъ между оными и того, до котораго мѣста простиралась одна и съ котораго собственно начиналась другая, того не только я, но и никто изъ престарѣвшихъ здѣш-

нихъ старожиловъ не зналъ въ точности, а знали только вообще мѣста, гдѣ которая лежала.

Но какъ всѣ оныя сообщить въ одну дачу нѣкимъ образомъ было не можно, потому что не во всѣхъ ихъ равное число владѣльцевъ находилось, а въ иныхъ было ихъ болѣе, а въ другихъ менѣе, а всѣ таковыя законами повелѣвалось не сообщать во-едино, а размежевывать порознь; то и не зналъ я, гдѣ показывать имъ внутреннія границы, да и идучи по окружной межѣ не видалъ, гдѣ показывать имъ начала и гдѣ окончанія.

Собственная дача сельца нашего Дворянинова лежала на рѣкѣ Скингѣ, по обѣимъ оной сторонамъ, и была сама по себѣ очень невелика, и половина оной лежала по теченію сей рѣки вправо или къ востоку, а другая по лѣвую сторону, или къ западу, и окружена была она отчасти своими, отчасти посторонними землями.

Съ западной и сѣверной стороны окружала ее сперва церковная земля, а потомъ земля смежнаго сельца Котова. За нею и съ восточной стороны примыкала къ ней пустошь наша Хмырово, а за сею волостная земля г-дѣ Нарышкиныхъ.

Съ южной же стороны и за рѣкою Скингою и Гвоздевою примыкала къ ней пустошь наша Гвоздево, а за сею на западъ земля деревни Трухиной или Болотовой.

Владѣльцевъ въ сей дачѣ было тогда пятеро: четверо насъ да князь Горчаковъ, имѣвшій въ ней маленькую частичку... И въ разсужденіи собственно сей дачи не ожидалъ и почти не опасался я споровъ, ибо съ волостными разграничивала насъ на большую часть одна писцовая Яблоновская вершина, а съ котовскими писцовая же рѣчка Трудавецъ. Однако какъ были прогалки и не по живымъ урочищамъ, то могли споры заводить съ нами и тѣ и другіе.

Вторую дачу составляла помянутая пустошь Хмырово, простирающаяся отъ Дворяниновской земли въ сѣверную сторону далече, и даже до самой рѣчки Треш-

ась, чтобъ не оглушить себя и не задохнуться.

За сею слѣдовала другая, столь-же просторная, но ничѣмъ не лучшая. Сія вся загромождена была несмѣтнымъ множествомъ кѣтокъ: инныя изъ нихъ висѣли въ окошкахъ и въ такомъ множествѣ, что затемняли собою всю комнату; другими унизаны были всѣ стѣны; третья висѣли съ потолка; а инныя и крупнѣйшія помѣщены были въ углахъ и въ простѣнкахъ, на полу и подлѣ стѣнъ, и во всѣхъ ихъ такое множество и малыхъ и большихъ птицъ, и производили онѣ пѣніемъ и щебетаніемъ своимъ такой громъ и шумъ, что не можно было слышать голоса говорящаго вблизи человѣка. А какъ и сіи животныя не производили отъ себя благовопія пріятнаго, то не могъ я, чтобъ не позать плечми и не подивиться человѣку, проводящему жизнь въ такомъ многочисленномъ сообществѣ разныхъ животныхъ, и обоняя всякій день ужасное зловопіе, отъ нихъ происходящее.

Въ самыхъ комнатахъ хозяйскихъ ничѣмъ почти было не лучше: онѣ всѣ были закоптѣлыя, мрачныя и наискуднѣйшія; а согласовались съ тѣмъ и всѣ приборы.

Самъ хозяинъ былъ уже немолодыхъ лѣтъ и жилъ также не весьма прибористо. Онъ принялъ насъ ласково, угощалъ насъ кофеемъ, но кофеемъ такимъ, какого хуже я отъ роду не пивалъ; а все сіе въ совокупленіи своемъ имѣло столь мало прелестей, что мы рады-рады были, когда вырвались изъ сей воючей и вредной атмосферы на чистый надворный воздухъ и, говоря между собою, не могли довольно надивиться образу жизни сего впрочемъ довольно достаточнаго человѣка, но о которомъ г. Хвощинскій сказалъ такое слово, которое мнѣ очень понравилось; а именно, онъ, говоря о г. Селивановѣ, сказалъ, «что, братецъ, у него ничего нѣтъ, да и самого его нѣтъ.»

Но не снѣмъ, а совсѣмъ другимъ образомъ угостилъ у себя я сего любезнаго и добраго землемѣра, посѣтившаго меня чрезъ нѣсколько дней послѣ того.

Отъ меня совсѣмъ съ другими мыслями онъ поѣхалъ, и могу сказать, что онъ мнѣ не только тогда, но и многіе годы спустя, когда случалось видать мнѣ его въ Тамбовѣ, оказывалъ, какъ бы родной какой, всевозможныя ласки и благопріятствы.

Тогда же обязалъ онъ меня очень подавіемъ мнѣ многихъ искреннихъ и дружескихъ совѣтовъ, въ разсужденіи приближающагося къ намъ межеванія, и наставленіями какъ поступить при ономъ, ибо ему я во многомъ открылся.

Отъ г. Лыкова же совѣтовалъ онъ мнѣ брать возможнѣйшія осторожности и всего меньше вѣрить всѣмъ его ласкамъ, наружнымъ благопріятствамъ и лебезенью; но не такъ отзывался о помощникѣ его, второкласномъ землемѣрѣ г. Сумароковѣ, котораго хвалилъ онъ мнѣ и говорилъ, что онъ малый добрый, знающій честь и благородство, и все сіе, какъ намъ послѣ самая опытность доказала, была точная правда.

Наконецъ, скажу вамъ объ одной смѣшной, но полезной выдумкѣ, которую случилось мнѣ около сего времени сдѣлать.

Родилась у меня въ сей годъ озимая пшеница очень хороша; но какъ посѣяна она была близко подлѣ усадьбы, то напали на нее воробьи и въ такомъ множествѣ, что мы не знали, что дѣлать и какъ ихъ отогнать, ибо и стрѣляли, и чего не дѣлали, но ничто не помогало: остервенились проклятые и вредъ причиняли великій, и тогда выдумалъ я оное средство, а именно:

Я смастерилъ чучелы, похожія очень на живыхъ летущихъ ястребовъ, сшивъ ихъ изъ тряпичъ и картузной бумаги и раскрасивъ подъ натуру. Сіи чучелы поцѣпилъ я на длинныхъ шнурахъ и распетлялъ между двухъ высокихъ тычинъ, такъ что они видѣ имѣли летѣнія, и далъ имъ въ придѣланные когти по живому привязанному воробью; и какъ чучелы сіи непрерывно надъ пшеницею колебались вѣтромъ и казались летящими, то сіе такъ устрашило воробьевъ, что ни одинъ изъ нихъ не посмѣлъ показать и

глаза, и намъ удалось симъ образомъ спасти свою пшеницу.

Какъ вскорѣ за симъ и началось уже наше межеванье, то хотя бы и слѣдовало мнѣ приступить теперь къ описанію всѣхъ происшествій, при томъ бывшихъ; но какъ безъ предварительнаго увѣдомленія, въ какихъ обстоятельствахъ находились въ сіе время наши дачи, многое будетъ для васъ темно и непонятно, то дозвольте мнѣ напередъ изъяснить вамъ оныя.

Обстоятельства нашихъ земель были такъ спутаны и находились въ такихъ замѣшательствахъ, что я со всѣмъ моимъ въ межевыхъ дѣлахъ приобретеннымъ знаніемъ часто, при размысленіяхъ объ нихъ, самъ не зналъ, къ чему пристать своими мыслями и которое изъ многихъ намѣреній выбрать и принять лучше и полезнѣе, для желаемаго удержанія оныхъ за собою во всей цѣлости.

Ибо какъ устрашалъ меня не одинъ оказавшійся великой примѣръ, но и во многихъ мѣстахъ спутанныя и недовольно ясно въ прежнихъ писцовыхъ книгахъ описанныя живыя урочища и примѣты, могущія послужить сосѣдственнымъ спорщикамъ въ великую пользу, а намъ во вредъ; то зная, что при тогдашнемъ межеваніи весьма важны были и живыя урочища и могли многимъ помогать приобрѣтать себѣ земли, то, не полагаясь во многомъ на собственное свое знаніе, совѣтовалъ о многихъ сумнительствахъ я съ господами знакомыми себѣ межевщиками. Но какъ и ихъ совѣты и мнѣнія не о всѣхъ были одинакія и одни толковали такъ, а иные иначе, такъ что иногда приходилъ я оттого еще въ пущее замѣшательство мыслей. Наиглавнѣйшее состояло въ слѣдующемъ:

Всѣ наши земли состояли, по несчастію, не изъ одной, а изъ осьми разныхъ дачъ и пустошей, которая хотя и были между собою смежны, но собственныхъ границъ между оными и того, до котораго мѣста простиралась одна и съ котораго собственно начиналась другая, того не только я, но и никто изъ престарѣлыхъ здѣш-

нихъ старожиловъ не зналъ въ точности, а знали только вообще мѣста, гдѣ которая лежала.

Но какъ всѣ оныя сообщить въ одну дачу нѣкимъ образомъ было не можно, потому что не во всѣхъ ихъ равное число владѣльцевъ находилось, а въ иныхъ было ихъ болѣе, а въ другихъ менѣе, а всѣ таковыя законами повелѣвалось не сообщать во-едино, а размежевывать порознь; то и не зналъ я, гдѣ показывать имъ внутреннія границы, да и идучи по окружной межѣ не видалъ, гдѣ показывать имъ начала и гдѣ окончанія.

Собственная дача сельца нашего Дворянинова лежала на рѣкѣ Скнигѣ, по обѣимъ оной сторонамъ, и была сама по себѣ очень невелика, и половина оной лежала по теченію сей рѣчки вправо или къ востоку, а другая по лѣвую сторону, или къ западу, и окружена была она отчасти своими, отчасти посторонними землями.

Съ западной и сѣверной стороны окружала ее сперва церковная земля, а потомъ земля смежнаго сельца Котова. За нею и съ восточной стороны примыкала къ ней пустошь наша Хмырово, а за сею волостная земля г-дѣ Нарышкиныхъ.

Съ южной же стороны и за рѣкою Скннгою и Гвоздевою примыкала къ ней пустошь наша Гвоздево, а за сею на западъ земля деревни Трухиной или Болотовой.

Владѣльцевъ въ сей дачѣ было тогда пятеро: четверо насъ да князь Горчаковъ, имѣвшій въ ней маленькую частичку... И въ разсужденіи собственно сей дачи не ожидалъ и почти не опасался я споровъ, ибо съ волостными разграничивала насъ на большую часть одна писцовая Яблоновская вершина, а съ котовскими писцовая же рѣчка Трудавецъ. Однако какъ были прогалки и не по живымъ урочищамъ, то могли споры завести съ нами и тѣ и другіе.

Вторую дачу составляла помянутая пустошь Хмырово, простирающаяся отъ Дворяниновской земли въ сѣверную сторону далече, и даже до самой рѣчки Треш-

ни и за оную, и содержала въ себѣ земли довольное множество.

Она окружена была со всѣхъ почти сторонъ землями чужими, и примыкала къ ней сперва земля деревни Котовой, потомъ земля деревни Злобиной, самой той, гдѣ находился тогда владѣлецъ ея, горделивой мой князь Горчаковъ.

Далѣе за сею и за рѣчкою Трешнею, приткнулась къ ней концомъ земля деревни Городни, а за сею, и на великое пространство и даже до Дворяниновской земли, прилегала къ ней бокомъ земля волостная, отдѣляющаяся отъ ней отчасти живымъ писцовымъ урочищемъ, называемымъ Грибовскимъ оврагомъ, отчасти полевою межею.

Въ разсужденіи сей пустоши опасался я уже болѣе споровъ какъ отъ волостныхъ, такъ и отъ князя Горчакова по Злобину. Сколько слухи до насъ доходили, то грозилась волостные отхватить отъ насъ болшую часть пустоши, утверждая, что будто бы Грибовской верхъ не тотъ, который мы называемъ, а другая вершина въ этой же пустоши, по несчастію, находившаяся, и такое-же точно положеніе имѣвшая, но лежавшая только ближе къ Злобину.

Князь также твердилъ и хотѣлъ насъ совсѣмъ изъ пустоши выгнать. А какъ владѣльцы въ сей пустоши были самые тѣже, какъ и въ Дворяниновской, и посему должна она была совокуплена быть съ нею, то и наводило сумнѣніе на меня то обстоятельство, что, въ случаѣ спора, могла и Дворяниновская дача подвергнуться опасности.

Третью дачу составляла пустошь Гвоздево, лежащая за рѣчкою Гвоздевкою и прилегающая внутренними боками къ землѣ Дворяниновскѣ, Болотовской и пустоши Голенинки, а наружнымъ бокомъ къ волостной землѣ и къ рѣчкѣ Сквингѣ или паче къ заводскому Елкинскому пруду.

Въ сей пустоши находилось уже шесть владѣльцевъ, и кромѣ насъ и князя имѣлъ еще небольшое участіе нѣкто Казариновъ, что послѣ во владѣніе досталось

г-ну Огаркову, а потому и должна была она отмежевана быть особо.

Въ разсужденіи сей пустоши, казалось бы, и не было причины опасаться мнѣ споровъ, ибо она вся почти окружена была живыми писцовыми урочищами, а гдѣ не было ихъ, тамъ была видима еще старинная межа съ прежними межевыми ямами; а сверхъ того по сей пустоши имѣли мы на волостныхъ законную претензію.

Помянутый ихъ Елкинскій заводскій прудъ запруженъ былъ на общей у насъ съ ними землѣ, и они за берегъ нашъ плачивали намъ встарину по сту рублей денегъ ежегодно; но какъ заводъ перемелся, то платить перестали, а прудъ все остался существующимъ. Итакъ, можно было и намъ съ ними еще о прудѣ законно спорить, почему и былъ я съ сей стороны почти спокоенъ.

Четвертую дачную землю составляла пустошь Голенинка, лежавшая за пустошью Гвоздевою въ углу къ волостной землѣ, и прилегающая однимъ бокомъ къ ней, а другимъ къ дачной землѣ деревни нашей Болотовой, а третьимъ къ лежащей за ними нашей пустоши Щиголовой.

Въ сей пустоши хотя я и братья мои владѣнія не имѣли, а имѣлъ только нѣкоторое участіе Матвѣй Никитичъ, главные же владѣльцы были Казариновъ и Ладыженскіе; однако какъ и она связана была съ нашими землями, то надобно было и объ ней хлопотать.

Пятую дачную землю составляла помянутая и самая отдаленнѣйшая отъ насъ пустошь Щиголева, лежащая по конецъ всѣхъ нашихъ земель и бокомъ къ землямъ села Домнина, г-на Хитрова, а прочими боками своими примыкала къ землямъ нашимъ деревни Болотовки и пустоши Шаховой; но гдѣ она съ ними разграничивалась, того никто не зналъ и не вѣдалъ.

Въ сей пустоши владѣльцами были мы да Ладыженскіе; Казаринова же и князя не было. И какъ она нигдѣ живыхъ урочищъ не имѣла и бокъ ея къ Домнину былъ описанъ такъ двояко и

неясно, что я какъ огня опасался спора отъ Хитрова, и готовился уже уступить ему десятины двадцать, ежели-бъ онъ заспорилъ.

Шестую дачную землю составляла прикосновенная къ ней пустошь Шахова. Сія проклятая пустошь навела на меня болѣе всѣхъ сумнѣнія и была главнѣйшимъ предметомъ всѣхъ моихъ стараній, вымысловъ и заботъ.

Она лежала бокомъ отчасти къ Доминской, а болѣе къ землѣ князя Горчакова, отдѣленной отъ ней рѣчкою Язовкою. И какъ самое верховье сей рѣчки было сумнительное, то отъ самаго того и произошло, гдѣ за 15 до того, у дяди моего съ княземъ Горчаковымъ споръ и искоевое челобитье о гдѣсь его, называемомъ Неволочью, находящемся въ верховьѣ сей рѣчки и прилегающемъ къ сей пустоши и обширностию десятины до 60 простирающемся.

Сей споръ, о которомъ упоминалъ я вамъ уже и прежде, не можно намъ было никакъ оставить, ибо описанныя въ писцовыхъ книгахъ живыя урочища и старинныя межевыя ямы, до нынѣ еще видныя, гласили явно и почти неоспоримо въ нашу пользу.

Почему, хотя-бъ мнѣ, при открытомъ великомъ въ земляхъ нашихъ примѣрѣ, и не весьма хотѣлось сей споръ при межеваньѣ возобновлять и производить, дабы не приумножить тѣмъ еще больше количество излишней земли, которую и безъ того не зналъ я какъ сохранить; но принуждала меня къ тому самая необходимость, ибо братья мои и слышать о томъ не хотѣли, чтобъ отъ сего спора отстать и даже сердились на меня при единомъ намеканіи моемъ о томъ стороною.

Седьмую дачную землю составляла небольшая пустошь Воронцова, прилегающая къ помянутой Шаховой однимъ бокомъ, а другимъ къ землямъ князя Горчакова, деревни Матюшиной, третьимъ къ пустошѣ Ермаковой, принадлежавшей Котовскимъ съ сосѣдомъ моимъ Матвѣемъ Нивитичемъ, а четвертымъ къ землямъ деревни Болотовой.

приложеніи къ «русской старинѣ» 1871 г.

Но какъ пустошь сія, отдѣленная отъ чужихъ земель хотя неоспоримыми живыми урочищами, принадлежала только тѣмъ же владѣльцамъ какъ и Шахова, а именно намъ и Казаринову, то и должна была по законамъ соединена быть съ оною воедино.

Наконецъ, осьюю дачною землею была земля деревни нашей Трухиной или Болотовой, въ которой было шесть помѣщиковъ, а именно: четверо насъ, Болотовыхъ, да Казариновъ, да Ладженскіе и которыя земли лежали посреди всѣхъ нашихъ дачъ, между Дворяниновскою, Гвоздевскою, Голенинскою, Шяголевскою, Шаховскою, Воронцовскою и Ермаковскою землею. Но, по всей ея окружности, неизвѣстно было мнѣ, гдѣ находились ея точныя предѣлы, а столько же мало знали о томъ и всѣ наши старожилы.

Кромѣ сихъ 8-ми большихъ дачныхъ земель, имѣли мы еще маленькій клочокъ отхожаго Гвоздевскаго луга, лежащаго за нашею церковью подлѣ рѣчки Язовки и совсѣмъ отъ нашихъ земель отдѣленную.

Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ находились наши земли. Я тысячу разъ благодарилъ самъ себя, что я всѣ оныя снялъ и положилъ на планъ заблаговременно, съ аккуратнѣйшею внутренною ситуациею, и чрезъ то приведенъ былъ въ состояніе заблаговременно и на планѣ тамъ внутреннія границы и смежности всѣмъ онымъ землямъ назначить, гдѣ по разсмотрѣнію моему было приличіе.

Чтожъ касается до помянутаго примѣра, оказавшагося при измѣреніи на планѣ во всей дачѣ или земляхъ нашихъ вообще, то намѣренъ я былъ рассчитать оныя по пропорціи четвертной дачи на всѣ оныя земли и пустоши, дабы никому не было обидно, и всѣ получили-бъ въ ономъ участіи.

Но не такъ воспослѣдовало, какъ я думалъ и, заблаговременно располагая, на планѣ своемъ назначивалъ.

Но о семъ расскажу я вамъ впередъ въ свое время; а теперь, какъ письмо сіе уже увеличилось слишкомъ, то довольте

мнѣ оно кончитъ и сказать вамъ что я есмь, и прочая.

(Ноября 5 дня 1805 года).

Письмо 140-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь, наконецъ, къ описанію происходившаго межеванья, скажу, что начальное было только по прикосновенности, а не формальное наше, ибо формально межевалась тогда Нарышкина волость, а не мы, слѣдовательно и коснулось оно, въ сей разъ, до насъ однимъ только бокомъ.

Приближилось оно къ намъ при обходѣ волости со стороны отъ Квакина, и волостные должны были размежеваться съ пустоши нашими: Голенинкою и Гвоздевою, а потомъ съ Дворяниновскою и Хмыровскою дачею... и дошло собственно до насъ еще въ концѣ іюля мѣсяца, а именно 22-го числа онаго.

Межевалъ насъ съ волостью помянутый землемѣръ г. Лыковъ, человѣкъ казавшійся по наружности очень добрымъ, къ намъ ласковымъ, дружелюбнымъ и благопріятнымъ; но, какъ послѣ оказалось, былъ онъ лукавый, скрытый, корыстолюбивый, безчестный и негодный человѣкъ.

Какъ мы съ нимъ сдѣлались давно и тогда еще знакомы, какъ онъ былъ далеко еще отъ насъ, и онъ къ намъ очень часто ѣзжалъ, и мы его во все это время поили и кормили, какъ добрую свинью, и всячески угощать и всѣмъ и всѣмъ служить ему старались; то и не ожидали мы никакъ, чтобъ онъ посягнулъ на насъ какими-нибудь злодѣйствами и неправдами и тѣмъ паче, что онъ всегда прикрывалъ себя непроницаемою личиною притворства и наружною къ намъ ласкою, благопріятствомъ и усердіемъ, и умѣлъ сіе такъ хорошо дѣлать, что я хотя и зналъ, что онъ угощенъ былъ досыта волостными, но побожиться бы за него былъ готовъ, что онъ никакъ не въ состояніи, забывъ честь совѣтъ и все благородство, изъ бездѣльной корысти продать насъ волостнымъ и поступить съ нами такъ без-

дѣльнически, какъ поступилъ онъ при тогдашнемъ случаѣ.

Мы хотя всячески къ нему ласкались и всегда старались ему всѣмъ, чѣмъ могли, прислуживать; однако какъ онъ за день до начала межеванья былъ имянинникомъ, то, не сомнѣваясь, что онъ въ сей день сдѣлаетъ для насъ обѣдъ и всѣхъ насъ къ себѣ позоветъ, изготовили-было ему приличные къ сему дню и добрые подарки.

Однако онъ сего не сдѣлалъ, и не допустила его до того либо скупость, ибо жилъ онъ очень скупю, либо совѣсть; ибо, въ самое то время, ковали они съ волостными начальниками и повѣренными злые противъ насъ ковы и составляли всевозможныя ухищренія и замыслы ко вреду нашему. А посему и остались всѣ наши подарки дома; что было и очень кстати, потому что они пропали-бъ по пустому и ничего бы въ пользу нашу не подѣйствовали.

Между тѣмъ какъ мы званья отъ межевщика дожидались, услышавъ мы, что волостные мужики все ходили около нашего Гвоздевскаго заказного лѣса, отыскивали какія-то ямы, посматривали мѣста, гдѣ имъ иттить отводомъ при межеваньи.

Досадно намъ сіе всѣмъ было, и мы послали того часа людей, чтобъ ихъ стараться изловить, какъ-бы непріятельскихъ подзорщиковъ и шпионовъ, а послѣ обѣда и сами туда съ братьями поѣхали.

Не успѣли мы туда пріѣхать, какъ сказываютъ намъ, что поймали волостного мужика съ нарубленнымъ воровски въ нашемъ заказѣ лѣсомъ.

— «О! о! закричали тогда мои братья, вотъ мы ему уже дадимъ!» а я себѣ на умѣ: «не таково, не таково строго!» и въ самомъ дѣлѣ не зналъ, что съ нимъ дѣлать.

Ко мнѣ, какъ къ главному всей нашей стороны начальнику, представили его какъ плѣнника, и онъ только и зналъ, что валялся у меня у ногъ и просилъ помилованія; что и было у меня на умѣ сдѣлать, ибо я хотя и могъ-бы тогда поступить съ

нимъ, какъ съ воромъ и его не только жестоко наказать, но послѣ отослать и въ городъ; но какъ я и въ прочее время не такой былъ драчунъ и забіяка, а тогда и подавно не хотѣлось мнѣ раздражать волостныхъ и тѣмъ болѣе подавать на себя повода ко враждѣ: разсудилъ я его только постращать, будто бы хотимъ его съчь, а послѣ отсылать связаннаго въ городъ, а наконецъ оказалъ будто ему милость и, пожалѣвъ старости его, отпустилъ безо всего и не сдѣлавъ ему никакого оскорбленія.

Итакъ, 21-го еще числа іюля, какъ наканунѣ того дня, въ который началось самое межеванье съ нами, получилъ я отъ повѣреннаго моего, ходившаго всякій день при межевщикѣ, увѣдомленіе, что межевщикъ уже подошелъ очень близко къ нашей дачѣ и на утріе будетъ межевать волость съ Хитровымъ.

Сіе насъ всѣхъ перетревожило, ибо можно было заключить, что въ этотъ день дойдетъ уже и до нашей земли. Итакъ, поднялись у насъ сборы, хлопоты и кричанья: «давай скорѣ лошадей! готовь скорѣ ѣсть! собирайтесь всѣ! посылай рабочихъ! вели везть столбы!» и такъ далѣе.

Мы всѣ, Болотовы, будучи тогда дома, согласились выѣхать на межу: Матвѣй Никитичъ со мною въ одноколѣ, а братья въ своей, ибо тогда ни дрожекъ, ни линеекъ въ употребленіи еще не было.

Отобѣдавъ дома, поѣхали мы тотчасъ за Квакинской лѣсъ къ Пахомову, гдѣ межа остановилась. Мы увидѣли уже издалека вѣхи и народъ, однако его еще не было, а нашли мы тутъ г. Хитрова. Онъ вывезъ нѣсколько возовъ столбовъ, и бѣлыхъ и черныхъ, и окруженъ былъ народомъ. Волостные также его очень тревожили, похваляясь вездѣ, что отхватятъ отъ него десятинъ тысячу, и онъ не зналъ, что съ ними и дѣлать.

Мы прождали межевщика часа полтора или болѣе; онъ все пировалъ у волостного управителя, но наконецъ выѣхалъ и онъ и началъ межевать.

Всѣ ожидали, что будетъ тогда споръ

съ Хитровымъ, однако, противъ чаянія всѣхъ, пошли безспорно по старому владѣнію, чѣмъ Хитровъ чрезвычайно былъ доволенъ, а можетъ быть имѣлъ и причину радоваться.

Я, видя сіе, сказалъ самъ себѣ: «вотъ со мною, проклятые, симъ образомъ не разведутся! Но что дѣлать! такъ и быть!»

Подумавъ симъ образомъ, пошли мы съ братьями напередъ къ тому мѣсту, гдѣ у насъ съ ними межа начнется, и стали ихъ дожидаться, думая безсомнѣнно, что они тотчасъ начнутъ съ нами споръ.

Но по счастью. всѣ повѣренные и начальные люди волостные были пьяненьки и не много поспутились; а я умѣлъ воспользоваться симъ случаемъ и отвести ихъ отъ зачатія спора въ томъ мѣстѣ, гдѣ мнѣ было-бы очень худо, а для нихъ полезно, и которое они немного прозѣвали.

По крайней мѣрѣ радъ я былъ тому, что они первую линію протянули съ нами безспорно. Тутъ, думаю я, что они начнутъ споръ, однако, гляжу, идутъ они и другую и третью линію безспорно, да и такъ еще, что нѣсколько и изъ своего владѣнія уступали.

Не могу изобразить, какъ доволенъ я былъ и какъ обрадовался-было я толь благому началу; но радость моя продлилась не долго.

Уже на третьемъ пунктѣ они остановились и поставивъ вѣху совсѣмъ въ нашемъ владѣніи и далеко отъ рубежа, хотѣли-было уже начинать споръ. Но тутъ гдѣ ни возьмись дождь и пошелъ пресильный; а какъ въ самое то время и оба повѣренные волостные что-то между собою неполадили и побранились, то и стали они просить межевщика, чтобъ въ тотъ день болѣе не межевать и, остановивъ межеванье, дать имъ время одуматься, обѣщая, что они такъ конечно не пойдутъ, какъ они вѣху поставили.

Я не зналъ тогда, послушаться ли ихъ просьбы, или убѣждать межевщика, чтобъ онъ продолжалъ межевать далѣе. Однако подумавъ, что можетъ быть они одумаютъ.

ся хотя было это и недостаточное дѣло, согласился на то, чтобы тутъ перестать.

Итакъ, прошли мы съ ними въ сей день только три линіи и съ полверсты, между еще только пустошь Голенинку съ волостью, и межеванье отложено до понедѣльника, т.-е. до 26-го числа іюля.

Я звалъ межевщика къ себѣ и онъ согласился ѣхать и, посидѣвъ у меня, заѣзжалъ къ Матвѣю Никитичу, и мы оба старались его употчивать, какъ можно лучше, и поили какъ свинью; и между прочимъ проговаривали опять о берегѣ прудовомъ, но онъ по прежнему обыкновенію тянулъ все въ сторону волостныхъ и не входилъ нисколько во всѣ мои неоспоримыя и справедливыя доказательства... Я досадовалъ тогда на сіе внутренно и за особое несчастіе себѣ поставлялъ, что получили мы въ немъ такого межевщика негодяя.

Въ послѣдующее затѣмъ воскресенье, какъ наканунѣ того дня, въ который надлежало начинаться опять межеванью, вздумалось нашимъ боярынямъ всѣмъ, собравшись гурьбою, съѣздить къ межевщиковой женѣ въ Ченцово, гдѣ они тогда стояли, въ гости, ибо она давно ихъ къ себѣ приглашала. Онѣ уговорили меня ѣхать вмѣстѣ съ ними.

Самого межевщика мы не застали дома, онъ уѣхалъ въ Саламыково, къ тамошнему прикащику пить; но жена его была дома, а скоро приѣхалъ и онъ, ибо она за нимъ тотчасъ послала.

По лукавству своему притворился онъ, будто бы былъ очень радъ нашему посѣщенію, а въ самомъ дѣлѣ желалъ лучше, чтобы мы къ нему не приѣзжали.

Но какъ бы то ни было, однако опъ первымъ словомъ началъ мнѣ сказывать радостное извѣстіе, что наканунѣ сего дня былъ въ Ченцовской половинѣ у волостныхъ сходъ, что говорили на немъ, какъ со мною разводитъ, читали писовыя книги и положили, чтобы со мною не спорить до самой рѣки Скингги.

Извѣщеніе сіе обрадовало меня чрезвычайно, почему и сидѣлъ у него я уже до веселья; а вскорѣ послѣ того подошелъ

туда-же и Ченцовскій надзиратель и повѣренный, беззубый Лобановъ.

Тотъ также мнѣ намекнулъ, что они, авось-либо, какъ-нибудь добредутъ до Скингги безспорно. Итакъ, я внутренно веселился сему отзыву и радовался, что Богъ на разумъ ихъ наставилъ; ибо для меня великая-бъ была подмога, если бъ они со мною хотя-бъ въ одномъ мѣстѣ не спорили.

Напротивъ того, о саламыковскомъ прикащикѣ и повѣренномъ другой половины сказывалъ мнѣ межевщикъ, что сей неотмѣнно со мною въ пустоши Хмыровой спорить хочетъ.

И какъ сей споръ былъ мнѣ уже давно предсказанъ, то я о семъ уже и не такъ тужилъ, вѣдая, что отъ сего прикащика, какъ злого и пренегоднѣйшаго человѣка, ничего добраго ожидать было не можно, и потому почиталъ сей споръ уже необходимымъ.

Такимъ образомъ, находясь между страхомъ и надеждою, приѣхалъ я домой уже поздно, и сообщая товарищамъ моимъ помнятое радостное извѣщеніе, обрадовалъ ихъ тѣмъ чрезвычайно.

Увѣреніе сіе почиталъ я столь справедливымъ и достовѣрнымъ, что какъ въ послѣдующій день начали мы собираться ѣхать на межу, то не велѣлъ я брать съ собою и столбовъ черныхъ, а повезти одни бѣлые и въ надеждѣ, что станутъ пробѣзжать межи сохами, велѣлъ взять съ собою и оныя.

Но прежде приступленія къ описанію самого межеванья волостныхъ съ нами, расскажу вамъ обо снѣ, какой я въ ночь сію видѣлъ:

«Мнѣ снилось, что я вижу у себя множество серебряныхъ денегъ и, удивляясь новости и гладкости ихъ, сталъ ихъ обтирать и вдругъ увидѣлъ, что были онѣ фальшивыя и натерты только ртутью».

Проснувшись, удивился я сему сновидѣнію и признаюсь, что поразился онимъ не мало, ибо снамъ я хотя и никогда не вѣрилъ и мало объ нихъ помышлялъ; однако было у меня какъ-то издавна замѣчено, что всегда, когда ни види-

валъ я во снѣ деньги, послѣдовали вскорѣ затѣмъ, и всего чаще въ самый тотъ же еще день, произшествія какія-нибудь важныя и непріятныя.

А въ сей разъ, желая лучше въ томъ удостовѣриться, прискалъ еще въ одной нѣмецкой обо снахъ книжкѣ деньги, и увидѣвъ, что и тутъ сказано, что серебряныя значуть важныя и сурьезныя дѣла, подумалъ, самъ съ собою говоря: «вотъ какое вранье! какимъ быть важнымъ дѣламъ, когда волостные не хотятъ спорить!»

Однако послѣдствіе доказало, что сонъ мой сбылся наиточнѣйшимъ образомъ и не только въ разсужденіи видѣнныхъ денегъ, но и самой фальшивости оныхъ, какъ все то окажется въ свое время.

Теперь, начиная повѣствовать о собственномъ межеваньѣ волостныхъ съ нами, скажу, что не успѣли мы подѣлать къ Шестунихѣ нашей, какъ пастухи сказывали намъ, что волостные прикащики съ мужиками разѣзжали во все то утро около Шестунихи и осматривали мѣста въ нашихъ дачахъ. Извѣстіе сіе привело меня въ великое сомнѣніе.

— «Кой-же чортъ! говорили мы между собою: уже не передумали-ли они опять и не хотятъ-ли начинать споры?»

Товарищи мои въ томъ почти уже не сомнѣвались; а я самъ, хотя и былъ между страхомъ и надеждою, однако сомнительныя мысли почти тотчасъ въ голову.

Незнаніе, какъ они поведутъ и опасеніе, чтобъ не повели они въ сумнительныхъ мнѣ мѣстахъ, такъ чтобъ несправедливый ихъ отводъ имѣлъ въ которое сходство съ писцовыми книгами и чтобъ мы не подверглись чрезъ то опасности потерять великое количество земли и такъ какъ бы повелъ я, будучи на ихъ мѣстѣ, меня очень тревожило.

Въ особенности же наводило на меня то обстоятельство сомнѣніе, что въ Гвоздевской нашей пустоши находились многія и разныя вершины, называющіяся нынѣ совсѣмъ уже не такъ, какъ назывались нѣкоторыя и порубежныя въ древнія времена. И какъ мнѣ можно было вы-

бирать изъ нихъ любия и называть прежними названіями, то боялся я, чтобъ они не выбрали такой, которая мнѣ была опасна.

Сверхъ того упоминалась въ писцовыхъ книгахъ одна порубежная дорожка, которой въ натурѣ никакой не было, и я опасался, чтобъ не назвали они ею большую профъзжую дорогу, идущую отъ Ельина чрезъ всю Гвоздевскую пустошь и чтобъ чрезъ то, съ видомъ вѣроятности, не отхватили они у насъ множества земли.

Словомъ, я находилъ столь многія и опасныя сомнительствы, что полагалъ уже предварительно въ мысляхъ, чтобъ въ случаѣ, ежели заведутъ они гдѣ-нибудь опасный споръ, то лучше уступать имъ иногда по небольшому количеству десятинъ, нежели допускать до большого спора.

Чѣмъ ближе подѣзжали мы къ сборному мѣсту, тѣмъ болѣе увеличивалось мое сомнѣніе; волостные мужики шатались вездѣ по нашимъ землямъ, и наконецъ наѣхали и самого надзирателя ихъ, ѣздащаго и осматривающаго положенія мѣстъ.

— Здорово! здорово! говоримъ ему, а у самихъ не то на умѣ, и говоримъ между собою:—«вотъ лихая болѣсть его уже носить; звать уже конечно дурное на умѣ, а то ему ѣздить-бы тутъ было не для чего».

Приѣхавши на сборное мѣсто, наши мы толпу народа, во межевщика еще и въ появѣ не было. Намъ первое огорчительное зрѣлище представилось въ черныхъ столбахъ, привезенныхъ волостными вмѣсто ожидаемыхъ бѣлыхъ.

Наши тотчасъ сіе уже пронюхали, и братъ Гаврила Матвѣевичъ съ горестію ко мнѣ прибѣжалъ и говорилъ:

— «Братецъ! вѣдь черные, а не бѣлые столбы проклятые-то привезли; звать хотѣть спорить!»

— Ну что-жъ дѣлать? сказалъ я ему, унять не можно.

Итакъ, готовились мы уже къ спору, о которомъ не было сомнѣнія, ибо наши мы волостныхъ мужиковъ совсѣмъ въ другомъ расположеніи нежели мы чаяли.

Совсѣмъ тѣмъ не преминулъ я употре-

бить все свое краснорѣчіе, чтобъ ихъ уговорить. Я представлялъ имъ смирное и согласное до сего времени сосѣдство; ласкалъ и общалъ имъ и впредь оное; грозилъ вѣчною ссорю, ежели они вынѣтъ противъ всей справедливости насъ обижать похотятъ; приступалъ къ нимъ непутнымъ дѣломъ; выбиралъ самыхъ стариковъ и говорилъ имъ слѣдующимъ образомъ:

— «Ну, мой другъ! ты уже въ гробъ смотришь, тебѣ уже немного жить остается! Скажи по совѣсти и какъ тебѣ предъ Богомъ явиться: владѣли-ли вы когда-нибудь въ семь мѣстѣ? и были-ли когда-нибудь у насъ здѣсь съ вами споры?»

Нечего было тогда симъ говорить: они признавались, что никогда не владѣли, и что никогда ни ссоръ, ни споровъ не было и что мною довольны, равно какъ и предками нашими.

— «Ну, для чего-жъ, подхватилъ я, вы теперь на задоръ идете и ссору начинать хотите, которой никогда не бывало; для чего дѣлаете вы вѣчную вражду, которой мы никогда не желали и нынѣ не желаемъ? Я ли къ вамъ во владѣніе вступаю? я-ли васъ обижать хочу? и не вы-ли сами, не зная для чего, противъ всей правды и невинно насъ обижать предпринимаете?»

Симъ и подобнымъ сему образомъ старался я ихъ уговаривать, но они были глухи и подобны нечувствительнымъ пнямъ. Я сіе вѣдалъ, и потому не для того и говорилъ, чтобъ ихъ убѣдить надѣялся, но хотѣлъ пристыдить ихъ совѣсть, что и подлинно производило ожидаемое дѣйствіе.

Старики бранили молодыхъ, что отъ нихъ всѣ сіи затѣи, а они никогда не хотѣли браниться и извинялись тѣмъ, что не ихъ была воля. Тогда, оставя ихъ, приступилъ я къ ихъ отводчикамъ, которые были самые плуты и выбраны къ тому, какъ удалцы изъ всей волости.

— «Скажите, пожалуйста! говорилъ я имъ, почему вы взяли себѣ въ голову и почему утверждаете, что это ваша земля? Не видите-ли писцовыхъ ямъ, которыя по нашей межѣ и понинѣ дѣлимъ, кто ихъ ко-

паль? мы-ли или межевщикъ? и когда мы у васъ завлаживали?»

Нечего имъ было говорить, и они предъявляли одинъ только и крайне смѣшной предлогъ, состоящій въ томъ: для чего-де прежній межевщикъ не прямо, а все кривулинами шель?

Нельзя было, чтобъ сему ихъ глупому оправданію не смѣяться, и для того, смѣючись, говорилъ я съ горести:

— «Для чего ты, мой другъ, тогда не родился и межевщику не сказалъ: «для чего ты не сдѣлаешь циркуля и всю нашу волость кружкомъ и яичкомъ не очертишь?» Однимъ словомъ, они были нѣмы и наполнены только завистью и злостью.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, подѣхали волостные прикащики. Тутъ начался у насъ разговоръ совѣмъ о другой матеріи. Имъ пожаловались мужики о бывшемъ въ лѣсу съ пойманнымъ мужикомъ происшествіи, также о бывшей наканунѣ того дня на Хмыровскомъ полѣ сумятицы, поводомъ къ которой было слѣдующее.

Между тѣмъ, какъ мы наканунѣ сего дня ѣздили съ боярынями въ Ченцово къ межевщику, братья мои оставались дома. Не знаю, какъ-то провѣдали они, что у насъ за дворами по Хмыровскому и Яблоновскому полю ходятъ волостные мужики, и осматриваютъ и мѣряютъ землю.

Они, воспылавъ досадою, бросились туда и гонялись за мужиками, а вскорѣ за симъ прибѣжалъ и Матвѣй Никитичъ, имѣя при себѣ человекъ съ тридцать; и дошло-было до драки, однако ничего не было, хотя съ обѣихъ сторонъ множество народа съ дубьемъ уже сбѣжалось.

Мужики волостные пожаловались, что наши сняли будто съ одного шляпу, а я, въ Шестунихѣ, снявъ съ мужика рубашку, водилъ будто по всему лѣсу; и наглость ихъ такъ была велика, что они въ глаза упрекали сею, по мнѣнію ихъ, дурною поступкою.

Досадно мнѣ тогда чрезвычайно было, что сіи бездѣльники за мою же добродѣтель меня же бравятъ, почему и говорилъ: «Жаль-же мнѣ, что я такъ былъ

великодушень и пойманнаго мужика въ лѣсу съ накраденнымъ моимъ лѣсомъ не выпорожь, пускай же бы они говорили».

Потомъ разсказалъ я прикащикамъ порядокъ всего происшествія, но сія господа были съ мужиками одного почти помѣта, а особливо саламыковскій, который подалъ тогда мнѣ поводъ еще къ выщей на него досадѣ, и наяснѣйшимъ образомъ далъ о себѣ знать, что онъ былъ навеличайшій плутъ и бездѣльникъ; а вотъ какимъ образомъ сіе происходило.

Между тѣмъ, какъ мы о помянутыхъ происшествияхъ считались, братъ мой Гаврило Матвѣевичъ, по молодости и пылкости своей, разгорячившись и грозя мужикамъ, проболталъ:

— «Посмотрю-ка я, какъ-то волостные ко мнѣ въ дачу съ сего времени толкнутся, и дуракъ я буду, ежели не укакошу кого-нибудь, кто мнѣ попадется въ руки!»

Прикащикъ саламыковскій, прислушавъ сіе и будучи самая ехидна, подхватилъ сіе слово и тотчасъ началъ являть понятнымъ:

— «Слушайте, господа понятые! говорилъ онъ: вотъ господинъ хочетъ убить до смерти человѣка, было бы вамъ это извѣстно!»

Досадно мнѣ сіе чрезвычайно было; однако я съ минутой времени молчалъ и далъ время ему пораззѣваться и тѣмъ наказалъ Гаврилу Матвѣевича за неосторожность, который въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно вступился.

Наконецъ, не могъ я болѣе вытерпѣть и сносить поношеніе, которое дѣлалъ такой бездѣльникъ моему толь близкому родственнику. Я вступился и напустилъ самъ на прикащика.

— Изъ чего ты это заключилъ? съ превеликимъ сердцемъ сказалъ я сему лбеднику, что онъ хочетъ убить до смерти человѣка? И какъ ты смѣешь трогать такъ благороднаго человѣка?... Что такое значить «укакошить»? Еще я не знаю, во чему бы это значило убить? Каконить, какопнить: на это надобенъ еще левеконъ, и развѣ по-твоему это значить

убіеніе? а по-моему это ничего не значить, и слово совсѣмъ не-русское.

Дурно было тогда прикащику, ибо нашла коса на камень, и онъ, видя неминуемую, тотчасъ сплылъ, и пересталъ о семъ говорить. Однако я съ сего времени получилъ весьма худое о семъ негодномъ и даже опасномъ человѣкѣ мнѣніе.

Вскорѣ за симъ притѣхалъ нашъ и межевщикъ и спрашиваетъ у меня: какова погода? я отвѣтствовалъ ему съ горестію что очень дурная, и что хотятъ спорить.

— «Какъ это, братецъ! подхватилъ онъ рѣчь: они не хотѣли спорить».

— Ну, хотѣли-ли или не хотѣли вчера, говорю я, а теперь хотятъ!...

Я ожидалъ, что межевщику будетъ сіе досадно, и что онъ непременно ихъ уговаривать. Однако весьма въ томъ обманулся, у него того и на умѣ не было.

По подлой своей душѣ, работѣствуя уже слишкомъ волостнымъ, не посмѣлъ онъ имъ сказать и единого словечка, а посмѣшалъ снимать скорѣе румбъ, приказывая имъ ставить вѣху, и продолжать далѣе.

Досадно мнѣ тогда до чрезвычайности было на межевщика, ибо сіе доказало мнѣ, что вчерашнія его слова были только одинъ обманъ, выдуманный наиглупѣйшимъ образомъ, власно какъ бы насмѣхъ намъ, и я такъ тогда на него въ духъ злился, что растерзалъ бы его, если-бъ было можно, за такую подлость.

Итакъ, первая волвенка положена была въ кузовъ. Я объявилъ съ своей стороны на неправильный ихъ отводъ споръ, и оный вкратцѣ записали и пошли по ихъ отводу.

Нелегкая занесла ихъ чрезвычайно далеко въ сторону лѣвую: они нацѣлили прямо на нашъ заказъ Шестуниху и пошли чрезъ кустарникъ, прорубая просѣку.

По окончаніи первой линіи думалъ я, что они свернутъ вправо въ вершину, но не тутъ-то было; они продолжали идти прямо и все на нашу Шестуниху.

Удивился я сей неожиданности и несообразному ни съ чѣмъ ихъ отводу; но, усматривая акули, что у нихъ на умѣ

про свою среднюю порубежную дорожку, которая не выходила у него изъ ума, хотя въ самомъ дѣлѣ ничего не значила.

Между тѣмъ какъ все сіе тутъ на горкѣ происходило, вышли всѣ наши боярныи за гумно Матвѣя Никитича, смотрѣть на нашу толпу народа; и какъ день тогда оканчивался, то положили на семь мѣстѣ межеванье того дня кончить.

Я какъ ни золь былъ на межевщика, но какъ съ симъ бездѣльникомъ браниться было не можно, то звалъ его къ себѣ; но онъ не поѣхалъ, а сказавъ намъ, чтобъ мы на утрѣ выѣзжали поранѣе, дабы успѣть до обѣда обойти по нашему отводу, обѣщавъ быть къ намъ обѣдать, съ чѣмъ мы тогда и разстались.

Мы заѣхали съ межи къ Матвѣю Никитичу и нашли тутъ всѣхъ нашихъ боярныи, ожидающихъ насъ съ нетерпѣливостью. Мы сообщили имъ извѣстіе о бывшемъ спорѣ, и о наглости и безумствѣ волостныхъ, и вмѣстѣ съ ними смѣлялись.

Но правду сказать, что было то хотя и весело, что они спутались и чрезъ то подали намъ лучшій способъ ихъ оспорить; однако все еще неизвѣстно было, какъ дѣло кончится, а извѣстный мнѣ примѣръ не преставалъ меня тревожить.

Вечеру хотѣлось мнѣ съ превеликою нетерпѣливостію узнать, сколько было земли въ заспоренномъ волостными мѣстѣ, и какъ я всѣ румбы и мѣру лнній записывалъ для себя, то прежде не легъ спать, покуда не наложилъ сего спора на своемъ плащѣ и не исчислилъ; и тогда со вздохомъ увидѣлъ я, что они у насъ въ сей день до 260 десятинъ и почти всю Гвоздевскую пустошь отхватили своимъ споромъ.

По утру на другой день выѣхали мы уже ранѣе; однако принуждены были межевщика долго (ждать); въ сей день надлежало по порядку отводить намъ свой отводъ, начиная съ того мѣста, гдѣ начался первый споръ.

Еслибъ не измѣрена была и неизвѣстна мнѣ наша дача, и не вѣдалъ я о своемъ примѣрѣ, то легко-бы могъ я впасть въ

искушеніе и съ досады на волостныхъ заспорить и у нихъ земля столько-же или еще больше, и тѣмъ испортить все дѣло и надѣлать такія-же глупости.

Но я, вѣдая обстоятельства, оставилъ всѣ такіе замыслы съ покоемъ, а повелъ по межѣ и границамъ тогдашняго владѣнія и довольствовался только утвержденіемъ отвода своего всѣми писцовыми живыми урочищами и ямами и дѣлалъ вездѣ, гдѣ нужно было, пространныя въ доказательство своей правды, а неправды волостныхъ оговорки.

Словомъ, я производилъ отводъ сей такъ порядочно и доказывалъ все такъ хорошо, что всѣ бывшіе тутъ повяты люди видѣли ясно мою справедливость, да и сами волостные не знали уже, что говорить противъ правды.

Они хотя и дѣлали кой-гдѣ возраженія, но возраженія ихъ были самыя бѣдныя и пустыя. Саламыковской же змѣй скрежеталъ зубами и уѣхалъ съ досады прочь, не хотя видѣть правды, которая была неопровергаема. Словомъ, мы вездѣ и такъ много писали, что межевщикъ даже скучилъ; а подъячій признавался, что онъ нигдѣ такихъ споровъ не видывалъ.

— «Но что дѣлать! говорилъ я, не я тому причиною, а волостные, а шеи протянуть мнѣ имъ не хочется».

Словомъ, замногимъ писаніемъ не прежде мы обводъ свой кончили и примкнули ко вчерашнему пункту подлѣ бучила, какъ часа съ три уже за полдни.

Тутъ сдѣлалась у насъ изрядная комедія: бездѣльникъ саламыковской приказчикъ по ябедничеству своему вздумалъ было исправить сдѣланныя въ предсѣдующій день ошибки и погрѣшности, соединя всѣ забытыя пмѣ и отдаленныя мѣста въ одинъ пунектъ, и занесъ-было такую нескладную ахиню, что не только мы всѣ, но и самъ межевщикъ не могъ утерпѣть, чтобъ не захохотать и не поднать его на смѣхъ.

— «Ха! ха! ха! закричали мы всѣ: что это такое ты, братъ, вздумалъ, это уже всего нескладице; и, упусти время, вѣдѣсь по малину не ходить».

Нечего тогда было дѣлать сему негодному человѣку; онъ, вдохнувъ, только говорилъ: «О, средняя порубежная дорожка! ты съ ума у меня нейдешь; но быть уже такъ, когда дѣло испорчено». Сказавъ сіе, спѣшилъ онъ перейти скорѣе рѣку Скингу и поставить на той сторонѣ бѣлый столбъ.

Мы не знали, не станутъ-ли они и тутъ спорить, но онъ увѣрялъ, что до Дворяниновскаго верха, за моимъ дворомъ и садомъ, пойдетъ безспорно по прежнему владѣнію, какъ и дѣйствительно провелъ одну линію вверхъ порубежнымъ Яблоновскимъ верхомъ безспорно.

Ему хотѣлось итти далѣе, но какъ давно пора была обѣдать, и мы видѣли, что проѣхала къ намъ и межевщица, то, переставъ межевать, поѣхали мы съ межевщикомъ ко мнѣ обѣдать.

Мы застали боярынь у себя уже въ собраніи, но онѣ уже давно пообѣдали и сѣли съ нами только для компаніи.

Не успѣли мы отобѣдать, какъ пошелъ пресильной дождь, а посему и принуждены были отложить дальѣйшее межеваніе до утра.

Я просилъ межевщика, чтобъ онъ у меня ночевалъ, и какъ онъ на то согласился, то провели мы весь остатокъ того дня въ разныхъ забавахъ и старались угостить межевщика всячески.

Но сего подлеца ничѣмъ было удобрить не можно, онъ отъ волости слишкомъ былъ задобрень, и по всему видимому милостыня была довольно велика.

Попутру, въ послѣдующій день, спѣшилъ межевщикъ ѣхать на межу, чтобъ успѣть до обѣда что-нибудь сдѣлать и поспѣшигъ къ обѣду къ брату Михайлѣ Матвѣевичу, который пригласилъ и насъ всѣхъ съ нимъ вмѣстѣ.

Такимъ образомъ поѣхали мы всѣ, собравшись, на то мѣсто, гдѣ остановились, что было подлѣ Елкинской мельницы. Прикашикъ заводской уже тутъ давно насъ дождался, и вся межевая команда была въ собраніи.

Тутъ, при самомъ началѣ, опять сдѣлался-было у насъ съ волостными, коихъ

алчности и поповаровѣ межевщика пустой хотя, но крайне досадный споръ о томъ, какъ итти порубежною вершинною протокомъ-ли, или берегомъ?

И мы прокричали и проговорили о томъ съ часъ времени, и насилу сладили и пошли безспорными линіями до самой почти нашей Дворяниновской вершины.

Но съ самой сей, или еще немного не доходя до оной, и началъ саламыковской повѣренный объявлять и записывать свой споръ, которой намъ давно уже былъ отъ него предвозвѣщенъ.

И какъ онаго мы ожидали, то, не удивляясь тому, дали волю ему писать, что хотѣлъ; но удивился я услышавъ упоминаніе его о томъ, будто-бы отъ господъ Нарышкиныхъ было на насъ въ завладѣніи тутъ землею челобитье, чего никогда не бывало, и онъ лгалъ безстыднѣйшимъ образомъ.

Кромѣ сего смутило меня еще одно, также совсѣмъ неожиданное явленіе и обстоятельство. Какъ по записаніи имъ спора сталъ межевщикъ по обыкновенію спрашивать всѣхъ понятыхъ, знаютъ-ли они чья та земля? то одинъ изъ нихъ, старичишка пренегодный, выдавшись, сказалъ:

— «Не знаемъ судырь, чья, а слышали только, что тутъ гдѣ-то есть Грибовскій врагъ».

Слово сіе поразило меня, какъ громовымъ ударомъ, и испужало чрезвычайно, ибо я тотъ часъ могъ догадаться, что молвлено сіе слово не случайно и не просто, но что произошло сіе отъ новаго и потаеннаго какого-нибудь злодѣйскаго кова, сдѣланнаго противъ меня нашими злодѣями.

Ибо какъ было то совсѣмъ не естественно, чтобъ постороннему и живущему въ отдаленныхъ мѣстахъ старичишку знать, какіе у насъ тутъ есть овраги и упоминать о Грибовскомъ, когда никто еще объ ономъ не говорилъ и не спрашивалъ; то другого не оставалось заключать, что бѣднѣйшій старичишка сей былъ охъ претивниковъ нашихъ старшій ~~челобитникъ~~ и настроенъ къ тому, чтобъ ~~онъ~~ o

диль своимъ показаніемъ тогда, когда рѣчь дойдетъ о Грибовскомъ врагѣ.

А какъ сей Грибовскій и далече еще отъ сего мѣста отстоящій и порубежный у насъ съ волостными врагъ былъ для насъ великой важности, и я тотчасъ могъ тогда предусматривать, что на умѣ у нихъ есть назвать симъ именемъ какую-нибудь другую вершину или оврагъ.

И какъ мнѣ довольно было извѣстно, какую великую важность составляютъ, при такихъ случаяхъ, объявленія глупыхъ и нерѣдко мошенниками подкупаемыхъ понятыхъ, и что законами велико на показаніи ихъ утверждаться; то бездѣльный старичишка сей сдѣлался мнѣ очень страшнымъ.

Но, по особливому счастью для насъ, проболтался онъ помянутымъ образомъ о томъ преждевременно, а сіе и испортило все дѣло, и разрушило всѣ злодѣя моего замыслы и ковы. Ибо всѣ тогда догадываясь, также какъ и я, что тутъ вроятся блохи, на старика закричали, что онъ не то говорить, о чемъ спрашиваютъ, а тѣмъ самымъ и сбили мужика сего долой съ пахвей, и онъ принужденъ былъ сказать то же, что сказали другіе, то-есть, что онъ того, чья сія земля, не знаетъ.

Какъ, между тѣмъ, время обѣдать давно уже настало, и къ намъ хозяйка Михайлы Матвѣевича неоднократно прислала уже звать ихъ; то мы, по записаніи спора, не стали долѣе медлить и поѣхали обѣдать, а послѣ обѣда, спѣша domeжевать Хмирово, не сталъ межевщикъ долго сидѣть, къ тому-жъ и намъ хотѣлось скорѣе видѣть судьбу и сомнѣніе свое разрѣшеннымъ. Итакъ, поѣхали мы опять межевать.

Мы нашли заводскаго прикащика уже на мѣстѣ, и онъ, во все сіе время, вымышлялъ и совѣтовалъ съ плутами мужиками, гдѣ-бы, имъ лучше вести.

Однако, совсѣмъ тѣмъ Богъ спуталъ ихъ и въ семь мѣстѣ, и они сдѣлали ошибку, разстроившую всѣ ихъ затѣи.

Всѣ сумнительныя обстоятельства сего спора и все то, что можно-бы было имъ

въ свою пользу употребить было имъ довольно извѣстно. Я зналъ, что имъ можно было споръ свой сдѣлать очень имовѣрнымъ и основательнымъ, а потому онъ меня болѣе всего и тревожилъ.

Ктому-жъ, по несчастію, въ границахъ пустоши Хмировской, на самомъ томъ Грибовскомъ врагѣ, были уже и въ старину, при прежнихъ межеваньяхъ, споры; но тогда спорили только о верховьи онаго, называя Грибовскимъ верхомъ одинъ изшедшій изъ него отвершекъ. И если-бы вздумали волостные и въ сей разъ сдѣлать то же, то намъ тогда хотъ добровольно пришлось-бы отдавать имъ десятинъ 40 наилучшей земли.

Но, по моему счастью, такого малаго количества для алчныхъ глазъ моихъ соперниковъ было слишкомъ мало; они не могли быть тѣмъ довольны, а имъ хотѣлось получать земли болѣе и отнять у меня двѣ трети, или почти всю пустошь Хмировскую, а для того и вздумали они Грибовскимъ оврагомъ назвать совсѣмъ другую и такую вершину, которая никогда имъ не бывала.

Почему и повели они прямо на верховье той вершины, но чрезъ самое то и спутались; ибо они того не знали, что, идучи тутъ, перерѣжутъ они совсѣмъ пустошь нашу Хмировскую и коснутся Горчаковской Злобинской земли. Что они дѣйствительно и сдѣлали и тѣмъ меня чрезвычайно обрадовали, ибо я никакъ себѣ не воображалъ, чтобъ могли они сдѣлать такую непростительную ошибку и такой проступокъ, который могъ все ихъ дѣло испортить.

Такимъ образомъ, дождавшись, какъ они опасное для меня мѣсто, а именно вышеупомянутый сумнительный отвершекъ миновали, и увидѣвъ, что взшли они на дорогу и къ границамъ Злобинской земли, остановилъ я тотчасъ ихъ, сказавъ, что влѣвъ пошла уже не моя земля, и для того спросилъ-бы у волостныхъ: чья она, и записали-бы.

Сего возраженія соперникъ мой нимало не предвидѣлъ и не ожидалъ и, спутавшись, не зналъ что сказать.

Но какъ незнаніе его, котормъ онъ извинялся, не могло быть принято, и я принуждалъ неотступно сказать чья земля; то сколько ни нилалъ, но принужденъ былъ наконецъ сказать, что это земля князя Горчакова.

Тогда, разсѣявшись, сказалъ я, что болѣе сего я не требую и не желаю: извольте записать, что эта земля князя Горчакова, сельца Злобина, съ которою волость никогда и смежною не бывала.

Ошибка сія была въ самомъ дѣлѣ столь грубая и чрезвычайная, что мнѣ дорого бы ее купить надлежало, ибо она могла служить мнѣ великимъ аргументомъ для опроверженія ихъ спора.

Я примѣтилъ, что даже и самому межевщику было то очень нелюбо, а злодѣя моего все сіе такъ смутило и всѣ мысли его привело въ замѣшательство, что онъ вмѣсто того, чтобъ погрѣшность свою стараться скорѣе чѣмъ-нибудь исправить, онъ, пошедши съ сего мѣста вдоль дорогою и смежною съ Горчаковскою землею, дѣло свое тѣмъ еще болѣе испортилъ; что мнѣ было и на руку, ибо я боялся, чтобъ онъ съ самаго того мѣста, гдѣ я его смутилъ, не повернулъ вправо.

Такимъ образомъ, прошедъ сажень со сто и поровнявшись противъ находящейся вправѣ вершинки, которую хотѣлось ему назвать и сдѣлать Грибовскимъ врагомъ, повернулъ прямо въ нее.

Приближаясь къ оной, трепеталъ я духомъ, чтобъ не спросили понятыхъ, какая эта вершина, и вышепомнутый сумнительный старичишка приводилъ меня въ ужасъ; и сомнѣніе мое увеличилось еще болѣе, какъ увидѣлъ я, что злодѣй мой невѣдомо какъ домогался того, чтобъ спросили понятыхъ, какая это вершина.

Но по моему счастью, или можетъ быть такъ Богъ захотѣлъ, межевщикъ, будучи тогда не въ духѣ и недовольнымъ, ему сказалъ: «Чего, братецъ, спрашивать, почему имъ знать?» а злодѣй мой по счастью не сталъ и усиливать. Итакъ, мы благополучно и прошли ея начало, записавъ только обо-стороннія объявленія, а именно: что по словамъ волостного повѣреннаго называ-

лась она Грибовскимъ врагомъ, а по нашимъ, что она такъ никогда не называлась.

Дошедши сею вершиною до рѣчки Трешни, надлежало намъ тутъ споръ кончить, потому что за рѣкою Трешнею въ гору хотѣлъ онъ итти безспорно и примкнуть къ починному пункту и бѣлому столбу.

Тутъ имѣлъ я причину самъ заспорить у нихъ влокъ земли, по, подумавъ и побоявшись своего примѣра, сіе намѣреніе оставилъ и записалъ только одно объявленіе, ихъ удивившее, согласился итти безспорно, и тѣмъ тогда сіе и кончилось.

Какъ случилось окончанію сему быть еще довольно рано, но для нашего отвода время въ тотъ день не доставало; то вздумали мы проѣхать въ Сенино къ г-ну Ладыженскому, зная, что поѣхали туда и всѣ наши боярыни, которыя, желая видѣть какъ межуютъ, выѣзжали послѣ обѣда къ намъ на межу и, посмотрѣвъ, проѣхали въ Сенино.

Какъ вздумали, такъ и сдѣлали, и приѣхавши къ г-ну Ладыженскому, успѣли еще просидѣть и прорѣзвиться цѣлымъ вечеръ; и какъ хозяинъ не отпустилъ насъ безъ ужина, то возвратились домой уже ночью, и межевщикъ почевалъ у Михайлы Матвѣевича.

Въ послѣдующій день хотѣли-было мы окончить свое межеванье съ волостными, ибо оставалось только пройти нашъ отводъ по спорному мѣсту, однако сего не сдѣлалось.

Пошедшій сильно дождь согналъ насъ съ межи, куда-было мы и выѣхали уже, а по стекшимся обстоятельствамъ продолилась остановка сія до самаго послѣдняго числа іюля мѣсяца.

Наконецъ настало 31-ое число іюля, день достопамятный окончаніемъ нашего межеванья съ волостью и бывшими въ оной произшествіями.

Я приготовилъ уже изрядныя рацен, которыя-бы мнѣ говорить въ опроверженіе отвода волостныхъ и въ утвержденіе своего собственнаго, и съ историческою дожидался межевщика и съ

вкупѣ моихъ злодѣевъ, и насилу-насилу наконецъ они выѣхали.

Злодѣй мой находился тутъ-же, напоенъ злобою, отъ которой трясся у него ажко подбородокъ. Истинно, я такого злого человѣка отъ роду моего не видывалъ.

Неуспѣли мы начать межевать, какъ злодѣй мой и началъ извергать свой ядъ и опровергать нашъ отводъ ложными своими документами. Но какъ, при семъ случаѣ, наша коса на камень, то не осталось ни одно слово его паки безъ опроверженія.

Сіе подадо поводъ опять ко многому писанію, которое межевщику такъ уже наскучило, что онъ уходилъ впередъ и насъ оставялъ и не слушалъ.

Въ сихъ спорахъ и взаимныхъ другъ друга опроверженіяхъ дошли мы благополучно до настоящаго нашего порубежнаго Грибовскаго врага.

По приближеніи къ сему проклятому и сумнительному врагу трепеталъ я духомъ, не зная, что послѣдуетъ въ ономъ. Ожидаемое вопрошаніе объ ономъ понятыхъ меня крайне тревожило.

Подозрѣвая, что злодѣй мой одного изъ нихъ, а именно помянутаго старичишку подкупилъ, опасался я, чтобъ сей негодяй не сказалъ, что это не Грибовскій врагъ; и опасеніе мое было такъ велико, что я принужденъ былъ употребить репресалии и хитрость противъ хитрости, а именно: я велѣлъ заблаговременно и поутру еще, въ тотъ день, людямъ своимъ изъ-подъ руки уговорить понятыхъ, чтобъ они сказали объ оврагѣ семъ самую сущую правду и польстили-бы волостнымъ.

Люди, которымъ поручена была сія коммисія, поступили еще далѣе; они, подчинявая возможнымъ образомъ понятыхъ виномъ и пирогами, общали тайно тому отъ меня награжденію, кто изъ нихъ скажетъ, что это подлинно Грибовскій врагъ, такъ какъ онъ и дѣйствительно былъ онимъ.

Вотъ какія бываютъ обстоятельства! Принуждено было невѣдомо какъ домогаться того, чтобъ только правду ска-

зали! Но какъ-бы то ни было, но по счастію моему нашлись изъ нихъ такіе, которые намъ услугу сію учинить и общали. Мнѣ пересказано было тотчасъ сіе и я хоти радовался тому, однако, не будучи еще совершенно въ томъ удостовѣренъ, колебался духомъ.

Итакъ, находился я тогда между страхомъ и надеждою, когда пришли мы въ Грибовскій оврагъ. Насъ тотчасъ стал спрашивать, что это за вершина и, записавши спорныя наши объявленія, стал по обыкновенію допрашивать о томъ и понятыхъ.

Злодѣй мой, какъ сатана, уже тутъ вертѣлся и домогался всячески, чтобъ сіе допрашиваніе было предпринято.

Видно было по всему, что надежда его на старичишку была безсомнѣнна; однако по счастію моему, а можетъ быть Богу такъ было угодно, попался онъ самъ въ тотъ ровъ, который для меня ископалъ. Ибо не успѣли спросить о томъ понятыхъ, какъ тотчасъ одинъ изъ нихъ, выступивъ, сказалъ: что онъ знаетъ подлинно, что это настоящій Грибовскій врагъ.

Я думаю, жесточайшій громовой ударъ не устрашилъ бы такъ моихъ злодѣевъ, и не привелъ бы ихъ въ такое смятеніе и замѣшательство, какъ сіе противъ всякаго ихъ чаянія выговоренное слово. Они всего меньше сего ожидали. Напротивъ того злодѣй мой, какъ самая сатана, кивалъ и махалъ своему старичишкѣ, напоминая ему, чтобъ онъ сказалъ по общанію.

Но не чудное-ли сплетеніе обстоятельствъ? Сей подкупленный имъ старичишка, по счастію моему, былъ глухъ и не слыхалъ, о чемъ тутъ рѣчь идетъ и чего спрашиваютъ, и потому ничего тогда не сказалъ; а тотъ, который мнѣ въ пользу сказалъ, случился быть такой, который въ самомъ дѣлѣ зналъ, что это Грибовскій врагъ, потому что ему случилось однажды цѣлую ночь проблудить въ немъ съ однимъ волостнымъ мужикомъ, о чемъ провѣдалъ я уже послѣ.

Итакъ, печальное сіе объявленіе прозвело тотчасъ во всемъ собраніи вели-

кую тревогу. Ехидна моя помертвѣла вся отъ злости со всѣми своимъ змѣйскимъ приборомъ. Они возопіяли всѣ во множествѣ голосовъ, какъ сумасшедшіе:

— «Какъ это? Какъ?.. Почему ему знать? Борисъ Сергѣевичъ! Борисъ Сергѣевичъ! Что это такое?» и т. д.

Господинъ межевщикъ, будучи злодѣемъ моимъ совсѣмъ оболъщенъ, и для бездѣльной корысти промѣнивая своего брата дворянина на мужика, былъ всегдашнимъ ихъ покровителемъ.

Онъ находился тогда, какъ вышеупомянутое произошло, въ небольшомъ отъ насъ отдаленіи, ибо, оставивъ насъ писать, что мы хотимъ, ушелъ отъ насъ прочь, сѣлъ на роспуски и игралъ съ своею собакою. Но крикъ и вопль моихъ злодѣевъ скоро достигъ до его ушей, и при тогдашнемъ-то случаѣ болѣе всего и явно доказалъ уже онъ намъ, сколь много держалъ онъ сторону волостныхъ, и какую подлую имѣлъ онъ душу.

Онъ не успѣлъ услышать, что одинъ понятой называетъ Грибовскимъ врагомъ, какъ, сломя голову, бросился къ намъ въ кучу и заревѣлъ:

— «Ба! ба! ба! Кто это называетъ? кто? Чей такой и откуда? Становитесь всѣ рядомъ, и сказывай всякій по порядку, знаютъ-ли, или нѣтъ!»

Я смотрѣлъ на все сіе съ крайнимъ удивленіемъ и не могу изобразить то изумленіе, какимъ поразилъ меня сей его поступокъ.

Вся кровь во мнѣ воспыкала отъ досады и негодованія. Я того и смотрѣлъ и полагалъ уже почти за достовѣрное, что они собьютъ моего честнаго понятого, да и нельзя было инако и думать; ибо не только межевщикъ, но и прикащики со всѣми своими подъячими кричали, и вопили, и приступали къ понятому и хотѣли его, такъ сказать, безъ соли съѣсть.

Однако, по счастію моему, ничего они ему не сдѣлали: мужикъ сталъ твердо въ томъ, что это Грибовскій врагъ и говорилъ, что онъ чрезъ него ѣзжалъ и знаетъ подлинно; а на него смотря принужденъ былъ и подкупленный волостными

старичишка молчать и невѣдѣніемъ отговариваться.

Итакъ, всѣми неправдами и кое-какъ слова понятого записали, и я въ немаломъ уже удовольствіи шелъ далѣе оканчивать свой отводъ, который и успѣли мы еще до захожденія солнечнаго кончить.

И тогда межевщикъ былъ такъ безстыденъ, что и послѣ такого поступка поѣхалъ ночевать къ Михайлѣ Матвѣвичу, а я спѣшилъ домой, чтобъ возблагодарить понятого за его услугу, и отпустилъ его отъ себя довольнымъ.

Симъ образомъ кончилась тогда размежевка наша съ волостными, и хотя они въ обоихъ своихъ отводахъ спутались чрезвычайно, и мнѣ удалось порядочнымъ образомъ всѣ ихъ показанія оспорить и опровергнуть; но какъ все дѣло было еще симъ далеко не кончено, а оставалось ожидать, какъ меня съ ними посудятъ въ межевой конторѣ, то не могъ еще я ничего заключать о предбудущемъ.

Но паче, зная о своемъ великомъ примѣрѣ и о томъ, что легко могла контора всѣ мои доказательства и не уважить и, буде захочетъ, учинить все въ пользу волостныхъ, все еще опасался, чтобъ не лишиться намъ всей нашей примѣрной земли и тѣмъ паче, что волостные въ обоихъ мѣстахъ почти точно такое число десятинъ у насъ и отвели своими спорными отводами, сколько было у насъ излишнихъ.

Но что воспослѣдовало, о томъ узнаете вы изъ послѣдующаго за симъ впредь моего повѣствованія, въ свое время. А между тѣмъ, какъ сіе мое письмо уже слишкомъ увеличилось и давно превзошло обыкновенные свои предѣлы, да и все теперешнее тринадцатое собраніе оныхъ достигло до своей пропорціи и величины; то, предоставивъ повѣствованіе о дальнѣйшихъ произшествіяхъ предбудущему времени, сіе съ дозволенія вашего теперь кончу, сказавъ, что я есмь навсегда вашъ и прочая.

Конецъ
тринадцатой части.
Сочинена и писана прямо набѣло двѣ
болѣе, въ 1805 году.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XIV.

Сочинена 1807, начата ноября.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКѢ ВООБЩЕ, А ВЪ ОСОБЛИВОСТИ-ЖЪ БЫВШАГО МЕЖЕВАНЬЯ.

1770.
(1807).

Письмо 141-е.

Любезный пріятель! Описавъ въ пред-
слѣдующихъ письмахъ начало нашего ме-
жеванья и всѣхъ происшествій, бывшихъ
при отмежеваніи дачъ и земель нашихъ
отъ Нарышевской Соломенной волости,
приступлю я теперь къ описанію продол-
женія онаго.

Оное далеко еще тѣмъ не кончилось,
о чемъ упоминаемо было въ моемъ по-
слѣднемъ письмѣ, но главнѣйшее дѣло
было еще впереди, и до нашей собственно
дачи межеванье еще и не доходило; а оно
коснулось только еще до насъ побочнымъ
образомъ, при случаѣ обхода кругомъ всей
помянутой волости, и какъ обходъ сей
самымъ тѣмъ и кончился, то и слѣдовало
уже межевщику приниматься за насъ и
обходить наши земли, къ чему онъ и рас-
полагался приступить нисколько не медля.

Споръ, произведенный волостными, сколь-
ни былъ нагль и несправедливъ, и съ ка-
кими погрѣшностями съ ихъ стороны онъ
сопряженъ ни былъ, но наводилъ на меня
великое сумнѣніе, и тревожилъ духъ мой
чрезвычайно.

Превеликой примѣръ, имѣющійся во
всей нашей дачѣ вообще, и великая опас-
ность, могущая послѣдовать отъ того для
насъ, въ случаѣ если окажется во всей

волости недостатокъ, устранилъ меня
сильно и заставлялъ безпрестанно по-
мышлять о томъ, нѣтъ ли какого еще спо-
соба отъ зла, угрожающаго насъ, избѣ-
жать, и спасти нашу примѣрную землю.

При многократныхъ размышленіяхъ о
томъ другого средства я не находилъ,
кромѣ того, чтобъ испытать воспользо-
ваться тѣмъ обстоятельствомъ, что не во
всѣхъ нашихъ дачныхъ земляхъ и пусто-
шахъ владѣльцы были одни и тѣже, но
въ нихъ было ихъ больше, а въ другихъ
меньше, а притомъ и владѣніе имѣли они
не во всѣхъ, въ разсужденіи пропорціи,
единоравное количество.

И какъ, по силѣ межевыхъ узаконеній,
долженствовало всѣ наши пустоши и де-
ревенскія дачи, по причинѣ помянутаго
неравнаго числа владѣльцевъ, размежевы-
вать и обходить каждую особю, а не со-
единять ихъ всѣхъ въ одну дачу и ок-
ругу, то и помышлялъ я въ то время,
когда станутъ обходить изъ нашихъ дачъ
и пустошей каждую порознь, симъ слу-
чаемъ воспользоваться.

И поелику показаніе границы между
оними зависѣть будетъ собственно отъ
меня, ибо въ натурѣ ихъ никакихъ не
было и они никому изъ всѣхъ нашихъ
жителей были неизвѣстны, и я могъ ихъ
назначать гдѣ мнѣ заблагоразсудится;
то и располагался я всѣмъ тѣмъ дачамъ
и пустошамъ, кои прикосновенны соб-

ственно къ землямъ волостнымъ, границы заднія отводить и назначать такъ, чтобъ количество земли въ тѣхъ особенныхъ дачкахъ и пустошахъ было гораздо меньше, нежели сколько надлежало въ нихъ быть по писцовымъ книгамъ, слѣдовательно оказался-бъ въ нихъ недостатокъ или по крайней мѣрѣ не было бы въ нихъ ни примѣра, ни недостатка; а всю примѣрную землю замыслилъ я (включить въ заднія и съ волостною землею несмежныя пустоши, ибо симъ однимъ средствомъ, естлибъ только оно удалось, можно было спасти всѣ примѣрныя земли.

Но вопросъ былъ, удастся ли мнѣ сіе сдѣлать, и не воспрепятствуютъ ли мнѣ въ томъ соперники волостные?

Извѣстно мнѣ было то довольно, что имъ всего легче сіе учинить, естли они будутъ осторожны и не прозѣваютъ; ибо имъ стоило только объявить, что я землю перепускаю изъ пустоши въ пустошь, какъ и подверглись бы онѣ всѣ общему измѣренію, и вся моя затѣя разрушилась чрезъ то совершенно. И я не сомнѣвался, что задаренной отъ нихъ межевщикъ сдѣлать сіе ихъ и надумать, естлибъ и сами они не догадались; а сіе и заставляло меня со страхомъ и трепетомъ ожидать начало собственнаго нашего межеванья.

Сіе и воспослѣдовало гораздо скорѣе, нежели я желалъ и ожидалъ; ибо какъ помянутый волостной споръ всѣ мои мысли разстроилъ; то и хотѣлось уже мнѣ, чтобъ начало сего межеванья не такъ скоро воспослѣдовало, дабы я могъ имѣть сколько-нибудь времени сообразиться съ мыслями, гдѣ границы пустошамъ согласно съ помянутымъ намѣреніемъ показывать и отводить, и успѣть отводчикамъ своимъ назначить и самыя пункты, гдѣ имъ становить вѣхи.

Но на ту бѣду межевщикъ нашъ сдѣлался уже слишкомъ ревностенъ и усерденъ, и вмѣсто того, чтобъ взять себѣ отдохновеніе, онъ не хотѣлъ медлить и одного дня; и естлибъ послѣ дня, въ который волостное межеванье кончилось, не случилось быть воскресенью и празднику Происхожденію честныхъ древъ, то
 приложеніе къ «русской старинѣ» 1871 г.

онъ на другой же бы день къ тому приступилъ, и за праздниками только отсрочилъ до понедѣльника, или 2 августа.

Итакъ, имѣли мы одинъ только день отдыха и свободный, но день такой, въ которой, по случаю праздника, мнѣ ничего сдѣлать было не можно да и некогда.

Сей день былъ и кромѣ сего достопамятенъ тѣмъ, что въ оный печальнымъ и принужденнымъ почти образомъ началось порядочнымъ образомъ наше знакомство съ сосѣдомъ моимъ, господиномъ Хитровымъ, Николаемъ Александровичемъ.

Сей любезный человекъ давно уже желалъ со мною познакомиться и подружиться короче, а не меньше того и я того же самаго желалъ, а тогда и самыя межевныя обстоятельства требовали того, чтобъ мнѣ постараться свести съ нимъ дружбу, дабы по крайней мѣрѣ хотя тѣмъ отвратить споръ съ дачами села его Домнина, о которомъ также былъ слухъ не мало меня смущавшій; ибо по причинѣ примѣрной земли всѣ споры, гдѣ-бъ они ни случились, были для меня страшны. Но какъ бы то ни было, по сей день сдружилъ меня съ нимъ самъ собою.

Господину Хитрову случилось приѣхать къ брату моему Михайлѣ Матвѣевичу, а какъ и я тутъ же былъ, то сіе вторичное свиданіе и познакомило насъ съ нимъ болѣе и произвело то, что онъ самъ назвался итти къ мнѣ вмѣстѣ съ бывшими тутъ же межевщиками.

Не могу забыть, какъ онъ, вошедши ко мнѣ въ залу, сказалъ: «Ну, теперь могу себя ласкать дружествомъ и знакомствомъ такого любезнаго сосѣда». А я увѣрялъ его, что онъ не обманывается, и былъ внутренно самъ радъ сему новому и для меня нужному знакомству.

Онъ увѣрялъ меня о своей искренней и великодушнѣйшей дружбѣ и ко мнѣ приверженности, а я дѣлалъ ему такіа же увѣренія и взаимныя обѣщанія, искать его къ себѣ любви и дѣлаться ей достойнымъ, въ чемъ мы и сдержали даваемыя другъ другу обѣщанія; ибо съ того времени по самую смерть любилъ

друга и были между собою хорошими приятельми.

Тогда же въ особенннсти было мнѣ приятно то, что онъ при случаѣ повѣстки, дѣланной отъ межевника, что онъ въ послѣдующій день насъ съ нимъ размежевывать станетъ, неоднократно дѣлалъ увѣрениа, что у насъ не будетъ никакого спора, и что мы разоидемся полюбовно, по старому владѣнію: а мнѣ того одного только и хотѣлось.

Но не въ такомъ простомъ видѣ былъ дѣла съ другою стороною, или въ разсужденіи другого моего сосѣда, его превосходительства князя Горчакова.

Съ нимъ я также, въ сей день будучи у общины, вѣдѣлся и заскакалъ было надеждою, что мы и съ нимъ о чемъ-нибудь поговоримъ, но въ вѣржѣтѣ своей очень обманулся. Онъ не удостоилъ меня ни однимъ словомъ, а я и не заикнулся также. «Скитился дѣл дѣла и оба тутъ».

Кромѣ сего обрадованіи мы были въ сей день возмущены: и мажннхъ утихъ изъ Сердубкиа, съ которыми возмущались изъ Бадина и тепа мѣа, а съ немъ прѣхала ко мнѣ и племянница моя Любовь Андуреевна.

Наутро должно было вѣзаться ферманному межеваннхъ напей деревни. Я вставши поутру, спѣшилъ заставить межевника, повѣзаннаго у Михайлн Матвѣевича: однако сей господинъ былъ не столько поворотливъ, и за нимъ весьма неспѣтъ было можно. Меня захватилъ еще постъ г. Лихарева, прѣзжавшій ко мнѣ по утру говорить о своемъ межеваннхъ и проехавъ сѣвѣла: но я, проводивъ и его, успѣлъ еще заставить межевника не убѣжавшаго на козю, и вмѣстѣ съ нимъ тутъ поѣхавъ, изъ нашихъ къ все межеваннхъ собраніе въ готовности и козю прочее и одного господина Хитрова насъ тутъ изъидавъ кароче.

Не успѣли мы сѣѣтѣ съ своимъ проѣзжѣмъ и лошадей, и поспривѣваться со вѣдѣмъ тутъ бывшими извержанами, какъ межевникъ и спѣшилъ прѣступить къ дѣлу. Но тутъ кароча его словъ произошло тутъ также происшествіе, которое и во-

внѣ не знаю ему приписать, и ли мнѣ умшленности землетря.

Слѣдующей же, некущейся оба въ порождающей все въ нашу козю.

Но какъ бы то ни было, но прои было странное, дивннтельное, кельше намъ оживаемое, и состоятъ, что землетря на деревн сѣлалъ непростительную погрѣхъ въ дѣлѣ своемъ грубую ошибку. Онъ сталъ дѣлать совѣтнхъ не то, по вѣдѣннхъ межевннхъ узаконеніямъ повѣдѣннхъ дѣлать бы вѣдѣвало.

Всѣмъ вѣдѣннхъ межеваннхъ названъ собратъ на томъ пунктѣ, гдѣ въ землѣ къ намъ впервые прѣхосъ вѣдѣно на смежности участъ землн г. напей и помннннской, и жашей г. Хитрова.

При сѣдѣннхъ вопросѣхъ, и нашихъ земелѣ тутъ вѣдѣннхъ речеиъ мы въ семъ пунктѣ смежили нашухъ пустошей. Шестомъ дѣннхъ. А какъ сіа пустоши и жаше равннхъ вѣдѣннхъ, то намъ межевннхъ и по поудку и вѣдѣннхъ, сѣдѣвало ему началъ пункта отмежевывать пустошь | скую, какъ сѣдѣннхъ сторонъ дѣлать, отъ вѣдѣннхъ прѣхнхъ нашихъ, козюку мы дѣлать: не въ пустоши земли участъ: но сего того прѣдѣннхъ размежеваннхъ съ Хитровнхъ и вѣдѣннхъ совѣдѣннхъ лѣннхъ сторону, кругомъ пустошъ лѣннхъ.

Прѣзвѣдѣсь, что я хотя точнхъ прѣдѣлѣ сѣдѣннхъ, но какъ жѣла мнѣ въ дѣлу, то я не вочъ за долгъ упомянуть оба оной и речеи его, вѣдѣннхъ тутъ вочъ вѣдѣннхъ того и смѣтѣннхъ, что не сѣдѣннхъ: однако со всемъ сѣдѣннхъ вѣдѣннхъ сннхъ тогда не сѣдѣннхъ, пользуюсь сѣдѣннхъ ошибкою, и тогда благополучно занимать и дѣлу въ сѣдѣннхъ окрѣту, и сннхъ такъ намъ не говоря ни одного слова.

Размежевка насъ съ г. Хитровъ съ вѣдѣннхъ вѣдѣннхъ успѣннхъ,

ющіяся между отводчиками и людьми нашими небольшія несогласицы старались мы наперерывъ другъ предъ другомъ предлагать уступками. И всего смѣшнѣе было то, что г. Хитровъ боялся меня, и чтобъ ему него чего незаспорилъ, а я того еще больше боялся его и чтобъ онъ не произвелъ спора, а потому и расходились мы тогда хорошохонько и безъ всякаго спора. Какъ поровнялись мы противъ самаго графа Домнина, то г. Хитровъ увидѣвъ, что жена межевщикова, съ моею невѣсткою, приѣхали уже къ нему въ село, сталъ съ всѣхъ приглашать къ себѣ обѣдать, что мы охотно и согласились. И такъ, со всѣми своими дворянскими солдатами и обѣдалъ еще въ первый разъ сего нашего знаменитаго сосѣда.

Послѣ обѣда застигъ насъ превеличайшій дождь и помѣшалъ-было ѣхать межевать; однако мы, переждавъ оный, поехали и успѣли въ тотъ же еще день дожевать весь прикосновенный бокъ съ Хитровымъ, и дойти до спорнаго пункта съ княземъ Горчаковымъ.

Тутъ хотѣлось-было мнѣ остановиться подумать, спорить ли или нѣтъ; но какъ было уже поздно и межевщикъ спѣшилъ ѣхать далѣе, то принуждены мы были, въ думая долго, записать съ княземъ Горчаковымъ извѣстный и старинный нашъ споръ, при которомъ случаѣ не могли мы довольно насмѣяться глупой запискѣ возмѣненія отъ князова повѣреннаго.

Записываніемъ сего съ обѣихъ сторонъ спора продлилось время такъ долго, что при окончаніи оной наступила уже совершенная ночь. Тогда г. Хитровъ сталъ насъ всѣхъ уговаривать, чтобъ мы поѣхали ночевать по близости къ нему, на что мы всѣ охотно и согласились, ибо домой ѣхать было далеко.

Вечеру разговаривали мы о записанномъ мною спорѣ, и г. Хитровъ спрашивалъ меня объ обстоятельствахъ онаго; и какъ я ему все рассказалъ, то почтительно онъ дѣло наше справедливимъ, и желалъ, чтобъ мы получили искомое. А поелику споръ сей былъ особливаго примѣчанія достоинъ, то хотя въ предслѣдую-

щихъ письмахъ и упомянулъ я объ ономъ въ нѣкоторой подробности, но въ пользу потомковъ моихъ почитаю за нужное объяснить оное здѣсь обстоятельнѣе.

Сей споръ нашъ съ княземъ Горчаковымъ былъ объ кускѣ земли, величиною десятины въ пятьдесятъ и однимъ лѣсомъ поросшемъ мѣстѣ, лежащемъ между нашею пустошью Шаховою, его деревнею Матюшиною и Алексинскимъ уѣздомъ.

Положеніемъ своимъ было мѣсто сіе между двухъ верховьевъ одной маленькой рѣчки и составляло, такъ сказать, островъ. Рѣчка Язва, составляющая изгари границу между нашими дачами и княжьи, въ верховьѣ своемъ происходила изъ двухъ буераковъ или вершинъ, и самое сіе обстоятельство было поводомъ и основаніемъ всего спора.

Мы называли одно изъ помянутыхъ верховьевъ рѣчкою Язвою, а князіе называли другое, а къ несчастію изъ обонхъ теченіе воды было ровное и можно было и то и другое почестъ верховьемъ.

Лѣтъ за двадцать до того времени назадъ не было о сей рѣчкѣ никакого спора, мы владѣли по ту вершину, которую называли князіе рѣчкою Язвою и владѣніемъ своимъ были довольны. Но я не знаю, какимъ-то нечаяннымъ случаемъ попался дядѣ моему, покойному Матвѣю Петровичу, списокъ съ Алексинскаго городского рубежа, идущаго черезъ и пересекающаго оба помянутые отвѣрка.

Читая оной, вдругъ увидѣлъ онъ, что тамъ рѣчкою Язвою названа совсѣмъ не та вершина, которую тогда всѣ называли а другая гораздо далѣе, первая же названа Шаховскимъ верхомъ. Изъ сего за вѣрное заключилъ онъ, что всѣмъ островомъ между обѣими сими вершинами конечно князя Горчаковы у насъ завладѣли, и не долго думая подалъ исковую челобитную.

Князь, отецъ вышшняго, будучи человекомъ богатымъ, и притомъ самъ дѣловецъ, находилъ средство убѣгать отъ суда, а дядя мой хотя и очень жарко началъ и довелъ до того, что князь былъ всѣмъ нашимъ, находилъ

друга и были между собою хорошими приятельми.

Тогда же въ особенности было мнѣ пріятно то, что онъ при случаѣ повѣстки, дѣлаемой отъ межевщика, что онъ въ послѣдующій день насъ съ нимъ размежевывать станетъ, неоднократно дѣлалъ увѣренія, что у насъ не будетъ никакого спора, и что мы разойдемся полюбовно, по старому владѣнію; а мнѣ того одного только и хотѣлось.

Но не въ такомъ лестномъ видѣ были дѣла съ другой стороны, или въ разсужденіи другого моего сосѣда, его превосходительства князя Горчакова.

Съ нимъ я также, въ сей день будучи у обѣдни, видѣлся и ласкался-было надеждою, что мы и съ нимъ о чемъ-нибудь поговоримъ, но въ надеждѣ своей очень обманулся. Онъ не удостоилъ меня ни однимъ словечкомъ, а я и не заикнулся также, «сошлись два лука и оба туги».

Кромѣ сего обрадованы мы были въ сей день возвращеніемъ домашнихъ моихъ изъ Серпухова, съ которыми возвратилась изъ Кашина и теща моя, а съ нею приѣхала ко мнѣ и племянница моя Любовь Андреевна.

Наутрѣ должно было начаться формальному межеванью нашей деревни. Я, вставши поутру, слышнлъ заставать межевщика, почевашаго у Михайлы Матвѣевича; однако сей господинъ былъ не слишкомъ поворотливъ, и за нимъ всегда поспѣть было можно. Меня захватилъ еще гость, г. Лихаревъ, приѣзжавшій ко мнѣ по утру горевать о своемъ межеванѣ и просить совѣта; но я, проводивъ и его, успѣлъ еще застать межевщика не уѣхавшаго на межу, и вмѣстѣ съ нимъ туда поѣхалъ, гдѣ пашли мы все межевое собраніе въ готовности и между прочими и самого господина Хитрова насъ тутъ ожидающагося.

Не успѣли мы сойтись съ своихъ дрожекъ и лошадей, и поздороваться со всѣми тутъ бывшими дворянами, какъ межевщикъ и слышнлъ приступить къ дѣлу. Но при первомъ его словѣ произошло тутъ такое происшествіе, которое и по-

нынѣ не знаю чему приписать, простотѣ ли или умысленности землемѣра, или дѣйствію судьбы. пекущейся объ насъ и распоряжающей все въ нашу пользу?

Но какъ бы то ни было, но происшествіе было странное, удивительное и всего меньше нами ожидаемое, и состояло въ томъ, что землемѣръ на первомъ шагѣ сдѣлалъ непростительную погрѣшность и въ дѣлѣ своемъ грубую ошибку. Словомъ, онъ сталъ дѣлать совѣтъ не то, что ему, по всѣмъ межевымъ узаконеніямъ и предписаніямъ, дѣлать бы начинало.

Всей командѣ межевой назначено было собраться на томъ пунктѣ, гдѣ волостная земля къ намъ впервые прикоснулась и именно на смежности трехъ земель, волостной, нашей и домининской, принадлежащей г. Хитрову.

При сдѣланномъ вопросѣ, какія изъ нашихъ земель тутъ начинаются, приурочили мы въ семъ пунктѣ смежность обѣихъ нашихъ пустошей, Щиголевой и Голенинки. А какъ сіи пустоши принадлежали разнымъ владѣльцамъ, то, по законамъ межевымъ и по порядку вездѣ наблюдаемому, слѣдовало ему начать съ сего пункта отмежевывать пустошь Голенинскую, какъ связавшуюся споромъ съ волостью, отъ всѣхъ прочихъ нашихъ пустошей, поелику мы далеко не всѣ въ сей пустоши имѣли участіе; но онъ вмѣсто того предпринималъ размежевывать насъ съ Хитровымъ и итти совѣтъ въ противную сторону, кругомъ пустоши Щиголевой.

Признаюсь, что я хотя тотчасъ усмотрѣлъ сію погрѣшность, но какъ она служила мнѣ въ пользу, то я не почелъ себѣ за долгъ упомянуть объ оной или остеречь его, ибо бывшіе тутъ повѣренные волостные того и смотрѣли, чтобъ я чего не схитрилъ; однако со всею своею хитростію ничего они тогда не сдѣлали, и мы, пользуясь сею ошибкою, и пошли тогда благополучно занимать всю нашу дачу въ одну округу, и они таскались съ нами не говоря ни одного слова.

Размежевка насъ съ г. Хитровымъ шла съ вождѣльнѣйшимъ успѣхомъ, ибо дѣ-

лающіяся между отводчиками и людьми нашими небольшія несогласицы старались мы непрерывно другъ предъ другомъ прекращать уступками. И всего смѣшнѣе было то, что г. Хитровъ боялся меня, и чтобъ я у него чего незаспорилъ, а я того еще болѣе боялся его и чтобъ онъ не произвелъ спора, а потому и расходились мы вездѣ хорошохонько и безъ всякаго спора.

Какъ поровнялись мы противъ самаго села Домнина, то г. Хитровъ увидѣвъ, что жена межевщика, съ моею невѣсткою, приѣхали уже къ нему въ село, сталъ насъ всѣхъ приглашать къ себѣ обѣдать, на что мы охотно и согласились. Итакъ, я со всѣми своими дворянновскими сосѣдами и обѣдалъ еще въ первый разъ у сего нашего знаменитаго сосѣда.

Послѣ обѣда застигъ насъ превеличайшій дождь и помѣшалъ-было ѣхать межевать; однако мы, переждавъ оный, поѣхали и усѣли въ тотъ же еще день домежевать весь прикосновенный бокъ съ Хитровымъ, и дойти до спорнаго пункта съ княземъ Горчаковымъ.

Тутъ хотѣлось-было мнѣ остановиться и подумать, спорить ли или нѣтъ; но какъ было уже поздно и межевщикъ слышнѣе итти далѣе, то принуждены мы были, не думая долго, записать съ княземъ Горчаковымъ извѣстный и старинный нашъ споръ, при которомъ случаѣ не могли мы довольно насмѣяться глупой запискѣ возраженія отъ князю повѣреннаго.

Записываніемъ сего съ обѣихъ сторонъ спора продлилось время такъ долго, что при окончаніи оной наступила уже совершенная ночь. Тогда г. Хитровъ сталъ насъ всѣхъ уговаривать, чтобъ мы поѣхали ночевать по близости къ нему, на что мы всѣ охотно и согласились, ибо домой ѣхать было далеко.

Вечеру разговаривали мы о записанномъ мною спорѣ, и г. Хитровъ разспрашивалъ меня объ обстоятельствахъ онаго; и какъ я ему все разсказалъ, то почиталъ онъ дѣло наше справедливымъ, и желалъ, чтобъ мы получили искомое. А поелику споръ сей былъ особливаго примѣчанія достоинъ, то хотя въ предсѣдую-

щихъ письмахъ и упомянулъ я объ ономъ въ нѣкоторой подробности, но въ пользу потомковъ моихъ почитаю за нужное объяснить оное здѣсь обстоятельнѣе.

Сей споръ нашъ съ княземъ Горчаковымъ былъ объ кускѣ земли, величиною десятинъ въ пятьдесятъ и однимъ лѣсомъ поросшемъ мѣстѣ, лежащемъ между нашею пустошью Шаховою, его деревнею Матюшиною и Алексинскимъ уѣздомъ.

Положеніемъ своимъ было мѣсто сіе между двухъ верховьевъ одной маленькой рѣчки и составляло, такъ сказать, островъ. Рѣчка Язва, составляющая встарь границу между нашими дачами и княжими, въ верховьѣ своемъ протекала, изъ двухъ буераковъ или вершинъ, и самое сіе обстоятельство было поводомъ и основаніемъ всего спора.

Мы называли одно изъ помянутыхъ верховьевъ рѣчкою Язвою, а князіе называли другое, а къ несчастію изъ обоехъ теченіе воды было ровное и можно было и то и другое почестъ верховьемъ.

Лѣтъ за двадцать до того времени назадъ не было о сей рѣчкѣ никакого спора, мы владѣли по ту вершину, которую называли князіе рѣчкою Язвою и владѣніемъ своимъ были довольны. Но я не знаю, какимъ-то нечаяннымъ случаемъ попался дядѣ моему, покойному Матвѣю Петровичу, списокъ съ Алексинскаго городского рубежа, идущаго черезъ и пересѣкающаго оба помянутые отвершка.

Читая оной, вдругъ увидѣлъ онъ, что тамъ рѣчкою Язвою названа совсѣмъ не та вершина, которую тогда всѣ называли а другая гораздо далѣе, первая же названа Шаховскимъ верхомъ. Изъ сего за вѣрное заключилъ онъ, что всѣмъ островомъ между обѣими сими вершинами конечно князю Горчакову у насъ завладѣли, и не долго думая подалъ исквою челобитную.

Князь, отецъ вышшняго, будучи человекомъ богатымъ, и притомъ самъ дѣловецъ, находилъ средство убѣгать отъ суда, а дядя мой хотя и очень жарко началъ и довель до того, что князь принужденъ былъ всѣ шапши, находящіяся на томъ

островъ, кинуть; однако, будучи чрезвычайной скупъ, не могъ долгое время продолжать сіе дѣло съ желаемымъ успѣхомъ, и оставилъ намъ оканчивать сіи хлопоты и претензію, которая справедлива-ль или нѣтъ, о томъ самъ Богъ вѣдаетъ.

Пряну сказать, дѣло сіе остановилъ князь болѣе нѣкоторою своею хитростію, а именно: онъ видя, что ему отъ суда не отбѣгать, подалъ вдругъ на насъ супротивную исквою челобитную, якобы мы у него такимъ же образомъ насильно завладѣли въ пустоши Хмыровой, и чрезъ то дядя мой его въ Коширу, а онъ его въ Москву къ суду требовалъ, что и причиною тому было, что дядя мой, дѣло свое бросивъ, положилъ ждать межеванья.

Но, о, какъ бы мы счастливы были, еслибъ онъ въ то время употребилъ всѣ нужныя усилія къ окончанію сего дѣла! тогда могъ бы онъ получить все желаемое, а при межеваньи повстрѣчалось съ нами уже гораздо болѣе затрудненій.

Но какъ бы то ни было, но онъ умеръ, не окончивъ сего дѣла, а мы, послѣдуя ему, ожидали съ покоемъ межеванья; и какъ оное настало, то и слѣдовало намъ оное оканчивать и возвращать всѣ наши протори и убытки.

Признаюсь, что почиталъ сіе дѣло до того безсомнительнымъ и не много озабочивался симъ споромъ; но получивъ о объ ономъ своей свѣдѣніе, сталъ инако уже числѣ земли думать.

Выступленіе изъ границъ своего владѣнія было для насъ дѣломъ весьма опаснымъ и предосудительнымъ, а съ другой стороны споръ княжой и его на насъ челобитье казалось мнѣ страшнѣе медвѣдя.

Я легко могъ заключать, что если онъ всходствіе своего челобитья заспорить въ Хмыровѣ, и если въ сельцѣ его Злобинѣ явится недостатокъ, въ чемъ я по малой обширности его дачи почти не сомнѣвался, то принуждены мы будемъ недостатокъ сей не только изъ своей примѣрной земли наполнить, но заплатить еще ему и завладѣнные деньги. Для самаго того и хотѣлъ и не хотѣлъ я

спорить; но какъ помянутымъ образомъ споръ былъ уже мною записанъ, то принужденъ былъ вступать въ дѣло.

Разговорившись съ Хитровымъ, къ немалому удовольствію моему услышалъ я, что и въ его крѣпостяхъ обѣ первыя вершины такимъ же образомъ названы Шаховыми верхами, а третья рѣчкою Язвою, какъ мы ихъ называли. И какъ мнѣ крайне восхотѣлось крѣпости сіи видѣть, то и просилъ я г. Хитрова показать мнѣ оныя, и онъ былъ такъ ко мнѣ благосклоненъ, что тотчасъ, отыскавъ, мнѣ ее отдалъ.

Состояла она въ выписи съ городской межи; и какъ она была формальная, съ надлежащею скрѣпою, то бумажку сію почиталъ я крайне для себя важною и нужною потому, что у меня была только копія, а самой выписи мы не имѣли.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ сдѣлалась между нами маленькая въ разсужденіи положенія мѣстъ разногласица, и господину Хитрову оное не такъ коротко было извѣстно какъ мнѣ, то положили мы съ нимъ чтобъ на утріе вставъ поранѣ, вмѣстѣ всѣ сіи мѣста объѣздить и осмотрѣть въ натурѣ, дабы намъ послѣ не разбитъ въ словахъ, ибо онъ намѣренъ былъ тоже верховье называть рѣчкою Язвою, которое я утверждаю.

Итакъ, въ слѣдующій день встали мы съ нимъ ранехонько, и одѣвшись поѣхали только трое, онъ да я, да староста его верхами рекогносцировать мѣста, которыя завоевать мнѣ хотѣлось. Но лишь только начали мы подъѣзжать къ мѣсту на спорномъ мѣстѣ, извѣстному подъ названіемъ Неволочи, какъ противъ всякаго чаянія увидѣли на той сторонѣ рѣчки Язвы и самого сіятельнаго князя, развѣзжающаго такимъ же образомъ въ провожденіи своихъ гусаръ и мѣста сіи осматривающаго.

Посмѣявшись тому, что мой споръ такъ рано его превосходительство поднялъ, не знали мы, что дѣлать: дагѣ ли къ нему ѣхать, или остановиться; но какъ нѣсколько постоявъ и побужившись на одномъ мѣстѣ, сталъ чрезъ рѣчку переѣзжать къ намъ, то разсудили мы за луч-

шее вернутся домой и послали на спорное мѣсто только старосту, сказать, буде князь спроситъ, что это дѣдизъ г. Хитровъ для показанія которыя десятины сѣять, что и дѣйствительно было.

Возвратившись въ Домпино, будили мы спавшаго еще землемѣра, и сѣвшили скорѣе ѣхать на межу, сказывая, что князь уже на межѣ и насъ дожидается. Но совѣтъ нашимъ поспѣшеніемъ мы не прежде какъ чрезъ три часа выѣхали, ибо хозяйка вздумала насъ еще накормить и мы порядочно почти пообѣдали; что и случилось весьма кстати, ибо безъ того было бы намъ тошно лихо.

Наѣвшись и напившись до сыта, поѣхали мы наконецъ на межу, и на самое то мѣсто, гдѣ въ навечеріи того дня записанъ былъ мною споръ, то-есть у перваго Шахова верха. Тутъ надлежало мнѣ начинать отводить мой спорный отводъ, а княжизъ разводиться по алексинскому рубежу съ домнинскими. Но повѣренныя князіе не смѣли безъ повелѣнія его ничего дѣлать, а поспѣвали тотчасъ за нимъ.

Онъ находился тогда посреди своей Неволочи, гдѣ, какъ мы послѣ увидѣли, была для его сѣятельства разбита палатка; и мы вскорѣ послѣ того увидѣли самого его къ намъ съ пышностію ѣдущаго.

Межевщикъ никогда еще его не видывалъ, и потому, желая оказать ему, какъ генералу, почтеніе, подбѣжалъ-было къ нему съ своимъ низайшимъ поклономъ; но какъ увидѣлъ, что князь не только не сошелъ съ своего коня, но сталъ обходиться съ нимъ чрезвычайно гордо, то, преславъ его уважать, приступилъ къ своему дѣлу.

Князь не долго жѣнкалъ, по опрокинувшись на меня и сталъ мнѣ гордо выговаривать, для чего и завожу споръ. Выговоръ его былъ для меня весьма чувствителенъ, но я, скрѣпивъ сердце, отвѣтствовалъ ему учтиво и дружжелюбнымъ образомъ, говоря, что дѣлаю сіе противъ своего хотѣнія и по самой необходимости и болѣе потому, что въ дѣлѣ семъ я не одинъ участникъ, и что сверхъ того не можно намъ отстать отъ сего давнишняго спора

въ разсужденіи волостныхъ, заспорившихъ у самихъ насъ множество земли.

Долго мы тутъ съ нимъ проговорили и наконецъ, не согласясь ни въ чемъ, пошли далѣе. Мы всѣ шли пѣшкомъ, а князь ѣхалъ подлѣ насъ верхомъ и разводился самъ съ Хитровымъ; по пришествіи-жъ къ настоящей рѣчкѣ Язовкѣ, ужаснулся онъ услышавъ, что и домнинскіе и татарскіе, согласно со мною, называли ту рѣчку Язовкою, чего онъ никакъ не ожидалъ.

Я написалъ тутъ превеликую въ подтвержденіе моего спора и показанія отворку, а онъ отвѣтствовалъ противъ того самъ. Тутъ распрощались мы съ Хитровымъ, который по причинѣ, что его земля осталась позади, отъ насъ отсталъ, а я понелъ свой отводъ кругомъ Неволочи.

Пришедши къ самому устью, гдѣ обѣ вершины стекаются и откуда рѣчка Язва внизъ была уже безспорная, началъ князь много говорить къ утвержденію, что его рѣчка имѣетъ болѣе теченія; также приговаривалъ, чтобъ я сказалъ, какая была земля налѣвъ, и говорилъ, что она не Шаховская, а какая то—онъ знаетъ, но теперь говорить еще о томъ не хочетъ.

Я догадывался къ чему сіе клонилось, однако не имѣлъ причины принуждать его далѣе объясняться, ибо отъ того произошла-бъ для меня великая опасность; но наче радовался духомъ, что князь умничаньемъ и молчаніемъ своимъ упускалъ наилучшій къ произведенію замысла своего случай.

Дѣло состояло въ слѣдующемъ: домогаясь узнать, отчего бы въ нашихъ дачахъ, а особливо въ самыхъ сихъ мѣстахъ былъ у насъ примѣръ, добирался я понемногу изъ старинныхъ писемъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы тогда называли пустошь Шахово, были въ старину еще пѣвакія пустоши, а именно пустошь Малаховская, пустошь Красная, пустошь Малая Неволочка, пустошь Котель и еще пѣкоторыя; но думать надобно, что онѣ предками и стариками нашими во время писцовъ утаены, и всѣ включены въ одну пустошь Шахово.

Обстоятельство сіе было мнѣ потому

извѣстно, что при бывшемъ спустя лѣтъ съ 50 послѣ писцовъ межевань пустоши Ермаковой, принадлежавшей князьямъ Горчаковымъ, прикосновенной однимъ бокомъ къ пустоши нашей Воронцовой, предки сихъ же князей Горчаковыхъ, бывшіе всегда нашими неприятелями, объявляли, что та наша пустошь не Воронцова, а пустошь Малаховка и другія, о которой-де отъ ихъ и челобитые къ государю имѣется.

Въ подтвержденіе сего служило и то, что старики наши, въ прикрытіе своей утайки, при бывшемъ три года послѣ писца откащикѣ, велѣли ему написать въ пустошахъ Шаховѣ, Воронцовѣ и Гвоздевѣ поверстнаго лѣса двѣ версты вдоль и на версту поперекъ, котораго въ писцовыхъ княгахъ совсѣмъ не упоминалось, и какъ думать надобно, то они послѣ съ князьями Горчаковыми какимъ-нибудь домашнимъ образомъ раздѣлялись и оную утаенною землею подѣлились, и можетъ быть при тогдашнемъ же случаѣ дошла до ихъ рукъ спорная Неволочъ.

Всему тому служили и тогдашнія слова князья подтвержденіемъ, ибо онъ упоминалъ о какой-то домашней сдѣлкѣ и о сихъ пустошахъ, только не называлъ оныхъ и не приказывалъ мужикамъ говорить, что все приводило меня въ немалое безпокойство и я какъ сначала, такъ и тогда не радъ былъ, что связался съ нимъ споромъ.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, переѣхались погода и пошелъ сильный дождь, но мы принуждены были продолжать межеванье, ибо князь присутвіемъ своимъ связалъ насъ по рукамъ и по ногамъ. Всѣ мы перемокли, всѣ устали впрахъ, ибо не можно было при немъ ни сѣсть, ни отдохнуть, ни посмѣяться, ни побалагурить по обыкновенію.

Самому межевщику присутствие его было крайне неприятно; онъ злился на него за непопулярную гордость, и пошестомъ проваливалъ его всячески. Совсѣмъ тѣмъ нечего было дѣлать, князь не оставалъ отъ насъ ни на минуту, и ходилъ и мокъ съ нами влѣтъ.

Смѣшно было только то, что онъ дивился мнѣ и всѣмъ намъ, какъ мы не ѣвши такъ долго терпимъ, не вѣдая того, что мы уже пообедали. Но какъ бы то ни было, но онъ, цѣлый день не ѣвши и не пивши, съ нами пробылъ, и отзывался, что сей день ему такъ труденъ, что хотя-бы было то и подъ Бендерами, а мы только взглядывали другъ на друга и улыбались.

По окончаніи нашего спорнаго отвода, пошли мы съ нимъ внизъ по теченію рѣчки межеваться безспорно. Но какъ сталъ я назначать копецъ пустоши Шаховой и начало пустоши Воронцовой, то онъ оспорилъ и говорилъ, что Воронцово начнется еще дагѣ.

Сіе меня встревожило. Холодный потъ оросилъ чело мое, и въ груди встрепетало сердце: ибо я того и смотрѣлъ и ждалъ, что онъ возобновитъ показаніе своихъ предковъ и станетъ называть тѣ пропавшія пустоши; и для того, подходя къ сумнительной для меня воронцовой вершинѣ, попросилъ тихонько межевщика, чтобы онъ тутъ сдѣлалъ межеванью въ тотъ день окончаніе, и пересталъ межевать, и межевщикъ въ семъ случаѣ былъ такъ ко мнѣ благосклоненъ, что охотно желаніе мое выполнилъ, и межевать пересталъ; а сіе и принудило насъ разѣхаться и не допустило князя до замыслимаго имъ объясненія.

Какъ межеванье наше было на нѣсколько дней отсрочено, то на утрѣ, проводивъ приѣзжавшаго ко мнѣ и у меня ночевавшаго гостя, и отпустивъ тещу свою въ Дятлово, гдѣ у госпожи Гевской начиналось свадебное дѣло, принялся за циркуль и транспортиръ, и началъ все оспоренное мною мѣсто, по запискамъ своимъ всѣхъ линий и румбовъ, накладывать на планъ, и по исчисленію пашоль, что было въ немъ 55 десятинъ, а въ послѣдующій за сими 5-й день августа, положилъ я на досугъ объѣздить всю внутренность нашихъ дачъ, дабы можно было заблаговременно назначить границы пустошамъ и позамѣтить для себя нужныя мѣста.

На другой день послѣ сего былъ у насъ извѣстный праздникъ Преображенія Господня, и я, будучи у обѣдни, имѣлъ случай видѣть опять соперника моего князя, который казался мнѣ часъ отъ часу горделивѣйшимъ, и не удостоилъ меня ни единымъ словомъ.

По возвращеніи домой, имѣлъ я неожиданное удовольствіе узнать отъ заѣзжавшаго ко мнѣ второкласснаго землемѣра г. Сумарокова, Александра Никифоровича, что на утріе начнется у насъ опять межеванье, но что уже не г. Лыковъ, а опъ будетъ домежевывать дачу нашу.

Сія неожиданность обрадовала меня чрезвычайно, ибо какъ землемѣръ сей былъ малый очень добрый и мнѣ другъ, то готовъ я былъ съ нимъ ѣхать всюду межеваться, поелки не онъ, а я могъ быть всему главною пружиною.

Совсѣмъ тѣмъ не былъ я и въ сей день освобожденъ отъ заботъ и безпокойства, и имѣлъ важную причину четырехъ вещей опасаться: во-первыхъ, чтобъ князь не объявилъ возраженія о пустошахъ, и не назвалъ бы Воронцовскую вершину Малаховскою; во-вторыхъ, боялся я чрезвычайно, чтобъ по пустоши Ермаковой, которую въ сей день межевать надлежало, котовскіе не завели со мною спора и боялся болѣе потому, что въ сей пустоши былъ у меня снятъ плавъ, и мнѣ по измѣренію оной извѣстно было, что въ ней десятинъ около сорока не доставало, слѣдовательно, боялся я, чтобъ въ случаѣ произведеннаго отъ нихъ спора непринуждено намъ было заблаговременно съ ними мириться и имъ сей недостатокъ изъ своихъ дачъ наполнять.

Въ-третьихъ, устранили меня живущіе при церкви нашей и церковную землю владѣющіе бездѣльники бобылишки. Сіи, не зная ничего не вѣдая, приняли намѣреніе спорить со мною и съ пустошью Ермаковскою. Слухи о томъ доходили до меня вѣрныя и мнѣ сказывали, что они осматривали уже и мѣста, и хотѣли неотмѣнно спорить.

Споръ отъ самихъ ихъ собственно былъ

мнѣ не страшенъ, потому что въ церковной землѣ былъ излишекъ; но я для того сихъ споровъ ихъ боялся, что они, связавшись со мною и съ пустошью Ермаковскою, свяжутъ и меня съ оною, и я принужденъ буду наполнять Ермаковскую пустошь, или по крайней мѣрѣ уйдеть въ нее весь примѣръ церковной земли, который хотѣлось мнѣ сберечь для наполненія имъ великаго недостатка нашего отхожаго луга, находившагося за церковью.

Въ-четвертыхъ, и всего болѣе страшился я княжова спора по пустоши Хмыровой, о которомъ я нимало не сомнѣвался, но считалъ за вѣрное, что онъ восплѣдетъ, потому что отъ князя имѣлась на насъ въ подачѣ о томъ исконная челобитная.

Ктому-жъ я его задралъ, а сверхъ того имѣлъ онъ и потому наибольшій резонъ спорить, что по глазомѣру не сомнѣвался въ томъ, что въ прикосновенной къ сей пустоши дачи сельца его Злобина будетъ недостатокъ.

Вотъ какихъ опасностей долженъ я былъ въ одинъ день страшиться; я предварялъ о томъ нѣкоторымъ образомъ и межевщика, и просилъ о вспоможеніи въ нужномъ случаѣ, а между тѣмъ, однако, заготовлялъ замѣчанія о томъ, что говорить на межѣ, и чѣмъ защищаться, утѣшаясь, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что межевщика имѣлъ по сердцу, въ которой надеждѣ и не обманулся. Межеванье, противъ всякаго чаянія моего, происходило въ сей день съ такимъ вождедѣннымъ успѣхомъ, какого я и воображать себѣ не отваживался.

Первое, что меня обрадовало, было то, что мы, приѣхавши на межу, увидѣли, что тутъ самого князя не было, и услышали, что его и не будетъ.

Я очень тому радъ былъ, ибо глупаго его повѣреннаго я не боялся, а опасался только не дана ли ему письменная инструкція; однако, по счастью, и того не было.

Увидѣвъ сіе, сплѣшилъ я, чтобъ скорѣй итти и миновать помянутую сумнитель-

ную вершину, и мы прошли ее благополучно; итакъ, страхъ мой о Малаховской пустоши исчезъ, и опасность миновалась совершенно.

Потомъ стали мы разводиться съ котовскими по пустоши Ермаковской. Тутъ употреблялъ я все, что могъ къ тому, чтобъ они не заспорили; и для того въ уравниеніе земли и рубежа не много хлопоталъ, но дѣлалъ имъ вездѣ маленькія уступочки, чѣмъ котовскіе мои сосѣди были и довольны, боясь, по частію моему, сами того, чтобъ я у нихъ не заспорилъ, ибо думали, что у нихъ великой примѣръ будетъ.

Къ тому-жъ, я заблаговременно употребилъ хитрость и приласкался чрезъ письма ко владѣльцу ихъ, князю Павлу Ивановичу, такъ что его удачно усыпилъ, и онъ не велѣлъ нигдѣ спорить. Сямъ образомъ избѣжалъ я благополучно и сей второй опасности.

Подходя потомъ къ церковной землѣ, примѣтилъ я, что бобыли хотятъ насъ встрѣтить своимъ споромъ.

Сіе меня встревожило и я принужденъ былъ поспѣшить какъ можно скорѣе провестъ межовщика мимо сего опаснаго мѣста и загородить оставшія ворота; и по счастью, мнѣ и удалось произвестъ сіе желаемымъ образомъ. Повѣренной бобыль былъ мужикъ неперворный, и прозѣвалъ удобнѣйшій къ тому случай, и сталъ упусти время подавать сказку.

При семъ случаѣ сдѣлалъ мнѣ межовщикъ великое одолженіе, промедливъ вниманіемъ сказки, подъ видомъ сумнительства и не хотя будто имѣть съ ними дѣла до тѣхъ поръ, покуда дошли уже до церковной земли.

Тогда было мнѣ уже легче; къ тому-жъ, обрадовался я узнавъ, что бобыли не со мною, а только съ Ермаковскими хотѣли спорить; но, по счастью, ни того, ни другого спора не было, и мы размежевались и съ церковною землею хорошохонько.

Такимъ образомъ миновала благополучно и третья опасность, и остался одинъ князь-генералъ, котораго я какъ огня боялся.

Сердце во мнѣ вострепело, когда мы, размежевавшись съ котовскими вездѣ, безспорно приближались ко злобинской землѣ, гдѣ спора ожидалъ я безсомнѣнно. И я такъ былъ въ томъ удостовѣренъ, что вознамѣривался уже благовременно, въ случаѣ ежели князь заспорить, подумавши отказаться отъ Неволочи.

Между тѣмъ какъ мы, подходя къ сему мѣсту, размежевывались безспорно съ котовскими, имѣлъ я неожиданную досаду отъ котовскаго повѣреннаго, который такъ былъ глупъ, какъ скотина, и мы съ нимъ о самыхъ бездѣлицахъ, объ уравниеніи межи прокричали невѣдомо сколько.

Наконецъ дошли мы до Хмыровской пустоши и примкнули къ черному столбу, поставленному волостными въ томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ прежде я упоминалъ, сдѣлали они наибольшую погрѣшность и пересѣкли совѣтъ споромъ своимъ нашу дачу.

Тутъ опять мнѣ несчастливилось чрезвычайно. Злодѣй мой прикащикъ волостной самъ уже осмотрѣлся, что онъ сдѣлалъ дурно и для того хотѣлъ-было опять какія-то тутъ дѣлать каверзы, и мнѣ было-бы то очень досадно; но, по счастью моему, его тогда съ вами не было, и ему было недосужно: видно, что самъ Богъ началъ меня отъ него защищать.

Итакъ, мы безъ него благополучно ту важную межу и прикосновенность котовской земли утвердили, и черные столбы выкинувъ, поставили бѣлые.

Миновавъ сіе важное мѣсто, приткнувшись тотчасъ мы ко злобинской землѣ. Я надѣялся застать тутъ самого князя: однако возрадовался увидя, что его нѣтъ, а того болѣе примѣчая, что у нихъ никакихъ приуготовленій къ спору не было, а твердили они только, что князь приказывалъ ничего своего не уступать.

Совѣтъ тѣмъ сдѣлалось-было помѣшательство. Время клонилось уже къ самому вечеру и солнце было на закатѣ. Повѣренные злобинскіе просили межовщика, чтобъ онъ отложилъ межеванье до другого дня; но какъ мнѣ тогда каждая минута была дорога, и мнѣ хотѣлось ко-

вать желѣзо покуда оно было горячо, то-есть межеваться безъ князя: то пепнулъ я межевщику, знающему довольно мою нужду и надобность, чтобъ онъ не перескавалъ, а спѣшилъ бы какъ можно домежевать оставшую дистанцію.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано!—межевщикъ мой не пошелъ, а полетѣлъ, а я, чтобъ меньше было остановки, и чтобъ заслѣпить глаза злобинскимъ, началъ вездѣ дѣлать уступки: гдѣ на борозду, гдѣ на пол-осминника, и между, и ямы клалъ все на своей землѣ, не жалѣя оной.

Злобинскіе мои тѣмъ такъ были довольны, что надавали мнѣ тысячи благословеній, а я самъ въ себѣ думалъ и говорилъ: «не спорьте только, мои друзья, а я за бездѣлицы радъ не стоять, теряйте только большое». Межевщикъ мой только усмѣхался, видя мое проворство, уловку и желаемую удачу, а я съ каждою минутою влсно, какъ на вершокъ прирасталъ.

Но едва-было, едва не разрушилась вся моя лестная надежда. Вдругъ заговорили, что самъ князь ѣдетъ!

— «Ѣкое горе! вскричалъ я тогда самъ въ себѣ: что-бы ему еще немного погодить!» а уже немного оставалось, однако было еще довольно мѣста, гдѣ спорить. «Быть такъ! думалъ я самъ себѣ, брошу ему бездѣлицу, естли немного заспорить, а избѣгу только спора.»

Но не то сдѣлалось, что я думалъ и чего ожидалъ. День сей на то пошелъ, чтобъ мнѣ быть въ совершенномъ удовольствіи.

Князь мой не только чтобъ затѣвать и начинать споръ, но, будучи въ сей разъ совершеннымъ агномъ, въ одномъ мѣстѣ самъ безъ просьбы хорошей доскутъ земли мнѣ прибавилъ и мы развелись съ нимъ, какъ водою разлились.

Признаюсь, что я самъ себѣ не вѣрилъ и не понималъ, откуда бы происходило такое его смиреніе, а для меня неожиданное благополучіе и удача, и благодарилъ только Всевышняго, что онъ, противъ чаянія моего, избавилъ меня отъ

наипоспѣйшаго во всемъ межеваньѣ для меня обстоятельства.

Такимъ образомъ, затворивши ворота со всѣхъ сторонъ въ свою дачу и окончивъ межевать уже ночью, въ полномъ удовольствіи поѣхалъ я домой съ межевщикомъ ужинать.

Съ княземъ распрощались мы какъ пріатели и я надавалъ ему тысячи благословеній; а правду сказать, имѣлъ къ тому и причину.

Глазомѣръ мой меня не обманулъ, и въ его злобинской дачѣ, какъ я послѣ узналъ, дѣйствительно десятинъ около пятидесяти недоставало, которыми принуждены-бы мы были не только поплатиться, но заплатитъ и закладѣнные деньги.

Донскиваясь причины тому, для чего онъ не спорилъ, услышалъ маніемъ я, что онъ сперва и хотѣлъ-было спорить, но увидѣвъ, что волостные большую часть хмыровской пустыши къ себѣ прихватили споромъ, заключилъ, что ему уже не осталось тутъ спорить.

Итакъ, волостные помогли мнѣ въ томъ своимъ споромъ, и изъ мнимаго худа, по особливому распоряженію благодѣтельныхъ намъ судьбъ, вышло для насъ неожиданное и великое добро, какъ вы послѣ о томъ обстоятельстве услышите.

Такимъ образомъ, приѣхавъ домой, привезъ я домашнимъ моимъ радостное извѣстіе о благоприятномъ и, сверхъ всякаго чаянія, удачномъ разводѣ со всѣми нашими сосѣдами.

И какъ мы нашли тутъ и семействъ моихъ деревенскихъ сосѣдей и ближнихъ родственниковъ, насъ съ межи дождавшихъ, то всѣ они обрадованы были тѣмъ до безконечности и всѣ наперерывъ благодарили межевщика за оказанное намъ съ его стороны вспоможеніе. И какъ товарищи мои не менѣе довольны были и мною и всѣми моими объ общей дачѣ стараніями, то благодарили они и меня, и не могли довольно выхвалять всего моего проворства и уловокъ, признаваясь, что безъ меня принуждены-бы были они пить горькую чашу и что они при всемъ межеваньѣ семъ были только свидѣтели-

моей, Любови Андреевны, очу у меня горячкою, и нахожусь в ней в самой опасности; и того, случилось и других больниц, домъ моему множеству, такъ, осталось ни одной почти дѣвяти моихъ хоромахъ здоровою, а много людей было больными, и я трепетала, боясь, чтобъ не занемочь и само при такихъ поваральныхъ болѣзняхъ. Итакъ, отправивъ въ Кашинъ письма, расположился я ожидать продолженія межеванья, доволъ только будетъ можно, а между тѣмъ, чтобъ не терять празднаго времени по пустому, употребить все оное въ пользу.

И какъ въ дачахъ нашихъ не вся еще внутренняя ситуація была у меня снята на планъ, а сіе было крайне нужно, то, во-первыхъ, принялся я за сіе нужное дѣло и препроводилъ въ томъ нѣсколько дней сряду.

Во-вторыхъ, какъ межеванье должно было скоро дойти и до села Тулена, въ которомъ я вмѣстѣ съ другими владѣльцами имѣлъ наибольшее участіе, а количество наличной земли въ семь селъ не было мнѣ еще извѣстно. то рѣшился я и ее снять предварительно на планъ, и измѣривъ узнать, полная ли въ ней дача, или есть лишекъ или недостатокъ?

И какая досада была для меня, когда, снявъ сію дачку на планъ и измѣривъ, увидѣлъ, что и въ ней около 50 десятинъ оказалось примѣру.

— «Боже мой! говорилъ я самъ себѣ, куда ни вѣнь, такъ клинъ; надобно-жъ и тутъ случиться излишку, и предстоять также опасности!»

Мнѣ сіе тѣмъ было неприятнѣе, что доходили до меня слухи, что и по сей деревнѣ нѣкоторые изъ сосѣдей замыслили производить ссоры.

Итакъ, сталъ я бояться, чтобъ не потерять и тутъ сей примѣрной земли и почиталъ и для сего межеванья присутствіе мое необходимо нужнымъ; а сіе прибавило мнѣ еще болѣе горя.

Въ-третьихъ, какъ споръ съ волост-

и-
не-
е ни-
ожн-
пусто-
ль себя
ому было
неососта-
день прини-
въ Кашинъ
почти цѣлую
было ко мно-

тисалъ я, что
въ путь от-
въ недѣлю
тъ выѣду.
убѣдительно
терпѣніе и
ихъ милос-
также съ
они въ
ожидается,
женіемъ.
живало,
о, меня
го сего
ей ко
медней

ми и ничего собственно сами не дѣлали и ничему хорошему успѣху не поспѣествовали.

А не менѣе я радъ былъ, что имѣлъ случай имъ всѣмъ услужить. Итакъ, ужинъ въ сей день былъ у насъ очень веселый, и день сей былъ прямо достопамятнымъ для всѣхъ соучастниковъ въ нашихъ дачахъ.

Но какъ письмо мое достигло уже до своихъ предѣловъ, то дозвоьте мнѣ теперь на семь мѣстъ остановиться и сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочая.

(Ноября 19, 1807).

Письмо 142-е.

Любезный пріятель! Описавъ въ предсѣдующемъ письмѣ межеванье нашихъ дачъ, или паче обойденіе вокругъ оныхъ и отдѣленіе ихъ отъ постороннихъ владѣній, скажу теперь вамъ, что симъ межеванье наше далеко еще не кончилось, но подлежали намъ еще многія хлопоты и въ разсужденіи онаго заботы.

Кромѣ того, что оставалась еще маленькая луговая отдѣленная дачька, лежащая за церковью, необходимою и неотмежеванною, самыя наши разныя пустоши внутри дачи не были еще разрѣзаны и отдѣлены другъ отъ друга.

Произошло сіе, какъ я вамъ уже упоминалъ, отъ погрѣшности межевщика или паче оттого, что ему хотѣлось скорѣе нашу дачу обойти кругомъ, дабы по положенію на планъ можно было по численію узнать, сколько у насъ всей земли вообще было, и съ тѣмъ соображаясь принимать мѣры и къ примиренію насъ съ волостными, которымъ онъ, будучи ими задаренъ, только благопріятствовалъ.

Можетъ быть, думалъ онъ устрашить насъ огромностію дачи и великостію числа всей земли и чрезъ то удобнѣе склонить насъ къ уступкѣ волостнымъ заспоренной земли.

Однако, попалъ онъ не на такихъ людей, которые бы слѣпо дали ему водить себя за носъ, но которые разумѣли и са-

ми сколько-нибудь всѣ межевыя дѣла и уставы. И потому, продолжая объ ошибкѣ его молчать и принявъ видъ, будто бы я совсѣмъ оной не примѣтилъ, ожидалъ я, что, по окончаніи помянутаго обхода кругомъ нашей дачи, онъ предприметъ и нашу ли внутренность будетъ размежевывать, или обратится куда въ иную сторону.

По надлежащему, надлежало бы ему приступить къ первому и стараться какъ можно скорѣе ошибку свою исправить, чего и надлежало тогда ожидать.

Но какъ удивился я услышавъ, что межеванье опять на нѣсколько дней отсрочивалось и что г. Лыковъ раздѣжалъ только по гостямъ, давалъ себя вездѣ угощать и подчивать, а не предпринималъ ни того, ни другого, и ни самъ не межевалъ, ни своего помощника, помянутаго второкласснаго землемѣра г. Сумарокова не заставлялъ.

Болѣе десяти дней продолжалось такое его бездѣйствіе, и мы, находясь въ безпрерывномъ ожиданіи, не знали что о томъ и думать и заключать, и внутренно досадовали на межевщика за сію почти непростительную медленность.

Болѣе же всѣхъ была она мнѣ чувствительна, ибо домашнія мои обстоятельства привлекали меня въ другое мѣсто и требовали неотмѣнно скорого отсутствія моего отъ дома.

Племянница моя, Травина, прислала ко мнѣ около сего времени нарочнаго человека изъ Кашина съ увѣдомленіемъ, что мачиха ихъ приѣхала уже въ Кашинъ, и невѣдомо какъ просила, чтобы я поспѣшилъ къ нимъ своимъ приѣздомъ для сдѣлки съ нею, въ разсужденіи слѣдующей ей къ полученію указной части изъ имѣнія умершаго моего зятя, а ихъ отца, и которую часть племянницамъ моимъ у ней кушать хотѣлось.

Итакъ, надлежало мнѣ неотмѣнно туда съѣздить; но какъ можно было мнѣ отлучиться при тогдашнихъ обстоятельствахъ и при неокончанномъ еще межеваньи, и отѣхать въ самый критической пунктъ времени?

Признаюсь, что призывъ сей меня очень смущалъ, будучи весьма неблаговременнымъ. Но мы не успѣли еще собраться съ духомъ, какъ глядимъ, смотримъ, при-скакала другой гонецъ изъ Кашина, и племянница всѣми святыми умоляла меня, чтобъ я поспѣшилъ какъ можно скорѣй своимъ приѣздомъ.

Она писала ко мнѣ, что мачиха ихъ была у нихъ въ домѣ, что несетъ шылъ непомилованную и не хочетъ никакъ про-давать имъ своей части, и дала имъ сро-ку только на десять дней до моего при-ѣзда, и что самое сіе побудило ее послать ко мнѣ еще нарочнаго и просить, чтобъ я поспѣшилъ къ нимъ для самого Бога.

Что мнѣ было тогда дѣлать? Могу ска-зать, что находился я въ крайнемъ за-мѣшательствѣ и прокиналъ межевщи-ковъ, гуляющихъ столъ долго и насъ недожевающихъ.

Совсѣмъ тѣмъ ѣхать мнѣ было еще не-какъ не можно, ибо предстоящее и ожи-даемое всякой день размежеваніе пусто-шей такъ было важно, что безъ себя оставить и препоручить оное никому было никонимъ образомъ не можно.

Въ сей крайности другого неоставало-сь мнѣ, какъ въ тотъ же день принима-ться за перо и писать въ Кашинь письмы, и я занимался тѣмъ почти цѣлую ночь, ибо писать надобно было ко мно-гимъ.

Къ племянницамъ своимъ писалъ я, что всячески постараюсь скорѣе въ путь от-правиться, и что можетъ быть въ недѣлю всѣ свои дѣла кончу и къ нимъ выѣду.

Къ мачихѣ ихъ писалъ наиубѣдитель-нѣйшее письмо, чтобъ взяла терпѣніе и меня подождала; а ко всѣмъ ихъ милос-тивцамъ и сосѣдамъ писалъ также съ убѣдительною просьбою, чтобъ они въ случаѣ, если мачиха меня недождется, не оставили ихъ своимъ вспоможеніемъ.

Но не одно сіе меня еще удерживало, но было и другое обстоятельство, меня останавливавшее.

Случилось такъ, что около самаго сего времени надобно было приѣхавшей ко мнѣ съ тещею моею изъ Кашина средней

племянницѣ моею, Любови Андреев-ной, занемочь у меня горячкою, и нахо-диться отъ ней въ самой опасности; а сверхъ того, случилось и другихъ боль-ныхъ въ домѣ моемъ множество, такъ, что не осталось ни одной почти дѣвки въ самыхъ хоромахъ здоровою, а много и людей было больными, и я трепеталъ духомъ боясь, чтобъ не занемочь и само-му при такихъ повальныхъ болѣзняхъ.

Итакъ, отправивъ въ Кашинь письма, расположился я ожидать продолженія ме-жеванья, доколѣ только будетъ можно, а между тѣмъ, чтобъ не терять празднаго времени по пустому, употребить все оное въ пользу.

И какъ въ дачахъ нашихъ не вся еще внутренняя ситуація была у меня снята на планъ, а сіе было крайне нужно, то, во-первыхъ, принялся я за сіе нужное дѣло и препроводилъ въ томъ нѣсколько дней сряду.

Во-вторыхъ, какъ межеванье должен-ствовало скоро дойти и до села Туле-на, въ которомъ я вмѣстѣ съ другими владѣльцами имѣлъ наибольшее участіе, а количество наличной земли въ семь селѣ не было мнѣ еще извѣстно. то рѣшился я и ее снять предварительно на планъ, и измѣривъ узнать, полная ли въ ней дача, или есть лишнее или недоста-токъ?

И какая досада была для меня, когда, снявъ сію дачку на планъ и измѣривъ, уви-дѣлъ, что и въ ней около 50 десятинъ оказывалось примѣру.

— «Боже мой! говорилъ я самъ себѣ, куда ни вѣнь, такъ вѣнь; надобно-жъ и тутъ случиться излишку, и предстоятъ также опасности!»

Мнѣ сіе тѣмъ было неприятнѣе, что доходили до меня слухи, что и по сей деревнѣ нѣкоторые изъ сосѣдей замыш-ляли производить ссоры.

Итакъ, сталъ я бояться, чтобъ не по-терять и тутъ сей примѣрной земли и по-читалъ и для сего межеванья присутствіе мое необходимо нужнымъ; а сіе прибавило мнѣ еще болѣе горя.

Въ-третьихъ, какъ споръ съ волост-

ными не выходилъ у меня ни на минуту изъ ума, и чѣмъ болѣе я объ немъ помышлялъ, тѣмъ опаснѣйшимъ онъ мнѣ казался, то пришло мнѣ на мысль, не могло-ль бы мнѣ въ семь опасномъ случаѣ послужить сколько-нибудь въ пользу, если я отнесусь объ ономъ письменно къ самому ихъ господину, и представивъ всю наглость и явную несправедливость его отводчиковъ и повѣренныхъ, а свою справедливость, попрошу о собственномъ разсмотрѣніи сего дѣла, и приказаніи оставить насъ, какъ добрыхъ и всегда мирно съ его волостными жившихъ сосѣдей, въ покоѣ?

Мысль сія показалась мнѣ хотя свачала и странною и намѣреніе не обещающее хорошаго и вѣрнаго успѣха, однако какъ она мнѣ правилась, то восхотѣлось мнѣ предпріять сіе дѣло хотя на удачу и въ томъ мнѣніи, что если-бъ оно и не удалось мнѣ по желанію, такъ по крайней мѣрѣ ничего худшаго отъ того воспослѣдовать не можетъ.

Итакъ, подумавъ и погадавъ о томъ дни два, рѣшился я наконецъ къ сему дѣлу приступить, и болѣе для того, чтобъ послѣ самому на себя не досадовать, для чего я не испыталъ сего сдѣлать.

«Почему знать, говорилъ я самъ себѣ: можетъ быть и удастся, и ежелибъ удалось, то какъ бы хорошо; а ежели и не удастся, такъ бѣда не велика! пропадутъ только мои труды да потеряю я гривны двѣ-три, за письмо, заплаченныя на почтѣ».

Но не успѣлъ я приступить къ дѣлу, какъ явились затрудненія, едва-было не уничтожившія все мое намѣреніе, а именно сдѣлался вопросъ, какъ писать къ такому большому боярину, какимъ былъ тогда у насъ господинъ Нарышкинъ?

Никогда не имѣлъ еще случая съ такими большими господами и вельможами переписываться, а особливо о такомъ критическомъ дѣлѣ, каково было мое!

Словомъ я не зналъ, какъ и приступить къ тому. Однако, подумавши, отважился написать какъ умѣлъ и какъ Богъ на разумъ поставилъ, но признаюсь, что

занимался тѣмъ нѣсколько дней сряду, и отеръ не одну каплю пота съ чела своего, вымышляя, какъ-бы написать убѣдительнѣе и лучше, а при томъ и не унижая себя предъ нимъ слишкомъ.

Я изобразилъ ему въ возможной краткости, но наяснѣйшимъ образомъ все дѣло, и не только приобщилъ краткую выписку изъ всѣхъ нашихъ крѣпостей и документовъ, но для лучшаго объясненія всего дѣла сочинилъ и маленькій примѣрной планець всѣмъ мѣстоположеніямъ и приложивъ оное, убѣдительнѣйшимъ образомъ просилъ о разсмотрѣніи сего дѣла и о возможномъ къ намъ снисхожденіи.

Словомъ, я употребилъ къ тому все свое знаніе и искусство, и по изготовленіи всего отправилъ оное въ Петербургъ по почтѣ.

Но вѣдалъ бы, сего лучше и не дѣлалъ! Послѣдствіе оказало, что труды мои были совсѣмъ тщетны и хотя я и повинѣ не знаю, удостоенъ ли сей господинъ письмомъ мое прочтеніемъ или нѣтъ: но то по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстно, что не только я не получилъ никакого на то отвѣта, но и къ начальникамъ волостнымъ не было ничего о томъ писано.

Итакъ, думать было можно, что вельможа сей почелъ себя слишкомъ увыщеннымъ предъ такими дворянами, какихъ составляли мы, чтобъ удостоить просьбы ихъ какого-нибудь вниманія.

Признаюсь, что тщетное ожиданіе мое и неудача была тогда мнѣ нѣсколько чувствительна и досадна; но какъ я почти и предвидѣлъ, что воспослѣдуетъ сіе, а не другое, то скоро въ томъ и утѣшился, а сталъ уже пристальнѣе помышлять о употребленіи всѣхъ возможныхъ средствъ къ своему защищенію и къ уничтоженію всѣхъ затѣвъ моихъ противниковъ.

Кромѣ сего, какъ времени въ промежуткѣ семь было много свободнаго, то по привычкѣ своей не терять изъ оваго ни одного часа по пустому, занимался я еще нѣсколько дней особливимъ дѣломъ, а именно:

Мнѣ пришла однажды мысль отвѣдать

сочинить нѣкоторый родъ экономическаго журнала. Обстоятельство, что мнѣ извѣстно было множество экономическихъ вещей, о которыхъ не бесполезно было сообщить своимъ согражданамъ, и что не можно было никакъ сообщить всѣ ихъ въ Экономическое Общество, побуждало меня и въ тогдашнее уже время испытать, не можно-ли сообщить ихъ соотечественникамъ моимъ, образомъ журнала, какіе многіе издаются въ земляхъ чуждыхъ.

И какъ мысль сія мнѣ отъменно полюбилась, то я тогожь часа приступилъ къ первому опыту и, занимаясь тѣмъ нѣскольکو часовъ, успѣлъ написать первые два листочка, и что всего страннѣе, то тогдажь еще придалъ снмъ листкамъ названіе «Сельскаго жителя», власно какъ предчувствуя, что нѣкогда доведется мнѣ въ самомъ дѣлѣ издавать журналъ такой подъ снмъ именемъ, и чрезъ него сдѣлаться всему отечеству своему извѣстнымъ и полезнымъ.

Но какъ тогда все предпріятіе сіе было пустое и производимое для единаго препровожденія времени; то при сихъ двухъ первыхъ листкахъ, которые и поннѣ у меня цѣлы и тогда мнѣ очень нравились, все дѣло и осталось, и я за разными другими упражненіями и не продолжалъ онаго далѣе.

Кромѣ сего, успѣлъ я въ сіе время и еще одно дѣльцо сдѣлать. Въ садахъ моихъ поспѣли около сего времени яблоки и груши, конхъ въ сей годъ родилось довольно; итакъ, не упустилъ я и сего изъ вида, но въ превеликомъ удовольствіи препроводилъ дни два въ сниманіи оныхъ и въ прибираніи къ мѣсту.

Но и за всѣмъ снмъ оставалось еще довольно времени къ свиданію съ сосѣдями и къ препровожденію цѣлыхъ дней въ обществѣ и собесѣдованіи съ оными.

Намъ удалось въ сіе время побывать у новаго своего пріятеля и дружелюбнаго сосѣда г. Хитрова, и угощать и самого его у себя и чрезъ то увеличить наше знакомство; а пріѣзжали къ намъ многіе и другіе гости. А сверхъ того удалось мнѣ не только видѣть, но и цѣлый день

просидѣть и съ соперникомъ моимъ гераломъ княземъ Горчаковымъ.

Случилось сіе въ Сенинѣ у сосѣда моего, г. Ладыженскаго. Онъ звалъ насъ къ себѣ къ празднику Фрола и Лавра, и какъ услышалъ я, что будетъ у него и сей князь, то и поѣхалъ я къ нему тѣмъ охотнѣе, что мнѣ давно хотѣлось быть съ нимъ гдѣ-нибудь вмѣстѣ и посмотрѣть, какъ онъ со мною въ компаніи обойдется и станеть ли говорить что о межеваніи, или нѣтъ.

Такимъ образомъ ѣхалъ я туда съ крайнею нетерпѣливостію и, наконецъ, сподобился видѣть его сіятельство и вмѣстѣ съ нимъ обѣдать.

Мы провели съ нимъ весь день, противъ всякаго чаянія моего, какъ пріятели, въ непрерывныхъ и пріятныхъ разговорахъ. Онъ охотникъ былъ рассказывать военныя дѣла и бывшія съ нимъ происшествія, а я любилъ оныя слушать.

Итакъ, говорили мы все о войнѣ, и хотя ждалъ я съ нетерпѣливостію, не начнетъ ли онъ говорить о нашемъ межеваніи и спорѣ; однако, къ крайнему удивленію моему, не упомянулъ онъ о томъ ни единымъ словомъ и мы разстались съ нимъ дружелюбно, по не говоря о томъ ничего.

А по крайней мѣрѣ слышался я отъ него о множествѣ неизвѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ войны тогдашней, и свиданіе сіе, а можетъ быть и мое снисходительное и дружелюбное съ нимъ обращеніе, помогло много и къ послѣдовавшему послѣ того примиренію и полюбовной съ нимъ въ разсужденіи спора нашего сдѣлкѣ, о чемъ перескажу вамъ впредь въ свое время.

По отъѣздѣ князя проѣхали мы съ женою изъ Сенина въ Дятлово, къ господѣ Іевскоій, Дарьѣ Семеновнѣ, и ея сестрѣ, и нашли тамъ тещу мою и обѣихъ хозяекъ въ превеликихъ суетахъ.

У нихъ заводилась тогда свадьба. За старшую дочь госпожи Іевскоій сватался женихъ, и на тѣхъ дняхъ надлежало быть сговору. И какъ теща моя была ей близкая родственница, то и помогала ей

въ приуготовленіяхъ, обыкновенныхъ въ таковыхъ случаяхъ.

Наконецъ, по долговременномъ и нетерпѣливомъ ожиданіи, проснулось опять наше межеванье, и намъ учинена повѣстка, чтобъ всѣ собрались 20 числа августа на нашъ погостъ.

Я не зналъ что начнетъ межевщикъ межевать: наши ли разрѣзывать пустоши, Ермаковскую ли, или церковную землю, или иную какую?

Но какъ удивился я, когда г. Лыковъ приѣхавъ туда объявилъ, что станеть въ тотъ день межевать совсѣмъ не наши земли, а дачу деревни Матюшиной, принадлежащей князю Горчакову, и тотчасъ туда и поѣхалъ.

Досадно было мнѣ, что пустоши наши оставались и тогда въ забвеніи; но какъ переимѣнить того было не можно, и настоять на то не было причины, то хотя до Матюшинскаго межеванья и не было мнѣ никакой нужды, но надѣясь, что тамъ будетъ и Хитровъ, какъ смежный владѣлецъ и я могу съ нимъ видѣться, вздумалъ и самъ туда же ѣхать.

Мы нашли тамъ самого князя насъ ожидавагося, а вскорѣ послѣ того приѣхалъ и г. Хитровъ и началось межеванье.

Тутъ имѣлъ я случай видѣть, что и у господина Лыкова есть голосъ и гдѣ ему надобно, тамъ умѣлъ и уговаривать и отвращать споры.

И тогда мы, усмѣхавшись, говорили между собою: «вотъ это знать не съ волостными, какъ у насъ. Тамъ языкъ прилипъ къ гортани, а здѣсь и велерѣчіе проявилось».

У князя было два спора съ татарскими и савинскими, и мы за ними провалявались не ѣвши и не пивши почти до вечера.

Наконецъ, наскучивъ, поѣхали домой, оставивъ князя хлопотать съ савинскими. И я, видя что межеванье нашихъ пустошей откладывалось въ долгой ящикъ, приѣхавъ домой сталъ уже помышлять о ѣздѣ своей въ Кашинъ и приказывать

дѣлать всѣ нужныя къ тому приуготовленія.

Наутрѣ сдѣлалась ненастная погода, почему и думалъ я, что въ сей день межеванья не будетъ. Однако въ томъ обманулся и послѣ обѣда услышалъ, что межевщикъ выѣхалъ на межу. И какъ зналъ я, что онъ въ сей день прикоснется къ церковной землѣ, а мнѣ была тутъ въ разсужденіи отхожаго нашего луга нуждица, то выѣхалъ и я на межу.

Я нашель опять князя, размежевающагося съ котовскими и савинскими и дошелъ вмѣстѣ съ ними до церковной земли, гдѣ произошло нѣчто смѣшное. Наши попы подрались-было съ ермаковскими и былъ у нихъ превеликій шумъ и о самой бездѣлкѣ.

Мы приѣхали уже поздно домой и завезли съ собою межевщика. Тутъ нашли мы тетку жены моей, госпожу Ардыбышеву, приѣхавшую къ намъ, чтобъ вмѣстѣ ѣхать на сговоръ къ госпожѣ Гевской, которая и ей была родня.

День къ сему назначенъ былъ слѣдующій; но какъ случившееся въ оной проливное ненастье не допустило жениха въ тотъ день приѣхать, то отложенъ былъ сговоръ до другого дни, въ которой мы, собравшись, туда и поѣхали.

Ъзда сія была хотя не дальная, но мы имѣли труда и безпокойствъ множество. Причиною тому было то, что отъ бывшихъ въ тѣ дни сильныхъ дождей вода на рѣчкѣ нашей такъ разлилась, какъ въ половодь, и въ обыкновенныхъ мѣстахъ переѣхать ее было никакъ не можно; почему и принуждены мы были объѣзжать кругомъ на Елевинскій заводъ, и ѣхать самою пропастною грязью на Савинское.

Между тѣмъ не одно сіе меня безпокою и озабочивало, но и то, что я не зналъ, не будетъ ли въ сей день опять межеванья, и для того послалъ на заводъ спросить о томъ землемѣра. Посланный догналъ меня на дорогѣ ѣдущаго въ Дятлово, и сказалъ, что въ сей день будутъ межевать церковную землю и пустошь Ермакову.

Сіе извѣстіе привело меня въ великое замѣшательство. Я не зналъ, на сговоръ ли мнѣ ѣхать или остаться для межеванья: и то и другое было нужно. Тамъ не было никого изъ мужчинъ кромѣ меня, кому бы быть главою и предводителемъ, а и тутъ безъ себя не хотѣлось мнѣ оставить и потерять землю, которую бы мнѣ получить было можно.

Обстоятельство сіе было слѣдующее: къ церковной землѣ прикасались съ одной стороны нашъ отхожіи лугъ, а съ другой—пустошь Ермакова. Въ обѣихъ сихъ прикосновенныхъ дачкахъ, по измѣренію моему, былъ великій недостатокъ, а въ церковной землѣ десятины десятокъ лишнихъ.

Итакъ, хотѣлось мнѣ, чтобъ симъ излишкомъ наполнить сколько было можно нашъ лугъ, и я боялся, чтобъ не упустить его въ Ермаково; итакъ надобно было мнѣ спроворить, чтобъ у Ермакова съ церковною землею спора не было, а связаться бы споромъ съ нею намъ только.

Въ семь случаевъ и можно было мнѣ получить весь излишекъ, который и дѣйствительно произошелъ отъ того, что церковники и бобыли изстари нашъ лугъ мало по малу распахивали и чрезъ то его чрезвычайно уменьшили.

Къ тому-жъ и попы уже соглашались оный мнѣ добровольно отдать, и болѣе для того, чтобъ не было въ церковной землѣ никакого примѣра и бобылямъ не было никакого предлога оставаться жить на оной, и они охотнѣе стали-бъ проситься на переселеніе ихъ въ другія казенныя земли и селенія, по примѣру прочихъ.

Но какъ всему тому ермаковскіе споромъ своимъ могли сдѣлать помѣшательство, то для самаго того и нужно было мнѣ неотмѣнно быть при семь межеваньяхъ; но я долго не зналъ что мнѣ дѣлать, продолжать ли свой путь въ Дятлово, или воротиться къ межеванью?

Наконецъ, рѣшился я послѣдовать гласу дружества и родства и ѣхать къ госпожѣ Іевской, а на погостъ послалъ человѣка, снабдивъ его нужными наставленіями, и доволенъ былъ послѣ, что сіе сдѣлалъ;

ибо межеванье церковной земли въ тотъ день не было, а обмежевали только Ермаковскую пустошь, и къ удовольствію моему бесспорно.

Въ Дятловѣ нашелъ я всѣхъ занимающихся приготовленіями къ сговору, но жениха еще не было, и его только ждали ежеминутно. Сдѣлавшаяся отъ дождей превеликая грязь, и по рѣчкамъ и ручьямъ вездѣ сущее половодье, навело на насъ опасеніе, что онъ не будетъ.

Однако онъ преодолѣлъ всѣ трудности и къ намъ въ надлежащее время пріѣхалъ; съ нимъ были двѣ его сестры и еще изъ сосѣдей и пріятелей его нѣкто господинъ Недобровъ, по имени Александръ Ивановичъ.

Мы встрѣтили и приняли ихъ съ обыкновенными учтивостями, и женихъ, котораго я еще въ первый разъ видѣлъ, показался мнѣ человѣкомъ смѣрымъ, не изъ далекихъ, и принадлежащимъ къ роду людей среднихъ; но и дѣвушка-невѣста была ему по плечу и не изъ бойкихъ, и потому была ровня.

Онъ былъ степной и имѣющій изрядный достаточекъ дворянинъ, изъ фамиліи Челюскиныхъ. Но какъ бы то ни было, но мы, посидѣвъ и поговоривъ немного, приступили къ дѣлу, и его съ Изоею Семеновною сговорили.

Теперь расскажу я вамъ нѣчто смѣшное, случившееся тогда со мною.

Какъ время между сговоромъ и ужинномъ продлилось нарочито долго, то долгу повелѣвалъ мнѣ занимать гостей нашихъ во все сіе время разговорами.

Итакъ, адресовался я сперва къ жениху; но какъ онъ былъ молодецъ неговорливой, то, оставя его бесѣдовать по обыкновенію съ его невѣстою, обратился я къ его товарищу, господину Недоброву, но въ семь нашелъ уже истиннаго биярка.

Отъ роду своего невидывалъ я такого несловохотливаго человѣка и признаюся, что силъ моихъ уже не доставало прискивать средства къ заведенію его въ разговоръ.

О чемъ ни начну говорить, онъ не от-

вѣтствуетъ. Я начну о войнѣ тогдашней: онъ слушаетъ такъ, какъ-бы былъ не русскій и никакого участія въ томъ не имѣлъ.

Поговорю, поговорю и увидѣвъ, что онъ не внимаетъ, перестану, и начну другую матерію.

Зачинаю говорить о экономіи деревенской; но онъ и сіе такъ слушаетъ, какъ бы былъ совсѣмъ не деревенской житель, и какъ бы ни до чего ему нужды не было.

— «Боже мой! думалъ я самъ въ себѣ: что за диковинка?—до чего-жъ бы онъ былъ охотникъ?— Молчи! начну о приказныхъ дѣлахъ, авось-либо онъ ихъ любить».

Но не тутъ-то было, ему они и въ голову не лѣзли и онъ вовсе и въ рѣчь объ нихъ не вступалъ.

— «Ну, вотъ тебѣ на! думалъ я; но это куда уже ни шло, о семъ говорить и самъ я охотникъ по среднему».

Итакъ, погода немного, вздумалъ я завести рѣчь о псовой охотѣ, хотя самъ не разумѣлъ ни аза въ глаза въ разсужденіи оной и всего меньше способенъ былъ брать соучастіе въ спѣхъ премудрыхъ разговорахъ. Но оказалось, что онъ и до сей охотникомъ не бывалъ.

— «Господи!» думаю я: о чемъ же такъ мнѣ говорить съ симъ удалцомъ... Молчи, начну о лошадахъ, хотя самъ ничего о сей матеріи не знаю, будучи до нихъ совсѣмъ не охотникомъ». Но онъ и тутъ только отмалчивался.

Я объ садахъ, онъ сапитъ только... Я о томъ, я о другомъ, но не тутъ-то было, молчить мой товарищъ да и только всего.

Наконецъ нечего мнѣ было иного дѣлать, какъ такимъ же образомъ замолчать, что я дѣйствительно и сдѣлалъ, и мы истинно просидѣли часа два не говоря ни слова. Но по счастью моему, скоро накрыли на столъ и мы пошли за него садиться.

Послѣ ужина поднялись-было они ѣхать, но вдругъ очутилась у насъ противъ всякаго чаянія музыка и довольно еще изрядная: она была г-жи Казариновой, жившей въ той же деревнѣ. И ахъ! какъ мнѣ тогда было жаль, что некому было танцевать со мною.

Я звать гостей, но сохрани насъ Господи! Статочное ли дѣло, чтобъ намъ на то пуститься. Я звать барынь и барышень, но тѣ съ однимъ со мною не пошли; итакъ, поплясали мы только немного и потомъ разстались. Они поѣхали ночевать къ помянутой сосѣдкѣ, а мы остались у хозяекъ.

Какъ въ слѣдующій день дошла уже очередь до церковной земли и она должна была межеваться: то, вставши ранѣе, спѣшилъ я туда ѣхать и не остался съ гостями обѣдать и по вчерашнему играть опять въ молчанку, по самъ себѣ говорилъ:—«Богъ съ вами, государи мои! Лякуйте одни какъ хотите, а мнѣ не до васъ, а спѣшить надобно на межу!»

Я засталъ межевщика у себя въ деревнѣ, расположившагося обѣдать у моего сосѣда. Итакъ, отобѣдавши всѣ вмѣстѣ и поговоривъ о томъ, какъ бы лучше размежеваться намъ съ церковною землею, поѣхали мы на межу.

Тутъ, при помощи землемѣра, удалось мнѣ окончить сіе дѣло такъ, какъ только желать было можно. Попы согласились отдать весь примѣръ въ нашъ лугъ, а мы согласились промѣнять имъ весь свой лугъ, который имъ былъ болѣе кстати, нежели намъ, и взять вмѣсто его слѣдующее количество пахатной земли въ другомъ мѣстѣ, а именно подлѣ Трудавца и въ смежности къ нашимъ дачамъ.

И какъ надлежало о семъ по обыкновенію подать намъ всѣмъ отъ себя къ межевщику полюбовную сазку, то была она тотчасъ написана и приготовлена, и какъ нами, такъ и попами, а что всего важнѣе, и самыми бобылями подписана; и поелику симъ все дѣло сіе и утвержденнымъ сдѣлалось, то попроворить я, чтобъ намъ земля сія тогда же была и отмежевана и тѣмъ все дѣло сіе формально было окончано.

Бобыли, увидѣвъ, что отмежевывается намъ земли гораздо болѣе, нежели какъ они думали, схватились, но сіе было уже поздно, и дѣлать имъ было уже нечего, почему такъ все и осталось.

И я могу сказать, что мнѣ и въ мысль

не приходило, чтобъ дѣло сіе могло такъ скоро и удачно кончиться. А потому, будучи тѣмъ чрезвычайно доволенъ, нимало о томъ не тужилъ, (что) набѣгавшіе тучками дожди насъ нѣсколько разъ мочить принимались.

Такимъ образомъ окончилъ я благополучно и сіе дѣльцо, удерживавшее меня вмѣстѣ съ прочими отъ ѣзды въ Кашинъ. Я зазвалъ тогда межевщика съ межи къ себѣ, и мы приѣхали домой еще засвѣтло. Подлѣ воротъ дожидалась и встрѣтила меня другая радость, и сей день назначенъ былъ къ тому, чтобъ имѣть мнѣ удовольствіе!

Стоялъ солдатъ изъ Коширы и подавалъ мнѣ пакетъ запечатанный. Я тотчасъ догадался, что былъ онъ изъ Экономическаго Общества, и въ томъ не обманулся. Это была XIV часть «Трудовъ» онаго, которое Общество по обыкновенію ко мнѣ прислало.

Я любопытенъ былъ очень видѣть, что въ письмѣ было написано, и раздѣрнувши пакетъ нашель, что писано было ко мнѣ, что я въ посылаемой книгѣ найду оба мои сочиненія «о картофелѣ», напечатанныя, за которыя, поблагодаривъ, выхваляли господа члены мое усердіе и труды въ экономіи, и побуждая впредь писать и трудиться, ласкали общаніемъ, что Общество меня за то конечно возблагодарить.

Все сіе было, натурально, мнѣ весьма пріятно; но какъ далѣе увѣдомляемо было, что сочиненіе мое «о удобреніи земель» еще въ комитетѣ и не апробовано; то симъ послѣднимъ извѣщеніемъ произвели они во мнѣ маленькое и всѣмъ сочинителямъ свойственное неудовольствіе. Ибо я, обманываясь тогда въ заключеніи, что конечно оно не одобритя, готовился предварительно уже терпѣть отъ того досаду, почему, смущаясь воображеніемъ, симъ себя утѣшая говорилъ:

«Ну! чтожь, бѣда невелика! одобритя хорошо, а не одобритя, такъ можно и плюнуть. Трудовъ моихъ было довольно, а благодарности существительной еще

«приложеніе къ «русской старинѣ» 1871 г.

очень мало; можно и перестать писать, ежели до чего дойдетъ дѣло».

Въ послѣдующій за сямъ день межевалась Котовская дача, и какъ мнѣ тамъ дѣлать было нечего, то я въ сей день на межу и не ѣздилъ, а провелъ оный въ домѣ, досадуя на межевщиковъ, что они пустышми нашими такъ долго медлятъ и объ нихъ власно какъ позабыли. Но я обманулся въ своемъ мнѣніи.

На другой день приѣзжаетъ ко мнѣ поминутый второклассный землемѣръ г. Сумароковъ и удивилъ извѣщеніемъ, что господинъ Лыковъ уѣхалъ межевать Новшану, а въ тутошнихъ мѣстахъ все поручилъ окончить ему, но что онъ ни подъ какимъ видомъ не вступитъ въ размежеваніе нашихъ пустошей, ибо надобно знать, что г. Лыковъ погрѣшность свою наконецъ усмотрѣлъ и не зналъ уже, какъ приступить къ сему дѣлу и поправить оное.

Сіе повергло меня въ новую заботу и безпокойство. Я видѣлъ, что размежевки сей мнѣ долго не дожидаться, а въ Кашинъ ѣздой неотмѣнно поспѣшать надобно, и потому не зналъ что дѣлать.

Г. Сумароковъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать, общая безъ меня не межевать и дожидаться моего приѣзда, а и о Лыковѣ увѣрилъ, что онъ безъ меня межевать не станетъ.

Итакъ, хотя и не хотѣлось, но принужденъ я былъ слѣдовать сему совѣту и пуститься на отвагу; а просилъ только сего добродушнаго землемѣра о неоставленіи меня по Туленской дачѣ своимъ вспоможеніемъ, ибо боялся, чтобъ мнѣ не лишиться тамъ моей примѣрной земли, что весьма легко могло статься по причинѣ недостатка въ тамошней церковной землѣ, которую завладѣли савинскіе; и землемѣръ далъ мнѣ общаніе исполнить все возможное, въ чемъ по добродушію своему и сдержалъ слово.

Итакъ, рѣшился я чрезъ два дни послѣ того отправиться въ свой путь, и началъ въ оный тогда же собираться. Но тутъ долго не зналъ я, одному ли туда ѣхать или, какъ прежде думали, взять съ собою и жену мою.

Но какъ, съ одной стороны, отъ продолжавшихся тогда частыхъ дождей дороги сдѣлались чрезвычайно грязны и въ большомъ экипажѣ ѣхать было трудно, а съ другой, по умножившимся въ домѣ у меня болѣзнями, не было ни одной здоровой дѣвки, которую бы ей съ собою взять было можно, а сверхъ того и племянница моя все еще была больна; то къ удовольствію моему и сочли всѣ братья мнѣ жену съ собою за невозможное, и я рѣшился ѣхать уже одинъ и налегкѣ въ путь свой.

Въ сихъ суетахъ подучилъ я еще новую заботу. Приѣхавъ нарочной гонецъ изъ шадской нашей деревни съ увѣдомленіемъ, что и тамъ межевщикъ приближается, и чтобъ я и туда ѣхалъ.

Сіе навалило на меня новое горе: однако, какъ ѣхать туда никоимъ образомъ было не можно, къ тому-жъ и звали не слишкомъ усиленно, а сверхъ того ѣхалъ туда и безъ того братъ мой Гаврила Матвѣевичъ, то препоручилъ я ему сію комиссію, и на случай приѣзда землемѣра далъ нужныя во всемъ наставленія, а другое такое-жъ наставленіе и письменную, такъ сказать, и инструкцію оставилъ сосѣду своему Матвѣю Никитичу, въ разсужденіи размежевки нашихъ пустошей, на случай если противъ чаянія межевщикъ захочетъ безъ меня межевать наши пустоши.

И распорядивъ симъ образомъ всѣ свои дѣла, не сталъ долѣе медлить, но распорядившись съ своими домашними и предавъ всѣ свои дѣла въ произволъ судьбы, въ предпринимаемый путь и отправился.

Сіе путешествіе мое и все, случившееся со мною во время сей ѣзды въ Кашинь опишу я вамъ въ послѣдующихъ письмахъ, а теперешнее, какъ довольно увеличившееся, окончу увѣреніемъ, что я есмь вашъ и прочая.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ МОСКВУ.

Письмо 143-е.

Любезный пріятель! Вознамѣрившись описать намъ въ семъ письмѣ путешествіе свое въ Кашинь, предприятое тогда еще въ первый разъ въ глѣннее вре-

мя, начну тѣмъ, что какъ дорога отъ Москвы до Кашина въ тогдашнее время для путешествующихъ не совсѣмъ была безопасна, но бывали иногда отъ бездѣльниковъ въ разныхъ мѣстахъ шалости, грабежи и разбои: то, отъѣзжая въ сей путь, не преминулъ я запастись множайшими людьми и нужнымъ для всякаго случая оружіемъ.

Всѣхъ насъ было пятеро: я, да двое слугъ, да два повозчика, ибо отправлялся я на двухъ повозкахъ.

Для себя избралъ я маленькую дорожную и самую легкую покоевую коляску, а другая повозка была съ нашею дорожною провизіею, и самая та, на которой приѣхалъ ко мнѣ изъ Кашина посланный.

Чтобъ придать обоеимъ моимъ слугамъ нѣкоторый видъ военныхъ людей, то одѣлъ я ихъ въ красные камзолы съ рукавами и спиными обшлагами и воротничками, и препоясалъ замшевыми португееми, съ привѣшенными на бедра ихъ старинными налашами.

Въ семъ одѣяніи походили они уже нѣсколько, когда не на полевыхъ, такъ по крайней мѣрѣ гарнизонныхъ солдатъ и могли глупыми и незнающими людьми почитаемы быть таковыми.

Кромѣ сего не преминули мы запастись ружьями и пистолетами, и надѣлать къ нимъ нѣсколько патроновъ съ пулями.

Въ путь сей отправился я 28-го числа августа послѣ обѣда, и отъѣзжая готовился заблаговременно къ чувствованію скуки и досады многихъ. Ничто и понынѣ для меня такъ не скучно и не досадно, какъ путешествовать по грязной и трудной дорогѣ, а тогда точно и была такая.

Бывшіе до того частые дожди и продолжавшіяся по нѣскольку дней сряду пепастія произвели и на малыхъ дорогахъ вездѣ грязь превеликую; а чего должно было ожидать на большой тульской въ Москву дорогѣ, которой, какъ извѣстно, нѣтъ многолюдіе во всемъ государствѣ нашемъ.

Въ ожиданіи своемъ я и не обманулся. Не успѣли мы въ деревнѣ Ярославцовѣ

въѣхать на сію большую дорогу, какъ и возчувствовали всю дурноту оной.

Она была чрезвычайно грязна и такъ дурна, что мы съ трудомъ могли ѣхать, поспѣшить же никакъ было не можно. Итакъ, далѣе не могли мы никакъ въ сей день доѣхать, какъ до большого села Липецъ, и были довольны по крайней мѣрѣ тѣмъ, что насъ не мочило съ верху, ибо погода начинала понемногу перемѣняться и облака понемногу соединялись уже въ густыя тучки.

Чтобъ не допустить себя мучить скукѣ, при медленной и безпокойной ѣздѣ грязною дорогою, расположился я уже съ самаго начала, для меньшаго чувствованія оной, возымѣть прибѣжище къ любимому моему и толь нужному для человѣковъ искусству увеселяться красотами природы и положеніемъ мѣстъ, и занимать себя koliko можно такими мыслями, которыя могли-бъ недопускать меня чувствовать скуку.

Всходствіе чего и учинилъ тому тотчасъ начало, какъ скоро начала скука и досада ко мнѣ появляться, и употребилъ для прогнанія оной помышленія о самой сей дорогѣ.

Я привелъ себѣ на память все, что я нѣкогда читалъ о всѣхъ происшествіяхъ, бывшихъ въ прежнія времена въ мѣстахъ тутошнихъ; преселялся помышленіями въ вѣка протекшіе и углубляясь въ воображенія различныя, говорилъ съ самою сею дорогою, или паче самъ съ собою примѣрно слѣдующимъ образомъ:

«О путь!... путь великій и знаменитый! сколь многія вѣка существуешь ты уже здѣсь и сколь многія сотни тысячъ людей видѣлъ ты ѣдущихъ и идущихъ? Сколь безчисленными тяжкими повозками были обременяемы и колеснымъ множествомъ колесъ были разсѣваемы мягкіе хребты твои! Сколько претерпѣваешь ты и нынѣ еще отъ нихъ ежедневно!.. Какія глубокія язвы и раны видны на тебѣ повсюду произведенныя! О, какъ великъ и широкъ ты! И сколь многими людьми посѣщаешься ты въ нынѣшнія времена ежедневно!...

«Но были нѣкогда времена, въ которыя не было здѣсь и самой малѣйшей тропинки, но свистѣлъ только отъ вѣтровъ высокій бурьянъ, по мѣстамъ симъ въ глуши и дичи растущій. Единный только топотъ отъ быстрыхъ коней претерпѣвалъ ты временемъ отъ татаръ, набѣгавшихъ нерѣдко на отечество наше и разорявшихъ оное до самыхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ протекаетъ Ока, сія рѣка многоводная и служившая такъ долго защитою бѣдному отечеству нашему отъ сихъ народовъ варварскихъ и дикихъ.

«Коль много зла претерпѣвали прежде наши, живущіе въ мѣстахъ сихъ отъ сихъ грабителей жестокихъ! Можетъ быть не одинъ разъ видѣлъ ты ихъ на себѣ посѣваемыхъ остриемъ мечей ихъ и слышалъ стонъ и вой увлекаемыхъ ими въ плѣнъ женъ и дѣвицъ съ собою, и орошаемъ былъ слезами текущими изъ очей ихъ.

«Вотъ селеніе, сидящее на тебѣ, которое и понынѣ служитъ памятникомъ, что нѣкогда были въ мѣстахъ сихъ окопы, носившіе званіе городковъ, въ которыхъ жилали люди, отваживающіеся преселаться за Оку и въ коихъ однихъ находили они нѣкоторое спасеніе себѣ отъ набѣговъ разорителей сихъ.

«Вонъ, тамъ и понынѣ еще видны остатки древнихъ окоповъ и высокихъ валовъ, ограждавшихъ маленькія селенія ихъ и тѣ высокіе курганы, на которыхъ становили стражи для примѣчанія татаръ и благовременнаго даванія всѣмъ жителямъ знать, чтобъ они и сами скорѣе сбѣгались и скотъ свой сгонали въ окопы сіи и тутъ вооружались для отпора врагамъ и разорителямъ симъ.

«Можетъ быть, не одинъ разъ проливаема была самая кровь предковъ нашихъ на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ты лежишь теперь, путь широкой, и хребты твои напоены были оюю. Не тщетно и понынѣ селенія здѣсь называются «городнями». По всему видимому, жилали здѣсь люди отъ самой уже древности, и многіе роды ихъ перемѣнились съ того времени, какъ здѣсь первые обитатели жить начали».

Слѣдъ или подобныйъ сему, образомъ го-

ворилъ я самъ съ собою проѣзжая деревню Городню, на большой дорогѣ сидящую. Большой и широкой оврагъ, посреди котораго протекаетъ тутъ рѣчка Городенка, подавала мнѣ поводъ къ мыслямъ, что въ тогдашнія времена можетъ быть и онъ, будучи крутоберегимъ, служилъ нѣкоторою преградой татарамъ, и тѣмъ паче, что за нимъ видимые и нынѣ еще лѣса были можетъ быть тутъ и въ древности и при томъ обширные и непроходимые, а въ промежуткахъ между ими на поляхъ находились оныя окопы на высокихъ и крутыхъ берегахъ оврага сего.

Самые сии лѣса, мимо которыхъ проѣзжалъ я дагѣ, подавали мнѣ поводъ къ помышлениямъ, что и она, можетъ быть, нѣкогда служила наилучшимъ и надежнѣйшимъ убѣжищемъ предкамъ нашимъ отъ татаръ при набѣгахъ ихъ.

«Можетъ быть, говорилъ я: не одинъ разъ живали они по нѣскольку дней и недѣль въ глубокыхъ оврагахъ, посреди лѣсовъ сихъ находящихся, скрываясь со страхомъ и трепетомъ отъ губителей ихъ и дожидаясь обратнаго ихъ отшествія!»

Обращаясь опять къ дорогѣ и бесѣдуя въ мысляхъ съ нею, говорилъ я:

«Да и тогда, когда ты существовать здѣсь начала, какъ невелика ты была, доколѣ въ новѣйшія времена не сограждена была Тула. Съ того времени, можетъ быть, сдѣлалась ты сколько-нибудь болѣе, когда началъ существовать сей городъ и служить защитою отъ татаръ.

«И съ того времени сколько войскъ, и сколько разъ проходило здѣсь по тебѣ и конныхъ и пѣшихъ, сколько разъ стѣнала ты отъ тяжести огнедышущихъ орудій, везомыхъ по тебѣ? Сколь много разъ, и сколь многіе путешествовали по тебѣ здѣсь взадъ и впередъ, древніе обладатели сихъ мѣстъ и праотцы владѣльцевъ нынѣшнихъ! Сколько разъ видала ты ѣхавшихъ по себѣ самыхъ князей и государей, владѣвшихъ отечествомъ нашимъ!

«Не одинъ разъ, можетъ быть, летѣлъ по тебѣ какой-нибудь удѣльный князь съ дружиною своею вслѣдъ другихъ товари-

щей своихъ, поспѣшавшихъ на войну, или для обороны отечества отъ татаръ, приближавшихся къ мѣстамъ симъ.

«Легко статься можетъ, что и ближнее ко мнѣ и на тебѣ сидящее селеніе Ярославцово названіе сіе получило въ древности отъ какого-нибудь владѣтельнаго князя Ярослава, съ которымъ что-нибудь особенное въ семь мѣстъ случилось.

«Не одинъ разъ, можетъ быть, и самыя праотцы и предки собственнаго моего рода ѣзжали по тебѣ и сматривали также на всѣ мѣста сии и положенія оныхъ. Но взиралъ-ли-то кто изъ нихъ на вась, милія мѣста, съ какими-жъ чувствами и помышлениями, какъ я теперь?!!»

Въ сихъ и подобныхъ сему размышленияхъ упражняясь и не видалъ я, какъ приближались мы къ помянутому селу Липецамъ, получившему можетъ быть названіе сіе оттого, что нѣкогда стоялъ тутъ огромный липовой лѣсъ, косою времени истребленный.

Тутъ открылись вдругъ дальновидныя положенія мѣстъ и представилось взорамъ моимъ множество новыхъ и прелестныхъ предметовъ, привлекавшихъ непрерывъ мое вниманіе къ себѣ.

Широкой и огромной долъ и синѣющіеся за нимъ вдали лѣса, видимые съ высоты холма того, гдѣ мы тогда ѣхали, преполнили сердце мое нѣкакимъ удовольствіемъ, а сребристая многоводная Ова, извивающаяся величественно вдоль по оному и катящая внизъ струи свои, освѣщаемыя мѣстами вечернимъ солнцемъ, восхищали зрѣніе.

Многіе высокіе холмы и возвышенныя бугры, увѣнчанные лѣсочками, вмѣстѣ съ полями хлѣбными разныхъ видовъ, испещряли всѣ нагорные и высокіе берега величественной рѣки сей и кривизнами и мысами своими, выдающимися вдали другъ изъ-за друга, придавали мѣстоположеніямъ симъ еще болѣе красоты; а нѣсколько селеній, видимыхъ на нихъ вдали и сельскіе въ нихъ храмы увеличивали великолѣпіе оныхъ, а особенно бѣгѣющіеся вдали храмы и зданія города Серпухова.

Никогда, никогда не проѣзжалъ я мѣ-

ста сіи не утѣшаясь красотою оныхъ, и никогда не могъ налюбоваться ими довольно. Наконецъ и самое село то, въ которое мы тогда ночевать поспѣшали, подало мнѣ поводъ къ размышленіямъ различнымъ.

При самомъ даже въѣздѣ въ него встрѣчавшійся съ зрѣніемъ обширный садъ, окруженный нѣсколькими рядами престарѣлыхъ березъ и другихъ высокихъ деревьевъ, и обнесенный рѣшетчатою оградой, предвѣщалъ нѣчто величественное впереди; а представившійся вскорѣ потомъ зрѣнію нашему каменный сельскій храмъ, и прямое насажденіе лишь строгомыхъ, ведущее къ каменному едва приметному дому, и воздвигнутое насупротивъ онаго чрезъ дорогу обширное зданіе съ нѣвакою башенкою надъ собою, вмѣщавшее въ себѣ конскій заводъ, увеселяло зрѣніе наше.

Принадлежало обширное село сіе тогда еще графамъ Головкинымъ, бывшимъ нѣкогда толь знаменитыми вельможами въ отечествѣ нашемъ, и помянутый домъ воздвигнуть былъ тутъ для спокойнаго пребыванія ихъ при приѣздахъ въ село сіе; но все находилось уже и тогда въ примѣтномъ упадкѣ, клонящемся къ запустѣнію.

И самый храмъ, при въѣздѣ въ село стоящій и лучшую красу ему придающій, не имѣлъ дальнаго великолѣпія, и достопамятенъ былъ тѣмъ только, что изъ среды служителей его произошелъ тотъ изъ первосвященниковъ нашихъ, который такъ славился уже и тогда отмѣннымъ краснорѣчіемъ своимъ, и нося на себѣ имя славнѣйшаго изъ древнихъ мудрецовъ, дѣлалъ собою красу всему духовенству нашему.

Всегда, когда ни случалось мнѣ проѣзжать мимо храма сего и взглядывать на хижины, стоящія подлѣ онаго, не прошло дило безъ того, чтобъ не сказала я самъ себѣ: «Вотъ здѣсь, вотъ въ сихъ мѣстахъ и хижинѣ, подобной снмъ, родился тотъ великій мужъ, который и понынь такъ славенъ умомъ, краснорѣчіемъ и великостію сана своего!!»....

Шумъ отъ блѣванія овецъ, и разные крики, и мычаніе бѣгающаго по улицѣ и вбѣжавшаго только въ село съ полей многочисленнаго скота, и призываніе насъ жителями онаго непрерывъ другъ предъ другомъ къ почеванію у себя, пресѣкъ всѣ умственные разглагольствія мои, и я слышалъ приказывать избрать гдѣ-нибудь избу получше для ночлега своего.

Будучи до садовъ охотникомъ и вѣдая, что всѣ почти жители села сего были таковыми-жъ и что многіе изъ нихъ торговали прививными и почковыми яблонками и получали себѣ на томъ довольные прибитки, не могъ я довольно наговориться о томъ съ хозяиномъ того двора, гдѣ мы ночевать остановились, и я слышался отъ него обо многомъ до того мнѣ неизвѣстномъ.

А всего болѣе слушалъ съ удовольствіемъ рассказы его о господскомъ тутошнемъ садѣ, расположенномъ за домомъ по горѣ, о красотѣ онаго, о многихъ прудахъ и сажелвахъ, находящихся въ ономъ, также о разныхъ бесѣдахъ, и самомъ гротѣ сдѣланномъ въ немъ, гдѣ графъ, живая въ семь селѣ иногда по нѣскольку недѣль, нерѣдко бралъ себѣ отдохновеніе, и слушая сіе жалѣлъ, что не удалось мнѣ все сіе никогда видѣть.

На утріе, вставъ довольно рано и спустившись тутъ съ извѣстной высокой горы, продолжали мы путь свой по низкому, ровному и гладкому берегу рѣки къ городу Серпухову.

Тутъ внизу не было тогда еще того селенія, которое находится нынѣ, а украшался берегъ рѣки обширною и прекрасною рощею изъ деревьевъ высокихъ, которой нынѣ и слѣдовъ почти непримѣтно, а единые только пни свидѣтельствуютъ о существованіи оной тутъ во времена прежнія.

Подъѣзжая къ переправѣ чрезъ Оку наши мы величественную рѣку сію отъ бывшихъ до того дождей такъ наводнившееся, что всѣ пристани и помосты водою были поломаны и плавали по оной, и переправа сдѣлалась отъ того труднѣйшею.

Тогда не было еще чрезъ ее того плывучаго моста, который нынѣ только облегчаетъ всѣмъ переѣздъ чрезъ оную, и за который всѣ мы должны благодарить великую Екатерину, повелѣвшую существовать всегда оному.

Какъ много вѣковъ до того прошло, а никому изъ обладателей Россіи не приходило на мысль или паче не удавалось произвести сіе нужное дѣло, и облагодѣтельствовать тѣмъ толь многія тысячи путешественниковъ всегдашнихъ.

Какъ переправляться иначе было намъ не можно, какъ на паромѣ, а симъ за поврежденіемъ пристаней къ берегу подѣзжать было не можно; то принуждены мы были дожидаться, покада перевозчики ихъ опять помостятъ и вооружиться до того времени терпѣніемъ.

Чтобъ ожиданіе сіе сдѣлать для себя менѣе чувствительнымъ, то занялся я опять многоразличными помысленіями, относящимися болѣе дорѣки, передомною быстря свои струи катящей.

Я воображалъ себѣ опять тѣ древнія времена, когда широкая и многоводная сія рѣка служила вмѣсто стѣны и наилучшею оградой и оплотомъ отечеству нашему отъ набѣговъ татарскихъ.

«О! сколько разъ, говорилъ я самъ въ себѣ: доходили сія грабители до береговъ сихъ и пивали здѣсь струями сими лошадей своихъ!—Сколько разъ трепетала Москва отъ набѣговъ сихъ и прибрежные зарѣчные жители со страхомъ и трепетомъ сматривали на шатры и станы ихъ, разбиваемые на сихъ низкихъ и ровныхъ мѣстахъ поемныхъ. И нынѣ видны еще неподалеку отсюда превеликіе холмы и бугры, насыпанные ими на могиллахъ умиравшихъ начальниковъ и вельможъ ихъ, и останутся на вѣкъ памятниками тогдашняго бѣдственнаго состоянія Россіи».

Далѣе, увидя плывущіе струга, говорилъ я: — «Сколько громадъ таковыхъ и какою сокровищъ пренесла ты, рѣка многоводная, и приносишь и нынѣ по хребтамъ своимъ изъ однихъ мѣстъ въ другія отдаленныя отсюда, и доставляешь

ими пищу и спѣди цѣлымъ милліонамъ народа.

«Но были времена, въ которыя едвали и лодочка какая плавала по тебѣ, и ты многія сотни лѣтъ текла здѣсь, никѣмъ будучи невидима и не посѣщаема.

«Сколь многія тысячи людей питаешь ты рыбами и поишь струями своими, и сколько напротивъ того и погубляешь ты смертныхъ въ поляньяхъ, при вешнихъ страшныхъ разлитіяхъ твоихъ и при другихъ случаяхъ; у сколь многихъ женъ захитила ты мужей, а у отцевъ дѣтей ихъ! И нынѣ не проходитъ еще года, въ который бы не погибало множество людей въ тебѣ, а то-же бесомнѣнно будетъ случаться и въ грядущія времена».

Таковыми и подобными симъ размысленіями занимался я во все время, покада приготовляли пристани, и мы переправлялись потомъ чрезъ рѣку сію.

Все сіе задержало насъ такъ долго, что мы не могли далѣе въ сіе утро уѣхать какъ до Серпухова, и тутъ принуждены были остановиться обѣдать и кормить лошадей своихъ.

Видъ стариннаго города сего и разныхъ въ немъ зданій подалъ мнѣ также поводы къ размысленіямъ особымъ.

При самомъ уже въѣздѣ въ оный любовался я величественнымъ видомъ монастыря Высоцкаго, представшимъ взору моему посреди широкаго отверстія между двухъ густыхъ и высокихъ лѣсовъ, украшавшихъ собою холмъ сей уже многія столѣтія и видѣвшихъ праотцевъ нашихъ.

Не менѣе того утѣшался я красотами другого такого-жъ согражденія, за рѣкою Нарою, подъ большимъ сосновымъ боромъ предѣлами воздвигнутаго, и дивился усердію и особливою охотѣ древнихъ россіянъ къ созиданію сихъ памятниковъ набожности ихъ.

Первый изъ нихъ и нынѣ еще разрушающая все рука времени пощадила отъ разрушенія; въ немъ и нынѣ еще обитаютъ черноризцы, посвятившіе жизнь свою возсыланію непрерывныхъ моленій ко Творцу всѣхъ тварей.

Множество другихъ храмовъ, возвы-

шающихся высоко сверхъ крововъ дру- гихъ домовъ, служили таковыми-жъ па- мятниками приверженности къ вѣрѣ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ жителей сего города.

Весь онъ, будучи построенъ по изги- бистому и неровному косоугору, пред- ставлялъ нѣкоторый родъ красиваго ам- фитеатра, и бѣляющіеся въ разныхъ мѣ- стахъ остроконечные верхи колоколенъ съ блестящими ихъ золотыми крестами придавали ему отиѣнную красу.

Совсѣмъ тѣмъ внутренность его далеко несообразна была съ наружною красо- тою. — Ежели сравнить тогдашнія его кривыя, дурныя, грязныя и крайне безпо- койныя улицы съ нынѣшними широкими, ровными и прямыми и тогдашнія на боль- шую часть мизирныя хижины обитателей съ нынѣшними, уже гораздо лучшими и порядочнѣйшими, то можно сказать, что нынѣ не походить онъ самъ на себя, а особливо верхнею и проѣзжею частію оваго.

Тогда проѣздъ чрезъ оный былъ самый безпокойный, надлежало спускаться подъ гору и ѣхать низомъ, и подлѣ самыхъ стѣнъ старинной каменной крѣпости, построенной на крутомъ мысу высокаго холма, окруженнаго глубокимъ буеракомъ и рѣчкою Серпейкою.

Навислая уже отъ ветхости и грозя- щія ежеминутнымъ паденіемъ, произво- дили страхъ и трепетъ въ проѣзжаю- щихъ мимо оныхъ; множество вывалив- шихся изъ стѣнъ огромныхъ камней ле- жали разбросанные по косниѣ крутой горы сей, и многіе подлѣ самой дороги, и казалось, что въ каждую минуту го- товы таковыя-жъ, скатившись съ горы, раздробить проѣзжихъ.

Совсѣмъ тѣмъ никогда не проѣзжалъ я мимо сей твердыни древней безъ особ- ливыхъ чувствованій. Служила она незабвеннымъ памятникомъ искусству дре- внихъ при созиданіи городовъ своихъ, и я не могъ довольно надивиться тому, съ какимъ искусствомъ умѣли предки наши сограждать высокія башни и стѣны твер- дынь своихъ изъ каменьева дажнихъ и ве-

личины огромной и связывать ихъ такъ крѣпко растворомъ известковымъ.

Самое избираніе мѣстъ къ тому и за- мысловатое укрѣпленіе кривыхъ входовъ въ нихъ не менѣе меня удивляло.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ тѣсны и малы они тогда были! Не болѣе какъ немногія сотни людей могли въ нихъ жить и по- мѣщаться, и что могло значить такое ма- лое количество? Рука времени разрушила уже и тогда на половину всю твердыню сію и угловыя башни имѣли уже столь великія разсѣдины, что угрожали еже- минутно паденіемъ.

Но сіе было и не удивительно: болѣе двухъ сотъ лѣтъ тогда уже минуло съ того времени, какъ воздвигнуты были сіи стѣны и башни при славномъ нашемъ царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ.

Но древность города сего простиралась гораздо далѣе; болѣе нежели за 400 лѣтъ до того упоминаемо уже въ лѣтописяхъ о его существованіи, и два раза былъ онъ разоряемъ и опустошаемъ до осно- ванія: въ первый разъ отъ татаръ, а дру- гой отъ литовцевъ, и было время, что былъ сей городъ столицею и мѣстопре- бываніемъ одного стариннаго російскаго князя, по имени Владимира Андрее- вича Донскаго, по прозванію Храбраго.

Было сіе за 300 лѣтъ до того, и въ са- мое сіе время основанъ былъ и помяну- тый монастырь Высоцкой, славнымъ у насъ въ древности святымъ мужемъ Сергіемъ чудотворцемъ, который призыванъ былъ нарочно для основанія оваго симъ кня- земъ, и оставилъ тутъ ученика своего Аѳанасія игуменомъ первымъ.

Кромѣ сего и другой предметъ привле- калъ къ себѣ мое вниманіе тогда. Подъ- ѣзжая къ крѣпости сей, надлежало про- ѣзжать мимо фабрикъ парусинныхъ, ко- торыми сей городъ въ особенности сла- вился. Было ихъ тутъ семь, и болѣе 600 человекъ занимались денно и ночью въ приуготовленіи сихъ тканей, толико нуж- ныхъ для морскихъ ополченій не только нашихъ, но и чуждыхъ народовъ.

Превеликое множество вырабатывается и отымаются ихъ на 160-ти станахъ еже-

годно, и знатная часть изъ нихъ отправляется въ иностранныя государства, и на всѣхъ моряхъ и океанахъ и во всѣхъ частяхъ свѣта, и даже въ отдаленныхъ краяхъ Америки влекутъ онѣ плывучія громады по хребтамъ морей синихъ, и бѣлѣются на оныхъ.

Помышляя обо всемъ томъ съ особымъ удовольствіемъ, смотрѣлъ я на безчисленное множество мотовъ пряжи, сушимой при бѣленія оной на согражденіяхъ особыхъ и помышлялъ о томъ, сколь многими городскимъ и уѣзднымъ жителямъ доставляли фабрики сіи пропитаніе.

Не успѣли мы, покормивъ лошадей, выѣхать изъ сего города, какъ, переѣзжая пространныя равнины, окружающія оныя, преселился я опять мыслями въ времена протекшія и съ особливымъ вниманіемъ смотрѣлъ на равнины сіи, видѣвшія нѣкогда всю почти Россію на себѣ.

Я воображалъ себѣ то, что происходило тутъ за 170 лѣтъ до того времени и съ удовольствіемъ напоминалъ, какъ славный нашъ царь Годуновъ, будучи обманутъ ложными слухами о нашествіи и приближеніи татаръ, имѣлъ тутъ въ собраніи болѣе двухсотъ тысячъ воинства російскаго для отпора отъ нихъ и защиты отечества; и присутствуя самъ, съ пышностію и особымъ великолѣпіемъ принималъ пословъ татарскихъ, приѣзжавшихъ къ нему съ поздравленіемъ и потомъ нѣсколько дней сряду все войско угощалъ на равнинахъ сихъ въ шатрахъ пиршествами на посудѣ драгоцѣнной и приличнымъ достоинству и пышности его образомъ, и сдѣлалъ чрезъ то поля сіи на вѣкъ достопамятными.

Я воображалъ себѣ, какъ испещрены были поля сіи тогда повсюду кущами и шатрами и усѣяны несмѣтнымъ множествомъ народа; какъ курились повсюду дымъ дыми голубые и по почамъ свѣтились огни ясные, и какъ толпились повсюду народъ и воины вѣковъ прежнихъ и какой гулъ раздавался всюду отъ движенія криковъ и разглагольствія ихъ...

Симъ и подобнымъ сему образомъ за-

нимаясь разными мыслями и увеселяясь повсюду встрѣчающимися новыми видами и красотами природы, продолжали мы свое путешествіе по дурной и отчасу хуже становящейся дорогѣ, и доѣхали еще довольно рано до знаменитаго села Лопасны.

Тутъ принуждены мы были переправляться чрезъ протекающую сквозь его и тогоже имени рѣку на северномъ плотинкѣ.

Сдѣлавшееся отъ дождей великое наводненіе въ сей рѣкѣ, разорвало бывшій до того тутъ плывучій мостъ, и какъ она была тогда не только велика, но и чрезвычайно быстра, то имѣли мы много труда и даже самую опасность при переправѣ на плоту.

Совсѣмъ тѣмъ, переправившись на плоту кое-какъ, могли бы мы ѣхать еще далѣе; но какъ при проѣздѣ чрезъ большое и чрезвычайно грязное село сіе испортились подъ харчевою повозкою моею колеса то принуждены мы были остановиться тутъ ночевать и подъ повозку купить новыя колеса, которыхъ по счастью нашли мы множество продаваемыхъ, ибо село сіе даже славилось дѣланіемъ и продажею колесъ.

Въ немъ находился и тогда уже огромный каменный домъ, придававшій, вмѣстѣ съ каменною церковью, селу сему красу немалую. Въ особенноти же любовался я красивыми сажелками и прудами, обсаженными стриженными березками, которыя и повынѣ украшаютъ село сіе, принадлежащее одному изъ любимцевъ Екатерины Великой, пользовавшагося всѣхъ прочихъ короче ея къ себѣ любовію.

Переночевавъ въ семь селѣ, въ послѣдующій день встали мы очень рано, но поспѣшить ѣздомъ никоимъ образомъ было не можно: дорога была такъ дурна и тяжела, что я никогда еще таковою ее не видывалъ.

Бывшая до того отъ непастья страшная грязь отъ переѣзжавшейся вонючей начала густѣть, но отъ самаго того дорога сдѣлалась еще хуже. Колеса съ трудомъ могли вертѣться и изъ одной

колесовины попадать то и дѣло въ дугу глубочайшую, и я принужденъ былъ къ утѣшенію себя употреблять всю свою философію.

Къ вѣщему несчастію захрамѣла у насъ одна лошадь и мы съ трудомъ доѣхали до знаменитаго села Молодей, которое далеко не имѣло еще тогда такихъ украшеній, какія имѣють нынѣ, и не принадлежало еще господину Кроткому, сему славному эконому и по особому странному случаю вдругъ разбогатѣвшему человеку.

Проѣхавъ сіе село и стараясь дотачиться кормить лошадей до Кутузова, не ѣхали, а съ ноги на ногу брели мы, чрезъ ославившееся въ древности и между сими селеніями обширное Юшенское поле.

Сіе хотя не было уже тогда таково страшно, каково бывало оно въ старину нашимъ предкамъ, проѣзжавшимъ оное всегда со страхомъ и трепетомъ, но пустота мѣста, находящіяся по сторонамъ вблизи густые лѣса и мысль, что въ претекшія времена не одинъ разъ обагрѣлись мѣста сіи и самая дорога невинною человѣческою кровію, проливаемою разбойниками, недававшими почти никому проѣзда, и что не одинъ разъ лишался тутъ отецъ своего сына, а жена любимаго мужа—производила въ душѣ нѣкое особое чувствіе, вливающее и тогда нѣкоторый ужасъ и опасеніе, хотя расчищенные поля и поселенная посреди деревня давно уже сдѣлали сіи мѣста безопасными.

Отдохнувъ и выкормивъ лошадей въ Кутузовѣ и пустившись далѣе, имѣли мы много труда, куда доѣхали до знаменитаго села Пахры, переименованнаго послѣ Подольскомъ.

Никому тогда не приходило еще и въ мысли, что нѣкогда, и чрезъ немногіе годы послѣ того будетъ село сіе городомъ; но видъ онаго и тогда былъ немногимъ чѣмъ хуже нынѣшняго и настоящій видъ города едва ли ему скоро получить можно!

Тутъ принужденъ мы были опять съ превеликимъ страхомъ переправляться на

плоту чрезъ рѣку, чрезъ сіе селеніе текучую, довольно великую и такое-жъ имя на себѣ носящую.

Такого спокойнаго пловучаго моста на ней тогда еще не было, какъ нынѣ, и всѣ проѣзжіе должны были переѣзжать на плоту и отъ всегдашняго пьянства перевозчиковъ подвергаться иногда великой опасности.

Стоящій на берегу кабакъ поглощаль всѣ получаемыя ими за перевозъ деньги, и былъ всему злу причиною. Сами мы нашли перевозчиковъ мертво-пьяными, и настрашались переѣзжая съ ними сію довольно широкую рѣку.

По счастью помогъ намъ много при томъ одинъ сѣвской купецъ, съѣхавшійся съ нами въ Кутузовѣ и кормившій лошадей вмѣстѣ. И какъ онъ вмѣстѣ съ нами потащился, то и услужилъ намъ показавъ и объѣздную дорогу отъ Пахры до Молодей, которая была гораздо лучше большой и не такъ грязна какъ она.

Самое сіе помогло къ тому, что до селенія сего доѣхали мы довольно еще рано, и не захотѣвъ тутъ останавливаться, отважились пуститься до деревни Битецъ.

Но отвага сія была неблагоприятна и я раскаялся въ томъ скоро, ибо разстояніе между обоими сими селеніями было немало; и какъ мы оное должны были переѣзжать большою дорогою, то нашли мы ее въ семь мѣстъ столь дурною, что принуждены были тащиться шагомъ.

Между тѣмъ день непримѣтно приходилъ къ окончанію и мы посреди пута сего обмеркли; а какъ повсюду была могила, что около сихъ мѣстъ бывають отъ воровъ и шалости, да и положеніе мѣстъ было къ тому удобно, то начали мы нѣсколько уже и потрушивать и стараться поспѣшать какъ можно.

Я то и дѣло понукалъ своего кучера, чтобъ повуждалъ онъ лошадей напрягать всѣ силы ихъ къ ѣздѣ скорѣйшей; но самое сіе и надѣлало намъ много вреда.

Привыкнувъ къ своимъ, хотя недорогимъ, но крѣпкимъ лошадямъ и надѣясь на нихъ, и не помышляя я того, что не

такимъ были другія, бывшія съ нами и самыя тѣ, которыя присланы были съ человѣкомъ, приѣхавшимъ звать меня изъ Кашина, и что онѣ по нѣжности своей такого усильнаго труда перенести были не въ состояніи, и узнавъ, но уже поздно, что онѣ отъ насады такъ разбились, что по приѣздѣ нашемъ въ Битцы, уже ночью, мы не могли ихъ стащить съ мѣста.

Въ скверной сей деревнишкѣ, славящейся издавна обманчивою мѣною лошадей, производимою жителями съ проѣзжими, не успѣли мы расположиться, какъ и явились къ намъ хитрецы и обманщики и начали производить свое гнусное ремесло.

Мы притворились, будто ничего не знаемъ о ихъ плутняхъ, и дали имъ волю дѣлать что хотятъ, дабы тѣмъ болѣе посмѣяться.

Обманы сіи производили они хотя многоразличными образами, но наиболѣе слѣдующимъ: одинъ притворяется быть должникомъ, а другой взыскивающимъ съ него долгъ свой и отнимающимъ у него за то съ великою суровостію лошадь.

Притворный должникъ, охая и плача, прибѣгаетъ къ проѣзжимъ, жалуется имъ на свое несчастіе и тужить, что принужденнымъ находится разстаться съ своимъ животомъ, т.е. доброю своею и надежною лошадью, и готовъ бы ее лучше иному кому, а не своему гонителю доставить въ руки.

Таковою уловкою убѣждаетъ онъ незнающихъ проѣзжихъ къ жалости и къ тому, чтобы они съ нимъ помѣнялись лошадью и ему что-нибудь придали, и симъ образомъ въявь почти ихъ обманываютъ и промѣниваютъ имъ негоднѣйшую лошадь на хорошую и получаютъ еще множество денегъ въ придачу.

И сколько смѣшныхъ исторій не бываетъ въ сей негодной деревнишкѣ. Часто случалось, что иная проѣзжая боярынька отъ сожалѣнія, вида утѣсняемаго и даже бѣснмаго мнимаго должника, или льстясь получить лучшую себѣ лошадь, закладывала и свое платье и другія вещи, для полученія взаимы для придачи та-

кому обманщику, и послѣ усматривая, что была обманута въявь, и вмѣсто доброй лошади получила пренегоднѣйшую тварь.

А точно такимъ образомъ вознамѣрились-было они и насъ обманывать и вмѣнить у насъ приставшихъ лошадей; но мы, посмѣявшись внутренно ихъ пронырствамъ и уловкамъ, кончили тѣмъ, что самихъ ихъ одурачили, объявивъ, что намъ всѣ плутни ихъ извѣстны, и чтобы они убирались скорѣе со двора.

Особливаго примѣчанія было достойно, что въ промыслѣ семъ упражнялись наиболѣе не тутешніе жители, а приѣзжіе издалека и проживающіе тутъ нарочно для сего долгое время, и что продолжалось сіе многіе годы, покуда селеніе сіе слишкомъ уже тѣмъ ославилось. Тогда, оставивъ, переѣхали они совсѣмъ въ другія мѣста, на большой же дорогѣ лежащія, гдѣ никто объ нихъ еще не вѣдалъ, и не престають и понинѣ еще такимъ же образомъ обманывать неосторожныхъ и зажиточныхъ проѣзжихъ.

Выкормивъ лошадей и давъ имъ гораздо отдохнуть, продолжали мы въ слѣдующее утро путь свой далѣе и выѣхали изъ селенія сего не рано, а дождавшись уже свѣта.

Опасность отъ воровъ, гвѣздившихся въ сихъ мѣстахъ, внушила намъ сію предосторожность. Къ тому-жъ какъ разстояніе оттуда до Москвы было уже не велико, то и надѣялись приѣхать еще очень рано, однако въ томъ изрочно обманулись.

Дорога чѣмъ ближе была къ Москвѣ, тѣмъ становилась хуже, а лошади мои отчасу слабѣе, и намъ въ ѣздѣ въ сей день была такая неудача, какой со мною никогда еще не случалось. Одна лошадь хромала и не могла вовсе почти идти, а другая такъ разбилась, что стала въ пень и мы, часа два стоячи въ грязи, не могли ее съ мѣста сдвинуть.

Признаться надобно, что минуты сіи были для меня очень неприятны и я, позабывъ тогда всю свою философію и всѣ

утѣшительныя размышленія, мучился только досадою и прискорбіемъ душевнымъ.

Однако попавшій мнѣ на глаза, и тогда еще стоявшій четырехугольный невысокій столбъ съ находящимися на немъ на чугунныхъ, въ него вставленныхъ, доскахъ надписями, служившій памятникомъ бывшимъ въ старину въ Москвѣ стрѣleckимъ бунтамъ и означавшимъ мѣсто, гдѣ они, казненные, были зарыты, обратилъ все мое вниманіе къ себѣ, и преселивъ мысли мои въ тогдашнія смутныя времена, подалъ поводъ къ размышленіямъ многимъ и особымъ.

Наконецъ показала намъ Москва, сія древняя столица и обиталище нашихъ государей, и величественнымъ и торжественнымъ видомъ своимъ привлекла все мое вниманіе къ себѣ.

Утро случилось тогда ясное, и я, по всегдашнему обыкновению своему, не могъ зрѣніемъ на безчисленной сонмъ высокихъ башенъ и блестящихъ куполовъ и главъ храмныхъ довольно налюбоваться.

Признаюсь, что видъ великаго города сего съ сей стороны мнѣ въ особенности всегда пріятенъ и едвали не самый лучшій. Душа, при возвращеніи на таковое обширное обиталище безчисленнаго множества смертныхъ, чувствуетъ нѣчто особенное, и въ какомъ бы расположеніи до того ни была, но вдругъ поражается имъ сильно и охотно вдается въ размышленія различныя.

А всходствіе того и я, какъ ни раздосадованъ былъ дурнотою дороги, но не могъ преминуть, чтобъ при первомъ и лучшемъ узрѣніи сего великаго обиталища не велѣть остановиться и до тѣхъ поръ стоялъ, покуда глаза мои насытились зрѣніемъ, а мысли и душа наполнились удовольствіемъ довольнымъ.

Вскорѣ послѣ того при подѣздѣ къ селенію, извѣстному подъ именемъ Разстани, занимался я пакъ помышленіями о томъ, чѣмъ мѣсто сіе было достопамятно и отъ чего получило названіе сіе.

Двѣ дороги изъ Москвы расходились въ семь мѣстъ въ разныя стороны: одна на Коширу, другая въ Серпуховъ; обѣ

были большія, обѣ многолюдныя, и до сего мѣста обыкновенно провожаемы бывали отъѣзжающіе вдаль родственники и друзья московскими жителями.

«О, сколько нѣжныхъ и отъ искренняго сердца прорастекающихъ слезъ,—говорилъ я самъ себѣ:—пролито на сихъ мѣстахъ чувствительными и любящими другъ друга душами! Сколько вздоховъ испущено изъ сердецъ, и сколько людей видѣли друзей своихъ въ послѣдній разъ и разставались съ ними на вѣкъ въ мѣстахъ здѣшнихъ!»

«Не одинъ разъ, можетъ быть, иную чадолюбивую мать, отпуская единороднаго сына своего на службу или на войну, въ обморокъ и въ слезахъ утопающую отвозили изъ мѣстъ сихъ обратно въ Москву».

«Не одинъ разъ, можетъ быть, иная, выданная въ замужство въ отдаленныя мѣста и отъѣзжая туда, разставалась здѣсь въ послѣдній разъ съ милыми родными своими и орошала землю слезами, изъ глазъ ея текущими; и не одинъ разъ разставались здѣсь и любовники счастливые и несчастные, и провожали зрѣніемъ милыхъ друзей своихъ, покуда холмы сіи скрывали повозки ихъ отъ зрѣнія оныхъ!...»

Чѣмъ ближе подѣзжали мы потомъ къ городу, тѣмъ видимыя окрестности и мѣста подавали мнѣ множайшіе поводы къ размышленіямъ и побуждали не одинъ разъ самому себѣ говорить:

«О, чего и чего не происходило въ древнія и претекшія времена на поляхъ, путяхъ и холмахъ сихъ! и сколь многимъ происшествіямъ были вы, всѣ видимыя мною мѣста, свидѣтелями безмолвными. Не одинъ разъ всѣ вы обременяемы были безчисленными ополченіями народовъ чуждыхъ и своихъ, и по холмамъ симъ раздавался гулъ отъ шума, производимаго ими и безчисленными конями ихъ!»

«Не одинъ разъ видѣли вы на себѣ несмѣтныя орды татаръ самыхъ, приходившихъ изъ странъ дальнихъ, и приводившихъ праотцевъ жителей мѣстъ сихъ въ ужасъ. страхъ

«Не одинъ разъ влекомы были самыя обладатели града сего въ плѣнь къ себѣ варварами сими, и со вздохами и слезами взирали въ послѣдній разъ на любезную родину свою!

«Сколько разъ происходили на самыхъ сихъ мѣстахъ битвы и сраженія страшныя, и земля сія обагрѣема и напоена была кровію праотцевъ нашихъ и народовъ чуждыхъ и иноплеменныхъ!

«Колико праховъ и согнѣвающихъ костей лежатъ сокрытыми въ нѣдрахъ вапняхъ, жившихъ нѣкогда людей и на мѣстахъ сихъ жертвовавшихъ жизнію за отечество!

«Колико погибшихъ въ несчастныя времена, когда свирѣствовала язва въ мѣстахъ здѣшнихъ.

«Сколько разъ ѣзжали цари и государи наши въ самыя древнія времена и новѣйшія, по мѣстамъ симъ и по самой дорогѣ этой, взадъ и впередъ, бывая въ любимомъ ими обиталищѣ сельскомъ, отстоящемъ отсюда вблизи, и достопамятнымъ на вѣкъ рожденіемъ въ немъ нашего Петра Великаго.

«Колико разъ тѣшились они на поляхъ сихъ звѣриною и птичьею ловлею; сколько разъ проѣзжалъ по мѣстамъ симъ онъ великій и непримѣрный монархъ, преобразившій такъ чудно Россію и сдѣлавшій ее извѣстною во всемъ свѣтѣ; какъ утѣшался онъ нѣкогда, какъ во время юности своей входилъ съ сей стороны и по самому пути сему съ триумфомъ въ Москву, овладѣвъ Азовомъ и ведя съ собою плѣнными враговъ предковъ своихъ!...»

Въ сихъ и подобныхъ сему размышленіяхъ и не видалъ я, какъ доѣхали мы до самой заставы и въѣхали наконецъ въ Москву.

Но какъ письмо мое достигло до своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ повѣствованіе о дальнѣйшемъ моемъ путешествіи предоставить письму будущему, а теперѣе кончить, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Ноябр. 23 1807 г.).

Письмо 144-е.

Любезный пріятель! Въ предсѣвавшемъ письмѣ описать я вамъ путешествіе мое отъ дома до Москвы. Отпустятъ мнѣ, если наскучилъ и отяготилъ я васъ своими разглагольствіями. А теперь оини вамъ пребываніе мое въ Москвѣ и ѣзду дальнѣйшую, но стану пересказывать уже все короче.

Какъ въ Москвѣ не располагался я въ сей разъ долго медлить, то пріѣхавъ въ оную спѣшилъ я исправить скорѣе всѣ надобности, какія имѣлъ, дабы скорѣе отправиться въ дальнѣйшій путь.

Квартира для меня была въ ней нова и готова. Другъ мой г. Полонскій взялъ съ меня клятву, чтобъ, будучи въ Москвѣ, нигдѣ индѣ не остававливаться, какъ въ его домѣ; однако я присталъ напередъ мимоѣдомъ и на часокъ въ домѣ сосѣда моего Матвѣя Никитича, бывшемъ при самомъ въѣздѣ въ Москву, и одѣвшись тутъ, велѣлъ повозкамъ своимъ ѣхать прямо въ домъ къ г. Полонскому, а самъ, желая скорѣе исправить свои нужды, пошелъ пѣшкомъ въ городъ и ряды.

Идучи чрезъ Кремль, сей древній замокъ, въ коемъ жилали наши древніе цари и государи, и проходя чрезъ самое древнее обиталище ихъ, не могъ, чтобъ остановясь, не полюбоваться нѣсколько минутою старинною и особенною архитектурою, тогдашнимъ временамъ свойственною, а при томъ вообразивъ себѣ все происходившее въ сихъ мѣстахъ во времена предковъ нашихъ, нельзя было, чтобъ вздохнуть, самому себѣ не сказать:

«Боже мой! чего и чего не происходило въ сихъ мѣстахъ, и какимъ и какимъ произшествіямъ и даже самымъ страшнымъ и ужаснымъ сценамъ не были зданія сіи нѣкогда свидѣтелями?...»

Тысячи мыслей толпились тогда вдругъ въ моей головѣ, изъ всѣхъ тѣхъ, какія имѣлъ при читаніи исторіи временъ претекшихъ о всѣхъ произшествіяхъ, бывшихъ въ древности въ Россіи, и нѣкое

содроганіе потрясало тогда всю мою душу и производило въ ней чувствованія особыя, и такія, которыя изобразить трудно:

Поровнявшись съ славною нашею Ивановскою колокольнею, возвышающею златую главу свою такъ много выше прочихъ, увидѣлъ я часть разломаннаго древняго огромнаго зданія, гдѣ управлялись всѣ наши суды и расправы.

«А! возопилъ я тогда внутренно въ душѣ моей: это мѣсто назначается для новаго чуда въ свѣтѣ, для зданія такого, которое было бы наиславнѣйшее въ свѣтѣ и прямо достойнымъ великихъ обитателей своихъ!»

И какъ время ни было для меня тогда коротко и драгоцѣнно, но я не могъ никакъ утерпѣть, чтобъ не зайти на самое опростанное мѣсто и посмотрѣть подлинно ли оно такъ хорошо и красиво, какъ о томъ молва носилась; и могу сказать, что красота и пышность сего мѣста превзошла все мое воображеніе.

Какъ вся замоскворѣцкая часть сего великаго города видима была оттуда, какъ на ладони, то мѣсто сіе казалось оттуда какъ-бы вдвое выше, нежели каково было оно въ натурѣ и я не могъ какъ имѣть, такъ и видомъ протекающею мимо его Москвы-рѣки довольно налюбоваться и признавалъ, что для замышляемаго созиданія тутъ обиталища государей не можно было избрать лучшаго мѣста.

«Но, ахъ! воскликнулъ я далѣе: совершится ли оно когда-нибудь и увидимъ ли мы его здѣсь существующимъ! Для зданія такого многого времени, трудовъ и иждивенія потребно и не будетъ ли во всемъ томъ недостатокъ?»

Въ тогдашнее время дѣлалась только модель сему дворцу, но и сія стояла многихъ тысячъ, и я власно какъ предчувствовалъ, что изъ всего великаго предпріятія сего наконецъ ничего не выдетъ.

Проедъ Ивановскую площадь, наполненную всегда множествомъ каретъ и народа, спѣшилъ я итти въ ряды, гдѣ накупивъ что мнѣ было надобно, спѣшилъ я забѣжать въ книжную лавку, бывшую тогда у Воскресенскихъ воротъ и спро-

сить, нѣтъ ли въ ней XII-й части «Трудовъ» нашего Экономическаго Общества; ибо какъ часть сія какъ-то не была ко мнѣ прислана, то хотѣлось мнѣ имѣть ее у себя отчасти для выполненія моего собранія, отчасти для узнанія, нѣтъ ли въ ней чего-нибудь особеннаго.

Услышавъ, что она есть, обрадовался я чрезвычайно, и какъ она была ни мала, а цѣна за нее довольно велика, но я съ превеликою охотою заплатилъ все требуемое, и спѣшилъ потомъ на Поварскую къ г. Полонскому, котораго и засталъ я съ женою только-что вставшихъ и одѣвающихся.

Оба они были мнѣ очень рады, и отвѣдя мнѣ особую комнату для квартированія, не менѣе радовались и тому, что сдѣлавшаяся нечаянная въ продолженіи путя моего остановка воспрепятствовала мнѣ въ тотъ же день, по желанію моему, въ дальнѣйшій путь отправиться.

Остановка сія произошла отъ лошадей, или паче отъ коновала, призваннаго для сдѣланія вспоможенія онымъ. Въ особеннѣности озабочивала меня одна изъ оныхъ, которая совсѣмъ уже легла и не вставала съ мѣста, и господинъ врачъ сихъ животныхъ предписалъ намъ дать ей въ тотъ день покой и отнюдь въ оный не ѣздить.

Итакъ, принужденъ я былъ все достальное время того дня пробыть въ Москвѣ, и время сіе проведено было очень весело.

У господина Полонскаго жили тогда тутъ съ ними вмѣстѣ обѣ его свояченицы и родная его племянница. Всѣ сіи дѣвушки учились тогда тапцовать и играть на фортопіанахъ, и оба учителя пріѣзжали при мнѣ и учили оныхъ; а ввечеру насадили насъ со смѣху одинъ живонясецъ, дѣлавшій разныя проказы и дававшій волю надъ собою шутить и балагурить; а къ ужину пріѣзжину пріѣзжала еще одна дѣвушка, госпожа Софопова, и мы просидѣли и просмѣялись очень долго: но за то ночь была мнѣ не весьма спокойна.

Мнѣ всю ее не дали уснуть досадныя блохи: ихъ было такое множество въ от-

веденномъ мнѣ покоѣ, что какъ я ни крѣпокъ, и какъ меня онѣ всегда очень мало беспокоятъ, но въ сей разъ дали себа прямо узнать и почувствовать, и я отъ роду нигдѣ и никогда такого пропаднаго множества ихъ не видалъ.

Въ послѣдующій день, что было сентября 1 числа, какъ я ни старался ранѣе выѣхать, но не прежде могъ сіе учинить, какъ уже послѣ обѣда.

Остановилъ меня все коноваль леченіемъ моей лошади: но со всѣмъ его врачеваніемъ принужденъ я былъ оставить ее поспрашивать въ Москвѣ, а продолжалъ путь на пяти оставшихъ.

Отправляясь въ сіе путешествіе, хотя и запаса я обмѣновеннымъ своимъ дорожнымъ упражненіемъ, то-есть книгами, но въ сей разъ была со мною такая, которую мнѣ нетерпѣливо прочесть хотѣлось, а именно вновь купленная въ Москвѣ эконолическая.

Желалось мнѣ прочесть ее наиболѣе для того скорѣй, что въ ней находился «наказъ», сочиненный управителю господиномъ Вульфомъ, и прочтеніе сего наказа было для меня потому въ особенности интересно, что за нѣсколько до сего времени посланъ былъ отъ меня такой же наказъ, сочиненный по поводу учиненнаго всѣмъ, съ общаваемъ награжденія за лучшее золотую медалью, приглашенія, и котораго о судьбѣ я былъ еще неизвѣстенъ.

Итакъ, не успѣлъ я изъ Москвы выѣхать, какъ принялся тотчасъ за него, и къ удовольствію своему увидѣлъ, что г. Вульфъ въ «наказѣ» своемъ схватывалъ одни только верхушки, и что мой былъ несравненно его лучше и превосходяще.

Сіе начинало льстить меня надеждою, что авось-либо мой удостоится обѣщаннаго награжденія, а сіе натурально и веселило меня нѣкоторымъ образомъ.

Какъ о дорогѣ отъ Москвы до Кашина носилась повсюду молва не очень хорошая, и всѣ говорили, что она не смирна: то не только ѣхали мы съ осторожностію, посматривая всюду и всюду по

сторонамъ и впередъ, но и желали нѣтъ какихъ-нибудь и спутниковъ; а сіе желаніе наше и совершилось.

Не успѣли мы выѣхать изъ Москвы какъ и съѣхались съ одною боярынею госпожею Селиверстовою, ѣдущею также въ Кашинъ. Я-было очень радъ былъ сему сотовариществу, ибо признаюсь, что весьма не люблю ѣздить по дорогамъ, и коихъ всякую минуту находишься въ опасности отъ нападенія разбойниковъ.

Но госпожѣ сей что-то не угодно было съ нами съютиться, но она то отставивъ отъ насъ назади, то насъ объѣзжала и опереживала, а вмѣстѣ съ нами ѣхавъ долго никакъ не хотѣла; но я былъ и тому уже радъ.

Какъ погода тогда установилась изрядная и ѣхать можно было отрывшись, то ѣдучи симъ путемъ еще впервые лѣтомъ, съ любопытствомъ смотрѣлъ я на всѣ мѣстоположенія, и хотя были они совсѣмъ отчужденны отъ нашихъ открытыхъ мѣстъ, и наиболѣе ровныя и лѣсистыя, но будучи не безъ естественныхъ и имъ свойственныхъ красотъ, увеселяли довольно мое зрѣніе.

Во многихъ мѣстахъ, а въ особенности по близости Москвы, наѣзжали ми отчасти на саженныя, отчасти прорубленныя сквозь лѣса аллеи, ведущія къ домамъ великолѣпнымъ загороднымъ; а въ другихъ наѣзжали цѣлыя рошцы, составленныя изъ деревъ стриженныхъ, что удивляло и веселило меня въ особенности.

Первое селеніе, повстрѣчавшееся съ нами на сей дорогѣ, была деревня Лихоборы, разстояніемъ отъ Москвы верстъ съвосемь. Она сидѣла на небольшой рѣчкѣ, которую переѣзжали мы въ бродѣ по вѣщаному дну, и была довольно изрядная.

Отъѣхавши отъ оной нѣсколько верстъ прекрасною, ровною и гладкою дорогою, видѣли мы въ близости отъ дороги, въ лѣвой сторонѣ, огромной домъ съ великолѣпнымъ позади регулярнымъ садомъ. Стриженныя дороги и шпалеры, видимыя вдали въ соединеніи съ домомъ, представляли для глазъ прекрасное зрѣлище, и я любовался онымъ довольно.

Проѣхавши сіе мѣсто, скоро приѣхали мы во второе селеніе на дорогѣ, небольшую деревеньку, называемую Лупихи, имѣвшую въ названіи своемъ нѣчто подозрительное.

Она отстояла верстѣ 7 отъ Лихоборъ и дорога до ней была изрядная и наиболѣе все полями. Неподалеку отъ сей видѣли мы въ лѣвой сторонѣ другое село какого-то знатнаго господина, окруженное прелестнымъ мѣстоположеніемъ, которыми я не могъ довольно налюбоваться.

Сперва представился зрѣнію моему длинный и широкій водоемъ, похожій болѣе на прекрасное озерко, каковымъ я сперва и почелъ, нежели на прудъ.

Съ лѣвой и дальней отъ насъ стороны окруженъ онъ былъ прекрасною рощею, сидящею на такомъ низкомъ положеніи мѣста, что она казалась выросшею изъ воды сего прекраснаго водоема. Самые берега покрыты были зеленью травянистою, а въ рощѣ видны были повсюду прекрасныя лужайки, разбросанныя между густыхъ кулигъ древесныхъ.

Я, ѣдучи вдоль сего искусствомъ произведеннаго озера, не спускалъ глазъ съ него и съ находящейся за нимъ помянутой прекрасной рощи, которую не успѣли мы миновать, какъ при концѣ оной увидѣли знатное село Виноградово, съ великолѣпнымъ и огромнымъ каменнымъ домомъ, который мѣсту сему придавалъ еще болѣе красы и пышности.

Кромѣ сего, въ окрестностяхъ сего села случилось мнѣ впервые еще видѣть межи между десятинами, подѣланныя столь широкими, что на нихъ въ телѣгахъ ѣздить можно было.

Я удивился тогда сей странной экономіи и не зналъ что-бы это значило, но послѣ увидѣлъ, что и у многихъ знатныхъ и богатыхъ господъ вводима была сія излишность въ употребленіе.

Вскорѣ послѣ того и отѣхавъ версты четыре отъ прежней, приѣхали мы въ третью и небольшую деревнишку на дорогѣ; а за нею, проѣхавъ уже въ сумерки еще одну маленькую деревушку, поспѣли

почевать въ село Хлѣбниково, куда и успѣли благовременно еще доѣхать.

Село сіе, составляющее пятое селеніе на сей дорогѣ, сидѣло на рѣкѣ Клязьмѣ; текущею отсюда въ Володимірскую провинцію и имѣвшей тутъ свое верховье.

Селеніе сіе находилось по ту сторону сей рѣки, выстроено на ровномъ и низкомъ мѣстѣ, было нарочито велико и принадлежало графамъ Шереметевымъ.

Почевавъ въ семь селѣ, на утріе продолжали мы свой путь далѣе и ѣхали болѣе уже бугристыми и неровными мѣстами чрезъ деревенки Капустино, Еремино, Шолохово, Сухарево, Хоревое и Черную.

Всѣ онѣ были маленькія и незаслуживающія никакого вниманія. Одно только Еремино удивило меня особливимъ и до того никогда еще невиданнымъ предметомъ.

Будучи квадратно построенною, имѣла она внутри себя порядочный четвероугольный редутъ. Я никакъ не могъ догадаться сначала, что-бы это значило и былъ такъ любопытенъ, что нарочно вышедъ изъ коляски, пошелъ смотрѣть оный.

Но какимъ поразился я удивленіемъ, нашедъ во внутренности онаго одну только воду и узнавъ, что сей четвероугольный высокій валъ составлялся единственно изъ земли выкопанной въ семь мѣстѣ при копаніи сего пруда совсѣмъ на ровномъ мѣстѣ.

Тогда было сіе для меня очень удивительно, но послѣ видя, что за Москвою и многія другія селенія, за недостаткомъ родниковъ, рѣчекъ и ручьевъ, имѣютъ обыкновеніе снабжать себя снѣгомъ образомъ водою, престалъ тому удивляться.

Проѣхавши верстѣ съ 20-ть, приѣхали мы въ большое село Игнатово, въ которомъ обыкновенно всѣ проѣзжіе останавливаются, либо обѣдать, либо почевать; но какъ намъ показалось кормить лошадей еще рано, то продолжали мы путь свой далѣе и доѣхали кормить до небольшой и почти разоренной деревнишки Подоснивки.

Какъ погода была тогда живождедѣна-

нѣйшая и лучшая для уборки съ полей хлѣбовъ, то весь народъ былъ въ полѣ, и мы нашли въ деревнѣ сей всѣ двory заперты и насилу могли достать купить себѣ, что было надобно.

Выкормивши лошадей, пустились мы далѣе, и какъ дорога была гориста, то принуждены мы были то съ горы спускаться, то подниматься опять на гору, и чѣмъ болѣе приближались мы къ городу Дмитрову, тѣмъ мѣстоположенія были гористѣе, выше и тѣмъ прекраснѣе.

Всѣ горы и поля покрыты были богатою жатвою, а по сторонамъ всюду и всюду видны были между горъ и на нихъ селы и деревни; по на самой дорогѣ было только одно селеніе: знаменитая деревня Свистуха, славная тѣмъ, что позади оной находилась прекрутѣйшая и превысокая гора, съ которой не иначе какъ съ трудомъ спускаться было можно. Была она тутъ по случаю протекающей между горъ и очень низко тутъ изрядной рѣчки, чрезъ которую былъ немалой мостъ.

На берегу сей рѣчки наѣхали мы товарницей или спутниковъ своихъ, кормящихъ тутъ своихъ лошадей; а переѣхавши мостъ принуждены мы были на такую-жъ высокую гору подниматься.

До города Дмитрова было еще отъ сего мѣста версты 9-ть и ѣзда была все горамъ, съ горы на гору, и мы то взѣзжали на высочайшія мѣста, съ которыхъ во всѣ стороны было далеко видно, то опускались въ глубокіе вертепы и долины. Однако дорога проложена была вездѣ по мѣстамъ хорошимъ, и взѣзды и съѣзды были отлогіе и спокойныя.

Сверхъ того и ѣхать чрезъ сіи мѣста было отъѣвно весело: повсюду по сторонамъ видно было множество селъ и деревень, и на всякомъ почти шагу представлялись взорамъ новые виды и прекрасныя положенія мѣстъ, такъ что безпрестанно можно было любоваться. Наконецъ, взѣхавъ на одну гору, увидѣли мы и самый городъ Дмитровъ, къ которому принадлежали всѣ сіи окрестности.

Городъ сей принадлежалъ и тогда къ губерніи Московской и отстоялъ отъ

Москвы 62 версты. Онъ имѣлъ полезнае свое посреди глубокой, ровной и обширной долины, окруженной вдали высокими горами.

Окружностію своею казался онъ и гораздо великъ, но имѣлъ довольно мѣн и церквей около десяти, изъ которыхъ нѣкоторыя были каменныя и довольно изрядныя. Изъ прочихъ же зданій намъ было въ немъ каменныхъ хорошихъ и знаменитыхъ, а большая часть была деревянныя, очень, очень посредственныя, ограждающія узкія, неслишкомъ порядочныя и по причинѣ низкаго положенія очень грязныя улицы. Двѣ рѣки, Яхрома и Нетека стекаются въ семъ мѣстѣ и протекають чрезъ сей городъ.

Кромѣ сего, видна была въ правой сторонѣ старинная и построенная при дошвѣ довольно высокой горы земляныя и довольно просторная крѣпость; тамъ находился тутъ и мужеской Борисоглѣбскій монастырь, окруженный каменною оградкою.

Какъ городъ сей принадлежалъ къ числу старинныхъ русскіихъ городовъ и основанъ былъ слишкомъ за 600 лѣтъ до того времени, то, подѣзжая, взиралъ я съ особливимъ любопытствомъ на всѣ окрестности его, и на рѣку, текущую чрезъ сію равнину, и вспомнивъ все, что мнѣ о семъ городѣ изъ исторіи было извѣстно, съ нѣкакимъ чувствіемъ самъ себѣ говорилъ:

«Вонъ, тамо, и вѣрно въ семъ мѣстѣ расположено было и стояло нѣкогда войско несчастнаго изгнанца изъ Кіева, великаго князя Георгія, сына Владиміра Мономаха, и тамо-то, находясь съ супругою своею на брегахъ сей рѣки Яхромы, обрадованъ онъ былъ рожденіемъ сына своего Дмитрія, и въ достопамятность происшествія сего далъ онъ повелѣніе о построеніи въ этомъ мѣстѣ сего города, и назвалъ оный его именемъ.

«Вотъ! далѣе говорилъ я: и ты, селеніе, мнѣ такъ маловажное, было нѣкогда обиталищемъ и даже столицею нѣкоторыхъ князей русскіихъ, изъ которыхъ иныя даже великими назывались! и ты

претерпѣло также многія бѣды и напасти и видѣло многія несчастія.

«Не успѣло ты еще такъ сказать обо-строжиться, какъ первый владѣлецъ твой, рожденный на сихъ мѣстахъ, владычествуя надъ тобою, принужденъ уже былъ вести войну съ враждебнымъ Святославомъ, княземъ Черниговскимъ и видѣть все сіе свое обиталище отъ него выжженнымъ.

«Лѣтъ со сто послѣ того славной Батый, князь татарской, при нашествіи своемъ на Россію разорилъ тебя на ряду съ прочими городами, а чрезъ 50 лѣтъ послѣ того Дюденъ, другой татарскій князь и нечестивецъ, опустошилъ и разорилъ тебя до основанія; а за 150 лѣтъ до сего претерпѣли жители твои толикое зло отъ повѣтрія морового, что цѣлыхъ два года всѣ храмы твои были безъ службы божественной.

«Вотъ сколько несчастій претерпѣлъ и ты въ древности, но за то съ того времени былъ уже ты вовегдашнемъ покоѣ и оставалось тебѣ только богатѣть и процвѣтатъ съ каждымъ годомъ отчасу болѣе»...

И въ самомъ дѣлѣ городъ сей какъ ни малъ былъ, но довольно славился своими промыслами и торгами и находилось въ ономъ множество фабрикъ и заводовъ.

Изъ первыхъ въ особенности знамениты были мишурная и позументная, коихъ количество въ городѣ и уѣздѣ простиралось до 100; а изъ заводовъ въ особенности славился заведенной, за 3 года до того въ селѣцѣ Вербильцовѣ, фарфоровый аглинскимъ купцомъ Гарнеромъ, которой послѣ сдѣлался такъ знаменитъ, что дѣлаемая на ономъ посуда въ добротѣ малымъ чѣмъ уступала саксонской и во всей Россіи вошла въ употребленіе.

Кромѣ промысловъ и торговли разными продуктами, въ особенности славился сей городъ произведеніемъ великаго множества рѣпчатого лука, которымъ засаживались превеликіе огороды и производилась немалая торговля.

Впрочемъ рассказывали мнѣ жители, что находились въ немъ многіе купцы, имѣющіе великій капиталъ, простираю-

привлечение къ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1871 г.

щійся до нѣскольکو десятковъ тысячъ, чего бы по невзрачности и необширности сего города, неимѣющаго въ себѣ и 2 тысячъ жителей, и ожидать было не можно.

Какъ въ сей городъ приѣхали мы еще очень рано, то не хотѣлось мнѣ въ немъ остановиться ночевать; почему, искупивши что намъ было надобно, и снабдивъ себя овсомъ, продолжали мы свой путь далѣе, спѣша доѣхать ночевать до села Орудьева, отстоящаго отъ Дмитрова верстъ десять.

На дорогѣ до сего села не было ни одного жила, кромѣ одной деревушки въ сторонѣ, до котораго мѣста ѣзда была все дмитровскимъ доломъ или болотомъ, простирающимся въ длину на нѣскольکو десятковъ верстъ, и дорога была песчана и наполнена множествомъ гатей.

На сіе достопамятное мѣсто не могъ я смотрѣть безъ сожалѣнія, что оно не осушено было лучше тогдашняго, ибо хотя на немъ и росла трава, однако худо; а могло бы все сіе обширное мѣсто превращено быть въ наипрекраснѣйшіе и величайшіе луга и приносить государю гораздо болѣе дохода, ибо оно и при нынѣшнемъ худомъ своемъ состояніи отдавалось изъ казны въ наемъ за 2,000 р. ежегодно.

Поровняясь противъ помянутой въ сторонѣ лежащей деревушки, поднялись мы на гору и поѣхали опять высокими мѣстами. Однако дорога все еще была песчана и не такова весела, какъ прежде.

Мы принуждены были ѣхать все перелѣсками, покуда приѣхали наконецъ въ село Орудьево, къ которому мы по отлогой горѣ спустились.

Мы приѣхали въ него уже ночью, и для того остановились тутъ ночевать. Я проводилъ весь вечеръ въ разговорахъ съ хозяиномъ о экономическихъ матеріяхъ, и слышалъ многіе недостатки въ тамошней экономіи, которые могли съ малымъ трудомъ исправлены быть.

Ночевавши въ помянутомъ селѣ, отправились мы 3-го числа далѣе. Дорога и мѣстоположенія становились отчасу отми-нѣе; сперва ѣхали мы чрезъ обширное бо-

лото помостамъ и гатамъ, при концѣ котораго находился монастырь, а тамъ горами и песками, и все уже болѣе лѣсомъ.

Первое селеніе наѣхали мы отъѣхавши верстѣ шесть: это была деревня Жуково, ничѣмъ не знаменитая.

Отсюда ѣхали мы все большимъ лѣсомъ, гдѣ дорога была хотя ровная, но песчаная, а мѣстами мостиста и грязна даже до деревни Васиной, отстоящей 7 верстѣ отъ Жуковой.

Сей переѣздъ былъ очень скученъ, а притомъ и не безопасенъ: ворами было тутъ канудобнѣйшее мѣсто водиться, да и самая деревня сія окружена была лѣсомъ, которымъ и послѣ надобно было верстѣ 5 ѣхать; однако въ сей разъ не видали мы никого, какъ ни поглядывали по всѣмъ сторонамъ, проѣзжая сумнительный лѣсъ сей.

Тутъ доѣхали мы до границъ Кашинскаго уѣзда, который отдѣлялся отъ Дмитровскаго рѣкою Дубною, на берегу которой въ Кашинскомъ уже уѣздѣ сидѣла немалая деревня Вотря, гдѣ прятнулася угломъ и Суздальской уѣздъ.

Хотя было еще нѣсколько рановато, однако мы, переправившись тутъ на плоту чрезъ помянутую рѣку, остановились кормить лошадей и обѣдать, и я тутъ чуть-было не покинулъ хромавшую кашинскую лошадь.

Послѣ обѣда продолжали мы свой путь далѣе и ѣхали все непрерывнымъ лѣсомъ. Деревень на дорогѣ было хотя немало, но всѣ онѣ были малозначущія и сидящія посреди лѣса и только маленькія поля кругомъ себя имѣющія. Почему и перескажу я одни только ихъ названія; онѣ были слѣдующія: Ростовцы, Гнидиша, Григорьево, Росаденки, Карачуново, Сотское и село Квашнино.

Въ семь послѣднемъ остановились мы ночевать; оно было небольшое и недавно предъ тѣмъ опустошенное пожаромъ и тогда вновь строившееся.

Я принужденъ былъ тутъ ночевать въ коляскѣ по причинѣ, что на квартирѣ моей, равно какъ и во всѣхъ дворахъ, было преужасное и такое множество прусскихъ

мелкихъ таракановъ, что они вездѣ и вездѣ ползали какъ мухи, а я къ нимъ естественное имѣю отвращеніе.

Какъ позади сей деревни надлежало намъ проѣзжать сквозь длинный и большой лѣсъ и ѣхать наопаснѣйшимъ мѣстомъ изъ всей дороги: то заблаговременно помыслили мы о нѣкоторыхъ предосторожностяхъ и ночевали тутъ съ немалымъ опасеніемъ, а ночью и сдѣлалась у насъ тревога, которая перестрашала-было всѣхъ насъ чрезвычайно, но кончилась спихомъ.

Къ намъ пристань одинъ замосковский мужикъ, ѣдущій также въ Кашинъ съ оброкомъ къ господину. Ночуя тутъ, спавъ онъ подлѣ моей коляски и тележенки своей, на улицѣ. Тутъ пропади у него его лошадь.

Боже мой! какое поднялъ онъ оханье и туженье, когда, проснувшись, не увидѣлъ своей лошади.—«Ихъ! братцы! закричалъ онъ вскочивъ безъ памяти: у меня увели лошадь!» И тотчасъ бросился ее искать.

Мы сами подумали, что съ бездѣльничали сіе тутешніе жители, но скоро узнали, что мы напрасно ихъ въ мысли поклепали.

Лошадь нашла. Она, сорвавшись, пошла добывать себѣ лучшаго корма и кушала въ поповомъ огородѣ капусту. Какая это была радость у мужика, когда онъ нашелъ ее, и какими словами не приголубивалъ онъ оную.

Дождавшись свѣта, зарядивъ свое ружье и пистолеты, приготовивъ пули и все нужное къ оборонѣ, пустились мы въ помянутый лѣсъ, называемый Башаринской; о которомъ и о бываемыхъ въ немъ шалостяхъ по всей дорогѣ слухъ носился.

Сперва проѣхали мы версты за двѣ отъ Квашнина сидящую на дорогѣ деревеньку Смѣнки, а потомъ пустились уже въ лѣсъ, простирающійся въ длину болѣе нежели на 14 верстѣ, и дѣйствительно опасной и самой способной для воровъ.

Дорога шла непрерывнымъ лѣсомъ и все изгибами и кривизнами; почему и ѣхали мы не безъ опасности и то и дѣло

кругомъ озираясь и во всѣ стороны поглядывая и примѣчая.

Но какъ случилась она тогда хороша и въ ѣздѣ такъ спора, что мы могли бѣжать на рысяхъ, то въ часъ времени и переѣхали мы болѣе половины онаго не выдавъ ничего; но тутъ повстрѣчались съ нами прохожій и насъ догадало его спросить, нѣтъ ли чего впереди, и смиренно ли въ лѣсу.

— «Богъ-ста знаетъ, отвѣчалъ онъ намъ: какіе-то люди шатаются, но можетъ быть и добрые, кто ихъ знаетъ! А не худо быть вамъ и осторожными».

Всѣ мы измѣнились въ лицѣ, сіе услышавъ и едва имѣли столько духа, чтобъ спросить еще: а далеко-ли онъ ихъ видѣлъ и сколько ихъ?

— «Видѣлъ-ста я ихъ недалеко, отсюда съ версту только, а сколько ихъ, не считалъ; человѣкъ пять-шесть мнѣ показалось, а можетъ-ста и болѣе ихъ было!»

Сіе перетревожило насъ еще того болѣе. Всѣ спутники мои, небывавшіе отъ роду ни въ какихъ опасностяхъ, неретруснулись въ прахъ и до того, что едва духъ переводили и слово могли вымолвить.

Я старался всячески ихъ ободрять говоря, что можетъ быть то и не воры, а такъ какіе-нибудь люди, а хотя бы были то и дѣйствительно воры, такъ вѣрно, увидя насъ и оружіе наше, почтутъ насъ людьми военными и не отважатся никакъ напасть на насъ; къ тому-жъ насъ и не такъ мало, чтобъ имъ со всѣми нами скоро сладить можно было, а нужно только намъ окрыситься и не струсить и не обробрѣть противъ ихъ.

Сими и подобными сему уговариваніями ободрилъ и подерѣнилъ я ихъ сколько-нибудь, а между тѣмъ на всякій случай и распорядилъ, что кому дѣлать и предпринимать въ случаѣ нападенія.

Кучеру приказалъ я ударить тогда по лошадамъ и стараться недопускать схватить ихъ, и въ нужномъ случаѣ видать ворамъ въ глаза сухой песокъ. приготов-

ленной нарочно для того въ шляпѣ, полную горсть для ослѣпленія онихъ.

Одному изъ слугъ велѣлъ по нихъ вѣстѣ со мною стрѣлять и по выстрѣлѣ бить ихъ прикладомъ; другому рубить палашемъ по рукамъ ихъ, а заднему велѣлъ обороняться рогатиною для того запасною, и такъ далѣе.

Распорядивъ симъ образомъ все и призвавъ Бога въ помощь, пустились мы впередъ, и не успѣли съ версту отъ того мѣста отъѣхать, какъ и дѣйствительно увидѣли въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ впереди нѣсколькихъ людей, шатающихся подлѣ лѣса и переходящихъ отчасти до-рогу.

Въ тогдашнемъ страхѣ почли мы ихъ навѣрное недобрыми людьми, и не успѣли ихъ зазреть, какъ ободривъ вновь людей и подѣзжая еще къ нимъ, выстрѣлили я изъ одного изъ пистолетовъ своихъ, чтобъ дать ворамъ знать, что ѣдемъ мы не съ голыми и пустыми руками, и тотчасъ потомъ зарядилъ его опять съ пулею; а изъ людей велѣлъ одному приготовить и держать въ рукахъ свое ружье, а другому обнажить палашъ свой и въ сей позиціи подѣзжая къ нимъ, кучеру приударить по лошадамъ.

И тогда, не знаю уже, видѣ ли насъ, или количество людей, или выстрѣлъ учиненный мною заблаговременно, или приготовленное оружіе удержало бездѣльниковъ сихъ въ предѣлахъ и власно какъ оковало.

Всѣ они стояли подлѣ лѣса опершись ни то на дубины, ни то на рогатины свои, и смотрѣли только на насъ мимо ихъ скачущихъ, и ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился и пошевелиться; а мы, проскакавъ мимо ихъ и болѣе ничего уже не выдавъ, скоро послѣ того и доѣхали до находящейся позади лѣса сего и при концѣ онаго деревни Башариной, которая была довольно велика; однако мы ее проѣхали и, отъѣхавъ еще версты двѣ, остановились кормить лошадей въ селѣ Бѣлгородѣ, ибо для находящихся впереди песковъ намъ не кормя лошадей далѣе ѣхать не хотѣлось. Тутъ собрались мы наконецъ

съ духомъ и радовались, что удачно спаслись отъ опасности насъ угрожавшей.

Помянутое село Бѣдгородокъ сидитъ на самомъ уже берегу славной и великой нашей рѣки Волги, въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ съ сей стороны втекаетъ въ нее рѣчка Хотша.

Само по себѣ село сіе никакого приличія недостойно, но по близости его находится какаго-то господина другое село, съ каменною церковью и огромнымъ господскимъ домомъ.

Помянутая церковь стояла на самомъ берегу рѣки Волги и имѣя вокругъ себя прекрасную каменную ограду, дѣлала великолѣпный видъ, и казалась издали быть городомъ; или какимъ прекраснымъ монастыремъ.

Выкормивъ лошадей и пообѣдавъ сами, переправились мы подъ симъ селомъ чрезъ рѣчку Хотшу на плоту. Отъ бывшаго паводка и наводненія рѣки Волги была и она въдесятеро больше противъ обыкновеннаго, и мы не безъ труда чрезъ нее переправились.

Бѣда отъ помянутаго села была уже вдоль по берегу Волги, боромъ и гѣсами, довольно гориста и чрезвычайно песчана и тяжела.

Сими глубокими песками принуждено намъ было ѣхать около 15-ти верстъ до того мѣста, гдѣ намъ чрезъ Волгу переправляться долженствовало, и на сей дорогѣ наѣзжали мы многія на берегу оной сидящія деревни, какъ-то: деревня Никулино, Растрятино, Ляушкино.

Но какъ ни дурна была дорога, но мы къ перевозу приѣхали еще довольно рано, и надѣялись убраться далеко за Волгу; однако въ надеждѣ своей обманулись.

Мы не застали парома на тутошнемъ берегу, а былъ онъ на противоположномъ и перевозчики не скоро къ намъ его перевели; мы сколько ни кричали, но принуждены были часа три дожидаться и не прежде переѣхали какъ уже въ сумерки, да и то по счастью помогъ намъ въ томъ кашинскій воеводскій товарищъ г. Копыловъ.

Ему случилось въ самое то время ѣхать

съ той стороны для осматриванія дорогъ, и онъ принудилъ перевозчиковъ себя перевезти. Итакъ, мы съ нимъ тутъ съѣхались вмѣстѣ.

Онъ, увидѣвъ меня, подославъ тотчасъ спросить, кто таковъ я, и услышавъ узнавъ, что я самій тотъ, котораго въ Кашинѣ давно ожидаютъ; и какъ ему хотѣлось со мною поговорить, то взошелъ онъ со мною на паромъ и мы съ нимъ тотчасъ познакомились.

Человѣкъ былъ онъ уже немолодой, а притомъ простой и добрый; итакъ, не трудно было къ нему прикромиться и съ нимъ сладить.

Я не преминулъ съ нимъ переговорить обовсемъ нужномъ, относящемся до того дѣла, за которымъ я въ Кашинѣ ѣхалъ, и онъ былъ такъ добродушенъ, что вывася самъ мнѣ все рассказывать.

Онъ увѣдомилъ меня, что мачиха племянницъ моихъ находится еще въ Кашинѣ и съ нетерпѣливостію меня дожидается, и совѣтовалъ всячески уговаривать ее продать свою седьмую часть, обещая торговать ее самъ, буде она намъ продавать ее не станетъ.

Я былъ очень радъ, что попался мнѣ на первой встрѣчѣ нужный и такой человѣкъ, который мнѣ впредь можетъ очамъ пригодиться, и сія встрѣча предвѣщала мнѣ нѣчто хорошее.

Распрошавшись съ симъ господиномъ пустились мы на паромѣ чрезъ Волгу: она отъ бывшаго наводненія была еще очень велика и такъ быстра, что паромъ снесло далеко внизъ, ибо онъ ходилъ тутъ не на канатѣ, а на греблѣ. По счастью былъ тогда небольшой вѣтерокъ съ верку и волненія не было, а потому и переѣзжать было не опасно.

Не успѣлъ я переѣзжать чрезъ рѣчку, какъ гляжу другая коляска мнѣ на встрѣчу, и въ ней одна госпожа ѣдущая на перевозѣ. Это была госпожа Попова, Татьяна Матвѣевна, родственница покойнаго моего зятя.

Сія также, подославъ спросить обо мнѣ, желала со мною видѣться и говорить;

Итакъ, познакомился я и съ оною, и мы поговорили съ нею нѣсколько.

Всѣ меня незнаючи знали, а я никого не зналъ и не вѣдалъ. Всѣ меня просили, чтобъ я не оставилъ моихъ племянницъ, а меня и безъ того долгъ тѣмъ обязывалъ. Однако обѣими встрѣчами сими былъ я очень доволенъ.

Какъ переправились мы чрезъ Волгу въ самые почти уже сумерки, то некуда было ѣхать далѣе, но мы принуждены были расположиться почевать тутъ же на берегу, въ находящемся тутъ славномъ селѣ Медвѣдицкомъ, называющимся симъ именемъ потому, что сидѣло при устьѣ рѣки Медвѣдицы.

Сія глубокая и немалая рѣка протекала сквозъ Кашинскій уѣздъ и впадала подлѣ самого села сего въ Волгу. Самое село и находящійся въ немъ господскій домъ и многія знатныя деревянныя зданія представляли съ рѣки видъ очень хорошій. Мы наѣхали тутъ множество струговъ, идущихъ вверхъ съ ядрами, а иные съ желѣзомъ.

Какъ въ минувшую ночь тараканы принудили меня спать на дворѣ и проводить ночь безпокойно, то тутъ употребилъ я осторожность, и велѣлъ поискать для себя такой квартиры, гдѣ бы не было сихъ досадныхъ наѣкомыхъ.

Однако сіе скорѣе сказать, нежели сдѣлать было можно. Всѣ люди мои принуждены были долго по всѣмъ дворамъ бѣгать и вездѣ находили и тутъ превеликое ихъ множество, и насилу-насилу нашли; и хотя я и долго принужденъ былъ стоять и дожидаться, но за то и получилъ квартиру очень хорошую, у богатаго мужика, бывшего во время семилѣтней войны съ купцами въ Пруссіи и живущаго тутъ въ бѣлой избѣ и очень изрядно. Итакъ, спалъ я въ сію ночь спокойно.

Почевавши въ селѣ Медвѣдицкомъ, встали мы ранѣе обыкновеннаго и спѣшили окончить свое путешествіе, ибо оставалось уже сдѣлать одинъ только переѣздъ до дома моихъ племянницъ.

Мы располагались было ѣхать вдоль по рѣкѣ Медвѣдицѣ, но хозяинъ намъ от-

совѣтовалъ, а говорилъ, чтобъ мы ѣхали лучше большою дорогою; которому совѣту мы и послѣдовали и своротили уже на 16-й верстѣ влѣво.

Тутъ надлежало намъ ѣхать мимо одной деревни, гдѣ жилъ одинъ мой старинный знакомецъ, спослуживецъ однополчанинъ и бывший мой капитанъ, Иванъ Федоровичъ Коржавинъ.

Мнѣ восхотѣлось къ нему заѣхать и съ нимъ повидаться, и какъ былъ онъ мнѣ чрезвычайно радъ, то просидѣлъ я у него часа полтора, напился чаю, и наговорился съ нимъ досыта обо всякой всячинѣ.

Напомянувъ претекшихъ временъ и того, какъ мы съ нимъ вмѣстѣ служили и горемыкали, было наглавнѣйшимъ предметомъ нашихъ разговоровъ. А какъ былъ онъ и племянницамъ моимъ друженъ и живалъ съ покойнымъ зятемъ моимъ всегда въ дружбѣ, то поговорили мы и о ихъ обстоятельствахъ и онъ охотно соглашался, по просьбѣ моей, и съ своей стороны помогать въ чемъ будетъ возможно.

Разставшись съ нимъ, ѣхали мы уже недолго, и наконецъ имѣли удовольствіе приѣхать въ село Веденское, гдѣ жили мои племянницы, благополучно.

Но какъ письмо мое нарочито уже увеличилось, то о дальнѣйшемъ расскажу вамъ въ письмѣ будущемъ; а теперешнее окончивъ, скажу, что я емъ вашъ и прощаю.

Письмо 145-е.

Любезный пріятель! Теперь по порядку надобно мнѣ вамъ рассказать о пребываніи моемъ въ кашинскихъ предѣлахъ и обо всемъ тамъ происходившемъ.

Приѣхавъ въ домъ моихъ племянницъ не нашли мы никого изъ хозяевъ дома.

Самъ большой или паче малолѣтней хозяйки находился въ городѣ Бѣжецкѣ у учителя, а изъ племянницъ моихъ большая, какъ хозяйка, поѣхала въ бѣжецкую ихъ деревню, а меньшая въ лежащее неподалеку село Зобкино къ госпожѣ Калычовой, лучшей приятельницѣ и покровительницѣ моихъ племянницъ, боярыни очень почтенной и добродушной.

Но по счастью и равно какъ нарочно случилось въ тотъ день и не задолго предомною, приѣхать къ нимъ въ домъ одной старинной моей знакомкѣ Лукерьѣ Михайловнѣ, бѣдненькой, но крайне веселаго и шутливаго нрава старушкѣ-дворянкѣ, живавшей часто у моихъ племянницъ въ домѣ для компаніи, и какъ не однажды и меня она въ прежнюю бытность въ Кашинѣ до слезъ отъ смѣха доводила, то была она мнѣ очень знакома и я, обрадовавшись ее увидѣвъ, закричалъ:

— Ахъ! другъ ты мой сердечный! Лукерья Михайловна! Какъ я радъ, что вижу тебя въ живыхъ и въ добромъ здоровьѣ! Все ли ты хорошо поживаешь, и все ли еще всего на свѣтѣ боишься?

— «Слава, слава Богу, батюшка! отвѣтствовала крайне мнѣ обрадовавшаяся старуха. Насилу, насилу мы тебя, друга моего вѣрнаго, винограда зеленого, дождался. Но чуръ! слышишь чуръ, не страшать меня опять по прежнему!»

— Добро, добро — подхватилъ я: это увидимъ; а ежели и пострашаемъ немножко, то какъ быть... Но скажи-ка ты мнѣ, куда ты хозяйкѣ-ка подѣвала?

— «Вотъ тотчасъ, тотчасъ, батюшка, одна приѣдетъ, я уже послала за нею; а и другая не замедлится. Сядьте-ко, батюшка! небось ты усталъ съ дороги, а вы, дѣвушки, готовьте чай скорѣе».

— Хорошо, хорошо! отвѣчалъ я. А ты скажи-ка мнѣ, другъ мой, Лукерья Михайловна, не было-ли опять съ тобой какой бѣдушки?

— «О! какъ не быть, подхватила она; съ ума-было недавно, батюшка, рехнулась, такая на меня напасть случилась.

И что ужъ говорить, бѣды такой со мною отъ роду не бывало!»

— А что-жъ такое, моя милая! нельзя ли намъ сообщить?

— «Чего, батюшка! Однажды какъ гостила я здѣсь и спала, помстись мнѣ въ полночь самую, что вонъ въ церкви здѣшней будто благовѣстять къ заутрени. Я такъ не долго думая, вскочила и накинувъ на себя платьишко, чертъ къ церкви, такая окаянная, не разбудила на ту пору никого, а одна одниховько по старой своей привычкѣ. Вы знаете, отецъ мой, что я, грѣшница, люблю ходить къ заутренямъ и молиться».

— Это не худое дѣло, Лукерья Михайловна! сказалъ я:

— «Такъ, батюшка; но слушайте-ка, что случилось со мною... Прихожу къ церкви, вхожу подъ колокольню, нахожу дверь въ церкви незапертую; отворяю ее и вхожу въ трапезу и дверь затворяю за собою хорошохонько; но вдругъ не вижу никого въ церкви и ни одной свѣчи горящей предъ образами, а показались мнѣ только въ сѣверныя двери огонекъ горящій въ алтарѣ... Думаю: а! это конченъ пономарь пришелъ только еще одинъ, и тамъ свѣчки зажигаетъ».

«Итакъ, успокоившись тѣмъ, стала я, батюшка, по обыкновенію святымъ образамъ, хоть въ темнотѣ, молиться. Но какъ никто изъ алтара не выходилъ, и не слышно было никакого шума и шороха, то приди мнѣ въ голову закричатъ: «Кто въ церкви?»

«Я удивилась, что никто мнѣ не отвѣтствовалъ; но подумавъ, что пономарь, узнавъ меня по голосу, нарочно притансы и надо мною шутить: кричу въ другой разъ: «слышь, кто въ церкви?» — Но какъ и на сіе никто не отвѣчалъ, то стала тогда находить на меня уже оторопь».

«Вы знаете, батюшка, что я всего на свѣтѣ боюсь; однако я имѣла столько еще духа, что закричала еще разъ и того еще громче: кто въ церкви? Но какъ и на сіе не было ни отвѣта, и ни слуху,

ни духу, ни послушанія, то морозъ подрагъ меня уже по кожѣ.

«Однако я все-таки еще думаю, что бездѣльникъ пономариска надомною издѣвается, какъ то иногда за нимъ и важивалось, и закричала опять: «ну чтожъ такое, право? шутите-ли вы что-ли надо мною? и что-жъ это за шутка? и въ досадѣ пошла сама, чтобъ заглянуть въ сѣверныя двери въ оltарь.

«Но что-жъ, батюшка, какъ я вдругъ тогда оторопѣла, когда, поровнявшись противъ дверей, увидѣла, что вмѣсто показавшагося мнѣ огня былъ то свѣтащій прямо въ волековое оltарное окно мѣсяць, которому при закатѣ онаго случилось приттять прямо противъ онаго, и увидѣла, что въ оltарѣ никого не было.

«Всѣ члены мои тогда во мнѣ вострепетали, а въ голову, по пужливости моей, полѣзло и Господи что! Мнѣ вообразились тогда и мертвецы-то, и все и все на свѣтѣ; и тогда, не долго думая, бросилась я благимъ матомъ бѣжать изъ церкви въ темную трапезу.

«Но чтожъ, батюшка! надобно-жъ было на ту бѣду второпяхъ бѣжать мнѣ такъ близко подлѣ входа въ трапезу, что зацѣпись я, окаянная, платьемъ своимъ за высунувшійся конецъ одной низкой и очень лѣпо стоящей у стѣны полки, съ наставленными на ней мужицкими образами. Я обмерла тогда, испужалась! мнѣ помстилось тогда, что ухватилъ меня либо мертвецъ, либо духъ какой.

«Итакъ, не долго думая, ровъ-таки я, что было мочи, и сорвала тѣмъ со стѣны всю полку, и они загремѣли упавъ на земь. Это перестрашало меня еще того болѣе, и вообразилась мнѣ и Богъ знаетъ что.

«Я, одурѣвъ даже отъ страха и испуга и въ безпамятствѣ завопивъ: ай! ай! ай! бросилась въ трапезу исвать дверей, но второпяхъ не могла въ темнотѣ найти ихъ и стала шаркать руками по стѣнамъ. И вообрази себѣ, отецъ мой! какъ въ трапезѣ всѣ стѣны установлены были сплошь на полкахъ образами, то шаркая по онимъ въ темнотѣ, сорвала

я еще одну полку, и образа полетѣли съ превеликимъ стукомъ, одинъ за другимъ, на полъ, и одинъ изъ нихъ попалъ мнѣ въ голову, а другой въ спину.

«Сіе довавало меня совершенно, ибо какъ мнѣ и въ умъ тогда не приходило, чтобъ были то образа, а воображалось, что меня ловятъ, хватаютъ и бьютъ, то я до того закричалась: ай! ай! ай! Христосъ воскресъ! святъ, святъ, святъ! и до того настрачалась, что безъ памяти упала на полъ и не помню уже ничего, какъ прибѣжалъ въ церковь услышавшій мой крикъ попъ съ пономаремъ, и нашли меня безгласною, лежащую на полу, и какъ меня вытащили на улицу, и привели въ память.

«Вотъ, батюшка, какое было на меня безгодье, а всему причиною былъ этотъ пономариска: позабудь какъ-то проклятый запереть дверь замкомъ, а затворилъ только такъ, выходя изъ церкви, оную».

Легко можете себѣ вообразить, что я никакъ не могъ слушать сей повѣсти не надсѣдаясь со смѣха до слезъ.

— Ну! нечего сказать, говорилъ я: претерпѣла же ты, другъ мой, Лукерья Михайловна! ужъ прямо претерпѣла бѣдушку; но жаль, что не случилось на ту пору меня въ церкви, а то бы еще въ добавокъ ухнулъ и тѣмъ тебя еще болѣе ислужалъ.

«Чего добраго, и ой-то хорошо, отвѣчала она;—но вотъ наша и хозяйка».

И подлинно мы въ самое то время увидѣли въѣзжающую на дворъ карету и удивились, увидя выходящихъ изъ ней не одну, но обѣихъ моихъ племянницъ; ибо такъ случилось, что возвратилась и старшая изъ нихъ, Надежда Андреевна, изъ Бѣжецка и обѣ онѣ уже ѣхали домой и съ посланнымъ повстрѣчались на дорогѣ.

Свиданіе мое съ племянницами было такое, какое никакому живописцу на картинѣ изобразить не можно. Нелицемерная ихъ обѣихъ ко мнѣ любовь, а особливо меньшей, которая меня почти не зная, была неописанна.

Онѣ не вѣрили почти сами себѣ, что

я у нихъ и прыгали, такъ сказать, съ радости думая, что избавились онѣ уже тогда отъ всѣхъ бѣдъ и напастей. Ласковость и услужливость ихъ была чрезвычайна и я не въ состоянїи никакъ изобразить оную.

Мы провели весь остатокъ того дня въ непрерывныхъ разговорахъ; онѣ разспрашивали меня, а я ихъ—обовсемъ до ихъ обстоятельности относимся; послѣ чего ходили мы прогуливаться въ садъ и рощу, а ввечеру пригословлена была для меня баба, хотя я до ней нимало не былъ охотникъ и хаживалъ очень рѣдко.

Какъ обстоятельства ихъ были таковы, что мнѣ къ дѣлу не иначе можно было приступить, какъ посовѣтовать напередъ съ туютшими наилучшими и имъ благоприятствующими сосѣдами, а изъ сихъ всѣхъ важнѣй былъ нѣкто господинъ Баклановскій, по имени Алексѣй Семеновичъ, дворянинъ по тамошнему мѣсту знаменитый и бывший умершему зятю моему двоюроднымъ братомъ; то сожалѣлъ я услышавъ, что его не было въ то время дома, и онъ куда-то отъѣхалъ. А мнѣ наиболѣе и хотѣлось съ нимъ напередъ видѣться и посовѣтовать, какія мѣры принимать намъ лучше въ разсужденїи пребывающей тогда въ городѣ Кашинѣ ихъ мачихи.

Однако мы не преминули въ тотъ же день послать объ немъ провѣдать; а поѣхала на нѣсколько дней куда-то и помянутая ближняя сосѣдка и лучшая благодѣтельница ихъ, госпожа Калычова.

Расположившись дожидаться ихъ возвращенїа, послѣдующій день употребилъ я на разное: во-первыхъ, побывалъ въ церкви, посѣтилъ гробы обонхъ монаховъ толь близкихъ родственниковъ, сестры родной и ея мужа, и заставилъ воззвать о душахъ ихъ обыкновенныя ко Творцу всѣхъ тварей моленїа.

Присутствуя при семъ не могъ я воздержаться отъ слезъ и вздоховъ, и занимался печальными помышленїями о рановременной смерти сестры моей и о неизвестности дленїа нашей жизни.

«Увы! говорилъ я самъ себѣ въ мыс-

лахъ:—кто-бы могъ думать, чтобы столько уже лѣтъ сотлѣвалъ въ семь мѣствъ прахъ того человѣка, который былъ ко мнѣ такъ близокъ и любилъ меня такъ много; воображалъ—ли я себѣ въ послѣднюю мою здѣсь бытность, что я при будущемъ и теперечнемъ сюда приѣздѣ найду сестру мою уже во гробѣ сотлѣвающей? Но ахъ! знаю-ли я и о себѣ что-нибудь: можетъ быть и самъ я уже очень близокъ къ таковой же участи и земля готовится принять и меня уже въ свои нѣдра!»

Въ сихъ и подобныхъ сему размышленїяхъ возвратившись въ домъ и не хоти ни минуты терять времени понапрасну, принялся я тотчасъ за дѣла и сталъ разсматривать крѣпости, считать дачи и переписывать людей и все ихъ недвижимое имѣнїе, дабы получить о томъ свѣдѣнїе, и занимался тѣмъ до самой ночи.

Между тѣмъ возвратился и послѣдней къ г. Баклановскому съ извѣстїемъ, что онъ дома и велѣлъ насъ звать къ себѣ. Я обрадовался тому очень, но вкупѣ не весьма доволенъ былъ передающими слухами, подававшими поводъ къ нѣкоторымъ сумнительствамъ на сего господина; однако я по обыкновенїю своему рѣшился смотрѣть, что окажетъ время.

Такимъ образомъ, по утру на другой день начали мы собираться къ г. Баклановскому. Какъ онъ мнѣ былъ еще незнакомъ, то не зная я какъ лучше мнѣ къ нему ѣхать, къ обѣду ли или послѣ обѣда?

Жилъ онъ отъ дому племянницъ моихъ не очень близко и болѣе 20 верстъ, и какъ къ обѣду ѣхать къ нему, какъ къ незнакомому человѣку, казалось мнѣ дурно, а и къ самой ночи не очень ладно, то и лучшее почли мы ѣхать къ нему ни къ обѣду, ни къ ночи, а поранѣе дома позавтракать, чтобы въ нужномъ случаѣ можно было въ тотъ же день и домой возвратиться.

Бдучи къ нему, не могъ я довольно налюбоваться красотой и положенїемъ мѣстъ въ сей части Кашинскаго уѣзда

Мѣста сія были совсѣмъ отъ нашихъ отлѣвннхъ и столь ровныя, что ровнѣй ихъ быть было не можно: не было ни одной горки, ни одного холма, ни одной ложбины и вершинн. Земля же была повсюду хлѣбородная, покрытая богатой жатвою.

Сель, и деревень и господскихъ домовъ видимо было повсюду множество такое, что все обширное протяженіе всего страннаго и горизонтальнаго поля казалось ими усыяно. Однѣ только рощицы скрывали нѣкоторыя отъ зрѣнія; но и тѣ, будучи прекраснѣйшія отъемныя и равно какъ нарочно насыянныя и насажденныя, придавали только мѣстамъ снмъ навнншнюю красоту и великолѣпіе.

Каждая деревня, изъ коихъ ни одна не походила на наши, имѣла поля свои особенныя и кругомъ огороженныя, и въ виду и близости у себя двѣ или три деревенки.

Селенія сія были хотя небольшія, но довольно хорошія и прибористо построенныя, и въ каждой почти выкопанной посреди прудокъ, снабжающій оную водою. Словомъ, все походило на нѣкакой натуральный красивый садъ или паркъ аглицкой, и я во всю дорогу не могъ довольно налюбоваться и навеселиться.

Какъ мы ни спѣшили, но прѣхали въ Белеутово или то селеніе, гдѣ жилъ г. Баклановской, не гораздо уже рано. Я нашель тутъ все противное моему ожиданію и воображенію.

Г. Баклановскаго казалось мнѣ, что я негдѣ видалъ, но не имѣлъ случая знать, а ему также лицо мое было знакомо. И какъ былъ онъ человекъ весьма хорошихъ свойствъ, здраваго разума и охотникъ до наукъ и художествъ, то мы скоро другъ съ другомъ сладили и сдружились. Онъ былъ мнѣ очень радъ и ни подъ какимъ видомъ не отпустилъ насъ отъ себя въ тотъ день, а особливо для того, что въ послѣдующій день былъ у него годовая пражднн.

Итакъ, оставшись у него ночевать, провели мы всю оставшуюся часть дня и весь вечеръ въ непрерывныхъ разговорахъ о матеріяхъ разныхъ.

Сія между такими людьми, какъ мы, были неисчерпаемы и г. Баклановской, любя говорить, особливо по вечерамъ, не преставаель ни на минуту; а мнѣ то было и встать.

Я не уступалъ ему въ томъ ннмало и радъ былъ, что сей случай не только познакомиель меня съ нимъ короче, но и подаль ему поводъ даже полюбить меня и получить весьма хорошее обо мнѣ мнѣніе.

Такимъ образомъ праздновали мы въ послѣдующій день у г. Баклановскаго его пражднн, и я имѣлъ случай видѣть тутъ многихъ кашинскихъ дворянъ и съ нѣкоторыми изъ нихъ познакомиться.

Мы ѣздили съ хозяиномъ, какъ уже съ пріятелемъ, вмѣстѣ къ обѣдн въ село Кожно, гдѣ было множество господъ и госпожъ, и между прочими и спослуживецъ мой г. Коржавинъ, и гостей у господина Баклановскаго было множество, болѣе 30-ти человекъ сидѣло насъ за столомъ, и я имѣлъ счастье всѣмъ имъ какъ-то полюбиться.

Послѣ обѣда хотѣли-было мы ѣхать домой, но полюбившій меня г. Баклановскій не отпускаель, а уговариваель, чтобъ остаться и въ тотъ день у него ночевать; а какъ и мнѣ хотѣлось съ нимъ о нашемъ дѣлѣ поболѣе поговорить, то и согласился я на то охотно, а съ нами вмѣстѣ остался ночевать и г. Коржавинъ, и намъ было очень нескучно.

Въ послѣдующій день поѣхали мы уже рано домой. Между тѣмъ возвратился посланный въ Кашинъ для пражднннн о мачихѣ, съ которою намъ надлежало имѣть дѣло, и привезъ извѣстіе, что она находится въ Кашинѣ, и тѣмъ очень довольна что я прѣхалъ скоро; также сказывали намъ, что возвратилась домой и госпожа Калычова.

Услышавъ о семъ согласился мы тотчасъ къ ней ѣхать и тѣмъ паче, что мнѣ хотѣлось очень видѣть сію госпожу, о которой слышался я отъ племянницъ моихъ такъ много хорошаго.

Катерина Федоровна приняла меня очень ласково и пріятно, а и взрослый, но холостой еще сынъ ея, котораго зна-

ли Федоромъ Андреевичемъ, обошелся со мною очень хорошо.

Я нашелъ тутъ домъ совсѣмъ отчужденный отъ дома г. Баклановскаго и обхождение совсѣмъ другого рода. Въмѣсто того, что тамъ было все болѣе по-деревенски и безъ дальнихъ затѣвъ и церемоніаловъ, тутъ, напротивъ того, все было по-московски, все прибористо, щеголевато и хорошо и всѣ порядки и обхождения совсѣмъ инаково, нежели въ томъ углѣ, гдѣ жилъ г. Баклановской и гдѣ все было смѣшано еще нѣсколько съ стариною.

Сама госпожа была уже лѣтъ за 50, но пріятнѣйшая, добронравная и почтенная старушка. Она знала меня уже отчасти, ибо я выдалъ ее въ прежнюю мою бытность въ Кашинѣ; но въ сей разъ имѣлъ я какъ-то особенное участіе ей понравиться и она была мною очень довольна и обходилась со мною какъ родная.

Сына ея я до сего времени еще не зналъ, но мы спознакомились и сдружились съ нимъ также скоро. Онъ былъ малый молодой, учившійся, умѣвшій по-французски и охотникъ до поэзіи и наукъ свободныхъ.

Онъ пригласилъ меня въ свои комнаты, которыя онъ имѣлъ особня, гдѣ говорили мы съ нимъ по-французски и онъ читалъ мнѣ даже съ восторгомъ нѣкоторыя изъ стихотвореній славнаго французскаго сатирика Боало, въ которыхъ находилъ онъ отчужденный вкусъ. Я не преминулъ сдѣлать ему объ нихъ нѣкоторыя замѣчанія и далъ знать, что они мнѣ довольно знакомы.

Препроводивъ нѣсколько времени въ томъ, играли мы потомъ съ нимъ въ бильярдъ, который имѣлъ онъ въ своихъ комнатахъ. Въ сію любимую мною игру не игралъ я уже около десяти лѣтъ и съ самаго отъѣзда изъ Кёнигсберга, ибо тогда рѣдко гдѣ они въ домахъ бывали, и къ удовольствію моему узналъ, что я не совсѣмъ еще ее позабылъ. Словомъ, мы провели съ нимъ нѣсколько часовъ довольно пріятно.

Госпожа Калычова не отпустила насъ никакъ безъ ужина; итакъ, возвратились

мы домой уже ночью, гдѣ нашли пріѣхавшаго изъ Бѣжеца и настоящаго хозяина, то-есть моего племянника.

Мнѣ нетерпѣливо хотѣлось видѣть сего будущаго моего воспитанника и ученика, и онъ невѣдомо какъ радъ былъ меня увидѣть.

Такимъ образомъ сдружился я съ обоими домами, которымъ надлежало помогать мнѣ въ предпринимаемомъ дѣлѣ. Я не преминулъ поговорить съ ними обо всемъ; но какъ мы всѣ не знали точнаго намѣренія маичихи, то и не могли ничего положить, а назначили день, въ который бы намъ всѣмъ съѣхаться и пригласить къ переговорамъ маичиху.

Въ послѣдующій день, во ожиданіи срочнаго и будучи одни дома, на досугѣ экзаменовалъ я моего племянника. Мальчикъ онъ былъ еще небольшой, нигдѣ конятія не совсѣмъ острья, однако и не совсѣмъ тупья и способности весьма средственныя. Въ Бѣжецѣ началъ-было онъ учиться по-нѣмецки, но я нашелъ, что зналъ онъ еще очень мало.

Наконецъ насталъ срочный и тотъ день, въ которой рѣшилась судьба моеи комисіи, или въ которой имѣли мы разговоръ съ маичихой моихъ племянницъ.

Было сіе 11-го числа сентября мѣсяца. Мы пригласили всѣхъ къ себѣ обѣдать, и прежде всѣхъ пріѣхала маичиха съ одною изъ своихъ родственницъ, потомъ госпожа Калычова съ сыномъ, тамъ г. Баклановской съ женою и сыномъ; а пообѣдавши, мы и приступили къ дѣлу.

Переговоры продолжались долго, и маичиха была боярня хотя и не изъ бойкихъ, но долго не могли мы ничего успѣть.

Къ намъ подѣхалъ и г. Коржавинъ, и старался также помогать намъ уговаривать нашу упрямыцу, сколько было въ его силахъ, и мы не прежде какъ чрезъ нѣсколько часовъ насылу ее уговорили, чтобъ она согласилась всю свою часть и претензію племяннику и племянницамъ своимъ продать и взять за все деньги, и довольно умѣренное количество и не болѣе какъ 950 рублей, но съ тѣмъ, чтобъ и пошлины были наши.

Симъ образомъ дѣло наше получило свое основаніе, и мы положили свидѣться еще въ послѣдующій день у г. Баклановскаго и условиться о сдѣлкѣ.

Окончавъ сіе по желанію, унимали мы было мачиху у себя ночевать; но какъ она не согласилась, то и разѣхались всѣ, кромѣ г. Коржавина, съ которымъ, переночевавши и на другой день отобѣдавъ, поѣхали мы всѣ въ Белеутово, чтобы видѣть опять тамъ мачиху.

Г. Баклановской былъ намъ радъ и мы хотя нашли у него мачиху, но въ сей день обстоятельства не дозволили намъ трактовать о нашемъ дѣлѣ, и мы принуждены были отложить то до послѣдующаго утра и остаться опять ночевать у него.

Тутъ имѣли мы съ нимъ опять множество разговоровъ, а особливо въ его башнѣ. Онъ, будучи женатъ на дочери придворнаго садовника, иностранца, имѣлъ у себя прекрасной регулярной садъ со множествомъ разныхъ провзрастевій, и въ немъ превысокую башню о множествѣ этажей, составляющую нѣкоторой родъ китайской пѣгоды.

Въ сіе-то любимое свое убѣжище завелъ онъ насъ съ г. Коржавинимъ, и мы не могли съ нимъ довольно наговориться и я налюбоваться дальновидностію съ высоты сего высокаго зданія, и видимыми съ него многими прекрасными окрестностями. А въ такихъ же пріятныхъ разговорахъ провели мы и весь вечеръ.

На утріе былъ у насъ съ нимъ въ кабинетѣ его общій совѣтъ о томъ, на какомъ основаніи оставить мнѣ своихъ племянницъ, въ разсужденіи ихъ домоводства, а съ мачихою условились мы съѣхаться чрезъ день послѣ того въ Кашинѣ для написанія записи.

При отъѣздѣ подарилъ мнѣ г. Баклановской нѣсколько эстамповъ и сѣмянъ садовыхъ, какихъ у меня не было, и ссудилъ нѣкоторыми книгами на поддержаніе. А не успѣли мы приѣхать домой, какъ узнали, что была присылка за нами отъ госпожи Калычовой, къ которой мы, пообѣдавъ дома, тотчасъ и поѣхали.

Госпожа Калычова была очень довольна нашимъ послушаніемъ и приѣздомъ. У ней нашли мы дѣлюе собраніе. Былъ у ней меньшей ея зять г. Барковъ, съ ея дочерью Анною, также и приѣхавшая съ Москвы старшая ея дочь, г-жа Змѣева, и еще нѣкто г. Файндинъ.

Препроводивъ весь сей день у ней съ удовольствіемъ и отгуливавъ, хотѣли было мы ѣхать домой, но страшная гроза, остановивъ, принудила насъ остаться у ней ночевать; и какъ я спалъ въ комнате ея сына и опять имѣлъ съ нимъ множество разговоровъ, то сей случай познакомилъ насъ еще больше, и онъ меня очень полюбилъ.

Какъ на утріе случилось быть празднику Воздвиженія честнаго креста, то старушка не отпустила никакъ насъ отъ себя безъ обѣда. Мы отправили въ сіе утро меньшую племянницу мою въ Угличъ для заниманія денегъ, ибо своихъ у нихъ не было, а послѣ обѣда приѣзжалъ къ намъ кашинскій секретарь, и мы переговорили съ нимъ о записи.

Я очень радъ былъ слышать отъ него, что намъ все свое дѣло можно было скоро и легко кончить въ Угличѣ; итакъ, возвратились мы домой уже къ вечеру и съ удовольствіемъ.

По утру въ слѣдующій день, взявъ малолѣтнаго племянника своего, поѣхалъ я очень рано съ нимъ въ Кашинъ, ибо въ сей день условились мы съ г. Баклановскимъ съѣхаться туда и писать записи.

Городъ сей случилось мнѣ въ сей разъ впервые еще видѣть. Онъ показался мнѣ не очень великъ, а городкомъ средственнымъ, построеннымъ на высокихъ неровныхъ и кривыхъ мѣстахъ по обѣимъ сторонамъ нарочитой величины рѣчки Кашенки, протекающей сквозъ сей городъ кривыми изгибами и верстъ за 7 отъ города впадающей въ рѣку Волгу.

Совсѣмъ тѣмъ церквей и монастырей было въ немъ довольно. Первыхъ насчиталъ я—каменныхъ и деревянныхъ 25, а послѣднихъ 3. Но всѣ они были не весьма великолѣпны. Самые соборы, изъ которыхъ въ одномъ мѣстѣ случилось,

ничего дальняго не имѣли кромѣ только, что въ одномъ хранимы были мощи древней княгини тверской Анны, жены князя Михаила, лишеннаго за 450 лѣтъ до того въ Ордѣ жизни.

Что касается до прочихъ зданій, то не было тогда никакихъ отмѣнно знаменитыхъ, во все простыя, выстроенныя по горамъ и косогорамъ, и по кривымъ и дурнымъ улицамъ.

Впрочемъ не было тогда въ семъ городѣ ни фабрикъ, ни другихъ какихъ отмѣнныхъ заведеній, кромѣ того, что славился онъ во всей Россіи бѣлилами, съ отмѣннымъ искусствомъ тутъ дѣлаемыми и по всей Россіи разводимыми и которыя почитались наилучшими.

Кромѣ сего славны были и кашинскія такъ-называемыя бесѣдки или калачи особливаго и такого устройства, какаго нигдѣ въ другихъ мѣстахъ нѣтъ; и я не могъ довольно удивиться, какъ хочется людямъ при печеніи оныхъ имѣть столь многіе труды, потребныя къ сплетенію такого множества мелкихъ витушекъ или плетешковъ, которыми вся плоская ихъ поверхность сверху укладывается. Рассказывали мнѣ, будто они имѣютъ то удивительное свойство, что они нечерствѣютъ; однако я худо тому вѣрилъ, какъ совсѣмъ не натуральной вещи.

Мы приѣхали прямо въ такъ-называемый Каблуковъ монастырь, и отслушавъ немъ обѣдню, а между тѣмъ подѣхавъ и г. Баклановской съ г. Коржавиннымъ, и мы вмѣстѣ съ ними пошли въ воеводскую канцелярію, куда вызывали и мачиху, но она не поѣхала никакъ.

Итакъ, вмѣстѣ съ воеводскимъ товарищемъ обѣдали мы у игумена Феодосія, гдѣ написавъ черную записку, ѣздили уже послѣ обѣда сами къ упрямой мачихѣ, и рады были, что наконецъ она ее апробовала.

Но тутъ было на насъ другое горе. Не могли мы никакъ отыскать подъячего, у котораго на рукахъ была гербовая бумага, и принуждены отложить то до послѣдующаго утра. И какъ г. Баклановской пригласилъ насъ ѣхать къ нему по-

чевать, а напередъ заѣхать въ Дмитровскую монастырь къ строителю Кесарію, который былъ ему отмѣнно друженъ; то мы туда и поѣхали, но гости сіи были мнѣ очень неприятны.

Была у нихъ тутъ по своей вѣрѣ изрядная попойка, и какъ принуждали неотступно и меня брать въ томъ соучастіе, то, ненавижда душевно сіе гнусное и старинное обыкновеніе, не радъ былъ, что и попался въ сію компанію и насилу-насилу товарищей своихъ оттуда вызвалъ.

Переночевавъ опять вмѣстѣ съ г. Коржавиннымъ въ Белеутовѣ, ѣздили мы на другой день вторично въ Кашинъ и насилу кончили первое наше дѣло съ мачихою, и написали крѣпостную записку въ залогъ вѣрности даннаго ею слова совершить купчую какъ скоро будетъ можно. Непостоянство права сей госпожи и неизвѣстность, скоро ли смещемъ мы занять деньги, насъ къ тому привудило.

Послѣднее обстоятельство наводило на меня особую заботу и я боялся, чтобы оно не задержало меня долѣе, нежели сколько я хотѣлъ, въ предѣлахъ кашинскихъ. Но, по счастью, возвратившаяся изъ Углича племянница моя обрадовала насъ увѣдомленіемъ, что она деньги занять нашла, и она ей вѣрно обѣщана.

И какъ тогда оставалось только совершить купчую и для сего сѣздать съ мачихою въ сей провинціальный городъ, то и приступили мы къ ней о томъ съ просьбою; а поелику и самой ей хотѣлось скорѣй кончить сіе дѣло и получить въ руки деньги, то согласилась и она безъ дальняго замедленія туда вмѣстѣ съ нами отправиться.

Итакъ, собравшись и поѣхали мы въ сіе недалнее путешествіе. ибо городъ сей отстоялъ отъ Кашина не далѣе какъ на 40 верстѣ.

Оный случилось мнѣ тогда также въ первый разъ еще видѣть, и онъ, несмотря на всю свою древность, показался мнѣ немногимъ чѣмъ лучше Кашина. Онъ сидѣлъ на самомъ берегу славной нашей рѣки Волги, на ровномъ мѣстѣ и окру-

женъ съ одной стороны густою высокою рощею и былъ довольно обширенъ.

Я насчиталъ въ немъ болѣе 25-ти церквей и нѣсколько монастырей; но что такое составлялъ онъ въ сіе время противъ того, что былъ онъ въ древности, когда окружность его простиралась до 24 верстъ, а вдоль и поперекъ его не менѣе 5-ти верстъ, и когда было церквей болѣе 150-ти и однихъ монаховъ болѣе 2,000 человекъ, а число жителей простиралось до 30-ти тысячъ, вмѣсто того, что въ сіе время было ихъ съ небольшимъ только 5 тысячъ человекъ!

Вѣдая отчасти изъ исторіи обо всемъ, что происходило въ древнія времена съ симъ городомъ, не могъ я, чтобы при подъѣзжаніи къ нему не заняться разными объ немъ помышлениями и мысленными разглагольствіями съ самимъ собою.

«И здѣсь,—говорилъ я: обитало нѣкогда великое множество смертныхъ; и сіе мѣсто было такъ долгое время обиталищемъ многихъ другъ за другомъ слѣдовавшихъ удѣльныхъ князей російскихъ, изъ коихъ нѣкоторые счастливыя, а другіе несчастную жизнь прождали. Владѣльцы и государи сіи были хотя небольшіе, но имѣли также свои дворы и также своихъ приближенныхъ и вельможей!

«И сіе обиталище толь многихъ тысячъ народа не спаслось отъ хищныхъ и злодѣйскихъ рукъ литовцевъ, разорявшихъ за 200 лѣтъ до сего столь чувствительно отечество наше! Не пощадили они и сіе несчастное мѣсто, и кровь предковъ лилась ручьями и обогрела всю землю въ обиталищѣ семъ! Всѣхъ жителей истребили они мечемъ своимъ почти до единого и дома ихъ превратили въ пепелъ.

«Въ сіе-то мѣсто сосланъ былъ нѣкогда несчастный и послѣдній остатокъ нашего древняго царскаго дома, и тутъ, коварствомъ славнаго Годунова, стремившагося тогда на престолъ Россійскаго Царства, въ жертву принесенъ властолюбію его несчастный младенецъ, имѣвшій только 7 лѣтъ отъ своего рожденія.

«Посреди бѣлаго дня, по предательству мамки, пораженъ онъ былъ сообщниками

тайныхъ дѣлъ его, ножемъ въ горло, и безжалостно умерщвленъ къ неописанному прискорбію царицы, матери его, вмѣстѣ съ нимъ сосланной и здѣсь жившей.

«И здѣсь орошаема была земля слезами матери сей сугубо несчастной и раздавался стоны и вопль отъ гражданъ, долженствовавшихъ терпѣть наказаніе за чужія вины и беззаконія, и разставаясь съ милою родиною своею, переселялись въ отдаленныя страны сибирскія!

«О времена! времена и нравы! какъ много перемѣнились съ того времени, и какое спокойствіе водворяется нынѣ въ миломъ отечествѣ нашемъ вмѣсто прежнихъ смутныхъ и беспокойныхъ временъ».

Въ сихъ и подобныхъ сему размышленіяхъ вѣхали мы въ такъ-называемую Псарню или знаменитую слободу, отдѣленную отъ города рѣкою Волгою, а переправившись тутъ чрезъ рѣку сію, и въ самой городъ.

Пребываніе наше въ ономъ не продолжалось болѣе двухъ сутокъ, ибо какъ нужно было только совершить купчую, то и кончили мы дѣло сіе скоро, и вручивъ деньги мачихѣ, и раздѣлялись съ нею совершенно.

Окончивъ благополучно сіе главное дѣло, сталъ я поспѣшать своимъ возвращеніемъ назадъ въ Веденское, и за поспѣшностію сею не имѣлъ времени и осмотрѣть всѣ достопамятности, находящіяся въ семъ городѣ, а паче всего находящійся и нынѣ еще въ цѣлости тотъ маленькій о двухъ жилахъ каменный со сводами домикъ, гдѣ жилъ несчастный царевичъ Дмитрій, съ своею матерью, и о коемъ рассказывали мнѣ, что стѣны въ немъ росписаны живописными священными изображеніями; и мнѣ очень жаль было, что не удалось видѣть самолично сего знаменитаго монумента древности.

О негнѣнномъ-же тѣлѣ сего невинно убіеннаго царевича сказывали мнѣ, что оно многіе годы спустя послѣ того и во дни уже царя Василія Ивановича Шуйскаго, перенесено изъ тутюшней

придворной церкви въ московскій Архангельскій соборъ.

Такимъ-же образомъ не удалось мнѣ побывать и въ соборѣ и видѣть тамъ находящіяся мощи князя Романа, жившаго тутъ безъ мала за 500 лѣтъ до того времени; и я едва успѣлъ взглянуть на высокой земляной валъ, составлявшій нѣкогда самую тутъ крѣпость и довольно еще и тогда видимой. Мнѣ показался онъ сажень въ 5 вышиною, а ровъ, видимый еще и помнѣ, 2 сажень; но пространство всей крѣпости простиралось съ небольшимъ только на полверсты окруженіемъ.

Но кромѣ сего находился въ семь городъ и другой валъ, которымъ окруженъ весь нынѣшній городъ, простирающійся версты на пять въ окруженіи и примыкающій обими концами своими къ рѣкѣ Волгѣ.

По возвращеніи своемъ въ село Веденское и по успокоеніи съ сей стороны моихъ племянницъ, приступилъ я къ разнымъ хозяйственнымъ распоряженіямъ.

Я входилъ во всѣ подробности сколько было можно, и препроводивъ въ томъ нѣсколько дней, не сталъ долге мѣшкать; но послѣшая возвращеніемъ во свояси, объѣздилъ съ племянницами своими всѣхъ ихъ пріятелей и сосѣдей, и поручивъ ихъ покровительству оныхъ и распрощавшись съ ними, пустился въ обратный путь, взявъ съ собою и малолѣтнаго ихъ брата для воспитанія и обученія его всему, чему научить я былъ въ состояніи.

Племянницы мои, при безчисленныхъ благодареніяхъ за трудъ, предпріятой для ихъ и за оказанное имъ вспоможеніе, провожали насъ на нѣсколько верстъ и разставаясь съ слезами, обѣщали приѣхать къ намъ по наступленіи зимы.

Описаніемъ обратнаго моего путешествія не буду уже обременять васъ, любезный пріятель, а коротко только скажу, что ѣзда наша въ сей разъ была благоуспѣшная, спокойнѣе и лучше.

Погодѣ случилось быть тогда прекрасной и мы, не видавъ никакой нужды и не претерпѣвъ никакого зла и остановки, до-

ѣхали въ немногіе дни до Москвы; а и тутъ пробывъ самое короткое время, по-видавшись съ другомъ моимъ г. Полоцкимъ, искупивши все, что было нужно въ деревню, пустились мы далѣе, и въ началѣ октября, и за нѣсколько еще дней до своихъ иманій, къ которымъ мнѣ домой послѣть хотѣлось, приѣхалъ благополучно въ свою деревню и обрадовалъ своихъ домашнихъ, дожидавшихся меня уже давно съ нетерпѣливостію.

Но какъ письмо мое получило уже свойственную себѣ величину, то окончивъ на семь пунктовъ и оное и сказавъ вамъ, что я емь всегда относительно къ вамъ тѣмъ же, остаюсь вашъ и прочая.

(Дек. 10, 1807).

Письмо 146-е.

Любезный пріятель! Описавъ вамъ въ предлѣдовавшихъ трехъ письмахъ всю ѣзду мою въ кашинскіе предѣлы, пойду теперь далѣе и буду рассказывать, что происходило со мною въ достальное время сего года.

Къ особому удовольствію моему, при возвращеніи своемъ въ домъ нашель я всѣхъ домашнихъ своихъ здоровыми, и въ числѣ ихъ и самую племянницу нововыздоровѣвшую отъ болѣзни; а что всего пріятнѣе для меня было, и межевна для въ хорошемъ положеніи.

Межеванье въ отсутствіе мое хотя и продолжалось, но межевали все не нами, а прочія, неподалеку отъ насъ лежащія селенія и дачи; а между прочимъ и дачу деревни моей Туленной, въ разсужденіи которой съ удовольствіемъ услышалъ я, что обмежевана она безспорно, и вся пріимѣрная въ ней земля не подверглась чрезъ то опасности. Что-жъ касается до нашихъ пустошей, то до нихъ въ отсутствіе мое не касались и онѣ все еще оставались неразмежеванными.

Какъ вскорѣ послѣ приѣзда моего наступилъ день моего рожденія и иманій, и мнѣ наступилъ 33-й годъ отъ рожденія, то послѣдній праздновалъ я по обыкновенію приглашеніемъ къ себѣ всѣхъ на-

нихъ друзей и сосѣдей и сдѣланіемъ для нихъ деревенскаго пира; и было ихъ въ сей разъ довольное количество въ собраніи.

Отпраздновавъ сей праздникъ, принялся я за сады свои и старался все оставшееся осеннее время употребить въ пользу произведеніемъ въ нихъ кое-какихъ дѣлишекъ, сколько могли мнѣ дозволить погоды; но наступившіе вскорѣ послѣ того морозы положили предѣлы и снѣмъ осеннимъ трудамъ моимъ, и обратили вниманіе мое къ другимъ и важнѣйшимъ предметамъ.

Поелику морозы и осеннія непогоды сдѣлали и продолженію межеванья оставку, то господа землемѣры, по обыкновенію своему, привались за сочиненіе обмежеваннѣмъ землямъ плановъ и за исчисленіе всѣхъ оныхъ, а потомъ за примиреніе всѣхъ спорившихъ между собою; а по сему порядку скоро дошло дѣло и до меня, хотя и не по тутошнимъ дачамъ, а по калитинской, по которой, какъ я вамъ уже пересказывалъ прежде, связался, по несчастію, я съ сосѣдами споромъ, и которые до сего времени еще рѣшены не были.

Сіе обстоятельство подаетъ мнѣ поводъ рассказать вамъ объ одномъ сколько досадномъ, столько, съ другой стороны, и смѣшномъ происшествіи, случившемся со мною.

Я уже упоминалъ вамъ, что споры, заведенные мною, были по калитинской дачѣ по случаю ошибки въ мѣрѣнн о количествѣ числа четвертей въ нашихъ дачахъ, неудачны и таковы, что я раскаивался, но уже поздно, что я завелъ оныя.

Вмѣсто многого и завѣрно полагаемаго недостатка въ нашей дачѣ, оказывалось, что въ ней дача была полная или имѣющая еще нѣсколько излишка, и что по сему другому не оставалось кромѣ того, чтобъ мнѣ отъ споровъ отказаться.

Сіе и совѣтовалъ мнѣ тамошній межевщикъ г. Хвоцинской. Онъ, приславъ въ концѣ октября ко мнѣ нарочнаго съ письмомъ, предлагалъ мнѣ, чтобъ я при-

слалъ сказку, и чрезъ оную отказался отъ своего спора и болѣе потому, что у всѣхъ тѣхъ владѣльцевъ, съ которыми я заспорилъ, оказались въ дачахъ недостатки, слѣдовательно къ полученію мнѣ земли не было ни малѣйшей надежды. Но какъ мнѣ самому хотѣлось видѣться и поговорить съ межевщикомъ, то и расположился я къ нему нъ началъ ноябрю самъ съѣздить.

Квартировалъ онъ тогда въ Маломъ Грызловѣ, и я, приѣхавъ къ нему, засталъ у него противъ чаянія моего множество народа и между прочими обонхъ господъ Милоховыхъ и г. Руднева; а вскорѣ потомъ приѣхалъ и Михайла Алексѣевичъ Пестовъ, главный мой по спорамъ соперникъ.

Признаюсь, что ѣдучи къ межевщику было у меня и то и сѣ на умѣ. Я давно уже тужилъ и раскаявался, что ошибкою и безъ всякой пользы и на свою голову надѣлалъ споровъ, однако утѣшался тѣмъ, что проступокъ сей учинилъ нечаянно и совсѣмъ невиннымъ образомъ. Совсѣмъ тѣмъ, явившійся у всѣхъ сосѣдей недостатокъ озабочивалъ и беспокоилъ меня много.

Въ дачѣ Калитинской по изчисленію моему хотя не было большого примѣра, однако все опасался я, чтобъ межевщики не намѣрили десятины 5 или 6 лишнихъ, въ которомъ случаѣ примѣра сего мнѣ необходимо лишиться было должно.

Правда, убытокъ сей былъ не великъ, однако какъ онъ собственно отъ моей невинной погрѣшности происходилъ, то стыдъ былъ для меня важнѣе всего, а при томъ не хотѣлось мнѣ невиннымъ образомъ ввестъ въ то же и сосѣдку свою и соучастницу въ дачахъ, Марю Маркеловну. А потому, ѣдучи дорогою, и находился я между страхомъ и надеждою и напередъ уже полагалъ, чтобъ въ случаѣ нужды уступить хотя своихъ родныхъ нѣсколько десятинь, а не довести сосѣдку свою до убытка; однако не зналъ я еще, сколько межевщиками найдено у меня примѣра и узнать сіе хотѣлось мнѣ очень.

Межевщикъ былъ мнѣ радъ по обмѣну, ибо могу сказать, что всѣ они были ко мнѣ какъ-то благопріятны. Онъ принялъ отъ меня приготовленную и уже дома написанную отрицательную сказку и былъ тѣмъ очень доволенъ, а особливо потому, что я учинилъ тѣмъ предпринимаемому имъ миротворенію хорошее начало.

Всѣмъ тѣмъ досадно было мнѣ, что при людяхъ не можно было мнѣ у него спросить, сколько земли по ихъ исчисленію нашлось въ казитинской дачѣ, а притомъ и страшился и спросить о томъ, боясь услышать противное.

Посидѣвъ немного, приступилъ онъ къ миротворенію всѣхъ насъ, спорщиковъ, ибо онъ для того въ сей день всѣхъ повѣренныхъ и созвалъ, чтобъ ихъ мирить; а буде тутъ не помирятся, то везти бы ихъ съ собою въ тотъ же день въ Серпуховскую контору, дабы она ихъ мирила прежде обмкновеннаго суда.

Сперва началъ онъ стараться разорвать споръ у глѣбовскихъ съ полозовскими. Въ обѣихъ сихъ дачахъ были недостатки, однако г. Пестовъ, какъ владѣлецъ глѣбовской, не хотѣлъ никакъ оставить своего спора и требовалъ отъ полозовскихъ половину заспореннаго имъ мѣста, а сія не имѣли причины ему давать.

Итакъ, проговорили они очень долго и ничего не сдѣлали, и г. Пестовъ доказалъ о себѣ, что онъ въ разсужденіи раздѣлки былъ самый негодный и несговорчивый человекъ.

Потомъ дошло дѣло до моего съ нимъ спора. Межевщикъ встрѣтилъ его тѣмъ, что я жертвую ему своимъ споромъ и просилъ, чтобъ и онъ велѣлъ подписать мою сказку, увѣряя, что у насъ у обоихъ оказалось равномѣрно недостатка по четыре десятины.

Услышавъ о семъ, нимало мною не ожидаемомъ недостаткѣ, не зналъ я, что думать и вправду ли межевщикъ то говорилъ или нарочно, ибо я думалъ, что у меня примѣръ будетъ; но какъ говорилъ онъ сіе важнымъ и не шутивымъ обра-

зомъ, то заключалъ я, что онъ можетъ быть, благопріятствуя мнѣ, такъ мало въ дачѣ моей вычислилъ и понатянулъ не много, что, какъ извѣстно, и учинить имъ всегда было можно.

Но какъ бы то ни было, но на сердцѣ у меня тогда отлегло и я, по словицѣ говоря, не много уже г. Пестова страшился, который недостаткомъ своимъ будучи надменъ, хотѣлъ насъ всѣхъ пожрать и требованіями своими невѣдомо какъ учился.

Мнѣ онъ заблаговременно сказалъ, что нельзя ему никакъ, не взявъ ничего, со мною помириться, и требовалъ отъ меня по меньшей мѣрѣ 20 десятины.

Удивился я сему смѣшному и негѣлому требованію, и будучи уже удостовѣренъ, что онъ и въ конторѣ отъ меня ничего не получить, не много ему кланялся.

Межевщикъ сколько могъ убѣждать его просьбою, чтобъ онъ старика (такъ называлъ онъ меня) не тоскалъ въ Серпуховъ, увѣряя, что онъ меня по пустому свозитъ; но Михайло мой Алексѣевичъ не туда, а въ гору, а только и твердить: «дай 20 или по крайней мѣрѣ 10 десятины». Наконецъ по долговременномъ уговариваніи, сказалъ: «ну вотъ, послѣднее слово, по двѣ десятины на брата, то-есть 6 десятины, и теперь не говори мнѣ никто болѣе».

Досадно мнѣ было невѣдомо какъ, вида такого упругаго и несговорчиваго человека; но нечего было дѣлать, и я принужденъ уже былъ отмалчиваться.

Наконецъ, какъ мнѣ межевщикъ сталъ говорить, не могу ли я сдѣлать ему хоть маленькой какой уступочки, то рѣшился было я дать ему изъ своей собственной земли двѣ десятины, еслибъ только онъ избавилъ меня отъ ѣзды въ Серпуховъ, куда мнѣ, какъ прибывшему туда на одинъ часъ, безъ денегъ, безъ мундира, безъ постели и рубахи, ѣхать очень не хотѣлось.

Но статочное ли дѣло! г. Пестовъ не туда, и сколько межевщикъ ни увѣрялъ и ни уговаривалъ его, но онъ не хотѣлъ и слушать, а твердилъ только свои 6 десятины.

Видя сіе, сказалъ я наконецъ: «Когда

такъ и когда ѣхать мнѣ необходимо въ Серпуховъ, такъ тамъ не дамъ тебѣ и ничего».

— «Дѣльно, подхватилъ межевщикъ и онъ самъ станеть о томъ послѣ тужить».

Послѣ чего, улуча свободную минуту, спросилъ я у межевщика тихонько, по длинно ли недостаетъ въ дачѣ моей 4 десятины, и какъ онъ меня увѣрилъ, что дѣйствительно такъ, то и не сталъ я болѣе говорить и рѣшился сдѣлать имъ компанію и ѣхать съ ними въ Серпуховъ, ибо признаюсь, что мнѣ тогда и отдаваемыхъ 2 десятины очень жаль было.

Итакъ, пообедавъ всѣ вмѣстѣ у межевщика, отправились мы во градъ Серпуховъ превеликою ватагою, и ѣхать намъ было очень не скучно.

Сидѣли мы почти всѣ вмѣстѣ въ коляскѣ Пестова и непрерывно разговаривали и чему-нибудь смѣялись. Мысль, что ѣхали мы тогда, какъ говорятъ объ однодворцахъ и новгородцахъ, на одной повозкѣ судиться и рядиться, въ особенности развеселяла духъ мой.

Я внутренно тому хохоталъ и смѣялся, но въявь нехотя сему упрямцу и честолюбцу покоряться, ничего болѣе о землѣ говорить не начиналъ.

Напротивъ того г. Пестовъ не одинъ разъ мнѣ повторялъ: «эй воротись; въ Серпуховѣ и половину примѣру дашь!» но я, будучи уже о дѣйствительности недостатка увѣренъ, смѣялся только сему его требованію и въ отвѣтъ ему либо все ничего не говорилъ, либо отвѣчалъ: «Ну! такъ уже и быть, братецъ! отдавать такъ отдавать, и когда поѣхали такъ уже ѣхать, и что уже о томъ говорить».

Наконецъ приѣхали мы уже въ Серпуховъ и какъ было уже очень поздно, то насилу нашли квартиру и стали всѣ вмѣстѣ на простомъ постояломъ дворѣ.

Какъ вечера тогда были уже длинные и осенніе, то скучно намъ было, и мы не знали въ чемъ препроводить намъ время.

Картъ съ нами не было, а сверхъ того хотя бы и можно было выдумать что-нибудь для прогнанія скуки, но я внутрен-

приложеніе къ «русской старинѣ» 1871 г.

но сердился и досадовалъ на г. Пестова а чрезъ то скучно было и всѣмъ.

Наконецъ, не стерпя болѣе самъ скуки, вздумалъ я имъ предложить играть въ кидалку игру, въ которую мы часто иногда дома игрывали и которая была очень забавна.

На полу, подлѣ одной стѣны, начерчивалось мѣломъ два полукружія, одно маленькое и такое, чтобъ въ ономъ могла только улечься маленькая табакирка, и въ ономъ изображалось число 9,—а другое кругомъ онаго поболѣе. Сіе послѣднее раздѣлялось поперечными чертами на 8 отдѣленій, и въ оныхъ изображались мѣломъ числа слѣдующимъ порядкомъ: начиная отъ стѣны 8, 6, 4, 2, 1, 3, 5, 7.

Послѣ чего каждой игрокъ клалъ по условію на тарелку или въ какое судно по сколько-нибудь денегъ въ общую сумму или банкъ, напримѣръ, по гривнѣ, и всѣ по порядку, отступа нѣсколько шаговъ на другой край комнаты, кидалъ въ сіи полукружія поочереди мѣднымъ пятакомъ, и буде кто попадалъ въ оныя, то и бралъ изъ банка столько копѣекъ, на какомъ числѣ ляжетъ пятакъ; а буде кто не попадалъ, или попадалъ, но пятакъ отпрыгивалъ и выкатывался вонъ, такой ничего не бралъ и не приставлялъ. Буде же кто такъ былъ счастливъ, что попадалъ въ число 9 и пятакъ легъ весь или на большую часть въ семъ маленькомъ полукружкѣ, то сей бралъ весь банкъ.

Когда же въ продолженіи игры, за непрерывнымъ выборомъ изъ него, оставалось денегъ уже мало и кидавшій попадалъ въ число множайшее, напримѣръ, оставалось бы только 2 копѣйки, а онъ попалъ въ 6 или 8, то сколько выходило лишнихъ, столько онъ самъ приставлялъ въ банкъ, напримѣръ, 4 или 6; а самое сіе и дѣлало игру сію забавною и составляло душу оной.

Итакъ, тотчасъ отысканъ былъ мѣлъ, начерченъ на полу круги и цифры, и началось дѣло. Скоро игра сія полюбилась всѣмъ чрезвычайно, и мы, оставя всѣ досады, проиграли весь вечеръ и были очень веселы.

Потомъ, когда на то пошло, то смыска-

ны были и карты. Сн досталъ намъ гдѣ-то хозяинъ; но какъ были они не карты, а картишки, то сдѣлался вопросъ, какъ и во что играть? Для иной игры онѣ не годились, иную не всѣ знали, въ иную не всѣ хотѣли; итакъ, и въ семь случаѣ долженъ былъ я что-нибудь выдумывать и предлагать и я не долго думая сказалъ:

— «Молчите, ребята! станемъ-ка играть такъ, какъ люди не играютъ. Вотъ колода, пускай она лежитъ опрокинутою, а мы, поставивъ по сколько-нибудь въ ставку денегъ, станемъ поочереды вскрывать по одной картѣ, и кому случится вскрыть червонную краю, тотъ и бери всѣ деньги, а кто вскроетъ какую-нибудь изъ прочихъ червей, тотъ приставъ копѣйку».

— «Ладно!» закричали всѣ, и давай играть. Итакъ, было и тутъ довольно смѣха, а всего болѣе насмѣшило насъ то, что хозяинъ, стоячи подлѣ насъ и смотря на игру нашу, вдругъ захохотавши сказалъ: «Жая-ста игра, прямая-ста Акулинка!»

Названіе сіе червонной крали намъ очень полюбилось, мы начали сами тому хотовать и прозвали ее и сами Акулиною, и проиграли и въ сію игру долго и насмѣялись довольно.

Наконецъ, дошло дѣло уже и до ужина. Сей былъ у насъ странной, безъ тарелокъ, и безъ вилокъ, а рѣзали и брали все руками. По счастью, случилось съ Пестовымъ жареное мясо, а безъ того были-бъ мы всѣ голодны.

Поужинавши стали мы помышлять о томъ, на чемъ бы намъ спать. Постеля была у одного только межевщика, а у насъ у всѣхъ ничего не было. Соломы въ городѣ взять было негдѣ; нечего было иного дѣлать: купили сѣна и настлали намъ епанчи, а постелю мы всѣ себѣ въ головы; итакъ, по самому походному обыкновенію изряднехопько почъ повалкою на полу и проспали.

Поутру, одѣвшись, начали мы опять говорить о землѣ, и не ходя еще въ контору мириться. Сперва мирился г. Пестовъ съ полозовскими помѣщиками, г. Рудневымъ и Милоховыми, и сн насилу

насилу улаживали и упросили его, чтобъ онъ споръ свой, учиненной въ ихъ дачу, покинулъ и остался при прежнемъ владѣніи. Потомъ сталъ онъ со мною говорить; но какъ онъ отъ своего требованія не отступалъ, то я и говорить болѣе нечего за излишнее; итакъ, пошла мы всѣ въ контору.

Судей тогда никого не случилось въ городѣ, и самъ главной изъ нихъ г. Брянчинъ уѣхалъ въ Москву; итакъ, привелъ насъ межевщикъ къ секретарю Маркову, сему доброму и праводушному старичку, о которомъ я давно много хорошаго слышался.

И подлинно я не могъ довольно налюбоваться его характеромъ. Онъ говорилъ правду какъ рѣзалъ, и какъ дошло до моего дѣла, то онъ безъ дальнихъ оличностей г. Пестову сказалъ: «И не говори судырь про это! а изволь-ка писать сказку; здѣсь тебѣ ничего не дадутъ, а вы останетесь при прежнемъ владѣніи».

Нечего было тогда г. Пестову дѣлать, и онъ принужденъ былъ согласиться и мы всѣ внутренно смѣялись, что онъ остался въ стыдѣ и не умѣлъ брать двухъ десятинъ, которыя я ему давалъ-было, а мое торжество было велико. Я выросъ такъ сказать на вершокъ и не могъ скрыть удовольствія своего о моей побѣдѣ, ибо дѣло кончилось гораздо лучше, нежели я себѣ воображать могъ.

Такимъ образомъ окончивъ сіе дѣло, сходилъ я въ ряды и въ монастырь поглядѣться съ старушкою, почтенною нашею знакомкою, а потомъ, побѣдавъ, поѣхали мы опять всѣ вмѣстѣ въ Грязлово; и я возвратился домой уже поздно, проѣздивъ въ Серпуховъ по крайней мѣрѣ не по пустому и не даромъ.

Возвратившись домой принялся я за обыкновенныя свои осеннія литературныя упражненія, и занялся около сего времени сочиненіемъ спеціальной российской карты Китайскому государству; но выпавшій 5-го числа ноября снѣгъ и наступающая зима отвлекла меня отъ оныхъ и подала поводъ опять къ развѣздамъ и къ свиданіямъ съ друзьями нашими и сосѣдями

и къ разнымъ съ ними занятіямъ, а особливо въ длинныя тогдашніе вечера.

Какъ оба межевщика наши жили все еще на заводѣ и къ намъ ѣзжали очень часто, то для нихъ собирались обыкновенно и всѣ наши сосѣди другъ къ другу; и какъ всѣ мы были на большую часть люди не старые, то всегда съѣзды и компаніи наши были пріятны и мы вечера провождали очень весело.

Мы обыкновенно принимались тотчасъ за карты и играли то въ ту, то въ другую игру, и какъ игравали мы болѣе для увеселенія, то которая изъ нихъ была веселѣе и подавала намъ болѣе поводовъ къ смѣхамъ, та для насъ была и пріятнѣе; когда же наскучивали карты, то принимались мы играть въ фанты.

Относительно до сихъ придумалъ и нвелъ въ употребленіе я также много новостей и все для того, чтобъ были они забавнѣе и веселѣе; когда-жъ случалось приѣзжать къ намъ и дѣвушкамъ съ молодыми боярскими, то должна была иногда и скриница моя подавать имъ поводъ къ плясанію, а иногда и къ танцамъ, и такъ далѣе.

Въ сихъ пріятныхъ и почти ежедневныхъ сельскихъ занятіяхъ и невинныхъ увеселеніяхъ и не видали мы, какъ прошло нѣсколько дней вновь наставшей зимы; а вскорѣ за симъ завелись у насъ въ сосѣдствѣ опять свадебныя дѣла.

У живущаго неподалеку отъ насъ въ деревнѣ Средней Городни, незажиточнаго дворянина и жены моей дальнаго родственника, г. Лихарева, по имени Алексѣя Игнатьевича, была дочь на возрастѣ; за нее сватался также небогатый и молодой дворянинъ изъ фамиліи Волосатовыхъ. И какъ партія казалась сходная и они рѣшились дѣвушку за него отдать, то по назначеніи дня къ сговору приглашены мы были, какъ ближніе родственники, на оный и упрощаемы помочь имъ въ семъ случаѣ всѣми возможнымъ, на что мы охотно и согласились.

Но, о! далась намъ сія свадьба! Было тутъ много всякой всячины, почему не

за излишнее почитаю рассказать вамъ объ ней подробно.

Какъ сговоръ назначенъ былъ въ самой михайловъ день, то-есть 8 ноября, то вмѣсто того, чтобъ праздновать сей день у брата Михаила Матвѣевича на именинахъ, поѣхалъ я съ женою своею къ г. Лихареву.

Намъ надлежало поспѣшать туда къ обѣду, однако мы, какъ знали, дома порядочно позавтракали, ибо сговоромъ продолжилось дѣло до самаго почти вечера, и мы обѣдали почти уже при огнѣ. Впрочемъ и сговоръ сей былъ намъ не очень уже пріятенъ.

Женихъ былъ человѣкъ молодой, служившій въ гвардіи капраломъ, и самой сущій гвардіонецъ или прамѣе сказать удалой молодець. Гвардія наша какъ-то рѣдко производила тогда хорошихъ людей и нравы у молодыхъ болѣе портила, нежели исправляла. — Словомъ, онъ мнѣ съ самаго начала не очень показался. И самые первые его и предводителей его, изъ коихъ одинъ другого былъ удалѣе, поступки непредвзвѣщали мнѣ ничего хорошаго.

Съ нимъ было товарищей двое: одинъ нѣкто г-нъ Нечаевъ, по имени Юма Ивановичъ, человѣкъ немолодой, простой, недалнихъ замысловъ, отставной драгунской офицеръ; а другой истинно не знаю кто такой, а только знаю, что былъ того еще старѣе, того еще простѣе, того незамысловатѣе и бѣднѣе, въ овчинной шубѣ покрытой зеленымъ солдатскимъ сукномъ. Вотъ вся его свита, сторона и предводители, и отъ такихъ людей можно-ль было ожидать чего хорошаго и порядочнаго.

Съ нашей же стороны было-таки изрядное собраніе. Былъ я съ женою, былъ г. Ладыженскій съ женою, была еще одна госпожа, свояченица хозяйская, и у насъ все было какъ водятся къ сговору приготовлено, но все пошло какъ-то не ладно.

Женихъ приѣхалъ какъ-то не вовремя и очень еще рано, такъ что невѣста не начинала еще и одѣваться; итакъ, при-

нужденъ онъ былъ нѣсколько часовъ дожидаться.

Въ сіе время не могли мы никакъ усадить жениха. Будучи очень зябокъ, стоялъ онъ все у печи и шалберилъ совсѣмъ не кстати и такъ, какъ жениху въ такомъ случаѣ нимало не пристало. Разговоры же и поступки его съ нареченнымъ тестемъ были мнѣ очень удивительны.

Однако какъ бы то ни было, однако наконецъ сговорили мы ихъ и обѣдали по томъ порядочно и какъ водится. Но удивительно было только то, что женихъ ничѣмъ не дарилъ невѣсту, да и вовсе на ее не смотрѣлъ и ничего съ нею не говорилъ, однимъ словомъ, и не походило на то, чтобъ онъ женихъ былъ.

Послѣ стола было намъ таковожь скучно, какъ и до обѣда; говорить было не съ кѣмъ, а вмѣсто музыки догадало г. Нечаева заставить быннаго тутъ понапропѣть что-нибудь; а тотъ, будучи тому радъ, и ну орать съ картавымъ своимъ сыпомъ, а г-нъ Ладыженскій имъ подтягивать.

Признаюсь, что сего рода увеселенія въ компаніяхъ совсѣмъ для меня неприличныи и всего скучнѣйшими казались, а особливо некстати было пѣть наговорѣ. Итакъ, я, удалившись, въ скукѣ сидѣлъ подлѣ печки и грѣлся между тѣмъ, какъ ходили рюмки. Однако все сіе плотски такъ и сякъ, по наконецъ женихъ все подгадывалъ.

Вышедши въ другую половину несло ихъ съ нареченнымъ тестемъ, и они начали говорить о рядной и о подпискѣ оной. Женихъ не хотѣлъ подписывать прежде, покуда не женится, а тестъ тѣмъ былъ недоволенъ. Итакъ, слово за слово и дошло у нихъ до крупнаго.

Мы также человекъ по человекъ собрались туда-же, и скоро крупной разговоръ сдѣлался общимъ. Я какъ ни былъ въ такихъ случаяхъ молчаливъ, однако не могъ вытерпѣть, чтобъ тутъ же не вмѣшаться. а особливо когда женихъ, оставя всю благопристойность въ семь случаѣ, вралъ нелѣпую и хотѣлъ сдѣлать всѣхъ насъ неслышными, а одного себя умнымъ.

Итакъ, принуждены мы были ей казывать, что мы не пѣшки, и что і на насъ не на дураковъ напалъ. вздоръ продолжался болѣе часа и дило-было до хорошей брани, и намъ разстались ни на чемъ и не очень гл такъ что мы и не знали что послѣ послѣ.

Проводивъ жениха, спѣшили мы і домой, и досадовали, что помянъ вздоръ продержалъ насъ до ночи. і намъ было хотя недалеко, но очень ду а притомъ было чрезвычайно холодо морозно.

Мы приѣхали на саняхъ, и какъ і ны мы были при переѣздѣ чрезъ р Трешню спускаться съ прескверно крутой горы, и чрезъ самую ее пер раться на весьма скверномъ и безц номъ переѣздѣ, то по случаю бер ности моей жены, озабочивался я с ея положеніемъ и боялся, чтобъ она бя неповредила; однако мы переш лись и доѣхали до своей деревни б получно.

Тутъ разсудилось намъ заѣхатъ вечеръ къ имяннику; но какъ см намъ, что вѣтъ нѣкого дома и хо со всѣми гостями своими уѣхали въ вѣю Никитичу, то проѣхали и ни і и тамъ замѣнили въ скудѣ проведе день провожденіемъ вечера очень и въ разныхъ играхъ и увеселеніяхъ, наконецъ мы и ужинали.

Превеликая стужа, соединенная ужасною мятелью, принудила насъ послѣдующіе дни проводить дома, а ня заняли продолженіемъ перевода . тешестнія въ Китай», г. Нейгофа, в таго уже за нѣсколько до сего врем Между тѣмъ, собирались мы ѣхат помянутую свадьбу, которой поло было быть вскорѣ.

Сія свадьба приближалась къ і какъ гора нѣкая, и я могу сказать, никогда не ѣзжалъ я съ такою неохо какъ въ сей разъ, не для того, что б они люди небогатые, но для того, женихъ-то казался быть безпутнымъ; о самомъ тестѣ не знали мы какъ

дять, и потому другого и ожидать было не можно, кромѣ вздора и безпутицы, а къ тому-жь, и крайняя дурнота погоды умножала до того смущеніе, что помышляли уже мы о томъ, чтобъ и отказаться. Но приѣхавшая къ намъ невѣстина мать и съ слезами насъ для самого Бога просящая, чтобъ ее въ семъ случаѣ не оставить, принудила насъ согласиться на ея просьбу, и не только дать слово самимъ на утроѣ ѣхать для провожденія невѣсты къ церкви, но и дать ей въ тотъ же еще день, для отвоза приданого, людей и женщину, долженствующую отправлять при томъ должность такъ-называемой барской барыни.

Такимъ образомъ въ послѣдующій день надежало намъ на свадьбу сію ѣхать. Погода была и въ сей день наисквернѣйшая: превеликая мятель соединена была съ жестокою стужею и съ сильнымъ вѣтромъ; словомъ такая, какой хуже быть не можно и въ какую выбитые со двора не ѣздятъ. Истинно, какъ говорится, рубль бы отъ души далъ, чтобъ только не ѣздить; но какъ миновать было никакъ не можно, то съ самаго утра начали мы собираться въ сей путь, и горевали съ женою какъ быть и какъ ѣхать.

Мы приѣхали часу въ одиннадцатомъ въ Городню, и нашли уже тамъ приглашеннаго къ тому же г-на Ладыженскаго, упражнявшагося съ хозяиномъ въ считаніи денегъ.

На сговорѣ условлено было, чтобъ отецъ далъ нѣкоторую сумму наличныхъ денегъ, и тутъ встрѣченъ я былъ неприятнымъ извѣстіемъ, что бѣднякъ г. Лихаревъ какъ ни метался всюду и всюду для отысканія помянутыхъ денегъ, но не могъ никакъ отыскать всего количества и что не доставало еще 60 рублей въ ту сумму, которую намъ съ собою взять надлежало по договору.

Обстоятельство сіе было для меня тѣмъ неприятнѣе и сумнительнѣе, что всѣмъ намъ было извѣстно то, что женихъ именно отзывался, что онъ ни въ полущкѣ болѣе 20-ти рублей въ долгъ не повѣритъ.

Итакъ, предвидѣлъ я и не сомнѣвался, что въ церкви произойдетъ сумятица, а потому и не хотѣлось мнѣ крайне ѣхать, и я дѣйствительно не поѣхалъ бы, если-либъ было можно. Но какъ приданое было уже услао и не ѣхать никакъ было не можно: то съ общаго совѣта положили мы, приготовить и взять въ недостающемъ числѣ отъ отца вексель въ той надеждѣ, что по крайней мѣрѣ уговоримъ жениха, когда не тестю, такъ намъ повѣрить.

Итакъ, сыскавъ перо и бумагу, посадили мы господина Руднева за столъ и велѣли писать вексель.

Между тѣмъ какъ сіе происходило, подѣхала къ намъ приглашенная къ тому-жь хозяиномъ г-жа Звягина съ сыномъ.

Госпожу сію звали Анною Игнатьевною, и мнѣ хотя случалось ее нѣсколько разъ видать, но знакомства съ нею не было, а сына ея я впервой разъ еще тогда видѣлъ. Его звали Егоромъ Ивановичемъ и былъ онъ челоуѣкъ молодой гвардейской офицеръ и малой доброй.

Радъ я неѣдомо какъ былъ сему умноженію нашей компаніи, а особливо, что съ нами была почтенная и такая боярыня, которая умѣла говорить и въ нужномъ случаѣ требованія уважить. Съ сыномъ же ея мы тотчасъ познакомились и сочлись еще роднею, а именно, что жень мой доводился онъ правнучетной братъ. Но сдружило насъ не столько сіе, какъ то, что мы нравами были нѣсколько между собою сходны.

Приѣздъ сей госпожи былъ мнѣ и по другимъ двумъ обстоятельствамъ весьма приятенъ, во-первыхъ, что привезла она съ собою еще 25 рублей денегъ, и хозяинъ прыгаючи почти отъ радости сообщилъ намъ о томъ извѣстіе; и какъ не доставало тогда только 15-ти рублей, ибо въ 20-ти рубляхъ хотѣлъ женихъ уже вѣрить: то и думали мы всѣ, что неужели будетъ онъ такъ безсовѣстенъ, что намъ всѣмъ и въ пятнадцати рубляхъ не повѣритъ.

Во-вторыхъ, и что всего для меня бы-

ло пріятнѣе, то жена моя могла тогда отъ сей трудной, безпокойной, и по тогдашнему дурному пути, ей въ разсужденіи беременности ея небезопасной поѣздки избавиться, ибо было тогда и кромя ей кому съ нами ѣхать, на что послѣ нѣсколькихъ затрудненій всѣ были и согласны и ей остаться дозволили.

Между тѣмъ приближалось время уже къ вечеру и мы, пообѣдавъ тутъ, спѣшили ѣхать; но совсѣмъ тѣмъ не могли прежде отправиться, какъ уже въ сумерки, такъ что не успѣли еще доѣхать до большой дороги, какъ совсѣмъ уже смерклось.

Теперь разсудите, каково было намъ ѣхать темною ночью и по самой скверной дорогѣ. Совсѣмъ тѣмъ ѣхать намъ было не скучно: всѣ мы четверо, то-есть я, г. Звягинъ, Рудневъ и г. Ладыженскій сѣли въ одинъ возокъ, а невѣста съ госпожами ѣхала въ другомъ, и какъ говорится въ пословицѣ, что на людяхъ и смерть красна, то было тогда то-же почти и съ нами.

Ѣзда была какъ ни безпокойна, но какъ съ нами былъ г. Ладыженскій, то шутивый и веселый его нравъ веселилъ насъ всѣхъ и заставлялъ безпрерывно хохотать и смѣяться, и чрезъ то менѣе чувствовать непріятности съ путешествіемъ симъ сопряженныя.

Ѣзда наша продолжалась большою тульской дорогою на немалое разстояніе, ибо положено было вѣнчать въ одномъ волостномъ селѣ Егорѣ, неподалеку отъ Азаровки находящемся, куда ѣдучи какъ ни старались мы спѣшить, но не прежде могли пріѣхать, какъ уже очень поздно и часу въ десятomъ вечера.

Первая наша забота была, чтобъ узнать тутъ ли и пріѣхалъ ли женихъ. И какъ намъ сказали, что онъ давно уже тутъ и насъ у попа въ домѣ дожидается, то имѣя нужду съ нимъ прежде переговорить, пошли мы къ нему; и тогда началась такая комедія, какой я во всю жизнь не видалъ и не уповать видѣть, и которую изобразить точно перомъ мое далеко не въ состояніи.

Господина жениха застали мы въ переднемъ углу спящаго, и по разбуженіи ломающагося, вихляющагося и, какъ казалось, о нескоромъ нашемъ пріѣздѣ въ крайнемъ неудовольствіи находящагося.

Свита его состояла изъ двухъ только человѣкъ: одинъ былъ молодчикъ молоденькій г. Хрущовъ, Федоръ Гавриловичъ, а другой прежній стариченда г. Барщовъ. Первый изъ нихъ порядочнымъ образомъ раздѣвшись спалъ, и сталъ при насъ только одѣваться, а второго сначала мы и не видали.

Поздоровкавшись, начали мы тотчасъ говорить, чтобъ приступитъ къ дѣлу; но не успѣли сказать, что деньги не всѣ, и что мы въ 35-ти рубляхъ привезли вексель, какъ женихъ нашъ въ гору, и предчувствіе мое совершилось во всей мѣрѣ.

Онъ не только въ 35-ти рубляхъ, но ни въ одной полупшкѣ не хотѣлъ нареченному своему тестю вѣрить. Мы такъ, ни съязъ, но онъ не туда. Наконецъ дошло до того, что онъ и векселю тестеву въ 20-ти рубляхъ не хотѣлъ вѣрить, а требовалъ отъ Ладыженскаго, чтобъ онъ далъ ему вексель на себя, а мы бы всѣ засвидѣтельствовали и поручились.

Мы говорить, чтобъ онъ и въ 15-ти рубляхъ повѣрилъ, но не тутъ-то было. Онъ не хотѣлъ никакъ вѣрить. Мы всѣ уже ручались въ томъ и хотѣли дать ему уже вексель на себя, но онъ ничему не вѣрилъ, такая шаль неслыханная и дуралей неизобразимой!

Какъ ни у кого изъ насъ денегъ не случилось и помянутыхъ 15-ти рублей взять было негдѣ, то при такомъ неслыханномъ жениховѣ упрямствѣ и невѣрїи другого не оставалось, какъ ѣхать отъ церкви съ невѣстою прочь; но мы не успѣли о томъ промолвить, какъ глядимъ, началъ попъ собираться ѣхать.

Досадно намъ тогда невѣдомо какъ было, и поелику намъ въ самомъ дѣлѣ прочь ѣхать не хотѣлось, то хотя и озлились мы на жениха нашего за его неуваженіе ко всѣмъ намъ и глубѣйшее невѣріе, однако положили еще разъ испытать и усовестить къ уговариванію его всѣ у

Но что мы ни говорили и хоть часа два съ нимъ провозились, но не могли ничего сдѣлать. Поговоримъ и побранимъ его, да пойдѣмъ къ боярынямъ, сидящимъ у дьячка, горевать и ругать заочно жениха; а между тѣмъ другой ругаетъ его въ глаза, но онъ не смотрѣлъ и на то нимало, былъ какъ сущій столбъ и нимало на всѣ наши убѣжденія не склонялся.

Наконецъ, какъ мы уже хотѣли совѣмъ ѣхать и стали требовать назадъ приданого, то насилу-насилу изволилъ согласиться повѣрить до послѣдующаго дня, и то одному только г. Звягину подѣ строжайшей кексель.

Что было дѣлать? принужденъ былъ тотъ писать оный. Но того было еще недовольно, и онъ требовалъ, чтобъ мы всѣ въ поручительствѣ подписались. Досадно было намъ все сіе чрезвычайно, и мы на зло ему сего уже не сдѣлали и его не послушались.

Такимъ образомъ, уговоривъ нашего быка, велѣли мы принести деньги. Большая половина была ихъ мѣдныхъ, однако онъ не только безъ счету не хотѣлъ принимать, но и считать никому не повѣрилъ кромѣ самого себя.

Итакъ, началъ ихъ считать, а мы между тѣмъ досадовали и только его бравили, ибо и за сямъ считаньемъ принуждены были долгое время еще мѣшкать.

Наконецъ, увидѣлъ онъ, что дурно и что дурачество его уже изъ границъ выходило, не сталъ болѣе считать, и повѣрилъ подѣ поручительствомъ нашимъ и запечатавъ мѣшки, отдалъ слугѣ, а самъ, по требованію нашему, подписалъ рядную.

Я находился при семъ въ превеликомъ страхѣ, чтобъ онъ не испортилъ рядной и не написалъ въ ней чего ненадобнаго, ибо писалъ онъ не то, что ему сказывали, и на всякомъ словѣ долго думалъ.

Но какъ бы то ни было, но наконецъ подписалъ и мы рады были, что дѣло кончено, и повели раба Божіа къ боярынямъ, чтобъ повидаться съ невѣстою, или послушать новыхъ ругательствъ, что я слушалось въ самомъ дѣлѣ.

Госпожа Звягина, будучи боярыня хватъ, подлинно его отхватала: слова «бестія», «с... въ смѣхъ» и другія тому подобныя, принужденъ онъ былъ слышать въ глаза ему говоренныя. Но какъ бы то ни было, но мы пошли наконецъ въ церковь, и рады были, что приходило дѣло къ окончанію и вся комедія кончилась.

Однако всѣ мы въ томъ крайне обманулись и нимало того не думали, что оставалось намъ еще одну и самую лучшую сцену видѣть.

Уже поставили ихъ рядомъ, уже началъ священникъ священныя обряды, уже обручилъ ихъ кольцами, и уже надлежало имъ ставоваться на подножье — какъ вдругъ женихъ нашъ началъ что-то бормотать объ рядной.

Не былъ-ли онъ глупецъ самой величайшей! Самъ онъ ее подписалъ и при самомъ при немъ взяли мы ее къ себѣ какъ водится; но тутъ вдругъ встрянулся онъ ее, и говорилъ для чего она не у него?

Мы, примѣчая его бормотанье, взглядывали только другъ на друга и шептали отъ превеликаго удивленія. «Батюшки мои! говорилъ я своимъ товарищамъ: не новое-ли какое дурачество онъ затѣваетъ, и что это такое?»

Г. Ладыженскій, какъ старшій изъ всѣхъ насъ, подошедъ ко мнѣ шепталъ мнѣ: «Уйду я съ рядною въ алтарь, пускай же онъ меня тамъ ищетъ». Мы отвѣтствовали ему: уйди и спрячься.

Но мы еще симъ образомъ между собою шутили, какъ между тѣмъ женихъ поднялъ уже сущій мятежъ и кричалъ пону, чтобъ онъ вѣнчать переставалъ, и что онъ болѣе вѣнчаться не хочетъ.

Теперь вообразите себѣ, любезный пріятель, каково намъ было видѣть и слышать сіе новое, странное, неслыханное и глупое явленіе: всѣ мы захохотали во все горло, и отъ смѣха не знали, что говорить. Однако скоро смѣхъ нашъ миновался. Женихъ нашъ сдѣлался совершеннымъ уже скотомъ, и требовалъ, чтобъ мы неотмѣнно отдали рядную ему.

«Что это такое? говорили мы ему: что

ты затѣваешь, и слыханное-ли это дѣло, чтобъ рядной быть у тебя! На чтожь она писана, на чтожь и подписывалъ ты ее, чтобъ не быть ей у твоего нареченнаго теста!»

Но, что мы ни говорили, ничто не помогало. Женихъ ревѣлъ какъ быкъ и никому подъ ладъ не давался. Мы его увѣрять, что это такъ водится во всемъ свѣтѣ, что рядная остается въ родѣ, но онъ и не помышлялъ намъ въ томъ вѣрить: но кинулъ свѣчу и не хотѣлъ безъ того вѣнчаться.

И тутъ-то произошла сущая комедія. Мы всѣ разсердились чрезвычайнымъ образомъ, и кричали, бранили, ругали его какъ негоднаго человѣка; попъ вступился: ну ризы съ себя скидывать долой, ну тащить стихарь съ дьякона, а немного погоды, ну опять надѣвать, опять совать ему свѣчу въ руки. Тотъ не беретъ, а кричить и вопить. Попъ опять ризы долой; и однимъ словомъ, эта была не свадьба, а комическое зрѣлище, достойное представлено быть на театрѣ.

Долго сіе и истинно съ часъ почти продолжалось, и мы такъ разсердились, что вышли изъ предѣловъ.

Госпожа Звягина едва въ обморокъ отъ крика не упала, и насилу успѣли ей принести воды; невѣста обливалась слезами, и расхаробрился и приступалъ къ жениху уже непутнымъ дѣломъ. Но все не помогало: это былъ пень, неимѣющій стыда ни въ одномъ глазѣ.

Наконецъ другого намъ не оставалось, какъ взять невѣсту за руку и вести изъ церкви вонъ. И какъ съ нею мы къ сей крайности приступили, то тогда-то уже насилу-насилу товарищи его уговорили дурака.

Но болѣе убѣдило его, какъ думаю, то, что мнѣ вздумалось ему грозить, что онъ не только намъ всѣмъ безчестье заплатить, но и приданое все по подписанной рядной, и столько сколько написано въ ней, отдастъ.

Итакъ, согласился наконецъ нашъ женихъ, да и насъ всѣхъ его свита упро-

сила, чтобъ мы гнѣвъ свой преложили на милость, и дѣло бы окончили.

Мы послушались какъ-бы нехотя и дозволили вѣнчать, ругая между тѣмъ его немилосерднымъ образомъ: и онъ во все продолженіе вѣнчанья только плакалъ и слезы текли у него изъ глазъ ручьями.

Однако и тутъ дѣлалъ онъ разныя дурачества и, во-первыхъ, ставши на подножье невѣстѣ сказалъ:—«Да!—еслибъ я это вѣдалъ, такъ хотя-бъ было за тобою пять тысячъ, такъ бы тебя не взялъ».—И можно-ли чему глупѣе быть сего?

Во-вторыхъ, какъ стали переносить поить, то вдругъ женихъ нашъ не сталъ выпивать достальнаго и говорилъ: «развѣ вы меня подавить хотите!» Но какъ бы то ни было, но наконецъ обвѣнчали.

Мы такъ были злы на него, что еслибъ только можно было, то кинули-бъ невѣсту и, навязавъ ему ее на шею, всѣ уѣхали; но какъ нельзя было того сдѣлать, то поѣхали всѣ къ нему въ твердомъ намѣреніи, чтобъ отнюдь у него не ночевать, а ѣхать прочь, чего ради и выпросили себѣ квартиру въ домѣ г. Хрущова, который тутъ былъ.

Приѣхавъ въ домикъ къ жениху нашли мы изрядный во всемъ порядокъ и такой, какого мы никогда не ожидали. Столъ былъ у него по обыкновенію уже готовъ, и насъ встрѣтилъ какъ надобно; женихъ нашъ былъ какъ бы въ воду опущенный и ничего не говорилъ.

Пуживавши кое-какъ и по отведеніи бракосочетавшихся по обыкновенію въ браутскамеру, стали собираться ѣхать; но какъ было уже очень поздно, то вдругъ, желая скорѣе покоя, перемѣнили мнѣніе и остались ночевать тутъ.

Мы, мужчины, ушли, выпросивъ себѣ постели, въ людскую избу, а боярыни ночевали въ хоромахъ. Правда, ночлегъ былъ намъ не то что хорошъ: спали мы всѣ на неровномъ полу повалкою, но отъ такой свадьбы можно-ль было и ожидать лучшаго, когда и на хорошихъ нерѣдко послуживому ночуютъ.

Въ послѣдующій день, то-есть на княжой пиръ ни думано ни гадано было у

нашъ новос явленіе. Женнхъ нашъ власно какъ переродился, сдѣлался совсѣмъ не тотъ и человекъ, не только какъ человекъ, но еще и изрядный, и мы всѣ имъ сдѣлались довольны. Таковъ сдѣлался учтивъ, таковъ ласковъ, таковъ веселъ, что лучше желать и требовать было не можно, на что смотря и вся компанія была очень весела и радостна.

Всѣ не только у него остались обѣдать, но многіе, по неотступной просьбѣ молодыхъ хозяевъ, и еще почевать почь.

Княжой пиръ происходилъ какъ водится и всѣ были довольны. Однимъ словомъ, какъ наканунѣ было слишкомъ ненастно и смутно, такъ на утро слишкомъ ведрено и ясно, и веселости до того простирались, что и до обѣда уже, по деревенскому обыкновенію, была скачка и пляска.

Меня унимали также хозяева и приѣхавшіи туда же тестъ и теща почевать у нихъ еще ночь. Но я спѣшилъ домой для ожидаемыхъ къ себѣ гостей, весьма драгоценныхъ и любезныхъ и не могъ желанія всѣхъ выполнить.

Итакъ, распрощавшись со всѣми, а особливо съ г-жею Звягиною и ея сыномъ, съ которымъ мы въ особенности при семъ случаѣ сдружились, поѣхалъ я домой.

Симъ-то образомъ сыграли мы сію свадьбу, которая странностію своею была такъ для меня достопамятна, что я и понынѣ, проѣзжая большою тульскою дорогою, неподалеку отъ сей деревни въ виду въ лѣвой сторонѣ подлѣ Руднева находящейся, не могу никакъ, чтобъ не вспомнить оной и напомнивши все бывшее не посмѣяться.

Женившійся живъ и понынѣ, но я его почти ни однажды послѣ того времени не видалъ, а слышу только, что и вся жизнь его была не то-то что хороша и похвальна.

Но я заговорился уже, и мнѣ пора давно перестать и сказать вамъ, что я емь нашъ и прочая.

(Декабря 12 дня 1807 года).

Письмо 147-е.

Любезный пріятель! При концѣ послѣдняго моего письма упомянулъ я, что я съ свадьбы поспѣшалъ домой въ ожиданіи къ себѣ драгоценныхъ и любезныхъ гостей. Теперь разскажу вамъ, кто таковы они были.

Во время отсутствія моего и ѣзды въ Капшинъ, случилась тещѣ моей нечаянная изъ дома отлучка. Отецъ ея, а дѣдъ родной жены моей, Аврамъ Семеновичъ Арцыбышевъ писалъ изъ Цивильска къ ней и къ невѣсткѣ своей, Матренѣ Васильевнѣ, что какъ дни его приближаются къ окончанію, а здѣшнее имѣніе не совсѣмъ еще было утверждено его внуку, сыну помянутой госпожи Арцыбышевой, и ему хотѣлось прежде кончины своей въ здѣшнія мѣста приѣхать и дѣло сіе сдѣлать, то предлагалъ онъ ей, чтобъ она сама къ нему въ Цивильскъ за нимъ приѣхала и пригласила-бъ съ собою и родственника ихъ, Ивана Аванасьевича Арцыбышева, а буде-бъ можно было и дочь свою, а мою тещу; а сія охотно на то и согласилась.

Итакъ, всѣ они и отправились тогда въ сей дальній визовой путь и взявъ съ собою старика, благополучно около самаго сего времени возвратились, но за Окою рѣкою, неставшею еще тогда, принуждены были прожить нѣсколько дней въ Серпуховскомъ уѣздѣ у помянутаго нашего родственника. И какъ въ послѣднюю стужу стала и Ока и мы услышали, что чрезъ нее начали ѣздить, то и ждали мы ихъ къ себѣ ежедневно, и я, приѣхавъ домой, дѣйствительно уже и нашелъ ихъ у себя въ домѣ приѣхавшими.

Не могу изобразить, какъ обрадованъ я былъ приѣздомъ къ намъ сихъ гостей любезныхъ. Почтенному старичку сему, который такъ ласково и благоприятно угощалъ меня у себя въ Цивильскѣ, никогда еще въ домѣ у меня быть не случилось, и я въ особенности былъ радъ его приѣзду и старался угостить его всядчески,

Несмотря на всю свою глубокую старость, былъ онъ нарочито еще въ силахъ и довольно крѣпокъ, чѣмъ мы въ особенности были довольны; и какъ онъ во все пребываніе свое въ предѣлахъ тутошнихъ располагался жить не у насъ въ домѣ, а у своей невѣстки и внучатахъ въ Калединкѣ, то и просили мы его погостить у насъ по крайней мѣрѣ нѣсколько дней. въ которые старались мы доставить ему возможнѣйшія удовольствія, а потомъ проводили его сами до Калединки и тамъ нѣсколько дней пробыли.

По возвращеніи домой, несмотря на испортившійся по случаю превеликой оттепели путь, предлежала мнѣ другая дорога.

Возвратился около сего времени изъ Москвы другъ мой, г. Полонскій, и надобно было у него побывать.

Я ѣздилъ къ нему одинъ, ибо за дурнотою дороги жену взять никакъ было не можно.

Осень у насъ въ сей годъ была самая дурная и непостоянная. Нанавшій снѣгъ отъ оттепели и дождей опять сошелъ, и мы принуждены были опять таскаться на колесахъ; послѣ чего послѣдовали опять морозы, опять выпалъ снѣгъ и опять сходилъ, и такая беспорядица продолжалась во весь ноябрь мѣсяцъ, и всѣ ѣзды кое-куды, а особливо въ Калединку были намъ крайне отяготительны.

Во все сіе время не произошло со мною ничего особеннаго. Я занимался болѣе своими литературными упражненіями, а 27-го числа сего мѣсяца случилось со мною нѣчто смѣшное и забавное, о чемъ сколько-нибудь упомянуть почитаю за излишнее.

Въ сей день по утру сидѣлъ я въ своемъ кабинетѣ и занимался переводомъ, какъ вдругъ вижу, что приѣхалъ на дворъ гость парю и въ негоднѣйшихъ саншкахъ; къ удивленію моему остановился онъ посреди двора, и сошедъ съ саней, шелъ къ хоромамъ пѣшкомъ въ кирейкѣ, подбитой овчиною, покрытой краснымъ солдатскимъ сукномъ и препоясанной офицерскою шнагою.

Вышедши въ лакейскую, не могъ я уз-

нать кто-бы такой это былъ, но какъ онъ бормоталъ, что ѣдетъ на заводъ и дѣлать къ г. Полонскому и разсудилъ мимоходомъ мнѣ заѣхать, то показись мнѣ, что былъ то одинъ нѣсколько знакомый мнѣ родственникъ г. Ладженскаго, я и принялъ его какъ должно было. Но какъ привелъ его въ столовую, то увидѣлъ, что былъ то не онъ, а человекъ совсѣмъ мнѣ незнакомый.

Сталъ я въ пень и не зналъ, что мнѣ дѣлать и какъ съ нимъ обойтись, но принявши его какъ знакомаго, совсѣмъ мнѣ было его спросить кто онъ таковъ. Между тѣмъ бормоталъ и говорилъ онъ такъ, какъ бы надобно какому несобсанному вѣмцу, и всѣ поступки его были совсѣмъ странныя, что меня еще болѣе удивило.

Не успѣлъ онъ сѣсть, какъ требовалъ, чтобъ лошадямъ его дали овса и поддѣлали подъ санки его поддѣлки.

Усмѣхнулся я сему требованію и говорю: «хорошо, все это будетъ сдѣлано, а между тѣмъ гори петербургостію узнать кто-бы это былъ таковъ».

По счастью извѣстилъ онъ меня самъ уже о томъ, кто онъ таковъ, а именно, что зовутъ его Андреемъ Михайловичемъ, что прозывается онъ г. Пушкинъ; что братъ онъ Николаю Михайловичу; что сей отнял у него его лакея и что теперь ѣздить онъ по всему міру крещеному на чужихъ лошадяхъ, на чужомъ коштѣ и въ чужомъ платьѣ, однимъ словомъ былъ сущій волокита, и проживалъ гдѣ день гдѣ два, и вездѣ служилъ вѣсто шутика.

«Хорошъ! хорошъ!» говорилъ я самъ себѣ сіе услышавъ и будучи до такихъ людей неохотникомъ, былъ я ему не очень радъ и спѣшилъ какъ бы скорѣе его отъ себя сировадить, и для того велѣлъ скорѣе уже накрывать на столъ; но какъ подѣхала къ обѣду г-жа Ладженская, Авдотья Александровна, то началась у насъ тогда сущая комедія.

И до того ни мало и не зналъ, что господа сія имѣла искусство съ симъ родомъ людей особливимъ образомъ и такъ

■ обходиться, что всякому должно со смѣху надѣяться; итакъ, тотчасъ и начала она надъ нимъ шутить и шпынять съ такимъ искусствомъ, что я замучился дѣлая себѣ принужденіе, чтобъ при гостѣ не хохотать и принужденъ былъ уходить вонъ, чтобъ нахохотаться по волѣ.

■ Наконецъ, гостю моему мой пріемъ и угощеніе такъ полюбилось, что захотѣлось ему и ночевать у насъ. Но какъ мнѣ сего не гораздо хотѣлось, то великаго труда стоило уговорить его продолжать свое путешествіе къ г. Полонскому, и я принужденъ былъ дать ему проводника до Зыбняки, и невѣдомо какъ радъ былъ, сживъ съ рукъ такого неожиданнаго друга и пріятеля.

Вскорѣ послѣ того при начавшемся декабрѣ приближался нашъ годовой праздникъ. Мы затѣвали-было праздновать его порядочнымъ образомъ, и я нарочно прибралъ-было свой кабинетъ къ сему времени и расписалъ въ немъ обои и печку; но такъ случилось, что изъ сосѣдей и пріятелей нашихъ никому почти быть было не можно: иные были въ отлучкѣ, иной самъ былъ имянинникъ, иной боленъ.

Итакъ, думали мы, что будетъ у насъ только помянутый почтенный старпчокъ, дѣдъ жены моей съ его невѣсткою, Матреною Васильевою; но противъ чаянія и въ самый праздникъ наѣхало и набралось столько гостей, что намъ ихъ и за столомъ усадить было негдѣ, и досталось даже другой горницѣ; и мы весь сей день провели весело, и многіе гости у насъ даже и ночевали и провели другой день у насъ въ разныхъ увеселительныхъ упражненіяхъ.

А на вечеръ всѣ мы ѣздили къ сосѣду моему Матвѣю Никитичу, куда при насъ подѣхалъ и родственникъ его, Василій Панфиловичъ Хвощинскій, который не успѣлъ меня увидѣть, какъ при всемъ обществѣ началъ поздравлять меня съ полученіемъ золотой медали въ награжденіе за лучшее сочиненіе предъ всѣми прочими «наказа для управителя», утѣряя, что онъ читалъ о томъ самъ публикацію въ газетахъ.

Легко можно заключить, что извѣстіе сіе меня крайне обрадовало и тѣмъ больше, чѣмъ было неожиданнѣе; ибо я такъ мало надѣялся, что перестать уже и ждать, а всего менѣе думалъ, чтобъ опубликовано было о томъ въ газетахъ.

Всѣ сосѣди и гости, случившіеся тогда тутъ, поздравляли меня съ сей оказанною мнѣ честью и я принималъ съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ сіи поздравленія, что утѣшала меня та мысль, что сей случай сдѣлаетъ ния мое всему государству извѣстнымъ и спознакомитъ со всѣмъ ученымъ свѣтомъ.

Отпраздновавъ помянутой праздникъ, всѣ послѣдующіе потомъ дни проводилъ я по привычкѣ моей въ непрерывныхъ и разныхъ упражненіяхъ, сколько мнѣ разлѣзды по гостямъ и угашиванія у себя часто пріѣзжавшихъ гостей дозволяло.

Я занимался наиболѣе въ сіе время отчасти въ разномъ рисованіи, отчасти въ разныхъ выдумкахъ вещицъ, служащихъ къ увеселенію.

Частое свиданіе съ сосѣдями и всегдашнее провозженіе съ ними времени въ разныхъ играхъ подавало мнѣ къ тому поводъ, и все шло хорошо, весело и пріятно; какъ вдругъ въ половинѣ сего мѣсяца пораженъ мы были нечаянно такимъ извѣстіемъ, которое всѣхъ насъ и огорчило, и озаботило и заставило позабыть на время всѣ наши забавы и удовольствія.

Привезъ оное намъ сосѣдъ нашъ г. Хитровъ, и состояло оно въ томъ, что въ старушкѣ-Москвѣ нашей было нездорово, и что оказывается моровая язва.

Сіе было еще самое первое извѣстіе о семъ ужасномъ несчастіи, которому вскорѣ послѣ сего подверглась сія столица.

Сказывалъ онъ намъ сіе хотя не со всѣмъ за достовѣрное и почиталъ болѣе самъ сіе за одни враки; но какъ за нѣсколько уже времени носились слухи, что язва или такъ тогда называемая чума давно уже свирѣпствовала въ Кіевѣ, и что распространялась часть отъ часу болѣе, дошла уже и до Сѣвска, то судили мы, что весьма легко дойти заранѣе и

до Москвы и быть кѣмъ-нибудь туда завезенной. Сверхъ того и приѣзжіе изъ Москвы сказывали и разглашали повсюду, что въ оной всѣ ѣдятъ чеснокъ и оный при себѣ въ предосторожность отъ поветрія носятъ.

Какъ несчастія сего никто тогда еще не испытывалъ и о чумѣ сей никто прямого понятія не имѣлъ, и зло сіе всѣми воображаемо было несравненно величайшимъ и пагубнѣйшимъ, то помянутое извѣстіе смутило всѣхъ насъ чрезвычайно, погрузило духъ нашъ въ уныніе и яреисполнило сумнительствами и опасеніемъ.

Всѣ мы твердили только, что еслии въ Москвѣ язва дѣйствительно оказалась, или окажется, то вѣрно не замедлитъ посѣтитъ и насъ, и мы, живучи почти на большой дорогѣ, всего легче можемъ также подвергнуться сему несчастію; а сіе и нагоняло на насъ предварительно страхъ и ужась. И наше счастье еще было, что извѣстіе сіе было не совсѣмъ еще тогда достовѣрно, и мы льстились надеждою, что можетъ быть то еще и неправда.

Такимъ образомъ, хотя извѣстіе сіе сначала и чрезвычайно насъ испугало, но несовершенная достовѣрность онаго скоро насъ оиатъ поуспокоила, и мы въ надеждѣ, что то неправда, скоро все сіе и позабыли.

Сверхъ того, чрезъ день послѣ того особенное и радостное для меня происшествіе обратило всѣ мысли мои на другое. Сей день былъ однимъ изъ достопамятнѣйшихъ въ моей жизни. Въ оный получилъ я посланную ко мнѣ изъ Экономическаго Общества большую золотую медаль, которую присуждено мнѣ дать за мое сочиненіе: «Наказа для управителя, какъ ему управлять, въ небытность господина, деревнями».

Какъ она была еще первая изъ полученныхъ мною и притомъ съ вырѣзаніемъ на ней моего имени, то не могу изобразить, какъ много я и все мое семейство оною было обрадовано, и сколь много всѣ мы ее вдоль и поперекъ пересматривали и о изображеніяхъ на ней разсуждали.

Была она довольно велика, составлена изъ 35-ти червонцевъ, ибо обѣщанное награжденіе раздѣлено было между двумя рѣшившими задачу сію одинаково хорошо: мнѣ и господину Рычкову.

Чтожь касается до изображенія, то на одной сторонѣ былъ грудной портретъ Императрицы Екатерины, какъ основательницы Экономическаго Общества, а на другой изображено было самое сіе Общество въ видѣ женщины, сидящей на снопахъ подъ пальмовымъ деревомъ и увѣнчанной вѣнкомъ изъ цвѣтвъ и колосьевъ. Въ одной рукѣ держала она меркуріевъ жезлъ, а въ другой, распростертой на средину медали, вѣнокъ сплетенный изъ колосьевъ крупною надписью вверху надъ нимъ «за труды воздаяніе», а въ низу «Андр. Тим. Болотову октября 9 дня 1770 году»; вдаль же видно вспаханное поле, съ человѣкомъ пашущимъ оное плугомъ.

Впрочемъ сдѣлана она была изъ самого чистаго золота 93 пробы, была вѣсомъ въ 28½ золотниковъ; стемпель же вырѣзанъ высокою и хорошею работою г. Гасомъ.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ медаль сія была для меня вещь весьма достопамятная и такая, которая не только мнѣ, но и всему моему роду и потомкамъ нѣкоторую честь приносить можетъ.

Она уже и тогда надѣлала во всемъ уѣздѣ нашемъ много шума, весь уѣздъ зналъ уже о томъ изъ публикаціи въ газетахъ; и какъ дѣло сіе было совсѣмъ новое и до того никому еще медалей не давалось, то, натурально, всѣ обманывались въ разсужденіи награжденія сего чрезвычайно и почитали оное несравненно величайшимъ и важнѣйшимъ, нежели каково оно въ самомъ дѣлѣ было, и потому вездѣ и вездѣ были о томъ разговоры, а знакомые и пріятели мои другъ предъ другомъ непрерывъ поздравляли меня съ онымъ.

Чтожь касается до моихъ подданныхъ, то я не могу довольно изобразить того удовольствія, которое я имѣлъ видя всѣхъ ихъ безпритворную о томъ радость. Вся-

кой изъ нихъ нарочно приходилъ ко мнѣ, поздравлялъ меня съ полученіемъ, по ихъ парфичію, государевой милости и просилъ, чтобъ показать имъ сію ими никогда невиданную вещь, и желалъ, чтобъ я получилъ еще болѣе; изъ постороннихъ же дворьянъ не было и безъ завистниковъ.

Такимъ образомъ, по милости Господней, получилъ я награжденіе, которое въ ученостъ свѣтъ приносило мнѣ великую честь, а не менѣе приобрѣло и всеобщую похвалу; а всего важнѣе было то, что чрезъ сей случай сдѣлалось имя мое во всемъ государствѣ извѣстнымъ и какъ послѣ я слышалъ, то было въ то время, когда она мнѣ опредѣлена, разговариваемо обо мнѣ и за столомъ у великаго князя.

Впрочемъ, при пересылкѣ медали сей ко мнѣ, произошло смѣшное происшествіе. Поручена была пересылка оной тогдашнему генералу-прокурору князю Вяземскому, Александру Алексѣевичу, какъ сочлену нашего Общества. Сей поручилъ прокурору своему, Ивану Ивановичу Вердеревскому, переслать ее къ нашему воеводѣ, Степану Степановичу Посевьеву.

Сей, посылая пакетъ съ письмомъ и съ ящичкомъ, въ которомъ была она вѣдлана, къ сему воеводѣ, надписалъ на ономъ, что тутъ находится медаль. Сіе подало поводъ видѣвшимъ оный пакетъ думать, что медаль сія прислана къ нашему воеводѣ, которые и приняли его съ тѣмъ поздравлять; почему, отправляя ко мнѣ пакетъ Общества съ нарочнымъ, и писалъ онъ ко мнѣ смѣючися о семъ происшествіи и благодаря, что онъ моими трудами нѣсколько времени пользовался, поздравлялъ меня съ полученіемъ оной.

Кромѣ сего былъ помянутый день достопамятенъ для меня и тѣмъ, что въ оный ввечеру приведена была одна вновь мною выдуманная и нѣсколько времени дѣлаемая увеселительная игра къ окончанію, чего я съ превеликою нетерпѣливостію дожидался.

Мы не преминули тотчасъ ее испытать, и какъ она оказалась очень забавною и

всѣмъ понравилась въ особенности, то и сіе доставило мнѣ много удовольствія.

Новая игра сія состояла изъ осьмиугольнаго равносторонняго ящичка, имѣвшаго въ ширину 14, а въ вышину съ небольшимъ 2 вершка; въ каждой изъ сихъ 8 сторонъ сдѣлано было по 4 домика или канурки, по величинѣ шарика въ сей игрѣ употребляемаго, шириною въ вершокъ или меньше и почти квадратные, такъ что кругомъ всего ящичка было 32 такихъ домиковъ сдѣлано.

На половинѣ изъ сихъ домиковъ, сдѣланныхъ сверху закрытыми, написаны были вверху спереди нумера одни по красной землѣ желтою, а другіе по черному грунту бѣлою краскою. Первые означали выигрыши, а вторые проигрыши а прочіе 16 домиковъ пустые, и ни выигрыша, ни проигрыша не доставляющие.

Для соблюденія между ими равновѣсія перемежаны они наилучшимъ образомъ такъ, что подлѣ выигрышнаго находился всегда пустой, — а подлѣ его проигрышной, а тамъ опять пустой и такъ далѣе; а при томъ такъ, чтобъ не приходилось никогда двухъ большахъ выигрышей сряду, а всѣхъ было 8 выигрышей начиная съ 1 по 8, и 8 проигрышей.

Наиглавнѣйшая цѣль состояла въ выдуманіи особаго средства вкідать и попадать въ домики сіи небольшимъ и пропорціональнымъ противъ ихъ шарикомъ, но такъ, чтобы выигрыши и проигрыши не зависѣли ни отъ умѣнья игрова, ни отъ проворства и замысловатости его, но единственно отъ удачи и счастья. Сіе было для меня наиглавнѣйшимъ затрудненіемъ, однако мнѣ удалось придумать прекрасное и всѣмъ желаніямъ моимъ соответствующее средство, а именно:

Я сдѣлалъ посреди ящичка сего круглое и какъ жерновъ на веретенѣ такъ лежащую дощечку, чтобъ ее, ухвативъ за ручку, можно было завертѣть, и чтобъ положенной въ то время на середину оной шарикъ могъ скатиться въ нигдѣ съ ней и попасть въ которой-нибудь изъ помянутыхъ домиковъ. Но чтобъ онъ сильно могъ ею быть брошенъ, то оста-

вилъ въ центрѣ довольную и такую пустоту, въ которую бы полагаемой шарикъ могъ просторно умѣститься; достальное мѣсто разгородилъ я образомъ звѣзды на 8 равныхъ частей маленькими на ребро приклеенными дощечками, а къ одному мѣсту придѣлалъ къ краю маленькую рѣзную ручку съ распостертымъ указательнымъ пальцемъ, простирающимся почти вплоть по самыя домики, дабы ручка сія при переставаніи окружнаго вертенія дощечки могла какой-нибудь домикъ указывать.

Все сіе и произвело успѣхъ вождельный, ибо когда, схвата либо за сію ручку, либо за которую-нибудь изъ дощечекъ, вернешъ посильнѣ сей кружокъ, то онъ вертится очень скоро и сильно; а когда въ сіе время на середину его въ помянутое отверстіе положишь шарикъ, то оный тотчасъ концомъ которой-нибудь перегородки зацѣплявался и бросаема былъ кружкомъ въ помянутыя конурки какъ бы рукою.

Въ игру сію можно было играть много различнымъ образомъ, и не только двумяъ рука на руку, но тремъ, четыремъ и болѣе человекамъ, на партіи, на призы, и въ банки, и въ фанты или службы, и къ чему ее ни употреби, она ко всему была способна.

Ежели играютъ въ нее двое рука на руку въ деньги, то платять они другъ другу выигрыши и проигрыши. Ежели играютъ многіе, то вертять по порядку и всякій выигрыши свои получаетъ отъ послѣдующаго за нимъ, а тотъ отъ другаго, равно какъ и проигрыши тѣмъ же платять.

При игрании въ банкъ, становятся всѣ игроки поскольку-нибудь денегъ на блюдечко, а потомъ вертять по порядку и разыгрываютъ оный и проигравшіе приставляютъ, а выигравшіе берутъ; или становится одинъ изъ игроковъ банкъ, а прочіе всѣ вертять и либо отъ него берутъ, или ему платять, сколько кому доводитьсѣя будетъ.

Кромѣ сего, для играния рука на руку въ партіи сдѣланы были сверху доми-

ковъ, ко всякой изъ 8-ми сторонъ, по нѣскольку дырочекъ со втыгаемыми въ нихъ 4 крупненькими и 10 поменьше колочками, дабы сими можно было каждому при вертѣніи и попаданіи въ домики свои числа сими колочками маркировать, и кто прежде наберетъ 50, тотъ и выигрываетъ.

Для играния же въ службы означены всѣ домики другими цифрами, начиная съ 1 по 32 или по 24, изъ которыхъ каждому номеру присвоена въ написанной нарочно для того книжкѣ особая служба, и у кого при вертѣніи противъ котораго номера ручка остановится, тотъ и долженъ исправлять ту службу.

Кромѣ сего можно было и еще кое-какъ играть въ сію игру, и она могла употребляема быть на все про все, и какъ при всемъ томъ все зависѣло отъ счастья и никому ни малѣйшаго чего схитрить было не можно, то и назвалъ я ее саммалисомъ, что значило безхитростною или правдивкою.

Нельзя изобразить, какъ она сначала всѣмъ полюбилась и какъ много разъ принималась мы въ нее играть при нашихъ сѣздахъ для препровожденія времени.

Я распестрилъ и росписалъ ее разными красками и для спокойнѣйшаго въ нее играния сдѣланъ былъ особый четвероугольный столъ, въ которой ящикъ сей вставлялся и покрывался потомъ сверху столовою доскою шахматною, и она цѣла у меня еще и понынѣ.

Изобрѣтеніе сей новой забавной игры было весьма подстать тогдашнему времени, о которомъ вообще сказать можно, что было оно такое, какого веселѣе не было еще никогда въ Дворяниновѣ и едва ли когда-нибудь и впредь будетъ.

Находилось насъ 4 дома въ семь маленькомъ селеніи, и хозяева во всѣхъ ихъ были люди молодые, семьянистые и жившіе другъ съ другомъ въ совершенномъ согласіи и обхожденіи между собою имѣвшіе прямо простое, безъ всякихъ чиновъ и дальнихъ затѣвъ; а потому и одни они съ семействами своими и момъ семен-

ствомъ въ собраніи могли уже составлять довольное общество.

Но кромѣ ихъ было тогда много и постороннихъ, бравшихъ въ сѣздахъ, времяпрепровожденіяхъ и всегдашнихъ невинныхъ забавахъ и увеселеніяхъ нашихъ всегдашнее и частое соучастіе.

Кромѣ г. Ладыженскаго съ своею семьєю и г. Руднева, ѣзжавшихъ къ намъ не рѣдко, бывали очень часто у насъ и оба землемѣра, жившихъ все еще на заводѣ, изъ которыхъ одинъ былъ женатый; а наконецъ и самый Хитровъ не рѣдко бывалъ у насъ и у моихъ сосѣдей, умалчивая о домѣ тетки жены моей, г-жи Арцыбышевой, приѣзжавшей къ намъ очень часто и у насъ по нѣскольку дней гостившей.

И какъ при каждомъ сѣздѣ теряли мы почти ни одной минуты времени, но принимались тотчасъ за разныя забавы и игры, то въ веселія карточные, то въ инныя игры, сопряженныя съ рѣзвостями и смѣхами и хохотаньемъ; то и бывали всегда наши сѣзды отменно веселы и забавны и мы такъ къ играмъ сямъ, особливо карточнымъ, привыкли, что истинно снились онѣ намъ даже во снѣ и намъ уже случено безъ нихъ было.

При такихъ частыхъ сѣздахъ и всегдашнихъ забавахъ и увеселеніяхъ и не видали мы, какъ прошелъ почти весь послѣдній мѣсяцъ сего года и первая наша зима, ибо въ сей годъ виѣли мы ихъ двѣ или болѣе.

Помянутый установившійся порядочный зимній путь не успѣлъ нѣсколько недѣль или паче дней постоять, какъ южныя вѣтры намчали къ намъ опять такое тепло съ многократными и сильными дождями, что около Рождства Христова сошелъ до чиста весь нашъ снѣгъ и не только обнажилась до чиста вся наша земля, но сдѣлалась даже самая половодъ и повсюду такая грязь, что мы принуждены были приниматься за колесы и на самый праздникъ Рождства Христова ѣздили къ церкви въ коляскахъ и каретахъ, а на третій день послѣ Рождства прошла отъ того даже самая Ока-рѣка, и разлилась подѣ

часовню самымъ большимъ разливомъ: происшествіе до того никогда небывалое и почти неслыханное.

Сей безпорядокъ въ натурѣ какое помѣшательство ни дѣлалъ намъ въ нашихъ свиданіяхъ, однако мы не переставали и въ самое дурнѣйшее время и непогоды продолжать наши сѣзды и увеселенія, а особливо при наступленіи святокъ.

Въ сіи не проходило истинно ни одного дня, въ которой не было бы у насъ то въ томъ, то въ другомъ домѣ сѣзда, и чтобъ вездѣ, по пословицѣ говоря, пиръ не стоялъ горою. Словомъ, мы въ пражъ тогда зарѣзались и завеселились, равно какъ предчувствуя, что вскорѣ за сямъ настануть времена горестныя и печальныя.

Какъ въ самомъ концѣ сего мѣсяца и года настала у насъ опять стужа, налетѣли снѣга, и возстановилась опять зима, то въ самый послѣдній день сего года поѣхалъ я со всѣмъ своимъ семействомъ въ Калединку, чтобъ виѣстѣ съ теткою и любезнымъ нашимъ старичкомъ и такъ сказать всего семейства нашего патриархомъ начать препровождать новый годъ. Съ нами виѣстѣ согласился туда же ѣхать и сосѣдъ нашъ Матвѣй Никитичъ съ женою.

Мы приѣхали туда уже въ сумерки, и какъ случилось намъ хозяевъ не застать дома, ѣздившихъ также къ сосѣдямъ въ гости, то во ожиданіи приѣзда ихъ, напившись чаю, принялись мы и тутъ за обыкновенныя наши рѣзвосты и забавы и провели не только до хозяевъ, но и по возвращеніи оныхъ домой, весь вечеръ очень весело, а особливо занимаясь нововыдуманною мною игрою въ карты, соединенною съ службами.

Но самый конецъ года сего настрадалъ было меня очень. За часъ до ужина, какъ мы перестали играть въ фанты и дѣти усѣлись играть въ реверенсъ, заболѣла у меня вдругъ и чрезвычайно голова.

Сіе меня встревожило очень и до того, что я даже нѣсколько и трухнулъ, по причинѣ, что домъ тѣткынъ наполнялъ былъ тогда больными, а что того хуже, то и въ самыхъ хоромахъ находились

больные, и мы были въ томъ же покоѣ, гдѣ лежала больная дочь ея.

Сего обстоятельства я, будучи къ нимъ, крайне боялся, и потому не успѣла начать болѣть у меня голова, какъ не долго думая принялся я тотчасъ къ обыкновенному своему и почти надежному въ такихъ случаяхъ вспомогательному средству, а именно: къ принужденію себя невольно посредствомъ щекотанія, производимомъ въ носу свернутою бумажкою, чиханію, что и помогло мнѣ очень скоро.

Симъ образомъ окончили мы тысяча семьсотъ семидесятый годъ, годъ по многимъ отношеніямъ весьма достопамятный и особеннаго замѣчанія достойный.

Ибо, во-первыхъ, достопамятенъ онъ былъ самыми рѣдкими и странными явленіями и происшествіями въ натурѣ. Во все теченіе гѣта происходили у насъ странныя погоды, соединенныя съ вредными упадающими на хлѣбъ туманами и росами, отчего и урожай онымъ въ сей годъ былъ очень плохъ; а осенью, какъ выше упомянуто, зима у насъ наставала нѣсколько разъ, и даже дошло до того что въ декабрѣ сошелъ весь снѣгъ и на самый праздникъ Рождества Христова взломало уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Оку-рѣку, что надѣлало не только великое помѣшательство и остановку во всѣхъ транспортахъ, но погнуило и перепортило всѣ и мяса, и причинило безконечныя убытки.

Во-вторыхъ, достопамятенъ онъ былъ важными и великими происшествіями въ свѣтѣ. У насъ продолжалась тогда война съ турками, и самый сей годъ ознаменовался неслыханными и невѣроятными почти побѣдами надъ ними на сухомъ пути и на морѣ.

Въ самый оный разбитъ ихъ визирь съ многочисленною арміею графомъ Румянцовымъ при Кагулѣ; взяты у нихъ, по жестокой и кровопролитной осадѣ, Бендеры—Панинныя, а графомъ Орловымъ разбитъ и сожженъ весь ихъ флотъ въ Архипелагѣ при Чесмѣ. Однимъ словомъ, мы взумали и удивили тогда весь свѣтъ

своими побѣдами и возвели себя на самую вышнюю степень славы и величія.

А съ другой стороны достопамятенъ онъ былъ прибѣгомъ къ намъ брата короля прусскаго, славнаго принца Гейнриха, который, будучи въ Москвѣ, равно какъ спланилъ бѣдную сію старушку: ибо съ самаго того времени и начали въ ней свирѣпствовать жестокия болѣзни и вытѣрилось въ Москву моровое повѣтріе, которое свирѣпствовало уже во всей силѣ въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ нашего отечества, и нагоняло на всѣхъ на насъ неописанный страхъ и ужасъ и тѣмъ очень много уменьшали наши радости о побѣдахъ.

Въ-третьихъ, достопамятенъ сей годъ былъ и относительно до самого меня многими важными происшествіями, какъ-то: описаннымъ выше сего межеваньемъ всѣхъ владѣнцевъ моихъ, въ Коширскомъ уѣздѣ, и бывшими при томъ многими хлопотами и волокитами.

Во-вторыхъ кончиною зятя моего г-на Травина и воспріятіемъ надъ оставшими дѣтьми его опекуна, которое хотя и не было такое формальное, какія ввелись у насъ послѣ того въ обыкновеніе, но все занимало и озабочивало меня много.

Въ-третьихъ, ѣздой моею въ Кашинѣ и привезеніемъ сына его къ себѣ для воспитанія, и обученія.

Въ-четвертыхъ, многими болѣзнями и перевалками, бывшими въ моемъ домѣ, но отъ которыхъ собственно мы, благодаря Промыслу Господню, избавились.

Въ-пятыхъ, прославленіемъ имени моего во всемъ государствѣ чрезъ удачное рѣшеніе заданной задачи и полученіе за то золотой медали, которая тогда была въ великой еще диковинкѣ.

Въ-шестыхъ, многими выдумками и изобрѣтеніями моими, въ теченіи сего года учивенными, и многими другими обстоятельствами.

Впрочемъ, по благодати Господней, przeprowadилъ я сей годъ со всѣми ближними родными моими въ совершенномъ здоровьѣ и во
 *—гополучи. Не
 мы были
 жоконны.

всѣмъ довольны; а болѣе сего, чего можно было желать въ свѣтѣ лучшаго?

Дѣти мои часъ отъ часу возрастали, и подавали съ каждымъ годомъ лучшую о себѣ надежду. Дочь моя Елисавета вступила уже тогда на четвертый годъ, умѣла уже все говорить и была милымъ и любезнымъ ребенкомъ; а и сыну моему Степану пошелъ уже третій годъ, онъ умѣлъ уже ходить и въ состояніи былъ доставлять намъ тысячи удовольствій и утѣхъ невинныхъ.

Симъ окончу я и сіе мое письмо и скажу, что я есмь вашъ и прочее.

(Декабря 15 дня 1807.)

1771.

Письмо 148-е.

Любезный пріятель! Начиная описывать вамъ въ семъ письмѣ нашъ несчастный 1771 годъ, скажу прежде всего, что при началѣ онаго я со всѣмъ моимъ семействомъ находился, по особливой милости Господней къ намъ, въ вождельномъ благополучіи.

Всѣ мы были здоровы, всѣмъ довольны и веселы и ничего намъ не доставало къ благополучію нашему, а оставалось только умѣть онымъ пользоваться и его чувствовать: искусство, которое къ сожалѣнію не всякій смертный знаетъ и которое всего важнѣе и драгоцѣннѣе въ свѣтѣ.

Годъ сей начали мы препровождать, какъ я прежде упоминалъ, въ Каледникѣ, находясь вмѣстѣ со всѣми тогда близкими родными въ домѣ у тетки Матрены Васильевны, и у обѣдни въ сей день были въ селѣ Никитинѣ, гдѣ я имѣлъ случай спознакомиться съ господиномъ Шеншинымъ, владѣльцемъ сего села, который звалъ насъ всѣхъ къ себѣ на перепутье.

Отобѣдавши же дома смолвились мы, старѣйшіе, съѣздить въ Хотманово къ старинному моему по Москвѣ знакомцу г. Давыдову, гдѣ нашли и многихъ другихъ людей, и съ ними провели весь день до самаго почти ужина.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1871 г.

Но мнѣ сей день былъ не очень веселъ по причинѣ, что не съ кѣмъ было тутъ и ни о чемъ разумномъ говорить, а утрачались господа въ премудрыхъ разговорахъ о псахъ смердящихъ.

Хозяинъ, будучи до нихъ и до звѣриной ловли смертельный охотникъ и папедъ такого же въ г. Шеншинѣ, не переставалъ ни на минуту объ нихъ объ однихъ говорить, и въ томъ въ одномъ провели все время.

Каково-жъ при такихъ ораторахъ быти было мнѣ, ненавидящему духомъ сію охоту, и не находящему въ разговорѣ о семъ предметѣ ни малѣйшаго удовольствія, и немогущему какъ тогда, такъ и во всю жизнь довольно надивиться тому, какъ господа сіи могутъ находить столько предметовъ или паче сказать сущихъ ничего незначащихъ бездѣлицъ, и не только никакого вниманія, но и самаго слушанія недостойныхъ вещей къ пересказыванію другъ другу, и тому съ какимъ удивительнымъ вниманіемъ и примѣчаніемъ другіе говорящаго слушаютъ.

Не одинъ разъ, смотря на такихъ говорунцовъ, съ душевнымъ соболѣзнованіемъ говаривалъ я самъ себѣ:

«О, когдабъ господа сіи хотя бы десятою долею такого вниманія удостоивали разговоры о вещахъ важныхъ и до существеннаго благополучія ихъ относящихся! Но нѣтъ! къ таковымъ не льветъ у нихъ ухо, а тотчасъ появляется скука и зѣвота. И удивительное прямо дѣло, какъ притѣлены многіе къ сей охотѣ и какъ всего жаднѣе къ разговорамъ объ ней и ненасытны въ оныхъ! Истинно, еслибъ послѣдовать и вѣрить системѣ Пинеагоровой, такъ можно бы почестъ, что души ихъ находились прежде либо въ зайцахъ, либо въ собакахъ и по смерти ихъ переселились въ тѣлеса господъ сихъ».

Какъ насъ уняли-было ужинать, то было бы мнѣ еще скучнѣе проводить длинной вечеръ въ единомъ безмолвіи и въ слушаніи такихъ премудростей, для меня непостижимыхъ; но по счастью прислали къ намъ изъ Каледники нарочнаго съ увѣдомленіемъ, что прѣхалъ къ теткѣ

еще одинъ интересной и никогда еще у ней небывалой гость, и сіе принудило насъ тотчасъ ѣхать туда, гдѣ и удалось мнѣ по крайней мѣрѣ вечеръ сего дня провести весело, въ разныхъ играхъ и разговорахъ, но лучшихъ уже предѣтъми, съ пріѣзжимъ незнакомцемъ.

Гость сей былъ самый ближній намъ родственникъ, и сынъ родного брата дѣда жены моей, слѣдовательно ей внучетной, а тещѣ моей, двоюродной братъ.

Былъ онъ изъ той же фамиліи Арцыбышевыхъ, по имени Николай Григорьевичъ, и какъ ему никогда еще у насъ тутъ бывать не случалось и я въ первой еще разъ его видѣлъ: то всѣ мы пріѣзду его были очень рады, а я всѣхъ больше, потому что нашелъ въ немъ челоуѣка хотя молодого, но знающаго нѣмецкій языкъ, охотника до наукъ и художествъ и при томъ отиѣнно любопытнаго.

Съ такимъ челоуѣкомъ не долго было мнѣ сдруживаться. Мы проговорили съ нимъ весь вечеръ о книгахъ и о прочемъ, и разговоры о томъ заняли насъ такъ много, что мы и легши спать продолжали оные и почти всю ночь не спали; ибо ему хотѣлось весьма многое знать и онъ многія знакомыя мнѣ вещицы не только слушалъ съ отиѣннымъ вниманіемъ, но даже записывалъ у себя въ записной книжкѣ.

Другое удовольствіе мое въ сей день было то, что я былъ опять совершенно здоровъ и не чувствовалъ болѣе ни малѣйшей годовой боли; и помогло мнѣ и въ сей разъ удивительно чиханіе.

А всего пріятнѣе для меня и для всѣхъ насъ было то, что, по увѣренію г. Шеншина, моровое повѣтріе въ Кіевѣ начало утихать или паче утихло уже совсѣмъ, а до Мценска, какъ намъ прежде сказывали, никогда и не доходило.

О, какъ радовали насъ тогда всѣ такіе утѣшительные слухи и съ какою готовностію и охотою мы всѣмъ имъ вѣрвали, я сколь напротивъ того огорчали насъ тому противные, которыхъ къ не-

счастію случалось намъ иногда уже гораздо болѣе слышать нежели первыхъ.

Въ послѣдующій день, возвращаясь домой и ѣдучи чрезъ Ченцоно, вздумали мы заѣхать къ одному знакомому нѣмцу, пріѣхавшему на самыхъ тѣхъ (дняхъ) изъ Москвы; но вѣдали бы лучше и не заѣзжали.

Онъ смутилъ насъ огорчительнымъ извѣстіемъ, что въ Москвѣ дѣйствительно уже язва началась въ госпиталѣ, и что скоро ни въ Москву выпускать, ни изъ Москвы никого выпускать не станутъ; что весь госпиталь обставленъ караулами и знатные всѣ начали изъ Москвы разѣзжаться.

Какъ сіе было еще первое достовѣрное о видѣвшейся въ Москву чумѣ извѣстіе, нами тогда полученное, то смутило и огорчило оно насъ до чрезвычайности и тѣмъ паче, что я собирался посылать въ Москву съ обозомъ и не зналъ тогда, что дѣлать, и ни то посылать, ни то нѣтъ; а племянницы мои, собиравшія уже въ обратной путь и долженствующія неминуемо ѣхать чрезъ Москву, съ ума даже сходили отъ огорченія.

Но какъ все еще намъ тому не хотѣлось совсѣмъ вѣрить, то услышавъ, что также на тѣхъ дняхъ возвратился изъ Москвы ѣздившій опять туда сосѣдъ и другъ мой г. Полонскій, то и положили мы нарочно къ нему для достовѣрнѣшаго узнанія обо всемъ сѣздить и у него разспросить обстоятельнѣе.

Итакъ, проводивъ заѣхавшаго къ намъ изъ Калединки новаго моего знакомаго и родственника отъ себя, поѣхали мы всѣ къ г. Полонскому; но, увы! не обрадовали и онъ насъ, а только пуще еще огорчилъ подтвержденіемъ и съ своей стороны помянутаго нами слышаннаго извѣстія.

Онъ рассказывалъ намъ, что чума оказалась дѣйствительно въ госпиталѣ и еще въ одномъ домѣ въ Лефортовой слободѣ. отъ одного пріѣзжаго изъ арміи въ отставку офицера, умершаго тутъ отъ ней съ обонни своими слугами и лечившимъ его лекаремъ.

Далѣе сказывалъ онъ намъ, что какъ

гошпиталь тотчасъ окруженъ былъ кордономъ и не стали ни въ него, ни изъ него никого пускать, а къ императрицѣ тотчасъ отправленъ съ извѣстіемъ о томъ нарочной курьеръ, и все это сдѣлалось гласно, то происшествіе сіе всю Москву крайне перетревожило, и что всѣ знатные и къ должностямъ непривязанные люди тотчасъ усаkali изъ Москвы и разѣхались по деревнямъ.

Первый учинилъ сіе графъ Петръ Борисевичъ Шереметевъ, прочіе же всѣ ухватились за чеснокъ и деготь и оные при себѣ носили и нюхали, а первый и ѣли во всѣхъ ѣствахъ.

Онъ показывалъ намъ тогдашніе московскіе ароматнички, сдѣланные на подобіе черепашковыхъ наперниковъ, въ которыхъ въ одномъ концѣ вставлена скляночка наполненная чистымъ дегтемъ, а въ другомъ толченый чеснокъ, и сказывалъ, что вся Москва тогда говорила, что отъ вещицъ таковыхъ зависить жизнь каждаго; а потому и бросились всѣ ихъ покупать и мастеровые не успѣвали для всѣхъ ихъ заготовлять. Но, увы! когда-бы они дѣйствительно такъ важны и спасительны были и люди не такъ много на такія бездѣлицы полагались!

Другою и самою спасительною вещію почитался славной въ старину укусъ, такъ-называемой «четырехъ разбойниковъ». Проворные и догадливые французы не преминули тотчасъ всклепать на себя, что они умѣютъ сей укусъ составлять, и тотчасъ начали продавать оный и обирать множество денегъ за самой простой виноградной укусъ; а на ихъ вѣкъ и дураковъ, вдающихся въ явной обманъ, въ Москвѣ было очень много.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ извѣстіемъ симъ ни настрашалъ насъ г. Полонскій, но съ другой стороны и поутѣшилъ тѣмъ, что какъ зло сіе еще не распространилось, а къ недопущенію того употребляютъ всѣ предосторожности; то при наступленіи тогдашней стужи и морозовъ надѣются всѣ, что она поукротится и не дойдетъ ни до какаго дальнаго несчастія, а сіе и ободрило насъ нѣсколько.

Но неуспѣли мы возвратиться домой и нѣсколько поуспокоиться духомъ, какъ принесло къ намъ савинскаго попа съ святою водою, и сей возмутилъ опять весь духъ нашъ до чрезвычайности сказавъ, что онъ, будучи на тѣхъ дняхъ въ Серпуховѣ, навѣрное слышалъ, что повѣтріе моровое есть уже въ Боровскѣ, и что изъ сего города выѣздъ и въѣздъ въ него запрещенъ.

Холодной потъ прошибъ изъ чела моего при услышаніи сего извѣстія и я, вздохнувъ, самъ себѣ сказалъ: «Боже великій, что это будетъ, ежели сіе правда? Боровскъ отъ насъ очень недалеко и за Серпуховомъ тутъ и есть!»—Но какъ дни чрезъ два услышали мы, что это совсѣмъ соврано и неправда, то опять успокоились духомъ, и бранили только выдумщиковъ, распускающихъ такіе ложные слухи.

Чрезъ день послѣ того отправились всѣ племянницы мои опять во свояси и мы проводили ихъ въ сей путь. пожелавъ, чтобъ они Москву проѣхали благополучно. Я снабдилъ ихъ всѣми нужными наставленіями, какъ имъ однѣмъ жить и что наблюдать болѣе, отпустилъ, одаривъ всѣхъ ихъ платками и другими вещами.

Вскорѣ послѣ сего случилось нѣчто относящееся до нашего межевалья и нѣчто такое, что насъ сперва было обрадовало, а потомъ опять смутило и огорчило.

Какъ споръ у насъ съ волостными не былъ еще разрѣшенъ и не дѣлано было и самаго перваго приступа къ началному обыкновенному миротворенію, и господа межевщики все сіе время занимались сочиненіемъ плановъ, исчисленіемъ оныхъ и собираніемъ ото всѣхъ свѣдѣній о числѣ дачъ, и все сіе около сего времени было кончено: то любопытны мы чрезвычайно были знать, сколько во всей волости земли въ натурѣ и примѣрѣ-ли у нихъ противъ писцовыхъ дачъ или недостатковъ оказывается?

Въ самое сіе время однажды поутру присылаетъ ко мнѣ сосѣдъ мой, Матвѣй Никитичъ и сообщаетъ пріятнѣй-

шее для меня извѣстіе, что у волостныхъ нашлось 16 тысячъ десятинъ примѣру и что былъ на заводѣ управитель ихъ Апуриинъ и приказалъ, чтобъ они не доходили до конторы, а со всѣми полюбовно помирились.

Я обрадовался-было сему чрезвычайно, но радость сія продолжалась недолго; въ тотъ же еще день приѣхалъ къ намъ межевщикъ и разрушилъ всю нашу радость обстоятельнѣйшимъ извѣщеніемъ, что въ волости нашлось дѣйствительно земли 17,640 десятинъ, но не примѣрной, а всей наличной.

Я ахнулъ сіе услышавъ, ибо никакъ не воображалъ, чтобъ въ волости было такъ мало земли наличной, а думалъ, что у нихъ по меньшей мѣрѣ тысячамъ сороку десятинъ быть надобно.

Но какъ при вопросѣ о ихъ примѣрѣ извинился межевщикъ незнаніемъ и сказалъ только, что будто онъ слышалъ, что по крѣпостямъ не болѣе имъ слѣдуетъ, какъ 12,000, то сіе опять меня нѣсколько поободрило и я опять остался на нѣсколько дней между страхомъ и надеждою.

А какъ онъ тоже подтвердилъ, бывши у насъ опять черезъ нѣсколько дней присокупляя, что не подаютъ они все еще свѣдѣнія, а сказывали ему, что пахатной земли выбрали они только до 9,000 десятинъ, и такъ, чаятельно, будетъ у нихъ примѣру десятинъ тысячи три; сверхъ того увѣрялъ онъ меня, что не показано у нихъ въ крѣпостяхъ никакихъ поверстныхъ лѣсовъ: то все сіе меня радовало, а непріятно было мнѣ слышать, что для подаванія свѣдѣнія присланъ отъ управителя опять прежній мой недругъ Щепотевъ.

Вслѣдъ за симъ обрадованъ я былъ полученнымъ извѣстіемъ отъ племянника моего г. Неклюдова, изъ псковскихъ предѣловъ. Жена его, находившаяся тогда въ деревнѣ, прислала ко мнѣ полтора четверяка настоящей аглинской ржи, выписанной ими нарочно изъ Англіи для завода и увѣдомляла, что мужъ ея находился тогда въ Петербургѣ и слу-

жилъ въ провіантскомъ штатѣ въ командѣ у г. Хомутова.

Но сколько обрадованъ я былъ симъ извѣстіемъ и полученіемъ сей давно мною желаемой ржи, столь же много и растревоженъ и перестрашенъ былъ въ тотъ же день нечаяннымъ провѣстіемъ, случившимся у насъ въ деревнѣ.

Къ брату моему Михайлѣ Матвѣевичу приѣхалъ на тѣхъ дняхъ тестъ его, г. Стахѣевъ, изъ Москвы, и не успѣлъ приѣхать, какъ занемогши тутъ чрезъ самое короткое время и умеръ.

Я ахнулъ, о семъ услышавъ; ибо тотчасъ возымѣлъ подозрѣніе, не захватилъ-ли онъ въ Москвѣ страшной болѣзни, ибо въ тогдашнее время все наводило опасеніе, и всѣ такіа скорыя смерти приводили въ сомнѣніе.

Словомъ, меня такъ много сей случай настрашалъ, что я усумнился даже итти навѣщать огорченныхъ тѣмъ его дѣтей и не зналъ какъ бы увернуться, чтобъ не быть и при погребеніи оного.

Но по счастью приѣхали къ намъ наши калединскіе родные съ старичкомъ почтеннымъ, собравшіеся съѣздить за Серпуховъ къ родственнику нашему, Ивану Аванасьевичу; и какъ они стали подзывать и меня ѣхать вмѣстѣ съ собою, то хотя мнѣ и не весьма хотѣлось въ сіи дальніе и скучные гости ѣхать, но для избѣжанія отъ присутствія при погребеніи Стахѣева охотно на то согласился.

Итакъ, 19-го сего мѣсяца пустились мы въ сіе недалнее путешествіе, которое двумя происшествіями было нѣсколько примѣчанія достойнымъ.

Во-первыхъ тѣмъ, что я, будучи въ Серпуховѣ и ночуя въ монастырѣ у почтенной старушки Катерины Богдановны, не могъ довольно налюбоваться обхожденіемъ ея и разговорами у ней съ старичкомъ, дѣдомъ жены моей.

Оба они были на краю гроба, оба были съ малолѣтства знакомы и жили, какъ родственники, во всякое время въ дружбѣ и пріязни, но обонъ ихъ отдаленность мѣстъ и обстоятельства разлучили на долгое время, такъ что они нѣсколько

десятковъ лѣтъ не видались; а тогда, при глубочайшей старости увидѣвшись, не могли довольно между собою наговориться и мило было смотрѣть на всѣ оказываемыя ими другъ другу ласки и, несмотря на всю старость, ихъ шутки и издѣвки.

Второе произшествіе состояло въ крайне неудачномъ и досадномъ обратномъ путешествіи изъ гостей сихъ домой.

Находясь въ деревнѣ г. Арцыбышева, въ Воскресенкахъ, положили мы ѣхать назадъ уже не чрезъ Серпуховъ, а обратиться прямо лѣсами на Лужки и Пуцино и заѣхать къ живущимъ тутъ родственникамъ нашимъ той же фамиліи Арцыбышевыхъ; ибо старичку нашему, находясь въ предѣлахъ здѣшнихъ, у всѣхъ побывать хотѣлось.

Итакъ, отправившись оттуда, имѣли мы много труда покуда доѣхали и до Лужковъ. ѣхать принуждены мы были все перелѣсками узкими дорогами и почти самымъ цѣлкомъ. Но какъ бы то ни было, но до Лужковъ доѣхали, и тутъ у обрадованной хозяйки ночевали. Но какъ въ послѣдующій день поѣхали оттуда въ Пуцино обѣдать, то и началось наше горе.

Гдѣ ни возьмись буря и мятель, и такая скверная погода, какая случается очень рѣдко; но какъ переѣздъ былъ тутъ не дальній, то и думали мы, что до Пуцино какъ-нибудь дождемъ, а тамъ располагались обѣдать и ночевать у хозяйки.

Но не то сдѣлалось!—Въ Пуцино какъ-нибудь мы таки-доѣхали, но тутъ вдругъ сказываютъ намъ, что хозяйки нѣтъ дома, и что она уѣхала въ Серпуховъ и пробудетъ тамъ нѣсколько дней.

Господи! Какая была тогда для насъ досада. Тутъ остаться было не можно, у хозяйки все было заперто и ничего не было, да безъ нея и не хотѣлось намъ тутъ и оставаться: но вопросъ былъ: какъ быть и куда ѣхать обѣдать? Ибо чтобъ ѣхать до моего, верстъ за 15 оттуда отстоящаго дома, и въ такую страшную и дурную зимнюю погоду въ такую даль пуститься, о томъ и мыслить было не можно.

Долго мы о семъ думали и не знали что

дѣлать. Наконецъ предложилъ я, чтобъ заѣхать къ живущему верстъ пять или меньше оттуда другу моему г. Полонскому. Но какъ старичку нашему не былъ онъ знакомъ, а теткѣ никакъ заѣзжать къ нему не хотѣлось по причинѣ, что жена его была ей какъ-то не по вкусу, то долго останавливало насъ сіе. Но наконецъ, припреувеличивающейся частотѣ часу болѣе мятели, принуждены они были на то согласиться.

Но сей путь былъ хотя не дальній, но дался намъ такъ, что мы его долго помнили. Дорога была туда самая маленькая полями, и вся занесена такъ мятелью, что ее едва можно было видѣть. Люди наши, позахватившіе въ Пуцинѣ нѣсколько вълобъ, гдѣ ихъ по усердію знакомцы поподчивали, всѣ перезябли не на животь, а на смерть, и едва-было не потеряли совсѣмъ и слѣдъ дорожный.

Къ вящему несчастію надлежало намъ проѣзжать сквозь экономическую деревню Балково и пробираться тѣснымъ и на половину сугробами занесеннымъ проуломъ. Тутъ попали мы въ такую трущобу и тѣсноту, что насъ сломали-было совершенно.

Возокъ нашъ, въ которомъ мы ѣхали, былъ почти совсѣмъ на боку. Въ немъ переколотили всѣ стекла, а у кучера голову было-оторвало, такъ хорошо прижаты мы были въ плетню, за который мы имъ зацѣпивъ принуждены были совсѣмъ остановиться.

Что было дѣлать? Мы принуждены были съ теткою Матреною Васильевною, боявшеюся и безъ того крайне всего дурного въ пути и безъ памяти тогда кричавшею, кое-какъ выдираться и вылѣзть изъ возка, и въ прахъ перемоки и иззябли. И насилу-насилу возокъ свой кое-какъ высвободили и до Зыбинки, гдѣ жилъ г. Полонскій, доѣхали; но и тутъ учинилась-было съ нами бѣда.

Какъ стали отворять ворота, то вихрь отхватилъ половину щита-воротнаго, и онимъ такъ хватило въ нашъ возокъ, что посыпались и достальныя стекла, а стоявшаго

позади камердинера моего, Бабая, чуть-было до смерти имъ не задавило.

Но за то гостепріимные и приѣздомъ нашимъ обрадованные хозяева обогрѣли, накормили и успокоили насъ совершенно. Они не отпустили уже никакъ насъ въ тотъ день отъ себя, и мы все достальное время сего дня и вечеръ провели съ удовольствіемъ.

Возвратившись домой и проводивъ отъ себя любезныхъ своихъ гостей, принялся я за новое и давно уже замышляемое сочиненіе одной экономической пьесы для отсылки въ Экономическое Общество.

Начитавшись въ нѣмецкихъ книгахъ о такъ-называемомъ копельномъ хозяйствѣ при раздѣленіи полей на многія части въ мекленбургскихъ областяхъ и прельщаясь тѣмъ, давно уже помышлялъ я о томъ, не можно-ли и у насъ подражать ихъ примѣру, и раздѣлять на такомъ же основаніи поля на 7 участковъ или полей. И какъ я при размышленіи и дѣлаемыхъ смѣтахъ чѣмъ болѣе дѣло сіе разсматривалъ, тѣмъ множайшія усматривалъ пользы, могущія отъ того произтекать: то рѣшился я изобразить всѣ мысли мои о томъ на бумагѣ и представить на разсмотрѣніе Обществу.

Успѣхъ въ сочиненіи семъ прензошелъ мое чаяніе и ожиданіе и пьеса вылилась такъ хорошо, что я ею не могъ довольно налюбоваться; а произошло только нѣчто странное, удивительное и такое при сочиненіи оной, что я и понинѣ не могу забыть того.

Однажды, какъ сочиняя оную, сидѣлъ я въ своемъ кабинетѣ и исписалъ уже первую страницу одиннадцатаго листа, какъ вдругъ приѣхали ко мнѣ гости.

Я, оставивъ все какъ писалъ на своемъ столѣ, вышелъ въ лакейскую ихъ встрѣчать, и проводивъ въ спальню къ боярынямъ, побѣжалъ опять въ свой кабинетъ для прибрания бумагъ и чтобъ начеркнуть новую попавшуюся мнѣ въ самое то время мысль на оной.

Но что-жъ? Я глядъ, ая помянутаго послѣдняго и на половину исписаннаго листа на столѣ уже не было. Я смотрѣть не завалился ли онъ куда? я искать

подъ столомъ и подъ креслами, я искать по всему полу, я рыть всѣ бумаги на столѣ, я смотрѣть не завалился онъ какъ между оныхъ; но его нигдѣ не отыскивалось.

«Господи! говорю: да куда-жъ онъ дѣлся? не утащилъ ли кто?» Я спрашивать, не входилъ ли кто безъ меня въ кабинетъ? Но какъ всѣ меня свято и клятвенно увѣряли, что никто и ни одна душа не входила да и некогда было и входить, поелику мое отсутствіе не продолжалось болѣе двухъ или трехъ минутъ, то сіе удивило меня еще болѣе.

Словомъ, я не понималъ куда онъ дѣлся, и не могъ чтобъ не продолжать искать его; но мы хоть цѣлыя сутки всюду и всюду его искали, но не могли никакъ отыскать, и листъ мой сгнилъ да пропалъ, и я принужденъ былъ уже вновь его писать. И по счастью случилось такъ, что я могъ все опять припомнить и написать почти слово въ слово съ пропавшимъ, о которомъ и понинѣ не знаю куда онъ дѣлся.

Около сего же времени случилась со мною та неожиданность, что владѣлецъ лежащей неподалеку отъ меня въ сосѣдствѣ деревни Якшиной, генералъ Щербининъ, бывшій тогда губернаторомъ въ Харьковѣ, навалилъ на меня смотрѣніе за сею его деревнею.

Я получилъ тогда отъ него письмо съ наубѣдительнѣйшею о томъ просьбою: и какъ мнѣ ни не хотѣлось, но не могъ отъ того отговориться и принужденъ былъ удовлетворить его желаніе.

Впрочемъ, занимался я еще около сего времени особливаго рода упражненіемъ.

Наслышавшись отъ помянутаго выше сего молодого нашего родственника, г. Арцыбышева, охотника до наукъ и художествъ, какъ шляфуются всякаго рода камня, восхотѣлось мнѣ по данному мнѣ отъ него рисунку смастерить себѣ шлифовальный домашній станокъ и испытать сіе дѣло.

Я и произвелъ все съ желаемымъ успѣхомъ и доставъ трепела и наждаку, испытывалъ на свинцовыхъ и оловянныхъ вертящихся кругахъ шлифовать пестрые

кремешки и другіе находимые мною хорошенкіе камушки, и имѣлъ въ томъ успѣхъ возжелѣнной, а удовольствія отъ того премногое множество.

Въ сихъ упражненіяхъ прошелъ весь первой мѣсяцъ сего года; при наступленіи-жъ второго настала у насъ въ сей годъ масляница, но сію случилось мнѣ проводить какъ-то отъѣвно невесело. Причиною тому былъ наиболѣе г. Арцыбышевъ, къ которому ѣздили мы за Сернуховъ въ гости.

Какъ онъ былъ всѣми нами любимъ за его услужливость и благопріятство, и во многихъ случаяхъ неоставленія; былъ же онъ такихъ дѣтъ, что ему давно-бъ, давно пора жениться, и старушка мать его того только и желала и о томъ одномъ и помышляла, то придиохотатеткѣ нашей, Матренѣ Васильевнѣ, сватать за него одну невѣсту и прилагать всѣ возможнѣйшія старанія къ убѣжденію его жениться.

Она совѣтовала о томъ съ нами, также съ своимъ свекромъ, какъ главою и начальникомъ всей фамиліи Арцыбышевыхъ; и какъ всѣ одобрили ея намѣреніе и невѣстѣ въ самое то время случилось быть въ селѣ Луковицахъ у брата моей теткы, то и положено было немедля приступить къ дѣлу.

Для самаго того и поѣхали мы всѣ въ Калединку, а за женихомъ послали нарочнаго и писали къ нему, чтобъ онъ поспѣшилъ приѣхать къ намъ туда какъ можно скорѣй.

Но несмотря на всѣ наши усиленія о томъ просьбы, онъ какъ-то слишкомъ позамедлился и принудилъ насъ нѣсколько дней тщетно и съ великимъ нетерпѣніемъ его дожидаться; а самое сіе и подало поводъ къ тому, что я принужденъ былъ всѣ лучшіе дни масляницы нашей прожить безъ всякаго дѣла и почти въ уединеніи и въ скукѣ съ одними стариками, а притомъ по одному особливому случаю имѣть нѣкоторую досаду и неудовольствіе, а именно:

Во время сего нашего пребыванія въ Калединкѣ принесло туда въ гости г-на

Хвоцинскаго, Василья Панфиловича. Сей знакомецъ нашъ имѣлъ тогда ссору и какое-то дѣло съ другимъ и также намъ знакомымъ дворяниномъ г-мъ Брюковымъ, Степаномъ Александровичемъ, отцемъ нынѣшняго друга моего Александра Степановича, и ему по дѣлу сему нужно было для чего-то особливаго письменное свидѣтельство въ томъ, что онъ дѣлѣй годъ дома былъ и въ Москву не ѣздилъ.

Свидѣтельство сіе было у него заготовлено и ему хотѣлось, чтобъ я подписалъ оное. Но какъ обстоятельство сіе не было мнѣ достовѣрно извѣстно, а болѣе сумнительно, къ тому-жъ оба они были мнѣ равные знакомцы и пріатели и мнѣ подписаниемъ моимъ не хотѣлось, во первыхъ, утвердить несовсѣмъ мнѣ достовѣрное дѣло, а сверхъ того не хотѣлось подать повода и Брюкову меня ругать и бранить, да и многимъ другимъ произнестъ неудовольствіе; то, будучи просьбами убѣждаемъ, не зналъ я что мнѣ дѣлать и долго находился власно какъ въ тискахъ; но наконецъ рѣшился повиноваться гласу истины и благоразумія и просить его, чтобъ онъ меня отъ таковой подписки уволилъ. на чтѣ онъ наконецъ, хотя съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ на меня, и согласился, но мнѣ правда и честь была дороже его досады.

Что-жъ касается до нашего сватовства, то было оно неудачно. Женихъ нашъ хотя наконецъ и приѣхалъ и мы ѣздили всѣ съ нимъ смотрѣть невѣсту, и хотя сія была согласна за него вытти и была для его выгодная партія, да и онъ говорилъ, что и ему она непротивна; но совсѣмъ тѣмъ дѣло наше не сладилось, и все больше отъ неревностнаго хотѣнія жениха жениться или наче оттого, что Провидѣнію Господню неугодно было, чтобъ онъ когда-нибудь былъ женатъ; какъ и дѣйствительно онъ хотя и дожидъ потомъ до глубокой старости, но умеръ неженатымъ и все имѣніе его досталось въ чужія руки.

Мы подосадовали тогда на него, но принуждены были ни съ чѣмъ возвратиться назадъ и я радъ былъ, что удалось мнѣ

посиѣтъ хотя къ самому послѣднему дню масляницы. Но и тутъ другая также не-приятность помѣшала мнѣ сей день пре-проводить такъ весело, какъ хотѣлось.

При возвращеніи домой и ѣдучи чрезъ Ченцовскій заводъ, и мимо квартиры ме-жевщика Сумарокова, вздумалось мнѣ заѣхать къ нему и спросить, не знаетъ ли онъ, сколько волостные дѣйствительно въ поданномъ свѣдѣніи своемъ показали дач-ной земли?

И какъ же срѣзалъ онъ меня, и какимъ смущеніемъ взволновалъ всю душу мою сказавъ, что показали они, что слѣдуетъ имъ по крѣпостямъ слѣшкомъ 18,000 де-сятинъ и что имъ за всѣми ихъ спорами не достаетъ еще болѣе тысячи десятинъ.

Я ахнулъ сіе услышавъ и холодной потъ проникъ изъ всего тѣла моего; ибо извѣ-стіе сіе было для меня совсѣмъ неожп-даемо, а всѣ мы думали и за вѣрное по-лагали до того, что у нихъ много будетъ примѣрной земли: а тутъ вдругъ прои-вился недостатокъ и столь еще великой.

Я не понималъ откуда-бъ онъ взялся и хотя не сомнѣвался почти, что они приглаголи, по совсѣмъ тѣмъ тревожило меня сіе обстоятельство гораздо и гораздо, потому что угрожало потерю весьма мно-гаго количества земли.

Но какъ нечего было дѣлать, то оста-валось только дожидаться послѣдующаго за тѣмъ четверга, въ которой день на-значено было всѣмъ повѣреннымъ явиться къ межевщику для обыкновеннаго миро-творенія. А посему, хотя и старался я въ заговѣны кое-чѣмъ себя развеселить, но недостатокъ волостной не выходилъ у меня съ ума и смущалъ всѣ мои мысли и помышленія, и всѣ мои увеселенія на-поляжъ жолчью.

Наконецъ наступилъ помянутой страш-ной для меня четвергъ, въ которой над-лежало и намъ приѣхать къ Лыкову на заводъ и подать о числѣ дачъ своихъ свѣдѣніе.

Признаюсь, что приближеніе дня сего гревозило меня очень: мысль, что онъ бу-детъ рѣшительной, приводила меня въ

смущеніе; въ особенности же долго не зналъ я, какъ лучше подать свѣдѣніе, и показать ли въ немъ свой сумнительной поверетной дѣсъ или не показывать. Но наконецъ, для услышаннаго недавно из-вѣстія о недостаткѣ въ волости земли, за необходимое почелъ оной наудачу пока-зать.

Итакъ, собравшись съ сосѣдями по-ѣхали мы всѣ вмѣстѣ на заводъ къ г-ну Лыкову, какъ старшему землемѣру, дол-женствовавшему мирить насъ.

Мы навѣрное полагали, что будетъ тутъ множество дворянъ, по въ томъ об-манулись. Изъ сихъ самихъ не было ни-кого, а была только превеликая толпа глухихъ и ничего песмыслящихъ повѣрен-ныхъ, сухихъ глухихъ тетеревей.

Мы пробыли тутъ весь день и ничего не сдѣлали. Межевщикъ былъ человекъ непрворной и вялой и все дѣло шло не такъ, какъ въ людяхъ. Словомъ, дошло до того, что я принужденъ былъ вступиться въ чужое спасеніе и вмѣсто его быть миро-творителемъ, и мнѣ дѣйствительно уда-лось многихъ преклонить къ миролюби-вѣйшимъ мыслямъ.

Что-жъ касается до насъ, то не имѣли мы дѣла, потому что волостные еще свѣ-дѣнія своего о землѣ не подавали. Сіе меня сначала удивило, но послѣ обрадо-вался я услышавъ, что у нихъ есть при-мѣрецъ, что свѣдѣніе они хотя и подали, но какъ въ ономъ наврали много излиш-няго, то межевщикомъ было не принято, а онъ велѣлъ переписать и показать прав-ду, а чрезъ то и пошло наше дѣло еще въ отсрочку.

Возвратясь съ успокоеннымъ опять въ-сколько духомъ домой, продолжали мы достальные дни первой недѣли говѣть и молиться Богу. Но наступленіи же суб-боты не знали мы, къ какому попу итти намъ на духъ.

Прежняго нашего духовника, добраго и почтеннаго отца Иларіона уже не было, онъ отошелъ къ своимъ предкамъ и у насъ попомъ былъ усновленный имъ пле-мянникъ его Евграфъ; и хотя сей былъ

и молодъ еще, но мы рѣшились наконецъ идти къ нему на духъ.

По исправленіи сего долга христіанскаго принялся я за переписываніе набѣло сочиненной мною экономическон пьесы, и за шлифованье на станкѣ своихъ камней.

Въ сихъ упражненіяхъ и въ угощеніяхъ многихъ прѣѣзжавшихъ къ намъ около сего времени гостей, и собственныхъ кою-куда разъѣздахъ проводилъ я нѣсколько дней сряду.

Между тѣмъ имѣлъ я неописанное удовольствіе отъ полученія одной давно желаемой книги, а именно Цыкова «Экономическаго лексикона». Посылаемый въ Москву человекъ принесть мнѣ ее и нѣкоторыя другія.

Не могу изобразить, какъ обрадованъ я былъ ономъ, и съ какимъ рвеніемъ ее пересматривалъ и какое удовольствіе имѣлъ, находя въ оной безконечное множество разныхъ вещей, весьма нужныхъ для свѣдѣнія моего при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и книга сія впоследствии времени мнѣ очень пригодилась.

Отъѣздъ обоихъ братьевъ моихъ въ Москву въ послѣдній день сего мѣсяца подалъ мнѣ случай отослать съ ними на почту помянутую сочиненную мною пьесу: «О раздѣленіи полей», въ Экономическое Общество. Сочиненіе сіе хотя мнѣ и очень нравилось и все читавшіе оное хвалили, но не зналъ я, каково оно покажется Экономическому Обществу, отъ котораго давно уже дожидался присылки 15-й части и не очень доволенъ былъ тѣмъ, что они ее ко мнѣ не присылали.

Въ сихъ разныхъ препровожденіяхъ времени и не видалъ я, какъ протекъ и весь февраль мѣсяцъ и наступилъ мартъ, котораго я, по причинѣ приближавшагося съ каждымъ днемъ разрѣшенія жены моей отъ бремени, съ обыкновеннымъ смущеніемъ дожидался.

Но какъ письмо мое довольно уже велико, то предоставивъ повѣствованіе о семъ весьма для меня достопамятномъ мартѣ мѣсяцѣ письму будущему, симъ

сіе кончу и скажу, что емь вашъ и проч.

(Декабря 17 дня 1807.)

(7-го марта).

Письмо 149-е.

Любезный пріятель! Въ теперешнемъ письмѣ опишу я вамъ одно изъ достопамятнѣйшихъ происшествій въ моей жизни, а именно рожденіе моего сына Павла, чрезъ котораго благоудно было Всемогущему доставить мнѣ безчисленное множество удовольствій въ жизни, и за одареніе которымъ всегда благодарилъ, и не перестаю и поныѣ благодарить моего Господа, и почитаю то особенною его къ себѣ милостію.

Случилось сіе въ началѣ марта мѣсяца. Жена моя уже 5-го числа онаго почувствовала въ себѣ близкое приближеніе разрѣшенія своего отъ бремени; и какъ матери ея, а моей тещѣ восхотѣлось около самаго сего времени съѣздить въ Калединку для свиданія съ старичкомъ ея родителемъ, съ которымъ она давно не видалась, и она за часъ только до того отъ насъ уѣхала, то обстоятельство сіе увеличило несказанно мое смущеніе и то крайнее безпокойство духа, каковымъ обыкновенно страдалъ я всякой разъ при такихъ критическихъ минутахъ времени.

Я не зналъ что мнѣ тогда съ женою дѣлать, если она прежде возвращенія ея родить соберется; тогда не было еще нигдѣ въ городахъ иностранныхъ и русскихъ повинальныхъ бабокъ, которыя нынѣ введены въ обыкновеніе, и наши братья сельскіе дворяне незаботились о выписываніи и привозѣ оныхъ къ себѣ въ дома и терянн на нихъ по нѣскольку сотъ рублей денегъ, а по примѣру своихъ предковъ, довольствовались и пробавлялись своими домашними и какія у кого служались бабками; слѣдовательно и положиться было не на кого.

Несмотря на то, жена уговорила меня въ послѣдующій день съѣздить къ другу нашему г. Полонскому, съ которымъ я, по вторичномъ его возвращеніи съ Москвы, еще не видался.

Я не хотѣлъ-было никакъ на то отважиться, чтобъ отвѣхаться отъ ней въ такое опасное время; но какъ она увѣрила меня, что по всѣмъ признакамъ родить она не прежде какъ развѣ въ вечеру того дня, и я могу къ тому времени возвратиться, то и рѣшился я на отвагу въ сей недалней путь пуститься. И какъ меня во время бытности тамъ власно, какъ что подмывало, то и сократилъ я возможнѣйшимъ образомъ мое пребываніе и приѣхалъ домой еще рано до вечера.

Между тѣмъ жена моя часъ отъ часу болѣе жаловалась на обыкновенные въ такихъ случаяхъ припадки, что смущало и меня отчасу больше и тѣмъ паче, что не возвращалась еще изъ Каледники и теща моя; но по счастью въ сумерки приѣхала и она.

Теперь опишу я всѣ происшествія при сихъ родахъ точно тѣми словами, какими описалъ я все сіе достопамятное происшествіе тогда въ журналъ того года:

«Мы поужинали (писалъ я тогда) прежде обыкновеннаго времени, дабы дать покой домашнимъ и произвестъ желаемую тишину во всемъ домѣ, и имѣли много труда скрыть отъ всѣхъ приближеніе родовъ жены моей.

«Не успѣли мы лечь спать, какъ жена моя и начала чувствовать обыкновенныя муки, кои продолжались долго и привели насъ въ великое смущеніе.

«Я препроводилъ все сіе время власно какъ на величайшей каторгѣ и прямо можно сказать, находился между сномъ и бдѣніемъ, и страдалъ наибольшимъ беспокойствомъ душевнымъ.

«Наконецъ въ самую полночь или нѣсколько за полночь, на 7-е число, обрадовалъ насъ Всевышній благополучнымъ разрѣшеніемъ жены моей отъ бремени. Она родила мнѣ сына, котораго положили мы назвать по имени святого того дня, Павломъ.

«Достопамятно, что въ самое время рождения его случилось рѣдкое явленіе въ натурѣ, а именно сѣверное сіяніе. Началось и составлялось оно въ самую ту минуту и сдѣлалось довольно велико.

«И, будучи тогда въ неописанной радости, и увидѣвъ оное вышедши на крыльцо, счелъ сіе хорошимъ предзнаменованіемъ, и самъ себѣ въ восхищеніи сказалъ:

«Смотри пожалуй какой случай: уже не просіяетъ ли и сынъ мой, ежели живъ будетъ, чѣмъ-нибудь на Сѣверѣ? Но ахъ! — продолжалъ я самъ себѣ говорить: я бы всего болѣе желалъ, чтобъ былъ онъ добродѣтеленъ и любилъ бы своего Создателя! Вотъ первое чего я желаю новорожденному моему сыну, въданъ довольно, что когда сіе будетъ, то будетъ онъ благополученъ!»

Сими точно словами описалъ я въ дневномъ журналѣ того года сіе происшествіе и тогдашнее мое разсужденіе и желаніе, и ахъ! какъ хорошо сіе послѣ и совершилось въ свое время.

Впрочемъ, для любопытнаго свѣдѣнія потомкамъ его, замѣчу я здѣсь, что родился онъ въ деревнѣ нашей Дворяниновой, въ хоромахъ посреди самой нашей спальни и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ нынѣшнихъ хоромахъ дверь изъ гостинной въ спальню; что при рожденіи онаго была теща моя Марья Аврамовна, да принимавшая его бабка Алена Никитична, жена бывшаго въ прежнія времена дядьки моего Артамона, да вѣжка, Ивановнина дочь Алена, а послѣ я.

Такимъ образомъ, по благости Господней получилъ я тогда себѣ еще сына. И сколь много рожденіемъ онаго я ни былъ обрадованъ, но духъ мой расположенъ былъ такъ, что я въ журналѣ своемъ къ вышеупомянутымъ словамъ присовокупилъ слѣдующія слова:

«Будетъ ли онъ живъ, того не знаю, равно какъ и желать, и не желать того не могу довольно; это зависить отъ воли Господней, и онъ пусть дѣлаетъ, что ему будетъ благоугодно!»

Всѣ послѣдующіе за симъ дни провели мы въ непрерывныхъ угощеніяхъ приѣзжавшихъ по обыкновенію къ женѣ моей на родни, для одаренія новорожденнаго серебромъ и золотомъ.

И было всѣхъ ихъ довольно много, ибо

кромѣ нашихъ родныхъ калединскихъ, дѣдушки и тетушки, и здѣшнихъ, приѣзжали къ намъ дядя жены моей, Александръ Григорьевичъ Каверинъ съ женою, г. Полонскій съ женою, г. Ладыженскій съ женою и г-жа Феранонтова съ матерью.

Но крестить его за разными обстоятельствами какъ-то поумедлили, и крещенъ онъ не прежде какъ 20 числа, слѣдовательно безъ мала чрезъ двѣ недѣли послѣ рожденія.

Восприемниками отъ купели были, во-первыхъ, мои прежніе кумовья, другъ мой г. Полонскій и тетка жены моей Матрена Васильевна Арцыбышева. Во-вторыхъ, старѣйшіе изъ всѣхъ тогда въ жизни пребывающихъ родныхъ нашихъ: прадѣдъ его, любезной нашъ старичокъ Авраамъ Семеновичъ Арцыбышевъ, и бабка его, дочь сего почтеннаго старца, а моя теща Марья Аврамовна; крестили же его въ домѣ посреди нашей гостинной.

Сей крестильной пиръ случился у насъ тогда на самое вербное, но гостей какъ-то было немного, и кромѣ кумовьевъ былъ только г. Ладыженскій съ женою, землемѣръ Сумароковъ и братъ Гаврила Матвѣевичъ.

Между тѣмъ достопамятно было, что въ теченіе помннутыхъ двухъ недѣль произошли въ домѣ моемъ и со мною нѣкоторыя замѣчанія достойныя произшествія.

Во-первыхъ, въ пятый день послѣ рожденія сына моего имѣлъ я удовольствіе получить изъ Петербурга и ту 15-ю часть «Трудовъ» Общества, которой я какъ давно дожидался и въ полученіи которой уже совсѣмъ было-отчаявался.

Въ оной нашель я сочиненіе мое «О удобренія земель» также напечатаннымъ, которое было уже осьмое изъ произшедшихъ до того времени отъ меня.

Во-вторыхъ, что на другой день послѣ сего получилъ я съ газетами поэму «Любовь», которую господину неизвѣстному сочинителю угодно было одарить насъ всѣхъ, получающихъ газеты, и для меня

было сіе тѣмъ пріятнѣе, что она явственно какъ предвозвѣщала, что новорожденной сынъ мой будетъ всѣми знающими его любимъ. А въ слѣдующій затѣмъ день, то-есть 14-го марта, произошло у меня въ домѣ одно весьма рѣдкое произшествіе.

Одному изъ пѣтуховъ нашихъ вздумалось войти не въ свое дѣло и снести яйцо; и какъ яйца сего рода случилось мнѣ тогда еще впервые видѣть, то не могли мы оному довольно надивиться.

Оно было нарочито велико, по не совсѣмъ кругло, а продолговато, и къ одному концу узко и совсѣмъ почти остро, и загнувшись немного въ сторону, какъ будто вивтикомъ. Что касается до скорлупы, то была она нѣсколько потовѣе обыкновенной и не такъ бѣла, а немного красновата. Я не преминулъ его тогда же снѣсть, и нашель, что въсу въ немъ было съ четвертью золотины.

Въ-третьихъ, достопамятно было то, что въ промежуткѣ сего времени происходило у насъ по межамъ дѣламъ мнротвореніе съ княземъ Горчаковымъ по спору о его Неволочи. Самого князя при томъ не случилось, а имѣли мы дѣло съ его повѣренными, который былъ изрядный и неглупый мальчикъ.

Онъ протестовалъ противъ насъ, да почти и дѣльно, въ неправильномъ показаніи поверстнаго лѣса; но какъ при сѣздѣ нашемъ къ меженику предложилъ я, что есть-ли князю жаль своей Неволочи и не хочетъ разстаться съ симъ лѣсомъ, то не угодно-ли ему съ нами помѣняться и вмѣсто ей выттить совсѣмъ изъ нашего владѣнія и дачъ, и уступить намъ тотъ маленькой участокъ, которой онъ въ нихъ имѣеть.

Сіе предложеніе повѣреннаго княжова неожиданностію своею такъ поразило, что онъ даже тому обрадовался и казался быть на то очень согласнымъ, но отдавалъ намъ только не всю часть, а половину оной; но какъ мы на то не соглашались, то отправилъ онъ нарочнаго съ извѣстіемъ о томъ въ Москву къ князю,

и отложено дѣло сіе до полученія отъ него отвѣта.

Итакъ, дѣло сіе получило гораздо лучшее начало, нежели какого я ожидалъ, и я могъ уже ласкаться надеждою, что мы съ княземъ раздѣлаемся миролюбиво.

Напротивъ того волостные опять расстрожили мой духъ подачею такого свѣдѣнія, въ которомъ написано было нхъ дачной земли такъ много, что надлежало явиться у нихъ недостатку, толико для насъ бѣдственному и опасному.

Четвертое было то, что при случаѣ посланки около сего времени въ Москву, отправилъ я цѣлую партію такихъ книгъ изъ моей библіотеки, въ которыхъ не было мнѣ дальвей надобности, для промѣны оныхъ на иныя лучшія, новѣйшія и мнѣ надобнѣйшія. Знакомство, сведенное съ тогдашнимъ книгопродавцемъ Ридигеромъ, подало мнѣ къ тому поводъ, а дѣло сіе и получило успѣхъ вожделѣнный.

Наконецъ, замѣчанія достойно, что въ самый день крестинъ моего сына родилась во мнѣ превеликая охота къ хмѣледовству, о которой части до того я всего меньше помышлялъ; а тогда, читая по утру одно новѣйшее датское экономическое сочиненіе, нашелъ въ немъ описаніе новаго хмѣледовства, такъ имъ прельстился, что положилъ непремѣнно къ оному приступить, какъ скоро настанетъ весна; и не только сдѣлалъ сіе дѣйствительно, но получивъ чрезъ то слѣдъ къ новымъ и дальнѣйшимъ выдумкамъ, такъ сію часть разработалъ, что въ состояніи былъ потомъ писать о хмѣледовствѣ въ Экономическое Общество и надѣлалъ сочиненіемъ симъ множество въ государствѣ шума и славы, и выдумкѣ моей подражанія. Но я возвращусь къ тому времени, на которомъ я остановился, то-есть къ крестинамъ моего сына.

Обкрестивъ его на вербное, принялись мы опять за наши межевыя дѣла, и какъ повѣренной княжой получилъ уже отъ господина своего отвѣтъ и князь почти на все, кромѣ небольшой прибавки, соглашался, ибо мы, вѣдая, что ему и не можно было всей части своей за Нево-

лочь отдать, предлагали ему 12 десятинъ для прирѣзанія изъ нашихъ дачъ къ его Злобину, а онъ требовалъ 25; то по поводу сему и было у насъ для трактованія о семъ дѣлѣ собраніе.

И собралъ къ себѣ всѣхъ нашихъ старость и повѣренныхъ и пригласилъ къ тому же и сосѣда своего Матвѣя Никитича; началъ съ ними совѣщаться, какъ бы намъ раздѣлаться лучше съ княземъ, и какъ повѣренной его требовалъ уже 20 десятинъ и никакъ не хотѣлъ брать меньше, то мы, поговоривъ и посовѣтовавъ между собою, и согласились наконецъ сіе количество князю къ Злобинской его землѣ изъ своей прирѣзать, а онъ уступилъ бы намъ всѣ свои разбросанные по нашимъ дачамъ клочки и участки, которыхъ набиралось втрое болѣе противъ количества сего.

Итакъ, дѣло сіе положили мы совсѣмъ уже на мѣрѣ и почти кончили, какъ вдругъ сказали мнѣ, что въ самое то время возвратился съ Москвы и братъ мой Михайла Матвѣевичъ.

Обрадовавшись сему, послалъ я тотчасъ къ нему звать его къ себѣ, оканчивать вмѣстѣ съ нимъ сіе дѣло, ибо вѣдая упорный и дурной его нравъ, хотѣлъ, чтобы онъ лично имѣлъ въ томъ участіе.

Онъ тотчасъ къ намъ и явился. Но не успѣли мы ему пересказать всего дѣла и начать переговоры, какъ Михайла нашъ Матвѣевичъ въ гору, и не зная ни уха ни рыла, и такъ сказать, ни аза въ глаза, спорилъ и не хотѣлъ никакъ на помянутыхъ условіяхъ мириться.

Мы съ Матвѣемъ Никитичемъ такъ, мы саякъ, но не тутъ-то было; несеть себѣ чепуху и велѣпиду, и окончанному почти совсѣмъ дѣлу, ни дай ни внеси, дѣлалъ остановку и помѣшательство.

Господи! какъ мнѣ тогда на него досадно было и болѣе потому, что спорить былъ онъ мастеръ и охотникъ, и болѣе получать ему очень хотѣлось; а какъ къ дѣлу, такъ мы съ нимъ за дверью и тогда хлопочи и убьчсыя я одинъ, а онъ въ сторонѣ.

А для самаго того и старался я его всячески уговаривать; но какъ онъ никакъ не давался подъ ладъ, то нечего было дѣлать, принуждены были наконецъ отказать и отпустить ни съ чѣмъ повѣреннаго.

Не могу вспомнить какъ досадно было мнѣ сіе его неблагоприятное нехотѣніе и съ какииъ прискорбіемъ приступилъ я къ сей необходимости.

Я разбранился почти съ нимъ по отпуску повѣреннаго, и такъ былъ недоволенъ, что бросилъ-бы, еслибъ можно было, все сіе дѣло и оставилъ бы сего глупаго упряма одного хлопотать.

Но какъ для собственнаго своего участія въ семь дѣлѣ не могъ я сего сдѣлать, да и вѣдалъ, что онъ въ состояніи былъ только спякотить и испортить все оное, а поправлять и отвѣтствовать я же долженъ буду, то принялся я вновь его, и непутнымъ уже дѣломъ, уговаривать; и насилу-насилу уломали мы его, и государикъ нашъ склонился. И тогда ну-ка мы посылать скорѣе за повѣреннымъ и звать его обратно, и по счастью догнали его скоро и онъ возвратился.

Итакъ, положили мы на словѣ, ударили по рукамъ, и условились написать черную любовную о семь соглашеніи сказку, и чтобъ послать ее на разсмотрѣніе къ князю, которую въ тотъ же часъ и начеркалъ я, какъ мнѣ разсудилось лучше, и оную въ тотъ-же день въ Москву къ князю и отправили.

Достальные дни страстной недѣли и самое Благовѣщеніе, случившееся тогда въ великую пятницу, провели мы дома, и я во всѣ сіи дни занимался особымъ дѣломъ.

Изъ Москвы привезли ко мнѣ множество, вѣмѣненныхъ на старья, новыхъ книгъ; и какъ многіа изъ нихъ были безъ переплету, то по недостатку переплетчика принялся я самъ ихъ складывать и переплетать, сколько умѣлось, дабы ихъ спокойнѣе читать было можно, и занимая тѣмъ во все сіе праздное время.

Между тѣмъ приближился и праздникъ пасхи. Секу случилось въ се

27-го марта, и была тогда у насъ не только совершенная еще зима и путь ни мало еще не трогался; но въ самую ночь подъ сей великій праздникъ была такая мятель, что поѣхавшіе ночью къ заутрене проплутали и вмѣсто церкви иной проскакали въ Болотово, иной попалъ въ Трудавецъ, что случилось и съ моими соудьями, непохотѣнными такъ, какъ мы. подражать нашимъ предкамъ и ночь сію препроводить на погостѣ, ноуя и понаиъ домѣ. Мятель сіа продолжалась и во весь первый день пасхи. Однако мы пронели его и всю святую недѣлю нарочито весело.

Но она была бы намъ еще веселѣе, естлибъ привезенныя, или паче, страшныя вѣсти не возобновили прежнихъ нашихъ горестныхъ чувствованій и не наполнили сердца наши вновь страхомъ и ужасомъ. Ибо приѣзжіе разсказывали намъ уже за достовѣрное, что въ Москвѣ моровая язва открылась уже совершенно и начинаетъ усиливаться; что вымерла уже вся суконная фабрика у каменнаго моста, и что язва и въ другихъ частяхъ города открылась; что сіе принудило все бывшее въ Москвѣ дворянство уѣзжать съ великимъ посипѣніемъ изъ города и разѣзжаться по деревнямъ своимъ, и что всѣ дороги наполнены были экипажами оныхъ.

Нельзя довольно изобразить, какъ перетревожены мы были всѣми сими извѣстіями. Мы горевали при свиданіяхъ нашихъ и твердили только наперывъ другъ предъ другомъ: «Ахъ! великій Боже! что съ нами бѣдными будетъ, когда пагубное сіе зло распространится и до насъ? куда намъ тогда дѣваться, и что дѣлать?»

Совсѣмъ тѣмъ, сдѣлавшаяся вскорѣ послѣ того половодъ и вскорѣ за нею наступившая весна, занявъ мысли наши множествомъ вешнихъ дѣлъ, поуспокоила опять нѣсколько сердца наши.

Я препроводилъ весь апрѣль мѣсяцъ въ многообразныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ и упражненіяхъ; болѣе же всего занимали меня сады мои. Въ нихъ завелъ

я впервые тогда хмѣльники новоманерные, а нижній свой садъ началъ обрабатывать разными уступами и усаживать оныя плодovitыми деревьями и кустарниками. А между тѣмъ не оставлялъ видаться и съ сосѣдами своими и разъѣзжать временно по гостямъ, изъ которыхъ недалекихъ разъѣздовъ былъ одинъ нѣсколько примѣчанія достоинъ.

Тетка наша, г-жа Арцыбышева, жившая до того въ маленькомъ и тѣсномъ домикѣ, расположилась съ началомъ сей весны начать строить себѣ порядочной и большой домъ.

Планъ оному былъ у насъ съ нею давно уже сдѣланъ, и какъ приготовлены были и всѣ потребныя къ тому материалы, то просила она меня, чтобъ я къ ней прѣхалъ и помогъ ей разбить и заложить домъ сей, и кстати-бы и садъ ея, и превратить въ регулярной.

Просьбы сей нельзя было никакъ не послушать, и какъ случилось сіе при самомъ началѣ весны и въ такое время, когда не можно было ни на чемъ ѣхать, то, желая ей услужить, рѣшился я ѣхать къ ней даже верхомъ. Но сіа ѣзда не только меня въ прахъ измучила, но чуть-было не повергла меня въ болѣзнь самую.

Измучившись и отъ верховой ѣзды, какой никогда почти столь дальней не имѣлъ, и уставши въ прахъ при разбииваніи дома и сада, а того наче будучи принужденъ за темнотою ночевать у ней на дворѣ; ни то отъ того, ни то простудившись, получилъ я порядочную и довольно сильную лихорадку, и съ трудомъ уже возвратился домой, и тутъ насыла чрезъ нѣсколько дней оправился и отъ ней освободился.

Наконецъ, 23-го числа сего мѣсяца кончили мы и спорное свое дѣло по Неволочи съ княземъ Горчаковымъ. Послланная къ нему черная наша сказка привезена была уже обратно съ нѣкоторою переправкою. Онъ не соглашался никакъ взять меньше 25-ти десятинъ, и мы сколько ни упирались и сколько ни говорили

между собою, но наконецъ, желая кончить сіе дѣло и выжить его изъ своего внутренняго сосѣдства, согласились уже и сіе число дать и ударивъ по рукамъ, переписали и подписали сказку и подали ее въ сей день межевщику; чѣмъ все сіе дѣло благополучно и съ немалою для насъ выгодною и кончено.

Въ послѣдній же день сего мѣсяца распрощались мы съ сожалѣніемъ съ прѣхавшимъ къ намъ проститься второкласснымъ землемѣромъ господиномъ Сумароковымъ, отъѣзжавшимъ совсѣмъ отъ сихъ мѣстъ.

Намъ было его, какъ искренняго пріятеля нашего, очень жаль, ибо на него мы во многомъ полагали надежду, а на товарища его господина Лыкова худо надѣялись.

Сей вскорѣ послѣ сего и подтвердилъ намъ поступками своими не весьма выгодное о себѣ мнѣніе. Не успѣлъ настать май мѣсяць, какъ онъ и предпріялъ мирить насъ съ волостными и назначилъ къ тому 5-е число сего мѣсяца, что случилось тогда быть на самое Вознесенье. И какъ день сей былъ для насъ по всѣмъ происшествіямъ въ оный весьма достопамятнымъ, то, занимствуя изъ своего тогдашняго журнала, и опишу я все происхождение сего миротворенія подробнѣе.

Итакъ, не успѣлъ настать оный день, какъ побывавъ у церкви и отобѣдавъ дома, собравшись и поѣхали всѣ мы, дворянновскіе помѣщики, къ межевщику, въ Саламыковской заводъ, гдѣ онъ имѣлъ свою квартиру.

Какъ случилось сему дню быть крайне ненастному, то ѣдучи туда, отъ проливного и холоднаго дожда такъ мы перемокли и иззябли, что принуждены были заѣхать въ Ченцовъ къ одной намъ знакомой нѣмкѣ обогрѣваться.

У межевщика нашли мы обоихъ повѣренныхъ отъ волости; одинъ изъ нихъ съ половины Александра Александровича, былъ прежній Ченцовской такъ-называемый надзиратель, Лобановъ, а дру-

гой, съ полонины Лына Александровича, совсѣмъ новой, вѣвковой московской житель, служившій въ колюшешной канцеляри, по имени Никандра Савичъ, а по прозвищу Пестовъ.

Сему человѣку поручено было отъ Нарышкина разводиться съ сосѣдями. Я его тогда еще въ первой разъ видѣлъ, и онъ показался мнѣ знающимъ человѣкомъ, а притомъ самымъ иезуитомъ, и удалѣе еще прежняго ихъ повѣреннаго Щепотева.

Сперва мирили волостныхъ съ ходыкинскими и агаринскими, а потомъ дошло дѣло и до насъ.

Межевщикъ развернулъ нашъ планъ и показалъ все свое исчисленіе, дабы увѣрить насъ въ вѣрности онаго; а потомъ, для удостовѣренія насъ въ подлинности показаннаго въ свѣдѣніи волостномъ количества дачной ихъ земли, приказалъ имъ предъявить подлинную писцовую книгу, данную волости отъ стариннаго и общаго писца князя Булата Мещерскаго за собственнымъ подписаніемъ онаго. Какъ въ оной всѣ волостныя 44 деревни и превеликое множество пустошей описаны были особенно и во всей подробности, то составила изъ того толстая и превеликая книга, переплетенная въ порядочной старинной переплетъ.

— «Ну, вотъ, государи мои! сказалъ намъ межевщикъ: извольте посмотрѣть сами и хоть всю ее читайте, отъ доски до доски, или свѣрьте общую показанную на концѣ сумму и число всей пашенной земли и угодьевъ съ свѣдѣніемъ, поданнымъ отъ волостныхъ. Вотъ вамъ и свѣдѣніе ихъ».

Что оставалось тогда намъ дѣлать? Казалось, что межевщикъ сдѣлалъ съ своей стороны все, чего отъ него могли мы только требовать. И какъ о томъ, чтобъ всю книгу читать, по величинѣ ея, и помыслить было не можно; то я, взявъ свѣдѣніе и сравнивъ оное съ общою суммою и количествомъ земли, означеннымъ при концѣ книги, которое мѣсто было у нихъ прискаено и замѣчено, увидѣлъ, что въ свѣдѣніи не прибавлено было ничего. И

какъ было оно такъ велико, что вышло дѣло дѣйствительно въ волостной землѣ двухъ тысячъ земли недостатка, то при разсмотрѣніи ономъ сердце во мнѣ въ такомъ было волненіи, что хотѣло равно какъ выскочить.

При такихъ обстоятельствахъ не зналъ я что сказать, когда спросилъ меня межевщикъ, что я теперь думаю? Ибо могло-ль притти мнѣ и въ мысль тогда, что подъ всею сею наружною услужливостію скрывалось адское коварство и криводушіе сего толь много нами обласканнаго, и столь дружески съ нами обходившаго бездѣльника землемѣра?

Могъ ли я подумать что по милости его предлагаема мнѣ была тогда совершенная пасть и сушая отравка, должествующая произвести намъ вредъ и убытокъ весьма чувствительной, и отъ котораго спасла насъ потомъ уже сама невидимая десница благодѣтельствующаго намъ Промысла Господня, какъ о томъ послѣ въ свое время упомянется. А тогда нельзя было никакъ и подумать и малѣйшаго возмѣть подозрѣнія, чтобъ скрывался тутъ какой-нибудь обманъ; но я по праводушію своему и поналъ, по пословицѣ говоря, какъ сомъ въ вершу, и повѣривъ всему тому, не зналъ, что сказать межевщику непрошающему меня.

Сей же криводушникъ, возложивъ на себя тогда личину дружества, и желая еще болѣе смутить и оглумить меня въ тогдашнемъ замѣшательствѣ, схватилъ меня за руку и отвелъ въ другую комнату, сталъ какъ доброй совѣтовать мнѣ недопускать спора нашего отнюдь до конторы, а помириться какъ-нибудь съ волостными.

— «Сами вы знаете, говорилъ онъ мнѣ: можно-ли вамъ съ такимъ большимъ приѣмомъ, какой въ вашихъ дачахъ оказывается, показаться въ контору. Не легко-ли вы тамъ всего его лишиться можете? и не лучше-ли здѣсь хоть отдать имъ, проклятымъ, сколько-нибудь да помириться?»

— То такъ, батюшка! отвѣчалъ я ему:

но мы не совсѣмъ вѣдь еще размежеваны и пустоши не разрѣзаны, и почему знать, можетъ быть въ прикосновенныхъ къ волости земляхъ столько примѣра и не окажется, сколько вы теперь во всей вообще вычислили.

Бездѣльникъ сей усмѣхнулся сіе услышавъ, и подхвативъ рѣчь мою, сказалъ: — «Да неужли думаете вы, чтобъ они такъ глупы были и допустили васъ перепустить изъ пустоши въ пустошь землю? Нѣтъ, братецъ! эту штуку они очень знаютъ и ихъ трудно будетъ обмануть. Впрочемъ воля ваша, а мой згадъ, чѣмъ скорѣй къ миру тѣмъ лучше».

Что оставалось тогда на сіе говорить? Я не сомнѣвался нимало, что самъ же онъ во всемъ ихъ надоумитъ и наставить и другого не находилъ, какъ прикраивать себя къ обстоятельствамъ времени и его, какъ друга и пріятеля, просить, чтобъ по крайней мѣрѣ помогъ онъ намъ по силѣ и возможности своей при семъ миротвореніи и уговорилъ волостныхъ взять съ насъ, koliko можно меньше.

— «О, въ этомъ можете вы, сказалъ онъ мнѣ: совершенно на меня положиться, и я по ласкѣ и дружбѣ вашей ко мнѣ все употреблю, что только мнѣ будетъ возможно».

И дѣйствительно, начавъ потомъ насъ мирить и услышавъ, что повѣренные погѣзли въ гору и требовали всего заспореннаго мѣста, сталъ ихъ, какъ добрый, всячески уговаривать, чтобъ помирились они съ нами на условіяхъ какихъ-нибудь сходнѣйшихъ.

Мы прокричали и проговорили тогда съ ними истинно часа три, и не прежде какъ по многомъ преніи и уговариваніи меженикомъ и ихъ и насъ, наконецъ согласился на томъ, чтобъ пожертвовать имъ и дать на каждую половину по 30 десят.: Пестову изъ пустоши нашей Хмыровой, подлѣ рѣчекъ Трешни, а Ченцовскому надзирателю изъ пустоши Гвоздевой за Елвинскимъ заводомъ.

Пожертвованіе сіе сколь ни было намъ прискорбно, больно и чувствительно, но

мы тогда радовались еще, что волостные согласились взять въ сравненіи съ 400 десятинами количество ничего почти незначущее; а притомъ утѣшало насъ нѣсколько и то, что и землю сію предлагали мы имъ въ мѣстахъ самыхъ худшихъ изъ всѣхъ нашихъ дачъ, и ничего почти нестоющую, а особливо лежащую въ отдаленности отъ насъ за рѣчкою Трешнею, не только голую глину, но изрытую всю столь многими водороннами, что мы называли мѣсто сіе «воробьевскими горами», и никогда почти хлѣба на ней за всегданнимъ неурожаемъ не сѣвали. И потому спѣшили ужь сами, чтобъ скорѣе написать полюбовныя сказки.

Сіе можетъ бы и учинили мы тогда-же и помирились совершенно, естлибъ не восхотѣлось ченцовскому повѣренному увидѣть весь отдаваемой ему нами клочокъ земли напередъ въ натурѣ, и не вздумалось ему подбить къ тому же и Пестова, и потому просить землемѣра отложить то дѣло до утра.

Не могу изобразить, какъ досаденъ былъ мнѣ тогда сей щербатой надзиратель ченцовской и съ какимъ неудовольствіемъ поѣхали мы домой, будучи принуждены дать имъ слово выѣхать въ послѣдующій день на поле и согласиться показать имъ всю отдаваемую имъ землю въ натурѣ.

Но, ахъ! какъ часто досадуемъ мы на то, чему бы надлежало намъ радоваться! Изъ послѣдствія оказалось, что самая сія печальная остановка произошла не по слѣпому случаю, а по устроенію благодѣтельствующихъ намъ судьбъ и для нашей же пользы и выгоды, какъ о томъ упомянется послѣ въ свое время.

Итакъ, по условію, на другой день и выѣхали мы поутру въ поле, но не нашедъ еще никого, принуждены были дожидаться долгое время, и наскучивъ тщетнымъ ожиданіемъ посылали провѣдывать; и какъ посланный привезъ намъ извѣстіе, что меженикъ будетъ послѣ обѣда, и намъ тогда дастъ знать, то мы хотя и подосадовали, но поѣхали и сами домой обѣдать. Но и послѣ обѣда нѣсколько часовъ прождали мы присылки, и насслу-

насилу прислали они намъ сказать, что поѣхали. Тогда, ни мало не медля, бросившись на лошадей, послакали и мы на Гводевское поле за Елкинскій заводъ.

Я встрѣтилъ ихъ противъ такъ-называемаго Савина-верха и упросилъ ченцовскаго надзирателя, чтобъ онъ согласился на ихъ половину взять наиболѣе земли тутъ, около Савина-верха, а подлѣ-бъ пруда немного, на что онъ и согласился.

Послѣ сего приѣхали мы къ плотинѣ и начали говорить о прудѣ. Мы прокричали и проторговались тутъ часа три, и нельзя было безсовестнѣе быть волостныхъ и повѣреннаго ихъ, помянутаго надзирателя ченцовскаго.

До сего времени почиталъ я его добрымъ, смиреннымъ, простымъ и прамудрымъ человѣкомъ, почему и оказывалъ ему всегда благопріятство, когда случалось ему бывать у меня съ нѣмцами; но тогда узналъ я, что былъ онъ самый негодный и глупый человѣкъ, и что ничего нѣтъ хуже, какъ имѣть съ глупымъ человѣкомъ дѣло.

Они недовольны были тѣмъ, что мы, будучи самою необходимостью принуждаемы, уступали имъ самый родной берегъ рѣки, за который сами они намъ въ старину оброкъ плачивали, но хотѣли заградить у насъ и весь выгонъ и отбить насъ даже отъ бучила, нужнаго намъ для ловленія рыбы; и насилу-насилу могли дураковъ усовѣстить, и наконецъ положили на мѣрѣ покуда имъ взять, и назвали мѣсто.

Но тутъ явился новое помѣшательство! негодяй щербатой или паче беззубой повѣренной ихъ сказалъ, что онъ хотя и соглашается такъ взять, но безъ управителя своего не смѣетъ, а отпшетъ напередъ къ нему въ Москву и спросится.

Господи! какъ мнѣ тогда на сего негодяя было досадно! Но какъ нечего было дѣлать и мы всѣмъ тѣмъ провели время до самаго вечера, и въ Хмырово ѣхать было некогда, то принуждены были отложить прочее до утрава, а всѣхъ ихъ противъ хотѣнія завзять къ себѣ и стараться еще всячески угостить, дабы при томъ

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1871 г.

можно было еще обо всемъ поговорить, что мы и непреминули учинить.

Главнѣйшее наше стараніе было о томъ, чтобъ уговорить салымковскаго повѣреннаго, Пестова, взять отъ насъ меньше 30-ти десятинъ, или по крайней мѣрѣ взять сіе число за рѣчку Трешнею на упомянутой выше сего Воробьевой горѣ, и учинить сіе стоило намъ великаго труда.

Бъ несчастію мѣшалъ намъ и при семъ случаѣ умница мой, братецъ Михайла Матвѣевичъ. Нагнавъ въ голову себѣ совѣсь неблаговременно множество лишняго винаго чада, забарабошилъ онъ у насъ опять совѣсь не кстати, и только кричалъ: «не дамъ ничего, а ѣду самъ въ Петербургъ, ѣду къ господамъ Нарышкинымъ!»

Мы такъ, мы сякъ уговаривать его, но не тутъ-то было, несеть только вздоръ и околесную и никакъ подъ ладъ не давался: я, да я! да и только всего!

Господи! какъ досаденъ мнѣ былъ тогда этотъ человѣкъ! Наконецъ, какъ мы истощили уже всѣ силы и не могли никакъ его уломать, то принужденъ я былъ рѣшиться, несмотря на него, продолжать свое дѣло, и согласиться на тридцати десятинахъ, и былъ доволенъ уже и тѣмъ, что онъ соглашался взять налн Воробьевы горы, а достальное, буде чего въ нихъ не достанеть, по сю сторону рѣчки Трешни.

Съ ченцовскимъ же повѣреннымъ условились мы, чтобъ наутріе то мѣсто подлѣ Елкинскаго пруда, которое мы ему отдавали, напередъ снять на планъ и вымѣрять, дабы ему о томъ основательнѣе можно было своего управителя увѣдомить. И какъ межешникъ общаца прислать для сего измѣренія ученика, то на томъ мы въ сей день и разстались.

Итакъ, поутру на другой день поѣхалъ я къ сосѣду своему Матвѣю Нвентичу, чтобъ, позавтракавъ, съ нимъ вмѣстѣ ѣхать для помянутаго измѣренія, а между тѣмъ послали и за Михайлою Матвѣевичемъ, который и пришелъ, но по несчастію хвотивши опять рюмку другую лишнюю.

Боже мой, какъ рязлся я тогда досадою на него; и какъ ругалъ и бранилъ его въ душѣ-моей

въ такомъ

важномъ случаѣ, когда люди дѣло дѣлаютъ, не могъ себя никакъ повоздержатъ отъ проклятой своей привычки.

Совсѣмъ тѣмъ, хотя онъ и побарабошилъ, но требованія его были уже совсѣмъ нныя. Онъ говорилъ только, что поѣдетъ въ Петербургъ просить Нарышкиныхъ изъ милости, и требовалъ отъ насъ, чтобъ мы ему всю ту землю отдали, которую отдаемъ теперь Нарышкинымъ и которую хотѣлъ онъ выхлопотать.

Услышавъ сіе не могъ я, чтобъ внутренно не смѣяться тому, вѣдая суетность словъ его и будучи удостовѣренъ въ томъ, что ничему тому не быватъ, соглашался подписать и руками и ногами обѣщаніе свое отдать ему землю, естли онъ ее выхлопочетъ: но теперь бы только онъ приступилъ бы вмѣстѣ съ нами къ миру и не мѣшалъ бы дѣлу.

Полученное извѣстіе, что ученикъ приѣхалъ, окончилъ сіе наше преніе и мы, поѣхавъ туда, нашли тамъ и самого ченцовскаго надзирателя, восхотѣвшаго-было опять каверзить, и требовалъ новой прибавки. Но мы не соглашались уже прибавлять ни на волосъ и принудили его остаться на вчерашнемъ и приступить къ дѣлу, которое и завало насъ довольно времени; по окончаніи же онаго, желая скорѣй сдѣлать всему дѣлу конецъ и какое-нибудь рѣшеніе, поѣхали мы къ межвещику.

Но тамъ нашли мы новое замѣшательство: дурневскіе мужики, которымъ отдаваемая нами въ Хмыровѣ земля должна была достаться, безъ насъ приступили къ своему повѣренному Пестову и насажали ему невѣдомо что о нашихъ Воробьевскихъ горахъ, говоря что эта земля ни къ чему не годнаа, и что имъ она даромъ невадобна. Симъ обилии они Пестова съ пахвей и произвели то, что онъ перемѣнилъ свое слово и требовалъ всѣ 30 десятинъ по сю сторону Трешни.

Боже мой, какъ это было для насъ досадно; на сей сторонѣ дать намъ никакъ не хотѣлось, а пособить было нечѣмъ. Словомъ, мы вздумали-было уже все дѣло бросить и итти въ контору.

Но вдругъ вздумалось мнѣ сказать ему двѣ вещи: во-первыхъ, что бралъ-бы онъ любое, либо 30 десятинъ съ Воробьевскими горами, либо 20 десятинъ по сю сторону рѣчки; во-вторыхъ, что естли пойдешъ мы въ контору, то въ случаѣ, естли стануть рѣзать, то отрѣжемъ все къ ченцовской половинѣ, а на ихъ половину не достанется ничего.

Сіе слово заставило его задуматься и сдѣлаться стоворѣннѣмъ. Межевщикъ старался его всячески уговорить и присоветовалъ послать за дурневскими мужиками, коихъ и принуждены мы были ждать до вечера.

Между тѣмъ хотѣлось мнѣ и съ ченцовскими переговорить и положить также на словѣ. Но какъ Лобановъ, отъ насъ отставши, заѣхалъ въ гости и хотъ за нимъ послали, но приѣхалъ не скоро, то провели мы все сіе время въ постороннихъ разговорахъ. Пестовъ былъ неглупъ и можно было говорить съ нимъ обо всемъ.

Въ сихъ разговорахъ нечувствительно дошли мы до садовъ, и какъ я примѣтилъ, что былъ онъ превеликій до нихъ охотникъ, но ничего не зналъ: то, пользуясь симъ случаемъ, началъ я ему точить бабы и все что зналъ ему рассказывать. Симъ удалось мнѣ его такъ очаровать, что онъ былъ чрезвычайно доволенъ и радъ бы былъ проговорить со мною о томъ невѣдомо сколько, естли бы приѣхавшіе мужики и Лобановъ не помѣшали.

Тутъ начался у насъ опять торгъ и крикъ: но Пестовъ держалъ уже очевидно мою сторону и самъ убѣждалъ мужиковъ, и подозвавъ, показывалъ имъ на планѣ то мѣсто.

Мы проговорили очень долго, и наконецъ насилу-насилу ударили по рукамъ, и я втеръ имъ въ руки свои Воробьевы горы, и былъ тѣмъ доволенъ.

Окончавши съ нимъ началъ я съ Лобановымъ дѣло. Сему не хотѣлось намъ дать сколько тѣмъ, а сколько-нибудь выворотить за прудъ; но сего учинить не было никакой возможности. Онъ былъ

упрямъ какъ чортъ и бессмысленъ какъ скотъ, и ничего съ нимъ сдѣлать было не можно.

До самой ночи мы прокричали и ничего еще не положили. Но наконецъ принуждены мы были согласиться и ему дать тридцать десятинъ, и онъ обѣщалъ писать о томъ къ управителю.

Разставшись на семь, приѣхали мы домой уже ночью; и какъ хотѣлось мнѣ желѣзо ковать покуда оно было еще горячо, то поутру спѣшилъ я написать скорѣй къ саламковскимъ повѣреннымъ любовную сказку и послать ее на заводъ.

Они тамъ прибавили кое-что, и велѣли переписать, и подписавши къ нимъ прислать; а сіе мы тотчасъ и сдѣлали, а межевщикъ, получа ее, вмѣстѣ съ повѣреннымъ и поѣхалъ тогда въ Москву и повезъ ее съ собою.

Симъ-то образомъ кончилось тогда наше миротвореніе; однако не думайте, чтобъ на томъ осталось. Нѣтъ! любезный пріятель! происходило еще много до послѣдняго окончанія межеванья и было много совѣмъ неожиданнаго и страннаго, о чемъ расскажу я вамъ въ свое время; а теперь дозвоьте мнѣ сіе слишкомъ увеличившееся письмо кончить и сказать, что я емь и прочая.

(Декабря 19 дня 1807 г.).

Письмо 150-е.

Любезный пріятель! Продолжая мое повѣствованіе скажу вамъ, что на другой день послѣ помянутаго соглашенія съ волостными въ разсужденіи ихъ спора, случилось быть нашему вѣшнему годовому деревенскому празднику, въ который и посѣтили меня кое-кто изъ нашихъ сосѣдей.

И день сей достопамятенъ былъ тѣмъ, что сосѣдъ и кумъ мой г. Ладыженскій, будучи у меня съ старшимъ своимъ сыномъ Никитою, оставилъ его жить у меня и кой-чему учиться, а особливо арифметикѣ и рисованью, чему я уже за нѣсколько времени учинилъ съ нимъ начало. Ибо какъ мальчикъ сей былъ отъ природы неглупъ и понятенъ, то хотѣлось

мнѣ тѣмъ услужить своему сосѣду, а притомъ и самому ему знаніями своими доставить какую-нибудь пользу.

Итакъ, съ сего времени началъ онъ у меня жить и вмѣстѣ съ племянникомъ моимъ кой-чему учиться. Въ семъ же послѣднемъ далеко не находилъ я тѣхъ способностей, какія желалъ чтобъ въ немъ были.

Послѣдующіе засимъ достальныя дни мѣсяца мая провелъ я наиболѣе въ разныхъ садовыхъ занятіяхъ и работахъ, и сады мои въ сію весну получили много кой-какихъ обновокъ и прихотли чась отъ часу въ лучшее состояніе. Слава объ нихъ распространялась всюду и всюду.

Между тѣмъ, не оставлялъ я видаться съ сосѣдами и развѣзжать самъ кой-куда по гостямъ; но особливаго и примѣчанія достойнаго во весь сей мѣсяцъ ничего не произошло, кромѣ того, что у сосѣда моего Матвѣя Нивентича въ концѣ сего мѣсяца родилась дочь его Федосья, самая та, которая, оставшись изъ всѣхъ его дѣтей въ живыхъ, нынѣ моею сосѣдкою и владѣетъ всѣмъ отцовскимъ имѣніемъ.

Какъ всѣхъ его дѣтей крестилъ я, то былъ и сей его дочери восприемникомъ вмѣстѣ съ дочерью господиномъ Хвощинскаго, Ольгою Васильевною, а самъ онъ съ тещею хозяйина былъ первымъ кумомъ.

Вскорѣ засимъ наступилъ мѣсяцъ іюнь, въ которой въ Москвѣ такъ уже усилилась язва, что изъ опасенія, чтобъ она не распространилась всюду и всюду, принуждено было помышлять о недопущаніи выѣзжать изъ оной всѣхъ. Однако предпріятіе сіе было уже слишкомъ поздно, и многіе успѣли уже развезти зло сіе во многія другія мѣста.

Но что касается до тѣхъ мѣстъ, гдѣ мы жили, то не было еще въ окрестностяхъ нашихъ ни малѣйшаго слуха объ оной, а потому и были мы еще спокойны, а смущались только одними слухами о Москвѣ.

Я съ моей стороны ~~не~~ ~~вину~~ сего мѣсяца ~~провелъ~~

почти въ садахъ моихъ и занимался въ нихъ, кромѣ другихъ разныхъ дѣлъ, въ особенности вновь насажденнымъ своимъ хмѣлемъ и разношерными переніями онаго.

Также не было дня, въ которой бы не испытывалъ я составлять изъ разныхъ цвѣтовъ разныхъ домашнихъ красокъ. И какъ мнѣ ннѣ изъ нихъ очень удавались, то и чувствовалъ отъ того превеликое для себя удовольствіе. Напротивъ того, вторую половину сего мѣсяца занимался болѣе межевными хлопотами и раздѣлами земли, а именно:

Во-первыхъ, надлежало намъ всѣмъ, дворянновскимъ владѣльцамъ, раздѣлить между собою всю отмежеванную намъ церковную землю вмѣсто отхожаго нашего луга. Для сего надлежало мнѣ снять ее всю аккуратно на планъ, и расчисливъ сколько кому доводилось, кидать съ сосѣдами жеребій и потомъ въ натурѣ ее разрѣзать; что все и произвелъ я 14-го числа надлежащимъ порядкомъ.

Во-вторыхъ, уступленная нами князю Горчакову земля не была еще, согласно съ нашею полюбовною сязкою, отрѣзана; итакъ, дошло наконецъ дѣло и до ней, и господинъ межевщикъ насилу-насилу собрался кончить сіе дѣло и утвердить между въ Шаховѣ, уничтожа нашъ дѣланый споръ въ Неволочи. Сіе произведено было 15-го числа сего мѣсяца.

Въ-третьихъ, надобно намъ было всю доставшуюся намъ часть князя Горчакова, или всѣ находившіяся во владѣніи его разныя разбросанныя клочки принять во владѣніе и ихъ всѣ, измѣривъ, разверстать и раздѣлить между собою.

Самое и сіе долженъ былъ не кто иной, какъ я же производить, и сосѣди мои могли мнѣ въ томъ очень мало. Всякой изъ нихъ любилъ только брать да спорить, а дѣло дѣлать былъ не въ состояніи; итакъ, я и за снѣмъ принужденъ былъ нѣсколько дней пропластаться.

Вскорѣ послѣ того таковая-жъ необходимость потребовала побывать мнѣ въ нашемъ Каверинѣ за Вашанною. Находилось

и тамъ десятинъ около сорока prime ванной къ намъ отъ другихъ владѣцевъ земли, которая не была еще рѣшена между нами, разными владѣцами.

И какъ никто изъ нихъ не умѣлъ не могъ дѣла сего произвести такъ рядочно и основательно какъ я, то песли они меня принять сей трудъ набя; и я принужденъ былъ туда для сѣздить, пробытъ тамъ нѣсколько дебродить по полю съ своимъ домашнимъ инструментомъ, и имѣть довольно-таки хлопотъ по сему дѣлу: ибо нѣкоторымъ изъ нихъ хотѣлось неправильно получить болѣе, нежели сколько имъ слѣдовало; взять часть свою на любяхъ, а не жеребью.

Итакъ, надобно было самому мнѣ имъ разрѣзывать и ихъ къ справедливѣйшему раздѣлу уговаривать, въ чемъ мнѣ наконецъ и удалось.

Наградою же за сей трудъ послужилъ мнѣ только то, что я увеличилъ знаество съ домою г. Кислинскаго и сѣда его г. Брюкова, Степана Александровича, ибо по дѣлу сему принужденъ я былъ бывать у нихъ по нѣсколькору

А не успѣлъ я, возвратившись изъ сего маленькаго путешествія домой, еще отдохнуть, какъ другая такая-жъ необходимость принуждала меня съѣздить въ Литино.

Туда приѣхавъ, наконецъ, давно не ожидаемой внутренней сосѣдъ нашъ конъ Васильевичъ Бакѣевъ. Съ сего надлежало намъ пораздѣлаться нѣсколькосою землею.

Явившійся въ такъ-называемой повинѣ его противъ дачъ великій излишекъ а въ нашей повинѣ великій недостатокъ, побуждалъ насъ съ Мареею Микеловною требовать отъ него, чтобы онъ съ нами, не входя въ судебныя дѣла, поуровнялся землями и намъ сколько-нибудь своего излишка отдалъ.

И какъ онъ былъ человѣкъ умной разсудительной, то увидѣвъ справедливость нашего требованія, не оказалъ сего и самъ дальнаго отъ полюбовной сдѣ

отвращенія, а просилъ только насъ добромъ, чтобъ мы сколько-нибудь были противъ его снисходительны; а самое сіе убѣдило и насъ не гнаться за всѣмъ его великимъ излишкомъ, а довольными остаться тѣмъ, что онъ уступилъ намъ островъ между двухъ вершинъ, состоящій десятинахъ въ 15-ти или нѣсколько болѣе, чѣмъ и кончили мы миролюбно и сіе дѣло.

Окончавши сіе дѣло, и проводивъ привѣзавшихъ ко мнѣ около сего времени многихъ и разныхъ гостей, лишь только принялся-было я за свои садовыя и другія дѣла, какъ гляжу опять кашинскій мужикъ на дворъ съ письмами отъ племянницъ моихъ и отъ господина Багла-новскаго. Всѣ они увѣдомляли меня, что и тамъ дошло до нихъ межеванье и просили меня, чтобъ я къ нимъ для онаго прѣехалъ.

— «Нѣтъ, нѣтъ, матушки мои, сказалъ я, прочитавъ сіи письма: у самого еще собственное межеванье на рукахъ, такъ не можно мнѣ никакъ отлучиться; оно поважнѣе гораздо вашего! У васъ дѣло обойдется можетъ быть и безъ споровъ дальнихъ, а мое дѣло находится еще въ критическомъ положеніи и кончится еще Богъ знаетъ чѣмъ».

Ибо въ самомъ дѣлѣ съ того времени, какъ межевщикъ взялъ у насъ свазку, ничего по оному не происходило, и мы не знали даже и того, подписали-ли ее волостные или нѣтъ; и межевщикъ хотя часто у насъ по прежнему обменованію бывалъ, но ничего не сказывалъ, да и не заводилъ никогда и рѣчи о межеваньѣ, и мы не знали, что-бы тому было причиною, а сами разспрашивать о томъ не почитали за нужное.

Пустоши же наши и тогда все еще оставались неразмежеванными и господинъ межевщикъ и не помышлялъ о томъ, отлагая можетъ быть дѣло сіе до того времени, какъ кончилиъ мы миръ свой съ волостными совершенно.

При такихъ обстоятельствахъ не сталъ я долго медлить, но въ тотъ же еще день, написавъ письма въ Кашинъ, увидѣлъ племянницъ своихъ, что мнѣ при-

тогдашнихъ сумнительныхъ обстоятельствахъ отъ дома отлучиться никакъ не можно; ибо кромѣ межеванья и самое опасеніе отъ моровой язвы, о которой часъ отъ часу распространялись болѣе слухи, и удерживало меня дома и не дозволяло никакъ отлучиться отъ онаго, умалчивая о томъ, что мнѣ и чрезъ Москву въ такое опасное время ѣхать ни для чего въ свѣтъ не хотѣлось, ибо собственная жизнь дороже мнѣ была всѣхъ тамошнихъ ихъ межеваньевъ, которое и въ самомъ дѣлѣ не сопряжено было ни съ какою опасностію, ибо самимъ имъ въ споры входить не было никакой причины, а не слышно было, чтобъ это и изъ постороннихъ хотѣлъ заводить съ ними о земляхъ споры.

Сверхъ того, нѣмѣли онъ у себя изъ людей своихъ одного малаго, весьма умнаго и приказнаго дѣла очень знающаго, и на котораго можно было смѣло положиться и надѣяться, что онъ ничего не упуститъ, итакъ, чтобъ они меня не ожидали, а межевались бы сами, какъ ихъ Богъ на разумъ наставитъ; человекъ же ихъ не преминулъ я снабдить всѣми нужными для всякаго случая наставленіями, а сверхъ того просилъ убѣдительнѣе и знакомаго своего, а ихъ дядю, г. Багла-новскаго, о неоставленіи ихъ въ нужномъ случаѣ совѣтами и приказаніями своими.

По отправленіи обратно сего привѣзавшаго и Москву далеко кругомъ уже объѣзжавшаго мужика, принялся я за прежнія свои садовыя и кабинетныя упражненія.

Сіи составляли въ сіе время наиболѣе въ писаніи нѣкотораго рода экономическаго журнала или записокъ обо всемъ, что мнѣ относительно до экономіи новаго чрезъ опыты узнать и въ полезности чего удостовѣриться случилось. И такъ къ запискамъ снѣмъ приобщалъ я всегда, гдѣ надобно было, и рисуночки, то и оставались въ послѣдствіи времени изъ того три прекрасныя книжки, которыя меня еще и понинѣ и хра-

нятся въ библиотекѣ моеи подъ заглавіемъ «Плоды празднаго времени!»

Въ сихъ непрерывныхъ занятіяхъ и не видавъ я, какъ прошелъ весь іюль и начался іюль мѣсяць. Сѣнокосное время, которое, по причинѣ занятія всѣхъ людей покосомъ, отвлекло меня нѣсколько отъ садовъ, но за то давало болѣе свободы развѣзжать по гостямъ.

Впрочемъ, при самомъ началѣ мѣсяца сего обрадованъ я былъ присылкою опять ко мнѣ, чрезъ нарочнаго солдата изъ Коширы, XVI-й части «Трудовъ» нашего Общества, и имѣлъ удовольствіе видѣть въ сей части и увѣнчанный «наказъ» мой, напечатанный вмѣстѣ съ таковымъ же, сочиненнымъ господиномъ Рычковымъ, мопмъ въ награжденіи соучастникомъ, ибо обѣщанное награжденіе раздѣлено намъ съ нимъ пополамъ.

Сей хотѣлось мнѣ давно уже видѣть и потому и дожидался я сей части съ нетерпѣніемъ, и очень доволенъ былъ увидѣвъ, что «наказъ» господина Рычкова далеко отсталъ отъ моего своею полезностію.

Весь іюль мѣсяць провели мы хорошо и благополучно и на большую часть съ людьми. Рѣдкій день проходилъ, въ которой не было-бъ у меня гостей или мы куда не ѣздили-бъ.

То было и дѣло, что либо тотъ гость на дворъ, то другой, или самимъ надобно было ѣхать къ кому-нибудь изъ друзей нашихъ и сосѣдей, и не только вблизи, но и въ самую даль, напримѣръ, за Оку или за Алексинъ. Словомъ, давно не было у насъ такъ гостисто, какъ въ сіе время.

Въ особенности же часто ѣзжали мы въ Калединку, для свиданія съ почтеннымъ старичкомъ нашимъ, жившимъ у своихъ внучатъ, и провождающимъ время свое болѣе въ молитвахъ и уединеніи.

Однако не рѣдко таскали мы и его кой-куда съ собою, а по нѣкоторымъ надобностямъ ѣздить онъ въ сіе время и въ Москву, и несмотря на всю явную опасность возвратился къ намъ благополучно.

Между тѣмъ маленькій новорожденный мой сынъ продолжалъ жить, но бы какъ-то не очень здоровъ въ сіе время и мы не чаяли ему быть даже и живо: прочія же дѣти часъ отъ часу возрастали и я обонимъ ими не могъ довольно любоваться, а особливо своею большою дочерью, которая дѣлалась милымъ любезнымъ ребенкомъ.

Впрочемъ, въ теченіе сего мѣсяца : нимался я обыкновенными окузационными прививками.

У меня былъ уже изрядный питомникъ и я не только въ ономъ прививалъ множество прививковъ, но ѣздилъ даже своею Калитино и принявшись приставить и за тамошній садъ, бывший въ тѣто со множествомъ плодовъ, прививалъ яблони.

Что касается до ежевичныхъ дѣлъ, они и въ теченіе сего мѣсяца почивали, а получилъ я только извѣстіе изъ шской или тамбовской деревни о прибытии въ тамошній мѣста землемѣра, отъ котораго должна была зависѣть участь купной моей дикой земли.

Ко мнѣ прислали оттуда съ извѣстіемъ нарочнаго. Сіе меня хотя и озабочило нѣсколько, однако обстоятельства были таковы, что мнѣ не было еще причинъ поспѣшать туда своею ѣздой.

Наступившій потомъ мѣсяць августъ провели мы весь такимъ же почти образомъ, какъ и іюль и всѣ были доволно еще спокойны.

Слухи о моровомъ повѣтріи хотя и продолжались, однако мы, попривыкнувъ у нихъ слышать, не слишкомъ ими уже тревожились и тѣмъ паче, что вблизи насъ было еще нигдѣ и слѣдовъ сего несчастья.

Итакъ, продолжали мы спокойно проводить дни свои въ занятіяхъ экономическихъ и въ свиданіяхъ съ своими родственниками, друзьями и знакомцами и развѣзали безъ всякаго опасенія всюду и всюду.

Я занимался около сего времени ирими литературными упражненіями, какъ между тѣмъ поспѣли въ садѣ моихъ яблони, которыхъ въ сей мѣсяцъ было довольно, то въ концѣ сего мѣсяца

заялся я собираніемъ оныхъ и укладываніемъ ихъ по полямъ въ особыхъ чуланахъ, сдѣланныхъ нарочно для сего на чердакѣ, и занятіе сіе было для меня, какъ охотника до садовъ, въ особливо-сти пріятное.

Посреди самаго сего занятія встревожень я былъ нечаяннымъ приглашеніемъ насъ къ ѣздѣ нарочито дальней.

Самому тому нашему родственнику г. Арцыбышеву, Ивану Аванасьевичу, — котораго въ прошедшую зиму хотѣлось было намъ всѣмъ женить и съ которымъ мы ѣздили въ Луковицы смотрѣть невѣсту, но дѣло наше тогда не состоялось и кончилось ничѣмъ, — вздумалось около сего времени самому уже свататься за другую невѣсту изъ фамиліи господъ Назарьевыхъ.

Нѣкто изъ знакомыхъ его, г. Воронинъ, жившій за Коширою въ сосѣдствѣ невѣстива отца, былъ основателемъ сего дѣла, и приглашалъ нашего Ивана Аванасевича пріѣхать къ нему для смотрѣнія сей невѣсты; а какъ ему одному ѣхать не хотѣлось, то и просилъ онъ, во-первыхъ, почтеннаго нашего старичка съ Матреною Васильевною, а потомъ и насъ всѣхъ, чтобъ съ нимъ туда съѣздить.

Мнѣ весьма-было не хотѣлось въ такой дальній путь тащиться, и въ такое время на нѣсколько дней отлучаться отъ дома, но нельзя было не удовлетворить просьбы и желанія стариковъ нашихъ и не согласиться съ ними ѣхать; итакъ, принужденъ уже я былъ поспѣшить обира-ніемъ своихъ поспѣвшихъ яблокъ, и кончивши сіе дѣло пустился съ ними въ путь.

Мы поѣхали сперва въ Серпуховъ, и повѣдавшись тамъ опять съ почтенною старушкою въ монастырѣ, продолжали путь свой въ Воскресенскіи, гдѣ жилъ нашъ женихъ съ матерью, и какъ до сего мѣста было не близко, то пріѣхали туда уже на закатѣ солнца.

Хозяева намъ были очень рады; но вдругъ услышавъ изъ нѣчто такое, что привело насъ въ такое нестроеніе и равно какъ и ало, что и въ сей

разъ не бывать пути ни въ чемъ и мы едвали не попустому проѣздимъ.

Хозяинъ сказывалъ намъ, что за часъ только до нашего пріѣзда получилъ онъ письма изъ Москвы, по которымъ необходимо надобно ему тотчасъ и для самой крайней нужды ѣхать въ Москву.

Господи! какъ намъ сіе тогда досадно было. Мы, захвативши въ такую даль, не знали что тогда дѣлать: назадъ ѣхать намъ не хотѣлось, а жить тамъ и дожидаться его возвращенія того богѣе. Положили уговаривать его, чтобъ онъ отложилъ свою ѣзду въ Москву, а особливо въ такое сумнительное и опасное время, какое тогда было; но онъ никакъ не соглашался.

Мы провели весь вечеръ въ совѣщаніяхъ, но ничего не сдѣлали; наконецъ, по наступленіи другого дня, видя непреоборимое его хотѣніе, несмотря на всѣ опасности, ѣхать въ Москву, дали на то свое согласіе, а сами расположились ѣхать уже безъ него къ господину Воронину и его тамъ уже дожидаться.

Но при самомъ уже нашемъ отъѣздѣ вдругъ переѣнилось все дѣло: мать его начала плакать, мы его тѣмъ упрекать, онъ осердился и вдругъ переѣннвъ мысли, вознамѣрился съѣздить въ Серпуховъ и тамъ объ Москвѣ спросить и ѣхать потомъ съ нами.

Обрадовавшись сему, согласились мы уже охотно пробыть у него весь тотъ день и ночевать еще ночь въ Воскресенкахъ; а онъ, съѣздивши въ Серпуховъ, узналъ, что ѣзда его въ Москву не только была бы сопряжена съ крайнею опасностію, но по обстоятельствамъ дѣла совсѣмъ пустая и напрасная. «Вотъ! сказали мы: не нашимъ-ли стало и неправду-ли мы говорили?»

Итакъ, наутрѣ отправились мы уже очень рано въ свое пугешествіе, желая однимъ днемъ поспѣть къ господину Воронину; но ѣхать намъ было не близко.

Мы продолжали свой путь по берегу Оки-рѣки и покормивъ въ Прилукахъ лошадей, пріѣхали еще не поздно въ Коширу; тутъ переправившись на паромѣ

чрезъ Оку, продолжали свой путь далѣе и не прежде къ г. Ворони ну приѣхали, какъ уже ночью.

Въ послѣдующій день ѣздили мы въ домъ къ г. Назарьеву смотрѣть невѣсту, и дѣвушка сія намъ всѣмъ полюбилась чрезвычайно; но какъ возвратившись къ нашему хозяину, стали спрашивать жениха, то не могли добиться отъ него никакого толку, и заключали, что чуть ли не расположенъ онъ вовсе ни на комъ не жениться.

Сіе было всѣмъ намъ крайне досадно, ибо намъ очень хотѣлось, чтобъ сія дѣвушка была въ нашемъ семействѣ и за нимъ; всходствіе чего припались мы вновь его уговаривать, и насилу добились до того, что онъ согласился на то, чтобъ послали къ невѣстѣ въ домъ спрашивать, какого они объ насъ мнѣнія и поправились ли мы имъ. Всходствіе того, заготовили мы письмо для отсылки онаго на утро съ человѣкомъ, и провели весь тотъ вечеръ съ спокойнѣйшимъ духомъ и въ разговорахъ наиболѣе о семъ дѣлѣ.

Тутъ особеннаго замѣчанія достойно было то, что какъ мнѣ вздумалось на досугѣ и для единаго любопытства загадать о успѣхѣ нашего сватовства геомантическимъ пунктированіемъ, то къ удивленію выходило все дурное и не предвѣщало никакого добраго успѣха. Мы подивились и посмѣялись только тому и положили ожидать, что окажется время, и послѣ увидѣли, что геомантія моя не солгала, а сказала слишкомъ правду.

Отправленный человѣкъ съ письмомъ возвратившись привезъ намъ такой отвѣтъ, который не знали мы чѣмъ почестъ: отказомъ ли или приказомъ; объявлено, что женихомъ всѣ были довольны, но желали вѣдать о его достаткѣ.

Тутъ женихъ нашъ пошелъ въ гору, и ни для кого не хотѣлъ объявить, сколько у него денегъ, а оттого и произошла всему дѣлу остановка.

Не могу я понинѣ безъ смѣха и досады вспомнить тогдашняго нестроенія нашего, и какъ мы нѣсколько часовъ провели въ разныхъ совѣщаніяхъ меж-

ду собою, и какъ говорили мы отдѣляясь то по два, то по три въ кучки, всѣ опять совокупно.

Наконецъ присудили послать звать и вѣстина отца къ себѣ обѣдать. Онъ намъ и приѣзжалъ, но сколько ни бы и тогда говорено, но ничего не сдѣлаю ибо съ одной стороны хотѣлось много знать, а съ другой были слишкомъ упрямы.

Изъ всего того предусматривалъ я уже напередъ, что дѣлу никакому не бывалъ и что сбудется предсказаніе моего пунктированія, которое удивительнымъ образомъ не одинъ, а много разъ сказывалъ въ такихъ случаяхъ правду. А сіе и свершилось дѣйствительно: всѣ наши переговоры не рѣшили ничего и дѣло, и особенному огорченію нашему, не послужило никакого основанія.

Мы съ женою въ тотъ же еще день, оставъ отъ прочихъ, положили захватить почтенной и любезной старушкѣ тетиньшѣ, госпожѣ Анниѣевой, имѣвшей лице свое оттуда неподалеку, которая была намъ чрезвычайно рада, и послѣдній разъ угощала насъ тогда у себя въ своей жилищѣ.

Переночевавъ у ней, пустились мы уже прямо домой и съѣхавшись съ нашими товарищами, ночевали еще у г. Ворони на и потомъ возвратились благополучно въ свое Дворянново, досада только въ то, что, по пословицѣ говора: «ѣздили и по что, привезли ничего», и что имѣли хол много трудовъ и безпокойствъ, а того болѣе досады, но всѣми ими ничего не сдѣлали,—и господинъ Арцибышевъ остался неженатымъ.

Вотъ все что происходило въ теченіи августа, сего мѣсяца, который былъ послѣдній для насъ мирный и покойный, и послѣдующій за симъ былъ самый тотъ въ которой началось уже то крайнее смутное время, которое опишу я въ послѣдующихъ за симъ письмахъ; а темъ решнее симъ окончить, скажу вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

Конецъ

четвертой на десять части.

(Декаб. 20 1807).

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОГО ТОМА ЗАПИСОКЪ А. Т. БОЛОТОВА.

ЧАСТИ: VIII, IX, X, XI, XII, XIII и XIV
съ 1760 — 1771 гг.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

Продолженіе исторіи моей военной служ-
бы и пребыванія моего въ Кенигсбергѣ.

1760—1761.

LXXXIII. *Исторія войны.*— Пригото-
вленія къ новой кампаніи.—Бритиче-
ское положеніе прусскаго короля.—
Распределеніе военныхъ силъ.—Ус-
пѣхи австрійцевъ.—Увлеченіе ав-
стрійскаго предводителя Лаудона.—
Замедленіе русской арміи.—Осада
Дрездена.—Военная хитрость Фрид-
риха II.—Осада Кольберга.—Побѣды
пруссаконъ и французонъ. 5

LXXXIV. *Берлинская засада.*—
Походъ къ Берлину.—Графъ Тотле-
бенъ.—Положеніе Берлина.—Осада.—
Сдача Берлина.—Капитуляція.—Бу-
пецъ Годковскій.—Контрибуція.—
Размовка Тотлебена съ Ласси.—
Разоренія и грабежи.—Шарлотен-
бургъ.—Ошибки русскіихъ.—Оставле-
ніе ими Берлина.—Сраженіе при Тор-
гау 17

LXXXV. *Перевѣтъ армейскаго коман-
дира.*—Радость при извѣстїи о взятїи
Берлина.—Досада.—Отованіе Сал-
тыкова.—Фельдмаршалъ гр. А. Б. Бу-
турлинь.—Увеселенія.—Казенная ло-
терея.—Назначеніе Корфа полицмей-
стеромъ въ Петербургъ.—Пріяель-
ская вечеринка.—Новый губерна-

торъ—В. И. Суворовъ.—Рекоменда-
ція обо мнѣ Суворову.—Водосвятіе.—
Перемѣны во многомъ.—Хозяйскій
столъ.—Прощаніе съ Корфомъ.—Тре-
бованіе меня въ армію.—Нерѣши-
мость Суворова.—Слушеніе меня.—
Сборы къ отъѣзду 28

LXXXVI. *Образочекъ св. Анны.*—Не-
чаянность.—Скупость Суворова.—Ри-
сованіе мною образа на финифти.—
Обѣдъ у Суворова.—Разговоръ о на-
укахъ.—Изученіе философіи.—Привер-
женность смолоду къ закону.—Су-
мнительство мое въ вѣрѣ.—Предя-
ка.—Утвержденіе себя въ законѣ . . 47

LXXXVII. *Минги.*—Сочиненіе Зул-
цера о природѣ.—Первое мое сочине-
ніе.—Моя бібліотека.—Судовщикъ.—
Отправленіе книгъ въ Россію.—Пра-
вленіе В. И. Суворова.—Его семья.—
Секретная коммиссія.—Исторія гр.
Гревена 66

LXXXVIII. *Исторія войны 1761 года.*—
Предположенія о мирѣ.—Приготовле-
нія къ новой кампаніи.—Планы Ма-
рин-Герези.—Дѣйствія прусскаго ко-
роля.—Открытіе кампаніи.—Дѣйствія
французонъ.—Походъ русской ар-
міи.—Арестъ Тотлебена.—Пьянство
Бутурлиня.—Выступленіе русскіихъ
изъ Познани.—Соединеніе ихъ съ ав-
стрійцами.—Критическое положеніе
Фридриха II.—Находчивость его.—

Медленность русскихъ. — Неръшительность ея предводителей. — Недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ. — Отступление русской арміи. — Торжество пруссаковъ. — Взятіе Швейдница австрійцами. — Гнѣвъ Маріи-Терезіи на Лаудона. — Заговоръ барона Варкотча противъ прусскаго короля. 95

LXXXIX. Нольбергская экспедиція. — Походъ Румянцева въ Кольбергу. — Замедленіе русскаго флота. — Укрѣпленіе пруссаками Кольберга. — Взятіе Румянцевымъ Вѣлгарда и Кеслина. — Осада Кольберга. — Битва при Пуетминѣ. — Разбитіе пруссаковъ. — Смерть Долгорукова. — Отбитіе у пруссаковъ обоза. — Взятіе Кольберга. — Пѣнные пруссаки. — Чтеніе книгъ духовнаго содержанія. 113

XC. Последнее время моей жизни въ Мемисбергѣ. — Кончина императрицы Елисаветы. — Горесть подданныхъ. — Перемяна губернатора въ Кёнигсбергѣ. — Прощаніе съ Суворовымъ. — Рекомендація обо мнѣ гр. Панину. — Опять требованіе въ полкъ. — Неожиданность. — Переписка съ Балабиннымъ. — Назначеніе меня адъютантомъ къ Корфу. — Увольненіе меня отъ прежней должности. — Приготовленія къ отъѣзду въ Петербургъ. — Поступокъ квартирныхъ хозяевъ. — Прощаніе съ друзьями. — Отъѣздъ. — Размышленія по поводу оставленія Кёнигсберга. — Опасность на гафѣ. — Городъ Митава. — Въездъ въ Россію. — Встрѣча съ пріятелемъ. — Въездъ въ въ Петербургъ. 126

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

Исторія моей петербургской службы.
1763.

XCI. Въ Петербургѣ. — Генеральскіе штаты. — Разсужденія. — Расположеніе на квартирѣ. — Свиданіе съ Балабиннымъ. — Пріемъ отъ генерала. — Первая коммиссія. — Обѣду Корфа. — Новые товарищи. — Слухи въ народѣ о кончинѣ императрицы Елисаветы. — Характеръ императрицы 150

стр.

XCII. Императоръ Петръ III. — Избраніе его наслѣдникомъ шведскаго престола. — Назначеніе наслѣдникомъ престола російскаго. — Воспитаніе. — Характеръ. — Вступленіе въ масонскую ложу. — Приверженность къ прусскому королю. — Образъ жизни. — Причина ссмыки Бестужева. — Вступленіе на престолъ. — Отношенія къ Екатеринѣ II. — Связь съ гр. Е. Р. Воронцовой. — Первые дѣянія по вступленіи на престолъ. — Поклоненіе Фридриху Великому. — Ропотъ подданныхъ. — Перемиріе съ Пруссіей. 1

XCIII. Петербургская служба. — Новые мундиры. — Пріятельское одолженіе. — Князь Н. Ю. Трубецкой. — Ѣзда съ Корфомъ. — Дворецъ. — Обѣденный столъ. — Гр. М. И. Воронцовъ. — Разъѣзды по Петербургу. — Утомленіе. — Отдыхъ. 1

XCIV. Празднованіе Пасхи. — Приготовленія къ празднику. — Отъѣзка Зимняго Дворца. — Расчистка луга. — Переѣздъ государя въ новый дворецъ. — Съездъ при дворѣ. — Графиня Е. Р. Воронцова. — Обѣдъ во дворцѣ. — Постъобѣденные отдыхи. — Придворные куртаги. — Разъѣзды съ генераломъ. — Частная коммиссія. — Поступки государя. — Куреніе имъ табаку. — Забавы. — Трудности моей адъютантской службы. 1

XCV. Заговоръ. — Поѣздки Корфа къ Волчковой. — Ропотъ противъ Петра III. — Тайныя собесѣдованія у императрицы. — Опасенія. — Свиданія съ гр. Г. Г. Орловымъ. — Старанія его привлечь меня въ число заговорщиковъ. — Уклоненіе мое отъ этого. 2

XCVI. Окончаніе войны съ Пруссіей. — Первые совѣтники Петра III. — Положеніе прусскаго короля. — Радость его при извѣстїи о вступленіи на престолъ Петра III. — Перемиріе. — Знаменитѣйшія дѣянія Петра III. — Миръ съ Пруссіей. — Торжество по этому случаю. — Фейерверкъ. 2

XCVII. Народный ропотъ. — Условія

мира съ Пруссіей. — Приготовленія къ войнѣ съ Даніей. — Волненія въ народѣ. — Опасенія. — Требованіе Корфа къ государю. — Лишеніе его штатта. — Просьба моя объ отставкѣ. — Отказъ. — Совѣтъ. 235

ХСVIII. Надежда на Бога. — Молитва. — Напомятія объ Яковлевѣ. — Свиданіе и разговоръ съ Яковлевымъ. — Совѣтъ и обѣщаніе помощи. — Просьба къ Корфу. — Отвѣтъ генерала. — Военная коллегія. — Повытки. — Требованіе меня на смотръ въ военную коллегію. — Полученіе отставки. — Радость моя. — Прощаніе съ Яковлевымъ. — Прощаніе съ Корфомъ и друзьями. — Выѣздъ изъ Петербурга 248

ХСІХ. Революція 1762 г. — Размышленія при оставленіи Петербурга. — Приѣздъ къ сестрѣ. — Описаніе революціи. — Причины революціи. — Намѣреніе Петра III заключить императрицу въ монастырь. — Увѣдомленіе о томъ государыни. — Бѣгство ея въ Петербургъ. — Провозглашеніе императрицей. — Недоумѣніе народа. — Слухи о смерти Петра III. — Присяга Екатериинѣ. — Изданіе манифеста. — Судьба дяди государя. — Невѣдѣніе Петра о случившемся. — Цидулка. — Поѣздка государя въ Кронштадтъ. — Встрѣча его въ Кронштадтѣ. — Арестъ коменданта. — Критическое положеніе Петра. — Переписка его съ Екатериной. — Отреченіе отъ престола. — Заключеніе. — Смерть и погребеніе . . . 265

С. Въ гостяхъ у сестры. — Родственная ласка. — Мысль о женитбѣ. — Смотрѣніе невесты. — Результаты сватовства. — Новоселье. — Путешествіе въ Москву. — Конскій надежъ. — Новгородъ. — Встрѣча съ бывшимъ сослуживцемъ. — Москва. — Покупка книгъ. — Отъѣздъ въ деревню. . . . 263

стр.

стр.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

Въ Дворянновѣ.

Исторія моей первой деревенской жизни по отставкѣ вообще и въ особенности періода оной до женитбы.

1762—1763

СІ. Вступленіе. Первый день въ деревнѣ. — Чувства мои при приближеніи къ родному дому. — Вступленіе въ домъ. — Встрѣча отъ дворовыхъ. — Первая впечатлѣнія. — Дядька. — Неуроченная гостя. — Первое посѣщеніе. — Родственники и сосѣди. — Осмотръ усадьбы 299

СII. Состояніе моего дома и деревни. — Устройство дома. — Господскія зданія. — Дворы, пруды и сады. — Планъ усадьбы. — Перечисленіе деревень. . 315

СIII. Свиданіе съ родными и ѣзда въ Москву. — Доходы съ моихъ деревень. — Свиданіе съ генераломъ. — Странная женитба. — Приемъ отъ генерала. — ѣзда въ Москву. — Свиданіе съ дядей. — Возращеніе въ деревню. — Насажденіе сада. — Погрѣшности. — Покупка яблоковъ. 331

СIV. Сосѣди и именники. — Тульскіе помѣщики. — Нѣмцы-заводчики. — Первый приемъ гостей. — Разговоры о женитбѣ. — Г. Писаревъ. Поѣздка къ нему. — Свадьбы дворовыхъ. — Сборы въ Москву. — Болѣзнь. — Приѣздъ въ Москву 347

СV. Московская первая жизнь. — Первое мое знакомство съ свѣтскимъ обращеніемъ. — Московскіе знакомые. — В. Н. Бакѣвъ и его семья. — Домъ княгини Долгоруковой. — Сватовство. — Смотръ невесты. — Сновидѣніе. — Смѣшное происшествіе съ попомъ. 362

СVI. ѣзда въ Нашины и маснарадъ. — Выѣздъ изъ Москвы. — Впечатлѣніе, произведенное на меня дѣвицею Бакѣвой. — Свиданіе съ сестрой. — Болѣзнь сестры. — Кашинскіе помѣщики и помѣщицы. — Возращеніе въ Мо-

стр.

ску. — Уличный маскарадъ въ Москвѣ. — Воспоминаніе объ Орловѣ. — Философствованіе. — Выѣздъ изъ Москвы. 384

CVII. Деревенская жизнь и упражненія. — Рубка гѣса. — Приѣздъ дяди въ деревню. — Половодъ. — Наслажденіе природой. — Изученіе сельской экономіи. — Первая передѣлка хоромъ. — Устройство сада. — Дядя Серега-Косой. — Образъ жизни въ деревнѣ. — Упражненія въ рисованіи. 395

CVIII. Промышленія и риторическія. — Мое одиночество. — Слѣдствія одиночества. — Приѣздъ кн. Долгорукихъ и Бакѣевыхъ въ деревню. — Сердечныя волненія. — Частыя поѣздки къ Бакѣевымъ. — Любовь. — Препятствія къ женитьбѣ. — Равнодушіе ко мнѣ г-жи Бакѣевой. — Моя нерѣшимость. — Принятіе у себя Долгорукихъ и Бакѣевыхъ. — Разговоръ съ прикащикомъ. — Разрушенныя надежды. — Отъѣздъ Бакѣевыхъ. — Философія Крузія 412

CIX. Начальное сватовство. — Смотрѣніе невѣсты. — Слѣдствіе смотринъ. — Сваха Ивановна. — Другая невѣста. — Деревенскія занятія. — Приѣздъ брата Михаила. — Рисованіе красками. — Чтеніе. — Сочиненіе «Дѣтской философіи». — Свиданіе съ Писаревымъ. . . 432

CX. Конецъ прусской войны. — Миръ Пруссіи съ Россіей. — Намѣреніе Фридриха II овладѣть Швейдницомъ. — Стойкость австрійцевъ. — Извѣстіе о вступленіи на престолъ Екатерины II. — Побѣды пруссаковъ надъ австрійцами. — Причина заключенія мира Екатериною II съ Фридрихомъ Великимъ. — Польза и вредъ Семилѣтней Войны для русскихъ. — Ходъ войны послѣ мира съ Россіей. — Осада Швейдница. — Французскіе инженеры. — Австрійскій фельдмаршалъ Даувъ. — Дѣйствія французовъ. — Поводы къ общему примиренію. — Заключеніе Губертсбургскаго мира. — Послѣдствія Семилѣтней Войны 447

ст.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи моей деревенско-жизни по отставкѣ вообще, и въ особеннѣ вѣсти моей женитьбы.

1764—1765.

CXI. Первое свиданіе. — Мысли о женитьбѣ. — Сновидѣніе особое. — Уговоръ съ нѣжкою. — Зовъ къ смотру. — Приготовленія. — Неожиданный гость. — Бесѣды съ Писаревымъ о сватовствѣ. — Отговариваніе меня. — Смотринны. — Невѣста 45

CXII. Новое сватовство. — Размышленія мои послѣ просмотра. — Притворство. — Предложеніе мнѣ другой невѣсты. — Открывшійся обманъ Писарева. — Разговоръ со свахой. — Слухи о моемъ колдовствѣ 47

CXIII. Приѣздъ неожиданной и приятной гостьи. — Свиданіе съ старшей сестрой. — Радость моя. — Извѣстія о младшей сестрѣ. — Совѣтъ. — Посѣщеніе отца Иларіона. — Комиссія, данная ему мною. — Предложеніе мнѣ еще невѣсты. — Отказъ мой. — Поѣздка сестры къ невѣстѣ. — Отказъ ея о моей невѣстѣ. — Прощаніе съ сестрою навсегда. 49

CXIV. Сватовство и стговоръ. — Формальное предложеніе. — Полученіе согласія. — Назначеніе дня стговору. — Мое затрудненіе по недостатку совѣтниковъ. — Покупка подарковъ. — Поправка дома. — Ѣзда на стговоръ. — Домъ невѣсты. — Смятеніе духа. — Гроза. — Стговоръ. — Послѣдующій день. — Поѣздки къ невѣстѣ. — Равнодушіе ея ко мнѣ. — Смущеніе мое. — Размышленія о женитьбѣ 50

CXV. Преподобленія къ свадьбѣ. — Поѣздка въ Москву. — Покупки. — Приближеніе свадьбы. — Мое волненіе. — Свадебныя приготовленія. — Послѣднія распоряженія 52

CXVI. Моя свадьба. — Балунъ свадьбы. — Привозъ приданого. — Чувства мои передъ свадьбой. — Молитва Благословеніе меня образомъ

стр.

стр.

ѣздка въ церковь.—Совершеніе брачнаго обряда.—Свадебный ужинъ.—Княжой пиръ 535

СХVII. Свадебныя визиты.—Разѣзды по гостямъ.—Новыя родные.—Новыя знакомства.—Характеръ моей жены.—Теща 544

СХVIII. Упражнения и ѣзда въ Тамбовѣ.—Сельская экономія.—Садоводство.—Первые плоды.—Коммиссія о лѣсахъ.—Указъ о лѣсахъ и земляхъ.—Поѣздка въ Тамбовскую деревню.—Городъ Раненбургъ.—Конюшныя.—Тамбовъ.—Опасность въ Данковѣ.—Возвращеніе домой.—Передѣлка дома.—Разбой.—Убіеніе дякона.—Смерть сестры 557

СХIX. ѣзда въ Цивильскъ. 1765 г.—Дѣдъжены.—Сборы къ путешествію.—Пребываніе въ Москвѣ.—Пріятность путешествія.—ѣзда Волгой.—Городъ Цивильскъ.—Обморокъ въ банѣ.—Повальная горячка въ Цивильскѣ.—Выѣздъ изъ города.—Нечаянное открытіе.—Обратное путешествіе.—Возвращеніе домой.—Самоубійство дворовой женщины 577

СХХ. Печальныя происшествія.—Болѣзни въ домѣ.—Извѣстіе о болѣзни московскаго дяди.—Поѣздка въ Москву.—Послѣдніе дни жизни дяди.—Бездѣлничество врачей.—Смерть дяди.—Перевезеніе тѣла въ деревню.—Погребеніе.—Занятія объ оставшемся послѣ дяди сынѣ.—Новыя знакомства.—Дружба съ Полонскимъ.—Судьба постигшая Писарева.—Моя литературная упражненія.—Болѣзни жены 593

ЧАСТЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи моей первой деревенской жизни по отставкѣ и по женитбѣ.

1766—1769.

СХХI. Моя дѣятельность.—Занятія по дому.—Работы въ саду.—Восьмая поѣздка въ Москву.—Покупка первой части «Трудовъ Вольно-Экономическаго Общества».—Чтеніе книги

и сочиненіе отвѣтовъ.—Посылка отвѣтовъ въ Общество.—Происшествіе съ волкомъ.—Украшеніе сада.—Рожденіе сына.—Крестины.—Опыленіе.—Полученіе письма изъ Вольно-Экономическаго Общества.—Смерть сестры Прасковьи.—Манифестъ о межеваніи.—Сочиненіе о лѣсахъ . . . 611

СХХII. Хлопоты.—Двѣ свадьбы.—Веневскіе помѣщики.—Окончаніе сочиненія о лѣсахъ.—Полученіе второй части «Трудовъ Экономическаго Общества».—Первыя мои сочиненія въ печати.—Смерть Никиты Волотова.—Домашняя астролябія.—Крестины у Полонскаго.—Волнинское межеваніе.—Опасность на охотѣ.—Новый сосѣдъ.—Раздѣлъ лѣса.—Оспа.—Смерть сына.—Престольный праздникъ 630

СХХIII. Раздѣлъ братьевъ. 1767 г.—Приготовленія къ раздѣлу.—Характеры братьевъ.—Киданіе жребія.—Исторія съ хмѣльникомъ.—Поселеніе брата Миханда.—Коммиссія для составленія проекта новаго уложенія.—Дѣло съ кн. Горчаковымъ.—Разѣзды.—Увеселенія, игры и выдумки 646

СХХIV. 1768 годъ.—Встрѣча новаго года.—Поѣздка въ Москву.—Покупка земли.—Первая карета.—Избраніе меня въ члены Экономическаго Общества.—Собраніе всей нашей фамиліи.—Смерть тетки.—Паденіе.—Свадьбы.—Гроза.—Сборы къ ѣздѣ въ Тамбовъ 662

СХХV. Вторая ѣзда въ Тамбовскую деревню.—Новая дорога.—Городъ Елифанъ.—Пребываніе въ Болотовкѣ.—Сосѣди.—Обида отъ Рахманова.—Свиданіе съ сосѣдомъ.—Осмотръ земли.—Знакомство съ Соймоновымъ.—Смѣшное происшествіе—разсказъ крестьянина 675

СХХVI. Степныя происшествія.—Осмотръ земли съ сосѣдомъ.—Споръ.—Измѣреніе земли.—Тамбовскіе помѣщики.—Угощеніе г. Тараковскаго. . 690

СХХVII. Разводъ съ землею.—От-

	стр.
срочка. — Поѣздка въ степи. — Раздѣлъ земли. — Окончаніе межеванія	708
CXXVIII. Обратная ѣзда въ домъ. — Обратный путь. — Великолѣпное зрѣлище. — Въ гостяхъ у М. П. Баби-на. — Тамбовскіе архіерей и воеводи	720
CXXIX. Домашняя жизнь. — Заклад-ка новаго дома. — Письмо отъ Нарто-ва. — Болѣзнь дочери. — Декаръ Еро-феичъ. — Первое прививаніе оспы. — Война съ турками. — Именины. — Но-вый гость. — Слухи о требованіи въ полкъ отставныхъ офицеровъ. — Рож-деніе сына Степана. — Крестины. — Моя бібліотека. — Переплетаніе книгъ	729
CXXX. 1769 г. Разныя происшествія. — Смерть бабушки и брата. — Поваляныя болѣзни. — Дороговизна соли. — Же-стокость помѣщиковъ. — Деревянный замокъ. — Первые газеты. — Катанье съ горъ. — Приступленіе къ постро-йкѣ дома. — Продажа деревни. — Переводъ трагедіи «Вольнодумъ». — Крестины у брата Матвѣя. — Работы въ садахъ. — Размежеваніе съ вн. Даш-ковой. — Астралябія. — Зыбинское ме-жеванье. — Убіеніе помѣщицы Вятки-ной. — Смерть Ивановны. — Межеваніе въ Калитинѣ. — Поѣздка въ Корости-но. — Буря.	744

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи моей первой дере-
венокой жизни по отставкѣ вообще.

1769—1770.

CXXXI. Деревенская жизнь. — Го-сти. — Опытъ съ тюльпанами. — Ёзда въ Каверино. — Каверинское межева-ніе. — Каверинскіе помѣщики	763
CXXXII. Хлопоты съ межеваньемъ. — Зовъ на межеванье въ Новики. — Слухи о приближеніи межеванья въ моемъ Калитинѣ. — Нерѣшимость моя. — Поѣздка въ Новики. — Гро-за. — Возвращеніе домой. — Опять ѣзда въ Новики. — Досада моя. — Свиданіе съ Дьяконовымъ. — Испугъ отъ гро-зы. — Церковь, построенная княгиней Дашковой. — Свиданіе съ межевщи-	

	стр.
комъ. — Смерть тетки. — Полученіе письма изъ Вольно-Экономическаго Общества. — Премія. — Пропаданіе младенцевъ. — Дѣво-боярня Трусо-Ладыженская. — Сбирание плодовъ. — Чувствованія мои 3 сентября—годов-щина приѣзда со службы въ дерев-ню. — Исторія о воротахъ—разсказъ приходскаго священника	776

CXXXIII. Описаніе новаго дома. — Устройство дома. — Мѣстоположе-ніе. — Переходъ въ новый домъ. — Молебень. — Первый вечеръ въ новомъ домѣ. — Стоимость дома. — Странности брата Матвѣя. — Мои упражненія. — Новоселье. — Приѣздъ въ деревню род-ныхъ. — Игры. — Болѣзнь. — Опас-ность отъ пожара. — Мои сочиненія. — Опять болѣзнь. — Турецкая война. — Слухи о разбояхъ. — Ёзда тещи въ Москву. — Лихорадка.	797
--	-----

CXXXIV. Новый 1770 г. — Чувство-ванія мои въ новый годъ. — Выздо-ровленіе. — Святки. — Дѣдъ Авраамъ Семеновичъ. — Сѣверное сіяніе	813
--	-----

CXXXV. Неприятная коммиссія. — Ссо-ра братьевъ. — Жалоба мнѣ на стар-шаго брата. — Хлопоты мои о при-миреніи поссорившихся. — Успѣхъ мой. — Новая коммиссія. — Сватовство Ферапонтова. — Сговоръ. — Приѣздъ племянницы. — Ёзда въ Полозово. — Мятель. — Смѣшное приключеніе въ дорогѣ.	820
---	-----

CXXXVI. Свадьба г-жи Хотиницовой. — Характеръ невѣсты. — Приглашеніе на свадьбу. — Свадебныя приготовле-нія. — Ссора невѣсты съ матерью. — Отправленіе приданаго. — Неожидан-ное препятствіе. — Вѣнчаніе. — Пиръ и празднества. — Постъ и говѣнье. — Знакомство съ г. Кислинскимъ. — Лите-ратурныя занятія. — Болѣзнь тещи. — Приближеніе весны. — Половодъ.	834
---	-----

CXXXVII. Святая недѣля. — Ёзда къ завтрени. — Обновленіе природы. — Удовольствіе мое. — Препровожденіе Пасхи. — Занятія въ садахъ. — Визитъ молодыхъ. — Необыкновенныя вѣсти-	
--	--

	стр.	стр.
ны. — Болѣзни. — Смерть дяди моего Каверина. — Опасность.	846	
СXXXVIII. Весна. — Работы въ садахъ. — Устройство фонтана. — Находка. — Приходскій праздникъ. — Отлучка. — Ызда въ Калугу. — Домашняя астрологія. — Исчисленіе плана. — Семейная конференція. — Заботы мои. — Препорученіе Щербинина. — Окончаніе «наказа управителю». — Возвращеніе брата изъ Петербурга. — Хлопоты и безпокойства мои по межеванію. — Ошибка моя. — Ызда въ Серпуховъ. — Неудачи въ Серпуховѣ. — Окончаніе Калитинскаго межеванія. — Переписываніе и отправленіе «наказа» въ Петербургъ	859	
СXXXIX. Непріятности. — Размолвка съ домашними. — Полученіе извѣстія о смерти зятя. — Горестъ его дочери. — Хлопоты объ отправленіи ея въ Кашинъ. — Отѣздъ племянницы. — Помѣщики Хитровы. — Встрѣча съ княземъ Горчаковымъ. — Помѣщикъ Селивановъ. — Обстоятельства дачъ нашихъ	880	
CXL. Межеванье. — Приближеніе межеванія. — Межевщикъ Лыковъ. — Поимка мужика, воровавшаго дѣсь. — Судъ. — Межеваніе съ волостными. — Хитрость и лукавство межевщика. — Сонъ. — Споры по межеванью съ волостными. — Окончаніе размежевки съ волостью	899	
ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.		
Продолженіе исторіи моей первой деревенской жизни по отставкѣ вообще, а въ особенности-жъ бывшаго межеванья. 1770—1771.		
CXLI. Продолженіе межеванія. — Опасенія мои. — Дружба съ Хитровымъ. — Приѣздъ изъ Кашина тещи и племянницы. — Размежеваніе съ Хитровымъ. — Споръ съ кн. Горчаковымъ о Неволочи. — Межеваніе нашихъ дачъ. — Окончаніе размежеванья съ сосѣдями. — Удовольствіе мое.	927	
CXLII. Призывъ меня въ Машинъ. — Письмо изъ Кашина. — Мои отвѣты. — Болѣзнь племянницы. — Нестроеніе мое. — Составленіе письма къ Нарышкину. — Начало «Сельскаго Учителя». — Свиданіе съ кн. Горчаковымъ. — Сговоръ у г-жи Іевской. — Размежеваніе съ попами. — Присылка изъ Вольно-Экономическаго Общества. — Сборы къ ѣздѣ въ Кашинъ	947	
CXLIII. Путешествіе въ Москву. — Приготовленія къ путешествію. — Размышленія въ дорогѣ. — Дорожныя впечатлѣнія. — Городъ Серпуховъ. — Остановка. — Приключенія. — Размышленія при видѣ Москвы	963	
CXLIV. Пробываніе въ Москвѣ и ѣзда въ Машинъ. — Приѣздъ въ Москву. — Ивановская колокольня. — Покупка 12 части «Труд. В. Эк. Общ.». — Свиданіе съ Коложскими. — Выѣздъ изъ Москвы. — Чтеніе «наказа», составленнаго Вульфомъ. — Дорога отъ Москвы до Кашина. — Городъ Дмитровъ. — Опасность въ дѣсу. — Знакомство съ Копыловымъ. — Свиданіе съ Коржавинымъ. — Приѣздъ въ село Веденское.	984	
CXLV. Хлопоты по дѣлу племянницъ. — Разсказъ старушки о происшествіи въ церкви. — Свиданіе съ племянницами. — Пробываніе у г. Баклановскаго. — Знакомство съ г-жей Колычевой. — Переговоры съ мачихой племянницы. — Ызда въ Кашинъ. — Городъ Кашинъ. — Писаніе крѣпостныхъ записей. — Городъ Угличъ. — Выѣздъ изъ Веденскаго	1002	
CXLVI. Калитинское дѣло. — Межеваніе въ Калитинѣ. — Ызда въ Малое Грызлово. — Раскапаніе мое въ затѣянныхъ спорахъ. — Примиреніе спорщиковъ. — Ызда въ серпуховскую межевую контору. — Игра въ видалку. — Игра «Адулинка». — Окончаніе спора съ Пестовымъ. — Игры и увеселенія. — Сговоръ г-жи Лихаревой. — Свадьба Волосатова	1020	
CXLVII. Приѣздъ дорогихъ гостей и		

полученіе золотой медали. — Приѣздъ ѣзда Аврама Семеновича и г. Арцыбышева. — Г. Пушкинъ. — Извѣстіе о присужденіи мнѣ золотой медали. — Первые слухи о моровой язвѣ. — Полученіе золотой медали. — Удовольствіе мое. — Поздравленія. — Изобрѣтеніе новой игры. — Увеселенія. — Беспорядокъ въ натурѣ — половодъ зимою. — Турецкая война и побѣды нашихъ надъ турками. — Приѣздъ въ Москву прусскаго принца Гейнриха. — Смерть зятя 1042

СXLVIII. 1771 годъ. — Препровожденіе новаго года. — Слухи о моровомъ повѣтріи въ Москвѣ. — Предостережительныя средства отъ чумы. — Отѣздъ племянницъ въ Кашинъ. — Приобрѣтеніе англійской ржи. — Смерть г. Стахѣва. — Опасенія мои. — ѣзда въ Калединку. — Приключеніе на возвратномъ пути. — Составленіе статьи о раздѣленіи полей. — Удивительная пропажа. — Шлифованіе камней. — Сватовство г. Арцыбышева. — Непріятная просьба. — Хлопоты по

стр.

межеванію съ волостными. — Говѣнье. — Полученіе «Экономическаго лексикона» 1057

СXLIX. Рожденіе сына и споры по межеванію. — Опасенія мои за жену. — Радость при рожденіи сына. — Поздравленія. — Крестины. — Происшествія сопровождавшія рожденіе сына. — Семейный совѣтъ по поводу спора съ кн. Горчаковымъ о Неволочи. — Протестъ брата Матвѣя. — Чтеніе и переплетаніе книгъ. — Разбивка сада. — Окончаніе спора о Неволочи. — Размежеваніе и споры съ волостными 1074

CL. Домашнія дѣла. — Обученіе племянника. — Новый ученикъ. — Крестины у брата Матвѣя. — Занятія въ садахъ и составленіе красокъ. — Хлопоты по межеванію. — Призывъ меня въ Кашинъ. — Литературныя упражненія. — Разѣзды по сосѣдямъ. — Сватовство г. Арцыбышева и ѣзда въ Воскресенки. — Возвращеніе въ Дворяниново. 1093

стр.

Примѣчаніе. Во второмъ томѣ «записокъ Болотова» помѣщено три рисунка, снимокъ подписи и три плана самими Болотовымъ исполненныхъ и гравированныхъ г. Герасимовымъ. Подробный алфавитный указатель личнымъ именъ, встрѣчающихся въ автобіографіи А. Т. Болотова смотри въ концѣ послѣдняго тома его сочиненія.

Stanford University Libraries

3 6105 013 548 008

DK
169
B6A.
V.2

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

MAY 13 1991 *MLL*

--	--	--

